

Istoricheskīi viēstnik

Boris Borisovich Glinskīi, Sergeī
Nikolaevich Shubinskīi

PS1ar 381.10

**Harvard College
Library**

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY

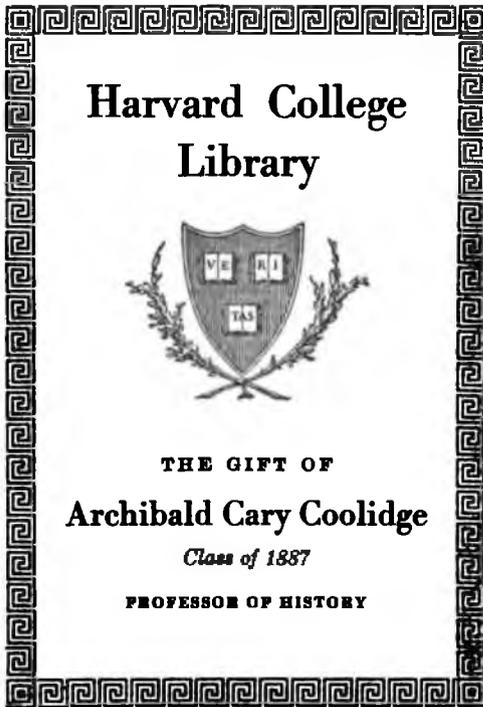
№ 1140

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ШЕСТОЙ

ТОМЪ XXI

PSLaw 381.10

№ 1140

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ШЕСТОЙ

ТОМЪ XXI

Ms. A. 9. 2. 14

P Slav 381.10

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАГО ТОМА.

(ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ).

СТР.

Путешествіе Екатерины II въ Крымъ. **А. Г. Врикнера.** . 5, 242, 444

Иллюстраціи: Великій князь Павелъ Петровичъ. — Великая княгиня Марія Ѳеодоровна. — Князь А. А. Безбородко. — Графъ Кобенцель. — Графъ Сегюръ. — Графъ А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ. — Екатерина II. — Принцъ де-Линъ. — Дорожный возокъ Екатерины II. — А. В. Храповицкій. — Видъ Смоленска въ концѣ прошлаго вѣка. — Медаль, выбитая въ память путешествія Екатерины II, 1787 года. — Дворецъ въ Киевѣ въ концѣ прошлаго вѣка. — Графъ П. А. Румянцовъ-Задунайскій. — Князь Г. А. Потемкинъ-Таврическій. — Императорскія галеры, отплывающія изъ Кіева, по Днѣпру. — Станиславъ-Августъ Понятовскій, король польскій. — Прибытіе императорскихъ галеръ въ Кременчугъ. — Императоръ австрійскій Іосифъ II. — Видъ Екатеринославля съ нагорной стороны. — Бывшій дворецъ Потемкина въ Екатеринославлѣ. — Встрѣча Екатерины II ногайскими татарами въ Ольвіополѣ. — Видъ Севастопольской бухты во время присоединенія къ Россіи Крыма. — Павильонъ въ Старомъ Крыму, гдѣ останавливалась Екатерина II. — Видъ Балаклавы въ концѣ XVIII столѣтія. — Видъ Ѳеодосіи въ концѣ XVIII столѣтія. — Видъ Керчи въ концѣ XVIII столѣтія.

Великая мысль Екатерины II. **А. В. Старчевскаго.** 24
Раскольничьи секты въ Россіи. **П. И. Мельникова.** 41
Стратегія и торговля. **Н. Х. Весселя.** 64

Иллюстрація: Карта путей сообщенія въ Индію.

Памяти Николая Ивановича Костомарова. **Д. А. Корсакова.** . 72
Инквизиція въ Польшѣ и Литвѣ. (Историко-культурный очеркъ). **А. Ѳ. Хойнацкаго.** 87
Среднеколымскъ и его округъ. **А. В. Оксенова.** 105

Иллюстраціи: Видъ Среднеколымска въ настоящее время. — Юрта въ чертѣ города Среднеколымска. — Среднеколымскъ въ XVIII столѣтія. (Съ старинной гравюры).

	стр.
Ливенскіе святители. (Къ исторіи русской религіозной жизни). М. И. Городецкаго.	128
Иллюстрація: Часовня надъ пещерой въ городѣ Ливнахъ.	
Домикъ Петра Великаго въ Борисовкѣ. Н. А. Добротворскаго.	137
Иллюстрація: Домикъ Петра Великаго въ слободѣ Борисовкѣ, Грайворонскаго уѣзда, Бурской губерніи. (По рисунку съ натуры г. Мозилевскаго).	
Воспоминанія Одынца. Н. С. Кутейникова.	142
Значеніе знакомства съ древнимъ міромъ. (Публичная лекція, читанная въ Казанскомъ университетѣ). И. Н. Смирнова.	151
Изъ исторіи дипломатіи. I. Бернадотъ въ Вѣнѣ. А. Н. Молчанова.	164
Тамбовскіе дипломаты первой половины XVII вѣка. И. И. Дубасова.	225
Быть саперовъ 50 лѣтъ назадъ. Отрывокъ изъ воспоминаній генераль-лейтенанта В. Д. Кренке.	265
Изъ воспоминаній о К. Д. Кавелинѣ. Л. I. Грасса.	295
Джіакомо Казанова и Екатерина II. (По неизданнымъ доку- ментамъ). Статья Шарля Генри.	298, 510
Эпоха рыцарскихъ каруселей и аллегорическихъ маскара- довъ въ Россіи. М. И. Пыляева.	309
Къ характеристикѣ императора Николая I. К. А. Воробина.	340
Музей Оссолинскихъ и Любомірскихъ въ Львовѣ. М. И. Го- родецкаго.	348
Коронованные братья Наполеона I. Ө. И. Вулгакова.	355
Беатриче Ченчи. Статья Шарля Дигье.	381
Иллюстрація: Беатриче Ченчи.	
Педагоги прошлаго вѣка. А. И. Кирпичникова.	433
Общественно-политическія броженія въ Киевской губерніи въ 1846 и 1847 годахъ. Н. И. Петрова.	541
Разказы объ архимандритѣ Фотіи. I. Г. Мизерецкаго.	557
Мелочи изъ воспоминаній. М. П. Смирнова.	576
Древняя разрушенная церковь. Н. Н.	592
Иллюстраціи: Вознесенская церковь въ Нижнемъ Новгородѣ.— Колокольня Вознесенской церкви въ Нижнемъ Новгородѣ.	
Иоганнъ-Готфридъ Грегори, пасторъ московской Нѣмецкой слободы	596
Иллюстрація: Пасторъ Иоганнъ-Готфридъ Грегори.	
Фридрихъ Великій по мемуарамъ Катта. Ө. И. Вулгакова.	602

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ:

Фаминцынъ, Ал. С. Божества древнихъ славянъ. Выпускъ I. Спб. 1884. А. И. Нирличникова.—Семеновскій, М. И. Очерки и рассказы изъ русской исторіи XVIII вѣка. Томъ III-й. Царица Екатерина Алексѣевна, Анна и Виллимъ Монсъ, 1692—1724. Изд. 2-е, просмотрѣнное и дополненное. Спб. 1884. Д. А. Морсакова.—Приложеніе къ изслѣдованію «Земскіе соборы древней Руси». Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ въ XVII столѣтіи (1619—1620, 1648—1649 и 1651 годовъ). Василія Латкина. Спб. 1884. И. Д. Бѣлова.—Соціализмъ какъ правительство. И. Тѣна. Переводъ съ англійскаго С. Никитенко. Спб. 1885. Изданіе А. Е. Рябченко. И. С. И.—Учебникъ исторіи. Профессора Александра Трачевскаго, съ указателемъ и хронологическою таблицею. Русская исторія. Спб. 1885. И. Бѣлова.—Меодіевскій юбилейный сборникъ, изданный Варшавскимъ университетомъ, подъ редакціей А. Вудиловича. Варшава. 1885. В. 3.—Тять Ливій. Критическое изслѣдованіе Тѣна. Переводъ съ французскаго А. Иванова и Е. Щепкина. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1885. А. И.—Графъ Е. А. Саласъ. Атаманъ Устя. Поволжская быль. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1885. В. 3.—А. Кочубинскій. 6-го апрѣля 885—1885 года. Добрый пастырь и добрая вива. Рѣчь, произнесенная въ юбилей св. Меодія въ торжественномъ собраніи императорскаго Новороссійскаго университета. Одесса. 1885. А. И.—Историческій комментарий къ сочиненіямъ Ф. М. Достоевскаго (сборникъ критики). Составилъ В. Зелинскій, съ портретомъ Достоевскаго. Часть первая. Москва. 1885. В. 3.—Иллюстрированный спутникъ по Волгѣ, съ картою Волги (историко-статистическій очеркъ и справочный указатель), въ трехъ частяхъ, составилъ С. Монастырскій. Казань. 1884. П.—Геродотъ. Исторія въ девяти книгахъ. Переводъ съ греческаго Ф. Г. Мищенко, съ его предисловіемъ и указателемъ. Томъ I. Изданіе А. Г. Кузнецова. Москва. 1885. А. И.—Иосифъ Антоновичъ фонъ-Вейсскопфенъ, издатель первой астраханской газеты. Астрахань. 1885. В. 3.—Письма Добровскаго и Кошутара въ повременномъ порядкѣ. Трудъ ордакад. И. В. Ягича; съ портретомъ и двумя снимками автографовъ. Спб. 1885. (I-й томъ изданія «Источниковъ для исторіи славянской филологіи»). А. И.—Всеобщая исторія литературы. Выпуски XVII и XVIII. Спб. 1885. В. 3.—Ростовскій уѣздъ, Ярославскій губерній. Историко-археологическое и статистическое описаніе, съ рисунками и картою уѣзда. А. А. Титова. Москва. 1885. П. 179, 391, 613

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ . . 199, 407, 625

ИЗЪ ПРОШЛАГО:

1) Тишанская воля. (Эпизодъ изъ недавняго прошлаго). Сообщено Н. Греновымъ.—2) Легенды о графѣ Аракчеевѣ. (Изъ рассказовъ бывшаго военнаго поселеннаго). Сообщено И. П. Момайскимъ.—2) Приказъ о порядкѣ занятія мѣстъ въ дворцовомъ театрѣ при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, 1754 года. Сообщено Ф. А. Бычковымъ 208, 416

СМѢСЬ:

Открытие памятника Глинкѣ. — Открытие памятника Пушкину. — Памятникъ князю Пожарскому. — Полуторастолѣтіе Сергіевой пустыни. — Памятникъ Рунебергу. — Пятидесятилѣтіе церкви св. Троицы. — Пятидесятилѣтіе Смольнаго собора. — Собрание славянскаго Общества. — Задачи русской этнографіи. — Общество любителей древней письменности. — Общество архитекторовъ. — Памятникъ Валиханову. — Орловская архивная коммиссія. — Памятникъ Дарвину. — Открытие Радищевскаго музея. — Памятникъ погибшимъ на пароходѣ «Веста». — Раскопки въ Крыму. — Египетскія древности въ Черниговѣ. — Русскій образъ въ Римѣ. — Древности за Кавказомъ. — Рязанская архивная коммиссія. — Національный праздникъ въ Парижѣ. — Открытие памятниковъ Вольтеру и Беранже. — Некрологи: преосвященнаго Виталія (В. В. Гречулевича); Ѳ. Н. Львова; Г. И. Багрова; Теренціо Маміани; Альфреда Мейсснера; В. И. Родиславскаго; М. А. Португалова; Франца Шимачека; Николая Болозъ-Антоновича; И. С. Якимова; Марка Моннье; Роберта Шлагинтвейта 215, 417, 633

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ:

1) Замѣтка объ изданіи «Стихотвореній Тургенева». Д. Д. Языкова. — 2) Дочери Пугачева. П. И. Першина. — 3) Анекдотъ о ботвиньѣ. М. А. Бороздина. — 4) По поводу статей г. Лѣскова. О одного изъ подписчиковъ. — 5) Отвѣтъ г. Ливовскому. Алексѣя Маркова. — 6) Къ исторіи солдатства. И. Д. Бѣлова. — 7) Дополненіе къ «Библиографической замѣткѣ», помѣщенной въ июльской книгѣ «Историческаго Вѣстника». Д. Д. Р. — 8) Дополненіе къ словарю псевдонимовъ. В. Г. Фомъ-Бооля. 221, 424

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Джіакомо Казанова. (На отдѣльномъ листѣ). — 2) Во льдахъ и снѣгахъ. Путешествіе въ Сибирь для поисковъ экспедиціи капитана Делонга. Уильяма Гильдера, корреспондента газеты «Нью-Йоркъ Геральдъ». Переводъ В. Н. Майнова. Гл. XV—XXIII. (Продолженіе).

Иллюстраціи: Среднеколымскъ. — Казацкій острожекъ. — Якуты-рыбаки. — Перевозка ссыльныхъ. — Внутренность дома старосты. — Внутренность поварни. — Сѣверный олень. — Домъ Николая Чагры. — Николай Чагра. — Верхоянскъ. — Спасенные изъ экипажа «Жаннетты» въ Якутскѣ: проф. Ньюкомбъ, Норосъ, Вильсонъ, Джонъ Сянгъ, Ивигинъ, Личъ, гл. инж. Мельвилль, лейт. Давеншхауэръ, Лаутербахъ, Барлеттъ, Коль, Ниндерманнъ, Мансенъ. — Находка покойниковъ. — Открытіе трупа Делонга. — Крестъ на общей могилѣ. — Разрѣзъ могилы. — Крестъ съ надписью. — Могильный утесъ. — Положеніе «Жаннетты» во время катастрофы. — Планъ лагеря экипажа «Жаннетты». — Островъ Веннетта. — Ниндерманнъ и Норосъ. — Тунгусы. — Кузьма. — Якутскъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ

Т О М Ъ ХХІ

1885

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1885

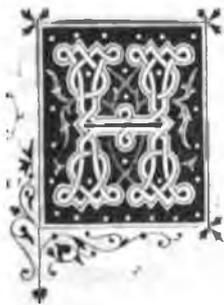
~~Slaw 25.15~~

PSlaw 381.10

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
JULY 1 1922

ПУТЕШЕСТВІЕ ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ КРЫМЪ.

ВЕОДНОКРАТНО въ нашей исторической литературѣ было обращаемо вниманіе на путешествіе императрицы Екатерины II въ полуденный край Россіи ¹⁾, совершенное ею, такъ сказать, наканунѣ турецкой войны, въ 1787 году. Это предпріятіе занимаетъ видное мѣсто въ исторіи восточнаго вопроса; кромѣ того, оно было эпохою въ исторіи административной дѣятельности князя Потемкина, во время и по случаю этой поѣздки удостоеннаго прозванія «Таврическаго». Баснословная роскошь, окружавшая императрицу во время этого путешествія, сдѣлалась предметомъ анекдотическихъ разсказовъ, играющихъ столь важную роль въ исторической литературѣ, относящейся къ этому царствованію.

Матеріаль, которымъ располагаетъ историографія для изученія царствованія Екатерины, можно сказать, съ часу на часъ становится богаче, разнообразнѣе. Историческіе журналы, сборники ученыхъ обществъ, спеціальныя изданія заключаютъ въ себѣ множество данныхъ, проливающихъ новый свѣтъ на нѣкоторыя частности, мѣстами измѣняя даже основныя воззрѣнія на главные моменты исторіи этого царствованія. Легендарныя черты историческихъ разсказовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказываются несостоятельными; анекдотическія преданія, глубоко вкоренившіяся въ общіе отзывы о Екатеринѣ, все болѣе и болѣе отодвигаются на задній планъ. Гораздо болѣе чѣмъ прежде мы имѣемъ возможность воспользоваться

¹⁾ См., между прочимъ, мою статью въ «Журн. Мин. Нар. Пр.», т. CLXII.

для составленія исторіи Екатерины матеріаломъ, доставленнымъ ею самою, заключающимся въ ея письмахъ и бумагахъ, издаваемыхъ въ послѣднее время, между прочимъ, императорскимъ историческимъ Обществомъ.

Эти обстоятельства заставляютъ насъ вернуться къ эпизоду исторіи Екатерины 1787 года. Появленіе въ свѣтъ столь капитальныхъ источниковъ для исторіи Екатерины, какъ письма императрицы къ барону Гриму, записки Гарновскаго, біографія Безбородки, составленная г. Григоровичемъ, дѣловыя бумаги, изданныя въ XXVII томѣ «Сборника Историческаго Общества», записки, письма и рассказы современниковъ, разбросанные въ разныхъ изданіяхъ, въ послѣднее время, значительно дополняютъ тѣ свѣдѣнія, которыя находились уже и прежде въ распоряженіи изслѣдователей.

Остановливаясь прежде всего на вопросѣ о бюджетѣ путешествія, мы въ слѣдующихъ главахъ укажемъ на замѣчательную группу спутниковъ императрицы и на характеръ придворнаго быта во время путешествія; переходя затѣмъ къ разбору отдѣльныхъ фазисовъ поѣздки императрицы, мы укажемъ на политическое значеніе этого эпизода.

Всѣ путешествія императрицы Екатерины ограничивались предѣлами Россіи. Съ тѣхъ поръ какъ она покинула Германію въ молодости, въ качествѣ невѣсты Петра Θεодоровича, она не была за границею. Развѣ только въ видѣ рѣдкаго исключенія заходила рѣчь о возможности поѣздки Екатерины въ Западную Европу. Въ одномъ изъ писемъ ея къ г-жѣ Бьенке, въ 1770 году, сказано: «Смѣло изболочайте во лжи тѣхъ, которые говорятъ вамъ, что послѣ мира я отправляюсь въ Гольштейнъ; мнѣ нигдѣ не можетъ быть такъ хорошо какъ въ Россіи. Итакъ я остаюсь здѣсь, но, можетъ быть, я предприиму путешествіе въ нѣкоторыя области этой имперіи послѣ заключенія мира; вотъ почему думаютъ, что поѣду на край свѣта, и ошибаются на счетъ мѣста, куда я отправляюсь»¹⁾. Въ то время, когда, по случаю первой турецкой войны, Англія нисколько не мѣшала Россіи побуждать турокъ и вслѣдствіе этого Екатерина была расположена къ Англіи, она писала къ г-жѣ Бьенке: «Еслибъ Англія была такъ близко ко мнѣ, какъ Швеція, я бы давно предприняла туда поѣздку, но по настоящему ея положенію я отказываюсь отъ этого»²⁾.

Такимъ образомъ, Екатерина осталась въ Россіи, ограничиваясь поѣздками по границамъ ея, особенно для свиданія съ коронован-

¹⁾ «Сб. Ист. Общ.», XIII, 37.

²⁾ Тамъ-же, XII, 209.

ными лицами. Такъ, напримѣръ, она встрѣтилась съ Іосифомъ II въ Могилевѣ въ 1780 году ¹⁾, съ Густавомъ III въ Фридрихсгамѣ въ 1783 году, съ королемъ Станиславомъ Понятовскимъ въ Каневѣ въ 1787 году.

Нѣкоторыя изъ путешествій Екатерины имѣли административныя цѣли—значеніе контроля надъ дѣйствіями мѣстнаго управленія. Такова была, напримѣръ, поѣздка къ Вышневолоцкому каналу въ 1785 году ²⁾, съ которою было сопряжено недолгое пребываніе въ Москвѣ. Таково было путешествіе, предпринятое Екатериною къ берегамъ Волги и по Волгѣ до Казани въ 1767 году.

Кромѣ этихъ путешествій, императрица предпринимала еще другія. Въ 1764 году, она была въ Прибалтійскомъ краѣ и въ Митавѣ; въ 1775 году, нѣсколько мѣсяцевъ прожила въ Москвѣ. Совершивъ, въ 1787 году, свое важнѣйшее и знаменитѣйшее путешествіе въ южную Россію, она, нѣсколько лѣтъ спустя, мечтала еще о другомъ путешествіи, какъ видно изъ ея письма къ барону Гримму, отъ 14-го февраля 1794 года, въ которомъ сказано, между прочимъ: «Вы мнѣ совѣтуете ѣхать, путешествовать въ ваши края, но вѣдь этотъ совѣтъ внушенъ вамъ вашею лѣнью; я думаю, что вамъ хотѣлось бы со мною повидаться, но васъ пугаетъ длинная дорога. Знайте же, что если я двинусь въ путь, то никакъ не въ вашу сторону; прежде чѣмъ я отправлюсь на тотъ свѣтъ, я должна увидать плодородныя страны, лежація между Борисееномъ, Днѣстромъ и устьемъ Буга: отъ тамошняго воздуха излѣчиваются сами собою всѣ болѣзни. Туда-то слѣшилъ князь Потемкинъ, когда почувствовалъ приближеніе смерти, но умеръ въ дорогѣ» ³⁾.

Какъ видно, императрица намѣревалась посѣтить тѣ области, которыя сдѣлались достояніемъ Россіи послѣ второй турецкой войны, тотъ край, гдѣ около этого же времени былъ заложенъ городъ Одесса. Нѣкоторыя изъ путешествій Екатерины соотвѣтствуютъ именно завоеваніямъ различныхъ пограничныхъ областей. Такъ, напримѣръ, вскорѣ послѣ перваго раздѣла Польши она отправилась въ Бѣлоруссію (въ 1780 г.); такъ, вскорѣ послѣ присоединенія Крымскаго полуострова къ Россіи, она явилась въ Бахчисараѣ и Севастополѣ ⁴⁾.

Поѣздка къ берегамъ Борисеена, Днѣстра и Буга, о которой Екатерина говорила въ 1794 году, не состоялась. Знаменитое путешествіе 1787 года было послѣднею поѣздкою Екатерины. По-

¹⁾ См. мою статью «Путешествіе императрицы Екатерины II въ Могилевъ въ 1780 году» въ «Русскомъ Вѣстникѣ», т. CLIV и CLV.

²⁾ См. мою статью объ этомъ путешествіи въ «Историческомъ Вѣстникѣ» годъ II, томъ VI.

³⁾ «Сб. Ист. Общ.», XIII, 597.

⁴⁾ См. мое замѣчаніе на этотъ счетъ въ статьѣ о путешествіи 1785 года, въ «Историческомъ Вѣстникѣ», VI, 682.

слѣднія девять лѣтъ своего царствованія она прожила въ Петербургѣ и его окрестностяхъ.

Рѣчь о путешествіи 1787 года возникла впервые во время свиданія Екатерины съ Іосифомъ II, въ 1780 году. Не разъ императрица въ своихъ письмахъ къ Іосифу говорила объ обѣщаніи, данномъ ей графомъ Фалькенштейномъ въ Смоленскѣ, встрѣтиться съ нею въ Херсонѣ¹⁾. Еще въ письмѣ, писанномъ въ августѣ 1786 года, Екатерина вспоминаетъ объ этой бесѣдѣ 1780 года²⁾.

Гораздо болѣе серьезно Екатерина начала думать объ этомъ путешествіи послѣ присоединенія Крыма къ Россіи. 17-го сентября 1783 года, она писала Потемкину, находившемуся въ Кременчугѣ: «Вѣсти о продолженіи прилипчивыхъ болѣзней херсонскихъ не радостныя... по причинѣ продолженія оной, едва ли походъ мой весною сбыться можетъ»³⁾.

Значить, въ Петербургѣ мечтали о путешествіи въ Херсонъ весною 1784 года. Но вскорѣ было рѣшено отложить эту поѣздку до 1787 года. Въ письмѣ императрицы къ Циммерману отъ 1-го іюля 1787 года сказано: «Не знаю, къ чему заботятся говорить слишкомъ худо о семъ путешествіи. Оно задумано уже было за три года, для разсѣянія припадка ипохондріи, отъ котораго ваша книга объ уединеніи совершенно меня освободила»⁴⁾.

Уже въ 1784 году, начались приготовленія къ этому путешествію. 13-го октября 1784 года, Потемкинъ отправилъ къ бригадиру Синельникову ордеръ о приготовленіи на различныхъ станціяхъ известнаго числа лошадей, о мѣстахъ, гдѣ во время путешествія будутъ обѣденные столы, о дворцахъ, которые должны строиться по присланному рисунку, о квартирахъ въ городахъ для свиты императрицы и пр.⁵⁾ По разсказу одного современника, Потемкинъ, предвидя путешествіе Екатерины, уже въ 1784 году удалилъ Тутолмина, оказавшаго ему важныя услуги при устройствѣ южной Россіи и Крымскаго полуострова, перемѣстивъ его въ Архангельскъ, съ тою цѣлью, чтобы въ случаѣ пріѣзда императрицы не раздѣлить ни съ кѣмъ ея признательности⁶⁾.

Въ первой половинѣ 1787 года, время путешествія было определено точно. 15-го апрѣля 1785 года, императрица писала Гриму: «Если вы желаете отправиться въ Херсонъ, вамъ нужно пріѣхать туда въ началѣ 1887 года»⁷⁾.

¹⁾ Arneth, Joseph II und Katharina von Russland, Wien, 1869, стр. 92.

²⁾ Arneth, Joseph II u. Katharina, 277; см. также соч. Блюма, Jakob Johann Sievers, Leipzig u. Heidelberg, II, стр. 354.

³⁾ «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 280.

⁴⁾ Соч. Екатерины, изд. Смирд., III, 449.

⁵⁾ «Зап. Одесскаго Общ. Ист. и Др.», II, 758.

⁶⁾ Изъ бумагъ Сиверса, который находился въ сношеніяхъ съ Тутолминымъ. См. соч. Блюма о Сиверсѣ, II, стр. 476.

⁷⁾ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, стр. 333.

Приготовленія къ путешествію происходили особенно дѣятельно въ 1786 году. Они требовали и времени, и денегъ. Остановимся на вопросѣ о расходахъ этой поѣздки императрицы Екатерины.

I.

Бюджетъ путешествія.

Не безъ основанія современники удивлялись пышности и роскоши путешествія Екатерины въ 1787 году; не безъ основанія обвиняли императрицу при этомъ въ баснословной расточительности, въ невниманіи къ матеріальному положенію подданныхъ.

Можно раздѣлить расходъ путешествія на двѣ группы. Весьма видное мѣсто занимаютъ непосредственные денежные расходы двора, а затѣмъ громадными размѣрами отличались жертвы, приносимыя подданными при этомъ случаѣ. Рассказывали, что Екатерина назначила будто бы на эту поѣздку сумму въ 10 милліоновъ рублей, но что эта сумма впослѣдствіи оказалась недостаточною. Во-первыхъ, однако, это показаніе не можетъ быть провѣрено финансово-статистическими данными, во-вторыхъ же, въ эту сумму во всякомъ случаѣ не входятъ многія издержки и пожертвованія жителей тѣхъ мѣстностей, черезъ которыя проѣзжала императрица. Эти пожертвованія заключались, главнымъ образомъ, въ поставкѣ множества лошадей.

Съ давнихъ поръ поставка лошадей составляла чрезвычайно тяжелое бремя, лежавшее на населеніи. Со времени учрежденія почтовыхъ сообщеній по образцу татарскихъ ямовъ не прекращались жалобы обывателей на поставку подводъ. Всѣ указы правительства, имѣвшіе цѣлью устроить почтовое сообщеніе такимъ образомъ, чтобы «жителямъ отъ тѣхъ подводъ тягости не было», оставались тщетными. Ямщики не переставали жаловаться на обиды, причиняемыя имъ курьерами и офицерами. Притѣсненіе ямщиковъ отъ проѣзжающихъ продолжалось во все время царствованій Петра Великаго и его преемниковъ. Особенно воеводы и вице-губернаторы давали часто отъ себя подорожныя всякаго чина людямъ и, сверхъ того, брали подъ себя и своихъ людей подводы за малые прогоны, когда отъѣзжали въ деревни ¹⁾.

Особенно обременительными для населенія были уже и въ прежнее время царскія путешествія. Такъ, напримѣръ, въ ноябрѣ 1721 года,

¹⁾ См. соч. Хруцова: «Очеркъ ямскихъ и почтовыхъ учреждений отъ древнихъ временъ до царствованія Екатерины II», Спб., 1884, во многихъ мѣстахъ.

сенатскій указъ для государева шествія требовалъ, чтобы на каждомъ стану было поставлено по 150 подводъ; для министровъ и прочихъ особъ были приготовлены въ Петербургѣ и на подорогѣ до Новгорода и отъ Новгорода по ямамъ по 300 подводъ. Такъ какъ ямскими подводами нельзя было справиться, то предписывалось собирать подводы изъ городовъ и съ уѣздовъ ¹⁾.

Въ подобныхъ случаяхъ трудно было избѣгать злоупотребленій. При передвиженіи двора во время «походовъ» императрицы Елисаветы, разныя придворныя команды злоупотребляли правомъ требованія подводъ ²⁾. Число требовавшихся лошадей доходило до громадныхъ размѣровъ. 17-го октября 1748 года, сенатъ получилъ указъ: въ будущемъ декабрѣ императрица ѣдетъ въ Москву и повелѣваетъ учинить нарядъ подводамъ, чтобы было на каждый станъ по 725 подводъ, въ томъ числѣ ямскихъ и городскихъ по 300, уѣздныхъ 425. Для сената, синода и коллегій подводы нанимать вольныя и что ненужное отправлять другими трактами; а чтобы за множествомъ проѣзда, за дороговизною кормовъ наемщики цѣнъ безмѣрно не возвышали, того ради отпуска партикулярнымъ людямъ своихъ товаровъ до генваря мѣсяца какъ здѣсь, такъ и въ Москвѣ велѣть удержать и пр. ³⁾. Когда Елисавета въ 1744 году предпринимала путешествіе въ Кіевъ, малороссійская старшина опредѣлила выставить 4,000 лошадей для проѣзда ея величества; но Алексѣй Гр. Разумовскій писалъ Бибикову, что надобно еще столько же лошадей, да подъ свиту 15,000, и все это надобно собрать съ обывателей ⁴⁾.

Изъ этихъ данныхъ можно усмотрѣть, что требованіе весьма значительнаго числа подводъ по случаю путешествій, предпринимаемыхъ императрицею Екатериною, не было новостью въ Россіи. Правительство даже во время царствованія Екатерины обращало нѣсколько болѣе вниманія на матеріальное благосостояніе подданныхъ, чѣмъ ея предшественники. Вотъ что Екатерина писала лифляндскому генералъ-губернатору Броуну, по случаю предпринимаемой ею поѣздки въ Прибалтійскій край, въ 1764 году: «Изъ реляціи вашей я усмотрѣла, что дворянство лифляндское съ прискорбною принимаетъ, что полковыя лошади, а не лифляндскія повелѣли мы поставить для проѣзду нашего въ Ригу. Объявите всему дворянству наше особливое за ихъ въ семъ случаѣ къ намъ усердіе и дайте притомъ знать, что мы сіе сдѣлали изъ особливаго уваженія къ земледѣльческому времени, дабы не отягчить тѣмъ народа, и что полковыя лошади уже поставлены; однакожь ежели гдѣ еще онѣ не выставлены, или гдѣ полковымъ лошадямъ под-

¹⁾ Хрущовъ, 48.

²⁾ Тамъ-же, 77.

³⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, XXII, 263.

⁴⁾ Тамъ-же, XXIII, 47.

могъ понадобится, то мы и на то соизволяемъ, чтобъ лифляндскіи поставлены были подводы, только бы то безъ отягченія земледѣлію было» ¹⁾.

Вельможи, предпринимая путешествія, требовали поставки весьма значительнаго числа лошадей. Отправляясь изъ Сарепты въ Москву, генераль-прокуроръ Вяземскій, въ сентябрѣ 1787 года, писалъ тамбовскому губернатору Державину: «прошу ... приказать заготовить для меня на каждой станціи чрезъ вашу губернію по 80 лошадей. Съ половины дороги думаю, оставя жену и всю свиту, ѣхать одному для скорѣйшаго въ ѣздѣ успѣху; однакожь, прошу васъ, дабы лошади, хотя я проѣду, не были распускаемы, доколѣ жена моя не проѣдетъ» ²⁾.

Въ виду всего сказаннаго, нельзя удивляться тому, что во время путешествія Екатерины, напримѣръ, на пути отъ Кайдакъ до Херсона, на 25 станціяхъ должно было поставить 10,480 лошадей, 5,040 извозчиковъ и 9,636 сѣдель ³⁾.

Секретарь саксонскаго посольства Гельбигъ доносилъ изъ Петербурга 15-го (26-го) декабря 1786 года: «Здѣсь только и рѣчь о путешествіи императрицы и великихъ князей (Александра и Константина) ⁴⁾; оно потребуеть громаднхъ издержекъ. Такъ какъ счеты при первомъ распредѣленіи лошадей оказались недостаточными, было вытребовано еще 15,000 лошадей вдобавокъ; всѣ города должны участвовать въ постановкѣ оныхъ» ⁵⁾. Въ другомъ письмѣ Гельбигъ замѣчаетъ, что нѣкоторые болѣе отдаленныя отъ тракта путешествія губерніи отдѣляются отъ поставки лошадей наличными деньгами, причемъ поставщики лошадей, а между ними знатные вельможи, наживали себѣ крупныя барыши, такъ что, напримѣръ, какъ сказано въ донесеніи Гельбига, «Лифляндія должна была заплатить сенатору Фитингофу за двѣ станціи до Кіева удивительную сумму 45,000 рублей» ⁶⁾.

Когда въ Тамбовской губерніи начали дѣлать распоряженія о поставкѣ лошадей, предводители дворянства опредѣлили не требовать отъ обывателей поставки лошадей и при нихъ людей натурою, а для покупки лошадей и упряжки положили собирать отъ 19 до 24 копѣекъ съ души, причемъ людямъ всякаго состоянія дозволялось отбывать эту повинность, какъ кто найдетъ для себя удобнымъ, либо натурою, либо по подряду, лишь бы при этомъ не переступали размѣровъ назначеннаго сбора ⁷⁾.

¹⁾ Сб. Ист. Общ., VII, 361.

²⁾ Гротъ, Державинъ, VIII, 487.

³⁾ Зап. Одесск. Общ., II, 748.

⁴⁾ Екатерина сначала предполагала взять съ собою своихъ внуковъ.

⁵⁾ Hergmann, Gesch. d. russ. Staats. Ergänzungsband, стр. 645.

⁶⁾ Hergmann, 644.

⁷⁾ Гротъ, Державинъ, VIII, 483.

Мы видѣли выше, что Екатерина мечтала о поѣздѣ на югъ еще весною 1784 года, вѣдѣть, какъ кажется, на югъ Россіи ожидали ея прѣзда весною 1785 года, какъ это можно заключить изъ слѣдующихъ данныхъ, извлеченныхъ изъ дѣловыхъ бумагъ.

Въ перепискѣ кременчугскаго магистрата съ правителемъ екатеринославскаго намѣстничества, Синельниковымъ, вопросъ о распредѣленіи числа лошадей для прѣзда императрицы уже въ концѣ 1784 года занималъ весьма видное мѣсто. Синельниковъ, между прочимъ, предписалъ магистрату: собрать съ купцовъ и мѣщанъ города Кременчуга 108 лошадей, видныхъ и годныхъ къ ѣздѣ, съ хорошею упряжью и къ каждой парѣ по одному чело-вѣку, способныхъ, расторопныхъ и одѣтыхъ въ одну форму, подѣвъ екатеринославскаго намѣстничества: кафтаны плисовые, а кушаки и вершки къ шапкамъ зеленые и пр. Изъ ордера земскаго исправника Золотаревскаго прапорщику Заворотному видно, что крестьяне поставляли лошадей для прѣзда государыни нату-рою, «отъ казенныхъ поселенъ, отъ каждаго 30, а съ монастырскихъ и поповскихъ отъ 10 душъ по ревизіи 1782 года.. равножъ и погонщики на всякую пару, хотя въ ихъ обыкновенномъ, но въ опрятномъ, на тотъ только случай и чистомъ одѣяніи... Въ то число принимать можно и добрыхъ кобылъ, толькобъ были не жеребныя и безъ ношати». Предписаніе кормить лошадей, не употребляя для ѣзды, оказалось напраснымъ, такъ какъ «шествіе» императрицы въ томъ году не состоялось и всѣ приготовленія къ нему пришлось оставить. Однако, уже и эти приготовленія стоили немалыхъ издержекъ и хлопотъ для населенія.

Изъ копіи указа сената, обнародованнаго въ маѣ 1786 года, видно, что въ расходахъ на это путешествіе участвовала вся Россія: ближайшія губерніи поставляли лошадей, а болѣе отдаленныя платили на это особый сборъ. Этимъ указомъ предписывалось заготовить начиная отъ С.-Петербурга до Кіева, на каждой изъ 76 станцій по 550 лошадей, всего 41,800 лошадей. Кромѣ того, въ екатеринославскомъ намѣстничествѣ велѣно было поставить на каждой станціи 420 лошадей. Независимо отъ этого, указомъ отъ 6-го мая того же года велѣно было заготовить по тракту отъ г. Кременчуга, чрезъ г. Полтаву до Бѣлевской крѣпости, по 150 на каждой станціи. Сверхъ того, отъ г. Кіева до новаго Кайдака, въ пунктахъ, лежащихъ по р. Днѣпру, приказано было выставить для курьеровъ по 12, а въ городахъ по 30 лошадей.

Лошадей должны были ставить купцы и мѣщане, по 1 лошади съ каждаго 30 душъ, казенные и помѣщичьи крестьяне по 1 лошади съ 500 душъ и т. д.

На обратный путь государыни, отъ мѣстечка Морехвы, черезъ Харьковъ, полагая на 1 станцію 420 лошадей, а на остальные 60 станцій по 550 лошадей, исчислено 33.420 лошадей. Но ихъ ве-

ѣнно было перевести изъ числа 41.800 лоша., назначенныхъ для путешествія императрицы въ Крымъ.

Понятно, что владѣльцы лошадей должны были испытывать при этомъ большое затрудненіе, такъ какъ инымъ приходилось приводить лошадей, напр., изъ Пензы въ Новгородъ-Сѣверскъ. Странно также, что курскихъ лошадей назначили въ Орловскую губернію, а орловскихъ въ Тульскую, вмѣсто того, чтобы оставлять ихъ въ своихъ губерніяхъ.

На всѣхъ станціяхъ для лошадей велѣно было заготовить фуражъ, помѣщеніе и пастбища.

Весьма значительную часть расходовъ на путешествіе императрицы должны были нести жители отдаленныхъ губерній, не составлявшіе натурой лошадей, такъ что, напр., обитатели Иркутской, Колыванской, Тобольской, Пермской и Кавказской губерній платили при этомъ случаѣ весьма значительныя суммы денегъ. Что же касается владѣльцевъ лошадей, то ихъ расходы были гораздо больше, чѣмъ приходилось имъ прогоновъ, такъ какъ многимъ изъ нихъ, о чемъ уже сказано выше, приходилось вести лошадей на дальнее разстояніе. Размѣры всѣхъ этихъ расходовъ опредѣлить невозможно, но изъ нѣкоторыхъ примѣровъ видно, что путешествіе Екатерины обошлось очень дорого народу. Въ Устинской дворцовой волости Костромской губерніи собрано было съ крестьянъ по 30 коп. съ ревизской души, всего 870 руб.

Въ сенатскомъ указѣ было сказано, что, послѣ проѣзда государыни, лошади могутъ быть отпущены домой, съ тѣмъ, чтобы были собраны для обратнаго возвращенія ея заблаговременно на станціяхъ. Слѣдовательно, множеству лошадей приходилось бы сдѣлать втеченіе нѣсколькихъ недѣль по нѣскольку тысячъ верстъ, если онѣ возвращались домой послѣ перваго проѣзда императрицы. Такъ, напр., изъ Саратовской губерніи назначено было 1.013 лошадей, которыя должны были прибыть для перваго проѣзда въ Новгородъ-Сѣверскую губернію, а потомъ, при возвращеніи Екатерины изъ Крыма, ихъ перевели въ Курскую губернію. Понятно, что владѣльцамъ этихъ лошадей легче было не возвращаться домой¹⁾.

Изъ нѣкоторыхъ распоряженій губернаторовъ видно, съ какими хлопотами и расходами для жителей тѣхъ мѣстностей, черезъ которыя происходило «шествіе», было сопряжено это предпріятіе императрицы.

Такъ, напр., между распоряженіями, относящимися къ «церемоніалу шествія» въ Тульскомъ намѣстничествѣ, встрѣчаются слѣдующія.

¹⁾ См. статью П. Клитцына въ «Древн. и Нов. Россія», 1880, ноябрь, стр. 605—608.

Дворянство устраиваетъ ворота и галерей; на галереяхъ столы съ завтракомъ для путешественниковъ. Требовалось «имѣть алое сукно для насланія по лѣстницѣ до самыхъ дверей, что и наблюдать при всѣхъ на станціяхъ домахъ». Подъ карету государыни приготавлиются отъ дворянства 10 лошадей одношерстныхъ съ пристойными хомутами и тремя одѣтыми пачталіонами. Отъ дворянства четырехмѣстная запасная карета въ 8 лошадей, которая приготавливается на случай, иногда потребный въ пути, почему и должна слѣдовать до другой станціи. На каждой станціи назначается нѣкоторое число чиновныхъ лицъ къ препровожденію до другой станціи верхомъ, передъ самой каретою императрицы, «съ наблюденіемъ того, что если иногда пыль отъ вѣтру будетъ назадъ, въ такомъ случаѣ должны далѣе быть впереди отъ кареты». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было приказано поставить палатки съ «пристойными шалашами, приготова нѣсколько фруктовъ, имѣя и ледъ».

При въѣздѣ въ Тулу императрицу должны были встрѣтить, кромѣ намѣстника, губернатора и пр., «съ хорошо прибранными конскими уборами», еще 12 «наряженныхъ почетныхъ молодыхъ дворянъ, имѣющихъ на кафтанахъ эсельбанты и одинаковые конскіе уборы». Такъ какъ проѣздъ можетъ случиться вечеромъ или ночью, то нужно «приготовить для освѣщенія плошки, а по числу людей коннаго конвоя имѣть факелы, а на берегу Оки приготовить довольное число лодокъ, дабы, во время шествія черезъ мостъ, могли оное по сторонамъ освѣщать». Въ 6-мъ пунктѣ «общаго наблюденія» сказано: «хотя дорога всевозможно устроена наилучшимъ образомъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть спуски... приказано, дабы при тѣхъ мѣстахъ по нѣскольку человекъ для спуску находилось, имѣя при надежныхъ канатахъ прикрѣпленные крючья».

О съѣстныхъ припасахъ, приготавливаемыхъ для станцій, сказано: «Должны быть нижеслѣдующіе: гдѣ назначено быть обѣденнымъ столамъ или ночлегамъ, надобно имѣть въ заготовленіи возможныхъ рогатыхъ скотинъ, на станціи по три, телятъ, хорошо напоенныхъ, трое, барановъ 10, птицъ: курей 15, гусей 15 и дикихъ птицъ сколько можно, муки крупчатой 2 пуда, сыръ голландской, масла коровья пудъ, сливокъ 2 ведра, яицъ 500, окороковъ 6, чаю фунтъ, кофе $\frac{1}{2}$ пуда, масла прованскаго $\frac{1}{2}$ дюжины, сельдей боченокъ, сахару 2 пуда, самовары, чайники большіе, доски подносныя, чайные приборы, такожъ и вина бѣлаго и краснаго французскихъ по 3 ведра, водки французской, сладкой и крѣпкой водки штофовъ по пяти, аглицкаго пива по 4 дюжины, лимоновъ 50, столовое бѣлье, столовые приборы, посуда столовая и поваренная, поваровъ и прочее, что до столовъ нужно, и служителей въ хорошемъ одѣяннн... Что же касается до тѣхъ станцій, гдѣ ни обѣда, ни ночлега не означено, тамъ должно быть въ заготовленіи блюдамъ съ жаренными разнаго рода холодными блюдами, пиро-

гами, сырѣ, масло, окороки, словомъ, съѣстныхъ и питейныхъ припасовъ со всѣхъ, о коихъ выше упомянуто, поставляютъ половинное количество противъ прежняго пункта». Дальше сказано: «Желательно, чтобъ многіе съѣстные припасы, а если можно и всѣ, кои въ хозяйствахъ дворянскихъ имѣются и малаго имъ стоятъ, не были покупаемы, да и покупать заочно, а даны-бъ были изъ домовъ дворянскихъ безденежно, яко-то: волю, птицы, бараны, масло коровье, молоко, сливки, окороки, водка крѣпкая, мука крупчатая, телята и все подобное, чтò все болѣе 50 руб. въ каждомъ уѣздѣ, а во всѣхъ болѣе 500 руб. дѣлаетъ; ибо денежный расходъ еще на многое надобенъ... яко-то: пряное варенье, конфеты... и ворота совѣмъ не уплачены. Еще необходимо надобна иллюминація, для которой отъ каждаго уѣзда прислать по 6 рублей денегъ» и пр.

Въ одномъ изъ пунктовъ «плана дворянскихъ должностей во время шествія ея величества черезъ губернію Новгородъ-Сѣверскую» сказано: «За нужное почитается и о томъ упомянуть, что буде бы, паче чаянія, свыше писанныхъ нарядовъ, или въ другомъ чемъ, до сего случая касающемся, кто изъ господъ дворянъ послушнымъ или нерадивымъ оказался, таковой подвергается честь, жизнь и имѣніе свое опасности»¹⁾.

Нѣтъ возможности хотя бы приблизительно опредѣлить цифры расходовъ, сопряженныхъ съ этими приготовлениями для путешествія Екатерины. Всюду для этой цѣли строились дворцы, дома, галереи, триумфальныя ворота; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ разведены сады; въ другихъ были устроены базары.

Такъ, напр., въ «общемъ наблюденіи», что слѣдуетъ исполнить въ Тульскомъ намѣстничествѣ сказано: «во всѣхъ на дорогѣ селеніяхъ жителей поставить по обѣимъ сторонамъ улицы, такъ какъ и изъ окружныхъ близъ лежащихъ селеній приказать быть при тѣхъ самыхъ деревняхъ, кои на трактѣ, гдѣ будутъ удобнѣе мѣста при дорогѣ для пастбы скота, то изъ окружныхъ селеній приказать на оныхъ мѣстахъ на тотъ день, когда будетъ шествіе пригнать, дабы въ проѣздѣ отъ поселянъ во всѣхъ частяхъ лучшей видъ былъ представленъ». Далѣе: «При всѣхъ оныхъ крестьянахъ должны быть тѣхъ селеній начальники, кои наблюдаютъ между ними тишину и порядокъ, чтобъ всѣ крестьяне мужеска и женска пола были въ пристойной крестьянской чистой одеждѣ: также строго смотрѣть того, чтобы между сими поселянами не было больныхъ и увѣчныхъ... гдѣ шествіе будетъ мимо церквей, священники въ лучшемъ облаченіи со крестомъ выходятъ на улицу... улицы въ селеніяхъ наметать травою съ полевыми цвѣтами, не густо посыпанными, но ельнику нигдѣ не употреблять и

¹⁾ Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др., 1865, II, 77—90.

деревьями не усаживать... у кого въ домѣ случится оспа, корь и тому подобная прилипчивая сыпь, онымъ запрещается во время шествія ея величества изъ дому выходить, подѣ опасеніемъ строгаго за то взысканія... никакихъ повозокъ по большой улицѣ не терпѣть и никто бы на встрѣчу не ѣздилъ»...

Въ Тулѣ было приказано: «всѣмъ гражданамъ, живущимъ и проѣзжимъ, обвѣстить, съ строгимъ подтвержденіемъ, дабы каждый по своему званію въ пристойной были одеждѣ, а въ избранной и безобразной никто не казался, подѣ опасеніемъ строгаго за то взысканія... Кто вечеромъ пожелаетъ противъ своего дома ставить плошки, онымъ не только предоставитъ на волю, но и отъ начальства похвалены будутъ» и пр.

Въ Новгородѣ-Сѣверскомъ было обозначено, что лошади, назначенныя «для цуга», должны быть цѣною не меньше какъ по 50 рублей и въ цугъ ходить завременно приобученныя» и пр. ¹⁾

Такого же рода приготовленія были сдѣланы и въ другихъ губерніяхъ. Вездѣ, гдѣ не положено было дворцовъ, устраивались по присланному рисунку галлерей и приготовлены были «приличные напитки и приборъ». Вездѣ для надзора за людьми и содержаніемъ лошадей опредѣлены на каждую станцію по нѣскольбу дворянъ. На каждой станціи долженъ былъ находиться плотникъ и кузнецъ съ инструментами, во всякомъ дорожномъ дворцѣ было приказано приготовить по 500 плошекъ, 10 фонарей и 6 пустыхъ смоляныхъ бочекъ ²⁾. Въ каждомъ городѣ были иллюминація, и иногда и фейерверки; по обѣимъ сторонамъ дороги вечеромъ пылали костры ³⁾. Всѣ вновь построенные дворцы и помѣщенія, въ которыхъ императрица останавливалась, были снабжены новою мебелью. Впрочемъ, Бевбородка, сообщая въ письмѣ отъ 9-го мая 1786 года Румянцеву «новое росписаніе становъ для шествія ея величества», извѣщала его, что «мебели» въ путевыхъ дворцахъ, такъ и въ кievскомъ, «должны быть простыя, нужныя для одной только необходимости, а не къ украшенію» ⁴⁾. Въ средѣ иностранныхъ дипломатовъ въ Петербургѣ рассказывали, что во время путешествія каждый разъ за столомъ употреблялось совершенно новое столовое бѣлье ⁵⁾. Въ городахъ нужно было готовить по 25 квартиръ для свиты императрицы. До чего доходили хлопоты по этому дѣлу, видно изъ письма Бевбородки къ Румянцеву отъ 3-го декабря 1786 года, гдѣ сказано: «по качеству министра иностранныхъ дѣлъ, нельзя мнѣ обойтись безъ нѣкотораго рода репрезентациі; слѣдственно я предпочту хотя и не ближній домъ, но нѣкоторый немного пообширнѣе

¹⁾ Чтенія, 1865. Стѣсь 82—90.

²⁾ «Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др.», II, 748 и слѣд.

³⁾ Ségur, Mémoires, anecdotes et souvenirs, III, 10.

⁴⁾ «Сб. Ист. Общ.», XXVI, 174.

⁵⁾ Hertmann, Gesch. d. russ. Staats, VI, 148.

м выгодноѣ, тѣмъ болѣе, что однажды или дважды пріѣхать во дворецъ въ извѣстное и обыкновенное время не будетъ мнѣ въ тягость. Надобно притомъ имѣть и нѣкоторые покои для канцеляріи» и пр. ¹⁾ Въ Кіевѣ, гдѣ путешественники оставались около трехъ мѣсяцевъ, императрица не хотѣла дозволить, чтобы посланники иностранныхъ державъ жили на свой счетъ. Каждому изъ нихъ отвели цѣлый домъ, въ которомъ былъ дворецкій, множество лакеевъ, поваровъ, кучеровъ, экипажей, полный серебряный и фарфоровый приборы, большое количество бѣлья и запасы рѣдкихъ винъ ²⁾.

Особенно дорого народу должно было обходиться желаніе адмидистраціи, чтобы императрица вездѣ встрѣчала радостныя и веселыя зрѣлища, чтобы она всюду могла убѣдиться въ томъ, что Россія счастлива и богата. Иностранцы съ насмѣшкою говорили о множествѣ народа, который, отчасти по неволѣ, долженъ былъ толпиться около тѣхъ мѣстъ, чрезъ которыя проѣзжала Екатерина. Она же, какъ рассказываетъ принцъ де-Линь, съ удовольствіемъ смотря на эту толпу, спрашивала своихъ спутниковъ, видѣли ли все это иностранные писатели, утверждавшіе, что въ Россіи лишь одна пустыня ³⁾. Пѣсенники въ шляпкахъ на рѣкѣ, а также по берегамъ, одѣтые въ лучшее платье; дома, украшенные гирляндами и цвѣтами; большія стада, являвшіяся часто на пути; рынки со множествомъ товаровъ—все это должно было дѣйствовать на воображеніе императрицы. Все, что не согласовалось съ цѣлью — произвести самое благоприятное впечатлѣніе на Екатерину, было тщательно устранено. Больные, увѣчные, какъ мы видѣли, должны были оставаться дома, не показываться во время «шествія» Екатерины. То же самое было предписано «инвалидамъ» въ училищахъ и воспитательныхъ домахъ ⁴⁾. О пребываніи Екатерины на возвратномъ пути въ Москвѣ, въ то время, когда уже въ большей части имперіи свирѣпствовалъ голодъ, князь Щербатовъ писалъ немного позже: «я видѣлъ, и сіе есть истинно, въ прошедшемъ году изгнанныхъ изъ Москвы всѣхъ нищихъ, безъ всякаго опредѣленія о ихъ пропитаніи, которое они отъ подаянія московскихъ жителей получали, и сіе было учинено къ пріѣзду всемилостивѣйшей государыни, дабы видѣніе толикаго числа нищихъ ея не обезпокойло» ⁵⁾. За то принцъ

¹⁾ Все это относится къ предполагававшемуся пребыванію путешественниковъ въ Кіевѣ. «Сб. Ист. Общ.», XXVI, 176.

²⁾ Ségur, III, 10.

³⁾ Oeuvres du prince de Ligne, Bruxelles, 1860, II, 49. Также и Сегюръ въ соч. Tableau historique et politique de l'Europe 1786 — 1796, Paris, 1863, I, 85,— утверждаетъ, что многое было *façonné, déguisé*.

⁴⁾ «Чтенія Моск. Общ.», 1865, II, 80.

⁵⁾ Состояніе Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба въ началѣ 1788 года, въ «Чтеніяхъ Моск. О. И. и Др.», 1860, I, 130.

«истор. вѣстн.», июль, 1885 г., т. XII.

де-Линь рассказываетъ, что онъ иногда полными руками отъ имени императрицы долженъ былъ бросать золото толпившемуся около кареты Екатерины народу ¹⁾).

Не говоря уже о томъ, что золото, выдаемое толпѣ, имѣло источникомъ народное хозяйство, происходило отъ налоговъ той же самой толпы, путешествіе императрицы обходилось очень дорого народу. Оно было роскошно, и главнымъ проявленіемъ расточительности при этомъ случаѣ было стараніе показать видъ, будто населеніе Россіи располагало неисчерпаемымъ богатствомъ. Всѣми мѣрами заставляли императрицу думать, что благосостояніе и зажиточность, чистота и порядокъ, благочиніе и приличіе были правиломъ по всему государству, между тѣмъ какъ все это на фактѣ было самымъ рѣдкимъ исключеніемъ.

Вотъ каковы были распоряженія тогдашняго правителя Харьковскаго намѣстничества, Василя Черткова. Предписываемыя имъ правила о способѣ «встрѣтенія» императрицы отчасти походятъ на распоряженія правителя Тульского намѣстничества, Кречетникова. Но Чертковъ особенно подробно говорилъ о томъ, какъ должно было держать себя населеніе тѣхъ мѣстностей, чрезъ которыя ѣхала Екатерина. «Обыватели, — сказано тутъ, — должны ожидать карету императрицы въ лучшей одеждѣ, а особливо дѣвки въ уборѣ на головахъ по ихъ обыкновенію съ цвѣтами, наблюдая, чтобы отнюдь никого въ разодранной одеждѣ, а паче пьяныхъ не было. При проѣздѣ императорской кареты да сдѣлаютъ они всѣ обыкновенный поклонъ, и лучшіе обыватели могутъ поднести по обычаю ихъ хлѣбъ и соль, а женщины цвѣты, и по поднесеніи дѣвки бросаютъ подъ карету цвѣты, а прочіе изъявляютъ свои восхищенія приличными поступками и привѣтствіями» ²⁾. По всѣмъ улицамъ, гдѣ предполагался проѣздъ императрицы, велѣно было дома выбѣлить, крыши и заборы исправить, а надъ окнами и дверьми повѣсить вѣнки изъ сосны или изъ травъ и цвѣтовъ; косяки у дверей и оконъ велѣно было украсить сосновыми вѣтвями, въ окнахъ на улицу вывѣсить какія у кого сыщутся «портища, суконныя, стамедныя или такія, изъ чего дѣлаются плахты, равно ковры и шилмы, такъ чтобы противъ оконъ покрылись призбы, т. е. завалины, что соблюсти во всѣхъ тѣхъ селеніяхъ, чрезъ которыя проѣздъ будетъ». Музыкантамъ и пѣвчимъ велѣно было сдѣлать новые мундиры; далѣе было приказано освѣщать дома, приготовить по всему протяженію дороги смоляныя бочки. Затѣмъ говорится о запасныхъ лошадяхъ, объ особенныхъ ѣзжаныхъ цуговыхъ лошадяхъ подъ императорскую карету, о роскошномъ обмундированіи форрейторовъ. Затѣмъ сказано: «равномѣрно поставитъ себѣ

¹⁾ Ligne, II, 49.

²⁾ Объ этомъ въ документѣ упоминается подробно не менѣе трехъ разъ.

дворянство за честь угостить во всѣхъ мѣстахъ высочайшую ея императорскаго величества особу, въ чемъ въ Харьковѣ купечество не преминетъ участвовать». Еще было приказано, чтобы нигдѣ «стѣсненія народа и шуму, равно просящихъ милостыню и въ разодраной одеждѣ, паче же пьяныхъ отнюдь не было, для чего въ городѣ и въ деревняхъ имѣть денные и ночные караулы, кои бы неупустительно соблюдали тишину, чистоту, безопасность». Губернаторъ указываетъ на законъ 19-го января 1765 года, въ которомъ было сказано, что «ежели явятся такіе продержкіе, которые, не бивъ челомъ о своихъ дѣлахъ прежде въ учрежденныхъ правительствомъ мѣстахъ, прошенія свои подавать будутъ ея и. в. и тѣмъ е. в. утруждать осмѣлятся», то они строго наказываются; имѣющіе чины отдачею навсегда въ солдаты, не имѣющіе чиновъ — отсылкою на каторгу, публичнымъ наказаніемъ или поселеніемъ въ Нерчинскъ. Еще было приказано, чтобы никто не смѣлъ въ каретахъ, коляскахъ, дрожкахъ и повозкахъ ѣхать навстрѣчу, а еще менѣе въ объѣздѣ, но чтобъ ѣдущіе навстрѣчу тотчасъ же останавливались, выходили бы изъ своихъ повозокъ, а въ тѣстныхъ мѣстахъ или возвращались бы или поворачивали въ другую улицу. Городовымъ магистратамъ было вмѣнено въ обязанность наблюдать за тѣмъ, чтобы не были возвышены цѣны на товары, особенно на съѣстные и питейные припасы, чтобы не было въ продажѣ ничего поврежденнаго и залежавшагося, чтобы торговцы сами «были одѣты опрятно и чисто, чтобъ ихъ посуда, столы и лавки были чисты, фартуки незамаренные, и чтобы нигдѣ ничего не было завѣшено рогожами, въ шинкахъ же, чтобы никто на то время никого отнюдь до пьяна не напивалъ подѣ штрафомъ взятія таковыхъ людей подѣ стражу, запрещенія имъ торговать, или, смотря по винѣ, и неминуемаго истязанія».

Все, значить, должно было явиться въ какомъ-то праздничномъ видѣ. До чего доходила перемяна въ обыкновенномъ житьѣ-бытьѣ мѣстнаго населенія, видно изъ предписанія, что всѣ присутственныя мѣста нѣкоторыхъ уѣздовъ Харьковскаго намѣстничества должны были на время прекратить свои работы; всѣ судьи были уволены отъ присутствія «на сей высокой, знаменитый случай», и въ каждомъ судебномъ мѣстѣ оставалось по одному присутствующему и проч.¹⁾

Мало того, что въ улицахъ городовъ, чрезъ которые проѣзжала Екатерина, на время «шествія» прекратилось всякое сообщеніе,—и на Днѣпрѣ, во время плаванія, продолжавшагося двѣ недѣли, была запрещена переправа, дабы не сдѣлалось остановки въ плаваніи. Нетрудно представить себѣ, что значило для мѣстнаго населенія прекращеніе сообщенія между обоими берегами рѣки.

Всѣ эти распоряженія требовали весьма значительныхъ по-

¹⁾ «Осьмнадцатый Вѣкъ», I, 379—385.

жертвованій со стороны населенія. Прусскій дипломатъ, баронъ Келлеръ, доносилъ своему двору въ концѣ 1786 года: «вѣроятно, императрица не знаетъ вовсе о бѣдственномъ состояннн своего народа; она также сильно ошибается относительно опѣнки комплекта находящихса въ ея распоряженн войскъ». По расчету Келлера, для путешествія Екатерины всѣ губерніи, за исключеніемъ Екатеринославскаго намѣстничества и Крымскаго полуострова, должны были поставить 76,720 лошадей, а Екатеринославское намѣстничество и Крымъ еще 34,000, что стоило не менѣе 5 милліоновъ рублей. Въ донесеніяхъ Келлера также встрѣчается замѣтка, что народъ сильно ропталъ на экстренную подушную подать въ размѣрѣ 20 копѣекъ, взимаемую по случаю путешествія Екатерины и составившую для всей имперіи сумму въ 2 милліона рублей ¹⁾).

Нельзя удивляться тому, что баснословная роскошь двора во время путешествія служила предметомъ разговоровъ и сплетней, какъ это видно изъ слѣдующей замѣтки въ письмѣ Екатерины къ барону Гримму отъ 30-го іюня 1787 года: «Не вѣрьте тому, что пишутъ въ газетахъ о моихъ путевыхъ расходахъ. Выдумали, будто бы графиня Браницкая была моею поставщицей, будто въ Кіевѣ ей выдавалось на мой столъ по 5,000 рублей въ сутки и она продавала мнѣ яйца по полтинѣ за штуку; все одна пошлая ложь, но она доставила намъ случай вдоволь подразнить поименованную графиню, которая сама вмѣстѣ съ нами хохотала по этому поводу» ²⁾).

Нѣтъ сомнѣнн, что особенно Потемкинымъ были истрочены громадныя суммы денегъ по поводу путешествія императрицы. Его распоряженія обходились особенно дорого мѣстному населенію. Для плаванія по Днѣпру готовились шлюпки съ гребцами, «прилично одѣтыми». Къ съѣзду въ Кременчугъ приглашены были дворяне съ ихъ семействами, а отдаленныхъ городовъ купцы и «лучшіе граждане». До Кіева путешественники ѣхали въ 14 каретахъ, 124 саняхъ и 40 запасныхъ экипажахъ ³⁾). Изъ Кіева ѣхали въ 50 до 80 галерахъ, построенныхъ нарочно для этого путешествія. Эти галеры были великолѣпно убраны и снабжены всевозможными предметами роскоши. На каждомъ суднѣ находилось по нѣскольку музыкантовъ. ⁴⁾ Галеры были устроены въ римскомъ вкусѣ. На особенно большой галерѣ «Деснѣ» находилась огромная столовая, въ которой императрица давала большіе обѣды. По повелѣнню Потемкина многія скалы на Днѣпрѣ были взорваны по-

¹⁾ Дешеш барона Келлера отъ 19-го и 28-го ноября 1786 и 25-го января 1787 года въ соч. Цинкъзена, *Gesch. d. osmanischen Reiches* VI, 619.

²⁾ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 414. Въ изданнн подлинника «5,000 р.» въ переводѣ см. «Русскій Архивъ», 1878, III, 144,—500 р.

³⁾ Ségur, III, 9.

⁴⁾ Ligne, II, 14.

рохомъ для болѣе безопаснаго плаванія. На галерахъ находилось около 3,000 человѣкъ.

На югѣ, въ намѣстничествѣ Потемкина, къ пріѣзду Екатерины строились временные дворцы, пролагались удобнѣйшія дороги, сооружались триумфальныя ворота, воздвигались цѣлыя города, какъ, на примѣръ, Алешки, на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ Херсона: въ октябрѣ 1786 года его еще не существовало, а въ апрѣлѣ 1787 года городокъ былъ отстроенъ и заселенъ малороссянами и запорожцами. Проложеніе дороги отъ Кизикермена къ Перекопу Потемкинъ поручилъ полковнику Корсакову, желая ее «сдѣлать богатою рукою, чтобы не уступала римскимъ. Я назову ее Екатерининскій путь», — прибавляя оны. Генераль-маіору Синельникову поручено было озаботиться приданіемъ Кременчугу вида города столичнаго; архіепископу Амвросію екатеринославскому и таврическому Потемкинъ собственноручно написалъ тему, на которую преосвященный долженъ былъ сказать привѣтственное слово; наконецъ, неутомимый князь успѣвалъ удѣлять время къ слушанію торжественной ораторіи, приготовленной къ пріѣзду Екатерины итальянскимъ капельмейстеромъ Сарти ¹⁾.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о приготовленіяхъ къ путешествію заключаются въ письмахъ правителя Таврической области, В. В. Коховскаго, къ правителю канцеляріи князя Потемкина, В. С. Попову. Тутъ мы узнаемъ, какія мѣры въ продолженіе 1786 года были приняты для постройки новыхъ зданій, для поставки лагерей, для приготовленія лошадей, кибитокъ, хомутовъ, возжей и пр. Такъ, на примѣръ, въ донесеніи отъ 25-го октября 1786 г. сказано: «Дороги, въ городахъ дворцы, мили, версты дѣйствительно готовы будутъ... Симферопольскій дворецъ почти къ окончанію приходитъ; но вужно будетъ пособіе въ мебелияхъ, а также и по прежде посланнымъ отъ меня регистрамъ на всѣ почтовые станціи выстатчить не можно, и купить здѣсь нигдѣ кибитокъ и хомутовъ и прочей упряжи». 2-го февраля 1787 г.: «Часть живописцевъ изъ Карасу-базара на сей недѣлѣ сюда будутъ для отдѣлки здѣшняго дворца. Купленные въ Москвѣ кибитки обойдутся съ транспортомъ до Бериславля около 20 рублей, а хомуты по 180 коп. Я радъ, что куплено дешевле, какъ я думалъ». Въ другихъ письмахъ говорится о собраніи «для принесенія поклона татаръ, киргизцевъ, ногайцевъ и туркменцевъ». Въ донесеніи отъ 12-го марта 1787 г. сказано: «Въ деревняхъ, по пути лежащихъ, развалины поправятся, въ Бахчисараѣ народъ умножится»; 24-го марта: «Прону васъ не отбирать отъ меня двухъ дворцовъ, кои изъ Дону привезутся.. Если 2000 лошадей изъ Дону придутъ, то въ лошадяхъ не будетъ недостатка... Сто кибитокъ и къ нимъ дуги и хомуты доставлены уже въ Бе-

¹⁾ «Русская Старина», XII, 696.

риславль... Перестроеніе дворца по данному плану идетъ послѣдшнею. Рыбась ¹⁾ съ усерднѣйшею заботливостію исправляетъ свое порученіе. Одинъ ночлежный и одинъ обѣденный подвижные дворцы приходятъ здѣсь къ отдѣлкѣ деревянною и желѣзною работою. По окончаніи сихъ отправятся мастеровые въ судахъ для построенія тамъ одного. Дай Богъ, чтобъ поскорѣе привезено было изъ Москвы все нужное для отдѣлки оныхъ. Два первые привезутся изъ Бахчисарайской дороги на Карасу-базарскую для обратнаго шествія къ Перекопу. Итакъ въ полуостровѣ здѣшнемъ потребны только три дворца подвижныхъ. Изъ построенныхъ на Дону четырехъ дворцовъ, кои повелѣно привезти въ Перекопъ, сколько назначается для отвозу въ Екатеринославскую губернію?.. Выписуемое же полотно и желѣзные вещи къ онымъ (дворцамъ) изъ Москвы можно продать здѣсь чужестранцамъ безъ потери... Ледъ на станціяхъ будетъ. Столики, столы, стулья дѣлаются. Дѣжъ, кадокъ, ведеръ, ушатовъ и прочей деревянной посуды ожидаю скоро изъ Миргорода, куда отправленъ нарочный. Свѣчи будутъ ли дворцовыя? прошу увѣдомить. Чаю такого, какъ вы кушаете, у насъ нѣтъ. Но кофей по станціямъ будетъ леванской. Коровы для молока будутъ наемныя отъ обывателей окрестныхъ деревень, дабы черезъ то доставить имъ прибыль; и чтобъ они видѣли, что нынѣ безъ платы ничего не требуется. Доставка для дѣланія фейерверка 5- или 4-саженныхъ бревень и болѣе 1000 досокъ приняло свое начало. Все къ своему времени доставляется» и пр. ²⁾.

Англійскій посолъ, Фицгербертъ, по поводу путешествія въ Табриду, извѣщалъ дворъ свой, что на покрытіе издержекъ по путешествію назначена сумма въ 4 милліона рублей, равная по тогдашнему курсу 700.000 фунт. стерлинговъ ³⁾. Но къ этимъ милліонамъ нужно прибавить еще тѣ милліоны, которые составляли пожертвованія частныхъ лицъ, дворянства, купечества, крестьянства, угощеніе путешественниковъ въ городахъ и на станціяхъ, потери, сопряженныя для купцовъ, промышленниковъ и земледѣльцевъ, вслѣдствіе прекращенія на нѣкоторое время обыкновенныхъ работъ, сообщенія, устройство базаровъ, искусственную mise-en-scène картинъ народнаго богатства. Администрація не щадила ни казенныхъ, ни частныхъ средствъ для достиженія главной цѣли: произвести благоприятное впечатлѣніе на императрицу.

Этотъ образъ дѣйствій представителей администраціи подалъ поводъ къ разсказамъ современниковъ, будто большая часть городовъ и деревень, показанныхъ на пути императрицѣ, были не что

¹⁾ Художникъ.

²⁾ «Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др.», X, 252—265.

³⁾ Копія съ депеши Фицгерберта къ Кармартену въ соч. Григоровича о Безбородкѣ, «Сб. И. О.», XXVI, стр. 146.

иное какъ театральная декорація ¹⁾). Одинъ изъ спутниковъ Екатерины, принцъ де-Линь, смѣется надъ подобными слухами, которые онъ называетъ нелѣпыми, но онъ же допускаетъ, что дѣйствительно на пути встрѣчались «города безъ улицъ, улицы безъ домовъ, дома безъ крышъ, безъ дверей и оконъ»; что императрицѣ показывались лишь казенныя помѣщенія губернаторовъ и нѣкоторыя находящіяся около послѣднихъ каменныя строенія; что Екатерина не прогуливалась пѣшкомъ по городамъ, въ которыхъ она останавливалась, и что поэтому видѣла меньше, чѣмъ нѣкоторые изъ ея спутниковъ, и пр. ²⁾.

А. Г. Бриенеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Гельбигъ.

²⁾ См. письмо де-Линя изъ Тулы, II, 49.

ВЕЛИКАЯ МЫСЛЬ ЕКАТЕРИНЫ II.

ОМУ НЕИЗВѢСТНО, что императрица Екатерина II посвящала свои царственные досуги наукѣ и литературѣ, чтенію трудовъ великихъ мыслителей и людей государственныхъ. Въ одинъ изъ досуговъ, ей пришла въ голову, въ 1784 году, великая мысль, имѣющая весьма важное значеніе для разъясненія доисторическихъ судьбъ человѣчества, положившая прочный фундаментъ новой наукѣ и служащая неоспоримымъ доказательствомъ вѣрности самыхъ раннихъ библейскихъ преданій.

Нельзя допустить, чтобы мысль императрицы была не болѣе какъ продуктъ досужей эрмитажной фантазіи, какъ литературная забава, игрушка пытливаго ума. Нѣтъ! та мысль, осуществленію, которой императрица посвятила девять мѣсяцевъ усидчиваго труда, — не была мимолетною фантазіей. Ученые современники императрицы Екатерины не понимали высокаго значенія ея гениальнаго замысла. Императрица, какъ женщина гениальная и стоявшая выше многихъ знаменитыхъ современныхъ ей ученыхъ париковъ, чувствовала и сознавала, что запавшая въ ея голову мысль необыкновенной важности, но она не могла еще тогда рѣшить, какія формы и размѣры дать тому зданію, которое ей хотѣлось построить. Для совершенія этого сложнаго и труднаго дѣла, выборъ императрицы палъ на жившаго тогда въ Берлинѣ и славившагося своею ученостью Фридриха Николаи, который, кромѣ множества собранныхъ по этому предмету свѣдѣній, написалъ въ 1785 году, по порученію императрицы: «Общее обозрѣніе всѣхъ языковъ вселенной». Этотъ замѣчательный конспектъ хранится въ рукописи въ библиотекѣ императорскаго эрмитажа.

Но ни тогдашняя наука, ни ученые представители нашей академіи не могли прійдти на помощь и содѣйствовать развитію и уясненію того, что бы сдѣлать изъ такой счастливой канцепціи, или находки. Нѣтъ сомнѣнія, что разительное сходство въ названіяхъ одного предмета въ разныхъ языкахъ обратило на себя вниманіе Екатерины, но что же изъ этого? Сходство это обращало на себя вниманіе многихъ, но изъ этого ничего не выходило.

Мысль о необходимости изученія языковъ всего земнаго шара, съ практической точки зрѣнія, появилась, положимъ, давно и первое приложеніе ея сдѣлали католическіе миссіонеры, распространявшіе слово Божіе во всѣхъ концахъ міра, потомъ институтъ «De propaganda fide», т. е. институтъ миссіонеровъ въ Римѣ, организоваль дѣло изученія всевозможныхъ языковъ съ религіозною цѣлью.

Голландецъ Николай Витсенъ тоже задался мыслью собрать свѣдѣнія о языкахъ сѣверной и средней Азіи, имѣя въ виду чисто коммерческую цѣль. Онъ посвятилъ цѣлыхъ 25 лѣтъ на осуществленіе своей мысли, и нашъ Великій Петръ обратилъ вниманіе на этотъ трудъ Витсена, вышедшій вторымъ изданіемъ въ 1705 году, и видя всю его неполноту, поручилъ пополнить трудъ Витсена Мессершмидту, который посвятилъ этому дѣлу въ Сибири цѣлыхъ десять лѣтъ. Но драгоценное собраніе Мессершмидта пролежало почти цѣлое столѣтіе въ архивѣ академіи наукъ. Первый воспользовался имъ Клапротъ для своей «Asia Poliglota», и теперь только, послѣ 170 лѣтъ, наша академія надумалась издать труды Мессершмидта!..

Но если къ трудамъ послѣдняго такъ невнимательно относилась академія, то, всетаки, мысль Петра Великаго не умирала. Гартвигъ-Людвигъ-Христіанъ Бакмейстеръ, бывшій инспекторъ академической гимназіи, ознакомившись съ рукописями Мессершмидта, задумалъ подвинуть дѣло изученія языковъ съ практическою цѣлью, и въ 1773 году, издалъ сочиненіе, написанное собственно на латинскомъ языкѣ: «Idea et desideria de colligendis (но не comparandis) linguarum specimenibus», т. е. «идея и желаніе собрать образцы разныхъ языковъ».

Этотъ трудъ Бакмейстера былъ переведенъ на разные языки. Имъ онъ приглашалъ помочь ему ученыхъ всѣхъ иностранныхъ державъ. Многія лица въ Россіи, всѣ наши академики, откликнулись на воззваніе Бакмейстера. Но дѣло кончилось ничѣмъ, такъ какъ это было не подъ силу частному человѣку и цѣль его была не ясна... Не знали, какое изъ этого можно было сдѣлать употребленіе и какую такому труду придать форму!

Но мысль сравнить всѣ языки и дѣлать выводы, которые послужили бы фундаментомъ для науки сравнительнаго языковеденія, пришла впервые только императрицѣ Екатеринѣ и принадлежитъ

исключительно ей одной... Мысль эта была достойна русской государыни, которой царство заключало въ себѣ особый міръ народовъ и языковъ. И гдѣ, дѣйствительно, ощутительнѣе всего могла быть польза отъ подобнаго изданія, какъ не въ Россіи, гдѣ говорятъ на ста языкахъ и нарѣчійхъ¹⁾?

Какія затрудненія встрѣтила императрица, приступивъ къ осуществленію своей мысли, и какимъ путемъ она достигла своей цѣли, мы видимъ это изъ письма ея къ Циммерману, писанному къ нему пофранцузски, 9-го мая 1785 года. Вотъ это письмо въ русскомъ переводѣ:

«Ваше письмо вывело меня изъ того уединенія, въ которое я была погружена около девяти мѣсяцевъ и отъ котораго едва могла освободиться. Вы не угадаете вовсе, что я дѣлала; по рѣдкости факта я расскажу вамъ его. Я составила списокъ отъ 200 до 300 русскихъ коренныхъ словъ, которыя велѣла перевести на столько языковъ и нарѣчій, сколько могла ихъ найти: ихъ уже болѣе 200. Каждый день писала я по одному изъ этихъ словъ на всѣхъ собранныхъ мною языкахъ. Это показало мнѣ, что кельтическій языкъ походитъ на языкъ остяковъ; что на одномъ языкѣ называется небомъ, то на другихъ значитъ облако, туманъ, сводъ небесный. Слово Богъ означаетъ на нѣкоторыхъ нарѣчійхъ (діалектахъ) высочайшій или благой, на другихъ солнце или огонь. Наконецъ, когда я прочитала книгу «Объ уединеніи», этотъ мой конекъ, моя игрушка (dieses Steckpferdchens) мнѣ надоѣла. Однако, жалѣя бросить въ огонь такое множество бумаги, притомъ же, такъ какъ зала въ десять сажень длины, служившая мнѣ кабинетомъ, въ моемъ Эрмитажѣ, была довольно тепла, поэтому я пригласила профессора Палласа и, искренно сознавшись ему въ моемъ прегрѣшеніи, согласилась съ нимъ напечатать мои переводы, которые, быть можетъ, окажутся полезными для тѣхъ, которые пожелали бы воспользоваться скукою своего ближняго. Къ пополненію этого труда недостаетъ только нѣсколькихъ

¹⁾ Съ 1843 года, я самъ постоянно занимался составленіемъ словарей и грамматическихъ очерковъ языковъ, которыми говорятъ въ Россійской имперіи и на ея границахъ: восточныхъ, южныхъ и западныхъ, и въ настоящее время составилъ уже до 80-ти такихъ словарей, разумѣется, съ чисто практическою цѣлью. Пять изъ этихъ словарей уже изданы; судьба же остальныхъ моихъ словарей, безъ сомнѣнія, будетъ та же, что и трудовъ Мессершмидта... Желая сдѣлать мои словари доступными коммерческой, военной, миссіонерской или административной цѣли, я писалъ иностранныя и инородческія слова русскими буквами. Будь всё они написаны латинскими буквами, по англійскому произношенію, словари мои давно были бы приобретены для «Британскаго Музея» и изданы; но теперь, въ мои лѣта, передѣлывать все это на англійскій языкъ поядно... У меня собрано болѣе 700,000 словъ; каждое слово написано на особомъ билетикѣ. Чтобы подобрать всю эту массу словъ по алфавиту нужно не менѣе четырехъ лѣтъ...

Прим. автора.

нарѣчій Восточной Сибири». Письмо оканчивается такъ: «У verga, ou n'y verga pas qui vandra, des choses lumineuses de plus d'un genre, cela dépendra de la disposition d'esprit respective de ceux qui s'en occuperont, et ne me regarde plus du tout».

Это письмо ясно показываетъ, что къ своей великой идеѣ императрица Екатерина пришла по собственному почину и никѣмъ не была наведена на нее. Выраженіе, встрѣчающееся въ письмѣ императрицы, что для пополненія ея труда недостаетъ только словъ нѣкоторыхъ нарѣчій Восточной Сибири, ясно показываетъ, что не только «сравнительные словари» были Клапроту извѣстны до ея пріѣзда въ Россію, но онъ зналъ и недостатки этихъ словарей— вотъ почему чрезъ гр. И. Потоцкаго онъ хлопоталъ о назначеніи экспедиціи въ Сибирь для изученія языковъ нашихъ инородцевъ, вотъ почему онъ добрался и до трудовъ Мессершмидта.

Но въ геніальномъ умѣ императрицы явилась та мысль, что интересно было бы прослѣдить, какъ далеко и широко идетъ сходство названій одного и того же предмета въ разныхъ языкахъ. Если оно идетъ далеко, то это послужитъ неоспоримымъ доказательствомъ единства рода человѣческаго, и всѣ люди дѣти одного отца и одной матери, какъ бы эти прародители ни назывались у разныхъ народовъ. Но легко задаться подобною мыслью, а выполнить-то ее каково! Но что-жъ, надо попробовать и убѣдиться: дѣйствительно ли сходство такъ часто и явно, какъ кажется на первый взглядъ, и императрица стала пробовать. Разумѣется, сначала пошли въ ходъ словари языковъ европейскихъ, которые могли ей быть доступны. Она горячо принялась за дѣло и до того имъ увлеклась, что, не смотря на свои государственныя заботы, посвятила цѣлыхъ девять мѣсяцевъ на собраніе названій одного и того же предмета въ разныхъ языкахъ.

Посвятивъ столько времени забавѣ, которая завлекала ее все болѣе и болѣе, императрица увидала, что она могла только навести на мысль подобнаго предпріятія, но что оно не подъ силу одному человѣку, и рѣшила: выбрать названіе предметовъ первой потребности, предметовъ, окружающихъ человѣка и составляющихъ его духовную и физическую природу. Оказалось, что и тутъ слѣдовало ограничиться, чтобы задать себѣ задачу исполнимую. Послѣ долгихъ преній и совѣтовъ, выбрано было всего 285 словъ, которыхъ значеніе требовалось привести на всѣхъ извѣстныхъ тогда языкахъ міра. Оказалось, что въ то время было извѣстно только 200 языковъ, т. е. такихъ, которыхъ слова можно было добыть.

Послѣ долгихъ приготовленій, императрица обратилась къ академику Палласу, поручивъ ему изданіе въ свѣтъ всѣхъ собранныхъ матеріаловъ. Палласъ тогда же извѣстилъ европейскихъ ученыхъ о скоромъ появленіи необыкновеннаго труда, посредствомъ

объявленія, изданнаго имъ 22-го мая 1785 года, на которое откликнулись многіе иностранные ученые, письменно заявившіе о полнѣйшемъ своемъ сочувствіи этому великому предпріятію императрицы Екатерины.

Въ слѣдующемъ 1786 году, было напечатано въ Петербургѣ большое сочиненіе, которое должно было служить руководствомъ къ сравненію языковъ: «*Modèle du vocabulaire, qui doit servir à la comparaison de toutes les langues*». Оно было разослано по всему государству, доставлено нашимъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ и многимъ иностраннымъ ученымъ для перевода заключающихся въ немъ словъ на разные языки. Губернаторамъ также предписано было собрать извѣстія о языкахъ народовъ, находящихся въ управляемыхъ ими губерніяхъ, что и было ими исполнено. Русскіе посланники, находившіеся при иностранныхъ дворахъ, въ свою очередь, содѣйствовали этому великому предпріятію, собирая свѣдѣнія о языкахъ и нарѣчіяхъ того государства, гдѣ они находились. Кромѣ того, этотъ конспектъ былъ отправленъ изъ Мадрида, Лондона и Гаги—въ Китай, Бразилію и въ Соединенные Штаты. Въ этихъ послѣднихъ великій Вашингтонъ пригласилъ губернаторовъ Соединенныхъ Штатовъ къ собранію требуемыхъ извѣстій. Знаменитые ученые всѣхъ странъ принимали живое участіе въ этомъ дѣлѣ и доставили богатые дополненія къ «Словарю».

Вотъ что можетъ надѣлать хорошая мысль, забравшаяся въ гениальную голову. Сотрудниковъ явились цѣлыя сотни, денегъ не жалѣли и порядочно таки потратили. Матеріаль накоплялся день отъ дня. Наконецъ, пришло время приняться за обработку и редакцію его. Рѣшено было послѣ русскаго слова печатать подъ нимъ его значеніе на 200 языкахъ (51 европейскомъ и 149 азіатскихъ) 285 русскихъ словъ распредѣлены были по алфавиту.

Когда великая идея попала въ руки академиковъ, которые взялись исполнить свое дѣло какъ можно аккуратноѣе, императрицѣ было уже не до сходства названій. Ее заняли другіе болѣе важные предметы—государственные нужды.

Вѣднѣй Палласъ кряхтѣлъ и корпѣлъ надъ подборкой словъ и корпѣлъ цѣлыхъ четыре года, пока, наконецъ, трудъ его былъ оконченъ и вышелъ подъ названіемъ: «Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею всевысочайшей особы (императрицы Екатерины II); издалъ П. С. Палласъ. 2 части. Спб. 1787—1789, in 4°». (Цѣна назначена была 40 руб. ас.). Это былъ первый фазисъ осуществленія великой идеи великой императрицы! На первый случай ограничились европейскими и азіатскими языками; сдѣлать же сравненіе африканскихъ и американскихъ общано было впоследствии. Вскорѣ открылся благопріятный случай къ довершенію славнаго предпріятія им-

ператрицы. Изъ разныхъ странъ получены были богатые дополнительныя свѣдѣнія о тѣхъ народахъ, которыхъ языки не вошли въ изданіе Палласа. Такое богатство свѣдѣній, а главное желаніе дополнить «Сравнительный Словарь» африканскими и американскими языками и дать ему возможную полноту, было побудительною причиною къ новому его изданію, которое поручено было Федору Янковичу де-Мириево. Этотъ ученый пополнилъ первое изданіе 4 европейскими, 22 азіатскими, 30 африканскими и 23 американскими языками, всего 79. Но это превосходное и пополненное изданіе, послѣдовавшее въ 1790 и 1791 годахъ, не могло служить для употребленія иностраннымъ ученымъ и совсѣмъ неудобно для отысканія словъ по ихъ значенію.

Трудъ этотъ сдѣлалъ эпоху въ языковеднн—это безспорно. Но къ чему послужила, какую и кому могла принести пользу подобная книга, подобный гигантскій трудъ въ Россіи? Никому, ни къ чему не послужила эта книга, никому она не принесла пользы, никому она не была нужна!

Печатаніе словаря продолжалось два года; печатался онъ въ значительномъ количествѣ экземпляровъ и печать стоила немало. Цѣна была назначена не слыханная—40 р. ас.! Великая идея потерпѣла фiasco. Наша академія оказалась не на высотѣ своего призванія и напудренные академическіе парики стояли чрезвычайно низко въ сравненіи съ гениальною императрицею.

Конечно, первый фазисъ осуществленія мысли императрицы долженъ былъ выразиться словаремъ, чтобы далеко не отступать отъ ея мысли и плана. Первая ошибка при исполненіи мысли Екатерины была та, что словарь былъ напечатанъ не компактно, крупнымъ шрифтомъ и потребовалъ для себя два толстыхъ тома in 4°, что стоило порядочныхъ денегъ.

Вторая важная ошибка была сдѣлана тѣмъ, что онъ былъ напечатанъ русскими, а не латинскими буквами. Для Россіи, въ то время, «Сравнительный Словарь» былъ не болѣе какъ диковинка, и русскій, даже ученый человекъ, не могъ тогда еще рѣшить: на какую потребу онъ изданъ? Между тѣмъ, будь этотъ словарь напечатанъ латинскими буквами, а избранныя 285 словъ на французскомъ языкѣ съ русскимъ переводомъ—онъ имѣлъ бы значеніе въ Европѣ. Европейскіе ученые знали бы, что изъ него сдѣлать. Притомъ же по цѣнѣ своей словарь былъ для ученыхъ совсѣмъ недоступенъ: заплатить сорокъ рублей за рѣдкостную диковинку, которую нельзя было ни читать, ни чему либо изъ нея научиться—кому была охота! Вслѣдствіе такой цѣны только незначительное число ученыхъ имѣли возможность приобрести его и даже видѣть...

Разумѣется, все изданіе «Словаря» осталось на рукахъ академіи. Европа знала объ немъ лишь по нѣсколькимъ отзывамъ, но пользоваться имъ не могла, и дѣло кончилось тѣмъ, что все изданіе

«Сравнительнаго Словаря» и перепечатка его по другой системѣ и съ дополненіями Э. Янкевича де-Миріево (въ четырехъ томахъ, тоже цѣною 40 р. ас.) было продано на пуды, на макулатуру, а въ тридцатыхъ годахъ его можно было приобрести за пятнадцать копѣекъ серебромъ (4 тома). Значитъ, наши академическіе гѣмцы спасовали и сослужили императрицѣ плохую службу.

Мало того, «Сравнительный Словарь» вышелъ безъ предисловія, въ которомъ слѣдовало бы разсказать, какъ зародилась его идея, изложить ходъ дѣла, почему она осуществилась именно въ этой формѣ, и къ чему могъ служить и вести этотъ трудъ... Ничего, ни слова! Да еще и европейскимъ ученымъ не дали возможности воспользоваться этимъ трудомъ... И только спустя цѣлую четверть столѣтія, въ 1815 году, въ Петербургѣ вышло на нѣмецкомъ языкѣ (!?) сочиненіе Э. П. Аделунга подъ заглавіемъ: «Catharinens der Grossen Verdinste um die vergleichende Sprachkunde» (Заслуги Екатерины Великой въ сравнительномъ языковѣданіи), въ которомъ находимъ полную исторію «Сравнительнаго Словаря» и гдѣ авторъ говоритъ, что великій духъ этой государыни является во всемъ блескѣ въ этомъ ея твореніи, которое должно считать новымъ для нея памятникомъ.

Ничего этого мы бы не знали, если бы академикъ Палласъ не подарилъ Аделунгу всѣхъ своихъ сочиненій, относящихся до языковѣданія, въ числѣ которыхъ были также подлинныя письма императрицы и списокъ словъ, составленный ею для «Словаря» всѣхъ языковъ.

Но великія мысли не умираютъ! Ихъ нельзя испортить и завалить ученымъ грузомъ, чтобъ онѣ не всплыли на свѣтъ Божій. Такъ было и съ гениальною мыслью императрицы Екатерины. Въ то время, какъ въ Петербургѣ бѣдный Палласъ корпѣлъ надъ собираніемъ и подборкой словъ для «Сравнительнаго Словаря» и проклиналъ навязанную ему обузу... въ Берлинѣ, у профессора химіи Мартина Гейнриха Клапрота родился (1783) сынъ, Гейнрихъ Юліусъ, которому суждено было, спустя сорокъ лѣтъ, уже въ слѣдующемъ XIX столѣтіи, выяснитъ все величіе мысли великой государыни, и не смотря на то, что планъ великаго зданія новой науки не созрѣлъ еще въ это время въ головахъ европейскихъ ученыхъ,—Клапротъ набросалъ эскизы многихъ апартаментовъ этого зданія и на свой собственной страхъ сталъ готовить: цоколь, цементъ и кирпичъ для этого зданія, которые, какъ увидимъ, впоследствии пригодились вполне—и пошли въ дѣло.

Юліусъ Клапротъ, юноша двадцати лѣтъ, дѣлается первымъ истолкователемъ великой мысли императрицы... Но какимъ образомъ онъ пришелъ къ этому и какъ наша академія наукъ сдумѣла отдѣлаться отъ гениальнаго лингвиста, считаемъ нелишнимъ сообщить здѣсь тѣмъ, кому вовсе неизвѣстна эта историческая личность.

На свѣтѣ большую роль играетъ случай. Въ жизни гениальнаго мальчика было нѣсколько удивительныхъ случаевъ, которые именно и содѣйствовали развитію его специальности.

Вотъ его біографія, на сколько она нужна для нашей задачи. Г. Ю. Клапротъ родился, 11-го октября 1783 года, въ Берлинѣ, гдѣ отецъ его занималъ въ тамошнемъ университетѣ кафедру химіи. Генія не скроешь, и, вѣроятно, отецъ его рано замѣтилъ, что за птичка его Гейнрихъ, и предназначалъ его къ той же карьерѣ, которую и самъ проходилъ со славою; но онъ не могъ сломить преобладанія страсти у юноши къ изученію китайскаго языка. Случайно попавшіе ему на глаза китайскіе героглифы свели юношу съ ума: ему хотѣлось разобратъ, узнать смыслъ этихъ каракулекъ, и онъ посвящаетъ всѣ свои досуги и ночи сначала поверхностному ознакомленію съ китайщиной, а потомъ и изученію этого языка. Гдѣ только можно было добыть что либо по этой части, все это не миновало его рукъ. Наконецъ, бѣдный отецъ увидѣлъ, что страсть къ китайщинѣ пустила въ головѣ Гейнриха глубокіе корни, и рѣшилъ употребить силу, чтобы отнять у него возможность продолжать свои занятія китайщиной, и придумалъ удалить его изъ Берлина, гдѣ въ бібліотекахъ и у частныхъ людей хранились матеріалы, не давашіе покою пытливому уму юноши. Рѣшено было, что Гейнрихъ долженъ быть медикомъ, и его отправили въ университетъ, въ Грейфсвальдъ, въ томъ предположеніи, что тамъ ужъ вовсе нѣтъ китайщины. Нечего было дѣлать, сынъ уступилъ желанію отца; но оказалось, что старикъ далъ промахъ: въ Грейфсвальдской университетской бібліотекѣ нашлись такіе китайскіе источники, которыхъ не было въ Берлинѣ. Гейнрихъ торжествовалъ и захлебывался китайщиной; онъ не могъ скрыть своей радости и подѣлился ею съ кѣмъ-то изъ родственниковъ... Они измѣнили ему и довели о томъ до свѣдѣнія отца, который разсердился и перевелъ сына въ Галле; но это ни къ чему не повело — тутъ тоже нашлось чему поучиться. Юношѣ было уже девятнадцать лѣтъ, и онъ рѣшился протестовать противъ преслѣдованія отцемъ его страсти. Старикъ убѣдился, что ничего не подѣлаешь, и махнулъ рукой — дѣлай, молъ, что хочешь; самъ на себя потомъ пеняй... Тогда молодой Клапротъ оставилъ Галле, гдѣ пробылъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ (въ 1802 г.), и отправился въ Дрезденъ съ намѣреніемъ посвятить себя всецѣло излюбленному предмету.

Въ этомъ же 1802 году, юноша Клапротъ предпринимаетъ уже въ Веймарѣ «Asiatischer Magazin» — періодическое изданіе, наполненное весьма интересными статьями и драгоценными матеріалами объ Азии, и обнаруживаетъ передъ ученой Германіей удивительные успѣхи, сдѣланные имъ безъ посторонней помощи, въ отрасли науки, на которую до того не обращали вниманія. Въ это время чрезъ Веймаръ проѣзжалъ польскій магнатъ и меценатъ,

графъ И. Потоцкій, человекъ очень ученый. Будучи увлеченъ общими толками мѣстной интеллигенціи о молодомъ даровитомъ Клапротѣ и его изданіи, графъ пригласилъ его къ себѣ и, познакомившись съ нимъ, счелъ долгомъ обратить на него вниманіе русскаго правительства, замышлявшаго тогда послать въ Китай посольство, при которомъ надо было имѣть и человекъ, знакомаго съ китайскимъ языкомъ, хотя бы теоретически. Графъ Потоцкій уговорилъ Клапрота бросить свое изданіе и обѣщалъ ему въ Россіи золотыя горы...

По прїѣздѣ въ Петербургъ, графъ Потоцкій сообщилъ тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ, князю Чарторыскому, о своей необыкновенной находкѣ въ Веймарѣ и Клапрота имѣли въ виду. Въ 1804 году, онъ прибылъ уже въ Петербургъ и вскорѣ поступилъ въ академію наукъ адъюнктомъ по отдѣленію восточныхъ языковъ и литературы.

Въ слѣдующемъ году, онъ былъ опредѣленъ въ качествѣ переводчика при посольствѣ, отправленномъ подъ начальствомъ графа Головкина въ Китай. Онъ проѣхалъ Сибирь, останавливаясь на дорогѣ между башкирами, самоѣдами, остяками, якутами, тунгузами, киргизами и другими инородцами, бродившими по безпредѣльнымъ пустынямъ сѣверной Азіи, и изучалъ ихъ нравы, записывая слова различныхъ нарѣчій, извѣстія о вѣрѣ инородцевъ, собирая свѣдѣнія объ ихъ постепенныхъ переселеніяхъ, и такимъ образомъ приготовлялъ богатый матеріалъ для своихъ важныхъ трудовъ, которые предпринялъ впоследствии. Посольство прибыло въ Кяхту 17-го октября 1805 года и 1-го января 1806 года перешло уже чрезъ китайскую границу; но пустѣйшій вопросъ китайской церемоніи помѣшалъ ему достигнуть своей цѣли, и заставилъ наше посольство отнестись къ китайскимъ требованіямъ съ презрѣніемъ и возвратиться вспять.

Если посольство графа Головкина не увѣнчалось успѣхомъ въ политическомъ отношеніи, за то оно было благотворно для ученыхъ цѣлей и изслѣдованій, благодаря усердію и дѣятельности ученой комиссіи, состоявшей при посольствѣ, подчиненной графу Потоцкому, и въ частности Клапроту, который не только близко и основательно ознакомился съ языками сѣверной Азіи, но успѣлъ собрать драгоценную коллекцію книгъ: китайскихъ, манджурскихъ, тибетскихъ и монгольскихъ. Въ награду за это академія наукъ, по возвращеніи Клапрота въ 1807 году, удостоила его званія экстраординарнаго академика, а императоръ Александръ пожаловалъ ему постоянную пенсію.

Едва отдохнувъ послѣ своего утомительнаго путешествія, Клапротъ занялся разсмотрѣніемъ всѣхъ изданныхъ академіей мемуаровъ до послѣдняго, отыскивая все, что шло къ избранному имъ кругу знанія; но на этомъ дѣло не покончилось—онъ принялся за разсмотрѣніе

списковъ дѣлъ академическаго архива и, между прочимъ, набрелъ на труды Мессершмидта, прожившаго при Петрѣ Великомъ цѣлыхъ десять лѣтъ въ Сибири, до открытія еще нашей академіи, и занимавшагося тамъ, съ необычайною добросовѣстностью, изученіемъ инородцевъ, среди которыхъ онъ жилъ, во всѣхъ отношеніяхъ, а слѣдовательно и въ лингвистическомъ. Клапротъ нашелъ цѣлыя сокровища—это были вокабуларіи разныхъ языковъ и нарѣчій сѣверной Азіи, до которыхъ нашей академіи не было дѣла. Онъ принялся за труды Мессершмидта, сдѣлалъ изъ нихъ весьма важныя выписки и извлеченія для задуманнаго имъ труда и упрекалъ академію въ такомъ непростительномъ равнодушіи къ человѣку, который посвятилъ свою жизнь Россіи, сдѣлалъ для нея очень много, но на труды его не обращали никакого вниманія въ продолженіе цѣлаго столѣтія.

Академія почувствовала, какой гусь попалъ въ ея среду, и стала помышлять, какъ бы отъ него избавиться. Не смотря на то, что Клапротъ провелъ цѣлыхъ 20 мѣсяцевъ, возясь съ нашими сибирскими инородцами, что онъ пространствовалъ около 1,800 миль, т. е. до 13,000 верстъ, его отправили на Кавказъ (въ Грузію), гдѣ онъ пробылъ около года, занятый самыми трудными изслѣдованіями, и вскорѣ возвратился въ Петербургъ съ новыми правами на расположеніе къ нему русскаго правительства. Къ несчастію, находясь на Кавказѣ, онъ увлекся страстью, простительною въ лѣтахъ его, и увезъ черкешенку, что произвело страшный гвалтъ во всемъ аудѣ; черкешенку отняли, а Клапротъ поспѣшилъ уѣхать въ Петербургъ. Это ничтожное обстоятельство представило академикамъ случай отдѣлаться отъ безпокойнаго лингвиста навсегда: академія не пожелала имѣть въ своей средѣ такого неприличнаго ученаго, и гѣмцы коллективно подставили ему ножку. Въ 1812 году, обо всемъ этомъ было доведено до высочайшаго свѣдѣнія съ необходимыми комментаріями, и Клапротъ былъ лишенъ чина, званія академика и дворянства и долженъ былъ удалиться изъ предѣловъ Россіи. Хотя говорятъ, что лежачаго не бьютъ, но въ ученномъ мѣрѣ лежачаго-то и истязаютъ. Это правило сохранилось и по настоящее время... Академики осудили Клапрота по драконовскимъ законамъ, изложивъ въ «Мемуарахъ» академіи всю его исторію съ разными прибавленіями. Словомъ распубликовали его на весь ученый мѣръ.

Послѣ такого скандала, которымъ Клапротъ обязанъ нашимъ академикамъ, онъ покинулъ Россію и удалился въ Вармбруннъ, лежащій на границѣ Силезіи и Богеміи, откуда отправился потомъ въ Италію, и къ концу 1815 года, прибылъ въ Парижъ, гдѣ и остался до самой своей смерти, послѣдовавшей 8-го августа 1835 года. Онъ жилъ тамъ сначала очень стѣсненный въ средствахъ, но важный тогда прусскій государственный сановникъ и знаменитый впоследствии филологъ, Вильгельмъ Гумбольдтъ, принялъ въ

Клапротъ живое участіе, котораго тотъ вполне заслуживалъ, и исключительность тому. въ 1816 году, у своего короля, Фридриха Вильгельма III, званіе профессора азіатскихъ языковъ и литературъ, съ ежегоднымъ жалованьемъ въ 6,000 талеровъ, и позволеніе остаться навсегда въ Парижѣ. Не будь исторіи съ черкешенкой, никогда бы Клапроту не видать такого жалованья и возможности жить независимо въ Парижѣ и дѣлать что хочешь... т. е. заниматься своимъ любимымъ предметомъ, имѣя подъ рукою знаменитую парижскую копенгагенскую библиотеку, заключающую въ себѣ неоцѣненные сокровища для лингвиста... Не заботясь болѣе о своей будущности, Клапротъ съ новымъ жаромъ предался своимъ любимымъ занятіямъ и обнародовалъ массу сочиненій по лингвистикѣ, частію какъ авторъ, частію какъ переводчикъ и издатель. Намъ нѣтъ надобности ни перечислять его трудовъ, ни знакомить съ ними читателя и отдаляться отъ главнѣйшей цѣли нашей статьи,—намъ остается только сказать, что пребываніе его въ Россіи, съ 1804 по 1812 годъ, сослужило большую службу дѣлу, которому императрица Екатерина положила основаніе, и вотъ какимъ образомъ.

Клапротъ первый понялъ значеніе идеи императрицы, и въ головѣ его составилъ планъ, какъ подвинуть это великое дѣло; онъ понялъ въ то же время, что исполненіе мысли императрицы Палласомъ было неудовлетворительно. Наша тогдашняя академія не поняла, не догадалась, къ чему долженъ былъ повести трудъ, возложенный на Палласа, что слѣдовало сдѣлать изъ этого труда. Клапротъ стоялъ выше нашихъ тогдашнихъ академиковъ цѣлою головою. Онъ уже пришелъ къ тому, какой выводъ можно сдѣлать изъ труда Палласа, но видя, что всего сдѣланнаго послѣднимъ весьма недостаточно, онъ заговорилъ о необходимости назначенія экспедиціи для изученія сибирскихъ инородцевъ, въ которой онъ, подъ начальствомъ графа И. Потоцкаго, игралъ бы главную роль.

Возвратившись съ неудавшимся посольствомъ въ Петербургъ и обрѣвизовавъ всѣ періодическія изданія академіи и ея архивъ, собравъ тутъ все, что годилось для его труда,—Клапротъ не могъ не замѣтить большаго пробѣла въ сравнительныхъ словаряхъ Палласа относительно кавказскихъ народовъ, и вотъ главная причина, почему онъ такъ рвался на Кавказъ, гдѣ, между прочимъ, и наравался на черкешенку, за которую ужъ слишкомъ дорого заплатился...

Не смотря на то, что на Кавказѣ Клапротъ пробылъ около года, онъ втеченіе этого времени собралъ богатую жатву, какую только въ то время можно было собрать, потому что многія мѣста Дагестана для него были недоступны. Его словарь (сравнительный) кавказскихъ нарѣчій составленъ довольно добросовѣстно, вполне удовлетворялъ задуманной имъ цѣли и могъ принести пользу нашимъ чиновникамъ, служившимъ на Кавказѣ, если бы только у нихъ

была охота хоть сколько нибудь знать языкъ этого народа, среди котораго они вращались и были въ сношеніи...

Принужденный академической интригой оставить Россію срамленный «Мемуарами» нашей академіи на всю Европу, онъ не смѣлъ явиться даже къ родному отцу въ Берлинъ и, быть можетъ, ускорила своей исторіей его кончину. Но затѣмъ, обезпеченный щедротами прусскаго короля, поселившись въ Парижѣ, онъ все свое время посвятилъ трудамъ, служившимъ для ознакомленія иностранцевъ съ Россіей и съ народами, въ ней обитающими. Болѣе десяти лѣтъ было имъ посвящено обработкѣ матеріаловъ, собранныхъ имъ на Кавказѣ и въ Сибири, и обнаруженію ихъ то въ Парижѣ, то въ Берлинѣ.

Но изъ всѣхъ его трудовъ для насъ наиболѣе важенъ трудъ его «Asia Poliglota» (многоязычная Азія) — это первый камень, положенный Клапротомъ въ основаніе сравнительной филологіи, это первый выводъ, сдѣланный изъ труда Палласа, рабски исполненнаго по мысли великой государыни, но что должна была сдѣлать, собственно, наша академія.

Въ Клапротѣ мысль Екатерины II нашла геніальнаго послѣдователя, и «Азія Полиглота» до тѣхъ поръ не теряетъ своего значенія, пока, наконецъ, не появятся классическіе труды по сравнительной филологіи сѣверно и средне-азиатскихъ языковъ и нарѣчій, а объ этомъ у насъ не только еще не помышляютъ, но, напротивъ, препятствуютъ тѣмъ, которые должны бы содѣйствовать. Въ семидесятыхъ годахъ у насъ появились весьма замѣчательные труды г. Радлова — богатѣйшіе матеріалы для изученія тюркскихъ нарѣчій. Покойная великая княгиня Елена Павловна дала средства г. Радлову издать его труды (пять томовъ въ бол. 8°). Радловъ обѣщалъ издать грамматику и словарь, на основаніи собранныхъ ихъ памятниковъ этихъ нарѣчій, но наша академія отказала ему въ средствахъ на эти изданія, находя, что онъ неуживчивый берлинецъ, — такъ мнѣ выразился покойный академикъ А. А. Шифнеръ, мой старый знакомый. Вѣроятно, вспоминая Клапрота, наша академія не долюбливаетъ ученыхъ берлинскаго происхожденія, страшась, чтобы они не отбили хлѣба у ея членовъ...

Но возвратимся къ «Asia Poliglota». Этотъ трудъ вполне знакомитъ насъ съ языками сѣверной и средней Азіи, Кавказа и отчасти южной Азіи, за исключеніемъ, впрочемъ, индійскихъ языковъ и ихъ нарѣчій. Книга эта драгоценна для каждой бібліотеки, для каждаго ученаго, занимающагося хотя отчасти языками, которыми говорятъ преимущественно русскіе инородцы въ сѣверной Азіи и на Кавказѣ. Чрезвычайно важенъ и сравнительный атласъ восточныхъ языковъ, приложенный къ этому труду, написанному авторомъ на нѣмецкомъ языкѣ, хотя изданному въ Парижѣ, съ на-

мѣреніемъ сдѣлать свою книгу доступною преимущественно нѣмецкимъ ученымъ, а въ томъ числѣ и нашимъ академикамъ.

Но этотъ чисто ученый трудъ, появившійся лишь въ 1823 году ¹⁾, которому Клапротъ посвятилъ около двадцати лѣтъ, и о которомъ французскіе ученые выразились: «Ouvrage capital, où il classe les peuples de l'Asie d'après leurs idiomes»,—былъ воспрещенъ къ привозу въ Россію! Какъ вамъ это нравится? Не дать въ Россію ходу книгѣ, служащей единственнымъ ключемъ къ изученію нашихъ инородцевъ и ихъ языковъ!..

Естественно возникаетъ вопросъ: по какому же поводу книга эта могла быть запрещена? А вотъ объясненіе этого грустнаго событія.

Появленіе въ Россію Клапрота, какъ лингвиста, вниманіе, ему оказанное, избраніе его въ экстраординарные академики—обратили на это вниманіе Ф. П. Аделунга, пріѣхавшаго въ Россію еще въ концѣ прошлаго столѣтія и не могшаго добиться здѣсь постояннаго мѣста, къ которому можно было бы пристроиться навсегда, не смотря на то, что Аделунгъ былъ человѣкъ образованный и извѣстный своими трудами, но Аделунгъ не сошелся съ нашими академикомъ, которые боялись пустить его въ свой кружокъ, и потому не добились, не смотря на всѣ свои усилія, академическаго кресла.

Однако, успѣхи Клапрота навели Аделунга на мысль заняться тоже лингвистикой и стать Клапроту поперегъ дороги. Но Аделунгъ былъ собственно ученая машина съ разными приспособленіями, которая могла писать обо всемъ, и писать много. Написать цѣлые томы—это было его дѣло. Онъ отлично зналъ латинскую поговорку: «Magna pars scientiae est—scire, ubi quaeras», т. е. большая часть науки состоитъ въ томъ, чтобъ знать, гдѣ что отыскать, и Аделунгъ зналъ это въ совершенствѣ и могъ исчерпать какой угодно предметъ. Для этого у него было чрезвычайно много терпѣнія, усидчивости, скажемъ болѣе, при изученіи любого предмета онъ погружался въ него съ головой... но такіе труды всегда остаются безъ практическаго примѣненія и занимаютъ лишь полки библиотекъ. Каждый ученый трудъ долженъ быть доступенъ какъ по изложенію, такъ и по своему объему, въ противномъ случаѣ самая полезная книга будетъ служить лишь для справокъ, но въ ходъ никогда не пойдетъ.

Такъ смотрѣлъ и Клапротъ на Аделунга и его труды, и хотя послѣдній пошелъ съ нимъ по одному пути, но не зналъ, куда идти и что созидать. Клапротъ зналъ труды Аделунга, не одобрялъ ихъ и подтрунивалъ надъ нимъ.

Въ своей «Asia Poliglota», предназначенной, конечно, прежде всего для Россіи, онъ въ предисловіи довольно непочтительно ото-

¹⁾ Первое изданіе вышло въ Парижѣ, въ 1823 году; второе—тамъ же, въ 1829 году.

звался объ Аделунгѣ, который тогда добился уже поста начальника Восточнаго Института, состоявшаго при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ,—о почтенномъ шестидесятилѣтнемъ старцѣ, покровительствуемомъ своимъ начальникомъ, графомъ Н. П. Румянцовымъ, известнымъ нашимъ тогдашнимъ меценатомъ, который, не желая, чтобъ оскорбительный отзывъ Клапрота кололъ глаза старику и былъ доступенъ всѣмъ, знавшимъ нѣмецкій языкъ, доложилъ императору Александру I о необходимости запретить въ высшей степени полезный трудъ Клапрота къ привозу въ Россію, и «Asia Polyglota» была запрещена и дозволена только императорской публичной библиотекѣ и библиотекѣ академіи наукъ, тогда какъ можно было вырѣзать только предисловіе и разрѣшить къ привозу чисто-ученую книгу.

Конечно, Аделунгъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть поставленъ по своимъ изысканіямъ и взглядамъ на лингвистику на одну доску съ Клапротомъ, но нашъ петербургскій ученый употребилъ всѣ свои усилія, чтобъ хоть сколько нибудь пополнить тотъ пробѣлъ, который всѣмъ былъ видѣнъ въ дѣятельности нашей академіи по части языкованія. Но Аделунгъ принесъ и свою лепту по европейскимъ языкамъ для зданія сравнительной филологіи, имѣвшую значеніе для своего времени.

Нѣтъ сомнѣнія, что каждому интересно знать, какъ былъ встрѣченъ иностранными компетентными учеными трудъ императрицы Екатерины и какіе были о немъ отзывы и сужденія.

О «Сравнительномъ Словарѣ» были отзывы: Крауза, Бютнера, Гагера, Рюдигера, Добровскаго, Фра-Бартоломео, Альтера и Вольнея. Основательнѣйшій и остроумнѣйшій разборъ этого важнаго труда принадлежалъ Краузу, профессору исторіи въ Кенигсбергскомъ университетѣ, который, говоря о пользѣ этого труда, взглянулъ на дѣло съ философской точки и явилъ въ то же время свои обширныя знанія. Начавъ съ подробнаго обозрѣнія состава «Словаря», онъ переходитъ къ его разбору, указывая на то, что всѣ философскія сравненія языковъ должны имѣть въ виду обогащеніе психологіи. Онъ разсматриваетъ твореніе Екатерины съ трехъ сторонъ относительно матеріи (однихъ только словъ), формы (грамматики) и круга (распространенія) языковъ. Этотъ строгій разборъ былъ такъ основателенъ, что хотя и не льстилъ самолюбію автора, однако, государыня, отдавая полную справедливость дарованіямъ и безпристрастію Крауза, пожаловала ему брилліантовый перстень, въ знакъ ея благоволенія.

Гагеръ изъ Вѣны изложилъ свое мнѣніе о «Словарѣ» въ письмѣ къ Падласу, которое хотя и содержало весьма основательныя и драгоценныя замѣчанія, но, къ сожалѣнію, написано языкомъ, недостойнымъ ученаго и оскорбляющимъ благопристойность и добрые

нравы. Оно было причиною того, что Палласъ впоследствии совершенно отказался отъ участія въ «Словарѣ».

Рюдигеръ до того былъ восхищенъ трудомъ Екатерины II, что хотѣлъ перевести его на нѣмецкій языкъ.

Вольней, обладавшій глубокими познаніями въ языкахъ различныхъ народовъ, отдавая полную похвалу «Сравнительному Словарю», находилъ главный его недостатокъ въ томъ, что онъ напечатанъ русскими буквами, и что многіе матеріалы получены были отъ такихъ лицъ, которыя вовсе не заслуживали довѣрія. Вольней предлагалъ нашей академіи, исправивъ «Словаръ», напечатать его латинскими буквами.

Не смотря на частныя замѣчанія, находимъ излишнимъ привести здѣсь общія замѣчанія о «Сравнительномъ Словарѣ».

Всѣ критики согласны въ томъ, что «Словаръ» этотъ имѣетъ большія достоинства, что онъ—первый по своему богатству и универсальности, и что всѣ вышедшіе до него труды въ этомъ родѣ много уступаютъ ему въ обширности плана и въ богатствѣ матеріаловъ. Всѣ соглашались въ томъ, что это изданіе имѣетъ неоспоримую пользу для исторіи и языковеденія.

Недостатки «Словаря», исчисленные Краузомъ, признаны самимъ Палласомъ. Это: 1) неполнота «Словаря»; 2) затрудненіе выразить съ точностью звуки иностранныхъ языковъ на своемъ собственномъ. Кроме того, еще разные недостатки замѣчены въ формѣ, въ выборѣ матеріаловъ и въ самомъ содержаніи «Словаря». Изъ погрѣшностей перваго рода главнѣйшая та, что сравниваемые языки расположены не въ строгомъ этнографическомъ порядкѣ и что многіе, какъ-то: сибирскіе, кавказскіе, индійскіе и друг., помѣщены безъ связи, которая, по замѣчанію Добровскаго, не соблюдена и въ славянскихъ нарѣчіяхъ. Что же касается до выбора словъ, то должно замѣтить, что въ «Словарѣ» мало глаголовъ, большею же частью, помѣщены имена существительныя. Съ другой стороны, недостаетъ многихъ словъ, означающихъ предметы, извѣстные и самымъ дикимъ народамъ. Третій и главный недостатокъ состоитъ въ самомъ сравненіи словъ, собранныхъ безъ тщательнаго разбора, причѣмъ мало обращено было вниманія на нѣкоторые языки и нарѣчія, о которыхъ нетрудно было получить болѣе удовлетворительныя свѣдѣнія. Слова писаны то по произношенію, то по правописанію, или совсѣмъ иначе. Мало извѣстныхъ русскія названія нѣкоторыхъ языковъ не пояснены и не всегда одинаковы; другія, напротивъ того, помѣщены подъ несвойственными имъ названіями. Наконецъ, къ этимъ погрѣшностямъ слѣдуетъ причислить и совершенное отсутствіе многихъ языковъ и нарѣчій. Конечно, всѣ приведенные здѣсь недостатки «Словаря» очень важны; но если мы примемъ во вниманіе, съ какими затрудненіями сопряжено подобаго рода изданіе, возможное только для государей, а не для

частныхъ лицъ и обществъ, если вспомнимъ, что это первый и единственный трудъ въ этомъ родѣ, если обратимъ вниманіе на важное его значеніе для науки сравнительнаго языковнана, которому оно первое положило краеугольный камень, то эти недостатки вполнѣ извинительны,—тѣмъ болѣе, что въ уваженіе слѣдуетъ принять и ту поспѣшность, съ какою этотъ «Словарь» составлялся, и включеніе всего—нетерпѣніе государыни, желавшей какъ можно скорѣе видѣть осуществленіе своей мысли.

Никто не станетъ отвергать, что «Сравнительный Словарь» императрицы Екатерины составилъ эпоху въ области языковнана и далъ сильный толчекъ развитію лингвистики, а послѣ трудовъ Клапрота, воспользовавшагося великой идеей и черпавшаго отсюда драгоценный матеріалъ для своихъ таблицъ, послужилъ поводомъ къ зарожденію «сравнительной филологіи», на которую слѣдуетъ смотрѣть какъ на вѣнецъ гениальной мысли гениальной императрицы.

Великая мысль императрицы Екатерины II, усвоенная гениальнымъ и компетентнымъ Клапротомъ, пробудила общую любознательность, и цѣлыя сотни европейскихъ ученыхъ ринулись къ изученію и изслѣдованію языковъ всего міра; явились сотни ученыхъ, принявшихъ за изученіе и изслѣдованіе языковъ Индіи и семьи романскихъ языковъ (Дигъ). Африканскіе языки тоже обратили на себя вниманіе, чему далъ толчекъ походъ Наполеона въ Египетъ. Америка тоже нашла своихъ Клапротовъ: молодой ученый, Эдуардъ Бупманъ, сотрудникъ Вильгельма Гумбольдта по его филологическимъ трудамъ, избравшій своимъ предметомъ преимущественно изученіе и изслѣдованіе первобытныхъ языковъ Америки, отправился съ этой цѣлью въ Америку, гдѣ пробылъ нѣсколько лѣтъ. Да и самъ В. Гумбольдтъ занимался исключительно американскими и малайскими языками. Но этого еще было мало для науки сравнительнаго языковнана, и англійскіе миссіонеры, проповѣдывавшіе слово Божіе въ Австраліи и на островахъ Полинезіи, представили послѣдній матеріалъ, необходимый для зданія сравнительной филологіи; оба собранія послѣднихъ матеріаловъ, попавшія въ руки Макса Мюллера, человека глубоко-ученаго и со свѣтлымъ взглядомъ на вещи, дали полнѣйшую возможность развить ту мысль, которая такъ рано запала въ голову великой государыни. Нужны были цѣлыя столѣтія и тысячи умнѣйшихъ головъ, работавшихъ безъ усталы надъ этимъ дѣломъ, чтобы приготовить матеріалъ для возведенія зданія, надъ планомъ котораго такъ усиленно трудится теперь знаменитѣйшій въ Европѣ филологъ—Максъ Мюллеръ, не довольствующійся болѣе звуками языка, но занявшійся анатоміею человѣческаго горла и рта, какъ органовъ, производящихъ эти звуки, и старающійся выяснитъ, какъ впечатлѣнія, производимыя различными предметами, образами и идеями

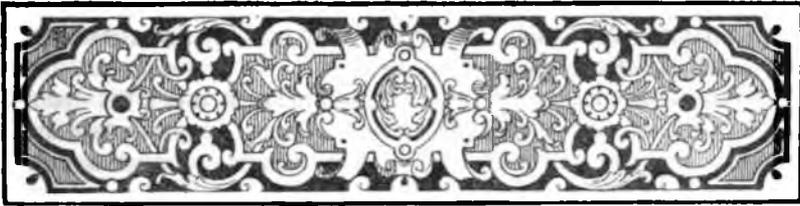
на нашъ мозгъ, вызываютъ дѣйствія горла и рта для произведе-
нія извѣстныхъ звуковъ.

Итакъ, въ прошломъ 1884 году, мы должны были бы праздни-
вать столѣтiе осуществленія великой мысли, пришедшей въ го-
лову императрицѣ Екатерины II и послужившей основою наукѣ
Сравнительной филологіи.

Но что же собственно сдѣлали втеченіе пролетѣвшихъ ста-
лѣтъ мы, русскіе, и наша академія наукъ? На этотъ вопросъ я
отвѣчу латинскою пословицею: «*Virtutem primam esse puto com-
pescere linguam*».

А. В. Старчевскій.

РАСКОЛЬНИЧЬИ СЕКТЫ ВЪ РОССИИ.

ВЪ СТАТЬЕВЪ «Этнографъ-беллетристъ»¹⁾, при описаніи участія П. И. Мельникова въ комиссіи 1875 года по дѣламъ раскола, было упомянуто, что онъ высказалъ пространно свое мнѣніе о сектахъ раскола. По своему объему, это мнѣніе не вошло въ означенную статью, а потому мы и помещаемъ его отдѣльно:

«Всѣ русскіе люди, въ разныя времена отпадшіе отъ православной церкви, если разсматривать ихъ съ точки зрѣнія каноническаго права, раздѣляются на:

«1) Еретиковъ, куда относятся тѣ, что совсѣмъ отвергаютъ, или не вполне принимаютъ, или искажаютъ никео-константинопольскій символъ. Сюда принадлежатъ іудействующіе, не признающіе воскресенія Сына Божія, хлысты и скопцы, признающіе новыхъ христовъ и допускающіе челоѡкообожаніе. Къ еретикамъ же церковные наши писатели относятъ и раціональные толки молоканъ, духоборцевъ, штундистовъ и проч., отвергающихъ вѣщныя обряды богопочтенія, преемственную іерархію и церковное преданіе. Впрочемъ, не только молоканъ, но самыхъ скопцовъ и даже жидовствующихъ, по строгому смыслу каноновъ, нельзя еще признавать настоящими еретиками, такъ какъ они никогда ни на какомъ соборѣ осуждены не были.

«2) Раскольниковъ, или схизматиковъ, которые, не признавая духовной іерархіи, не имѣютъ нѣкоторыхъ таинствъ, и,

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», декабрь, 1884 г., стр. 538.

придерживаясь особыхъ обрядовъ, властію церкви отмѣненныхъ, тѣмъ самымъ являются ей непокорными. Сюда относятся разныя безпоповскія секты. Къ нимъ же должно причислить и толки Спасова согласія, хотя послѣдователи ихъ и совершаютъ таинства крещенія и брака въ православныхъ церквахъ. Они дѣлаютъ это лишь для получения гражданскихъ правъ.

«3) Подцерковниковъ, которые, не отвергая духовной іерархіи, изъ-за упорнаго удержанія отмѣненныхъ при патріархѣ Никонѣ обрядовъ, явились, однако, непокорными церкви, отдѣлились отъ нея и устроили особыя свои общины, или приходы. Сюда относятся послѣдователи поповщины, какъ признающіе «австрійскую іерархію», такъ и отправляющіе духовныя требы посредствомъ бѣглыхъ отъ православной церкви поповъ.

«На основаніи каноническаго права, святѣйшій синодъ, въ декабрѣ 1842 года, раздѣлилъ всѣ отпадшія отъ русской церкви секты на:

«1) вреднѣйшія, куда отнесены были всѣ еретики, а также безпоповскія секты, отвергающія молитву за царя и браки;

«2) вредныя, и къ нимъ отнесены безпоповщинскія секты, молящіяся за царя и принимающія браки;

«3) менѣе вредныя, куда отнесены подцерковники, или поповщина.

«Съ гражданской точки зрѣнія такая классификація не можетъ быть признана удовлетворительною. Молокане, напримѣръ, отвергающіе всякую обрядность, всю церковную внѣшность, всякое церковное преданіе, съ церковной точки зрѣнія, представляются сектою вреднѣйшею, даже «разрушительною», между тѣмъ какъ они составляютъ самую спокойную, самую развитую и самую трудолюбивую часть русскихъ простолюдиновъ. Сопѣлковское согласіе (странники, бѣгуны) въ синодальной классификаціи поставлено наравнѣ съ молоканами, между тѣмъ какъ его послѣдователи, отрѣшавсь отъ общества и тщательно избѣгая всякаго рода труда и всякаго рода общественной обязанности, представляются для гражданского общества людьми совершенно бесполезными, дармоѣдами, живущими на чужой счетъ.

«Въ общемъ журналъ высочайше утвержденнаго, въ 6-й день февраля 1864 года, особаго временнаго комитета по дѣламъ о раскольникахъ, для распредѣленія раскольничьихъ сектъ на болѣе и менѣе вредныя, поставлено шесть признаковъ, изъ коихъ первые четыре носятъ исключительно церковный характеръ. При опредѣленіи вреда, приносимаго какою либо сектою государству, какъ гражданскому обществу, эти четыре признака едва ли могутъ быть принимаемы къ соображенію. Первый признакъ, напримѣръ, опредѣляется такъ: «не признаютъ пришествія въ міръ Сына Божія». Но вѣдь евреи, мохамедане, буддисты, послѣдователи шаманства,

идолопоклонники, также не признають пришествія въ міръ Сына Божія, между тѣмъ они терпимы и никогда никѣмъ не считались вредными для государства.

«Остальные два признака, т. е. отверженіе молитвы за царя и браковъ, могутъ служить признаками вредности секты. Но здѣсь встрѣчаются неточность выраженій и неправильность приложенія ихъ къ дѣйствіямъ сектаторовъ.

«Молитва за царя! Молитва — религиозное дѣйствіе, входящее въ область церкви, но отнюдь не въ область гражданской жизни. Было бы вѣрнѣе, точнѣе, опредѣлительнѣе, вмѣсто словъ «молитва за царя», употребить выраженія: «признаніе царской власти», или «признаніе монархическаго начала».

«Молитва за царя въ самой православной церкви употребляется преимущественно лишь въ общественномъ богослуженіи. Въ домашнихъ, или келейныхъ, молитвахъ моленій за царя не полагается. Всѣ благочестивые русскіе люди, принадлежащіе къ господствующей церкви, ежедневно читаютъ установленныя церковью молитвы: утреннія, передъ обѣдомъ, послѣ обѣда и на сонъ грядущимъ. Ни въ той, ни въ другой, ни въ третьей, ни въ четвертой, молиться за царя не полагается. Въ самомъ монашескомъ келейномъ правилѣ, извѣстномъ подъ названіемъ «устава, како пѣти дванадесять псаломъ», — нѣтъ молитвы за царя.

«Послѣдователямъ сектъ, признаваемыхъ вредными, общественное богослуженіе воспрещено. У нихъ остается только домашняя молитва. Справедливо ли требовать отъ нихъ того, что не требуется отъ православныхъ?»

«Правда, въ нѣкоторыхъ сектахъ, признаваемыхъ вредными, бывають общественныя богослуженія, не открытыя, не публичныя, но совершаемыя втайнѣ. На этихъ общественныхъ моленіяхъ молитвы за царя не приносятся. Меня раскольники не боятся, и отъ меня ни въ чемъ не таятся; бывалъ я и за литургією, совершаемую раскольничьимъ архіепископомъ Антоніемъ, бывалъ и при молоканскомъ богослуженіи; на хлыстовскихъ и скопческихъ радѣніяхъ бывать не случалось, а на бесѣдахъ ихъ бывалъ. Могу говорить о раскольникахъ не по однѣмъ книгамъ и бумагамъ, но какъ очевидецъ и послухъ. Молоканское богослуженіе состоитъ въ слѣдующемъ: чтеніи молитвы Господней «Отче нашъ», чтеніи главы изъ Ветхаго Завѣта, главы изъ Евангелія, главы изъ Посланій апостоловъ и проповѣди. Между каждыми двумя чтеніями, поютъ псалмы царя Давида, а въ концѣ повторяють молитву Господню. На вопросъ, почему они не молятся за царя, молокане отвѣчали слѣдующее: «потому что не смѣемъ нарушить яснаго повелѣнія Господа Іисуса Христа. Мы и за себя никогда не молимся, и ни за кого. Господь сказалъ: «не уподобляйтесь язычникамъ, которые читають много молитвъ, во многоглаголаніи нѣтъ спасенія. Вотъ

вамъ молитва «Отче нашъ» и проч. Мы въ точности исполняемъ Его слово. Всякое другое слово, всякое другое повелѣніе могутъ быть измѣнены, но земля и небо прейдутъ, слова же Его не прейдутъ. Какъ же намъ отступить отъ яснаго повелѣнія Господа?»

«Подобное тому молокане говорятъ и о присягѣ. Въ синодальной классификаціи сектаторовъ, составленной въ 1842 году, о молоканахъ сказано: «не принимая присяги, они не уважаютъ вѣрности». Присягу по той формулѣ, какая у насъ нынѣ употребляется, молокане и однородные съ ними духоборцы, штундисты, общіе, дѣйствительно отвергаютъ, но не отвергаютъ вѣрности государственной власти и вѣрны ея верховному представителю, государю императору.

«Говоря со мною о присягѣ, одинъ молоканскій наставникъ, крестьянинъ Зуевъ, человекъ весьма развитой и набожный, сказалъ: «какъ читается присяга? самъ я не могу ее произнести; считаю это за тяжкій грѣхъ». Я сказалъ ему: «я, нижепоименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ»...— «Довольно, прервалъ меня Зуевъ, — клянусь вонъ кѣмъ! А Господь воспретилъ клясться даже землею, потому что она подножіе ногъ Его. Какъ же мы осмѣлимся присягать по такой присягѣ? Если бы насъ приводили къ присягѣ по евангельской заповѣди: «ей, ей» и «ни, ни». — мы приняли бы ее безбоязненно».

«Развѣ можно признать такое объясненіе молоканъ за отверженіе присяги и вѣрности государю? До Петра Великаго формула присяги у насъ была такая: «цѣлую крестъ на томъ-то». Клятвы Всемогущимъ Богомъ, столь богохульной по ясному смыслу словъ Иисуса Христа, тогда не было. Эта противная христіанству клятва есть произведеніе высшаго русскаго духовенства времени Петра Великаго. Замѣчательно, однако, что, заставляя весь русскій православный народъ торжественно богохульствовать, произнося современную формулу присяги, какъ высшая духовная власть, такъ и свѣтское правительство служителей алтаря и монаховъ избавляютъ отъ столь явнаго и столь тяжкаго нарушенія повелѣній самого Сына Божія. Ни бѣлое, ни черное духовенство не клянутся Всемогущимъ Богомъ; они показываютъ на судѣ и въ другихъ случаяхъ «по священству и по евангельской заповѣди», т. е. «ей, ей» и «ни, ни». Что сдѣлано для блага духовенства и для монаховъ, того самаго желаютъ и молокане. Вотъ въ чемъ заключается отверженіе ими присяги и то неуваженіе вѣрности, которое несправедливо приписывается имъ синодальною классификаціею 1842 года.

«О молоканахъ и духоборцахъ въ этой синодальной классификаціи сказано: «никакой власти не признаютъ, покоряются только, по колику нельзя противиться». Это несправедливо. Они вѣрны монархическому началу, они признаютъ верховную власть государя императора и поставляемыя имъ начальства. Это выражаютъ они

строгимъ исполненіемъ государственныхъ обязанностей; молокане и вообще всѣ сектанты-раціоналисты исправные плательщики податей; между ними не случается какихъ либо волненій; самыя обыкновенныя въ нашемъ народѣ преступленія и проступки, въ родѣ воровства, обмана, чрезвычайно рѣдки между ними. Они трудолюбивы и трудъ называютъ богопочтеніемъ. Это весьма замѣчательное явленіе въ русскихъ людяхъ, которые вообще не могутъ похвалиться большимъ прилежаніемъ и трудолюбіемъ, которые изстари о самихъ себѣ говорятъ: «матушка-лѣнь прежде насъ родилась». При объясненіи четвертой заповѣди: «помни день субботній», въ нашихъ катихизисахъ говорится только о чествованіи установленныхъ праздниковъ, а молокане говорятъ такъ: «чествованіе седьмаго дня есть только исполненіе первой половины Божіей заповѣди; также строго надобно исполнять и вторую: «шесть дней дѣлай и сотвориши въ нихъ вся дѣла твоя», т. е. каждый изъ шести дней работай нелѣнностно и не смѣй откладывать до понедѣльника никакого дѣла, которое надо исполнить на недѣлѣ». Сосланные въ разныя времена на Кавказъ за сектаторство, молокане составили лучшую и полезнѣйшую часть населенія тамошняго края. Кто бывалъ на Кавказѣ, всякій согласится, что изъ тамошнихъ разновѣрныхъ и разноязычныхъ жителей нѣтъ лучше ленкоранскихъ и другихъ молоканъ, по ихъ трудолюбію, по ихъ домохозяйству, по ихъ примѣрной нравственности и исполненію ими всѣхъ государственныхъ, общественныхъ и семейныхъ обязанностей. Молокане твердо хранятъ повелѣніе апостола Павла: «не упивайтесь виномъ»; пьянства нѣтъ между ними. Чтобы показать вредъ молоканъ, обыкновенно вспоминаютъ убійства на Молочныхъ Водахъ, изуверство фанатика Уклеина, пошедшаго было въ Тамбовъ сокрушать идолы, разумѣя подъ ними святыя иконы, и то, что между молоканами иногда бывали открываемы дѣлатели фальшивой монеты. Все это было давно, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, и все это случаи одиночныя, не имѣющіе ничего общаго съ религіозными вѣрованіями молоканъ. И убійства, и дѣланіе фальшивой монеты и самыя случаи проявленія фанатизма во всякой вѣрѣ случались, случаются и будутъ случаться.

«Въ доказательство невѣрности молоканъ государственной власти, могли бы, пожалуй, еще указать на слѣдующій мало извѣстный фактъ. Лѣтъ восемнадцать тому назадъ, закавказскіе молокане, секты общихъ, объявили своего наставника Комара, или Рудометкина, царемъ и даже короновали его. Но вѣдь это была кукольная комедія, изъ которой ничего, кромѣ смѣха, не вышло. Не произошло ни волненія, ни малѣйшаго замѣшательства единственно потому, что не обратили на это вниманія, отнеслись къ этой коронаціи, какъ къ шутовству. Впрочемъ, если на основаніи коронаціи Комара приписывать всѣмъ молоканамъ противогосударственныя

стремленія, то вѣдь и самую поповщину, всѣми и всегда почитаемую менѣе вредною сектою, должно заподозрить въ томъ же. Вскорѣ по учрежденіи Бѣлокриницкой епархіи, была же затѣя у поповщинскихъ раскольниковъ въ персидскихъ предѣлахъ поставить благочестиваго царя, т. е. раскольника, и вѣнчать его на царство рукою раскольникятаго архіерея. Былъ найденъ и кандидатъ въ цари, и деньги въ Москвѣ на его коронацію были собраны, но нареченный благочестивый царь тѣ деньги въ московскихъ трактирахъ пропилъ, чѣмъ и окончилось его персидское царство. Для чего же была затѣяна такая коронація? Единственно для того, чтобы за благочестиваго царя вынимать особую просфору и чтобы было возможно возглашать слова, напечатанныя въ дониконовскихъ служебникахъ: «богохранимому, боговѣнчанному, христіолюбивому, благовѣрному царю и великому князю», титулъ котораго поповщиною не придается при богослуженіи государю императору, потому что онъ въ ихъ глазахъ иновѣрецъ. Неужели смѣшныя проявленія человѣческой глупости можно считать возмутительными противъ государя и государства? Неужели изъ-за шутовской коронаціи Комара, или изъ-за сбора денегъ на персидскаго благочестиваго царя, можно возводить на миллионы людей тяжкое обвиненіе въ ихъ невѣрности государю и отечеству? О замыслѣ устроить персидское царство, сколько мнѣ извѣстно, кажется, не доходило до свѣдѣнія правительства, и оттого не было на него обращено вниманія; о царѣ же Комарѣ хотя и знали, но также не обратили вниманія. А если бы изъ этихъ проявленій шутовства началось производство слѣдствій и такъ далѣе? Какое бы тяжкое обвиненіе пало тогда на молоканъ и даже на менѣе всѣхъ вредную секту поповщины! Своего царя избрать, короновать! Чего еще больше, чего еще преступнѣе? А между тѣмъ все это были одни пустяки, отъ которыхъ, кромѣ смѣха и глумленій самихъ же раскольниковъ надъ неудавшимися царями, никакого слѣда не осталось. Такіе же пустяки и всѣ остальные обвиненія въ антимонархическихъ ихъ стремленіяхъ. Изъ мухи слона сдѣлать легко, надобно только имѣть къ тому охоту; тутъ и безъ малѣйшаго знанія дѣла можно во всю ширь развернуться. Но полезно ли это? Справедливо ли? Не напоминаетъ ли это мрачной памяти «слово и дѣло»?

«Обвиняютъ молоканъ, что они уклоняются отъ военной повинности. Это правда. Но какъ они уклонялись до ноября 1874 года? Покупали рекрутскія квитанціи. Если же кто былъ не въ состояніи купить ее, дѣлалась въ пользу его складчина, а если средства цѣлаго окологда, населеннаго молоканами, оказывались для того недостаточными, деньги присылались изъ другихъ мѣстъ, отъ ихъ единовѣрцевъ.

«Обвиняютъ молоканъ, что они не только не молятся за царя, но даже не признаютъ царской власти. Такое обвиненіе произошло

вслѣдствіе открыто и безбоязненно ими говоримаго: «Царю земному принадлежитъ наше тѣло, царю небесному и тѣло наше, и душа; предъ земнымъ царемъ мы повинны исполнять земные тѣлесные законы, передъ царемъ небеснымъ и земные, и небесные, и душевные. Въ дѣлахъ внутренней вѣры царь земной не властенъ, властенъ въ нихъ одинъ Богъ. Потому и сказано: «воздадите Божіе Богу, а кесарево Кесарю». Можно ли это назвать противленіемъ царской власти, или непризнаніемъ?

«Что сказано о молоканахъ, то до нѣкоторой степени можетъ быть примѣнимо и къ немолящимся за царя безпоповцамъ: еедосѣвцамъ и проч. Они не поминаютъ государя въ своихъ молитвахъ¹⁾—это правда, но кто изъ первыхъ вооружился, въ 1863 году, въ Западномъ краѣ и въ Сувалкской губерніи противъ мятежныхъ поляковъ? Ѳедосѣвцы. Кто ловилъ и представлялъ по начальству въ то же время распространителей золотыхъ грамотъ и возмутительныхъ прокламацій? Ѳедосѣвцы. Въ синодальной классификаціи 1842 года сказано про нихъ: «они всякую власть нынѣшняго времени почитаютъ антихрисловою». Это правда. Но въ этомъ ужаснаго нѣтъ ничего. Это фигуральное выраженіе, въ переводѣ на обыкновенный языкъ, значитъ: «признаютъ власти нынѣшняго времени не принадлежащими къ ихъ селѣ», что совершенно справедливо. Надобно замѣтить, что еедосѣвцы и нѣкоторыя другія безпоповскія секты, въ ученіи объ антихриствѣ, совершенно расходятся съ ученіемъ православной церкви и раскольниковъ поповщинскаго и другихъ толковъ. Наша церковь, а также поповщина, поморцы и нѣкоторые толки Спасова согласія, признаютъ пришествіе антихриста предъ концомъ міра чувственнаго, какъ выражаются раскольники, т. е. имѣющаго нѣкогда родиться человѣка, который, достигнувъ высшей власти, явится гонителемъ Христовой церкви. Ѳедосѣвцы же, напротивъ, признаютъ антихриста духовнаго, а не чувственнаго, не человѣка, а антихристіанское ученіе. По ихъ понятіямъ, все, что противно, что не согласно не только съ христіанскимъ, но и съ содержимыми ими преданіями и обрядами, — есть антихриствѣ, который, по понятіямъ ихъ, явился еще тогда, когда Христосъ былъ на землѣ. Упоминаемые въ Евангеліи книжники, фарисеи, Искаріотъ, іудейскіе архіереи, Иродъ, Пилать, затѣмъ Неронъ и другіе римскіе императоры, Мохамедъ, еретики, папа, Лютеръ, патріархъ Никонъ, словомъ все, что не только гнало церковь, или враждовало противъ нея, но и все, что не принадлежало и не принадлежитъ Христовой церкви, — антихриствѣ. А церковь Христова, по мнѣнію еедосѣвцевъ, сохранилась только въ ихъ

¹⁾ Однако употребляютъ выраженіе: «вознеси рогъ Христа Твоего». Эти слова, относящіяся къ государю, называемому здѣсь Христомъ, т. е. помазанникомъ невѣжественные раскольники относятъ къ Господу Іисусу Христу.

Примѣчаніе Мельникова.

обществѣ, поэтому царь, власти, какъ духовныя, такъ и гражданскія, всѣ православныя, всѣ иновѣрцы, словомъ всѣ, не принадлежащія къ сектѣ еедосѣвцевъ, — есть антихристъ. Это заблужденіе, это рѣзкое выраженіе — такъ, но преступленіе ли? И что тутъ вреднаго въ гражданскомъ отношеніи?

«Поповщинская секта всѣми безпрекословно признается менѣе вредною, и это совершенно справедливо. Въ синодальной классификаціи 1842 года она также признается менѣе вредною на томъ основаніи, что ея послѣдователи совершаютъ молитвы за царя и признають браки. Но въ дѣйствительности отдѣлъ поповцевъ, извѣстный подъ именемъ «раздорниковъ», во главѣ котораго стоятъ архіереи Антоній II и Іосифъ Нижегородскій, на эктѣніяхъ и въ другихъ молитвахъ царя не поминають.

«Подъ вліяніемъ духовенства, безъ малаго сто шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ одномъ указѣ, всѣ раскольники безъ исключенія были названы «непрестанно государю и государству зло мыслящими». Не по однѣмъ книгамъ, не по однѣмъ официальнымъ бумагамъ, а лицомъ къ лицу, впродолженіе тридцати лѣтъ имѣлъ я случай ознакомиться съ главными отраслями раскола и съ мелкими его подраздѣленіями, но не зналъ и не знаю ни одной раскольничьей секты, государю и государству зломыслящей.

«Тотъ указъ, о которомъ выше упомянуто, данъ былъ Петромъ Великимъ. Реформы великаго преобразователя безпощадно ломали не только прежній государственный строй, но и частный, домашній бытъ русскихъ людей. Противленіе, хотя глухое и пассивное, этимъ реформамъ, особенно со стороны раскольниковъ, дѣйствительно было, и Петръ не могъ равнодушно относиться къ этому противленію, когда раскольники въ своихъ сочиненіяхъ доказывали, что онъ не сынъ царя Алексѣя Михайловича, пропавшій за моремъ безъ вѣсти, а нѣкій жидовинъ отъ колѣна Данова, антихристъ, сынъ погибельный. Не могъ Петръ равнодушно относиться къ раскольникамъ, когда даже иные православныя архіереи, какъ, напримѣръ, Игнатій Тамбовскій, раздѣляли мнѣніе Григорія Талицкаго, объявившаго Петра антихристомъ и апокалипсическимъ звѣремъ... Потому и понятны гнѣвные слова раздраженнаго монарха, подсказанныя ему, впрочемъ, Феофаномъ Прокоповичемъ и другими учеными архіереями изъ Кіева. Но теперь совсѣмъ другое время и другое отношеніе раскольниковъ къ правительственной власти. Преобразованія, совершенныя и совершаемыя нынѣ государемъ императоромъ, шире, разнообразнѣе и благотворнѣе реформъ петровскихъ, но они совершаются въ народномъ духѣ, и потому раскольники не только не мыслятъ зла государю и государству, но торжественно, предъ лицомъ всей Россіи, говорятъ государю императору: «въ новизнахъ твоего царствованія намъ святая наша старина слы-

шится»¹⁾. И кто же это сказалъ? Ѳедосѣевцы въ главнѣйшей ихъ общинѣ, Преображенскомъ кладбищѣ, въ Москвѣ. Это выразили они во всеподданнѣйшемъ адресѣ, представленномъ государю императору, въ 1863 году, по случаю возмущенія поляковъ. Этотъ задуманный, искренній, истинно русскій голосъ едосѣевцевъ раздался изъ Москвы въ то самое время, когда ихъ одновѣрцы въ западныхъ губерніяхъ, добровольно вооружившись противъ польскихъ мятежниковъ, проливали кровь свою за цѣлость и единство русскаго государства²⁾, а въ восточныхъ ловили распространителей возмутительныхъ прокламацій. Этотъ голосъ умиленія передъ царемъ-преобразователемъ можно ли назвать голосомъ людей вредныхъ, людей, не признающихъ царской власти, что будто бы доказывается тѣмъ, что они не поминаютъ государя въ своихъ молитвахъ?

Гдѣ источникъ свѣдѣній о противогосударственныхъ стремленіяхъ раскольниковъ вообще, а молоканъ съ духоборцами въ особенности? Откуда первоначально получены и потомъ отъ времени до времени получались эти свѣдѣнія, со временъ Петра Великаго переходяція отъ однихъ къ другимъ, въ средѣ духовныхъ и свѣтскихъ властей, въ средѣ духовныхъ и отчасти свѣтскихъ писателей, въ средѣ церковныхъ учителей, въ официальныхъ бумагахъ и, наконецъ, въ самомъ законодательствѣ? Отъ раскольниковъ, обратившихся въ православіе, со дней Пятирима Нижегородскаго и Іоны Львова даже до сегодня. Но можно ли имъ довѣрять вполнѣ, можно ли полагаться на ихъ слова безусловно? На этотъ вопросъ можно отвѣчать словами императора Александра Павловича: «при доносахъ и обвиненіяхъ, въ подобныхъ случаяхъ требуется внимательнаго разбора, отъ кого сіи доносы происходятъ и какія могли быть побудительныя причины къ онымъ. Такъ и двое изъ духоборцевъ, кои, по обращеніи къ православной церкви, показали на сіе общество разныя преступленія и свидѣтельствовали о развратной жизни въ ономъ, могли учинить сіе по злобѣ или мщенію, ибо легко можетъ быть, что они отвергнуты были сами отъ общества за дурныя поступки, или оставили оное изъ ссоры или вражды»³⁾.

«При порученныхъ мнѣ, лѣтъ двадцать пять тому назадъ, по высочайшему повелѣнію, изслѣдованіяхъ о расколѣ, я неминучемо

¹⁾ Я слышалъ отъ многихъ лицъ, что этотъ знаменитый въ своемъ родѣ адресъ раскольниковъ былъ написанъ П. И. Мельниковымъ. Въ бумагахъ его я не нашелъ никакихъ слѣдовъ, которые подтверждали бы это предположеніе.
Ус.

²⁾ Нѣсколько едосѣевцевъ изъ Западнаго края живутъ теперь монахами въ Никольскомъ единовѣрческомъ монастырѣ въ Москвѣ и показываютъ на тѣлѣ своемъ «польскія памятки», какъ они выражаются, слѣды ранъ, полученныхъ въ схваткѣ съ бандою графа Моля. Примѣчаніе Мельникова.

³⁾ Именной высочайшій указъ херсонскому губернатору, отъ 9-го декабря 1816 г., помѣщенный въ Полномъ Собраніи Законовъ.

«истор. вѣстн.», июль, 1866 г., т. хл.

долженъ былъ собирать свѣдѣнія о немъ отъ обратившихся изъ раскола, какъ людей, коротко знавшихъ всѣ тайны прежнихъ своихъ одновѣрцевъ. Вслѣдствіе того въ мои «отчеты о современномъ состояніи раскола», представленные бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, графу Перовскому и Бибикову, вошло немало такого, что въ послѣдствіи, когда ознакомился я съ раскольниками короче, оказалось совершенно несправедливымъ.

«Сектъ, не признающихъ царской власти, я не знаю. Такая секта была бы совершенно несообразна съ духомъ русскаго народа, для котораго Россія безъ царя немыслима. Раскольники принадлежатъ къ низшимъ классамъ общества, въ среднемъ же малочисленны, а въ высшемъ, гдѣ только и появлялись иногда антимонархическія стремленія, раскольниковъ нѣтъ. Антимонархизмъ имъ совершенно непричастенъ. Даже скопцовъ, увѣренныхъ, что императоръ Петръ III живъ доселѣ и есть настоящій государь, царь израильскій, а царствующій императоръ только его намѣстникъ, даже и этихъ сумасбродовъ едва ли можно признать антимонархистами. Старавшіеся навлечь на раскольниковъ подозрѣнія въ ихъ невѣрности государямъ обыкновенно указывали на нѣкоторыя сочиненія фанатиковъ, преимущественно прошлаго еще столѣтія, въ родѣ «Сказаніе объ Антихристѣ, иже есть Петръ I», «Барнаульскихъ отвѣтовъ», «Разглагольствія Тюменскаго странника», «Объ орлѣ въ книгѣ Эздры» и др. Но эти сочиненія не пользуются уваженіемъ раскольниковъ, притомъ до чрезвычайности рѣдки; увлечься ими можетъ развѣ такой же слѣпой фанатикъ, какъ и неизвѣстные ихъ авторы, но никакой маломальски здравомыслящій человекъ имъ не повѣритъ. Указываютъ также на историческіе факты: вторженіе раскольниковъ въ Грановитую палату при царевнѣ Софіи, убійство московскаго архіепископа Амвросія во время чумы и благословеніе иргизскимъ монахомъ Филаретомъ Пугачева на царство. Другихъ фактовъ за всѣ 220 лѣтъ существованія раскола, при всемъ стараніи своемъ, не находятъ. Но во вторженіи раскольниковъ въ Грановитую палату виноваты были князь Хованскій и другіе бояре, а стрѣльцы-раскольники въ тотъ же самый день выдали правительству ворвавшихся во дворецъ Никиту Пустосвята съ товарищами. Во время чумы взбунтовалась вся московская чернь, и если раскольнику Юрцеву довелось отыскать спрятавшагося Амвросія, то убійство этого архіепископа толпою православныхъ, раздраженныхъ его распоряженіемъ не допускать народныхъ собраній предъ иконою Боголюбской Богородицы, едва ли должно пасть обвиненіемъ на раскольниковъ. Филаретъ дѣйствительно благословилъ Пугачева, а сколько православныхъ священниковъ и даже архимандритовъ (напримѣръ, въ Саранскѣ) встрѣчали самозванца съ крестомъ и поминали въ церквахъ не только его, но и «императрицу Устинью Петровну». Даже казанскій архіепископъ Веніа-

минь былъ замѣшанъ въ пугачевское дѣло, хотя впоследствии и оправдался.

«Въ послѣднее время антимонархическія и демократическія стремленія приписывали раскольникамъ только Герценъ, его послѣдователи и почитатели. А чѣмъ отвѣтили раскольники на это и на другія заигрыванія съ ними лондонскихъ публицистовъ? Анаеомо, провозглашенною въ извѣстной архипастырской грамотѣ Герцену и всякому, кто будетъ находиться съ нимъ въ сношеніяхъ. Эта грамота, подписанная раскольничьими архіереями, была напечатана въ Яссахъ, но въ Россію не пропущена; на нее взглянули, какъ на вредную для общественнаго спокойствія. До архипастырскаго посланія, 24-го февраля 1864 года, митрополитъ Кириллъ говорилъ русскимъ раскольникамъ: «къ симъ же завѣщаю вамъ, возлюбленніи: всякое благоразуміе и благопокореніе покажите предъ царемъ вашимъ и отъ всѣхъ враговъ его и измѣнниковъ удаляйтесь и бѣгайте, яко же отъ мятежныхъ поляковъ, такъ наипаче отъ злокозненныхъ безбожниковъ, гнѣздящихся въ Лондонѣ и оттуда своими писаніями возмущающихъ европейскія державы. Бѣгайте убо онѣхъ треклятыхъ, имъ же образомъ бѣжить челоувѣкъ отъ лица звѣрей страшныхъ и зміевъ пресмыкающихся, то бо суть предатели антихристовы, тщащіяся безначаліемъ предуготовить путь сыну погибельному. Вы же не внимайте лаянію сихъ псовъ адскихъ, представляющихъ аки бы сострадающими челоувѣчеству, но вѣруйте, яко Богъ учинилъ есть началство въ общую пользу, безъ него же вся превратятся и погибнуть»...

«Письмо Павла Великодворскаго, уроженца города Валдая, потомъ настоятеля монастыря Бѣлокриницкаго, чрезвычайно умнаго и образованнаго челоувѣка, сочинителя устава раскольничьей іерархіи, утвержденнаго въ 1844 году императоромъ Фердинандомъ, лучше всего показываетъ политическое настроеніе раскольниковъ. Павелъ, бѣглець изъ Россіи, устраиваетъ за границею іерархію, но совращенный имъ въ расколъ митрополитъ Амвросій, «по злобѣ сѣвера» (т. е. русскаго правительства), по выраженію Павла, и по настояніямъ князя Меттерниха, арестованъ и увезенъ въ Цилль; Бѣлая Криница запечатана, тамошніе монахи разошлись. Павелъ, много лѣтъ трудившійся надъ созданіемъ бѣлокриницкой іерархіи, исходившій Турцію, Персію, Египеть, отыскивая тамъ «древлеблагочестивыхъ архіереевъ», видитъ разрушеніе дѣла, которому посвятилъ всю жизнь свою, возмущенъ до глубины души, и въ происшедшей тогда въ Вѣнѣ революціи видитъ персть Божій, отомщающій австрійскому правительству за разрушеніе созданной имъ іерархіи. «Въ тотъ самый день, когда взяли митрополита, пишетъ онъ въ Москву (въ іюнь 1848 г.), случилась революція, и царя Фердинанда заставили подписать конституцію, а въ тотъ день, когда запечатали Бѣлую Криницу, князя Меттерниха едва не убили, и онъ бѣжалъ».

этому Павелъ, радъ невагодамъ, постигшимъ Австрію, но, обращаясь къ своимъ землякамъ, къ русскимъ раскольникамъ, къ москвичамъ, говоритъ: «теперь у насъ вольность вѣрмъ и конституція, но это горе, а грядетъ еще вдвое. Конституція—ножь медомъ помазанъ на погубленіе людей; она отъ антихриста, ибо царь Богомъ поставленъ. И если вы когда услышите отъ кого одно слово конституція—бѣгайте отъ того».

«Таковъ взглядъ русскихъ раскольниковъ на царскую власть. Только недоброхотъ Россіи, ея внутренней тишинѣ и спокойствію, можетъ приписывать раскольникамъ антимонархическія и демократическія стремленія. Кромѣ Герцена, такія стремленія приписывали имъ еще горько обманувшіеся въ своихъ расчетахъ на раскольниковъ поляки.

«Отверженіе брака или допущеніе срочныхъ или временныхъ супружескихъ союзовъ поставлено вторымъ признакомъ вредности раскольничьихъ сектъ въ гражданскомъ отношеніи.

«Какъ монархическое начало (относительно раскольниковъ выражающееся не въ ихъ молитвахъ, а въ свободномъ и исполнѣ сознательномъ признаніи царской власти не только за страхъ, но и за совѣсть) составляетъ основу государственнаго строя Россіи, такъ и брачный союзъ составляетъ краеугольный камень семьи и гражданского общества. По этимъ двумъ признакамъ, и только по этимъ двумъ, можно и должно распредѣлить раскольниковъ на два отдѣла: вредныхъ и менѣе вредныхъ. Третьяго признака нѣтъ и быть не можетъ.

«Изъ вѣхъ сектъ только двѣ отвергаютъ бракъ, скопцы и хлысты. Послѣдніе, мало того, что сами отвергаютъ брачный союзъ, но и на сторонѣ препятствуютъ заключенію супружества. Изъ хлыстовъ болѣе четырехъ пятыхъ женщины, преимущественно старыя дѣвки, смолоду обрекли себя на безбрачіе. Онѣ живутъ не въ семейныхъ домахъ «своихъ родныхъ, но преимущественно въ такъ называемыхъ келейныхъ рядахъ», застроенныхъ бобыльскими домами, или же въ особыхъ избенкахъ на задворицахъ и огородахъ ихъ родственниковъ. Эти старыя дѣвки строгія постницы, никогда не употребляющія мясной пищи, усердныя молитвенницы, бывающія въ православной церкви чуть не каждый день, по четыре раза въ году бывающія на исповѣди и у святаго причастія, которое, однако, на своихъ собраніяхъ и радѣніяхъ называютъ не иначе какъ «тюрею» (деревенское кушанье: крошенный черный хлѣбъ съ лукомъ и квасомъ), пользуются репутаціею самыхъ усердныхъ къ церкви Божіей людей и всегда находятся подъ покровительствомъ не только сельскаго, но и высшаго духовенства. Онѣ весьма нерѣдко занимаются обученіемъ дѣтей грамотѣ (такія извѣстны подъ именемъ «мастерицъ»), причемъ стараются внушить имъ святость безбрачной жизни. Съ ранняго возраста онѣ склоняютъ деревенскихъ

дѣвушекъ на безбрачіе, особенно хворыхъ, малосильныхъ, дурныхъ собою, имѣющихъ физическіе недостатки, словомъ такихъ, которыя не рассчитываютъ на жениховъ. Но и здоровыя, сильныя и красивыя дѣвицы не избѣгаютъ сѣтей хлыстовокъ. Убѣжденная ихъ доводами дѣвица надѣваетъ на голову черный платокъ въ распускъ и вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ названіе «христовой невѣсты» и переходитъ жить въ келейный рядъ или на задворицу и вскорѣ затѣмъ дѣлается послѣдовательницею хлыстовской ереси и посвящается въ ея тайны. Такая пропаганда безбрачія ведется, впрочемъ, не съ однихъ задворицъ: женскія общины, столь умножившіяся въ послѣднее время, и даже нѣкоторые женскіе монастыри весьма причастны такой пропагандѣ. Не должно забывать, что хлыстовщина въ прошломъ столѣтіи распространилась по Россіи изъ московскихъ женскихъ (всѣхъ безъ исключенія) и нѣкоторыхъ мужскихъ монастырей, что монахини бывали хлыстовскими богородицами, а монахи пророками и христами. Въ черномъ духовенствѣ, даже до послѣдняго времени, постоянно являлись хлысты и даже скопцы, о чемъ производились слѣдственные дѣла¹⁾; въ прошломъ же столѣтіи даже одинъ архіерей (Досифей Ростовскій) былъ хлыстомъ. Вообще хлыстовщина отъ монашества стоитъ не очень далеко; оттого-то иные монашествующіе и сочувствуютъ хлыстамъ, которые, исполняя всѣ христіанскія обязанности, говѣя по четыре раза въ годъ, постничая, умерщвляя свою плоть, считаются самыми усердными православными. Оттого за ними и трудно, почти совсѣмъ невозможно, услѣдить. Въ 1842 году, въ Нижегородской губерніи была открыта хлыстовская ересь. Начальницею ея была мордовка Арина Лазаревна, а послѣдователями оказались жительницы Зеленогорской женской общины, благочинный села Ревезени, архіерейскій духовникъ, совѣтникъ губернскаго правленія, помощникъ управляющаго удѣльною конторою и другіе. Въ Ягодинской общинѣ (Княгининскаго уѣзда) также замѣчались хлыстовки, а въ 1862 году, явились даже самозванки, двѣ великія княгини, Марія Николаевна и Ольга Николаевна, волновавшія временно обязанныхъ крестьянъ²⁾. Въ хлыстовки поступаютъ и вдовы, даже и замужня женщины, разрывая, разумѣется, бракъ. Около 1850 года въ Горба-

¹⁾ Въ 1866 году, въ Святогорскомъ монастырѣ Харьковской епархіи открыты были оскопленные послушники. Мельн.

²⁾ См. «Нижегородскій Сборникъ», издаваемый нижегородскимъ статистическимъ комитетомъ, т. I, статью «О ходѣ крестьянскаго дѣла», Богодурова. Я видѣлъ этихъ самозванокъ и говорилъ съ ними: одна изъ бывшаго въ Смоленскѣ воспитательнаго дома, другая изъ Петербургской губерніи, дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника Богданова. Онѣ внушали крестьянамъ требовать дароваго «сиротскаго» надѣла, т. е. одной четверти полнаго надѣла, обѣщая, что остальные три части подарятъ имъ особы императорской фамиліи, которыхъ самозванки называли «братцами» и «сестрицами». Мельн.

товскомъ убѣдѣ производилось дѣло о томъ, какъ хлыстовки давали крестьянкамъ растворъ мышьяка для отравленія мужей, съ цѣлію поступить потомъ въ «хлыстовскій корабль».

«Хлыстовская секта, довольно многочисленная, хотя совсѣмъ почти неуловимая, непремѣнно должна быть признана вредною, стѣснена въ отправленіи своихъ радѣній и преслѣдуема за распространеніе безбрачія. Строжайшимъ образомъ должно воспрещать имъ обученіе дѣтей, какъ бы ни ходатайствовало за нихъ духовенство, даже самое высшее. Хлыстовщина — страшная язва Россіи, скрывающаяся подъ личиною лицемѣрія и ханжества; эта язва по временамъ проникаетъ и въ высшіе слои общества: въ Михайловскомъ замкѣ былъ хлыстовскій корабль «Татариновой», въ которомъ участвовали даже министры, директора департаментовъ, вмѣстѣ съ солдатами — музыкантами и въ то же время пророками (Никита Ѳедоровъ). И теперь, какъ слышно, водятся хлысты кое-гдѣ въ высшихъ классахъ общества. Скопцы произошли отъ хлыстовъ, и доселѣ хлысты составляютъ контингентъ скопчества. Сверхъ уродованія человѣческаго тѣла, по сильной пропагандѣ безбрачія, подкрѣпляемой деньгами, скопцы также должны быть признаны вредными, какъ и хлысты.

«Что касается до безпоповцевъ, не признающихъ брачнаго союза, то въ отношеніи ихъ существуетъ недоразумѣніе. И еодосѣвцы, и немногіе остатки нѣкогда многочисленной филипповщины, и другіе безпоповцы признаютъ браки de facto, не признавая ихъ de jure. Они говорятъ: со временъ патріарха Никона благодать взята на небо, разсыпался освященный чинъ, и не стало руки освящающей, которая могла бы совершать таинства. Оттого у нихъ и нѣтъ таинствъ, кромѣ двухъ, которыя, въ случаѣ нужды, православная церковь дозволяетъ совершать и простолюдинамъ: крещенія и покаянія. Брака освятить некому, потому церковнаго брака у нихъ и нѣтъ. Но бракъ нецерковный существуетъ. Каждый безпоповецъ смолоду до старости имѣетъ одну сожительницу, съ которой сходится безъ всякихъ обрядовъ. Употреблять молитвы при совершеніи такого брака страшный грѣхъ, ибо это, по понятіямъ безпоповцевъ, не бракъ, но блудное сожитіе, хотя и грѣховное, но допускаемое, терпимое «немоци ради чловѣческой». Живущіе въ такомъ брачномъ союзѣ — грѣшники; оттого они и не допускаются въ часовни къ богослуженію, а могутъ стоять только въ притворѣ, какъ тяжко согрѣшившіе. Послѣ каждой исправы (исповѣди), они несутъ тяжелыя эпитиміи, сотъ по пяти земныхъ поклоновъ въ день. Прекратившіе, по старости, супружескія отношенія считаются дѣвственниками, чистыми, вполне принадлежащими къ «избранному стаду». Съ тѣми членами своей семьи, которые еще «мірчатся», т. е. находятся еще въ сожитіи, чистые не имѣютъ общенія ни въ пищѣ, ни въ питіи, ни въ мо-

литвѣ. У тѣхъ и у другихъ въ особомъ уголѣ стоятъ свои образа, на полкахъ особая посуда, даже особая кадка для воды. Но раздоромъ семейныхъ изъ-за такого раздѣленія никогда не бываетъ. Сожителство едосѣвцевъ и другихъ безпоповцевъ, не имѣющихъ освященнаго брака, крѣпко, неразрывно. Невѣрность сожительницы или сожителя случается чрезвычайно рѣдко. До тѣхъ поръ пока не сойдутся въ сожителствѣ, и молодые люди, и молодыя дѣвушки грѣшатъ, но какъ скоро сошлись, поселились въ одномъ домѣ, стали жить какъ мужъ съ женою, этого рода грѣхи навсегда прекращаются. Вдовъ, имѣющихъ любовныя связи, даже и не слышно. Когда, наконецъ, доживъ до извѣстныхъ лѣтъ, сожители рѣшаются прекратить супружескія отношенія и поступить въ дѣвственники, въ чистые, они остаются жить въ одномъ домѣ, и сожительница попрежнему остается полною хозяйкою въ домѣ и матерью своихъ дѣтей. Что святѣйшій синодъ при добавленіи къ классификаціи, составленной въ высочайше учрежденномъ временномъ комитетѣ по дѣламъ о раскольникахъ, разумѣлъ подъ срочными или временными супружескими сожитіями, — я не знаю и не понимаю. Случаются у безпоповцевъ, какъ и вездѣ, злоупотребленія, расходятся сожитель съ сожительницею и живутъ особо, но это бываетъ несравненно рѣже, чѣмъ въ средѣ образованныхъ православныхъ, совершившихъ церковный бракъ. По деревнямъ это дѣло почти неслыханное; въ большихъ городахъ встрѣчаются изрѣдка такіе случаи, чаще всего они въ Ригѣ. Еще въ 1837 году тамошній преосвященный Иринархъ представлялъ, что рижскіе едосѣвцы часто мѣняють женъ. «Отсюда, писалъ преосвященный, происходитъ неимоверное множество бѣдныхъ въ раскольниковой массѣ, ибо мужа, проживши нѣсколько лѣтъ со своими женами и наживши дѣтей, оставляють ихъ и вступаютъ въ сожитіе съ другими женами сколько имъ угодно; бѣдныя матери таскаются по улицамъ съ несчастными дѣтьми цѣлыми стаями». Но это есть не что иное, какъ послѣдствіе соприкосновенія раскола съ европейскою цивилизаціею. Чѣмъ болѣе коснулась эта цивилизація безпоповцевъ, тѣмъ слабѣе узы ихъ сожителства, ихъ нецерковнаго брака. А это происходило оттого, что до прошлаго года прочность раскольниковыхъ супружествъ не была ограждена закономъ. По деревнямъ и даже по городамъ коренной Россіи бываютъ явленія вовсе не такія, какъ въ Ригѣ: тамъ разошедшійся съ сожительницею подвергается общему презрѣнію единовѣрцевъ, что всегда имѣетъ пагубное вліяніе на его кредитъ и торговыя дѣла. Это и сдерживаетъ тѣхъ, которые хотѣли бы покинуть сожительницу и дѣтей, ею рожденныхъ. А покинутая всегда встрѣчаетъ въ своемъ обществѣ самое горячее сочувствіе. Надобно полагать, что святѣйшій синодъ подъ «временными» браками разумѣетъ случаи, столь нерѣдкіе въ Ригѣ, но что же разумѣлъ онъ

подъ «срочными» браками? Слово срочный предполагаетъ предварительное соглашеніе о срокѣ сожителства, дѣлаемое въ то время, когда сожители сходятся. Такихъ соглашеній, такихъ условій никогда не бывало даже въ самой Ригѣ.

«Поэтому и безпоповцевъ, которые считаются не признающими браковъ, нельзя признать таковыми, ибо они не имѣютъ только освященнаго, церковно-обрядоваго брака, сожителство же ихъ вполне имѣетъ характеръ твердаго, прочнаго и нерасторжимаго гражданскаго союза, хотя, по ихъ понятіямъ, и грѣховнаго, но не прекращающагося по отношенію къ хозяйству, воспитанію дѣтей и взаимной помощи даже и тогда, когда сожители, по общему между собою соглашенію, перестаютъ раздѣлять ложе. Семья тверда и крѣпка, а это только и важно въ гражданскомъ отношеніи.

«Въ прошломъ 1874 году, узаконенъ порядокъ заключенія раскольничьихъ браковъ, съ предоставленіемъ на ихъ волю освящать или не освящать ихъ по содержимымъ сектаторами обрядамъ. Такимъ образомъ существовавшая доселѣ крѣпость безпоповскихъ браковъ *de facto* стала существовать *de jure*. Признать непризнающими браковъ тѣхъ раскольниковъ, которые, являсь въ мѣсто заключенія браковъ, заявлять, что они признаютъ брачное нерасторжимое сожителство, нельзя. Самое ихъ появленіе предъ лицомъ, записывающимъ браки, есть уже совершенное доказательство того, что они признаютъ браки.

«Относительно записыванія раскольниками браковъ по новому законоположенію ничего положительнаго въ настоящее время сказать пока еще нельзя. Новый законъ обнародованъ въ концѣ 1874 года, когда былъ филипповъ постъ. Затѣмъ, въ январѣ и февралѣ были только 22 дня, въ которые можно было совершать браки по церковному положенію. А раскольники, даже и не совершающіе брачныхъ обрядовъ, свято соблюдаютъ обычай сходитьса на сожитіе только въ установленные дни. Свадьбы начнутся съ 20-го апрѣля, но весною и лѣтомъ онѣ совершаются въ народѣ рѣдко. Большинство свадебъ совершается въ октябрѣ, первой половинѣ ноября, въ январѣ и отчасти въ февралѣ. Слѣдовательно, не ранѣе новаго 1876 года, можно будетъ сказать что нибудь положительное относительно того, какъ принять новый законъ о бракахъ раскольниками. Съ осени 1874 года сельскихъ и городовыхъ раскольниковъ я не видалъ; лѣтомъ надѣюсь узнать ихъ взглядъ на новый законъ, а теперь могу объяснить лишь то, что замѣчено мною въ средѣ московскихъ раскольниковъ. Они недовольны: 1) тѣмъ, что записка браковъ производится въ полиціи, а не у нотариусовъ; 2) тѣмъ, что имена желающихъ вступить въ бракъ вывѣшиваются въ полиціи на стѣну, и 3) тѣмъ, что, при заявленіи о бракѣ, они должны себя называть раскольниками.

«Ни для кого не тайна, что наша полиція уваженіемъ народа

не пользуется. Быть призваннымъ въ полицію считается дѣломъ зазорнымъ. Считаю излишнимъ входить здѣсь въ объясненія, какъ въпродолженіе, можно сказать, вѣковъ сложился такой взглядъ народа на полицію,—заявляю только общеизвѣстный фактъ. Заявленіе о бракѣ въ полицейскомъ управленіи считается раскольниками зазорнымъ и даже постыднымъ. Можно думать, что это многихъ раскольниковъ удержитъ отъ записки своихъ браковъ. Они желали бы заключать ихъ у нотаріусовъ. Правда, во многихъ губерніяхъ нотаріусы находятся только въ губернскихъ городахъ, что было бы затруднительнымъ для раскольниковъ, живущихъ по окраинамъ губерній, но по закону для совершенія гражданскихъ актовъ мѣсто нотаріуса можетъ замѣнить участковый мировой судья. Браки записываются только въ полицейскихъ управленіяхъ, т. е. въ губернскомъ и уѣздномъ городахъ, а мировыхъ судей по три и по четыре въ уѣздѣ. Записка у нихъ браковъ значительно облегчила бы раскольниковъ: имъ не надобно было бы совершать далекія поѣздки въ города.

«Въ полицейскихъ управленіяхъ вывѣшиваются на стѣну разнаго рода объявленія; случаются между ними и объявленія о сыскѣ бѣглыхъ, о примѣтахъ бѣжавшихъ преступниковъ и укрывшихся мошенниковъ и т. п. Раскольникамъ кажется обиднымъ, что рядомъ съ такими объявленіями вывѣшиваются имена жениховъ и невѣстъ изъ ихъ среды. Противъ вывѣшивания именъ жениховъ и невѣстъ въ камерахъ мировыхъ судей или у нотаріусовъ они ничего не имѣютъ. Въ Москвѣ и Петербургѣ, по ихъ мнѣнію, можно было бы замѣнить эту вывѣску публикаціями въ полицейскихъ вѣдомостяхъ, а по другимъ мѣстамъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ. Но печатаніе въ губернскихъ вѣдомостяхъ едва ли примѣнимо на практикѣ; для живущихъ въ отдаленіи отъ губернскаго города дѣло пойдетъ чрезвычайно медленно, а такая медленность будетъ сопряжена съ большими расходами, ибо во все время, когда есть въ домѣ сговоренные женихъ или невѣста, бываютъ лишніе расходы, какъ бы надолго свадьба ни была откладываема.

«Наименованіе себя раскольниками, при запискѣ брака, они считаютъ для себя обиднымъ. Московскіе раскольники подали просьбу московскому генералъ-губернатору, въ которой ходатайствуютъ о замѣнѣ слова «раскольникъ» словомъ «старообрядецъ». Такая замѣна относительно одной, впрочемъ, поповщины въ нашемъ законодательствѣ была допущена при Екатеринѣ II и удерживалась до 12-го апрѣля 1837 года, когда высочайше утвержденнымъ журналомъ секретнаго комитета постановлено было: «старообрядцевъ, для болѣе точности въ различіи сектъ, именовать раскольниками поповщинской секты». Но если будутъ дарованы права всемъ мнѣ вреднымъ сектамъ, то слово старообрядецъ не будетъ примѣнимо къ нѣкоторымъ изъ нихъ. Молоканъ, вовсе не имѣющей

обрядовъ, какъ назоветъ себя старообрядцомъ? Кажется, возможно было бы слово раскольникъ замѣнить словами: «рожденный или находящійся внѣ православной церкви и внѣ дозволенныхъ иновѣрныхъ исповѣданій».

«Кромѣ сектъ, о которыхъ было говорено въ Сводѣ Законовъ и въ Уложеніи о наказаніяхъ, упоминается еще секта иконоборцевъ, причисленная къ вредѣйшимъ. Особой секты иконоборцевъ нѣтъ и никогда не бывало. Въ первый разъ упоминается о ней въ 1816 году, когда оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода было объявлено, чтобы всѣ иконоборцы, остающіеся непреклонными въ своемъ заблужденіи, были отосланы на Молочныя Воды. Это—молокане. Въ 1830 году, иконоборцы были причислены къ вреднымъ сектамъ вмѣстѣ съ духоборцами, молоканами и иудействующими. И тѣ, и другіе, и третьи отвергаютъ иконы и потому могутъ быть названы иконоборцами, но особой секты иконоборцевъ и въ 1830 году, и послѣ того, не было. Затѣмъ, они во всѣхъ дальнѣйшихъ постановленіяхъ правительства упоминаются только при перечисленіи вредныхъ сектъ. О числѣ послѣдователей вредныхъ сектъ губернаторы обязаны ежегодно представлять въ министерство внутреннихъ дѣлъ вѣдомости. Въ этой вѣдомости стоитъ графа «иконаборцы». Кого же туда писать, если для молоканъ, духоборцевъ, иудействующихъ есть особая графы? Случалось, что и писали вотъ какихъ иконоборцевъ. Въ тридцатыхъ годахъ, въ Княгининскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи сгорѣли дома Курочкина и нѣкоторыхъ другихъ. Послѣ пожара, когда у нихъ сгорѣли древнія иконы, другихъ такихъ они никакъ не могли достать и, не желая молиться на столь древнимъ иконамъ, стали молиться на востокъ. Сельское духовенство донесло, что они иконоборцы; былъ даже чрезъ нѣсколько времени на нихъ другой доносъ, будто бы они принадлежатъ къ древней персидской вѣрѣ, — поклоняются солнцу. Замѣтивъ, что, вставъ лѣтомъ съ восходомъ солнца, они молятся на востокъ, мѣстный священникъ, желая, можетъ быть, похвастаться знаніемъ, кому поклонялись древніе персы, причислилъ къ нимъ Курочкина съ товарищами. Въ губернаторской канцеляріи къ солнцепоклонникамъ ихъ не отнесли, вѣроятно, потому, что такой графы въ представляемыхъ вѣдомостяхъ не было, а въ графу иконоборцевъ включили. И такъ доносили о мнимыхъ иконоборцахъ Княгининскаго уѣзда ежегодно болѣе двадцати лѣтъ. Въ 1854 году, исполняя высочайшее повелѣніе, я изслѣдовалъ расколъ въ Нижегородской губерніи и съ большимъ любопытствомъ поѣхалъ къ иконоборцамъ, которыхъ мнѣ нигдѣ не приводилось видѣть. Въ это время Курочкинъ и его одновѣрцы давно уже обзавелись древними иконами и преусердно молились имъ. Изъ рассказовъ оказалось, что они едосѣвцы. Не слѣдуетъ ли исключить ихъ изъ Свода

Законовъ вреднѣйшую, хотя и никогда не существовавшую, особую секту иконоборцевъ?

«Щегольство духовенства полученными имъ въ семинаріи свѣдѣніями, которыхъ они не умѣютъ примѣнить къ жизни, привело также особую секту «монтановъ» въ Самарской губерніи. Тамъ въ сороковыхъ годахъ были открыты хлысты ¹⁾. Мѣстное духовенство изслѣдовало ихъ ученіе и нашло въ немъ нѣкоторое сходство съ ученіемъ еретика Монтана, жившаго въ Греціи еще во времена вселенскихъ соборовъ. Ересь его вскорѣ послѣ его смерти исчезла, но самарскіе духовные; не имѣя понятія о русскихъ хлыстахъ, слышали о греческихъ монтанахъ, и открытыхъ сектаторовъ причислили къ нимъ. И до сихъ поръ въ Самарской губерніи, даже въ официальныхъ бумагахъ, хлыстовъ зовутъ монтанами, хотя сами хлысты, не участь въ семинаріи, никогда такого слова и не слыживали. А еще духовные смѣются надъ тѣмъ, что раскольники, въ православной церкви послѣ Никона, видятъ остатки ересей Савелія, Несторія, болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ исчезнувшихъ. Чѣмъ же это смѣшнѣе наименованія хлыстовъ монтанами?

«Вообще въ наименованіи раскольничьихъ сектъ существуетъ большая путаница. Притомъ расколъ живетъ. Онъ не весь подобенъ Лотовой женѣ, смотрящей назадъ и окаменѣвшей; секты то и дѣло дробятся; однѣ исчезаютъ, другія вновь возникаютъ; одна и та же секта въ одномъ мѣстѣ называется такъ, въ другомъ иначе. Поэтому совершенно невозможно сдѣлать классификацію сектъ и толки. Да это ни къ чему и не повело бы. Названій своихъ сектъ сами послѣдователи ихъ часто не знаютъ. Весьма нерѣдко случалось мнѣ, на вопросъ въ какомъ нибудь захолустѣ: «какой ты вѣры?» — получать отвѣтъ: «я по Григорью Ильичу», или: «я по Макару Тихоничу», что значило: «я одного толка съ Григорьемъ или Макаромъ», богатыми и вліятельными раскольниками, живущими гдѣ нибудь по сосѣдству. Самое единовѣріе носитъ разныя наименованія. Если спросить, напримѣръ, единовѣрца въ нижегородскомъ Заволжѣ, какой онъ вѣры, онъ отвѣтитъ «Медвѣдеской», а въ нагорной сторонѣ, около самаго Нижняго, единовѣрецъ скажетъ: «я духовской вѣры». Это потому, что въ Нижнемъ при императорѣ Павлѣ дана была единовѣрцамъ для служенія церковь св. Духа, теперь уже находящаяся при губернаторскомъ домѣ, а за Волгою первая единовѣрческая церковь построена была въ селѣ Медвѣ-

¹⁾ Хлысты, по разнымъ мѣстностямъ Россіи, имѣютъ разныя названія: въ Ярославской, напримѣръ, губерніи — ляды, въ Костромской — купидоны, на Кавказской линіи — богомолы, на югѣ — шелопуты, въ Пермской — скакуны, въ Самарской — монтаны и проч. Сами себя они зовутъ «люди божьи» и «духовные христіане».

девѣ ¹⁾. При такой путаницѣ названій совершенно невозможно составить полнаго и вѣрнаго списка всѣхъ существующихъ сектъ. Кто будетъ собирать о нихъ свѣдѣнія? Полиція? Приходское духовенство? Но они такихъ монтановъ и иконоборцевъ найдутъ, что послѣ центральному управленію и соображеній никакихъ о раскольникахъ нельзя будетъ сдѣлать.

«Дарованіе раскольникамъ общегражданскихъ правъ непременно ослабитъ духъ раскола. Этому доказательство въ его двухсотлѣтней исторіи. Расколъ особенно усилился и фанатизмъ его послѣдователей особенно сильно сталъ проявляться, въ такихъ даже проявленіяхъ, каково самосожигательство, со времени изданія 14 статей царевны Софіи Алексѣевны. Строгія мѣры Петра Великаго и ближайшихъ его преемниковъ имѣли послѣдствіемъ распространеніе раскола по всему пространству Россіи. Въ царствованіе Екатерины II и Александра I, когда правительство стало къ раскольникамъ снисходительно, даровало имъ общегражданскія права и нѣкоторую свободу богослуженія, расколъ значительно ослабѣлъ. Екатерина II въ концѣ своего царствованія говорила: «черезъ 60 лѣтъ раскола въ Россіи не будетъ», и его не было бы, если бы лѣтъ чрезъ тридцать послѣ кончины императрицы не была принята относительно раскольниковъ иная система правительственныхъ дѣйствій. Послѣдователи раскола, до Екатерины II во множествѣ бѣжавшіе за границу, возвратились при ней въ отечество; перестали искать себѣ архіереевъ; стали сближаться съ православными; ругательства и хулы на православную церковь умолкли; проявленія дикаго фанатизма стали чрезвычайно рѣдки. Все измѣнилось съ измѣненіемъ системы правительственныхъ дѣйствій относительно раскольниковъ: число ихъ увеличилось и къ 1855 году возросло до 12 милліоновъ; нетерпимость въ сектаторахъ усилилась; возобновились хулы на церковь; возникло сильное недовѣріе къ правительству; преслѣдованія возвели подвергнувшихъ имъ на степень мучениковъ, и они получили сильное вліяніе на раскольниковъ и содѣйствовали распространенію раскола. Раскольники стали говорить православнымъ простолюдинамъ: «не та вѣра права, которая мучить, а та, которую мучать», и при этомъ сравнивали себя съ мучениками первыхъ временъ христіанства. Православные слушали и мало-по-малу сами увлекались въ расколъ. Дѣйствительно, какъ христіанство распространялось въ средѣ язычниковъ вслѣдствіе мученичества, такъ и расколъ распространялся и укрѣплялся вслѣдствіе лишенія раскольниковъ общегражданскихъ правъ, стѣсненія ихъ богослуженія и преслѣдованія видныхъ членовъ ихъ обществъ. Какъ ни противоположны по ученію, какъ ни враждебны

¹⁾ Въ Семеновскомъ уѣздѣ, недалеко отъ Семенова. При этомъ же селѣ находится Покровскій женскій единовѣрческій монастырь. У с.

были между собою раскольничьи секты, но всё онѣ крѣпко сплотивались тогда, и общая ихъ вражда къ православнымъ съ каждымъ годомъ возрастала. Отъ раскольниковъ, напримѣръ, поповщинской секты о какомъ нибудь безпоповцѣ, даже о молоканѣ, отвергающемъ всякіе внѣшніе обряды, между тѣмъ какъ поповщина только за нихъ и стоитъ, не за рѣдкость было слышать: «великъ челобѣкъ — пять разъ въ острогѣ за вѣру сидѣлъ». Съ воцареніемъ благополучно царствующаго государя императора все это быстро измѣнилось.

«Мнѣ особенно хорошо извѣстна Заволжская часть Нижегородской и Костромской губерній, гдѣ расколъ особенно силенъ. Съ 1855 года по 1869 годъ я тамъ не бывалъ. Въ этотъ періодъ времени много произошло переменъ: крестьяне освобождены, явился новый судъ, земскія учрежденія и проч., а главное измѣнена была система правительственныхъ дѣйствій относительно раскола. Въ 1869 году, я не узналъ давно и коротко знакомыхъ мнѣ заволжскихъ раскольниковъ. Они были несравненно мягче, общительнѣе, о православной церкви отзывались съ уваженіемъ, высказывали заботы о распространеніи грамотности; о своихъ вѣрованіяхъ говорили равнодушно, безъ прежняго пыла и ревности; иные даже подсмѣивались надъ самими собою, особенно же надъ скитницами. Правда, встрѣчалъ я и немногихъ престарѣлыхъ фанатиковъ, но прежде я ихъ зналъ за самыхъ заклятыхъ враговъ церкви и даже за недоброхотовъ свѣтскому правительству.

«Изъ всего вышеизложеннаго выводъ тотъ, что всѣхъ отпадшихъ отъ православной церкви и не принадлежащихъ къ терпимымъ иновѣрнымъ исповѣданіямъ, за исключеніемъ скопцовъ и хлыстовъ, слѣдовало бы отнести къ менѣе вреднымъ сектамъ и предоставить имъ тѣ права, которыя предположены высочайше утвержденнымъ журналомъ 6-го февраля 1864 года особаго временнаго комитета по дѣламъ о раскольникахъ».

Доводы, изложенные въ означенной запискѣ П. И. Мельниковымъ, признаны были на столько основательными комиссіею 1875 года, составленною подъ предсѣдательствомъ князя Лобанова-Ростовскаго (нынѣ русскаго посла въ Вѣнѣ), что и она пришла къ подобному же заключенію. По ея мнѣнію, первые три признака, а именно непризнаніе пришествія въ міръ Сына Божія Господа нашего Іисуса Христа, непризнаніе никакихъ таинствъ и допущеніе челоувѣкобожанія, какъ относящіяся къ сферѣ религіозной, догматической, не могутъ быть принимаемы въ основаніе при раздѣленіи сектъ на болѣе и менѣе вредныя. Комиссія 1875 года выразила, что, по ея мнѣнію, къ руководству при раздѣленіи сектъ, слѣдовало бы принять только три послѣдніе, изъ указанныхъ комитетомъ 1864 года, признака болѣе вредныхъ сектъ, какъ опредѣляющіе вредность ихъ въ отношеніи къ государству: посяганіе

на осклопленіе себя и другихъ, отверженіе молитвы за царя и отверженіе браковъ, приче́мъ признавала необходимымъ выраженіе «отверженіе молитвы за царя», какъ не вполне точное и опредѣлительное, замѣнить выраженіемъ «непризнаніе царской власти». Комиссія, на основаніи официальныхъ имѣвшихся у ней свѣдѣній и представленныхъ въ качествѣ эксперта П. И. Мельниковымъ, пришла къ убѣжденію, что такъ какъ существованіе раскольниковъ, отвергающихъ верховную власть, не доказано, бракъ же отвергаютъ только скопцы и хлысты, то къ категоріи болѣе вредныхъ сектъ надлежало бы отнести только двѣ послѣднія секты, всѣ же прочія признавать менѣе вредными. Съ тѣмъ вмѣстѣ, комиссія 1875 года признала необходимымъ перечислить въ законѣ секты, признанныя болѣе вредными, поручивъ министру внутреннихъ дѣлъ, въ случаяхъ появленія какихъ либо новыхъ сектъ, по ученію своему столь же вредныхъ, какъ скопцы и хлысты, принимать мѣры къ причисленію такихъ сектъ къ разряду болѣе вредныхъ.

Св. синодъ и главноуправлявшій (тогда князь Урусовъ) бывшимъ II отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи не согласились съ такимъ заключеніемъ комиссіи князя Лобанова-Ростовскаго и доказывали необходимость оставить всѣ шесть признаковъ, установленныхъ комитетомъ 1864 года, безъ всякаго измѣненія, съ отнесеніемъ, согласно указаніямъ св. синода, къ болѣе вреднымъ сектамъ слѣдующихъ:

1) Иудействующихъ (они же субботники, или жидовствующіе), которые не признаютъ пришествія въ міръ сына Божія Господа нашего Иисуса Христа (первый признакъ), отрицаютъ Новый Заветъ, празднуютъ субботу и допускаютъ другіе обряды еврейскаго характера.

2) Духоборцевъ, молоканъ, прыгуновъ (или скакуновъ) и штундистовъ, которые не признаютъ никакихъ таинствъ и никакой власти богопоставленной (второй признакъ) и въ ученіи которыхъ заключаются задатки противообщественныхъ стремленій.

3) Хлыстовъ, шалопутовъ и другія отрасли хлыстовщины (въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи носяція разныя названія: людей Божіихъ, духовныхъ христіанъ и проч.), которые проповѣдуютъ перевоплощеніе, признаютъ человѣкообожаніе (третій признакъ) и отвергаютъ бракъ, какъ скверну.

4) Скопцовъ, которые, допуская наравнѣ съ хлыстами самообожаніе, посягаютъ, сверхъ того, на осклопленіе себя и другихъ (четвертый признакъ).

5) Самокрещенцевъ, признающихъ царствованіе антихриста въ лицѣ преержавшей власти, странниковъ, иначе согблковцевъ, или бѣгуновъ, содержащихъ то же ученіе объ антихристѣ и, сверхъ того, требующихъ бѣгства изъ общества, во избѣжаніе подчиненія антихристову владычеству; страннопрімцевъ, входящихъ въ со-

ставъ бѣгунской секты и имѣющихъ отличительную обязанность устраивать пристанодержательство ради сокрытія своихъ безпаспортныхъ единовѣрцевъ, еедосѣвцевъ, филипповцевъ, проповѣдующихъ ученіе о царствованіи антихриста мысленнаго, заключающагося въ мнимыхъ ересяхъ православной церкви, и другіе мелкіе безпоповщинскіе толки, примыкающіе своимъ ученіемъ то къ еедосѣвцамъ, то къ филипповцамъ, хотя и имѣющіе нѣкоторое отличіе отъ нихъ (таковы аристовщина, аароновщина); всѣ эти секты, въ силу ихъ ученія о царствованіи антихриста, отвергають молитву за царя и бракъ (пятый и шестой признаки).

6) Тѣхъ раскольниковъ-поморцевъ, которые, принимая молитву за царя, не признають брака (шестой признакъ) и, подобно еедосѣвцамъ, требуютъ отъ всѣхъ безбрачія.

Затѣмъ менѣе вредными должны быть признаны: 1) всѣ толки поповщинскіе, подъ разными названіями; 2) изъ безпоповщинскихъ толковъ: поморцы, принимающіе молитву за царя и бракъ, и нѣтовцы, или «Спасово согласіе», принимающіе таинства крещенія и брака въ православной церкви.

Такимъ образомъ, мнѣніе П. И. Мельникова о раздѣленіи раскольничьихъ сектъ на менѣе вредныя и болѣе вредныя, на основаніи его соображеній, встрѣтило сопротивленіе со стороны св. синода и II отдѣленія собственной его величества канцеляріи и даже со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ, при обсужденіи въ государственномъ совѣтѣ закона 3-го мая 1883 года, къ которому трудъ коммиссіи 1875 года былъ подготовительною работою. Рѣшено было, однако, не вводить вообще признаковъ, установленныхъ комитетомъ 1864 года, въ законъ, въ виду обилія и измѣчивости названій разныхъ сектъ, а предоставить министру внутреннихъ дѣлъ руководствоваться ими, при опредѣленіи, по соглашенію съ оберъ-прокуроромъ св. синода, того, — послѣдователямъ какихъ именно раскольничьихъ сектъ должны быть предоставляемы права и облегченія.

СТРАТЕГИЯ И ТОРГОВЛЯ.

«Каждый о себѣ; Россія же обо всѣхъ,
только не о себѣ».

ТОЛКНОВЕНІЕ стратегической политики Россіи съ торговой политикой Англiи въ Средней Азiи проходитъ благополучно; обѣ стороны достигаютъ своихъ цѣлей: Россія—стратегическихъ, Англiя—торговыхъ.

Правда, Россія теперь еще не займетъ Герата, безусловно необходимаго, какъ утверждаютъ военные авторитеты, для доставленія твердой границы нашимъ закаспійскимъ владѣніямъ; но занятіе Герата несомнѣнно послѣдуетъ въ недалекомъ будущемъ и будетъ признано Англiею совершившимся фактомъ, безъ всякихъ особенныхъ дипломатическихъ возраженій, потому что это будетъ вполне соответствовать торговымъ видамъ Англiи.

Въ такомъ случаѣ, кромѣ предположеннаго уже продолженія нашей закаспійской стратегической желѣзной дороги отъ Кизиль-Арвата чрезъ Асхабадъ до Мерва, и отъ Мерва чрезъ р. Аму до Самарканда, мы доведемъ ее и до Герата. Англiя не замедлитъ, съ своей стороны, довести свою торговую политическую желѣзную дорогу, построенную уже отъ порта Карачи, при устьѣ Инда, чрезъ Шикарпуръ до пограничнаго пункта Сиби, на Келотъ, Кетту и Кандахаръ, также до Герата.

Что отъ этого произойдетъ?

1) Европейскіе англійскіе товары прямо изъ Лондона, Ливерпуля и пр. довезутся моремъ, чрезъ Сузскій каналъ, до порта Ка-

рачи, гдѣ перегружаются на желѣзную дорогу, по которой будутъ доставляться въ Герать, а изъ Герата по нашимъ стратегическимъ закаспійскимъ дорогамъ—въ укрѣпленіе Михайловское, при Красноводскомъ заливѣ Каспійскаго моря, и въ наши средне-азіатскія владѣнія, а также въ Бухару и Хиву.

2) Остъ-индскіе англійскіе товары, прямо хотъ изъ Калькутты, безъ всякой перегрузки будутъ привозимы въ тѣ же мѣста.

3) Нашимъ же товарамъ изъ главнаго мануфактурнаго раіона—Москвы и Иваново-Вознесенска, предстоитъ или долгая караванная доставка отъ Оренбурга, или пять перегрузокъ: до Царицына товары доведутся по желѣзнымъ дорогамъ, перегружаются на волжскіе пароходы (1), въ Астрахани—на плоскодонныя суда (2), чтобы пройти въ Каспійское море чрезъ устье Волги; затѣмъ на морскія суда (3), потомъ на небольшія лодки (4), чтобы войти въ Красноводскій заливъ, и, наконецъ, въ укрѣпленіи Михайловскомъ—на закаспійскую желѣзную дорогу (5). Для англійскихъ товаровъ—одна, для нашихъ—пять перегрузокъ, это—такое невыгодное для насъ различіе въ условіяхъ доставки товаровъ, что, не смотря на значительно ближайшее разстояніе, наши товары не будутъ въ состояніи конкурировать съ англійскими на средне-азіатскихъ рынкахъ, которые, поэтому, и закроются для русскихъ товаровъ.

Правда, мы можемъ наложить высокія таможенныя поплины на англійскіе товары или даже совершенно запретить провозъ ихъ по нашимъ закаспійскимъ стратегическимъ желѣзнымъ дорогамъ; только едва ли мы этимъ многого достигнемъ въ дѣйствительности: кромѣ тайной контрабанды, англичане будутъ провозить совершенно явно и открыто свои товары подъ нашими клеймами, что они и теперь уже дѣлаютъ.

Такимъ образомъ сооружаемые нами закаспійскіе стратегическіе рельсовые пути будутъ служить торговыми путями для англичанъ въ наши средне-азіатскія владѣнія и къ Каспійскому морю. Да едва ли эти пути особенно необходимы для насъ и въ стратегическомъ отношеніи, потому что Англія никогда не будетъ сражаться съ Россіей въ Средней Азійи и не подставитъ намъ ни одного своего солдата, ибо не рѣшится ставить на карту свою заповѣдную Индію. Англичане знаютъ и понимаютъ, что ихъ войска не устоятъ въ битвѣ противъ русскихъ; первая же наша побѣда надъ англійскими войсками въ Средней Азійи подыметъ весь Афганистанъ противъ Англіи, а за нимъ возстанетъ и вся сѣверная Индія. Для того же, чтобы держать въ страхѣ и покорности мѣстныхъ хищниковъ, едва ли Россіи есть какая нибудь надобность тратить десятки милліоновъ рублей, по меньшей мѣрѣ, на постройку предположенныхъ уже стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ, эксплуатация которыхъ также будетъ требовать ежегодно немалыхъ приплатъ

отъ казны и которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, будутъ еще служить торговыми путями для англичанъ въ наши средне-азиатскія владѣнія.

Да простится намъ откровенное выраженіе: Англія теперь просто морочить насъ; ея искусная торговая политика требуетъ особенной осмотрительной стратегической политики съ нашей стороны, потому что иначе въ результатъ легко можетъ оказаться, что, при всѣхъ нашихъ стратегическихъ успѣхахъ, нашимъ фабрикамъ придется производить свои товары исключительно только для одного внутренняго домашняго потребленія, особенно, когда въ непродолжительномъ времени, лѣтъ черезъ 10—15 не больше, англичане построятъ на международные капиталы рельсовый путь, по одному изъ проектовъ Раулинсона, чрезъ Малую Азію и Персію къ Индіи, который доставитъ всей Западной Европѣ быстрое прямое сухопутное сообщеніе съ Индіею и товарное движеніе туда и обратно; Россія же останется совершенно въ сторонѣ отъ этого сообщенія и товарнаго движенія. Скажутъ: мы можемъ построить нашъ собственный рельсовый путь отъ Оренбурга чрезъ Ташкентъ до соединенія съ предположенными уже стратегическими закаспійскими рельсовыми путями. Конечно, можемъ; только сооруженіе всѣхъ этихъ рельсовыхъ путей будетъ стоить не менѣе двухъ сотъ милліоновъ рублей да на эксплуатацію ихъ потребуются ежегодныя милліонныя добавочныя суммы изъ государственнаго казначейства, потому что пассажирское и товарное движеніе изъ одной Россіи въ Среднюю Азію и обратно далеко не будетъ покрывать эксплуатаціонныхъ желѣзнодорожныхъ расходовъ.

22-го апрѣля (4-го мая) текущаго года, происходили горячія пренія въ палатѣ общинъ по поводу дипломатическихъ переговоровъ съ Россіей о проведеніи афганистанской границы и о разбитіи генераломъ Комаровымъ афганцевъ при Акъ-Тепе. Ораторъ оппозиціи, лордъ Черчилль, произнесъ длинную рѣчь, въ которой, сдѣлавъ подробный обзоръ дипломатическимъ переговорамъ Англіи съ Россіей по средне-азиатскимъ дѣламъ, начиная съ соглашенія князя Горчакова съ лордомъ Кларендономъ 1863 года до послѣдняго времени, онъ старался доказать фактами, что увѣреніямъ и обѣщаніямъ Россіи довѣрять нельзя, потому что она постоянно нарушала ихъ. Въ слѣдующемъ засѣданіи палаты общинъ герцогъ Аргейль, бывшій министръ-статсъ-секретарь Индіи, возражалъ лорду Черчиллю, объясняя на основаніи тѣхъ же дипломатическихъ данныхъ, что русское правительство никогда не давало безусловныхъ завѣреній, что оно не будетъ распространять далѣе своихъ владѣній въ Средней Азіи, потому что можетъ быть всегда вынуждено къ этому силою обстоятельствъ. Замѣчательно, что оба оратора въ своихъ подробныхъ историческихъ обзорахъ дипломатической переписки Англіи съ Рос-

сией по средне-азиатскимъ дѣламъ ни разу не упомянули о нашихъ переговорахъ съ Лессепсомъ относительно проведенія желѣзной дороги чрезъ наши средне-азиатскія владѣнія въ Индію. Между тѣмъ эти переговоры продолжались почти два года, съ 1872 по 1874 годъ, и въ свое время производили страшную тревогу въ англійскомъ парламентѣ и англійской печати. У насъ, кажется, также совершенно забыли объ этомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ, наша печать ни словомъ не упомянула о немъ, разсуждая о предполагаемомъ продолженіи закаспійской стратегической желѣзной дороги.

Въ 1872 году, Раулинсонъ, составившій три проекта желѣзной дороги чрезъ Малую Азію и Персію въ Индію, и Лейардъ, англійскій посолъ въ Константинополѣ, сильно хлопотали у турецкаго правительства о разрѣшеніи построить эту дорогу и хотѣли образовать для этого международное акціонерное общество. Тогда Лессепсъ сдѣлалъ нашему правительству предложеніе о соединеніи Европы съ Индіею желѣзною дорогою чрезъ наши средне-азиатскія владѣнія, сооруженіе которой принималъ на себя, также посредствомъ образованія для сего международнаго акціонернаго общества. При этомъ онъ ставилъ одно главное условіе, чтобы желѣзныя дороги Европейской Россіи были доведены до какого нибудь пограничнаго пункта съ Азіею. Это условіе было принято и для выполненія его построена была желѣзная дорога отъ Самары до Оренбурга. Затѣмъ, наше правительство начало производить изысканія для проведенія рельсоваго пути отъ Оренбурга или Екатеринбурга до Ташкента, предоставивъ Лессепсу изслѣдовать дальнѣйшій путь къ Индіи. Лессепсъ основалъ въ Парижѣ журналъ «Explorateur», спеціально для разработки вопроса и для сообщенія всѣхъ свѣдѣній о сооруженіи средне-азиатской индійской желѣзной дороги, и началъ образовывать международное акціонерное общество этой дороги, въ числѣ учредителей котораго было двое русскихъ. Англія сильно встревожилась и употребляла всѣ дипломатическія усилія и средства, чтобы отклонить наше правительство отъ этого великаго міроваго предпріятія.

Въ 1873 году, Лессепсъ написалъ слѣдующее письмо тогдашнему туркестанскому генераль-губернатору, генераль-адъютанту фонъ-Кауфману:

«Парижъ, 9-го ноября. Ваше превосходительство! Г. Котару и сыну моему высочайше разрѣшено было произвести предварительныя изысканія въ Средней Азіи, для того, чтобы разработать проектъ желѣзной дороги изъ Россіи въ Индію. Съ тѣхъ поръ въ тѣхъ мѣстностяхъ предприняты изысканія по почину русскаго правительства; я же предпочелъ сначала вступить въ переговоры съ Англіей, подобно тому, какъ я поступилъ и при началѣ дѣла о проведеніи Суэскаго канала. Какъ тогда, такъ и теперь, я надѣюсь разсѣять всѣ несправедливыя опасенія англичанъ и успокоить ихъ.

Въ виду предстоящаго прибытія вашего превосходительства въ Петербургъ, позволяю себѣ доставить вамъ копію съ моего письма къ лорду Грэнвиллю. Я излагаю въ этомъ письмѣ причины, заставляющія меня утверждать, что желѣзная дорога, связывающая Индію и Европу, принесла бы Англіи не менѣе пользы, чѣмъ Россіи, и способствовала бы распространенію и утвержденію благотѣльнаго вліянія обѣихъ этихъ державъ на тѣ страны, которыя раздѣляютъ еще азіатскія владѣнія ихъ. Россія, не щадившая жертвъ для распространенія благъ цивилизаціи въ тѣхъ отдаленныхъ странахъ, встрѣтитъ, безъ сомнѣнія, благосклонно всѣ усилія, направленныя къ той же цѣли. Я счелъ бы знакомъ величайшей благосклонности и даже успѣхомъ, еслибъ вашему превосходительству угодно было обратить вниманіе на мои соображенія. Послѣ столькихъ завоевателей, овладѣвавшихъ этими странами лишь для того, чтобы опустошать ихъ, ваше превосходительство являетесь первымъ, который, именемъ своего августѣйшаго монарха, покорилъ ихъ для того, чтобъ вывести ихъ изъ варварства, освободить отъ рабства и деспотическаго произвола и доставить имъ мирное благосостояніе. Пересѣченіе этихъ, почти неизвѣстныхъ, мѣстностей большимъ рельсовымъ путемъ послужитъ завершеніемъ вашего дѣла. Этотъ путь не только явится для населенія этихъ странъ могущественнымъ средствомъ матеріальнаго и духовнаго развитія, но откроетъ Россіи новые рынки и сдѣлается для нея неистощимымъ источникомъ богатства, не говоря уже о томъ, что сухопутная торговля всей Западной Европы съ богатою Индіею пойдетъ этимъ путемъ почти на всемъ громадномъ протяженіи его по русскимъ владѣніямъ. Въ виду тѣхъ выгодъ, которыя извлекутъ изъ новаго пути ваши значительные мануфактурные центры и внутренніе рынки, особенно Москва и Нижній Новгородъ, а равнымъ образомъ, и уральская промышленность, я обратился къ его сіятельству, графу Бобринскому ¹⁾, съ просьбой о разрѣшеніи мнѣ произвести предварительныя изысканія по линіи, которая, отдѣляясь въ Екатеринбургѣ отъ проектированной полковникомъ Богдановичемъ нижегородско-тюменской линіи, направится на Троицкѣ, Сара-Су и Ташкентѣ. Имѣю честь просить ваше превосходительство оказать свое благосклонное покровительство моему сыну и г. Котару, когда имъ придется производить свои работы въ мѣстностяхъ, находящихся подъ вашимъ управленіемъ. Примите и проч. Фердинандъ Лессепсъ ²⁾.

Это письмо было напечатано тогда же сначала въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ», а потомъ и во всѣхъ нашихъ большихъ газетахъ, въ которыхъ, особенно въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», общались и всѣ другія свѣдѣнія изъ «Explorateur'a» о ходѣ этого дѣла.

¹⁾ Графъ Бобринскій былъ тогда министромъ путей сообщенія.

²⁾ «С.-Петербургскія Вѣдомостя», 1873 г., № 331.

ОБЪЯСНЕНІЕ ЗНАКОВЪ:

- I. ПЕРСИЯ
- II. АФГАНИСТАНЪ
- III. БЕЛУДЖИСТАНЪ
- IV. ПЕНДЖАБЪ
- V. СИНДЪ
- VI. БЕНГАЛЫ

--- Желѣзная дорога Лессеца
 --- " " Раулинсона.
 ————— Желѣзные дороги.
 - - - - - Морской торгов. путь.

КАРТА
 КЪ СТАТЬЕ
"СТРАЖИЦА И ТОРГОВЛЯ",
 состав. Н. X. ВЕСЕЛЬ

Предложенная Лессепсомъ средне-азиатская индійская желѣзная дорога была вторымъ великимъ международнымъ предпріятіемъ этого міроваго генія. Она соединила бы Западную Европу и Россію прямымъ рельсовымъ путемъ съ Индіею и открыла бы имъ непосредственный доступъ именно въ сѣверную британскую Индію — Пенджабъ и Бенгалы, самыя богатыя страны Индустана по своимъ естественнымъ произведеніямъ — хлопковымъ плантаціямъ, рису, пшеницѣ, шелку, чаю, индиго, различнымъ прянымъ растеніямъ, алмазамъ и вообще драгоцѣннымъ камнямъ и проч.

Такимъ образомъ, Россія и вся континентальная Западная Европа черезъ Россію вступили бы въ прямыя, непосредственныя сношенія съ туземными производителями, могли бы снимать у нихъ хлопковыя плантаціи и рисовыя поля, и получать всѣ дорогіе индійскіе сырые продукты, для обработки ихъ на своихъ фабрикахъ, изъ первыхъ рукъ, тогда какъ теперь всѣ эти необходимыя произведенія приобрѣтаются отъ англичанъ или черезъ англичанъ, по несравненно болѣе дорогимъ цѣнамъ. Это доставляетъ англичанамъ громадныя барыши, и въ этомъ заключается главное значеніе Индіи для Англіи. Въ Калькуттѣ, Бомбѣѣ, Мадрасѣ — міровые рынки, свободно открытые для всѣхъ странъ и народовъ; но непосредственныя торговыя сношенія съ туземными производителями находятся исключительно только въ рукахъ однихъ англичанъ, и они ревниво охраняютъ свою монополію въ этомъ отношеніи. Осуществленіе предложенія Лессепса о постройкѣ средне-азиатской индійской желѣзной дороги прекратило бы эту монополію. Англія пришлось бы раздѣлить свои громадныя барыши, доставляемые торговлею съ Индіею, прежде всего съ Россіею, а потомъ и со всею континентальною Западною Европою. Совершенно естественны и понятны, поэтому, всѣ усилія, употребленныя въ 1872—1874 годахъ британскимъ правительствомъ для отвлеченія Россіи отъ предложенія Лессепса, и оно тогда вполнѣ достигло своей цѣли заключеніемъ договора съ русскимъ правительствомъ о «нейтральной зонѣ», по которому рѣка Аму признана была границею нашихъ средне-азиатскихъ владѣній съ афганистанскими.

Что произошло вслѣдствіе этого?

Мы не распространили нашихъ средне-азиатскихъ владѣній за р. Аму въ Бадахшанъ и вообще въ предгорный Афганистанъ, и намъ пришлось совершенно измѣнить направленіе нашего невольнаго поступательнаго движенія въ Средней Азіи, перенести его въ пустынную Закаспійскую область. Если бы предложеніе Лессепса было осуществлено, то въ настоящее время уже существовала бы средне-азиатская индійская желѣзная дорога, проложенная черезъ Ташкентъ, Ходжентъ, Самаркандъ, р. Аму, Балхъ или Кундузъ и Кабуль до Пишавера. Въ такомъ случаѣ мы всегда могли бы держать предгорный Афганистанъ или афганскія владѣнія между

р. Аму и Гиндукушемъ въ полной покорности, и мѣстные хищники не смѣли бы грабить и тѣснить мервцевъ, текинцевъ и друг., которые также оставались бы спокойны и не грабили бы покорныхъ намъ киргизовъ и наши торговые караваны. Слѣдовательно, намъ не было бы никакой надобности углубляться въ закаспійскія песчаныя пустыни, тратить безвозвратно значительныя суммы и жертвовать войсками для покоренія этихъ племенъ и занимаемыхъ ими пустынныхъ странъ, и еще проводить для сего совершенно непроизводительныя для насъ закаспійскія стратегическія желѣзныя дороги на тысячи верстъ, которыя собственно будутъ служить торговыми путями для англичанъ, какъ выше объяснено.

Да, дальновидная торговая политика Англіи, преслѣдующая исключительно только свои національные интересы, отвлеченіемъ нашего прежняго поступательнаго движенія въ Средней Азіи на западъ, въ пустынную Закаспійскую область, достигла уже, какъ мы видимъ весьма значительныхъ выгодъ и достигнетъ въ непродолжительномъ времени еще гораздо болѣе значительныхъ, если Россія, продолжая свою стратегическую политику, позволитъ англійской торговой политикѣ еще далѣе морочить себя и опутывать своими искусными кознями. Съ 1874 года мы не только не приблизились къ предѣламъ британской Индіи, а, напротивъ того, удалились отъ нихъ, и именно отъ предѣловъ самой дорогой для Англіи сѣверной области Индіи — Пенджаба и Бенгаловъ. По теперешнему направленію мы можемъ, пожалуй, проникнуть въ Индію, но въ какую ея часть?—въ провинцію Синдъ, удаленную отъ нашихъ операціонныхъ базисовъ болѣе чѣмъ на двѣ тысячи верстъ, бесплодную и населенную нищими, пассивными племенемъ индусовъ-браминцевъ, которые никогда не восстанутъ противъ британскаго владычества. Что же мы тамъ будемъ дѣлать? Ни продавать нищимъ, ни покупать у нихъ нечего... А чего все это будетъ стоить Россіи?!

Такимъ образомъ, вмѣсто сооруженія предложенной Лессепсомъ средне-азіатской индійской желѣзной дороги на международные капиталы, которая соединила бы Европу съ самыми богатыми областями Индустана и сдѣлала бы наши внутренніе рынки центрами великой торговли Европы съ Индією и вообще дальнимъ Востокомъ, мы теперь принимаемся за продолженіе нашей закаспійской стратегической желѣзной дороги въ наши средне-азіатскія владѣнія, приготовляя этимъ торговые пути для англичанъ, и все болѣе и болѣе изолируемъ Россію отъ европейской торговли съ Индією и Востокомъ, т. е. вмѣсто того, чтобы, соотвѣтственно природному географическому положенію Россіи, забрать всю эту мировую торговлю въ свои руки и руководить ею, мы сами прямо отдаемъ ее въ руки англичанъ... Sapiienti sat.

Н. Вессель.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА КОСТОМАРОВА.

ОГДА УМИРАЕТЪ близкій намъ человѣкъ, даже весьма обыкновенный, то подъ вліяніемъ нашей утраты мы припоминаемъ преимущественно хорошее, доброе въ почившемъ. Это дѣлается помимо нашего сознанія, нашей воли: смерть имѣетъ умиротворяющее вліяніе на оставшихся, близкихъ умершему людей. Но когда умираетъ не заурядный изъ близкихъ намъ людей, а человѣкъ выдающихся способностей, поработавшій на своемъ вѣку на пользу общую, когда умираетъ извѣстный ученый, литераторъ, художникъ, общественный или политическій дѣятель, тогда, при воспоминаніи о немъ, тѣмъ болѣе мысль невольно останавливается на его достоинствахъ, на его заслугахъ. Воспоминаніе объ утратѣ такого человѣка отрываетъ насъ отъ ежедневныхъ мелочныхъ заботъ и дѣлъ и переноситъ наше сознаніе въ область высшихъ духовныхъ, идеальныхъ задачъ и стремленій.

Кто изъ образованныхъ русскихъ людей нашего времени не знаетъ Костомарова? Онъ всѣмъ намъ близокъ по тому живому, теплому участию, какое принималъ въ судьбахъ русскаго народа; его исторіи, бытѣ, религиозныхъ вѣрованійхъ и современной жизни. Какъ бы кто ни относился къ ученой и литературной дѣятельности этого замѣчательнаго русскаго человѣка при его жизни, теперь, на краю его свѣжей могилы, всякій долженъ преклониться передъ нимъ съ полнѣйшимъ уваженіемъ. Много было враговъ у покойнаго, но и враги его должны теперь позабыть личные съ нимъ счеты, памятуя знаменательное выраженіе поэта:

Смерть ведетъ умолкнуть злобѣ!

Полная оцѣнка личности и ученой и литературной дѣятельности Костомарова — въ будущемъ, а въ настоящее время, подъ впечатлѣніемъ столь недавней его утраты, мы можемъ представить лишь нѣкоторый матеріаль для его характеристики.

Психическая природа Костомарова отличалась и сложностью, и оригинальностью. Богатыя духовныя дарованія почившаго и необыкновенная впечатлительность его натуры преломились, такъ сказать, черезъ приаму весьма неблагоприятныхъ жизненныхъ обстоятельствъ, что не могло не запечатлѣться на всемъ духовномъ обликѣ Костомарова. Отсюда прежде всего тѣ противорѣчія въ немъ, которыя поражали людей, мало его знавшихъ, и были понятны и объяснимы только для его друзей. Въ этихъ же жизненныхъ обстоятельствахъ лежитъ ключъ къ уразумѣнію и другихъ особенностей его характера и его возрвѣній.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» уже была разсказана фактическая сторона жизни Н. И. Костомарова¹⁾. Избѣгая повтореній, я остановлюсь, главнымъ образомъ, на тѣхъ обстоятельствахъ его жизни, которыя имѣли особое вліяніе на развитіе его учено-литературной дѣятельности.

Природныя, врожденныя склонности человѣка уже намѣчаютъ программу его послѣдующаго развитія, а впечатлѣнія дѣтства кладутъ неясную печать на его міросозерцаніе. Въ высшей степени нервная и впечатлительная натура Костомарова еще въ дѣтствѣ испытала самыя противоположныя вліянія. Отецъ Костомарова былъ помѣщикъ, выросшій въ возрвѣніяхъ легкомысленнаго религіознаго вольнодумства XVIII вѣка, мать — крѣпостная отца, воспитанная имъ въ московскомъ пансіонѣ, отличалась, напротивъ, глубокой религіозностью. Имѣніе отца Костомарова находилось въ Острогжскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи, и было населено малоруссами, но то была далеко не настоящая малорусская украина. Отъ крестьянъ отецъ держалъ своего сына вдаль и отправилъ его обучаться въ Москву, въ пансіонъ. Оторванный отъ привольной деревенской жизни, десятилѣтній мальчикъ Костомаровъ покушался бѣжать изъ пансіона, и отецъ взялъ его въ деревню. Здѣсь Костомаровъ становится очевидцемъ страшной семейной трагедіи: его отецъ убитъ дворовыми людьми. Это обстоятельство не могло не подѣйствовать удручающимъ образомъ на впечатлительнаго мальчика.

Окончивъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету дѣйствительнымъ студентомъ, въ 1836

¹⁾ См. некрологъ Н. И. Костомарова въ майской книжкѣ «Ист. Вѣстн.» за текущій годъ. Данныя о семейныхъ отношеніяхъ Костомарова я заимствую изъ очерка его жизни, составленнаго Д. Л. Мордовцевымъ и помѣщеннаго во II т. «Русскихъ современныхъ дѣятелей», изд. А. О. Баумана, Спб., 1877 года.

году, Костомаровъ лишь въ слѣдующемъ 1837 году получилъ по экзамену степень кандидата и поступилъ юнкеромъ въ Кинбурнскій драгунскій полкъ, стоявшій въ городѣ Острогжскѣ, близъ имѣнія его отца, но оставался въ военной службѣ недолго. Онъ увлекся архивомъ острогжскаго уѣзднаго суда и сталъ усердно въ немъ заниматься, манкируя строевой службой, вслѣдствіе чего долженъ былъ вскорѣ оставить полкъ. Занятія въ острогжскомъ архивѣ были первымъ опытомъ изученія историческихъ источниковъ будущаго автора «Богдана Хмельницкаго», «Смутнаго времени Московскаго государства» и «Послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой». Невольно припоминаются при этомъ три офицера, сдѣлавшіеся впоследствии замѣчательными русскими историками, изъ которыхъ каждому наша историческая наука обязана значительными поступательными шагами впередъ: преображенцы — Татищевъ и Карамзинъ и армейскій пѣхотный офицеръ Каченовскій. Отставной 22-хлѣтній драгунскій юнкеръ Костомаровъ, чувствуя недостаточность своего ученаго образованія, поступилъ вольнымъ слушателемъ въ Московскій университетъ, научное гешоптѣ котораго и въ то время было поставлено очень прочно. Здѣсь онъ слушалъ лекціи Каченовскаго, Погодина и Шевырева и, самъ изучая исторію, увлекся мыслію, что историческая наука должна обратиться главнымъ образомъ къ духовной жизни народа, которая занимала чуть не послѣднее мѣсто въ историческихъ сочиненіяхъ того времени. Костомаровъ, съ этою цѣлію, принялся за чтеніе памятниковъ народной поэзіи на многихъ европейскихъ языкахъ, изучая сравнительно проявленіе народнаго творчества, и остановился на малорусскихъ пѣсняхъ и думахъ. У него явилась мысль посвятить себя изслѣдованію малорусской народности, какъ ближайшей къ тому краю, гдѣ онъ учился и воспитывался. Костомаровъ спѣшилъ изъ Москвы къ себѣ въ деревню, а затѣмъ въ Харьковъ, знакомится съ малорусскимъ языкомъ, которымъ овладѣваетъ быстро, и скоро самъ начинаетъ на немъ писать. Драматическія сцены «Сава Чалый», «Переяславльска ничь» и «Украинскія баллады» являются плодомъ этихъ первоначальныхъ опытовъ Костомарова въ малорусской литературѣ. Одновременно идетъ подготовленіе къ магистерскому экзамену, который Костомаровъ сдаетъ въ концѣ 1840 года. Тема для магистерской диссертациіи избирается имъ изъ южно-русской исторіи: «О причинахъ и характерѣ уніи въ Западной Россіи», гдѣ впервые затрогивается Костомаровымъ вопросъ объ историческомъ значеніи казачества, восстаніи Богдана Хмельницкаго и присоединеніи Малороссіи къ Московскому государству. Характеристиченъ эпиграфъ, избранный Костомаровымъ къ диссертациі; онъ взятъ изъ малорусскихъ народныхъ пѣсень объ уніи:

О Боже мой несконченый!

Дивитися горе,

Шо тепера на симъ свѣтѣ
 Вѣра вѣру боре.
 О Боже мій несконченый!
 Шо ся теперь стало?
 Усе вѣра, усе вѣра,
 А милости мало.

Диссертация Костомарова напечатана въ Харьковѣ, въ 1842 году, и уже назначено было время диспута, которому не суждено, однако, состояться. Управлявшій Харьковскимъ учебнымъ округомъ князь Цертелевъ, покровитель мѣстной литературы и собиратель мало-русскихъ народныхъ пѣсней, нашелъ, что многія мѣста въ диссертации, по рѣзкости выраженной и по произвольности возрѣвній, не соотвѣтствуютъ ученому характеру книги и, какъ говорятъ, подъ вліяніемъ тогдашняго харьковскаго архіерея, извѣстнаго проповѣдника и ученаго богослова, Иннокентія Борисова, препроводилъ экземпляръ диссертации Костомарова въ министерство народнаго просвѣщенія, на благоусмотрѣніе министра, графа С. С. Уварова. Однимъ изъ поводовъ, побудившихъ къ этому князя Цертелева, было недавнее (въ мартѣ 1839 г.) воссоединеніе униатовъ съ православною церковью. «Хотя диссертация эта въ ученомъ ея значеніи имѣетъ многіе недостатки и погрѣшности,—писалъ князь Цертелевъ,—но по духу своему, кажется, не представляетъ ничего противнаго видамъ правительства и ученію православной церкви, и если я остановилъ публичное защищеніе этой диссертации, то единственно изъ осторожности, опасаясь, чтобы нѣкоторыя необдуманно употребленныя сочинителемъ выраженія не оскорбили нашего духовенства и не дали повода къ невыгоднымъ, хотя бы то и несправедливымъ, толкамъ». Графъ С. С. Уваровъ передалъ диссертацию на разсмотрѣніе академику Н. Г. Устрялову, который въ своемъ докладѣ министру писалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Диссертация сія принадлежитъ къ разряду тѣхъ произведеній современной литературы, въ которыхъ молодые, малоопытные писатели, увлекаясь примѣромъ полу-ученыхъ софистовъ, заботятся не о подтвержденіи или лучшемъ развитіи давно признанныхъ истинъ (по ихъ мнѣнію, устарѣвшихъ), а о новости возрѣвнія на предметъ, стараются блеснуть остроуміемъ, или особеннымъ взглядомъ, дозволяютъ себѣ странныя парадоксы и впадаютъ въ непостижимыя противорѣчія. Такъ пишутся многія статьи «Отечественныхъ Записокъ»; въ томъ же духѣ писалъ и Костомаровъ». Результатомъ этого отзыва были: 1) выговоръ со стороны министра тѣмъ членамъ факультета, которые одобрили диссертацию Костомарова, и 2) истребленіе всѣхъ экземпляровъ книги. Костомарову, впрочемъ, было дозволено представить новую диссертацию ¹⁾).

¹⁾ Подробности см. въ статьѣ академика М. М. Сухомлинова «Уничтоженіе диссертации Н. И. Костомарова въ 1842 году», Др. и Нов. Россія, 1877 года, т. I, ст. 42—55.

Черезъ годъ Костомаровъ уже написалъ и отдалъ въ печать свою новую диссертацию «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи». Въ этомъ трудѣ онъ обращаетъ вниманіе на такіе вопросы, которые до него совершенно не входили въ кругъ изслѣдованій историковъ Россіи, составляя предметъ изслѣдованія исторіи русской литературы. Въ тезисахъ второй магистерской диссертации Костомаровъ намѣчаетъ уже программу своихъ послѣдующихъ историческихъ возрѣній. Вотъ главнѣйшіе изъ этихъ тезисовъ: 1) Народная поэзія особенно важна для историка, потому что въ ней видѣнъ взглядъ народа на свою жизнь. 2) Жизнь народа, разсматриваемаго въ его произведеніяхъ, можетъ быть раздѣлена на духовную, историческую и общественную. 3) Народъ русскій раздѣляется на двѣ коренныя отрасли: южноруссовъ или малоруссовъ и сѣверноруссовъ или великоруссовъ; а потому, подъ именемъ русской народной поэзіи должно разумѣть чисто народные произведенія какъ малорусскія, такъ и великорусскія.

Вторая диссертация Костомарова была имъ блестяще защищена въ Харьковѣ, но вызвала весьма краткій и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзкій отзывъ со стороны корифея тогдашней русской критики Вѣлинскаго. «Въ наше время, — пишетъ онъ, — если сочинитель не хочетъ или не умѣетъ говорить о чемънибудь дѣльномъ, русская народная поэзія всегда представитъ ему прекрасное средство выпутаться изъ бѣды. Чтѣ можно было сказать объ этомъ предметѣ, уже было сказано. Но г. Костомарова это не остановило, и онъ издалъ о народной русской поэзіи цѣлую книгу словъ, изъ которыхъ трудно было бы выжать какое-нибудь содержаніе. Это собственно фразы не о русской, а о малороссійской народной поэзіи: о русской тутъ упоминается мимоходомъ. Въ разсказѣ о подвигахъ Анкудина Анкудиновича г. Костомаровъ нашель — чтѣ бы думали? — романтизмъ!.. На 200 страницъ, сочинитель поученому классификуетъ русскую удаль... Изъ потока словъ, разлитого на 214 страницахъ, сочинитель силится доказать только три тезиса»¹⁾. Приведенный отзывъ Вѣлинскаго обусловливается тогдашнимъ его ультра-западническимъ направленіемъ и безусловнымъ поклоненіемъ абстрактнымъ эстетическимъ возрѣніемъ нѣмецкой идеалистической философіи. Вѣлинскій не понималъ должнымъ образомъ историческаго элемента въ русской народной поэзіи и возставалъ противъ увлеченія народностью. Полемизируя съ такъ называемыми славянофилами, онъ издѣвался надъ ихъ народничаньемъ, обвиняя ихъ въ идеализаціи простонародности русскаго быта. Съ этой же точки зрѣнія онъ взглянулъ и на трудъ Костомарова.

Напутанные выговоромъ министра за первую диссертацию, а также, вѣроятно, и авторитетнымъ въ то время отзывомъ Вѣлин-

¹⁾ Сочиненія В. Вѣлинскаго. М. 1860 г., ч. IX, с. 111—112.

скаго о второй диссертациі Костомарова, многіе изъ профессоровъ Харьковскаго университета не сочли возможнымъ допустить Костомарова до университетскаго преподаванія и лишь черезъ два года ему удалось получить мѣсто учителя исторіи въ Ровенской гимназіи (Волынской губерніи), гдѣ, впрочемъ, пробылъ онъ недолго и былъ переведенъ на ту же должность въ Кіевъ. Въ 1846 году, Кіевскій университетъ пригласилъ, наконецъ, Костомарова занять кафедрѣ русской исторіи, но не провелъ онъ и года на кафедрѣ, какъ новое горе постигло его, и уже горе болѣе существенное, чѣмъ уничтоженіе его первой магистерской диссертациі.

Увлекаясь все болѣе и болѣе идеей народности и бытовой и культурной самобытностью народности малорусской, Костомаровъ и въ Харьковѣ, и въ Кіевѣ, и на Волынѣ посѣщалъ замѣчательныя въ историческомъ отношеніи мѣстности, собиралъ народныя преданія и пѣсни. Въ 1845 году, въ Кіевѣ образовался кружокъ молодыхъ людей, предававшихся панславистскимъ мечтамъ о культурномъ и социальномъ общеніи всѣхъ славянъ между собою. Костомаровъ не замедлилъ примкнуть къ этому кружку, desiderata котораго были немногочисленны и несложны и формулированы впоследствии самимъ Костомаровымъ въ слѣдующихъ 8 пунктахъ: 1) освобожденіе славянскихъ народностей изъ-подъ власти иноземниковъ; 2) организованіе ихъ въ самобытныя политическія общества съ удержаніемъ федеративной ихъ связи между собою; установленіе точныхъ правилъ разграниченія народностей и устройства ихъ взаимной связи предоставлялось времени и дальнѣйшей разработкѣ этого вопроса исторіей и наукою; 3) уничтоженіе всякаго рабства въ славянскихъ обществахъ, подъ какимъ бы видомъ оно ни скрывалось; 4) упраздненіе сословныхъ привилегій и преимуществъ, всегда наносившихъ ущербъ тѣмъ, которые ими не пользуются; 5) религиозная свобода и вѣротерпимость; 6) при полной свободѣ всякаго вѣроученія употребленіе единого славянскаго языка въ публичныхъ богослуженіяхъ всѣхъ существующихъ церквей; 7) полная свобода мысли, научнаго воспитанія и печатнаго слова и 8) преподаваніе всѣхъ славянскихъ нарѣчій и ихъ литературъ въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ славянскихъ народностей¹⁾. По этой программѣ предполагалось основать Общество подъ названіемъ «Общество Св. Кирилла и Меѳодія», но такового организовано не было. Вас. Вас. Григорьевъ, авторъ «Исторіи С.-Петербургскаго университета», говоритъ, что Костомаровъ былъ арестованъ и препровожденъ въ Петропавловскую крѣпость за стремленіе свое вмѣшаться въ сферу практической политики, хотя и благонамѣренное, но признанное неумѣстнымъ и несвоевременнымъ²⁾. Этотъ

¹⁾ «Кіевская Старина», 1883 годъ, февраль, т. V, «П. А. Кулишъ и его погднія литературная дѣятельность». Н. И. Костомарова, ст. 226—227, 230.

²⁾ См. «Исторію С.-Петербургскаго университета», В. В. Григорьева, стр. 280.

арестъ разстроилъ бракъ Н. И. Костомарова съ любимой имъ дѣвушкой, его ученицей, Алиной Леонтьевной Крагельской, на которой онъ женился лишь безъ малаго тридцать лѣтъ спустя, въ 1875 году.

Проведя послѣ Петропавловской крѣпости десять лѣтъ въ Саратовѣ, куда Костомаровъ былъ сосланъ съ запрещеніемъ печатать свои сочиненія и заниматься преподаваніемъ, онъ получилъ освобожденіе лишь съ воцареніемъ въ Россіи почившаго императора Александра II. Въ 1859 году, черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ своего ареста въ Кіевѣ, Костомаровъ былъ снова приглашенъ на кафедру русской исторіи, на этотъ разъ въ С.-Петербургскій университетъ, на кафедру, которая оставалась вакантною послѣ смерти того самаго Устрялова, рецензіей котораго была уничтожена первая магистерская диссертация Николая Ивановича. Уже вышедшія сочиненія Костомарова «Богданъ Хмельницкій», «Бунтъ Стеньки Разина», «Очеркъ домашней жизни великорусскаго народа» и мелкія журнальныя статьи обратили на него вниманіе образованнаго общества и заставили чутко прислушиваться къ его мнѣніямъ учащуюся молодежь. Бластятее, картинное изложеніе историческихъ событій и лицъ, обращеніе вниманія на судьбу низшихъ народныхъ массъ въ то самое время, когда вниманіе и общества, и правительства всецѣло было обращено на освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ, — сразу поставили имя Костомарова на ряду съ самыми популярными именами литераторовъ, ученыхъ и публицистовъ. 22-го ноября 1859 года, Костомаровъ прочелъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ вступительную лекцію, въ которой высказалъ мысль о необходимости изучать исторію русскаго народа не въ однихъ внѣшнихъ, государственныхъ, проявленіяхъ его жизни, но въ многообразныхъ проявленіяхъ всей его духовной жизни: нравахъ, обычаяхъ, религиозныхъ вѣрованіяхъ и поэтическомъ творчествѣ¹⁾. Лекція эта вызвала громкій восторгъ среди его многочисленной аудиторіи; но Костомарову пришлось пробыть на кафедрѣ два года съ небольшимъ: беспорядки среди студентовъ С.-Петербургскаго университета принудили его въ маѣ 1862 года оставить службу. Съ тѣхъ поръ Костомаровъ числился только состоящимъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія и былъ членомъ археографической коммисіи.

Не смотря на приглашенія многихъ университетовъ, Костомаровъ не выступалъ болѣе на университетской кафедрѣ. Въ октябрѣ 1862 года, онъ получилъ приглашеніе занять кафедру русской исто-

¹⁾ Вступительная лекція Костомарова напечатана въ первый разъ въ «Русскомъ Словѣ» за 1859 годъ, издававшемся въ то время графомъ Гр. Ал. Кушелевымъ-Безбородко, кн. XII, съ особой пагинаціей въ началѣ книжки (14 страницъ).

рѣш въ Казанскомъ университетѣ, въ 1863 году — въ Кіевскомъ университетѣ, въ 1864 году—опять въ Казанскомъ, въ 1865 году—въ Харьковскомъ, въ 1866 году думали пригласить его въ Варшавскій университет, но онъ отказался отъ всѣхъ этихъ приглашеній и исключительно предался ученому и литературному труду.

Костомаровъ былъ въ высшей степени субъективенъ во всѣхъ своихъ ученыхъ работахъ; но извѣстно, что субъективность возрѣвнѣй, въ бѣльшей или меньшей степени, всегда присуща историческому писателю и опредѣляется умственнымъ и нравственнымъ его развитіемъ, природными его склонностями и свойствами, народностью, къ которой онъ принадлежитъ, эпохой и средой, среди которой живетъ и дѣйствуетъ. Мы указывали на особенности нравственной природы Костомарова и различныхъ условій его жизни. Костомаровъ не обладалъ, не могъ обладать, при своей впечатлительности, эпическимъ спокойствіемъ, качествомъ столь важнымъ для историка, да это спокойствіе не могло быть и въ условіяхъ того времени, когда жилъ и дѣйствовалъ Костомаровъ. Онъ по справедливости можетъ быть названъ историкомъ-лирикомъ. Историческія возрѣвнія складывались у него не только подъ вліяніемъ изученія историческихъ источниковъ, но и подъ воздѣйствіемъ цѣлаго ряда обстоятельствъ его собственной жизни. Эти обстоятельства создавали ему симпатіи и антипатіи, которыя отражались въ его историческихъ трудахъ. Но Костомаровъ никогда не былъ преднамѣренно-тенденціозенъ, въ чемъ его напрасно упрекаютъ его противники. Костомаровъ въ исторіи былъ прежде всего художникъ: поэтъ и живописецъ. Онъ не былъ кабинетнымъ ученымъ; его нервная, впечатлительная натура отзывчиво относилась ко всѣмъ явленіемъ современной ему общественной жизни, а его богатая творческая фантазія вызывала изъ прошлыхъ вѣковъ нашей исторіи поэтическіе, широкой кистью мастера начертанные образы. Кто незнакомъ съ этими образами? Кто не знаетъ его Богдана Хмельницкаго, его Раина, его Мстислава Удалаго, его Іоанна Грознаго, его названнаго царя Дмитрія, Шуйскаго и друг. Для него прошлое неразрывно было связано съ настоящимъ. Когда наступитъ время подвергнуть безпристрастному, спокойному разсмотрѣнію историческіе труды Костомарова, то ученая критика можетъ найти въ нихъ неточности относительно обработки источниковъ, много произвольнаго, много неправильнаго въ возрѣвнѣяхъ и выводахъ. Но послѣдующій историкъ умственной жизни Россіи конца 50-хъ, 60-хъ и 70-хъ годовъ XIX вѣка долженъ будетъ причислить Костомарова къ выдающимся историкамъ нашего времени, потому что онъ былъ самымъ чуткимъ выразителемъ умственныхъ стремленій эпохи, въ которую жилъ. Самыя ошибки Костомарова въ данномъ случаѣ весьма характеристичны. Талантъ его былъ признанъ при его жизни всѣми, даже его противниками. Но мел-

кѣ придирки иныхъ его антагонистовъ умрутъ вмѣстѣ съ ними. Многие изъ таковыхъ будутъ извѣстны послѣдующимъ поколѣнѣямъ развѣ только тѣмъ, что нападали на Костомарова.

Я былъ знакомъ съ Н. И. Костомаровымъ втеченіе восемнадцати лѣтъ и позволю себѣ привести изъ моихъ воспоминаній нѣсколько характерныхъ чертъ, въ особенности для выясненія художественности историческаго таланта Костомарова, что въ послѣднее время подвергалось столь произвольнымъ толкованіямъ.

Я познакомился съ Костомаровымъ въ началѣ 1867 года въ Петербургѣ. Онъ работалъ тогда надъ большимъ своимъ трудомъ «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой» и былъ соредакторомъ М. М. Стасюлевича по «Вѣстнику Европы», который началъ издаваться съ 1866 года, а я прибылъ въ Петербургъ для занятій по своей магистерской диссертациі. Какъ теперь, очень живо представляется мнѣ вечеръ 30-го января 1867 года, когда я въ первый разъ увидалъ Костомарова, жившаго въ то время въ 1-й линіи Васильевскаго острова, въ домѣ Карамановой. До этого дня я никогда не встрѣчалъ Костомарова, хотя какъ по его ученымъ трудамъ, такъ и по рассказамъ лицъ, знавшихъ его въ Саратовѣ, хорошо зналъ его заочно. Въ то время имя Костомарова гремѣло всюду. Популярный профессоръ Петербургскаго университета, незадолго передъ тѣмъ оставившій кафедру и выпускавшій томъ за томомъ свои «Монографіи и изслѣдованія», которыя приводили въ восторгъ учащуюся молодежь живостью изложенія и новизною возрѣпій, былъ, по общему представленію тогдашней интеллигенціи, самымъ первымъ корнемъ русской исторической науки. Нужно хорошо помнить умственное возбужденіе общества шестидесятыхъ годовъ, чтобы вполне понять обаяніе, производимое тогда именемъ и писаніями Костомарова. Каждая новая его статья въ журналѣ прочитывалась прежде другихъ и возбуждала продолжительныя разсужденія и споры. На изученіе этнографическихъ вопросовъ въ русской исторіи я обратилъ вниманіе, главнымъ образомъ, благодаря статьямъ Костомарова, и бесѣдовалъ съ однимъ весьма близкимъ мнѣ членомъ, вслѣдъ за Костомаровымъ и столь неожиданно для всѣхъ его друзей и почитателей сошедшимъ въ могилу. Я разумѣю К. Д. Кавелина. Для своей магистерской диссертациі я избралъ историко-этнографическую тему—изслѣдованіе исчезнувшаго финскаго народа мери, жившаго въ верховьяхъ Волги. Весьма естественно, что мнѣ хотѣлось выслушать мнѣнія Костомарова о моихъ ученыхъ замыслахъ и воспользоваться его указаніями. Его никто не предупреждалъ о моемъ посѣщеніи, онъ не имѣлъ обо мнѣ никакого понятія. Я пошелъ къ нему просто, безъ всякой рекомендаціи.

У Костомарова, когда я вошелъ, никого не было. Сначала разговоръ какъ-то не клеился. Костомаровъ, видимо, неохотно отвѣчалъ на мои вопросы и былъ разсѣянъ. Затѣмъ, понемногу онъ

сталъ оживляться и началъ мнѣ рассказывать о своей экскурсіи въ верховья Волги, гдѣ нѣкогда обитала меря, совершенной имъ лѣтомъ 1866 года; спрашивалъ меня о Казани, куда онъ также тогда проѣхалъ. Костомаровъ говорилъ очень быстро и нѣсколько разъ вскакивалъ съ своего кресла и ходилъ по кабинету, потомъ опять садился. Во время нашего разговора пришелъ давнишній знакомый Костомарова, еще по Саратову, Е. А. Бѣловъ. Разговоръ переѣхалъ направленіе и коснулся Польши и ея отношеній къ Россіи. Костомаровъ сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Онъ уже во время всего разговора не садился ни разу, выпрямился, глаза у него заблестали... Костомаровъ рѣзко бичевалъ шляхетскую Рѣчь Посполитую и говорилъ, что масса польскаго населенія, польскій народъ, крестьянство совсѣмъ не знаетъ Рѣчи Посполитой. Бѣловъ вскорѣ ушелъ, а на смѣну ему явился А—скій. Тема разговора опять измѣнилась. Рѣчь зашла о животномъ магнетизмѣ и спиритизмѣ. А—скій придавалъ большое значеніе спиритизму, Костомаровъ глумился надъ нимъ, но горячо говорилъ въ пользу магнетизма. Онъ былъ самъ магнетизеръ, подвергался нѣсколько разъ магнетизированію и сообщилъ очень много интересныхъ случаевъ изъ собственныхъ опытовъ. По уходѣ А—скаго Костомаровъ повелъ со мной долгую бесѣду о разныхъ вопросахъ по поводу моей диссертациі. Онъ указывалъ мнѣ на важность вещественныхъ источниковъ, въ особенности кургановъ, для этнографической исторіи мерянъ и на значеніе теперешнихъ названій населенныхъ мѣстностей и урочищъ въ районѣ, гдѣ обитала меря. Тема моей диссертациі его, очевидно, заинтересовала.

Съ тѣхъ поръ, втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, я занимался въ императорской публичной библиотекѣ вмѣстѣ съ Костомаровымъ и имѣлъ случай присмотрѣться къ нему, къ его ученымъ приѣмамъ; часто также я бывалъ и у него, среди небольшого кружка его старинныхъ друзей. Прежде всего поразило меня въ Костомаровѣ необыкновенно живое отношеніе къ русской исторіи. Для него она не являлась отвлеченной философской задачей, требующей разрѣшенія, или собраніемъ лѣтописныхъ и архивныхъ данныхъ. Для него русская исторія была той же современной дѣйствительностью, отодвинутой въ глубь вѣковъ. Онъ переживалъ событія, добываемыя имъ изъ источниковъ, точно также какъ переживалъ всѣ новости дня изъ современной политической, общественной и умственной жизни. Эти послѣднія явленія онъ всегда объяснялъ историческимъ прошлымъ и, наоборотъ, на многое изъ прошлаго, о чемъ упорно молчали источники, онъ находилъ объясненіе въ современныхъ явленіяхъ. Живая связь постоянно была у него между прошлымъ и настоящимъ. Надѣленный отъ природы поэтическимъ воображеніемъ и творческою способностью, Костомаровъ живо воспринималъ впечатлѣнія изъ историческихъ источниковъ. Ему было

достаточно весьма немногихъ штриховъ въ этихъ источникахъ, чтобы историческій дѣятель предсталъ въ его воображеніи въ видѣ цѣльнаго, законченнаго образа. Эта-то черта, преобладающая въ учено-литературныхъ произведеніяхъ Костомарова, справедливо создала ему репутацію историка-художника. Когда онъ занятъ былъ какимъ нибудь историческимъ вопросомъ, изучаемъ цѣлой эпохи, или группы событій, онъ постоянно разговаривалъ о личностяхъ и происшествіяхъ этой эпохи. Въ живой рѣчи передавалъ онъ свои характеристики личностей, принималъ во вниманіе замѣчанія и возраженія своихъ собесѣдниковъ и вообще любилъ рассказывать всѣмъ окружающимъ его, иногда совершенно случайнымъ слушателямъ, о событіяхъ и лицахъ занимавшей его въ данное время эпохи. Работая, напримѣръ, надъ исторіей Смутнаго времени въ императорской публичной библіотекѣ, Костомаровъ посѣщалъ постоянно ресторанъ Балабина, находящійся близъ публичной библіотеки, на Большой Садовой, отдыхая въ немъ отъ книжныхъ занятій въ библіотекѣ, среди близкихъ ему людей, во главѣ которыхъ стоялъ въ то время извѣстный этнографъ г. Максимовъ. Костомаровъ, весьма воздержный въ пищѣ и не пившій даже чаю, пилъ въ ресторанѣ красное вино съ теплой водой. Здѣсь рассказывалъ онъ въ пріятельскомъ кругу разные эпизоды изъ исторіи Смутнаго времени, рассказывалъ ихъ до того картинно, что многіе изъ прислуги запоминали факты изъ Смутнаго времени. Разъ Костомаровъ предложилъ мнѣ сдѣлать экзаменъ двумъ-тремъ мальчикамъ, разносившимъ кушанье у Балабина и, какъ теперь помню, они мнѣ весьма удовлетворительно рассказывали о пребываніи Лжедмитрія у польскихъ пановъ и о Маринѣ Мнишекъ.

Никогда не изгладятся изъ моей памяти талантливыя характеристики Станислава Понятовскаго и Екатерины II, переданныя Костомаровымъ въ разговорахъ со мной, во время его работъ надъ источниками «Послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой». Однажды, разбирая въ публичной библіотекѣ картонъ документовъ, касающихся самыхъ послѣднихъ годовъ самостоятельнаго существованія Польскаго королевства, Костомаровъ передалъ мѣткую характеристику Станислава Понятовскаго и обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «видѣлъ ли я могилу послѣдняго польскаго короля?» На отрицательный отвѣтъ съ моей стороны онъ предложилъ мнѣ сейчасъ же отправиться въ католическую церковь на Невскомъ проспектѣ, гдѣ похороненъ Станиславъ Понятовскій. По дорогѣ отъ публичной библіотеки къ церкви онъ все говорилъ о Понятовскомъ, но, къ сожалѣнію, церковь была заперта и мнѣ не суждено было вмѣстѣ съ Костомаровымъ посѣтить могилу послѣдняго польскаго короля.

Въ первой книжкѣ «Вѣстника Европы» за 1867 годъ появилась драматическая хроника Островскаго «Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій». Костомаровъ очень увлекался этой хроникой и

не разъ читаль ее вслухъ въ корректурныхъ листахъ у себя на вечерахъ, сопровождая свое чтеніе комментаріями и замѣчаніями. Въ началѣ того же 1867 года, была дана въ первый разъ въ Петербургѣ на сценѣ Маріинскаго театра извѣстная трагедія графа А. К. Толстаго «Смерть Іоанна Грознаго». Какъ теперь помню это представленіе, бывшее 12 января, въ бенефисъ Малышева, игравшаго въ трагедіи незначительную роль князя Сицкаго. Роль грознаго царя игралъ П. В. Васильевъ, роль Бориса Годунова — г. Нильскій. Костомаровъ былъ недоволенъ игрою какъ того, такъ и другаго, въ особенности послѣдняго. Передаю сущность возрѣній Костомарова на исполненіе ролей тѣмъ и другимъ. Васильевъ, какъ по своей фигурѣ, приземистой и полной, такъ и по недостатку голосовыхъ средствъ, не могъ передать всѣхъ сторонъ характера царя Ивана Васильевича. Костомаровъ Васильева находилъ хорошимъ въ тѣхъ сценахъ трагедіи, въ которыхъ царь Иванъ IV падаетъ духомъ, въ дѣйствительности, или притворяется, что падаетъ духомъ или же теряетъ голосъ отъ сильной злобы и изнеможенія. Такъ Н. И. Костомаровъ находилъ, что у Васильева очень удачно вышли—сцена 2-й картины, гдѣ Иванъ IV, въ монашеской рясѣ, вспоминаетъ свои прегрѣшенія, а также покаяніе царя передъ боярами. Хорошо былъ также Васильевъ, по мнѣнію Костомарова, въ томъ мѣстѣ (конецъ 3-го дѣйствія), когда Иванъ IV, сидя на престолѣ и выведенный изъ себя посломъ Стефана Баторія Гарабурдой и получивши извѣстіе о пораженіи его войскъ шведами подъ Нарвой, задыхается отъ гнѣва и прерывающимся и упавшимъ голосомъ, хрипло кричить:

... Смерть всякому, кто скажетъ,
 Что я разбитъ! Не могутъ быть разбиты
 Мои подки! Вѣсть о моей побѣдѣ
 Должна прійти! И нынѣ же молебны
 Побѣдные служить по всѣмъ церквамъ!

— послѣ чего падаетъ въ изнеможеніи въ престольныя кресла. Но Васильевъ былъ весьма слабъ, а иногда даже просто не хорошъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ царь Иванъ былъ грозенъ, надмененъ, золь и гордъ—эти черты у него совсѣмъ не выходили. Что касается до г. Нильскаго, то онъ совсѣмъ не понялъ Бориса Годунова и изобразилъ его какимъ-то шаблоннымъ трагическимъ злодѣемъ изъ переводныхъ французскихъ мелодрамъ.

Н. И. Костомаровъ, сколько мнѣ извѣстно, былъ близокъ съ графомъ А. К. Толстымъ. 18-го марта, день смерти царя Іоанна IV, со времени написанія Толстымъ трагедіи, они проводили вмѣстѣ, справляли поминки по Грозномъ, какъ говорилъ Костомаровъ. Къ 18-му марта 1867 года, Костомаровъ собирался ѣхать даже въ имѣніе графа Толстаго, кажется, въ Тверскую губернію; но эта поѣздка почему-то не состоялась.

Любилъ Николай Ивановичъ Костомаровъ дѣлать иногда историческія предположенія, діаметрально-противоположныя дѣйствительности, историческимъ событіямъ. Такія предположенія уясняли ему реальную исторію и служили къ большому освѣщенію и лучшему пониманію совершившихся событій. Вотъ нѣсколько тому примѣровъ. Разъ онъ долго разсуждалъ со мной о томъ, какой бы ходъ могла принять послѣдующая исторія Россіи, если бы не Іоаннъ III покорилъ Новгородъ, а новгородцы разбили бы войска московскаго великаго князя? Въ другой разъ онъ утверждалъ, что если бы азовскіе походы Петра Великаго были бы для него болѣе удачны и если бы ему не пришлось срыть Азова по Прутскому миру, то столицу и главный портъ Петръ Великій основалъ бы не на Финскомъ заливѣ, а на Черномъ морѣ, и «Питербурхъ» явился бы не при устьѣ Невы, а гдѣ нибудь на мѣстѣ позднѣйшихъ Одессы или Херсона.

Затѣмъ я постоянно видался съ Н. И. Костомаровымъ въ свои частыя поѣздки въ Петербургъ; но особенно памятна мнѣ встрѣча съ нимъ въ Кіевѣ, на археологическомъ съѣздѣ, въ 1874 году. Помню, съ какимъ волненіемъ читалъ онъ свой рефератъ на съѣздѣ въ той самой, если не ошибаюсь, залѣ, въ которой двадцать восемь лѣтъ тому назадъ читалъ онъ свою первую вступительную лекцію. Многое вспомнилось тогда Николаю Ивановичу, многое изъ пережитаго и позабытаго воскресло передъ нимъ воочию... Помню я его во время археологическихъ экскурсій въ окрестностяхъ Кіева, окруженнымъ молодыми кіевскими учеными и литераторами, людьми инаго поколѣнія, чѣмъ то, къ которому принадлежалъ Костомаровъ, и ушедшими дальше его и людей его времени въ своихъ такъ называемыхъ украинофильскихъ воззрѣніяхъ. Но объ украинофильствѣ Костомарова пускай разскажутъ люди, ближе и лучше меня знающіе эту сторону его дѣятельности. Я же могу заявить только, что, на сколько я зналъ Костомарова, въ немъ я никогда не замѣчалъ приписываемой ему ненависти въ великорусскому племени. Онъ увлекался народностью малорусскою, ея исторіею, ея бытомъ, ея поэзіею и всѣмъ сердцемъ желалъ развитія ея самобытной культуры. Малорусское племя больше удовлетворяло его художественности, его поэтичности, чѣмъ племя великорусское, а потому онъ предпочиталъ первое второму—и только. Дальше, какъ мнѣ всегда казалось, Костомаровъ не шелъ.

Въ настоящемъ небольшомъ очеркѣ нельзя подробно остановиться на многочисленныхъ сочиненіяхъ Костомарова. Болѣе двухсотъ монографій, изслѣдованій, замѣтокъ, рецензій, полемическихъ статей, драматическихъ произведеній, хроникъ, стихотвореній вышло изъ-подъ его пера втеченіе сорокасемилѣтней его учено-литературной дѣятельности. Пятнадцать томовъ «Монографій и изслѣдованій» и «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣй-

нихъ дѣятелей», множество отдѣльныхъ сочиненій и статей по русской исторіи, начиная съ разбора народныхъ историческихъ преданій и памятниковъ народной поэзіи и кончая обзоромъ царствованія императрицы Елисаветы Петровны — затрогиваютъ всѣ важнѣйшія явленія русской исторіи на пространствахъ почти десяти столѣтій и разсматриваютъ многія изъ этихъ явленій съ новой, оригинальной точки зрѣнія. Въ такой массѣ историческихъ работъ, само собою, не всѣ онѣ могутъ явиться одинаковаго достоинства, но монографіи Костомарова, посвященныя исторіи Малороссіи, съ «Богданомъ Хмельницкимъ» во главѣ, «Сѣвернорусскія народоправства», «Смутное время Московскаго государства» и «Последніе годы Рѣчи Посполитой» — составили бы по картинности историческаго изложенія и живости языка всегда цѣнное приобрѣтеніе и въ болѣе богатой историографической литературѣ, чѣмъ русская; а въ нашей историографіи по названнымъ качествамъ отводятъ Костомарову весьма почетное мѣсто. Эти сочиненія являются лучшими твореніями нашего историка, его *chef-d'oeuvre*.

Особымъ видомъ историческихъ сочиненій Костомарова должны быть сочтены его полемическія статьи. Высказывая новое положеніе въ русской исторіи, смотря на историческое явленіе или историческую личность съ новой точки зрѣнія, Костомаровъ съ замѣчательной энергіей, даже съ упорствомъ, всегда отстаивалъ свои воззрѣнія, отвѣчая на дѣланныя ему возраженія. Съ кѣмъ и изъ-за чего не полемизировалъ онъ! Онъ бралъ съ бою каждое свое воззрѣніе, устраивая даже публичныя словесныя состязанія, какъ, напримѣръ, въ 1860 году съ Погодинымъ о происхожденіи Руси. Этотъ духъ полемики, жаръ спора, во многихъ случаяхъ оставлялъ истину на сторонѣ его противниковъ, но полемика выясняла вопросъ спорный и ставила новые вопросы на разрѣшеніе. Костомаровъ своими полемическими статьями возбуждалъ мысль къ изслѣдованію, къ работѣ. Во главѣ его полемическихъ статей безспорно стоитъ полемика съ поляками изъ-за историческаго и современнаго назначенія и положенія русскаго народа и изъ-за отношеній къ нему Польши. Въ этой полемикѣ Костомаровъ всегда являлся истинно русскимъ патриотомъ, въ большинствѣ случаевъ даже слишкомъ преувеличивая историческія и политическія неправды Польши по отношенію къ Россіи.

Дополненіемъ къ историческимъ трудамъ Костомарова являются его труды по этнографіи и по исторической беллетристикѣ. Этнографическое изученіе исторіи намѣчено имъ еще въ его второй магистерской диссертациі, и онъ сдѣлалъ въ этомъ направленіи очень много, а особенно по отношенію къ малорусской народности. Какъ поэтъ, какъ художникъ, онъ увлекался повѣіею и бытомъ южноруссовъ; та же художественная способность влекла его къ исторической драмѣ, историческому роману и повѣсти. Что не под-

давалось болѣе точной формулировкѣ въ историческомъ изслѣдованіи, для того онъ избиралъ форму драмы, романа, повѣсти. Его «Кудеяръ» исполненъ цѣлаго ряда поэтическихъ красотъ и въ бытовомъ отношеніи представляетъ даже важное пособіе для изученія Россіи въ XVI в. Точно также талантливо сгруппированы бытовые черты изъ жизни русскаго служилаго человѣка XVII в. въ его исторической повѣсти «Сынъ».

Вѣчная тебѣ память нашъ даровитый историкъ! Твой жизненный путь, исполненный тернѣя въ дни твоего дѣтства и юности, въ зрѣлыхъ годахъ былъ освѣщенъ блескомъ твоего лучезарнаго таланта. По немъ ты шествовалъ съ достоинствомъ и почетомъ, которые не въ силахъ уничтожить твои враги, тщетно желавшіе при жизни твоей помрачить твой путь. Талантъ—это такая сила, которая влагается въ человѣка природой и которую не можетъ уничтожить никто. Цѣлый рядъ послѣдующихъ русскихъ поколѣній будетъ приходить въ восхищеніе отъ созданныхъ тобою историческихъ образовъ, и имя Николая Ивановича Костомарова займетъ подобающее ему почетное мѣсто въ русской историографіи и исторіи русскаго просвѣщенія!

Д. Корсаковъ.

ИНКВИЗИЦІЯ ВЪ ПОЛЬШѢ И ЛИТВѢ.

(Историко-культурный очеркъ ¹⁾).

Е СМОТРЕЯ на то, что столько времени, можно сказать, столько вѣковъ мы находимся въ непосредственной связи съ Польшею въ отношеніяхъ политическомъ, гражданскомъ, культурномъ и т. п., мы не можемъ, однако, похвалиться, что знаемъ Польшу, и въ особенности Старую Польшу, какъ слѣдуетъ, во всѣхъ отношеніяхъ. Тѣмъ менѣе намъ извѣстна внутренняя, религіозная жизнь старой Рѣчи Посполитой. Съ этой стороны мы больше всего слѣдимъ затѣмъ, какъ Польша въ разныя времена относилась къ иновѣрцамъ, или такъ называемымъ диссидентамъ; знаемъ несравненно болѣе о гоненіяхъ и преслѣдованіяхъ, которымъ въ Польшѣ подвергались эти иновѣрцы и въ особенности православные въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ,—чѣмъ о томъ, какъ само католичество, бывшее главною пружиною, можно сказать безъ преувеличенія, почти всей исторической жизни Рѣчи Посполитой, развивалось въ Польшѣ въ первыя времена ея существованія, какими силами оно тогда поддерживалось (помимо іезуитовъ) и какими путями утвердилось среди невзгодъ ерети-

¹⁾ Составленъ по преимуществу на основаніи статьи въ польской «Encyklopedii Kościelnoy»: *Inkwizycja i inkwizytorowie w Polsce* (т. VIII, стр. 138—149), и другихъ источниковъ, напримѣръ, *Prorago S. Niacynti Bzowskiego. Venet. 1606, cap. VIII*; того же автора *Historia inquisitionis haereticae pravitatis in orthodoxo regno Poloniae* (рукописная) и др.

чества и иновѣрной пропаганды, отъ которыхъ панове-шляхта также не свободны были тогда, какъ и во времена поаднѣйшія.

Къ числу этихъ средствъ и путей бесспорно надобно отнести прежде всего и болѣе всего инквизицію, существовавшую нѣкогда въ Польшѣ. А между тѣмъ о ней-то мы и знаемъ менѣе всего.

I.

По сказаніямъ польскихъ лѣтописей, первые слѣды появленія инквизиціи въ Польшѣ совпадаютъ съ появленіемъ здѣсь первыхъ анти-католическихъ заблужденій, противъ которыхъ папы находили необходимымъ бороться помощію «инквизиторовъ, этихъ,—какъ говоритъ авторъ статьи «*Inkwizycja w Polsce*»,—судей еретической неправды¹⁾. Это было въ XIII вѣкѣ по поводу появленія въ Польшѣ секты, или, вѣрнѣе сказать, общества бичующихся (*flagellantes, flagellatores, flagellarii*), иначе называемыхъ крыжаками, бичовниками.

Какъ на западѣ Европы, такъ и въ Польшѣ общество бичующихся было порожденіемъ тѣхъ ужасовъ, которыми отличалась средневѣковая жизнь въ отношеніи бытовомъ, гражданскомъ и политическомъ. Обираемые жестокими феодалами, вѣчно разоряемые междоусобными войнами, гибнущіе тысячами отъ чумы и другихъ заразительныхъ болѣзней, голодные и холодные, ходили люди изъ села въ село, изъ города въ городъ, обнаженные до пояса, съ плетками въ рукахъ, или съ обвязанными вокругъ пояса бичами, сплетенными изъ трехъ или четырехъ ремешковъ и оканчивающимися небольшими пулями или острыми желѣзными крючками. Въ отличіе отъ другихъ, они носили красные кресты, нашитые на шляпахъ или на верхнихъ одеждахъ, вслѣдствіе чего ихъ и прозвали крыжаками (*cruciferi, crucifratres*). Головы у нихъ, большею частію, были совсѣмъ закрыты, чтобы другіе не могли узнать ихъ. Съ хоругвию или крестомъ впереди, сопровождаемые нерѣдко толпою странствующихъ, бездомныхъ монаховъ, крыжаки призывали всѣхъ для соединенія съ своимъ скопищемъ, доходившимъ иногда до тысячи человекъ, причемъ каждый бичовникъ обязанъ былъ оставаться въ обществѣ 33 или 34 дня по числу лѣтъ земной жизни Спасителя. Прибывъ къ костіолу или на какую либо площадь, они падали всѣ на землю, не обращая вниманія, была ли тамъ грязь, или снѣгъ, и бичевали себя по спинѣ до тѣхъ поръ, пока не оканчивалось пѣніе гимна, по большей части, очень длиннаго,

¹⁾ Не можемъ удержаться, чтобы не сказать здѣсь: значить, если бы Польша осталась православною, какъ было въ началѣ просвѣщенія ея христіанскою вѣрою, то не знала бы никакой инквизиціи.

главнымъ содержаніемъ котораго были страданія Іисуса Христа. Затѣмъ возносили къ небу окровавленные руки и просили милости у Господа Бога, его Пресвятой Матери и святыхъ и т. д. Къ этому бичовники присоединяли цѣлый рядъ заблужденій чисто догматическаго свойства. Они приписывали бичеванію такую силу, что принимали другихъ на исповѣдь, и утверждали, что, вслѣдствіе или въ силу ихъ самоумерщвленія, они въ состояніи умножить счастье своихъ родственниковъ и своихъ единомышленниковъ на небѣ, ослаблять муки грѣшниковъ и т. п.

Такого рода поведеніе и заблужденія бичовниковъ были причиною того, что папы вооружились противъ нихъ всею силою своей власти, и въ 1257 году, прежде чѣмъ общества бичующихся начали принимать опасные размѣры въ Польшѣ, папа Александръ VI поручилъ францисканамъ въ Чехіи и Польшѣ инквизиторскія права противъ нихъ «для охраненія вѣры». Такимъ образомъ, первыми инквизиторами въ Польшѣ были францискане. По смерти ихъ, впрочемъ, другихъ инквизиторовъ на мѣсто ихъ не назначали, а потому и объ инквизиторскомъ учрежденіи въ Польшѣ вскорѣ забыли. Только бискупы польскіе, и въ особенности между ними Прандота Крановскій и Янушъ Гнѣзненскій, вслѣдствіе появленія бичующихся въ своихъ епархіяхъ въ 1261 году, издавали суровыя противъ нихъ узаконенія, для выполненія которыхъ назначали ревностнѣйшихъ ксендзовъ, обязанности которыхъ, впрочемъ, вскорѣ прекратились по случаю прекращенія самой ереси.

Инквизиція возобновляется въ Польшѣ по иниціативѣ папъ въ 1316 году по поводу появленія дульцинистовъ и за ними бегвардовъ и бегвинокъ.

Дульцинистами, отъ Дульцина, родившагося въ XIII вѣкѣ въ Наваррѣ, въ Ломбардіи, назывались сектанты, учившіе, что царство Святаго Духа, начавшееся въ 1300 году, окончится только съ концомъ міра. вмѣстѣ съ этимъ они утверждали, что папы и другіе представители царства потеряли свой авторитетъ, чему живымъ доказательствомъ была ихъ секта. Дульцинисты также проповѣдывали коммунизмъ, или общеніе имуществъ и женщинъ, равно какъ и сильное отвращеніе къ обрядамъ. Арестованный въ 1308 году Дульцинъ былъ сожженъ вмѣстѣ съ своею женою. Но его ученіе чрезъ Германію и Чехію проникло въ Польшу и здѣсь нашло себѣ сторонниковъ.

Въ то же время, и еще въ большихъ размѣрахъ, начала распространяться въ средѣ поляковъ секта бегвинокъ и бегвардовъ. Первоначально обществомъ бегвинокъ назывались общества женщинъ, которыя, не давая монашескихъ обѣтовъ, соединялись между собою для упражненія въ подвигахъ духовной жизни, и такимъ образомъ какъ бы приготавливали себя къ настоящей монашеской жизни. Средневѣковыя войны, лишая многихъ женщинъ му-

жей, многихъ дѣвиць отцовъ или жениховъ, заставляли несчастныхъ искать утѣшенія въ бегвинскихъ домахъ, тѣмъ болѣе, что въ то время вообще на Западѣ было немного женскихъ монастырей. Названіе бегвинокъ они получили отъ основателя этихъ домовъ въ Бельгіи ксендва Ламберта le Begues, или le Beghe, т. е. Заики¹⁾, учредившаго первый таковой домъ во второй половинѣ XII вѣка въ городѣ Люттихъ. Изъ Бельгіи бегвинки перешли во Францію, Голландію, Италію и Германію, а изъ послѣдней въ XIV вѣкѣ въ Польшу. Впослѣдствіи, подобно бегвинкамъ, начали устраиваться такія же мужскія общины, получившія наименованіе бегвардовъ, или бегвиндовъ, которые также не замедлили явиться въ Польшу, и здѣсь въ епархіи Холмской, гдѣ находились имѣнія бискупства Куявскаго, съ разрѣшенія тогдашняго куявскаго бискупа Вислава, въ селеніи Злоторы, имѣли даже свой собственный косціоль во имя креста Господня.

Въ періодъ появленія своего въ Польшѣ бегвинки и бегварды далеко уклонились отъ своего первоначальнаго идеала, и въ особенности не могли похвалиться чистотой своей вѣры, разумѣется, въ духѣ церкви римско-католической. Большая часть изъ нихъ предавались самому крайнему мистицизму, въ духѣ извѣстныхъ фратрицелловъ, или братій вольнаго духа и другихъ спиритуалистическихъ сектъ XIII-го и XIV-го вѣка. Такого рода бегвинокъ особенно было много въ Польшѣ въ епархіи Вроцлавской и Краковской, благодаря индифферентизму бискупа Мускаты и многихъ свѣтскихъ лицъ, покровительствовавшихъ заблужденіямъ бегвинскимъ. Объ этомъ обстоятельствѣ дали знать въ Римъ доминикане, на ту пору собиравшіеся на генеральную капитулу въ Лионѣ. Папа Іоаннъ XXII-й горячо взялся за дѣло, и 1-го мая 1318 года издалъ два посланія, одно къ бискупу Мускатѣ, а другое къ королю Владиславу Локотеѣ, изъ коихъ въ первомъ посланіи старался возбудить въ Мускатѣ ревность по вѣрѣ, а во второмъ доказывалъ королю, что если власть мірская обязана карать преступленія вообще, то тѣмъ паче она должна защищать вѣру и останавливать дерзновеніе ея враговъ²⁾. Въ тѣхъ тѣхъ же посланіяхъ папа рекомендовалъ какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ властямъ опредѣленныхъ отъ своего имени для борьбы съ ересью инквизиторовъ: Перегриня, доминиканца изъ Опола, для епархіи Вроцлавской, и Николая Гиподинета, францисканца изъ Кракова, для епархіи Краковской, которымъ предоставлялъ права, равныя съ инквизиторами прочихъ странъ христіанскихъ.

¹⁾ Заикою Ламбертъ назывался не потому—что замкался, а потому, что это было его фамильное прозвище.

²⁾ Оба эти посланія помѣщены въ булляріумѣ доминиканскомъ, т. II-й, также въ сочиненіи Бвовскаго: *Prorago S. Hieronymi*, гл. VIII и у Тейнера, *Monumenta Poloniae*, стр. 137.

Чѣмъ ознаменовали себя эти первые, извѣстные въ исторіи польской, отцы инквизиторы, за недостаткомъ данныхъ сказать невозможно. Едва ли, однако, они имѣли успѣхъ, потому что въ 1325 году мы видимъ въ Польшѣ новыя еретическія движенія, вслѣдствіе которыхъ папа нанялъ необходимымъ послать сюда шесть специальныхъ инквизиторовъ изъ доминиканъ. Тѣ открыли, что заблужденія бегвардовъ находили сторонниковъ даже среди шляхты и вообще распространились очень широко. Это было причиною, что папа обратилъ особое вниманіе на Польшу и рѣшился завести здѣсь настоящее инквизиторское, постоянное учрежденіе, которое и передалъ въ руки мѣстныхъ доминиканъ. Въ то же время новыми посланіями отъ 1-го апрѣля 1327 года, папа требовалъ единодушнаго содѣйствія доминиканцамъ въ возложенномъ на нихъ дѣлѣ со стороны бискуповъ польскихъ и короля Владислава Локотка. Тогда провинціаломъ доминиканъ былъ Петръ изъ Коломны (de Coloméis), или, какъ другіе говорятъ, преемникъ его Мацѣй изъ Кракова. Послѣдній особенно усердно занимался дѣломъ, тѣмъ болѣе, что король съ своей стороны не замедлилъ сдѣлать распоряженіе, чтобы всѣ власти королевства помогали инквизиторамъ въ ихъ дѣлѣ. Спустя три года, въ 1330 году, открытъ былъ особый инквизиторскій трибуналъ въ Вроцлавѣ противъ тѣхъ же бегвардовъ, имѣнія которыхъ чешскій король Карлъ IV отдалъ тому же трибуналу въ 1351 году...

Не смотря, однако, на эти учрежденія, ересь держалась не менѣе прежняго. По этой причинѣ папа Иннокентій IV долженъ былъ снова напоминать властямъ польскимъ и чешскимъ о необходимости болѣе дѣятельной помощи инквизиторамъ съ ихъ стороны. Въ особенности бегвардинская ересь была распространена теперь въ Силезіи... Но это были и послѣдніе успѣхи бегвардовъ. Вскорѣ они должны были уступить отчасти силѣ обстоятельствъ, а еще болѣе образованію, и если потомъ еще встрѣчаемъ ихъ въ Польшѣ, то не больше, какъ въ качествѣ общественныхъ, религіозныхъ учрежденій, не имѣющихъ ни малѣйшаго отношенія къ догматической сторонѣ вѣры.

За то вскорѣ появилась новая опасность для римской вѣры въ Польшѣ въ лицѣ Петра-Яна Пираненскаго, который могъ дѣйствовать тѣмъ успѣшнѣе, что на его сторонѣ стоялъ самъ король Янъ Люксембургскій. Противъ него возсталъ съ особенною силою Янъ Швенкельфельдъ изъ Свидницы, инквизиторъ Вроцлавскій. Нужно думать, что дѣйствія его не отличались, однако, духомъ любви евангельской, потому что вскорѣ онъ былъ убитъ Петромъ-Яномъ Пираненскимъ. Это было въ 1341 году. Въ томъ же году былъ убитъ, по распоряженію Яна Люксембургскаго, и другой инквизиторъ Краковскій Кондрать, безъ сомнѣнія, дѣйствовавшій въ одномъ духѣ съ Яномъ Швенкельфельдомъ. Обстоя-

тельства эти были причиною того, что заблужденія Петра-Яна вскорѣ распространились съ особою силою въ народѣ, а вмѣстѣ съ симъ тѣ же обстоятельства заставили и инквизиторовъ дѣйствовать осторожнѣе и благоразумнѣе. Изъ нихъ Вацлавъ Вроцлавскій, Петръ Краковскій и Хризостомъ Познанскій обратились къ церковной проповѣди и при помощи ея обратили многихъ. Но какъ ересь и теперь не уставала окончательно, то по общему согласію инквизиторовъ Польши, Чехіи и Германіи рѣшено было въ 1348 году открыть гробъ Петра-Яна Пираненскаго и сжечь его трупъ рукою палача. Эта суровая кара, а также сожженіе нѣсколькихъ женщинъ, которыя особенно предавались распутству подъ вліяніемъ ереси, были причиною того, что заблужденіе Яна-Петра мало-по-малу прекратилось само собою, хотя польскіе писатели, по своему обычаю, приписываютъ окончательное истребленіе ихъ дѣятельности инквизиторовъ Петра и Станислава около 1365 года.

Между тѣмъ, на смѣну заблужденіямъ Яна-Петра Пираненскаго выступилъ съ своимъ ученіемъ Янъ Миличъ (Millescius) изъ Кромеряжа, каноникъ пражскій, который началъ проповѣдовать о необходимости причащенія подъ обоими видами. Въ Польшу его ученіе занесено было и поддерживаемо Мацѣемъ изъ Яндва, который дѣйствовалъ тѣмъ успѣшнѣе, что тамошній архіепископъ Ярославъ не придавалъ этому ученію никакого особеннаго значенія. Не смотря на то, что папа Григорій XI съ особенною силою возсталъ противъ этого, и особымъ посланіемъ отъ 13-го января 1374 года возбуждалъ инквизицію къ ревностному преслѣдованію заблуждавшихся, ученіе о причащеніи подъ двумя видами, поддерживаемое въ то время въ Чехіи, находило все болѣе и болѣе послѣдователей въ Польшѣ, «вслѣдствіе чего, какъ говоритъ ксендзь S. Ch., авторъ статьи объ инквизиціи въ Польшѣ въ «Энциклопедіи Косциальной», инквизиторъ Пржеславъ Гербицкій имѣлъ немало дѣла съ заблуждающимися до 1386 года»¹⁾.

Венгерскій, извѣстный хроникеръ XIV вѣка, присовокупляетъ къ этому, что около того же времени явилась было въ Польшѣ ересь валденсовъ, которую распространили Николай и Янъ Полякъ²⁾. Но, надо думать, ересь эта недолго держалась въ польскихъ странахъ, потому что, по сказанію самихъ польскихъ писателей, была вскорѣ истреблена инквизиціей³⁾.

На смѣну ея выступило другое ученіе болѣе опасное для западной церкви и для окатоличенной Польши, — ученіе гусситовъ. Исторія гусситизма какъ въ Чехіи, такъ и въ Польшѣ извѣстна.

¹⁾ Encyklop. Kosc., т. VIII, стр. 140.

²⁾ Systema Chronic., Hist. eccles. Siao., стр. 307.

³⁾ Encyklop. Kosc., т. VIII, стр. 140.

Но не всѣмъ извѣстно, что на ряду съ государственною и духовною властію въ Польскомъ государствѣ противъ него дѣйствовала также и инквизиція. По словамъ автора «Инквизиція въ Польшѣ», дѣло было такъ: «Для борьбы съ наукой Гусса первые стали инквизиторы Счепанъ Полякъ и Петръ Капторжъ, люди образованные въ наукахъ богословскихъ, и оба подвизались на своемъ поприщѣ оружіемъ пера, слова и суровыхъ каръ. Помогали имъ въ этомъ и бискупы, а также и король польскій, котораго вооружили противъ еретиковъ Счепанъ, инквизиторъ Краковскій, Янъ Браскаторисъ, инквизиторъ Вроцлавскій, и Янъ, пріоръ доминиканъ краковскихъ, объясняя ему объ опасныхъ затѣяхъ гусситизма для государства (sic!)». Какъ дѣйствовали эти господа противъ гусситовъ, лучше всего свидѣтельствуетъ разсказъ того же автора: «Помянутый Янъ, пріоръ краковскій, будучи назначенъ въ 1427 году папою Мартиномъ V-мъ на должность генеральнаго инквизитора, къ поученіямъ и словамъ присоединилъ такую суровость, что при одномъ воспоминаніи объ его имени ужасъ овладѣвалъ еретиками и заставлялъ ихъ бѣжать изъ края того» ¹⁾. Къ этому же времени относится воззваніе Николая, а по другимъ Мартина изъ Бржевея, отъ 15-го апрѣля 1437 года, чтобы къ нему доставляли еретиковъ. Онъ былъ инквизиторомъ, по постановленію кардинала Збигнева, въ епархіи Краковской... Но какъ ни вооружались польскія власти съ инквизиціею во главѣ противъ еретиковъ, ересь росла и даже мало-по-малу начала проникать въ семейства магнатовъ польскихъ. Изъ нихъ въ особенности поборниками гусситизма были Спитка изъ Мѣльштина, Дерславъ изъ Ритванъ и Абрагамъ Збонскій ²⁾. Последній собралъ въ своемъ имѣніи Збонщинѣ семь наставниковъ новой секты и посылалъ ихъ въ сосѣднія селенія для проповѣди. Это подняло противъ него бискупа познанскаго Станислава Цюлку, который проклиналъ Збонскаго... Но и Збонскій, въ свою очередь, не дремалъ и хотѣлъ убить Цюлку, такъ что этотъ долженъ былъ бѣжать въ Краковъ. Преемникъ Станислава Цюлка, бискупъ Андрей Бнинскій былъ хитрѣе. Видя, что проклятія не помогаютъ, онъ вошелъ въ соглашеніе съ Петромъ, каштеляномъ Гнѣзненскимъ, и сыновьями его Петромъ и Войцѣхомъ, и съ 900 всадниками окружилъ Збонщину, при этомъ захватилъ пять учителей гусситскихъ и велѣлъ сжечь ихъ «на страхъ другимъ» ³⁾.

Когда гусситское движеніе въ другой разъ охватило Польшу во второй половинѣ XV вѣка, инквизиторъ Яковъ Гржимала снова было взялся за старыя мѣры жестокости, и нѣсколькихъ

¹⁾ Encyklopedia Koscielna, т. VIII, стр. 141. Monumenta Domin. Кв. Варонча, I, 186.

²⁾ Encykloped. Kosc., т. VIII, стр. 141.

³⁾ Длугоша, Hist., I, XII.

гусситовъ сжегъ на кострѣ. Но такъ какъ ученiе Гусса теперь въ особенности распространилось между шляхтою, которая, основываясь на существующихъ узаконенiяхъ, не очень-то боялась суда духовнаго, то инквизиторы должны были вѣяться за другiя средства,—какъ и слѣдуетъ, они обратились къ церковной проповѣди, при помощи которой и положили конецъ ереси въ Польшѣ. На этомъ послѣднемъ поприщѣ особенно отличались инквизиторы, Григорiй Гейче въ Вроцлавѣ, Николай Грунебъ въ Торунѣ, Мацѣй Конради на Руси, Дiонисiй и Альбертъ изъ Ленчицы въ Краковѣ.

Но не успѣли отцы инквизиторы справиться съ гусситизмомъ, какъ новый врагъ вѣры католической является въ Польшѣ въ лицѣ ямниковъ. Это были единомышленники валденсовъ, названные такъ потому, что изъ опасенiя преслѣдованiй они собирались для отправленiя своихъ церемонiй въ ямахъ, рвахъ и пещерахъ (*toszagi*). Если вѣрить латино-польскимъ писателямъ, они насмѣхались надъ евхаристiей, изрекали проклятiя на ксендзовъ и предавались крайнему распутству послѣ каждой религiозной церемонiи своей по ночамъ. Всякiй, вступающiй въ ихъ общество, обязанъ былъ выслушивать мессу въ костiолѣ, и здѣсь на всѣ возгласы ксендза отвѣчать всевозможными проклятiями. Начало этой секты было положено въ Чехiи, и оттуда она проникла въ Польшу, особенно вредно отзываясь на поведенiи молодыхъ людей обоего пола. Узнавши объ этомъ, Альбертъ изъ Плоцка, инквизиторъ краковскiй, въ одинъ день окружилъ домъ, гдѣ собрались еретики, и, схвативъ человѣкъ двадцать, предалъ ихъ суду. Нѣкоторые изъ нихъ раскаялись и были освобождены. Альбертъ не пощадилъ только женщинъ, отличавшихся крайнимъ распутствомъ подъ влиянiемъ новаго ученiя. Ихъ водили по улицамъ съ обнаженными плечами, сбiли по плечамъ розгами и, наконецъ, сожгли. Это было около 1505 года. Въ то же время ересь проникла было также и въ среду придворныхъ короля. Но такъ какъ тутъ нельзя было дѣйствовать суровыми карами, то доминиканецъ Петръ изъ Сохачева, духовникъ короля Александра Ягеллоновича, взялся за проповѣдь, и этимъ такъ повлiялъ на заблуждающихся, что нѣкоторые изъ нихъ обратились, а другiе бѣжали на Русь, и здѣсь свили себѣ гнѣздо въ Львовѣ. Впрочемъ, и тутъ ихъ накрыли скоро. Инквизиторъ Андрей поймалъ трехъ изъ представителей секты, посадилъ въ тюрьму и потомъ казнилъ, послѣ чего ересь погибла сама собою.

Новое поприще для польскихъ инквизиторовъ открывается съ XVI в. въ борьбѣ съ протестантизмомъ. Но здѣсь уже нельзя было ни подъ какими условiями дѣйствовать «суровыми карами», по крайней мѣрѣ, открыто. Не таково было время, не таковы и воззрѣнiя народныя. Оттого инквизицiя въ Польшѣ, въ настоящемъ

смыслѣ этого слова, какъ учрежденіе карательное, съ этого времени въ сущности исчезаетъ, какъ исчезаетъ она и въ прочихъ разныхъ странахъ Европы. Сами польскіе писатели сознаются, что и всѣ доселѣ помянутыя секты догматами своей вѣры полагали обычныя заблужденія, которыя явно потворствовали распутству и открыто разрушали основы гражданской жизни. Какъ грубыя и случайныя, онѣ вліяли попреимуществу на простой народъ, представляя свободу страстямъ. Тюремныя заключенія, разнаго рода наказанія и смерть на крестахъ, въ силу суровыхъ тогдашнихъ понятій, могли дѣйствовать, такъ или иначе, на эти увлеченія испорченной натуры, уничтожающія человѣка и общество. Не то было съ протестантизмомъ. Послѣдній, избѣгая воздѣйствія на страсти, напротивъ того, явственно добивался въ религіи только того, что заключается въ Священномъ Писаніи, въ сущности увлекалъ за собою всѣхъ, и въ особенности высшіе классы, которые съ охотою начали приставать къ нему, между тѣмъ какъ простой народъ вообще относился къ нему хладнокровно... Съ такими господами, само собою, нельзя было воевать тюремными заключеніями и огнемъ. Здѣсь нужно было бороться словомъ ученія, разныхъ диспутовъ и опроверженія заблужденій противной стороны. Потому и инквизиторы настоящаго времени все вниманіе свое обращаютъ на проповѣдь и религіозно-нравственныя собесѣдованія съ еретиками и народомъ. На этомъ поприщѣ, какъ говорятъ польскіе писатели, отличались: Феликсъ Гоздива, Доминикъ Малаховскій, проповѣдникъ королевскій, Геронимъ, инквизиторъ краковскій, Янъ, инквизиторъ вроцлавскій, и др. Между тѣмъ, благодаря вѣротерпимости Сигизмунда-Августа, въ Польшу, вслѣдъ за протестантизмомъ, начали проникать и другія родственныя ему секты кальвинистовъ, соцініанъ, или антиринитаріевъ и др. Самые лучшіе дома въ Рѣчи Посполитой давали имъ пріютъ у себя. Вслѣдствіе сего, какъ ни старались отцы инквизиторы, они не въ состояніи были ничего сдѣлать, не взирая даже на то, что, отчаявшись въ собственныхъ силахъ, они подняли было на помощь себѣ почти все духовенство соединеннаго Польско-Литовскаго государства какъ духовное, такъ и свѣтское. Нѣкоторые изъ особенно рьяныхъ инквизиторовъ даже подвергались за свою ревность явнымъ преслѣдованіямъ со стороны еретичествующихъ пановъ, такъ, напримѣръ, Доминикъ Малаховскій и Павелъ Сарбиніушъ отъ Гурковъ и Острогоровъ въ Познани, Кипріанъ отъ гостовскаго воеводы Ровскаго, Леонардъ и Зигмундъ отъ Петра Зборовскаго, воеводы краковскаго. Послѣдній подвергся со стороны Зборовскаго такой опасности, что не смѣлъ являться открыто на улицѣ, а Геронимъ Циранусъ былъ отравленъ еретиками въ Данцигѣ, въ 1567 году.

Эти и подобныя обстоятельства, подъ вліяніемъ новой цивили-

заціи, занесенной протестанствомъ, были причиною того, что само правительство польское начало, наконецъ, задумываться по вопросу о пригодности инквизиціи въ Рѣчи Посполитой... Только Мельхиору изъ Мостикъ или Мосцицкому удалось на время поднять упадающій институтъ инквизиціи въ Польшѣ. Онъ съ успѣхомъ велъ диспуты съ лучшими представителями протестантизма въ Польшѣ своего времени Мооржевскимъ и Стинкаремъ... Самъ король побаивался его, такъ что, когда, въ 1559 году, Вренсій и другіе протестанты на сеймѣ Піотроковскомъ подали ему для подписи постановленія, клонящіяся въ ихъ пользу, то Мосцицкій вырвалъ изъ рукъ короля перо и выбросилъ вонъ сеймовыя бумаги. Тотъ же Мосцицкій заставилъ короля отмѣнить постановленія Люблинскаго сейма объ изгнаніи антитринитаріевъ изъ Польши. Согласившись съ кардиналомъ Говіемъ, Мосцицкій требовалъ, чтобы или всѣ противники латинской вѣры были изгнаны изъ Польши и Литвы разъ навсегда, или же, чтобы они всѣ оставались на мѣстѣ, «дабы, враждуя взаимно другъ съ другомъ, сами, такимъ образомъ, уничтожали себя», и его требованіе было исполнено въ послѣднемъ смыслѣ... Но за то и Мосцицкій былъ послѣднимъ инквизиторомъ въ Польшѣ. На мѣсто инквизиціи являются въ Рѣчи Посполитой іезуиты, а съ ихъ появленіемъ начинаются и новыя отношенія поляковъ къ несчастнымъ диссидентамъ, рѣчь о которыхъ не входитъ въ планъ нашего очерка.

II.

Такова исторія «инквизиціи въ Польшѣ» по воззрѣніямъ и по изложенію польскихъ писателей ¹⁾. Теперь если взглянуть на нее серьезнѣе, нельзя не обратить вниманія на двѣ стороны, особенно выдающіяся въ дѣятельности и судьбахъ этой инквизиціи, а именно: 1) на сравнительно болѣе слабое дѣйствіе ея въ Польшѣ, чѣмъ въ другихъ западныхъ странахъ, напримѣръ, въ Испаніи, и 2) на такое же, сравнительно, раннее уничтоженіе ея въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой.

Спрашивается, что было причиною того и другаго, тѣмъ болѣе, что мы издавна привыкли считать Польшу страной въ особенности фанатическою, и потому, казалось бы, если гдѣ, то здѣсь именно инквизиціи должна была свить себѣ болѣе прочное и плодovitoe гнѣздо.

Да, поляки пропитаны латинствомъ до мозга и костей, но все не такъ давно, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда. Настоящее офанатизированіе ихъ начинается со второй половины

¹⁾ «Encykłop. Koscielna», t. VIII, стр. 138, 144.

XVI вѣка подъ вліяніемъ іезуитовъ въ борьбѣ съ православіемъ и протестантствомъ. А до того времени въ Польшѣ, какъ доносилъ папѣ епископъ Вратиславскій, въ 1525 году, «было столько вѣръ и религій, сколько головъ, потому что совѣсть у всѣхъ разнuzдалась...»¹⁾.

Причиною сему было прежде всего географическое положеніе Польши и соединеннаго съ нею Литовскаго княжества. Литва въ собственномъ смыслѣ лежала на распутьѣ политическихъ движеній между Германіей, Ливоніей, татарами и Москвой, и потому всегда почти служила центромъ многообразныхъ столкновеній между ними, столкновеній, по неволѣ, такъ или иначе, долженствовавшихъ вліять и на ея культурное, общественное и религіозное положеніе. Сюда же нужно отнести и то обстоятельство, что въ силу того же географическаго положенія извѣстнѣйшіе города Литвы и Польши издревле находились въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ городами Ганзейскаго союза. Краковъ, Вильна, Данцигъ, Познань и Рига, Псковъ и Новгородъ лежали на торговой дорогѣ, которая ставила Польско-Литовское королевство въ непосредственную связь съ образованными государствами Европы, а вмѣстѣ съ сямъ, конечно, и были лучшимъ проводникомъ всѣхъ идей, тамъ возникавшихъ какъ на почвѣ соціальной и общественной, такъ и въ области духовной, религіозной. Присоединимъ къ тому также неизмѣнно практиковавшійся у магнатовъ Литвы и Польши обычай, возникшій, безъ сомнѣнія на почвѣ ближайшаго знакомства съ Европою, вслѣдствіе политическихъ и торговыхъ сношеній съ нею, посылать туда дѣтей для образованія, а равно также и постоянныя странствованія тѣхъ же пановъ-магнатовъ въ Германію, Швейцарію и другія европейскія государства для поступленія на службу къ европейскимъ дворамъ, или просто для развлеченія, — и мы должны будемъ согласиться, что при такихъ условіяхъ и обстоятельствахъ даже нужно было бы, если бы Литва и Польша, такъ или иначе, могли ускользнуть отъ заблужденій и идей, тогда неупорно рѣкою изливавшихся на Западѣ подъ вліяніемъ тяжелой борьбы съ феодализмомъ и не менѣ жестокими репрессаліями западной церкви и папскаго преобладанія. Потому папскій нунцій Юлій Рувгій весьма справедливо замѣтилъ, что въ его время (около 1563 года) въ Литвѣ можно было найти всѣ ереси, и что здѣсь всѣ секты нашли себѣ приютъ²⁾. Что же могла сдѣлать противъ всего этого инквизиція?!

Условія политическаго и гражданскаго строя Польско-Литовскаго государства не менѣ также заключали въ себѣ условій и элементовъ, способствовавшихъ зарожденію религіознаго движенія

¹⁾ «Правос. Обозр.», 1873 г., XI кн., стр. 775.

²⁾ *Relacye apost. nunciuszew w. Polsce*, t. I, стр. 186.

«истор. вѣстн.», июль, 1885 г., т. XII.

въ его жителяхъ, и въ особенности въ представителяхъ господствующаго адѣсь сословія, въ шляхтѣ. «Политическій строй Литовско-Польскаго государства, — какъ справедливо замѣчаетъ авторъ прекрасной статьи «Острожская типографія и ея изданія» въ Волинскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1884 года, — при слабости правительственной власти и относительной силѣ шляхты и магнатовъ давалъ полный просторъ послѣднимъ, развивалъ чувство независимости и дикой свободы, для которой не существуетъ никакихъ преградъ. Вся Польша жила своеволіемъ, но въ окраинахъ, отдаленныхъ отъ средоточія власти и государственной жизни, это своеволіе принимало самыя широкіе размѣры. Такой произволъ, не знавшій удержа во внѣшней жизни, давалъ такое же направленіе и внутреннему теченію ея, способствовалъ развитію свободы мысли. Участіе въ обсужденіи государственныхъ вопросовъ на сеймахъ и сеймикахъ, гдѣ каждый шляхтичъ пользовался правомъ наложить свое *veto*, или *nie pozwalam*, на общее рѣшеніе дѣла, возвышало его самомнѣніе и сознаніе собственнаго авторитета»¹⁾. Неудиво, что при такихъ обстоятельствахъ каждый шляхтичъ въ Литвѣ и Польшѣ считалъ себя правоспособнымъ также независимо дѣйствовать и въ другихъ областяхъ жизни, какъ и въ жизни государственной. Кто же тогда могъ положить узду на его религіозныя убѣжденія? Къ всему этому, въ Литвѣ и Польшѣ съ раннихъ поръ начинаютъ выплываться нѣсколько знатныхъ родовъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточивается почти вся поземельная собственность государства, вслѣдствіе чего и самая шляхта непосредственно подчиняется ихъ власти и произволу. «Ихъ помѣстья, равняясь по величинѣ небольшимъ королевствамъ, были обстроены крѣпостями съ гарнизономъ и пушками. Тысячи гайдуковъ и толпы заискивавшей шляхты были къ ихъ услугамъ, готовые повиноваться малѣйшимъ приказаніямъ своего патрона... Въ своихъ владѣніяхъ они были полновластны, распоряжались покоролевски, съ тою только разницею, что король былъ ограниченъ закономъ, а для пановъ такого закона не существовало. Выше всего стояла панская воля»... Потому, если магнатъ смѣнялъ вѣру, за нимъ должны были обязательно слѣдовать и всѣ его холопы. *Cujus regio, ejus religio*, — чье панство, того и вѣра, — таковъ былъ принципъ, отъ котораго никто не вправѣ былъ отступать безъ опасности не только для свободы, но и для жизни. Шляхта сама собою шла за магнатами изъ лести и корыстныхъ расчетовъ²⁾... Какое же дѣйствіе, какую силу при такихъ условіяхъ могла имѣть инквизиція?

Интересно, что само польское правительство нерѣдко, хотя и ненамѣренно, способствовало укрѣпленію ересей, въ особенности гус-

¹⁾ «Волин. Епарх. Вѣд.», 1884, № 29, часть неофф., стр. 830, 831.

²⁾ Тамъ же, стр. 883.

ситства въ Литвѣ и Польшѣ. Чтобы удобнѣе завлечь православныхъ въ католицизмъ, король Ягелло, по совѣту жены своей Ядвиги въ 1390 году, устроилъ въ предмѣстьѣ Кракова, Клепартѣ, особый монастырь, въ которомъ богослуженіе латинское должно было совершаться на славянскомъ языкѣ. Съ этою цѣлію были вызваны изъ Праги бенедиктинцы съ жалованьемъ по 20 гривенъ ежегодно. «Вслѣдъ за симъ Ядвига устроиваетъ въ Прагѣ коллегію, съ тѣмъ, чтобы тутъ воспитывались 20 дѣтей знатныхъ какъ литовскихъ, такъ и польскихъ дворянъ, специально изучая богословскія науки. Гуссъ и Иеронимъ были тамъ профессорами, и первый даже состоялъ здѣсь деканомъ философскаго отдѣленія и потомъ ректоромъ коллегіи»¹⁾. Нечего и говорить, какое вліяніе обстоятельство это должно было имѣть на распространеніе гусситизма въ Польшѣ вопреки всѣмъ стараніямъ и ужасамъ инквизиціи. Даже въ то время, когда инквизиція подняла на ноги всѣ заведенія отъ нея средства противъ ереси, Иеронимъ Пражскій, извѣстный гусситъ, былъ вызванъ правительствомъ снова и состоялъ учителемъ въ пражской школѣ (около 1410 года)²⁾.

При такихъ обстоятельствахъ нужно удивляться, что инквизиція могла имѣть даже какіе либо успѣхи въ Польшѣ. Она безусловно не мирилась съ духомъ націи и съ историческими традиціями Польско-Литовскаго государства, и потому должна была погибнуть сама собою. «Инквизиція,—скажемъ еще разъ словами автора статьи «Острожская типографія и ея изданія», — кореннымъ образомъ противорѣчила польскимъ понятіямъ о правахъ и вольностяхъ шляхетскаго сословія, и потому всегда встрѣчала съ его стороны значительное сопротивленіе. Мѣры строгости въ отношеніи къ диссидентамъ и еретикамъ вслѣдствіе этого въ Литвѣ и Польшѣ существовали до XVI вѣка, большею частію, лишь только въ принципѣ, но на практикѣ онѣ не были примѣняемы особенно въ отношеніи къ магнатамъ и вообще къ шляхтѣ. Отлученіе отъ церкви не влекло за собою всѣхъ его принципиальныхъ послѣдствій, какъ-то: лишенія имущества, чести, изгнанія и т. п., потому что каждый магнатъ «кывалтомъ боронилъ свои права», т. е. отстаивалъ ихъ всегда вооруженною силою. Исполнители приговора подвергались его опалѣ, а нерѣдко лишались и жизни за свое усердіе. При слабости государственной власти подобныя законы, которые приходились не по нраву шляхтѣ, оставались почти всегда мертвой буквой, существовали только на бумагахъ»³⁾. Когда же инквизиція въ XVI вѣкѣ должна была стать лицомъ къ лицу съ такими магнатами, какъ Радзивиллъ Черный, когда самъ король Сигиз-

¹⁾ Bukowsky, Dzieje Reformacyi w Polsce, Krakow, 1883, т. I, стр. 25.

²⁾ «Волынскія Епарх. Вѣд.», 1884, часть неофф., № 29, стр. 635.

³⁾ Тамъ же, стр. 635, 636.

мундъ Августъ сталъ на сторону протестантства, тогда о существованіи инквизиціи въ Польшѣ не могло быть и рѣчи, и она уничтожена именно въ то время, какъ мы видѣли выше, въ первой половинѣ XVI вѣка.

Есть основаніе думать, что самая инквизиція въ Польшѣ и Литвѣ, подъ влияніемъ тѣхъ же условій, о которыхъ мы говорили выше, была несравненно гуманнѣе и снисходительнѣе, чѣмъ какъ видимъ то въ другихъ странахъ, въ особенности въ Испаніи. Нужно думать, что и самый характеръ славянской природы инквизиторовъ польскихъ и литовскихъ во многомъ сдерживалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и не допускалъ ихъ до крайней жестокости. «Были и здѣсь, — какъ справедливо замѣчаетъ авторъ статьи «Inkwizycja w Polsce» въ «Энциклопедіи Косцильной», — случаи смерти въ огнѣ на кострахъ, но случаи эти вовсе не были часты, и число ихъ становится почти ничтожнымъ, если взять во вниманіе господствовавшіе въ тѣ времена воззрѣнія на религію, дикость еретиковъ и ихъ соблазнительное влияніе на общество»¹⁾, и въ особенности дикость самыхъ нравовъ и узаконеній тѣхъ временъ. Оттого-то, между прочимъ, хотя инквизиція и существовала въ Польшѣ и Литвѣ втеченіе нѣсколькихъ вѣковъ и отправляла свои дѣйствія во всѣхъ почти польско-литовскихъ римско-католическихъ епархіяхъ, по несомнѣнному замѣчанію Джедушицкаго: «никто въ Польшѣ собственно не кричалъ противъ нея»²⁾. Авторъ исторіи литературы польской, Бентковскій, котораго нельзя заподозрить въ фанатизмъ, много дѣлаетъ упрековъ Польшѣ за ея религіозную нетерпимость, но когда дѣло заходитъ объ инквизиціи польской, онъ держится общаго мнѣнія о ея сравнительной человѣчности, возлагая отвѣтственность въ особыхъ случаяхъ на частныхъ лицъ, а не на цѣлое учрежденіе³⁾. То же видимъ и у Чацкаго, который также не принадлежитъ къ сторонникамъ латинской церкви въ Польшѣ. Заговоривъ о польской инквизиціи, онъ пишетъ: «Счастливы нашъ край, что, описывая его дѣянія, можно писать о инквизиціи, называемой святою, не насчитывая безмѣрное количество жертвъ набожной жестокости»⁴⁾.

Не меньше того на ослабленіе тяжелаго впечатлѣнія отъ инквизиціи въ Литвѣ и Польшѣ имѣло влияніе и то обстоятельство, что практиковавшіяся инквизиціей карательныя мѣры противъ еретиковъ и вообще нарушителей церковныхъ порядковъ, во-первыхъ, не прекратились и съ уничтоженіемъ инквизиціи, и, во-вторыхъ, по характеру своему, на основаніи существующихъ узаконеній

¹⁾ Encykłop. Kosc., т. VIII, стр. 148.

²⁾ Zbigniew Olesnicki, т. I, стр. 88.

³⁾ Historia Literat. Polsk., т. I, стр. 138.

⁴⁾ Encyclop. Kosc., т. VIII, стр. 148.

Польско-Литовскаго государства, тѣ же мѣры, употребляемыя по томъ правительственною властью, не только не были гуманнѣе и снисходительнѣе, но, напротивъ, въ иныхъ случаяхъ даже жесточе и поразительнѣе. Въ доказательство этого, авторъ статьи «Inkwizycja w Polsce» приводитъ нѣсколько случаевъ, которыми мы и закончимъ свое изслѣдованіе.

По уничтоженіи инквизиціи въ Польско-Литовскомъ государствѣ всѣ дѣла о преступленіяхъ противъ вѣры перешли въ вѣдѣніе польско-литовскихъ судовъ и трибуналовъ коронныхъ. Какъ же они рѣшаютъ эти дѣла?

1) Въ 1689 году, Казиміръ Лещинскій былъ обвиненъ въ атеизмъ, и по опредѣленію варшавскаго сейма 4-го марта того же года осужденъ на сожженіе, и только благодаря вмѣшательству короля Яна III, сожженіе замѣнено было ему отсѣченіемъ головы, однако, тѣло его, всетаки, было сожжено за городомъ.

2) Въ 1715 году, нѣкто Унругъ, польскій шляхтичъ, былъ приговоренъ піотрковскимъ трибуналомъ за соvrращеніе въ протестантизмъ и посмѣяніе надъ католической религіей на вырваніе языка и отсѣченіе руки и головы. Два года спустя послѣ этого парижская Сорбонна сурово осудила этотъ поступокъ въ особой брошюрѣ подя заглавіемъ: «Casus inauditus Ungugianus, responsio Sorbona Parisiensis contra violentum Tribunalis Regni decretum».

3) Въ 1724 году, разыгралась въ Польшѣ извѣстная «справа Торунская». Одинъ изъ учениковъ протестантскихъ насмѣхался надъ католическими обрядами во время процессіи съ св. тайнами въ праздникъ Божіей Матери Шкаплирной, въ костіолѣ бенедиктинокъ, въ Торунѣ. Другой ученикъ изъ школъ іезуитскихъ сбросилъ съ него шапку, за что по окончаніи процессіи былъ побитъ протестантами на погостѣ монастырскомъ, а магистратъ за это же посадилъ его въ заключеніе. То же самое на другой день постигло и другаго его товарища. Польская молодежь, мстя за заключенныхъ, безъ вѣдома ректора схватила одного изъ учениковъ протестантскихъ и заключила у себя въ коллегіумъ. Вслѣдствіе этого со стороны протестантовъ поднялось возмущеніе на іезуитовъ; протестанты напали на коллегіумъ, разрушили все, что могли, а образа и хоругви захвативъ на улицу, сожгли среди хохота и разныхъ непристойныхъ насмѣшекъ. Не смотря на то, что вообще въ ту пору стычки между іезуитскими воспитанниками и воспитанниками другихъ исповѣданій были обычнымъ явленіемъ, іезуиты, однако, успѣли выставить эту «торунскую справу» въ такомъ видѣ, что наряженъ былъ суровый судъ, въ которомъ принимали участіе лучшіе ассессоры польскіе, и судъ постановилъ: президента торунскаго, протестанта Готфрида Реснера, и вице-президента Якова Генриха Зернска казнить отсѣченіемъ головы, за то, что они не обратили должнаго вниманія на «справу» и потакали виновнымъ; той

же участи должны были подвергнуться и главные участники «справы»; остальные были приговорены къ денежной пенѣ, или къ тюремному заключенію и проч. Опираясь на свои права, обыватели Торуня протестовали противъ столь суроваго приговора и даже искали протекціи по этому поводу у Россіи, Англіи и электора Бранденбургскаго. Но представленія послѣднихъ не были уважены королемъ Августомъ II и виновные должны были понести опредѣленное наказаніе, 7-го декабря того же года.

4) Въ 1785 году, случилось обстоятельство, которое описываетъ брошюра: «Zbrodnia urodzonego Henryka Niemiricza tujejnicy Ciata i Krwi Christusowej naybezbozpiejszego Gwaleiciela (Преступленіе урожденнаго Генриха Немирича, безбожнѣйшаго оскорбителя тѣла и крови Христовой). Это было на Воляни, въ мѣстечкѣ Крупцѣ. Помянутый Немиричъ, въ среду страстной недѣли, явившись въ крупецкій кощіоль и исповѣдавшись здѣсь со смѣхомъ, началъ насмѣхаться надъ религіей, выдѣлывая разныя комическія фигуры. Затѣмъ, когда другіе начали приступать къ св. причастію, онъ подступилъ также, но, принявши частицу и возвратившись къ лавкѣ, гдѣ сидѣлъ, выплюнулъ эту частицу въ книжку и потомъ, по выходѣ изъ кощіола, показывалъ ее многимъ знакомымъ, прожнося разныя непристойныя слова и шутки. Когда присутствующіе начали усобѣщать кощунника, онъ тутъ же съѣлъ частицу и затѣмъ, почувствовавши свою вину, уѣхалъ за границу. По изслѣдованіи дѣла, суды градскіе въ Луцкѣ присудили Немирича: «Отдать его подъ мечъ палача и, въ виду неслыханнаго поступка, предать тѣло его четвертованію, а передъ этимъ живцомъ вырвать у него святотатственный языкъ и по извлеченіи онаго драть пасы изъ тѣла, затѣмъ все тѣло порубить на мелкіе куски и раскидать по дорогамъ въ пащу дикимъ звѣрямъ». Исполненіе этого приговора, къ счастью для человѣчества, не было выполнено только потому, что Немиричъ уѣжалъ изъ отечества.

5) Лукашевичъ, въ своей книжкѣ «Образъ города Познани», рассказываетъ также, что въ 1733 году въ Познани былъ казненъ за святотатство нѣкто Шкрипчинскій чрезъ отсѣченіе головы, послѣ чего изъ головы былъ извлеченъ языкъ и посѣченъ на мельчайшіе куски и т. д.

6) Въ дополненіе къ этимъ обстоятельствамъ, о коихъ упоминаетъ авторъ статьи объ инквизиціи въ Польшѣ¹⁾, мы можемъ присоединить еще одинъ рассказъ, слышанный нами на родинѣ отъ своей бабушки, старухи лѣтъ восьмидесяти, скончавшейся въ 60-хъ годахъ настоящаго столѣтія. Когда на родинѣ нашей, въ мѣстечкѣ Полонномъ, Волянской губерніи, Новградъ-Волянскаго уѣзда, въ началѣ 50-хъ годовъ нѣсколько евреевъ были обвинены въ святотатственномъ посмѣяніи надъ христіанскою религіею, по доносу на нихъ викарія полонскаго римско-католическаго кощіола, въ такъ

называемые шалѣные дни по окончаніи праздника кучекъ, то бабушка, надо замѣтить, обладавшая рѣдкою памятью, между прочимъ, вспомнила и рассказывала слѣдующее. Въ Полонномъ, въ одномъ изъ хуторовъ, и доселѣ облегающихъ его съ разныхъ сторонъ въ изрядномъ количествѣ, жило семейство одного побережника, или полѣсовщика, у котораго была дочь, отличавшаяся рѣдкою красотою. Понятно, что за нею ухаживали многіе, въ томъ числѣ и извѣстный въ то время на все мѣстечко грамотѣй, панъ бакаляръ, или дьячекъ. Равсчитывая на свою образованность и свое привилегированное положеніе, панъ бакаляръ имѣлъ основаніе думать, что дѣвушка не откажетъ ему ни въ какомъ случаѣ. Вдругъ онъ узнаетъ, что его возлюбленная отдала сердце свое другому, одному сосѣднему парню-хуторянину. Закипѣла страшная злоба въ душѣ пана бакаляра, и онъ рѣшился во что бы то ни стало жестоко наказать своего соперника. Неизвѣстно, какъ обо всемъ этомъ узнали всевѣдущіе сыны Израиля и, пользуясь злобою бакаляра на несчастнаго парня, предложили ему продать сего послѣдняго имъ на нейсахъ... За это евреи предложили бакаляру тарелку червонцевъ, съ тѣмъ только, чтобы онъ вызвалъ въ лѣсъ своего соперника на извѣстное мѣсто и тамъ, положивши руку на него, сказалъ жидкамъ:

— Верите, я вамъ продаю его.

Сдѣлка состоялась, и несчастный парубокъ былъ тутъ же на мѣстѣ передачи брошенъ въ бочку, натканную внутри гвоздями. Бочку катили нѣкоторое время по землѣ, пока вся кровь не истекла изъ несчастнаго. Потомъ его вынули, выпѣдили кровь, куда слѣдуетъ, а трупъ убитаго закопали невдалекѣ въ землѣ, запрятавъ тутъ же въ кучѣ хвороста и самую бочку.

Такъ бы это дѣло и погисло безслѣдно, тѣмъ болѣе, что въ ту пору весьма часто было въ обычаѣ, что молодые люди бѣжали въ Кіевъ или въ другія мѣста; такъ могли подумать и о несчастномъ парубкѣ, если бы совѣсть не заговорила у дьячка и не заставила его совѣтаться въ учиненномъ преступленіи, сперва предъ духовенствомъ, а потомъ и передъ начальствомъ. Конечно, при этомъ дьячокъ выдалъ и всѣхъ участниковъ своего преступленія, евреевъ. Произведенное, по распоряженію тогдашняго полонскаго владѣльца, князя Любомірскаго, слѣдствіе раскрыло дѣло, какъ слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что въ улку виновнымъ найдены были какъ трупъ убитаго парня, исколотый гвоздями, такъ и бочка, въ которой онъ погибъ... И вотъ какая судьба постигла бакаляра и его соучастниковъ. Его самого прежде провели по всему мѣстечку, обмотавши его руки паклею, намоченною въ смолѣ, и зажегши ихъ. По приведеніи на лобное мѣсто за мѣстечкомъ, несчастному отсѣкли голову. Что до евреевъ, оказавшихся виновными въ дѣлѣ, то самаго главнаго изъ нихъ, (по преданію) раввина, подвели къ столбу, стоявшему среди мѣстечка, и вырѣзавъ ему пупъ съ кишкою, заставляли его би-

чами бѣгать вокругъ столба до тѣхъ поръ, пока всѣ кишки не высыпались изъ живота, и онъ палъ мертвымъ. Другихъ евреевъ тутъ же заставляли брать голыми руками раскаленное желѣзо, и когда они не рѣшились дѣлать это, то сѣкли ихъ до тѣхъ поръ, пока отъ страшныхъ обжоговъ и ударовъ бичей они не умирали. На сколько есть правды въ этомъ разказѣ и на сколько вымысла, мы сказать не можемъ. Но вотъ факты, на которые мы не можемъ не обратить вниманія своихъ читателей, чтобы ближе судить о дѣлѣ. Покойный отецъ нашъ еще помнилъ въ дѣтствѣ своемъ женщину изъ отцовскаго прихода, у которой правая щека вся была обуглена отъ обжоговъ. Бабушка говорила, и сама та женщина разсказывала, что она была родною сестрою несчастнаго бакаляра, казненнаго за продажу евреямъ своего соперника. Когда его съ зажженными руками водили по улицамъ, то она была еще малюткою и въ пеленкахъ матерью положена на печкѣ. Печка крѣпко была натоплена, а мать, узнавъ о казни, убѣжала изъ дому, забывъ про дитя. Тогда она случайно скатилась съ подушки, на которой лежала, на самую печку и здѣсь обожгла себѣ лицо до костей.. Кроме того, мы сами еще помнимъ толстый обрубокъ дерева, стоявшій въ усадьбѣ одного крестьянина въ Полюномъ западной окраинѣ мѣстечка. Бабушка говорила и всѣ старожилы подтверждали, что на томъ обрубкѣ, по приказанію Любомірскаго, сѣкли головы виновнымъ, и что тамъ же былъ казненъ и помянутый панъ бакаляръ.

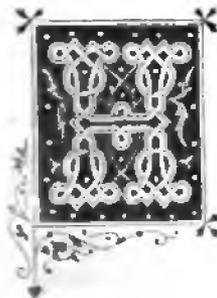
Если такъ судили польскіе суды за преступленіе противъ вѣры, то не диво, что народъ забывалъ о судахъ инквизиціи, которые были если не гуманнѣе, то ужъ никакъ не хуже послѣднихъ. Одно только смущаетъ насъ въ этомъ случаѣ. Отъ времени до времени чаще и чаще открываются въ предѣлахъ бывшей Рѣчи Посполитой то въ застѣнкахъ, какъ, на примѣръ, въ Холмѣ, то въ подземельяхъ, разные скелеты, прикованные страшными цѣпями къ стѣнамъ или камнямъ, или просто замурованные въ стѣну и т. п. Народъ упорно вѣритъ, что, большею частію, это были жертвы польской инквизиціи, которая, не смѣя въ большинствѣ случаевъ дѣйствовать явными карами, казнила такимъ образомъ свои жертвы тайно... Такъ ли это? За недостаткомъ данныхъ сказать невозможно. Но факты на лицо, и, безъ сомнѣнія, нельзя не пожелать, чтобы они были раскрыты, какъ должно, коль скоро для этого будутъ найдены необходимые источники и документы.

А. Ө. Хойнацкіі.

СРЕДНЕКОЛЫМСКЪ И ЕГО ОКРУГЪ.

Среднеколымскъ и другія главныя поселенія Колымскаго края въ настоящее время.—Природныя условія Колымскаго округа.—Нынѣшніе жители округа и ихъ занятія.—Исторія завоеванія Колымскаго края якутскими казаками.—Прошлое Среднеколымска и свѣдѣнія о жизни въ этомъ городѣ, въ ссылкѣ, вице-канцлера Головкина.

А ДАЛЕКОМЪ сѣверѣ, въ Якутской области Восточной Сибири, почти въ двухъ съ половиною тысячахъ верстахъ отъ областного города Якутска и больше чѣмъ въ одиннадцать тысячъ отъ Петербурга, на полярномъ кругѣ, лежитъ небольшое селеніе, состоящее изъ нѣсколькихъ десятковъ бѣдныхъ домиковъ. Въ центрѣ этого селенія стоитъ одиноко маленькая деревянная церковь, возвышаясь своею колокольней надъ окружающими ее хижинами. Это селеніе—одинъ изъ центровъ управленія инородцами и представляетъ собою окружной (уѣздный) городъ Якутской области, Среднеколымскъ. Этотъ городъ, центръ обширнаго края, имѣетъ въ настоящее время около 500 чел. населенія, съ полсотни плохихъ домовъ, и церковь. Въ Среднеколымскѣ находится окружное полицейское управленіе, состоящее изъ исправника и его помощника, и казачья команда численностію въ 20 человекъ, съ казакомъ-командиромъ во главѣ. Полиція тамъ—вся наличная администрація округа¹⁾.

Среднеколымскъ теперь имѣетъ небольшое значеніе, какъ торговый пунктъ, гдѣ собираются для торга окрестные обитатели, а именно: тунгусы, якуты, юкагиры и др. Эти инородцы мѣняютъ

¹⁾ Нѣкоторыя свѣдѣнія о нынѣшнемъ Среднеколымскѣ заимствованы изъ одной корреспонденціи, присланной въ «Вост. Обзоръ».

разную пушнину (лисицъ, выдръ, росомахъ, горностаевъ, бѣлокъ и соболей) съ якутскими купцами и казаками на различный мелкій товаръ, на табакъ, хлѣбъ и на водку, которая, не смотря на прямое и безусловное запрещеніе закона, очень дѣятельно распространяется «отечественнымъ купечествомъ». Дѣятельная продажа водки въ концѣ-концовъ привела къ сильному и губительному развитію пьянства среди инородцевъ Колымскаго округа.

Небольшое населеніе Среднеколымска, состоящее преимущественно изъ казаковъ и крестьянъ, лѣтѣмъ почти все уходитъ изъ этого города въ округъ на разные промыслы, какъ охота, рыболовство и прочее. Рыболовство, однако, съ каждымъ годомъ становится все хуже и хуже. Упадокъ рыболовнаго промысла въ высшей степени неблагоприятно отзывается на экономическомъ состояніи жителей Среднеколымска, такъ какъ уловъ или неувовъ рыбы въ такомъ край, какъ Колымскій, имѣетъ для жителей почти такое же значеніе, какъ урожай или неурожай хлѣба для земледѣльческаго населенія. Между прочимъ, плохое состояніе рыболовнаго промысла отразилось на слѣдующемъ. Жители Среднеколымска въ прежнее время имѣли обыкновеніе держать собакъ въ большомъ количествѣ для зимнихъ путешествій; но теперь, вслѣдствіе недостатка для собакъ корму, который состоитъ исключительно изъ рыбы, населенію приходится отказываться отъ этихъ домашнихъ животныхъ, столь полезныхъ на далекомъ сѣверѣ. Взаимнѣнъ собакъ, жители теперь стараются держать лошадей и коровъ.

Общій видъ Среднеколымска, съ его бѣдными немногими домами, съ незначительнымъ населеніемъ и вдобавокъ къ этому съ угрюмой сѣверной природой, производитъ на посѣтителя въ высшей степени тяжелое впечатлѣніе. «Трудно себѣ представить грустнѣе этой мѣстности,—воскликаетъ одинъ изъ новѣйшихъ описателей бытаго Среднеколымска. Этотъ городокъ, можно сказать, утонулъ въ тундристыхъ болотахъ, съ неизменной сырой почвой кругомъ, и находится подъ вліяніемъ самаго холоднаго климата: морозы доходятъ тамъ до 50° R., зима продолжается 10 мѣсяцевъ, въ которые солнца не видно; оно въ первый разъ показываетъ лучи свои, однимъ краемъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ»¹⁾.

Въ окрестностяхъ своихъ Среднеколымскъ на далекое разстояніе окруженъ унылою пустынною и безлюднѣе. Невысокія горы, корявый лѣсъ, часто опаленный пожарами или вырванный вѣтромъ, и многочисленныя рѣчки, озера и болота, окружающія городокъ, придаютъ окрестной природѣ его мертвый видъ. А зимой здѣсь царствуютъ глубокіе снѣга, страшные бураны, пурги и едва выносимый холодъ.

¹⁾ «Русское Слово», августъ, 1861, «Ссылка въ Восточную Сибирь замѣчательныхъ лицъ» (1645—1762), статья И. Сельскаго, стр. 15.

Кромѣ Среднеколымска, въ краѣ есть еще два главныхъ поселенія, которыя во всѣхъ отношеніяхъ, одвѣко, уступаютъ окружающему городу. Изъ этихъ поселеній одно, находящееся въ верховьяхъ рѣки Колымы, называется Верхнеколымскомъ. Верхнеколымскъ— это покосившаяся церковка, немногимъ отличающаяся отъ обыкновенной избы-сруба, а рядомъ съ нею избышка священника, дьячка и купеческаго приказчика. И только,—здѣсь даже властей никакихъ нѣтъ. Въ прежнее время это селеніе (бывшій острогъ) было складочнымъ мѣстомъ провіанта для Анадырскаго острога и Нижнеколымска.

Другое селеніе, въ низовьяхъ р. Колымы, за полярнымъ кругомъ, въ 120 верстахъ отъ Сѣвернаго Ледовитаго океана, Нижнеколымскъ, состоитъ изъ десятка убогихъ избышекъ, вмѣщающихъ въ себѣ около сотни душъ населенія, проживающаго подъ управленіемъ начальника-казака, который носить тамъ званіе частнаго командира и имѣетъ для приведенія въ исполненіе своихъ приказаній человекъ 6 другихъ казаковъ. На пользу «отечественной торговли и промышленности» работаютъ тамъ, и работаютъ, какъ говорятъ, очень усердно нѣсколько человекъ купеческихъ приказчиковъ. Въ Нижнеколымскѣ есть церковь; число прихожанъ этой церкви въ 1855 году простиралось до 2 т. человекъ, въ числѣ которыхъ были тунгусы, чуванцы, коряки, юкагиры, ламуты и русскіе. Жители занимаются преимущественно рыболовствомъ и звѣроловствомъ. Для торга съ туземцами въ селеніе пріѣзжаютъ разъ въ годъ купцы съ товарами. Почта приходитъ въ Нижнеколымскъ три раза въ годъ. Въ окрестностяхъ селенія лѣсъ уже почти не растетъ и только кое-гдѣ попадаетъ нивко-рослая лиственница и ольха; преобладающая растительность полярная, т. е. кустарники разнаго рода.

Колымскій округъ, по своимъ природнымъ условіямъ, представляетъ страну обширную, отчасти гористую, отчасти болотисто-низменную, отчасти покрытую тундрами, съ климатомъ въ высшей степени холоднымъ. Площадь округа составляетъ 11 т. кв. миль. Изъ возвышенностей самыя значительныя находятся въ южной части округа, а именно Охотскія горы, составляющія водораздѣлъ между бассейномъ р. Колымы и притоками Охотскаго моря. Вершины нѣкоторыхъ изъ этихъ горъ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ. Прибрежье Ледовитаго океана въ Колымскомъ краѣ образуется изъ скалистыхъ обрывовъ и мысовъ; изъ послѣднихъ наиболѣе извѣстенъ Барановъ камень. Низменности и тундры преобладаютъ на лѣвомъ берегу Колымы и тянутся до береговъ Ледовитаго океана. Горныхъ богатствъ въ округѣ нѣтъ; только на склонахъ Алазейскаго хребта (на юго-западѣ округа) попадаетъ желѣзная руда, изъ которой якуты выплавляютъ желѣзо и куютъ топоры, косы, ножи и проч. Мелкихъ озеръ въ округѣ весьма много, и всѣ они содержатъ въ

себѣ рыбу. Климатъ Колымскаго края вообще—континентальный, но съ приближеніемъ къ морю зима замѣтно смягчается. Впрочемъ, и вообще, какъ говорятъ, въ Колымскомъ округѣ зима гораздо мягче, чѣмъ подъ той же широтой на якутскомъ меридіанѣ. На смягченіе климата имѣетъ вліяніе дующій ежегодно съ юго-востока «теплый вѣтеръ». Онъ рѣдко продолжается долѣе сутокъ, но часто поднимаетъ температуру отъ 35° до точки замерзанія и выше.

До прихода русскихъ въ Колымскій край народонаселеніе въ немъ было многочисленнѣе и этнографическій составъ его разнообразнѣе. Къ народамъ, населявшимъ округъ въ древности и нынѣ почти исчезнувшимъ, принадлежатъ омоки, шелаги, ходыницы и анюялы. Изъ нихъ наиболѣе многочисленны были омоки и шелаги, по преданіямъ, находившіеся въ непрерывныхъ войнахъ съ юкагирами и тунгусами. Куда дѣлись эти народы, неизвѣстно, но, вѣроятно, большая часть ихъ истреблена войнами и разными болѣзнями, а остальные слились съ нынѣшними обитателями края.

Къ инородцамъ, населяющимъ въ настоящее время округъ, принадлежатъ, во-первыхъ, якуты, составляющіе преобладающую массу народонаселенія (немного болѣе 3-хъ т. душъ об. п.). Они зашли въ Колымскій край лѣтъ 350 тому назадъ и живутъ преимущественно по среднему и нижнему теченіямъ р. Колымы. Экономическое положеніе этихъ якутовъ плачевно. Вслѣдствіе значительнаго уменьшенія промысловъ звѣринаго и рыбнаго, къ тому же еще при обыкновенной въ Сибири эксплуатаціи русскихъ купцовъ, спаивающихъ якутовъ водкой, среди послѣднихъ развилась нищета. А между тѣмъ, улусныя повинности растутъ въ обратной пропорціи къ средствамъ существованія. Поэтому неудивительно, что голодовки среди якутовъ случаются все чаще и чаще, что смертность среди нихъ увеличивается, что число якутовъ, выносящихъ на себѣ, вслѣдствіе бѣдности остальныхъ, ясачную и улусную повинности, все уменьшается; неудивительно, наконецъ, что съ каждымъ годомъ правительственная помощь этому населенію требуется все въ большихъ и большихъ размѣрахъ, такъ что, напримѣръ, въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ, въ казенныхъ магазинахъ не достало муки и, если бы не подоспѣвшій изъ Якутска казенный транспортъ, населеніе осталось бы безъ хлѣба. Испытывая всѣ невгоды отъ матеріальной нужды, якуты гибнутъ еще отъ разныхъ болѣзней: страшнымъ бѣдствіемъ для инородческаго населенія округа, а для якутовъ въ особенности, является распространеніе сифилиса, или «француза», какъ эту болѣзнь называютъ мѣстные жители.

При появленія своемъ въ Колымскомъ краѣ русскіе также застали тамъ многочисленное и сильное племя юкагировъ. Теперь юкагиры живутъ по берегамъ р.р. Колымы и Анюя. Число ихъ въ послѣднее время сильно уменьшилось, и нынѣ ихъ осталось

Видъ Среднеколымска въ настоящее время.

человѣкъ 600, обреченныхъ вообще на незавидное существованіе. Занимаются они преимущественно рыболовствомъ, но этотъ промыселъ сильно падаетъ. Казна въ своей заботливости о нихъ доходитъ до того, что доставляетъ имъ, съ разсрочкой ~~на~~ на долгое время, матеріалы для рыболовныхъ снастей. И, ~~вспомни~~, въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ юкагиры дошли до такой ~~стѣды~~ ~~стѣды~~, что мѣстные власти должны были отправить къ нимъ на ~~своей~~ страхъ на нѣсколькихъ (50) возахъ муку изъ казенныхъ магазиновъ. Кажется, можно сдѣлать безъ ошибки печальный выводъ, что въ недалекомъ будущемъ исчезнетъ съ лица земли это когда-то многочисленное племя.

Кромѣ якутовъ и юкагировъ, въ Колымскомъ округѣ есть немного (сотни 2½) тунгусовъ, ведущихъ бредячую жизнь въ лѣсахъ, затѣмъ около 1 т. человѣкъ ламутовъ, живущихъ разсѣянно по лѣсамъ, и, наконецъ, сотни двѣ съ половиной народа чуванцовъ. Послѣдніе зашли въ Колымскій край съ береговъ р. Анадыра, откуда вытѣснены были чукчами. Въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія чуванцы были еще довольно многочисленны, и якутскій воевода Павлуцкій съ помощію ихъ предпринималъ походы противъ чукчей, причемъ большая часть чуванцовъ погибла.

Въ колымскихъ предѣлахъ находятся также чукчи, кочующіе въ этихъ мѣстахъ со своими оленями, во время миграціи послѣднихъ, или являющіеся для мѣнновой торговли на ярмаркахъ. Это полунезависимое племя сохранилось лучше другихъ, но и оно испытало всѣ превратности судьбы. Чукчи носовые, обитающіе около мыса св. Носа, совершенно независимы и съ русскими почти никакихъ сношеній не имѣютъ — о нихъ говорить намъ не приходится. Что же касается чукчей оленеводовъ (оленныхъ), то ихъ осталось, по официальнымъ свѣдѣніямъ, всего около 3-хъ т. душъ, но и эти готовы «душу» отдать за «огненную влагу». По разсказамъ очевидцевъ, нельзя представить себѣ ничего непривлекательнѣе, какъ пьяные чукчи и чукчанки. Это—грязныя, жалкія существа, безобразно валяющіяся въ невозможныхъ положеніяхъ на улицахъ Средне-и Нижнеколымска во время своихъ наѣздовъ туда. Они числятся христіанами, но на самомъ дѣлѣ, попрежнему, язычники, полигамисты, дикари. Но эти самые чукчи, которые, по разсказамъ путешественниковъ, совсѣмъ дивы и отвратительны, чрезвычайно ревнуютъ о народномъ образованіи и даже жертвуютъ на это, сравнительно, довольно крупныя суммы. Какъ собираются такіа пожертвованія, это — другой вопросъ, и мы этого разбирать не будемъ.

Все наличное число жителей Колымскаго округа, по послѣднимъ официальнымъ свѣдѣніямъ, немного болѣе 6 т. человѣкъ и составляетъ только по одному жителю на двѣ кв. мили. Приблизительно четвертая часть этого населенія — осѣдлая, остальные обитатели

округа ведутъ жизнь бродячую, кочевую въ лѣсахъ и по берегамъ рѣкъ и озеръ. Всѣхъ поселковъ въ округѣ насчитываютъ 55, такъ что, по примѣрному расчету, на одинъ поселокъ, въ среднемъ выводѣ, приходится менѣе 30 чел. осѣдлаго населенія. Всѣ жители округа считаются принадлежащими къ православной церкви.

При полнѣйшемъ отсутствіи въ округѣ земледѣлія, жителямъ только рыболовство доставляетъ главныя средства для существованія. Затѣмъ обитатели округа занимаются звѣроловствомъ. Для звѣринаго промысла жители отправляются артелями въ лѣса и ставятъ плахи (ловушки на лисицъ, соболей и бѣлокъ). Кромѣ того, охотятся за лосями и дикими баранами; этою охотою занимаются преимущественно якуты и юкагиры, отправляющіеся за баранами на Барановъ камень. Охота за сѣверными оленями производится во время миграціи ихъ отъ юга къ сѣверу и обратно, т. е. въ маѣ и сентябрѣ. Оленей стерегутъ у береговъ большихъ рѣкъ, гдѣ охотники встрѣчаютъ стада въ нѣсколько сотъ штукъ. Птицеловство доставляетъ жителямъ иногда также нѣкоторыя выгоды. Впрочемъ, уловъ птицъ съ каждымъ годомъ уменьшается. Скотоводство существуетъ въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ у русскихъ и якутовъ, которые держатъ небольшія стада рогатаго скота и лошадей, а ламуты и тунгусы имѣютъ сѣверныхъ оленей. По послѣднимъ официальнымъ свѣдѣніямъ, количество разнаго домашняго скота въ округѣ простиралось до 7.590 головъ. Собакъ заводыхъ въ округѣ до 600 штукъ, въ городѣ Среднеколымскѣ до 200. Заводовъ и фабрикъ въ округѣ нѣтъ. Торговныя сношенія Колымскаго края весьма ограничены. Въ округѣ есть только одна болѣе или менѣе значительная ярмарка, называемая Чукотскою, въ Анюйской крѣпостцѣ, на р. Маломъ Анюѣ; она происходитъ въ мартѣ; на эту ярмарку съѣзжаются купцы изъ Якутска, туземцы округа и также чукчи. Предметами торговли служатъ: съѣстные припасы, табакъ, мѣдные котлы, желѣзныя издѣлія; все это вымѣнивается на мѣха и мамонтовую кость. Оборотъ ярмарки не достигаетъ и десяти тысячъ рублей.

Скажемъ о прошломъ города Среднеколымска и его округа. Восточная Сибирь вообще и въ частности земли по р. Колымѣ были завоеваны якутскими казаками, славными въ сибирской исторіи. И не безъ жертвъ досталась эта слава казакамъ, открывшимъ и занявшимъ дальнюю Сибирскую окраину. Много храбрыхъ завоевателей пало въ стычкахъ съ инородцами и въ борьбѣ съ суровой сѣверной природой. Но казаки, не уставая, шли впередъ и дѣлали завоеванія. Одинъ историкъ Сибири дѣлаетъ слѣдующую характеристику казаковъ, какъ завоевателей Сибири. «Греція, Римъ, Старый и Новый Свѣтъ,—говоритъ онъ,—могутъ гордиться и хвалиться героями своими сколько хотять, но я не знаю, отважились ли бы ихъ герои на то, что сибирскіе герои дѣйствительно учинили, осмѣлились

ли бы они съ малымъ числомъ людей нападать на сильные народы и удалось ли бы имъ не только покорить черезъ 80 лѣтъ восьмую часть свѣта, да притомъ еще неудобнѣйшую и опаснѣйшую между всѣми частями, гдѣ голодъ и стужа вѣчно свое имѣють жилище, но и удержать ее за собою»¹⁾. Сколько въ сраженіяхъ съ инородцами и въ борьбѣ съ сѣверной природой погибло народу безвѣстно, сколько партій смѣльчаковъ совершенно истреблено было или голодомъ, или туземцами, знаютъ лишь тундры и лѣса сибирскіе. Что же влекло казаковъ впередъ — страсть ли къ приобрѣтенію дорогой пушканы, золота, влеченіе ли къ славѣ и свободной жизни? — рѣшать это не будемъ. Но фактическая сторона дѣла ясно указываетъ на то, что казаки частію по собственной инициативѣ, частію по приказаніямъ воеводъ сибирскихъ съ замѣчательной энергіей шли открывать новыя земли, покорять туземныхъ жителей и облагать ихъ государевымъ ясакомъ. По прибытіи въ мѣстность, занимаемую какимъ либо племенемъ, казаки обыкновенно вступали съ нимъ въ переговоры, съ предложеніемъ подчиниться бѣлому царю и платить ясакъ; но переговоры эти далеко не всегда приводили къ успѣшнымъ результатамъ, и тогда дѣло рѣшалось оружіемъ. Обложивъ туземцевъ ясакомъ, казаки строили на ихъ земляхъ или укрѣпленные остроги, или просто зимовья, гдѣ оставалась обыкновенно часть казаковъ въ видѣ гарнизона. Партіями казаковъ управляли, по назначенію воеводъ, начальники изъ людей опытныхъ, бывшихъ уже въ походахъ, — казаки, пятидесятники, дѣти боярскіе. Случалось также, что смѣлые промышленники предлагали правительству свои услуги вести партію для открытія новыхъ земель на свой счетъ, какъ это сдѣлалъ въ 1648 году Хабаровъ, испросившій разрѣшеніе набрать на свой счетъ 150 казаковъ и вести ихъ на Амуръ. Боевое снаряженіе казаковъ при отправленіи въ походъ состояло изъ ружей, пицалей и сабель. Пороху и свинцу часто не доставало при продолжительныхъ походахъ. Отряды иногда снабжались и пушками; такъ, напримѣръ, партія Хабарова имѣла при себѣ двѣ пушки. Особенно правильной системы вооруженія отрядовъ не было. Инородцы Восточной Сибири, съ которыми приходилось имѣть дѣло якутскимъ казакамъ, оказывали неодинаковое сопротивленіе. Между прочимъ, мирно подчинились въ Восточной Сибири русской власти юкагиры и ламуты по р. Колымѣ.

Замѣтимъ, что въ отысканіе новыхъ земель пукались не одни казаки; имъ содѣйствовали также сибирскіе промышленники. Последние показывали обыкновенно казакамъ дорогу къ завоеваніямъ и иногда даже помогали вести войну съ инородцами.

Завоевательное движеніе русскихъ къ Колымскому краю шло слѣдующимъ образомъ. Съ первыхъ годовъ XVII столѣтія начались

¹⁾ «Исторія Сибири», соч. Фишера, Спб., 1744 г.

походы русскихъ изъ долины р. Оби далѣе на востокъ въ область р. Енисея, но это движеніе было остановлено событіями Смутнаго времени. Съ 1618 года завоевательное движеніе снова получаетъ силу и уже не прекращается до окончательнаго занятія Сибири въ XVII вѣкѣ. Послѣ построенія Енисейска (1627 — 1628) усилія русскихъ были направлены на покореніе земель, лежащихъ на юго-восточной сторонѣ Енисея. Обитавшіе здѣсь инородцы, и въ томъ числѣ буряты, оказали упорное сопротивленіе, вслѣдствіе чего явилась необходимость для упроченія русской власти построить нѣсколько остроговъ (Братскій, Канскій, Удинскій и др.). Съ р. Енисея по Нижней Тунгускѣ казаки направились на р. Вилюю и по ней добрались до Лены. Здѣсь, въ 1632 году, былъ построенъ Якутскъ, важное значеніе котораго скоро опредѣлилось. Онъ сталъ центромъ обширной области, славившейся лучшими соболями, и въ Якутскѣ, первоначально зависѣвшій отъ Енисейска, стали назначать особыхъ воеводъ.

Пустынный, представляющій величайшія затрудненія для мореплавателей сѣверный берегъ Сибири, отъ устья Лены до Берингова пролива, былъ также открытъ сибирскими землеискателями въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ XVII столѣтія, и инородческія земли, находившіяся на этомъ берегу, вошли въ составъ Московскаго государства.

Открытіе и занятіе собственно р. Колымы и прилегающихъ къ ней странъ совершилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ 1638 году, партія казаковъ, подъ предводительствомъ сотника Иванова, отправилась изъ Якутска для обслѣдованія еще неизвѣстныхъ верховьевъ р. Яны. Переваливъ черезъ горы на лошадяхъ, Ивановъ достигъ верховьевъ р. Яны; затѣмъ онъ также открылъ и верховья р. Индигирки, покорилъ юкагировъ, обложилъ ихъ ясакомъ и возвратился въ Якутскъ, оставивъ 16 человекъ казаковъ на Индигиркѣ для упроченія русскаго господства въ краѣ. Эти оставшіеся на Индигиркѣ 16 казаковъ, избравъ себѣ предводителемъ Ивана Ерастова, своего товарища, отправляются въ невѣдомую даль «искать счастья». Неизвѣстно, нашли ли они счастье, но несомнѣнно, что р. Колыму открыли именно они. Въ 1644 году мы уже находимъ на этой рѣкѣ три укрѣпленія, состоявшія, по тогдашнему обыкновенію, изъ жилья, окруженнаго деревянною оградой съ чѣмъ-то въ родѣ укрѣпленныхъ башенокъ (въ Среднеколымскѣ осталась одна башенка и понынь). Эти три укрѣпленія и были Верхній, Средній и Нижній Колымски, отстоящіе другъ отъ друга почти на одинаковомъ 500-верстномъ разстояніи. Коряки, чукчи и еще нѣкоторые другіе инородцы, далеко недружелюбно встрѣтившіе непрошенныхъ гостей, представляли, однако, слишкомъ большой соблазнъ для нашихъ искателей счастья, и послѣ продолжавшейся нѣсколько лѣтъ съ перемѣннымъ счастіемъ борьбы наши ушкуй-

ники стали твердою ногой въ доселѣ невѣдомомъ краѣ. И ункуй-ники боролись не даромъ: всевозможная пушнина, моржовый зубъ и т. п. драгоцѣнности не могли не соблазнять этихъ алчныхъ и корыстолюбивыхъ искателей счастья. Изъ числа трехъ укрѣпленій на р. Колымѣ, Нижнее было основано казакомъ Михайломъ Стодухинымъ; онъ же впервые сообщилъ о существованіи племени чукчей. Юкагиры, жившіе въ области р. Колымы, были довольно многочисленны и вели войну съ чукчами и коряками. Это послѣднее обстоятельство, вѣроятно, и было причиной того, что партіи казаковъ свободно строили здѣсь зимовья.

Открытая р. Колыма стала служить опорнымъ пунктомъ, изъ котораго казаки и промышленные люди шли совершать новыя экспедиціи для обслѣдованія береговъ Ледовитаго океана и земель, лежащихъ къ востоку отъ Колымы. Такъ Михайло Стодухинъ былъ отправленъ въ 1647 году изъ Якутска съ партіей для разслѣдованія рѣкъ, находящихся къ востоку отъ Колымы, и для объясненія прибрежныхъ жителей. Однако, эта экспедиція была неудачна: казаки сдѣлали много бесплодныхъ переходовъ, потерпѣли крушеніе на морѣ и въ концѣ-концовъ, ничего не приобрѣта, кромѣ моржовыхъ зубовъ, должны были за недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ вернуться восвояси. Затѣмъ, въ 1648 году, приказчикъ одного московскаго купца Федоръ Алексѣевъ и казакъ Семень Дежневъ съ партіей промышленниковъ и казаковъ отправляются на семи кочахъ (по 30 человекъ на каждой кочѣ) изъ р. Колымы въ море, на востокъ, для открытія устья р. Анадыра, гдѣ казаки, по сказанію современниковъ, надѣялись найти золотое руно. Плаваніе это было также неудачно—четыре кочи были разбиты бурей. Но Дежневъ съ остатками своего отряда, всетаки, достигъ устья р. Анадыра и въ 1649 году ходилъ вверхъ по этой рѣкѣ. Между тѣмъ разные промышленные люди на Колымѣ также не оставались праздными. Узнавъ, что къ Анадыру есть кратчайшая сухопутная дорога, казакъ Семень Мотора съ партіей промышленниковъ и казаковъ въ 1650 году пошелъ къ этой рѣкѣ и соединился съ Дежневымъ. Въ слѣдующемъ году Мотора погибъ въ стычкѣ съ аюками. Дежневъ же съ р. Анадыра предпринималъ разные экспедиціи. Что въ концѣ-концовъ случилось съ этимъ эноргическимъ человекомъ, неизвѣстно. Однако, имя его будетъ жить въ исторіи, такъ какъ онъ первый прошелъ проливъ, отдѣляющій Азію отъ Америки и названный потомъ Беринговымъ.

Исторія Среднеколымска, какъ города и центра обширной сѣверной области, вовсе не многосложна. Русская колонизація, не отличающаяся большимъ культурнымъ вліяніемъ, потерпѣла полное историческое фіаско на далекомъ, холодномъ сѣверѣ Сибири. Русскіе люди сначала съ меркантильною алчностью устремились къ р. Колымѣ и на земли, къ ней прилегающія, взяли въ этихъ

краяхъ, что можно было взять, т. е. въ громадномъ количествѣ лѣсывали соболя и, наконецъ, почти совершенно истребили этого цѣннаго звѣря; такое нетрудное дѣло было уже закончено къ половинѣ XVIII вѣка. Этимъ безпредѣльнымъ хищничествомъ исчерпывалась вся цивилизаторская миссія русскихъ на глубокомъ сѣверѣ. Затѣмъ русскіе пионеры предоставили прозябать среди тундръ и лѣсовъ всеѣмъ этимъ городкамъ, укрѣпленіямъ и зимовьямъ по р. Колымѣ, когда-то имѣвшимъ такую обаятельную, мистическую прелесть для разныхъ промышленныхъ людей.

Одинъ писатель (Кирилловъ), жившій въ первой половинѣ XVIII столѣтія, даетъ намъ немногія свѣдѣнія о зимовьяхъ по р. Колымѣ. Среднеколымскъ въ первой половинѣ XVIII вѣка назывался Ярманга и былъ приписанъ къ Якутску, который, въ свою очередь, находился въ вѣдѣніи Иркутской провинціи Сибирской губерніи. Въ Ярмангѣ въ то время была церковь; кочевалъ около этого зимовья юкагирскій народъ, въ которомъ считалось приблизительно сто человѣкъ, платившихъ ясакъ (подать). Затѣмъ около Верхнеколымскаго зимовья кочевали инородцы: юкагиры, ламуты и якуты, пришедшіе сюда изъ своихъ прежнихъ мѣстъ около Якутска; лучниковъ, т. е. людей, обложенныхъ ясакомъ, было въ то время въ Верхнеколымскомъ зимовьѣ около ста человѣкъ. Наконецъ, о третьемъ Нижнеколымскомъ зимовьѣ Кирилловъ говоритъ: «разстояніемъ это зимовье отъ Ярманги (Среднеколымска) зимнимъ путемъ на собакахъ четыре недѣли, а лѣтомъ водою внизъ по р. Колымѣ недѣля, отъ моря въ двухъ дняхъ; кочуютъ юкагировъ же человѣкъ со 100». Во все эти три зимовья въ первой половинѣ XVIII вѣка для управленія Колымскимъ краемъ посылались служилые люди — приказчики, толмачи, разные подъячіе, цѣловальники. Всей высшей мѣстной администраціи, завѣдывавшей краемъ, было человѣкъ 50, а разныхъ служилыхъ, постоянно жившихъ на мѣстѣ, считалось во всехъ зимовьяхъ, по тогдашнимъ официальнымъ свѣдѣніямъ, человѣкъ 500. Юкагиры, ламуты и якуты, обитавшіе въ то время въ Колымскомъ краѣ, давали ясакъ соболями и лисицами. Однако, эту рухлядь они уже не сами и не въ своихъ мѣстахъ добывали, а получали отъ разныхъ прѣважнихъ торговыхъ людей въ обмѣнъ за собакъ, лыжи, нарты, рыбу сушеную и проч.; затѣмъ колымскіе инородцы пріобрѣтали рухлядь тоже какъ плату отъ торговыхъ людей за провозъ товаровъ. Своихъ мѣстныхъ соболей Колымскій край въ это время уже не имѣлъ, хотя «прежде множество бывало соболей», — замѣчаетъ Кирилловъ. На сколько русская власть въ первой половинѣ XVIII вѣка была для колымскихъ обитателей плохимъ обезпеченіемъ для развитія мирной трудовой жизни, доказываетъ тотъ фактъ, что юкагирамъ, ламутамъ и якутамъ самимъ приходилось защищаться отъ нападеній дикихъ, адски коварныхъ анадыр-

скихъ чукчей и вести съ ними почти постоянную кровавую борьбу¹⁾.

О Среднеколымскѣ второй половины XVIII столѣтія есть краткое извѣстіе одного очевидца, а именно флотскаго капитана Сарычева, который во время своей экспедиціи на сѣверъ посѣтилъ въ 1787 году, между прочимъ, этотъ городокъ и вотъ что рассказываетъ о немъ въ своихъ запискахъ. «Среднеколымскій острогъ назывался прежде Ярмонка, по причинѣ собиравшихся въ немъ для торгу всѣхъ окрестныхъ жителей, какъ-то: тунгусовъ, якутовъ и юкагировъ. Съ якутскими купцами и казаками мѣняли они на мелочные товары и табакъ кожи разныхъ звѣрей — лисиць, выдръ, росомахъ, горностаевъ, бѣлокъ, болѣе же всего соболей, которыхъ по Колымѣ ловилось чрезвычайно много, такъ что годовой пошлины собиралось въ казну до девяноста сороковъ (3,600 шт.) соболей, полагая одного съ десяти; почему и называлось это десятинная подать. Теперь соболиныхъ промысловъ не стало, потому что соболей по Колымѣ совсѣмъ нѣтъ; отчего рушилась и ярмонка»²⁾.

Въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія Колымскія зимовья входятъ въ составъ Зашиверскаго уѣзда уже Иркутской губерніи, а не Сибирской, такъ какъ при Екатеринѣ II, съ 1764 года, въ Азіатской Россіи была образована, кромѣ Сибирской губерніи, еще особая Иркутская. Въ это время съ среднеколымскихъ юкагировъ, съ 25 человѣкъ, собиралось ясаку въ казну 204 соболя; затѣмъ юкагиры, обитавшіе около Верхнеколымскаго зимовья, въ числѣ 43 человѣкъ, платили ясаку 238 соболей; наконецъ, въ вѣдѣніи Нижнеколымскаго зимовья, или острога, какъ оно тоже называлось, состояло ясачныхъ юкагировъ 32 человѣка, съ которыхъ собиралось подати въ количествѣ 337 соболей³⁾. Выше мы видѣли, что въ первой половинѣ XVIII вѣка ясачныхъ колымскихъ юкагировъ считалось около 300 человѣкъ; теперь же къ началу XIX столѣтія число этихъ инородцевъ почему-то уменьшилось въ три раза, такъ какъ, по свѣдѣніямъ начала XIX вѣка, ясачныхъ юкагировъ въ Колымскомъ краѣ уже считается только 95 человѣкъ. Въ этомъ случаѣ мы, быть можетъ, встрѣчаемъ фактъ, уже замѣченный изслѣдователями Сибири, — фактъ вымиранія, исчезновенія съ лица земли обиженныхъ природою и русскими людьми инородцевъ сибирскихъ.

Изъ вышеприведенныхъ историческихъ свѣдѣній о Среднеколымскѣ и его округѣ можно видѣть, что вся исторія этого заброшеннаго городка сводится къ передачѣ извѣстій о посылкѣ слу-

¹⁾ Цвѣтущее состояніе Всероссийскаго государства, въ каковое началъ, привелъ и оставилъ неизрѣченными трудами Петръ Великій. Составилъ Иванъ Кирилловъ, кн. II, стр. 97 и 98, изданіе Погодина въ Москвѣ, 1831 года.

²⁾ Описаніе путешествія Сарычева, ч. I, стр. 74.

³⁾ Словарь географическій Россійскаго государства въ настоящемъ онаго видѣ. Соч. Аванасія Щекатова, ч. III, М., 1804 г., стр. 596 и 596.

жилыхъ людей, о перемѣнахъ въ порядкѣ управленія, о сборѣ съ инородцевъ подати (ясака), и только. Можетъ быть, почти за 250-лѣтній періодъ времени, въ глухомъ, отдѣленномъ отъ міра Колымскомъ краѣ произошло немало драмъ, трагическихъ случаевъ, авторами которыхъ были русскіе администраторы и разные авантюристы-торгаши, а подлинно дѣйствующими лицами, или, лучше сказать, объектами драматическихъ произведеній — несчастные инородцы, но письменныхъ свидѣтельствъ объ этомъ у насъ нѣтъ, и намъ приходится читать только сухую, официальную, неинтересную исторію Колымскаго края.

Юрта въ чертѣ города Среднеколымска.

Впрочемъ, изъ фактовъ внутренней жизни города Среднеколымска, есть одинъ, о которомъ мы имѣемъ многія печальныя подробности.

Въ 1742 году, въ Среднеколымскъ былъ сосланъ русскій вице-канцлеръ графъ Михаилъ Гавриловичъ Головкинъ и въ этомъ мѣстѣ окончилъ свою жизнь. Въ ночь съ 24-го на 25-е ноября 1741 года, при восшествіи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, графъ Головкинъ, какъ сторонникъ тогдашней правительницы Анны Леопольдовны, былъ взятъ подъ арестъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими вельможами, преданъ суду и приговоренъ къ смертной казни, замѣненной ссылкой въ отдаленный Ярмангъ, или Среднеколымскъ. Жена его, графиня Екатерина Ивановна, рож-

денная княгиня Ромодановская, сносившая съ твердостію постигшее ихъ несчастіе, рѣшилась слѣдовать въ ссылку за мужемъ, узнавъ, что женамъ преступныхъ вельможъ дозволено, «если похотятъ», слѣдовать за своими мужьями. Конвойнымъ офицеромъ при «фамиліи» Головкиныхъ былъ приставленъ подпоручикъ Берхъ, который ночью на 19-е января 1742 года собрался съ арестантомъ и его женою въ путь. Со времени ареста до момента отъѣзда въ ссылку изъ Петербурга, Головкинъ сильно измѣнился отъ тревогъ. Сидя въ Петропавловской крѣпости, онъ испытывалъ страшныя страданія отъ подагры и хирагры. Отросшіе запущенныя волосы на головѣ, длинная борода, обрамливавшая исхудалое лицо, вообще слабый и унылый видъ, дѣлали графа Михаила Гавриловича непохожимъ на себя. При самомъ отъѣздѣ изъ Петербурга Головкинъ былъ все еще боленъ, такъ что его вынесли изъ крѣпости на рукахъ, бережно положили съ постелью въ сани, а супруга сѣла подлѣ изгнанника, и грустный поѣздъ, сопровождаемый конвоемъ, выбравшись за крѣпостныя стѣны, исчезъ въ морозномъ туманѣ январской ночи.

Правительствующимъ сенатомъ предполагалось, что Головкинъ везется въ то мѣсто, куда онъ посланъ, съ надлежащею скоростью. Не то было на самомъ дѣлѣ. Отправившись изъ Петербурга 19-го января 1742 года, Головкины, сопровождаемые офицеромъ Берхомъ, 7-го марта того же года доѣхали до Тобольска. Здѣсь, въ Тобольскѣ, за справками въ мѣстной канцеляріи и за починками обоза Головкиныхъ, Берхъ прожилъ недѣлю, затѣмъ 13-го марта ссыльные были вывезены изъ Тобольска и 4-го апрѣля доставлены въ Томскъ, откуда Берхъ 29-го мая повезъ своихъ арестантовъ далѣе. Прибывъ съ ними 17-го іюля въ Красноярскъ, Берхъ немедленно занялся изготовленіемъ судовъ для слѣдованія р. Енисеемъ, но Головкинъ 21-го іюля занемогъ сильными припадками подагры, которые не прекращались около мѣсяца, задерживая Берха на мѣстѣ. Не ранѣе 18-го августа тронулся Берхъ изъ Красноярска и, доплывъ Енисеемъ до устья р. Тунгуски, не рѣшился за порогами подниматься Тунгускою до города Илимска, но предпочелъ спуститься внизъ къ городу Енисейску, куда и прибылъ со своими арестантами 1-го сентября. Отсюда Берхъ предполагалъ было отправиться перевозимкомъ въ Якутскъ; но получивъ отъ флотскаго капитана Лаптева извѣщеніе, что санная дорога отъ Енисейска продолжается только до с. Сполошнаго, т. е. на 1,130 верстъ, а далѣе тянется единственно верховая, отложилъ выѣздъ свой изъ Енисейска до послѣдняго зимняго пути, съ тѣмъ, чтобы поспѣть на р. Лену ко времени ея вскрытія и уже Леною плыть до Якутска. «Иначе,— доносилъ Берхъ сенату, — пришлось бы на Ленѣ ждать вскрытія и, быть можетъ, помереть съ голоду за крайней скудостью провіанта». Въ Енисейскѣ Головкинъ снова почувствовалъ сильныя

припадки подагры и хирагры, такъ что съ 7-го февраля по 6-е мая 1743 года оставался безъ движенія. Затѣмъ настало весеннее распутье, и Берхъ, отправивъ впередъ сибирскаго гарнизона прапорщика Юг. Пальмштруга, самъ со своими арестантами только 12-го іюня могъ выбраться изъ Енисейска въ Иркутскъ, куда невольные странники отправились сухопутно и прибыли 16-го августа. Здѣсь узнавъ, что Лена замерзаетъ въ началѣ сентября, Берхъ, не побѣхалъ ею до Якутска, но рѣшилъ ждать въ Иркутскѣ зимы, причѣмъ требовалъ отъ мѣстнаго начальства извѣстій о трактѣ до Якутска и далѣе до Ярманга. Изъ свѣдѣній, собранныхъ такимъ порядкомъ, оказывалось, что отъ Иркутска до Якутска зимнимъ путемъ 2,266 верстъ, а сколько верстъ отъ Якутска до Ярманга, неизвѣстно. Кромѣ того, Берха предупреждали, что отъ Якутска можно ѣхать безбѣдно только до селенія Сполошнаго; оттуда же до остроговъ Витимскаго и Олекминскаго «путь многотрудный», и между этими острогами болѣе 1,000 верстъ «пустоты», а подводъ, пожалуй, не найдется. Если же завесновать въ селеніи Сполошномъ, то оттуда до Якутска точно также едва ли можно отыскать суда. Поэтому Берхъ просилъ иркутскую канцелярію немедленно приступить къ заготовкѣ судовъ на р. Ленѣ, а самъ располагалъ зимою же слѣдовать въ Верхоленскъ, оттуда весною отплыть въ Якутскъ и лѣтомъ пробираться изъ Якутска къ мѣсту назначенія. Но еще до наступленія зимы Берхъ долженъ былъ доносить сенату отъ 13-го сентября изъ Иркутска «о слабомъ состояніи здоровья Головкина и жены его»; а 10-го ноября прибылъ въ Иркутскъ подпоручикъ Ознобишинъ, съ сенатскимъ указомъ, которымъ повелѣвалось: посланнаго съ бывшимъ графомъ Головкинымъ до Ярманга подпоручика Берха «для долговременнаго его съ нимъ, Головкинымъ, пути продолженія» ему, Ознобишину, смѣнять и самого Берха немедленно отправить въ Петербургъ. Принявъ отъ Берха команду арестантовъ, деньги, бумаги, Ознобишинъ, по просьбѣ графини, представлялъ мѣстному епископу Иннокентію объ отпускѣ съ Головкиными, на ихъ содержаніи, особаго священника, но получилъ на это отвѣтъ Иннокентія, что священниковъ «праздныхъ нѣтъ»; затѣмъ, 19-го ноября, выѣхалъ изъ Иркутска, а 24-го января 1744 года привезъ Головкиныхъ въ Якутскъ. Здѣсь по новымъ справкамъ въ мѣстной канцеляріи оказалось, что хотя Ярмангъ числится въ 1,746 верстахъ отъ Якутска, но отстоятъ далѣе 2,000 верстъ, и что отъ Алданской заставы, лежащей въ 204 верстахъ за Якутскомъ, находятся по всей дорогѣ въ Ярмангъ только два острога: Верхоянскій и Зашиверскій, «а между оными острогами, — рапортовалъ Ознобишинъ сенату, — есть жили, но только самое малое, и проѣздъ какъ зимнимъ, такъ и лѣтнимъ временемъ для великихъ горъ и болотныхъ мѣстъ съ великимъ трудомъ на верхнихъ лошадяхъ съ выюками (а саннаго пути въ тѣхъ

мѣстахъ не бывало) и кладется токмо на каждую лошадь по пяти пудъ; а будучи въ пути, провіанта нигдѣ получить невозможно, и посылающіеся отъ якутской канцеляріи за нужнѣйшими ея императорскаго величества дѣлами ѣздить отъ Якутска до Колымскихъ зимовей и до средняго острога, называемаго Ярманга, недѣль по десяти». Посвятить десятидневное пребываніе въ Якутскѣ приему провіанта съ лошадьми, печенію сухарей и изготовленію сумъ (вьюковъ), а также четырехъ нартъ для Головкиныхъ съ ихъ двумя горничными, Ознобишинъ 4-го февраля оставилъ Якутскъ и 18-го февраля на рѣкѣ Тукуланѣ, въ 100 верстахъ за Алданской заставой, сдалъ свою команду съ арестантами и деньгами прапорщику Пальмштругу, который въ тотъ же день поѣхалъ съ арестантами впередъ налегкѣ, а провіантскимъ вьюкамъ велѣлъ слѣдовать за собою по мѣрѣ возможности. Тутъ Головкины, уже истомленные двухлѣтнимъ странствованіемъ по сибирскимъ пустынямъ и познакомившіеся на пути отъ Якутска съ ѣздою на собакахъ, начали испытывать всѣ прелести путешествія по тогдашней Восточной Сибири. «Дорога отъ Алдана до Верхоянскаго хребта, — свидѣтельствуется ѣхавшій ею въ 1808 году ученый Геденштромъ, — есть одна изъ труднѣйшихъ во всей Якутской области. Лѣтомъ она почти непроходима. Топи (мокрыя мѣста) и частые ручьи, которые, по крутизнѣ теченія, отъ дождей разливаются, задерживаютъ проѣзжающихъ иногда по нѣскольку недѣль. Гольцы (каменные горы) по сей дорогѣ составляютъ отроги большаго Становаго хребта. Они простираются между Леною и Яною до Ледовитаго моря. Верхоянская гора, лежащая на этомъ пути, есть одна изъ высочайшихъ (около 500 саж.). Крутизна подъема съ южной стороны уже за 30 верстъ дѣлается примѣтною. Въѣздъ на гору съ этой стороны чрезвычайно крутъ и дорога проведена излучинами. Спускъ же гораздо отложе». По такой дорогѣ пробирался и арестантскій транспортъ Пальмштруга, который 22-го марта достигъ Верхоянскаго зимовья и здѣсь принужденъ былъ завесновать. Зимовье это, лежащее на полярномъ кругѣ, было въ 1744 году чуть заселеннымъ мѣстомъ, въ которомъ посмѣнно содержали ежегодный караулъ 6 человекъ служилыхъ людей изъ Якутска и собирали ясакъ съ якутовъ. Ничтожное скотоводство послѣднихъ, съ такимъ же коневодствомъ, и звѣриные промыслы якутовъ въ лѣсахъ—все это при совершенномъ отсутствіи хлѣбонашества и огородничества, конечно, не могло обставить большими удобствами слишкомъ двухмѣсячное пребываніе Головкиныхъ въ Верхоянскѣ. Дождавшись провіантскихъ вьюковъ, оставленныхъ на рѣкѣ Тукуланѣ, Пальмштругъ 1-го іюня вывезъ своихъ арестантовъ изъ Верхоянска и направился съ ними въ дальнѣйшій путь теперешнимъ почтовымъ трактомъ на Зашиверскъ. Трактъ этотъ къ сѣверо-востоку тянулся якутскими поселками подлѣ рѣкъ Яны и Догдо, за которыми по

теченію рѣки Русской Разсохи онъ представлялъ ущелье, стѣсненное высокими хребтами безлѣсныхъ горъ и, наконецъ, пролегалъ болотами и тундрами страны, окружающей Зашиверскъ, тогда главный пунктъ зимняго пушнаго торго окрестныхъ ламутовъ и юкагировъ, теперь безуѣздный городокъ съ ничтожнымъ числомъ жителей. Отъ Зашиверска арестантскій транспортъ Пальмштруга спустился Индигиркою къ якутскому лѣтовью Табалагу, потомъ вступилъ въ гористыя удоля рѣки Алазеи, прослѣдовалъ еще 180 верстъ болотно-лѣсистою пустынею, покрытою озерами, и 8-го августа 1744 года Головкины увидѣли мѣсто своего заточенія, до толѣ невѣдомый имъ Ярмангъ. Такимъ образомъ, Головкины ѣхали изъ Петербурга до Среднеколымска, считая всѣ ихъ остановки въ разныхъ мѣстахъ, слишкомъ два съ половиною года. Головкинымъ, по пріѣздѣ въ Среднеколымскъ, пришлось испытывать почти голодъ, какъ показываетъ это слѣдующая выдержка изъ донесенія Пальмштруга сенату, отъ 1-го февраля 1745 года. «По прибытіи въ Ярмангъ, называемое Среднеколымское зимовье, никакого хлѣба, соли и мяса въ продажѣ не имѣется, а имѣется токмо провіантъ, одна мука арженая, присланная отъ якутской воеводской канцеляріи, для содержанія команды моей солдатамъ. И арестантамъ, кромѣ казеннаго провіанта, питаются нечѣмъ. И для такой необходимой нужды и чтобы арестантовъ не поморить съ голоду, по прибытіи моемъ въ Ярмангъ, въ прошломъ въ 1744 году августа съ 10-го дня и по нынѣшній 1745 годъ, давался до указа провіантъ казенной арестантамъ съ ихъ служителями, семи человекамъ, помѣсячно, за вычетъ ихъ кормовыхъ денегъ, по чему за пудъ якутская воеводская канцелярія вычитать будетъ. А токмо по покупной ли одной якутской цѣнѣ, или и съ провозомъ впредь вычитается будетъ, и по чему давать, о томъ и въ сибирскую губернскую канцелярію, въ прошломъ же 1744 году октября 1-го дня, я доносилъ и требовалъ, чтобы сибирская губернская канцелярія соблагволила о томъ въ якутскую воеводскую канцелярію и ко мнѣ прислать ея императорскаго величества указы, на которое мое доношеніе еще указу не получилъ. А сего 1745 году, генваря 1 дня, изъ якутской воеводской канцеляріи извѣстіе ко мнѣ прислано, въ которомъ показано, что я отъ той канцеляріи на арестантовъ провіантъ требовалъ, въ томъ отказать, для того де, что арестантамъ велѣно довольствоваться провіантомъ покупкою. И для того казеннаго провіанту онымъ арестантамъ, съ нынѣшняго 1745 году, давать за неприсылкою, по требованію моему отъ якутской воеводской канцеляріи, не изъ чего». Въ томъ же донесеніи, Пальмштругъ, изображая экономическія и бытовыя условія Ярманга, писалъ: «а здѣсь, въ Ярмангѣ, жителей весьма малое число, и питаются токмо одною рыбой, а иногда, по времени, бываетъ рыбы неловъ, какъ и сего году, то и жители терпятъ голодъ и ѣдятъ сосну. А арестанты

стантамъ, яко непривыклымъ людямъ, то снести невозможно. Къ тому жъ и рыбою удовольствоваться въ неумовное время невозможно. И о томъ какъ правительствующій сенатъ соблаговодитъ». Въ заключеніе своего донесенія, Пальмштругъ прилагалъ «вѣдомость, что арестанту Головкину съ женой и съ ихъ служителями, всего осьми человѣкамъ, въ годъ для пропитанія надобно». По этой вѣдомости испрашивались припасы: ржаная мука, крупа, соль немного пшеничной муки, горохъ, сѣмя конопляное, вино двойное, масло, мыло, солодъ, свѣчи, сахаръ. 18-го ноября 1745 года, эта вѣдомость была утверждена сенатомъ, который уполномочилъ Пальмштруга требовать всего отъ сибирской губернской канцеляріи, а въ сибирскую канцелярію опредѣлялъ указомъ: предписать якутской воеводской канцеляріи о ежегодномъ доставленіи въ Ярмангъ припасовъ, обозначенныхъ въ вѣдомости. Но изъ донесенія Пальмштруга сенату, отъ 4-го апрѣля 1746 года, видно, во-первыхъ, что якутская канцелярія не доставляла въ Ярмангъ ровно ничего, а, во-вторыхъ, что средства постоянныхъ обитателей Ярманга, слишкомъ скудныя для восполненія этого недостатка, сами нерѣдко зависѣли отъ обстоятельствъ совершенно случайныхъ. «И сего года,— писалъ Пальмштругъ,— четвертой мѣсяцъ команда моя безъ провіанту терпитъ голодъ. Понынѣ же въ здѣшнемъ мѣстѣ провіанту и въ продажѣ не имѣется, а жители питаются одною рыбою. И нынѣ и рыбныхъ кормовъ не только купить у жителей не сыщешь, и сами голодомъ помираютъ и ѣдятъ сосну. А что къ осени рыбныхъ кормовъ у нихъ было запасено до вскрытія льда съ рѣкъ, то прибывшимъ сюда для переписи и свидѣтельства мужеска полу душъ сибирскаго горнизона капитаномъ Гаврилою Хатунскимъ собаками прикормлено, на которыхъ онъ въ Ярмангъ пріѣхалъ съ рѣки Индигирки изъ мѣстечка Ожегина и изъ прочихъ мѣстъ, которыхъ собакъ держалъ онъ въ Ярмангѣ недѣли четыре. Къ тому же и здѣшнихъ жителей, служивыхъ и посадскихъ и ясашныхъ якутовъ, собаки собраны для ѣзды его въ Анадырской острогъ, всего до 36-ти нартъ собакъ кормлено; въ нихъ числомъ болѣе 300 собакъ, которыхъ за малолюдствомъ столько въ здѣшнемъ мѣстѣ и не находилось. Но, по принужденію его, Хатунскаго, куплены собаки на сборныя съ ясашныхъ людей деньги у индигирскихъ подводчиковъ, по 15 рублевъ за нарту собакъ, а въ нартѣ считается отъ 8-ми до 9-ти собакъ. И онымъ 36-ти нартамъ собакъ въ дорогу запасъ у жителей отобранъ, и отъ того всемѣрной нынѣ терпятъ голодъ».

Такова была матеріальная обстановка жизни Головкиныхъ въ Ярмангѣ,—жизни, изображеніе которой въ главныхъ чертахъ дополняется слѣдующею выдержкою изъ рапорта Пальмштруга сенату, отъ 4-го января 1747 года. «Правительствующему сенату покорнѣйше доношу: арестантъ Головкинъ съ женою содержится мною

подъ карауломъ въ Ярмангѣ такъ, какъ мнѣ повелѣваетъ правительствующаго сената инструкція, безъ всякаго послабленія, и никуда они, кромѣ церкви Божіей, не выпускаются и до нихъ никто не допусканъ. А прошлаго 1746 года марта съ 1-го числа и въ церковь Божію не допускиваны, понеже при церкви за отлученіемъ священника въ городѣ Якутскѣ службы священниковской не имѣется. И караулъ имѣется въ надлежащей твердости. И объ нихъ, арестантахъ, и о состояніи караула въ правительствующій сенатъ покорнѣйшіе мои рапорты посылаю ежемѣсячно». Строгость, съ которою, если вѣрить официальнымъ документамъ, со-

Среднеколымскъ въ XVIII столѣтіи. (Съ старинной гравюры).

держались Головкины въ Ярмангѣ, доходила до того, что 10-го февраля 1748 года Пальмштругъ почтительно спрашивалъ сенатъ: пускать ли Головкиныхъ съ ихъ людьми на исповѣдь? И 9-го апрѣля 1749 года получилъ разрѣшеніе на это съ условіемъ, однако, чтобъ поамъ при входѣ къ арестантамъ и при выходѣ отъ нихъ «былъ чиненъ осмотръ» во избѣжаніе проноса писемъ и проч.¹⁾

Память о житѣ Головкина съ женою въ Среднеколымскѣ хорошо сохранялась между тамошними жителями; изъ поколѣнія въ поколѣніе передаются разказы о нѣсколькихъ случаяхъ изъ жизни ональнаго графа. Изъ этихъ устныхъ преданій вотъ что извѣстно

¹⁾ Графиня Екатерина Ивановна Головкина и ея время, 1701—1791. Историческій очеркъ по архивнымъ документамъ, составленъ М. Д. Хмыровымъ. Спб., 1867, стр. 208—208 и 212—227.

о Головкинѣ. Не смотря на свободу, которою вообще пользовался графъ на мѣстѣ своей ссылки, онъ находился, однакожь, постоянно подъ строгимъ наблюденіемъ караульныхъ. Когда онъ выходилъ изъ дома, за нимъ неотступно слѣдовали два солдата съ ружьями; на ночь небольшой домикъ, въ которомъ онъ жилъ отдѣльно отъ другихъ, постоянно стерегли часовые. По воскреснымъ днямъ Головкина водили въ приходскую церковь; здѣсь однажды въ годъ послѣ обѣдни онъ долженъ былъ, выправившись и скрестивши на груди руки, выслушивать какую-то бумагу, за которой слѣдовало увѣщаніе священника. Во время чтенія этой бумаги солдаты приставляли штыки къ груди политическаго преступника. Втеченіе года непремѣнно два раза въ Среднеколымскъ пріѣзжалъ комиссаръ изъ Зашиверска для наблюденія за поведеніемъ ссыльнаго преступника и за его стражею. Тамошніе жители, по преданіямъ, рассказываютъ, что графъ пріѣхалъ въ Среднеколымскъ въ болѣзненномъ состояніи, но потомъ поправился; только не могъ онъ выносить продолжительнаго зимняго времени и не выходилъ изъ дому, ибо въ холода болѣли у него ноги; графиня находилась при немъ безотлучно, читала ему какія-то книги и сама завѣдовала домашнимъ хозяйствомъ. Между прочимъ, передаютъ объ одномъ слѣдующемъ случаѣ изъ жизни графа въ Среднеколымскѣ. Не смотря на то, что Головкинъ имѣлъ у себя деньги на свои нужды, онъ любилъ заниматься рыболовствомъ. Вблизи Среднеколымска впадаетъ въ р. Колыму небольшая рѣчка Анкудинка, разбившаяся при впаденіи своемъ на нѣсколько рукавовъ. Одинъ изъ этихъ рукавовъ графъ взялъ за себя; весною, когда изъ р. Колымы рыба идетъ въ рѣчку, онъ перегородилъ этотъ рукавъ и добывалъ тутъ очень много рыбы. Казачій урядникъ, позавидовавъ удачѣ Головкина, пришолъ съ людьми и отобралъ поставленные графомъ верши, отзываясь тѣмъ, что рѣчной рукавъ этотъ прежде принадлежалъ ему. Видя такое насиліе, Головкинъ вышелъ изъ себя, началъ было кричать и спорить, но вдругъ какъ бы опомнился и спокойно сказалъ уряднику: «дѣлать нечего, я уступаю тебѣ рѣчку, но и вмѣстѣ съ этимъ прошу тебя войти въ мой домъ». Урядникъ пришолъ къ нему, и графъ встрѣтилъ его слѣдующими словами: «если бы ты въ Петербургѣ осмѣлился сдѣлать мнѣ что нибудь подобное, какъ ты меня обидѣлъ, то я затравилъ бы тебя собаками, и онѣ разорвали бы тебя въ клочки; но теперь въ моемъ положеніи я долженъ смириться, ибо вижу въ лицѣ твоемъ персть Божій, наказующій меня за мои тяжкіе грѣхи. Этимъ случаемъ ты заставилъ меня искренно раскаяться въ прошлой моей гордости. Вотъ тебѣ на память обо мнѣ 50 рублей. На эти деньги поправь твой ветхій домъ»¹⁾.

¹⁾ «Русское Слово», августъ, 1861 г., «Ссылка въ Восточную Сибирь замѣчательныхъ лицъ (1645—1762)», статья И. Сельскаго, стр. 15, 16.

По прибытіи на мѣсто ссылки въ Ярмангъ, Головкинъ, изнуренный и несчастіемъ, и болѣзнію, и слишкомъ двухлѣтнимъ странствованіемъ по дорогамъ невообразимымъ, въ экипажахъ неслыханныхъ, былъ дѣйствительно очень жалокъ. Въ тѣсной избѣ, оконныя стекла которой замѣнялись льдиной, графиня дни и ночи неустанно ужасивала за страдальцемъ-мужемъ и добилась наконецъ того, что Головкинъ хотя нѣсколько оправился, а потомъ пришолъ еще въ лучшее состояніе. Но страданія графа, всетаки, по временамъ возобновлялись. Недостатокъ во всемъ окружалъ супруговъ. Скалистая выси Саянскаго хребта какъ бы отрѣзывала Головкиныхъ отъ остальнаго міра, въ которомъ, однакожъ, и мужъ, и жена не переставали жить воспоминаніями. Послѣднія въ особенности тяготили мужа, ослабленнаго болѣзнію, да и вообще далеко уступавшаго женѣ въ твердости воли. Но графиня съ замѣчательною стойкостью переносила свое тяжелое положеніе и только знала, что заботилась о своемъ слабомъ мужѣ; и, если вѣрить сказаніямъ, совершился фактъ необычайный: безъ докторовъ, безъ лекарствъ, одними стараніями неутомимой графини были совершенно уничтожены подагра и хирагра у Головкина. И графъ, неисцѣлимо страдавшій въ роскошной обстановкѣ петербургскаго богача-вельможи, сталъ здоровъ, какъ не надо лучше, среди однообразныхъ сибирскихъ снѣговъ и многообразныхъ недостатковъ. Четырнадцать лѣтъ, наполовину благодаря исцѣленію графа, счастливыхъ, прожили супруги такой жизнью. Описывать каждый годъ изъ этихъ четырнадцати лѣтъ лишне, еслибъ и имѣлись для того матеріалы. Не только годъ, ни одинъ изъ дней всего этого времени почти ничѣмъ не отличался отъ другаго такого же. Однообразіе самое неумолимое окружало Головкиныхъ, проникало въ малѣйшую подробность ихъ пустыннаго быта. Самыя отступленія отъ такой безцвѣтной ежедневности выражались всегда въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ. Прикочуютъ, на примѣръ, къ русскому жилью окрестныя инородцы: якуты, тунгусы, ламуты, юкагиры, обнимутъ своими чумами небольшую окружность острога; пріѣдетъ изъ Зашиверска комиссаръ съ нѣсколькими ларечными, наблюдавшими за ларями, въ которыхъ хранился ясачный сборъ, обереть у инородцевъ обычный ясакъ, чумы сложатся и инородцы уйдутъ на своихъ оленяхъ или лыжахъ. Или переночуетъ въ острогѣ какойнибудь чиновникъ изъ Якутска, слѣдующій на Анадырь, и расскажетъ острожанамъ кучу прошлогоднихъ петербургскихъ новостей; или таинственно, подъ сильнымъ конвоемъ, прослѣдуетъ чрезъ острогъ какойнибудь ссылаемый въ Охотскъ раскольникъ, попавшійся изъ множества другихъ раскольниковъ, сотнями добровольно сожигавшихся тогда въ невѣдомыхъ сибирскихъ чащахъ. Или, наконецъ, поговорятъ въ острогѣ о какойнибудь совершенно неизвѣстной личности, провезенной неподалеку отъ острога, т. е. въ 400—500 верстахъ. Вся

разница могла состоять въ томъ, совершаются ли эти обстоятельства втеченіе семимѣсячной зимы съ ея сорокаградусными морозами, страшными буранами и чудными сѣверными сіяніями по ночамъ; или при кратковременномъ блескѣ лѣтняго солнца, неспособнаго со всѣмъ своимъ 28-ми градуснымъ жаромъ прогрѣть ледяную полупочву далѣе поляршина въ глубину, или въ остальное время года, какое-то межуточное, безснѣжное, закрытое густыми туманами. Рѣдко, рѣдко въ пустыню изгнанниковъ приходили письма изъ Гаги отъ графа Александра Гавриловича Головкина, находившагося тамъ русскимъ посланникомъ, письма, вскрытыя и проценаурованныя въ Петербургѣ. Но еще рѣже и еще счастливѣе бывали другіе дни, когда въ руки Мих. Гавр. Головкина попадали секретныя писанія нѣжно имъ любимой его сестры Анны Гавриловны, вдовы Ягужинскаго, вышедшей потомъ замужъ за М. П. Бестужева-Рюмина и въ 1743 году сосланной съ урѣзаніемъ языка въ Якутскъ. При всемъ своемъ безысходномъ положеніи ссыльнаго поселенца, Головкинъ, всетаки, питалъ надежду на лучшее будущее. Но судьба располагала иначе, и 10 ноября 1755 года въ самую годовщину того дня, когда 15 лѣтъ тому назадъ Головкины достигли высшей степени своего значенія, ударилъ послѣдній часъ графа, и графиня овдовѣла. Похоронивъ тѣло покойнаго мужа въ сѣняхъ собственной своей хижины, графиня обратила эти сѣни въ молитвенное мѣсто; днемъ и ночью при свѣтѣ лампы, налитой рыбьимъ жиромъ, читала она надъ мужниной могилой псалтырь и пламенно желала только одного: увести съ собою въ родную ей Москву прахъ своего супруга. Такое желаніе графини, доведенное сибирскимъ губернаторомъ Мятлевымъ до высочайшаго свѣдѣнія, удостоилось вниманія императрицы Екатерины II, милостиво соизволившей на перевезеніе тѣла бывшаго графа Головкина изъ Ярманга въ Москву. Отъѣзжая изъ Среднеколымска графиня раздарила тамошнимъ жителямъ много денегъ и вещей, пожертвовала въ Среднеколымскую церковь Покрова серебряную вызолоченную ложку и, обливъ воскомъ трупъ своего покойнаго мужа, не боязненно пустилась въ путь, истомившій ее 14 лѣтъ назадъ, неутомимо прослѣдовала его еще однажды и сама доставила драгоценный ей прахъ въ Москву. Здѣсь графиня похоронила мужа въ другой разъ. Георгіевскій монастырь принялъ останки гр. Головкина¹⁾.

Въ могилѣ же Головкина спустя нѣсколько лѣтъ наполь пріютъ прахъ одной скромной личности. Въ началѣ XIX столѣтія въ сѣверные предѣлы Якутскаго края, по случаю бывшей тамъ какой-то

¹⁾ Графиня Екатерина Ивановна Головкина и ея время, 1701—1791. Историческій очеркъ по архивнымъ документамъ составленъ М. Д. Хмыровымъ, Спб., 1867, стр. 229—234.

эпидеміи, посланъ былъ туда изъ Якутска врачъ Рислейнъ, истинный другъ человѣчества, любимый всѣми за его неутомимое вниманіе къ своимъ больнымъ и въ особенности за попеченіе о бѣдныхъ. Онъ, между прочимъ, пріѣхалъ въ Среднеколымскъ; время было зимнее, морозы стояли жестокіе. Помогая больнымъ, Рислейнъ, никогда не носившій теплыхъ сапоговъ, имѣлъ несчастіе отморозить ноги и умеръ отъ этого въ страшныхъ мученіяхъ. Въ зимнюю пору, на глубокомъ сѣверѣ очень затруднительно рыть могилы, но жители Среднеколымска вспомнили, что у нихъ остается пустымъ склепъ, гдѣ лежало тѣло гр. Головкина, то туда и были положены останки бѣднаго врача ¹⁾.

А. Оксеновъ.

¹⁾ «Русское Слово», августъ, 1861 г., «Ссылка въ Восточную Сибирь замѣчательныхъ лицъ (1645—1762)», статья И. Сельскаго, стр. 17.

ЛИВЕНСКІЕ СВЯТИТЕЛИ.

(Къ исторіи русской религіозной жизни).

В НАЧАЛѢ шестидесятихъ годовъ, среди жителей Орловской губерніи распространился слухъ о томъ, что въ городѣ Ливнахъ должны скоро открыться мощи, что вѣрующіе уже получаютъ исцѣленія...

Живо обошелъ слухъ о такомъ чрезвычайномъ событіи всю окрестность, наэлектризовавъ религіозное чувство мѣстнаго населенія и вызвавъ паломничество къ новому святому мѣсту.

Власть, которой ближе всего это касалось, не оставила, конечно, этихъ толковъ и слуховъ безъ провѣрки, но къ какому заключенію она затѣмъ пришла — намъ не удалось въ то время прослѣдить.

Съ тѣхъ поръ прошла почти цѣлая четверть вѣка; слухи о ливенской святынѣ потеряли свою новизну, но время не умалило интереса къ этому весьма возможному явленію жизни русской, чрезъ исторію которой прошелъ цѣлый рядъ святителей и праведниковъ, подвизавшихся съ одинаковою твердостью и святостью за себя и за родную землю, которую многіе ихъ нихъ защищали отъ нападеній враговъ или личнымъ руководствомъ своимъ на полѣ брани, или же молитвами и словами одобренія и назиданія.

Не къ такимъ ли подвижникамъ принадлежать и святители города Ливенъ, — города, бывшаго когда-то на рубежѣ Русскаго царства и подвергавшагося нападенію со стороны татарскихъ полчищъ?

Такъ думалось намъ, когда, попавъ въ первый разъ въ городъ Ливны, мы бродили по небольшому, но чрезвычайно чистенькому городку, направляясь главнымъ образомъ къ мѣсту недавнихъ чудотвореній.

Мѣсто это находится надъ рѣкою Сосною, по лѣвую ея сторону, близъ церкви св. Сергія—самой древнейшей изъ всѣхъ ливенскихъ церквей. Это довольно красивая, только вчернѣ оконченная часовня, подъ которой устроена пещера. Спустившись нѣсколько ступеней, мы вошли въ эту пещеру, гдѣ предъ установленными у стѣны иконами очерчивалась въ полумракѣ фигура священника, служившаго для двухъ-трехъ молящихся панихиду. Кромѣ этой обстановки, имѣющей видъ болѣе чѣмъ скромной пещерной часовни, намъ ничего болѣе не представилось: никакихъ гробовъ или даже признаковъ могилъ въ ней не оказалось.

Чѣмъ молчаливѣе, однако, былъ самый видъ пещеры, тѣмъ болѣе являлось желанія выяснитъ таинственное ея значеніе и тѣ явленія, которыя породили слухи о происходившихъ въ ней чудотвореніяхъ. Для удовлетворенія этого желанія, намъ посовѣтовали купить въ пещерской часовнѣ описаніе бывшихъ въ ней чудотвореній.

Воспользовавшись этимъ совѣтомъ, мы пріобрѣли брошюрку, которая носитъ слѣдующее названіе: «Случай, недавно побудившіе въ городѣ Ливнахъ творить память о старцахъ упраздненнаго лѣтъ сто назадъ Сергіева монастыря. Изданіе второе съ дополненіемъ. Протоіерея Луки Ефремова. Перепечатано со втораго изданія. Ливны. Типографія И. А. Савкова. 1883 года».

Въ этой брошюркѣ разсказывается, что въ городѣ Ливнахъ, «издревле славившемся благочестіемъ»¹⁾, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ мужской монастырь, упраздненный уже около ста лѣтъ тому назадъ, въ послѣднее время находился домъ купца Тюпина. Вотъ въ этомъ-то домѣ и происходили чудотворенія. Первое изъ нихъ выразилось въ томъ, что на праздникъ Пасхи хозяйка дома, войдя въ погребъ за хозяйственными принадлежностями, произнесла обычное привѣтствіе: «Христось воскресе!» и затѣмъ услышала во множествѣ голоса съ отвѣтнымъ привѣтствіемъ: «Воистину воскресе!» «И, конечно, сей отвѣтъ, — добавляетъ авторъ брошюры, — былъ отъ покойниковъ, тамъ въ свое время погребенныхъ».

¹⁾ Городъ дѣйствительно благочестивый: на 12 тысячъ жителей 11 церквей! И какихъ церквей! — Никольская, напримѣръ, церковь, недавно выстроенная купцомъ Адамовымъ, какъ по величинѣ и архитектурѣ своей, такъ и по внутренней отдѣлкѣ, могла бы служить украшеніемъ столицы. Такимъ же величественнымъ храмомъ обѣщаетъ быть и новостроющаяся Георгіевская церковь. Очень жаль только, что, находя средства возводить такіе грандіозные храмы, богомольные жертвователи не находятъ 800 рублей, необходимыхъ какъ ежегодный расходъ по открытію въ мѣстномъ реальномъ училищѣ еще одного класса.

Быстро разнеслась вѣсть объ этомъ по всему городу и его окрестностямъ; но распространенію слуха о чудотвореніи еще болѣе способствовало слѣдующее, вскорѣ послѣ того совершившееся событіе.

Въ домѣ купца Тюпина квартировалъ штабсъ-капитанъ 11 роты расположеннаго въ городѣ Ливнахъ Селенгинскаго пѣхотнаго полка, Иванъ Гробовскій. Къ нему ночью, когда онъ легъ спать, но еще не уснулъ, явился монахъ въ клобукѣ, старый, сѣдой, который, толкнувъ его въ плечо, сказалъ: «встань!» Гробовскій вскочилъ въ испугѣ и спросилъ монаха, что ему нужно? Монахъ отвѣтилъ: «возвѣсти обо мнѣ своему и духовному начальству, что я нахожусь въ погребѣ подъ этимъ домомъ; но я не одинъ, еще есть нѣсколько со мною». Сказавши это, монахъ скрылся. Офицеръ тотчасъ же приказалъ своему деньщику догнать монаха и спросить его имя; но деньщикъ отозвался, что не знаетъ, о какомъ монахѣ говорить баринъ, потому что онъ, деньщикъ, никого не видѣлъ входящимъ въ квартиру или выходящимъ изъ нея.

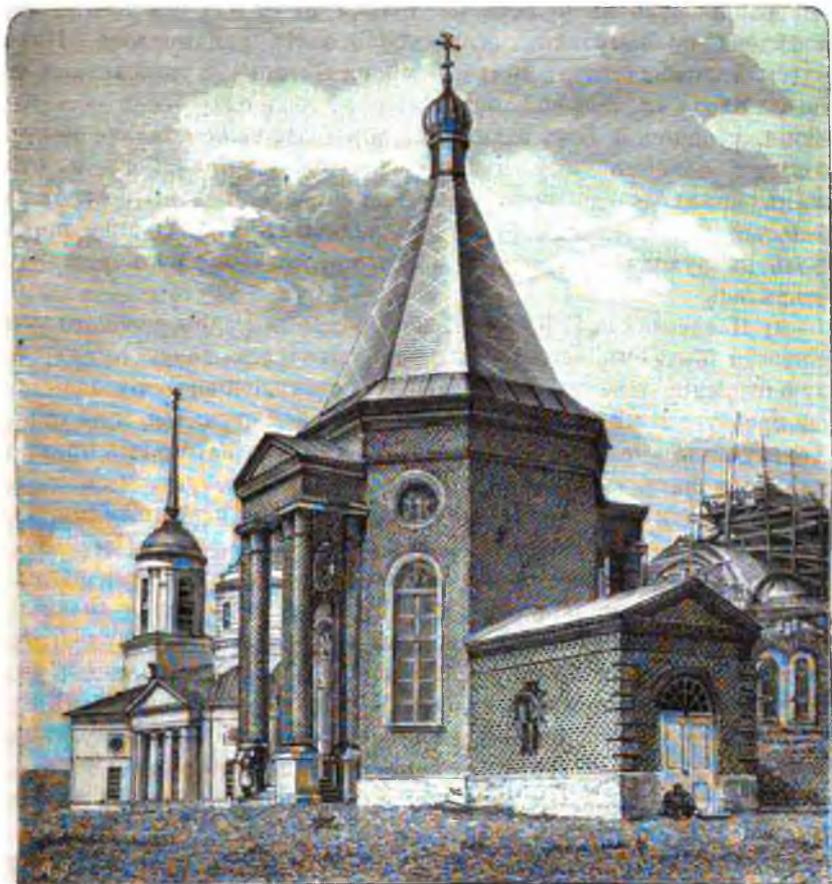
Эти два случая, распространившіеся «во всѣхъ почти краяхъ Россіи», обратили вниманіе на бывшее монастырское мѣсто, и то, чтó исполняло прежде скромную роль погреба въ домѣ купца Тюпина, теперь составляетъ мѣсто паломничества многочисленныхъ богомольцевъ, которые обращаются къ назначенному для того священнику съ просьбами «служить молебны Спасителю и Тихвинской Божіей Матери предъ образами ихъ, а иногда святителямъ Митрофанію и Тихону, а по молебнѣ отправлять панихиду по покойникамъ въ томъ бывшемъ монастырѣ, предположительно почивающимъ въ той пещерѣ».

Но чудотвореніе въ пещерѣ не остановилось на приведенныхъ двухъ случаяхъ. Въ брошюрѣ разсказывается, что при служеніи въ пещерѣ молебновъ и панихидъ «втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ были чудесныя исцѣленія, записанныя въ книгу, выданную градскимъ благочиннымъ священно- и церковно-служителямъ Сергіевской церкви, принадлежавшей нѣкогда означенному Сергіевому монастырю и находящейся близъ самой пещеры».

Изъ числа этихъ чудотвореній авторъ брошюры приводитъ слѣдующія.

1) У государственной крестьянки ливенской пригородной Казацкой слободы, Анны Павловны Проскуриной, въ 1858 году, заболѣлъ сынъ, трехлѣтній мальчикъ Степанъ; болѣзнь выразилась въ томъ, что все лицо и лобъ покрылись струпами, затянуло глазныя вѣки и появилась опухоль въ лицѣ. Мальчику угрожала потеря зрѣнія, такъ какъ онъ втеченіе 25 недѣль ничего не видѣлъ. Это случилось на первой недѣлѣ Великаго поста, а предъ праздникомъ Вознесенія Проскуриной явился во снѣ старичекъ въ бѣломъ одѣяніи, съ сѣдыми волосами на головѣ и бородѣ,

и приказатъ ей сходить въ погребъ купца Тюпина и взять въ немъ песку, налить его чистою водою и умыть ею больного сына. Проскурина на другой же день отправилась въ домъ Тюпина, но тамъ ея не допустили къ погребу. Вскорѣ — новое явленіе того же старичка съ приказаніемъ немедленно сходить въ погребъ; но и на этотъ разъ Проскурина получила отказъ. Въ третій разъ является

Часовня надъ пещерой въ городѣ Ливнахъ.

ей восьмѣ старичекъ и, снова приказывая ей сходить въ погребъ, говорить: «если ты не пойдешь, то на тебѣ грѣхъ будетъ». На другой день, Проскурина пришла къ погребу и была допущена въ него. Взявъ песку, она налила его свѣжею водою и ею умывала больного сына. Мальчикъ началъ поправляться, но вѣки на глазахъ не открывались. Послѣ же праздника Петрова дня вѣки у мальчика разомъ открылись, но на обоихъ глазахъ показались боль-

шія бѣльма, которыя постепенно сходили и втеченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ почти совершенно сошли.

2) Протоіерей ливенскаго Троицкаго собора Иванъ Васильевичъ Пятинъ болѣе десяти лѣтъ ощущалъ въ рукахъ ломоту, сначала въ слабой степени, а впослѣдствіи усилившуюся до того, что боль не давала ему уснуть. Въ 1869 году, онъ заболѣлъ горячкою, отъ которой избавился при помощи врача Селенгинскаго полка г. Крутикова, но боль въ рукахъ не только не могла быть при этомъ излѣчена, но напротивъ все болѣе и болѣе усиливалась. Пятинъ вздумалъ побывать въ погребѣ купца Тюпина и помолиться тамъ Богу. Входя въ погребъ, онъ мысленно говорилъ: «если есть здѣсь души, угодившія Богу и хотящія помогать, то освободите меня отъ болѣзни, помогите мнѣ, помогите!». Помолившись Богу и отслуживъ панихиду по покойникамъ, почивающимъ въ погребѣ, онъ больныя части своихъ рукъ прикладывалъ къ стѣнамъ погреба. Боль въ рукахъ совершенно исчезла и съ тѣхъ поръ уже не повторялась.

3) Послушница Борисоглѣбской пустыни, Грайворонскаго уѣзда, Евдокія Миллеръ, «имѣла иссохшую отъ ревматизма руку», которую втеченіе четырехъ лѣтъ носила «привѣшенною». Въ одно время ей представилось во снѣ, что кто-то къ ней стучится, и на окликъ, кто стучитъ?—получила отвѣтъ: «я—Харлампій»; затѣмъ предъ нею явился монахъ средняго роста, въ низкомъ клобукѣ, и сказалъ ей: «ты только имѣй твердое желаніе, и все тебѣ исполнится, и ты получишь благодать Божию». Далѣе больной представилось, что она въ пещерѣ, гдѣ отворена рѣшетчатая дверь, а по обѣ стороны входа, въ стѣнахъ, два монашескіе лика, въ числѣ которыхъ и являвшійся къ ней Харлампій; послѣдній далъ ей песокъ и она сухою рукой такъ сильно сжала этотъ песокъ, что по пробужденіи отъ сна видны были знаки пальцевъ на ладони. Монашенка отправилась въ ту пещеру, которую она видѣла во снѣ, вложила большую руку въ скважину, изъ которой берутъ песокъ, потеряла имъ руку и начала читать псалмы Давида и въ ту же минуту начала двигать иссохшею рукой, какъ здоровою, и даже могла держать ею псалтырь.

4) Въ недавнее время въ пещеру, образованную изъ погреба купца Тюпина, принесли больную женщину, дворянку Александру Васильевну Кузьмину, и положили ее на полъ; она была разслабленной полтора года, а за два мѣсяца предъ тѣмъ, какъ ее принесли въ пещеру, у нея отнялись руки и ноги. Послѣ трехдневнаго, почти безвыходнаго пребыванія въ пещерѣ, больная была перенесена въ Георгіевскую церковь и здѣсь, во время чтенія Евангелія, безрукая и безногая барыня вдругъ сама собою, безъ всякой помощи, встала и, подойдя къ Евангелію, со слезами воскликнула: «слава Богу! Господь исцѣлилъ меня, великую грѣшницу, за молитвами Царицы Небесной и святыхъ угодниковъ своихъ! я теперь совершенно здорова»!

Достаточно ли всего рассказаннаго въ брошюрѣ для того, чтобы, такъ или иначе, поддерживать сложившееся убѣжденіе въ таинственномъ значеніи пещеры и, не видя даже могилъ угодниковъ, ожидать открытія мощей пока еще неизвѣстныхъ святыхъ?

Предвидя сомнѣнія по этому поводу, авторъ брошюры успокоиваетъ читателя выраженіемъ предположенія, что, быть можетъ, изъ иноковъ бывшаго Сергіевскаго монастыря «есть избранные; они вели жизнь строгую, старались спасти себя, но при всѣхъ ихъ подвигахъ, при всей борьбѣ со страстями и похотями, все еще оставались на душѣ ихъ при выходѣ изъ сей жизни нѣкоторые слѣды грѣха, требующіе для уничтоженія ихъ нашихъ молитвъ, нашего поминовенія ихъ». Такъ авторъ брошюры объясняетъ появленіе чудотвореній въ пещерѣ, не имѣющей и признаковъ мощей, и поощряетъ вѣрующихъ къ молитвѣ за усопшихъ старцевъ, указывая на стеченіе народа «со всѣхъ сторонъ нашего отечества толпами.. въ преславный городъ Ливны, который, по обилію благъ земныхъ, похожъ на обѣтованную землю, кипящую медомъ и млекоу», и приглашая затѣмъ читателя помолиться объ упокоеніи: игуменовъ—Харлампія, Моисея, Θεодосія и Іоасафа, іеромонаховъ—Іоасафа, Антонія, Іереміи, Іларіона и Іосифа, и архимандритовъ—Іоасафа, Симеона, Алексія и Порфирія и «всѣхъ здѣсь лежащихъ православныхъ христіанъ».

Но не всѣми одинаково было встрѣчено извѣстіе о ливенскихъ чудотвореніяхъ. Авторъ брошюры указываетъ на слѣдующее проявленіе скептицизма. «Были случаи, — говоритъ авторъ, — что нѣкоторые изъ людей, и людей сильныхъ, смотря на народъ, толпами притекающій съ разныхъ сторонъ для поминовенія покойниковъ, погребенныхъ на мѣстѣ монастыря, глумились надъ нимъ, не имѣвши въ виду ни гробовъ ихъ, ни могилъ, (ничего) кромѣ голой земли, и старались прогнать ихъ, что случилось скоро послѣ смерти архипастыря Поликарпа ¹⁾, но... Господь внялъ усердной просьбѣ людей своихъ, и враговъ (врагамъ?) чрезъ посредство таинника благодати своей, преосвященнѣйшаго епископа Макарія ²⁾, велѣлъ умолкнуть».

Епископъ Макарій, — рассказываетъ далѣе авторъ, — обратилъ должное вниманіе на стеченіе въ Ливны богомольцевъ и назначилъ въ этотъ городъ, для отправленія службы въ пещерѣ, священника отца Іосифа Захарьевича Вуколова, «примѣрнаго по благочинію и ревностнаго о Возѣ»; но этотъ священникъ, 12-го ноября 1871 года, умеръ, оставивъ незабвенную о себѣ среди мѣстныхъ жителей память ³⁾, а на его мѣсто назначенъ другой священникъ.

¹⁾ Родкевичъ; † въ Ораѣ 29-го августа 1867 года.

²⁾ Миротлюбовъ; нынѣ епископъ Нижегородскій.

³⁾ Изъ «Слова», сказаннаго епископомъ Макаріемъ, 12-го ноября 1871 года, при погребеніи этого священника и приложеннаго къ брошюрѣ о ливенскихъ чудотвореніяхъ, видно, что отецъ Іосифъ Вуколовъ служилъ церкви ровно

Такимъ образомъ, дѣйствительность бывшихъ въ городѣ Ливнахъ чудотвореній удостовѣряется не только засвидѣтельствованными и описанными въ приходской книгѣ фактами, но и самымъ отношеніемъ къ нимъ со стороны мѣстнаго епархіальнаго начальства, разрѣшившаго устройство пещеры съ часовнею для поминовенія старцевъ и отправленія богослуженій. Впослѣдствіи намъ пришлось узнать, что появленіе слуховъ объ этихъ чудотвореніяхъ обратило на себя вниманіе орловскаго губернатора, В. И. Сафоновича, по порученію котораго было произведено состоявшимъ при немъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ, А. И. М., негласное изслѣдованіе, вполне подтвердившее существованіе въ мѣстномъ обществѣ, не исключая и людей интеллигентныхъ, вѣрованія въ происходившія въ пещерѣ чудотворенія.

Въ разсказѣ своемъ о ливенскихъ чудотвореніяхъ авторъ брошюры упустилъ, однако, изъ виду разъяснить, откуда почерпнуты имъ приведенныя выше имена архимандритовъ бывшаго Сергіевскаго монастыря, «предположительно почивающихъ въ пещерѣ», и ихъ іерархическая степень. Это недоразумѣніе отчасти разъясняется, впрочемъ, приложенными въ концѣ брошюры «нѣкоторыми свѣдѣніями о замѣчательныхъ въ городѣ Ливнахъ памятникахъ древности въ церковномъ отношеніи», перепечатанными изъ «Орловскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» отъ 19-го декабря 1859 года № 51. Въ этихъ «свѣдѣніяхъ», послѣ краткой исторіи бывшаго Ливенскаго Сергіевскаго мужскаго монастыря, существовавшаго съ давнихъ временъ и упраздненнаго въ 1766 году, перечисляются игумены этого монастыря. Вотъ ихъ имена и время ихъ игуменства.

- 1) Харлампій — въ 1615 году.
- 2) Старецъ Моисей — между 1649 и 1667 годами, какъ значится въ выписи на монастырскую землю.
- 3) Иеромонахъ Іоасафъ — въ 1667 году, стараніемъ котораго построена каменная церковь, существующая и нынѣ (Сергіевская).

шестьдесятъ лѣтъ; будучи назначенъ въ 1811 году причетникомъ села Гудаловки, Елецкаго уѣзда, онъ въ 1817 году былъ рукоположенъ въ діаконъ въ село Рѣшетово-Дуброво, а въ 1819 году—въ священника въ то же село, съ переводомъ затѣмъ въ 1821 году въ село Крутое, гдѣ и оставался до конца 1867 года, когда былъ уволенъ въ заштатъ и назначенъ для служенія панихидъ въ ливенской пещерѣ. Пройдя такимъ образомъ, по примѣру древнихъ временъ, всѣ степени церковнаго кдиря, воспитавъ своихъ дѣтей и даже внуковъ, онъ въ концѣ жизни своей «молился о упокоеніи старцевъ, почивающихъ въ ливенской пещерѣ; приставленный къ этой, освященной знаменіями, пещерѣ, онъ усердно желалъ для славы Возіей видѣть гробы почившихъ». Особенно же онъ старался «о покупкѣ обывательскаго въ городѣ Ливнахъ дома съ землею и о постройкѣ на мѣстѣ его часовни при пещерѣ, назвѣстной подъ именемъ погреба, куда стекаются многіе богомольцы для служенія панихидъ, съ надеждою на получение исцѣленій и утѣшеній».

М. Г.

4) Терентій — въ 1669 году, какъ значится въ подписи на крестѣ, хранящемся въ Сергіевской церкви.

5) Германъ — въ 1688 году.

6) Алексѣй — въ 1691 году, какъ значится въ надписи, сдѣланной на маневѣ за мѣсяць октябрь, хранящейся въ Сергіевской церкви.

7) Илларионъ — въ 1712 году.

8) Архимандритъ Иоасафъ Шебашевъ — въ 1717 году.

9) Архимандритъ Симеонъ — въ 1722 году.

10) Θεодосій — въ 1728 году.

11) Архимандритъ Иоасафъ (въ схимонашествѣ Иона) — въ 1730 году.

12) Архимандритъ Алексѣй Щегловъ (въ схимонашествѣ Авраамій) — въ 1739 году.

13) Архимандритъ Порфирій Рахинскій — въ 1763 году.

Случая, однако, этотъ перечень съ тѣми именами, о поминовеніи которыхъ авторъ брошюры проситъ читателей, оказывается нѣкоторая разниа; такъ, изъ числа игуменовъ, перечисленныхъ въ выпискѣ изъ «Орловскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», авторъ не упоминаетъ игуменовъ Терентія, Германа и Алексѣя и, наоборотъ, изъ числа игуменовъ, перечисляемыхъ авторомъ, въ этой выпискѣ вовсе не показаны игумены Антоній, Іеремія и Іосифъ. Такимъ образомъ, остается не выясненнымъ, изъ какихъ источниковъ почерпнуты авторомъ имена послѣднихъ трехъ игуменовъ. Но въ этомъ отношеніи встрѣчается еще одно недоумѣніе. Въ экземплярѣ брошюры, приобрѣтенной мною въ часовнѣ, оказался вложеннымъ отдѣльный листокъ, отлитографированный красной краской, съ надписью: «О упокоеніи», на которомъ перечислены имена игуменовъ, архимандритовъ и іеромонаховъ — всего 14 лицъ, съ особой графой: «Кто въ какихъ годахъ начальствовалъ». При сравненіи этого листка съ перечнемъ игуменовъ по выпискѣ изъ «Орловскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» встрѣчается и здѣсь разнорѣчіе, именно: въ листкѣ показаны архимандритъ Іосифъ (1722 г.) и іеромонахъ Антоній (1686 г.), которыхъ нѣтъ въ перечнѣ «Губернскихъ Вѣдомостей», и въ послѣднемъ показанъ архимандритъ Иоасафъ Шебашевъ (1722 г.), не поименованный въ листкѣ. Кромѣ того, начальствованіе игумена Иллариона по поминальному листку отнесено къ 1612 году, а по перечню «Губернскихъ Вѣдомостей» къ 1712 году.

Издавая описаніе столь важнаго событія, какъ чудотворенія на мѣстѣ подвижничества или упокоенія древнихъ иноковъ, слѣдовало бы съ большею точностію относиться къ именамъ игуменовъ бывшаго монастыря, поминовеніе которыхъ рекомендуетъ авторъ брошюры.

Указывая на этотъ недостатокъ изданія, которое удовлетворило

давнишнему нашему желанію — имѣть болѣе точныя свѣдѣнія о ливенской святынѣ и которымъ мы пользовались для настоящей замѣтки, нельзя не остановиться на другихъ недостаткахъ брошюры: она изложена малограмотнымъ языкомъ, полна неисчислимымъ количествомъ грубѣйшихъ опечатокъ, а приложенное къ ней изображеніе св. Тихона, задонскаго чудотворца, недостойно ни святости изображаемаго лица, ни современнаго состоянія графическаго искусства; это—просто лубочное произведеніе, вѣроятно, случайно оказавшееся въ провинціальній типографіи.

М. Городецкій.

Ливны,
14 іюля 1884 года.

ДОМИКЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ВЪ БОРИСОВКѢ.

ВЪ СЛОВОДѢ БорисовкѢ, Грайворонскаго уѣзда, Курской губерніи, въ имѣніи графа Шереметева, находится домикъ, въ которомъ, по преданію, прожилъ нѣсколько дней Петръ Великій. Въ бытность нашу въ БорисовкѢ намъ удалось видѣть этотъ домикъ и даже, благодаря любезности управляющаго графскимъ имѣніемъ, осмотрѣть его какъ извнѣ, такъ и внутри.

Домикъ находится въ саду, неподалеку отъ графскаго дома, и окруженъ со всѣхъ сторонъ развѣсистыми липами и березами; онъ построенъ изъ толстаго дуба въ два этажа, на подобіе стариннаго теремка, въ великорусскомъ стилѣ, съ рѣзнымъ полотенцемъ по фронтону и рѣзнымъ конькомъ на двускатной крышѣ. Домикъ — квадратной формы, по 9 арш. въ каждой сторонѣ, и 7 арш. въ вышину. Вся меблировка въ комнатахъ сдѣлана изъ липы. Оконъ всѣхъ четыре, изъ коихъ три въ верхнемъ этажѣ и одно въ нижнемъ. Въ верхній этажъ ведетъ наружная лѣстница, возлѣ которой, на землѣ, находится будка для часоваго, а рядомъ съ нею на двухъ деревянныхъ подставкахъ тяжелая старинная пицаль. Лѣстница ведетъ на передній, широкій балконъ, отъ котораго налѣво идетъ узкая ходовая галлерей, окружающая домикъ съ двухъ сторонъ — западной и сѣверной, какъ это нерѣдко встрѣчается у нашихъ старинныхъ деревянныхъ церквей. Входная дверь — съ сѣвера. На фасадѣ передняго балкона начертана надпись: «Genaralnia em... ') kwartera». Надпись эта, существующая со временъ

') Вѣроятно, слово *empeureur*, l'*empeureur*, императоръ.

Петра, недавно подновлена по старымъ еще и теперь видѣющимся слѣдамъ.

Каждый этажъ внутри состоитъ изъ двухъ комнатъ, главной и боковой. Нижний этажъ совершенно пустой, безъ лавокъ и столовъ; въ верхнемъ этажѣ—по стѣнамъ лавки, въ переднемъ углу массивный деревянный столъ, съ ножками, украшенными старинной рѣзбою, и съ выдвижнымъ ящикомъ; надъ столомъ, въ углу—большая икона Воскресенія Христова; боковая комната служила, очевидно, кабинетомъ и опочивальнею. На перегородкѣ, отдѣляющей опочивальню отъ главной залы, видны какія-то отверстія; здѣсь, какъ говорятъ, придѣланъ былъ для царя столярный и токарный станокъ, на которомъ онъ работалъ каждое утро во время своего пребыванія въ Борисовкѣ.

Верхній этажъ, какъ говорятъ старожилы, былъ занятъ самимъ царемъ, а нижній—его «стражею». Въ настоящее время оба этажа заняты архивомъ экономіи графа Шереметева. Никакихъ видимыхъ слѣдовъ пребыванія здѣсь Петра Великаго не осталось. На стѣнахъ въ верхнемъ этажѣ видѣется нѣсколько надписей карандашемъ, сдѣланныхъ разными посѣтителеми, побывавшими здѣсь. Вотъ, напр., одна изъ нихъ: «1874 г. былъ здесь исхаркова (изъ Харькова) музыкантъ Иванъ Бедной»...

Всѣ другія надписи въ этомъ же родѣ.

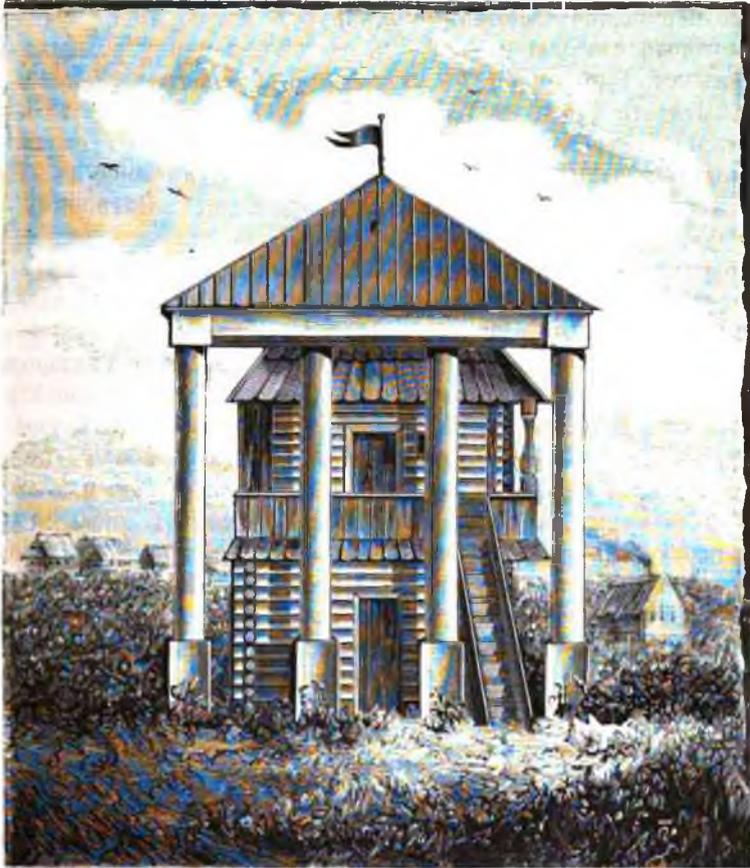
Письменныхъ актовъ о домикѣ этомъ не сохранилось никакихъ. Была когда-то въ конторѣ подробная «запись» насчетъ его, но она давно уже «затерялась». Старыя же бумаги вотчиннаго правленія, хранившіяся въ уѣздномъ городѣ Хотмыжскѣ (нынѣ заштатный городъ Грайворонскаго уѣзда), были уничтожены пожаромъ въ 40-хъ годахъ настоящаго столѣтія. Поэтому мы должны ограничиться въ данномъ случаѣ однимъ только устнымъ преданіемъ, которое, впрочемъ, на столько живо сохранилось здѣсь, что мы не имѣемъ никакого права сомнѣваться въ его справедливости.

Преданіе говоритъ, что домикъ построенъ былъ первымъ владѣльцемъ Борисовки, графомъ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ,—нарочно для Петра Великаго, который, отправляясь въ 1709 году въ Малороссію къ войскамъ, не задолго до Полтавской битвы, прожилъ въ Борисовкѣ, въ этомъ самомъ домикѣ, около шести недѣль. Здѣсь обдумывался и окончательно былъ рѣшенъ планъ предстоявшаго великаго боя подъ Полтавой.

Петръ заѣзжалъ сюда и послѣ Полтавской битвы, именно въ 1710 году, для присутствованія при закладкѣ Тихвинскаго дѣвичьяго монастыря, сооруженнаго въ знакъ молитвеннаго благодаренія Пресвятой Богородицы за дарованную побѣду. В. С. Кондыревъ рассказываетъ¹⁾, что въ 1826 г., въ бытность его исправникомъ Хот-

¹⁾ «Историческое описаніе Борисовскаго Тихвинскаго монастыря», М., 1872 г., стр. 8.

мыжскаго уѣзда, онъ самъ видѣлъ въ актахъ борисовскаго вотчиннаго правленія письмо фельдмаршала Б. П. Шереметева къ борисовскому приказчику Пояркову, которымъ фельдмаршалъ увѣдомлялъ этого послѣдняго, что онъ съ царемъ надняхъ будетъ въ Борисовку, и потому слѣдуетъ де приготовить столько-то быковъ, барановъ, куръ и яицъ и проч., прибавляя при этомъ, что онъ пробудетъ съ царемъ въ Борисовкѣ три дня.

Домикъ Петра Великаго въ слободѣ Ворисовкѣ, Гравворонскаго уѣзда, Бурской губерніи. (По рисунку съ натуры г. Мозилевскаго).

При домикѣ, въ саду, разставлено 8 большихъ, тяжелыхъ фальконетовъ, подаренныхъ, по преданію, императоромъ фельдмаршалу Шереметеву, вѣроятно, изъ отбитыхъ у шведовъ, такъ какъ на двухъ изъ нихъ и до сихъ поръ сохранились еще шведскія надписи. Всѣ орудія сильно повреждены, и, безъ сомнѣнія, не одинъ разъ видѣли поля сраженій.

Относительно пребывания Петра Великаго въ Борисовѣ разсказываютъ также, что онъ подарилъ Шереметеву всѣ земли, которыя видѣлись кругомъ съ сосѣдней возвышенности по правую сторону рѣки Ворсклы, на которой стоитъ слобода Борисовка. Въ біографіи же Бориса Петровича, по поводу Борисовки, между прочимъ, сказано:

«Въ Бѣлгородской губерніи двѣ большія слободы весьма знатныя — Борисовку и Михайловку, населилъ самъ фельдмаршалъ и назвалъ первую по своему имени, другую же по имени сына его, подъ которыя слободы началъ онъ скупать земли у разныхъ владѣльцевъ съ 1705 года и въ слѣдующихъ, а поселя жителей, во время бытности своей въ Украинѣ (съ 1712 по 1715), часто имѣлъ фельдмаршалъ свое пребываніе въ Борисовѣ со всѣмъ своимъ домомъ многіе мѣсяцы, а особливо зимніе» (см. предисловіе къ «Письмамъ Петра Великаго къ фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметеву», стр. 50).

Что справедливѣе — мѣстное ли преданіе, или эти данныя біографіи, составленныя, во всякомъ случаѣ, на основаніи точныхъ письменныхъ актовъ, рѣшать не берусь.

Объ основанномъ въ присутствіи Петра Великаго Тихвинскомъ дѣвичьемъ монастырѣ архимандритъ Леонидъ, составившій историческое описаніе монастыря (М., 1872 г.), говоритъ слѣдующее:

«Графъ В. П. Шереметевъ особенно чтилъ образъ Тихвинской Божіей Матери, бралъ ее постоянно съ собою и, какъ говоритъ внукъ фельдмаршала, графъ Н. П. Шереметевъ, въ письмѣ своемъ къ епископу Амвросію, ни одной баталіи не начиналъ безъ молебствія образу сему, и такъ что оной всегда, въ нарочито приготовленной крытой повозкѣ, предшествовалъ арміи, и дѣдъ мой, ѣхавъ возлѣ безъ шляпы, слушалъ молитвословіе, священнослужителями въ той же повозкѣ совершаемое; послѣдствіе сей непоколебимой вѣры вознаграждалось тѣмъ, что онъ ни одной вѣренной ему баталіи не проигралъ»¹⁾.

Эта икона сопровождала В. П. Шереметева и подъ Полтаву. Когда Петръ рѣшилъ, наконецъ, дать шведамъ сраженіе, то назначилъ для этого 26-е іюня, день, посвященный по церковному православному календарю празднованію явленія чудотворной иконы Тихвинской Богоматери. Но «благочестивый фельдмаршалъ, имѣя вѣру и усердіе къ сей богородичной иконѣ», уприсилъ государя въ уваженіе праздника отсрочить битву на одинъ день. Государь согласился и назначилъ сраженіе на 27-е іюня.

Сраженіе, какъ извѣстно, кончилось полной побѣдой русскихъ войскъ надъ шведскими, и Шереметевъ сказалъ царю, что передъ Полтавской битвой далъ обѣдъ основать въ Борисовѣ иноческую

¹⁾ Рукописи монастырской бібліотеки.

дѣвичью обитель въ честь Тихвинской иконы. Государь одобрилъ эту благочестивую мысль своего любимца, пріѣхалъ въ Борисовку и самъ выбралъ мѣсто для построенія монастыря. Это была высокая гора на правомъ берегу рѣки Ворсклы, въ ту пору вся сплошь покрытая лѣсомъ. Петръ велѣлъ сдѣлать большой деревянный крестъ и собственными руками вкопалъ его въ землю на вершинѣ горы, назначилъ тутъ мѣсто для церкви во имя любимаго имъ праздника — Преображенія Господня. Завѣтъ царя былъ исполненъ. Основавъ монастырь, графъ Шереметевъ тотчасъ же приступилъ къ постройкѣ храма во имя Преображенія Господня. Храмъ этотъ былъ предназначенъ для служенія въ зимнее время; главная же церковь, согласно первоначальному намѣренію графа, была устроена во имя Тихвинской Божіей Матери.

Н. Добротворскій.

ВОСПОМИНАНІЯ ОДЫНЦА.

ВЪ МАРТОВСКОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» были помѣщены портретъ и краткая біографія недавно умершаго польскаго поэта Одынца. Послѣдній представитель польскаго романтизма, товарищъ и почитатель Мицкевича съ молодыхъ лѣтъ, Одынецъ оставилъ не лишеныя интереса «воспоминанія», изданныя теперь въ Варшавѣ отдѣльной книжкой. Воспоминанія эти печатались уже нѣсколько лѣтъ въ журналѣ «Kronika Rodzinna» и имѣютъ форму обращенія къ извѣстной польской поэтессѣ Деотимѣ. Какъ современникъ разцвѣта лучшей поры польской поэзіи, какъ одинъ изъ членовъ филаретскаго союза, Одынецъ могъ бы рассказать многое изъ исторіи умственнаго движенія своего края, во всякомъ случаѣ болѣе тѣхъ отрывочныхъ замѣтокъ, какія остались въ печати. Но частію уже и память измѣняла престарѣлому поэту, частію же, какъ видно изъ приводимаго въ книжкѣ стихотворенія «Мой плащъ», посвященнаго воспоминанію о Мицкевичѣ, Одынецъ не все считалъ возможнымъ публиковать при своей жизни. Когда рѣчь заходитъ о союзѣ филаретовъ, авторъ тотчасъ себя обрываетъ и усиленно напоминаетъ Деотимѣ, что цѣль его воспоминаній — исключительно поэзія и знакомство съ поэтами. Отъ такого насильственнаго втискиванія себя въ искусственныя рамки, интересъ «воспоминаній» Одынца значительно слабѣетъ, но и при всемъ томъ его книга не лишена значенія по своей бытовой сторонѣ, особенно во всемъ, касающемся тогдашней университетской виленской жизни, а для польской публики—также и по подробностямъ о ранней молодости нѣкоторыхъ ея поэтовъ, Словацкаго, Ходзько, особенно Миц-

кевича, и по воспоминаніямъ о знакомствѣ автора съ Залескимъ, Гарчинскимъ, Витвицкимъ, Винцентомъ Полемъ. Для насъ эта сторона книги далеко не имѣетъ такого значенія, тѣмъ болѣе, что именно о Мицкевичѣ все заимствовано отъ Одынца ранѣе біографами.

Притомъ, изъ вышедшаго въ нынѣшнемъ году четвертаго тома переписки Адама Мицкевича, издаваемой его сыномъ, видно, что Мицкевичъ вовсе не считалъ Одынца близкимъ себѣ по духу и держался отъ него поодаль, даже когда обстоятельства сближали ихъ внѣшнимъ образомъ.

Вотъ что въ 1830 году писалъ Мицкевичъ Ежовскому во время путешествія, спутникомъ его въ которомъ былъ Одынецъ: «Я нравственно одинокъ; мой добрый товарищъ во всемъ разнится отъ меня: и по мыслямъ, и по чувству. Не имѣя общаго разговора, мы замкнулись каждый въ свою скорлупу. Живемъ вмѣстѣ, а кажется, что находимся далеко другъ отъ друга».

Если, такимъ образомъ, къ воспоминаніямъ Одынца о его знакомствѣ съ знаменитостями польской литературы необходимо относиться осторожно, то, всетаки, нельзя отнять у него извѣстной наблюдательности къ пережитому быту, умудренной потѣмъ 80-лѣтнею опытностью.

При чтеніи воспоминаній этого старца вѣдетъ давно минувшей порой, встаютъ давно забытая жизнь мелкихъ литовскихъ помѣщиковъ и характерныя особенности ихъ домашняго быта, воскресаютъ курьезные образчики тогдашнихъ педагоговъ въ Борунской школѣ, гдѣ учился Одынецъ и т. п. Университетская жизнь въ Вильнѣ въ началѣ двадцатыхъ годовъ представляетъ наиболѣе интересный отдѣлъ въ цѣлой книгѣ, частію уже послужившій матеріаломъ для вышедшаго въ Львовѣ изслѣдованія г. Третьяка о молодости Мицкевича. Рисуя въ этой главѣ современное поэтическое движеніе среди виленской молодежи и даже вообще въ мѣстной интеллигенціи, Одынецъ неизбежно, хотя мимоходомъ, затронуваетъ съ этой точки зрѣнія и филаретскія дѣла. Самъ Одынецъ служилъ лучшимъ (и уже послѣднимъ, за исключениемъ Домейки) выразителемъ духа филаретизма, того поэтически-восторженнаго настроенія, которое въ двадцатыхъ годахъ, подъ руководствомъ людей несомнѣнно талантливыхъ, но съ несовершененно еще выясненными политическими воззрѣніями, охватило виленскую молодежь и въ концѣ-концовъ привело къ катастрофѣ 1823 года и къ болѣе или менѣе строгимъ карамъ участниковъ этого «союза добродѣтели». Въ ту пору и Одынцу пришлось посидѣть нѣсколько времени въ монастырѣ кармелитовъ, пока производилось слѣдствіе, но онъ отдѣлался сравнительно легко, какъ самый молодой членъ союза. Для «Веніамина» и «Телемака» (какъ называли Одынца

старѣйшіе товарищи, и особенно менторъ его Чечотъ) заключеніе не имѣло другихъ послѣдствій, кромѣ усиленнаго ознакомленія съ произведеніями знаменитыхъ европейскихъ писателей, весьма удобнаго въ монастырскомъ уединеніи. Извѣстно, и въ нашемъ журналѣ было уже замѣчено, при обзорѣ книги г. Третьяка (декабрь, прошлаго года), что и на Мицкевича, который дѣлилъ судьбу товарищей, заключеніе въ монастырѣ (василіанскомъ) произвело отрезвляющее дѣйствіе послѣ любовной тоски, которою передъ тѣмъ страдалъ поэтъ. Объ отношеніи Мицкевича къ начавшимся между молодежью смутамъ, послужившимъ непосредственнымъ поводомъ къ слѣдствію, авторъ воспоминаній говоритъ такъ: «Адамъ былъ этимъ глубоко опечаленъ и, какъ бы въ вѣщемъ ясновидѣніи, предсказалъ дальнѣйшія несчастныя послѣдствія, сурово порицая неумѣстныя выходы недозрѣлыхъ головъ, портящія дѣло честнаго и разумнаго труда».

Подъ этимъ трудомъ должно разумѣть какъ общее сложеніе своей народности, такъ, кромѣ того, и въ особенности нравственное самовоспитаніе, задачу котораго открыто ставили филареты, въ связи съ религиозной реакціей послѣ увлеченій конца прошлаго столѣтія и съ зарождавшимся поэтическимъ романтизмомъ.

Въ ту пору вообще поэзія въ Литвѣ очень входила въ моду; общая къ ней склонность вызвала на свѣтъ много если не поэтовъ, то стихотворцевъ. Не было школы, которая бы, по словамъ Одынца, не произвела на свѣтъ какого нибудь любимца музъ. Большая часть этихъ самозванныхъ сыновъ Аполлона почилла навсегда на своихъ школьныхъ лаврахъ или — самое большее — извѣстна была еще нѣкоторое время въ своемъ уѣздѣ, распѣвая подъ гитару паненкамъ или отхватывая разгульныя пѣсни за чарой вина на пирахъ и кутежахъ судейскаго люда, составлявшаго въ то время цвѣтъ интеллигенціи мѣстныхъ уѣздныхъ городовъ. Поэты болѣе крупнаго калибра, которые, пройдя среднія школы, достигали Виленскаго университета и стремились къ замѣтному успѣху на поэтическомъ поприщѣ, такіе поэты слѣпо слѣдовали господствующей модѣ: переводили французскихъ поэтовъ или подражали имъ. Самъ Мицкевичъ не составлялъ исключенія. Еще въ Новогрудкѣ (до университета) онъ передавалъ въ стихи прозаическій польскій переводъ «Нумы Помпилия» Флоріана, а въ первые два года университетской жизни передѣлывалъ басни Лафонтена, и задумывалъ или уже началъ писать большую героически-комическую поему «Картофель», первую часть которой составляло открытіе Америки, а вторую, обиденную сторону — картофельное хозяйство въ Литвѣ. Подъ влияніемъ чтенія и изученія греческихъ поэтовъ, Мицкевичъ, вѣроятно, и самъ дошелъ бы до перемѣны подобныхъ взглядовъ

на поэзію, но такую переменну ускорилъ Оома Занъ, наиболѣе вліятельный изъ филаретовъ. Какъ на этого Зана смотрѣли товарищи, доказываетъ разсказъ Одынца о первомъ своемъ представленіи этому «Архи» (такое прозваніе дано было Зану). Тотъ протянулъ юношѣ руку съ такой улыбкой и взглядомъ, что Одынецъ едва не поцѣловалъ этой руки, точно у ксендза.

Занъ также писалъ стихи съ школьной поры; занятіе въ Вильнѣ точными науками не мѣшало его поэзіи. Мицкевичъ не придавалъ значенія стихотворнымъ упражненіямъ своего друга, пока Занъ не написалъ элегіи на отъѣздъ одной изъ своихъ ученицъ. По сознанію Мицкевича, онъ и не думалъ, чтобы обыденная жизнь могла доставить столько поэтическихъ сокровищъ. Съ тѣхъ поръ самъ Мицкевичъ обратилъ вниманіе на этотъ источникъ поэзіи. Изучая греческій и нѣмецкій языки, онъ сталъ искать правды въ образцовыхъ произведеніяхъ этихъ литературъ и, наконецъ, убѣдился, что тому же жизненному началу и послѣднія обязаны своимъ величіемъ. Любимыми поэтами Мицкевича сдѣлались Гомеръ и Гёте. Затѣмъ, подъ вліяніемъ Чечота, усерднаго собирателя и переводчика народныхъ пѣсень (самъ Чечоть писалъ тоже только пѣсни, особенно филаретскія), Мицкевичъ сталъ находить поэтическую правду въ патриотическихъ чувствахъ, преданіяхъ и обычаяхъ. Такovy были первые шаги польскаго романтизма въ Вильнѣ. Поэзія Мицкевича окончательно способствовала его распространенію.

Одынецъ рисуетъ также весь составъ тогдашняго виленскаго парнаса. Укажемъ, на примѣръ, на Игнатія Шидловскаго, преподавателя польской литературы въ виленской гимназій; это былъ поэтъ въ родѣ варшавскихъ поэтовъ того времени, хотя и посильнѣе ихъ талантомъ. Столь же гладко переводилъ онъ французскихъ поэтовъ и не уступалъ никому въ чистотѣ языка и безупречности стиха. Но талантъ Шидловскаго былъ болѣе виденъ въ оригинальныхъ стихотвореніяхъ, печатавшихся въ извѣстной въ то время сатирической газетѣ «Бруковыхъ Вѣдомостяхъ», гдѣ подвизались члены кружка туземныхъ сатириковъ, такъ называемыхъ «шубравцовъ», осмѣивавшихъ всякую пошлость, гдѣ бы ее ни находили. Тамъ Шидловскій, подъ именемъ литовскаго божества Гульби, привѣтствовалъ «одами» cadaго, вновь вступавашаго въ товарищество шубравцовъ. Большая часть этихъ одъ, по искусству и остроумію, принадлежитъ къ лучшимъ образчикамъ польской лирической поэзіи. Этимъ одамъ Шидловскій обязанъ и своею извѣстностью за предѣлами мѣстныхъ учено-литературныхъ кружковъ. Ему немало покровительствовалъ профессоръ Андрей Снядецкій, который предсѣдательствовалъ въ собраніи шубравцовъ, также подъ именемъ литовскаго божка Сотвароса. Произведенія Шидлов-

скаго, а также другаго замѣтнаго мѣстнаго поэта, Станислава Рос-соловскаго, печатались каждый мѣсяцъ, а иногда и каждую недѣлю, кромѣ «Бруковыхъ Вѣдомостей», еще въ «Виленскомъ Дневникѣ» и «Еженедѣльникѣ». Редакторы, правда, ничего не платили имъ за стихи, но уже не считали за милость, что печатають произведе-нія этихъ мѣстныхъ корифеевъ, какъ бывало съ другими иска-телями поэтической славы.

Внѣ университета и внѣ самой Вильны популярнѣе обоимъ на-званнымъ поэтовъ было имя Антона Горецкаго, извѣстнаго своими сказками и историческими думками; какъ одинъ изъ первыхъ про-возвѣстниковъ народной поэзіи, онъ навлекъ на себя непріязнь синедріона варшавскихъ критиковъ. На столбцахъ виленскихъ га-зетъ появлялись произведенія и другихъ поэтовъ низшаго полета, которые чаще всего жили и хозяйничали въ деревняхъ. Это доказываетъ широко распространенную въ ту пору склонность къ поэзіи даже за предѣлами чисто литературныхъ сферъ, между людьми дѣловыми, отцами семействъ, сельскими хозяевами (со-вершенно какъ въ 70-хъ годахъ было между паненками,—при-бавляетъ Одынецъ). Изъ этихъ сельскихъ поэтовъ-любителей нѣ-которые современемъ обратились въ серьезныхъ писателей и при-обрѣли извѣстность (какъ Янъ и Игнатій Ходзько), другіе, по крайней мѣрѣ, въ своей околицѣ оказывали образовательное влия-ніе. Одынецъ старается объяснить эту манію стихотворства близ-кимъ появленіемъ крупнаго поэта (Мицкевича), которому предше-ствуютъ мелкіе таланты, работавшіе въ томъ же направленіи.

Много было, впрочемъ, «шмелей и мухъ» въ тогдашней поль-ско-литовской поэзіи. Шмелями Одынецъ называетъ печатавшихся, а мухами—даже не имѣвшихъ и такой претензіи рифмоплетовъ. Это были или просто маньяки, или праздношатавшіеся франты, которые со своими виршами скитались по шляхетскимъ дворамъ, ища гостепрѣимства и охоты слушать ихъ произведенія. О мухахъ говорить не стоитъ; но изъ шмелей нѣкоторые экземпляры были крайне курьезны. Таковъ былъ извѣстный на всю Литву графъ Винцентъ Кишка-Згерскій. Сочиненій у него было много, въ сти-хахъ и въ прозѣ, и всѣ въ драматической формѣ. Были тутъ и историческія трагедіи (Янъ Ходкевичъ), были и аллегорическія фантазіи, напримѣръ, «Золотая вольность», въ которой никто ни-чего не могъ понять. Произведенія эти графъ печаталъ на свой счетъ, съ большою для того времени типографскою роскошью, и раздавалъ даромъ каждому, кто желалъ. Въ нихъ не доставало не только таланта, но даже и здраваго смысла: авторъ былъ всеобщимъ посмѣшищемъ, и самъ зналъ это, но еще болѣе утверждался въ убѣжденіи, что поэтъ выше его не производилъ свѣтъ.

Неизвѣстно, какими путями графъ Кишка-Згерскій завязалъ зна-комства при европейскихъ дворахъ; при посредствѣ этихъ знакомствъ

онъ присылалъ экземпляры своихъ произведеній, въ богатыхъ переплетяхъ, самимъ царствующимъ особамъ. Эти роскошные переплеты, графскій титулъ автора, протекція посредниковъ, а главное то, что произведеній графа никто не читалъ,—повели къ пріятнымъ для авторскаго самолюбія результатамъ: отъ нѣсколькихъ монарховъ онъ получилъ подарки или благодарственныя письма съ собственноручной подписью. Эти драгоценныя доказательства признанія графскаго таланта помѣщались каждое на отдѣльномъ столикѣ подъ огромнымъ стекляннымъ колпакомъ, какъ украшеніе особой богато-убранной комнаты въ графскомъ домѣ. Особенно графъ любилъ обращать вниманіе посѣтителей на письмо нѣкоей пани, называвшей его «Гомеромъ сѣвера». Сіятельному поэту удалось даже получить римскій орденъ «Золотой Шпоры», благодаря также ловкости въ добываніи вліятельныхъ связей.

Разумѣется, все это доставляло благодарную тему сатирѣ «Бруксовыхъ Вѣдомостей», въ которыхъ особенно преслѣдовалъ графа Шидловскій. Ему же приписывалась такого рода выдумка: разъ въ маскарадѣ нѣкто, костюмированный мясникомъ, насильно совалъ каждому «кишки» съ заглавіями произведеній графа Кишка-Згерскаго, сопровождая эти подношенія ловкими эпиграммами. Озлобленный Згерскій написалъ пародію на кантату Шидловскаго, пѣтую на одномъ благотворительномъ торжествѣ, напечаталъ эту пародію на огромномъ листѣ, украшенномъ по угламъ четырьмя ослиными головами, съ приличными надписями, и распорядился налѣпить это, въ видѣ афиши, по угламъ улицъ, за что едва не попалъ въ кутузку.

Подъ пару графу была писательница Текла Врублевская, авторъ множества бездарныхъ трагедій, печатавшихся ею также на свой счетъ, крайне высоко ею цѣнимыхъ, но, по крайней мѣрѣ, не лишенныхъ здраваго смысла. Жила эта пани въ деревнѣ, въ Минской губерніи. Это была пожилая вдова, обладательница значительнаго имѣнія; сдавъ хозяйство сестрѣ, сама занималась исключительно поэзіей; особенно почитала она поэзію и исторію греческую, старалась изобразить изъ себя Сафо. Одѣвалась она въ спартанскій, полумужской костюмъ, и носила всегда на себѣ нѣчто въ родѣ діадемы. Въ саду у нея была бесѣдка на греческій образецъ, безъ стѣнъ, на колоннахъ; тамъ лѣтомъ Текла воссѣдала на креслѣ, на возвышеніи, любовалась забавами сельской молодежи, которыя сама же устраивала по празникамъ, на подобіе греческихъ игръ, и сама на нихъ раздавала награды. Приглашенные сосѣди имѣли возможность въ подобныхъ случаяхъ выслушивать собственныя произведенія Теклы передъ сдачей ихъ въ печать. Впрочемъ, Врублевская за свое гостепріимство и доброту пользовалась общею любовью и уваженіемъ. Досаждала она только профессору Боровскому, который по должности былъ обязательнымъ читателемъ ея произведеній, какъ цензоръ

Въ то время цензура въ Вильнѣ принадлежала университету: цензорами были профессора, выбиравшіеся для этого совѣтомъ каждый по своему предмету. Боровскій, какъ цензоръ сочиненій литературнаго свойства, былъ особенно удрученъ произведеніями сельскихъ поэтовъ-диллетантовъ, присылавшимися ему со всѣхъ сторонъ. Суровый критикъ, знатокъ и судья въ дѣлѣ поэзіи, Боровскій обладалъ мѣткимъ сарказмомъ, который изливалъ въ тѣхъ же «Бруковыхъ Вѣдомостяхъ», а иногда успѣвалъ имъ и образумить какого нибудь непризнаннаго поэта. Такой случай именно былъ съ нѣкимъ богатымъ волынскимъ графомъ, который задумалъ издать собраніе своихъ стихотвореній, въ четырехъ томахъ, съ портретомъ автора. Такъ какъ рукопись должна была поступить на цензурный просмотръ къ Боровскому, то авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ Боровскаго выбрать стихотвореніе, которое могло бы служить вмѣсто подписи къ портрету. Боровскій, отсылая назадъ рукопись, ограничился, въ отвѣтъ на графскую просьбу, указаніемъ страницы и стихотворенія на ней. Это была послѣдняя строфа оды «Къ жаворонку», заключавшаяся словами: «послѣ кратковременной весны, иди спать, бандура!» Намекъ былъ понятенъ: стихи графа не появлялись въ свѣтъ.

Одынецъ именуется «сочагомъ живой поэзіи» такъ называемый литературный (лазурный) кружокъ общества филаретовъ; отголоски этой товарищеской поэзіи, въ видѣ такъ называемыхъ ямбовъ, мимолетныхъ, шуточныхъ фразъ, пародій и т. п., переходили и за предѣлы кружка. Особенно ими отличался Кулаковскій, переводчикъ Аристофана, вскорѣ умершій.

При всей поэтической незначительности подобныхъ фарсовъ и ямбовъ, они не остались безъ вліянія въ общемъ ходѣ развитія польской поэзіи. Изъ нихъ вышли потомъ блестящія импровизаціи Мицкевича; имъ же обязанъ первымъ вдохновеніемъ довольно извѣстный поэтъ Сырокомля (Кондратовичъ). Изъ товарищей-поэтовъ, кромѣ Зана, Чечота, Станевича, собирателя и переводчика литовско-жмудскихъ гѣсенъ, выдвинулся, какъ по поэтическому замыслу, такъ и по таланту, ученикъ и любимецъ Зана, Александръ Ходзько (впослѣдствіи профессоръ въ «Collège de France»). Онъ одинъ изъ всѣхъ сразу выступилъ романтикомъ въ поэзіи, не облачаясь сперва, подобно товарищамъ, которые подражали тогдашнимъ варшавскимъ поэтамъ,—ни въ римскую тогу, ни во французскій шитый кафтанъ.

Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ одного польскаго исследователя, что если бы нашлись записки Зана, то они раскрыли бы многое еще не досказанное изъ исторіи этого умственнаго движенія въ бывшей Литвѣ. Вліяніе Зана сказывалось въ распространеніи «поэтически-духовнаго», какъ выражается Одынецъ, или филарет-

скаго настроенія даже за предѣлами университетскаго люда, — ска-
вывалось особенно въ тѣхъ домахъ, гдѣ были и заправляли житьемъ
паненки. До тѣхъ поръ образованная часть общества отличалась
частію салоннымъ характеромъ, частію сентиментальностью; по-
слѣднею — именно дамы, поклонницы модныхъ въ то время романовъ
Коттенъ и Жанлисъ, но никакого серьезнаго, духовнаго начала въ
этой галантности не было. Послѣднее было разцвѣтомъ чисто филарет-
скимъ, — говоритъ Одынецъ, признающій, впрочемъ, за прошлой
эпохой нѣкоторое подготовительное значеніе. Вѣрнѣе объяснить та-
кую переменъ влияніемъ западно-европейскихъ теченій мысли, от-
ражавшихся, при благоприятныхъ условіяхъ, и на Вильнѣ.

Обстоятельства сблизили Зана съ мужскою и женскою уча-
щеюся молодежью. Въ первый годъ своего прибытія въ Вильну
(1815 г.), вынужденный трудомъ снискивать себѣ пропитаніе, онъ
получилъ мѣсто приходящаго учителя математики и физики въ
одномъ изъ лучшихъ виленскихъ женскихъ пансіоновъ. Педаго-
гическая слава Зана мало-по-малу такъ распространилась, что
буквально всѣ, сколько было въ Вильнѣ, лучшіе пансіоны стара-
лись включить его въ число своихъ преподавателей. Несомнѣнно,
что обученіе паннъ доставило Зану немало почитательницъ изъ
числа бывшихъ его ученицъ. Втеченіе пяти лѣтъ много его пи-
томицъ перешло съ пансіонскихъ скамей въ виленскіе салоны и
помогало матерямъ въ заправленіи домомъ. Неудивительно, что же-
ланными гостями въ такихъ семьяхъ сдѣлались молодые пріятели
Зана, съ которыми его бывшихъ ученицъ сблизжали и общія воспо-
минанія, и общая пріязнь къ учителю, и самый складъ понятій;
тонъ и колоритъ этихъ отношеній не могъ не отражаться и на
другихъ посѣтителяхъ. Первымъ и главнымъ центромъ филарет-
скаго влиянія въ ту пору былъ домъ ректора университета Малев-
скаго, единственный сынъ котораго былъ товарищемъ и пріате-
лемъ Мицкевича, Зана, Чечота и оказывалъ въ ихъ духѣ воздѣй-
ствіе на своихъ сестеръ¹⁾.

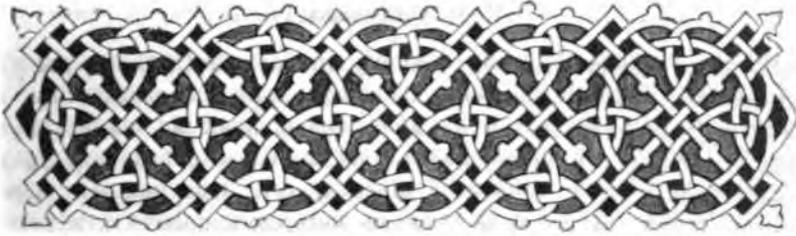
¹⁾ Известно, что имя одной изъ ученицъ Зана, «Фели», вошло въ «Пѣсню
филаретовъ» Мицкевича, по общепринятому ея тексту. Здѣсь кстати упомянуть
о другомъ текстѣ пѣсни, обязательно сообщенномъ намъ М. И. Городецкимъ.
Отдѣльныя мѣста пѣсни филаретовъ и по этому тексту хорошо известны, но
въ полномъ своемъ видѣ она едва ли не впервые появилась въ нынѣшнемъ
году, въ № 121 варшавскаго журнала «Tygodnik Pustrowany». Въ честь «Фели»
тамъ не включено ни одного стиха, но по отдѣльному куплету посвящено Зану,
Чечоту и Мицкевичу. Вотъ эти куплеты въ подстрочномъ переводѣ: «Какъ лу-
чезарное солнце вливаетъ жизнь въ туманные міры, такъ изъ груди Зана по-
черпаетъ свою жизнь его любимая дружина». «Если доблесть достойна просла-
вленія, то кто же доблестивѣ Чечота? Итакъ, панове, его здоровье! Вивать Янъ
Чечоть!» — «Пьемъ здоровье Мицкевича; онъ намъ удѣляетъ сладкія минуты;
божественный звукъ его лютии облегчаетъ наши заботы». Затѣмъ, слѣдуетъ
приглашеніе каждому выпить за здоровье своей «коханки» и другъ за друга.

Одынецъ ставитъ тогдашнюю Вильну выше Варшавы двадцатыхъ годовъ, гдѣ образованное общество только и знало, что съ мелочною щепетильностью слѣдило за развитіемъ гражданской жизни во Франціи и заучивало на память фразы, сказанныя въ парижской палатѣ депутатовъ. Но никто изъ варшавскихъ литераторовъ, даже изъ простаго любопытства,—говоритъ Одынецъ,— не заглянулъ въ Виленскій университетъ, во все время его лучшаго разцвѣта, никто не подумалъ ознакомиться лично съ самымъ центромъ новаго направленія польской поэзіи, направленія, послужившаго поводомъ къ многочисленнымъ толкамъ и спорамъ.

Впрочемъ, само по себѣ романтическое направленіе поэзіи не было бы еще достаточною причиною, чтобы виленское умственное движеніе двадцатыхъ годовъ упорно привлекало къ себѣ вниманіе позднѣйшихъ изслѣдователей и отзывалось сочувственно въ сердцахъ престарѣлыхъ современниковъ. Сюда присоединялась заправка общественнаго характера: духъ взаимности, стремленія къ нравственному возрожденію, мечтанія о духовной поддержкѣ литовской народности. Молодое поколѣніе, значительная часть котораго прошла уже Виленскій университетъ или участвовала въ войнахъ первыхъ десятилѣтій XIX-го столѣтія, поставило себѣ задачею быть умнѣе заднимъ числомъ (говоритъ Одынецъ со своею обыкновенною осторожною недомолвкою), и въ стремленіяхъ къ этой цѣли старалось сближаться другъ съ другомъ. Товарищество, какъ школьное, такъ и лагерное, легко переходило въ прочную пріязнь. Группировать около себя цѣлыя кружки нетрудно было людямъ, которые первенствовали въ умѣдахъ и имѣли возможность сноситься съ другими, собираясь то на губернскихъ выборахъ, то на провинціальныхъ контрактахъ. То же относилось къ людямъ съ литературнымъ дарованіемъ, которые были центрами, соединявшими около себя людей, подобныхъ имъ по образованію, если не по поэтическому таланту. Таковъ былъ, на примѣръ, Игнатій Ходзько, авторъ «*Obrazów Litewskich*», во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ.

Но такое настроеніе незнакомо новому поколѣнію даже по памяти,—съ грустью прибавляетъ авторъ «Воспоминаній». Отдѣльные примѣры подобнаго духа общественности могли, впрочемъ, встрѣчаться и впослѣдствіи; но въ смыслѣ характеристики своего времени склонность къ формированію союзовъ и кружковъ разнаго рода свойственна именно двадцатымъ годамъ.

Н. С. Кутейниковъ.

ЗНАЧЕНІЕ ЗНАКОМСТВА СЪ ДРЕВНИМЪ МІРОМЪ.

(Публичная лекція, читанная въ Казанскомъ университетѣ).

ПОЗВОЛЮ СЕБѢ предположить, что нѣкоторые изъ присутствующихъ здѣсь видѣли остатки древнихъ зданій у насъ на югѣ и за границей — во Франціи и Италіи. Большинство знаетъ ихъ, несомнѣнно, по рисункамъ, разбросаннымъ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ.

Пусть тѣ, которые видѣли «натуру», оживятъ ее въ своихъ воспоминаніяхъ, а тѣ, которые видѣли рисунки, сдѣлаютъ нѣкоторое усиліе и постараются представить себѣ ихъ оригиналы. Разъ это сдѣлано, перенеситесь воображеніемъ въ этотъ далекій отъ насъ міръ, станьте около этихъ, почернѣвшихъ отъ времени, мраморныхъ арокъ съ скульптурными воспроизведеніями неизвѣстныхъ вамъ событій, около этихъ амфитеатровъ и водопроводовъ, съ обрушившимися галлереями и арками, поросшихъ мохомъ и травой, одиноко стоящихъ среди чуждой имъ жизни — и въ вашемъ умѣ возникнетъ самъ собою вопросъ: что это за развалины, какимъ потребностямъ онѣ служили, какой народъ ихъ создалъ? Этотъ вопросъ непрерывно будетъ стоять передъ вами, если вы изъ центра древняго міра будете переноситься мысленно къ его окраинамъ, останавливаясь только на самыхъ крупныхъ руинахъ. Спускаясь на югъ Аппенинскаго полуострова, у подножія Везувія, среди пышной природы и бьющей ключемъ жизни, вы увидите цѣлый городъ-развалину, улицы съ рядами разрушенныхъ домовъ, площади, храмы.

Дальше на югъ, по всему южному побережью Сициліи, вы увидите одиноко стоящіе портики древнихъ храмовъ, развалины водопроводовъ. Перенеситесь на противоположный африканскій берегъ, въ Тунисъ,—и тѣ же развалины храмовъ, стѣнъ, водопроводовъ васъ встрѣтятъ и на этой новой почвѣ. Она покрыта остатками древнихъ городовъ, въ стѣнахъ которыхъ пріютились теперь арабскія деревушки. Среди сыпучихъ песковъ поднимаются колоссальныя сооруженія, поражающія своей красотой. Углубитесь на югъ черезъ горы, и вы увидите развалины древнихъ городовъ, надписи на скалахъ въ горныхъ проходахъ, остатки древнихъ дорогъ. То же зрѣлище представится вамъ на всемъ протяженіи африканскаго берега отъ Туниса до Марокко.

На востокъ отъ Туниса, за пустыней, омываемой Большимъ и Малымъ Сыртомъ, на склонахъ холмовъ плоскогорья Барки видны развалины городовъ и укрѣпленій. Онѣ покрываютъ всю страну, спускаются съ cadaго холма, съ каждой горной вершины. Среди этихъ развалинъ бродятъ теперь одни бедуины.

Дальше на востокъ опять безжизненная песчаная пустыня. Но за этими песками на горизонтѣ вырисовываются какіе-то синіе холмы. Они вырастаютъ по мѣрѣ того, какъ вы приближаетесь къ нимъ, принимаютъ опредѣленные очертанія. Это гивехскія пирамиды, гробницы фараоновъ. Передъ ними видѣется колоссальный сфинксъ, засыпанный по грудь пескомъ. Слои скалы, изъ которой онъ сдѣланъ, раздѣляютъ горизонтальными полосами его грудь и лице. Одна изъ такихъ полосъ послужила для вырѣзки рта, величина котораго болѣе сажени. Феллахи и арабы отдыхаютъ по временамъ въ его тѣни. Съ вершины этихъ пирамидъ видѣются далеко на югъ другія—саккарскія. Рядомъ, вокругъ, разбросаны такія же пирамиды, но маленькія, на половину рассыпавшіяся; тутъ же выступаетъ изъ песка храмъ, выстроенный изъ громадныхъ монолитовъ сіенскаго гранита—древнѣйшій архитектурный памятникъ на землѣ, затѣмъ странныя постройки, съ наклоненными стѣнами, въ видѣ низко усѣченныхъ пирамидъ—это могилы частныхъ лицъ. Внутри ихъ находятъ древнюю мебель, посуду, инструменты, статуэтки. Стѣны покрыты картинами, изображающими земную жизнь покойныхъ и мало говорящими о смерти. На нихъ изображены домашніе покойнаго, его слуги, скотъ; покойный охотится, удить рыбу, любитъ танцами нарумяненныхъ танцовщицъ, ловкостью акробатовъ. Масса такихъ могилъ тянется далеко на югъ. На разстояніи десятковъ верстъ идутъ ряды песчаныхъ холмиковъ, изъ-подъ которыхъ видѣются очертанія погребальныхъ построекъ. Это громадное кладбище заставляетъ предполагать близость соответствующаго по размѣрамъ города. Такихъ развалинъ нѣтъ; за некрополемъ раскрывается долина съ жирной, черной землей, покрытая нивами пшеницы и маиса. Но подъ этой почвой скрываются фундаменты

громадныхъ вданій, обломки колоннъ и архитравовъ. Въ пальмовой рошѣ, которая занимаетъ одинъ уголокъ этой долины, скрывается пятисаженная статуя, лежащая въ ямѣ, лицомъ къ землѣ. Эта статуя изображаетъ Рамзеса II, извѣстнаго болѣе подъ именемъ Сестоприса. Продолжая двигаться по нашему городу мертвыхъ на югъ, мы встрѣчаемъ на своемъ пути засыпанныя сверху пескомъ громадныя подземелья, состоящія изъ громадныхъ галлерей. Галлерей покоятся на гранитныхъ устояхъ и раздѣлены на ниши, въ глубинѣ которыхъ стоятъ заваленныя мусоромъ колоссальныя гранитныя саркофаги съ сдвинутыми крышами—гробницы священныхъ быковъ, Аписовъ. Это Серапеумъ. На два градуса южнѣе, на правомъ берегу Нила, наше вниманіе привлекутъ пещеры, вырытыя въ отрогахъ цѣпи Аравійскихъ горъ. Входъ въ нихъ поддерживается небольшихъ размѣровъ колоннадами. Это опять могилы, но уже высѣченныя въ горахъ. Стѣны ихъ также покрыты картинами, по сюжету одинаковыми съ тѣми, которыя встрѣчались выше. Есть картины, изображающія различныя игры, извѣстныя египтянамъ. Далѣе на югъ идутъ пещеры съ муміями крокодиловъ. Потомъ опять некрополь, близъ Абидоса. Съ небольшимъ на градусъ южнѣе его открывается новый. Ливійскія горы здѣсь подходятъ довольно близко къ Нилу и прорѣзываются массою ущелій. Одно изъ нихъ, лишенное всякой растительности, наполненное скалами и пескомъ, привлекаетъ наше вниманіе. Отвѣсно поднимаются по обѣ стороны его скалы, которыя заключаютъ въ себѣ рядъ высѣченныхъ могилъ. Громадные камни закрываютъ входныя отверстія. За отверстіемъ въ каждой могилѣ идетъ узкій проходъ, потомъ лѣстница внизъ, новый узкій корридоръ и, наконецъ, комната, украшенная скульптурой по стѣнамъ. Эта комната новыми лѣстницами и корридорами соединяется съ замурованнымъ склепомъ, въ которомъ заключается саркофагъ. Стѣны корридоровъ, лѣстницъ и комнатъ покрыты картинами, какъ и въ мемфисскихъ могилахъ, но сюжеты картинъ уже иные. Передъ нами памятники народа съ измѣнившимися возрѣніями на загробную жизнь. Искусство воспроизводитъ грозныхъ загробныхъ судей, огонь, грѣшниковъ, распятыхъ на столбахъ, повѣшенныхъ внизъ головой и сидящихъ въ огненныхъ котлахъ. Среди этихъ картинъ есть незаконченныя. Художникъ только что набросалъ эскизъ, другой подправилъ въ его работѣ нѣкоторыя черты, скульптору оставалось только высѣкать барельефы, но въ это время умеръ заказчикъ и работы остановились. Новое кладбище царей указываетъ опять на сосѣдство большого исчезнувшаго города. Его остатки, дѣйствительно, видны съ вершины горъ, скрывающихъ въ себѣ гробницы царей. По обѣ стороны Нила раскидывается, какъ и на сѣверѣ у Мемфиса, плодородная, зеленѣющая жатвами, долина, но надъ поверхностью ея поднимаются тамъ и сямъ какія-то громады. На первомъ планѣ этихъ развалинъ высту-

паютъ пары усѣченныхъ пирамидъ (пилоны), наружная часть которыхъ покрыта различными изображеніями. Это — колоссальныя ворота, открывающія входъ въ храмы. За ними идутъ залы, раздѣленные рядами колоннъ. Около этихъ массивныхъ асаній гдѣются арабскія деревни: Карнакъ, Луксоръ, Гурна, Мединетъ Абу. Аллея сфинксовъ изъ розоваго гранита, пересѣкаемая пальмовымъ лѣскомъ, ведетъ къ громаднѣмъ (22 сажени вышины и 57 ширины каждая) пилонамъ карнаккаго храма. Они составляютъ входъ въ обширную залу, съ обрушившейся колоннадой, которая замыкается съзади парой другихъ пилоновъ. Одинъ изъ нихъ на половину разсыпался и покрытъ своимъ мусоромъ почти всю статую фараона, стоящую у входа въ слѣдующій залъ. Гранитное крыльцо открываетъ этотъ залъ (названный ипостильнымъ) — самую громадную и великолѣпную развалину въ мірѣ. Зала прорѣзывается цѣлымъ лѣсомъ, параллельными рядами идущихъ 144 громаднѣхъ колоннъ. Колонны отдѣлены одна отъ другой небольшими промежутками и поддерживаютъ кровлю изъ цѣльныхъ кусковъ камня. Во всѣ стороны отъ карнаккаго храма видны развалины, памятники минувшаго величія. На западѣ возвышаются развалины дворца, пилоны храмовъ, за которыми лежатъ обломки колоннъ и капителей, пропилен, триумфальная арка, стройная масса другаго дворца, покоящаяся на изящныхъ колоннахъ, предъ пилономъ статуя фараона, вѣсъ которой простирается до 60-ти тысячъ пудовъ. Вдали, среди зелени полей, вырисовываются двѣ, равныя по высотѣ пяти-этажному дому, статуи Аменхотепъ. Здѣсь все говоритъ о великомъ прошломъ. Стѣны храмовъ и дворцовъ покрыты изображениями процессій съ эмблемами боговъ, ковчегами, священными лодками, изображениями событій изъ жизни фараоновъ. На одной картинѣ мы видимъ ихъ домашнюю жизнь: фараонъ играетъ съ дѣтьми, въ шахматы съ женой. На другихъ картинахъ мы видимъ его въ борьбѣ съ врагами. Фараонъ ѣдетъ на колесницѣ и поражаетъ враговъ, которые въ ужасѣ бѣгутъ отъ него. Онъ держитъ за горло вражескаго полководца и собирается прозвять его; дальше онъ ведетъ за собою побѣжденныхъ и несетъ подъ мышкой плѣнныхъ непріятельскихъ царей и полководцевъ. Сановники, жрецы и народъ склоняются предъ побѣдителемъ. Спустимся теперь опять по Нилу и перенесемъ къ Черному морю. На сѣверѣ въ него врѣзывается гористый Синайскій полуостровъ. На этой почвѣ мы опять встречаемся съ египтянами. Ряды пещеръ, вырытыхъ рукою человѣка, указываютъ на рудниковыя работы, а окружающія скалы ясно говорятъ, кѣмъ они производились. На однихъ скалахъ видны надписи, на другихъ изсѣченныя фигуры фараоновъ, то поражающихъ непріятелей, то приносящихъ жертвы. Египтологи относятъ изображенія и надписи къ эпохамъ IV, VI, XII и XVIII династій.

Выше на сѣверъ идутъ руины Святой Земли, на сѣверо-западѣ

отъ нихъ, по берегу Средиземнаго моря, начинается рядъ остатковъ, напоминающихъ древніе финикійскіе города. Выше Акры видны развалины финикійскаго Дора. Плоскогорье занято обломками колоннъ, кусками мозаики. Волны Средиземнаго моря разбиваются о стѣны какого-то разрушеннаго зданія. Въ равнинѣ, на юго-востокъ и на склонахъ холма видны многочисленныя могилы. Это некрополь исчезнувшаго города. Выше, по берегу моря, развалины христіанской эпохи чередуются съ памятниками греческими и еще болѣе древними—финикійскими. Около маленькаго мѣстечка Сура, въ живописной плодородной равнинѣ, тянутся отъ укаго мыса къ горамаъ аркады древняго водопровода — единственный памятникъ, говорящій о знаменитомъ когда-то Тирѣ. Обломки гранитныхъ колоннъ, на берегу порта въ Саидѣ, указываютъ мѣсто древняго Сидона. Больше говорятъ о могущественномъ въ древности городѣ его могилы. За зеленой линіей садовъ, вдоль берега, путешественники встрѣчаютъ открытые саркофаги — убѣжище для пастуховъ и дикихъ звѣрей. Они покрыты орнаментами изъ цвѣтовъ, листьевъ и человѣческихъ фигуръ. Это памятники греческой и финикійской эпохи. Обломки колоннъ выше указываютъ на мѣсто древняго Берита. Подвинемтесь далѣе на востокъ, и памятниками прошлаго явятся остатки проложенныхъ въ горахъ дорогъ, высѣченныя на скалахъ человѣческія фигуры, клинообразныя надписи. Этотъ путь ведетъ въ долину между хребтами Ливана и Антиливана. Здѣсь открывается новый рядъ памятниковъ, говорящихъ о древности. У подножія Антиливана издали виднѣется бѣлая линія развалинъ, рѣзко выступающая на фонѣ роскошной южной растительности. По мѣрѣ приближенія къ руинамъ, онѣ приобрѣтаютъ опредѣленныя очертанія. Изъ зелени выступаютъ развалины стѣнъ, четырехугольныя башни, ворота, великолѣпныя портики, поражающіе своими пропорціями, красотой скульптурныхъ украшеній. Эти мраморныя развалины ярко сверкаютъ, залитые лучами южнаго солнца. Поверхность земли вокругъ нихъ покрыта обломками капиталей, карнизовъ, осколками надписей. Это руины Баальбека, древняго Геліополиса. Дальше на сѣверъ, въ концѣ той же долины, въ верховьяхъ Оронта, лежатъ развалины Эмезы. На сѣверо-востокѣ отъ этихъ развалинъ, между двумя рядами горъ, въ узкой долинкѣ, поднимаются, въ видѣ укрѣпленій, мавзолеей, напоминающіе по формѣ египетскія пирамиды. Это некрополь, предвѣщающій близость новыхъ городскихъ развалинъ. Онѣ открываются тотчасъ, какъ только кончается ущелье. Среди песчанаго моря, въ видѣ острова, поднимаются руины древней Пальмиры. Длинныя колоннады тянутся по всѣмъ направленіямъ, открывая глазу окружающую пустыню. Надъ песчаной равниной возвышаются разрушенныя стѣны дворцовъ, храмы съ полуобрушившимися перистильями, галереи, триумфальныя арки, гробницы, алтари. Все это блеститъ красотой, роскошью

орнаментовъ и напоминаетъ о многосторонней жизни, которая кигла здѣсь. Теперь пустыню, окружающую эти развалины, оживляютъ только стада газелей. На сѣверѣ, по теченію Оронта, около города Антакіе, древнія стѣны и башни поднимаются на окрестныхъ горахъ, а вдалекѣ лежатъ развалины древней Антиохіи, остатки дворца Селевкидовъ, съ полуразрушенными сводами. Около Алеппо, на 10 верстѣ въ окружности, новыя развалины дорогъ, водопроводовъ, накрытыя сводами стѣны разрушенныхъ зданій. Эти своды даютъ приютъ караванамъ, идущимъ на востокъ. Далеко на востокъ, за песчаными степями, идущими по обѣ стороны Евфрата, на берегу Тигра, на одной почти линіи съ Алеппо, начинается рядъ новыхъ памятниковъ древняго міра. Обстановка измѣняется. Среди зелени пышныхъ луговъ, покрывающихъ берега Тигра, поднимаются заросшіе травой и разнообразѣйшими цвѣтами холмы. Роскошная южная растительность скрываетъ въ себѣ обломки кирпичей и черепки съ едва замѣтными клинообразными надписями; холмы правильностью своихъ очертаній говорятъ, что подъ ними скрыты стѣны древняго города. Наука воспользовалась этими указаніями. Нѣкоторые холмы разрыты, и изъ-подъ закрывавшей ихъ земли и мусора поднялись зданія, у входа въ которыя стоятъ гигантскія фигуры животныхъ съ человѣческими головами, стѣны, покрытыя барельефами, изображающими царей въ разные моменты ихъ жизни: на охотѣ, на войнѣ, среди побѣжденныхъ народовъ, покорно приносящихъ дань. Барельефы поясняются длинными надписями. Въ развалинахъ храмовъ нашлись крылатыя человѣческія фигуры, съ птичьими головами — изображенія мѣстныхъ божествъ.

Далеко на югъ такіе же холмы поднимаются рядами по берегамъ Евфрата и служатъ указаніемъ на мѣсто древняго Вавилона. Одни изъ этихъ холмовъ отличаются болѣею высотой. Это развалины башенъ и дворцовъ. Такіе же холмы обозначаютъ на Евфратѣ развалины Селевкии и Ктезифона. Въ 2½ часахъ пути на югъ поднимается холмъ въ 150 футовъ вышиной. На одной сторонѣ его сохранилась каменная стѣна, въ 42 фута вышины. Этотъ холмъ — развалина реставрированной Навуходносоромъ вавилонской башни. Спустимся еще ниже на югъ до впаденія Шать-эль-Араба въ Персидскій заливъ. На востокъ отсюда, по прямой линіи, за южными отрогами Загроса, среди рисовыхъ полей, поднимается замкнутая стѣнами терраса. Къ ней ведетъ великолѣпная мраморная лѣстница въ 200 ступеней. Внутри этого пространства поднимаются развалины храмовъ, дворцовъ, алтарей, колоннады. Мы на мѣстѣ древней персидской столицы Персеполиса. Возвратимся теперь къ Антиохіи и будемъ продолжать нашъ обзоръ въ сѣверо-западномъ направленіи. Памятники древняго міра будутъ непрерывно встрѣчаться намъ по мѣрѣ того, какъ мы будемъ огибать Малую Азію на материкѣ и островахъ Архипелага. Они приведутъ насъ къ

центру греческаго міра, и, продолжая наблюденія на сѣверъ отъ Аѳинъ, мы закончимъ ихъ древностями греческихъ городовъ на скискомъ берегу, т. е. въ настоящей Южной Россіи, на берегахъ Чернаго моря. Мы сдѣлали длинное путешествіе. На всемъ протяженіи его насъ преслѣдовало зрѣлище самыхъ разнообразныхъ развалинъ. Стройные ряды художественно исполненныхъ колоннъ смѣнялись безформенными возвышеніями, въ которыхъ только опытный глазъ въ состояніи различить остатки былыхъ городовъ. Вездѣ эти руины привлекаютъ вниманіе своимъ несходствомъ съ окружающимъ. Тотъ вопросъ, который вы задали себѣ при видѣ римскихъ развалинъ, неотступно требовалъ разрѣшенія по мѣрѣ того, какъ расширялся кругъ нашего наблюденія. Онъ задавался уже болѣе 20-ти вѣковъ тому назадъ, когда тѣ же руины видѣли историки-путешественники, въ родѣ Геродота и Страбона, поэты-изгнанники, какъ Ювеналъ. Среда, разъ вызвавшая стремленіе проникнуть въ этотъ загадочный міръ, продолжала дѣйствовать на человѣческую мысль въ продолженіе ряда вѣковъ. Она тревожитъ мысль полудикаго кочевника, блуждающаго около этихъ руинъ въ Сиріи, Месопотаміи, Египтѣ и Персіи и заставляетъ его слагать легенды. Она послужила источникомъ научнаго изслѣдованія древняго міра и заставляла Шампольоновъ и Марьеттовъ проводить годы среди мрачныхъ гробницъ. Русскій народъ въ послѣднее время также пришелъ въ соприкосновеніе съ этой средой.

Кольцо руинъ, замыкающее Средиземное море и дающее побѣги въ сторону Персидскаго залива, соприкасается и съ нашей территоріей. Мы имѣемъ кусокъ его на принадлежащихъ намъ берегахъ Чернаго моря и соприкасаемся все болѣе и болѣе съ другими частями его въ нашихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ. Почва Мерва и Самарканда хранитъ въ себѣ богатые остатки того же прошлаго. Вопросъ, занимавшій Геродота и Страбона, втеченіе цѣлаго ряда вѣковъ раздававшійся на берегахъ Средиземнаго моря и требовавшій неотступно разрѣшенія, встаетъ въ сознаніи жителей южнорусскихъ степей. Отъ него не застрахованъ и житель сѣвера, когда судьба заноситъ его на Черноморское побережье или въ Среднюю Азію.

На всю эту массу частныхъ вопросовъ, которые вызываются средой, окружающей отдѣльныя группы человѣческой семьи, потребность разрѣшеній которыхъ вызываетъ легенды, отвѣчаетъ историческая наука. Въ ней русскій, французъ, итальянецъ и арабъ находятъ разъясненіе явленій, которыя ихъ занимаютъ въ окружающемъ. Она предлагаетъ, повидимому, каждому изъ нихъ больше, чѣмъ это требуется для уразумѣнія дѣйствительности. Но историческія явленія такъ тѣсно связаны между собою, человѣчeskій умъ, къ чести его, такъ рѣдко удовлетворяется поверхностнымъ разъясненіемъ, что разрѣшеніе одного мѣстнаго вопроса вызываетъ не-

обходимость знакомства со всѣмъ тѣмъ міромъ, въ составъ котораго входило данное, непосредственно заинтересовавшее того или другаго человѣка, явленіе. Гибель города, о развалинахъ котораго слагаетъ свои легенды арабъ, находится въ связи съ массой совершенно неподозрѣваемыхъ имъ явленій. Пытливый умъ не удовлетворится знаніемъ того, что развалины нашего побережья Чернаго моря принадлежатъ греческимъ колоніямъ. Онъ будетъ стремиться къ тому, чтобы узнать, когда онѣ основаны, кѣмъ, долго ли существовали, въ какихъ отношеніяхъ стояли къ населенію Южной Россіи.

Для того, чтобы разрѣшить всѣ эти вопросы нужно имѣть ясное представленіе о социально-экономическихъ отношеніяхъ Греціи, о положеніи различныхъ классовъ населенія, о господствующемъ на правленіи экономической дѣятельности.

Различіе между дорической и іонической колонной вызываетъ вопросъ: не проявлялось ли различіе между двумя народностями и въ другихъ сферахъ — въ области государственныхъ учреждений, духовной дѣятельности. На предполагаемой необходимости возникновенія этихъ, такъ сказать, вторичныхъ, дополнительныхъ вопросовъ основано систематическое ознакомленіе даннаго народа съ исчезнувшимъ міромъ путемъ школьнаго преподаванія и литературы. Конечно, эти вопросы могутъ мелькнуть только мимолетно въ нашей мысли; они, и оставаясь безъ отвѣта, не дадутъ намъ почувствовать особеннаго лишенія. Но такое апатичное отношеніе къ интересамъ мысли будетъ уже явленіемъ ненормальнымъ. Неподвижность и безучастность также мало можетъ быть названа нормальнымъ состояніемъ мысли, какъ бездѣйствіе нормальнымъ состояніемъ силы, неспособность воспринимать впечатлѣнія нормальнымъ состояніемъ нервовъ. Если нашъ умъ легко пореноситъ лишенія, обусловливаемые неразрѣшенностью возникающихъ въ немъ вопросовъ, то причина этого заключается въ ненормальныхъ условіяхъ развитія, медленномъ притупленіи его чувствительности.

Мы такъ часто, съ ранняго дѣтства, остаемся безъ отвѣта на наши вопросы, что, наконецъ, теряемъ способность страдать отъ неудовлетворенія своей любознательности и радоваться при удовлетвореніи. Наука предполагаетъ нормальный умъ, предполагаетъ возможность вопроса и вооружаетъ умъ заблаговременно отвѣтомъ.

Та же окружающая среда побуждаетъ насъ знакомиться съ древнимъ міромъ и другими сторонами своего содержанія. Перенеситесь мысленно въ такіе старые русскіе города, какъ Москва. Рядомъ съ старорусскими постройками, стиль которыхъ замѣчается въ однородныхъ постройкахъ, разбросанныхъ по всему пространству русской земли, рѣзко выдѣляются и привлекутъ ваше вниманіе зданія такъ называемой казенной, классической архитектуры. Они выступаютъ какъ новое культурное наслоеніе, какъ нѣчто чуждое, пришлое извнѣ, изъ-за рубежа. Тамъ, за этимъ рубежомъ, класси-

ческіе мотивы архитектуры будутъ встрѣчаться чаще и чаще, по мѣрѣ движенія на западъ. Ихъ широкое распространеніе въ современной Германіи и Франціи способно навести на предположеніе, что здѣсь-то и находится ихъ родина. Но присмотритесь, къ какимъ эпохамъ относятся постройки съ ясно обозначившимся классическимъ характеромъ, и вы увидите, что самыя старыя изъ нихъ имѣютъ за собой не болѣе 3-хъ столѣтій. Чѣмъ ближе къ цѣпи Альповъ, тѣмъ чаще и чаще перемежаются такія постройки съ сильно напоминающими ихъ развалинами. Предъ нами слѣды потока, спустившагося давно когда-то съ Альповъ, покрывшаго прилежанція страны, исчезнувашаго надолго, потомъ съ громадной силой вырвавашагося вновь, затопившаго всю Европу и отдѣльными тощими струйками добѣжавшаго до далекой Восточной Россіи. Что же за этой цѣпью Альповъ, откуда вырвался такой могучій потокъ? Много такого, что по формамъ напоминаетъ уже видѣнное въ прилегающихъ съ сѣвера, сѣверо-востока и сѣверо-запада странахъ, а по времени нѣсколько предшествуетъ, но рядомъ, на всемъ протяженіи Италіи, развалины древнихъ, классическихъ амфитеатровъ, храмовъ, дворцовъ. Въ нихъ и найдемъ мы первообразъ всего того, что наблюдается въ европейскихъ постройкахъ послѣднихъ трехъ столѣтій и что выступаетъ такъ рѣзко у насъ, рядомъ съ старорусскими постройками. Одиноко и группами поднимаются предъ нами колонны, портики, арки, ротонды съ круглыми куполами. Все это наследіе древняго, угасшаго міра живетъ въ тысячахъ подражаній и воспроизведеній среди насъ, до сихъ поръ. Оно увлекаетъ народы и временами владычествовало нераздѣльно надъ ихъ мыслью и фантазіей. Не весь, стало быть, умеръ древній міръ. Сошли со сцены творцы извѣстныхъ художественныхъ формъ, носители извѣстныхъ художественныхъ идей, но самыя идеи и формы пережили ихъ и сдѣлались достояніемъ новыхъ поколѣній и новыхъ народовъ. Тѣ руины, которыя пережили своихъ творцовъ и въ такомъ изобиліи разбросаны по берегамъ Средиземнаго моря, составляютъ вещественное наследіе древняго міра, капиталъ цивилизаціи. Среди нихъ вы постигнете, что безъ знакомства съ исчезнувшимъ міромъ невозможно оцѣнить міръ, насъ окружающій, отдѣлать продуктъ собственной работы современныхъ народовъ отъ заимствованнаго и унаслѣдованнаго, опредѣлить размѣры ихъ культурныхъ силъ и способность къ дальнѣйшему развитію. Наше предствленіе о размѣрахъ и значеніи завѣщаннаго древнимъ міромъ наследія будетъ, конечно, неполно, если мы ограничимся одной архитектурой. Въ храмахъ, дворцахъ, на площадяхъ древнихъ городовъ стояли тысячи статуй. Большая часть ихъ погибла, но кое-что сохранилось, найдено и составляетъ богатство современныхъ музеевъ. Собранные въ этихъ музеяхъ ряды художественныхъ статуй, группъ, встаютъ предъ нами, какъ предшественники и образцы

нашей скульптуры и рядомъ съ ними, въ бюстахъ Софокловъ, Виргиліевъ, Плавтовъ, Августовъ и Андриановъ, мы увидимъ творцевъ тѣхъ формъ, въ которыхъ находятъ свое выраженіе наши идеи и въ которыя отливаются наши современные общества (республики, имперіи), на мраморныхъ плитахъ мы прочтемъ законы, легшіе въ основаніе писаннаго права европейскихъ народовъ.

Вдумываясь во всю совокупность остатковъ исчезнувшаго міра, мы приобретаемъ не одно представленіе, имѣющее существенное жизненное значеніе: въ виду этого міра мы постигаемъ, что цивилизація есть плодъ развитія, результатъ раздѣленія труда между народами, выступающими одинъ за другимъ на историческую сцену и продолжающими работу предшественниковъ. Перенеситесь еще разъ мысленно по всему этому міру развалинъ. Если вы будете переходить отъ произведеній цвѣтущей поры греческаго искусства къ произведеніямъ архаическимъ, а за ними непосредственно къ малоазійскимъ, персидскимъ, ассирійскимъ, египетскимъ, то вы увидите ту связь, которая ихъ соединяетъ. Окажется, что изображенія божествъ и священныхъ греческія эмблемы Малой Азіи представляются тождественными съ ассирійскими. Малоазіатскіе памятники эпохи персидскаго владычества, — такъ называемые ксантіискіе мраморы, — обнаружатъ культурную связь, существующую между Малой Азіей и Греціей, Малой Азіей и Персіей, Персіей и Ассиріей — постепенный переходъ отъ первоначальной грубости къ классически-изящнымъ формамъ греческаго искусства, отъ рѣзкихъ и суровыхъ линій ассирійской драпировки къ свободно-сбѣгающимъ складкамъ одеждъ греческихъ статуй. Та же послѣдовательность откроется и въ монументальномъ искусствѣ. Монументъ, приписываемый Гарпагу, обнаружитъ явные признаки подражанія архитектуры Персеполиса. Его барельефы, изображающіе борьбу чело-вѣка со львомъ, проникли въ Малую Азію чрезъ Персію изъ Ассиріи и имѣютъ своихъ родоначальниковъ въ древней ассирійской скульптурѣ. Не менѣе ясной окажется связь греческихъ архитектурныхъ орнаментовъ съ ассирійскими: элементы, характеризующіе іоническую колонну, откроются на древнѣйшихъ архитектурныхъ памятникахъ Ниневіи. Культурная зависимость Персіи отъ Ассиріи обнаружится еще болѣе явственнымъ образомъ. Вы увидите, что памятники персидскаго искусства представляютъ въ художественномъ отношеніи громадное сходство съ ассирійскими: тѣ же религиозныя эмблемы, костюмы, тѣ же процессіи воиновъ, плѣнниковъ, данниковъ. Но рядомъ съ чертами сходства, признаками зависимости вы увидите проявленія самостоятельнаго творчества каждаго изъ древнихъ народовъ. Прямо спускающіяся одежды ассирійскихъ статуй падаютъ складками у персовъ и переходятъ въ богатую, необыкновенно разнообразную и изящную драпировку у грековъ. Въ произведеніяхъ греческаго рѣзца окажется больше зна-

комства съ анатоміей, больніе чувства и движенія въ композиціи. Тѣ сопоставленія, которыя вы будете дѣлать въ данной области, не только помогутъ вамъ усвоить идею развитія въ историческомъ процессѣ, они дадутъ вамъ мѣрку для оцѣнки дѣятельности современныхъ народовъ, и, прежде всего, роднаго, предостерегутъ васъ отъ чрезмѣрныхъ требованій, показавши, какъ много нужно усилій сдѣлать народу для того, чтобы внести въ капиталъ цивилизаціи свое, новое, какъ микроскопиченъ по временамъ бываетъ плодъ усилій цѣлой народной жизни.

Намъ остается еще обратить вниманіе на одно свойство занимающихъ насъ явленій. Все это развалины, обломки, остатки чего-то бывшаго нѣкогда живымъ, каменный костякъ, который нѣкогда покрывала плоть. Въ разрушенныхъ храмахъ нѣкогда молились тысячи народа; покрывшіяся мохомъ, развалившіяся скамьи амфитеатровъ держали на себѣ массу зрителей, предъ которыми на аренахъ бились гладиаторы, состязались въ скорости бѣга владѣльцы колесницъ. Подъ кровлями разрушенныхъ дворцовъ испытывались горе и радости жизни. Чѣмъ ваша фантазія богаче, тѣмъ яснѣе обрисуется предъ вами противоположность настоящаго и прошедшаго, тѣмъ сильнѣе будетъ чувствоваться аналогія между этой смѣной явленій съ одной стороны, жизнью и смертью съ другой. По мѣрѣ того, какъ предъ вами будетъ развертываться картина прошлаго, все яснѣе и яснѣе будетъ выступать представленіе, что умерли тѣ народы, которые наполняли видимыя нами развалины, а это представленіе вызоветъ вопросъ, не та ли же судьба ожидаетъ и нашъ міръ, тѣ общества, которыя насъ окружаютъ. Поддайтесь естественному ходу мыслей, и ваша фантазія рядомъ съ картиной разрушеннаго міра незамѣтно создаетъ картину разрушающагося. Вы представите себѣ, какъ зданія, составляющія нашу гордость, эти св. Исаакіи, Спасы, Стефаны, Женевьевы, Павлы и Петры лишатся почему либо необходимыхъ на ихъ поддержаніе суммъ, какъ вслѣдствіе этого на свободѣ будутъ дѣйствовать разрушающія естественныя условія: влажность лишитъ эти зданія блеска внутреннихъ украшеній, отъ осѣданія почвы образуются въ стѣнахъ трещины, которыя, увеличиваясь все болѣе и болѣе поведутъ, наконецъ, за собою разрушеніе этихъ стѣнъ, какъ обвалятся колоссальныя колонны, разсыпятся великолѣпные плафоны и куполы, на украшеніе которыхъ потрачены силы лучшихъ художниковъ различныхъ эпохъ, какъ на мѣстѣ гордыхъ зданій останутся громадныя груды кирпича, мрамора, обломковъ колоннъ, статуй, рѣзбы, куски полотна, расписанные кистью великихъ художниковъ. За этой картиной выступаетъ другая. Закрываются фабрики и не находящія груза желѣзныя дороги приходятъ въ упадокъ, ихъ дорогія сооруженія — виадуки, насыпи, мосты — не ремонтируются и разрушаются подъ дѣйствіемъ стихійныхъ силъ, дожди и веш-

нія воды размываютъ насыпи, подрываютъ опоры мостовъ и виадуковъ; заброшенные ненужныя болѣе сооруженія смыываются, продаются по частямъ; на мѣстѣ желѣзнодорожныхъ полотнъ остаются безформенныя кучи земли, которыя медленно сравниваются съ землей. За картиной матеріальнаго разрушенія выступаютъ проявленія вырожденія духовнаго. Съ упадкомъ произведеній архитектуры и техническихъ сооружений исчезаютъ образцы, на которыхъ воспитывался художественный вкусъ, исчезаетъ спросъ на искусство и его ipso предложение. Одновременно съ исчезновеніемъ эстетическаго элемента подвергается той же судьбѣ прикладная наука, прекращается спросъ на тѣ механическія знанія, которыя требуются для возведенія всѣхъ этихъ разрушившихся художественныхъ и техническихъ сооружений. Цѣлая полоса чувствованій, представленій, идей выходитъ изъ обращенія; жизнь суживается. Наука и искусство сходятъ со сцены и уступаютъ мѣсто однимъ проявленіямъ зоологическаго существованія. На толпы, лишившіяся культурной силы, налетаютъ другія, болѣе крѣпкія физически, и наносятъ окончательный ударъ медленно разлагающимся общественнымъ тѣламъ; связь, соединявшая отдѣльныя личности, разрушается, и разъединенные общественные элементы всасываются новыми обществами. Въ тотъ моментъ, когда картина возможнаго разрушенія окружающаго насъ міра развернется окончательно предъ вашими глазами, вы испытаете мучительное чувство страданія. При первыхъ признакахъ возможной опасности для окружающаго васъ міра вы испытаете такую же боль, какъ при видѣ опасности, угрожающей людямъ, которые вамъ дороги, но по мѣрѣ того, какъ мрачный призракъ будетъ выступать яснѣе и яснѣе, чувство безпокойства усилится, и вы почувствуете тоску, сознаніе невозможности жить среди общаго разрушенія, готовность броситься скорѣе въ ту бездну небытія, куда медленно скользить окружающій міръ. Въ этотъ моментъ съ поразительной ясностью встанутъ въ вашемъ сознаніи тѣ кровныя связи, которыя соединяютъ отдѣльнаго чловека съ обществомъ. Мы можемъ быть погруженными въ интересы личной жизни, быть далекимъ отъ интересовъ своего народа и всего человѣчества и, всетаки, въ тотъ моментъ, какъ предъ нами встанетъ картина гибели окружающаго общества, мы почувствуемъ ужасъ, сознаніе невозможности личнаго существованія. Этотъ ужасъ возбудитъ въ насъ инстинктъ самосохраненія, потребность личнаго счастья и заставитъ искать въ чемъ нибудь убѣжденія, что поразившая насъ картина только страшный миражъ, не имѣющій реального основанія, зажжетъ въ насъ страстную жажду узнать, какъ начинали свое существованіе эти умершіе народы, какъ совершалось ихъ развитіе, въ какомъ состояніи находились они наканунѣ своей гибели, что погубило ихъ, и съ этими данными въ рукахъ взглянуть на жизнь окружающихъ обществъ. Далекій, отжившій,

лежащій въ развалинахъ міръ получить теперь для насъ всепоглощающій жизненный интересъ; познать его, значить рѣшить вопросъ о личномъ спокойствіи и счастіи, вопросъ о собственномъ существованіи. Его скелеть, раскинувшійся по земному шару, держитъ въ своихъ рукахъ тайну благосостоянія и жизни обществъ, тайну счастья живыхъ людей.

И. Смирновъ.

ИЗЪ ИСТОРИИ ДИПЛОМАТИИ.

НИ ФРАНЦУЗСКОЙ революціи и ея прямой наслѣдницы, первой французской республики, составляютъ несомнѣнно одну изъ самыхъ интереснѣйшихъ и поучительнѣйшихъ страницъ человѣческой исторіи. За то и разработаны они съ такой полнотой и тщательностью, что едва ли у другой эпохи исторіи было столько повѣствователей и повѣствованій. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и нѣсколько трудовъ г. Массона, долгое время бывшаго бібліотекаремъ при французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и написавшаго лѣтъ восемь тому назадъ почтенный томъ «Исторіи Департамента Иностранныхъ Дѣлъ», посвященный днямъ полной дезорганизаціи его жирондистами и монтаньярами и полнѣйшаго хаоса въ немъ подъ властью Директоріи. Не очень давно, г. Массонъ, воспользовавшись массой источниковъ изъ находившихся въ его распоряженіи бібліотеки и архива министерства, издалъ свой второй трудъ «Les diplomates de la Revolution», посвятивъ его подробному описанію двухъ самыхъ типичныхъ международныхъ представителей французской революціи при двухъ державахъ, олицетворявшихъ тогда въ Европѣ традиціи стараго добраго времени — католицизма и абсолютизма. Эти рассказы г. Массона, рисуя, съ одной стороны, беззавѣтное сумасбродство сыновъ революціи, съ другой, дряхлость и безсиліе «старой Европы», съ третьей — судь народовъ надъ тѣмъ и другимъ, — очень интересны и поучительны, вводя, притомъ же, новыя картины въ исторію революціи, знакомящія насъ съ малоизвѣстной до сихъ поръ дѣятельностью

агентовъ Директоріи при чужеземныхъ дворахъ. Книга г. Массона имѣетъ также нѣкоторую долю специально-русскаго интереса: послы революціи очень заботились о возстановленіи Польши и сердились на русское покровительство, оказываемое Людовику XVIII; кромѣ того, небезынтересна также картина нравственнаго униженія въ тѣ времена Австріи, когда мы искали союза съ ней и полагали большія надежды на ея силы и преданность меттерниховскимъ идеаламъ. Къ сожалѣнію, именно это касательство разсказовъ г. Массона нашихъ дѣлъ поставило у насъ его трудъ въ нелегальное положеніе—«Les diplomates de la Revolution» не имѣетъ въ Россіи свободнаго обращенія.

Въ настоящей статьѣ я передаю разсказъ о миссіи генерала Бернадота въ Вѣнѣ, заимствовавъ его изъ вышеозначенной книги г. Массона, сокративъ и отбросивъ все, что составляетъ второстепенный интересъ его, и расположивъ повѣствованіе въ хронологическомъ порядкѣ дней,—порядкѣ, съ которымъ г. Массонъ, обремененный богатствомъ матеріала, не могъ совладать. Въ слѣдующей статьѣ я постараюсь дать въ такомъ же сжатомъ видѣ и другой разсказъ изъ «Diplomates de la Revolution» о миссіи Гуго Бассвиля въ Римѣ, окончившейся трагическою смертію этого посла отъ руки воювавшаго римскаго народа.

I.

Бернадотъ въ Вѣнѣ.

Въ часъ ночи, 18-го октября 1797 года, генераль Бонапартъ и четыре уполномоченныхъ австрійскаго императора подписали мирный договоръ, извѣстный подъ именемъ Кампо-Формійскаго трактата. 10-го декабря того же года, Директорія республики отпраздновала пышнымъ торжествомъ этотъ плодъ побѣды итальянской арміи, а мѣсяцъ спустя генераль Бернадотъ получилъ уже назначеніе отправиться посланникомъ Франціи къ вѣнскому двору.

Директорія, какъ прямая наслѣдница революціи, питала злобу, мщеніе и ненависть къ «старой Европѣ». Она чувствовала и помнила свой остракизмъ среди державъ и отвѣчала на него гордымъ отказомъ просить о признаніи республики, говоря, что «республика какъ солнце; тотъ слѣпъ, кто не видитъ ея!» Силы французскихъ армій, геній полководцевъ и успѣхъ пропаганды революціонныхъ идей — вотъ основы, на которыхъ Директорія считала свое дѣло прочнымъ и могучимъ. Побѣда надъ Австріей и преклоненная голова ея императора предъ блескомъ французскаго оружія дали Директоріи часы особенно сильной радости. Австрія — страна католи-

ковъ, а католицизмъ врагъ республики; Австрія къ тому же бывшій союзникъ Бурбоновъ; традиціонная ненависть къ Маріи-Антуанетѣ и австрійскому комитету, мечь за договоръ 1756 года, однимъ словомъ, вся желчь, скопившаяся въ груди жирондистовъ съ первыхъ дней революціи, — все давало пищу радостнымъ надеждамъ отомстить старѣйшему представителю «старой Европы» за недавнія прошлыя обиды и собственныя ошибки. Униженіе Австріи казалось тогда наилучшей политикой французовъ еще и потому, что она была діаметрально противоположной политикѣ Людовиковъ XV и XVI; Вольтеръ, Бриссо и Фавье были живы въ памяти членовъ Директоріи и совѣтовали ей дружбу съ Пруссіей, какъ съ антагонистомъ Габсбурговъ; затѣмъ, побѣды въ Итали, образование Цизальпинской республики, надежда на триумфальный маршъ въ Римъ и Неаполь—все вмѣстѣ диктовало Директоріи необходимость держать Вѣну въ вѣчномъ страхѣ и покорности.

Генераль Бернадотъ былъ какъ разъ подходящимъ лицомъ для столь экстраординарной миссіи. Сынъ неизвѣстнаго адвоката при парламентѣ провинціи По, Бернадотъ десять лѣтъ несъ ляжку въ въ королевской арміи и школѣ, пока дослужился до офицерскаго чина; но подошли дни революціи съ безостановочными войнами республики, и молодой человекъ саблей и удачей въ четыре года дослужился до эполетъ дивизионнаго генерала. Европа знала его имя, но видѣла въ немъ, по выраженію тогдашнихъ англійскихъ газетъ, лишь «сержанта, произведеннаго въ генералы»; за то самъ Бернадотъ былъ настоящимъ сыномъ своей націи и своего вѣка: охьяненный неожиданно блестящей карьерой, сражающийся съ успѣхомъ то на Рейнѣ, то въ Итали, онъ весь отдался величію своей родины, революціи и самого себя. Отправляясь на новый постъ въ Вѣну, Бернадотъ свято хранилъ въ своей памяти лишь одинъ идеалъ: образъ гренадера Франціи, Бельвилля, заставившаго трепетать неаполитанскаго короля въ его дворцѣ и сзумѣвшаго принудить сестру Маріи-Антуанеты признать французскую республику.

Для послѣдователя такого идеала собственно дипломатія казалась вещью совершенно излишней. Одинъ секретарь, рекомендованный Парижемъ, былъ вполне достаточенъ, чтобъ научить посла нѣкоторымъ необходимымъ правиламъ этикета, а затѣмъ Бернадотъ просилъ себѣ въ помощники только военныхъ, только его друзей и подчиненныхъ по арміи. Бонапартъ покровительствовалъ новому назначенію Бернадота, довольный удаленіемъ молодаго генерала, не разъ выказывавшаго наклонности къ опасному соперничеству; Талейранъ былъ въ рукахъ Директоріи, а послѣдняя протезировала своему избраннику, какъ настоящему «*capucini*», т. е. самому желанному для нея гостю во дворцѣ Франца II. Назначили Бернадоту 144 тысячи ливровъ жалованья, а за дорогу

заплатили отъ Милана до Вѣны, по расчету за каждые два лѣ 30 ливровъ. Инструкція молодого посла была не менѣ щедрѣ заданными ему вопросами и правами. Во-первыхъ, онъ долженъ былъ показать и доказать, что Франція перестала считать для себя что либо обязательнымъ изъ трактата 1756 года; что договоръ Кампо-Формійскій даетъ республикѣ право надзора за австрійской политикою вездѣ, гдѣ ея взоры могутъ встрѣтиться съ интересами Франціи — въ Италіи, Пруссіи, Баваріи, Петербургѣ, Польшѣ и Турціи. Ради этой цѣли Бернадотъ обязывался имѣть постоянныя сношенія съ представителями своей родины чуть не во всей Европѣ и отвѣчать категорически на множество труднѣйшихъ вопросовъ, какъ, на примѣръ, нѣтъ ли возможности возстановить Польшу?—готова ли Австрія, какъ во времена Іосифа II, на раздѣлъ Турціи? и т. п. Наконецъ, особая инструкція уполномочивала Бернадота, въ случаѣ, если онъ убѣдится въ намѣреніи Австріи помѣшать триумфальному маршу французскихъ солдатъ въ Римъ, — немедленно объявить Австріи войну.

А между тѣмъ у 35-лѣтняго генерала, снабженнаго такими многотрудными инструкціями и столь опасными правами, не было никакихъ знаній по дипломатической части. Тѣмъ не менѣ, онъ храбро отвѣтилъ Директоріи: «первая добродѣтель солдата — повиновеніе, а потому я не позволяю себѣ сдѣлать относительно моего назначенія ни малѣйшаго возраженія», а Талейрану написалъ: «страстное желаніе служить во славу моего отечества и исполнять свято свой долгъ — вотъ мой неизмѣнный девизъ, но я предвижу, что встрѣчу много затрудненій, если вы не возьмете на себя трудъ помогать мнѣ вашими совѣтами, ибо я новичекъ въ искусствѣ веденія переговоровъ».

Требованіе паспортовъ и предварительный запросъ вѣнскаго правительства относительно личности новаго посла и прочія обычныя церемоніи дипломатіи были признаны Директоріей совершенно излишними. Бернадотъ со свитой прорвался чрезъ австрійскую границу, пригрозивъ стражѣ, что препятствія къ его дальнѣйшему путешествію Франція приметъ за международный непріязненный актъ со стороны Австріи, и такимъ образомъ неожиданно явился въ Вѣну. Баронъ Тугутъ, тогда министръ иностранныхъ дѣлъ при Франціи II, впалъ въ отчаяніе; онъ ничего не приготовилъ для новаго посольства, надѣясь, что переписка о паспортахъ затянется надолго и дастъ ему время ориентироваться въ этомъ хаосѣ. Директорія требовала, чтобъ въ придворныхъ церемоніяхъ ея посоль шель на шагъ впереди всѣхъ другихъ представителей державъ, а Россія никоимъ образомъ не соглашалась на эту революціонную браваду; населеніе Вѣны было столь раздражено противъ Франціи, что ни одинъ крупный домовладѣлецъ не согласился на уступку квартиры подъ посольство «Революція»; однимъ словомъ, бѣдному и не особенно талантливому барону Тугуту приходилось очень трудно и жутко.

Но молодой генералъ на всѣ эти препятствія смотрѣлъ свысока. Остановился, гдѣ пришлось, съ солдатской скромностью, погулялъ по Вѣнѣ и тотчасъ написалъ Директоріи: «здѣшній народъ фанатиченъ, но французская миссія отвѣчаетъ на его наглость и нахальство гордымъ видомъ, съ улыбкой, полной сожалѣнія, или, скорѣе, презрѣнія». Нѣкоторые опасенія Тугута не сбылись: самъ Меттернихъ пожелалъ сдать свой домъ подъ посольство, но Бернадотъ предпочелъ другое помѣщеніе на той же *Walner-Strasse*¹⁾; немедленно были куплены 6 лошадей и экипажи за 5 тысячъ флориновъ, на 3½ тысячи мебель, на 1 тысячу кухонныя принадлежности, на 2 тысячи бѣлье, да на одежду многочисленной прислуги и за работу серебряныхъ сервизовъ заплачено около 8 тысячъ. Однимъ словомъ, въ 14 дней по пріѣздѣ, Бернадотъ окончилъ всѣ приготовления къ приему и 27-го февраля явился уже съ визитомъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, требуя немедленнаго назначенія дня приема императоромъ.

Аудиенція была назначена въ полдень 2-го марта. Все населеніе Вѣны было въ этотъ часъ на ногахъ и стояло плотными шпалерами на улицахъ, въ обширномъ дворѣ императорскаго замка, даже на лѣстницахъ и корридорахъ дворца. «Посланникъ Республики»—было званіе черезчуръ новое, интригующее любопытство; недавняя война съ Франціей, ея громкіе боевые успѣхи, имя Бернадота на поляхъ битвы, наконецъ, самый видъ его съ длинными волосами, размахистой походкой, длиннымъ носомъ, маленькими усиками и блестящими глазами на всегда гордо и высоко поднятой головѣ, оригинальный костюмъ, съ широкой трехцвѣтной перевязью, и трехуголка, съ пучкомъ тоже трехцвѣтныхъ перьевъ,—все вмѣстѣ сдѣлало день 2-го марта до нельзя интереснымъ для вѣнцевъ. Вступленіе въ традиціонный дворъ XVIII столѣтія этого сержанта-посланника всѣмъ напоминало нѣчто подобное сценѣ появленія римскаго консула Попиліи къ Антиоху Эпифану...

Графъ Колоредо ввелъ Бернадота въ кабинетъ императора и оставилъ ихъ вдвоемъ. Бернадотъ подаль Францу II вѣрительныя письма и сказалъ слѣдующую рѣчь: «Миръ, заключенный въ Кампо-Форміо между французской республикой и вашимъ величествомъ, остановилъ выборъ Директоріи на мнѣ, какъ на представителѣ при васъ Франціи съ титуломъ посла. Я принялъ эту важную и почетную миссію, уступая желанію поддержать дружбу и добрыя отношенія между двумя странами, которыя въ критическую эпоху познали обоюдныя силы и научились уважать другъ друга. Время моего пребыванія при особѣ вашего величества я постараюсь употребить главнымъ образомъ на увѣреніе васъ въ томъ, что Дирек-

¹⁾ Теперь этотъ историческій домъ имѣетъ № 8 и принадлежитъ вѣнскому буржуа, г. Гейшюллеру.

торія республики привязана къ своимъ друзьямъ, протезируетъ и поддерживаетъ своихъ союзниковъ отъ души и неуклонно. Я былъ бы вдвойнѣ удовлетворенъ, еслибъ мнѣ удалось убѣдить ваше величество, что мои желанія вамъ спокойствія и благоденствія искренни и не заключаютъ въ себѣ ни малѣйшей фальши!»

Императоръ отвѣтилъ нѣсколькими фразами, сущность которыхъ была такова: «Я очень радъ заключенію мира съ вашей республикой; и боролся открыто, хотя мои союзники покинули меня. Я желалъ мира — онъ существуетъ, и я буду поддерживать его, потому что люблю миръ, и гуманность требуетъ его. Вы можете многое сдѣлать на пользу мира. Я желалъ бы, чтобъ вамъ понравилось пребываніе въ Вѣнѣ».

Императрица не могла принять Бернадота тотчасъ же, не оправившись еще послѣ разрѣшенія отъ бремени. Но черезъ нѣсколько дней, уstraшенная слухами о намѣреніи Директоріи совершить походъ въ Неаполь, она прислала къ Бернадоту министра обѣихъ Сицилій Ваписта; этотъ почтенный мужъ скромно выслушалъ грозную филиппику французскаго посла противъ тайныхъ происковъ Англіи и сближенія австрійскаго двора съ Берлиномъ, а въ заключеніе спросилъ, не желаетъ ли генераль представиться императрицѣ? Бернадотъ былъ чрезвычайно польщенъ приглашеніемъ и тѣмъ, что не онъ, а императрица сдѣлала первый шагъ къ знакомству. Аудіенція была назначена на первое воскресенье, чтобъ въ тотъ же день вечеромъ генераль могъ быть приглашенъ въ придворный *cercle d'etiquette*. Императрица почти поссорилась съ русскимъ и англійскимъ послами, не желавшими видѣть въ своей средѣ на придворномъ вечерѣ Бернадота и употреблявшими всѣ усилія, чтобъ отложить аудіенцію. Марія-Тереза трепетала за участь роднаго Неаполя и приняла посла Директоріи съ необыкновенной любезностью. Она, не поморщась, выслушала дубоватую рѣчь представителя, сказавшаго ей: «Добрыя отношенія, установившіяся между французской республикой и его величествомъ, вашимъ супругомъ, дадутъ мнѣ счастье быть у васъ съ визитомъ и удовольствіе поздравить васъ съ быстрымъ выздоровленіемъ. Полагаю, что мое завѣреніе о твердомъ намѣреніи Директоріи блюсти миръ между двумя націями вполне отвѣчаетъ и вашимъ желаніемъ. Гуманность долго и много страдала, и теперь Директорія преисполнена миролюбіемъ. Ваши филантропическіе принципы, столь извѣстные Франціи, и ваши семейныя узы, мы увѣрены, гарантируютъ легкость достиженія цѣлей, предначертанныхъ Директоріе!» Императрица отвѣтила, что она «enchantée» отъ рѣчи генерала, и тотчасъ навела разговоръ на слухи о грозѣ Неаполю. Бернадотъ отрапортовалъ нѣсколькими громкими фразами о могуществѣ и великодушій республики, навзавъ всѣ слухи живой попыткой разстроить добрыя отношенія между двумя націями. Императрица

была счастлива и весела; она удвоила любезность къ послу, разспрашивала его о здоровьѣ, о прогулкахъ, развлеченіяхъ и спектакляхъ въ Вѣнѣ и долго бесѣдовала съ нимъ запросто, самымъ непринужденнымъ тономъ.

Послалъ Бернадотъ и къ эрцгерцогу Карлу съ запросомъ, когда можно явиться къ нему. Наканунѣ назначеннаго дня эрцгерцогъ отправляетъ адъютанта сказать послу-генералу, что, будучи обязанъ сопровождать императора на охоту, онъ проситъ отложить визитъ до слѣдующаго дня. Бернадотъ обидѣлся и отвѣтилъ, что въ этотъ день ему самому нѣтъ времени для визита. Но скоро и тутъ все уладилось; эрцгерцогъ и его супруга приняли посла очень любезно, и Бернадотъ попадаетъ, наконецъ, на придворный вечеръ. Къ его великому сожалѣнію, на этомъ вечерѣ такой безпорядокъ, что не было возможности требовать «шага впередъ» предъ прочими послами — гости столпились какъ попало; но за то императорская фамилія была столь любезна, что всѣ смотрѣли съ завистью на представителя республики. Францъ II подошелъ къ Бернадоту и бесѣдоваль съ нимъ добрыхъ полчаса; императрица, эрцгерцогъ и эрцгерцогиня только съ нимъ и разговаривали. Кажется, даже толпа, собравшаяся передъ дворцомъ, ждала лишь Бернадота — она громко привѣтствовала его прїѣздъ и разошлась тотчасъ, какъ Бернадотъ покинулъ императорскій замокъ.

Революціонный посолъ анализъ отлично положеніе Австріи; ему были до подробностей извѣстны совѣты Россіи и Англіи вступить въ монархическую коалицію противъ республики и съ другой стороны — тяжелая атмосфера въ самой Австріи, гдѣ почти шестидесять лѣтъ непрерывныхъ войнъ довели финансы до высшаго напряженія, а народъ до громкаго ропота противъ тяжелыхъ налоговъ и чрезачуръ усиленныхъ рекрутскихъ наборовъ. Пользуясь этимъ затруднительнымъ положеніемъ вѣнскаго двора, французскій посолъ былъ неумолимъ въ своихъ требованіяхъ. 20-го марта, онъ отправилъ ноту барону Тугуту съ жалобой на венеціанцевъ, оскорбившихъ нѣсколькихъ французовъ за ношеніе ими трехцвѣтной кокарды, требуя «примѣрнаго наказанія»; 22-го марта, баронъ Тугутъ получилъ еще болѣе грозное требованіе удовлетворить за неуваженіе, оказанное венеціанцами аллегорической картинѣ республики, повѣшенной на домѣ французскаго консульства; 30-го марта, Бернадотъ извѣщаетъ, что республика запретила ношеніе монархическихъ знаковъ — креста св. Людовика, бѣлой кокарды, красныхъ, голубыхъ шарфовъ и проч., прося немедленно воспретить французскимъ эмигрантамъ «появляться на улицахъ Вѣны украшенными знаками, указывающими на ихъ постоянное возмущеніе противъ республики, и уничтожить, вмѣстѣ съ тѣмъ, печатаніе въ австрійскихъ календаряхъ, подъ рубрикой «Франція», упоминаніе Капетовъ и Бурбоновъ, какъ «не имѣющихъ ничего родствен-

наго съ Франціей и отринутыхъ ею навсегда»; 31-го марта, Бернадотъ требуетъ немедленной свободы заключенному въ тюрьмѣ революціонеру Коломбо — «мученику священныхъ идей, за которыя республика сражалась и во имя которыхъ восторжествовала» и т. д. Баронъ Тугутъ исполнялъ все и соглашался на все и только однажды рѣшился попросить снисхожденія у смѣлаго посла. «Вы сами, конечно, догадываетесь, — сказалъ онъ Бернадоту: — что моему императору трудно исполнить всё ваши требованія относительно французскихъ эмигрантовъ немедленно, именно теперь, когда императоръ Россіи объявляетъ себя защитникомъ Людовика XVIII и его приверженцевъ...». Бернадотъ отвѣтилъ цѣлою тирадой, въ которой изобразилъ Россію ничтожествомъ, только и ждущимъ республиканскаго толчка, чтобъ разрушиться на части и навѣки. — «Можетъ быть, вы не откажете тогда вознаградить моего императора нѣкоторою частью имѣющей быть разрушенной вами Россіей?» — спросилъ Тугутъ не безъ сарказма; но революціонный посолъ даже не заподозрѣлъ насмѣшки и отвѣтилъ: «Отношеніе французской республики къ императору во время кампо-формійскихъ переговоровъ и огромныя владѣнія, возвращенныя тогда ему, вполне обрисовываютъ намѣренія французовъ. Эти отношенія могутъ служить гарантіей вѣнскому двору, что республика съумѣетъ сдѣлать кое-что пріятное и полезное для Австріи, когда Польша превратится въ независимое государство. Директорія знаетъ превосходно всё амбиціозныя проекты петербургскаго двора. Этотъ дворъ ищетъ вездѣ, слѣдуя идеалу Екатерины, случая посорить сосѣдей и затѣять между ними войну; и какъ только они ослабнутъ отъ кровавыхъ битвъ и денежныхъ жертвъ, этотъ сѣверный лукавый кабинетъ тотчасъ наложитъ на нихъ свою тяжелую лапу и ворвется ураганомъ въ сѣверную Германію... Директорія отгадала эти замыслы: она знаетъ о сношеніяхъ Петербурга съ сентъ-жемскимъ дворомъ. Она предвидѣла все, обставляя себя вѣрными союзниками съ общими интересами въ политикѣ. Если вѣнскій дворъ хладнокровно обсудитъ свое настоящее положеніе, ничтожную силу своей арміи, разстройство своихъ финансовъ, отсутствіе кредита и паденіе цѣнности его бумажныхъ денегъ, то навѣрно онъ отвергнетъ всё притязанія себялюбиваго сосѣда, который строитъ свои планы не на чемъ другомъ, какъ на развореніи и паденіи австрійской монархіи!»

Баронъ Тугутъ слушалъ и эти рѣчи со вниманіемъ и почти-тельно, даже не помышляя о возраженіи, хотя времена, когда австрійскіе министры иностранныхъ дѣлъ получали отъ Франціи опредѣленное жалованье, канули въ Лету вмѣстѣ съ бурбонской династіей. Немудрено поэтому, что Бернадотъ на первыхъ порахъ своей новой службы чувствовалъ себя очень хорошо. «Именно здѣсь, — писалъ онъ изъ Вѣны своему другу въ Парижъ, — познаешь

съ полной силой преимущество быть республиканцемъ! Понятія о различіи сословій и ранговъ въ такомъ упадкѣ, что я начинаю удивляться, какъ можетъ существовать до сей поры столько орденскихъ лентъ и столько принцевъ... Но я убѣжденъ, что не далѣе какъ къ концу настоящаго столѣтія всѣ эти князья сольются съ массой простыхъ гражданъ... Народъ начинаетъ понимать эту необходимость, а одинъ разъ ступивъ на такой путь, онъ пойдетъ быстро!»

Не менѣе свысока и презрительно отнесся Бернадотъ и ко всѣмъ собратіямъ по дипломатіи, представителямъ «старой Европы». Онъ сдѣлалъ визиты лишь посламъ Испаніи и Турціи, прочимъ коллегамъ роздалъ карточки съ увѣдомленіемъ, что въ такое-то время «будетъ принимать *visites d'etiquette*», пословъ же Англии и Ганновера Бернадотъ не удостоилъ даже такимъ вниманіемъ, игнорируя совсѣмъ ихъ нахожденіе въ Вѣнѣ.

Домъ посла Директоріи и свита его, конечно, не уступали въ храбрости своему патрону. Всѣ бумаги, исходящія изъ канцеляріи Бернадота, имѣли въ заголовкѣ слова «*liberté, égalité*», а между ними въ огромномъ медальонѣ статую республики, держащую въ рукахъ пику, украшенную красной шапкой. Въ домѣ часто собиралась толпа французскихъ якобинцевъ и нѣмецкихъ революціонеровъ, причемъ Бернадотъ хвастался своей дружбой съ Бетховеномъ и берлинскимъ музыкантомъ Гюммелемъ; поляки, составлявшіе довольно значительную часть посольскаго штата, открыто вербовали въ Галиціи недовольныхъ патриотовъ «ойчизны», улашая ихъ надеждой вторженія республиканцевъ въ Австрію; свита гуляла по улицамъ Вѣны въ революціонныхъ шапкахъ, громко свистала въ театрахъ всякой монархической фразѣ и т. д. А между тѣмъ, баронъ Тугутъ приказалъ полиціи защищать французовъ отъ всякой враждебной имъ демонстраціи и справлялся, дозволено ли и въ Берлинѣ ношеніе революціонныхъ шапокъ и кокардъ...

Но Директорія была еще недовольна смѣлостью и презрѣніемъ дипломатическихъ обычаевъ своего посла. Бернадотъ началъ получать частые выговоры Парижа за излишнюю скромность. Ему приказывали гласно открыть въ посольскомъ домѣ подписку въ пользу фонда для высадки французскихъ войскъ на англійскіе берега; — составить списокъ тѣхъ дурныхъ гражданъ, которые не даютъ ничего для этого фонда, и разослать таковой списокъ всѣмъ посламъ республики; наконецъ, Директорія потребовала отъ Бернадота объясненій по поводу статьи въ одной нѣмецкой газетѣ, сообщающей, будто «свита посла носитъ республиканскіе знаки лишь у себя дома, не осмѣливаясь показываться въ нихъ публично»...

Бернадоту, привыкшему на поляхъ битвы быстро шагать отъ чина къ чину, не знавшему въ военной каррьерѣ послѣднихъ лѣтъ ничего, кромѣ похвалъ и награды, ему, соперничавшему даже съ

ореоломъ Бонапарта, приписли крайне не по вкусу наставленія и выговоры Директоріи. А потому, черезъ два мѣсяца по пріѣздѣ въ Вѣну, Бернадотъ уже посылаетъ Директоріи просьбу возвратить его въ армію, а Талейрану пишетъ о своей «большей склонности къ треску и шуму боевой жизни». Но покинуть Вѣну тихо и скромно, уйти въ отставку съ посольскаго поста незамѣтно и неслышно—не въ характерѣ гасконца, неприлично для республиканскаго генерала; требовалось показать «старой Европѣ» силу и храбрость сыновъ революціи. И вотъ генераль-посоль проситъ Директорію—поручить какому нибудь знаменитому художнику нарисовать большую картину, изображающую свободу; картину эту Бернадотъ предполагаетъ повѣсить на домѣ посольства. А пока заказъ исполняютъ, надъ этимъ домомъ, 13-го апрѣля, неожиданно появляется на громадномъ древкѣ трехцвѣтное знамя—геркулесъ съ словами: «Ambassade de Vienne. Liberté, Egalité». Знамя было выкинуто около пяти часовъ вечера, и тотчасъ въ Walner-Strasse, улицѣ, гдѣ находилось французское посольство, стала собираться толпа, быстро увеличившаяся до непроходимой тѣсноты. Полиція была не въ силахъ очистить улицу. Бернадотъ, въ полномъ вооруженіи, вышелъ на площадку передъ домомъ и, облачаясь на саблю, громко кричалъ на толпу: «Что хотятъ эти каналы? Совѣтую имъ уйти, иначе я положу на мѣстѣ сразу шестерыхъ!..» — и, обращаясь къ комиссару, приказываетъ: «водворите порядокъ немедленно, иначе я разгону эту сволочь выстрѣлами изъ пушекъ!» Въ отвѣтъ на угрозу изъ толпы вылетѣло нѣсколько камней, и въ посольскихъ окнахъ зазвенѣли разбитыя стекла. Бернадотъ удалился въ кабинетъ и написалъ первую въ этотъ день ноту барону Тугуту. «Не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію цѣль этой толпы,—сообщать посоль,—ибо уже нѣсколько камней брошено въ окно моей квартиры». Поэтому посоль проситъ немедленно произвести строжайшее слѣдствіе и приказатъ полиціи о водвореніи порядка, грозя своей «твердой рѣшимостью съ энергіей противостать малѣйшему оскорбленію, а тѣмъ болѣе подобному апогею безобразія». Пока нота доставлялась по адресу, полиція просила Бернадота снять хоть на время трехцвѣтный флагъ, чтобы успокоить толпу. Бернадотъ наотрѣвъ отказалъ въ просьбѣ, а нѣсколько человекъ изъ его свиты съ саблями наголо вышли на балконъ какъ бы для защиты флага и стали оскорблять толпу насмѣшками. Опять посыпались камни; храбрецы изъ толпы, хватаясь одинъ за другаго, влѣзли даже на балконъ и успѣли оборвать большой кусокъ флага. Часть толпы понесла его съ триумфомъ на ближайшую площадь—Schotzen-Platz—и, остановивъ факельщика, сопровождавшаго карету князя Колоредо, устроила ауто-да-фе торжественно, испепеливъ на немъ кусокъ флага, и отправилась затѣмъ съ криками ура къ императорскому замку.

Въ этотъ моментъ Бернадотъ пишетъ барону Тугуту вторую ноту: «Посланникъ французской республики еще разъ увѣдомляетъ г. Тугута, что неистовство толпы дошло до такихъ крайнихъ предѣловъ, что уже всѣ окна разбиты въ дребезги бунтовщиками, не прерывающими извергать градъ камней; скопленіе народа достигло болѣе трехъ тысячъ душъ, а полиція не предпринимаетъ ничего для восстановленія порядка, оставаясь хладнокровнымъ зрителемъ безобразій, чинимыхъ народомъ; она своей апатіей лишь поощряетъ беспорядокъ. Посланнику приходится думать, что всѣ эти скандальныя сцены не только терпятся, но даже возбуждаются властью, не предпринимаящею никакихъ мѣръ къ устраненію таковыхъ; онъ видитъ съ горечью и прискорбіемъ, что честь французской націи оскорблена нападеніемъ на ея посла, который тщетно приглашалъ толпу мирно разойтись по домамъ. Въ минуту, когда посланникъ пишетъ эти строки, возбужденная толпа ломаетъ каменьями двери отеля, и все это совершается на глазахъ стражи. Трехцвѣтное знамя оборвано мятежниками. Посланникъ не можетъ долѣе оставаться въ странѣ, въ которой нарушаются самые святыя обычаи, гдѣ самые священные договоры топчаты ногами, и просить г. Тугута дать паспортъ для выѣзда во Францію всей миссіи, если г. Тугутъ, во имя восстановленія поправнаго международнаго права, не публикуетъ по всѣмъ улицамъ Вѣны, что правительство Австріи не принимаетъ ни малѣйшаго участія въ оскорбленіи французскаго представительства, и если не объявитъ неистовство толпы преступнымъ и не накажетъ примѣрно зачинщиковъ бунта. Только при соблюденіи этихъ условій и подъ обязательствомъ со стороны Австріи возобновить трехцвѣтный флагъ и вывѣсить его публично на балконѣ посольства, при посредствѣ австрійскаго гражданскаго или военнаго чиновника, миссіа сочтетъ возможнымъ не покидать Вѣны. Г. Тугуту нетрудно догадаться, что ждать некогда, дорогъ моментъ, и потому онъ долженъ дать немедленно категорическій отвѣтъ на всѣ пункты настоящаго требованія. Посланникъ предупреждаетъ еще г. Тугута, что многіе члены посольства вооружены, чтобъ противостоять бунтующей черни. Можно ожидать самыхъ дурныхъ послѣдствій!»...

Эту ноту Бернадотъ отправилъ было съ своимъ секретаремъ, Феррагю, но несчастнаго секретаря толпа смяла у самаго выхода изъ дома и порядочно потрясла его; отнести ноту удалось потомъ доктору Франценбергу.

Полиція, зная свое безсиліе, дѣйствительно оставалась лишь пассивнымъ зрителемъ беспорядковъ. А толпа, между тѣмъ, увеличивалась и, не видя сопротивленія, становилась часъ отъ часу шумнѣе и дерзче. Вскорѣ буяны полѣзли на ворота посольскаго дома, выломали ихъ, забрались во дворъ, поломали экипажи Бернадота, разбили всѣ стекла внутреннихъ оконъ, залѣзли въ нижній этажъ,

переломали на куски стоявшіе тамъ кровати, комоды и столы, растащили заключавшееся въ нихъ бѣлье, кухонную посуду, и, наконецъ, бросились во второй этажъ. Тутъ на лѣстницѣ встрѣтилъ бунновъ одинъ изъ слугъ Бернадота и выстрѣлилъ изъ пистолета въ толпу. На минуту настала тишина; нѣсколько раненыхъ выстрѣломъ были вынесены, но тотчасъ толпа хлынула съ новымъ остервененіемъ, требуя крови и смерти. Уже и комнаты, въ которыхъ заперлось посольство, брались толпой приступомъ съ трехъ сторонъ—съ двухъ лѣстницъ и черезъ окна, на которыя взгромоздились отчаяннѣйшіе изъ наступавшихъ. Бернадотъ садится писать третью ноту австрійскому министру. «Посланникъ французской республики напоминаетъ г. Тугуту,—пишетъ онъ,—что возмущеніе и самое крайнее безобразіе продолжается уже пять часовъ сряду; разнузданная чернь успѣла завладѣть большей частью посольскаго дома, бунтовщики уничтожаютъ все, что попадаетъ имъ на пути; посланникъ, секретари миссіи, офицеры и граждане Франціи, находящіеся при послѣ, принуждены запереться въ комнатахъ и ждать дальнѣйшихъ событій съ той рѣшимостью, которая свойственна республиканцамъ. Посланникъ не можетъ долѣе оставаться въ негостепріимномъ городѣ, гдѣ попираются обычай международнаго права, признанные священными у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, а потому онъ снова проситъ министра его величества прислать необходимые паспоры для него и для всѣхъ французовъ, удаляющихся отсюда вмѣстѣ съ своимъ посломъ. Присылку паспортовъ нельзя откладывать—толпа уже проникнула бы силой въ тотъ апартаментъ, гдѣ ожидаютъ ее французскіе граждане, если бы слуги не остановили ея на время имѣвшимися у нихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ».

На бѣду австрійскаго правительства и французскаго посла всѣ вѣнскія казармы были расположены за городомъ, а кавалерія стояла въ Шенбрунгѣ, т. е. верстахъ въ десяти отъ Вѣны. Комендантъ и министръ полиціи уже давно были на мѣстѣ безпорядковъ, но не имѣли силъ предпринять что либо противъ толпы; баронъ Тугутъ не выходилъ изъ министерства, бомбардируя власти требованіемъ скорѣйшаго принятія мѣръ; солдаты разбудили и погнали изъ казармъ съ такой послѣдностью, что многіе изъ нихъ не успѣли одѣться въ полную форму, и какъ разъ въ то время, когда Бернадотъ отправлялъ третью ноту, въ улицу Walner-Strasse влетѣли два эскадрона кавалеріи, подкрѣпляемые пѣхотой, съ двумя генералами во главѣ. Войска бѣжали и скакали въ Вѣну со всѣхъ сторонъ, толпу разогнали, и къ Бернадоту явился баронъ Дегельманъ, предназначенный императоромъ къ отправленію во Францію представителемъ Австріи. Дегельманъ извинялся, выслушалъ безъ возраженій наступленную филиппику Бернадота на бездѣйствіе властей, просилъ взять назадъ рѣшеніе покинуть Вѣну, но гово-

рить объ условіяхъ удовлетворенія за обиду отказался, заявивъ, что императорскій кабинетъ еще не успѣлъ разсмотрѣть требованія посла. Въ три часа ночи, Дегельманъ явился снова во французскій отель и принесъ отвѣтную ноту барона Тугута. «Министерство иностранныхъ дѣлъ,—писалъ баронъ,—узнало съ безконечнымъ огорченіемъ о тѣхъ безпорядкахъ, которые послужили предметомъ ноты, присланныхъ сегодня вечеромъ гражданиномъ—посланникомъ французской республики. Министръ подаетъ обо всемъ подробный рапортъ его величеству и не сомнѣвается, что и его величество будетъ крайне огорченъ. Гражданинъ—посланникъ можетъ быть увѣренъ, что происшествіе сегодняшняго вечера будетъ изслѣдовано со всей строгостью, предписываемой уголовнымъ кодексомъ и диктуемой искреннимъ желаніемъ австрійскаго правительства сохранить дружбу, столь счастливо возстановленную между обѣими державами».

Бернадотъ не удовлетворился этимъ скромнымъ отвѣтомъ и рѣзко отказался слушать увѣщанія барона Дегельмана, уговаривавшаго посла отказаться отъ требованія паспортовъ. Нарушая общепринятые дипломатическіе обычаи, Бернадотъ сѣлъ и написалъ ноту по адресу самого императора. «Ваше величество,—говорилъ въ этой нотѣ Бернадотъ,—конечно, поставлены въ извѣстность о нападеніи, совершенномъ на посла французской республики. Три ноты послѣдовательно были отправлены посломъ г. Тугуту, увѣдомляя его о началѣ и развитіи безпорядковъ. Посоль тщетно ожидалъ отвѣта втеченіе долгихъ часовъ опасности и только въ три часа утра получилъ ноту, заключающую въ себѣ слишкомъ мало, чтобъ удовлетворить долгое ожиданіе. Столь экстраординарный случай ставитъ посла въ необходимость просить его величество обратить вниманіе на вышеназванныя три ноты. Съ величайшимъ сожалѣніемъ посоль просить его величество обратить вниманіе, что въ числѣ требованій, помѣщенныхъ въ тѣхъ нотахъ, есть просьба о паспортахъ необходимыхъ для того, чтобъ посоль имѣлъ возможность отправиться за дальнѣйшими указаніями къ правительству, къ которому онъ имѣетъ честь принадлежать. Удаляясь изъ Вѣны, посоль утѣшаетъ себя увѣренностью, что онъ не упустилъ изъ вида ничего, что могло убѣдить его величество въ мирномъ и дружественномъ настроеніи къ нему Франціи. Другое утѣшеніе для посла заключается въ твердой вѣрѣ, что его величество раздѣляетъ огорченіе по поводу нападенія на представителя дружеской націи и что мѣры противъ этого нападенія были бы приняты безъ замедленія, если бы намѣренія его величества исполнялись въ точности. Посланникъ надѣется, что будущее подтвердитъ эту вѣру съ полной ясностью и справедливое удовлетвореніе докажетъ Директорія, что и его величество искренне желаетъ сохраненія добрыхъ отношеній между двумя націями».

Это письмо Бернадотъ послалъ съ однимъ изъ своихъ адъютантовъ, но на дворѣ императорскаго замка стояла опять толпа народа; стража побоялась пустить туда французскаго офицера, его спрятали въ казармѣ, а письмо отнесъ императору свитскій генераль. Адъютантъ Бернадота возвратился окольными переулками подъ охраной городовыхъ. Въ тотъ же день, въ два часа дня Бернадотъ получилъ на свою послѣднюю ноту слѣдующій отвѣтъ: «Министръ двора, по приказанію его величества, имѣетъ честь сообщить гражданину-посланнику французской республики, что его величество съ глубочайшимъ сожалѣніемъ узналъ о безпорядкахъ вчерашней ночи. Едва извѣстіе о таковыхъ достигло дворца, его величество тотчасъ отдалъ лично соотвѣтствующее приказаніе командующимъ войсками и министру полиціи; государь убѣжденъ, зная ихъ вѣрную службу, что они сдѣлали все, что было въ ихъ силахъ для усмиренія толпы; императоръ желалъ бы, чтобъ гражданинъ-посолъ отказался отъ требованій паспортовъ и взялъ бы въ соображеніе всѣ неприятели, могущія возникнуть изъ разговоровъ о его выѣздѣ изъ Вѣны; его величество приказалъ графу Сорану (коменданту) и барону Дегельману явиться сегодня же къ гражданину-послу, чтобъ выяснитъ факты и постараться къ обоюдному удовлетворенію уничтожить всѣ поводы жалобъ. Императоръ, уполномочивая нижеподписавшагося передать гражданину-послу чувства своей симпатіи, приказываетъ увѣрить въ своемъ твердомъ рѣшеніи—поддерживать всѣми силами и при всѣхъ обстоятельствахъ дружбу и доброе отношеніе, столь счастливо установившіяся между обѣими державами,—рѣшеніи, которое подтверждается со стороны императора пунктуальнымъ исполненіемъ всѣхъ статей трактата Кампо-Форміо. Министръ двора пользуется случаемъ выразить гражданину-послу свое глубочайшее уваженіе».

Въ четыре часа того же дня, графъ Соранъ и баронъ Дегельманъ принесли Бернадоту на просмотръ прокламацію, которую австрійское правительство предположило объявить жителямъ Вѣны отъ имени императора. Въ этой прокламаціи Францъ II благодарилъ населеніе за вѣрноподданническія манифестаціи, выражая, вмѣстѣ съ тѣмъ, свое крайнее неудовольствіе на безпорядки и насиліе противъ дома французскаго посольства и грозя строжайшимъ наказаніемъ всякому, кто отнынѣ рѣшится нарушить спокойствіе города. Уполномоченные императора еще разъ заявили послу о крайнемъ огорченіи его величества, обѣщали его именемъ самое усердное разслѣдованіе безпорядковъ и полное, немедленное удовлетвореніе за всѣ убытки, причиненные толпой, усиленно прося взять назадъ требованіе о паспортѣ и остаться хоть на нѣкоторое время въ Вѣнѣ. Бернадоту прокламація не понравилась, и онъ рѣшительнѣе чѣмъ прежде выразилъ свое желаніе безъ всякой отсрочки возвратиться въ Францію. Тогда графъ Соранъ и Де-

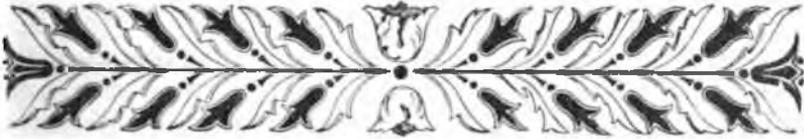
гельманъ стали уговаривать посла выѣхать въ назначенный имъ день рано утромъ, примѣрно часа въ три, чтобъ не дать черни повода къ новымъ беспорядкамъ и неприятностямъ. Бернадотъ, конечно, обидѣлся и наотрѣвъ отказался послѣдовать совѣту, объявивъ, что его честь не допускаетъ отъѣзда похожаго на постыдное бѣгство и что онъ выѣдетъ изъ Вѣны завтра, «въ самый свѣтлый часъ дня».

Затѣмъ Бернадотъ, разставшись съ посланными, написалъ длинное письмо Талейрану, заявляя, что содержимые посольствомъ шпіоны будто бы удостовѣрили, что сама полиція Вѣны возбуждала народъ къ беспорядкамъ противъ французскихъ представителей и приказывала привозить къ мѣсту насилія тележки съ камнями; что въ беспорядкахъ участвовала прислуга всѣхъ австрійскихъ вельможъ—Шварценберга, Кинскаго, Лобковича, Шенборна, Туна и т. д.; что «три тигра» — баронъ Тугутъ, русскій посолъ Разумовскій и англійскій резидентъ Еденъ, употребляли всѣ мѣры, чтобъ толпа задушила Бернадота, надѣясь такимъ скандаломъ заставить императора примкнуть къ анти-французской коалиціи, и проч.

На другой день вся Вѣна была на военномъ положеніи. Улицы запружены несмѣтной толпой народа; войска плотными шпалерами стояли по всему пути выѣзда посла изъ города; австрійскіе сановники собрались на *Walner-Strasse*, чтобъ отдать послѣдній поклонъ представителю Франціи. Бернадотъ со свитой, оставивъ въ домѣ лишь одного слугу, въ нѣсколькихъ экипажахъ, съ сильнымъ кавалерійскимъ эскортомъ спереди и сзади, выѣхалъ изъ Вѣны ровно въ полдень 15 апрѣля. Такимъ образомъ вся дипломатическая миссія революціоннаго генерала продолжалась всего два мѣсяца и шесть дней.

А. Молчановъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Фаминцынъ, Ал. С. Вожества древнихъ славянъ. Выпускъ I.
Спб. 1884.

ТРАННАЯ судьба славянской миеологіи: въ то время, какъ другіе отдѣлы славяновѣдѣнія, едва намѣченные или совсѣмъ неизвѣстные нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, вызвали за последнее время столько солидныхъ трудовъ и теперь привлекаютъ даровитыхъ работниковъ цѣлыми десятками, религія нашихъ языческихъ предковъ, возбуждавшая любознательность и вызывавшая монографіи еще сто лѣтъ тому назадъ, теперь какъ будто въ загоны. Послѣ трехтомнаго труда Аванасьева и даровито составленной книжки Брека, въ этой области не являлось ничего, кромѣ

статей, затрогивавшихъ миеологическіе вопросы какъ-то со стороны. По многимъ отдѣламъ, по которымъ слависты 40—50 лѣтъ назадъ имѣли только самыя смутныя представленія, его ввукъ по наукѣ можетъ почти безъ приготовления прочесть цѣлый рядъ лекцій; въ славянской миеологіи совсѣмъ наоборотъ: дѣдушка имѣлъ по этому предмету обширныя и обстоятельныя свѣдѣнія, а ввукъ долженъ отдѣлываться общими фразами и двумя, тремя десятками фактовъ, связь которыхъ не совсѣмъ ясна ему самому. вмѣсто прогресса въ такой интересной области, поглотившей столько труда, мы видимъ регрессъ; странное, почти небывалое въ наукѣ явленіе! Само собой разумѣется, что объясненія для него надо искать исключительно въ славяновѣдѣніи. Въ двухъ словахъ можно это дѣло представить такимъ образомъ: цѣлое тысячелѣтіе народы новой Европы старались забыть свои языческія вѣрованія; потомъ любопытство заставило нѣкоторыхъ любителей собирать ихъ жалкіе остатки; затѣмъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія явилась идея о народности, уваженіе къ старинѣ и вмѣсто диллетантовъ за то же дѣло собранія взялись серьезные специалисты; каждому народу хотѣлось имѣть свою миеологію, и специалисты стали строить ее по образцу миеологіи античной. По извѣстнымъ

политическимъ причинамъ, начиная съ 20-хъ годовъ, интересъ къ изученію старины возрасталъ со дня на день; въ виду этого специалисты не были очень строги въ выборѣ матеріала, всякое лыко шло у нихъ въ строку, и въ результатѣ получились красивыя, но выстроенныя наскоро, а мѣстами только для декораціи, зданія религиозныхъ вѣрованій отдѣльныхъ племенъ. Не отстали отъ другихъ и славяне, хотя и были бѣднѣе матеріаломъ, чѣмъ ихъ сосѣди. И вотъ къ концу 40-хъ годовъ содалась стройная система славянской мѣологии, благодаря энергіи, находчивости и творчеству любителей этого дѣла.

Но съ тѣхъ поръ научный методъ во многомъ измѣнился къ лучшему, и строгая истина, хотя бы и разрушающая патріотическія иллюзіи, стала единственной цѣлью; тогда одна за другимъ стали распадаться декоративныя башенки и подставки, и красивое зданіе обратилось въ груду развалинъ, изъ которой не безъ труда приходится отбирать матеріалъ, пригодный для будущей не столь изящной и смѣлой, но несравненно болѣе солидной постройки. Г. Фаминцынъ взялъ на себя трудную, прямѣе сказать, неисполнимую задачу: не вѣря, что матеріалъ, собранный для славянской мѣологии, больше чѣмъ на половину оказался непригоднымъ и не считая возможнымъ допустить, чтобы такое красивое зданіе могло рухнуть, онъ пытается подновить его, подмазать и взаимѣнъ прочности придать ему сколько можно болѣе художественной простоты и полноты; задача весьма лестная для художника—если бы она была только исполнима, но не особенно привлекательная для ученаго. Что можно было сдѣлать при большемъ усердіи, страсти къ дѣлу и весьма рѣдкой въ диллетантѣ аккуратности, все сдѣлалъ г. Фаминцынъ, но его преждевременная попытка немного способствуетъ движенію науки впередъ, она полезна только въ томъ отношеніи, что, собравъ въ одно цѣлое *disjecta membra* славянскаго баснославія, показываетъ наглядно будущимъ мѣологамъ, какую кучу мусора нужно вывезти съ мѣста разрушеннаго зданія, прежде чѣмъ начинать строить новое.

Въ небольшомъ предисловіи г. Фаминцынъ чрезвычайно ясно и съ свойственнымъ ему изяществомъ изложенія знакомить читателей съ поводомъ, по которому взялся онъ за эту чуждую его специальности задачу, говоритъ о симбирскомъ заклинаніи, поразившемъ его необыкновенно яснымъ изложеніемъ сущности до-христіанскихъ вѣрованій славянина, и налагаетъ основную идею своей книги. «Красное солнце, проливающее свѣтъ и тепло, столь необходимыя для всей жизненной природы, и святая, небесная влага, орошающая и оплодотворяющая нивы и пастбища, таковы главные факторы, обуславливающіе благосостояніе и довольство землевладѣльца и скотовода. Къ этимъ благотворнымъ явленіямъ, но прежде всего къ небу, источнику свѣта и влаги, древній арій съ благодарностью и любовью возносилъ свои взоры; въ нимъ съ благоговѣніемъ припадалъ онъ, произнося молитвы и славословія, совершая умилоостивительныя и благодарственныя жертвоприношенія. Небо въ лицѣ его представителя, единого верховнаго бога вселенной, солнце и небесная влага, въ свою очередь, получавшія въ воображеніи первобытнаго арія своихъ личныхъ представителей, вотъ общій фундаментъ, на которомъ втеченіе вѣковъ и тысячелѣтій воздвигались зданія равнообразнѣйшихъ вѣроученій, вотъ зародышъ, изъ котораго возникли и разрослись родословныя деревья всѣхъ мѣологій народовъ арійской семьи, въ томъ числѣ, разумѣется, и славянъ.

Изученіе и изслѣдованіе довольно обширнаго матеріала изъ области литературы, касающейся народной жизни славянъ, дало мнѣ возможность убѣдиться въ томъ, что всѣ славянскіе народы, исходя изъ первоначальнаго сознанія божественности неба, солнца и небесной влаги, исповѣдовали многобожіе; послѣднее выразалось въ поклоненіи и прочимъ явленіямъ природы, которыя нерѣдко олицетворялись въ образъ боговъ. Боги эти обыкновенно получали названія, обозначавшія ихъ характеристическія свойства или качества; иногда, хотя и въ меньшинствѣ случаевъ, они ввоображались въ видѣ истукановъ. Независимо отъ этого многобожія, постоянно съ большею или меньшею ясностью сохранялась въ народѣ идея о единомъ верховномъ Богѣ всеиенной, представителѣ неба. Этотъ взглядъ на миеологическую систему славянъ находятъ себѣ подтвержденіе, какъ и въ историческихъ данныхъ, правда, довольно скудныхъ, такъ въ особенности въ молитвенныхъ возгласеніяхъ, уцѣлѣвшихъ до нашихъ дней въ устахъ народа, именно: въ пѣсняхъ, обрядныхъ вѣрченіяхъ и заклинаніяхъ, несомнѣнно свидѣтельствующихъ о возникновеніи своемъ на почвѣ языческаго міросозерцанія.

Изложенію системы славянской миеологии г. Фаминцынъ предпосылаетъ: во-первыхъ, короткое введеніе, гдѣ онъ предлагаетъ нѣчто вроде народописанія славянскихъ племенъ; затѣмъ три главы неодинаковой важности; первая изъ нихъ называется: «предметы поклоненія древнихъ славянъ, засвидѣтельствованные письменными памятниками»; вторая говоритъ о жертвенныхъ обрядахъ у славянъ и третья налагаетъ: «основы религіознаго міровоззрѣнія древнихъ аріевъ, Ирана и Индіи, древнѣйшихъ грековъ и пеллаговъ, древнихъ италійцевъ и народовъ литовскаго племени». Въ первой изъ этихъ главъ рѣче, нежели гдѣ бы то ни было, выступаетъ основной недостатокъ книги г. Фаминцына, недостатокъ общій у него съ миеологами 40-хъ годовъ: полное отсутствіе критики по отношенію къ этимъ «письменнымъ памятникамъ». Густинская лѣтопись и краледворская рукопись, свѣдѣнія, сообщаемыя Ганушемъ, и статья Древлянскаго, глоссы: Mater Verbohum, избручскій истуканъ, и Длугошъ, и Стрыйковскій, и даже самъ Прокопъ, все идетъ въ одинъ рядъ съ извѣстіями Прокопія, Адама Бременскаго, Гельмольда, все признается за несомнѣнные письменныя свидѣтельства. Иногда авторъ и самъ чувствуетъ, что основанія, на которыхъ онъ строитъ, болѣе чѣмъ шатки, но ужъ очень хочется ему создать славянскую миеологию! Такъ, напримѣръ, на страницѣ 140, онъ, повидимому, согласенъ признать лѣтопись Прокопа за поддѣлку, но почему-то предполагаетъ, что «по отношенію къ миеологическимъ даннымъ, она, вѣроятно, сообщаетъ свѣдѣнія, основанныя на народныхъ преданіяхъ».

Нечего говорить о томъ, что извѣстія латинскихъ хроникъ и старо-русскіе памятники, въ родѣ слова Христолюбца, слова Григорія Вогослова и проч., принимаются г. Фаминцынымъ безъ малѣйшей критики и съ весьма слабыми и неуспѣшными попытками согласовать ихъ; а между тѣмъ, надъ ними стоило бы и очень стоило бы поработать подолѣе. Послѣ ихъ внимательнаго сличенія весьма легко, напримѣръ, можетъ оказаться, что всѣ старо-русскія свидѣтельства, кромѣ лѣтописныхъ, вышли изъ одного произвольно составленнаго и плохо понятаго. Не могутъ не броситься въ глаза такія недѣлности хроникеровъ, какъ, напримѣръ, *ua lingua diabol* Гельмольда, или, напримѣръ, что Радигость у Дитмара—городъ, а у Адама Бременскаго—идолъ, что у Дитмара въ этотъ городъ ведутъ трое воротъ, а у Адама Бре-

менскаго на томъ же мѣстѣ ихъ девять; гдѣ у Дитмара море, тамъ у Адама Бременскаго — озеро и т. д.

Если исключить всѣ сомнительныя мѣста и всѣ странныя, лучше сказать, ложныя извѣстія, основанныя на разныхъ *disunt, fama est*, то сумма свѣдѣній, доставляемая латинскими хроникерами, сведется къ небольшому числу именъ и указаній на обряды, которые, можетъ быть, стоять въ болѣе тѣсной связи съ христіанствомъ, нежели это думали до сихъ поръ. Но г. Фаминцынъ, который безъ оговорки принимаетъ свидѣтельство о столбѣ въ Волинѣ, посвященномъ Юлію Цезарю (стр. 25), конечно, не согласится уменьшать такимъ способомъ свой и безъ того небогатый матеріалъ.

Значительно научнѣе вторая глава, такъ какъ обрядъ гораздо упорнѣе, устойчивѣе, чѣмъ имя или пѣсня, и во множествѣ жертвоприношеній, связанныхъ въ настоящее время съ христіанскими праздниками, нельзя не видѣть отзвука языческой старины. Но все же нельзя на основаніи доселѣ собраннаго матеріала создавать такія стройныя, красивыя картинки языческаго богослуженія, какія создаетъ творческая фантазія г. Фаминцына, напр., на стр. 39; фантазіи не мѣсто въ ученой книгѣ.

Третья глава составлена авторомъ не на основаніи собственныхъ изслѣдованій, а на основаніи хорошихъ пособій. Для уясненія славянской миеологии, она едва ли можетъ считаться необходимой, развѣ за исключеніемъ отдѣла о литовцахъ, въ которомъ г. Фаминцынъ собралъ много матеріала изъ польскихъ лѣтописцевъ и монографовъ, къ сожалѣнію, опять-таки безъ всякой критики. Недоумѣваемъ, за что авторъ обидѣлъ германскую миеологию: она для насъ особенно необходима въ виду того, что скандинавская теорія все же до сихъ поръ остается господствующей; нѣтъ никакого сомнѣнія, что варяги имѣли вліяніе на развитіе формъ религіозной жизни нашихъ предковъ; не даромъ же начальная лѣтопись такъ обстоятельно указываетъ на Владимира, какъ на основателя идолослуженія въ собственномъ смыслѣ слова. Да и славяне балтійскіе сталкивались какъ съ германцами вообще, такъ со скандинавами въ частности. Рядъ сближеній между сабинами и славянами, приводимый г. Фаминцынымъ съ осторожной оговоркой, довольно интересенъ, но не чуждъ проizzoла и пока не даетъ сколько нибудь твердыхъ выводовъ. Не можемъ не замѣтить одной характерной ошибки, сдѣланной авторомъ въ началѣ этой главы въ обобщеніи религіознаго міросозерцанія грековъ: авторъ на столько убѣжденъ въ древности системы еогоніи, предлагаемой Гезіодомъ, что кладетъ ее въ основу всего отдѣла, не обращая вниманія ни на то общее положеніе, что всѣ космогоническія системы являются продуктомъ личнаго творчества, ни на то, что еогонія Гезіода сама выдаетъ себя своею философскою подкладкой.

Изложеніе системы славянской миеологии авторъ начинаетъ только со второй трети книги (стр. 121). Подготовивъ читателей какъ введеніемъ, такъ и главой о вѣрованіяхъ другихъ арійскихъ племенъ къ той идеѣ, что славяне должны были боготворить небесный свѣтъ и дождевую воду, г. Фаминцынъ довольно неожиданно начинаетъ съ единого верховнаго бога небесъ, который, по его словамъ, «васлоняетъ собою солнце или громовника». Слово *васлоняетъ*, повидимому, показываетъ, что авторъ считаетъ единобожіе, повдѣйшей, болѣе отвлеченной формой, но тогда не понятно, отчего онъ предпочелъ логическій порядокъ историческому. Онъ отыскиваетъ для этого бога рядъ именъ у разныхъ славянскихъ народовъ, и хотя находитъ ихъ въ

достаточною количествѣ (Вогъ, Вѣлбогъ, Святovitъ, Тесса, Прабогъ, Вѣлунъ, Сварогъ и проч.), считаетъ излишнимъ привлечь къ отвѣтственности и завѣдомо литературнаго Дня, который является рядомъ съ Трояномъ и даже Аполлономъ; правда, онъ дѣлаетъ это не безъ колебаній. За то нимало не колеблясь, онъ относитъ къ языческому періоду и массу пѣсенъ, въ которыхъ народъ воспѣваетъ Бога, и всѣ обращенія къ землѣ и къ небу. Руководясь такимъ пріемомъ, мнѣологическій матеріалъ можно увеличивать до безконечности, какъ это и дѣлали иные предшественники г. Фаминцына, но можно ли оставлять для мнѣологіи такое обширное поле?

Недавно перечитывая «Русскую Старину», я въ автобіографіи актрисы Косицкой нашелъ такую фразу: «мнѣ тогда (между дѣтствомъ и юностью) думалось, что Волга съ Окою — сестры, бѣжали-бѣжали обѣ, да столкнулись въ Нижнемѣ, да и пошли своимъ вѣчнымъ путемъ» (1878 г., т. 21, стр. 78). Можно ли это конкретное возвращеніе полу-ребенка считать матеріаломъ мнѣологическимъ? можно ли думать, что г-жа Косицкая была язычницей или двоевѣрной христіанкой, что она такое представленіе унаслѣдовала отъ своихъ предковъ?

Отъ единаго Бога славянъ языческихъ авторъ переходитъ къ солнцу и подыскиваетъ для него имена съ такой же энергіей (Вожичъ, Вѣлунъ, Ясонъ, Сварожичъ, Припекало, Генниль, Хорсъ, Дажбогъ, Ярило, Туръ, Авесень и т. д.); въ этомъ отдѣлѣ системы славянской мнѣологіи та же находчивость и тотъ же недостатокъ критики; авторъ столько же увѣренъ въ Сварожичѣ или Дажбогѣ, какъ и въ самостоятельномъ существованіи Ясона или Припекала, которые, какъ всякій ясно видитъ, суть эпитеты солнца; авторъ причисляетъ къ солнечнымъ божествамъ и Зевеса Бронтока, хотя и переводитъ его *Jupiter tonans!*

Неорганической приставкой къ этому отдѣлу является экскурсъ о царницѣ — Водѣ, которую авторъ считаетъ сестрою Солнца; о божествахъ небесной влаги онъ, очевидно, будетъ говорить во второмъ выпускѣ своего изслѣдованія, который выйдетъ, какъ онъ объявляетъ на самой обложкѣ книги. Ближе входитъ въ систему послѣдній отдѣлъ этой главы и всей книги, о «святотѣ Юриі въ простонародномъ сознаніи». Изложивъ результатъ своего изслѣдованія («Ж. М. Н. Пр.», 1878—1879 гг.), г. Фаминцынъ находитъ, что послѣ его очерка солнечныхъ божествъ на вопросъ, кого замѣнилъ св. Георгій, можно дать совершенно ясный, опредѣленный отвѣтъ: «Онъ соединилъ въ себѣ всѣ черты, которыми народная фантазія во времена язычества надѣляла бога Солнца»; св. Георгій есть Богъ съ небесъ, Хорсъ, Вѣлбогъ или Дажбогъ; какъ богъ Солнца, онъ побѣждаетъ дракона; онъ богъ весны, плодородія, изобилія и богатства, онъ волчій пастырь, онъ скотопасъ, покровитель охотниковъ, оракулъ и податель жениховъ. Не понимаю, за что меня упрекаетъ г. Фаминцынъ по поводу моего привнанія, что я могу дать на вышеизложенный вопросъ только неопредѣленный отвѣтъ, — его отвѣтъ насколько не опредѣленнѣе моего: и въ этой части его труда оказывается, что Георгій замѣнилъ, по крайней мѣрѣ, полтора десятка солнечныхъ божествъ, а если г. Фаминцынъ, изслѣдовавъ божества небесной влаги, снова обратится къ св. Георгію, то окажется, что тотъ же Георгій замѣнилъ полтора десятка громовыхъ божествъ: уже изъ вышеприведеннаго ясно, что Георгій, какъ убійца дракона (буде это драконъ мнѣическій), какъ богъ весны, какъ богъ богатства, заливающегося изъ громовой тучи, столько же Громовникъ, какъ

и Солнце; а если, съ другой стороны, г. Фаминцынъ возьмется собирать такой же этнографическій матеріалъ относительно св. Николая или св. Иліи, ему не трудно будетъ подыскивать факты, свидѣтельствующіе, что какъ тотъ, такъ и другой замѣнили по дюжинѣ солнечныхъ и громовыхъ боговъ. Что же тутъ яснаго и опредѣленнаго? По-моему гораздо лучше дать «безымянный отвѣтъ», за который меня упрекаетъ г. Фаминцынъ, нежели отвѣтъ съ такимъ множествомъ именъ.

О ясности изложенія г. Фаминцына и даже извѣстствъ, по скольку оно возможно въ книгѣ на такую тему, я упоминалъ выше; цитаты онъ приводитъ довольно тщательно и осторожно, но какъ это естественно ожидать отъ дилетанта, такъ сильно увлеченнаго своею темою, впадаетъ иногда въ неточности, приведу одинъ примѣръ. На стр. 30, онъ увѣряетъ, что въ словѣ, приписываемомъ св. Григорію, «по списку XIV вѣка», огонь также называется Сварожичемъ, и при этомъ цитируетъ «Лѣтописи» Тихонова (IV, 3, 99). Слово св. Григорія съ русскими вставками XIV вѣка извѣстно только одно, въ Палсіевскомъ Сборникѣ, а въ немъ ничего подобнаго нѣтъ, и приводимая авторомъ цитата ваята изъ редакціи Новгородско-Софійской рукописи, которую проф. Тихоновъ относитъ къ концу XV вѣка (см. «Рус. Стар.», 1884 г.)»

А. Кириичниковъ.

Семевскій, М. И. Очерки и рассказы изъ русской исторіи XVIII в. Томъ III-й. Царица Екатерина Алексѣевна, Анна и Владимъ Монсъ, 1692—1724. Изд. 2-е, просмотрѣнное и дополненное. Спб. 1884.

Третій томъ «Очерковъ и рассказовъ» М. И. Семевского составился изъ ряда статей подъ заглавіемъ «Семейство Монсовъ», появившихся въ 1862 году въ журналѣ «Время», который издавался въ С.-Петербургѣ Э. М. и М. М. Достоевскими. Тогда статьи эти, по новизнѣ фактовъ и живости изложенія, были замѣчены публикой и критикой, и выпедшій въ томъ же 1862 году отдѣльный оттискъ ихъ быстро разошелся. Черезъ двадцать два года г. Семевскій, исправивъ и дополнивъ эти статьи, выпустилъ ихъ въ свѣтъ отдѣльной книгой. Въ двадцать два года появилось очень много новыхъ матеріаловъ и изслѣдованій, и прямо и косвенно относящихся къ содержанию разсматриваемой книги, а потому она, дополненная этими новыми данными, по справедливости, можетъ занять весьма видное мѣсто въ числѣ книгъ по русской исторіи XVIII вѣка. Читатель изъ такъ называемаго образованнаго круга найдетъ въ монографіи г. Семевского живое по изложенію и занимательное по содержанию историческое чтеніе, ученый историкъ съ большимъ вниманіемъ отнесется къ тому архивному матеріалу, который легъ въ основаніе труда г. Семевского и въ обиліи находится въ приложеніяхъ къ нему. Разсматриваемая книга, повидимому, переходитъ анекдотическія, мало интересныя съ серьезно-исторической точки зрѣнія, подробности изъ личной, частной жизни Петра Великаго, но это только повидимому. На самомъ дѣлѣ она констатируетъ факты, имѣющіе глубокой психологической смыслъ и представляющіе величайшее историческое значеніе, и не для одной русской исторіи, а для исторіи всего человечества. Кромѣ того, книга г. Семевского представляетъ весьма живой очеркъ нравовъ равныхъ слоевъ общества изъ

эпохи Петровыхъ преобразованій и служить хорошимъ пособіемъ при изученіи русской бытовой исторіи XVIII вѣка.

Никто, даже и въ самыхъ суровыхъ порицателяхъ Петра Великаго, не можетъ не признать въ первомъ русскомъ императорѣ одного изъ величайшихъ историческихъ дѣятелей съ весьма сложнымъ характеромъ, требующимъ тщательнаго изслѣдованія. Поэтому всѣ условія, всѣ вліянія, при которыхъ сдѣлался этотъ характеръ, которыми опредѣлялась психическая жизнь этого великаго человѣка, — требуютъ весьма серьезнаго изученія. Московская Нѣмецкая слобода, весь складъ ея обихода и первыя близкія связи въ ней Петра Великаго имѣютъ большое значеніе среди указанныхъ условій и вліяній и играютъ весьма важную роль въ исторіи развитія всей послѣдующей преобразовательной программы Петра Великаго; семейство же Монсовъ составляетъ цѣннѣе его первоначальныхъ отношеній въ Нѣмецкой слободѣ и опредѣляетъ его послѣдующія семейныя отношенія, которыя играютъ по своимъ послѣдствіямъ весьма серьезную политическую роль во всей русской исторіи XVIII в. Разрывъ съ первой женой — Авдотьей Ѳедоровной Лопухиной, а затѣмъ съ нелюбимымъ сыномъ отъ нея — Алексѣемъ Петровичемъ и бракъ Петра Великаго съ Екатериной при жизни первой жены — вотъ главнѣйшіе факты этихъ семейныхъ отношеній, которыя ведутъ за собою извѣстный законъ о правѣ царствующаго государя назначать себѣ преемника и коронованіе Екатерины императорской короной. А эти факты порождаютъ въ наслѣдіи императорскаго російскаго престола цѣлый рядъ замѣшательствъ и недоразумѣній, которыя приводятъ къ серьезнымъ внутреннимъ смутамъ втеченіе всего XVIII и даже первой четверти XIX вѣка.

Область любви — вообще область очень прихотливая и весьма трудно поддающаяся анализу. Рѣзкія противорѣчія между умственнымъ развитіемъ человѣка и его сердечными привязанностями принадлежатъ къ весьма частымъ, если не постояннымъ явленіямъ. Кому неизвѣстно, что человѣкъ сильнаго характера и обширнаго ума нерѣдко любитъ женщину, стоящую несравненно ниже его по нравственнымъ и умственнымъ качествамъ, что обуславливается весьма сложными психическими причинами. Такимъ именно являетсяъ Петръ Великій въ своихъ отношеніяхъ къ женщинамъ. Дочь винооторговца Нѣмецкой слободы Анна Монсъ на столько приковала къ себѣ Петра Великаго, что имѣй она болѣе ума, то, можетъ быть, не Екатерина I была бы на престолѣ послѣ Петра, а Анна Ивановна Монсъ. Но Монсъ неспособна была задаваться политическими «конъюнктурами» въ своихъ любовныхъ пожденіяхъ, обдѣлывая лишь свои мелкія имущественныя дѣлишки. Хотя связь ея съ Петромъ Великимъ, начавшись въ 1692 году, продолжалась болѣе десяти лѣтъ, тѣмъ не менѣе, Анна Монсъ вовсе не любила царя, крутой нравъ котораго былъ ей невыносимъ; она измѣняла Петру Великому, и саксонскій посланникъ Кёнигсекъ, а затѣмъ прусскій — графъ Кейзерлингъ послѣдовательно пользовались ея полнымъ расположеніемъ. За Кейзерлинга она вышла даже замужъ въ 1711 году. Сгруппировавъ много любопытныхъ подробностей для характеристики Анны Монсъ, г. Семевскій говоритъ на основаніи ихъ слѣдующее: «Представленныхъ матеріаловъ достаточно, чтобъ видѣть въ Аннѣ Монсъ страшную эгоистку, нѣмку сластолюбивую, чуть не развратную, съ сердцемъ холоднымъ, нѣмку расчетливую до скудости, алчную до корысти, при всемъ этомъ суевѣрную, лишенную всякаго образованія, даже малограмотную (о чемъ свидѣлствуютъ ея

подлинныя письма). Кромѣ плѣнительной красоты, въ этой авантюристкѣ не было никакихъ другихъ достоинствъ. Поднятая изъ гривы разврата, она не сумѣла оцѣнить любовь Петра, не сумѣла оцѣнить поступка, который тотъ сдѣлалъ ради ея, предавъ жестокой участи свою законную супругу». (Стр. 63).

Не смотря на столь несимпатичныя качества Анны Моисъ и не встрѣчая взаимности съ ея стороны, Петръ Великій любилъ ее. Такая сильная привязанность царя къ Аннѣ Моисъ заставляла придуматься хитраго и коварнаго его любимца, бессердечнаго карьериста Александра Даниловича Меншикова, который употребляетъ всѣ средства для сближенія Петра Великаго съ другой иновозмой, близкой къ Меншикову. То была извѣстная маріенбургская плѣнница Марта Савроноская. «Сердешенькой другъ Катеринушка», какъ называлъ ее Петръ Великій, сумѣла подладить свою ограниченную природу къ великой личности царя-преобразователя. Конечно, она неспособна была понять и оцѣнить широкихъ его замысловъ, но она чутьемъ, инстинктомъ отвычиво относилась къ кипучей и безустанной дѣятельности Петра Великаго. «Женщина не только лишенная всякаго образованія,— говоритъ г. Семеновскій,—но даже, какъ всѣмъ извѣстно, безграмотная, она до такой степени умѣла являть передъ мужемъ горе къ его горю, радость къ его радости и вообще интересъ къ его нуждамъ и заботамъ, что Петръ, по свидѣтельству царевича Алексѣя, постоянно находилъ, что «жена его, а моя матица—умна!» и не безъ удовольствія дѣлился съ нею равными политическими новостями, замѣтками о прошествіяхъ настоящихъ, предположеніями на счетъ будущаго» (стр. 85). Но за Мартой Савроноской ворко слѣдиль пронирливый Меншиковъ и употреблялъ ее, помимо ея воли, орудіемъ своихъ честолюбивыхъ замысловъ.

Связь Петра Великаго съ Мартой Савроноской, начавшись въ 1708 году, упрочилась рожденіемъ дѣтей, и въ 1712 году Петръ Великій закрѣпилъ этотъ союзъ бракомъ: Марта превратилась въ царицу Екатерину Алексѣевну. Вскорѣ послѣ брака царя разыгрывается въ его семействѣ кровавая драма, имѣющая весьма важное общесторическое значеніе и находящаяся въ ближайшемъ отношеніи къ браку Петра Великаго съ Екатериной. 23 октября 1716 года родился у Петра Великаго отъ Екатерины сынъ — Петръ (до него были все дочери)¹⁾, а за нѣсколько дней до его рожденія, 12 октября, у старшаго его сына отъ нелюбимой первой жены, царевича Алексѣя Петровича, родился тоже сынъ Петръ. Такимъ образомъ, возникаетъ вопросъ о престолонаслѣдіи, аналогичный по своимъ подробностямъ съ такимъ же вопросомъ, взволновавшимъ царскій дворъ и московское боярство въ концѣ XV в. Кому царствовать послѣ Петра Великаго? У него не только былъ законный наследникъ въ лицѣ царевича Алексѣя Петровича, но и этотъ наследникъ имѣлъ уже сына; слѣдовательно престолонаслѣдіе было вполне обеспечено. Но точно также, какъ при московскомъ великомъ князѣ Іоаннѣ III хитрая гречанка Софія Палеологъ, подкрѣпляемая своими соотечественниками, рѣшила вопросъ о престолонаслѣдіи въ пользу своего сына Василія, а уже вѣнчанный на царство внукъ московскаго великаго князя, Иванъ Дмитріевичъ, былъ брошенъ въ тюрьму, точно также теперь, двѣсти слишкомъ лѣтъ спустя,

¹⁾ Устряловъ упоминаетъ, впрочемъ, о двухъ сыновьяхъ Петра Великаго отъ Екатерины — Павлѣ и Петрѣ, родившихся въ 1704 и 1705 годахъ и умершихъ до 1707 года (Ист. Петра Вел., т. IV, ч. I, стр. 142).

невѣдомая иновѣмка, «дочь лѣфлянскаго обывателя», подкрѣпленная своимъ давнишнимъ «патрономъ» Меншиковымъ, востановляетъ Петра Великаго противъ старшаго сына его, царевича Алексѣя, и внука. Въ концѣ 1715 года возникаютъ недружелюбныя отношенія царя къ Алексѣю Петровичу; въ 1718 году, начинается жестокой по своимъ подробностямъ процессъ, и царевичъ, обвиненный въ тяжкихъ государственныхъ преступленіяхъ, умираетъ скоростипжно въ Петропавловской крѣпости невѣдомою смертію, а сынъ Петра отъ Екатерины объявляется наслѣдникомъ престола. Всякій, кто близко знакомъ съ личностію царевича Алексѣя Петровича, не будетъ, разумѣется, утверждать, что онъ явился бы достойнымъ преемникомъ своего великаго отца: царевичъ Алексѣй былъ весьма ограниченный человѣкъ, но онъ не совершилъ тѣхъ преступленій, въ которыхъ обвинялся и за что поплатился живію.

Трагической смертію царевича Алексѣя открывается цѣлый рядъ, можно сказать, роковыхъ явленій въ семейной жизни царя Петра. Въ апрѣлѣ 1719 года, умираетъ новообъявленный наслѣдникъ престола Петръ Петровичъ; въ 1722 году, обнародывается указъ о правѣ царствующаго государя назначать себѣ преемника; въ 1725 году, царь Петръ, уже императоръ всероссійскій, коронуетъ свою супругу Екатерину императорскою корою, что даетъ въ недалекомъ будущемъ поводъ Меншикову и его «конфидентамъ» возвести Екатерину I на престолъ, опираясь на фактъ ея вѣнчанія на царство. Въ 1724 году, среди коронаціонныхъ торжествъ въ Москвѣ, до Петра Великаго впервые достигаетъ страшная вѣсть — на этотъ разъ въ видѣ неяснаго слуха — о его «сердешненькомъ другѣ Катериношкѣ», для которой онъ такъ много сдѣлалъ, которую изъ ничтожества возвелъ онъ на высоту своего императорскаго престола: до него доходитъ молва, что Екатерина ему невѣрна. Счастливымъ соперникомъ Петра Великаго является красивый, легкомысленный, ограниченный и лукавый камергеръ Екатерины, Виллиамъ Ивановичъ Монсъ, братъ Анны Монсъ, старинной привязанности Петра Великаго! Въ ноябрѣ 1724 года, совершилась смертная казнь Виллиама Монса, обвиненнаго официально во взяткахъ; его сестра, Матрена Ивановна Балкъ, высѣчена плетьюми и сослана въ Тобольскъ. По разслѣдованію оказалось, что связь Екатерины съ Монсомъ была продолжительною, что она началась съ того роковаго для Петра Великаго 1715 года, въ который онъ открыто разсорился съ царевичемъ Алексѣемъ, въ тотъ самый годъ, когда родился у него другой наслѣдникъ — царевичъ Петръ.

Если глубже вдуматься во всѣ вышеприведенные факты, то легко понять, какія страшныя чувства должны были взволновать мощный духъ Петра Великаго послѣ тѣхъ данныхъ, которыя всплыли наружу въ процессѣ Монса. А потому не думаемъ, чтобы простуда на Финскомъ заливѣ была единственною причиною кончины царя. Можно предполагать, что онъ медлялъ съ кровавой расправой, что онъ боролся, но что участь Екатерины и Меншикова была уже предрѣшена имъ... По всей вѣроятности, не Екатерина ѣжелалъ отдать русскій престолъ умирающей императору, когда изъ рукъ его выпало перо, которымъ онъ едва могъ написать «отдайте все», но кому и что — неизвѣстно.

Такою трагическую роль сыграла фамилія Монсовъ, проходимцевъ-иновѣмцевъ, въ исторіи Петра Великаго и вмѣстѣ съ тѣмъ въ исторіи всего русскаго народа.

Мы представили лишь контуръ тѣхъ событій, которыя подробно рассказаны въ книгѣ М. И. Семевского. Поворная, пошлая личность камергера Момса, этого прототипа временщиковъ изъ нѣмцевъ послѣдующаго времени, рельефно выступаетъ въ талантливомъ изложеніи г. Семевского. Книга снабжена прекрасно исполненными на деревѣ портретами и рисунками, заимствованными изъ «Исторіи Петра Великаго» А. Г. Брикнера, изданной А. С. Суворинимъ. Изъ многочисленныхъ приложений къ книгѣ, состоящихъ въ извлеченіяхъ изъ документовъ государственнаго архива, заслуживаютъ на нашу взгляды особаго вниманія слѣдующія: 1) Письма В. Момсу разныхъ высокопоставленныхъ русскихъ людей съ просьбами о протекціи и помощи въ дѣлахъ (всего числомъ 23), болѣе половины которыхъ принадлежатъ А. П. Волинскому, униженно заискивавшему въ покровительствѣ сильнаго временщика. 2) Письмо В. Момса къ Александрѣ Григорьевичъ Салтыковой, рожденной княжнѣ Долгоруковой, сосланный въ 1730 году, во время опалы князей Долгорукихъ при Аннѣ Иоанновнѣ, въ нижегородскій Рождественскій женскій монастырь. Это письмо, относящееся къ 1719 или 1720 году, писано Момсомъ отъ лица неизвестной «женской персоны», порусски, но латинскими литерами, на «слободскомъ языкѣ» (т. е. на языкѣ, бывшемъ въ ходу въ Нѣмецкой слободѣ), какъ отмѣчено въ подлинномъ дѣлѣ. Приводимъ начало этого курьезнаго письма. «Sdrawstwoy matuska allesandra grigorgefna, bose dai wam dobrago zdorofge, sof ise Famil.. wassei, selaju dabie piessange mage was maiju goschudarinu fdobrom strafge sastalla... и т. д. (см. прилож. VI, на стр. 289). 3) Стихи, писанные рукою Егора Столѣтова, секретаря В. Момса. Стихи эти составляютъ подражаніе полунспорченному книжной передѣлкой народнымъ русскимъ пѣснямъ, которыми наполнялись рукописные сборники пѣсенъ и романсовъ, бывшіе въ большомъ ходу на Руси въ XVIII в. Стихотворенія, писанныя рукою Столѣтова, приведены г. Семевскимъ не всѣ, а лишь три, для образца (см. прилож. XI, стр. 307—308). Вотъ начало перваго изъ этихъ стихотвореній.

Отъ свѣтъ мой горькій, моеи молодости
 Печално терпѣть, не имѣю радости,
 Мои утѣхи въ плачь ся превратились,
 Мои роскоши уже пременялись,
 Тяжкая туга мене сокрушаетъ,
 Злая же печаль жизни мя лишаетъ.

Егоръ Столѣтовъ, приказный и весьма искусный подъячій, былъ человѣкъ довольно образованный для своего времени. Прекрасно зная тогдашніе указы и приказные порядки, онъ былъ хорошо знакомъ съ языками польскимъ и нѣмецкимъ.

Весьма жаль, что книга г. Семевского не снабжена алфавитнымъ указателемъ личныхъ именъ, что весьма облегчило бы справку, и что корректура не всегда исправна. Встрѣчается нѣсколько опечатокъ въ родѣ того, что Петръ Великій скончался 28 января 1825 года (стр. 231). Для чего также извѣстный московскій бояринъ и сподвижникъ первыхъ годовъ Петра Великаго Шеинъ превращенъ въ нѣмца Шейна (стр. 7—8). Такіе недостатки не должны бы имѣть мѣста въ столь интересной по содержанию и столь изящно изданной книгѣ, какой является монографія М. И. Семевского о Момсахъ и Екатеринѣ I.

Д. Корсаковъ.

Приложеніе къ изслѣдованію «Земскіе соборы древней Руси». Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII столѣтія (1619—1620, 1648—1649 и 1651 годовъ). Василя Латкина. Спб. 1884.

Честь открытія матеріаловъ для исторіи соборовъ 1619—1620 и 1651 годовъ принадлежитъ профессору Дятлину, который объясняетъ, что нашелъ ихъ въ архивѣ министерства юстиціи, гдѣ прежде всего наткнулся, въ одномъ изъ такъ называемыхъ столбцовъ XVII столѣтія, на цѣлый свертокъ бумагъ, касающихся исключительно Собора 7169 года (1651 г.). Заинтересовавшись ими, г. Дятлинъ подробно ознакомился съ ихъ содержаніемъ и пришелъ къ заключенію, что онѣ во многихъ отношеніяхъ имѣютъ очень важное значеніе. Спустя нѣсколько времени послѣ этой находки, онъ натолкнулся еще на одинъ очень интересный памятникъ, касающійся также Собора, соымавашагося въ 7128 году (1620 г.). Далѣе г. Дятлинъ, авторъ статьи «Къ вопросу о земскихъ Соборахъ XVII столѣтія»¹⁾, прибавляетъ слѣдующую замѣтку: «помнится, въ началѣ 1883 года въ газетахъ появился слухъ, что будто бы найдены (слухъ повторенъ былъ и г. Пыпинимъ въ его статьѣ объ изученіи русской народности) какіе-то подлинные протоколы Земскихъ Соборовъ. Наша находка, не имѣетъ никакого отношенія къ этому слуху. Втеченіе всего времени нашихъ занятій въ московскихъ архивахъ, ничего подобнаго этимъ протоколамъ никѣмъ не было найдено; да, думается намъ, и не будетъ найдено, такъ какъ едва ли они когда нибудь и существовали: мы предполагаемъ, что ничего подобнаго протоколамъ, въ нашемъ смыслѣ, засѣданій Соборовъ и не ведось».

Такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло не съ тѣми документами, о которыхъ прошла такая шумная молва, но съ другими, случайно найденными и, какъ увидимъ далѣе, вѣсакми, представляющими немалый интересъ. Мы вполне соглашаемся съ г. Дятлинымъ, что едва ли существовали протоколы засѣданій Земскихъ Соборовъ, по слѣдующимъ, полагаемъ, не совсемъ обосновательнымъ причинамъ: въ допетровской Руси существовали многія судебныя и административныя мѣста (строгаго раздѣленія администраціи отъ суда, какъ извѣстно, не было), но мы не помнимъ, чтобы были найдены собственно протоколы ихъ засѣданій, каковыя, сколько знаемъ, не находятся и въ актахъ юридическихъ и историческихъ. Извѣстно также, что канцелярское дѣлопроизводство древней Руси отличалось величайшей простотой и несложностью и что распложеніе бумажнаго дѣлопроизводства постепенно возросло сообразно тому, какъ сталъ плодиться чиновникъ, для котораго было очень выгодно, по причинамъ яснымъ и понятнымъ, плодить писавіе и усложнять канцелярское дѣлопроизводство. Намъ неизвѣстно, существовали ли въ древнемъ канцелярскомъ порядкѣ даже журналы входящихъ и исходящихъ бумагъ, а если и существовали, то въ какой формѣ. Во всякомъ случаѣ, можно поручиться за одно, а именно, что древняя, допетровская Русь и не умѣла, и не любила писать и, конечно, далеко отстала въ этомъ отношеніи отъ петровской Руси, достигшей великаго искусства обращать одну и ту же бумагу въ одномъ и томъ же мѣстѣ до 25 разъ. Поговорка: «какъ чиновникъ за перо возьмется, то у мужика мошна и борода трясется», образовалась не въ древній, а въ петровской періодъ времени.

¹⁾ «Русская Мысль», 1883 года, декабрь.

Материалы, на данные г. Латкинымъ въ разсматриваемой нами книгѣ, и есть тѣ самыя, которые были найдены г. Дятлянымъ и о которыхъ мы говорили выше. Кромѣ этихъ документовъ, г. Латкинъ рѣшилъ издать также и другіе, относящіеся до исторіи («миѣ кажется, — прибавляетъ почтенный издатель, — я не ошибусь, выразившись такимъ образомъ») нашего учредительнаго собранія, или Собора 1648—1649 годовъ, результатомъ дѣятельности котораго было извѣстное Уложеніе царя Алексѣя Михайловича. За указаніе этихъ документовъ г. Латкинъ всецѣло обязанъ помощнику начальника отдѣленія архива министерства юстиціи, А. Н. Зерцалову. Благодаря ему, издателю удалось собрать изрядное количество документовъ, касающихся исторіи Собора 1648—1649 года. Кромѣ того, А. Н. Зерцаловъ, самъ занимавшійся исторіею этого Собора, сообщилъ г. Латкину результаты своихъ трудовъ, напечатанныхъ послѣднимъ въ приложеніи (кромѣ списка лицъ, бывшихъ членами Собора, напечатаннаго подъ рубрикой: Земскій Соборъ 1648—1649 гг.).

Царствованіе Михаила Федоровича является временемъ развитія древне-русскаго представительства, его «золотымъ вѣкомъ», по мѣткому выраженію Загоскина. Одно время Земскій Соборъ превращается даже въ постоянное учрежденіе и продолженіе многихъ лѣтъ безъ перерыва дѣйствуетъ рядомъ и вмѣстѣ съ правительствомъ, трудясь надъ общимъ дѣломъ умиротворенія государства и урегулированія всей его жизни, всѣхъ его отправленій, приведенныхъ въ расстройство анархіей Смутнаго времени. Представители всѣхъ чиновъ Московскаго государства, можно сказать, не выѣзжаютъ изъ Москвы, а если выѣзжаютъ, то смѣняются другими. Начиная съ 1613 года и вплоть до 1622 московское правительство не дѣлаетъ ни шагу безъ Земскаго Собора, въ особенности въ первое время послѣ избранія царя, когда центръ управленія государствомъ сосредоточивается въ Соборѣ, имѣвшемъ даже свою собственную печать. Трудно рѣшить, за неизмѣненіемъ данныхъ, сколько было Соборовъ за это время и какъ долго продолжался каждый, но можно только предполагать.

Царь Алексѣй Михайловичъ, желая уничтожить возможность печальныхъ явленій, такъ сильно сказавшихся въ страшный мятежъ 1648 года, созвалъ въ Москвѣ 1-го сентября этого года Земскій Соборъ, плодомъ дѣятельности котораго былъ древне-русскій государственный укладъ: Уложеніе царя Алексѣя Михайловича. Въ наукѣ долго существовалъ ложный взглядъ на роль этого Земскаго Собора при созданіи упомянутаго законодательнаго памятника. Нѣкоторые ученые утверждаютъ, что выборные люди не принимали никакого участія въ составленіи Уложенія, явившагося, по ихъ мнѣнію, плодомъ дѣятельности только одной правительственной комиссіи, съ княземъ Н. И. Одоевскимъ во главѣ (образованной, какъ извѣстно, еще до пріѣзда выборныхъ въ Москву). Дѣятельность выборныхъ заключалась въ слушаніи Уложенія и въ приложеніи къ нему своихъ рукъ. Такимъ образомъ выходитъ, что Земскій Соборъ не вложилъ ни частицы своего труда въ составленіе Уложенія и неизвѣстно для чего былъ созванъ въ Москву. Не пускаясь въ подробности, приводимыя г. Латкинымъ, скажемъ, что, съ другой стороны, вліяніе выборныхъ на составленіе многихъ статей Уложенія было доказано нѣкоторыми учеными (Щаповъ, Сергѣевичъ), а особенно Н. П. Загоскинымъ, который доказалъ, что при участіи выборныхъ составлены 82 статьи, размѣченныя въ 8 главахъ, что составляетъ 8,5% общаго количества статей Уложенія. Хотя такимъ образомъ болѣе или менѣе и опре-

дѣлилась роль, которую играли выборные при составленіи Уложения, но, все-таки, до сихъ поръ не были извѣстны прямыя указанія на ихъ участіе въ правительственной комиссіи. Печатаемые г. Латкиннми документы являются этими прямыми указаніями, которыхъ еще не доставало.

Документы эти—челобитныя отъ выборныхъ на имя царя, съ просьбой о выдачѣ имъ жалованья. Въ нихъ сплошь да рядомъ встрѣчаются такія фразы: «а быти имъ (т. е. выборнымъ) на Москвѣ въ приказѣ у бояръ для государевыхъ и земскихъ дѣлъ», или еще точнѣе: «а быти имъ въ приказѣ у бояръ, у князя Н. И. Одоевского (предсѣдателя комиссіи) съ товарищи». За это участіе въ работахъ комиссіи выборные получали большее вознагражденіе сравнительно съ тѣми, которые въ ней не участвовали. Другіе документы также относятся къ Собору 1648—1649 году. Изъ нихъ видно, что правительство вообще вознаграждало выборныхъ на Соборъ (по крайней мѣрѣ, это имѣло мѣсто въ 1648—1649 г.) и тяжесть содержанія ихъ не падала исключительно только на однихъ избирателей, какъ это думали нѣкоторые ученые. Затѣмъ выборные не имѣли права уѣзжать изъ Москвы до окончанія занятій Собора, такъ какъ, по выраженію правительства, «отъ государева и земскаго дѣла еще не отдѣлялись».

Существо челобитныхъ, входящихъ въ число изданныхъ г. Латкиннми матеріаловъ, заключается въ однихъ и тѣхъ же просьбахъ, т. е. или челобитники просятъ доплатить, додать жалованье противъ другой братьи выборныхъ людей, или уплатить жалованье, котораго вовсе не было дано.

Въ памяти Богдану Силину о вознагражденіи денежнымъ жалованьемъ выборныхъ изъ Одоева за ихъ участіе вмѣстѣ съ князьями Н. И. Одоевскимъ, С. В. Прозоровскимъ, Ѳ. Ѳ. Волконскимъ и съ дьяками въ комиссіи по составленію Уложения, между прочимъ, сказано: «велѣлъ имъ своего государева денежнаго жалованья придачи учинить къ прежнимъ ихъ окладамъ по пяти рублей человѣку, за то, что они въ нынѣшнемъ, въ 157 году, по выбору Одоевскихъ всякихъ чинновъ людей, были на Москвѣ для государевыхъ и земскихъ дѣлъ въ приказѣ съ бояри: съ княземъ Никитю Ивановичемъ Одоевскимъ, да со княземъ Семеновъ Васильевичемъ Прозоровскимъ, да съ окольничемъ со княземъ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ Волконскимъ и съ дьяками. И по государеву, цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Русіи указу дьяку Богдану Силину, Одоевцамъ (такимъ-то) государеву жалованье, денежную придачу въ Костромской чети (въ книгѣ велѣтъ справить), по сему государеву указу, къ прежнимъ ихъ окладамъ справить».

Акты, найденные г. Дяткиннми, относятся къ Собору, созывавшемуся въ 17159 году (этотъ годъ соотвѣтствуетъ 1651 году отъ Рождества Христова), именно въ февралѣ, на такъ называемое сборное воскресенье, т. е. первое великопостное. Акты эти говорятъ объ отправленіи выборныхъ людей изъ городовъ въ Москву на Соборъ, въ указанный срокъ—сборное воскресенье. Наша ученая литература такого Собора въ февралѣ 1651 года не знаетъ, за исключеніемъ одного стараго сочиненія—извѣстной исторіи Малой Россіи Ваттышъ-Каменскаго. О немъ ни слова нѣтъ ни у Вѣляева, ни у Соловьева, ни у Загоскина, ни у Сергѣевича; всѣ эти ученые, перечисляя соборы, имѣвшіе мѣсто въ царствованіе Алексѣя Михайловича, отъ собора, что сованъ былъ лѣтомъ 1650 года по поводу мятежа въ Псковѣ, прямо переходятъ къ Собору 1653 года, принимаемому за послѣдній общесловный въ царствованіе Алексѣя Михайловича и созывавшемуся царемъ для обсужденія вопроса

о присоединеніи Малороссіи и войнѣ съ Польшей. Найденныя г. Дитятинымъ грамоты говорятъ о Соборѣ для обсужденія «царственнаго великаго земскаго и литовскаго дѣла», каковымъ только могло быть въ то время именно дѣло о присоединеніи Малороссіи и разрывѣ по этому поводу съ Польшей.

Оставляя всѣ дальнѣйшія доказательства существованія Собора 1651 года, доказательства вѣрныя и ясныя, приводимыя г. Дитятинымъ, скажемъ, что упомянутый Соборъ 1651 года есть несомнѣнный историческій фактъ, а не какое-то предположеніе К. С. Аксакова, какъ выражается профессоръ Загоскинъ («Исторія права московскаго государства», томъ I). Такимъ образомъ выходитъ, что когда установленъ фактъ существованія Собора 1651 года о томъ же самомъ дѣлѣ (т. е. по вопросу о присоединеніи Малороссіи и войнѣ съ Польшею), то приходится согласиться съ предположеніемъ г. Аксакова, что вопросъ о присоединеніи Малороссіи, а, стало быть, и о войнѣ съ Польшей, былъ рѣшенъ гораздо раньше Собора 1653 года, и рѣшенъ именно, какъ онъ утверждалъ, на Соборѣ.

«Теперь, говоритъ г. Дитятинъ, точно установленъ фактъ, что найденныя нами въ архивѣ министерства юстиціи бумаги относятся именно къ Собору 19-го февраля 1651 года, обратимся къ ознакомленію съ ихъ содержаніемъ. Прежде всего замѣтимъ, что всѣ онѣ, исключая двухъ, не что иное, какъ воеводскіе отвѣты, или, какъ ихъ тогда называли, отписки въ Москву, въ формѣ челобитенъ, о томъ, что царскія грамоты, предписывавшія произвести выборы «лучшихъ всякихъ чиновъ людей» къ государеву земскому дѣлу и прислать ихъ въ Москву къ сроку, воеводами получены и по нимъ сдѣлано то или другое исполненіе. Одна грамота представляетъ собою повторительную царскую грамоту о высылкѣ въ Москву на Соборъ выборныхъ людей, это—такъ называемая «призывная» грамота, и одна — приговоръ о выборѣ представителей, или, какъ онъ тогда назывался, выборъ за руками. Грамоты, касающіяся Соборовъ и подобныхъ этимъ воеводскимъ отпискамъ, не напечатано до сихъ поръ ни одной, а потому, уже въ виду одного этого обстоятельства, онѣ заслуживаютъ вниманія. Но онѣ въ высшей степени любопытны, по нашему мнѣнію, по самому существу своему. Въ нихъ мы встрѣчаемъ интереснѣйшія данныя по такимъ вопросамъ общаго характера, какъ вопросъ о торгово-промышленномъ населеніи городовъ XVII столѣтія, о взаимномъ отношеніи отдѣльныхъ воеводъ другъ къ другу, отношенія ихъ къ управляемому населенію и т. п.; кромѣ того, въ нихъ уясняется многое по отношенію къ качественному и количественному составу Земскихъ Соборовъ, къ выборамъ малолетнихъ людей и т. д. Всѣхъ воеводскихъ отписокъ, или челобитенъ, оказалось въ найденномъ сверткѣ—47: онѣ присланы изъ 44 городовъ. По отношенію къ формѣ, онѣ всѣ совершенно тождественны: каждая начинается, вслѣдъ за обращеніемъ, изложеніемъ содержанія той призывной царской грамоты, которую воевода получилъ по данному предмету и въ которой опредѣлялось число выборныхъ отъ дворянъ и посадскихъ каждаго города; затѣмъ, воевода пишетъ, выбраны ли они и сколько отъ тѣхъ и другихъ, причемъ объясняются обыкновенно причины избранія меньшаго числа выборныхъ, если это имѣло мѣсто, чѣмъ сколько ихъ требовали изъ Москвы; при этомъ иногда воевода рассказываетъ, какъ произведены самыя выборы; наконецъ, въ заключеніе сообщается, когда выборные высланы къ Москвѣ, и обыкновенно прилагается имя каждаго. Если выборы не могли быть произведены или выборные не могли быть высланы въ Москву къ указанному сроку, то и другое объясняется въ отпискѣ».

Обратимся къ Собору 7128 года (1620 г.). Мы уже имѣли случай замѣтить, со словъ г. Латкина, что трудно рѣшить, сколько было Соборовъ втеченіе времени съ 1613 и вплоть до 1622 года и какъ долго продолжался каждый, но можно только предполагать. Извѣстно, что избирательный Соборъ 1613 года продолжался до 1615 года (включительно). Въ этомъ году онъ прекратилъ свое существованіе. Въ 1616 году, засѣдалъ уже новый Соборъ; онъ же, по всей вѣроятности, продолжалъ засѣдать и въ 1617 и 1618 годахъ, въ пользу каковаго мнѣнія г. Латкинымъ приводятся вѣскія доказательства. Также весьма возможно, что Земскій Соборъ 1619 года, по инициативѣ котораго митрополитъ Филаретъ былъ возведенъ на патриаршій престолъ, былъ тоже сессіей Собора 1616 года, съ чѣмъ также согласенъ и г. Загоскинъ и что утверждаетъ, хотя безъ всякихъ доказательствъ, И. Д. Бѣляевъ. Соборъ этотъ, въ числѣ другихъ постановленій, санкціонировалъ слѣдующее: «И изъ городовъ и со всѣхъ для вѣдомости и для устроенья ввѣять къ Москвѣ, выбравъ изъ духовныхъ людей по человѣку или дву, да изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ дву человѣкъ добрыхъ и разумныхъ; да по два человѣка посадскихъ людей, которые бѣ умѣли разсказывать обиды и насильства, разоренья и чѣмъ Московскому государству полнитца и ратныхъ людей пожаловать и устроить бы Московское государство, чтобъ пришло все въ достоинство». Въ царскихъ же грамотахъ «съ собору» къ воеводамъ правительство писало: «А выборныхъ бы еста людей, которыхъ выберутъ, отпустили бы къ намъ къ Москвѣ не мѣшая, чтобъ вамъ и отцу нашему и богомольцу о всемъ разореньѣ было вѣдомо».

Когда же состоялся этотъ новый Соборъ? До послѣдняго открытія г. Дитятина это было неизвѣстно; теперь же мы имѣемъ полное основаніе сказать, что новый Соборъ имѣлъ мѣсто пять мѣсяцевъ спустя послѣ окончанія предыдущаго, т. е. въ концѣ 1619 года (въ 1620 г. по старому лѣтосчисленію, когда новый годъ считался съ 1-го сентября). Документъ, изъ котораго мы можемъ ввѣять о существованіи Собора, есть такъ называемая отсрочная грамота. Она писана на имя устюжскаго воеводы Ф. Гр. Бутурлина и содержитъ въ себѣ извѣщеніе о томъ, чтобъ воевода не высылалъ выборныхъ въ Москву къ предназначенному сроку (Покровъ Пресвятой Богородицы), а выслалъ бы ихъ къ Николину дню, такъ какъ, по случаю побѣды царя на богомоли, засѣданія Земскаго Собора отсрочиваются. Подобныя грамоты не были еще ни разу напечатаны, хотя (какъ справедливо замѣчаетъ г. Дитятинъ) на существованіе ихъ имѣются указанія.

Весьма возможно, что Соборы 1621 и 1622 годовъ были тоже не самостоятельными Соборами, а просто сессіями Собора 1619 — 1620 года, который, такимъ образомъ, прекратилъ свое существованіе въ 1622 году. Изъ этого видно, что 1622 годъ — есть эпоха прекращенія постояннаго Собора, такъ какъ вплоть до 1632 года Земскій Соборъ болѣе не собирался.

Мы на столько подробно изложили содержаніе книги г. Латкина и существо документовъ, открытыхъ г. Дитятинымъ, что представляется вполне возможнымъ вывести вѣрное заключеніе о большомъ значеніи въ нашей исторической литературѣ упомянутыхъ какъ книги, такъ и документовъ, тѣмъ болѣе, если примемъ въ соображеніе величайшую бѣдность нашей литературы, имѣющей отношеніе къ такому въ высшей степени важному, почти нетронутому вопросу, какъ исторія Земскихъ Соборовъ.

И. Вѣловъ.

Соціализмъ, какъ правительство. И. Тэна. Переводъ съ англійскаго С. Никитенко. Спб. 1885. Изданіе А. Е. Рябенко.

Названная книжка, интересная, какъ все, что выходитъ изъ-подъ пера даровитаго историка и блестящаго, хотя иногда парадоксальнаго, изслѣдователя французской революціи, отличается значительною отрывочностью, даже неподѣланностью наложенія, если смотрѣть на нее, какъ на отдѣльный политико-соціальный трактатъ, вставшійся за рѣшеніе стараго вопроса о предѣлахъ власти государства надъ личностью и при этомъ кстади ломающій копыя противъ социализма, представителями котораго у Тэна являются якобинцы.

Рѣшать въ летучей брошюрѣ такой жгучій вопросъ современности, какъ практическое значеніе государственнаго вмѣшательства въ экономическую и инныя сферы жизни общественной,— крайне рискованно. Если къ тому же окрестить это вмѣшательство огульно социализмомъ, забывая, что социализмъ не что иное, какъ наука, рассматривающая человѣка въ смыслѣ члена не только политическаго, но и экономическаго общества во взаимномъ ихъ отношеніи, то впечатлѣніе отъ подобнаго памфлета получится крайне неопредѣленное. Эта неопредѣленность въ настоящемъ случаѣ усиливается еще тѣмъ, что въ текстѣ брошюры Тэна нигдѣ не говорится собственно о социализмѣ того или другаго оттѣнка, а всѣ аргументы направлены противъ французскихъ якобинцевъ конца прошлаго столѣтія, въ параллель съ которыми, по части господства надъ совѣстью и всею внутренней жизнью гражданъ, приводится лишь примѣръ господства іезуитовъ въ Парагваѣ. Но этотъ примѣръ не стоило и извлекать изъ исторической пыли и заслуженнаго забвенія, какъ вовсе непримѣнимый къ вопросу о социалистическомъ характерѣ правительствъ въ образованныхъ странахъ. Можно ли серьезно приводить въ доказательство зловредности подобной диктатуры надъ совѣстью и жизнью человѣческихъ существъ то, что «фисаіономія парагвайскихъ индійцевъ напоминала животное, попавшее въ ловушку»? Мало ли найдется въ той же Америкѣ примѣровъ религіозно-социалистическихъ общинъ съ правами и устройствомъ совершенно исключительными; но можно ли затѣмъ, обобщая эти примѣры, ратовать противъ захвата государствомъ или общиною цѣлкомъ заботы объ умственномъ и нравственномъ развитіи своихъ членовъ, а также — производства и распредѣленія между послѣдними предметовъ, необходимыхъ для матеріальнаго благосостоянія (какъ оговорено въ предисловіи къ брошюрѣ)?

Немногимъ ближе къ намъ и идеалы якобинцевъ; опровергать ихъ гораздо умѣстнѣе въ самой исторіи революціи, эпизодическое явленіе которой они составляютъ, чѣмъ приурочивать ихъ къ современному социализму, очень мало на нихъ похожому по своей коренной тенденціи. По мнѣнію якобинцевъ, можно было путемъ декретовъ, кабинетныхъ распоряженій, преобразовать гражданина, «навязать ему естественную религію, гражданское воспитаніе, однообразіе въ нравахъ и обычаяхъ, спартанскую добродѣтель». Въ соответствии съ этой характеристикой, дѣлаемой Тэномъ, можно бы поставить равнѣ только социалистическія утопіи, вызванныя пламеннымъ исканіемъ идеала, но также перешедшія въ область исторіи. Что общаго имѣютъ эти приврачныя стремленія съ программами крупнѣйшихъ представителей социализма новыхъ временъ, который принааетъ историческую преемственность экономическихъ явленій, исходить въ своихъ чаяніяхъ и преобразованіяхъ

въ существующаго порядка, и хотя считаетъ этотъ порядокъ отживающимъ, но въ немъ же ищетъ, «старается высвободить», элементъ новаго общества, чтобы такимъ образомъ мало-по-малу подготовить будущее. Неудивительно, что при такой неточности терминологіи, въ книжкѣ Тэна встрѣчается усиленное огражденіе отъ покушеній со стороны государства такихъ неотъемлемыхъ принадлежностей современнаго человѣка, какъ «совѣсть и честь»; между тѣмъ, въ неприкосновенности этихъ послѣднихъ отъ грубаго насилія въ образованномъ обществѣ не можетъ быть и спора, даже при постепенныхъ, социалистическаго свойства, преобразованіяхъ, если послѣднія проложатъ себѣ болѣе рѣшительно дорогу въ европейскія законодательства. Государственное вмѣшательство, привываемое многими и частію уже проникающее (хотя еще очень недостаточно) въ экономическую сферу общественныхъ отношеній, на защиту слабосмысленныхъ, для урегулированія создавшихся мало-по-малу явленій несвободы и несправедливости экономической,—ничѣмъ не вытѣсняется для подобнаго же вмѣшательства въ политическую жизнь, гдѣ она существуетъ, а тѣмъ болѣе во внутреннюю, интимную сферу отдѣльной человѣческой личности. Въ этомъ отношеніи индивидуальная свобода установлена достаточно прочно, на сколько не мѣшаетъ ей экономическая несвобода, проявляющаяся съ ней рядомъ.

Расточая восторженные панегирики свободѣ личности, Тэнъ вмѣстѣ съ тѣмъ является защитникомъ такъ называемаго просвѣщеннаго деспотизма, быть можетъ, впрочемъ, больше для уязвленія несовершенствъ представительныхъ, выборныхъ порядковъ, которые онъ удичаетъ въ случайности, въ отсутствіи всякихъ гарантій при опредѣленіи достоинства депутата самимъ избирателемъ: избираемый будто бы не имѣетъ обыкновенно даже такой рекомендаціи, какая нужна для найма слуги; въ результатъ при избраніи подавляется воля меньшинства. Авторъ забываетъ, что при такихъ историческихъ примѣрахъ, какъ приводимые имъ Филиппъ II и Людовикъ XIV, за которыми, по его словамъ, во время релігіозныхъ преслѣдованій, стояло большинство націи, столь же нетерпимое, какъ и они, было также подавляемо меньшинство, и, конечно, гораздо болѣе значительное, чѣмъ подавляется при парламентаризмѣ. Тэнъ указываетъ еще на Петра Великаго, который хотя подгонялъ «московскихъ медвѣдей, дрессировалъ ихъ и заставлялъ плясать на европейскій ладъ, но оставался православнымъ главою ихъ церкви и не трогалъ міра (крестьянской общины)».

Все это служитъ лишь новымъ подтвержденіемъ того, что въ случаѣ государственной необходимости, въ критическіе моменты, для безопасности или пользы общественной, права государственной власти принимаются на практикѣ очень широкія; мигуетъ переходная пора—и стѣсненія личности сами собой отпадаютъ. Нужно желать только, чтобы такая польза совпадалась правильно, чтобы государство не считалось чѣмъ-то внѣшнимъ, отдѣльнымъ отъ общества и даже находящимся съ нимъ въ антагонизмѣ. Это особенно относится къ вмѣшательству государства въ экономическія отношенія; не бѣда, если бы даже это вмѣшательство соотвѣтствовало такимъ, напримѣръ, положеніямъ «якобинизма» у Тэна, какъ — стѣсненіе пользованія собственностью, стѣсненіе труда, вмѣшательство въ общественныя предпріятія и т. п. Сюда именно можно подвести много принятыхъ уже въ европейскихъ законодательствахъ или еще желаемыхъ мѣръ, вроде опредѣленія властью продолжительности рабочаго дня, ограниченія труда женщинъ и дѣтей, законовъ

противъ чрезмѣрнаго сосредоточенія поземельной собственности въ немногихъ рукахъ и т. п. А что сказать о проведенной Гладстономъ ирландской аграрной реформѣ 1881 года, несомнѣнно нарушавшей права собственности лордовъ? Но крупнѣйшимъ историческимъ примѣромъ въ этомъ направленіи остается, безъ сомнѣнія, освобожденіе крѣпостныхъ съ землею въ Россіи. Приведенные примѣры, отъ великихъ до малыхъ, подтверждаютъ, что вмѣшательство государственной власти въ защиту слабыхъ, по разнымъ причинамъ, членовъ общества не можетъ не явиться благотворнымъ, хотя и бываетъ сопряжено иногда съ насиліемъ. Конечно, не всякое государственное вмѣшательство въ экономическую область полезно: можно бы даже изъ русской исторіи текущаго столѣтія привести примѣры какъ разь противоположныя (военныя поселенія при Аракчеевѣ); но вѣдь до сихъ поръ еще на исторической аренѣ и не было примѣра настоящаго государственнаго социализма, правильно организованнаго, при должномъ участіи общественныхъ силъ. Рѣчь могла идти только о просвѣщенномъ деспотизмѣ, съ извѣстными социалистическими или же патриархально-отеческими тенденціями; даже бисмарковскій социализмъ не составляетъ исключенія.

При такомъ положеніи вещей, когда современный социализмъ, даже въ практической своей формѣ, еще не составляетъ угрозы свободѣ личности (на сколько послѣдняя сама не притѣсняетъ другихъ лицъ), слишкомъ ранними являются предостереженія, вродѣ книжки Тэна или вышедшей въ прошломъ году брошюры Спенсера «Грядущее рабство». Послѣдній авторъ еще рѣче Тэна и уже прямо выступаетъ противъ ожидаемаго социализма, категорически объявляя, что въ какой бы формѣ онъ ни появился, непременно заключаетъ въ себѣ деспотизмъ, рабство. Онъ не упоминаетъ отдѣльно объ анархическихъ ученіяхъ, порожденныхъ отчаяніемъ или невѣжествомъ и обыкновенно относимыхъ безъ разбора къ социализму, а между тѣмъ къ нимъ-то и болѣе примѣнимы ожиданія брошюры. При всемъ уваженіи къ крупнымъ ученымъ именамъ обоихъ авторовъ, нельзя не указать на несоотвѣтствіе ихъ опасенія возможныхъ въ будущихъ волъ съ такими плачевными примѣрами, какіе представляетъ жизнь въ современномъ, чисто индивидуалистическомъ, напримѣръ, лондонскомъ обществѣ. Случаи эти воспроизведены въ той самой книжкѣ Спенсера, гдѣ онъ возвѣщаетъ людямъ грядущее рабство, не особенно останавливаясь на настоящемъ, уже существующемъ рабствѣ, какъ результатѣ безграничной конкуренціи и другихъ принадлежностей экономической «свободы».

«Нѣтъ такой политической алхиміи, — говоритъ Спенсеръ, — посредствомъ которой можно было бы получить золотое поведеніе изъ свинцовыхъ истинностей». Эти истинности иллюстрируются у него цѣлымъ рядомъ мимолетныхъ характеристикъ изъ лондонской жизни, напримѣръ, такого рода: «въ числѣ десятковъ тысячъ звѣзакъ, появляющихся при каждой процессіи изъ глухихъ переулковъ и заднихъ дворовъ, есть личности, живущія тѣмъ или другимъ способомъ насчетъ порядочныхъ людей, настоящіе или будущіе преступники; юности, лежащія тяжелымъ бременемъ на своихъ истомленныхъ трудомъ родителяхъ; мужья, отнимающіе заработки у женъ; молодцы, живущіе на содержаніи у проститутокъ, а рядомъ — и вполне соотвѣтствующій классъ женщинъ». При такихъ яркихъ образахъ, составляющихъ достояніе настоящаго времени, результатъ общества, имѣющаго очень мало общаго съ «социализмомъ», приходитъ на мысль, что грядущее раб-

ство Спенсера, стѣсненіе личной свободы социалистическимъ правительствомъ у Тэна — бѣды еще проблематическія и, такъ сказать, сантиментальныя, въ сравненіи съ причинами нарожденія этихъ десятковъ тысячъ молодежи и соответствующихъ имъ женщинъ въ современномъ европейскомъ обществѣ, которое будто бы еще не заражено рабствомъ. Эта десятитысячная масса, плодъ безусловнаго индивидуализма, какіе истинныя внесетъ она въ общество? Самъ Спенсеръ называетъ эти истинныя свинцовыми, препятствующими социальному обновленію. Можно бы прибавить еще, что именно въ нихъ кроется объясненіе нынѣшняго анархизма, вражды къ обществу. Отсюда видно, на сколько правъ Тэнтъ, предусматривая подобныя же явленія только въ будущемъ отъ ненавистнаго ему государственнаго вмѣшательства. По его словамъ, именно отъ стѣсненія свободы личности страна наводняется «выдрессированными рабами или противозаконными (?) разбойниками. Люди превращаются въ грубое стадо отупѣвшихъ существъ, покорныхъ исключительно животному истинниту... становятся низкими, дживыми, испорченными существами, въ конецъ лишенными чести и совѣсти». Нельзя не замѣтить, что эта квалифікація Тэна почти совпадаетъ съ приведенными картинами Спенсера, хотя тотъ и другой говорятъ о разновременномъ состояніи общества.

Конечно, государству недостаточно только ограждать «честь и совѣсть» людей (по выраженію Тэна), чтобы стали «размножаться усердные и способные работники, землевладѣльцы, фабриканты, купцы, ученые, художники, изобрѣтатели, мужья и жены, отцы и матери, патріоты, филантропы и сестры милосердія», какъ декламируетъ далѣе французскій историкъ, введенный въ неподходящую ему роль публициста. Честь и совѣсть несомнѣнно ограждены въ Англіи, и, однакожь, являются массы людей несчастныхъ и даже вредныхъ. Отчего они появляются? Отъ собственной порочности, — такой отвѣтъ находимъ мы въ «Грядущемъ рабствѣ». «Несчастія и лишенія составляютъ весьма и весьма нерѣдко удѣлъ людей порочныхъ»... Спенсеръ даже иронизируетъ надъ тою мыслью, что всякое общественное зло можетъ быть удалено и что «его удаленіе составляетъ чью-то непремѣнную обязанность». «Вслѣдствіе несовершенства человѣческой природы, большинство воли можетъ быть только или перемѣщено съ одного мѣста на другое, или превращено изъ одной формы въ другую». Допуская даже справедливость приведенныхъ сентенцій англійскаго философа, неужели нельзя попытаться дѣйствовать въ смыслѣ устраненія, по крайней мѣрѣ, меньшинства воли, не оправдываясь людскимъ несовершенствомъ? Да и самыя эти несовершенства, «свинцовыя истинныя», не могутъ ли быть улучшены, судя по отдѣльнымъ образчикамъ чистаго золота, попадавшимъ въ исторіи людской породы? Конечно, такія попытки, превышающія силы отдѣльныхъ лицъ, могутъ быть совершены только государствомъ, въ силу его культурныхъ свойствъ. Это, вѣстакъ, отдалитъ моментъ наступленія грядущаго рабства, умалия, по возможности, рабство существующее. Сюда относятся хорошая система первоначальнаго обученія, строгое фабричное законодательство, какъ сказано, и т. п.

Эффектныя фразы, вродѣ заголовка брошюры Спенсера, заповѣдалые индивидуалистическіе возгласы, подобныя тирадамъ Тэна, не должны отводить глазъ отъ дѣйствительно переживаемаго цивилизованными обществами историческаго фазиса, отъ социальной задачи, всплывшей, какъ извѣстно, именно благодаря тому, что въ политически свободномъ европейскомъ обществѣ усиливается экономическая зависимость людей другъ отъ друга, или, вѣрнѣе,

отъ капитала. Самыя разнородныя социалистическія доктрины были результатомъ этого сознанія. Если большинство изъ нихъ оказалось далеко не соответствующимъ цѣли, то это еще не опровергаетъ ихъ коренной задачи. Время мгновенныхъ идеаловъ миновало; теперь болѣе основательно вѣрять, что социальныя преобразованія совершаются медленно. Одинъ изъ теоретиковъ государственнаго социализма въ Германіи, Родбертусъ, выяснивъ себѣ идеаль — «собственность, пропорціональная труду», не ожидалъ осуществленія этого идеала, путемъ неизбежно медленныхъ преобразованій, равнѣ пяти столѣтій. Къ сожалѣнію, такое долговременное выжиданіе чаще всего на практикѣ уступаетъ мѣсто прямо слѣпой враждѣ къ современному обществу.

Нужно еще замѣтить, что въ данномъ вопросѣ болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, имѣютъ значеніе географическія условія страны, земельный просторъ и т. п., и этнографическія особенности ея населенія. Соціализмъ, прочно укоренившійся въ Германіи, въ лицѣ наиболее солидныхъ своихъ ученыхъ, волнующій отъ времени до времени Францію самыми крайними своими проявленіями, мало имѣющими даже общаго съ упомянутымъ огульнымъ проявлениемъ, до сихъ поръ щадилъ самый свободный край Европы — Скандинавію, не вызывая тамъ сочувствія. Что касается Россіи, то пока цѣля крестьянская собственность и открыты для колонизаціи земельные запасы, пока не иссякъ общинный и артельный духъ, до тѣхъ поръ западно-европейскій социализмъ будетъ столько же чуждъ ея складу, какъ всегда были чужды крайнія индивидуалистскія стремленія, провозвѣстниками которыхъ явились Тэнъ и Спенсеръ въ названныхъ брошюрахъ.

Н. С. К.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Вступительная лекція Луи Леже о славянской литературѣ въ Парижской академіи. — Положеніе славянскаго міра 46 лѣтъ навадъ и теперь. — Русскій расколъ по нѣмецкимъ изслѣдованіямъ. — Чехъ о Россіи. — Переводъ Некрасова на нѣмецкій языкъ. — Очерки Финляндіи. — Философія исторіи. — Циклопы— историческое племя. — У воротъ Италіи. — Исторія Италіи и Рима. — Прусская исторія. — Англія и ея колоніи. — Подъ лучами сѣвернаго сіянія. — Интимныя письма Биконсфилда. — Конго въ описаніи Стенда. — Цикладскіе острова. — Америка до начала XVI вѣка. — Муха на колесѣ.

ВЪЗВѢСТНЫЙ знатокъ русской и славянской литературы Луи Леже избранъ на кафедрѣ славянскихъ языковъ и литературы во «Французской Колегіи» на мѣсто Ходяко. Передъ многочисленной публикой, встрѣтившей его съ особеннымъ сочувствіемъ, Леже прочелъ вступительную лекцію, въ которой сжатыми, но рельефными чертами обрисовалъ настоящее положеніе славянскаго міра. Этому замѣчательному очерку онъ предпослалъ нѣсколько словъ объ исторіи учрежденія самой кафедры въ академіи. Лекція эта появилась теперь въ печати отдѣльной брошюрой.

Первоначально открыты были только три кафедры языковъ: еврейскаго, греческаго и латинскаго, затѣмъ къ нимъ присоединены восточныя, германскія, романскія и кельтійскія нарѣчія. Только въ 1840 году, прибавили къ нимъ кафедру славянскихъ языковъ, послѣ того, какъ уже читались лекціи древне-ирландскаго, готскаго, санскритскаго и персидскаго языковъ. Министръ просвѣщенія Кузень открылъ ее для знаменитаго польскаго поэта и изгнанника Мицкевича, читавшаго римскую литературу въ Лованиѣ. Записка министра о причинахъ учрежденія кафедры доказываетъ, что въ то время во Франціи не знали ни исторіи, ни статистики, ни географическаго распредѣленія славянскихъ племенъ. Записка насчитывала всего два мильона славянъ подъ турецкимъ владычествомъ, называла сербовъ и хорватовъ, но не упоминала о болгаряхъ, утверждала, что изъ всѣхъ славянскихъ языковъ

болѣе всего говорить на польскомъ, а потомъ уже на русскомъ; начало польскаго языка и литературы показано тремя столѣтіями раньше дѣйствительной даты. О русской литературѣ «записка» отзывалась съ пренебреженіемъ. А между тѣмъ еще въ 1839 году, въ книгѣ Эйхофа «Исторія языка и литературы славянъ», вышедшей на французскомъ языкѣ, число русскихъ было показано въ 40 милліоновъ, а поляковъ въ 2. Было много и другихъ странныхъ неточностей: утверждалось, что въ большей части Чехіи господствуетъ сербскій языкъ, къ числу чешскихъ писателей былъ причисленъ Іеронимъ Прагскій, оставившій только одну латинскую брошюру, венгерець Гуниади былъ причисленъ къ славянскимъ героямъ. Когда записка министра обсуждалась въ палатѣ перовъ, докладчикъ ея глубокомысленно заявлялъ, что въ политическомъ отношеніи полезно знать славянскій языкъ, которыми говорятъ всѣ равнородныя вѣтви этого племени. За то въ палатѣ депутатовъ опровергали необходимость славянской каедры на томъ основаніи, что славянскій языкъ не литературный и что литературные памятники Польши, Россіи, Литвы, Вогеміи, Венгріи, Далмаціи, писанные на славянскомъ языкѣ, представляютъ только переводы съ французскаго и нѣмецкаго, а лучшія оригинальныя произведенія этихъ народовъ писаны на латинскомъ языкѣ. «Было бы гораздо патріотичнѣе,—прибавилъ депутатъ Огюн,— вмѣсто славянскаго основать каедру языковъ гасконскаго, провансальскаго и лангедокскаго». «Если бы не уваженіе къ Мицкевичу,—говоритъ далѣе Л. Леже,—учрежденіе каедры не было бы одобрено палатами: никто не предвидѣлъ тогда, какъ необходимо намъ основательно изучить таинственный славянскій міръ, скрываемый отъ насъ Германіею, съ которой онъ въ вѣчной борьбѣ, но въ которой мы видимъ теперь самаго надежнаго союзника». Леже приводитъ письмо къ Погодину Водянскаго, путешествовавшего тогда по Чехіи и радовавшагося открытію славянской каедры въ Парижѣ. Пруссія тотчасъ же задумала ввести ее и у себя и обратилась къ Шафарыку съ просьбой составить программу. Послѣ Мицкевича каедру эту занимали Киприанъ Робертъ и Александръ Ходзько. Съ тѣхъ поръ прошло сорокъ шесть лѣтъ, и Луи Леже сравниваетъ тогдашнее положеніе славянскаго міра съ нынѣшнимъ. Франція знала только Россію и Польшу: «Россію, какъ страну кнута и деспотизма, Польшу какъ невольницу». Австрійскіе и турецкіе славяне были вовсе неизвѣстны даже въ этнографическомъ отношеніи. Сербію, едва начинавшую освобождаться, даже Черногорію считали частью Турецкой имперіи, цѣлостъ которой была основнымъ догматомъ европейской политики. Франкфуртскіе либералы не могли прійти въ себя отъ удивленія, когда въ 1849 году Палацкій отказался принять участіе въ ихъ парламентѣ, сказавъ, что онъ не нѣмецъ и посвятилъ свою жизнь служенію чешскому, а не нѣмецкому племени. Политики не понимали, какъ можно было отказаться отъ чести принадлежать къ германской конфедераціи, подъ пустымъ предложемъ принадлежности къ славянской расѣ. Терь считалъ чеховъ, моравовъ, словенцевъ такими же нѣмцами, низшее сословіе которыхъ говоритъ только такимъ же испорченнымъ нарѣчіемъ, какъ говорятъ пофранцузски бретонцы или лимузинцы. Всѣхъ славянъ въ 1840 г. было 72 милліона. Съ тѣхъ поръ число это возросло на 20 милліоновъ. Теперь существуетъ независимое славянское королевство—Сербія и княжество—Болгарія, ждущая только случая, чтобы соединиться съ Восточной Румеліей, какъ Молдавія соединилась съ Валахіей, вопреки усиліямъ дипломатовъ, всегда мѣшающихъ всякому

движенію, возникающему въ народѣ, а не по желанію властителей. Если Боснія и Герцеговина переимѣнили турецкое иго на австрійское— это только первый опытъ къ совершенному освобожденію. Въмѣстѣ съ независимостью развилась и культура. Бѣлградъ, Софія, Филиппополь, бывшіе полѣвка назавдъ жалкими деревушками—приняли видъ вполне европейскихъ городовъ. Въ Россіи авторъ видитъ также громадное развитіе во всемъ, даже въ «оригинальной и могучей литературѣ»; этимъ страна обявана великимъ реформамъ Александра II. Леже радуется также, что Францъ-Иосифъ дѣлаетъ Галицію центромъ польскаго возрожденія, причеиъ авторъ забываетъ только, что большинство галицкаго населенія вовсе не польское, а русское, и что это коренная русская земля. Онъ признаетъ, однако, что литература соединяетъ народы, что въ сферѣ интеллигенціи, которая выше сферы политической, Мицкевичъ подаетъ руку Пушкину, какъ Гете Вольтеру. Если чехи, хорваты, словенцы находятъ, что они не могутъ жить внѣ австрійской имперіи, то требуютъ, всетаки, автономіи, признанія ихъ политической индивидуальности и прежде всего ихъ языка. И желаніе ихъ начинается уже исполняться: чешскій языкъ уже признанъ официальнымъ на сеймахъ Праги и Брюна; въ Прагѣ есть чешскій университетъ и театръ, какъ въ Загребѣ хорватскій. Сербскій языкъ вытѣсняетъ мѣстныхъ нарѣчій между южными славянами. Словенцы, лужицы, словаки отстаиваютъ свою индивидуальность. Леже предостерегаетъ отъ увлеченія крайностями исследователей славянства, выдающихъ славянъ вездѣ или не признающихъ славянами тѣхъ, кто не слѣдуетъ греко-восточному исповѣданію. Нельзя на основаніи мнимо историческихъ выводовъ исключать русскихъ изъ славянскаго міра или причислять къ нему Гутенберга, св. Іеронима, Атиллу, Аристотеля и т. п. Нельзя вѣрить мнимо національнымъ балладамъ, отвергаемымъ современными писателями. У славянъ много враговъ: нѣмцы считаютъ себя преобладающею расою въ Чехіи, моравы въ Силезіи, греки въ Македоніи, итальянцы въ Истріи, венгерцы въ Хорватіи и Угорской Русіи. Вездѣ славянамъ приходится бороться съ сильными врагами, но теперь борьба идетъ въ сферахъ науки и литературы, и ни одно славянское племя, стремящееся къ цивилизаціи, не погибнетъ, какъ вѣкогда погибли оботриты, виллы, полабскія вѣтви. Вообще Леже пророчитъ славянству блестящую будущность.

— Нѣмцы продолжаютъ изучать всѣ явленія общественной жизни въ Россіи: докторъ Августъ Пфицмайеръ, дѣйствительный членъ императорской вѣнской академіи наукъ, издалъ послѣдовательно два сочиненія: «Божьи люди и скопцы въ Россіи» (*Die Gottesmenschen und Skopzen in Russland*) и «Новое ученіе русскихъ Божьихъ людей» (*Die neue Lehre der russischen Gottesmenschen*). Объ этомъ предметѣ, кромѣ русскихъ источниковъ Добротворскаго, Новицкаго, Липранди, Юсова, существуютъ сочиненія и на иностранныхъ языкахъ: Гербель-Эмбаха «Русскіе сектанты» (1883 г.), Шедо Феротъ, переводы исследования Евг. Пеликана о сектѣ скопцовъ, 1876 г., и Филарета Гумилевскаго, епископа черниговскаго, «Исторія русской церкви», 1872, но австрійскій докторъ игнорируетъ всѣ эти сочиненія, кромѣ книги Добротворскаго, уже значительно устарѣвшей (1869 г.). Поэтому выводы его часто неполны и поверхностны. Такъ онъ признаетъ только четыре секты въ русскомъ расколѣ: хлыстовъ, скопцовъ, духоборцевъ и молоканъ. Незнаніе русскаго языка обнаруживается на каждой страницѣ. Такъ основателя хлыстовской секты онъ называетъ Филиповичъ или Филиповъ, русскія имена

писать: Фодоръ, Семонъ; Мѣщанскую улицу переводить: Bürgerliche Strasse и т. п. Самое названіе «божьихъ людей» правильнѣе перевести не Gottesmenschen, какъ пишетъ авторъ, а «Leute Gottes». Но книга, всетаки, достаточно знакомитъ нѣмцевъ съ состояніемъ русскаго раскола.

— На чешскомъ языкѣ вышла книга Яроміра Грубаго, также относящаяся въ Россіи, хотя и носящая заглавіе «Изъ славянскаго міра» (Ze sweta Slowanakeho). Это 117 очерковъ изъ русской жизни, больше всего Петербурга и Москвы, также нашего сѣвера. Статьи помѣщались сначала въ газетѣ «Narodni Listy» и теперь являются въ переработанномъ видѣ. Въ этнографическихъ очеркахъ разныхъ окраинъ Россіи описаны скаватели народныхъ былинъ на сѣвѣрѣ, и южнорусскіе чумаки, и новые средне-азиатскіе подданные; праздники Еуналы и масляницы на Руси. Литературное значеніе имѣютъ три статьи: «Передъ свадьбой Пушкина», «У гроба Достоевскаго» и «Любовныя письма Мавзены». Въ концѣ помѣщена статья «Забитый славянскій уголокъ», посвященная Угорской Руси и пробужденію національнаго чувства у вакарпатскихъ горцевъ, въ последнее время, начиная съ венгерской кампаніи.

— Вышелъ первый томъ полнаго собранія сочиненій Некрасова въ переводѣ Германа Юрьевича Кёхера (Nicolai Alexejewitsch Nekrassow's *Sämmtliche Werke metrisch übertragen*). Переводчикъ довольно удачно справился съ нелегкимъ трудомъ — передать Некрасова размѣромъ подлинника. Встрѣчаются у него невѣрности, неточности, иногда даже прямое непониманіе оригинала, но въ общемъ переводъ, всетаки, удовлетворителенъ и достаточно знакомитъ нѣмцевъ съ своеобразною повѣсто гѣвца «места и печали». Въ первомъ томѣ помѣщены поэмы «Русскія женщины» и «Морозъ красный носъ». Переводу предпослано предисловіе, довольно туманное, изъ котораго видно, что переводчикъ живетъ въ Россіи, и очеркъ характеристики поэта «eine russische Dichtergestalt», также довольно неясный и сообщающій даже невѣрные свѣдѣнія о направленіи литературы сороковыхъ годовъ, въ которой Кёхеръ отыскалъ какой-то «псевдолиберализмъ». Не думаемъ также, чтобы Западная Европа, ознакомившись съ произведеніями Некрасова, могла «понять послѣднія событія, совершившіяся въ Россіи», какъ увѣряетъ авторъ: во многихъ изъ нихъ Некрасовъ былъ совершенно не причѣтъ.

— На нѣмецкомъ языкѣ появился переводъ сочиненія извѣстнаго шведскаго ученаго Ретциуса о Финляндіи (Finland. Schilderungen aus seiner Natur und seinen heutigen Volksleben). Эти «изображенія ея природы и ея современной народной жизни» дѣйствительно выполняютъ задачу, которую предположилъ себѣ авторъ: читатель близко знакомится со всѣми особенностями страны, хотя авторъ странствовалъ по ней съ антропологическою цѣлью. Ученныя наблюденія Ретциуса по измѣренію череповъ вошли въ его сочиненіе «Finnka kranleg», и здѣсь онъ представляетъ результатъ своихъ этнографическихъ исследованийъ, весьма тщательныхъ и совершенно безпристрастныхъ, переданныхъ, сверхъ того, прекраснымъ литературнымъ языкомъ. Авторъ относится весьма сочувственно къ финскому племени, единственному изъ всѣхъ туранскихъ обитателей Европы, достигшему значительнаго развитія. Главный предметъ его книги, впрочемъ, не народъ и природа, поэтически описываемые авторомъ. Быть финна, его земледѣліе, охота, рыбная ловля описаны имъ также подробно и вѣрно. Мы такъ мало знаемъ эту сосѣднюю съ нами страну, что переводъ книги шведскаго ученаго, хотя бы съ нѣмецкаго перевода Анпеля, былъ бы для насъ далеко не лишнимъ.

— По исторіи культуры вышло любопытное сочиненіе Лорма «Природа и духъ по отношенію къ эпохамъ культуры» (*Natur und Geist in Verhältniss zu den Kulturepochen*). Ровно 160 лѣтъ тому назадъ вышло извѣстное сочиненіе неаполитанскаго юриста, Вико, «Принципы новой науки», въ которомъ этотъ гуманистъ, налагавшій идеи Платона съ католическими тенденціями, задумалъ объяснить ходъ всемірной исторіи философскими принципами. Послѣ него Вольтеръ ввелъ въ моду философію исторіи съ точки зрѣнія рационализма и въ своемъ сочиненіи, извѣстномъ не менѣе книги Вико, «*Essai sur les moeurs et l'esprit des nations*», написанномъ для развитія его не красивой подруги сердца, маркизы Дюшатале, анализируетъ всѣ историческія событія съ чисто-практическою оцѣнкою ихъ. Энциклопедисты внесли также въ исторію философскія воззрѣнія съ нравственнымъ, эстетическимъ или политическимъ направленіемъ. Но ни Кондорсе, ни Вольней, ни Монтескье не утвердили философіи исторіи на чисто-научныхъ основаніяхъ. Этого достигъ Гердеръ въ своихъ «Мысляхъ для исторіи человѣчества» и, начиная съ Канта, этому направленію слѣдовали всѣ нѣмецкіе мыслители, исключая Шопенгауера, отрицающаго всякую идею въ историческомъ развитіи человѣчества. Но ни Фохтъ, ни Шеллингъ, ни Гегель не привели въ стройную систему своихъ изслѣдованій. Только французъ Контъ и англичанинъ Бокль утвердили ее на индуктивномъ методѣ естествоиспытанія и теперь этому методу слѣдуютъ въ Германіи, хотя и съ специальными выводами, почти всѣ философы, какъ Германнъ, Бидерманъ, Мишель, Лотце, Лаварусъ, Бастианъ, даже Гартманъ. Лормъ идетъ по ихъ слѣдамъ, но излагаетъ ихъ воззрѣнія самымъ популярнымъ, почти фельетоннымъ языкомъ. Такъ, онъ не приводитъ во всей книгѣ ни одной научной цитаты и въ своей метафизической бесѣдѣ удачно популяризируетъ даже такіе отвлеченные философскіе вопросы, какъ отношеніе природы къ духу человѣка. Гегель опредѣлилъ всемірную исторію «развитіемъ человѣчества въ сознаніи свободы» и Лормъ мастерски комментируетъ эту мысль. Книга его вообще заслуживаетъ вниманія историковъ и мыслителей.

— Фрейбургскій профессоръ, Августъ Бальцъ, въ небольшой брошюрѣ доказываетъ, что циклопы — историческій народъ (*Die Kyklopen — ein historisches Volk*). Понятно, что онъ лишаетъ ихъ всѣхъ мифологическихъ прикрасъ, какими ихъ надѣлилъ Гомеръ въ Одиссеѣ, но доказываетъ научными выводами ихъ дѣйствительное существованіе. Фукидидъ, относя гомеровскихъ циклоповъ и дестригоновъ къ числу вымысловъ, говоритъ, что еще за триста лѣтъ до прибытія эллиновъ въ Сицилію, сѣверную и внутреннюю часть ея заняло племя сиколовъ или сикановъ, иберійскаго происхожденія, переселившееся съ твердой земли и давнее острову имя Сиканія, вмѣсто прежняго Тринакрія. Это было трудолюбивое пастушье племя, жившее въ пещерахъ и прибрежныхъ ущельяхъ. Греческіе мореходы, пристававшіе къ острову, утверждали, что туземцы грубаго нрава и жестоко обходятся съ плавателями. Главою ихъ былъ громаднаго роста одноглавый, кривой дикарь, но и Гомеръ нигдѣ не говоритъ, чтобы остальные, подчиненные ему дикари были также одноглавы, и послѣдующіе греческіе писатели называютъ ихъ не одноглавыми, а круглоглавыми. Даже племенное названіе ихъ *κύκλωψ* могло быть передѣлано греками въ *Κύκλωψ*. Все это довольно убѣдительно и хорошо объясняетъ легенду, записанную Гомеромъ.

— Итальянскій писатель, Эдмондъ де-Амичисъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ лѣтъ 15 назадъ прекрасными военными разсказами (*Bozzetti militare*), издалъ не менѣе интересную книгу подъ названіемъ «У воротъ Италіи» (*Alle Porte d'Italia*). Авторъ не представляетъ собственно никакихъ новыхъ картинъ и фигуръ, но на упрекъ въ этомъ онъ могъ бы отвѣчать слѣдующимъ изъ жизни Перуджино. Когда этотъ живописецъ написалъ въ церкви св. Анунціаты, въ Флоренціи, образъ вознесенія на небо Богородицы, ему замѣтили: вѣдь это тѣ самыя фигуры, которыя мы не разъ уже видѣли.—Да, и вы не разъ восхищались ими и хвалили ихъ. Чѣмъ же я виноватъ, если онъ вамъ теперь не понравился? И картины Амичиса возбуждаютъ прежнія похвалы. На этотъ разъ онъ рисуетъ не Голландію, Испанію, Марокко и Константинополь, какъ въ своихъ прежнихъ произведеніяхъ, а свою родную страну, «у воротъ Италіи», Шемонть, съ его историческими личностями, содѣйствовавшими объединенію Италіи. Онъ изображаетъ и прежнихъ дѣятелей савойскаго дома: Эммануила-Филиберта, оторгнувшаго отъ Франціи Пиньероль, Савиньяно и Перову; Виктора Амедея II, сначала отказавшагося отъ престола въ пользу своего сына, потомъ снова пытавшагося сѣсть на этотъ престолъ, на который, однако, сынъ не пустилъ отца. Въ этихъ же очеркахъ являются и другія второстепенныя историческія лица: принцъ Евгенийъ, Катина, маркиза Спиньо, Желѣзная Маска, суровые, жестоко преслѣдуемые сектанты вальденцы и друг.

— Профессоръ Миланскаго университета, Франческо Вертолино, издалъ первый томъ «Исторіи Италіи отъ древнѣйшихъ временъ до прекращенія свѣтской власти папъ» (*Storia d'Italia dei tempi piu antichi sino alla cessazione del potere temporale dei papi*). Этотъ томъ оканчивается паденіемъ Западной Римской имперіи. Написанъ онъ весьма популярно. Авторъ, читавшій лекціи въ германскихъ университетахъ, извѣстенъ своими прежними трудами въ области исторіи. Его руководство къ исторіи Рима (*Storia Romana*) вышло въ 1878 году четвертымъ изданіемъ, и Вертолино пользуется вообще извѣстностью всѣми уважаемаго серьезнаго и беспристрастнаго историка.

— Не менѣе важнаго историческаго труда Сильванки «Дворъ и римское общество въ XVIII и IX вѣкѣ» (*La corte e la societa romana nei secoli XVIII e XIX*) вышелъ третій томъ. Какъ прежніе два тома, такъ и этотъ состоитъ изъ отдѣльныхъ очерковъ, изображающихъ важнѣйшія лица и событія прошлаго и нынѣшняго столѣтія и относящихся къ исторіи Рима. Передъ читателемъ проходятъ рельефно очерченныя личности Піа IX, Антонелли, министра Росси, графини Шпауръ, римской уроженки, жены баварскаго посланника, блиставшей въ высшихъ кругахъ Рима и помогавшей папѣ бѣжать изъ оставшаго города. Особые очерки посвящены Летиціи, матери Наполеона I, умершей въ Римѣ; ея дочери, Паулинѣ Боргеасе, папѣ Льву XII, Григорію XVI, народному поэту Велли. Авторъ описываетъ уличную и семейную жизнь вѣчнаго города, процессіи, балы богатѣйшаго изъ римлянъ, банкира Торлонія, революціи Рима и проч.

— Отдѣльными очерками и картинками написана также «Исторія Пруссіи» Лависса (*Etudes sur l'histoire de Prusse*), увѣчанная французскою академіей. Авторъ изображаетъ сначала предшественниковъ Гогенцоллерновъ въ Бранденбургѣ, тевтонскихъ рыцарей въ Пруссіи, великаго алектора Фридриха II, возрожденіе Пруссіи послѣ Іены, основаніе Берлинскаго университета. Авторъ близко знакомъ съ Пруссіей, изучилъ ее не только отъ Рейна

до Кенигсберга, но и въ тѣхъ остаткахъ ея первобытныхъ обитателей славянскаго племени, которые гнѣздились въ болотахъ Шпрее и Гавеля. Онъ рассказываетъ подробно, какъ образовалось тутъ въ неопредѣленныхъ границахъ это военное государство, развитію котораго такъ много помогла Франція, о чемъ, конечно, сожалѣть авторъ, наложившій въ сжатыхъ, но вѣрныхъ очеркахъ главные вѣзды прусской исторіи.

— Кембриджскій профессоръ Силей прочелъ недавно двѣ лекціи «о распространѣніи Англіи», переведенныя и коментированныя А. Рамбо, подъ названіемъ «L'expansion de l'Angleterre», и являющіяся весьма кстати въ эпоху колониальной горячки, охватившей весь свѣтъ. Французы, захватывающіе Индо-Китай и Мадагаскаръ, вѣмцы—Среднюю Африку, русскіе Среднюю Азію, итальянцы—Триполи и Суданъ, могутъ узнать изъ книги англійскаго профессора, какъ великія державы основываютъ огромныя колоніи, какими средствами удерживаются въ нихъ, какія выгоды получаетъ отъ этого метрополія и какииъ тяжелымъ бременемъ для нея становятся эти колоніи. Извѣстно, что въ самой Англіи немало противниковъ колониальной политики, и даже такіе государственные дѣятели, какъ Годвинъ Смитъ, прямо совѣтуютъ своему правительству отказаться отъ Канады, Капа, Австраліи, даже отъ Индіи—вѣдь рано или поздно эти колоніи отдѣлятся, какъ Сѣверо-Американскіе Штаты. Но и либеральный реформаторъ Гладстонъ не осмѣлился коснуться созданной консерваторомъ Биконфильдомъ Индійской имперіи и колониальной политики, въ которую вѣруеть большинство парламента и націи. Силей держится мнѣнія, что Англія должна сохранить свои колоніи, но преобразовать управленіе ими, если не хочетъ потерять своего всемірнаго значенія. Ея колоніи должны составить федерацію, изъ которой слѣдуетъ исклочить Индію. Это не колонія, а британская, буддистская и мусульманская имперія подъ англійскимъ протекторатомъ. Вторженіе русскихъ не подниметъ ее противъ Англіи, потому что Индія не національность, а географическое выраженіе.

— Послѣднія усиленныя попытки проникнуть къ полюсу начались съ 1882 года. Къ августу 1883 года, полярный бассейнъ былъ окруженъ международными обсерваторіями. Послѣднія извѣстія, дошедшія до насъ изъ этого царства холода и ужасовъ, были о несчастной экспедиціи Грилея, окончившейся людоедствомъ. Австрія еще не надала описанія своей вымовки въ землѣ Яна Майена; германцы готовятъ изслѣдованіе Кумберландскаго пролива. О томъ, что сдѣлали шведы у Шницбергена, норвежцы въ Боссекапъ, американцы на мысѣ Барроу, англчане въ форть Рау, голландцы въ гавани Диксона, финляндцы въ Соданкиліэ—нѣтъ свѣдѣній. Только датчанинъ Софусъ Тромгольтъ на англійскомъ языкѣ два тома своихъ наблюденій подъ названіемъ «Подъ лучами сѣвернаго сіянія, въ странѣ лапландцевъ и квенонъ» (*Under the rays of the arctic borealis: in the land of the lapps and kvæner*). Онъ производилъ изысканія преимущественно надъ этимъ небеснымъ явленіемъ въ деревушкѣ Коутокейно на русско-норвежской границѣ, но наблюдалъ также за бытомъ жителей этихъ странъ. Зимняя ночь продолжается тамъ три мѣсяца и столько же времени солнце не заходитъ лѣтомъ. Тромгольтъ, слѣдя за магнитными токами, фотографировалъ птицъ, растенія, пейзажи и лапландцевъ, хотя о послѣднихъ шведскіе и русскіе ученые сказали все, что можно; но книга датчанина, всетаки, интересна не только для ученаго, но и для всякаго любовательнаго читателя.

— «Домашнія письма покойнаго графа Биконсфильда въ 1830 и 1831 году» (Home letters, written by the late earle of Beaconsfield) переносятъ насъ въ эпоху, о которой далеко еще не все высказано, хотя съ тѣхъ поръ прошло уже болѣе полстолѣтія. Въ книгѣ всего четырнадцать писемъ двадцатипятилѣтняго Дизраэли къ своему отцу, брату, къ сестрѣ, но письма эти рисуютъ вполне молодого писателя, отправленнаго на годъ на берега Средиземнаго моря, такъ какъ здоровье будущаго министра, разстроенное слишкомъ веселою жизнью, внушало въ то время серьезныя опасенія. Прежде всего въ этихъ письмахъ видно непомерное самолюбіе Дизраэли. Прибывъ въ Гибралтаръ, онъ описываетъ не городъ, не страну, а то, какъ офицеры англійскаго гарнизона и ихъ семейства зачитываются его романомъ «Вивіанъ Грей». Книгу эту считаютъ «однимъ изъ лучшихъ произведеній XIX столѣтія», а автора «принимаютъ за сына солица, какъ испанцевъ въ Перу». Въ Кадиксѣ онъ сожалѣетъ о томъ, что у него продолжаютъ вылѣзать волосы. Получивъ вѣстие о смерти короля, сожалѣетъ о томъ, что не можетъ носить только что сшитаго себѣ цвѣтнаго костюма. Вообще онъ носилъ въ вождѣ такіе причудливые туалеты, что на Мальтѣ богатый купецъ спросилъ его: «что это англійскій или фантастическій костюмъ?»—«Inglese e fantastico»—отвѣчалъ будущій правитель Англіи, въ то время бывший не болѣе какъ отчаяннымъ денди. Подобныхъ любопытныхъ чертъ характера немало въ этой книгѣ.

— Ивѣстный Стенли издалъ два тома о «Конго, основаніи свободнаго государства, исторіи его учрежденія и изслѣдованія» (The Congo and the founding of its free state: a story of work and exploration). Это самое полное описаніе новаго государства, только что созданнаго берлинскимъ конгрессомъ. Авторъ книги, еще такъ недавно составившій себѣ громкое имя изслѣдованіемъ внутренней Африки, въ которой онъ отыскивалъ другаго знаменитаго путешественника нашего времени, Ливингстона,—задумалъ открыть для промышленности и колонизаціи обширныя, изслѣдованныя имъ страны, поднять культурный уровень африканскихъ дикарей, основать въ бассейнѣ огромной рѣки независимое государство съ цѣлью свободной торговли. Энергія и настойчивость Стенли, въ соединеніи съ умѣньемъ обращаться съ дикарями и съ его организаторскими способностями, помогавшими ему побѣждать всѣ препятствія физическія и моральныя, пріобрѣтаютъ ему симпатіи читателя. Видя изъ разсказа, съ какими опасностями приходилось ему бороться, невольно удивляешься его твердости, терпѣнію и находчивости. Книга его читается съ огромнымъ интересомъ.

— Малоизвѣстныя страны существуютъ и въ Европѣ, и Т. Бентъ описалъ рѣдко посѣщаемые Цикладскіе острова (The Cyclades). Путешественникъ имѣлъ преимущественно въ виду собраніе народныхъ легендъ, древнихъ повѣрьевъ, сказокъ и пѣсенъ. Большая часть книги посвящена также археологическимъ изслѣдованіямъ, особенно важнымъ на островѣ Антипаросѣ. На Наксосѣ, Паросѣ, Кеосѣ и Аморгосѣ онъ описываетъ чудеса природы, мѣстности замѣчательныя въ какомъ бы то ни было отношеніи. Такъ онъ подробно описываетъ знаменитый сталактитовый гротъ Антипароса, имѣющаго въ длину (720 футовъ), ширину (670 футовъ) и вышину (360 футовъ), вулканическія окрестности Теразіи, утесы Фалландроса, монастырь Аморгоса и пр.

— Джемсъ Уайъзъ рассказываетъ исторію «Открытія Америки до 1525 года» (*The discoveries of America to the year 1525*). Исторія эта интересна и все еще недостаточно выяснена, хотя писано объ ней немало. Авторъ обратилъ особенное вниманіе на доколумбовскую эпоху и твердо вѣрить, что греки знали о существованіи Америки. За 370 лѣтъ до христіанской эры, Солонъ, бывши въ Египтѣ, узналъ отъ жрецовъ объ огромномъ островѣ «Атлантидѣ» за Геркулесовыми столбами. Платонъ въ своемъ «Критіи» говоритъ объ этомъ, какъ о неподверженномъ сомнѣнію фактѣ. Слѣды древней цивилизаціи, найденной испанцами въ Америкѣ доказываютъ, что «Новый свѣтъ» былъ не моложе стараго. Уайъзъ говоритъ также подробно объ открытіи норманнами Гренландіи и основаніи ими колоніи на материкѣ Америки, въ Винландѣ, на мѣстѣ нынѣшняго Монреаля въ Канадѣ. Въ книгѣ помѣщены снимки съ рѣдкихъ географическихъ картъ XVI столѣтія.

— Подъ страннымъ названіемъ «Муха на колесѣ» (*A Fly on the wheel*) полковникъ Льюинъ издалъ свои воспоминанія объ англійской Индіи, которыя гораздо любопытнѣе всякихъ официальныхъ отчетовъ. Главный предметъ книги—частная жизнь англичанъ въ Индіи, описаніе природы, звѣй, охоты за тиграми и пр. Но авторъ часто касается и другихъ, болѣе важныхъ сторонъ англійской администраціи и восстаній индусовъ. Онъ порицаетъ эти восстанія, заступаетъ за чиновниковъ и, какъ истый англичанинъ, относится къ туземцамъ съ презрѣніемъ, но, противъ его воли, въ рассказѣ его нерѣдко проскальзываютъ такія подробности, которыя рельефно характеризуютъ невозможное управленіе Индіею. Полковникъ самъ служилъ сначала при полиціи, потомъ участвовалъ въ походѣ 1872 года противъ лухаевъ, былъ въ Бирмѣ, между племенами, живущими въ дѣсахъ, на границѣ между восточной Бенгаліей и Китаемъ, но услуги, принесенныя имъ англійскому правительству, скромно сравниваетъ съ тѣми услугами, какія оказываетъ вѣвуха, сидящая на колесѣ. И это сравненіе не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ автору приходилось усмирять бунты въ Калькуттѣ и драться съ храбрыми дикарями, лухаями, т. е. головорѣзами (имя ихъ происходитъ отъ словъ *лу*—голова и *ша*—рѣзать). Но, повторяемъ, всѣми своими рассказами авторъ невольно подтверждаетъ аксіому, что положеніе Индіи подлѣ безсердечнымъ и безпощаднымъ англійскимъ управленіемъ дѣлается невыносимымъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Тишанская воля.

(Эпизодъ изъ недавняго прошлаго).

В СЛОВОДѢ Старой Тишанкѣ, Бобровскаго уѣзда, Ворон. губ., въ началѣ марта 1861 года, становой приставъ г. Лохвицкій, шестидесятилѣтній глухой старикъ, на генеральной сходкѣ прочелъ тишанцамъ высочайшій манифестъ о дарованіи имъ воли и освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости отъ полковника Шлихтенга. Старикъ Лохвицкій не читалъ манифестъ, а шамкалъ, и понятно, крестьяне не уразумѣли изъ манифеста ни единого слова. Поняли они только заключительныя слова манифеста: «осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Вожіе благословеніе на твой свободный трудъ...».

Столько же поняли они и при чтеніи манифеста въ церкви полуграмотнымъ діакономъ. Кого винить въ этомъ? Винить можно многихъ, но ужъ никакъ не тишанцевъ. Тишанцы никѣмъ и ничѣмъ не были подготовлены къ великому соціальному и экономическому перевороту въ ихъ жизни; они смутно слышали отъ вахожихъ людей о томъ, что пахотятся наканунѣ важныхъ событій, у преддверія золотой воли, и все слышанное породило иллюзіи, сладкія грезы и мечты... Но не было никого, кто бы умѣлой рукой разбилъ бы эти иллюзіи, открылъ бы имъ глаза на дѣйствительность. Упорно державшіеся въ народѣ слухи давали почву этимъ иллюзіямъ, питали и укрѣпляли ихъ. Всѣ ждали момента, когда мечта перейдетъ въ жизнь, когда она сдѣлается совершившимся фактомъ. И вдругъ: манифестъ, воля, шамканье становаго, монотонное дребезжаніе разбитаго голоса дьякона... хоть бы единое живое слово, которое было бы понятно и понято тишанцами. Никто не взялъ на себя труда растолковать содержаніе манифеста, выяснитъ ихъ

права на землю, ихъ отношенія къ своему прежнему барину и, наконецъ, къ государству. Сверху не нашлось толкователя и комментатора этого великаго акта, за то явился между тишанцами свой кровный толкователь, которому они довѣряли, какъ высокому авторитету, и по его слову творили все, что онъ велѣлъ. То былъ унтеръ-офицеръ лейбъ-гвардіи уланскаго полка, недавно прибывшій въ родное село на побывку.

Онъ служилъ въ Петербургѣ и нерѣдко выполнялъ обязанности дворцоваго стража, оберегалъ покой его величества, покойнаго государя. Онъ былъ при царѣ. Этого было достаточно, чтобы лейбъ-уланъ заслужилъ полное довѣріе и глубокое уваженіе мужиковъ.

— Я при царѣ былъ! я самъ слышалъ!.. говорилъ онъ, и эти слова придавали его рѣчамъ значеніе евангельской истины, а у скептиковъ исчезало всякое сомнѣніе относительно ихъ правдивости.

Онъ говорилъ, что царь отдалъ крестьянамъ всю барскую землю въ полную собственность, безъ урѣзковъ, цѣликомъ; паны же скрываютъ этотъ манифестъ, а вмѣсто него читаютъ свой, совсѣмъ не тотъ, который писалъ самъ царь... А тутъ еще невинное и великое слово «осѣни» подлило въ огонь масла.

— И становой, и попъ, читали намъ, говорилъ лейбъ-уланъ, что мы еще «съ осени» стали православный народъ, еще «съ осени» батюшка-царь призывалъ насъ свободно работать на нашей (читай барской) землѣ, начальство, и паны досель не хотѣли объявлять намъ милость царя... Теперь, вишь, весна на дворѣ, а намъ только теперь читаютъ манифестъ, да и то не тотъ, не царскій, а панскій... Царскій за большой золотой печатью а на тѣхъ листахъ, что читалъ становой, ничего нѣтъ... Не давайтесь, стойте крѣпко за свою волю да за милость царскую, просите, чтобы вамъ прочли настоящій манифестъ, за золотую печатью.

Рѣчь лейбъ-улана вполне достигла цѣли. Тишанцы, какъ одинъ человекъ, и старый и малый, прониклись твердо стоять за свою волю и за царскую милость и добиться царскаго манифеста за золотую печатью. Этой мыслью были увлечены и сосѣди тишанцевъ, жители большихъ слободъ Новой Чиглы и Курлакъ (имѣніе Ал. В. Станкевича); лейбъ-уланъ и тамъ разнесъ великую вѣсть о золотой волѣ. Еще до чтенія манифеста въ этихъ трехъ слободахъ происходили шумныя вѣча, верховые то и дѣло сновали изъ слободы въ слободу и сообщали рѣшенія своихъ сходовъ дружно стоять за осуществленіе своей *idée fixe*.

Но вотъ тишанцамъ прочитали манифестъ, и они загудѣли въ 3000 голосовъ. Гвалтъ поднялся страшный. Становой сначала опѣшивалъ, но потомъ вспомнилъ о своемъ санѣ, началъ кричать, ругаться, махать руками, провить. Но его не слушали, а требовали, чтобы онъ слушалъ ихъ. Становой приказалъ арестовать вожаковъ. Но онъ былъ арестованъ самъ, и его засадили въ холодную. Одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ думалъ своимъ авторитетомъ прекратить волненіе, вышелъ къ народу и сталъ поучать. Но... и его постигла участь становаго. Такія же волненія начались и въ Новой Чиглѣ и въ Курлакахъ. Вѣсть о возмущеніи крестьянъ достигла до воронежскаго губернатора д. ст. сов. графа Толстаго, который быстро явился на мѣсто дѣйствія. Но тишанцы, слышавъ о приближеніи къ ихъ селу губернатора, сами пошли навстрѣчу ему. Они остановили тройку, спросили: кто ѣдетъ? Потомъ обернули лошадей назадъ и попросили его ѣхать своимъ

путемъ-дорогой, если не хочетъ отвѣдать тишанской дубины. Губернаторъ вернулся въ Воронежъ и просилъ командующаго войсками генералъ-маюра Мердера оказать помощь гражданскимъ властямъ. Мердеръ быстро снарядилъ три баталіона 45 Азовскаго пѣхотнаго полка подъ начальствомъ полковника Колодѣева, и во главѣ этого отряда форсированнымъ маршемъ направился въ слободу Тишанку, отстоящую отъ Воронежа на 100 съ небольшимъ верстѣ. Войска явились въ то время, когда тишанцы въ полкомъ сборѣ обдумывали мѣры отпора властямъ. Генералъ Мердеръ окружилъ слободу со всѣхъ сторонъ и все болѣе и болѣе концентрировавшимся кольцомъ оцѣпилъ тишанское вѣче. Прежде всего вызвали унтеръ-офицера лейбъ-гвардіи уланскаго полка. Но его между тишанцами уже не оказалось. Онъ собралъ съ нихъ по гривеннику съ души и отправился въ Петербургъ, чтобы лично у государя просить царскій манифестъ. Привезено было четыре вола лозь, поставлено четыре дюжихъ эзекутора и началось крещеніе тишанцевъ въ новую жизнь... Не разбирали ни возраста, ни положенія: и старики и молодые, и богатые и бѣдняки, всѣ одинаково были окутаны въ купель зарождавшейся новой жизни, всѣ одинаково вкусили предверія давно желанной воли... Число ударовъ было неодинаково: оно опредѣлялось присутствовавшимъ здѣсь же военнымъ врачомъ, который, глядя по комплекціи, назначалъ отъ 300 до 700—800 ударовъ.

Чины полиціи играли въ этой драмѣ охранительную роль. Они были разставлены при въѣздахъ въ село и не впускали и не выпускали изъ Тишанки ни единой души. Бобровскій исправникъ Ев. Мих. П—скій съ ротой солдатъ былъ въ засадѣ на въѣздѣ въ Тишанку изъ слободы Новой Чиглы. Засада укрылась въ крайней нѣбѣ и ея надворныхъ постройкахъ. Во время эзекуціи изъ Новой Чиглы примчалось нѣсколько верховыхъ увнать, что творится въ Тишанкѣ, чтобы сообщить своимъ слобожанамъ, какъ дѣйствуютъ тишанцы и что должны предпринимать они. Но при въѣздѣ въ Тишанку верховые были арестованы, приведены на дворъ и... они испытали участь тишанцевъ. Гонцы были отпущены обратно. Чигляне съ нетерпѣніемъ поджидаютъ своихъ курьеровъ; наконецъ, видятъ ихъ еле движущимися пѣшкомъ и ведущими подъ утцы своихъ коней...

— Ну, что? какъ? что тамъ? говорите!—допытываютъ ихъ чигляне, стора отъ нетерпѣнія.

Но измученные, истерзанные ловами курьеры мрачно отвѣчали:

— Ничего! подите сами поглядите...

А про то, что было съ ними, они не сказали ни слова. Чигляне снаряжаютъ опять гонцовъ, но и съ этими происходитъ та же печальная исторія. Изысченные гонцы возвращаются, проклиная и чиглинскій міръ, и самую волю... Только одинъ изъ нихъ сказалъ чиглянамъ, что въ Тишанкѣ порка, и въ доказательство показалъ имъ свою спину... Чигляне притихли, стали тише воды, ниже травы... То же было и съ курлацкими гонцами...

Выпоронные гонцы оповѣстили своихъ одиосельчанъ, и тамъ водворилась тишь и гладь...

Была эзекуція и въ Новой Чиглѣ, и въ Курлакахъ, но не поголовная, какъ въ Тишанкѣ. Здѣсь подверглись наказанію человѣкъ по 20—30.

Потомъ тишанцевъ судили военнымъ судомъ, и трое изъ нихъ были посланы въ Сибирь на поселеніе...

Печальна была судьба и пропагандиста лейбъ-улана, виновника тишан-

скаго лихолѣтія. Онъ въ Петербургѣ былъ схваченъ, прогнанъ сквовъ строй и сосланъ на каторгу.

Прошло два года послѣ этихъ печальныхъ событій. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ по дѣламъ службы отправился въ Тишанку. Остановился онъ на постояломъ дворѣ, у важнотчнаго, домовитаго мужика, попросилъ поставить самоварчикъ, и когда онъ былъ готовъ, попросилъ хозяина выпить съ нимъ стаканъ чаю. Мужикъ охотно согласился. Слово по слову, разговорились. Вспомнили о мартовскихъ событіяхъ въ Тишанкѣ. Словоохотливый хозяинъ откровенно рассказалъ все, какъ было. Наконецъ, онъ окончилъ свой рассказъ слѣдующимъ образомъ:

— Ванюша, а Ванюша!—кликнулъ хозяинъ своего сынишку.

— А, тятка!—окликнулся тотъ изъ сосѣдней комнаты.

— Подъ-ка сюда. На минуточку!

Вошелъ карауль лѣтъ четырехъ, краснощекій, жирный, съ умными большими глазами.

— А покажь-ка, Ванюша, какъ тяткѣ твоему волю давали...

Мальченка быстро нырнулъ въ другія двери, схватилъ въ сосѣдней горенкѣ вѣнникъ, прибѣжалъ опять къ гостю, нагнулся и, ну, тувить себя вѣнникомъ по мягкимъ частямъ...

— А вотъ какъ, а вотъ какъ тяткѣ волю давали... приговаривалъ онъ.

Отецъ заливался самымъ искреннимъ смѣхомъ, глядя на продѣлки своего сынишки.

Гость не могъ не вторить хозяину.

Не могу не вспомнить еще и другаго характернаго эпизода изъ времени тишанскаго террора. Послѣ эвакуціи тишанцевъ, войска были размѣщены въ Курлакахъ, Чиглѣ и Тишанкѣ. Владѣлецъ слободы Курлакъ, г. Станкевичъ, пригласилъ къ себѣ чиновно военно-судной комиссіи. Въ числѣ гостей былъ прапорщикъ К., членъ этой комиссіи. Госпожа Станкевичъ, женщина образованная и гуманная, спросила у К. о томъ, какая судьба постигнетъ провинившихся тишанцевъ, которые уже были чувствительно наказаны за свое увлеченіе, К. принялъ свирѣпое выраженіе и съ аллобомъ отвѣтилъ:

— Всѣ эти мерзавцы будутъ еще прогнаны сквовъ строй...

— Ахъ!.. могла только воскликнуть госпожа Станкевичъ и ушла въ свои внутренніе покои.

Черезъ нѣсколько дней въ военно-судную комиссію отъ командующаго войсками была прислана эстафета, которой приказывалось удалить поручика К. изъ комиссіи; вмѣстѣ съ нимъ были уволены предсѣдатель комиссіи и еще одинъ изъ членовъ, которые тоже питали особенное расположеніе къ шницрутенамъ...

Сообщено К. Грековымъ.

Легенды о графѣ Аракчеевѣ.

(Изъ разказовъ бывшаго военнаго поселенина).

Въ Новгородскомъ уѣздѣ между простымъ народомъ, преимущественно у стариковъ, сохранилось много легендъ о покойномъ графѣ Аракчеевѣ; напр., о томъ, какъ онъ переряжался въ костюмъ простолюдиновъ, чтобы свобод-

нѣе говорить съ народомъ и узнавать мнѣніе о себѣ, или заходилъ на станціи—вывѣдывать о себѣ мнѣніе проѣзжихъ и т. п. Вотъ два—изъ такихъ легендарныхъ рассказовъ, записанныхъ въ Грузинѣ, мнѣніи графа Аракчеева, — въ тысяча восемьсотъ семидесятыхъ годахъ. Въ изложеніи отчасти сохраненъ языкъ рассказчика съ дѣлюю показать ту неопредѣленность и туманность, какую придава этимъ легендамъ боязнь, внушенная народу самопроизвольными дѣйствіями графа, въ коихъ военные поселяне видѣли почти стихійную силу, которая могла быть побѣждена только однимъ государемъ, а всѣ простые смертные должны были ей безусловно подчиняться.

I.

Около села Грузина, въ одной деревнѣ, топила парень ригу, время было осенью дождливое: дождь, слякоть, вѣтеръ и холодъ. Вотъ вдругъ приходитъ къ нему въ ригу человекъ на видъ не простой, весь измокши, мокрехонекъ, иззябши, такъ и дрожить, зубъ на зубъ не попадаетъ. Вошелъ да и говоритъ парню:—сдѣлай, братъ, милость, дай мнѣ обогрѣться.—Погрѣйся, погрѣйся,—говоритъ парень:—раввѣ жаль риги-то!—Ну, братъ, будь другъ, я тебѣ заслужу,—говоритъ незнакомецъ:—принеси ты мнѣ чего нибудь закусить!—Парень сейчасъ принесъ кринку молока, краюшку хлѣба. Незнакомый человекъ пилъ такъ жадно это молоко, какъ будто не ѣлъ три дня. Поѣлъ да и говоритъ:—ну, спасибо, другъ, теперь вотъ что я тебѣ скажу: черезъ годъ тебя сдадутъ въ солдаты; когда ты прослужишь годъ, то просись на побывку домой изъ службы въ гости; дома дня три погости, а потомъ приходи ко мнѣ: за Грузинымъ, въ кустахъ, есть такія сопки, въ родѣ могилъ. Когда ты предешь на это мѣсто, то стань на одну могилу и вспомни меня. Мы тотчасъ же увидимся, и тогда я съ тобою раздѣлаюсь.

Вотъ проходитъ годъ, наступила солдатчина, и этого парня сдали. Прослужилъ онъ годъ и сталъ проситься на побывку, его отпустили. Прогостилъ онъ три дня дома и пошелъ въ Грузино. Пришелъ на то мѣсто,—видитъ, какъ ему было говорено: кустики, въ кустахъ все могилы. Всталъ онъ на могилу и вспомнилъ о томъ человѣкѣ, котораго кормилъ въ ригѣ. Какъ только онъ его вспомнилъ, вдругъ около него вся могила какъ завертится, такъ что онъ впалъ въ безпамятство, а когда пришелъ въ себя, то видитъ, что стоитъ у дверей, держится за скобку и думаетъ: идти, или нѣтъ,—однако пошелъ; видитъ—канцелярія. Столы краснымъ сукномъ покрыты, за столами сидятъ писаря—пишутъ. Тутъ ввадь и впередъ толкуются люди, какъ будто бы заняты дѣломъ. Вдругъ выходитъ тотъ самый, который грѣлся въ ригѣ, идетъ да и говоритъ:—Здравствуй! ну что, нашель? Молодецъ! Подожди маленько, сейчасъ тебя справимъ!—А самъ побѣжалъ въ другую комнату. Оттуда несутъ изъ другихъ дверей безногаго писаря—старога,—это былъ у нихъ самый старшій и главный писарь. Принесли его, посадили на кресло къ столу и подали ему бумаги. Потомъ подозвали къ нему нашего парня, распросили его, гдѣ онъ служилъ и когда сданъ. Онъ все рассказалъ. Сейчасъ старшій писарь написалъ бумагу, запечаталъ въ конвертъ и надписалъ на конвертѣ: графу Аракчееву въ село Грузино. Потомъ, который въ ригѣ-то грѣлся—и подаетъ ему конвертъ:—Вотъ тебѣ моя заслуга! Иди теперь прямо въ Грузино къ графу и подай ему изъ своихъ рукъ! Смотри-же, говоритъ, никому не отдавай, кромѣ Аракчеева, а то ничего не получишь. Поблагодарилъ парень какъ

ужилъ своего знакомаго и пошелъ; только ввалился за скобку,—вдругъ смотритъ—опять стоять на той же самой могилѣ, на которой прежде оставался.

Вотъ приходитъ парень въ Грувино. Добился до Аракчеева, подаль ему конвертъ. Графъ распечаталъ, сталъ читать, разсмѣялся да и говоритъ: какъ ты туда попалъ?—Парень рассказывалъ, какъ было дѣло. Тогда Аракчеевъ сказалъ парню: Ну, спасибо тебѣ, что ты такую сдѣлалъ милость моему слугѣ. За это тебя выпускаю въ отставку. Сейчасъ приказалъ написать билетъ и въ его полкъ, чтобы онъ тамъ не числился. Въ одну минуту все было готово. Аракчеевъ подаетъ билетъ и говоритъ: вотъ тебѣ за твою услугу; ступай домой и живи въ прежнемъ своемъ званіи. Парень обрадовался,—не знаетъ, что и дѣлать, какъ благодарить.

Такъ вотъ какую власть имѣлъ Аракчеевъ, а оттого, что онъ знался съ нечистымъ. Онъ-то, можетъ быть, и не знался, такъ у него была волшебница—незаконная жена.

Да вотъ какое чудо, что все она могла знать, а смерти своей не могла узнать. Она одинъ разъ вотъ что сдѣлала. Аракчеевъ сбирался ѣхать тамъ какой-то полкъ смотрѣть, а она ему и говоритъ: тебя хотятъ убить на смотру. Вотъ въ такой-то ротѣ, у такого-то солдата заряжено ружье: онъ тебя хочетъ убить. Приѣзжаетъ Аракчеевъ въ полкъ, повдоровался. Сейчасъ полкъ хлалъ къ тому солдату, у котораго ружье, и спрашиваетъ: у тебя ружье заряжено?—Заряжено, ваше графское сіятельство,—отвѣчалъ солдатъ.—А для чего же оно у тебя заряжено?—спросилъ графъ.— Въ васъ хотѣлъ выстрѣлить,—отвѣчалъ солдатъ, а самъ только и думаетъ: пропала теперь моя голова ни за денежку.—Молодецъ,—сказалъ графъ:—за то, что искренно признался, выпускаю тебя въ отставку. Такъ вотъ какая была волшебница: узнавала все на бѣломъ свѣтѣ, а смерти своей не узнала.

II.

Я самъ ходилъ въ школу. Вотъ были шпиль настроены¹⁾, мы ходили подъ шпиль. Приходишь бывало подъ шпиль, какъ только войдешь, сейчасъ тутъ вѣшали шинели и шапки, шинель оставишь, пойдешь на свое мѣсто. Да бывало всю недѣлю ходишь, ходишь. Суббота пришла, надо все сказать наизусть, что учился недѣлю; поставятъ тебя къ доскѣ головой и отвѣчай за всю недѣлю. А весной у насъ дѣлали экзаменъ. Придетъ шпектуръ, уже перваго номера, сейчасъ скомандуетъ: шесть столовъ направо и шесть столовъ налѣво: съ каждаго стола по кантонисту. Вотъ и начнетъ шпектуръ спрашивать, съ каждаго номера тебя такъ и хочетъ сбить. Я ужъ чего, уже нигдѣ не подгажу, да пришлось, что сбился; а въ чемъ?—въ пустякахъ, гарлицевъ не могъ отвѣтить. Меня спрашиваетъ, на сколько половинъ раздѣляется четверть?—Я ему отвѣчаю: на двѣ, въ каждой четверти у насъ было двѣ половинны, значить четыре четверика.—А на сколько частей раздѣляется четверикъ?—спросилъ шпектуръ. Вотъ я сталъ, молчу, не знаю, что отвѣтить. Учитель говорить ему: вы круто спрашиваете. А мнѣ бы отвѣтить: восемь гарлицевъ, такъ нѣтъ—не пришло въ голову.

¹⁾ Зданіе со шпилемъ было въ каждой ротѣ. Въ немъ помѣщалась канцелярія завѣдующаго ротой и школа.

Вотъ одинъ разъ на экзаменѣ шпектуръ потребовалъ съ каждаго стола по кантонисту; знамо дѣло, учитель сейчасъ выставилъ кантонистовъ перваго номера. Вотъ онъ и началъ допекать всякими притчами — и такъ, и сякъ, и бѣтъ, все отвѣчаютъ. И выискался тутъ одинъ кантонистъ съ перваго стола: ваялъ да на доскѣ мѣломъ провелъ взадъ и впередъ, — сдѣлалъ крестъ, да и спрашиваетъ шпектура: это что, ваше превосходительство? Шпектуръ ходилъ, ходилъ взадъ и впередъ около доски молча, — ничего не могъ сказать. Потомъ говоритъ кантонисту: что же это такое будетъ, расскажи мнѣ. Кантонистъ сейчасъ опять за мѣлъ; ваялъ въ этотъ крестъ написалъ всѣ 36 буквъ, и сдѣлался ангелъ, держитъ въ рукахъ евангеліе и крестъ. Шпектуръ прежніе разы давалъ на пряники, а тутъ, ни съ кѣмъ не говоря ни слова, надѣлъ шинель и уйхалъ. Вотъ недѣли черезъ двѣ, только что успѣли заниматься, — учитель на своемъ мѣстѣ, а на каждомъ столѣ старшій, вдругъ прискакала карета, входятъ чиновники, одинъ вынимаетъ записку и вывываетъ по именамъ — такой-то и такой-то впередъ! Одѣтъ шинели! Сейчасъ посадили ихъ трехъ въ эту карету и увезли въ Грузино къ графу.

Графъ спрашиваетъ: вы какъ смѣли безчестить старика? Когда вы знаете больше его, то вы бы должны были все это написать на бумагѣ, потомъ подать ему въ руки, тогда вы получили бы награду, а теперь я васъ туда загоню, гдѣ Макаръ телятъ не пасъ. И онъ загналъ ихъ въ Харьковскую губернію. Да вѣдь Богъ-то нигдѣ не забудетъ.

Когда императоръ Александръ ѣхалъ въ Таганрогъ, то и увидѣлъ этихъ кантонистовъ. Дѣло было осенью, а они работали на полѣ босые, рваные, перевабшіе, такъ и трясутся. Вотъ государь милостивый и спрашиваетъ: откуль вы такіе и какъ сюда попали? Они все рассказывали съ нитки до нитки, какъ дѣло было. Царь ваялъ ихъ съ собой, да и въ Питеръ. Въ Петербургѣ графа и призываетъ, и спрашиваетъ его: а что, графъ, какъ у тебя училища, и какъ ты съ учениками обращаешься? — У меня училища, слава Богу, — отвѣчалъ графъ: — учениковъ я берегу, подарками дарю и на пряники имъ отпускаю, ваше императорское величество. Императрица Марія Теодоровна такъ и заплакала, со стула чуть не упала. А государь говоритъ: да, спасибо, славно ты доводишь школьничковъ. Привести, говоритъ, — сейчасъ ведутъ изъ другаго зала трехъ кантонистовъ рваныхъ и босыхъ. — А это что? — говоритъ императоръ, — стыдно такъ дѣлать тебѣ, графъ. Имъ надо давно бы быть офицерами, а ты куда ихъ загналъ! И пенялъ онъ ему, пенялъ, а дѣлать нечего. А ихъ всѣхъ троихъ на корабли кондукторами послалъ.

Сообщено И. П. Можайскимъ.

С М Ъ С Ъ.

ТИРЫТІЕ памятника Глинкѣ. 2-го мая, въ Смоленскѣ, при торжественной обстановкѣ открытъ былъ памятникъ нашему первому композитору, Михаилу Ивановичу Глинкѣ. Отливали памятникъ на петербургскомъ бронзово-литейномъ заводѣ А. Морана. Работа исполнена, согласно премированному и утвержденному конкурсной комиссіей эскизу, профессоромъ скульптуры въ академіи художествъ А. Р. фон-Боккомъ. Онъ представляетъ М. И. Глинку стоящимъ на колоссальномъ пьедесталѣ и больше чѣмъ въ натуральную величину (4 арш.). Композиторъ съ открытой головой, въ застегнутомъ на пуговицы свортукѣ, стоя близъ

пюпитра, точно выслушивая оркестровое исполненіе своихъ композицій, держитъ въ правой рукѣ, нѣсколько изогнутой въ локтѣ, дирижерскую палочку, а лѣвую поднялъ къ уху нѣсколько раскрытой. Галстухъ, огибая стоящій воротничекъ рубашки, въ бантѣ закрѣпленъ брошью, съ заключающеюся въ ней крупной жемчужиною. Шинель композитора, положенная на выдвижной пюпитръ, съ правой стороны, ниспадаетъ на пьедесталъ, не касаясь площадки послѣдняго. Поза вполне естественна. Детали выполнены съ большимъ совершенствомъ и производятъ большой эффектъ. Вся колоссальная фигура, представляя вѣрное и живое изображеніе Михаила Ивановича, рельефно представляетъ отношеніе его къ своему творчеству. Пьедесталъ квадратный, высотой пять аршинъ, устроенъ изъ кіевскаго темно-зеленаго камня лабрадора и, заключаая въ себѣ три такихъ камня, дѣлится какъ бы на три яруса. Къ пьедесталу ведутъ три гранитныхъ ступеньки. На лицевой сторонѣ пьедестала надпись: «Михаилъ Ивановичъ Глинка, родился 20-го мая 1804 года въ селѣ Новоспасскомъ, Ельнинскаго уѣзда. Скончался 3-го февраля 1857 года, въ Берлинѣ. Погребенъ въ С.-Петербургѣ, въ Александро-Невской лаврѣ». На сторонахъ въ вѣнкахъ помѣщены надписи: — на лѣвой: «Руславъ и Людмила», «Камаринская», «Романсы и пѣсни», на правой: «Жизнь за Царя», «Князь Холмскій», «Испанскія увертюры», на задней сторонѣ: «Глинкѣ — Россія 1885 года». У подножія лицевой стороны пьедестала лавровый вѣнокъ,

отъ котораго идутъ двѣ ленты съ надписями, на одной: «Отъ товарищей С.-Петербургскаго университета», на другой: «По воспитанію бывшихъ въ императорскомъ благородномъ пансіонѣ».

Открытіе памятника Пушкину. 26-го мая, въ Кишиневѣ открытъ также памятникъ нашему первому поэту. Въ соборѣ была отслужена панихида. Всѣ улицы, прилегающія къ собору и городскому саду, гдѣ открытъ памятникъ, буквально были зауружены народомъ. Официальное шествіе къ памятнику не было разрѣшено, а всѣ собирались туда по одиночкѣ. Въ 12-ти часамъ, собрались всѣ депутаціи, приглашенные гости, воспитанники и воспитанницы учебныхъ заведеній. Послѣ краткой рѣчи городского головы, занавѣсъ, покрывавшій памятникъ, спалъ и глазамъ зрителей представился бронзовый бюстъ великаго поэта. Музыка играла «Волъ славенъ». Памятникъ весь былъ покрытъ массою вѣнковъ и живыхъ цвѣтовъ. Главнымъ распорядителемъ торжества были прочтены телеграммы и письма, полученные по случаю этого торжества; между ними сынъ поэта, генераль Пушкѣвичъ, благодарилъ кишиневцевъ за приглашеніе на открытіе памятника, сожалѣя, что на этомъ торжествѣ онъ не могъ быть по независящимъ обстоятельствамъ. Депутатовъ была масса, между которыми выдѣлялись: отъ Новороссійскаго университета, отъ бессарабскаго дворянства, отъ одесскаго славянскаго Общества и друг. Изъ депутатовъ первый говорилъ профессоръ Кочубинскій (отъ Новороссійскаго университета). Въ рѣчи своей ораторъ обрисовалъ не только всю жизнь поэта, но и исторію Бессарабіи. Затѣмъ говорилъ представитель отъ бессарабскаго дворянства, И. В. Кристи. Въ своей рѣчи онъ высказалъ, что дворянство должно гордиться, что изъ среды его вышелъ бессмертный поэтъ. Рѣчь была покрыта громомъ рукоплесканій. Затѣмъ говорили рѣчи профессоръ Яковлевъ (депутатъ отъ одесскаго Общества исторіи и древностей), г. Долинскій и друг. Всѣ ораторы воздавали должную дань Пушкину и называли его народнымъ поэтомъ. Нѣкоторыми изъ нихъ были прочтены и стихи, написанные въ честь поэта ко дню настоящаго торжества. По окончаніи рѣчей оркестръ исполнилъ маршъ и торжество было закончено. Вечеромъ въ залѣ благороднаго собранія былъ пушкинскій литературно-музыкальный вечеръ, сборъ съ котораго пойдетъ на образованіе фонда для учрежденія народнаго училища имени Пушкина. При торжествѣ открытія памятника великому народному поэту почему-то отсутствовали ученики народныхъ училищъ и воспитанники духовной семинаріи. Памятникъ поставленъ на томъ мѣстѣ, гдѣ любилъ сидѣть поэтъ во время пребыванія въ Кишиневѣ. Памятникъ представляетъ обелискъ, установленный на невысокомъ гранитномъ пьедесталѣ о трехъ ступенькахъ; на гранитномъ же обелискѣ красуется бюстъ поэта, отдѣльный изъ темной бронзы. Изображенъ поэтъ съ непокрытой головой и накинутымъ на плечи плащомъ. Вокругъ пьедестала установлены восемь гранитныхъ тумбъ, соединенныхъ между собою тяжелыми желѣзными цѣпями. На лицевой сторонѣ обелиска сдѣлана надпись «Пушкину, 26-го мая 1885 г.». На оборотной сторонѣ стихъ изъ «Овдія»:

Здѣсь съ лирой сѣверной, пустыни оглашая,
Скитался я

1820, 1821, 1822, 1823 гг.

Памятникъ князю Помаранскому. 2-го іюня, открытъ и освященъ памятникъ князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому, надъ его могилкою въ оградѣ Спасо-Евфиміевскаго монастыря города Суздаля, Владимирской губерніи. Еще въ 1852 году, была объявлена повсемѣстная подписка съ этою цѣлью. Въ 1858 году, была собрана уже порядочная сумма и чрезъ академію художествъ открытъ былъ конкурсъ для составленія проекта памятника. Премированнымъ оказался проектъ извѣстнаго профессора архитектуры Алексѣя Максимовича Горюстаева. Весь расходъ на памятникъ проектировался имъ въ 69,900 руб., а между тѣмъ оборона сумма заключалась въ 1865 году въ

82,675 руб. Сооруженіе памятника поручено было Горностаеву, но главное наблюденіе надъ производствомъ работъ возложено на академию художествъ, по примѣру сооруженій памятниковъ царю Михаилу Федоровичу въ Костромѣ, Карамзину въ Симбирскѣ и Державину въ Казани. Въ 1865 году, состоялась постановка памятника-усыпальницы Пожарскаго, но постройка всего памятника двигалась медленно, преимущественно потому, что всѣ работы состояли въ сложной художественной отдѣлкѣ, въ большей или меньшей степени изящности рѣзьбы, орнаментовъ, барельефовъ и другихъ аксессуаровъ. Тутъ только въ очень незначительной степени требовалось участие строительнаго искусства, работы плотничныя, слесарныя и кузнечныя. Вся усыпальница-часовня, ея крыша, наружныя и внутреннія стѣны, исполнены изъ бѣлаго карарскаго мрамора въ Италіи скульпторами братьями Г. и Л. Ботта, по рисунку Горностаева, въ стилѣ нашей старинной архитектуры, современной кончинѣ Пожарскаго. Усыпальница, походя на часовню, имѣетъ высоты три сажени слишкомъ, во внутреннемъ поперечникѣ въ длину три сажени. Западный задній фасадъ выведенъ полукругомъ въ многоугольничѣ. Здѣсь, какъ въ нишѣ, установленъ кіотъ съ образомъ Казанской Божіей Матери. Главный фасадъ—восточный. Единственная дверь въ этомъ фасадѣ, бронзовая, съ шестью барельефами, исполнена по рисунку ученика академіи художествъ М. Микѣшина. На ней надпись: «мужайся и укрѣпимся о людяхъ нашихъ и о градѣхъ Бога нашего и Господь сотворитъ благое предъ очима своими» и рельефныя изображенія Минина и Пожарскаго, а подъ ними битвы на Срѣтенѣ. Надъ дверью, подъ фронтономъ, въ полукругѣ, крупная надпись: «боярину князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому благодарное потомство». Надъ фронтономъ утверждены: 1) цѣнная мозаичная икона Спасителя во славіи и 2) бронзовый, поволоченный крестъ, по бокамъ губка на стержнѣхъ и копье. Самый рисунокъ стѣля начала XVII столѣтія. На одиннадцати мраморныхъ доскахъ, расположенныхъ снаружи на трехъ фасадахъ: восточномъ — лицевомъ, западномъ — заднемъ и сѣверномъ — южномъ, находится пространная, заключающая въ себѣ больше 12,000 буквъ, надпись, составленная, по порученію академіи наукъ, профессоромъ Погодинымъ. Онъ выбралъ для этой надписи изъ дѣтописи «о мятежахъ» тѣ страницы, которыя прямо относятся къ походу нижегородскаго ополченія на Москву, въ 1611 году. Эти дѣянія нижегородской рати, предводительствуемой Пожарскимъ, вырублены на наружныхъ стѣнахъ. Цоколь и три ступеньки, ведущія въ часовню, краснаго гранита. Площадка вокругъ нея выстлана мѣстной ковровской плитой. Ограда кованаго котельнаго желѣза, которою обнесень памятникъ съ трехъ сторонъ, выкрашена подъ бронзу и заключаетъ 18 погонныхъ сажень и два аршина вышины. Мраморная крыша усыпальницы, для предохраненія отъ неблагоприятныхъ стихійныхъ вліяній, покрыта свинцовыми листами 117 квадратныхъ аршинъ. Фоны въ кругахъ главнаго и боковыхъ фасадовъ вызолочены. Въ окнѣ рама бронзовая, золоченая. Въ самой часовнѣ предметовъ немного, но они многоцѣнны. Полъ мраморный. Въ мраморный кіотъ установлена мозаичная икона Казанской Божіей Матери. Колонки въ кіотѣ исполнены изъ византійской мозаики, съ отдѣлкою фразы и инкрустаціей изъ равноцвѣтныхъ мраморовъ. Предъ образомъ Богоматери бронзовый вызолоченный подсвѣчникъ съ фарфоровою свѣчею. Здѣсь зажжена неугасимая лампада и братія Спасо-Евфиміевскаго монастыря должны служить въ годъ двѣ панихиды по защитникѣ отечества, на чтѣ въ монастырѣ сдѣланъ вкладъ въ 1,000 рублей изъ суммы, оставшейся отъ сооруженія памятника. Въ полу устроены: 1) два отверстія, задѣланныя толстыми зеркальными стеклами, и 2) входъ къ самой гробницѣ Пожарскаго. На самомъ мѣстѣ могилы водружено, въ видѣ саркофага, мраморное надгробіе (изъ одного куска карарскаго мрамора, толщиной въ 6 вершковъ. На немъ надпись: «Приснопамятному вождю князю Д. М. Пожарскому, отвратившему

конечную гибель Отечества отъ поляковъ въ 1611 году». Надгробный камень покрытъ богатой изъ золота парчи пеленой, съ вышитымъ на ней крестомъ. Предметы, напоминающіе о князѣ Пожарскомъ, важные для исторіи и археологіи, помѣщены въ особомъ дубовомъ шкафу, установленномъ въ преображенской соборной монастырской церкви, на солѣхъ, у лѣвой церковной стороны и доступны для осмотра.

Полуторастолѣтіе Сергіевой пустыни. 12 мая, исполнилось столѣтьдесять лѣтъ существованія извѣстной жителямъ Петербурга Троице-Сергіевой пустыни. Въ этотъ день совершенно было освященіе перваго ея храма во имя св. Сергія, а въ нынѣшнемъ году, день ея юбилея совпалъ одновременно и съ днемъ другаго престольнаго праздника обители и перваго ея собора, сооруженнаго въ честь св. Троицы. Основаніе монастыря на этомъ мѣстѣ полтора лѣтъ тому назадъ положили архимандритъ Троице-Сергіевской лавры Авраамъ Высоцкій, бывшій духовникъ Екатерины I и Анны Ивановны. Онъ получилъ въ даръ отъ послѣдней императрицы приморскую дачу, принадлежавшую царевнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ (умершей въ 1733 г.). Въ 1734 году, къ дачѣ была подарена еще находившаяся въ Петербургѣ на Загородномъ дворѣ (гдѣ нынѣ Загородный проспектъ) матери Анны Ивановны, царицы Праксвовы Ѳеодоровны, церковь съ постройками, которую архимандритъ и перенесъ на свою приморскую дачу. Вскорѣ послѣ освященія обители, въ праздникъ св. Сергія, 5-го іюля, императрица посѣтила дачу своего духовника, идя изъ Екатерингофа 4 версты пѣшкомъ. Впослѣдствіи императрица постоянно надѣляла обитель и ея строителя щедрыми дарами, такъ что архимандритъ Варлаамъ могъ уже къ ней прикупить до 400 десятинъ земли. Въ 1737 году, умеръ Варлаамъ, извѣстный защитникъ всего русскаго во время Анны Ивановны. Преемники его архимандриты Троице-Сергіевой лавры почти не заглядывали въ новую дачу. Свое развитіе обитель начала въ царствованіе Елисаветы Петровны. Существуетъ преданіе, что императрица эта, по вступленіи на престолъ, дала обѣщаніе ходить ежегодно на богомолье въ Троицкую лавру, но какъ за дальностію ея это оказалось невозможнымъ, то она стала исполнять свой обѣтъ, ходя пѣшкомъ въ монастырь на Петергофской дорогѣ. Она же отдала въ обитель свои фамиліальные синодики на вѣчное поминовеніе, которое и совершается всегда въ послѣднюю субботу мѣсяца. Синодикъ начинается съ имени патріарха Филарета и инокини Марены и продолжается до Елисаветы. Повелѣніемъ Елисаветы, по ходатайству архимандрита лавры Аванасія, Растрелли составилъ планъ собора и корпусовъ, для келій монашествующимъ, въ два этажа съ бельведеромъ. Преемникъ Аванасія, извѣстный проповѣдникъ Гедеонъ Криновъ особенно тщательно заботился о благоустройствѣ монастыря. Дача оставалась въ зависимости отъ Троице-Сергіевской лавры до 1764 года, когда, при Екатеринѣ II, по учрежденнымъ монастырскимъ штатамъ, превратилась въ самостоятельный монастырь втораго класса, причисленный къ с.-петербургской епархіи и названный Троице-Сергіевской пустынью. Въ этому времени уже былъ сооруженъ въ обители каменный соборъ графомъ Растрелли. При Екатеринѣ же пришлось обители испытать двѣ тяжелыя для нея мѣры: отобраніе 400 десятинъ земли, приобретенныхъ лично основателемъ, Варлаамомъ, и отдачу обители ректорамъ петербургской семинаріи, такъ сказать, на кормленіе. Двадцать пять ректоровъ семинаріи были настоятелями монастыря, а послѣ того, съ 1819 года, обитель причислена къ ревельскому викаріату, и съ нея получали доходы епископы ревельскіе, викаріи петербургской митрополіи. Такъ дѣло шло 70 лѣтъ; настоятели обители, лично съ ней не связанные, смотрѣли на нее, какъ на доходную статью, и обитель была въ упадкѣ. Только при Николаѣ I съ назначеніемъ настоятеля, извѣстнаго Игнатія Брянчанинова, правившаго обителью 23 года, монастырь исправился, обавался хозяйствомъ и достигъ цвѣтущаго положенія. Игнатій привлекъ массу жертво-

вателей изъ высшей аристократіи, успѣлъ выиграть процессъ о половинѣ отнятой у пустыни коллегіей экономіи (при Екатеринѣ) земли, и сдѣлалъ Сергіевскую пустынь мѣстомъ упокоенія знатныхъ и богатыхъ родовъ, изъ которыхъ иные, какъ графы Зубовы, Куселевы, Кочубеи, воздвигли цѣлыя храмы-усыпальницы. Зубовы воздвигнули инвалидный домъ и при немъ усыпальницу. Преемникъ Игнатія I Брянчанинова, Игнатій II, продолжалъ заботиться объ обители; при немъ многія постройки произведены были архитекторомъ, профессоромъ Горностаевымъ; особенно замѣчательны входный флигель съ кельями и храмъ надъ воротами (еще не освященъ), трапезный флигель, съ церковью Сергія, въ видѣ древней базилики. Наконецъ, обитель украсилась новымъ грандіознымъ соборнымъ трехъпредѣльнымъ храмомъ Воскресенія Христова, освещеннымъ въ прошломъ году. Подъ этимъ храмомъ внизу пещерный храмъ, гдѣ уже много похоронено. Въ настоящее время обитель Сергія имѣетъ 8 храмовъ, съ десятью престолами. Изъ нихъ два собора — новый Воскресенскій и старый, св. Троицы — Растрелли, съ бѣлыми стѣнами, съ присущими его архитектурѣ изгибами волнистыхъ линий, съ великолѣпнымъ по гармоніи расположенію частей иконостасомъ, съ образомъ св. Троицы кисти Брюллова. Въ обители много художественныхъ памятниковъ; между ними горельефы въ усыпальницѣ Чичеринныхъ и изображеніе Христа, призывающаго къ себѣ, — работы Баха. На кладбищѣ обители замѣчательнъ склепъ-цвѣтникъ принцевъ Ольденбургскихъ.

Памятникъ Рунебергу. Гельсингфорсъ и вся Финляндія торжественно правдоvalи открытіе памятника поэту-патріоту Рунебергу. Памятникъ работы его сына, лучшаго финляндскаго скульптора, В. Рунеберга. Онъ изображалъ своего отца стоящимъ во весь ростъ, въ пасторскомъ одѣяніи... Лѣвая рука его опущена, правая держится за пуговицу на груди. Ни геніевъ, ни эмблемъ, ни свитковъ нѣтъ на памятникѣ; только фигура «Финляндія», какъ бы задумавшейся, помѣщена внизу... На нее накинута медвѣжья шкура и лѣвою рукою она поддерживаеетъ щитъ съ тремя стихами изъ гимна «Нашъ край». На пьедесталѣ надпись на финскомъ и шведскомъ языкахъ и годъ—1885. Открытіе памятника было торжествомъ во всей Финляндіи. Газеты наполнены прозой и стихами въ честь покойнаго поэта и немало скорбныхъ нотъ и намековъ слышится въ этой прозѣ и въ этихъ стихахъ. Съ утра массы народа двигались по улицамъ Гельсингфорса, было немало нарочно прѣѣхавшихъ къ торжеству изъ другихъ городовъ. Гельсингфорсъ утопалъ во флагахъ, ими украшались суда въ гавани, а всѣ лавки закрылись съ двѣнадцати часовъ утра. Въ полдень прошла черезъ городъ въ красивыхъ мундирахъ и съ развѣвающимися знаменами вольная пожарная дружина. Она стала шпалерами кругомъ памятника. Потомъ длинною процессіею явились студенты университета — но безъ знамени, собрались оркестры, на особой эстрадѣ появились сестра поэта, его дѣти — скульпторъ, профессоръ, инженеръ, друзья изъ Петербурга, ученики покойнаго и старушка — служанка семья Рунеберга, которая охраняеетъ домъ поэта, явились тоже процессіями члены сената, сословій, университета и заняли мѣста на отведенныхъ имъ эстрадахъ. Кругомъ размѣстилась толпа народа не менѣе чѣмъ въ двадцать тысячъ человекъ. Оркестры стрѣльцоваго батальона, ньюландскаго, абосскаго, тавастгусскаго и вазасскаго батальоновъ грянули соединенными силами Вьернеборгскій маршъ и—торжество началось. Громадный хоръ мѣстнаго композитора Кангуса запѣлъ послѣ марша нарочно сочиненный къ этому торжеству гимнъ на финскомъ языкѣ. Послѣ пѣнія на кафедрѣ вошелъ Лигусъ и началъ рѣчь о значеніи торжества для страны. Послѣ него пофизски говорилъ докторъ Кронъ; затѣмъ, оркестрами и хорами исполненъ былъ народный гимнъ «Нашъ край». Когда всѣ головы обнажились, покровы спали съ памятника, и поэтъ-патріотъ, при восторженныхъ ура! предсталъ глазамъ присутствующихъ задумчивый, сосредоточенный. Ландмаршалъ на финскомъ

и шведскомъ языкѣ, отъ имени сословій, передалъ памятникъ городу, а городской голова, тоже на двухъ языкахъ, поблагодарилъ за драгоценный даръ и принялъ его отъ имени города. Опять раздалось пѣніе и—масса вѣнковъ отъ различныхъ корпорацій была возложена къ подножію памятника. Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ, въ нѣсколькихъ залахъ устроены торжественныя обѣды и во всѣхъ театрахъ особыя національныя празднества съ патріотическими пьесами...

† 14-го мая преосвященный Виталий (въ мірѣ В. В. Гречулевичъ), епископъ могилевскій и мстиславскій. По окончаніи курса въ петербургской духовной академіи въ 1847 г., покойный до 1876 г. занималъ должность законоучителя, въ Николаевскомъ институтѣ, въ Смольномъ монастырѣ. Въ 1876 г., принявъ монашество и назначенъ членомъ комитета духовной цензуры, а въ 1879 г. сдѣлавъ епископомъ брестскимъ, послѣ чего, въ 1883 г., переведенъ въ Могилевъ. Съ педагогическою дѣятельностію соединялъ изданіе и редактированіе духовнаго журнала «Странникъ», гдѣ помѣщено много статей его по разнымъ церковнымъ вопросамъ, изданіе газетъ «Современный Листокъ» и «Мірское Слово». По управленію могилевскою епархіею покойный извѣстенъ своею дѣятельностію въ пользу распространенія просвѣщенія въ народѣ; въ 2 года имъ построено 268 школъ и предположено къ открытію еще 340.

† 23-го мая, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни бывший секретарь русскаго техническаго Общества Федоръ Николаевичъ Львовъ, 61 года; онъ кончилъ блестяще воспитаніе въ московскомъ кадетскомъ корпусѣ въ началѣ сороковыхъ годовъ. Имя его, какъ перваго по выпуску, было занесено золотыми буквами на мраморную доску. Офицеромъ лейб-гвардіи Егерскаго полка, Львовъ поступилъ въ офицерскіе классы артиллерійскаго училища. Избравъ своею спеціальною химію, онъ вскорѣ занялъ кафедру по этому предмету. Но въ 1849 г. молодого офицера постигла катастрофа, отравившаяся на всей его жизни. Прикосновенный къ дѣлу Петрашевскаго, онъ былъ осужденъ на продолжительную ссылку въ Сибирь, откуда возвращенъ по манифесту въ день востества на престолъ Александра II. Окончательное помилованіе, когда Львову было возвращено и потомственное дворянство, я прежній военный чинъ, состоялось значительно позже, послѣ прощеднаго имъ служебнаго поприща подъ начальствомъ кн. Суворова, петербургскаго генералъ-губернатора. Настоящая дѣятельность Львова была его многолѣтняя служба русскому техническому Обществу. О. Н. сдѣлался душою Общества, при постепенномъ его развитіи.

† Въ своемъ имѣніи, въ Минской губерніи, писатель Григорій Исааковичъ Багровъ, авторъ «Записокъ Еврея», напечатанныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1872 года и обратившихъ на себя вниманіе читающей публики и критики. Затѣмъ покойный напечаталъ въ разныхъ журналахъ нѣсколько повѣстей и рассказовъ изъ еврейскаго быта, былъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ газеты «Разсвѣтъ». Послѣдніе труды Багрова помѣщены въ журналѣ «Восходъ».

† Теренціо Маміани, извѣстный философъ, ветеранъ войнъ за независимость Италіи; онъ родился въ Церковной области и еще очень молодымъ человѣкомъ принялъ участіе въ инсurreкціонномъ движеніи Романьи; былъ въ Болоннѣ членомъ временнаго правительства, когда же возстаніе было подавлено австрійцами, онъ отправился во Францію и возвратился въ Италію только по избраніи въ папы Пія IX. Въ 1848 году, въ Римѣ онъ принялъ портфель министра внутреннихъ дѣлъ и стремился образовать итальянскую лигу противъ Австріи; но попытка не удалась, вслѣдствіе сильнаго противодѣйствія со стороны папы. Послѣ продолжительной борьбы, Маміани подалъ въ отставку и переселился въ Туринъ, но когда Россіи былъ убитъ и папа бѣжалъ изъ Рима, возвратился въ вѣчный городъ и назначенъ былъ

министромъ иностранныхъ дѣлъ Римской республики. Послѣ взятія Рима французами Маміани окончательно переселился въ Туринъ, занявъ катедру философіи въ тамошнемъ университетѣ, а въ 1860 г. былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія Итальянскаго королевства. Въ 1867 году, сдѣлавъ сенаторомъ. Выдающійся поэтъ, ученый юристъ и глава философской школы, проповѣдующей золотую середину между скептицизмомъ Канта и сентиментализмомъ Джіоберти, Маміани былъ однимъ изъ плодотворнѣйшихъ итальянскихъ писателей. Онъ написалъ много стихотвореній, но большая часть его сочиненій относится къ области философіи, международнаго права, полтики и исторіи итальянской литературы; Маміани умеръ на 85 году.

† 29-го мая, скончался въ Брегенцѣ одинъ изъ талантливѣйшихъ современныхъ нѣмецкихъ писателей Альфредъ Мейснеръ. Онъ родился въ 1822 году и еще очень молодымъ человѣкомъ обратилъ на себя вниманіе сборникомъ стихотвореній. Кромѣ стихотвореній, онъ написалъ много отличныхъ романовъ и повѣстей, воспоминанія о своемъ другѣ Гейне, эпопею «Жизжа» и нѣсколько трагедій. Вообще Мейснеръ занимаетъ почетное мѣсто въ нѣмецкой литературѣ нынѣшняго столѣтія. Онъ также былъ бойкимъ и остроумнымъ фельетонистомъ и подвизался преимущественно на столбцахъ нѣмецкой «Neue Freie Presse».

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Замѣтка объ изданіи „Стихотвореній Тургенева“¹⁾.

На страницахъ «Историческаго Вѣстника», какъ извѣстно, появился подробный «библіографическій обзоръ» произведеній И. С. Тургенева съ указаніемъ — между прочимъ — всѣхъ его стихотвореній, когда-то напечатанныхъ отдѣльными брошюрами или помѣщенныхъ въ равныхъ періодическихъ изданіяхъ²⁾. На этотъ «обзоръ» обратилъ вниманіе г. Стасюлевичъ, издатель посмертнаго «Собранія сочиненій Тургенева», но, не имѣя въ виду перепечатывать «поэтическія шалости» покойнаго автора рядомъ съ повѣстями и романами, ограничился въ своемъ «предисловіи» спискомъ стихотвореній, взятымъ изъ «Историческаго Вѣстника», и выразилъ мысль, что эти «опыты въ стихахъ» могутъ составить отдѣльный томъ³⁾. Такую мысль только въ нынѣшнемъ году осуществилъ книгопродавецъ Глазуновъ, который выпустилъ особой книжкой «Стихотворенія И. С. Тургенева» (Спб. 1885 г., 230 стр.).

Названная книжка, по своему внѣшнему виду, представляетъ нѣяцко изданный томъ, раздѣленный на четыре отдѣла: въ первомъ — поэмы («Параша», «Разговоръ», «Помѣщикъ» и «Андрей»), во второмъ — мелкія стихотворенія, въ третьемъ — переводы, а въ четвертомъ — неоконченные стихи и эпиграммы; на четырехъ послѣднихъ страницахъ помѣщены «библіографическія примѣчанія». Но если это изданіе съ перваго взгляда под-

¹⁾ Печатаемъ настоящую замѣтку Д. Д. Языкова, такъ какъ она служитъ дополненіемъ къ напечатанной въ июньской книжкѣ нашего журнала «Библіографической замѣткѣ» Д. Д. Рябинина.

²⁾ «Историч. Вѣстн.», 1883 г., кн. 11, стр. 399 — 406.

³⁾ Собраніе сочиненій И. С. Тургенева, Спб., 1883 г., т. I, стр. VI.

кушаетъ въ свою пользу изящною наружностью и стройнымъ планомъ. то, послѣ внимательнаго чтенія, оно не вполне удовлетворяетъ человѣка, близко знакомаго съ повѣстическою дѣятельностью Тургенева. Прежде всего, такому лицу невольно бросается въ глаза странный пропускъ пяти стихотвореній, уже указанныхъ въ статьѣ «Историческаго Вѣстника», а потомъ— въ «предисловіи» г. Стасюлевича: это — «Похищеніе» (Отеч. Зап., 1842 г., кн. 3), «Цвѣтокъ» (1843 г., кн. 8), «Признаніе» (1844 г., кн. 12), «В. П. Боткину» и «Замѣтила ли ты» (Современ., 1844 г., т. 31). Нельзя думать, чтобы такой пробѣлъ вызванъ литературными недостатками названныхъ стиховъ или неудобствомъ перепечатки вслѣдствіе цензуры. По нашему мнѣнію, гораздо вѣрнѣе предположить, что они пропущены случайно, по недоглядкѣ собирателя. Подобный же недосмотръ сильно сказывается и на перепечаткѣ помѣщенныхъ стихотвореній: нѣкоторыя строчки, благодаря невнимательности главнаго редажера (если не корректора), появились съ такими неточностями противъ оригинала, что потеряли прямой смыслъ или стихотворный ритмъ. Для подтвержденія нашихъ словъ приводимъ нѣсколько примѣровъ, какъ напечатаны нѣкоторыя строфы, отмѣчая скобками, какъ ихъ слѣдуетъ читать:

- стр. 16. Онъ съ ними вмѣстѣ надъ толпой смѣялся,
Отъ толпы съ презрѣніемъ отчуждался.
(И отъ толпы съ презрѣніемъ отчуждался).
- стр. 94. Все въ жизни возвращается тревожно..
(Все къ жизни возвращается тревожно).
- стр. 97. Но вотъ пока зашла межъ нами рѣчь.
(Но вотъ пока зашла межъ нами рѣчь).
- стр. 123. И сапоги закидывалъ въ карманъ.
(И пироги закидывалъ въ карманъ).
- стр. 125. желанье,
Въ сердцахъ ихъ, полныхъ горестью, тоской,
Любовь — (все) загоралась самовластно...
- стр. 132. Всѣ малодушны, всѣ коварны.
(Всѣ малодушны, всѣ коварны).
- стр. 142. Что если этотъ сонъ — одно предвѣщанье
Здѣсь свѣта съ тьмой — тамъ радостей, страданій (страданья)
Съ забвеніемъ и смертію сліянье...
- стр. 199. Праздниковъ болѣ(е) нѣтъ во славу великой богини...
- стр. 215. Напрасно никогда но (не) ждали исполненья.
- стр. 224. Языковъ самъ, столь влажный (важный)...

Представленными образцами далеко не ограничиваются неисправности въ перепечатанныхъ стихотвореніяхъ Тургенева: почти каждую страницу еще пестрятъ различныя мелкія опечатки, и особенно неправильная пунктуация, точно корректоръ нарочно хотѣлъ выполнить слова самого Тургенева:

Хоть стихъ иной не слишкомъ выйдетъ вѣреть, —
Не стану я копаться надъ стихомъ...

Мы не беремъ на себя труда перечислять всѣ эти промахи невнимательной корректуры: это заставило бы насъ написать тотъ длинный «скорбный листъ», безъ котораго, кажется, не обходится ни одна русская книга. Гораздо полезнѣе замѣтить, что даже «библіографическія примѣчанія», приложенныя къ «Стихотвореніямъ», не свободны отъ ошибокъ; такъ «Осень», «Гроза промчалась» и девять стиховъ подъ общимъ именемъ «Деревня» напечатаны въ «Современникѣ» (1844 г., т. 31; 1847 г., кн. 1), а не въ «Отечественныхъ Запискахъ», — «Крокетъ въ Виндворѣ» —

въ «Словѣ» (1881 г., кн. 3) и — по вѣрному списку — въ «Русской Старинѣ» (1883 г., кн. 10).

Въ заключеніе остается пожелать, чтобы явилось второе изданіе «Стихотвореній И. С. Тургенева», болѣе полное по содержанію и безукоренное по исполненію. Тогда оно лучше познакомитъ съ поэзіей покойнаго автора, которая еще такъ мало извѣстна русскимъ читателямъ.

Дим. Языковъ.

Дочери Пугачева.

Въ июльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» прошлаго года напечатана статья г. Арсеньева подъ заглавіемъ «Женщины пугачевского бунта». Въ ней, между прочимъ, говорится, что послѣднія извѣстія о жваніи женщины фамиліи Пугачева относятся къ 1796-му году и съ этого времени о нихъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Въ пополненіе этихъ, хотя и неособенно важныхъ, историческихъ данныхъ, привожу на память рассказъ одного изъ лицъ, видѣвшихъ этихъ женщинъ, именно декабриста Ив. Ив. Горбачевского, бывшаго заключеннымъ въ 1826-мъ году, въ числѣ прочихъ его товарищей, въ Кексгольмской крѣпости. — «Въ то время, — рассказывалъ Ив. Ив., — въ Кексгольмской крѣпости содержались двѣ старушки Пугачевы, которыхъ вазывали «сестрами» Емельки. Онѣ пользовались въ стѣнахъ крѣпости, до извѣстной степени, свободою: гуляли по двору, ходили съ вѣдрами за водою, убирали сами свою камеру, словомъ обжились, были какъ дома и, кажется, ихъ жизненныхъ условій совершенно не вѣдали.

На основаніи статьи г. Арсеньева, надо полагать, что эти двѣ женщины — были дочерьми Пугачева, такъ какъ о сестрахъ его нигдѣ не упоминается; двѣ жены Пугачева къ помянутому времени должны были быть уже покойными. Этими двумъ «царевнамъ», какъ ихъ называли въ шутку, въ 1826-мъ году было уже болѣе чѣмъ по 50-ти лѣтъ.

И. И. Горбачевскій говорилъ, что отъ скуки узники подшучивали надъ «царевнами», оказывали имъ почетъ, вазымали сватовъ, и трунили другъ съ другомъ, напр., такъ:

— Женемся, Горбачевскій, на «царевнахъ», — шутилъ князь Одоевскій: — все же протекція будетъ...

П. И. Першинъ.

Анекдотъ о ботвиньѣ.

Въ мартовской книжкѣ «Русскаго Архива» помѣщенъ анекдотъ о ботвиньѣ, посланной императоромъ Александромъ Павловичемъ англійскому посланнику. Позволю себѣ сообщить варіантъ этого анекдота, слышанный мною отъ современника александровской эпохи и носящій на себѣ характеръ болшей достовѣрности.

Въ бытность въ Парижѣ императора Александра, часто бывалъ у него герцогъ Веллингтонъ, и бесѣда ихъ принимала иногда совершенно интимный характеръ. Разговоръ однажды зашелъ о различныхъ кухняхъ и сравнивали

англійскую съ французскою и нѣмецкою, причеъ императоръ хвалилъ очень русскую и выражалъ сожалѣнїе, что Веллингтонъ съ нею незнакомъ. Тутъ заговорилъ онъ и о любимой имъ ботвиньѣ. Онъ такъ рассказывалъ о ней вкусно, что возбуждалъ въ слушательѣ аппетитъ, и ему вадумалось попробовать: нелзя ли сдѣлать ботвинью въ Парижѣ. Призванъ былъ главный поваръ, сопровождавшій государя, и ему предложена была эта задача. Поваръ подумалъ и нашелъ, что черезъ нѣсколько дней, когда поспѣетъ квасъ, онъ сдѣлаетъ и ботвинью.

Государь очень былъ доволенъ и просилъ повара постараться.

Черезъ нѣсколько дней ботвинья съ раковыми шейками была подана государю, онъ ее отвѣдалъ, нашелъ безподобною, и тотчасъ же послалъ большую чашку ея къ Веллингтону.

На другой день, при встрѣчѣ съ нимъ, первый вопросъ государя былъ: — *«Eh! bien! La soupe russe, comment vous plait-elle?»*

(Ну, какъ вамъ нравится русскій супъ?)

— *Mille pardons, sire, pour la franchise... mais j'ai trouvé qu'elle est detestable.*

(Тысяча извиненій, государь, за откровенность... но я нашелъ, что онъ отвратителенъ).

— *«Comment detestable?»*

(Какъ—отвратителенъ?)

— *Mais c'est une espèce de decoction très repoussante au goût et peu aromatique par sa fumée..* (Это какой-то декохтъ, отталкивающего вкуса, издающій мало ароматическїй паръ...)

— *«Comment... fumée, mais alors elle était chaude?»*

(Какъ паръ? но въ такомъ случаѣ онъ былъ теплый?)

— *Brulante, sire!..*

(Горячїй, государь!..)

Тогда и объяснилось, что поваръ Веллингтона, получивъ ботвинью, счелъ за необходимое вскипятить ее и подаль горячею на столъ.

Можно себѣ представить, когда вскрыли крышку супника, какой пошелъ изъ него запахъ и что эта была за гадость.

Предлагаемый нами вариантъ имѣетъ болѣе достовѣрности, потому еще, что въ Петербургѣ, даже и въ англїйскомъ посольствѣ, никогда бы не сварили ботвинью; тутъ всегда можно было бы узнать о способѣ ея приготовленія. А подобное недоразумѣнїе въ Парижѣ было совершенно естественнымъ.

Что же касается до анекдота съ икрой, сваренной Наполеону, тамъ же рассказаннаго, то икра вареная не есть что либо извращенное. Кушанье это очень вкусно и входитъ, какъ одно изъ любимыхъ, въ постный столъ имеретинъ.

Е. Вороздинъ.

нутые уже на половинѣ дороги темнотою, мы должны были остановиться и выстроить себѣ хоть какое нибудь убѣжище изъ снѣгу. Туземцы, тронувшіеся въ путь въ одно время съ нами, достигли селенія еще вечеромъ и немало беспокоились нашимъ замедленіемъ въ пути, въ особенности, когда мы не явились и втеченіе всей ночи; ихъ опасенія еще болѣе усилились, когда на слѣдующій день разыгралась буря съ метелью, которая, по ихъ мнѣнію, судя по тому, что дѣлалось у нихъ на островѣ, должна была лишить насъ всякой возможности разобрать дорогу. Мы покинули свой ночлегъ, едва разсвѣло; я предлагалъ Константину строго придерживаться оставленныхъ на снѣгу нашими предшественниками слѣдовъ, которые, однако, вслѣдствіе выпадавшего во множествѣ снѣга, съ трудомъ можно было различать; на это онъ отвѣчалъ мнѣ, что его водовая собака превосходна и съумѣетъ сама найдти дорогу. Я, дѣйствительно, продолженіе нѣкотораго времени полагался на инстинктъ животнаго, а именно до тѣхъ поръ, пока вѣтеръ, дувшій намъ до того навстрѣчу, не подулъ вдругъ въ спину; тогда я нѣсколько усомнился въ непреложности указаній собачьяго инстинкта и спросилъ Константина, въ какой сторонѣ, по его мнѣнію, находится островъ Колючинъ. Какъ я того и ожидалъ, онъ показавъ прямо передъ собою; къ счастью, я еще вечеромъ на ночлегѣ точно опредѣлилъ посредствомъ карманнаго компаса положеніе острова и, когда снова вынулъ теперь компасъ изъ кармана, то оказалось, что мы ѣдемъ почти по противоположному направленію.

Тогда я принялъ уже на себя должность проводника, и не успѣли мы проѣхать полчаса времени, какъ уже послышался вой и лай привязанныхъ собакъ; ничего еще не было видно, но на мой не разъ повторенный зовъ къ намъ подѣхало скоро двое саней, нарочно посланныхъ съ острова на поиски за нами. Эти люди были сердечно рады, что розыскали насъ, и рассказали, что мысль о возможности для насъ заблудиться на льду пугала ихъ цѣлую ночь и не давала имъ ни минуты покоя; я поскорѣе успокоилъ ихъ, рассказавъ, какое приличное помѣщеніе мы имѣли на ночь, сказалъ имъ, что теперь я знаю навѣрное, гдѣ находится Колючинъ, и указавъ рукою его направленіе; затѣмъ я показавъ имъ еще мой компасъ, и такъ какъ случайно мы находились какъ разъ на югъ отъ этого острова, то указывающая на сѣверъ стрѣлка показавалась имъ какимъ-то волшебствомъ; они были вполне убѣждены, что она всегда показываетъ настоящее направленіе, по которому слѣдуетъ идти.

Пока я отдыхалъ въ Колючинѣ, прибылъ, наконецъ, и Вансёръ, какъ разъ черезъ одиннадцать дней послѣ обѣщаннаго срока; такъ какъ его прибытіе отчасти успокоивало меня, то я и принялъ его съ радостью. Теперь мы направились въ Ванкарему и продолжали нашъ путь гораздо скорѣе, нежели прежде; конечно, все еще не такъ скоро, какъ того бы хотѣлось мнѣ, вполне зависящему отъ

человѣка, котораго я въ силу глубокаго убѣжденія считалъ не только ненадежнымъ, но и дурнымъ. По всему пути туземцы предупреджали меня противъ него и увѣряли, что онъ непременно замышляетъ что нибудь дурное противъ моей личности; они совѣтовали мнѣ лучше вернуться поскорѣе въ Иддидлю и предлагали даже отвезти меня туда. Но единственно, чего я опасался со стороны этого человѣка, это—чтобы онъ не удралъ отъ меня вмѣстѣ съ санями и упряжкой и не покинулъ меня одного на берегу моря. Мнѣ не оставалось инаго средства, какъ наблюдать за нимъ зорко, не спуская съ него глазъ ни на минуту.

Днемъ, въ случаѣ его попытки бѣжать, я былъ бы непременно предупрежденъ объ этомъ туземцами; ночью же я спалъ всегда въ одномъ съ нимъ домѣ и скоро до такой степени привыкъ быть осторожнымъ, что просыпался даже при малѣйшемъ шорохѣ. Втеченіе всего путешествія я ни разу не отдалялся отъ его саней дальнѣе какъ на пистолетный выстрѣлъ и, повидимому, онъ самъ скоро замѣтилъ, что я его не спускаю съ глазъ ни на минуту. Сначала онъ пользовался моимъ незнаніемъ чукотскаго языка для того, чтобы къ вѣщшему удовольствію туземцевъ острить на мой счетъ и подсмѣиваться надъ мною и, наконецъ, однажды онъ сталъ даже кричать мнѣ самымъ невѣжливымъ образомъ; тогда я принялся отработывать его на хорошемъ англійскомъ языкѣ. Положимъ, что онъ ровно ничего не понималъ изъ того, что я говорилъ, но онъ зналъ очень хорошо, что я объ немъ думалъ. Совершенно добродушно сталъ онъ меня увѣрять, что онъ хотѣлъ только, чтобы я подвязалъ у себя ремень на ногѣ, но съ этого дня въ обращеніи со мною онъ измѣнился къ лучшему, а главное сталъ поосторожнѣе. По пути отъ Ванкаремы до мыса Сѣвернаго насъ застала презлая холодная погода, и никто изъ нашей компаніи, — въ нашемъ поѣздѣ находилось нѣсколько туземцевъ съ тремя санями, — не избѣгъ того, чтобы что нибудь не отморозить; къ счастью, всѣ эти бѣды были не велики и не опасны. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по берегу видѣли мы большія массы плавучаго лѣса, и тогда здѣсь обыкновенно дѣлался приваль, чтобы заварить чаю и сварить мяса. Эти случайныя остановки съ ѣдою, казалось, нѣсколько притупляли рѣжущій холодъ и дѣлали какъ путешествіе, такъ и въ особенности ночлеги болѣе удобопереносимыми. На перегонѣ между мысомъ Сѣвернымъ и Угаргиномъ расположены были нѣсколько селеній, но за то отъ Угаргина вплоть до Эртрезна, туземнаго селенія на мысѣ Шелягскомъ. состоящаго изъ 19 юртъ, мы не встрѣтили ни одного человѣческаго сельбища и должны были провести три ночи на снѣгу и подъ открытымъ небомъ. Недалеко отъ Угаргина, въ селеніи Энмеатыръ встрѣтили мы нѣсколькихъ туземцевъ, отправлявшихся также въ Нижнеколымскъ; 8-го февраля, утромъ мы покинули селеніе въ числѣ 8 саней, везомыхъ, по крайней мѣрѣ, 90 собаками. Зрѣлище

было блистательное, или, вѣрнѣе, могло бы быть таковымъ, если бы можно было что нибудь видѣть; но мы пустились въ путь въ 4 часа утра, часа за три съ половиною до разсвѣта; надъ нѣкоторыми изъ саней протянуты были покрышки отъ дождя изъ яркопестраго коленкора, а у многихъ сбруя была убрана красными лентами; одинъ франтъ нацѣпилъ даже на свою сбрую массу колокольчиковъ, и притомъ, видимо, только ради украшенія, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не издавалъ ни одного звука и всѣ были лишены язычковъ.

Погода въ этотъ день была сначала особенно хороша, но послѣ полудня поднялась метель, неспаяся намъ какъ разъ навстрѣчу и розыгравшаяся вечеромъ, когда мы остановились на ночлегъ, въ настоящую пургу, продолжавшуюся всю ночь и весь слѣдующій день. Когда мы укладывались спать, я выискалъ себѣ ложе за санями, но скоро принужденъ былъ покинуть это защищенное отъ вѣтра мѣстечко, такъ какъ едва не задохнулся отъ той массы снѣга, которая завалила меня. Тутъ только замѣтилъ я, что туземцы улеглись умнѣе меня на самомъ гребнѣ холма, гдѣ снѣгъ постоянно сдувало вѣтромъ. На слѣдующій день, ѣзда наша представляла собою одни лишь безпрестанныя мученія, но такъ какъ лежать на мѣстѣ въ такую погоду было еще хуже, то мы и подвигались храбро впередъ. Къ ночи буря нѣсколько спала, такъ что мы могли, по крайней мѣрѣ, выспаться послѣ труднаго дня. Слѣдующая остановка была сдѣлана на утесистомъ берегу, недалеко отъ мыса Шелягскаго, гдѣ мы нашли естественную пещеру въ скалѣ, представлявшую очень живописный видъ, но очень мало защищавшую насъ отъ рѣзкаго вѣтра и непогоды. Только на слѣдующій день, часовъ около двухъ послѣ полудня, прибыли мы въ Эрктрезнъ и душевно порадовались, что можемъ, наконецъ, защититься отъ снѣга и бури, которая снова успѣла уже розыгратъ въ сильную пургу,—тѣмъ болѣе, что собаки рѣшительно отказывались бороться съ нею. Въ селеніи было много юртъ, но, къ сожалѣнію, мы попали сюда среди полного отсутствія у жителей състныхъ припасовъ, такъ что намъ пришлось кормить семью нашего хозяина тѣмъ немногимъ, что было нами захвачено съ собою; на бѣду переѣздъ до слѣдующаго селенія былъ очень длиненъ, и намъ пришлось цѣлыхъ четыре ночи провести подъ открытымъ небомъ. Такъ какъ наше предположеніе запасться провіантомъ въ Эрктрезнѣ, по случаю тамошняго голода, не осуществилось, то намъ оставалось теперь довольствоваться крайне ограниченными порціями; само собою, что такая ѣда впроголодь только усиливала нашу чувствительность къ холоду, который прежде переносился нами довольно сносно; давно уже замѣчено, что ничто не способствуетъ такъ къ борьбѣ съ ледянымъ сѣвернымъ вѣтромъ, какъ сытый желудокъ. Къ счастью, рѣшительно всѣ туземцы относились ко мнѣ до чрезвычайности

дружественно; они очень хорошо видѣли и сознавали, что со стороны Ванкера помощи мнѣ не было почти никакой, а потому и старались всѣ наперерывъ сдѣлать что нибудь угодное или помочь чѣмъ нибудь «Келлею», какъ они меня почему-то называли; благодаря такому отношенію, я полагаю, что втеченіе этихъ немногихъ, къ счастью, дней, я ѣлъ лучше всѣхъ остальныхъ моихъ спутниковъ. На третій день пути мы достигли, наконецъ, чукотскаго селенія Раучуанъ, которое русскіе называютъ «Базарихой».

Недалеко отъ этой послѣдней мѣстности привелось намъ проѣзжать мимо какой-то покинутой деревни, состоящей изъ пяти избъ; прежде здѣсь обитали русскіе пушныя промышленники; въ одной изъ этихъ избъ, или, вѣрнѣе, срубовъ, мы нашли большой запасъ медвѣжьяго мяса и сушеной рыбы для собакъ; оказалось, что все это было спрятано здѣсь моими спутниками, когда они пускались въ свой далекій путь. Конечно, мы захватили приличную порцію всего этого въ наши сани и вечеромъ справили такой пиръ, что совершенно уподобились дикарямъ, ухищряющимся до верху наколачивать свой желудокъ мясомъ; сытые и согрѣтые, мы проспали превосходно всю ночь. Поздно вечеромъ, на слѣдующій день, мы были уже вблизи чукотскаго селенія «Длардловранъ», которое у русскихъ извѣстно подъ именемъ «Баранова». Часть нашихъ спутниковъ предложила сдѣлать привалъ при наступленіи темноты и троемъ санямъ провести ночь на берегу, а мнѣ на моихъ саняхъ и другимъ двумъ санямъ продолжать путь, чтобы ѣхать прямокомъ, а не по берегу въ селеніе; одинъ изъ туземцевъ въ нашей компаніи былъ самъ родомъ изъ Длардловрана и потому, послѣ полуторамѣсячнаго отсутствія изъ дому, ощущалъ теперь весьма понятное желаніе увидать скорѣе семью и жилище свое. Но, хотя мы и находились всего лишь въ какихъ нибудь пяти верстахъ отъ его родины, все же оказалось, что онъ скоро заблудился въ этой свѣжкной пустынѣ, гдѣ не было ни малѣйшаго признака для ориентировки и гдѣ все было ровно и однообразно; поневолѣ пришлось бросить ни къ чему не ведущія поиски дороги и, подчиняясь грустной необходимости, улечься на снѣгу въ ожиданіи разсвѣта. Гораздо раньше того времени, нежели мрачное небо засвѣрѣло первыми проблесками свѣта, поднялась такая чудовищная пурга, какой мнѣ еще никогда не приводилось испытывать, и, когда мы утромъ тронулись, наконецъ, въ путь, то оказалось, что теперь въ вихрящемся снѣгу видимъ еще менѣе, нежели вчера въ темнотѣ ночи. Съ трудомъ протащились мы не болѣе какъ съ версту противъ свирѣпствующей стихіи; вѣтеръ дулъ намъ прямо въ лицо и гналъ на насъ твердый, мерзлый снѣгъ съ такою силою, что мы лишь по временамъ отваживались открывать глаза, а большую часть времени держали ихъ закрытыми, чтобы не ослѣпнуть. Собаки въ концѣ концовъ отказались идти впередъ и, не смотря на

усиленное побужденіе со стороны возницъ, упали на снѣгъ; намъ не оставалось ничего иного, какъ самимъ идти впередъ и тащить собакъ за собою, ступая выше колѣнъ въ снѣгу. Скоро мы принуждены были оставить на волю Божью однѣ сани, такъ что только Уэйлдоте, туземецъ изъ ближайшаго селенія, Ванкеръ да я продолжали путь.

Наконецъ, мы добрались до вершины какого-то холма, съ котораго вѣтеръ сдулъ снѣгъ; тутъ мы нашли слѣды саней, признанные Уэйлдоте за направляющіеся въ селеніе. Намъ показалось уже, что мы выиграли, отправившись въ путь, и потому мы весело двинулись впередъ, пока вѣтеръ не подхватилъ вдругъ нашихъ саней и не сбросилъ ихъ съ кручи; я видѣлъ, какъ Уэйлдоте соскользнулъ со своею упряжью съ вершины холма и затѣмъ моментально скрылся въ облакѣ бушующаго снѣга; я знаю очень хорошо, что сейчасъ придетъ и нашъ чередъ. Мнѣ оставалось только закрыть глаза, да стиснуть поплотнѣе зубы, такъ какъ я тотчасъ же почувствовалъ, что лечу по воздуху и куда-то падаю, но куда?—неизвѣстно. Къ счастью, мы свалились лишь съ высоты 20 футовъ и притомъ въ глубокой снѣжный сугробъ, откуда уже собаки, сани и я очень осторожно и тихо скатились снова внизъ, тогда какъ Ванкеръ, хватившій на задкѣ саней, повернувшись спиною къ бурѣ, а слѣдовательно и къ пропасти, пролетѣлъ надъ моею головою и прибѣлъ внизъ раньше меня. Я былъ совершенно увѣренъ въ томъ, что никто не пострадалъ серьезно, такъ какъ снѣгъ былъ мягокъ и пушистъ и человекъ проваливался въ него такъ глубоко, что потомъ съ трудомъ можно было встать на ноги; какъ же мнѣ было не посмѣяться отъ души надъ фигурой Ванкера, когда онъ, весь свернувшись въ комочекъ и крѣпко ухватившись за свою палку, перелеталъ черезъ мою голову, точно какая нибудь вѣдьма, сбѣгающая на своемъ помелѣ на шабашъ! Сани Уэйлдоте были сломаны и упали ему на ногу, не причинивъ бѣдному малому никакого особеннаго вреда, кромѣ ушиба. Едва успѣвъ встать на ноги, мы принялись отыскивать выходъ изъ той пропасти, въ которую попали такъ неожиданно и которая со всѣхъ сторонъ была окружена скалами и цѣлыми стѣнами снѣга; только въ одномъ мѣстѣ свѣтился узкій проходъ, который велъ опять-таки на вершину холма. Конечно, мы стали ввбираться кое-какъ на верхъ, но такъ какъ намъ приходилось насильно тащить за собою собакъ, то дѣло неособенно спорилось. То и дѣло приходилось намъ ложиться на снѣгъ, чтобы послѣ 10—15 минутнаго отдыха набрать новыхъ силъ для тяжелой, едва выносимой работы. Черезъ нѣсколько часовъ насъ снова смело вѣтромъ съ холма, но на этотъ разъ въ какую-то долину, признанную оживившимся надеждою Уэйлдоте за дорогу въ селеніе, отъ котораго, по его словамъ, мы находились теперь не болѣе какъ въ $\frac{3}{4}$ версты.

Теперь дѣло шло гораздо скорѣе; скоро мы достигли берега и, повернувъ направо, черезъ нѣсколько минутъ наткнулись на юрты, которыхъ не замѣчали до тѣхъ поръ, пока не подошли къ нимъ вплотную. Мой лобъ, носъ, подбородокъ и щеки — все было страшно отморожено, да и сотоварищи мои пострадали отнюдь не меньше моего; удивляться было нечему, такъ какъ лица наши втеченіе всего утра постоянно покрывались ледяною корою, которую мы снимали съ себя по временамъ подобно маскамъ. Три собаки Уэйлдоте погибли отъ непогоды. Когда я, войдя въ юрту, вынулъ свои часы, то къ великому моему изумленію я увидѣлъ, что мы провели въ пути цѣлыхъ семь часовъ. Вторые сани прибыли только подъ вечеръ, тогда какъ остальные, покинутыя нами на берегу, догнали насъ только на другой день, послѣ нашего отъѣзда изъ Длардловрана. Въ этомъ селеніи мы застали четырехъ русскихъ изъ Нижнеколымска, которые съ большимъ интересомъ прослушали рассказъ о нашихъ походахъ во время послѣдней пурги. Трое изъ нихъ на другое же утро отправились вмѣстѣ съ нами въ путь и Ванкеръ сумѣлъ такъ устроить, что одинъ изъ нихъ захватилъ меня въ свои сани. Собственно говоря, я былъ очень доволенъ этою переимѣною, такъ какъ теперь уже могъ быть вполне увѣреннымъ, что несомнѣнно достигну мѣста своего назначенія. Человѣкъ этотъ казался честнымъ и развитымъ, хотя и не умѣлъ вовсе читать, въ чемъ и сознался тотчасъ же совершенно откровенно. Вечеромъ мы остановились въ покинутой избѣ, занесенной и переполненной на половину снѣгомъ, но все же представлявшей прекрасную защиту противъ пурги, которая снова развигралась съ тою же силою; дѣйствительно здѣсь спалось не только гораздо лучше, нежели подъ открытымъ небомъ, но въ маленькой горницѣ было даже какъ-то уютно и хорошо; добрый огонь горѣлъ посрединѣ избы; надъ нимъ висѣлъ чайникъ, а подлѣ чайника въ большомъ котлѣ варился кусокъ оленины, мы же въ ожиданіи прекраснаго ужина закусывали пока мороженою рыбою, которую мой проводникъ ухитрился раздобыть откуда-то изъ-подъ крыши; ради сокращенія времени мои новые русскіе друзья спѣли веселую русскую пѣсню, вызвавшую во мнѣ невѣдомое для меня чувство и скоро повергнувъ меня въ сладкій сонъ съ дорогими сновидѣніями объ отчизнѣ.

Итакъ, я достигъ, наконецъ, границъ цивилизаціи и мнѣ не нужно было болѣе влѣзать въ юрты дикарей!

На слѣдующій день, мы достигли довольно большаго покинутого селенія, гдѣ Ванкеръ объявилъ мнѣ, что имѣетъ намѣреніе сдѣлать продолжительную остановку въ своемъ домѣ, въ который мы должны прибыть на слѣдующій день; онъ желалъ дожидаться тамъ Константина, оставшаго отъ насъ на цѣлыхъ четыре дня пути. Во время пурги, застигшей насъ скоро по выѣздѣ изъ Эрт-

резна, сани Константина и еще одного изъ провожавшихъ насъ туземцевъ отстали и остались далеко позади насъ; мнѣ, собственно говоря, нечего было о немъ беспокоиться, такъ какъ я зналъ, что онъ находится въ обществѣ одного чукчи и одного русскаго, которые съумѣютъ и захотятъ позаботиться о немъ, и что они въ избыткѣ снабжены съѣстными припасами, которые и помѣшали имъ слѣдовать за нами съ одинаковою съ нами быстротою. Было бы совершенно излишне дожидаться его прибытія, а потому я и объявилъ Ванкеру, что мнѣ хочется скорѣе ѣхать въ Нижнеколымскъ для того, чтобы, до пріѣзда Константина, успѣть обдѣлать тамъ кое-какія изъ моихъ дѣлъ. Ванкеръ остался, однако, при своемъ прежнемъ мнѣніи и убѣждалъ меня погостить нѣсколько дней въ его домѣ. Я былъ противъ него совершенно безсиленъ и

Среднеколымскъ.

жаловался въ пути на свою долю моему русскому другу, который, хотя и ровно ничего не понялъ изъ того, что я говорилъ ему, все же съумѣлъ понять основной смыслъ моихъ словъ, т. е. что я во все не желаю оставаться у Ванкера и гораздо охотнѣе отправился бы прямо въ Нижнеколымскъ. Онъ сказалъ: «да, да» — и разговоръ нашъ на этомъ покончился. Въ тотъ же вечеръ доставилъ онъ меня въ домъ Ванкера, а самъ рано утромъ отправился далѣе. Цѣлый день старался я, но тщетно, отклонить Ванкера отъ его рѣшенія и далъ себѣ слово остаться у него развѣ еще одинъ день, хотя онъ и утверждалъ, что единственные люди, умѣющіе читать въ Нижнеколымскѣ, теперь въ отъѣздѣ и возвратятся туда только недѣли черезъ двѣ. Все это могло быть и правдою и, быть можетъ, въ концѣ концовъ я и повѣрилъ бы ему, если бы на слѣдующее утро мой добрый спутникъ не вернулся въ сопровожденіи какого-то незнакомца, при первомъ взглядѣ на котораго мнѣ показалось, что часъ моего освобожденія близокъ. И дѣйстви-

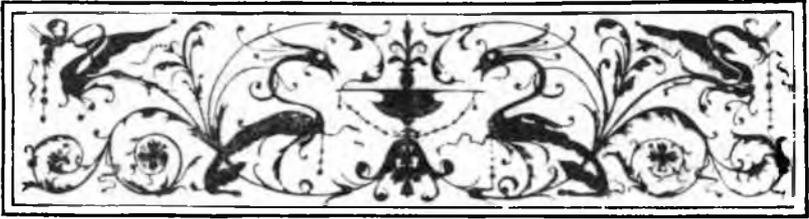
тельно, незнакомецъ прочелъ письмо консула и объявилъ мнѣ, что я тотчасъ же долженъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ. Ванзеръ отъ злости и неудачи сдѣлался пунцовымъ и съ видимымъ неудовольствіемъ согласился на то, что, какъ мнѣ было очень хорошо извѣстно, ему вовсе не нравилось; но я успѣлъ замѣтить, что незнакомецъ съ его непоколебимымъ спокойствіемъ обладалъ здѣсь нѣкоторою властью и что противиться ему было трудно. Если я былъ сердечно радъ убраться отсюда, да еще подъ охраною такого дружественно расположеннаго и уважаемаго всѣми проводника, то каково же были мои изумленіе и восторгъ, когда я увидалъ передъ дверями нашего дома крытыя сани, стоящія здѣсь для того, чтобы доставить меня, какъ какого нибудь принца крови, къ мѣсту моего назначенія. День былъ страшно холодный, такъ что я счелъ за великую милость со стороны моего спутника, когда мы остановились въ одномъ селеніи на полупути къ городу, чтобы погрѣться горячимъ чаемъ, къ которому, какъ и всегда, подана была замороженная рыба.

Всѣ жители деревни вышли намъ навстрѣчу; мужчины стояли съ обнаженными головами, выстроившись въ одинъ длинный рядъ, и кланялись мнѣ, когда я проходилъ мимо нихъ по направленію къ дому. Такимъ образомъ, какъ и въ чукотскихъ деревняхъ, я былъ окруженъ здѣсь дружелюбно настроеннымъ по отношенію ко мнѣ народомъ; хотя эти люди и принадлежали къ одному со мною племени, все же я могъ говорить съ ними лишь на языкѣ дикарей, а при моихъ ограниченныхъ познаніяхъ въ чукотскомъ языкѣ мы недалеко заходили въ разговорѣ; сами они, казалось, всѣ прекрасно знали почукотски и говорили на немъ едва ли менѣе бѣгло, нежели на своемъ родномъ языкѣ. Мой новый пріятель взялъ меня въ свой домъ и старался принять какъ можно любезнѣе и радушнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и быть мнѣ какъ можно полезнѣе въ моихъ дѣлахъ. Тутъ я узналъ въ скоромъ времени, что онъ казакъ и исправляетъ въ данное время обязанности начальника, который находится въ Среднеколымскѣ. Намъ удалось кое-какъ понять другъ друга и онъ сообщилъ мнѣ, что дастъ мнѣ для путешествія въ Среднеколымскъ казака въ проводники и что, благодаря этому обстоятельству, я совершу путь, требующій для простаго смертнаго 8—10 дней, всего лишь въ три или четыре дня; по его словамъ, я долженъ непременно найти въ этомъ городѣ челоуѣка, умѣющаго говорить пофранцузски. Едва только явился Константинъ и я успѣлъ покончить всѣ свои дѣла въ Нижнеколымскѣ, какъ я пустился въ сопровожденіи моего казака въ путь, простясь сердечнымъ образомъ съ нѣкоторыми изъ моихъ новыхъ знакомыхъ, добрѣйшими изъ людей, съ которыми сталкивала меня когда нибудь судьба. Всѣ только и старались, какъ бы еще что нибудь для меня сдѣлать, а моему славному хо-

зяину, спасшему меня изъ вавилонскаго плѣненія, такъ и вовсе трудно было, повидимому, прощаться со мною. Я прожилъ у него въ домѣ четыре дня и втеченіе всего этого времени онъ рѣшительно отдалъ всего себя въ мое распоряженіе, вѣроятно, для того, чтобы по возможности изгладить изъ моей памяти воспоминанія о своемъ соотечественникѣ, Ванкерѣ. Теперь только узналъ я, что этотъ хитрый малый увѣрилъ русскихъ, съ которыми мы встрѣтились въ Длардловранѣ, что онъ привезъ меня на Колыму только потому, что я великъ ростомъ и силенъ, что онъ продержитъ меня зиму у себя въ домѣ, а за то весною я ему буду прекраснымъ помощникомъ при рыбной ловлѣ. Право планъ былъ вовсе не дурень! Къ сожалѣнію, однако, другія мои обязанности не дозволяли мнѣ ожидать наступленія сезона рыбной ловли.

Здѣсь я впервые услышалъ кое-что о погибели «Жаннетты» и о спасеніи нѣсколькихъ человекъ изъ ея экипажа. Но хотя мое незнакомство съ русскимъ языкомъ и не представляло мнѣ болѣе особенныхъ затрудненій для веденія обыденныхъ сношеній, всетаки, подробности и частности, касающіяся участи «Жаннетты» остались для меня совершенно непонятными; и въ этомъ случаѣ бѣда была не въ томъ, собственно говоря, что я не могъ слѣдить слово за словомъ за рассказчикомъ, а главнымъ образомъ — въ томъ, что и рассказывавшіе получили лишь самыя неточныя и смутныя свѣдѣнія о несчастномъ суднѣ и его печальной участи.

XV.

Среднеколымскъ.

Среднеколымскъ, сѣверная Сибирь, 11-го марта, 1882 года.

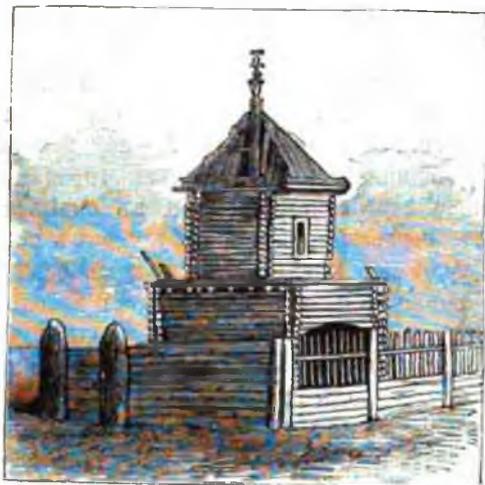
ОГДА я пріѣхалъ въ воскресенье, 5-го марта, въ Среднеколымскъ, то на улицѣ встрѣтилъ меня какой-то очень важный, старый господинъ въ красивомъ мундирѣ; онъ привѣтствовалъ меня на французскомъ языкѣ и, отрекомендовавшись «мѣстнымъ полицейскимъ префектомъ», пригласилъ меня къ себѣ въ домъ. Для меня было рѣшительно верхомъ наслажденія, наконецъ, услышать извѣстный мнѣ христіанскій языкъ и не быть принужденнымъ разговаривать съ цивилизованными людьми на языкѣ дикарей. Въ домѣ этого чиновника я встрѣтилъ бывшаго до сей поры «исправникомъ» Верхоянскаго уѣзда, г. Кочеровскаго, который недавно лишь прибылъ въ Среднеколымскъ съ тѣмъ, чтобы занять здѣсь мѣсто г. Варова, моего любезнаго хозяина. Этотъ послѣдній намѣревался уже до моего пріѣзда отправиться черезъ нѣсколько дней въ Якутскъ и теперь самымъ любезнымъ образомъ предложилъ мнѣ совершить путешествіе вмѣстѣ съ нимъ. Конечно, обрадованный до крайности, я поспѣшилъ согласиться на его предложеніе, такъ какъ зналъ очень хорошо, что въ его обществѣ я буду ѣхать гораздо скорѣе, нежели одинъ, а теперь, послѣ столько даромъ потраченнаго времени, мнѣ было крайне важно подвигаться впередъ, по возможности, скорѣе. Что касается моихъ телеграммъ, то г. Баровъ предложилъ мнѣ отправить ихъ

съ нарочнымъ въ Якутскъ: благодаря этому, онѣ могли бы быть на мѣстѣ пятью днями раньше, нежели, если бы ихъ везли обыкновеннымъ путемъ. Само собою разумѣется, что я и это любезное предложеніе принялъ съ глубочайшею признательностью и тотчасъ же принялся за работу, такъ какъ приходилось многое приготовить для курьера. Оказалось, что и здѣсь всѣ относились ко мнѣ съ самымъ дружескимъ и трогательнымъ участіемъ; казалось, право, что всякій считаетъ своимъ долгомъ сдѣлать все находящееся въ человѣческой власти для несчастныхъ моряковъ, мерзнущихъ теперь на негостепріимномъ берегу Ледовитаго океана.

Среднеколымскъ представляетъ собою небольшой русскій городъ съ пятьюстами жителей: русскихъ, якутовъ и нѣсколькихъ чукчей; всѣ дома здѣсь срублены изъ нетесанныхъ бревенъ и притомъ всегда въ одинъ этажъ; окна состоятъ почти безъ исключеній изъ толстыхъ, но прозрачныхъ ледяныхъ плитъ; конечно, найдутся и такія, гдѣ красуются стекла, но эти послѣднія до такой степени разбиты и испещрены склейками, что своей вѣншей стороной напоминаютъ росписныя окна какой нибудь готической церкви. Какъ и во всѣхъ маленькихъ русскихъ городахъ, и здѣсь церковь есть лучшее зданіе; построенная въ очень строгомъ восточномъ стилѣ, она возвышается къ небу своимъ тощимъ куполомъ, съ высокимъ, золотымъ крестомъ на самомъ верху. Возлѣ церкви и притомъ въ одной съ нею оградѣ высится небольшая, надстроенная надъ бревенчатымъ срубомъ, башня, воздвигнутая первыми насельниками Среднеколымска для защиты отъ нападений дикихъ якутовъ и чукчей. Городъ выстроенъ очень неправильно и разползся на довольно значительное разстояніе, такъ что правительственныя постройки находятся верстахъ въ полутора отъ центра города; подъ правительственными постройками здѣсь разумѣютъ хлѣбные и зерновые амбары, гдѣ сохраняются также и мѣха, поступающіе въ уплату податей; все это огромныя срубы, съ массивными, тяжелыми дверями и съ замками, величиною съ добрый дорожный чемоданъ; само собою разумѣется, что и ключи къ этимъ замкамъ обладаютъ соответствующими размѣрами и вѣсомъ; если судить по этимъ ключамъ, то «хранитель государственныхъ ключей» въ Россіи,—если только такой постъ существовалъ бы въ этой странѣ,—долженъ бы былъ родиться атлетомъ и притомъ чуть не съ малолѣтства упражняться и подготавливаться къ несенію своей поистинѣ «тяжелой» обязанности. Одно можно сказать: когда здѣсь дверь заперта, то она дѣйствительно и вполнѣ заперта; сомнѣваться въ этомъ рѣшительно немислимо.

Во время моего пребыванія въ Среднеколымскѣ, я посѣтилъ разъ эти амбары и присутствовалъ при торжественной приемѣ всего заключающагося въ нихъ добра новымъ исправникомъ; впрочемъ, процедура эта была въ высшей степени неинтересна, да и по-

года была страшно холодна, такъ что я недолго оставался тамъ. Цѣлая толпа рабочихъ, да не такъ, какъ у насъ, съ засученными рукавами и въ блузахъ, а въ мѣховыхъ одеждахъ, бѣгали съ огромными тюками на плечахъ и бросали свой грузъ на одну изъ чашекъ огромныхъ вѣсовъ, самой простой и, какъ я полагаю до той поры, давно уже вышедшей изъ употребленія конструкціи; пока на одной чашкѣ громоздились исполинскіе тюки мѣховъ и сшитые изъ коровьихъ шкуръ мѣшки съ зерномъ, на другую накладывали чуть не цѣлую гору желѣзныхъ гирь, пуда въ 2½ вѣсомъ каждая. Особенной точности во взвѣшиваніи, повидимому, не требовалось; едва только грузы на обоихъ чашкахъ становились приблизительно равными, какъ взвѣшиваемое снимали и принимались счи-

Казакій острожокъ.

тать гири. Если бы нашимъ городскимъ вѣсовщикамъ въ Нью-Йоркѣ привелось работать съ подобнымъ матеріаломъ, то, право, служба ихъ отнюдь не могла бы быть признана синекурою. Для взвѣшиванія болѣе мелкихъ предметовъ употребляли здѣсь другіе вѣсы, не менѣе странной конструкціи, называвшіеся «безмѣномъ»; до сихъ поръ, я всегда видѣлъ, что передвигается только лишь грузъ, а потому это постоянное передвиганіе самаго рычага представляло для меня новое и въ то же время до крайности курьезное зрѣлище.

Не менѣе, впрочемъ, странное зрѣлище представлялъ собою и одинокій казакъ, ходившій съ ружьемъ на плечѣ взадъ и впередъ передъ огромными вѣсами; съ виду онъ самъ походилъ на плотноувязанный, но вооруженный тюкъ мѣховъ. У вѣсовъ стоялъ новый исправникъ, такъ закутанный въ шубы, что, кромѣ глазъ, у него ничего не было видно; да и ничего страннаго въ этомъ кутаньѣ

не было, такъ какъ никогда еще я такъ сильно не мерзъ, какъ въ первые три дня моего пребыванія въ Среднеколымскѣ. Г. Варовъ сказалъ, что ему ни разу еще не приходилось испытывать подобнаго холода и что мѣстные жители считаютъ температуру всей нынѣшней зимы, т. е. января и февраля мѣсяцевъ, выходящею изъ общаго ряда. Къ сожалѣнью, ни въ одномъ изъ городовъ, лежащихъ на сѣверо-востокѣ отъ Якутска, нѣтъ термометра, а между

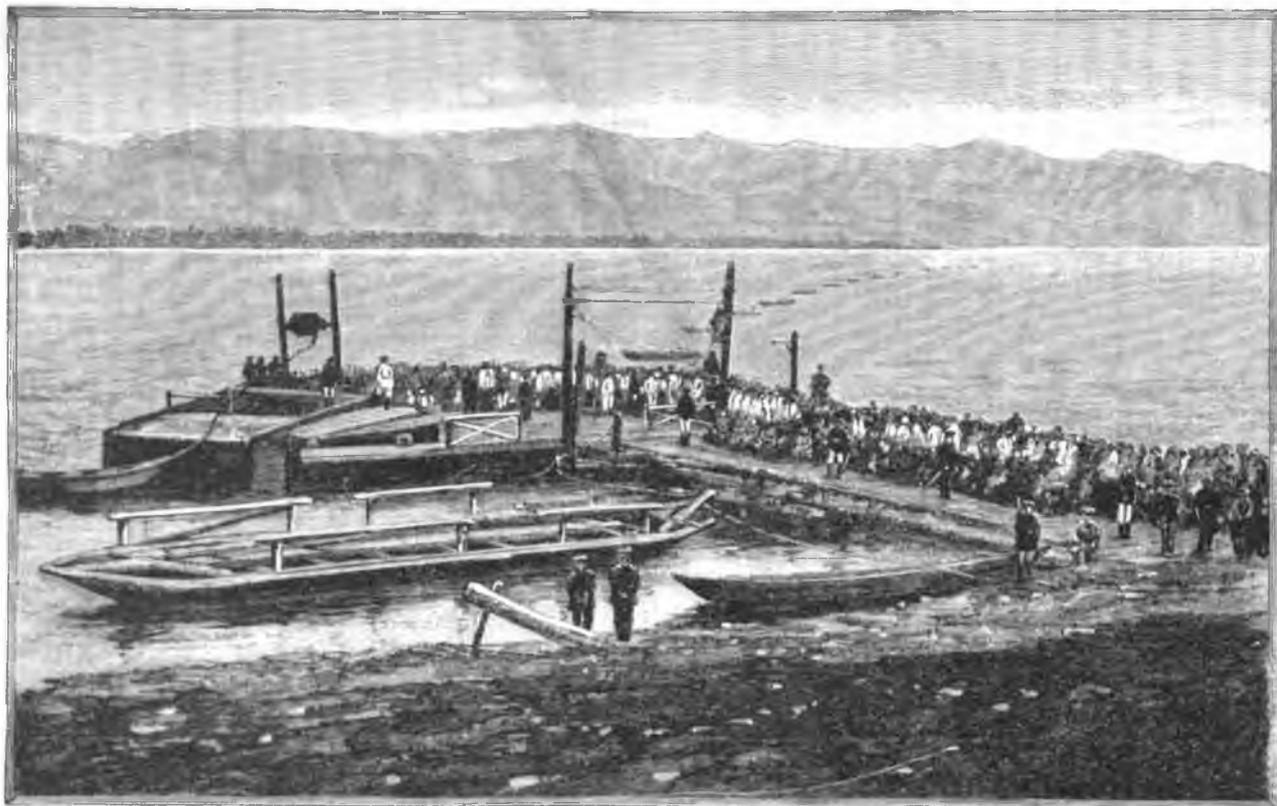

Якуты—рыбаки.

тѣмъ здѣсь-то наблюденія надъ температурой и могли бы представить особенный интересъ. Я убѣжденъ, что 5, 6, 7 и 8 февраля новаго стиля во всей сѣверо-восточной Сибири термометръ показывалъ необычно низкую температуру; воздухъ былъ совершенно тихъ, небо безоблачно и, такимъ образомъ, всѣ условія для холодной погоды были налицо; 9-го февраля, небо покрылось облаками и температура значительно повысилась; 10-го февраля, была сильная метель. Какъ повсюду, въ этой части Сибири, такъ и здѣсь дома состоятъ изъ трехъ комнатъ, которыя отапливаются не печью, а

открытымъ очагомъ; этотъ послѣдній строится изъ толстыхъ жердей, которыя проходятъ черезъ крышу и образуютъ надъ домомъ низенькую трубу; для защиты отъ пламени вся постройка покрывается толстымъ слоемъ глины. Огромныя полѣнья, которыми здѣсь обыкновенно топятъ, прислоняются своимъ верхнимъ концомъ къ задней стѣнкѣ камина и, слѣдовательно, устанавливаются въ немъ стоймя. Страна обладаетъ почти неисчерпаемымъ богатствомъ лѣса, дающаго не только превосходное топливо, но и отличный во всѣхъ отношеніяхъ строительный матеріалъ; лѣсъ этотъ легко пилится и колется и даетъ свѣтлое, большое пламя и массу тлѣющихъ угольевъ. Такъ какъ каминъ представляетъ собою единственный очагъ въ домѣ, то въ немъ же варится и пища для всѣхъ обитателей дома— работа, выполняемая здѣсь съ одинаковымъ искусствомъ какъ мужчинами, такъ и женщинами; само собою разумѣется, что въ силу необходимости здѣшнія кулинарныя произведенія ограничиваются очень немногими блюдами, такъ какъ всѣ здѣсь, болѣею частью, питаются рыбой, хлѣбомъ и чаемъ.

Всѣ озера и рѣки страны содержатъ въ изобиліи превосходную рыбу, и бѣднѣйшая часть населенія только ею и питается. Мои наблюденія надъ здѣшнимъ населеніемъ привели меня, однако, къ тому заключенію, что или вообще рыбная, исключительно, пища, или же, преимущественно, потребляемый здѣсь родъ рыбы особенно неблагоприятны для увеличенія вѣса и развитія мозга; тѣмъ не менѣе, на основаніи многократнаго опыта, я могу завѣрить, что восточно-сибирская рыба обладаетъ превосходнымъ вкусомъ, особенно, если ее подаютъ сырою или замороженною. Приготовление ея въ этомъ случаѣ необыкновенно просто. Когда кожа съ рыбы снята, то ее рѣжутъ длинными, узенькими полосами и затѣмъ, смотря по средствамъ человѣка, ѣдятъ съ солью или безъ соли. Русскіе называютъ это необыкновенно вкусное блюдо «струганиною», а якуты—«тангъ-балыкъ». Кромѣ этого довольно примитивнаго вида, фигурируетъ рыба и въ нѣкоторыхъ иныхъ блюдахъ за столомъ здѣшнихъ жителей: ее варятъ, жарятъ и пекутъ и въ особенности охотно запекаютъ въ пироги-рыбники. Могій вмѣстити, вслѣдъ за неизбѣжной рыбой, ѣсть также и оленину, или же, если онъ достаточно богатъ для такой роскоши, то и цѣнную здѣсь чрезвычайно говядину; почему эту послѣднюю предпочитаютъ въ этихъ мѣстахъ оленинѣ, такъ и осталось непонятнымъ для меня, такъ какъ оленина гораздо мягче и нѣжнѣе и обладаетъ къ тому же еще какимъ-то особенно приятнымъ вкусомъ, происходящимъ, вѣроятно, отъ ароматическаго мха, составляющаго главную пищу животнаго. По цѣнѣ оленина тоже довольно дешева для того, чтобы удовлетворить самаго бережливаго отца семейства: прекрасное, молодое животное стоитъ въ Нижнеколымскѣ только 3 рубля, а въ Среднеколымскѣ—5 рублей; къ тому же оленина всегда превосходна,

Перевозка ссыльныхъ.

тогда какъ въ говядинѣ волокна очень грубы и самое мясо жестко. Въ обоихъ посѣщенныхъ мною до сихъ поръ городахъ, говядина гораздо дороже оленины, въ Верхоянскѣ цѣна одинакова, а въ Якутскѣ оленина стоитъ уже гораздо дороже и ниже по цѣнѣ только сравнительно съ кониною, роскошью, которую могутъ себѣ позволить только лишь самые богатые люди и которая, кажется, въ особенности цѣнится якутами; впрочемъ, всякій, кому вадумается, можетъ получить конину въ любой гостиницѣ Якутска. Завтракъ состоитъ здѣсь обыкновенно изъ хлѣба и чая, къ которому подается также замороженная и сушеная рыба; позднеѣ подается обѣдъ, состоящій изъ мяса, супа и чая и, наконецъ, ѣдятъ еще вечеромъ, за ужиномъ, когда подаютъ мясо или рыбу и чай.

Представить себѣ невозможно, что бы стали здѣсь люди дѣлать безъ чая! Это обще-употребительный напитокъ, который за каждую ѣдою пьютъ, то съ молокомъ, то съ сахаромъ, въ количествѣ никакъ не менѣе 4, а иногда и до 20 чашекъ; такъ какъ сахаръ здѣсь очень дорогъ, то съ нимъ обходятся чрезвычайно бережливо; его никогда не кладутъ въ чашку, а передъ каждою ѣдою выдаютъ по кусочку каждому изъ присутствующихъ, и съ этимъ-то кусочкомъ онъ долженъ выпить сколько угодно ему будетъ чашекъ, причемъ онъ откусываетъ самыя миниатюрныя крупинки драгоцѣннаго угощенія. На подносѣ, на которомъ подается обыкновенно чай, должны, съ силу разъ заведеннаго въ этой части Сибири обычая, стоять двѣ мелкія тарелки, на одной изъ которыхъ лежатъ драгоцѣнные кусочки сахара, а на другой кусочки же замороженныхъ сливокъ или молока. Сначала все это казалось мнѣ чрезвычайно страннымъ, но скоро я привыкъ и къ этому мѣстному обычаю, какъ и ко многимъ другимъ и, между прочимъ, къ обычаю унаковывать мой путевой провіантъ въ нѣсколько маленькихъ мѣшечковъ, такъ что я всегда возилъ съ собою мѣшечекъ съ чаемъ, другой—съ сахаромъ, третій—съ молокомъ и т. д.

Съ той минуты, какъ я покинулъ сѣверный берегъ Сибири, чтобы проникнуть по Колымѣ внутрь страны, мѣстность, по которой пролегалъ мой путь, приняла совершенно иной видъ. Уже на второй день ѣзды по рѣкѣ я замѣтилъ, приблизившись къ берегу, сначала болѣе высокую траву, нежели та, которую мнѣ до той поры приходилось видѣть, затѣмъ показался кустарникъ, перешедшій скоро въ ползучій лѣсокъ, и, наконецъ, предстали предо мною два большія, одиноко стоящія другъ возлѣ друга, дерева. Проѣхавъ еще нѣсколько верстъ, я увидѣлъ, что деревья по берегамъ стали попадаться все чаще и чаще, а домъ Ванкера, до котораго мы доѣхали въ тотъ же вечеръ, былъ уже окруженъ настоящимъ лѣсомъ, гдѣ деревья достигали высоты 30 и 40 футовъ. Никогда бы прежде я не повѣрилъ, чтобы втеченіе одного только дня пути мѣстность могла до такой степени измѣниться, или, вѣрнѣе, чтобы

до такой степени могли измѣниться климатическія условія. Еще не доѣзжая до дома Ванкера, мы остановились у одной избы напиться чаю; такъ какъ это былъ первый обитаемый домъ, встрѣченный мною на пути, то понятно, съ какимъ любопытствомъ я смотрѣлъ на него. Въ домѣ была всего лишь одна комната, въ углу которой помѣщался каминъ; яркій огонь горѣлъ въ немъ и скоро, благодаря ему, мой отмороженный носъ покраснѣлъ отъ жару. Кипящій чайникъ стоялъ на угольяхъ, а при входѣ нашемъ въ горницу встала съ своего мѣста хозяйка дома, у которой широкое, ничѣмъ не опоясанное платье виспадало съ плечъ до по-

Внутренность дома старосты.

ловины ея высокихъ кожаныхъ сапоговъ, и подошла къ тушамъ двухъ только что убитыхъ оленей, прислоненныхъ къ стѣнѣ и еще не ободранныхъ, чтобы отрѣзать намъ нѣсколько кусковъ мяса. Она положила затѣмъ эти куски въ котелокъ, стоявшій на тлѣющихъ угольяхъ, нарѣзала струганины и подала намъ все это вмѣстѣ съ чашкою сушеной рыбы и клюквеннаго варенья; заключеніе, здѣсь поданъ былъ горячій чай, превосходнаго качества котораго, какъ оживляющаго и согрѣвающего напитка, послѣ долгой бѣды по холоду, я не разъ имѣлъ случай оцѣнить во время моихъ долгихъ странствованій. Мы находились еще у нашихъ гостепріимныхъ русскихъ хозяевъ, когда передъ домомъ остановились трое чукотскихъ саней, и новые гости были приняты съ тѣмъ же радушіемъ и хлѣбосольствомъ, какія были оказаны намъ. Это частое угощеніе такого значительнаго числа гостей, изъ которыхъ ни одинъ не проѣдетъ мимо, не завернувъ подъ гостепріимную кровлю придорожнаго жителя, и изъ которыхъ всякій преспокойно

уѣзжаетъ, не заплативъ ни одного гроша, должно дѣйствительно лежать тяжелымъ бременемъ на обитателяхъ выстроенныхъ на здѣшнихъ проѣзжихъ дорогахъ домовъ. По исконному русскому благочестивому обычаю, всѣ гости, не исключая и чукчей, крестились при входѣ и выходѣ, а также и передъ ѣдою, и послѣ нея; въ домѣ Ванкера всѣ члены семейства молились передъ образомъ, висѣвшимъ въ одномъ изъ угловъ горницы; даже самъ Ванкеръ исполнялъ этотъ благочестивый обычай, но все это, какъ мнѣ казалось, не достаточно еще часто, чтобы искупить всѣ грѣхи, совершенные имъ по дорогѣ въ чукотскихъ куртахъ. Онъ такъ хорошо говорилъ почукотски, что я его не безъ основанія считалъ за метиса, даже среди чукчей онъ считался великимъ шаманомъ и кудесникомъ, хотя и носилъ на шеѣ чукотскіе амулеты въ защиту отъ болѣзней; по части его умѣнья обращаться съ шаманскимъ барабаномъ врядъ ли кто могъ съ нимъ поспорить, но, прѣхавъ домой, онъ отложилъ въ сторону всѣ свои языческіе обычаи и искусства и выказалъ себя такимъ же благочестивымъ христианиномъ, какъ и всѣ остальные члены его семейства.

Втеченіе всего моего пребыванія въ Среднеколымскѣ, точно также, какъ и въ Нижнеколымскѣ, меня постоянно приглашали къ себѣ въ гости разные любезные обыватели этихъ городовъ; при всѣхъ этихъ сборищахъ, казалось, что хозяинъ поставилъ себя правиломъ заставлять меня выпивать каждыя пять минутъ по рюмкѣ водки. Сначала я воображалъ, что мнѣ необходимо подчиняться этому мѣстному обычаю, и потому пилъ все то, что мнѣ подносили, и держался, на сколько было возможно, прямо на ногахъ. Только впоследствии уже узналъ я, что не слѣдуетъ опоражнивать тотчасъ же рюмку, и что достаточно только пригубить ее для того, чтобы облегчить желудку перевариваніе большого количества тяжелой пищи; такъ я и поступалъ съ той поры. По настоящему, русскій обычай требуетъ: «рюмку водки передъ обѣдомъ, по рюмкѣ передъ каждымъ блюдомъ, по рюмкѣ за обѣдомъ, по рюмкѣ послѣ каждаго блюда, да рюмку послѣ обѣда»—только и всего.

XVI.

По дорогѣ на Лену.

АСТУПИЛЪ «переломъ жестокой зимы». Какъ часто и какъ охотно примѣняется это поэтическое сравненіе и все же, думается мнѣ, что тотъ, кто не имѣлъ несчастья путешествовать по сѣверной Сибири раннею весною, не можетъ, собственно говоря, знать, что такое этотъ «переломъ жестокой зимы». По моему мнѣнію, я испыталъ достаточно этихъ жестокихъ зимъ, будучи въ Сѣверной Америкѣ, а также насмотрѣлся вдоволь и на многое множество ледоходовъ, но, всетаки, долженъ былъ сознаться, что все это было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что мнѣ довелось здѣсь увидѣть. Кто хочетъ посмотрѣть на это грандіозное явленіе во всемъ его величіи и во всемъ его значеніи, тотъ долженъ отправиться во время весенняго половодья въ бассейнъ какой бы то ни было изъ огромныхъ рѣкъ, омывающихъ сѣверную Сибирь; здѣсь увидить онъ цѣлыя уѣзды, покрытые водою, съ носящимися по ней ледяными глыбами; здѣсь кругомъ на десятки верстъ не замѣтитъ онъ земли и только кое-гдѣ глазъ его различитъ верхушки лѣсовъ, торчащія изъ воды. Путникъ долженъ хорошо знать дорогу, изучить каждую ея неровность и тщательно держаться ея, такъ какъ сани его сотни саженъ ѣдутъ по глубокой водѣ, а самъ онъ полустойтъ на своемъ сидѣннѣ и держится за края, пока вдругъ весь экипажъ не попадаетъ въ какую нибудь неожиданную яму. Большую часть пути онъ долженъ проѣхать верхомъ и познако-

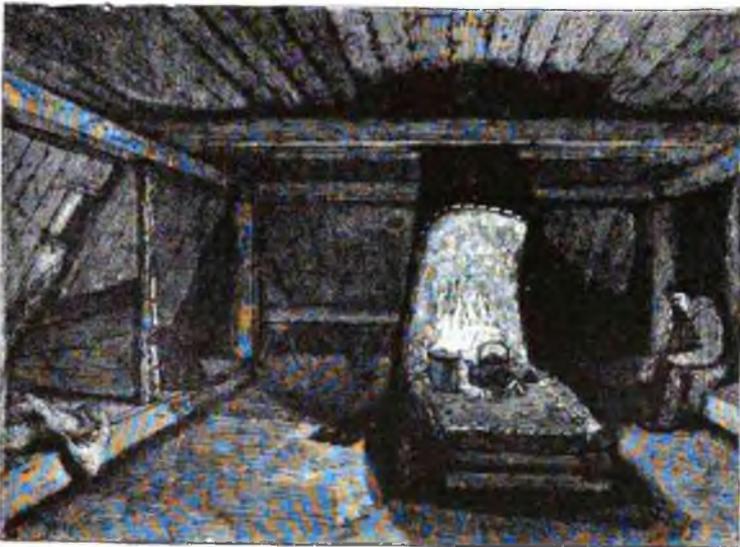
миться съ такими дорогами и такою породою лошадей, которыхъ онъ тщетно сталъ бы искать гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Такъ поставлено дѣло въ цивилизованной Сибири, т. е. въ той ея части, которая находится подъ управленіемъ чиновниковъ. На востокъ отъ Колымскаго округа, простирающагося немного далѣе 181° вост. долготы, и вверхъ по всему теченію р. Колымы начинается такъ называемая «Дикая Сибирь», которая на самомъ дѣлѣ вовсе не находится подъ властью Россіи; собственно говоря, чукчи никогда покорены не были, такъ какъ хотя тамошніе казаки и одерживали надъ ними не разъ побѣды въ правильномъ бою, все же побѣды эти вовсе не влекли за собою даже временнаго подчиненія этого народа побѣдителямъ. Такимъ образомъ и до сей поры Колымскій округъ составляетъ передовой форпостъ цивилизаціи для того, кто въѣзжаетъ въ него съ востока. Когда я достигъ Нижнеколымска, то уже перенесъ столько опасностей и трудностей всякаго рода, что по прибытіи къ мѣсту назначенія мнѣ казалось, что я поборолъ самое худшее и что остальную часть пути по русскимъ почтовымъ дорогамъ я совершу сравнительно легко и удобно. Пожалуй, впрочемъ, что такъ было и въ дѣйствительности, но все же и теперь приходилось мнѣ испытывать разныя неудачи и трудности, по крайней мѣрѣ, равняющіяся тому, что мнѣ пришлось пережить въ «Дикой Сибири». Главное удобство дальнѣйшаго моего странствованія состояло въ томъ, что ѣхать вообще можно было скорѣе; объ особенныхъ удобствахъ путешествія по Сибири не можетъ быть и рѣчи, развѣ только зимою, да и то лишь въ западныхъ частяхъ этой страны.

Для меня было особеннымъ счастіемъ то, что весь путь свой до Верхоянска я могъ совершить въ сопровожденіи г. Варова, бывшаго до той поры начальникомъ, или исправникомъ, Колымскаго округа. вмѣстѣ съ нами ѣхала его маленькая дочь и казакъ, которому поручено было наблюденіе за нашими вещами, но который въ то же время приносилъ намъ немалую пользу въ качествѣ фурьера и нашего квартирмейстера; когда мы останавливались дорогою поѣсть или напиться чаю, онъ устраивалъ все это, какъ только могъ лучше, и вообще заботился всячески о нашихъ удобствахъ.

Только теперь, во время этого путешествія, узналъ я, что такое настоящая почтовая дорога и, только благодаря моему чиновному спутнику, наше движеніе по ней совершалось такъ благополучно, какъ того можно было желать. Станціи, гдѣ мы мѣняли упряжки, отстояли одна отъ другой на 60—250 верстъ; но тамъ, гдѣ разстояніе между ними было слишкомъ велико, устроены были полустанки, или такъ называемыя «поварни»; зачастую эти поварни представляютъ собою жилыя избы, но иногда и необитаемыя постройки, гдѣ, однако, путникъ всегда найдетъ достаточный запасъ топлива для того, чтобы сварить мяса или чай, такъ какъ по всей

Сибири, за исключеніемъ, конечно, земли чукчей, чай составляетъ любимый и единственный дорожный напитокъ для представителей всѣхъ слоевъ общества; для меня обычай этотъ былъ совершенною новостью, но скоро и я позналъ всю его цѣну; я всегда считалъ употребленіе спиртныхъ напитковъ во время арктическихъ путешествій для согрѣванія тѣла и возбужденія совершенно недопускаемымъ и въ силу этого пилъ всегда во время моихъ странствованій по Сѣверной Америкѣ только слабый мясной наваръ, который можно найти у всякаго эскимоса, тѣмъ болѣе, что иные способы приготовленія мяса, кромѣ варки, имъ неизвѣстны.

Только въ Сибири убѣдился я, вслѣдствіе долговременной практики, что чай можетъ при дальнихъ поѣздкахъ по холоду. сослу-

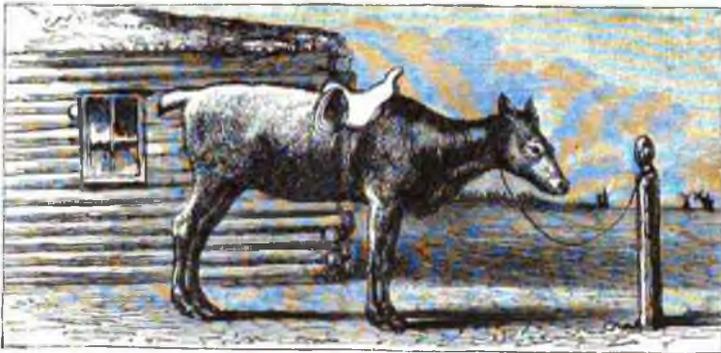
Внутренность поварни.

жить не меньшую службу, и даже гораздо большую, нежели мясной наваръ; дѣло въ томъ, что пока оттаивается кусокъ мяса, можно успѣть поставить котелокъ съ водою, вскипятить эту послѣднюю, приготовить чай, напиться его и снова пуститься въ дорогу. Когда полустанокъ или поварня обитаема, то терять время на кипяченіе воды не приходится, такъ какъ на ярко горящемъ огнѣ, всегда поддерживаемомъ жителями, путникъ непремѣнно найдетъ большой котелъ или чайникъ съ горячею водою. Но и въ необитаемыхъ поварняхъ чай готовится очень скоро; растущій здѣсь въ изобиліи лѣсъ обладаетъ превосходными качествами: онъ легокъ, хорошо горитъ, даетъ яркое пламя и много тепла, но въ то же время требуетъ постояннаго подкладыванія новыхъ полѣньевъ. Изъ широкой, густо-

смазанной глиною трубы дымъ выходитъ черезъ нѣсколько отверстій, продѣланныхъ въ крышѣ; дрова, наколотыя въ длинные, тонкія полѣнья, приставляются стоймя съ задней стѣнѣ камина и скоро разгораются яркимъ пламенемъ, благодаря сильной тягѣ черезъ дымогарную трубу вверхъ. Обыкновенно поварни отстоятъ другъ отъ друга на 30 — 40 верстъ; само собою разумѣется, что всякій путникъ съ радостью подѣбжаетъ къ ней. Жители этихъ приютовъ за пріемъ путешественниковъ не получаютъ никакого вознагражденія, но для нихъ прибытіе новаго человѣка составляетъ истинное удовольствіе, и они считаютъ себя вполне вознагражденными за свои труды, связанные съ обязательнымъ пріемомъ постояльцевъ, тѣмъ, что видятъ новыхъ людей и слышатъ отъ нихъ кое-какія новости. Скоро я замѣтилъ, что якуты, исполняющіе обязанности станціонныхъ смотрителей на станціяхъ, расположенныхъ на сѣверъ отъ Якутска, далеко не отличаются избыткомъ дѣятельности и предприимчивости; надо было уже искуситься въ сношеніяхъ съ ними для того, чтобы получить отъ нихъ необходимую для насъ упряжку. Въ душѣ всѣ они трусы порядочные, но получить отъ нихъ требуемое можно лишь при помощи долгой брани и застращиванія; кто относится къ нимъ дружественно, можетъ быть увѣренъ, что подвергнется неминуемо съ ихъ стороны обману; напротивъ, тотъ, кто съ ними обращается презрительно и грубо, пользуется полнымъ ихъ уваженіемъ. Къ моему великому удовольствію, мой новый другъ — исправникъ взялъ на себя неизбѣжную и непрерывную ругань и брань и выполнялъ это дѣло съ такимъ успѣхомъ, что лишь очень рѣдко приходилось намъ ждать на нѣкоторыхъ станціяхъ. И тутъ, какъ и во время дальнѣйшихъ моихъ странствованій по Сибири, никогда и рѣчи не было о ночевкѣ; все время мы ѣхали день и ночь, а потому и проѣхали 1,500-верстное разстояніе до Верхоянска лишь всего въ 18 дней.

На пятый день послѣ нашего отъѣзда изъ Среднеколымска перевалили мы черезъ водораздѣлъ между Колымой и Индигиркою; возлѣ самой дороги возвышается здѣсь на вершинѣ холма большой деревянный крестъ, обозначающій границу между Колымскимъ и Верхоянскимъ округами. Здѣсь пришлось намъ остановиться на нѣсколько минутъ и вылѣзти изъ саней, такъ какъ мой старикъ и его маленькая дочь пожелали еще разъ формально и и притомъ самымъ благочестивымъ образомъ проститься съ только что оставленнымъ нами округомъ. И вотъ они, стоя другъ возлѣ друга у подножія креста, обративши взоры свои на востокъ (а старикъ, не смотря на вѣтеръ и метель, съ шапкою въ рукахъ), шептали про себя общую молитву и крестились, пока остальные смотрѣли на нихъ внимательно и почтительно молчали. Сани стояли между тѣмъ на дорогѣ, а лошади, воспользовавшись краткою остановкою, разрывали копытами снѣгъ и пощипывали находившуюся

подъ нимъ мерзлую траву. Крестъ былъ увѣшанъ всевозможными маленькими тряпками, лентами и пучками конскихъ волосъ, а въ многочисленныхъ щеляхъ стараго, во многихъ мѣстахъ растрескавшагося дерева видѣлось много мѣдныхъ монетъ; все это были жертвоприношенія прежнихъ путешественниковъ, положенныя ими сюда въ отвращеніе всякихъ бѣдствій, могущихъ съ ними приключиться по ту сторону границы. И наша путешествующая компанія принесла свою лепту въ это своеобразное собраніе: старикъ положилъ туда листъ табаку, а дѣвочка—ленточку изъ своихъ темныхъ кудрей; что касается меня, то я вырвалъ по одному волоску изъ хвостовъ нашихъ лошадей, увязалъ ихъ въ пучекъ и привязалъ этотъ послѣдній къ одному изъ торчавшихъ подлѣ креста шестовъ, на которыхъ развѣвалось уже много подобныхъ жертвъ.

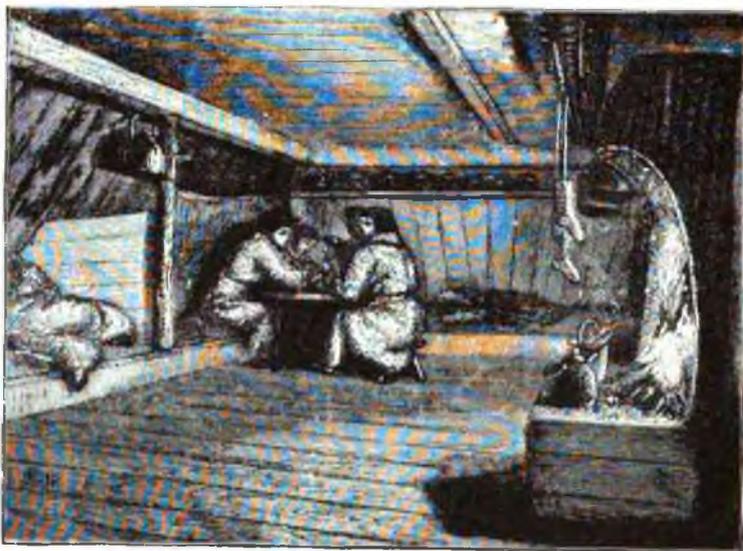

Сѣверный олень.

Черезъ нѣсколько дней мы прибыли въ селеніе Абуи, гдѣ и остановились въ домѣ головы, или старшины, рослаго сѣдовласаго якута, пріятной наружности, отличавшагося спокойнымъ, но полнымъ сознаніемъ своего достоинства обращеніемъ, производившимъ на меня глубокое впечатлѣніе; онъ принялъ насъ въ свой домъ, который былъ гораздо больше и содержался гораздо чище остальныхъ якутскихъ домовъ, видѣнныхъ мною до той поры; приемъ былъ крайне радушный и сопровождался роскошнымъ угощеніемъ изъ мерзлой рыбы и замороженныхъ сливокъ. Двое женатыхъ сыновей жили вмѣстѣ съ нимъ въ томъ же домѣ. Когда наши олени были снова запряжены, я, къ немалому моему изумленію, увидаль, что нашъ почтенный и именитый хозяинъ натягиваетъ на себя свою шубу, чтобы ѣхать съ нами за ямщика; онъ оказался превосходнымъ возницею и могъ минута въ минуту опредѣлить, когда встрѣтится намъ на пути поварня и когда доѣдемъ мы до слѣдующей станціи. Не смотря, однако, на его располагающую къ довѣрью наружность, скоро я замѣтилъ, однако, что и славный Николай

Чагра—бывалый, старый плутъ; когда мы прибыли на слѣдующую станцію, я увидаль, напримѣръ, какъ онъ, среди самой благочестивой молитвы предъ висящимъ въ углу избы образомъ, дѣлалъ одному изъ другихъ ямщиковъ знаки, которые отнюдь не касались молитвы и совершенно не подходили къ его настроенію въ ту минуту; лицо его сохраняло при этомъ выраженіе глубокой вдумчивости и въ то же время почтенности, и я, признаюсь, былъ немало удивленъ, сдѣлавъ такое неожиданное открытіе.

Послѣ нѣсколькихъ дней пути достигли мы такой станціи, гдѣ начинается самый длинный перегонъ въ 250 верстъ до слѣдующей

Домъ Николая Чагры.

перемѣны оленей; по непріятной случайности, какъ разъ тутъ мы и не могли найти достаточнаго числа упряжныхъ оленей, такъ что намъ предстояла далеко не радостная перспектива застрянуть въ трудныхъ горныхъ перевалахъ этого перегона. Какъ бы то ни было, но мы, всетаки, двинулись въ путь и къ утру слѣдующаго дня достигли первой поварни, гдѣ, къ величайшему моему удовольствію, застали нѣсколькихъ якутовъ съ 60 прекрасными и сильными оленями, возвращавшихся домой изъ поѣдки на Колыму, куда они доставили для одного изъ мѣстныхъ торговцевъ большой транспортъ товаровъ. Такъ какъ они ѣхали по одному съ нами направленію, то мнѣ казалось совершенно простымъ нанять ихъ до слѣдующаго селенія; къ сожалѣнію, скоро я долженъ былъ разочароваться, такъ какъ не принялъ въ расчетъ якутскаго упрямства; не смотря на предложенную имъ г. Варовымъ богатую

плату, къ которой я съ своей стороны счелъ долгомъ прибавить особое вознагражденіе, они стояли на своемъ, что будутъ дѣлать по 50 верстѣ въ день и проводить ночи въ поварняхъ, такъ что намъ потребовалось бы при такой ѣздѣ цѣлыхъ четыре дня на перегонъ, который можно было бы сдѣлать въ какихъ нибудь полтора дня. Такъ какъ ни обѣщаніе награды, ни угрозы не могли подѣйствовать на этихъ людей, то мой спутникъ объявилъ мнѣ, что онъ и безъ согласія возьметъ у нихъ до слѣдующей станціи

Николай Чагра.

12 лучшихъ ихъ оленей и оставить послѣднихъ тамъ у старшины селенія вмѣстѣ съ приличнымъ вознагражденіемъ за сослуженную ими намъ службу. Само собою разумѣется, что хозяева оленей и не думали раздѣлять этого намѣренія, и потому тотчасъ же поднялся громкій и оживленный разговоръ, изъ котораго, къ сожалѣнію, я не понялъ ни одного слова, но такъ какъ я увидалъ, что старый исправникъ сталъ вдругъ подбивать одного изъ якутовъ кулаками, а нашъ казакъ въ то же время набросилъ на другаго, пытавшагося было бѣжать, свой арканъ, то я счелъ долгомъ справиться у г. Варова, не время ли и мнѣ начать дѣйствовать и что

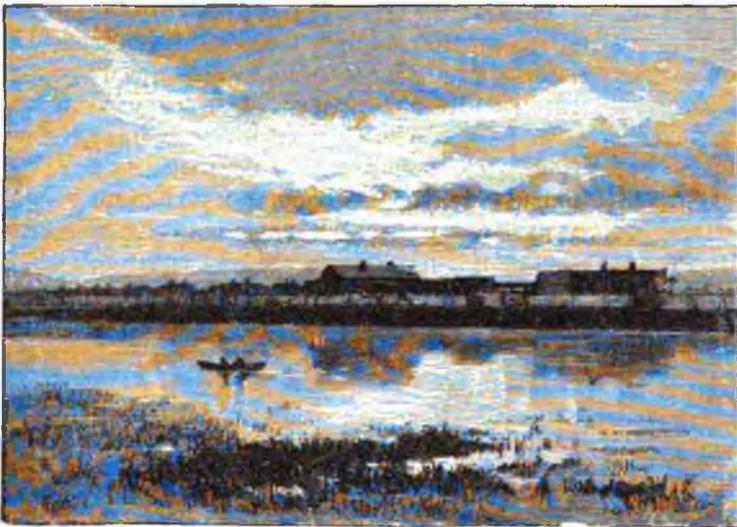
именно предстоитъ мнѣ дѣлать. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что теперь болѣе ничего не нужно, такъ какъ все благополучно устроилось, и люди стали вполне послушны и добродушны; при этомъ онъ еще разъ повторилъ мнѣ то, что я отъ него не разъ слышалъ, а именно, что изъ якутовъ только при помощи ударовъ можно сдѣлать себѣ друзей; и дѣйствительно, уже черезъ нѣсколько минутъ они явились всѣ, снявъ почтительно шапки, чтобы просить исправника сдѣлать имъ милость и взять у нихъ какихъ ему угодно оленей; затѣмъ, думая, что и этого мало, они запрягли сами намъ оленей и починили однѣ изъ нашихъ саней, сломавшіяся въ пути.

Въ Верхоянскѣ услышалъ я впервые подробныя свѣдѣнія о высадившихся прошло осенью въ устьяхъ Лены офицерахъ и матросахъ «Жаннетты», старшемъ инженерѣ Мельвиллѣ, лейтенантѣ Данненхауэрѣ, профессорѣ Ньюкомбѣ и восьми матросахъ. Вотъ что могли мнѣ сообщить со словъ самихъ спасенныхъ о судьбѣ погибшаго судна.

Послѣ того, какъ «Жаннетта» втеченіе почти двухъ лѣтъ носилась по океану, затертая льдами, 12-го іюня 1881 года, вслѣдствіе сильнаго напора сплошнаго льда, она пошла, наконецъ, ко дну и скрылась подъ водою утромъ 13-го іюня на 77° сѣверной широты и 155° восточной долготы. Экипажъ, спасшійся на ледъ съ лодками, санями и припасами, тотчасъ же двинулся по льду на югъ и до 12-го сентября не расходился врознь; въ этотъ день послѣ долгихъ и ужасныхъ блужданій они достигли Семеновскаго острова, самаго западнаго изъ архипелага Новой Сибири, а затѣмъ снова двинулись въ путь по направленію къ устью Лены, которое находится всего лишь въ 75—80 верстахъ отъ этого острова. Для переѣзда черезъ эту часть моря, совершенно свободную отъ льда, капитанъ Делонгъ размѣстилъ всѣхъ своихъ людей въ три лодки, изъ которыхъ въ первой, кромѣ д-ра Амблера и корреспондента Коллинса, находились еще 11 матросовъ; этою лодкою командовалъ онъ самъ; начальство надъ второю лодкою съ лоцманомъ Дѣнбаромъ и шестью матросами получилъ лейтенантъ Чиппъ, тогда какъ третья лодка съ 11 же матросами находилась подъ командою инженера Мельвилля, такъ какъ лейтенантъ Данненхауэръ, дѣйствительный начальникъ этого отряда, страдалъ слѣпотою отъ снѣга. Плаваніе шло сначала вполне благополучно, но уже вечеромъ 12-го сентября поднялась страшная буря съ сѣвера, разогнавшая лодки на большое другъ отъ друга разстояніе и такимъ образомъ сдѣлала дальнѣйшую судьбу товарищей по несчастью различною.

Мельвиллю съ его отрядомъ одному улыбнулось счастье, хотя о счастье и не могло бы быть рѣчи, если только принять въ соображеніе тѣ долги недѣли, которыя они пережили; 14-го сентября, достигъ онъ восточной части дельты р. Лены, а 16-го вѣхалъ въ одинъ изъ рукавовъ этой рѣки и остановился со всѣми своими из-

мученными людьми въ покинутой хижинѣ. Большинство изъ нихъ были больны и страдали отъ отмороженныхъ членовъ; одинъ матросъ сошелъ съ ума. Черезъ нѣсколько дней счастливый случай свелъ ихъ съ туземцами, которые и успѣли подать имъ какую могли помощь. Тихо двигались они затѣмъ вверхъ по Ленѣ, перенося всяческія трудности и лишения; только 2-го ноября, Мельвилль, нарочно выѣхавшій для того, чтобы быть въ состояніи скорѣе облегчить страданія своихъ товарищей, прибылъ въ Будуль, отстоящій верстъ на 250 отъ устья Лены. Здѣсь нашелъ онъ двухъ матросовъ (Ниндерманна съ остр. Рюгена и Нороса) съ лодки Делонга въ состояніи полнаго истощенія. Какъ самые здоровые изъ всѣхъ

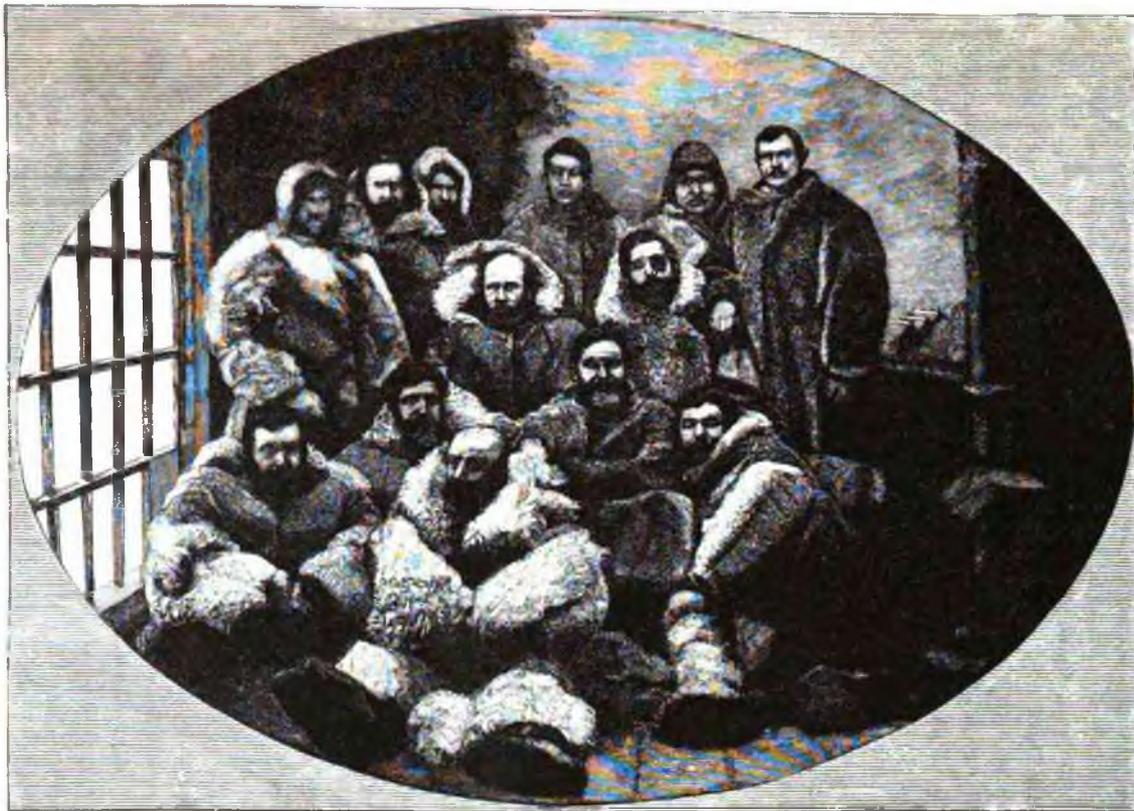
Верхоянскъ.

людей Делонга, они были посланы имъ 9-го октября за помощью близкимъ къ голодной смерти товарищамъ. Тѣ ужасы, которые, по ихъ рассказамъ, перенесли они съ 16-го сентября, когда лодка ихъ достигла западнаго рукава Лены, да и самый способъ ихъ рассказа, слабымъ, прерывающимся отъ рыданій голосомъ, заставили Мельвилля тотчасъ же покинуть мысль о предполагавшемся прежде путешествіи въ Иркутскъ. Онъ позаботился, на сколько было возможно, о дальнѣйшемъ слѣдованіи этихъ двухъ людей и своей команды, а самъ собралъ нѣсколько туземцевъ съ санями и собаками, нагрузилъ на сани припасовъ и отправился снова на сѣверъ, внизъ по Ленѣ. По словамъ обоихъ матросовъ, Делонгъ находился 9-го октября, когда они его покинули, на сѣверномъ берегу большого западнаго рукава Лены, но теперь, хотя Мельвилль послѣ долгихъ

и тщательныхъ розысковъ въ западной части дельты и нашель многочисленные слѣды его отряда, мѣста ихъ стоянокъ и различныя записки, все же онъ не могъ ничего узнать положительнаго о самихъ людяхъ; къ великому его сожалѣнiю, наступленiе зимнихъ метелей помѣшало дальнѣйшему движенiю его впередъ; да къ тому же всѣ его припасы пришли къ концу, а туземцы отказывались сопровождать его далѣе. Такимъ образомъ, 27-го ноября, онъ возвратился въ Булунъ, откуда вскорѣ отправился въ Иркутскъ вмѣстѣ съ 13 спасенными людьми съ «Жаннетты».

Таковы были событiя лѣта и осени, о которыхъ мнѣ могли сообщить въ Верхоянскѣ. Между тѣмъ Данненхауэръ успѣлъ уже отправиться вмѣстѣ съ 9 людьми изъ экипажа въ Европу, а Мельвилль, оставшiйся съ двумя здоровыми людьми въ Сибири, уже въ послѣднихъ дняхъ января двинулся во главѣ прекрасно снаряженной экспедиции къ устью Лены, чтобы снова предпринять рядъ поисковъ за Делонгомъ и его отрядомъ. Объ отрядѣ лейтенанта Чиппа до сихъ поръ не было ни слуху ни духу и, хотя спасенные предполагали, что маленькая, плохо построенная лодка Чиппа не выдержала страшной сентябрьской бури и пошла ко дну, все же Мельвилль не хотѣлъ оставаться въ неизвѣстности относительно судьбы этихъ несчастныхъ и рѣшилъ сдѣлать все возможное для полученiя о нихъ болѣе достовѣрныхъ и положительныхъ свѣдѣнiй. Русскiя власти съ живѣйшимъ интересомъ относились къ участи погибшихъ; онѣ помогали чѣмъ только могли снаряженiю экспедици, вооруженiю и найму людей, а также послѣдили предупредить береговыхъ туземцевъ, чтобы они принялись съ своей стороны за поиски. Можно было впередъ предвидѣть, что всѣ эти соединенныя усилiя не останутся безплодными, а потому теперь всѣ ожидали съ нетерпѣнiемъ въ Верхоянскѣ извѣстiй съ устьевъ Лены.

Что касается меня, то мнѣ казалось рѣшительно невозможнымъ покинуть страну до тѣхъ поръ, пока мнѣ не удастся узнать подробности предпрiятiя инженера Мельвилля. Мѣстность, въ которой онъ теперь находился, отстояла отъ Верхоянска всего лишь на 7—8 дней пути; я тотчасъ же рѣшился сдѣлать маленькое отступленiе отъ моего прямого пути для того, чтобы самому узнать все на мѣстѣ и лично собрать всѣ необходимыя для меня свѣдѣнiя. Сердечно простился я съ моимъ прежнимъ спутникомъ и его маленькою дочерью, и въ полночь пустился въ путь по направлению къ морю, отстоявшему на 1,200 верствъ отъ города. Верхоянскiй исправникъ далъ мнѣ казака, который долженъ былъ сопровождать меня частью въ качествѣ слуги, частью въ качествѣ охранителя, а болѣе всего въ качествѣ довѣреннаго чиновника особыхъ порученiй; ему поручено было наблюдать за моими вещами, требовать, чтобы на станцихъ мы скоро получали потребную для насъ упряжку, и кромѣ

Спасенные изъ экипажа „Жаннетты“ въ Якутскѣ.
Проф. Ньюкомбъ. Норсѣ. Вильсонъ. Джонъ-Сингъ. Инигинъ. Личъ.
Гл. инж. Мельвилль. Лейт. Данненхауэръ.
Лаутербахъ. Бартлеттъ. Коль. Ниидерманнъ. Маисенъ.

того, вообще ухаживать за мною. Хотя я все еще очень плохо понималъ русскій языкъ, но, къ частію, казакъ мой оказался довольно интеллигентнымъ и грамотнымъ, такъ что мы достигали взаимнаго пониманія при помощи моего словаря и международнаго языка знаковъ. Я никогда не оставлялъ моего словаря, который всегда лежалъ въ саяхъ, подъ моею подушкой, а при остановкахъ въ поварняхъ и на станціяхъ онъ неизмѣнно вносился вслѣдъ за мною вмѣстѣ съ посудой; здѣсь усаживались мы другъ подлѣ друга и прилежно учились по книгѣ до той минуты, когда кушанье было готово; я отыскивалъ зачастую съ большимъ трудомъ подходящее для меня слово и показывалъ затѣмъ Михайлѣ соответствующее ему слово русское, такъ какъ прочесть его самъ я былъ не въ состояніи; онъ тотчасъ же самымъ тщательнымъ образомъ подчеркивалъ слово ногтемъ большого пальца и бралъ книгу поближе къ огню, «чтобы лучше разглядѣть буквы»; иногда любезный якутъ становился подлѣ насъ съ лучиною въ рукахъ и свѣтилъ намъ во время нашихъ занятій. Положимъ, что такой методъ преподаванія былъ довольно скученъ, но все же, когда я черезъ два съ половиною мѣсяца разстался съ своимъ спутникомъ, мнѣ удалось зайти такъ далеко, что я могъ разговаривать съ нимъ довольно сносно. Мнѣ рекомендовали Михайлу въ качествѣ особенно энергичнаго и расторопнаго малаго, который прекрасно съумѣетъ подгонять якутовъ и справить все необходимое; слѣдуетъ сознаться, что рекомендація эта была вполнѣ заслуженною, такъ какъ часто приходилось мнѣ удивляться тому, какъ онъ вторгался въ дома якутовъ и тираннически тамъ распоряжался; онъ влеталъ грозою, бросалъ по угламъ утварь и снаряды и отдавалъ приказанія такимъ тономъ, какъ будто бы онъ былъ здѣсь владыкою; когда кто либо осмѣливался подходить къ тому углу горницы, гдѣ сидѣлъ я, то онъ немедленно отгонялъ дерзновеннаго; что бы ни дѣлали якуты, онъ никогда не былъ доволенъ. Слѣдствіемъ такого поведенія его было то, что всѣ молились на него и были готовы цѣловать слѣды его ногъ; онъ обладалъ именно подходящимъ обращеніемъ для того, чтобы завоевать сердца якутовъ, не умѣющихъ цѣнить доброту и благодушіе и понимающихъ только одно дурное съ ними обращеніе. Я такъ и не могъ никогда понять хорошенько ихъ характера и знаю только одно, что трусость является отличительною и главною его чертою. Само собою разумѣется, что съ такимъ проводникомъ, какъ Михайло, я могъ быстро подвигаться впередъ, на сколько позволяло состояніе дорогъ; о задержкахъ на станціяхъ не могло быть и рѣчи.

XVII.

Записная книжка Делонга.

Устье Лены, 10 апрѣля, 1862 года.

ЖЕ 2-го апрѣля, я былъ въ 300 верстахъ отъ Верхоянска, около 9 час. вечера прибылъ на станцію Йоаяска, куда только что передо мною прѣѣхалъ курьеръ съ устья Лены, везшій письма и депеши въ Иркутскъ. Я позвалъ себѣ казака, и онъ передалъ мнѣ тотчасъ же всю почтовую сумку, гдѣ я нашель слѣдующія письма:

Устье Лены, 24 марта, 1862 года.

«Его превосходительству морскому секретарю,
«Вашингтонъ.

«Сэръ! Имѣю честь сообщить вамъ о послѣдствіяхъ моихъ розысковъ слѣдовъ отряда лейтенанта Делонга. Послѣ долгихъ бесполезныхъ стараній отыскать какіе бы то ни было слѣды Делонга на ходу его съ сѣвера, я попробовалъ изслѣдовать путь, пройденный Ниндерманномъ, въ обратномъ направленіи, т. е. съ юга на сѣверъ. Прежде всего я посѣтилъ всѣ мысы Ленской дельты, находящіеся въ западной части той огромной низменности, которая образуется безчисленными развѣтвленіями этой рѣки. Затѣмъ я направилъ свой путь съ запада на востокъ до той косы, которая выдается у Матвѣева и съ одной стороны омывается рѣчкою Круго-застачемъ; по этой рѣкѣ я поднялся вверхъ до крайней оконечности вышеупомянутой косы. Какъ разъ на этомъ пути, недалеко отъ берега, я увидаль такое мѣсто, гдѣ, очевидно, былъ разложенъ большой огонь, и Ниндерманнъ тотчасъ же призналъ рѣку за ту самую, по которой онъ спускался вмѣстѣ съ Норосомъ. Тогда я обо-

шелъ весь мысъ, чтобы съ другой стороны его пройти на сѣверь, но не успѣлъ сдѣлать и одной версты, какъ замѣтилъ 4 связанные вмѣстѣ кола, торчащія изъ-подъ снѣга фута на два въ вышину. Я соскочилъ съ саней и поспѣшилъ къ колямъ; подходя ближе, я примѣтилъ стволъ ремингтоновской винтовки, торчащій не болѣе какъ на четверть изъ-подъ снѣга; ремнемъ этой винтовки и были завязаны колья. Немедленно приказалъ я туземцамъ приступить къ раскопкѣ снѣга, а самъ, пока они копали, занялся вмѣстѣ съ Ниндерманномъ тщательнымъ изслѣдованіемъ всего берега и окрестной мѣстности; Ниндерманнъ пошелъ на сѣверь, а я направился къ югу и не успѣлъ пройти полуверсты, какъ увидалъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня торчащій изъ-подъ снѣга походный котелъ, а возлѣ него три трупа, до половины занесенные снѣгомъ: то были Делонгъ, докторъ Амблеръ и поваръ Ахъ Самъ.

«Записная книжка Делонга, копію съ которой я при семъ прилагаю, лежала подлѣ его тѣла; замѣтки начинались съ 1-го октября, т. е. съ того дня, когда его отрядъ находился при Усть-эрдѣ, и доведены были до конца мѣсяца. — Подъ колями мы нашли книги, и, наконецъ, еще два трупа. Остальные покойники лежали всѣ вмѣстѣ между тѣмъ мѣстомъ, гдѣ мы нашли Делонга, и изгибомъ берега, въ полуверстѣ разстоянія, гдѣ находились обломки плоскодонной лодки. Тотъ сугробъ, который я приказалъ раскопать, имѣетъ футовъ 20 въ вышину, а въ основаніи до 30 футовъ.

«Коса, по которой лежатъ покойники, хотя и достаточно возвышается надъ уровнемъ моря, но все же покрыта массами плавающего льса, а изъ этого можно заключать, что она въ разные времена года заливается водою; на этомъ основаніи, я думаю перевезти трупы въ болѣе удобное мѣсто на берегу Лены и тамъ предать землѣ. Между тѣмъ я стану продолжать самые тщательные розыски экипажа втораго куттера, если только дозволитъ погода. До сихъ поръ погода до такой степени не благопріятствовала намъ, что изъ четырехъ дней три мы принуждены были лежать безъ всякаго дѣла, теперь же я надѣюсь, что приближающаяся весна принесетъ намъ болѣе благопріятную погоду.

«Съ чувствомъ истиннаго почтенія

«Вашего превосходительства преданнѣйшій

«Г. У. Мельвилль,

«Помощникъ инженера флота Соединенныхъ Штатовъ».

Къ этому письму приложено было еще и другое:

Устья Лены, 25 марта, 1862 года.

«Его превосходительству морскому секретарю,

«Вашингтонъ.

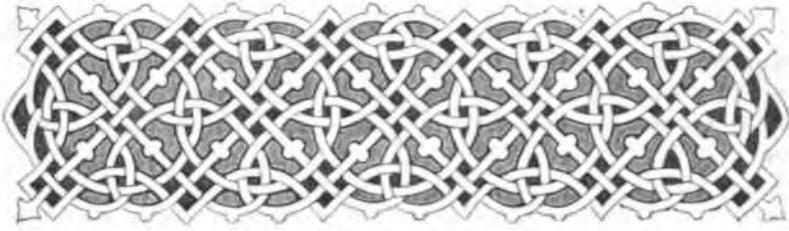
«Сэръ! при семъ прилагаю списокъ найденныхъ до сей минуты труповъ:

ДЖІАКОМО КАЗАНОВА.

Съ портрета, рисованнаго въ прошломъ столѣтїи братомъ его, живописцемъ
Ф. Казановой, и находящагося въ собранїи П. Я. Дашкова.

достав. цена. слв., 27 июля 1885 г.

ТАМБОВСКІЕ ДИПЛОМАТЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВѢКА.

БЫНЪШНІЙ Тамбовскій край весьма рѣдко упоминается въ существующихъ историческихъ актахъ до-Петровскаго періода. До самаго XVII-го вѣка, онъ слылъ дикою степью, на которой изрѣдка мелькали глухіе, сторожевые городки, населенные почти исключительно служилыми людьми. Близъ этихъ нашихъ деревянныхъ и земляныхъ крѣпостей ютились малолюдныя села и убогіе монастырки. Въ дремучихъ сѣверныхъ лѣсахъ нашихъ

проживали мордва, чуваша, мещера, мирные татары и русскіе майданники, приставленные къ поташному, пчельному и звѣриному дѣлу. Мы, однако, склонны думать, что Тамбовскій край съ самаго начала XVII-го столѣтія пересталъ уже быть захолустною стороною. Съ этого времени онъ болѣе и болѣе втягивался московскимъ правительствомъ въ обще-государственную жизнь и имѣлъ въ ходѣ этой жизни довольно видную роль, принимая значительное участіе и во всѣхъ нашихъ войнахъ, и въ отбываніи всѣхъ другихъ государственныхъ повинностей, и въ земскихъ соборахъ, и, къ несчастію, рѣшительно во всѣхъ смутахъ нашего безпокойнаго XVII-го вѣка. Относительно важное политическое значеніе Тамбовскаго края въ XVII вѣкѣ выражается, между прочимъ, въ томъ, что наши старинные воеводы постоянно бывали тогда у московскихъ царей на виду и, по ихъ повелѣніямъ, служивали русскому царству немалыя службы. Чаше всего правители нашихъ городовъ бывали избираемы для посольскаго дѣла, какъ это видно изъ множества статейскихъ списковъ, которые хранятся въ главномъ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Во второмъ выпускѣ

«Очерковъ изъ исторіи Тамбовскаго края», мы уже сообщали о двухъ тамбовскихъ дипломатахъ, Зюзинѣ и Приклонскомъ; въ настоящее время, въ дополненіе къ прежнимъ сообщеніямъ, предлагаемъ вниманію своихъ читателей свѣдѣнія о другихъ извѣстныхъ намъ тамбовскихъ дипломатахъ, въ особенности же о Григоріи Гавриловичѣ Пушкинѣ, елатомскомъ намѣстникѣ, одномъ изъ предковъ нашего великаго поэта. Посольство свое Пушкинъ правилъ, въ 1643 году, къ польскому королю Владиславу Жигимонтовичу и былъ въ товарищахъ у князя Львова. Статейный списокъ, которымъ мы пользовались для дальнѣйшаго нашего изложенія о Пушкинѣ, хранится, какъ мы сказали уже, въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Тамъ же найдены нами источники и относительно другихъ, болѣе раннихъ, тамбовскихъ дипломатовъ. О нихъ мы и скажемъ сейчасъ.

Въ 1634 году, третьимъ посломъ на извѣстный Поляновскій свѣздъ отправленъ былъ дворянинъ и шацкій намѣстникъ Степанъ Матвѣевичъ Проестевъ. Ѣхали наши послы въ Польшу для великаго государева и земскаго дѣла, для учиненія договору о вѣчномъ межъ Польши и Россіи dokonчаньѣ, для унятія крестьянскіе крови и прекращенія всякихъ спорныхъ дѣлъ и для покою христіанскаго. Во главѣ посольства находился бояринъ и псковскій намѣстникъ Ѡ. И. Шереметьевъ. По московскому обычаю, нашимъ посламъ даны были изъ посольскаго приказа самыя подробныя инструкціи.

«Порубежнымъ нашимъ людемъ,—сказано въ посольскомъ наказѣ,—учали быть отъ литовскихъ людей обиды, заѣпки и задоры многіе; а Сѣверскіе державцы о государевомъ имени писали со многими укоризнами, непристойными хульными рѣчьми и полубылыми титулы, мимо прежняго обычая и договору, съ царскимъ именовеніемъ, чего ему Богъ не далъ, и въ томъ польскіе люди противятся судьбамъ Божиимъ...».

По поводу этихъ неправдъ наши послы обязывались всякую управу учинить на обѣ стороны безъ хитрости и о томъ писать перемирныя грамоты.

Пользуясь смутной порой, поколебавшей Русское царство до самыхъ его основаній, польскіе магнаты и шляхтичи въ сношеніяхъ съ русскими людьми держали себя слишкомъ небрежно и надменно, поэтому посольству 1634 года внушено было домогаться того, чтобы посольскія рѣчи паны-рада выслушивали бѣ до конца.

Великое лихолѣтье начала XVII-го вѣка породило въ нашемъ отечествѣ массу самыхъ разнообразныхъ бѣдствій. По городамъ и

селахъ, на поляхъ и въ степяхъ, и въ лѣсахъ дремучихъ, и въ рѣкахъ многоводныхъ— всюду земля сырая приняла въ свои гостепріимныя нѣдра тысячи убіенныхъ поляками русскихъ людей. Но всѣ они были уже во власти Божіей, и не въ силахъ было московское правительство помочь имъ и не нуждались они въ этой помощи... Оставались еще въ живыхъ многочисленныя русскіе полоняники, изнывавшіе въ польскомъ плѣну. Объ нихъ-то и должны были на Поляновскомъ свѣдѣ повести свои рѣчи наши послы.

«И всѣхъ служилыхъ и жилецкихъ людей,— должны были говорить они,— и женъ, и дѣтей, и братью, и сестры, которые взяты по городамъ и мѣстамъ въ воинское время, велѣтъ сыскати и послати тѣхъ людей на обѣ стороны».

Для упроченія взаимныхъ и мирныхъ между Польшею и Россіею сношеній наши послы обязаны были въ наказѣ договариваться о томъ, чтобы обоихъ государствъ купецкіе люди пріѣзжали въ Москву и Польшу повольно, примѣряясь къ прежнимъ договорнымъ грамотамъ, а купцовъ пропускати безъ всякихъ зацѣпокъ на обѣ стороны.

Въ концѣ наказа 1634 года записано: «и вы бѣ, польскіе и литовскіе люди, Московскаго государства земель не зацѣпляли, къ городамъ не приступали, а сель и деревень не грабили, и людей порубежныхъ не побивали и въ полонъ не имали».

Послы выѣхали изъ Москвы весною послѣ Благовѣщенія. Ѣхали они сравнительно смиреннымъ обычаемъ, безъ особенной роскоши. Да и не до роскошества было нашему царству, только что опомнившемуся отъ смоленскаго погрома. Еще у всѣхъ въ свѣжей памяти были судъ и казнь боярина Шеина. Еще живы были по всей землѣ многочисленные свидѣтели смутъ и лихолѣтья... Не мѣшкая, посольство тронулось въ путь-дорогу на Вязму и пустило отъ себя гонцовъ— дворянъ къ польскимъ посламъ съ увѣдомленіемъ о скоромъ своемъ пріѣздѣ. 3-го апрѣля 1634 года, гонецъ-дворянинъ Горихвостовъ явился съ посольскою грамотою къ старшему польскому послу, епископу Якубу Жадіку, и отъ имени пословъ сказалъ ему и его товарищамъ: «великіе послы великаго государя (слѣдуютъ многочисленные титулы) велѣли вамъ, великимъ посламъ, поклониться, и идутъ они до рѣчки до Поляновки, и разныхъ людей съ ними 800 человекъ».

Вслѣдъ за гонцами прибыли на условленное мѣсто и сами послы. При первомъ свиданіи съ польскими уполномоченными всѣ посольскіе люди одѣты были въ чистое платье, а сами великіе послы, урядясь въ чугахъ и кафтанахъ бархатныхъ, окруженные многолюдною свитою, медленно подѣхали къ свѣзему шатру. Передъ посольскимъ поѣздомъ и за нимъ шли стрѣльцы съ пищалями и вооруженные московскіе дворяне. Въ шатрѣ начались обычныя посольскія рѣчи. Поляки слушали нашихъ дипломатовъ, не

скрывая своего пренебреженія къ Московскому государству, и при имени царскомъ шапокъ не сняли и на мѣстахъ своихъ сидѣли. Тогда Шереметевъ съ товарищи началъ вычитать эту неправду польскимъ уполномоченнымъ и грозилъ имъ прекращеніемъ переговоровъ. «А будетъ,—сказалъ онъ,—великіе послы и паны—рада въ своихъ неправдахъ похотятъ крѣпиться, и намъ, посламъ, отъѣхати къ себѣ».

Здѣсь я пропускаю то, что уже хорошо извѣстно о Поляновскомъ договорѣ, и кратко привожу посольскую рѣчь нашего шацкаго дипломата. Дворянинъ и шацкій намѣстникъ С. М. Проестевъ обратился, въ свою очередь, къ польскимъ посламъ съ такими словами:

«Царскаго величества бояре, не смотря на всѣ пановъ-рады неправды и исполняя мирный договоръ и не хотя во хрестыанствѣ видѣть кровопролитія, о добрыхъ дѣлахъ къ покою межъ обоихъ великихъ государствъ говорити намъ велѣли и государю о томъ челомъ били. И впредь вамъ великаго государя именованіе описывать по его государскому достоинству и какъ описывали къ прежнимъ государемъ, а ворами бы, которые великаго государя нашего именованіе писали съ укоризною, казнь учинити. А царскаго величества бояре, съ повелѣнія великаго государя, настоятъ къ покою и тишинѣ и ко всякому доброму дѣлу. И о малыхъ дѣлѣхъ намъ бы говорити, какъ бы межъ городовъ рубежь провести, и о спорныхъ земляхъ».

Далѣе рѣчь нашего дипломата, когда онъ говоритъ о польско-литовскихъ обидахъ, принимаетъ тонъ жалобы и дѣлается болѣе пространною и краснорѣчивою.

«Безчисленное множество людей мужска и женска полу,—вычитывалъ полякамъ нашъ Степанъ Матвѣевичъ,—и нескверныхъ младенцевъ вы мучительски побили и кровь многую хрестіанскую по всему царствующему граду Москвѣ невинно пролили, и святыя божественныя церкви осквернили, и мощи святыхъ обругали, и монастыри разорили, и царскую и всякую церковную казну, и въ домахъ и лавкахъ и погребахъ, многое несчетное богатство поимали; и та ваша неправда всѣмъ государствамъ вѣдома».

Донимая поляковъ подробнымъ изображеніемъ ихъ неистовствъ въ Москвѣ и во всемъ Московскомъ государствѣ, Проестевъ заканчиваетъ свою рѣчь слѣдующимъ патетическимъ заключеніемъ: «и будетъ вашимъ несходствомъ и безмѣрствомъ межъ великихъ государей доброе дѣло не совершится и учнетъ впредь кровь хрестіанская литися, и то учинится отъ васъ, великихъ пословъ, и кровь хрестіанская взыщется на душахъ вашихъ».

Польско-литовскіе послы начали было сердитовать и корить нашихъ пословъ, однако, понемногу унялись и учинились съ великимъ государемъ въ дружбѣ и любви. Рѣшено было: «безъ

ссылки рати и войны не вчинати, а кто не исправитъ сего докончанья, и съ того Богъ възыщеть».

Взаключеніе наши послы договорились съ польскими о размѣнѣ плѣнныхъ, приче́мъ, не желая выпустить домой всѣхъ литовскихъ полоняниковъ, они говорили: «будучи на Москвѣ, тѣ многіе литовскіе люди поженились и идти въ Литву сами не похотятъ». На это поляки имъ отвѣчали: «тѣхъ оженившихся литовскихъ людей пригоже отдати, а не задерживати, потому что же́но мужъ владѣеть».

Размѣниваясь докончанными грамотами, наши послы, не смотря на весьма скромные результаты своей дипломатической миссіи, все́таки, не утерпѣли и, по московскому обычаю, похвастились своимъ царствомъ: «въ вашу Литовско-Русскую землю,—говорили они польскимъ посламъ, — нашъ великій государь не вступается, а у нашего великаго государя и безъ того городовъ есть больше 500 и земля наша длиною и широтою больше 1000 миль¹⁾».

Съ королевскою грамотою и посольскими статьями вернулись въ Москву наши дипломаты. Не прославили они своей родины блестящимъ договоромъ и не вырвали у враговъ своихъ ихъ захватовъ; они смиренно, путемъ уступокъ, уняли только кровь христіанскую и въ этомъ ихъ огромная заслуга предъ отечествомъ. Въ промежутокъ, между Поляновскимъ договоромъ 1634 года и слѣдующимъ польско-русскимъ договоромъ 1637 года, правительство царя-оберегателя слѣшило на всякій случай укрѣпить нашу юго-восточную Украину, которой угрожали не одни дикіе кочевники-ногайцы и татары, но и польско-литовскіе державцы и доводцы²⁾.

Мирное докончанье 1634 года, какъ и слѣдовало ожидать, оказалось непрочнымъ, и уже въ 1637 году понадобилось новое посольство.

Въ главѣ нашего посольства въ Польшу, въ 1637 году, находился дворянинъ и елатомскій намѣстникъ князь Семенъ Ивановичъ Шаховской; при немъ состоялъ дьякъ Григорій Ивановъ Нечаевъ. Цѣль посольства заключалась въ слѣдующемъ наказѣ: «говорити тебѣ, послу, панамъ-радѣ объ умаленіи въ письмахъ государева титула, о межевыхъ дѣлахъ и плѣнныхъ російскихъ людяхъ».

10-го апрѣля 1637 года, нашъ елатомскій намѣстникъ со всею своею свитою приближался къ Варшавѣ. На тотъ разъ поляки

¹⁾ Наказъ и стат. спис. 1634 года, №№ 42 и 43.

²⁾ Въ окрестностяхъ Тамбова есть село Иноземская Духовка. Такъ оно названо потому, что въ описываемое нами время въ немъ поселены были польско-литовскіе полоняники, не могшіе или не похотѣвшіе вернуться на родину... Эти полоняники поселились у насъ не потому только, что ихъ въ нашемъ краѣ водворили, но отчасти и потому, что они на наши селитбы и крѣпости набѣгали...

были къ намъ почему-то ласковѣе и встрѣтили нашихъ пословъ за версту отъ города. Послѣ того началось торжественное шествіе. Впереди пословъ ѣхалъ самъ коронный ближній челоуѣкъ, князь Іеремія («Еремка») Вишневецкій. Остановившись на посольскомъ дворѣ, князь Шаховской сразу замѣтилъ чрезвычайную любезность къ нему поляковъ. И палаты посольскія хорошо были убраны, и ѣствы князю Семену изготовлено было на 100 челоуѣкъ, на 14 мисахъ серебряныхъ, и вина ему были дадены фряжскія и венгерскія. И на томъ королевскомъ Владислава Жигимонтовича жалованьѣ послы наши челоуѣки были...

13-го апрѣля, князя Семена Ивановича Шаховскаго позвали на посольство къ королю. Всѣ чины нашего посольства слѣзали съ лошадей у самыхъ палатъ надъ рундукомъ, и послѣ многихъ парадныхъ встрѣчъ посольство допущено было въ тронную залу.

Король Владиславъ принялъ нашего дипломата весьма ласково, велѣлъ ему сѣсть противъ себя на скамьѣ и допустилъ его къ своей рукѣ. Послѣ исполненія всѣхъ обычныхъ церемоній князь Семенъ Ивановичъ Шаховской началъ говорить свою посольскую рѣчь.

«Бога въ троицѣ славнаго милостію,—произносилъ онъ,—царь и великій князь (слѣдуютъ всѣ титулы) Михаилъ Θεодоровичъ всея Руси велѣлъ мнѣ тебѣ, брату своему, королю Владиславу (титулы), поклониться и о своемъ государскомъ здоровьѣ возвѣстити».

Выговоривъ эту рѣчь, нашъ посоль поклонился королю, по обычаю, рядовымъ поклономъ и не низко. И король противъ того поклона вѣжливо приподнялъ шляпу и самъ немного приподнялся. И потомъ, вставъ съ мѣста, безъ шляпы спрашивалъ о царскомъ здоровьѣ. На это князь Шаховской отвѣчалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Какъ, государь, мы поѣхали отъ великаго государя нашего царя и великаго князя Михаила Θεодоровича всея Руссїи самодержца изъ царствующаго града Москвы, и великій государь нашъ царь и великій князь и многихъ государствъ обладатель даждь Богъ здоровъ былъ».

Когда, послѣ того, нашъ посоль собрался подавать королю свою посольскую грамоту, то къ нему подошелъ подканцлеръ и хотѣлъ взять у него свитокъ, но Шаховской этому рѣшительно воспротивился, грамоты не далъ и молвилъ: «любительную государскую грамоту достойно принять самому королю». И король принялъ грамоту самъ и самъ же снялъ съ нея печати ¹⁾.

Исполнивъ свою посольскую службу, князь Шаховской вернулся къ Москвѣ и затѣмъ снова приступилъ къ исполненію своихъ намѣстническихъ обязанностей. Статейный списокъ, изго-

¹⁾ Стат. спис., № 57.

товленный имъ по совершеніи посольскихъ дѣлъ и сданный въ польскій приказъ, заключаетъ въ себѣ болѣе 800 страницъ, четкаго и сокращеннаго письма. Но онъ страдаетъ чрезвычайно многословіемъ, наполненъ безчисленными повтореніями одного и того же, и потому его нельзя признать особенно богатымъ историческимъ матеріаломъ.

Въ томъ же 1637 году, въ ноябрѣ, первымъ посломъ въ Польшу отправленъ былъ уже извѣстный намъ шацкій намѣстникъ Степанъ Матвѣевичъ Проестевъ. Въ это время онъ почтенъ уже былъ званіемъ окольногочаго. Онъ ѣхалъ въ Варшаву съ поздравленіемъ короля съ бракосочетаніемъ. «Указалъ великій государь,—сказано про это,—послати къ Владиславу для поздравленія его королевскаго веселья съ поминки окольногочаго и шацкаго воеводу Степана Матвѣевича Проестева». Это посольство принято было, разумѣется, еще радушнѣе предыдущаго. При этомъ королевскіе поминки были слѣдующіе: братина золотая, а на ней яхонты, лалы, изумруды и жемчуги; 4 сорока соболей, да 4 соболя живыхъ. А королевѣ поднесены были слѣдующіе подарки: окладенъ золотъ съ каменьемъ, да 3 сороки соболей. Ноябрьское посольство 1637 года снаряжено было съ достаточною помпою. Одному Проестеву дано было въ годъ собственно жалованья 300 рублей, что по тогдашнимъ цѣнамъ было весьма значительною суммою, да ему же даны были кормы многіе, и подводы, и питья, по обычаю. Польскіе паны, между прочимъ, стали было говорить Проестеву о допущеніи въ московскіе предѣлы купцовъ-евреевъ. Но на это, по наказу изъ Москвы, нашъ шацкій дипломатъ отвѣчалъ такъ: «Жидамъ неповадно есть ѣздити въ царскаго величества города, и о томъ молвити не мочно». Съ тѣмъ и отвѣхали отъ нашего посольства юдофильствовавшіе польскіе магнаты ¹⁾. Осенью 1637 года, у нашихъ пословъ шла съ поляками рѣчь и о союзѣ противъ татаръ, и о казацкихъ пограничныхъ шалостяхъ. «Крымскіе татаровя,—говоритъ Проестевъ,—на весну приходятъ на наши украинные города, и королевское величество велѣлъ бы своимъ ратнымъ людямъ нашимъ царскаго величества ратнымъ людямъ помогати».

«Ваши украинные люди и черкасы,—продолжалъ отъ царскаго имени тотъ же Проестевъ,—у великаго государя дѣсь сѣкутъ и рыбу ловятъ и за звѣрми и за птицы ходятъ и всякими угоды владѣютъ насильствомъ, и людей бьютъ и грабятъ, и въ воду сажаютъ, и крестьянъ за рубежъ подговариваютъ, и вашихъ брата нашего, Владислава короля, порубежныхъ городовъ державцы и урядники про то не сыскиваютъ...».

Степанъ Матвѣевичъ Проестевъ, очевидно, по дипломатической части былъ на виду у московскаго правительства, потому что имя

¹⁾ Стат. спис., № 60.

его, во вторыхъ послахъ, встрѣчается въ статейномъ спискѣ и за 1645 годъ ¹⁾).

Были въ описываемое время, т. е. въ первой половинѣ XVII вѣка, и другіе дипломаты-воеводы, гонцы и послы, изъ нашей стороны, столь возлюбленной царемъ Михаиломъ Теодоровичемъ. Таковы послы въ Польшу Алябевъ и Беклемишевъ, воеводы нашего бывшаго города Романова, старинной вотчины бояръ Романовыхъ. Но мы объ нихъ умалчиваемъ и еще скажемъ только объ одномъ мѣстномъ воеводѣ-дипломатѣ, предкѣ поэта, о Григоріи Гавриловичѣ Пушкинѣ, принимавшемъ участіе въ посольствѣ 1643 года.

Московское посольство 1643 года, снаряженное съ цѣлю изъясненія королю Владиславу государевой братской дружбы и для вѣчнаго dokonчанья и для иныхъ многихъ и великихъ государевыхъ дѣлъ, состояло изъ пословъ: князя Львова, думнаго дворянина, елатомскаго воеводы Пушкина и дьяка Волошепинова. «А съ ними,—сказано въ статейномъ спискѣ,—были многіе дворяне и всякіе государевы люди: и подъячіе, и соболиные казны царскіе люди, и гостинные сотни торговые люди» ²⁾).

28-го мая 1643 года, безъ всякаго мотчанья, какъ сказано въ статейномъ спискѣ, но на самомъ дѣлѣ послѣ обычныхъ сложныхъ сборовъ и проволочекъ, длинный и грузный посольскій поѣздъ выѣхалъ изъ Москвы по большой Смоленской дорогѣ. Послы, соблюдая царское и свое собственное достоинство, ѣхали весьма медленно и торжественно, развлекаясь почетными встрѣчами и обильными хмѣльными угощеніями. Съ Можайска они держали путь на Смоленскъ чрезъ Вязьму и Дорогобужъ. Въ этомъ послѣднемъ городѣ на польскомъ рубежѣ, къ посольскому пріѣзду заготовленъ былъ многій кормъ людской и конскій и подводы. Здѣсь пословъ встрѣтилъ польскій воевода, капитанъ Янъ Храповицкій, и та встрѣча была съ честію ради великаго государева дѣла. Это было 12-го іюня. Въ свитѣ польскаго воеводы былъ шаферъ Самойло Мамоничъ и 200 человекъ войска. Польщенные московскіе гости впоследствии такъ отписывали царю объ этой встрѣчѣ: «не доѣхавъ насъ, холопей твоихъ, тотъ польскій городничій изъ кареты съ шаферомъ вышли и подошли къ намъ пѣвши и о здоровьѣ спрашивали и панъ Янъ Пасокъ говорилъ намъ рѣчь, снявъ шляпу...».

¹⁾ № 69.

²⁾ Григорій Гавриловичъ Пушкинъ именуется елатомскимъ намѣстникомъ въ рукописяхъ Румянцовскаго музея, въ рукописяхъ же архива министерства иностранныхъ дѣлъ онъ называется елатомскимъ намѣстникомъ. Вѣроятно, это произошло отъ того, что около 1643 года Пушкинъ, по обычаю XVII вѣка, былъ преемственно и тѣмъ и другимъ.

Чинно и медленно послы въѣхали въ Дорогобужъ и здѣсь, по старопольскому обычаю, начались обильныя угощенія, относительно которыхъ безцеремонные и лакомые московскіе дипломаты приложили все свое стараніе. Тѣмъ не менѣе, они жаловались на худые и скудные кормы. «А у того городничаго,—отписывались Львовъ, Пушкинъ и Волошениновъ,—кормы про насъ готовы были по кормовой росписи, по вѣчному докончанью, на 100 человѣкъ; и тотъ кормъ намъ скуденъ, а королевскаго величества посламъ на Москвѣ кормъ всегда бываетъ довольный».

14-го іюня, посольство на 150 подводѣхъ тронулось въ Смоленскъ. Такъ какъ посламъ даны были обыкновенныя обывательскія лошади, то наши спѣсивые бояре сочли долгомъ своимъ, по московскому этикету, снова обижаться на поляковъ и обиду свою описывали такъ: «а подводы дали намъ, государь, самыя худыя клячи, и шли мы къ королю съ великою нужею».

Претензіи по поводу скудной пищи продолжались и на этомъ пути, хотя подробный перечень продуктовъ, повидимому, свидѣтельствуешь о противномъ, т. е. объ изобиліи яствъ и всѣхъ необходимыхъ предметовъ. «А кормы намъ,—писали послы,—дадены таковыя: три стяга говядины, многіе бараны, куры, гуси, полти ветчины, масла 15 кварть, 20 булокъ, 15 кварть соли, гороху, крупы, яицъ, луку-чесноку, 15 гарнцевъ меду, 100 гарнцевъ пива, 10 кварть вина двойнаго, 15 кварть вина простаго; а соломы, сѣна, овса и дровъ сколько надобно».

По извѣстному московскому обычаю, наши послы везли съ собою самую подробную инструкцію изъ посольскаго приказа. Имъ велѣно было говорить королю Владиславу о государевыхъ титулахъ, о вѣчномъ межѣ обоихъ великихъ и славныхъ государствъ докончанѣ, о самозванцѣ Лубѣ и о путивильскихъ и луцкихъ границахъ». И тѣ дѣла великія,—убѣждалъ нашихъ пословъ посольскій приказъ,—добрыя и настоять они межѣ ихъ, великихъ государей, и ихъ государствъ къ покою и къ тишинѣ и ко всякому добру».

Кромѣ того, посольство снабжено было обильными поминками и товарами. Королю Владиславу въ поминкахъ послано было множество собoley сороками: 40 въ 500 рублей, 40 въ 400 рублей, 40 въ 350 рублей, 40 въ 300 рублей, 2 сорока по 250 рублей, да нѣсколько сороковъ въ 120 рублей, всего на 3,000 рублей.

Для приданія посольству наибольшаго блеска, посламъ выдано было щедрое царское жалованье. Боярину Львову дано было 1,120 рублей годовыхъ да подъемныхъ столько же. Думному дворянину Пушкину дано было сперва 680 рублей, но такъ какъ онъ подавалъ въ посольскій приказъ челобитную, въ которой выражались жалобы на его бѣдность, то ему, Григорью, по его челобитью, прибавлено еще 40 рублей. Обоиъ посламъ дали также собoley:

первому на 700 рублей, второму на 450 рублей. Да имъ же дадены изъ государева дворца, за ихъ многія службы, питья и запасы, причемъ на долю Пушкина пришлось: 7 ведеръ меду вишневаго, 5 ведеръ меду малиноваго, 5 ведеръ вешняго меду, 5 ведеръ меду боярскаго и 7 ведеръ обарнаго меду. Кромѣ того, въ посольскомъ обозѣ везли цѣлыя боченки зелена вина. Обилію питій вполне соответствовали снѣдные запасы. Нашему елатомскому воеводѣ, и только на его пай, выдано было рыбы 2 спины и 4 прута да 2 теши бѣлужьи; 2 спины да 4 протовъ осетрыхъ, 9 бѣлорыбицъ, 9 лососей и 3 четверти муки крупчатой.

Наши послы обязаны были вести себя въ Польшѣ, какъ прилично людямъ богатымъ, чтобы имя царское заморскіе люди держали честно и грозно и чтобы земля святорусская по всей вселенной казной своей и счастьемъ хрестыянскимъ славилась... Поэтому изъ приказа всѣмъ посламъ, для разныхъ дачъ по ихъ усмотрѣнію и отъ ихъ имени, отпущено было 121 сорокъ соболей на тысячу рублей, да парами соболей, для мелкихъ дачъ, на 125 рублей. Что послы наши ѣхали въ Ляшскую землю не съ пустыми руками, это видно было изъ того, что у посла Львова, на его личную долю, было 50 экипажей, у Пушкина 30, у Волошенинова 25. Простые собольщики имѣли по 3 подводы и по 2.

Замѣчательна та аккуратность и точность, съ какими наши послы вели опись казенному имуществу. Въ ихъ документахъ, между прочимъ, указано, что имъ даны: брусъ чернилъ сухихъ, 9 стопъ бумаги доброй да 2 дести бумаги добрыя-жь, царской; 18 гривенокъ свѣчъ восковыхъ, рогатыхъ и ручныхъ; шандалы мѣдные, щипцы, песочницы, 500 салныхъ свѣчъ денежныхъ, 3 дубовыхъ ящика — обиты кожею, съ внутренними замками, сукна червчатая и багрецовыя для столовъ и всякіе мѣшки. Въ одномъ изъ ящиковъ хранилась царская грамота къ королю Владиславу и, кромѣ того, списки съ прежнихъ договорныхъ и перемирныхъ статей для ихъ совершенья. Королевское имя въ той грамотѣ писано было золотомъ, понеже межъ великихъ государей братская дружба и любовь и вѣчное dokonчанье.

По инструкціи, царскую грамоту долженъ былъ подносить королю старшій посолъ. Поднося, онъ долженъ былъ кланяться нѣсколько разъ, наклоняясь не выше и не ниже указаннаго. Предусмотрительные бояре посольскаго приказа, между прочимъ, внушали нашимъ посламъ: «если король Владиславъ про здоровье государево спросить, сидя, и вамъ, посламъ, на это молвить: всѣ великіе государи хрестіанскіе и мусульманскіе про здоровье государское спрашиваютъ, вставъ, а не сидя, и ты, король, нелюбовъ свою оказуешь великому государю, и какъ про то онъ, царь и великій князь, свѣдаетъ, и то будетъ ему нелюбительно».

Въ этихъ и подобныхъ имъ словахъ сказывалась неизмѣнная и весьма симпатичная черта московской внѣшней политики. Это — упорное, не смотря ни на какія обстоятельства, отстаиваніе своей государственной чести; это — полное отсутствіе холопства передъ иностранцами и опасенія того: а что скажетъ Европа?.. Въ указываемыхъ сношеніяхъ съ Польшою мы были, безспорно, слабою стороною и, однако, по-своему умѣли съ честью и высоко держать свое національное знамя.

«И если случатся, — прибавляетъ память, — иныхъ государей послы при входѣ вашемъ въ королевскую палату, и вамъ, посламъ, посольства не правити и ийти изъ палаты вонъ».

Львову, Пушкину и Волошенинову данъ былъ также и слѣдующій опасливый наказъ: «а за столомъ у короля, буде позоветъ, сидѣть вамъ вѣжливо, чинно и остерегательно, и задравныя чаши пити вышедчи изъ-за стола, и зѣло не упиваться и словъ дурныхъ межъ собою не говорити и въ брань не входити». Повидимому, застольное буйство было слишкомъ обычнымъ явленіемъ московской жизни XVII вѣка; поэтому посольская память среднихъ и мелкихъ людей прямо запрещаетъ сажать за королевскій столъ, чтобы пьянства и безчинства не было.. «А бражниковъ и пьяницъ, кои вѣдомы, — говорится въ этой же памяти, — на королевскій дворъ и совѣмъ не имати».

Изъ этихъ словъ, кажется, съ достаточною основательностью можно вывести заключеніе, что наше посольство 1643 года не отличалось воздержностью своего персонала и что трезвые люди въ XVII столѣтіи, стало быть, были у насъ такою рѣдкостью, что ихъ трудно было подобрать даже и для посольства въ инныя земли.

Продолжаемъ выписки изъ памяти. «А какъ вы, послы, будете съ панами радными въ палатѣ совѣтъ держать, и вы бѣ сказывали про государево желаніе жить съ королемъ Владиславомъ въ соединенѣ навѣки неподвижно». Первѣе всего паны должны были дать обязательство именованіе великаго государя описывать къ царскому повышенью, по пригожу, съ полными титлами, безъ умаленія чести и подъ смертною казнью, и чтобы тѣ титла не писать наизусть, но по грамотамъ.

Послѣ того, наши дипломаты должны были уговаривать пановъ радныхъ, чтобы они исправили Московско-Литовскую границу; города и остроги свои, въ неуказанныхъ мѣстахъ построенные, снесли; неправду свою отмѣнили и вѣчное утвержденіе межъ великихъ государей утвердили бѣ.

«Польскіе и литовскіе люди, — внушали посламъ московскіе бояре, — въ перемирное время перешли рубежъ, заняли многую Путивльскую землю и поставили городки и остроги, и слободы, и села, и деревни, и то чинили насильствомъ».

Наша западная граница въ описываемое время, очевидно, была

въ высшей степени тревожною. Это видно изъ боярскихъ памятей, данныхъ нашему посольству. «Ваши польскіе и литовскіе люди,—должны были пожаловаться королю и панамъ раднымъ послы, — изъ порубежныхъ польскихъ, литовскихъ и черковскихъ городовъ къ царскимъ украиннымъ городамъ приходятъ и многое воровство чинять, людей побиваютъ, животину отгоняютъ, и то чинять съ знамены воинскимъ обычаемъ».

На какіе же именно пункты нашей украины, не смотря на мирное время, поляки нападали?

Судя по нашимъ документамъ,—на Путивльскія земли, Чугуевскія, Воронежскія и даже Тамбовскія и Ковловскія. Дерзость польско-литовскихъ самовольниковъ доходила до того, что они въ концѣ тридцатыхъ годовъ XVII вѣка напали въ степи на наше посольство, вѣхавшее съ крымскимъ и турскимъ посольствами, и многихъ убили и обозъ весь пограбили.

Особенною назойливостью при нападеніяхъ на русскія украины отличался нѣкто арендарь, Васья Шавръ. «Приходя въ порубежные города, онъ непригожія воровскія слова говорилъ, на ссору и нарушеніе посольскаго мирнаго договору и обонихъ великихъ государей вѣчнаго докончанья». Послы обязывались помогать «тому Васькѣ за его ссорныя рѣчи учинить смертную казнь, чтобъ инымъ впредь неповадно было такъ воровать, такихъ лихихъ словъ говорить».

Чтобы задобрить польское правительство, которое въ описываемое время было сравнительно сильною стороною, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ освободилъ всѣхъ польскихъ и литовскихъ плѣнниковъ. «А ваши литовскіе люди,—обязывались говорить королю московскіе послы,—сколько на Москвѣ ихъ сыскано, въ королевскую землю въ разныхъ числахъ многими тысячами до рубежа отпущены съ царскимъ кормовымъ жалованьемъ». На такую же любовь наши послы рассчитывали и съ польской стороны. «И вы бѣ, королевскіе люди,—записано въ боярской памяти,—сыскивали накрѣпко, гдѣ кто объявится у васъ изъ московскихъ людей, и таковыхъ безъ всякаго задержанія и зацѣпки отпускали бѣ въ царскую сторону.

Въ посольской инструкціи велѣно было посламъ говорить и о нарушеніяхъ съ Польско-Литовской стороны таможеннаго устава: «да чтобъ литовскіе и польскіе купцы къ Москвѣ и въ иные города его царскаго величества съ виномъ и табакомъ самовольствомъ не проѣзжали и тѣмъ бы смуты въ людяхъ не чинили, а торговали бѣ всякими товары опричь вина и табаку. А свезли тѣ купцы въ понизовые города табаку пудовъ 15, да на Балахну полякъ Мартынъ Курчевскій свезъ 6 воевъ табаку».

Во время русско-польскихъ дипломатическихъ переговоровъ весьма часто возникалъ вопросъ о допущеніи въ московскіе пре-

дѣлы купцовъ-евреевъ. На всякій случай и по этому предмету посольству 1643 года снова дано было предварительное внушеніе: «жидамъ въ Московское государство для торгу и для всякихъ дѣлъ вѣдять непригоже, да и на прежнихъ посольскихъ договорахъ отъказано накрѣпко».

Относительно сношеній съ разными государствами, если паны учнутъ о томъ спрашивать, нашимъ дипломатамъ предписано было отвѣтъ такой держать: «великій государь царь и великій князь съ салтаномъ турецкимъ, съ шахомъ персидскимъ и съ королями англинскимъ, французскимъ, датскимъ, свейскимъ и галанскимъ, и съ крымскимъ ханомъ и иными государи живетъ въ братской дружбѣ, и въ любви, и въ ссылкѣ почасту; и торговые тѣхъ государей и наши люди торгуютъ на обѣ стороны повадно. Точію съ цеварскимъ величествомъ ссылки нѣтъ, да съ папою римскимъ у царскаго величества ссылки не бывало, и не объ чемъ».

Сознавая свою сравнительную государственную слабость, послы, по внушеніямъ изъ посольскаго приказа, обязывались говорить опасливо и уступчиво. Такъ, однажды, оскольскій воевода Пущинъ, во время одной пограничной схватки, разбилъ и разграбилъ польскихъ купцовъ. По этому поводу наши дипломаты предупредительно должны были объяснить королевскому правительству: «того воеводу за его воровство давно казнили». Многіе малороссійскіе казаки въ то же время, избываячи ляхской неволи, перебѣгали въ Московскую Украину. И про это обстоятельство велико было высказываться опасливо и уклончиво. «И то чинили казаки, — сказано въ памяти, — своевольствомъ и будутъ они королевскому величеству приносить свои вины». Вообще, посольство должно было добиваться крѣпкаго союза съ королемъ Владиславомъ. Послы должны были говорить ему такъ: «его королевскому величеству Владиславу королю подъ нашимъ великимъ государемъ и подъ его государскими дѣтьми не подыскивати и недруга не наводити и недругу не помогати, и то государскою душею крестнымъ цѣлованіемъ закрѣпити и грамотами утвердити».

Самымъ щекотливымъ пунктомъ въ посольскихъ объясненіяхъ съ польскимъ правительствомъ былъ вопросъ о двухъ самозванцахъ, проживавшихъ въ тѣ поры за польскимъ рубежемъ. Одинъ изъ нихъ выдавалъ себя за сына царя Шуйскаго, царевича Семена Васильевича, другой—за сына Лжедмитрія, Ивана Дмитріевича. Обоихъ ихъ польское правительство держало у себя на всякій случай, въ видѣ угрозы Москвѣ, и Московское царство, измученное и потрясенное предшествовавшей самозванщиной, должно было считаться и съ ними, не смотря на ихъ ничтожество для ролей самозванцевъ. По вопросу о самозванцахъ, Львовъ, Пушкинъ и Волопениновъ должны были говорить такъ: «вѣдомо великому государю учинилось, что въ прошломъ 147 (1639) году, въ январѣ

пришелъ изъ Черкасѣ въ Польшу, въ Самборщину, къ попу воръ лѣтъ въ 30 или мало больши и учалъ у того попа жити въ наймитахъ для работы и жилъ съ недѣлю. И тотъ попъ увидѣлъ у того вора гербъ на спинѣ, порусски написано, и отвелъ его въ монастырь къ архимандриту Льву, и архимандритъ, осмотра пятны, отвелъ вора къ подскарбію корумному Даниловичу. А на допросѣ тотъ воръ сказывался княземъ Семеномъ Васильевичемъ Шуйскимъ, а пятна де у него на спинѣ — знакъ царскій, и взяли его въ полонъ черкасы въ тѣ поры, какъ царя Василя Ивановича съ Москвы повезли въ Литву, и съ тѣхъ мѣстъ жилъ онъ въ Черкасѣхъ».

Такъ какъ слухъ о царевичахъ разнесся по всей Польшѣ и самозванцевъ стали беречь, кормы и платье имъ давать и русской грамотѣ ихъ учить, то послы обязывались настоятельно и искрѣпка требовать, чтобы тѣхъ воровъ и то баламутье отмѣнить съ королевской стороны. Посольская рѣчь должна была клониться къ тому, чтобы обоихъ самозванцевъ или выдали бѣ московскому правительству, или же казнили бы.

Взаключеніе посольству внушено было тайно провѣдывать всякія вѣсти про Владислава и его отношенія къ сосѣднимъ государямъ: въ совѣтѣ ли они, или въ розни. Кромѣ того, посламъ поручено было приговорити на государское имя лучшихъ всякихъ добрыхъ мастеровъ и которые бѣ умѣли людей и лошадей лѣчить. Это послѣднее обстоятельство ясно указываетъ на то, что еще задолго до Петра московское правительство живо чувствовало потребность сближенія съ болѣе культурнымъ западомъ и именно въ этомъ смыслѣ дѣйствовало и что Петровская реформа въ дѣйствительности была далеко не такимъ внезапнымъ переворотомъ, какимъ ее иногда несправедливо считали...

Обильно нагруженное поминками, съѣстными припасами, питьями и всякою рухлядью, посольство наше изъ Смоленска тронулось въ Краковъ. 27-го іюля 1643 года, послы наши имѣли торжественный вѣздъ въ древнюю польскую столицу. Еще за городомъ отъ королевскаго имени ихъ встрѣчали королевскіе думные люди: Петръ Даниловичъ, Кравчій, Станиславъ Нарушевичъ, референдаръ; а съ ними на встрѣчѣ были сенаторскія дѣти, воеводици, панята и королевскіе дворяне, человекъ съ двѣсти и больши. Приставомъ къ посламъ король назначилъ пана Януша Оборскаго.

28-го іюля, князь Львовъ, думный дворянинъ Пушкинъ и дьякъ Волошениновъ, разодртые въ богатые парчевыя одежды, правили посольство. Окруженные многолюдною свитою, польскою и московскою, и сопровождаемые коннымъ отрядомъ блестящихъ польскихъ всадниковъ, они медленно, въ придворныхъ экипажахъ, подвигались къ королевскому дворцу. Эта медленность увеличивалась отъ

частыхъ парадныхъ попутныхъ встрѣчъ. Въ тронной залѣ, по отдаѣи обычныхъ поклоновъ, началась посольская рѣчь, а затѣмъ королю Владиславу церемоніально вручена была царская грамота. «И король,—писали послы впоследствии,—противъ твоего государева имени всталъ и шляпу снялъ и про твое государское здоровье спрашивалъ и твою государеву грамоту принялъ самъ, стоя жъ». По принятіи царскихъ подарковъ аудіенція кончилась, и королевскій канцлеръ пригласилъ пословъ къ столу на посольскій дворъ.

На слѣдующіе дни послы были у пановъ радныхъ въ пяти отвѣтѣхъ. Во время этихъ переговоровъ наши дипломаты съ особеннымъ азартомъ говорили («шумѣли») о царскихъ титулахъ, придавая имъ значеніе начальнаго своего дѣла и относя самое незначительное умаленіе царскихъ титуловъ къ порушенію государственной чести. Они настаивали, чтобы державцевъ, нарушавшихъ царскія титула, немедленно казнили смертію. Паны отвѣчали посламъ уклончиво: «по тѣхъ державцевъ для ихъ смертной казни посланъ позывъ». Затѣмъ зашла рѣчь о межевыхъ дѣлахъ, и послы многими рѣчьми, и пространными и широкими разговорами, говорили, вычитая королевскихъ межевыхъ судей неправды, и паны отговаривались прежними отговорами, какъ при прежнихъ послахъ Шаховскомъ и Простевѣ...

Стали потомъ говорить и о самозванцахъ. Но и по этому вопросу поляки лукавили. «Тѣ воры-самозванцы,—говорили они,—намъ неизвѣстны, и король послалъ о нихъ сыскивать». Черезъ нѣсколько дней посламъ объявили, что самозванцы сысканы. По словамъ пановъ радныхъ, «приходилъ къ подскарбію человекъ и сказывалъ про себя, что зовутъ его Семеномъ Васильевичемъ Шуйскимъ; но за то били того человека постромками и со двора сбили».

А о другомъ самозванцѣ, извѣстномъ Янѣ Фаустинѣ Лубѣ, польскіе дипломаты отзывались такъ: «мы того мужика-баламута за царевича не держимъ и хочеть онъ постричься и быть ксендзомъ, а теперъ онъ живетъ у пана Осинскаго въ писаряхъ».

18-го августа, вслѣдъ за Владиславомъ, послы поѣхали въ Варшаву и уже 27-го числа того же мѣсяца были тамъ у пановъ радныхъ въ двенадцати отвѣтѣхъ.

Посольскія рѣчи нашихъ дипломатовъ попрежнему отличались широковѣщаніемъ и большимъ шумомъ. «И паны рада,—жаловались они впоследствии,—многое упорство держали и хотѣли отпустить насъ безъ дѣла. А послѣ по многихъ спорахъ и крикахъ съ нами обѣщались въ титулахъ прописки не дѣлать, о межахъ же отказали впрямъ и ничего не уступили, опричь города Трубчевска съ волостями».

Между тѣмъ въ Варшавѣ мѣшали дѣло съ бездѣльемъ. Поляки передъ своими московскими гостями щеголяли своимъ широкимъ

славянскимъ гостепріимствомъ, и наши дипломаты жили у нихъ какъ у родныхъ братьевъ, въ полѣ тѣшились и дома тѣшились, и у сенаторовъ на пирахъ бывали и подарки получали.

17-го сентября, назначенъ былъ для нашихъ пословъ обѣдъ у короля. Львовъ, Пушкинъ и Волошениновъ ѣхали къ двору въ королевскихъ каретахъ, въ сопровожденіи многолюдной и блестящей свиты, и было имъ на королевскомъ дворѣ 4 встрѣчи. Встрѣчали сами сенаторы и у коретъ. Ясно, поляки торжествовали свою дипломатическую побѣду и изъ деликатности старались смягчить горечь дипломатическаго пораженія утонченными приѣмами вѣшняго почета и гостепріимства.

За столомъ король лично угощалъ пословъ и самъ подавалъ имъ задравныя чаши. 18-го сентября, послы были у короля на отпускѣ. Представлялъ ихъ коронный канцлеръ Юрій Оссолинскій. Владиславъ, стоя, передалъ посламъ свою грамоту на царское имя и позвалъ ихъ къ рукѣ, причемъ, снявъ шляпу, любительно кланялся брату своему царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу. «Отъ короля отпедчи,—доносили потомъ наши дипломаты,—были мы и у королевичей руки».

23-го сентября 1643 года, московскіе послы выѣхали въ отечество, гдѣ ихъ ожидала почетная встрѣча, милостивое царское слово и государево жалованье. За Можайскомъ отъ царскаго имени, за многія службы, пословъ встрѣчалъ стольникъ Леонтьевъ и отъ государя о здоровьѣ ихъ спрашивалъ. Это было 1-го ноября. Послы въ это время стояли вѣ острожкѣ и царскаго стольника встрѣтили такъ: у воротъ Волошениновъ, среди двора Пушкинъ, въ сѣняхъ самъ князь Львовъ. По московскому обычаю, Леонтьева щедро одарили.

5-го ноября, Львовъ, Пушкинъ и Волошениновъ радостно и со страхомъ поднимались по красному крыльцу въ царскую переднюю. Ласково принялъ ихъ здѣсь самъ Михаилъ Ѳеодоровичъ, объявилъ имъ милостивое свое похваленіе и допустилъ ихъ къ рукѣ, за то, что послы съ польскимъ королемъ Владиславомъ и съ панами радными совершенно учинили. Отъ царя повели ихъ въ теремъ къ царевичу Алексѣю Михайловичу для бытія у царевичевой руки.

Царь наградилъ пословъ весьма щедро. Имъ даны были чины, вотчины, шубы, кубки и деньги. Очевидно, Михаилъ Ѳеодоровичъ крайне былъ доволенъ тѣмъ, что, наконецъ, его царственное достоинство по всѣмъ статьямъ и нерушимо было признано самимъ его соперникомъ Владиславомъ. Съ этого времени лютыя тревоги кроткаго и народолюбиваго царя Михаила должны были уступить мѣсто увѣренности, что царственное преемство въ Россіи упрочено, что главный источникъ давнихъ смуть и которъ изсякъ и что

земля русская вступила на широкій, ровный и безопасный путь мирнаго національнаго развитія ¹⁾).

Куда дѣвался потомъ нашъ елатомскій воевода и долго ли онъ прожилъ на свѣтѣ—мы не знаемъ. Письменныя извѣстія о немъ очень отрывочны и кратки. Такъ, извѣстно, что за польское посольство 1643 года Пушкинъ повышенъ былъ изъ думныхъ дворянъ въ окольнічіе и въ этомъ званіи въ 1650 году ѣздилъ первымъ посломъ въ Польшу для поздравленія короля Яна Казимира съ восшествіемъ на престолъ. Извѣстно также, что нашъ елатомскій воевода любилъ, по старинному боярскому обычаю, постоять за свою породу. Въ мѣстическихъ дѣлахъ есть указаніе, что Григорій Гавриловичъ Пушкинъ тягался старшинствомъ рода съ самимъ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ и по этому поводу писалъ царю пространную челобитную, за которую и просидѣлъ нѣсколько недѣль въ тюрьмѣ и выданъ былъ головою князю Дмитрію.

И. Дубасовъ.

¹⁾ Ст. списокъ указаннаго нами посольства въ главномъ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ означенъ № 66.

«истор. вѣстн.», августъ, 1885 г., т. XII.

ПУТЕШЕСТВІЕ ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ КРЫМЪ¹⁾.

II.

Спутники императрицы.

ЕОБЫЧАЙНОЕ великолѣпіе предпріятія императрицы, важное значеніе этого путешествія, которое должно было продолжаться нѣсколько мѣсяцевъ, породили во многихъ лицахъ, окружавшихъ Екатерину, желаніе участвовать въ этой поѣздкѣ.

Особенно важнымъ оказывался при этомъ случаѣ вопросъ: дозволить ли императрица великому князю Павлу Петровичу и его супругѣ, Маріи Теодоровнѣ, сопутствовать ей въ Крымъ, или нѣтъ? И наследникъ, и великая княгиня очень желали участвовать въ путешествіи,— тѣмъ болѣе, что, какъ они скоро узнали, императрица намѣревалась взять съ собою своихъ внуковъ, Александра и Константина²⁾.

Въ письмѣ Павла Петровича и его супруги къ императрицѣ, писанномъ по этому поводу, сказано: «Въ живѣйшей печали мы пишемъ вашему величеству эти строки, узнавъ, что вы намѣрены заставитьъ сопровождать себя нашими сыновьями въ большомъ пу-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXI, стр. 5.

²⁾ Елизавета Романовна Полянская писала своему брату С. Р. Воронцову: «Les petits grands ducs partent avec la souveraine et les petites grandes duchesses restent avec leur mère». «Арх. кн. Воронцова», XXI, 468.

тешествіи, которое вы предпринимаете. Въ первыя минуты волненія и скорби, которыя мы ощущаемъ при этомъ извѣстіи, и слишкомъ сильно встревоженные, чтобы выражаться устно, мы прибѣгаемъ къ перу, чтобы сказать вамъ, ваше величество, все, что испытываемъ по этому случаю. Мысль — быть въ разлукѣ съ вашимъ величествомъ впродолженіе шести мѣсяцевъ—была уже намъ тягостна, но долгъ обязывалъ насъ уважать молчаніе вашего величества объ этомъ путешествіи и заключить это чувство скорби въ самихъ себѣ; но извѣстіе о приказаніяхъ, данныхъ вами о приготовленіи къ путешествію нашихъ сыновей, завершило нашу скорбь, ибо мысль быть разлученными съ вами и съ ними слишкомъ тягостна для насъ. Опытъ заставляеть насъ такъ говорить объ этомъ, и воспоминаніе о томъ, что мы терпѣли во время подобной разлуки, не позволяетъ намъ перенести мысль опять находиться въ такомъ же положеніи. Благоволите прочесть эти строки съ добротою, съ снисхожденіемъ; усмотрите въ нихъ въ особенности, ваше величество, умиленіе, съ которымъ мы вамъ ихъ пишемъ; обращаемся къ вашему материнскому сердцу, да будетъ оно нашимъ судьбою, и намъ нечего бояться болѣе, что намъ откажутъ. Осмѣливаемся, ваше величество, начертить вамъ картину нашихъ страданій, нашихъ опасеній, нашего безпокойства о путешествіи дѣтей нашихъ; картина страданій легко представится глазамъ вашего величества, если вспомните состояніе, въ которомъ мы находились въ минуту нашего отъѣзда за границу. Минута была такова, ваше величество, что воспоминаніе о прощаніи съ вами и дѣтьми нашими,—тогда еще младенцами,—и теперь еще вызываетъ въ насъ сильнѣйшее волненіе, и что, поистинѣ, мы чувствуемъ себя не въ силахъ перенести подобную минуту. Опасенія наши, ваше величество, относятся къ здоровью дѣтей нашихъ, нѣжный возрастъ которыхъ заставляеть усомниться въ томъ, чтобы они вынесли утомленіе долгаго путешествія, предпринятаго въ суровое зимнее время, и перемѣну климата,—тѣмъ болѣе, что наши сыновья не прошли еще чрезъ всѣ болѣзни, которымъ дѣти обыкновенно подвержены; затѣмъ, наши безпокойства основаны на томъ, что это путешествіе и развлеченія, которыя будутъ естественно съ нимъ сопряжены, могутъ только остановить успѣхи ихъ воспитанія. Вотъ, ваше величество, вѣрное и искреннее изображеніе нашихъ сердець, и ваше величество слишкомъ справедливы, слишкомъ добры, имѣете сердце слишкомъ нѣжное, чтобы не принять во вниманіе просьбы отца и матери», и пр.

Такъ сказать, наканунѣ переписки Павла Петровича и Маріи Теодоровны съ императрицею по вопросу о путешествіи, происходили между Екатериною и великокняжескою четою недоразумѣнія по поводу удаленія изъ Россіи принца Виртембергскаго, брата великой княгини. Вообще существовали, какъ извѣстно, нѣсколько

натянутыя отношенія между императрицею и «молодымъ дворомъ». Не даромъ въ письмѣ великокняжеской четы указано на волненіе по случаю отъѣзда цесаревича и его супруги въ чужіе края. Тогда-то дѣйствительно и происходили серьёзные столкновенія между императрицею и ея «дѣтьми». То обстоятельство, что великій князь и его супруга лишь случайно узнали о намѣреніи Екатерины отправиться въ Тавриду, между тѣмъ какъ многія лица были посвящены въ тайну этого предпріятія,—характеризуетъ холодность отношеній матери къ сыну и къ великой княгинѣ.

Императрица отвѣчала на письмо Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны слѣдующимъ заявленіемъ:

«Любезныя дѣти. Мать, видящая, что дѣти ея огорчены, можетъ только совѣтовать имъ умѣрить свою печаль, не питать тяжелыхъ и огорчающихъ мыслей, не предаваться печали, происходящей отъ раздраженнаго воображенія, и обратиться къ доводамъ, которые могутъ смягчить подобныя огорченія и успокоить тревоги. Дѣти ваши принадлежать вамъ, принадлежать мнѣ, принадлежать и государству. Съ самаго ранняго дѣтства ихъ я поставила себѣ въ обязанность и удовольствіе окружать ихъ нѣжнѣйшими заботами. Вы говорили мнѣ часто и устно, и письменно, что мои заботы о нихъ вы считаете настоящимъ счастьемъ для своихъ дѣтей и что не могло случиться для нихъ ничего болѣе счастливаго. Я нѣжно люблю ихъ. Вотъ какъ я разсуждала: вдали отъ васъ для меня будетъ утѣшеніемъ имѣть ихъ при себѣ. Изъ пяти трое остаются съ вами; неужели одна я, на старости лѣтъ, въ продолженіе шести мѣсяцевъ, буду лишена удовольствія имѣть вокругъ себя когонибудь изъ своего семейства. Что касается здоровья вашихъ сыновей, то я твердо убѣждена, что путешествіе это укрѣпитъ ихъ—и тѣломъ, и духомъ. Климатъ здѣшній и кievскій съ января до апрѣля отличается тѣмъ, что тамъ нѣсколькими недѣлями раньше начинается весна. Успѣхи воспитанія также не пострадаютъ, такъ какъ съ ними поѣдутъ учителя ихъ. Впрочемъ, я весьма благодарна за нѣжныя чувства, высказываемыя мнѣ вами», и пр.

Великій князь и его супруга отвѣчали: «Дражайшая матунка. Съ живѣйшей благодарностью и чувствительностью мы прочли отвѣтъ вашего величества. Если мысль о разлукѣ огорчаетъ насъ, то въ вашей власти разсѣять огорченіе и замѣнить его иными утѣшительными и пріятнѣйшими чувствами. Мы ближе къ вамъ, нежели дѣти наши, и въ этомъ состоитъ неоцѣненное наше счастье. Возьмите насъ вмѣстѣ съ ними, государыня, и мы, такимъ образомъ, будемъ близъ васъ и сыновей нашихъ. Что касается до нашихъ дочерей, имъ нужны покуда однѣ лишь физическія попеченія, присутствіе же отца и матери для нихъ еще не составляетъ необходимости. Мы можемъ обойтись безъ всего и путешествовать налегкѣ, лишь бы только не быть вдали отъ васъ и отъ сыновей

Son Altesse
PAUL

Imperiale
PETROVITCH

GRAND DUC

de Russie. &c. &c. &c.

Dedie a Son Altesse Imperiale

MADAME LA GRANDE DUCHESSE,

Par son tres humble et tres Obissant Serviteur, Gab. Skrodoumoff

Published at the Art directs 22^e April 1781.

Великій князь Павелъ Петровичъ.

Съ гравированнаго портрета Скороумова 1781 г.

нашихъ. Насъ къ вамъ влекутъ всецѣло сердца наши; это чувства тѣхъ, которые пребываютъ, любезная мать, вашими дѣтьми—Павель и Марія».

Императрицѣ сильно не понравилась просьба великаго князя и его супруги, какъ видно изъ слѣдующей записки ея къ нимъ, писанной порусски, между тѣмъ какъ другія письма писаны на французскомъ языкѣ: «Чистосердечно я вамъ должна сказать, что новое ваше предложеніе есть такого рода, что оно причинило бы во всемъ величайшее разстройство, не упоминая и о томъ, что меньшія дѣти ваши оставались бы безъ всякаго призрѣнія, одни они брошены»¹⁾.

На всѣхъ этихъ письмахъ не показано числа. Какъ кажется, они были писаны въ самомъ концѣ 1786 года. Цесаревичъ и великая княгиня считали себя глубоко оскорбленными и находились въ чрезвычайно тяжеломъ положеніи. Гарновскій писалъ В. С. Попову: «20-го числа (декабря), т. е. въ воскресенье, ни великій князь, ни великая княгиня никуда изъ своихъ покоевъ не выходили. Сія половина находится въ великой печали, и Богъ знаетъ, какая тутъ происходитъ разстройка». Гарновскій, приписывая эту «разстройку» удаленію изъ Россіи брата Маріи Теодоровны, очевидно, не зналъ о непріятностяхъ, возникшихъ по поводу путешествія императрицы. Въ его письмѣ къ Попову, писанномъ въ январѣ, сказано въ связи съ нѣкоторыми частностями о Виртембергскомъ принцѣ: «Великій князь и великая княгиня, обременены бывши по случаю происшествія сею ужасною печалью, до новаго года изъ своихъ покоевъ никуда не выходили; да ихъ императорскія высочества къ себѣ, кромѣ графа Валентина Платоновича (Мусина-Пушкина) и г-жи Бенкендорфши, никого не допускали»²⁾.

До чего доходило уныніе великовняжеской четы по случаю путешествія Екатерины, видно изъ слѣдующаго письма, писаннаго Павломъ свѣтлѣйшему князю Потемкину, 16-го декабря 1786 года: «Положеніе, въ каковомъ мы теперь находимся, князь Григорій Александровичъ, таково, что я разсудилъ открыться вамъ, зная, что вы всегда были расположены оказывать намъ дружбу. Мы узнали уже послѣ вашего отъѣзда, что государыня намѣрена взять съ собою въ дорогу сыновей нашихъ, а свѣдали о семъ не иначе, какъ по повелѣніямъ, даннымъ Салтыкову о пріуготовленіяхъ въ пути. Таковое повелѣніе не могло насъ не потревожить. Мы разсудили о семъ писать къ ея величеству, изъясняя, сколь намъ

¹⁾ Всѣ эти четыре письма изданы въ первый разъ въ «Русской Старинѣ», VIII, 662—666. При изданіи ихъ вторично въ XV томѣ «Сборника Ист. Общества», стр. 37—40, слѣдовало бы указать на прежнее изданіе.

²⁾ «Русская Старина», XV, 18 и 19.

Великая княгиня Мария Феодоровна.

Съ гравированнаго портрета 1782 г.

прискорбно будетъ разставаться, и безпокойство наше о здоровьѣ дѣтей нашихъ. Мы получили весьма милостивый отвѣтъ, въ которомъ государыня изволилъ писать, что она утѣшеніемъ почитаетъ, имѣя дѣтей нашихъ съ собою. Сей отвѣтъ былъ въ такихъ милостивыхъ израженіяхъ, что не думали прогнѣвить, просясь сами съ нею ѣхать; но, къ удивленію нашему, получили не только отзывъ непріятный, но даже и неудовольствіе. Съ тѣхъ поръ ничего рѣшительнаго не послѣдовало, а приготовленія къ путешествію дѣтей нашихъ продолжаютъ. Вы изъ сего видите наше положеніе и желаніе наше быть неразлучными съ дѣтьми нашими. Поступокъ нашъ противу васъ доказать вамъ долженъ довѣренность нашу къ вамъ; итакъ ожидаемъ теперь отъ васъ, чтобы намъ съ своей стороны помогли, полагаясь на ваше расположеніе и благоразуміе, довольствуясь даже тѣмъ, если насъ хотя въ Кіевѣ оставить¹⁾.

Въ тотъ же самый день и великая княгиня, Марія Теодоровна, обратилась съ письмомъ къ Потемкину: «Князь! Вы часто увѣряли меня въ вашей приверженности и въ томъ, что хотите исполнять мои желанія. Поэтому я довѣрчиво обращаюсь къ вамъ съ этимъ письмомъ. Предметъ онаго такъ сильно меня занимаетъ, что я сочла наилучшимъ поговорить о немъ прямо съ вами. Дѣло идетъ о моихъ дѣтяхъ, и уже по одному этому вы понимаете, князь, какую великую услугу вы намъ окажете, если вамъ можно будетъ спасти насъ, отъ горестной разлуки съ ними втеченіе шестимѣсячнаго путешествія ея величества. Узнавъ, что сыновья наши должны участвовать въ этомъ путешествіи, мы тотчасъ оба, мужъ и я, обратились къ ней, представляя, какъ для нихъ опасно и неудобно ѣхать и какую невыразимую скорбь причинить намъ эта разлука. Отвѣтъ, коимъ ея императорское величество удостоила насъ, былъ исполненъ доброты; но, повидимому, она не отмѣняетъ своего рѣшенія, вслѣдствіе чего мы написали къ ней вторичное письмо, прося милостиваго позволенія самимъ участвовать въ путешествіи, дабы не разлучаться ни съ нею, ни съ сыновьями нашими. Въ отвѣтъ своемъ ея величество ограничилась краткимъ и общимъ замѣчаніемъ о затрудненіяхъ, съ коими сопряжено исполненіе этой мысли. Но съ нашей стороны помѣхи было очень немного, такъ какъ намъ не нужно никакой свиты, и пока государыня будетъ въ Крыму, мы готовы оставаться въ Кіевѣ, или въ другомъ мѣстѣ, которое она назначить. Въ Крымъ рѣшено не брать сыновей моихъ, слѣдовательно, имъ придется оставаться однимъ, безъ бабушки и безъ родителей. Съ того времени ничего не послѣдовало, и мы все еще надѣялись, что ея величество, наконецъ, уважитъ наши просьбы, и какъ сыновья мои не домогали,

¹⁾ «Русская Старина», VII, 666—667.

ALEXANDRE COMTE
Grand Maître de la Cour de Sa Majesté
du Conseil privé Usuel Directeur général des postes
et Grand Comte
général de tout le royaume de Russie

DE BESBORODKA
Impériale de toutes les Russies
Chevalier des Ordres de S. Alexandre Nevski &
de celui de S. Vladimir
Grand maître de la poste impériale de Russie

Князь А. А. Безбородко.

Съ гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета, писаннаго Лампи.

одинъ за другимъ, то мы рассчитывали, что, можетъ быть, это послѣдокъ побудить ее перемѣнить свое рѣшеніе; но разныя обстоятельства, которыми занимать васъ было бы излишне, показываютъ намъ, что ея величество непреклонна. Мое материнское сердце не смѣетъ предаваться никакой лестной надеждѣ, и вы, князь,—единственный человѣкъ, который можетъ помочь намъ. Поддержите у императрицы наши доводы и нашу просьбу. Я захотѣла все это изложить вамъ, дабы, зная происходившее, вы могли обсудить, что вамъ можно сдѣлать въ этомъ случаѣ. Мы нѣсколько разъ поручали г. Салтыкову передать ея величеству, что, зная доброту ея, мы несомнѣнно на нее полагаемся и пребываемъ въ справедливой надеждѣ, что она удостоитъ вниманіемъ нашу просьбу, оставивъ сыновей нашихъ здѣсь, или позволивъ намъ сопровождать ее. Умоляю васъ, князь, поддержите эту самую просьбу нашу предъ ея величествомъ. Въ случаѣ успѣха, или даже самою заботою вашею объ успѣхѣ этой просьбы, вы приобрѣтете вѣчное право на признательность нашу. Эти строки, внушенныя материнскимъ чувствомъ, должны служить для васъ ручательствомъ того, какъ много будемъ мы обязаны вамъ, если удастся это дѣло, столь для насъ заботливое и столь близкое нашему сердцу», и пр.¹⁾

Какъ видно, Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна, отправляя эти письма къ Потемкину, находившемуся въ то время въ Крыму, надѣялись на его заблаговременное ходатайство предъ императрицею. Слѣдовательно, они не знали вовсе о времени отъѣзда Екатерины изъ Петербурга. Путешествіе началось 6-го января. Къ этому дню нельзя было ожидать отвѣта отъ Потемкина или его письма къ императрицѣ. Онъ отвѣчалъ на письмо Павла Петровича не раньше какъ 7-го января, находясь въ Симферополѣ: «Получа милостивѣйшее писаніе вашего высочества, я бы все употребилъ, что можно, но, будучи въ отсутствіи, сами судите, сколь сіе трудно; къ тому же, воля вашего высочества до меня дошла такъ поздно, что уже и просьба моя будетъ неумѣстна. Прибывъ въ Кіевъ, я не оставлю употребить все, что въ моей возможности будетъ, съ крайнею осторожностію, чтобы не прогнѣвать и тѣмъ бы не нанести вашему высочеству непріятности. Всемилоствѣйшій государь, вѣрьте, что я усерденъ и преданъ вамъ неложно», и пр.²⁾

Вопросъ объ участіи внуковъ императрицы въ ея путешествіи былъ рѣшенъ такимъ образомъ, что они, заболѣвъ корью, должны были оставаться дома. Только весною 1787 года, Александръ и Константинъ, по желанію Екатерины, отправились изъ Петербурга въ Москву, гдѣ должны были встрѣтить императрицу при ея возвращеніи изъ Крыма. Завадовскій, сообщая объ этомъ въ письмѣ

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1879, I, 369—371.

²⁾ «Русская Старина», VIII, 668.

къ Воронцову, замѣтилъ: «Слышу—большіе (т. е. Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна) равнодушіе пріемлютъ сію разлуку, чѣмъ прежнюю»¹⁾).

Такъ какъ, за исключеніемъ великокняжеской четы, весь дворъ, т. е. императрица, знатнѣйшіе сановники, даже замѣчательнѣйшіе изъ иностранныхъ дипломатовъ, отправились въ путь, Петербургъ опустѣлъ совершенно. «Мы теперь походимъ на провинціальный городъ, и никто даже не знаетъ о днѣ выѣзда (императрицы) изъ Кіева», — писалъ А. И. Морковъ С. Р. Воронцову изъ Петербурга, 14-го апрѣля 1787 года²⁾. «Всѣ вѣсти и дѣла со дворомъ путеше-

Графъ Кобенцель.

Съ современнаго гравированнаго портрета.

ствуютъ», — сказано въ письмѣ Завадовскаго къ Воронцову, отъ 1-го іюня 1778 года³⁾).

Гарновскій въ письмѣ къ В. С. Попову, въ январѣ 1787 года, рассказывалъ о Павлѣ Петровичѣ слѣдующее: «Его высочество изволилъ, между прочимъ, проговаривать: послѣ отъѣзда ея величества останется въ городѣ еще много людей, и именно великій князь и графъ Валентинъ Платоновичъ, графъ Валентинъ Плато-

¹⁾ «Архивъ кн. Воронцова», XII, 43.

²⁾ Тамъ-же, XX, 5.

³⁾ Тамъ-же, XII, 45.

новичъ и великій князь. И сіи слова повторялъ его высочество разъ десять»¹⁾).

Потемкинъ до Кіева не былъ спутникомъ Екатерины. Онъ въ это время былъ занятъ приготовленіями для пріема Екатерины въ Крыму и оттуда пріѣхалъ въ Кіевъ.

Важнѣйшимъ изъ русскихъ сановниковъ, сопровождавшихъ Екатерину, былъ графъ Безбородко; онъ былъ въ это время главнымъ исполнителемъ повелѣній ея величества, и руководилъ также приготовленіями къ путешествію²⁾. 26-го октября 1786 года, онъ сообщилъ графу Румянцову-Задунайскому списокъ лицъ, приглашенныхъ сопровождать императрицу въ путешествіи; въ немъ показаны, между прочимъ: графиня Браницкая, графиня Скавронская, камеръ-фрейлина Протасова, графъ Чернышевъ, оберъ-камергеръ Шуваловъ, оберъ-шталмейстеръ Л. А. Нарышкинъ, графъ А. П. Шуваловъ, генераль-адъютантъ Ангальтъ, Стрекаловъ, А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ, Левашовъ, Барятинскій, Ребиндеръ, Чертковъ, Нелединскій-Мелецкій, Храповицкій, Львовъ, лейбъ-медикъ Роджерсонъ, нѣсколько офицеровъ, камеръ-юнгферы Перекусихина и Гучи; двѣ камеръ-медхены, три камердинера; лейбъ-хирургъ Кельхенъ, докторъ Вейкартъ, камеръ-хирургъ Мессингъ, аптекаръ Гревсъ. Къ тому еще нѣсколько лицъ, служащихъ по иностраннымъ и другимъ дѣламъ: Кохъ, Львовъ, Трошинскій, нѣсколько секретарей, кабинетъ-курьеровъ, гвардіи сержантовъ; почтъ-директоръ Селецкій съ разными чиновниками, при Храповицкомъ два секретаря и два курьера и пр.³⁾.

Столь значительное число свиты императрицы требовало всюду множества лошадей, большое число квартиръ, удобства разнаго рода, что было сопряжено съ необычайными хлопотами, какъ видно, на примѣръ, изъ слѣдующаго случая. На одномъ ночлегѣ Марію Савишну Перекусихину помѣстили въ комнату, наполненную чемоданами и дорожными припасами. Государыня, войдя къ ней, съ сожалѣніемъ сказала: «Неужели ты позабыта!» Сколько та ни старалась ее успокоить, но Екатерина, потребовавъ князя Потемкина, сдѣлала ему выговоръ: «Заботясь обо мнѣ, не забывайте моихъ ближнихъ, и особливо Марью Савишну; она мой другъ; чтобъ ей также было покойно, какъ и мнѣ». Потемкинъ крайне былъ встревоженъ сею оплошностью⁴⁾.

Впрочемъ, императрица изъ Херсона отправила обратно въ Петербургъ нѣкоторую часть своей свиты; въ числѣ такихъ лицъ былъ и вице-президентъ адмиралтейской коллегіи графъ Черны-

¹⁾ «Русская Старина», XV, 20.

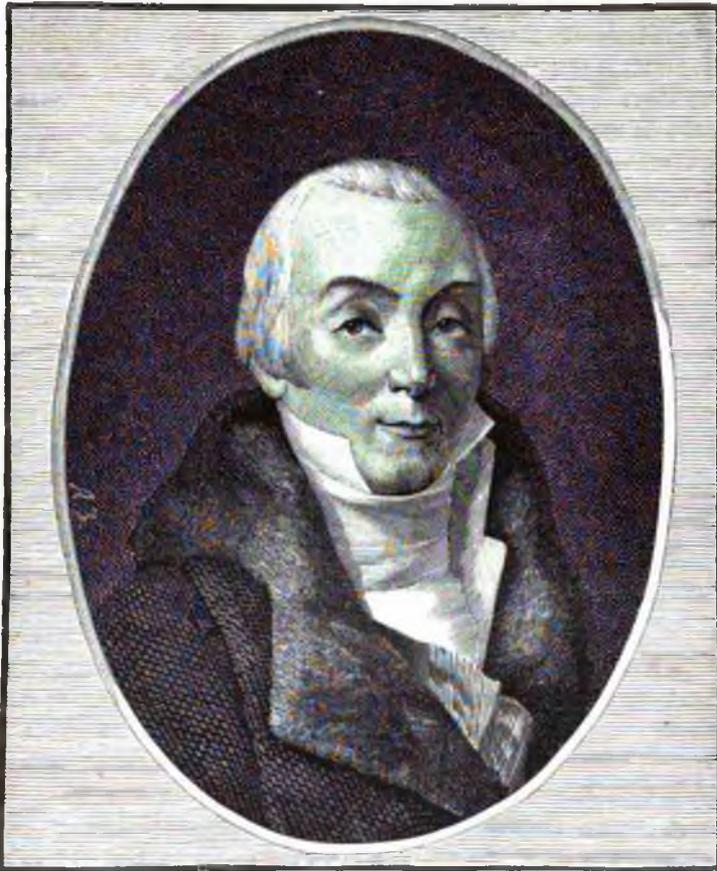
²⁾ «Сб. Ист. Общ.», XXVI, 174.

³⁾ Тамъ-же, XXVI, 231.

⁴⁾ Анекдоты, собр. Карабановымъ, въ «Русск. Старинѣ», V, 142.

шевъ, который, какъ видно изъ письма графа Н. П. Румянцева къ Воронцову, считалъ себя оскорбленнымъ этимъ распоряженіемъ императрицы ¹⁾).

Изъ иностранцевъ, сопровождавшихъ императрицу, самое видное мѣсто занимали дипломаты: римско-императорскій посоль, графъ

Графъ Сегюръ.

Съ гравированнаго портрета, приложеннаго къ французскому изданію его „Записокъ“ 1826 г.

Кобенцель, министръ англійскій Фицгербертъ, министръ французскій, графъ Сегюръ. Последнему мы обязаны самымъ подробнымъ и чрезвычайно любопытнымъ рассказомъ объ этомъ путешествіи.

Число замѣчательныхъ лицъ, окружавшихъ Екатерину, увеличилось въ Кіевѣ, куда пріѣхали Потемкинъ, Суворовъ, Каменскій,

¹⁾ «Архивъ кн. Воронцова», XXVII, 149.

русскій посланникъ въ Польшѣ, графъ Штакельбергъ; императрица приглашала къ участию въ поѣздкѣ нѣкоторыхъ иностранцевъ, которые, однако, не могли пріѣхать. Такъ, напримѣръ, Екатерина весьма сожалѣла о томъ, что знаменитый Лафайетъ, другъ графа Сегюра, недавно возвратившійся изъ Америки и затѣмъ игравшій весьма важную роль во Франціи, не имѣлъ возможности пріѣхать въ Кіевъ по случаю собранія нотаблей въ Парижѣ. Когда около этого времени извѣстный докторъ Циммерманъ, авторъ сочиненія «Von der Einsamkeit», выразилъ желаніе пріѣхать въ Россію, Екатерина велѣла сказать ему чрезъ доктора Вейкарта, что она очень рада его пріѣзду и желаетъ его участія въ путешествіи ¹⁾. Однако, Циммерманъ не пріѣхалъ. За то въ Кіевъ пріѣхали другія знаменитости, напримѣръ: Дильонъ, Ламетъ, принцъ Нассау-Зигенъ, незадолго до этого вступившій въ русскую службу, и принцъ де-Линь.

Съ принцемъ де-Линь, которому тогда было 52 года, Екатерина еще въ 1786 году переписывалась о путешествіи. Такъ, напримѣръ, она писала ему, 15 сентября 1786 года ²⁾: «Я, наконецъ, назначила время моего путешествія въ Тавриду. Я выѣду отсюда въ первыхъ числахъ января; восемнадцать дней буду въ дорогѣ до Кіева, тамъ терпѣливо подожду вскрытія Днѣпра и тѣхъ, кто пожелаетъ сопровождать меня въ плаваніи, въ началѣ апрѣля. Я употреблю на это, какъ видите, цѣлыхъ два мѣсяца. Потомъ я повезу своихъ спутниковъ въ страну, которую, говорятъ, обитала нѣкогда Ифигенія. Одно названіе этой страны оживляетъ воображеніе; самыя разнообразныя измышленія распускаются по поводу моего пребыванія тамъ. Вѣрно то, что я буду очень рада васъ снова увидѣть; я надѣюсь повести туда множество вашихъ знакомыхъ и многихъ министровъ мира, въ присутствіи которыхъ не можетъ произойти никакой битвы», и пр. ³⁾. Въ письмѣ императрицы къ де-Линю, отъ 2-го декабря, также говорится о времени выѣзда изъ Петербурга, о предполагаемомъ пребываніи въ Кіевѣ, а затѣмъ Екатерина продолжаетъ: «Весьма далека будучи отъ того, чтобы быть похожею въ моемъ шествіи на блистательный образъ солнца, какъ вы выражаетесь, мы принимаемъ, напротивъ того, всевозможныя предосторожности, чтобы имѣть видъ очень густыхъ тучъ, такъ какъ каждая изъ звѣздъ, меня сопровождающихъ, запаслась хорошей, густаго мѣха черной шубой, и такъ какъ всѣ эти звѣзды, сопутствующія мнѣ, желаютъ, чтобы мѣха ихъ были выкроены всѣ одинаково по одному образцу, который и составляетъ общее отчаяніе, то я хотѣла бы, чтобы моя шуба разорвалась или поте-

¹⁾ Neumann, Ergänzungsband, 638.

²⁾ Нельзя не вспомнить при этомъ, что цесаревичъ и его супруга узнали о путешествіи гораздо позже.

³⁾ «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 377—379.

рялась, такъ чтобы о ней не было больше и помину. Это дурное расположеніе духа исчезнетъ, и великолѣпное созвѣздіе Медвѣдицы появится на небѣ, когда ваши друзья будутъ обрадованы свиданіемъ съ вами, и я заодно съ ними. Надѣюсь, что плаваніе по Днѣпру будетъ благополучно, и желаю, чтобы оно вамъ не наскучило», и пр. ¹⁾.

Графъ А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ.

Съ портрета, писаннаго Левицкимъ и принадлежащаго князю Щербатову.

нѣмъ съ вами, и я заодно съ ними. Надѣюсь, что плаваніе по Днѣпру будетъ благополучно, и желаю, чтобы оно вамъ не наскучило», и пр. ¹⁾.

¹⁾ «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 393—394.

Разумѣется, всѣ эти слутники считали своею обязанностью восхвалять образъ дѣйствій Екатерины, всячески льстить ей, забавлять ее разными шутками, придумывать потѣхи разнаго рода. Приверженцы императрицы восхищались пышностью и роскошью этой поѣздки, въ восторженныхъ выраженіяхъ хвалили мнимое богатство Россіи, силу и значеніе войска и флота, приготовленныхъ Потемкинымъ на случай разрыва съ Турціею. Циммерманнъ въ самыхъ громкихъ фразахъ возносилъ Екатерину за путешествіе. «обращающее на себя вниманіе Азіи и Европы и представляющее филособу самое любопытное зрѣлище». Онъ считалъ достойнымъ удивленія то, что Екатерина, не довольствуясь оказаніемъ столькихъ благодарній своимъ народамъ, желала видѣть, что ей еще остается сдѣлать. Онъ надѣялся, что путешествіе дастъ новую силу и новую жизнь всѣмъ частямъ Россіи, что чрезъ оное будутъ устранины недостойные и явятся въ полномъ свѣтѣ добродѣтельные люди. «Государи»,—такъ оканчиваетъ Циммерманнъ свое письмо,—«препровождаящие жизнь свою во внутренности своихъ дворцовъ», съ трепетомъ познаютъ изъ сего великаго примѣра, что окружающее корону сіяніе исчезнетъ предъ славою—достойно носить ону»¹⁾).

Мысль о пользѣ, которую императрица приносила Россіи чрезъ свое путешествіе, была не только главнымъ предметомъ высокопарныхъ и многословныхъ проповѣдей и рѣчей, сказанныхъ во время путешествія императрицы и въ ея присутствіи, но также служила любимою темою бесѣдъ, происходившихъ между императрицею и ея слутниками въ ея экипажѣ или въ путевыхъ дворцахъ и пр.

Постоянно находился въ каретѣ Екатерины—графъ А. М. Дмитриевъ-Мамоновъ, между тѣмъ, какъ остальные слутники ея чередовались. Со времени этого путешествія Мамоновъ началъ принимать участіе въ государственныхъ дѣлахъ, чему немало способствовали ежедневные разговоры съ посланниками, участіе въ бесѣдахъ императрицы съ Потемкинымъ, встрѣтившимъ Екатерину въ Кіевѣ, и присутствіе его при свиданіяхъ Екатерины съ королемъ Станиславомъ-Августомъ и съ императоромъ Іосифомъ. Были писаны портреты Екатерины и Мамонова въ дорожномъ платьѣ. Оригиналъ портрета императрицы находился у графа Мамонова²⁾. Иностранные дипломаты были особенно часто приглашаемы въ карету Екатерины. Объ оживленной бесѣдѣ при такихъ случаяхъ и вообще о забавахъ во время дороги Сегюръ сообщаетъ нѣкоторыя любопытныя подробности. И въ каретѣ, и на станціяхъ продолжали

¹⁾ Колотовъ, III, 69.

²⁾ О гравированныхъ портретахъ см. статью Н. Киселева о запискахъ сына Мамонова, въ «Русскомъ Архивѣ», 1868 года, стр. 90.

забавляться совершенно такимъ же образомъ, какъ забавлялись въ Царскомъ Селѣ, или въ Эрмитажѣ. Рассказывали анекдоты, напри- мѣръ, о Вольтерѣ, Дидро, Мерсье де-ла-Ривьеръ и другихъ знаме- нитостяхъ французской литературы, говорили объ исторіи и ста- тистикѣ, о мѣеологіи и земледѣліи, о словесности и философіи, за- давали другъ другу шарады, писали *bouts-rimés*, въ сочиненіи ко- торыхъ отличался графъ Сегюръ; представляли живыя картины, въ устройствѣ которыхъ особенно дѣятельное участіе принималъ графъ Кобенцель.

Придворный этикетъ по возможности былъ устраненъ. Строгія формы церемоніала на время исчезли. Тѣмъ легче путешествен- ники могли наслаждаться прелестью бесѣды, о которой Талейранъ сказалъ, что эта дореволюціонная «*conversation*» въ высшихъ сфе- рахъ общества составляетъ самое утонченное удовольствіе, самое большое счастье. Изъ замѣтокъ Екатерины, изъ мемуаровъ Сегюра, изъ писемъ принца де-Лина, можно видѣть, какимъ необыкновен- нымъ талантомъ для такого рода бесѣды отличались и сама импе- ратрица, и ея спутники. Не смотря на все это, однако, оказалось невозможнымъ устранить на время повѣздки политику. Каждый изъ собесѣдниковъ былъ представителемъ извѣстныхъ политическихъ интересовъ и имѣлъ опредѣленную политическую программу. Во- просы объ Оттоманской Портѣ, о желаніи прусскаго короля Фри- дриха-Вильгельма II вмѣшиваться въ дѣла другихъ государствъ, о печальномъ положеніи Франціи, приближавшейся къ перевороту, занимали всѣхъ. Большею частью, шутя, путешественники каса- лись этихъ предметовъ. Такъ, напримѣръ, Кобенцель пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы выставлять на видъ склонность къ коварству берлинскаго двора; Сегюръ старался дѣй- ствовать въ пользу усиленія вліянія Франціи въ Польшѣ; Фиц- гербертъ удерживался, по возможности, отъ политическихъ разго- воровъ ¹⁾.

Съ необыкновеннымъ тактомъ и настоящимъ дипломатическимъ искусствомъ Екатерина руководила бесѣдою, давала ей любое на- правленіе и сдерживала того или другаго изъ собесѣдниковъ, же- лавшаго блеснуть слишкомъ смѣлою шуткой или анекдотомъ со- мнительнаго свойства. Весьма ловко говорила она о Россіи, о народ- номъ богатствѣ, о своихъ путешествіяхъ, о плодородіи почвы, о доходности рыбной ловли на Волгѣ, объ удобствахъ при столь выгод- ныхъ условіяхъ хозяйственнаго быта русскаго народа производить реформы въ его общественномъ строѣ. Чѣмъ лучше ей было извѣ- стно, что за границею не такъ выгодно разсуждали о Россіи, тѣмъ

¹⁾ Такъ писалъ Безбородко съ дороги къ А. И. Моркову; см. письмо Мор- кова къ Воронцову, изъ Петербурга, отъ 17-го февраля 1787 года, въ «Архивѣ Воронцова», XIV, 242.

болѣе она старалась подѣйствовать на образъ мыслей своихъ собесѣдниковъ-дипломатовъ въ этомъ отношеніи; она называла имперію своимъ «*petit ménage*» и утверждала, что пока хозяйничаетъ весьма благополучно ¹⁾. Посланники, казалось, были въ восхищеніи отъ быстрого прогресса, совершающагося въ Россіи, сыпали комплиментами по этому поводу, хвалили Петра Великаго, который, по словамъ Екатерины, служилъ ей образцомъ при управленіи государствомъ ²⁾, говорили о религіи, о наклонностяхъ, нравахъ и обычаяхъ русскаго народа, о несправедливыхъ толкахъ на этотъ счетъ въ литературѣ Западной Европы и пр. Самымъ веселымъ спутникомъ императрицы былъ принцъ де-Линь, присоединившійся къ путешественникамъ въ Кіевѣ. Передразнивая всѣхъ, онъ со всѣми былъ въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ, постоянно сыпалъ каламбурами и остротами, и по своему юмору, таланту бесѣдовать съ каждымъ обо всемъ, о чемъ угодно, по своему добродушію, сдѣлался любимцемъ тогдашняго общества. Сегюръ удивлялся странной смѣси въ немъ философскаго ума съ легкимъ остроуміемъ, отчаянной храбрости въ битвахъ съ истиннымъ челоуѣколюбіемъ. Самъ де-Линь говорилъ о себѣ, что онъ былъ французомъ въ Австріи, австрійцемъ во Франціи, австрійцемъ и французомъ въ Россіи и тѣмъ самымъ сохранялъ всюду свою независимость ³⁾. Не будучи замѣчательнымъ полководцемъ, онъ былъ храбрымъ воиномъ; не будучи настоящимъ государственнымъ челоуѣкомъ, онъ всегда имѣлъ связи съ самыми вліятельными лицами и зналъ обо всемъ, что происходило въ области политики; Екатерина удивлялась соединенію съ немъ необычайной склонности къ шуткамъ и остротамъ съ способностью къ мѣткому наблюденію и правильному сужденію о всѣхъ дѣлахъ ⁴⁾. Приѣхавъ въ Кіевъ, онъ своимъ присутствіемъ оживилъ путешественниковъ, немного скучавшихъ въ Кіевѣ, болталъ о политикѣ и о всевозможныхъ другихъ предметахъ, задавалъ шарады, смѣшилъ всѣхъ, поправлялъ ошибки, дѣлаемыя императрицею во французскомъ языкѣ ⁵⁾, шутилъ надъ ипохондріею Сегюра и Кобенцеля и такимъ образомъ разсѣвалъ общую скуку ⁶⁾.

Неособенно веселымъ спутникомъ Екатерины былъ Потемкинъ, всегда окруженный толпою льстецовъ, надѣявшихся чрезъ милости князя достигнуть какихъ либо выгодъ. Его странный образъ дѣйствій, между прочимъ, выражался въ томъ, что онъ то являлся въ пышной одеждѣ и блестящемъ мундирѣ, то угрюмый, брызгли-

¹⁾ Ségur, III, 28.

²⁾ Ligne, III, 17.

³⁾ Oeuves, II, 56.

⁴⁾ Дневникъ Храповицкаго, 18-го мая 1787 года.

⁵⁾ Ligne, Oeuves, II, 20.

⁶⁾ Ségur, III, 74.

Fait par Delaunoy.

Peint par P. P. Le Brun, graveur de Sa Majesté Impériale, le 20 Mars 1762, par J. B. Le Beau.

*Reconnait vous le Nord l'aîné qui nous attire
 C'est heureux compairant profond législateur.
 Femme aimable grand homme et que l'on aime
 Qui parcourt ses Etats, y voue le bonheur.*

*Mais en l'art de regner, devante en l'art d'écrire.
 Rependant la lumiere, éclairant les rois,
 Le sort n'avoit pas lui donner un Empire
 Elle auroit en toujours son Throno dans nos cœurs.*

*L'original se trouve dans la collection de M. le Général Mamonoff à qui cette planche est dédiée avec le plus respectueux respect.
 Par son très humble serviteur Jean Michel.*

Екатерина II въ дорожномъ платьѣ, которое она носила во время путешествія 1787 г.

Съ современной гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета, писаннаго Шабановымъ.

вый, полуодѣтый, по цѣлымъ суткамъ лежалъ на диванѣ, даже въ присутствіи знатныхъ лицъ; «Потемкинъ глядитъ волкомъ»,—замѣтила однажды Екатерина. Съ особенною холодною обращался онъ съ графомъ Румянцовымъ и съ графомъ Штакельбергомъ. Его обращеніе съ поляками доходило иногда до грубости ¹⁾. Когда Браницкій въ чемъ-то поупрямился, Потемкинъ сталъ кричать на него и даже махать кулакомъ ему подъ носомъ; свою племянницу, Браницкую, онъ однажды схватилъ за носъ; Потоцкаго онъ называлъ «мошенникомъ», а Казимира-Нестора лгунишкой и другимъ неслестнымъ именемъ и пр. ²⁾.

Порою разговоры путешественниковъ имѣли важное политическое значеніе. Екатерина тщательно слѣдила за образомъ мыслей иностранныхъ дипломатовъ, но серьезныхъ объясненій съ ними не имѣла. Она знала, что и въ Россіи, и за границею наблюдали за ходомъ дѣлъ и придавали путешествію политическое значеніе. Поэтому она велѣла составлять и печатать официальный журналъ его «для отвращенія въ столицахъ пустыхъ рѣчей, *pour les tenir en haleine* и чтобы дать жвачку» ³⁾. Съ иностранными посланниками она въ это время любила шутить о своихъ отношеніяхъ къ Турціи. Рассказывая имъ, напр., о вступленіи въ бракъ русскаго капитана съ негрятяжкой, она замѣтила: «Вы видите, до чего доходятъ мои честолюбивые замыслы; я уже устроила свадьбу между русскимъ флотомъ и Чернымъ моремъ» ⁴⁾.

Въ разговорѣ съ Сегюромъ, которому она была обязана заключеніемъ торговаго договора съ Франціей, она любила порицать турокъ, называя государей турецкихъ деспотами, изнуренными сладострастіемъ гаремовъ, плѣвниками янычаръ, неспособными мыслить, управлять, сражаться и остающимися до старости несовершеннолѣтними. «Вы не хотите»,— сказала она однажды Сегюру,— «чтобъ я прогнала вашихъ питомцевъ—турокъ. Хороши они; они вамъ дѣлаютъ честь. Будь у васъ въ Піемонтѣ или въ Савойѣ такіе сосѣди, которые ежегодно беспокоили бы васъ голодомъ и чумой, убивали и уводили бы въ плѣнъ по цѣлымъ тысячамъ вашихъ соотечественниковъ,— что сказали бы вы, если бы мнѣ вдругъ вздумалось защищать ихъ? Разумѣется, вы назвали бы это коварствомъ съ моей стороны» ⁵⁾. Пока всѣ подобныя выходки держались въ предѣлахъ шутки и легкой салонной бесѣды, Сегюръ не

¹⁾ «Le prince tient au borgne et du louche»,—писалъ де-Линь о Потемкинѣ, *Оеuvres*, II, 9.

²⁾ Костомаровъ, «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой», въ «Вѣстникѣ Европы», 1869, стр. 627 и слѣд.

³⁾ Храповицкій, 4-го апрѣля 1787 года.

⁴⁾ *Séjour*, III, 14.

⁵⁾ Тамъ-же, III, 29.

имѣлъ даже и права возражать императрицѣ серьезно и долженъ былъ отвѣчать также остроумными и шутками.

И во время плаванія по Днѣпру на великолѣпныхъ галерахъ продолжались обычные увеселенія двора. Путешественники ежедневно обѣдали у императрицы. Бесѣда была весьма оживленная. Послѣ обѣда въ какотѣ императрицы происходили небольшія дра-

Принцъ де-Линь.

Съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія.

матическія представленія, въ которыхъ отличался графъ Кобенцель¹⁾; однажды Нарышкинъ, всегда готовый шутить и паясничать, испугалъ всѣхъ огромнымъ волчкомъ, который былъ пущенъ имъ вдругъ среди бесѣдующихъ и съ визгомъ и трескомъ разло-

¹⁾ «Guere de talent, où il excellait», Ségur, III, 136. Храповицкій, 16-го мая 1787 года, пишетъ: «Вылъ на поговоркѣ».

мался на нѣсколько кусковъ около самой императрицы. Другой разъ Екатерина предложила замѣнить въ бесѣдѣ вѣжливое «вы» простымъ «ты»; де-Линь немедленно исполнилъ желаніе императрицы и нѣсколько разъ съ особеннымъ эффектомъ употребилъ выраженіе «твое величество». Дозволяя такія шутки, императрица всегда оставалась величавою и сохраняла все внѣшнее достоинство самодержицы всероссійской и, по выраженію де-Линя, «чуть ли не цѣлаго міра». Сегюръ и де-Линь, какоты которыхъ находились рядомъ на одной галерѣ, писали другъ другу безконечныя письма, наполненныя философскими размышленіями, стихами и т. д. Но при всемъ томъ собесѣдники поневолѣ возвращались къ предметамъ политики; такъ, напр., Екатерина, говоря о своемъ путешествіи, называла его, шутя, чрезвычайно опаснымъ для Европы, и сообщила о слухѣ, что она и Іосифъ II имѣютъ въ виду завладѣть всею Турціею, всею Персіей, а, пожалуй, еще и Индіей, и Япоііей¹⁾ и т. под.

Все это продолжалось и въ Бахчисараѣ. И тутъ Екатерина и ея спутники занимались чтеніемъ и сочиненіемъ стиховъ, разсказываніемъ анекдотовъ и пр. Еще въ Кіевѣ сама Екатерина попыталась сочинять стихи. Неудача при этомъ случаѣ подала поводъ къ разнымъ шуткамъ. Въ Бахчисараѣ она заперлась для того въ особой комнатѣ, но и тутъ не могла написать болѣе двухъ строкъ:

*Sur le Sopha du khan, sur des coussins bourrés,
Dans un kiosque d'or, de grilles entourré...*

Чтеніе этихъ стиховъ вызвало множество замѣчаній со стороны де-Линя и Сегюра²⁾. Нѣсколькими днями позже неутомимый помощникъ Екатерины въ ея литературныхъ трудахъ, Храповицкій, переписалъ «стихи, начатые въ Бахчисараѣ въ похвалу Потемкину»³⁾, и сочинилъ стихи на русскомъ языкѣ, которые, какъ кажется, можно считать переводомъ и продолженіемъ стиховъ, начатыхъ императрицею⁴⁾.

Сохранился замѣчательный автографъ стихотворенія, сочиненнаго, какъ кажется, во время плаванія по Днѣпру, гдѣ осмѣявъ Левъ Нарышкинъ:

*«Voilà notre vaisseau sur un banc de sable
Pour le mettre à flot ou doit l'alléger,
Le plus lourd et pesant sera tout sûr vogé;
Grand écuyer à lé can sur le cable.»⁵⁾*

Множество помарокъ свидѣтельствуегъ о количествѣ труда, котораго стоила эта шутка.

¹⁾ Ségur, III, 120, 136; Ligne, II, 16, 17.

²⁾ Ligne, II, 26.

³⁾ Дневникъ Храповицкаго, 23-го и 28-го мая 1787 года.

⁴⁾ «Русскій Архивъ», 1865, стр. 1513.

⁵⁾ См. факсимиле автографа въ изданіи «Письма и бумаги Екатерины II», хранящіяся въ имп. публ. бібліотекѣ, изд. А. Ф. Бычковымъ, Спб., 1873, стр. 147.

Во время пребыванія путешественниковъ въ Кіевѣ было написано Екатериною собственноручное черновое письмо, въ видѣ корреспонденціи для газеты: «Lettre de M-rs M. à son ami M-rs N. Kiow, le 1-er avril 1787». Тутъ сказано, между прочимъ: «Съ тѣхъ поръ какъ императрица прибыла сюда, она страдаетъ бессонницею и отсутствіемъ аппетита; говорятъ, что она только и занята мыслью о предстоящемъ своемъ коронованіи въ Тавридѣ. Приготовленія къ этой церемоніи отличаются громадными размѣрами. Корона будетъ доставлена изъ Вѣны, гдѣ надъ составленіемъ ея трудились ювелиры кабинета его императорскаго величества. Всему свѣту извѣстно, что эта корона составлена изъ драгоценныхъ камней, которые выдала сокровищница вѣнская. Опасаются, что графъ Кобенцель не будетъ имѣть возможности участвовать въ этой церемоніи, такъ какъ его здоровье оказывается въ послѣднее время сильно разстроеннымъ; онъ, кажется, страдаетъ чахоткою. Какъ бы то ни было: онъ съ часу на часъ худѣетъ. Его секретарь, приведенный въ крайнее безпокойство, сообщилъ объ этомъ вѣнскому двору безъ вѣдома графа-посла, который вовсе не замѣчаетъ расстройства своего здоровья... Воздухъ города Кіева оказывается чрезвычайно зловещественнымъ, такъ какъ городъ построенъ среди болотъ. Это мѣстопребываніе особенно вредно тѣмъ лицамъ, которыя привыкли жить въ горахъ, среди которыхъ императоръ Петръ I построилъ Петербургъ. Нельзя не признать, что выборъ мѣста при основаніи городовъ въ прежнее время бывалъ гораздо болѣе удачнымъ, чѣмъ въ настоящее время... Французскій посланникъ, графъ Сегюръ, надняхъ отправится въ Вѣну; онъ не хочетъ присутствовать при вышеупомянутыхъ празднествахъ и вообще онъ въ послѣднее время обнаруживаетъ нѣкоторое расстройство... Съ тѣхъ поръ какъ пріѣхалъ сюда принцъ де-Линъ, этотъ господинъ погруженъ въ глубокую скорбь; ночью ему не спится, всѣ дни онъ проводитъ въ жалобахъ; причина его печали неизвѣстна. Англійскіе дипломаты, здѣсь находящіеся, вступили въ переговоры съ киргизами, явившимися сюда для того, чтобы привѣтствовать императрицу. Говорятъ, что киргизы намѣрены помочь англичанамъ въ борьбѣ противъ мараттовъ... Газетъ здѣсь получается несмѣтное множество; въ гостинницахъ, однако, нѣтъ ни столовъ, ни стульевъ; иностранцамъ за обѣдомъ не даютъ ни тарелокъ, ни ножей, ни вилокъ. Одинъ острякъ надняхъ замѣтилъ, что русскій дворъ находится въ Кіевѣ въ такомъ же выгодномъ положеніи, какъ раки на мели», и пр.¹⁾

Таковъ былъ общій характеръ времяпрепровожденія путешественниковъ въ эту поѣздку. Всѣ эти шутки и развлеченія не мѣ-

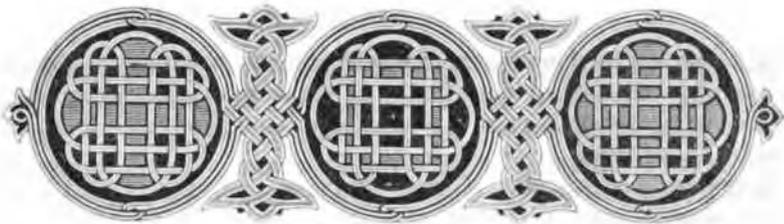
¹⁾ См. французскій подлинникъ этой литературной шутки въ изданіи Вычкова «Письма и бумаги Екатерины II», стр. 142—146.

шали императрицѣ заниматься на станціяхъ, по утрамъ и по вечерамъ, дѣлами и корреспонденціею. Политическіе вопросы оставались для нея на первомъ планѣ. Предметы, относившіеся къ управленію и администраціи въ тѣхъ мѣстностяхъ, чрезъ которыя она проѣзжала, восточный вопросъ, ожидаемый рано или поздно разрывъ между Россіею и Турціею и другіе политическіе вопросы не переставали служить предметомъ заботъ Екатерины.

А. Брикнеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

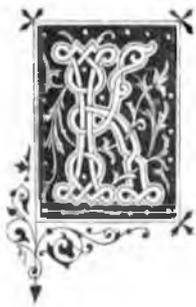

БЫТЬ САПЕРОВЪ 50 ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній генераль-лейтенанта В. Д. Кренке).

1.

АКЪ ВЪ ИСТОРИИ цѣлыхъ государствъ, такъ и въ исторіи отдѣльныхъ учрежденій и частей, поучительный интересъ представляется не въ изложеніи однихъ официальныхъ фактовъ, но въ описаніи внутренняго быта, какъ бы домашней жизни описываемой части. Тогда только для настоящаго времени жизнь дѣдовъ и отцовъ можетъ быть назидательна и послужить указаніемъ, чего слѣдуетъ избѣгать.

Службу свою я началъ въ Гренадерскомъ саперномъ баталіонѣ (нынѣ саперный его императорскаго высочества великаго князя Петра Николаевича баталіонъ), и буду описывать собственно жизнь или бытъ этого баталіона, съ конца двадцатыхъ до начала сороковыхъ годовъ; но всѣ саперные баталіоны были въ такомъ близкомъ сношеніи между собою, что сказанное о Гренадерскомъ саперномъ баталіонѣ почти вполнѣ будетъ примѣнимо и къ другимъ баталіонамъ того же времени.

Послѣ турецкой войны 1828—1829 годовъ, Гренадерскій саперный баталіонъ принималъ участіе въ усмирении польскаго мятежа 1830—1831 годовъ, дѣйствуя въ Литвѣ, и затѣмъ былъ расположенъ въ Курляндской губерніи, въ мѣстечкѣ Иллуштѣ, въ 17-ти верстахъ отъ Динабурга. Баталіонъ, не входя въ составъ бригады,

былъ непосредственно подчиненъ генераль-инспектору по инженерной части, великому князю Михайлу Павловичу. Командиромъ баталіона былъ подполковникъ, впоследствии полковникъ, Ясонъ Ивановичъ Малофѣевъ.

Баталіонъ составлялъ тогда приданое дѣвицъ Волкъ-Ланевскихъ; Малофѣевъ былъ третьимъ наслѣдникомъ. Первымъ былъ Иванъ Ивановичъ Денъ, женившійся на старшей дочери Волкъ-Ланевскихъ; съ производствомъ Дена въ генералы, баталіонъ перешелъ къ Капелю, женившемуся на второй дочери, а Капеля, тоже произведеннаго въ генералы, смѣнилъ Малофѣевъ, женившійся на третьей дочери Волкъ-Ланевскихъ. Преданіе гласило, что Волкъ-Ланевскіе въ то время, въ Рогачевскомъ уѣздѣ, были такіе паны, передъ которыми хлопцы снимали шапки за версту и чуть не падали ницъ; но всѣ три командирши были милыя, кроткія, высокообразованныя женщины и истинно православныя христіанки.

О двухъ своякахъ, предмѣстникахъ Малофѣева, сохранялись въ баталіонѣ изустныя преданія.

Иванъ Ивановичъ Денъ, впоследствии инженеръ, генераль-инспекторъ инженернаго корпуса и членъ государственнаго совѣта, всегда былъ спокойнаго, ровнаго, твердаго характера; онъ держалъ себя самостоятельно даже и передъ такимъ генераль-инспекторомъ, какимъ былъ великій князь Николай Павловичъ. О Деновскомъ времени командованія баталіономъ предавалось много разказовъ, на примѣръ, въ родѣ слѣдующихъ.

На одномъ изъ смотровыхъ ученій, начинавшихся всегда ружейными приѣмами, Николай Павловичъ жестоко распекалъ всѣхъ и каждаго и многихъ офицеровъ приказалъ отправить на гауптвахту, прямо съ учебнаго плаца. Когда кончились ружейные приѣмы и великій князь далъ отдыхъ людямъ, Денъ, обратясь къ баталіону, громко говоритъ: «ребята, не робѣйте, ученье идетъ недурно, только его высочество сегодня не въ духѣ». Великій князь быстро ходилъ передъ фронтомъ и показывалъ видъ, что не слышитъ словъ Дена, а въ концѣ ученья отмѣнилъ офицерскій арестъ.

Въ тѣ времена, при трехшереножномъ строѣ пѣхоты, обращалось большое вниманіе на подборъ людей въ первую шеренгу, особенно на выборъ первыхъ четырехъ человекъ съ праваго фланга, отъ которыхъ зависѣла линія равненія при церемониальномъ маршѣ. Великій князь Николай Павловичъ во всѣхъ саперныхъ баталіонахъ, во всѣхъ ротахъ, зналъ людей, занимавшихъ первые ряды въ первой шеренгѣ. На одномъ изъ смотровъ, замѣтивъ, что четвертымъ стоитъ вмѣсто Михайлы Иванова другой солдатъ, — великій князь спрашиваетъ Дена: «а гдѣ Михайло Ивановъ»? Денъ отвѣчаетъ: «да вѣдь еще не родился другой человекъ, у котораго была бы такая же память, какъ у вашего высочества, я Михайлу-то Иванова вовсе не помню». Великій князь только улыбнулся.

Когда баталіонъ стоялъ въ лагерѣ при крѣпости Бобруйскѣ, неожиданно пріѣхалъ великій князь и назначилъ смотръ. День отвѣчаетъ, что можетъ выставить на смотръ менѣе $\frac{1}{2}$ баталіона, что остальные отправлены на вольныя работы. Великій князь быстро спрашиваетъ: «куда, на какія работы?» День отвѣчаетъ: «въ имѣніе Волкъ-Ланевскихъ, на гонку смолы». Великій князь, всегда обращавшійся къ Дену по имени и отчеству, горячо говоритъ: «и вы, полковникъ, осмѣлились—изъ лагеря отправить на работы къ себѣ, въ имѣніе, болѣе половины баталіона». День спокойно отвѣчаетъ: «не къ себѣ въ имѣніе, у меня имѣнія нѣтъ, а въ то имѣніе, гдѣ хорошо платятъ за работы наличными деньгами; генераль-инспектору извѣстно: три мѣсяца назадъ я доносилъ, что нечѣмъ кормить солдатъ, и просилъ объ отпускѣ какой нибудь суммы, а мнѣ отказали, ссылаясь на то, что его высочество лично изволилъ просить меня не входить съ подобными представленіями; что же мнѣ дѣлать, не держать же солдатъ въ лагерѣ на хлѣбъ и водѣ». Дѣло въ томъ, что великій князь дѣйствительно говорилъ Дену, чтобы избѣгать ходатайства о такихъ денежныхъ выдачахъ, по которымъ его высочество самъ долженъ былъ входить съ представленіемъ къ Аракчееву.

Капель и по познаніямъ, и по способностямъ много уступалъ своимъ своякамъ, и предмѣстнику, и преемнику. Капель былъ педантъ, онъ безпощадно арестовывалъ, опоздаетъ ли офицеръ пятью минутами, или придетъ къ нему пятью минутами ранѣе назначеннаго времени; онъ требовалъ, чтобы у каждаго офицера всегда были при себѣ карандашъ, циркуль и кусокъ бумаги, и при встрѣчѣ съ офицеромъ, гдѣ бы то ни было, хоть въ частномъ домѣ, если обнаружатъ, что у офицера нѣтъ при себѣ этихъ предметовъ, то арестъ былъ неизбѣженъ.

Малофѣевъ командовалъ баталіономъ около 11-ти лѣтъ; онъ не могъ приноровиться къ тогдашнимъ требованіямъ по фронтовой части, и когда баталіонъ, въ 1842 году, былъ переведенъ изъ Илукшты подъ Петербургъ, въ составъ сводной нынѣшней 1-й саперной бригады, Малофѣевъ долженъ былъ оставить баталіонъ и скоро вышелъ въ отставку, успѣвъ, однако, скупить имѣнія, доставшіяся сестрамъ жены его, г-жамъ Денъ и Капель. Не получивъ хорошаго воспитанія въ дѣтствѣ, Малофѣевъ самъ себя образовалъ упорнымъ, постояннымъ чтеніемъ; его природный умъ и блестящая память помогали ему легко осваиваться съ тѣми предметами, о которыхъ смолоду онъ не имѣлъ понятія; онъ скоро сдѣлался въ высшей степени практическимъ человѣкомъ. Онъ хорошо говорилъ, увлекательно рассказывалъ анекдоты, превосходно писалъ, всегда лаконически, но сильно, мѣтко. Великій князь Николай Павловичъ считалъ себя сверстникомъ Малофѣева, зналъ его съ подпоручичьяго чина, а поводомъ къ знакомству послужило инте-

ресное обстоятельство. Малофѣевъ съ дѣтства былъ любитель и знатокъ лошадей, самъ былъ хорошій ѣздокъ и хорошо выѣзжалъ лошадей и подъ верхъ и для упряжи; онъ въ первые годы своего офицерства промышлялъ лошадьми. Узнавъ, что къ сосѣду-помѣщику привели тройку прекрасныхъ заводскихъ лошадей, но такихъ дикихъ и непокладливыхъ, что помѣщикъ не могъ справиться съ ними и хотѣлъ ихъ сбыть, — Малофѣевъ задумалъ купить эту тройку, рублей за 300 ассигнаціями, вышколить ее и тогда продать за двойную или тройную цѣну, но трудно было добыть наличными деньгами 300 рублей, а можетъ быть, и болѣе. Въ это время пріѣхалъ великій князь Николай Павловичъ; Малофѣевъ смѣло идетъ къ великому князю и проситъ въ долъ 350 рублей. Великій князь ахнулъ, что подпоручикъ проситъ такую сумму; Малофѣевъ проситъ хоть 300 рублей, его высочество не хочетъ слышать и о такой суммѣ и говорить, что самое большое можетъ дать 100 рублей. Тогда Малофѣевъ откровенно сказалъ, съ какою цѣлю онъ проситъ деньги, и великій князь безпрекословно и собственноручно выдалъ всѣ 350 рублей. Въ слѣдующій пріѣздъ великаго князя, Малофѣевъ возвратилъ деньги его высочеству. Впослѣдствіи Малофѣевъ, будучи командиромъ баталіона, самъ всегда помогалъ офицерамъ, но съ строгою разборчивостью, одному давалъ 100, 200, даже 300 рублей, а другому 10, даже 5 рублей.

При воцареніи императора Николая, Малофѣевъ былъ только что произведенъ въ штабсъ-капитаны и еще не успѣлъ сдать должность баталіоннаго адъютанта въ Литовскомъ саперномъ баталіонѣ, квартировавшемъ въ царствѣ Польскомъ. Вскорѣ послѣ толковъ о присягѣ императору Константину Павловичу, полученъ былъ весьма нужный конвертъ; баталіоннаго командира не было дома; Малофѣевъ, какъ баталіонный адъютантъ, вскрылъ конвертъ, тамъ повелѣвалось присягать императору Николаю, Малофѣевъ не передалъ въ роты этого приказанія, до возвращенія баталіоннаго командира, который былъ въ отсутствіи два дня, а между тѣмъ двѣ роты, удаленныя отъ баталіоннаго штаба и квартировавшія вблизи другихъ войскъ, присягнули Николаю I, вмѣстѣ съ тѣми войсками. Въ тотъ же день проѣзжалъ по расположенію войскъ какой-то флигель-адъютантъ, чтобы прослѣдить за ходомъ присяги императору Николаю, и донесъ, что въ Литовскомъ саперномъ баталіонѣ присягнули только двѣ роты. Тотчасъ наряжено было слѣдствіе, и Малофѣевъ былъ арестованъ въ крѣпости, въ казематѣ. Арестъ и слѣдствіе продолжались около $\frac{1}{2}$ года. Малофѣевъ былъ оправданъ и освобожденъ. Арестъ этотъ не значился въ послужномъ спискѣ Малофѣева, но когда вышелъ статутъ о пряжкѣ за безпорочную службу и Малофѣевъ былъ представленъ къ этой пряжкѣ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, то императоръ Николай, не смотря на то, что всегда былъ милостивъ и ласковъ къ Малофѣеву, вы-

черкнулъ его изъ представленія къ пряжкѣ. Великій князь вторично представилъ Малофѣева къ пряжкѣ, вмѣсто очередной награды, и тогда пряжка была дана.

При Малофѣевѣ, въ одиннадцатилѣтнее его командованіе баталіономъ, обратилось въ баталіонѣ 60 офицеровъ, при штатѣ всего въ 20 человѣкъ, слѣдовательно обратился тройной комплектъ офицеровъ. Общая линія производства въ чины по всѣмъ сапернымъ баталіонамъ неминуемо влечетъ за собой ежегодные переводы офицеровъ изъ одного баталіона въ другой, для уравненія чиновъ во всѣхъ баталіонахъ; это-то и способствуетъ сближенію всѣхъ саперныхъ баталіоновъ между собою. Въ числѣ 60-ти офицеровъ были: подпоручикъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ, впоследствии извѣстный графъ Тотлебенъ; подпоручикъ Николай Осиповичъ Орловскій, нынѣ генералъ-лейтенантъ, начальникъ 1 саперной бригады.

2.

Главною, или зимнею, резиденціею баталіона было мѣстечко Иллукшта, Курляндской губерніи, назначенное стоянкой саперовъ съ окончанія войны 1812—1814 годовъ, или при началѣ постройки Динабургской крѣпости; оно было какъ бы заповѣднымъ для саперовъ: всѣ старые, николаевскіе саперы перебивали въ немъ. Николай I, будучи императоромъ, въ бесѣдахъ съ саперами, всегда спрашивалъ объ Иллукштѣ. Иллукшта хотя и называлась мѣстечкомъ, но имѣла уѣздъ и уѣздное управленіе, тамъ былъ гауптманъ, съ гауптманскимъ управленіемъ и уѣздный судъ. Въ настоящее время, газетные корреспонденты представляютъ Иллукшту такимъ уголкомъ Курляндіи, гдѣ совершаются наибольшія несправедливости и со стороны помѣщиковъ, и со стороны мѣстной администраціи относительно пользованія землей крестьянами-латышами; въ наше же время этотъ вопросъ не возбуждался и въ этомъ отношеніи все обстояло благополучно.

Иллукшта представляла типъ городковъ въ нашихъ западныхъ губерніяхъ. По срединѣ мѣстечка была грязная площадь, едва просыхавшая среди жаркаго лѣта, на площади былъ униатскій костелъ, обращенный въ описываемое время въ православную церковь, и большой каменный домъ, въ верхнемъ этажѣ котораго помѣщались клубъ, трактиръ и квартира гауптмана, а въ нижнемъ этажѣ лавки, постоянный дворъ и большой кабакъ. На площадь выходили три улицы, главная называлась Динабургскою, на ней былъ большой католическій костелъ. Было и нѣсколько боковыхъ улицъ, нѣкоторыя изъ нихъ назывались «подрезскими», по имени Подреза, владѣльца 30-ти домовъ въ Иллукштѣ. На единственной дочери этого Подреза женился нашъ младшій лекаръ Якимовъ, и Подрезъ надуль Якимова, обѣщавъ дать въ приданое за дочерью пуру

(три четверика) серебряныхъ рублей, а даль всего одинъ гарнецъ, или $\frac{1}{24}$ обѣщаннаго. Жителей въ Иллуштѣ считалось до 4000, половину составляли евреи, а другую половину: польская шляхта, мѣщане, образовавшіеся изъ бывшихъ униатовъ, нѣсколько нѣмцевъ и нѣсколько семействъ русскихъ раскольниковъ.

Иллуштинскіе раскольники представляли особое явленіе; они ужъ и въ наше время замѣтно были цивилизованы; такъ, напримѣръ, въ Иллуштѣ были три купеческія раскольничьи семейства: Ерооея, Леона и Гаврилы; отцы или главы семействъ были старовѣрами вполне, за исключеніемъ того, что позволяли себѣ не только выпить, но и напиться до пьяна, а дѣти ихъ, воспитанныя въ рижскихъ и митавскихъ пансіонахъ, вовсе не походили на раскольниковъ. Въ домѣ старовѣра Гаврилы была квартира Малофѣва, въ домѣ Леона была моя квартира, у Ерооея квартировалъ ближайшій мой товарищъ Александръ Ивановичъ Дроздовскій, умершій, въ 1876 году, въ чинѣ генералъ-маіора. У Леона и Ерооея были хорошенькія взрослыя дочери; отцы старовѣры, очевидно, сбились съ толку; они позволяли дочерямъ своимъ пить чай и танцовать съ офицерами, а когда прекрасная Марфа Леоновна заболѣла горячкою, отецъ ни за что не хотѣлъ допустить доктора, плакалъ съ своей старухой женой надъ умирающею дочерью, а доктора не допускалъ. Когда Марфѣ стало ужъ очень плохо, Леонъ пригласилъ своего духовника, совершенъ былъ ихъ обрядъ надъ умирающей, отецъ и мать простились съ дочерью и оставили ее одну въ комнатѣ, какъ трупъ. Тогда я съ докторомъ Якимовымъ обратились къ отцу и матери и сказали: «вы простились съ дочерью, она для васъ умерла, позвольте намъ теперь попробовать, можетъ быть, мы вылечимъ ее»; родители махнули руками въ знакъ того, что дѣлайте, молъ, что хотите. Якимовъ съ моею помощію облилъ большую ведрою холодной воды; положили ее на диванъ и укутали; она какъ будто бы проговорила что-то, но тотчасъ же опять впала въ забытѣе. Якимовъ говоритъ—«мало одного ведра, окатимте еще двумя ведрами». Окатили и опять укутали, и просто чудо, не прошло и 5-ти минутъ, какъ больная, въ обильной испаринѣ, попросила чаю. Отецъ, успѣвшій выпить, вмѣстѣ съ женой, на колѣняхъ рыдали отъ радости передъ дочерью и передъ нами и дѣловали наши руки и ноги. Марфа скоро выздоровѣла. Объ этихъ трехъ купцахъ ходила молва, что они разбогатѣли не только обманами и воровствомъ, но даже и разбоями; то же говорили и объ остальныхъ раскольничьихъ семействахъ, которыхъ въ уѣздѣ тогда считалось до тридцати.

Иллушта принадлежала витебскому магнату графу Зибергу-Плятеру, но ни самъ Плятеръ и никто изъ его семьи, въ наше время, ни разу не пріѣзжали въ Иллушту. Управляющимъ Иллушты былъ дальній родственникъ Плятера, капитанъ Ден-

гофъ. Этотъ Денгофъ, въ 1812 году, служилъ въ польскихъ войскахъ и былъ ординарцемъ при Наполеонѣ I; въ Бородинскомъ сраженіи ядро оторвало у него ногу, но и на одной ногѣ, съ костылемъ, онъ превосходно плясалъ мазурку, а въ выпивкѣ загонялъ десятки двуногихъ. Гауптманомъ, въ наше время, былъ старый баронъ Таубе, истый нѣмецъ, но какъ служившій въ русской кавалеріи, въ арміи Витгенштейна, онъ передъ нами красовался русскимъ кавалеристомъ. Мы очень часто собирались къ нему по вечерамъ на вистъ, рассчитывались всегда по третямъ года, при полученіи жалованья, и Таубе, вмѣсто того, чтобы собирать жатву съ офицеровъ, самъ приплачивалъ каждую треть, каждому офицеру, по 2, по 5 и даже по 10 рублей.

Уѣзднымъ предводителемъ дворянства, или уѣзднымъ маршаломъ, какъ тогда называли, былъ Яковъ Богдановичъ Энгельгардтъ, отставной лейбъ-гусарь; онъ и оставался гусаромъ, безъ примѣси баронскаго чванства. Первое знакомство офицеровъ съ помѣщиками завязывалось очень медленно; помѣщики приглашали къ себѣ только офицеровъ съ баронскимъ титуломъ, или, по крайней мѣрѣ, такихъ, при фамиліи которыхъ была частица фонъ, но когда саперы устроили танцевальныя собранія въ Иллуштѣ и помѣщичьи семья увидѣли, что танцующими кавалерами были по преимуществу саперы, то полное знакомство съ уѣздомъ скоро водворилось.

Въ Иллуштѣ помѣщался баталіонный штабъ: командиръ баталіона, младшій штабъ-офицеръ, адъютантъ, казначей, два медика, аудиторъ, фурштадтскій офицеръ и два офицера, обучающіе баталіонную школу. Роты располагались въ уѣздѣ; ротные дворы отстояли отъ Иллушты на 7, 15, 30 и 40 верстъ. Раіоны расположенія ротъ были очень обширны; на каждую роту, въ 250 человекъ, назначалось отъ 700 до 1000 дворовъ, такъ что на каждого солдата полагалось отъ 3 до 4 домохозяевъ. Тогда, при расположеніи войскъ на зимнихъ квартирахъ, солдатамъ выдавался только паекъ, т. е. мука и крупа, а весь приварокъ должны были доставлять жители, и солдатъ входилъ въ соглашеніе съ указанными для его прокормленія 3—4 хозяевами, переходить ли ему по очереди отъ одного хозяина къ другому, или онъ будетъ жить постоянно у одного, а другіе будутъ помогать въ продовольствіи, принося провізію: картофель, сало, масло, соль, капусту и проч. Квартиры для ротныхъ командировъ и для офицеровъ, при ротяхъ состоявшихъ, отводились въ помѣщичьихъ строеніяхъ, обыкновенно въ тѣхъ фольваркахъ, гдѣ сами помѣщики не жили. Ротные раіоны дѣлились на 4 отдѣленія, или капральства; капральные унтеръ-офицеры тогда пользовались большимъ почетомъ и въ баталіонѣ, и между окрестными жителями. Нижніе чины баталіоннаго штаба: писаря, фельдшера, лазаретные служители, всѣ мастеровые, фурштадты и ученики баталіонной школы—имѣли квар-

тиры въ Иллуштѣ, но приваркомъ довольствовались отъ ближайшихъ окрестныхъ жителей, и на каждаго штабнаго нижняго чина также назначались 3—4 хозяева, которые доставляли провизию въ Иллушту, а варкою распоряжались или сами солдаты, или передавали ее квартирнымъ хозяевамъ. Впродолженіе зимы въ Иллушту приходили роты по очереди, для содержанія караула. Дѣйствительно, приходили ротные командиры съ офицерами, и по очереди, по два капральства изъ роты, остальные два капральства оставались на широкихъ квартирахъ. Это дѣлалось для экономіи, потому что капральныя части, по тогдашнимъ правиламъ, слѣдовало кормить изъ своего котла, а для содержанія караула въ Иллуштѣ достаточно было и половины тогдашней роты.

Въ Иллуштѣ квартиры для офицеровъ и для хозяйственныхъ баталіонныхъ заведеній нанимались. Въ первый годъ вступленія баталіона въ Иллушту былъ подрядчикъ, но со стороны баталіона заявлялись такія требованія, что подрядчикъ потерпѣлъ убытокъ и отказался; тогда митавское губернское управленіе предложило Малофѣеву самому взять на себя наемъ квартиръ за ту же сумму, которая уплачивалась подрядчику, т. е. за 1,200 рублей серебромъ въ годъ. Малофѣевъ согласился, пререканія прекратились, и онъ изъ этой суммы ежегодно соблюдалъ экономію отъ 300 до 400 рублей. Всѣ субалтернъ-офицеры должны были находиться при своихъ ротахъ, Малофѣевъ позволялъ имъ жить въ Иллуштѣ, но квартиру не давалъ, они ютились съ штабными офицерами.

На лѣто баталіонъ собирался въ лагерь подъ Динабургъ. Лагерная стоянка продолжалась пять мѣсяцевъ, съ 1-го мая до конца сентября. Лагерь былъ старинный, барачный, по преданію, называвшійся николаевскимъ; онъ построенъ въ то время, когда Николай I былъ генераль-инспекторомъ. Всѣ лагерныя линейки были снабжены тополями; они прекрасно разрослись, составляли тѣнистыя алеи и придавали лагерю пріятный, оживляющій видъ. Лагерь былъ общій, для сапернаго баталіона и пѣхотной дивизіи; саперный лагерь былъ на правомъ флангѣ и примыкалъ къ правому берегу Западной Двины; лагерь былъ расположенъ ниже крѣпости по теченію рѣки, въ одной верстѣ отъ крѣпости, въ направленіи почти перпендикулярномъ къ рѣкѣ. На каждую роту было два большихъ солдатскихъ и два малыхъ офицерскихъ бараконъ; кромѣ того, отдѣльные бараки баталіонному командиру, младшему штабъ-офицеру, адъютанту и казначею. Къ саперному лагерю принадлежалъ еще большой баракъ, выстроенный въ старые годы для начальника динабургскаго отряда; но такъ какъ Малофѣевъ жилъ на своей дачѣ при самомъ лагерѣ, то большой баракъ онъ отдалъ адъютанту, Николаю Степановичу Рындину, раненому впоследствии на Кавказѣ пулею въ грудь навывлетъ и скоро отъ того умершему. Рындинъ развелъ кругомъ барака прелестный цвѣтникъ

а смѣнившій Рындина въ должности адъютанта В. Кренке под-держивалъ цвѣтникъ; садовниками были свои солдаты. Лучшіе букеты изъ живыхъ цвѣтовъ, получаемые динабургскими красавицами, шли изъ этого цвѣтника. Кругомъ всѣхъ офицерскихъ бараконъ были также небольшіе цвѣтники, да и возлѣ солдатскихъ бараконъ разводились цвѣты.

Разскажу сперва тогдашнія служебныя, зимнія и лѣтнія, занятія саперовъ, а потомъ ихъ частную или домашнюю жизнь.

3.

Зимнимъ временемъ считалось полугодіе, отъ конца сентября до конца марта. Въ это полугодіе, по совѣсти можно сказать, что ни офицеры, ни строевые нижніе чины почти не имѣли никакихъ служебныхъ занятій.

Изъ офицеровъ должностные: адъютантъ, казначей, два офицера, обучающіе баталіонную школу, были заняты по нѣскольку часовъ въ день, но субалтернъ-офицеры только дежурили по баталіону; дежурство состояло въ томъ, чтобы два раза въ день, утромъ и вечеромъ, явиться къ баталіонному командиру съ рапортомъ и весь день ходить въ киверѣ, при полусаблѣ и шарфѣ; дежурной комнаты, или постояннаго мѣстопробыванія, для дежурнаго офицера не было. Адъютантъ также являлся къ Малофѣеву два раза въ день, утромъ и вечеромъ, а казначей разъ въ день, утромъ. Малофѣевъ былъ хорошій хозяинъ; при немъ казначей вѣдалъ только письменную часть, а исполнительную велъ самъ Малофѣевъ. Мастерскія содержались въ отличномъ порядкѣ, и были превосходные мастеровые, въ двойномъ числѣ и болѣе, противъ штата; вся мебель и экипажи для Малофѣева приготавливались въ своихъ мастерскихъ. Мастеровые зарабатывали большія деньги отъ частныхъ заказовъ; субботы и всѣ праздники отдавались въ ихъ личное пользованіе, но за то они проходили суровую школу; Малофѣевъ каждый день кого нибудь изъ нихъ жестоко поролъ за малѣйшія промахи въ работѣ.

Въ караульныхъ частяхъ въ Иллуштѣ люди, свободные отъ должности, собирались на одиночное ученье по корчмамъ. Эти ученья производились исключительно унтеръ-офицерами, ротные командиры не заглядывали на нихъ, а офицеры и не обязаны были являться. Считалось, что въ ротахъ, расположенныхъ на широкихъ квартирахъ, въ продолженіе всей зимы производились одиночныя ученья, а въ дѣйствительности капральные унтеръ-офицеры, когда имъ вздумается, собирали человекъ по 10-ти въ ближайшія корчмы; одиночное ученье въ нихъ зачастую обращалось въ попойку и разгулъ. Офицеры не касались до этихъ ученій, да офицеры и не

были при ротахъ; ротные же командиры, если и объѣзжали капральства, то очень рѣдко, а баталіонный командиръ въ 10 лѣтъ пребыванія въ Иллукштѣ положительно ни разу не объѣзжалъ роты. Въ самой же Иллукштѣ Малофѣевъ ежедневно обходилъ всѣ мастерскія, часто бывалъ въ лазаретѣ, а въ школы не заглядывалъ: это относилось къ обязанности младшаго штабъ-офицера.

Къ зимнимъ служебнымъ офицерскимъ занятіямъ слѣдуетъ причислить нерѣдкое назначеніе офицеровъ депутатами съ военной стороны въ гражданскія слѣдственныя и ссудныя комиссіи, когда въ уголовныхъ дѣлахъ были замѣшаны нижніе воинскіе чины; въ самомъ баталіонѣ часто составлялись слѣдственныя и военно-ссудныя комиссіи, и въ тридцатыхъ годахъ часто посылались офицеры съ командами нижнихъ чиновъ для поимки разбойниковъ. Собственно о разбояхъ или объ убійствахъ рѣдко слышалось, но грабежи, совершаемые цѣлыми шайками вооруженныхъ людей, часто повторялись. Уголь Иллукштинскаго уѣзда, врѣзывавшійся въ Динабургскій и Новоалександровскій уѣзды, помогалъ укрывательству грабителей; шайки воровъ доставляли хорошій доходъ тогдашнимъ исправникамъ и ниже-земскимъ судамъ. Захватить шайку въ ея притонѣ было очень трудно: шайка всегда предупреждалась, откуда и въ какомъ числѣ идетъ команда для ея захвата; эти шайки располагались не въ лѣсныхъ трущобахъ, а вблизи дорогъ въ разныхъ нежилыхъ зданіяхъ; онѣ всегда успѣвали переходить небольшія разстоянія изъ одного уѣзда въ другой, покуда о поимкѣ ихъ велась переписка между тремя исправниками трехъ разныхъ губерній.

Между воровскими шайками того времени славилась одна, коноводомъ, или атаманомъ, которой былъ Тришка, личность замѣчательная. Рассказывали, что онъ бѣглый дворовый человекъ или лакей князя Паскевича; онъ былъ ловкій, свѣтскій господинъ, хорошій танцоръ, достаточно начитанъ, хорошо говорилъ, зналъ немного французскій и нѣмецкій языки; чѣмъ онъ кончилъ поприще свое—неизвѣстно; онъ не только никогда не грабилъ бѣдныхъ людей, но часто помогалъ имъ, и отъ богатыхъ не отнималъ всего ихъ достоянія; никогда никого не убивалъ и не истязалъ. О похищеніяхъ его существовало множество рассказовъ; приведу нѣкоторые изъ нихъ.

Въ одинъ изъ тридцатыхъ годовъ, извѣстная танцовщица Тальони (недавно умершая, на 82 году жизни) весною возвращалась изъ Петербурга домой. На динабургскомъ шоссе большая карета Тальони, навьюченная чемоданами и вазами, везомая шестью почтовыми лошадьми, была остановлена шайкою Тришки. На почтовой станціи Тальони была предупреждена, что на дорогѣ бродятъ агенты Тришки; ей совѣтовали быть смѣлѣе. Тришка, отворивъ дверцы кареты и видя сидящихъ тамъ трехъ женщинъ, спрашиваетъ, съ кѣмъ онъ

имѣть честь встрѣтиться. Тальони смѣло отвѣчаетъ: «я танцовщица Тальони, а это мои спутницы». Тришка говоритъ: — «вотъ какъ судьба играетъ людьми, въ Петербургѣ мнѣ не удалось видѣть васъ танцующею, а здѣсь привелъ Богъ встрѣтиться, ну, выбирайте любое, или потѣшите меня и моихъ товарищей, попляшите здѣсь на дорогѣ, или идите обратно на станцію гѣшкомъ со своими спутницами, а карета ваша со всѣмъ багажемъ будетъ нашимъ достояніемъ». Тальони возражала, что на дорогѣ такъ грязно, что танцовать невозможно. Тришка ей отвѣчалъ: — «этому горю можно пособить, въ вашемъ багажѣ найдутся ковры, а мои молодцы ихъ разстелятъ», — и Тальони плясала на шоссе.

На границѣ Илукштинскаго уѣзда, кажется, съ Ковенской губерніей, жилъ пасторъ или землевладѣлецъ Вальтеръ, считавшійся человѣкомъ денежнымъ. Вальтеръ, получивъ извѣстіе, что въ такомъ-то мѣстѣ показалась шайка Тришки, просилъ полицію охранить его воинскою командою. Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ къ Вальтеру офицеръ, въ формѣ пѣхотнаго полка, вблизи расположеннаго, съ тремя вооруженными солдатами, на казенной тройкѣ лошадей. Были сумерки; офицеръ говоритъ Вальтеру: «вы просили охрану, я пріѣхалъ впередъ, команда моя еще верстахъ въ 12-ти отсюда, но мы по дорогѣ разспрашивали всѣхъ и каждого о шайкѣ Тришки, и никто ничего не знаетъ». Вальтеръ отвѣчалъ, что шайка Тришки появилась въ противоположной сторонѣ и, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, она ужъ очень недалеко отсюда. Офицеръ успокоиваетъ Вальтера, что команда его подойдет не позже, какъ черезъ 1½ часа, а до того времени, если бы показался Тришка, онъ надѣется удержаться и съ тремя солдатами, съ нимъ прибывшими. По желанію офицера, Вальтеръ показалъ ему расположеніе своего дома и комнату, которая требуетъ особой охраны, и особенно помѣщавшійся тамъ ящикъ. Офицеръ поставилъ часоваго къ этой комнатѣ и часовыхъ къ двумъ входамъ, изнутри дома, чтобы снаружи ихъ не было видно. Когда все было исполнено, офицеръ, снимая съ себя форменную одежду, говоритъ Вальтеру, что теперь пора рекомендоваться настоящимъ своимъ именемъ, что онъ то и есть самъ Тришка. Вальтеръ какъ бы онѣмѣлъ; Тришка успокоивалъ его, что ему ничего дурнаго не будетъ сдѣлано, и просилъ, чтобы Вальтеръ сказалъ правду, что именно хранится въ ящикѣ, о которомъ онъ болѣе всего заботился. Вальтеръ отвѣчалъ, что тамъ лежатъ разныя серебряныя вещи и наличными деньгами около 4,000 серебряныхъ рублей. Тришка попросилъ ужинъ себѣ и своимъ товарищамъ и, прощаясь съ Вальтеромъ, сказалъ, что изъ вещей онъ ничего не возьметъ, а изъ наличныхъ денегъ 2,000 рублей ему принадлежать по праву, и спокойно удалился.

Жена бывшаго витебскаго генераль-губернатора была женщина

набожная и принимала у себя странствующих монаховъ и монахинь, чего мужъ больно не долюблявалъ. Эти странники никогда не допускались къ столу генераль-губернатора, но разъ появился такой порядочный монахъ, возвращавшійся изъ путешествія къ святымъ мѣстамъ и до того заинтересовавшій генераль-губернаторшу своими разсказами о святыхъ мѣстахъ и о похожденияхъ своихъ на пути туда и обратно, что она упросила мужа принять его за общій столъ. И мужу понравился монахъ, видимо, человѣкъ бывалый, многое видѣвшій. Послѣ обѣда монахъ торопился откланяться, генераль-губернаторъ провожалъ его до передней и самъ просилъ его побывать еще разъ, если это ему будетъ удобно. Выйдя на улицу, монахъ тотчасъ позвонилъ у подъѣзда и сказалъ швейцару, что генераль-губернаторъ проситъ доставить ему одну записку, между тѣмъ какъ онъ, монахъ, думалъ, что этой записки не было при немъ, а теперь нашелъ въ подрясникѣ, почему онъ проситъ передать ее, а самъ исчезъ. Въ запискѣ было сказано: «Генераль-губернаторъ въ строгомъ циркулярѣ городскимъ и земскимъ полиціямъ объявилъ, что если гдѣ либо покажется Тришка и не будетъ схваченъ, то полицейскіе чиновники тѣхъ мѣстъ будутъ отрѣшены отъ должностей. Что же сдѣлать съ самимъ генераль-губернаторомъ, который угощалъ Тришку за своимъ столомъ?»

По тогдашнимъ правиламъ, команда, посланная для поимки разбойниковъ, могла перейти въ другой уѣздъ только при преслѣдованіи шайки, когда шайка была въ виду, но розыскивать ее въ другомъ уѣздѣ безъ особаго приказанія нельзя было. Саперы, при всемъ желаніи, ни разу не могли захватить ни одной шайки, а были очень близки къ тому.

Поручивъ Ганъ, посланный съ командою въ 30 человѣкъ, отправился какъ бы съ военными предосторожностями; вмѣсто разѣздовъ посланы были впередъ, по разнымъ направленіямъ, нѣсколько саперовъ, одѣтыхъ крестьянами; они повели Гана на мѣсто ночлега шайки, это было въ 7-ми верстахъ отъ Динабурга, въ 3-хъ верстахъ отъ селенія Гривки, на кирпичномъ заводѣ, но шайка, всетаки, успѣла уйти, хотя ушла и весьма поспѣшно, оставивъ на мѣстѣ принадлежности для варки пищи и для ночлега, много одѣялъ, тулуповъ, кафтановъ и проч.

Прапорщикъ Дроздовскій трое сутокъ преслѣдовалъ одну шайку и въ предѣлахъ Новоалександровскаго уѣзда успѣлъ настигнуть только обозъ этой шайки, изъ двухъ подводъ, съ награбленными вещами и при нихъ двухъ человѣкъ изъ шайки, съ разбитыми ногами.

4.

Лѣтнимъ служебнымъ временемъ считалось также полугодіе, съ 1-го апрѣля до конца сентября; лагерь начинался съ 1-го мая, но

за мѣсяць передъ тѣмъ, къ 1-му апрѣля, баталіонъ собирался въ Иллукшту, на такъ называемыя тѣсныя квартиры. Офицеры любили апрѣль; Иллукшта нѣсколько оживлялась, еженедѣльные воскресные базары, или кирмажи, становились многолюднѣе, костелы также наполнялись народомъ, но для солдатъ апрѣль былъ нелюбимымъ мѣсяцемъ въ году; они были дурно размѣщены по сараямъ, а въ апрѣлѣ бывало еще очень холодно; солдаты тосковали, разлучась съ пріятельницами своими на квартирахъ, а самое главное— послѣ полугодоваго отдыха наставало время тяжелыхъ ученій и жестокихъ побоевъ.

Порядокъ службы, разъ установленный, тянулся изъ года въ годъ, безъ малѣйшей перемѣны. Въ апрѣлѣ, на тѣсныхъ квартирахъ производились только ротныя ученія, два раза въ день, утромъ часа три—четыре, вечеромъ два часа. Ученье начиналось разведеніемъ роты по шеренгамъ, покоемъ; каждую шеренгу обучалъ унтеръ-офицеръ; въ концѣ ученія рота сводилась, командовалъ ротой фельдфебель, а ротный командиръ только присутствовалъ при ученіи. Всѣ офицеры также должны были находиться при ротахъ, но ни одинъ ничѣмъ не командовалъ; къ офицерамъ тогда вполнѣ примѣнялась поговорка: «дѣла не дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай». Ротные командиры выходили на ученіе съ трубками, но офицеры не имѣли права брать съ собой трубки; папирсъ тогда еще не существовало. Малофѣевъ никогда не заглядывалъ на ротныя ученія, и были примѣры безобразничанья ротныхъ командировъ; такъ Карabanовъ выходилъ на ученіе въ архалукѣ, а въ жаркое время въ халатѣ на распашку. При слѣдованіи роты на ученіе за нею шли ефрейторы съ огромными вязками розогъ, или, вѣрнѣе, ивовыхъ прутьевъ, называемыхъ, по уставу Петра Великаго, шницрутенами. Во время самаго ученія сѣкли цѣлыми десятками, иному втеченіе одного и того же ученія доставалось по два раза; ни одинъ рядовой, ни одинъ унтеръ-офицеръ не могъ ручаться за то, что на ученіи не будетъ жестоко избито. Ротный командиръ достоинство свое находилъ въ жестокомъ наказываніи солдатъ, и только позднѣе молодые ротные командиры стали снисходительнѣе. Ручные побои сыпались градомъ и на рядовыхъ, и на унтеръ-офицеровъ, и на фельдфебеля.

Молодые офицеры возмущались, попавъ впервые на зрѣлище истязанія людей, а молодежи тогда въ баталіонѣ было много: Вязюкинъ, Тудерусъ, Микулинъ, Гласко, Дроздовскій, Лопатинъ, два Кренке, Гильдебрандтъ, Родичевъ, Мергасовъ, Володкевичъ, Фитингофъ-Шель, и молодежь рѣшилась составить оппозицію ротнымъ командирамъ: Карabanову, Косоротову и особенно Огіевскому. Прапорщичья оппозиція того времени была очень скромная: вечеромъ, въ частномъ собраніи, на квартирѣ одного изъ офицеровъ, молодежь заявила капитанамъ, что она будетъ буквально исполнять

законъ Петра Великаго. Добыли уставъ Петра Великаго, отъ 30 марта 1716 года, изданія 1826 года, и со страницы 352 было громко прочитано: «Прапорщику подобаетъ великую любовь къ солдатамъ имѣть; и егда они въ наказаніе впадутъ, тогда ему объ нихъ бить челомъ вольно». Капитаны смѣялись, обратили въ шутку прапорщичье заявленіе и продолжали учить солдатъ по своей системѣ. Тогда, при новомъ частномъ собраніи, прапорщики воспользовались присутствіемъ среднихъ офицеровъ, поручиковъ Рындина, Базилевскаго, Гана и особенно присутствіемъ младшаго штабъ-офицера, подполковника Максима Ивановича Юста, и заявили ротнымъ командирамъ, что они, дѣйствуя по уставу, при наказаніи нижнихъ чиновъ, будутъ громко, передъ фронтомъ, ходатайствовать за нихъ. Юстъ принялъ сторону прапорщиковъ и прибавилъ, что публичное наказаніе солдатъ на ученьѣ, въ Иллукштѣ, есть двойное наказаніе— и физическое, и нравственное; на ученьяхъ обыкновенно собирается много зрителей и зрительницъ, изъ мѣстныхъ жителей; всѣ они знакомы съ солдатами, и наказываемый солдатъ долженъ переносить позоръ на глазахъ своихъ знакомыхъ. Капитаны поудерживались бить солдатъ во время самаго ученья и наверстывали это тѣмъ, что послѣ ученья выстраивали роту передъ кухнею и пороли разомъ до 20 человекъ.

Лагерная служба, постоянно изъ года въ годъ, дѣлилась на три періода: строевыя ученья, крѣпостныя работы и практическія саперныя работы.

Строевыя ученья производились въ первый мѣсяцъ по вступленіи въ лагерь, и май былъ тяжелѣйшимъ мѣсяцемъ въ году и для офицеровъ, и для солдатъ. Въ первую недѣлю, по утрамъ, производились ротныя ученья, въ томъ же духѣ, какъ и на тѣсныхъ квартирахъ, въ Иллукштѣ, а послѣ обѣда, ровно два часа времени, младшій штабъ-офицеръ производилъ 8-мирядное офицерское ученье; ротные командиры въ это время должны были заниматься одиночнымъ ученьемъ съ остальными людьми.

Затѣмъ три недѣли, ежедневно по утрамъ, производились ужасныя Малофѣевскія баталіонныя ученья. Эти ученья продолжались не менѣе 6 часовъ, съ 4 до 10-ти, и нерѣдко затягивались до 10^{1/2} часовъ. Солдаты на эти ученья выходили всегда въ полной амуниціи, въ ранцахъ и въ киверахъ, а черезъ день и со скатанными шинелями, съ полнымъ положеніемъ въ ранцахъ и съ шанцовымъ инструментомъ.

Ученье сопровождалось Малофѣевскою поркою; казалось, Малофѣевъ хотѣлъ служить примѣромъ ротнымъ командирамъ и всѣмъ офицерамъ, какъ надобно пороть солдата. За малѣйшую ошибку онъ давалъ не менѣе 100 ударовъ палками, а случалось и 200, и 300; несчастныхъ жертвъ каждаго ученья надобно было считать десятками. Если бы еще Малофѣевъ наказывалъ дѣйствительно

виновныхъ, то можно было бы хоть сколько нибудь снисходить къ духу времени, но обидно было то, что Малофѣевъ, не понимая фронта, никогда не умѣлъ опредѣлить причину или начало ошибки, набрасывался на людей, попадавшихся ему на глаза, и жестоко казнилъ совершенно неповинныхъ. Въ жаркіе дни отъ Малофѣевскихъ учений всѣ солдаты и офицеры были не только въ поту, но, право, въ пѣні, уставали такъ, что едва волочили ноги; съ многими дѣлалось дурно, многихъ выносили изъ строя; съ офицерами также дѣлались обмороки, особенно въ концѣ ученья, когда усталые слышатъ крики и стоны людей, казнимыхъ Малофѣевымъ. Нѣкоторые возгласы или молебны, обращаемые къ Малофѣеву истязаемыми солдатами, дѣйствительно раздирали душу; напримѣръ, солдатъ, съ обнаженною, окровавленною спиной, жалобнымъ голосомъ вопилъ: «Батюшка! Ясонъ Ивановичъ! Пощади! Ты, отецъ, ради дѣтокъ своихъ, пощади, Богъ помилуетъ дѣтей твоихъ» и проч., но Малофѣевъ оставался невозмутимъ.

Послѣ ученья тотчасъ обѣдали, и весь лагерь спалъ мертвымъ сномъ. Къ 5-ти часамъ вечера выходили на второе ученье, на стрѣлковое, или на церемоніальный маршъ. Эти ученья продолжались два часа и производились младшимъ штабъ-офицеромъ.

Ненастная погода избавляла отъ ученья, и можно вообразить радость и офицеровъ, и солдатъ, когда съ утра начинался дождь, и ученье отменялось. Солдатики составили пѣсню, начинавшуюся такъ:

«Начинается наше счастье—
Поднимается ненастье».

Для молодыхъ офицеровъ, сокрушавшихся о такомъ жестокомъ обращеніи съ солдатами, слабымъ утѣшеніемъ служило то, что въ сосѣдней армейской дивизіи съ солдатами обращались еще хуже; тамъ младшіе офицеры и большинство ротныхъ командировъ, произведенные изъ унтеръ-офицеровъ, были дикими звѣрями, и солдатъ тамъ кормили помоями въ сравненіи съ прекрасными саперными щами. Надобно отдать справедливость Малофѣеву, онъ заглядывалъ на солдатскія кухни и, если попадетъ на дурную пищу, то такую задасть порку и фельдфебелю, и артельщику, и кашевару, что эти чины только и заботились о томъ, чтобы въ ихъ ротѣ пища была лучше другихъ ротъ, и соревнованіе между ротами въ этомъ отношеніи было развито въ высшей степени.

5.

Въ 30-хъ годахъ, для сокращенія расходовъ по постройкѣ Динабургской крѣпости, войска, стояція лагеремъ при этой крѣпости, обязаны были высылать солдатъ на валовую, крѣпостную и земля-

ную работу. Гренадерскій саперный баталіонъ долженъ былъ выставлять по 150 человекъ втеченіе 100 дней, или въ тѣмъ выставить 15,000 рабочихъ, причемъ, по соглашенію съ строителемъ крѣпости, дозволялось выставлять по 300 человекъ втеченіе 50-ти дней, даже по 600 человекъ втеченіе 25 дней. Малофѣевъ всегда входилъ въ такое соглашеніе, чтобы баталіонъ, въ іюнь, сряду 25 дней, выставлялъ по 600 человекъ. Это-то время и называлось крѣпостными работами; оно было отдыхомъ для офицеровъ, и для солдатъ было гораздо легче строевыхъ учений. Поденная плата назначалась по 12¹/₂ коп. ассигнаціями, или по 3³/₈ коп. серебромъ; за 15,000 рабочихъ причиталось 1,875 рублей ассигнаціями, что, по тогдашнему курсу, составляло 525 рублей серебромъ. Деньги полностью поступали въ харчевыя ротныя суммы.

Работа давалась въ уроки; привычныя саперныя артели брали урокъ на недѣлю и оканчивали его въ четыре дня; въ остальные два дня недѣли работали, какъ вольнонаемныя рабочіе, и деньги получали на руки; или инженеры ставили саперъ на плакировку крутостей безъ урока и, сверхъ поденной платы, платили отъ себя еще по 3³/₈ коп. въ день на челобѣка, и эти вторыя суточные деньги шли на руки саперамъ. Офицеры наряжались дежурными по работамъ; обязанность ихъ заключалась въ повѣркѣ уроковъ, назначаемыхъ инженерами; тутъ часто были пререканія между саперными и инженерными офицерами, что очень не нравилось тогдашнимъ динабургскимъ инженернымъ тузамъ: Ярмерштедту, Клименко, Жеванову и Грунту. Пѣхотныхъ же солдатъ инженеры положительно обмѣривали, давали работу всегда по кривымъ линиямъ, пользуясь тѣмъ, что армейскіе офицеры не могли вычислить уроковъ; саперные офицеры часто заступались и за пѣхотныхъ солдатъ.

Послѣ крѣпостныхъ работъ опять производились втеченіе одной недѣли строевыя ученья: два дня одиночное, два дня ротное и два дня баталіонное, и затѣмъ не менѣе 2¹/₂ мѣсяцевъ производились практическія саперныя работы.

Неспособность Малофѣева вести баталіонъ по фронтовой части вполне вознаграждалась его умѣніемъ, его тактомъ въ расположеніи и веденіи практическихъ работъ. Баталіонъ, по саперной части, при Малофѣевѣ стоялъ высоко; минеры пользовались такою извѣстностью, что не только начальникъ инженеровъ тогдашней дѣйствующей арміи, Денъ, присылалъ особыя команды изъ варшавской саперной бригады учиться веденію минъ въ Гренадерскомъ саперномъ баталіонѣ, но и прусскій король интересовался минными работами въ баталіонѣ.

Прусскіе минеры усомнились въ успѣхѣ нашихъ минныхъ работъ и представили королю записку, въ которой говорилось, что одинъ человекъ, работая открыто, не можетъ вырыть въ сутки

столько земли, сколько русскіе минеры отрывають ее изъ минъ. Король передалъ эту записку нашему государю, и Николай I приказалъ произвести самыя точныя опыты. Тогда Малофѣевъ доказалъ, что одна лопата можетъ отрыть въ сутки втрое болѣе земли, чѣмъ показано въ прусской запискѣ. Люди часто смѣялись, а лопата работала безъ перерыва.

Малофѣевъ самъ составлялъ проекты работъ, самъ дѣлилъ работы на роты и на участки. Каждому офицеру давался участокъ и въ сапныхъ, и въ минныхъ работахъ, и каждому еще отдѣльное порученіе: построить батарею, траншейный кавальеръ, тогда еще бывшій въ употребленіи; спускъ въ ровъ, отдѣльный мостъ, переходъ черезъ сухой или водяной ровъ и проч. Всѣ были заинтересованы дѣломъ; присутствіе офицера на работахъ обратилось въ привычку, въ законъ, передавалось отъ старшаго офицера къ младшему; самъ Малофѣевъ являлся на работы по нѣскольку разъ въ день, въ неопредѣленное время. Для общаго надзора за работами ежедневно наряжались два дежурныхъ офицера: одинъ дневной, другой ночной. Самая мелочная надобность была уважаема, когда офицеръ просилъ увольненія отъ строеваго ученія или съ дежурства по баталіону, но и важное семейное обстоятельство не давало права офицеру просить увольненія съ производимой имъ работы или съ дежурства по работамъ; помѣняться днями дежурства по баталіону дозволялось безпрекословно, мѣна же дней дежурства по работамъ ни въ какомъ случаѣ не допускалась; адъютантъ и казначей также имѣли участки на работахъ. Самовольная отлучка съ работы, неявка или запаздываніе на работу считались криминаломъ не только въ глазахъ Малофѣева, но и въ глазахъ всего общества офицеровъ. Если офицеръ заснетъ на дежурствѣ по работамъ, то, кромѣ взысканія отъ Малофѣева, подвергался еще насмѣшкамъ отъ товарищей. Старые, почтенные унтеръ-офицеры, зная это, оберегали молодыхъ офицеровъ; были такіе примѣры: молодой прапорщикъ Гласко заснулъ на дежурствѣ, унтеръ-офицеръ будить его и говорить, что рамы въ галереѣ трещать, какъ бы бѣды не нажить; этимъ такъ напугалъ Гласко, что тому было ужъ не до сна, и это было сочинено. Другой унтеръ-офицеръ разбудилъ подпоручика Жембровскаго и сочинилъ, что траншейный кавальеръ покосился, придетъ, молъ, полковникъ, — бѣда будетъ; Жембровскій, понято, живо встрепенулся.

Каждый офицеръ обязанъ былъ составить чертежъ и вести журналъ своей работы, потомъ составить описаніе работы, все это представить Малофѣеву черезъ младшаго штабъ-офицера. Малофѣевъ часто давалъ офицерамъ задачи для словеснаго или письменнаго рѣшенія, когда еще и помину не было объ общихъ письменныхъ рѣшеніяхъ задачъ въ инженерномъ корпусѣ; при встрѣчѣ съ офицеромъ на прогулкѣ въ загородныхъ мѣстахъ останавли-

вался и предлагалъ вопросъ, какъ укрѣпить это мѣсто при такихъ-то предположеніяхъ.

Ночныя работы иногда освѣщались фейерверками, которые готовились въ баталіонѣ, безъ помощи артиллеристовъ; капитанъ Огіевскій былъ главнымъ лаборантомъ.

Матеріалъ для работъ всегда былъ въ изобиліи. Малофѣевъ умѣлъ добывать бревна и хворостъ почти даромъ, посылая команды по Двинѣ выше лагеря версты за 30 и сплавливая лѣсъ по рѣкѣ.

Практическія работы обыкновенно прерывались дней на 10 и болѣе приготовленіемъ къ инспекторскому смотру и самимъ смотрѣмъ, производимымъ или начальникомъ штаба инженернаго корпуса, генералъ-адъютантомъ Геруа, или другимъ сапернымъ генераломъ, по назначенію великаго князя.

1841-й годъ былъ послѣднимъ годомъ расположенія баталіона въ Иллухитѣ и въ лагерѣ подъ Динабургомъ. Весною 1842 года, баталіонъ перешелъ къ Петербургу и расположился лагеремъ при деревнѣ Тентелевой, вмѣстѣ съ л.-гв. сапернымъ и бывшимъ учебнымъ баталіонами. Въ 1842 году, Малофѣевъ уже несамостоятельно распоряжался практическими работами, но опыты 1842 года представляютъ особый интересъ и заслуживаютъ того, чтобы о нихъ сказать нѣсколько словъ.

Бывшій начальникъ инженеровъ гвардейскаго корпуса, генералъ-адъютантъ Шильдеръ, уже нѣсколько лѣтъ занимался сверленіемъ трубъ изъ минныхъ галерей, особымъ сверломъ, имъ же придуманнымъ, и опытами надъ конгревовыми или фугасными ракетами. Въ 1841 году, Шильдеръ составилъ цѣлую систему обороны крѣпости трубами и ракетами. Узнавъ о прибытіи въ Петербургъ Гренадерскаго сапернаго баталіона, съ его прославленными минерами, Шильдеръ задумалъ произвести, въ 1842 году, опыты надъ трубною системою въ обширномъ размѣрѣ, предположенія свои лично доложилъ государю, и Николай I, всегда сочувствуя инженерному дѣлу, утвердилъ всѣ предположенія Шильдера.

Вызванъ былъ изъ Варшавы начальникъ инженеровъ Денъ председателемъ комитета посредниковъ, членами комитета были назначены: начальникъ штаба, генералъ-адъютантъ Геруа, председатель инженернаго ученаго комитета, генералъ-лейтенантъ Трувсонъ, директоръ инженернаго департамента, генералъ-адъютантъ Фельдманъ, вице-директоръ того же департамента, генералъ Сорокинъ, и командиръ учебнаго сапернаго баталіона, полковникъ Хомутовъ.

Шильдеръ самъ располагалъ обороною, ближайшими его помощниками были: поручикъ Тотлебенъ, впоследствии графъ, и подпоручикъ Гарднеръ, недавно умершій въ чинѣ генералъ-лейтенанта. Атаковать трубную систему поручено было Малофѣеву, ближайшимъ исполнителемъ его указаній былъ баталіонный адъютантъ, поручикъ В. Кренке. Въ распоряженіе Шильдера поступили л.-гв. саперный

баталіонъ и половина учебнаго баталіона; въ распоряженіе Малофѣева—его Гренадерскій баталіонъ и вторая половина учебнаго.

Шильдеръ благовременно контръ-минировалъ часть предполагаемой крѣпости, построилъ большую галерею въ 36 саженой длины, на наружномъ концѣ ея и въ срединѣ были выдѣланы большія подземныя комнаты, или ниши, изъ которыхъ высверлены трубы длиною въ 10—12 саженой, трубы расположены были вѣеромъ, въ нѣсколько ярусовъ; такъ составилось двѣ линіи подземной обороны.

Малофѣеву назначено было начать атаку изъ глубокой ямы, или изъ воронки стараго усиленнаго горна, саженахъ въ 15-ти отъ наружныхъ оконечностей шильдеровскихъ трубъ первой линіи. Малофѣевъ требовалъ, чтобы до начала опытовъ ему дозволено было окружить свою яму траншеею, какъ бы вѣнчать воронку; но Шильдеръ не допускалъ этого, онъ говорилъ, что не дастъ Малофѣеву сдѣлать шага изъ своей ямы, что всѣ надземныя его работы онъ снесетъ ракетами, а подземныя разрушитъ взрывами по трубамъ. Малофѣевъ, возражая Шильдеру, говорилъ: «не съ неба же ввалюсь я въ воронку; прежде, чѣмъ я успѣлъ бы произвести свой взрывъ для образованія воронки, я, если бы и не уничтожилъ ракетныхъ станковъ своею артиллеріею, то сильно потрепалъ бы ихъ, ракеты не были бы мнѣ страшны, да и произведя усиленный взрывъ, я вѣнчалъ бы воронку прежде, чѣмъ непріятель успѣлъ бы опомниться отъ взрыва». Комитетъ согласился съ мнѣніемъ Малофѣева, и было рѣшено, чтобы Малофѣевъ окружилъ воронку траншеею, устроилъ бы сообщеніе съ нею изъ своихъ заднихъ траншей, и тогда начать войну. Шильдеръ въ видѣ уступки согласился съ этимъ.

Малофѣевъ изъ своей ямы послѣдовательно вышелъ четырьмя тихими сапами и вывелъ три параллельныя минныя галереи, на 1½ сажени глубины отъ поверхности земли. Объ этихъ работахъ, прежде открытія ихъ, было заявлено комитету посредниковъ, но, кромѣ того, секретно и отъ комитета, предупредивъ только одного Дена, Малофѣевъ устроилъ на двѣ воронки легкій навѣсъ, подъ предлогомъ прикрытія для людей отъ непогоды, изъ-подъ навѣса опустился глубокимъ колодезъ, до 4-хъ саженой глубины отъ поверхности земли, и вывелъ оттуда галерею далеко ниже всей шильдеровской системы обороны. Въ эту нижнюю галерею вода постоянно просачивалась, но ее успѣвали вычерпывать. Для постройки нижней галереи приставлены были минеры — быстрые ходоки, а къ средней верхней галереи такіе минеры, которые могли работать безъ малѣйшаго шума, такъ что непріятелю невозможно было обнаружить работу.

Примѣрная война продолжалась 16 сутокъ, днемъ и ночью, безъ малѣйшаго перерыва, всякое сношеніе между воюющими сторонами было прервано; не только весь саперный лагерь былъ за-

интересованъ этою войною, но и изъ Петербурга ежедневно пріѣзжало множество зрителей, преимущественно военныхъ всѣхъ оружій и всѣхъ чиновъ, много было и частныхъ лицъ, многіе изъ пріѣзжавшихъ ночевали въ лагерѣ. Конгревовы ракеты залетали даже въ самый Петербургъ, въ Измайловскій полкъ; оберъ-полицеймейстеръ пріѣзжалъ въ лагерь, просилъ пощадить столицу. Предъ спускомъ ракеты, или передъ взрывомъ по трубѣ, Шильдеръ выставлялъ красный флагъ, величиною въ квадратную сажень, по которому всѣ работы прекращались и люди отходили въ безопасное мѣсто, слѣдовательно каждый ракетный выстрѣлъ и каждый взрывъ по трубѣ отнималъ много времени, а Шильдеръ безпрестанно пускалъ ракеты и долго держалъ поднятымъ красный флагъ. День съ комитетомъ посредниковъ протестовали. День говорилъ, что это можно принять за умышленное затягиваніе времени опытовъ, — Шильдеръ отвѣчалъ, что комитетъ не имѣетъ права стѣснять его; День доказывалъ, что Шильдеръ обязанъ исполнять постановленія комитета; Шильдеръ горячился и сказалъ, что онъ, какъ генераль-адъютантъ, найдетъ доступъ къ государю и помимо комитета, тогда Геруа сказалъ, что если касаются званія генераль-адъютанта, то напоминаетъ, что онъ здѣсь старшій генераль-адъютантъ. Споры велись громко, въ палаткѣ посредниковъ, палатка окружалась сотнею офицеровъ, всѣхъ занималъ горячій споръ тогдашнихъ представителей русскаго инженернаго дѣла.

Шильдеръ постоянно горячился, бросался съ палкою на сапера-гренадера, высовывавшагося изъ траншеи; разъ, завидя шапку изъ-за траншеи, Шильдеръ бросился съ поднятою палкою, и передъ нимъ оказался День. Когда ракетами удавалось опрокинуть 3—5 туровъ, Шильдеръ приходилъ въ восторгъ, и всѣ сторонники его ликовали. Шильдеру по трубамъ удалось разбить двѣ крайнія верхнія Малофѣевскія галереи, обходы изъ этихъ галерей были также разбиты. Когда оканчивалась отдѣлка нижней галереи, Малофѣевъ приказалъ усилить стукъ по средней верхней галерѣ; она тотчасъ была разбита двумя взрывами по трубамъ. Шильдеръ готовъ былъ признать свое окончательное торжество, но въ это время, на длиннѣйшемъ шестѣ, атакующій поднимаетъ огромный черный флагъ, въ 4 квадратныя сажени. Всѣ поражены были неожиданностью. День объяснилъ членамъ комитета, что Малофѣевъ не заявлялъ о нижней галерей, потому что не ручался за успѣхъ ея, она могла быть залита водой. Взрывомъ обнаружена передняя ниша и не успѣли еще всѣ сбѣжаться, чтобы посмотреть на послѣдствія взрыва, какъ раздался подземный барабанный бой къ атакѣ, и гренадеры съ крикомъ ура, пройдя по галереѣ, заняли вторую нишу. Въ первую минуту слышанъ былъ только общій хохотъ, Шильдеръ куда-то скрылся, а День спокойно говоритъ: «однако, надобно позаботиться о Тотлебенѣ и Гарднерѣ, чтобы Шильдеръ ихъ не съѣлъ».

Когда великій князь Михаилъ Павловичъ узналъ о результатѣ опытовъ, то сказалъ: «вотъ и правда, что Гренадерскій саперный баталіонъ—отличный по саперной части, но за то ужъ онъ и отлично гадокъ по фронту».

Послѣ лагеря, передъ отправленіемъ въ Новгородъ на постоянныя квартиры, Гренадерскій саперный баталіонъ, по приказанію великаго князя, былъ расположенъ въ деревнѣ Кузьмино, подъ Царскимъ Селомъ, и отданъ былъ на два мѣсяца въ школу Жеркова, командира образцоваго пѣхотнаго полка, и Жерковъ со своими кадровыми офицерами и унтеръ-офицерами обучалъ баталіонъ. Эта школа была тяжелымъ нравственнымъ наказаніемъ для баталіона, особенно для Малофѣева, она-то и заставила Малофѣева отказаться отъ баталіона и вскорѣ потомъ выйти въ отставку.

6.

Какъ въ частномъ семействѣ, характеръ, поведеніе и образъ жизни главы семейства имѣютъ рѣшительное вліяніе на жизнь всего семейства, такъ и въ отдѣльной воинской командѣ характеръ и образъ жизни начальника всегда отражаются, въ большей или меньшей степени, на жизни всей команды. Малофѣевъ вель всегда скромную, семейную жизнь и въ то же время дѣловую жизнь, онъ всегда былъ занятъ, преимущественно чтеніемъ, и писалъ много; если сохранились его записки, то онѣ должны быть очень интересны. Офицеры привыкли всегда и вездѣ смотрѣть на Малофѣева, какъ на главнаго и единственнаго своего начальника, да и онъ всегда держалъ себя передъ офицерами, какъ начальникъ; онъ до того привыкъ къ начальническому тону, что съ тѣмъ же тономъ относился и ко всѣмъ мѣстнымъ жителямъ, и жители привыкли къ этому. Въ Динабургѣ, Малофѣевъ передъ военными чинами, старшими его, держался съ такимъ тактомъ, что безусловно всѣ въ немъ какъ бы заискивали: комендантъ, начальники дивизій, бригадные командиры, начальники артиллерійской и инженерной частей зачастую первыми пріѣзжали съ визитомъ къ Малофѣеву, по вступленіи баталіона въ лагерь.

Динабургскія гауптвахты всегда были переполнены армейскими офицерами, и ни одинъ саперный офицеръ при Малофѣевѣ не былъ арестованъ. Малофѣевъ никогда не дѣлалъ замѣчанія офицеру при постороннихъ лицахъ, даже не наказывалъ солдатъ при постороннихъ свидѣтеляхъ, замѣчанія офицерамъ дѣлалъ коротко, безъ всякихъ лишнихъ фразъ, напримѣръ: прапорщикъ, вы оповдали на работу; прапорщикъ, вы опаздываете второй разъ; прапорщикъ, вы часто опаздываете, это не можетъ быть терпимо; или объявить въ приказѣ, что такой-то наряжается на три лишнихъ дежурства.

Офицеры привыкли наблюдать за тѣмъ, чтобы никакой неприятный случай въ ихъ жизни не выходилъ наружу.

У Малофѣева, имѣвшаго шесть маленькихъ дѣтей, рано ложившихся спать, и занимавшаго небольшую квартиру, не могли составляться вечернія собранія, не часто приглашались всѣ офицеры и къ обѣду; сколько помнится, это дѣлалось четыре раза въ годъ: въ первый день Рождества, въ новый годъ, на блины—на масляницѣ и въ Пасху, только адъютантъ и казначей обѣдали всякій день. Въ первые годы по вступленіи баталіона въ Илукшту, офицеры, пока не познакомились съ окрестными помѣщичками, вели замкнутую жизнь въ своемъ кружкѣ, и нельзя сказать, чтобы жизнь была совершенно безцвѣтная. Обыкновенно съ вечера началось занятіе на слѣдующій день: при дневномъ свѣтѣ прогулка въ лѣсъ пѣшкомъ или верхомъ; тогда лошадь на 4—5 часовъ времени можно было нанять за гривенникъ; стрѣльба въ пѣль изъ охотничьихъ ружей, изъ пистолетовъ и изъ солдатскихъ ружей; охота съ мѣстными жителями на зайцевъ, лисицъ, волковъ или на птицъ. Вечеромъ всѣ офицеры собирались по очереди на одну изъ офицерскихъ квартиръ; если капитанъ караульной роты, или пріѣхавшій съ ротнаго двора, удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ офицерское собраніе, то устраивалась карточная игра, въ вистъ или бостонъ; была и третья игра, предшествовавшая преферансу и похожая на него,—«волошино». Карты въ зимнее время положительно не были преобладающимъ занятіемъ, но, конечно, случалось, что засиживались за картами до 3 и до 4 часовъ утра; лѣтомъ же, въ лагерѣ, въ присутствіи всѣхъ ротныхъ командировъ, карты въ дурную погоду и въ свободное отъ ученій время были въ большомъ ходу; капитаны были великими мастерами играть въ бостонъ и въ вистъ, жестоко распекали молодежь за ошибки, и молодые офицеры скоро выучивались играть.

На каждомъ офицерскомъ собраніи пѣніе съ гитарой, а иногда и со скрипкой, было обязательно. Читали съ жадностью все, что можно было добыть; для прочтенія чужой интересной книги, данной на срокъ, кружки собирались на цѣлые дни и ночи. Въ баталіонѣ получались только «Русскій Инвалидъ» и «Библіотека для Чтенія», издававшаяся Сенковскимъ; обязательно было прочитывать, и прочитывать со вниманіемъ, книжки инженернаго и военнаго журналовъ; Малофѣевъ при удобномъ случаѣ спрашивалъ о какойнибудь статьѣ изъ этихъ журналовъ, но тогда эти журналы выходили по одной и много что по двѣ книжки въ годъ, а въ иной годъ и вовсе не получались. Многие занимались переводами съ французскаго и нѣмецкаго языковъ, вообще изученіемъ этихъ языковъ; тогда между курляндскими помѣщичками были въ модѣ философскія сочиненія; лучшія мѣста изъ нихъ офицеры переводили на русскій языкъ. Занимались отчасти и химіей, добывали водо-

родъ и кислородъ; десятками бутылокъ возили эти газы въ семейства помѣщиковъ; химическая посуда была очень проста; вмѣсто стеклянныхъ трубочекъ, трубочки составлялись изъ гусиныхъ перьевъ, склеиваемыхъ и покрываемыхъ сургучемъ или воскомъ; прапорщикъ Мергасовъ былъ главнымъ лаборантомъ. Самымъ любимымъ занятіемъ молодежи было: очередное чтеніе вслухъ, декламация и рассказы о своихъ любовныхъ похожденияхъ и о похожденияхъ своихъ товарищей.

Сложившаяся поговорка: «хлѣбъ-соль вмѣстѣ, а табакъ врозь» — исполнялась буквально; каждый курящій, выходя изъ дома, бралъ съ собою трубку и табакъ. Офицеры жили по два и по три на квартирѣ, квартиры освѣщались свѣчными свѣчами; хозяева квартиры обязаны были угощать все собравшееся общество чаемъ и ужиномъ. Обѣдали въ 12 часовъ, чай пили въ 5 часовъ, ужинали въ 9—10 часовъ; на вечернее собраніе сходились въ 5-мъ часу, а иногда и ранѣе, вскорѣ послѣ обѣда. Чай подавался безъ сливокъ и безъ молока, съ чернымъ казеннымъ хлѣбомъ и масломъ; въ Иллуштѣ некарами были только евреи, отъ нихъ булокъ не брали, а превосходное мызное масло было очень дешево. Ужинъ состоялъ изъ одного блюда: щи съ мясомъ, или вареный картофель, котлеты, называемыя битками; колдуны, вареники, въ праздники — жареный гусь. Пара битыхъ гусей тогда стоила 15 коп. серебромъ, или одинъ гусь около 28 коп. ассигнаціями; гусей въ Иллуштѣ во всякое время года и въ каждый часъ дня и ночи можно было добывать у мѣстнаго аптекаря Граве. Тотъ Граве тогда былъ молодымъ человѣкомъ, страстно любилъ вистъ въ офицерской компаніи и съ нимъ играли только на гусей, т. е. офицеры рассчитывались деньгами, по стоимости гусей, а Граве долженъ былъ платить гусями въ натурѣ, безразлично, свѣжими или копчеными. Играли по такому кушу, что при самомъ большомъ несчастіи можно было проиграть двѣ пары гусей. У Граве офицеры пировали разъ въ годъ, наканунѣ дня Мартына Лютера. Къ ужину подавались: супъ изъ гусиныхъ ножекъ; гусь подъ соусомъ и жареный гусь, чиненый яблоками. Передъ ужиномъ въ офицерскихъ собраніяхъ подавалась водка, закусками къ водкѣ служили: простая, хорошо вымоченная селѣдка, рѣдька, соленые огурцы, въ праздники — миноги или копченая камбала, обильно привозимыя изъ Риги. Столовое вино не подавалось, даже желающій пива долженъ былъ самъ покупать его; кружка пива въ двѣ бутылки стоила 2¹/₂ коп. серебромъ.

Офицеры держали столъ и въ Иллуштѣ, и въ лагерѣ, артелями, отъ 4 до 6 чел.; обѣдъ состоялъ изъ двухъ блюдъ, ужинъ изъ одного, это обходилось въ мѣсяцъ 1 р. 43 коп. серебромъ, или 5 р. ассигнаціями; единственнымъ условіемъ при составленіи артелей было то, чтобы опоздавшій къ обѣду или къ ужину не претендо-

валъ на то, что порція его будетъ съѣдена присутствующими, и никто никогда не опаздывалъ. При переходѣ изъ Иллуштты въ лагерь и обратно, проходило нѣсколько дней, пока устроятся офицерскія артели; въ эти дни офицеры довольствовались изъ солдатскаго котла. Многие офицеры, по неизмѣнно средствамъ, по утрамъ вовсе не пили чаю, и по вечерамъ, оставаясь дома одни, также не пили чаю. Огромное большинство офицеровъ жило исключительно на одно жалованье; за всѣми казенными вычетами, прапорщицье жалованье составляло въ мѣсяцъ 10 рублей серебромъ. Немногіе получали вспоможеніе отъ родныхъ, по 5 и по 10 рублей въ мѣсяцъ; самымъ богатымъ офицеромъ того времени считался у насъ поручикъ Раутенфельдъ, получавшій отъ отца каждый мѣсяцъ по 25 р. серебромъ; на эти деньги онъ былъ въ состояніи держать пару лошадей и хорошенкій экипажъ.

Развитое тогда пьянство между армейскими офицерами не привилось къ саперному баталіону; Малофѣевъ зорко слѣдилъ за этимъ, онъ вставалъ очень рано, и если узнаетъ, что офицеръ имѣетъ наклонность къ неумѣренному употребленію вина, то требовалъ его къ себѣ въ 5 часовъ утра и давалъ какое нибудь пустое порученіе. Такой ранній призывъ, особенно зимой, для всѣхъ былъ понятенъ.

Къ началу 1834 года, офицеры познакомились съ многими окрестными курляндскими помѣщиками; въ Иллуштѣ устроился саперный клубъ, и 4-го марта, былъ первый балъ, на которомъ было свыше 40 танцующихъ паръ. Впослѣдствіи на балахъ, особенно на маскарадахъ, доходило и до 100 танцующихъ паръ. Младшій штабъ-офицеръ Юсть былъ первымъ распорядителемъ, или директоромъ-хозяиномъ клуба; съ отъѣздомъ Юста въ Петербургъ, въ 1836 году, распорядителемъ избранъ былъ Кренке, Викторъ. Всѣ офицеры должны были записаться членами клуба, годовой членскій взносъ составлялъ 5 р. серебромъ. Передъ первымъ баломъ Юсть дѣлалъ репетиціи и для музыкантовъ, и для офицеровъ; всѣ офицеры поголовно обязаны были танцевать, за этимъ слѣдилъ не только Юсть, но и Малофѣевъ; тогда разучили кадрили лансье, появившіяся въ Курляндіи прежде, чѣмъ въ Петербургѣ. Юсть положилъ начало и затѣйливымъ маскарадамъ, которые поддерживались и послѣ него, напримѣръ: въ зало въѣзжала лодка Стеньки Разина съ волжскими разбойниками; появлялись огромная сова, лягушка и проч.; офицеровъ занимало приготовленіе къ маскараду: приготовленіе нѣкоторыхъ костюмовъ начиналось за нѣсколько мѣсяцовъ до маскарада.

Въ Динабургѣ также былъ устроенъ клубъ, тамъ хозяевами были инженеры, и явилось соперничество между инженерами и саперами; саперы не хотѣли уступать первенства инженерамъ, перетянули на свою сторону танцующихъ нѣкоторыхъ офицеровъ и чи-

новниковъ тогдашней динабургской комиссаріатской комиссіи и добились того, что саперы, въ очередь съ инженерами, назначались распорядителями музыки или дежурными по танцамъ. По тогдашней модѣ, неприлично было являться на балъ застегнутымъ на всѣ пуговицы, и офицеры обзавелись жилетами, зимними—черными суконными и лѣтними—бѣлыми демикотоновыми.

Что могла выносить молодость, теперь и самому не вѣрится. Собственно городъ Динабургъ, или новый форштадтъ, былъ въ трехъ верстахъ отъ лагеря; туда лѣтомъ часто пріѣзжали на нѣсколько дней знакомыя семейства изъ Курляндіи и изъ ближайшихъ динабургскихъ окрестностей Витебской губерніи. Днемъ дамы ходили по лавкамъ на новомъ форштадтѣ, а по вечерамъ собирались на танцы, и мы, послѣ ужаснаго Малофѣевского баталіоннаго ученья, вмѣсто отдыха, отправлялись пѣшкомъ на новый форштадтъ, бродили тамъ съ дамами, къ вечернему ученью возвращались пѣшкомъ же въ лагерь; послѣ ученья направлялись опять пѣшкомъ же на тотъ же форштадтъ или въ крѣпость, плясали всю ночь и въ 4-мъ часу утра пѣшкомъ же возвращались въ лагерь, становясь прямо въ фронтъ, на новое Малофѣевское ученье. И это повторялось два, а иногда и три дня сряду.

Офицеры были очень бережливы въ одеждѣ своей и заботились, чтобы на гуляньяхъ, въ присутствіи дамъ и въ публичныхъ собраніяхъ, быть не только прилично, но щегольски одѣтыми; сами не допускали того офицера въ публичное собраніе, у котораго не было безукоризненной одежды. Это, конечно, относилось только къ виѣшной одеждѣ и къ шапкамъ, сапогамъ, перчаткамъ и носовому платку, все же остальное было въ жалкомъ состояніи. Рукавички тогда не выставлялись наружу, рубахи были изъ грубаго холста и зачастую рваныя; постелью служилъ холщевый мѣшокъ, набитый сѣномъ или соломой, у большинства офицеровъ и подушки были такія же. Мебель въ Илдукштѣ была отъ квартирныхъ хозяевъ, а въ лагерѣ самые простые, некрашеные столы и табуреты. Чайная и столовая посуда приносилась деньщиками съ ближайшихъ офицерскихъ квартиръ къ мѣсту собранія офицеровъ. Деньщики въ тѣ времена были не только прислугою, но и друзьями, дядьками молодыхъ офицеровъ. О назначеніи въ деньщики къ прапорщикамъ самыхъ надежныхъ людей заботились преимущественно фельдфебеля.

7.

Книгами для чтенія снабжалъ офицеровъ Малофѣевъ, онъ самъ покупалъ много книгъ и получалъ ихъ цѣлыми ящиками отъ отца своего, отставнаго вице-губернатора, кажется, Могилевской губерніи; также книги получались отъ графа Зиберга Плятера, черезъ родственника его Денгофа, управлявшаго Илдукштой, и отъ пред-

водителя дворянства, Энгельгардта, у котораго была порядочная бібліотека. Чтеніе вслухъ было самымъ пріятнымъ и самымъ полезнымъ занятіемъ; чтець имѣлъ право остановиться, а слушатели остановить его на той мысли или на томъ изрѣченіи автора, которыя обращали на себя вниманіе; при этомъ завязывались споры, за и противъ, которые нерѣдко затягивались за полночь и возобновлялись на слѣдующій день, когда спорящіе обдумаютъ наединѣ новыя подтвержденія своимъ мнѣніямъ или опроверженія противникамъ. Для чтенія и днемъ, и вечеромъ собирались кружки, въ 3, 4 и 5 человекъ, и было очень прискорбно, когда чтеніе приходилось прерывать картами.

Декламировали всегда наизусть изъ сочиненій Пушкина, Жуковскаго, Фонъ-Визина, отчасти Державина и наиболѣе Рылѣева, а также изъ рукописныхъ стихотвореній, не допускавшихся въ печать. Къ сожалѣнію, декламація преимущественно вращалась на циническихъ сочиненіяхъ. Извѣстно, что императоръ Николай, вскорѣ по воцареніи своемъ, поручилъ Пушкину изложить мысли «о народномъ воспитаніи». Записка Пушкина по этому предмету представлена была императору, въ декабрѣ 1826 года, черезъ графа Бенкендорфа. Въ этой запискѣ Пушкинъ, между прочимъ, сказалъ, что въ кадетскихъ корпусахъ, между кадетами, сильно распространены циническія рукописи, и предлагалъ за это тягчайшее наказаніе. Николай I принялъ рѣшительныя мѣры къ искорененію этого зла, но чѣмъ строже корпусное начальство преслѣдовало эти рукописи, тѣмъ болѣе кадеты ухитрялись сохранять ихъ и прибрѣтать вновь. Въ мое прапорщичье время, каждый офицеръ привозилъ съ собою изъ корпуса цѣлыя тетради этихъ сочиненій, у нѣкоторыхъ были даже большіе томы, и не только съ мелкими стихотвореніями, но съ цѣлыми драматическими произведеніями, комедіями, водевилями и пр.; все это слыло подъ общимъ именемъ «барковщины». Хорошо только, что въ саперномъ баталіонѣ барковщина прервалась моментально, при полученіи извѣстія о смерти Пушкина. Тогда долго не хотѣли ничего болѣе читать, какъ только Пушкина, заучивали всѣ творенія его наизусть и къ барковщинѣ ужъ не возвратились.

8.

Нравственное и матеріальное положеніе солдата, его быть или жизнь 50 лѣтъ назадъ, при 25-ти лѣтнемъ срокѣ службы, не имѣютъ ничего общаго съ нынѣшнимъ положеніемъ солдата. Не буду говорить о томъ, какое положеніе выгоднѣе или полезнѣе, старое или нынѣшнее, но если бы правительства когда нибудь пришли бы къ соглашенію сократить арміи, содержимыя въ мирное время,—на половину, или хоть на одну треть, то казалось бы, что

для всѣхъ государствъ было бы выгодноѣ создать среднее положеніе солдата между старымъ и нынѣшнимъ.

Илукштинская жизнь солдатъ-саперъ была привольная, только два мѣсяца въ году были тяжелы, апрѣль—сборъ на тѣсныя квартиры и май—строевыя ученья въ лагерѣ; потомъ 4 мѣсяца, время производства крѣпостныхъ и практическихъ работъ, не были тяжелыми для солдатъ и затѣмъ 6 мѣсяцевъ—почти полный отдыхъ при расположеніи на широкихъ квартирахъ, гдѣ солдаты даже и не видѣли начальства. Въ апрѣлѣ и маѣ, также можно бы было значительно облегчить солдатъ при правильномъ веденіи строевыхъ учений.

Мастерство между солдатами было развито въ высшей степени; безошибочно можно сказать, что не было ни одного солдата, который не зналъ бы какого либо мастерства, исключая, конечно, рекрутъ послѣдняго набора, да и между рекрутами попадалось много мастеровыхъ; помѣщики сбывали въ рекруты такихъ артистовъ, съ которыми не могли справиться. Въ каждой ротѣ, тогда комплектной, въ 250 человекъ, было по полсотнѣ плотниковъ, сапожниковъ и портныхъ; десятками въ ротѣ можно было считать столяровъ, бондарей, пильщиковъ, маляровъ, печниковъ, штукатуровъ; въ ротахъ были и слесаря, кузнецы, коновалы, шорники, повара, садовники, переплетчики и проч.; многіе изъ солдатъ знали по два и по три мастерства. Во всякое свободное отъ службы время дозволялось имѣть частную работу, зарабатываемыя деньги шли полностью на руки солдатъ, безъ всякаго вычета въ артельную или харчевую сумму, но за то со всѣхъ безусловно удерживалась $\frac{1}{3}$, даже $\frac{1}{2}$ жалованья въ харчевую сумму. По окончаніи лагеря, къ концу сентября, подготавливались саперамъ огромные заказы: постройка домовъ и другихъ зданій, рытье канавъ, осушеніе болотъ, отдѣлка садовъ и проч., а съ наступленіемъ холодовъ—внутренняя отдѣлка зданій. Впродолженіе всей зимы чуть не на весь уѣздъ шли сапоги, мужскія и женскія платья, заготовляли деревянныя вещи: двери, окна, бочки, кадки, столы, стулья, шкафы, также и земледѣльческія орудія: сохи, бороны, кадки, телеги, сани и проч. Саперы были неприятными конкурентами для мастеровыхъ евреевъ. Лѣтомъ, каждое воскресенье, являлось въ лагерь много частныхъ лицъ для заказовъ по шитью сапоговъ, платья, по мелкимъ деревяннымъ подѣлкамъ, не смотря на то, что въ Динабургѣ были отличные мастера и въ военно-рабочихъ, и въ арестантскихъ ротахъ, и между евреями. Каждое воскресенье, саперы выходили на рынокъ продавать готовую, незаказную работу.

Заработывая хорошія деньги, саперы любили и выпить хорошо, но неисправимыхъ пьяницъ было немного, не болѣе 10 человекъ въ ротѣ. Саперы, какъ русскіе хлѣбосолы, хорошо угощали своихъ гостей; въ лагерь по праздникамъ къ нимъ пріѣзжало много крестьянскихъ семей изъ тѣхъ деревень, гдѣ они зимой квартировали.

Духъ солдатъ былъ превосходный, солдаты гордились тѣмъ, что они саперы, и съ нѣкоторою важною держали себя и передъ мѣстными жителями, и передъ пѣхотными солдатами. Пѣхотинцы называли саперъ щеголями: старые саперы щеголяли сапогами, шапками и шинелями. Баталіоннаго и ротныхъ командировъ солдаты болѣе боялись, чѣмъ любили, за то очень любили молодыхъ офицеровъ и всегда оберегали ихъ. Къ своей ротѣ солдаты привыкали, какъ къ родной семьѣ; переводъ въ другую роту принимался за величайшее наказаніе, солдаты говаривали, что лучше дали бы 100 розогъ, да оставили бы въ своей ротѣ. Воровство внѣшнее, и особенно внутреннее у своихъ товарищей; жестоко преслѣдовалось и начальствомъ, и самими солдатами. Если внутреннему вору прикажутъ бывало дать 100 розогъ, то ужъ дадутъ такихъ 100 ударовъ, что будутъ стоить 500.

Больныхъ вообще было немного, солдаты считали безчестнымъ укрываться отъ службы въ лазаретѣ: падкихъ на такія продѣлки сами выдавали; оттого въ строй, на всѣ смотры, роты выводились въ полномъ комплектѣ, по числу 225 ружей, или по 34 ряда въ взводѣ при трехшереножномъ строѣ, т. е. 204 рядовыхъ и 20 унтеръ-офицеровъ. За это императоръ Николай особенно благодарилъ Малофѣева въ 1837 и 1840 годахъ; въ 1840 году, государь даже сказалъ Малофѣеву, что напишетъ прусскому королю, что Гренадерскій саперный баталіонъ второй разъ представляется по 34 ряда въ взводѣ.

Старые саперы любили пѣсни; въ каждой ротѣ было до 50 хорошихъ пѣсенниковъ, со всѣми принадлежностями: бубнами, тарелками, треугольниками, дудочками, трещетками и проч. Въ 1842 году, въ первый годъ прибытія въ Петербургъ, великій князь Михаилъ Павловичъ, верхомъ, съ большой свитой, нагналъ баталіонъ, возвращавшійся въ лагерь съ манѣвровъ; передъ баталіономъ шель баталіонный хоръ пѣсенниковъ, человекъ въ 200. Великій князь, прослушавъ нѣсколько пѣсенъ, отозвался: «вотъ тутъ такъ русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ».

Грамотностью старые саперы мало интересовались, да и начальство смотрѣло на школы, какъ на формальность, и хотя школы и баталіонныя, и ротныя были въ цвѣтущемъ состояніи, въ томъ отношеніи, что во всѣхъ классахъ всегда былъ полный комплектъ учениковъ, всегда проходило все, положенное по уставу, и ученики прекрасно знали свое дѣло, но школы мало распространяли грамотность, мало было движенія въ школахъ, въ одномъ и томъ же классѣ люди оставались по пяти и болѣе лѣтъ. Производство въ унтеръ-офицеры, которымъ солдаты очень дорожили, иногда дѣлалось помимо школы, по особому ходатайству ротныхъ командировъ. Въ каждой ротѣ было до 40 хорошо грамотныхъ людей и столько же полуграмотныхъ.

Грамотные солдаты любили читать вслухъ священные книги по вечерамъ при восковой свѣчи и всегда было много слушателей. Солдаты читали праздники: наканунѣ праздника, при самой маленькой иконѣ, въ солдатской квартирѣ горѣла восковая свѣча, а въ лагерѣ, въ баракѣ, горѣло много свѣчей и лампадъ. Церковные парады назначались только въ ротные праздники, баталіоннаго праздника не было. Во время лагеря, въ каждый праздникъ расходилось по церквамъ болѣе половины баталіона, а въ Иллуштѣ, когда уніатскій костель былъ обращенъ въ православную церковь, церковь эта постоянно наполнялась саперами; тамъ скоро сформировался саперный хоръ пѣвчихъ и дьячками были саперы.

25-тилѣтній срокъ службы былъ страшенъ только для рекрутъ и для молодыхъ солдатъ; по мѣрѣ того, какъ солдаты привыкали къ солдатской жизни и къ своимъ ротнымъ товарищамъ, они становились холоднѣе, равнодушнѣе къ родной семьѣ и къ самой родинѣ. Это явно обнаруживалось временными домовыми зимними отпусками, или «побывками», какъ солдаты называли эти отпуска. Многие возвращались изъ отпуска ранѣе срока и говорили, что соскучились на родинѣ, что тамъ смотрятъ на нихъ, какъ на чужихъ: пока соринь деньгами, еще можно жить, а какъ порастратишься, то и слѣдуетъ скорѣе возвращаться на службу. Рѣдкій солдатъ, сходявъ разъ на побывку, желалъ сходить вторично чрезъ нѣсколько лѣтъ. Въ откровенной бесѣдѣ съ молодыми офицерами, саперы говаривали: «что дома-то дѣлать, старики тамъ повымерли, молодые насъ не знаютъ, да и мы мало ихъ знаемъ, отъ пашни мы отвыкли, мы проживемъ и безъ пашни». И правда, окрестные помѣщики и зажиточные городскіе жители дожидали времени увольнения старыхъ саперъ въ отставку и на расхватъ брали ихъ къ себѣ. Тѣ же солдаты, которые женились на службѣ, по выходѣ въ отставку водворялись не на своей родинѣ, а на родинѣ жены, и такихъ солдатъ было очень много. Изъ числа прослужившихъ 15 и болѣе лѣтъ, многие отчислялись въ неспособные, въ бывшую внутреннюю стражу, тамъ они дослуживали лѣта, тамъ и водворялись на постоянное жительство.

9.

Тяжело, очень тяжело было разставаться съ Иллуштой; вѣсть о переходѣ баталіона въ Петербургъ, въ составъ сводной саперной бригады, поразила всѣхъ,—и солдатъ болѣе, чѣмъ офицеровъ. Офицеры, особенно старшіе, капитаны, боялись петербургской службы, и притомъ, привыкнувъ играть первую роль въ Иллуштѣ и въ Динабургѣ, офицеры боялись, что въ Петербургѣ они, какъ провинціалы, могутъ сдѣлаться предметами насмѣшекъ со стороны новыхъ

своихъ сослуживцевъ, гвардейскихъ и учебныхъ офицеровъ. Солдаты горевали и о потерѣ приволья на широкихъ квартирахъ, и о разлукѣ съ своими пріятельницами; имъ страшна была не петербургская служба, а казарменная жизнь, и солдаты громко говорили, что теперь ихъ запрутъ въ казармы, и они изъ солдатъ сдѣлаются вѣчными арестантами.

Изъ Иллукшты баталіонъ выступилъ поротно, каждую роту до первой дневки провожали до 50 женщинъ Иллукштинскаго уѣзда. Прощаніе при выступленіи съ первой дневки было очень трогательное, было много плача и воя, и не всѣ женщины возвратились домой съ первой дневки, нѣкоторыя слѣдовали до второй, даже до третьей дневки. Офицерами во время похода рѣшено было, чтобы на первомъ ночлегѣ въ Петербургской губерніи справлялись поминки по Иллукштѣ; капитаны Косоротовъ и Карабановъ хотѣли даже служить панихиду, но дѣло ограничилось поминальнымъ обѣдомъ, киселемъ, блинами и краснымъ виномъ.

В. Кренке.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О К. Д. КАВЕЛИНѢ.

Quod potui — feci, faciant meliora potentes
(Cic. de orat., 29).

В ПРЕКРАСНОЙ замѣткѣ Н. П. Коллюпанова, напечатанной въ 123 № «Русскихъ Вѣдомостей» за текущій годъ и посвященной памяти К. Д. Кавелина, описано, какимъ уваженіемъ, почетомъ и авторитетомъ пользовался покойный маститый ученый въ бытность свою профессоромъ Московскаго университета.

Конечно, въ настоящее время, у свѣжей еще могилы Константина Дмитріевича Кавелина неумѣстно было бы дѣлать оцѣнку дѣятельности покойнаго или сообщать подробныя свѣдѣнія для біографіи его; но я нахожу возможнымъ въ дополненіе къ замѣткѣ г. Коллюпанова — сказать нѣсколько словъ о томъ положеніи, которое занималъ Константинъ Дмитріевичъ среди студентовъ Петербургскаго университета съ 1858—1862 годами, когда я имѣлъ честь состоять студентомъ того университета. К. Д. Кавелинъ не находился со студентами въ товарищескихъ отношеніяхъ, но его всегда видѣли въ университетѣ въ аудиторіи и внѣ оной — окруженнаго студентами; онъ нисколько образомъ не заботился о пріобрѣтеніи популярности между студентами, но авторитетъ его слова, даже внѣ кафедръ, имѣлъ обаятельное для насъ значеніе. Къ К. Д. Кавелину студенты обращались съ такими просьбами, удовлетвореніе которыхъ отъ него вовсе не зависѣло, по которымъ онъ самъ долженъ былъ ходатайствовать у другихъ. Для меня не вполнѣ объяснимо, какимъ образомъ случилось, что К. Д. Кавелинъ былъ самымъ любимымъ профессоромъ, въ то самое время, когда въ университетѣ находилось нѣсколько профессоромъ, совершенно справедливо пользовавшихся

заслуженнымъ уваженіемъ и почетомъ со стороны студентовъ. Лекціи гражданскаго права К. Д. Кавелинъ долженъ былъ всегда читать въ самой большой 12-й аудиторіи, такъ какъ и эта едва вмѣщала всѣхъ желающихъ слушать его. Хотя предметъ лекціи не представлялъ современнаго интереса для лицъ, не занимающихся исключительно юриспруденціей, но въ числѣ слушателей гражданскаго права у Кавелина были военные, постороннія лица и даже дамы.

Въ моей памяти сохранился случай, свидѣтельствующій, какъ студенты слушались К. Д. Кавелина.

Въ 12-й аудиторіи, передъ лекціей Константина Дмитріевича, въ 1858 году, была значительная сходка студентовъ, и вмѣстѣ съ тѣми лицами, которыя пришли на лекцію, было навѣрное въ аудиторіи и въ корридорѣ около аудиторіи до 800 человекъ; сходка касалась какого-то вопроса по каскѣ вспомошествованія недостаточнымъ студентамъ, и молодежь много спорила и шумѣла. Когда наступило время лекціи, К. Д. Кавелинъ остановился на порогѣ аудиторіи и громко, со свойственной ему точностью, сказалъ приблизительно слѣдующее: «Господа, кто не предполагаетъ слушать мою лекцію, прошу намъ не мѣшать, иначе я сейчасъ уѣду изъ университета»... Водворилась полная тишина; К. Д. Кавелинъ взомель на кафедру, многіе вышли, и аудиторія, какъ всегда, полная слушателей, при совершенной тишинѣ и порядкѣ, внимала чтенію профессора.

Я не могу не рассказать здѣсь одного случая, лично меня касающагося и свидѣтельствующаго, какъ К. Д. Кавелинъ относился къ просьбамъ студентовъ, къ нему обращаемымъ. При переходномъ экзаменѣ изъ перваго во второй курсъ я заболѣлъ, и мнѣ разрѣшено было экзаменъ изъ энциклопедіи права (предметъ профессора Калмыкова) держать осенью. Наканунѣ экзамена брать мой скоропостижно кончилъ жизнь, почему, конечно, экзамена я не держалъ. Прийдя черезъ нѣсколько времени въ университетъ, я узналъ, что время экзаменовъ окончено, лекціи начались и ни частныхъ экзаменовъ, ни переекзаменовокъ не разрѣшается. Дѣлать было нечего, приходилось остаться еще на годъ на первомъ курсѣ. Объ этой своей невзгодѣ, случайно, я рассказывалъ одному изъ товарищей У — у, который иногда бывалъ у К. Д. Кавелина; У — ь посовѣтовалъ мнѣ обратиться къ Константину Дмитріевичу и, хотя я ему замѣтилъ, что экзаменъ изъ предмета профессора Калмыкова мной не держанъ, У — ь увѣрилъ меня, что все равно, и если кто возьмется хлопотать, то только К. Д. Кавелинъ.

Въ тотъ же день я отправился на Васильевскій островъ въ квартиру Константина Дмитріевича, который выслушалъ со вниманіемъ мою просьбу и безъ всякихъ замѣчаній и оговорокъ, что это до него не касается, сказалъ: «Съ кѣмъ слѣдуетъ переговоры и хлопоту». Черезъ нѣсколько дней являюсь въ университетъ. Всѣмъ

знакомый швейцарь, старикъ Савельичъ, котораго студенты очень жаловали и съ которыми онъ обращался совершенно своеобразно, говорить мнѣ: «Вотъ васъ тутъ нѣтъ, а объ васъ какіе люди спрашиваютъ! Константинъ Дмитріевичъ нѣсколько разъ справлялся о васъ и взялъ вашъ адресъ». Константина Дмитріевича въ этотъ день въ университетѣ не было, а вечеромъ я получилъ отъ него записку, извѣщающую, чтобы я явился въ 9 часовъ утра 16 сентября на квартиру профессора Калмыкова для экзамена.

Въ назначенное время являюсь къ профессору Калмыкову, который вообще не любилъ тратить лишнихъ словъ въ разговорѣ, но, послѣ экзамена, онъ спросилъ меня: «Скажите, почему Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ объ васъ такъ хлопочетъ?». И на замѣчаніе мое, что онъ меня всего лишь одинъ разъ видѣлъ, почтенный старикъ не сказалъ ни одного слова, но многозначительно покачалъ головой.

Ежели К. Д. Кавелинъ все это сдѣлалъ для меня, лица вовсе ему незнакомаго, то, конечно, онъ не отказывалъ и всѣмъ другимъ, которые къ нему обращались съ просьбами, а такихъ было много.

Прошло слишкомъ пятнадцать лѣтъ. Я состоялъ на службѣ въ Петербургѣ, какъ вдругъ Константинъ Дмитріевичъ обращается ко мнѣ съ просьбой о пустой по дѣлу справкѣ. При этомъ случаѣ я напомнилъ ему объ оказанномъ мнѣ одолженіи и сказалъ: «Я вижу, ваше превосходительство, и нынѣ не перестаете хлопотать за другихъ». Я отлично помню отвѣтъ К. Д. Кавелина: «Прежде всего, я не превосходительство, да и никогда имъ не буду, а затѣмъ скажу вамъ, что я и товарищи мои по Москвѣ и Петербургу — мы смотрѣли на свои обязанности такъ: если въ кассѣ театра есть билеты, кассиръ обязанъ всякому, по требованію, выдать; также обязанъ профессоръ университета дать помощь студенту, если къ тому имѣетъ какую либо возможность».

Послѣ того какъ въ 1862 году Петербургскій университетъ былъ закрытъ, послѣдовало распоряженіе, чтобы студенты, родители которыхъ не проживаютъ въ Петербургѣ, представили надежное за себя поручительство, или оставили столицу. Мнѣ достоверно извѣстно, что К. Д. Кавелинъ выдалъ за многихъ изъ такихъ студентовъ поручительство, и, кажется, никто не обманулъ его довѣрія...

Понятно, что каждый изъ насъ, студентовъ того времени, могъ бы рассказать разные случаи, свидѣтельствующіе, что К. Д. Кавелинъ и въ Петербургскомъ университетѣ былъ тѣмъ же любимымъ, уважаемымъ и авторитетнымъ профессоромъ, какимъ его зналъ Московскій университетъ.

Впрочемъ, могло ли быть иначе!

Я убѣжденъ, что извѣстіе о кончинѣ этого челоуѣка-профессора вызвало не одну искреннюю слезу у бывшихъ его учениковъ!

Л. Грассъ.

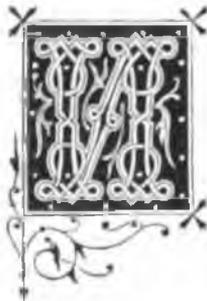

ДЖАКОМО КАЗАНОВА И ЕКАТЕРИНА II.

(По неизданнымъ документамъ).

СТАТЬЯ ШАРЛЯ ГЕВРЕ.

I.

ИЗДАННЫЯ лейпцигскимъ книгопродавцемъ Брокгаузомъ, съ 1826 по 1838 годъ, «Записки Джакомо Казановы»¹⁾ не встрѣтили въ публикѣ при своемъ появленіи особеннаго довѣрія. По отзыву итальянскаго критика, Уго Фосколо, «Записки» эти представляли будто бы не болѣе какъ сплетеніе вымысловъ, авторъ которыхъ почерпалъ матеріалы для нихъ въ брошюрахъ и журналахъ, вышедшихъ въ свѣтъ уже послѣ паденія Венеціанской республики²⁾.

Ученый Гераръ, подозрѣвая какой нибудь подлогъ, утверждалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, что «Записки» были писаны другимъ лицомъ. Дѣйствуя еще смѣлѣе, Жакобъ — Библиофилъ вообра-

¹⁾ Mémoires de J. Casanova de Seingalt, écrits par lui même. Ne quidquam sapit qui sibi non sapit. Лейпцигъ, у Брокгауза; Парижъ, у Пантье и К^о.; Парижъ, у Гейделофа и Кампе; Брюссель, 1826—1828, 12 томовъ въ 12 д. л.; это лучшее изъ всѣхъ изданій, потому что въ слѣдовавшихъ за нимъ, за исключеніемъ изданія книгопродавца Гарнье (8 томовъ, въ 12 и 8 д. л., Парижъ, 1880), текстъ болѣе или менѣе искаженъ. Болѣе другихъ распространено изданіе Розе (Брюссель, 1860, 1863, 1871, 1879, 6 томовъ, въ 12 д. л.). Мы пользуемся для нашихъ цитатъ изданіями Гарнье и Розе.

²⁾ Westminster Review, 1827.—Opera del Foscolo, IV, стр. 340. Saggi di critica, II, стр. 165.

зиль, что узнаеть въ этомъ произведеніи литературные приемы Стендаля¹⁾. Конечно, это было не очень лестно для Стендаля, но за то дѣлало много чести Казановѣ и преподавателю французскаго языка въ Дрезденской дворянской академіи, г. Жану Лафоргу, которому издатель поручилъ исправленіе рукописнаго оригинала.

На сколько же, спрашивается, г. Лафоргъ передѣлалъ подлинникъ Казановы? Благодаря любезности г. Брокгауза, я имѣлъ возможность сдѣлать сличеніе двухъ печатныхъ страницъ «Записокъ» съ рукописнымъ оригиналомъ, именно то мѣсто, гдѣ начинается рассказъ о заключеніи Казановы въ Свинцовыхъ тюрьмахъ. При сравненіи рукописнаго оригинала «Записокъ» съ «Исторіей моего бѣгства»²⁾ оказалось, что Казанова совершенно передѣлалъ свой первый рассказъ, вышедшій въ 1788 году, а Лафоргъ придалъ слогу автора болѣе серьезности и драматичности. Весьма желательно, чтобы г. Брокгаузъ издалъ безъ всякихъ измѣненій подлинный текстъ этого произведенія.

По счастью, другіе изслѣдователи, для разъясненія вопроса о достовѣрности «Записокъ» Казановы, не дожидались столь желательнаго появленія въ печати названной рукописи. Бартольдъ въ Германіи³⁾, Арманъ Баше въ Франціи⁴⁾, анконскій профессоръ Александръ въ Италіи⁵⁾ и еще нѣкоторые⁶⁾ собрали немало доказательствъ подлинности и правдивости многого изъ того, что содержится въ «Запискахъ». Произведеніе Казановы можетъ сдѣлаться весьма важнымъ историческимъ документомъ, хотя его и нельзя будетъ приписать во всей цѣлости знаменитому авантюристу; пока оно не выйдетъ въ свѣтъ тщательно сличенное съ рукопис-

¹⁾ «Я старался изслѣдовать, кто былъ настоящимъ авторомъ этихъ столь остроумныхъ и интересныхъ «Записокъ», которыя не принадлежать и не могутъ принадлежать перу Казановы, потому что онъ не умѣлъ писать пофранцузски и ничего не смыслилъ въ дѣлѣ, для котораго необходимы воображеніе и слогъ. Безъ всякаго сомнѣнія, знаменитый шарлатанъ оставилъ кое-какія подлинныя замѣтки и даже записки; но эти рукописи навѣрно не удостоились бы чести быть напечатанными, еслибъ не нашелся талантливый человѣкъ, который счумѣлъ пустить ихъ въ ходъ. Этотъ человѣкъ, по нашему нравственному убѣжденію, былъ Стендаль, или, лучше сказать, Бейль, умъ, характеръ, образъ мыслей и слогъ котораго отражаются на каждой страницѣ напечатанныхъ «Записокъ».

²⁾ Histoire de ma fuite des prisons de la République de Venise, qu'on appelle les Plombs, écrite à Duc en Bohême, l'année 1787. Лейпцигъ, у Шёнфельда, 1788. Это чрезвычайно рѣдкая книга, новое изданіе которой, съ примѣчаніями M. L. B. de F. (Burdes de Fartage), недавно вновь вышло въ Бордо, у вдовы Моке.

³⁾ Die geschichtlichen Persönlichkeiten in J. Casanova's Mémoires. Beiträge zur Geschichte des achtzehnten Jahrhunderts. Берлинъ, у Дюнкера, 1864, 2 тома.

⁴⁾ Preuves curieuses de l'authenticité des Mémoires de Casanova (Le Livre, январь, февраль, апрѣль и май, 1881).

⁵⁾ Nuova Antologia, 1-го февраля и 5-го августа, 1882.

⁶⁾ F. Fribolati (Gazetta d'Italia, 4-го апрѣля, 1876), Ettare Mola (Fianfulla della dominica, 2-го октября, 1881), Ademollo (ibid. 22-го апрѣля, 1883) и проч.

нымъ подлинникомъ, до тѣхъ поръ нельзя быть увѣреннымъ, что слова автора приведены вѣрно. Европейскіе архивы не на столько богаты, чтобы могли подтвердить когда либо всѣ данныя «Записокъ». Притомъ же въ нихъ оказались нѣкоторыя погрѣшности. Бартольдъ, во время своихъ продолжительныхъ критическихъ изысканій, собралъ даже всѣ мельчайшія ошибки, но среди нихъ не оказалось особенно важныхъ. Укажемъ на главные.

Казанова ошибается, говоря, что, когда онъ находился, въ сентябрѣ 1743 года, въ Марино, то происшедшая между австрійцами и испанцами стычка помѣшала одному изъ его любовныхъ подвиговъ¹⁾. Двѣ арміи встрѣтились между собою на римской территоріи только въ маѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года. Но есть ли тутъ большая ошибка? Анконскій профессоръ замѣчаетъ по этому поводу: у Гольдони, въ описаніи событій австро-испанской войны, встрѣчаются такія же неточности, а между тѣмъ никто не подумалъ изъ-за такихъ мелочей заподозрѣть его правдивость²⁾.

Казанова рассказываетъ, что въ 1744 году онъ познакомился, въ Константинополѣ съ адмираломъ Кейтомъ, министромъ-резидентомъ прусскаго короля³⁾. Это ошибка: братья Кейты вступили въ прусскую службу только въ 1748 или 1749 годахъ, а въ 1744 году Пруссія вовсе не имѣла представителя въ Константинополѣ; только въ 1755 году, она ввѣрила этотъ постъ нѣкому г. Рексену, давно уже жившему въ Константинополѣ по торговымъ дѣламъ. Казанова отнесъ къ 1744 году встрѣчу, которая должна была происходить въ Парижѣ, въ 1760 году. Это смѣшеніе весьма простительно.

Въ 1763 году, онъ находился подъ судомъ въ Лондонѣ, и увѣряетъ въ своихъ «Запискахъ», будто бы узналъ въ судѣ автора «Тома Джонеса» Фильдинга, умершаго еще въ 1754 году⁴⁾. Оказывается, что онъ видѣлъ его брата, который въ то время дѣйствительно занималъ должность мирового судьи, такъ что Казанова могъ невольно впасть въ ошибку.

Наконецъ, онъ рассказываетъ, что провелъ въ Ригѣ два мѣсяца 1764 года, до 15-го декабря⁵⁾; въ то время, по его словамъ, проѣзжала черезъ Митаву императрица Екатерина II, которая получила здѣсь съ курьеромъ извѣстіе о заговорѣ Мировича и попыткѣ возмущенія въ пользу Ивана; императрица, вмѣсто того, чтобы продолжать свое путешествіе въ Варшаву, возвратилась немедленно въ столицу⁶⁾. По словамъ Казановы, все это происходило

¹⁾ Mémoires, I, 255 (изд. Гарнье).

²⁾ Nuova Antologia, февраль, 1882, стр. 415.—Belgrano, Imbreviature di Giovanni Scriba, Генуя, 1882, стр. 486.

³⁾ Mémoires, I, 430 (изд. Гарнье).

⁴⁾ Тамъ же, VI, 555.

⁵⁾ Тамъ же, VII, 143.

⁶⁾ Тамъ же, VII, 143.

между 15-мъ августа и 15-мъ декабря 1764 года, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности описываемыя имъ событія случились ранѣе; извѣстіе о нихъ Екатерина получила дѣйствительно во время своего путешествія въ Прибалтійскій край, но это было 15-го іюля, т. е., по крайней мѣрѣ, тремя мѣсяцами ранѣе пріѣзда Казановы въ Ригу. Это ошибка существенная. Но неужели Казанова умышленно сказалъ неправду? Миѣ кажется, что и въ этомъ случаѣ была только невольная обмолвка. По пріѣздѣ въ Ригу, онъ услышалъ рассказы о возмущеніи Мировича, и это событіе такъ глубоко вѣзалось въ его памяти, что спустя двадцать лѣтъ слилось подъ перомъ автора съ его пребываніемъ въ Ригѣ.

Въ дополненіе къ всему здѣсь сказанному, я приведу еще одно обвиненіе, падающее на Казанову. Онъ говоритъ, что учился первоначально въ Падуѣ и, шестнадцати лѣтъ отъ роду, получилъ степень доктора правъ «ex utroque jure», защитивъ по гражданскому праву тезисъ: *De testamentis*, а по каноническому праву: *Utrum Hebraei possint construere novas synagogas*¹⁾. Онъ титулуется себя докторомъ правъ, даже на заглавномъ листѣ одного чрезвычайно рѣдкаго и любопытнаго сочиненія, которое принадлежитъ дреденской бібліотекѣ²⁾ и на которое я первый указалъ³⁾. Въ своей книгѣ Казанова неоднократно упоминаетъ объ этой степени⁴⁾. Одно изъ неизданныхъ небольшихъ его сочиненій озаглавлено: Мысли о среднемъ измѣреніи нашего года, согласномъ съ грегорианской реформой, соч. доктора правъ Джіакомо Казановы де Сентгаль.

Между тѣмъ, въ архивахъ Падуанскаго университета я не нашла никакихъ слѣдовъ его докторской степени. Съ 1730 по 1750 годъ никакой Казанова не значился въ спискахъ юридическаго факультета⁵⁾. Его имя не встрѣчается ни въ одномъ изъ документовъ, подтверждающихъ полученіе степени доктора: ни въ протоколахъ экзаменовъ, ни въ роспискахъ о полученіи диплома. Сборники всѣхъ этихъ документовъ сохранились вполне. При томъ никто не могъ получить степени доктора правъ до истеченія четы-

¹⁾ Mémoires, I, стр. 75 (изд. Гарнье).

²⁾ A Leonard Snetlage, Docteur en droit de l'Université de Goettingue, Jacques Casanova de Seingalt, Docteur en droit de l'Université de Padoue, 1797.

³⁾ Les connaissances mathématiques et physiques de Jacques Casanova de Seingalt, Римъ, въ типографіи математическихъ и физическихъ наукъ, 1883, 4°.

⁴⁾ Напримѣръ, онъ говоритъ въ предисловіи: «Любезный собратъ. Бесѣда между докторами можетъ вестись на школьномъ языкѣ», и далѣе: «въ качествѣ доктора in utroque jure, подобно вамъ» (A Leonard Snetlage, стр. 5 и 104).

⁵⁾ Декретомъ Венеціанской республики это внесеніе въ списки поставлено, какъ необходимое условіе; тамъ сказано: «ne quis cujuscunque nationis classisve esset, ne patavinus quidem neu venetus patriciae gentis titulos academicos peteret quin prius in gymnasii matriculum nomen suum retulisset seque scholarem professus esset».

рехъ лѣтъ строго засвидѣтельствованныхъ занятій. Чтобы на семнадцатомъ году удостоиться степени доктора, Казанова долженъ былъ еще двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ начать университетскій курсъ! Никакого исключенія въ его пользу допустить нельзя, потому что въ такомъ случаѣ дѣло было бы выяснено такъ называемымъ декретомъ *Riformatori*.

Но Казанова могъ быть и правъ, если предположить, что онъ получилъ докторскій дипломъ не отъ университета, а отъ какого нибудь графа-палатина, какъ это бывало въ старину. Само собою разумѣется, что правительство не привнавало этихъ дипломовъ, но на нихъ всегда находились охотники между молодыми людьми, любившими немного забѣгать впередъ. Вѣроятно, къ числу ихъ принадлежалъ и Казанова. Но кто упрекнетъ его за то, что онъ умолчалъ о происхожденіи своего докторскаго диплома?

Всѣ эти немногія противорѣчія составляютъ лишь неважѣтный диссонансъ въ общемъ изложеніи, согласномъ съ печатными и письменными документами. Я постараюсь выяснитъ, на сколько можно допустить правдивость нѣкоторыхъ рассказовъ, считающихся еще сомнительными, въ особенности тѣхъ, которые касаются Россіи и императрицы Екатерины.

II.

Авторъ говоритъ, что онъ родился 2-го апрѣля 1725 года, въ Венеціи, отъ Каэтана-Жозефа-Жака Казановы и Джіованны Фарози. Это справедливо. Вотъ что сказано въ актѣ крещенія, найденномъ мною въ архивахъ церкви св. Стефана, въ Венеціи: «*Adi 5 aprile, 1725. Giacomo Girolamo fig. di D. Caietano Giuseppe Casanova del q. Giac. Parmegiano Pomico, et di D-a Giovanna Maria giugali nato li 2. Conte batezzato da P. Gio. Batta Tosello Saccerd e di Chiesa de lic a p. Comp. il Signor Angelo-Filosi q m Bartolomia sta a S. Salvator hev. e Regino Salvi*». Фамильное имя его матери въ этомъ документѣ не обозначено.

Если вѣрить Казановѣ, то въ апрѣлѣ 1746 года, будучи 21 года отъ роду, онъ уже имѣлъ за собою исползнную приключеній жизнь: сдѣлался коадьюторомъ калабрійскаго епископа, а передъ тѣмъ сидѣлъ въ фортѣ св. Андрея въ Венеціи за любовныя иналости, былъ секретаремъ кардинала Аквавивы, потомъ прапорщикомъ въ бафельскомъ полку, на венеціанской службѣ. Онъ путешествовалъ по Италіи, посѣтилъ Константинополь, видѣлъ Востокъ. По возвращеніи на родину, его снова стали преслѣдовать неудачи. Онъ былъ скрипачемъ въ театрѣ св. Самуила и могъ съ трудомъ перебиваться, какъ вдругъ ему представился счастливый случай спасти жизнь сенатора Брагадина; этотъ прекрасный человѣкъ, приписывая свое спасеніе чуду, полюбилъ Казанову и взялъ его подъ свое покров-

вительство, а Казанова увѣрилъ его, что своимъ спасеніемъ онъ былъ обязанъ одному кабалистическому заговору, тайна котораго была извѣстна только ему, Казановѣ. Брагадинъ и два его товарища и друга Гандало и Барбаро, къ немалому скандалу для Венеціи, сдѣлались его слѣпыми послѣдователями. Все это подтверждается донесеніями шпіона Мануцци ¹⁾. «Удивительно,—говоритъ онъ,—что человекъ, находившійся въ положеніи Брагадина, позволилъ такимъ образомъ провести себя». Самъ Казанова не менѣе удивляется этому въ своихъ Запискахъ ²⁾. «Половина Венеціи знаетъ,—продолжаетъ доносчикъ,—что его содержитъ Брагадинъ, котораго онъ увѣрилъ, что долженъ явиться ангелъ свѣта» ³⁾.

Не менѣе правдиво описаны нелѣпыя комедіи, которыми онъ обманывалъ г-жу д'Урсе. Это была выжившая изъ ума старуха, вѣрившая въ «герметическую философію» и помѣшавшаяся на мысли возродиться посредствомъ переселенія своей души въ тѣло ребенка, котораго она родитъ передъ своею кончиной. Казанова поблажалъ всѣмъ причудамъ старухи, внушалъ ей новыя и извлекалъ изъ всего этого большія для себя прибыли. Въ Воспоминаніяхъ маркизы де-Креки есть одно мѣсто, которое подтверждаетъ всю эту длинную одиссею мистификацій ⁴⁾: «Наконецъ, она перешла въ руки другаго итальянскаго шарлатана, по имени Казановы, который былъ на столько деликатенъ, что никогда не просилъ у нея денегъ, а выманивалъ только драгоценныя камни, для составленія изъ нихъ созвѣзій. Но эта деликатность, къ сожалѣнію, не понравилась наслѣдникамъ г-жи д'Урсе, господамъ Шатле, по настоянію которыхъ Казанова былъ высланъ изъ страны. Онъ ухитрился поселить въ ея умѣ,—если только у нея былъ когда нибудь умъ,—убѣжденіе, что, будучи семидесяти трехъ лѣтъ, она сдѣлается беременною подъ вліяніемъ звѣздъ и дѣйствія кабалистическихъ цифръ, что она умретъ еще до родовъ, но возродится сама собою, притомъ совершенно взрослой дѣвушкой и не раньше, не позже, какъ по истеченіи семидесяти четырехъ дней. Стоило позаботиться только объ одномъ, именно о томъ, чтобъ ее не похоронили преждевременно. Но этого-то, къ сожалѣнію, и нельзя было добиться отъ гг. Шатле, которые, по своей привычкѣ къ непочтительности, считали свою бабушку полоумной старухой, а на г. кавалера Казанову смотрѣли просто какъ на мошенника».

Та часть Записокъ, въ которой описывается бѣгство изъ Свинцовыхъ тюремъ, возбуждала особенно сильныя сомнѣнія. Вообще полагаютъ, что Казанова былъ посаженъ въ тюрьму въ качествѣ

¹⁾ Archives de Venise, 11 ноября, 1754.

²⁾ II, 35 (изд. Гарнье).

³⁾ Mola, Rivista Europea, 16 марта, 1881, стр. 863.

⁴⁾ Souvenirs, Paris, 1842, т. I, стр. 120.

франмасона. Къ этому присоединялись еще другія побудительныя причины: продолжительное пребываніе Казановы въ чужихъ странахъ, его привычки восхвалять чужеземные обычаи, его пристрастіе къ новостямъ, его связи съ посланниками и консулами, его манія говорить пофранцузски, его угрозы убить поэта Чиари, комедій котораго были ему ненавистны. Кромѣ того, одна благородная дама, г-жа Меммо, мать троихъ молодыхъ людей, жаловалась на то, что Казанова сдѣлалъ ихъ безбожниками, а одинъ изъ племянниковъ Брагадина съ досадою видѣлъ, какъ безстыдный плебей выманиваетъ у его дяди большія денежныя суммы. Этого было достаточно. Судебное дѣло, производившееся въ венеціанскомъ трибуналѣ, не сохранилось; но до насъ дошли приказъ, отъ 21-го августа 1755 года, объ арестѣ Казановы: «за многія важныя преступленія, именно за публичное неуваженіе къ пресвятой вѣрѣ», и «актъ отъ 12-го сентября того же года объ осужденіи его на пятилѣтнее заключеніе въ Свинцовыхъ тюрьмахъ»¹⁾.

Производилось ли, однако, судебное дѣло по этому поводу? Казанова говоритъ, что ему не было сдѣлано ни одного допроса, и нѣтъ повода сомнѣваться въ томъ, что онъ говоритъ правду. Что Казанова дѣйствительно скрылся изъ Свинцовыхъ тюремъ ночью 31-го октября 1756 года, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Одинъ современный хроникеръ, Бенigna, отмѣчаетъ въ своей рукописи Марсіана, подъ 1-мъ числомъ ноября 1756 года: «Бѣгство изъ Свинцовыхъ тюремъ Марена Бальби Сомаска и Джакомо Казановы, которые вошли въ гондолу на пути С. Цорци alla Сесса»²⁾. Дѣйствительно ли его бѣгство происходило такъ, какъ оно описано въ его разсказѣ? Многіе не вѣрятъ этому, но ихъ возраженія не могутъ устоять противъ фактовъ. Анконскій профессоръ осматривалъ темницу Казановы и исправилъ въ его разсказѣ все, что можно было исправить, причемъ убѣдился, на сколько это позволяли произведенныя въ зданіи передѣлки, въ точности топографическихъ указаній Казановы.

Впрочемъ, для устраненія всѣхъ сомнѣній, достаточно указать на сохранившіяся въ архивахъ отмѣтки о работахъ, произведенныхъ для задѣлки отверстія, сдѣланнаго въ трубѣ темницы, и починки окна въ герцогской канцеляріи и одной двери; эти три поврежденія, описанныя Казановой, обошлись инквизиціи вмѣстѣ съ другими передѣлками, произведенными изъ предосторожности, въ 1618 итальянскихъ фунтовъ³⁾.

Путевыя замѣтки Казановы, за которыми такъ трудно слѣдить по картѣ Европы, подтверждаются, по крайней мѣрѣ отчасти, ди-

¹⁾ Mola, Rivista Europea, стр. 868.

²⁾ Bibliothèque Marciana, ms ital. cl. VII, № 1620.

³⁾ Armand Baschet (Le Livre, 2-й годъ, стр. 21).

пломатическими документами и его собственной корреспонденціей. Его второе путешествіе въ Голландію, предпринятое для переговоровъ о займѣ, которые не имѣли успѣха, отнесено въ его Запискахъ къ послѣднимъ мѣсяцамъ 1759 года; по его словамъ, онъ имѣлъ рекомендательныя письма къ французскому министру-резиденту. Все это справедливо: по просьбѣ виконта Шуазёля, они были присланы его родственникомъ, герцогомъ Шуазёлемъ; какъ просьба, такъ и отвѣтъ на нее находятся въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ¹⁾. Депеши французскихъ резидентовъ въ Боннѣ и Кельнѣ, помѣченныя 1760-мъ годомъ, упоминаютъ о его проѣздѣ чрезъ эти города въ тѣ самые дни, которые показаны и въ Запискахъ. Письмо, адресованное имъ къ государственнымъ инквизиторамъ изъ Лондона, отъ 18-го ноября 1763 года, съ предложеніемъ новаго способа окрашиванія хлопчатой бумаги²⁾, подтверждаетъ показанное въ его Запискахъ время его пребывания въ Англии. Напечатавъ въ Лугано свое возраженіе на Исторію венеціанскаго правительства Ансело де ла Гусса, онъ намѣревался, по его словамъ, представить свою книгу венеціанскому резиденту въ Туринѣ, г. Берлендису, съ тѣмъ, чтобы послѣдній официально поднесъ ее, отъ его имени, инквизиторамъ³⁾. Потомъ, потерявъ надежду получить мѣсто при туринскомъ дворѣ, онъ представлялся графу Орлову, съ которымъ еще прежде познакомился въ Петербургѣ и который, при встрѣчѣ съ Казановой въ Ливорно, выразилъ готовность взять его на свой корабль, отправлявшійся въ Дарданеллы: всѣ эти обстоятельства подтверждаются въ письмахъ резидента Берлендиса⁴⁾. Но такъ какъ Орловъ почему-то не счелъ нужнымъ взять его съ собою, то Казанова отправляется въ Римъ и, на пути, останавливается въ Пизѣ у профессора Доминика Стратико, который приглашаетъ его побывать въ Сиеннѣ и даетъ ему, въ числѣ другихъ рекомендацій, письмо къ аббату Сіасчері. Послѣдній познакомилъ его съ одною славившеюся въ то время поэтессой, аркадской пастушкой Маріей Фортуна, принявшей имя Ивидеи Эгирены. Анконскій профессоръ напечаталъ нежданное письмо Казановы, писанное изъ Рима, 19-го мая 1770 года, и вполне подтверждающее все, что говорится въ его Запискахъ объ отношеніяхъ ихъ автора къ профессору Доминику Стратико⁵⁾.

Послѣ короткаго пребыванія въ Римѣ, Казанова ѣдетъ въ Неаполь, гдѣ ведетъ, по своему обыкновенію, веселую жизнь въ компаніи съ Гамилейономъ. Приглашенный однажды на обѣдъ къ князю

¹⁾ Archives du Ministère des affaires étrangères, serie Bonn et Cologne, 1760 (Armand Baschet).

²⁾ Cinque Scritture di Giacomo Casanova, Venezia, 1869, стр. 9.

³⁾ Mémoires, VIII, 45 (Гарнье).

⁴⁾ Armand Baschet (Le Livre).

⁵⁾ Nuova Antologia, февраль, 1882, стр. 421.

«истор. вѣстн.», августъ, 1885 г., т. XXI.

Франквиллю, онъ былъ свидѣтелемъ интереснаго зрѣлища: «Князь повелъ насъ въ небольшую купальню, устроенную имъ у морскаго берега. Одинъ священникъ, совершенно раздѣвшись, бросился въ воду и, не дѣлая никакого движенія, всплылъ на поверхность, подобно еловой доскѣ. Тутъ не было употреблено въ дѣло никакой хитрости, и нельзя сомнѣваться въ томъ, что эта способность зависѣла отъ его внутренней организаціи»¹⁾.

Здѣсь можно опять заподозрѣть обманъ, но анконскому профессору удалось открыть даже имя священника: это былъ нѣкто донъ-Паоло Моцейя изъ Фраттамаджіоре, родившійся въ этомъ мѣстечкѣ въ 1715 году и умершій въ 1759 году, преподаватель словесности и греческаго языка; главнѣйшія европейскія академіи подвергали его внимательному изслѣдованію, о немъ часто упоминала печать, и самъ онъ разсказалъ о себѣ публикѣ въ латинскомъ письмѣ къ Марку Антонію Колоннѣ, князю Аліано, напечатанномъ въ «Nouvelles Littéraires» Лами (XXX, стр. 776).

Изъ Неаполя Казанова отправляется, въ октябрѣ 1772 года, въ Анкону, и вотъ какъ описываетъ его консулъ Бандіера: «Его можно встрѣтить вездѣ, онъ выглядитъ честнымъ человекомъ, держитъ себя смѣло и хорошо одѣвается. Онъ принятъ во многихъ домахъ и говоритъ, что намѣренъ вскорѣ ѣхать въ Триестъ и въ Германию. Ему не болѣе 40 лѣтъ отъ роду; это мужчина высокаго роста, здороваго, повидимому, тѣлосложенія, съ очень смуглымъ цвѣтомъ кожи, живымъ взглядомъ и коротко остриженными, темно-русскими волосами. Мнѣ говорили, что онъ отличается смѣлымъ и безпокойнымъ характеромъ, но болѣе всего остроуміемъ и ученостью въ своей бесѣдѣ»²⁾.

Почти то же самое писалъ о немъ князь де-Линь: «Это былъ бы очень красивый по наружности мужчина, еслибъ его красотѣ не мѣшали черты лица; онъ высокъ ростомъ, сложенъ, какъ Геркулесъ, но у него темный цвѣтъ лица; его живые глаза, въ которыхъ блеститъ умъ, но постоянно отражаются раздражительность, безпокойство или злорадіе,—придаютъ ему нѣсколько свирѣпый видъ. Его легче разсердить, чѣмъ развеселить, и онъ рѣдко смѣется, но умѣетъ смѣшить другихъ; въ его манерѣ разсказывать есть что-то напоминающее дурачащагося арлекина и Фигаро и дѣлающее разсказъ очень забавнымъ. Есть, однако, такія вещи, которыхъ онъ не знаетъ, хотя и имѣетъ притязаніе на знакомство съ ними, а именно: правила танцевъ, французскаго языка, вкуса, знанія свѣта и свѣтской вѣжливости»³⁾.

Изъ Анконы Казанова ѣдетъ въ Триестъ. Приемъ у венеціанскаго консула, Маріо Манти, сдѣланное ему послѣднимъ предложе-

¹⁾ Mémoires, VIII, стр. 132.

²⁾ Armand Baschet (Le Livre).

³⁾ Aventuros.

чіе испросить согласіе инквизиторовъ воспользоваться его услугами въ переговорахъ о предпріятіи армянскихъ священниковъ, удалившихся съ венеціанской территоріи, чтобы основать въ Триестѣ типографію, которая, какъ полагали, могла вредить интересамъ республики, возникшая между трибуналомъ инквизиторовъ и консульствомъ переписка, представленіе Казановы императорскимъ властямъ въ Триестѣ для испрошенія перемѣнъ въ нѣкоторыхъ таможенныхъ конвенціяхъ, заключенныхъ между двумя сопредѣльными государствами, награды за его первыя услуги, оказанныя съ разрѣшенія инквизиторовъ, поданная ими надежда получить помилованіе, однимъ словомъ, рѣшительно все, что онъ рассказываетъ, подтверждается официально сохранившимися современными документами¹⁾.

На это, пожалуй, можно возразить, что всѣ приведенныя здѣсь подтвержденія относятся къ общественной жизни Казановы; но кто поручится за истину рассказываемыхъ имъ интимныхъ вещей и его безчисленныхъ счастливыхъ приключеній, короче сказать, того, о чемъ никто не зналъ или знали только немногіе? Вотъ одинъ изъ подобныхъ случаевъ. Въ началѣ 1758 года, онъ возобновилъ въ Парижѣ знакомство съ госпожею Х. Г. У., которую знавалъ еще въ Венеціи; она была родомъ гречанка и вышла замужъ за одного англичанина, который умеръ, оставивъ ей шестерыхъ дѣтей, въ томъ числѣ четырехъ дочерей. Казанова влюбился въ старшую изъ нихъ еще въ Падуѣ, за пять лѣтъ до новой встрѣчи съ ними. Ей предстояло выйдти замужъ за откупщика Лериша де-ла-Попелиньеръ; но, кромѣ того, былъ еще другой искатель ея руки, нѣкто Фарветти, венеціанскій патрицій, командоръ мальтійскаго ордена и литераторъ, у котораго была манія заниматься философскими науками и который писалъ недурные латинскіе стихи. Но, какъ старый финансовый дѣлецъ, такъ и латинскій поэтъ ей одинаково не нравились; ея сердце осталось въ Венеціи, а всего важнѣе было то обстоятельство, что она была уже беременна. Молодая дѣвушка ввѣрила свою тайну Казановѣ, умоляя его спасти ея честь. Она желала изгнанія плода, но Казанова возсталъ противъ этого. Впрочемъ, однажды на балу въ оперномъ театрѣ онъ согласился свести ее къ одной повивальной бабкѣ. Эта женщина, по его словамъ, тотчасъ же предложила произвести изгнаніе плода за вознагражденіе въ пятьдесятъ луидоровъ, но это предложеніе было отвергнуто Казановой съ презрѣніемъ. Извѣстно, послѣ какихъ странныхъ приключеній эта дѣвушка отправилась тайно въ одинъ монастырь, гдѣ и разрѣшилась отъ бремени. Казанова пересталъ уже думать объ этомъ дѣлѣ, когда встрѣтилъ однажды въ Тюльерійскомъ саду ту мегеру, къ которой онъ приходилъ нѣкогда за

¹⁾ Armand Baschet (Le Livre).

совѣтомъ и которую на этотъ разъ сопровождалъ одинъ изъ постоянныхъ посѣтителей игорныхъ вертеповъ, по имени Кастельбажакъ. На третій день послѣ этого, онъ получилъ повѣстку о явкѣ къ полицейскому комиссару, для объясненій по жалобѣ, принесенной на него одною повивальною бабкой, имя которой, по его увѣренію, онъ забылъ. «Въ этой жалобѣ она писала, что однажды ночью я пришелъ къ ней съ молодой женщиной, которая уже около пяти мѣсяцевъ была беременна, и что, держа въ одной рукѣ пистолеть, а въ другой свертокъ съ пятьюдесятью луидорами, я представилъ ей на выборъ одно изъ двухъ: или умереть, или заработать тысячу двѣсти франковъ, посредствомъ изгнанія плода у этой дамы, которая, подобно мнѣ, была въ домино, изъ чего можно было заключить, что мы оба только что ушли съ бала въ оперномъ театрѣ. Страхъ,—писала она,—не дозволилъ ей отказаться наотрѣзъ, но у нея еще достало присутствія духа, чтобы сказать мнѣ, что готоваго снадобья у нея нѣтъ, но что она приготовить все необходимое къ слѣдующей ночи, послѣ чего мы ушли отъ нея, обѣщая зайдти снова. Полагая, что я такъ и сдѣлаю, она рано утромъ отправилась къ г. Кастельбажаку и просила его позволить спрятаться въ сосѣдней комнатѣ, защитить ее противъ всякаго насилія и предлагала ему подслушать то, что я буду ей говорить; но съ тѣхъ поръ она уже не видѣла меня болѣе. Она присовокупляла, что непремѣнно заявила бы на другой же день о случившемся съ нею, еслибъ только знала, кто я такой; но что, встрѣтивъ меня наканунѣ въ Тюльерійскомъ саду и узнавъ отъ г. Кастельбажака мое имя, она считаетъ долгомъ совѣсти подать заявленіе обо мнѣ, чтобы со мною поступлено было по всей строгости законовъ, а она получила бы удовлетвореніе за нанесенную ей мною обиду. Эта просьба была подписана Кастельбажакомъ въ качествѣ свидѣтеля»¹⁾).

Мнѣ удалось отыскать въ «Национальныхъ Архивахъ» имя повивальной бабки вмѣстѣ съ подлинной жалобой, допросомъ комиссара и встрѣчной жалобой Казановы. Этими документами подтверждаются всѣ наиболѣе выдающіеся факты въ разсказѣ Казановы, напримѣръ, его адресъ, меблированный домъ, находившійся въ сотнѣ шаговъ отъ заставы Магдалины, допросъ Кастельбажака, адресъ венеціанскаго семейства, проживавшаго въ одномъ отелѣ улицы St. André des Arts, который въ «Запискахъ» названъ отелемъ Бретань; далѣе, сдѣланныя будто бы бабкѣ предложенія относительно изгнанія плода и отношенія упомянутой семьи къ г. де-Попелиньеру и т. д.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Mémoires, III, 421 (изд. Rose).

ЭПОХА РЫЦАРСКИХЪ КАРУСЕЛЕЙ И АЛЛЕГОРИЧЕСКИХЪ МАСКАРАДОВЪ ВЪ РОССИИ.

ВЪ БЛЕСТЯЩЕЙ вѣкъ Екатерины, эстетическія забавы и наслажденія получили широкое развитіе. Роскошь и великолѣпіе ея общественныхъ пировъ и торжествъ доходили до степени сказочнаго азіатскаго волшебства. Рядъ такихъ блестящихъ празднествъ начался съ прибытіемъ императрицы въ Москву для коронованія. Первый такой большой историческій праздникъ былъ назначенъ на шестой мѣсяць по совершеніи коронаціи. За мѣсяць до этого торжества появилась афиша, которою извѣщалось: «Сего мѣсяца 30-го и февраля 1-го и 2-го, т. е. въ четвертокъ, субботу и воскресенье, по улицамъ: Большой Нѣмецкой, по обѣимъ Басманнымъ, по Мясницкой и Покровкѣ, отъ 10-ти часовъ утра за поздни, будетъ ѣздить большой маскарадъ, названный «Торжествующая Минерва», въ которомъ изъяснится гнусность пороковъ и слава добродѣтели. По возвращеніи онаго къ горамъ, начнутъ кататься и на сдѣланномъ на то театрѣ представлять народу разныя игральщица, пляски, комедіи кукольныя, фокусъ-покусъ и разныя тѣлодвиженія, станутъ доставать деньги своимъ проворствомъ охотники ѡбгаться на лошадахъ и прочее; кто оное видѣть желаетъ, могутъ туда собираться и кататься съ горъ во всю недѣлю масленицы, съ утра и до ночи, въ маскѣ и безъ маски, кто какъ похочетъ, всякаго званія люди».

Устройство маскарада стоило большихъ хлопотъ; программу, по приказанію императрицы, составлялъ извѣстный первый русскій

актеръ Федоръ Григорьевичъ Волковъ (1729—1763), объяснительные стихи къ программѣ сочинилъ М. М. Херасковъ, а хоры къ маскарладу написалъ А. П. Сумароковъ. Машины и другія аксессуарныя вещи дѣлалъ механикъ италіанецъ Бригонцій¹⁾.

Всѣхъ дѣйствующихъ лицъ въ этомъ маскарадѣ было болѣе 4,000 человекъ, двѣсти огромныхъ колесницъ были везены, запряженными въ нихъ отъ 12-ти до 24-хъ въ каждой, разубранными волами. Это торжественное шествіе уподоблялось бывшимъ въ древности римскимъ увеселеніямъ.

Подробности этого маскарлада описаны въ книжкѣ, напечатанной въ 1763 году въ Москвѣ при университетѣ, съ такимъ заглавіемъ: «Торжествующая Минерва», общенародное зрѣлище, представленное бывшимъ маскарладомъ въ Москвѣ 1763 года, генваря (?) дня²⁾. Маскарладное шествіе открывалось предвозвѣстникомъ торжества со свитою и раздѣлено было на отдѣленія. Предъ каждымъ несли на богато украшенномъ шестѣ особенный знакъ. Первый знакъ былъ Момуса, или пересмѣшника, на немъ были куклы и колокольчики съ надписью «Упражненіе малоумныхъ», за нимъ слѣдовалъ хоръ комической музыки, большія литавры и два знака Момусовыхъ. Театры съ кукольщиками, по сторонамъ двѣнадцать человекъ на деревянныхъ коняхъ съ погремушками. Флейтчики и барабанчики въ кольчугахъ. Далѣе ѣхали верхомъ Родомонтъ, Забіяка, храбрый дуракъ, за нимъ слѣдовалъ пажъ, поддерживая его косу. Послѣ него служители Панталоновы, одѣтые въ комическое платье, и Панталонъ—пустошавецъ въ портшезѣ, который несли четыре человека. Потомъ шли служители глухаго педанта, одѣтые скарамушами (?), слѣдовала книгохранительница безумнаго враля; далѣе шли дикари съ ассистентами, несли мѣсто для арлекина; затѣмъ два человека вели быка съ придѣланными на груди рогами; на немъ сидящій человекъ имѣлъ на груди оконницу и держалъ модель кругомъ вертящагося дома; передъ нимъ двѣнадцать человекъ въ шутовскомъ платьѣ, съ дудками и погремушками. Эту группу программа объясняетъ такъ: «Момъ, видя человека, смѣялся, для чего боги не сдѣлали ему на грудяхъ окна, сквозь которое бы въ его сердце можно было смотрѣть; быку смѣялся, для чего боги не поставили ему на

¹⁾ Известный строитель Царскосельскаго театра, затѣмъ сценъ Эрмитажнаго и Большаго театровъ. Убытки при кладкѣ фундамента государственнаго банка довели этого художника до сумасшествія, и онъ покончилъ съ жизнью, бросившись въ Фонтанку, близъ Лѣтняго сада; по смерти его императрица запретила употребленіе машинъ на театрахъ.

²⁾ Это описаніе было выпущено въ крайне ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Краткія перепечатки изъ него были въ «Маякѣ» 1840 г. и «Москвитинѣ» 1850 года. Всѣ перепечатки неполны и сдѣланы съ большими пропусками; мы воспроизводимъ теперь полностью изъ имѣющагося у насъ экземпляра этой рѣдкой книжки.

грудяхъ роговъ, и тѣмъ лишили его большей силы, а надъ домою смѣялся, отчего не можно его, если у кого худой сосѣдъ, поворотить на другую сторону».

Момусъ съ своею свитою заключалъ первое отдѣленіе маскарада. Второе отдѣленіе представлялъ Бахусъ; знакъ—ковлиная голова и виноградныя кисти; надпись—«Смѣхъ и безстыдство».

Затѣмъ — пещера Пана, окруженная пляшущими и поющими нимфами; далѣе пляшущіе сатиры и вакханки съ виноградными кольями, тамбуринами, бряцалками и корзинами съ виноградомъ.

Сатиры ѣхали на козлахъ, пересмѣхаемые бѣгущими за ними; двое подвигались на свиньяхъ и двое съ обезьянами. Колесница Бахуса, заложенная тиграми, и сатиры съ тамбуринами и бряцалками; далѣе сатиры вели осла, на которомъ сидѣлъ пьяный Силентъ, поддерживаемый сатирами; наконецъ, пьяницы тащили сидящаго на бочкѣ толстаго краснолицаго откупщика; къ его бочкѣ были прикованы корчемники и шесть крючковъ. Затѣмъ слѣдовали цѣловальники съ мѣрками и насосами и двѣ стойки съ питьемъ, на которыхъ сидѣли чумаки съ гудками, балабайками, съ рылями и волынками. Отдѣленіе Бахуса заключалъ хоръ пьяницъ. Предъ третьимъ отдѣленіемъ маскарада былъ знакъ съ надписью «Дѣйствіе злыхъ сердець»; онъ представлялъ ястреба, терзающаго голубя, паука, спускающагося на муху, кошачью голову съ мышью въ зубахъ и лисицу, давающую пѣтуха. «Нестройный хоръ музыки, гдѣ музыканты наряжены въ видѣ разныхъ животныхъ; забіяки, борцы и кулачные бойцы окружаютъ дискордію, или несогласіе, бьются, борются, бѣгаютъ съ убійственными орудіями и три фурии съ ними».

Четвертое отдѣленіе представляло «Обманъ», на знакѣ была изображена маска, окруженная змѣями, кроющимися въ розахъ, съ надписью «Пагубная прелесть»; за знакомъ шли цыгане и цыганки, пьющіе, поющіе и пляшущіе колдуны и ворожеи и нѣсколько дьяволовъ. Въ концѣ слѣдовалъ обманъ въ лицѣ прожектеровъ и аферистовъ.

Пятое отдѣленіе было посвящено посрамленію невѣжества; на знакѣ изображены были: черныя сѣти, нетопырь и ослиная голова, надпись «Вредъ и непотребство». Хоръ представлялъ слѣпыхъ, ведущихъ другъ друга; четверо, держа замерзшихъ змѣй, грѣли и отдували ихъ. Невѣжество ѣхало на ослѣ. Праздность и злословіе сопровождала толпа лѣнливыхъ.

Отдѣленіе шестое изображало «Мздоимство». На знакѣ было изображеніе гарпіи, окруженной крапивой, крючками, денежными мѣшками и изломанными вѣсами. Надпись гласила «Всеобщая пагуба». Ябедники, сопровождаемые духами ябеды, и стряпцій крючкотворецъ открывали шествіе. Подъячіе шли съ знаменами, на которыхъ написано было крупными литерами «Завтра». Нѣсколько замаскированныхъ длинными огромными крючьями тащили за собою

зараженныхъ акциденцію, т. е. взяточниковъ, обвѣшанныхъ крючками; повѣренные и сочинители ябедъ шли съ сѣтями, опутывающая и стравливая идущихъ людей разнаго званія; хромая «Правда» тащилась на костыляхъ съ переломленными вѣсами, сутяги и аферисты гнали ее, колотя въ спину туго набитыми денежными мѣшками. Затѣмъ везли взятку, или акциденцію, сидящую на ящикахъ, изъ которыхъ вылуплялись гарпіи. Два друга Кривосудъ-Обираловъ и Взятколюбъ-Обдираловъ ѣхали, бесѣдуя о взяткахъ, при нихъ состояли пакостники, которые разсыпали вокругъ на пути крапивныя сѣмена. Въ концѣ за ними шли обобранные тяжущіеся съ пустыми мѣшками, печально опустивъ головы.

Седьмое отдѣленіе изображало міръ наизуворотъ, или «Превратный свѣтъ»; на знакѣ видѣлось изображеніе летающихъ четвероногихъ звѣрей и человѣческое лицо, обращенное внизъ; надпись— «Непросвѣщенные разумы». Хоръ шелъ въ развратномъ видѣ, въ одеждахъ на изнанку, два трубача ѣхали на верблюдахъ, литавщикъ на быкѣ, за ними четверо шли задомъ; слуги въ ливреяхъ везли открытую карету, въ которой разлеглась лошадь; вертопрахщеголи везли другую карету, съ посаженною въ ней обезьяною; нѣсколько карлицъ съ трудомъ поспѣвали за великанами, за ними подвигалась люлька съ спеленатымъ въ ней старикомъ, котораго кормилъ грудной мальчикъ. Въ другой люлкѣ лежала старушка, играла въ куклы и сосала рожокъ, а за нею присматривала маленькая дѣвочка съ розгой; затѣмъ везли свинью, покоящуюся на розахъ; за нею брелъ оркестръ пѣвцовъ и музыкантовъ, въ которомъ дѣйствующія лица были: покійшій оселъ и козелъ, игравшій на скрипкѣ; при нихъ состояло нѣсколько лицъ, одѣтыхъ развратно. Далѣе везли химеру, которую разрисовывали четыре плохихъ маляра и пѣснословили два рифмача, ѣхавшіе на коровахъ; Диогенъ съ фонаремъ въ рукѣ катился на бочкѣ. Гераклитъ и Демокритъ, т. е. смѣхъ и горе, несли земной глобусъ, а за ними шесть странно одѣтыхъ, съ вѣтряными мельницами, представляли любителей празднословія.

Восьмое отдѣленіе глумилось надъ спѣсью; знакъ украшался павлинымъ хвостомъ, окруженнымъ нарциссами, а подъ ними зеркало съ отразившеюся въ немъ надутую харей съ надписью: «Самолюбіе безъ достоинствъ». Хоръ составляли рабы, съ трубачами и литавщиками, за ними шли: скороходы, лакеи, пажи и гайдуки, предшествуя пышному рыдвану спѣси и окружая его.

Отдѣленіе девятое представляло «Мотовство и бѣдность съ ихъ свитами». На знакѣ видѣнъ былъ опрокинутый рогъ изобилія, изъ котораго сыпалось золото, по сторонамъ курящіяся кадильницы; надпись гласила: «Безпечность о добрѣ». Хоръ шелъ въ платьяхъ, обшитыхъ картами; два знамени были составлены изъ множества спитыхъ картъ; потомъ шли рядомъ пиковый валетъ, король и

дама, за ними трефовый валетъ, король и дама, послѣ того червонныя и бубновыя фигуры картъ. За ними слѣдовала слѣпая фортуна, затѣмъ счастливыя игроки и несчастные съ растрепанными волосами, брели и двѣнадцать нищихъ съ котомками. Затѣмъ еще толпа картежниковъ и костырниковъ; шествѣ замыкала колесница развращенной Венеры съ сидящимъ вольѣ нея купидономъ. Къ колесницѣ были прикованы гирляндами цвѣтовъ нѣсколько особъ обоюга пола, затѣмъ шла «Роскошь» съ мотами-асиссентами. Хоръ поющихъ бѣдняковъ и скупость съ своими послѣдователями, скрягами, въ характерныхъ маскахъ; четырнадцать кузнецовъ шли за скрягами съ ихъ инструментами, за ними подвигалась часть горы Этны, на которой Вулканъ съ циклопами ковалъ громовыя стрѣлы на поражение пороковъ.

За этимъ отдѣленіемъ начиналось самое торжественное и великолѣпное шествіе — маскарадъ; открывалось оно колесницей Юпитера-громовержца, и затѣмъ слѣдовали персонажи, изображавшіе золотой вѣкъ.

Впереди этой группы шелъ хоръ пастуховъ съ флейтами, за ними слѣдовали двѣнадцать пастушекъ, и шелъ хоръ отроковъ съ оливковыми вѣтвями, славя дни золотого вѣка и пришествіе Астреи на землю. Двадцать четыре часа, въ одеждѣ, блестящей золотомъ, окружали золотую колесницу, въ которой Астрея призывала радость, вокругъ нея тѣснились стихотворцы толпой, увѣнчанные лаврами, призывая миръ и счастье на землю; далѣе появлялся цѣлый Парнасъ съ музами и колесница для Аполлона; потомъ шли земледѣльцы съ ихъ орудіями, несли миръ въ облакахъ, зажигающій военныя оружія; затѣмъ шла группа Минервы съ добродѣтелями; впереди были трубачи и литаврщики; за ними науки и искусства, при торжественныхъ звукахъ трубъ и литавръ, предшествовали колесницѣ добродѣтели, которую окружали маститые старцы въ бѣлой одеждѣ и лавровыхъ вѣнкахъ: герои, прославленные исторіей, ѣхали на бѣлыхъ коняхъ, за ними шли законодатели, философы. Хоръ отроковъ въ бѣлыхъ одеждахъ, съ зеленѣющими вѣтвями, съ вѣнками на головахъ предшествовалъ колесницѣ торжествующей Минервы. Надъ нею видна была Викторія (побѣда) и слава. Хоры и оркестры роговой музыки гремѣли:

Ликовствуйте днесь,
Ликовствуйте здѣсь,
Воздухъ, и земля, и воды!
Веселятся, народы,
Матерь наша, Россы, вамъ,
Затворила Яна храмъ.
О Церера, и Помона, и прекрасная Флора,
Получайте днесь,
Получайте здѣсь

Безъ препятствъ даръ солнечнаго взора!
 О душевна красота,
 Жизни сей утѣха, жизни сей отрада,
 Раствори врата
 Храма своего, Паллада!

Маскарадное шествіе заключалось горой Діаны, озаренною лучезарными свѣтилами.

Три дня двигался этотъ маскарадъ по московскимъ улицамъ, собираясь на полѣ, предъ Аннинскимъ дворцомъ или Головинскимъ, противъ Нѣмецкой слободы, за Яузкою, и шель черезъ всю слободу, Басманную и возвращался по старой Басманной черезъ мосты: Елоховъ и Салтыковъ, къ зимнимъ гораамъ, иллюминированнымъ разноцвѣтными фонарями. Не смотря на холодную погоду, всѣ окна, балконы и крыши домовъ были покрыты любопытными¹⁾, и, кромѣ того, толпы народа провожали эту процессію.

Народъ ликовалъ непритворною радостью; вездѣ раздавались веселыя пѣсни, звукъ дудокъ, флейтъ, бой барабановъ и т. д.

Вотъ что пѣли хоры, участвующіе въ процессіи. Хоръ сати-ровъ пѣлъ:

Въ сыры дни мы примѣчали,
 Три дня и три ночи на рынкѣ:
 Никого мы не встрѣчали,
 Ктобъ ни коснулся хмѣля крынкѣ.
 Въ сыры дни мы примѣчали:
 Шумъ блистаетъ,
 Шаль мотаеъ,
 Дурь летаетъ,
 Хмѣль шатаеъ,
 Разумъ таетъ,
 Зло хватаетъ,
 Нагли враки,
 Сплетни, драки,
 И грызутся какъ собаки.
 Примпритесь!
 Рыда жалѣйте и груди!
 Пьяные, пьяные люди,
 Не деритесь!

Хоръ пьяницъ пѣлъ:

Двоенны водки, водки скляница!
 О Вахусъ, о Вахусъ, горькой пьяница!
 Просимъ, молимъ васъ,

¹⁾ Этотъ маскарадъ стоилъ жизни его автору Ѳ. Г. Волкову. Развѣшая верхомъ для наблюденія за порядкомъ маскарада, Волковъ сильно прстудился и слегъ въ постель. Онъ скончался 4-го апрѣля 1763 года. См. «Опытъ словаря о россійскихъ писателяхъ», Н. И. Новикова, стр. 40.

Утѣшайте насъ;
 Отечеству служимъ мы болѣе всѣхъ,
 И болѣе всѣхъ
 Достойны утѣхъ;
 Всякъ часъ возвращаемъ кабацкой ны сборъ:
 Подъ вирь-вирь-вирь, донъ-донъ-донъ, протчи службы вадоръ.

Хоръ къ обману пѣль слѣдующее:

Пусть мошенникъ шарить, невелико дѣло;
 Срѣзана мошонка, государство цѣло;
 Таль-лалъ, ла-ла, ра-ра!
 Плутяшку онъ пара.
 Къ ябедѣ приказной устремленъ догадкой,
 Правду гонить люто крючкотворецъ гадкой,
 Таль-лалъ, ла-ла, ра-ра,
 И плуту онъ пара.
 Откупщикъ усердной на Руси народу
 Въ прибыль государству откупаетъ воду;
 Таль-лалъ и т. д.
 Къ общу благоденству кто прерветъ дороги,
 Ежели приставить ко лбу только роги!
 Таль-лалъ и т. д.

Хоръ невѣжества пѣль:

То же все въ ученой рожѣ,
 То же въ мудрой кожѣ:
 Мы полезнаго желаемъ,
 А на вредъ ученья лаемъ;
 Прочь и азъ, и буки,
 Прочь и всѣ литеры изъ рядъ!
 Грамота, науки
 Вышли въ мѣръ изъ ада.
 Лучше жить безъ заботы,
 Убѣгать работы.
 Лучше ѣсть, и пить, и спать,
 Нежели въ умѣ копати.
 Трудны къ тѣмъ хоромамъ
 Въ гору отъ земли подъѣзды,
 Въ коняхъ астрономамъ
 Плятятся на звѣзды.

Хоръ къ «мздоимству» пѣль:

Есть ли староста бездѣльничъ, такъ и земской плутъ,
 И совсѣмъ они забыли, что ременной внуть.
 Взятки въ жизни красота,
 Сладше меда и сота:
 Такъ-то крючкотворецъ медить,
 Какъ на взятки крючкомъ цѣлить;
 Такъ-то староста богатой,
 Сельской насыщаясь платой,—

Такъ ихъ весь содомъ.
 Крючкотворцевъ жена —
 Такой же сатана!
 А отъ эдакой насѣдки —
 Таковыя же и дѣтки;
 Съ сими тварьми одинаки
 Батраки ихъ и собаки:
 Весь таковъ ихъ домъ.

Хоръ къ превратному свѣту:

Приплыла къ намъ на берегъ собака,
 Изъ заполючнаго моря,
 Изъ захододнаго океана;
 Прилетѣлъ оттоль и соловейка,
 Спрашивалъ гостью прѣвжу,
 За моремъ какіе обряды.
 Гостя прѣвжая отвѣчала:
 Многое хулы тамъ достойно,
 Я бы разсказати то умѣла,
 Есть ли бы сатиры пѣть я смѣла,
 А теперъ я пѣти не желаю,
 Только на пороки я полаю;
 Соловей, давай и оброки.
 Просвищи заморскіе пороки—свистъ
 За моремъ хамъ-хамъ-хамъ-хамъ и т. д.

Хоръ къ гордости исполняль:

Гордость и тщеславіе выдумалъ бѣсъ,
 Шеринъ да беринъ, лисъ-тра-фа,
 Фаръ-фаръ-фаръ, люди-еръ-арцы,
 Шинда-шиндара, транду-трандара,
 Фаръ-фаръ-фаръ-фаръ и т. д.

Хоръ игроковъ голосиль:

Подайте картежникамъ милостинку;
 Черви, бубны, вѣны, жлуди всѣхъ насъ разорили
 И, лишивъ насъ пропитанья, гладомъ поморили.

Хоръ къ влатому вѣку воспѣваль:

Блаженны времена настали
 И истины лучемъ Россію облистали.
 Подсолнечна, внемли!
 Астрея на земли,
 Астрея во странахъ російскихъ водворилась,
 Астрея воцарилась.
 Рокъ щедрый рекъ:
 Настани россамъ ты, влатой желанный вѣкъ —
 И се струи російскихъ рѣкъ,
 Во удивленіе сосѣдомъ,
 Млекою текутъ и медомъ.

Хоръ къ Парнасу пѣль:

Лейтесь, токи Ипокрены,
 Вы съ Парнасскія горы,
 Орошайте вы долины
 И прекрасные луга!
 Напойтесь, россияне,
 Тѣми сладкими струями,
 Кои Греція пила,
 И, имѣя на престолѣ,
 Вы, аеинскую богиню,
 Будьте аеиняне вы!..

Государыня смотрѣла на маскарадъ, объѣзжая улицы Москвы въ раззолоченой каретѣ, запряженной въ восемь красивыхъ неаполитанскихъ лошадей, съ цвѣтными кокардами на головахъ. Императрица сидѣла въ ало-бархатномъ русскомъ платьѣ, унизанномъ крупнымъ жемчугомъ, съ звѣздами на груди и въ брилліантовой діадемѣ на головѣ. За нею тянулся огромный поѣздъ высокихъ тяжелыхъ золотыхъ каретъ съ крыльцами по бокамъ,—каретъ, очень похожихъ на вѣера, на низкихъ колесахъ, въ которыхъ виднѣлись: распудренные головы вельможныхъ царедворцевъ, бархатные или атласные кафтаны, расшитые золотомъ или унизанные блестками съ большими стальными или стеклянными пуговицами, пюсовыя камзолы, лосинные чинчиры въ обтяжку и т. д. Въ другихъ осьми-стекольныхъ ландо виднѣлись роскошно одѣтыя дамы въ атласныхъ робронтахъ и калишахъ на проволоку, въ пышныхъ полонезахъ, въ глазетовыхъ платьяхъ и длиннохвостыхъ робахъ съ прорѣзами на боку, съ фижмами или бочками, головы были также распудрены—прическа à la Valliege, или палисадникомъ; ноги въ бѣлыхъ атласныхъ башмакахъ стерлядкою (т. е. востроносые). Лакеи сзади каретъ, стояли одѣтые турками или албанцами; были и настоящіе арабы.

Отъѣздъ императрицы въ Москву на свою коронацію, по отчетамъ полицейскимъ, потребовалъ на переѣздъ до 19,000 лошадей и около 80,000 народа. Петербургъ на это время совершенно дѣлался пустынь: на его улицахъ не было видно ни одной кареты, и даже улицы заросли травой.

Въ первыхъ годахъ царствованія Екатерины, въ Петербургѣ часто происходили карусели, или турниры, на Царицыномъ лугу. Этими играми императрица воскрешала времена рыцарства.

Великолѣпная такая первая карусель была дана въ С.-Петербургѣ лѣтомъ, въ 1766 году, 18-го іюля. На эту карусель была выбита золотая медаль, на которой съ одной стороны—изображеніе императрицы Екатерины II, съ надписью: «В. М. Екатерина II, императрица и самодержица всероссійская». На оборотѣ представлено въ отдаленіи ристалище, надъ которымъ паритъ орелъ съ вѣнкомъ,

а на первомъ планѣ геній, съ надписью: «съ Алфеевыхъ на Невскіе брега». Ведемейеръ говоритъ: «богатыя одежды, доспѣхи, панцири, драгоценные камни, красота женщинъ—все это представляло зрѣлище необыкновенное».

Участвовавшіе въ карусели были въ костюмахъ разныхъ народовъ и раздѣлялись на четыре кадрили: славянскую, индійскую, римскую и турецкую. Надъ послѣдними двумя начальствовали графы Григорій и Алексѣй Орловы. Церемоніймейстеръ въ французскомъ платьѣ носилъ на поясѣ шарфъ съ золотою бахромою, и въ конвоѣ его были 1 унтеръ-офицеръ, 8 человекъ конныхъ и 2 трубача. Для вспоможенія, дано ему восемь человекъ герольдовъ; каждый изъ нихъ имѣлъ при себѣ четырехъ конныхъ и одного трубача. При кавалерахъ особые люди несли дротики, пики, значки; участвовавшіе въ турнирахъ выказывали свою ловкость, отрубая головы кукламъ, изображавшимъ мавровъ, и пронзая копьями тигровъ и кабановъ, сдѣланныхъ изъ картона. На мѣста, назначенныя для карусели, пускали по билетамъ. Двѣ великолѣпныя ложи были приготовлены—одна для императрицы, другая для великаго князя. Судья, въ числѣ которыхъ былъ главнымъ фельдмаршалъ Минихъ, пріѣхали въ придворныхъ каретахъ и вошли въ свои ложи, причемъ играли трубы и литавры. Посреди карусельнаго мѣста находилась трибуна, въ которой присутствовалъ главный судья; онъ чрезъ трубачей давалъ сигналъ къ въѣзду и выѣзду карусельныхъ кавалеровъ. Кромѣ него, было 12 судей, записывавшихъ число выигранныхъ призовъ, сохранялъ ли рыцарь на лошади должное положеніе, съ правой ли ноги лошадь начинала скачку, и не сбивалась ли съ ноги. Позволено было и неизвѣстнымъ кавалерамъ принимать участіе въ турнирѣ, съ тѣмъ, однако, чтобы они избрали для себя девизъ и знакъ, какой заблагоразсудятъ, и чтобы при появленіи своемъ извѣщали оберъ-штальмейстера императрицы о своемъ имени и фамиліи съ доказательствомъ о дворянствѣ, а оберъ-штальмейстеръ ручался бы своею честью сохранить тайну ненарушимо, и никому оной безъ дозволенія того кавалера не объявлять. Если неизвѣстный кавалеръ не хотѣлъ открыться и оберъ-штальмейстеру, то могъ назвать кого либо изъ знатныхъ особъ, присутствовавшихъ на карусели, которая бы ручалась за его дворянство.

По окончаніи турнира судьи и кавалеры возвращались во дворецъ; кавалеры въ особой залѣ ожидали назначенныхъ призовъ; судьи присуждали ихъ по большинству голосовъ; рѣшительное опредѣленіе дѣлалъ главный судья. По окончаніи сего, оберъ-церемоніймейстеръ со всѣми герольдами вводилъ кадрили въ залу, для полученія призовъ.

Фельдмаршалъ Минихъ, какъ главный судья, произнесъ рѣчь на французскомъ языкѣ; вотъ она въ переводѣ:

«Знаменитые дамы и рыцари!»

«Всѣмъ вамъ извѣстно, что не проходитъ дня, ни минуты, когда бы не выражалось вниманіе ея императорскаго величества, нашей всемилостивѣйшей государыни, къ умноженію славы ея имперіи и благоденствія ея подданныхъ вообще, и въ особенности къ возвышенію блеска ея дворянства. Сія несравненная монархиня назначила сей день, чтобы доставить случай избранному дворянству ея имперіи ознаменовать свое искусство въ воинскихъ упражненіяхъ блистательной карусели, какой до сихъ поръ еще въ Россіи не было видано. Кто не раздѣлитъ со мной чувства удивленія и благодарности, которыя она такъ справедливо внушаетъ своею благостію и прозорливостію материнскими. Знаменитые дамы и рыцари! Сія благородныя упражненія выполнены вами достойнымъ образомъ, и такъ, что вы можете быть увѣрены въ благоволеніи ея величества, его высочества цесаревича и во всеобщемъ одобреніи».

Потомъ, обратясь къ графинѣ Бутурлиной, которой былъ присужденъ первый призъ, онъ сказалъ: «по порученію ея величества, вамъ, милостивая государыня, долженъ я вручить первый призъ, приобретенный ловкостью необыкновенной, заслужившей всеобщее одобреніе: позвольте, милостивая государыня, мнѣ первому принести поздравленіе съ симъ почетнымъ отличіемъ, доставляющимъ вамъ право на раздачу изъ рукъ вашихъ прочихъ заслуженныхъ призовъ».

Въ 1770 году, во время приѣзда принца Генриха, брата короля прусскаго, императрица Екатерина II всячески старалась сдѣлать его пребываніе въ Петербургѣ приятнымъ. При дворѣ почти ежедневно были даваемы праздники; особенно былъ замѣчателенъ маскарадъ, данный для него въ Царскомъ Селѣ: императрица, великій князь, принцъ Генрихъ и разныя придворныя особы, числомъ шестнадцать, сѣли, когда смерклось въ огромныя сани, запряженныя шестнадцатью лошадьми, и поѣхали изъ Петербурга въ Царское Село; сани были внутри и снаружи обставлены двойными зеркалами, отражавшими всѣ безчисленные предметы внутри и снаружи; за этими санями слѣдовало болѣе двухъ тысячъ другихъ саней; сидящіе въ нихъ всѣ были замаскированы и одѣты въ домино. Въ семи верстахъ отъ Петербурга, они проѣхали съвозъ большія триумфальныя ворота, великолѣпно освѣщенные. Затѣмъ на пути чрезъ каждыя семь верстъ стояла пирамида, искусно иллюминированная, и противъ нея гостинница; въ каждой изъ нихъ сидѣли люди различныхъ націй, которые плясали и играли на инструментахъ. На Пулковской горѣ былъ представленъ Везувій, извергавшій пламя — это изверженіе продолжалось во всю ночь. Отъ Пулковской горы до Царскаго Села стояли деревья, на которыхъ висѣли разноцвѣтные фонари въ видѣ гилянды. По прибытіи въ Царское Село, дворецъ былъ освѣщенъ à giorno; послѣ танцевъ, по выстрѣлу изъ пушки, балъ прекра-

тился, вмѣстѣ съ нимъ погасли и всѣ огни во дворцѣ; затѣмъ всѣ стали у оконъ и увидѣли великолѣпный фейерверкъ. Новый пушечный выстрѣлъ далъ сигналъ, и моментально опять засвѣтился дворецъ; за этимъ послѣдовалъ роскошный ужинъ. Принцъ Генрихъ послѣ этого бала отправился въ Москву и прибылъ туда съ изумительною быстротою—въ 36 часовъ!

Не менѣе торжественными и богатыми бывали маскарады и другія празднества, которыя давали въ честь императрицы богатые вельможи ея царствованія. Такъ извѣстный Л. А. Нарышкинъ далъ для Екатерины маскарадъ, стоившій ему болѣе трехъ сотъ тысячъ рублей. Описаніе этого маскарада мы беремъ изъ прибавленія къ № 85 «Московскихъ Вѣдомостей», 1772 года.

«29-го, іюля 1772 года, Л. А. Нарышкинъ всеподданнѣйше просилъ государыню Екатерину удостоить высочайшимъ присутствіемъ своимъ его приморскій домъ, именуемый Левендалъ, гдѣ въ роцѣ предназначилъ онъ быть маскараду и представленію увеселительныхъ огней, на что получа высочайшее благоволеніе, старался заблаговременно пригласить чрезъ билеты какъ чужестранныхъ министровъ и знатныхъ особъ обоюга пола, такъ и именитое купечество. По приглашенію, въ 3 часа пополудни, какъ благородство, такъ и гражданство въ великомъ множествѣ начали собираться, и прежде 6 часовъ вся роца наполнена уже была народомъ, гуляющимъ между деревъ и съ пріятностію взирающимъ на различіе предметовъ, взоръ ихъ услаждающихъ. Одни съ удивленіемъ смотрѣли на дома и бесѣдки, по вкусу и образцу китайцевъ состроенные, другіе, входя въ роцу, читали на разныхъ языкахъ изображенное на доскѣ отъ ховяина дозволеніе въ слѣдующей силѣ: «Ховяинъ здѣшняго дому весьма будетъ радъ, если пріѣзжіе пожелаютъ посѣщать сіе мѣсто своимъ гулянемъ, когда угодно». Нѣкоторые осматривали мѣста, испепренныя всякаго рода цвѣтами, кустами различныхъ растеній, иные восхищались изгибистымъ теченіемъ рѣчки, протяженіемъ острововъ, дикостію буераковъ, безразнѣрнымъ веденіемъ дорогъ, непрозрамною густотою лѣса, мрачностію пещеръ, возвышеніемъ при долиахъ горъ и другими привлекающими вниманіе явленіями. Между тѣмъ, при наступленіи семи часовъ изволили прибыть изъ Петергофа императрица съ ея высочествомъ и со всего двора своего свитою. При приближеніи императрицы къ дачѣ, играла музыка на трубахъ и литаврахъ въ горней китайской бесѣдкѣ, стоящей при входѣ въ роцу. При пріѣздѣ государыня вошла въ покои ховяина, затѣмъ изволила пойдти въ провожаніи домохозяина въ роцу, куда вскорѣ послѣдовалъ и цесаревичъ. Звукъ разной музыки раздавался по всей роцѣ, и каждое оной мѣсто украшено было особливаго рода увеселеніями. Островъ, гдѣ находятся качели и другія игры, наполненъ былъ представленіемъ разныхъ забавныхъ игръ и позорищъ. Государыня,

пройдя это мѣсто по излучистой дорожкѣ, обсаженной кустами и деревьями, незамѣтно пришла въ густоту дремучаго лѣса, внутри котораго находилась глубокая пещера, мохомъ и дерномъ обросшая; цвѣты и плоды, служащіе пищею и увеселеніемъ пустынныхъ жителей, находятся на поверхности оной. При осмотрѣ всего, императрица вдругъ услышала голосъ пастушьихъ свирѣлей. Слѣдуя сему эху, нечувствительно приближалась къ холму, покрытому лѣсомъ и испещренными цвѣтами, на верху коего стояла пастушья хижина; подъ нею на пологости горы видны были пастухи, стерегущіе овецъ, и пастушки, упражняющіяся въ собираніи цвѣтовъ для украшенія хижины своей; но какъ только увидѣли онѣ императрицу, вдругъ музыка умолкла, и двѣ первенствующія пастушки Филлида и Лиза (это были дочери Нарышкина—Наталья и Екатерина), будучи одѣты въ простое, но пріятное пастушье платье, и держа въ рукахъ увитые цвѣтами посохи, разговаривали съ собою о прибытіи толь драгоценной гостыи, и спѣшили на долъ для приглашенія ея въ свою хижину. Ея величество изволила сидѣть у подошвы горы сея, на сдѣланной изъ дерну скамейкѣ, и внявъ усердному сихъ пастушекъ прошенію, благоволила къ хижинѣ ихъ воспріять путь, который усыпали они благовонными и прекрасными цвѣтами. Но не меньше ихъ, какъ и всѣхъ зрителей, было удивленіе, какъ гора, къ которой государыня подходила, вдругъ разступилась и вмѣсто хижины открылся огромный и великолѣпный храмъ побѣды, состроенный о двухъ жильяхъ, для входу въ которой сооружены были крыльца; при дверяхъ каждаго входа стояли истуканы, представляющіе побѣды, на морѣ и на сухомъ пути торжественнымъ оружіемъ императрицы одержанныя. Въ срединѣ сводовъ былъ виднѣн орелъ съ распростертыми крыльями, у коего на груди было вензелевое имя императрицы, а въ когтяхъ свитокъ съ надписью «Екатеринѣ II побѣдительницѣ».

«Сей храмъ окружали два перехода, наполненные вооруженными ратниками. Видъ оружія и звукъ военной музыки взору и слуху пріятнѣйшее представляли зрѣлище. Столпы, увитые лаврами, пальмы и трофеи, поставленные всюду, улаждали очи каждаго. Глава храма украшена огненными сосудами. Слава, стоящая на поверхности, трубою своею возглашала вселенной торжество побѣдоносныхъ оружія императрицы.

«Геній побѣды (Дмитрій Львовичъ Нарышкинъ), вышедъ для срѣтенія государыни при входѣ въ храмъ, несъ въ рукахъ сплетенный изъ лавра вѣнецъ, подавалъ оный государынѣ, изъявивъ причину произнесенною предъ нею рѣчью, которая купно съ рѣчьми пастушекъ и съ планомъ храма особою книжкою напечатана на французскомъ языкѣ, и съ планами храма и горы давана была присутствующимъ тутъ зрителямъ. Лишь только императрица изволила вступить въ храмъ, украшенный трофеями, завоеванными

у турокъ и татаръ, какъ по выстрѣлу изъ пушки, картины, представлявшія трофеи, превратились въ изображенія побѣдъ, которыхъ содержаніе было слѣдующее: 1-я картина представляетъ взятіе Хотина, 9-го сентября, 1769 года. Надъ городомъ и войскомъ окруженное сіяніемъ божество держитъ надпись: «Супротивленіе было бы тщетно»; 2-я картина—сраженіе при рѣкѣ Ларгѣ, 7-го іюля, 1770 года. Здѣсь сидящая на облакахъ Слава гласитъ тако: «Не симъ однимъ окончится»; 3-я картина—сраженіе и побѣда при рѣкѣ Кагулѣ, 21-го іюля, 1770 года. Тутъ Минерва, взирающая со сводовъ небесныхъ, на свиткѣ держитъ сіи слова: «Число преодолено храбростно»; четвертая картина—флотъ оттоманскій, сожженный и истребленный на Архипелагѣ при Чесмѣ, 24-го іюня, 1770 года. Тутъ виденъ на воздухѣ парящій орелъ и испускающій молнію со словами на свиткѣ: «Небывалое исполнилось».

«Пятая картина—взятіе Бендеръ, 16-го сентября, 1770 года; здѣсь видится на тверди небесной, испещренной звѣздами, Беллона, мечущая на городъ стрѣлы, въ одной рукѣ горящій факель, а въ другой держитъ хартію съ сею надписью: «Что можетъ постоять?» Шестая картина—покореніе Кафы и всего Крыма, 1771 года. На высотѣ зрится Слава, держащая въ рукахъ лавры, для увѣнчанія російскихъ героевъ. Крымъ, веселящійся владычествомъ премудрыя обладательницы, изъявляетъ радость свою сими на свиткѣ написанными словами: «Коль сладокъ нынѣ жребій мой». Осмотря все сіе, государыня изволила пойти къ такъ называемому «Китайскому урочищу», гдѣ построены дома, сады и птичники во вкусѣ китайскомъ, наполненные птицами; служители домовъ этихъ, одѣтые китайцами, играли на разныхъ китайскихъ мусикійскихъ орудіяхъ. Между этими домами была воздвигнута изъ рѣдкихъ морскихъ камней, раковинъ и окаменѣлостей горка; на площадкахъ стояли высокія мачты, украшенныя китайскими съ колокольчиками пагодами и разнообразными флагами. Государыня, здѣсь отдохнувъ немного, пошла черезъ маленькій мостикъ, въ правую сторону роши, гдѣ слышанъ былъ раздающійся отъ рожковъ деревенскихъ пастырей и пѣніе ликующихъ поселянъ голосъ. Здѣсь, посреди лѣса, на лугу видны были шалаши хлѣбопашцевъ, а немного подалѣе открылись ихъ дома, огороженные плетнями и вмѣщающіе въ себѣ все, чѣмъ семейные и зажиточные крестьяне изобиловать могутъ. Любящіе деревенское хозяйство съ восхищеніемъ видѣли живое и наглядное представленіе здѣсь деревни; любители полей, жатвъ и пчельниковъ—каждый съ удовольствіемъ находилъ тутъ соотвѣтствующій своему вкусу предметъ. Государыня оттуда пошла къ площади храма, намощенной досками для танцевъ, которые тотчасъ и открылись при играни въ переходахъ храма огромной музыки. Государыня послѣ пошла въ верхніе покои, гдѣ накрытъ былъ великолѣпный вечерній столъ, съ кушаніемъ и десертомъ, изъ

рѣдчайшихъ плодовъ нынѣшняго времени года на 80 персонъ, прочіе же, коихъ было болѣе 2,000 лицъ, угощаемы были по разнымъ бесѣдкамъ и покоемъ, въ роцѣ, на нарочно устроенныхъ столахъ, наполненныхъ кушаніемъ и питіемъ. Въ это время проспекты, рощи, зданія и всѣ мѣста, какъ и крыльца верхнихъ покоевъ и ограда всего дома, освѣщены были налитыми воскомъ глиняными и стеклянными сосудами, и разноцвѣтными слюдяными и другими фонарями.

«По окончаніи ужина, при рѣкѣ, именуемой «Красной», зажженъ былъ фейерверкъ, коего цитѣ представлялъ Астрею, возвращающую золотой вѣкъ: въ одной рукѣ держала она вѣсы равенства, а въ другой рогъ изобилія, внизу видны были пастухи, веселящіеся спокойно паствою овецъ, и удаляющіеся отъ нихъ, въ видѣ фурій, несогласія и раздоры; по стораніи щита пущено вверхъ нѣсколько тысячъ ракетъ и увеселительныхъ огненныхъ шаровъ; причемъ зажжены и разные огнемечущія колеса, представлявшія глазамъ наипрїятнѣйшее зрѣлище. Ея величество и его высочество изволили сію огненную потѣху смотрѣть изъ нарочно поставленнаго для сего на лугу намета, изъ котораго лишь только изволили выйдти, то открылось между деревъ другое прозрачное огненное явленіе, представляющее въ колесницѣ Феба, держащаго въ рукахъ оваряющее всѣхъ пресвѣтлыми лучами освѣщенное вензелевое имя императрицы, подѣ которыми внизу видѣнъ былъ образъ престарѣлаго индійскаго брамина, стоящаго съ благоговѣніемъ между пальмовымъ и расвѣтающимъ алоевымъ деревомъ, и творящаго воздѣваніемъ рукъ сему имъ обожаемому свѣтилу поклоненіе. У корня одного изъ этихъ деревъ былъ изображенъ гербъ домохозяина. Когда это зрѣлище окончилось и всѣ полагали, что оно послѣднее, какъ вдругъ увидѣли еще освѣщенный сіяніемъ среди перспективы мраморный столбъ, на верху котораго видѣлся двоеглавый орелъ, съ вензелевымъ именемъ государыни, а внизу на подножіи, состроенномъ изъ дикаго камня, на мѣдныхъ доскахъ, бронзовыми буквами была изображена слѣдующая надпись: «Сей изъ обрѣтеннаго въ Сибири мрамора сдѣланный и отъ всещедрыя государыни Екатерины вторыя въ даръ полученный столбъ, въ незабвенный знакъ къ ея императорскому величеству благодарности на семъ мѣстѣ поставилъ Левъ Нарышкинъ, лѣта, въ кое россійскій флотъ прибылъ въ Морею и истребилъ турецкія морскія силы». На верху сего показалось прїятнѣйшее зрѣлище восходящаго солнца, лучами своими оваряющаго всю роцу, такъ, что если бы часы не показывали полуночи, то можно бы подумать, что наступилъ уже день. Нѣкто изъ находившихся тутъ стихотворцевъ, при открытіи сего явленія, начертилъ карандашемъ слѣдующую надпись:

О новое, что видитъ здѣсь народъ!

Въ необычайный часъ зримъ солнечный восходъ:

Конечно, Фебъ, узнавъ приходъ Екаторины,
 Вознесся въ полночь здѣсь, оставивши пучины;
 И не хотя идти еще на твердь небесъ,
 Узрѣть ее предсталъ во Левендальскій гѣсъ:
 Блескъ радостныхъ огней собой усугубляя
 И храмъ побѣды ея сіяньемъ окружая,
 Простря свои вездѣ чистѣйшіе лучи,
 Чѣмъ изъяснилъ онъ тутъ пресвѣтлѣй день въ ноци.
 Монархиня! тебѣ кругъ солнечный дивится,
 Такъ дивомъ, что народъ твой вида зрѣвъ чудится?

«Послѣ осмотра всего этого императрица и ея дворъ отправились въ храмъ, гдѣ продолжались танцы. Мракъ, тихость и теплота ночи и пріятность лѣтней погоды соотвѣтствовала празднику. Въ часть ночи его императорское высочество, и въ началѣ третьяго часа, государыня, изъяснивъ хозяину свое удовольствіе, изводили возвратиться въ Петергофъ,—въ четыре часа ночи и всѣ гости, оказавъ хозяину благодареніе, разъѣхались по домамъ. Въ заключеніе чего выпалено нѣсколько разъ изъ пушекъ, чѣмъ празднество сіе окончилось».

По смерти этого Нарышкина, сынъ его, Ал. Львовичъ, удивлялъ Петербургъ тоже своими праздниками, подобія которыхъ, какъ говорилъ фельетонистъ того времени: «находили только въ повѣстяхъ Востока, гдѣ многолюдныя торжища Бассоры, Багдада, бывшія театромъ приключеній забавныхъ и вмѣстѣ удивительныхъ, могутъ непрерывнымъ шумомъ, разнообразіемъ картинъ, дѣятельнымъ движеніемъ сравняться съ подобными зрѣлищами, видѣнными у него на праздникахъ». Ал. Львовичъ Нарышкинъ возобновилъ петербургскія серенады, бывшія въ большомъ употребленіи въ царствованіе императрицы Екатерины. Передъ домомъ его (Английская набережная), въ продолженіе почти трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, богатыхъ свѣтлыми ночами, съ шести часовъ вечера до поздней ночи, разъѣзжали по Невѣ шлюпки съ разнаго рода музыкою: роговою, духовою, хоромъ пѣвчихъ съ рожками, бубнами и тарелками; набережная во время такихъ прогулокъ была покрыта народомъ. Этотъ Нарышкинъ былъ въ послѣдствіи очень хорошимъ директоромъ театровъ; расточительность его не имѣла границъ, и онъ частенько нуждался даже въ небольшихъ суммахъ.

Между вельможами вѣка Екатерины также отличался широкимъ гостепримствомъ и великолѣпіемъ своихъ праздниковъ оберъ-камергеръ графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ. У него часто устраивались праздники, маскарады и спектакли, въ которыхъ участвовалъ и цесаревичъ. Особенно интересенъ былъ спектакль 21-го февраля 1766 года, распорядителями котораго были: директоромъ — генераль-поручикъ графъ Ив. Гр. Чернышевъ, указательницею мѣстъ — жена его, собирателемъ билетовъ — графъ Зах. Гр. Чернышевъ, директоромъ оркестра — тайный совѣтникъ князь

П. Н. Трубецкой, капельмейстером—баронесса Е. И. Черкасова, музыкантами въ оркестрѣ были: князь П. И. Репнинъ, Л. А. Нарышкинъ, тайный совѣтникъ А. В. Олсуфьевъ и многіе другіе вельможи двора. На театрѣ давали соч. де-ла-Гранжа, комедію «Le contretemps»; дѣйствующими лицами въ комедіи были: князь Щербатовъ, двѣ дочери хозяина, графиня Чернышева, графъ Сольмсъ—прусскій посланникъ, графъ Строгановъ и другіе высокіе особы; въ заключеніе дана была комедія Каюзака—«Зенеида»; въ числѣ актеровъ былъ и цесаревичъ, графиня Шереметева и двѣ графини Чернышевы; на четырехъ лицахъ, въ ней игравшихъ, было брилліантовъ на два милліона рублей. Но особенно великолѣпный праздникъ графъ Шереметевъ далъ въ честь императрицы въ своемъ подмосковномъ имѣніи Кусковѣ, во время проѣзда ея черезъ Москву изъ Крыма. Въ этотъ день, по дорогѣ изъ Москвы до села были устроены арки и триумфальныя ворота съ аллегорическими эмблемами и надписями; въ устроенныхъ надъ ними галлереяхъ, во время проѣзда царицы, гремѣли трубы и литавры. Графъ съ семьей встрѣтилъ государыню на границѣ своего села, при вѣздѣ въ которое были устроены ворота іоническаго ордена, росписанныя подъ мраморъ, бѣлый съ краснымъ, съ затѣливой золотой рѣзбой и съ четырьмя золочеными гербами, изображавшими Нептуна, Аполлона, Марса и Меркурія. Внутри воротъ изображена была летящая слава съ трубой, вокругъ которой надпись гласила: «теченіемъ приумножаетъ славу свою»; на боковой стѣнѣ верхняя картина представляла городъ и часть моря, озаренныя солнечнымъ сіяніемъ; въ срединѣ ихъ вензелевое имя Екатерины съ надписью: «лучами своими озаряетъ». Другая, нижняя картина изображала въ окружности цирка пьедесталъ, въ видѣ большой непоколебимой скалы, на которой лежала книга, озаглавленная «Учрежденіе законовъ», щитъ, племъ и мечъ, связанные лавровымъ вѣстномъ, съ надписью: «утверждаютъ и охраняютъ». На другой сторонѣ верхней картины было изображено солнечное сіяніе съ вензелевымъ въ срединѣ именемъ государыни, а подъ нимъ въ проспектѣ городъ Москва съ надписью: «веселящаяся присутствіемъ»; нижняя картина изображала въ перспективѣ Кусковскій садъ, часть оранжерей и мраморный обелискъ. На верху воротъ галерея, на которой, во время проѣзда государыни, играла музыка. Предъ воротами, по обѣ стороны, находились вызолоченныя цирки съ нишами, въ которыхъ были поставлены померанцевыя и лимонныя деревья, обремененныя плодами. За каретами царицы, иностранныхъ посланниковъ и придворныхъ тянулся нескончаемый рядъ экипажей почетныхъ гостей. Когда императрица подѣхала къ селу, ее салютовали пушечною пальбой съ берега пруда, съ яхты и другихъ судовъ, красиво испещренныхъ разноцвѣтными, полоскающимися въ воздухѣ, флагами. На шоссе выступили попарно кусковскіе жители, одѣтые въ цвѣты

графской ливреи, съ корзинами, полными цвѣтовъ; за ними шли дѣвицы въ бѣлыхъ платьяхъ, съ цвѣточными вѣнками на головахъ, и устилали путь царицы живыми цвѣтами. Государыня осмотрѣла весь домъ графа, затѣмъ отправилась садомъ въ новопостроенный для этого случая театръ, въ которомъ была представлена опера: «Самнитскіе браки съ балетомъ». Вечеромъ садъ былъ ярко иллюминированъ, въ немъ горѣлъ щитъ съ изображеніемъ имени Екатерины и парящей надъ нимъ славы. Шумящія каскады были тоже въ огнѣ, на большомъ озерѣ стояла на якорѣ раззолоченная шестипушечная яхта, качались шлюпки, ходили по водѣ челноки, ботики, гондолы съ разноцвѣтными флагами, по водамъ также разѣвзжали гѣсенники въ русскихъ костюмахъ. Передъ фейерверкомъ Екатерина въ поднесли голубя; съ ея руки полетѣлъ онъ къ щиту, и освѣтилось все Кусково. Послѣ всего государыня пошла въ покой, гдѣ играла въ карты; въ 11 часовъ, былъ сервированъ въ галлерей роскошный ужинъ на 60 кувертовъ, съ золотыми ложками, тарелками и проч. Передъ государыней стояло ¹⁾ изображеніе горы съ каменной руиной, украшенной алмазами, изумрудами и жемчугами; вазы и другія украшенія были осыпаны бирюзой, рубинами и другими драгоценными каменьями. Во время стола гремѣла музыка и хоръ пѣвчихъ пѣлъ:

Ужъ не могутъ орды Крыма
Нынѣ рушить нашъ покой:
Гордость нивится Селима,
И блѣднѣетъ онъ съ луной.
Славься сямъ, Екатерина!
Славься, нѣжная къ намъ мать!

На возвратномъ пути въ Москву дорога ярко была освѣщена площадками и смоляными бочками. Когда государыня вѣвзжала въ Москву, били уже утреннюю зорю.

Также необыкновенно великолѣпенъ былъ праздникъ, данный въ честь императрицы шляхетнымъ кадетскимъ корпусомъ, въ 1775 году, по случаю мира съ Портою, заключеннаго въ этомъ году. Описаніе этого аллегорическаго празднества мы беремъ изъ рѣдкаго періодическаго изданія того времени «Journal de litterature et choix de musique», выходившаго въ 1783 году въ Цвейбрюккенскомъ герцогствѣ; вотъ переводъ описанія:

«Одинъ только рассказъ объ этомъ чудесномъ праздникѣ уже даетъ возможность вѣрить въ великолѣпіе публичныхъ игръ, устраиваемыхъ древними греками и римлянами; но, заглянувъ въ это

¹⁾ Графъ Комаровскій въ своихъ запискахъ говоритъ: (см. «Восемнадцатый Вѣкъ», ч. I, стр. 322) «Что на этомъ великолѣпномъ праздникѣ болѣе всего меня удивило, такъ это—плато, которое поставлено было предъ императрицею за ужиномъ; оно представляло на возвышеніи рогъ изобилія, все изъ чистаго золота, а на возвышеніи томъ былъ венецъ императрицы, изъ довольно крупныхъ брилліантовъ».

описание волшебства, которое мы сейчас представимъ читателямъ, остается только изумиться блестящему воображенію устроителя праздника. Каковъ же былъ эффектъ, при выполненіи всѣхъ его предначертаній!..¹⁾

«Вездѣ, какъ и въ Россіи, для исполненія подобнаго праздника можно найти декораторовъ, архитекторовъ, музыкантовъ, актеровъ, машинистовъ; но что является въ этомъ случаѣ единственной принадлежностью Петербурга, это 700 молодыхъ дворянъ, обученныхъ декламации, искусствамъ: плаванія, верховой ѣзды, единоборства и прочимъ тѣлеснымъ упражненіямъ, введеннымъ у древнихъ народовъ. Эти молодые люди и были главными исполнителями празднества; къ нимъ присоединили еще 300 другихъ лицъ, что составило вмѣстѣ 1,000 человекъ, которыми г. Пошэ и воспользовался съ рѣдкимъ умѣньемъ.

«Посреди площади, болѣе обширной, нежели Тюльерійскій садъ, былъ, по плану г. Пошэ, выстроенъ вокругъ центрального пункта амфитеатръ, на столько удобный, что всѣ зрители, въ количествѣ 1,200 человекъ, могли, не оборачиваясь и не двигаясь, видѣть все, что происходило во всѣхъ концахъ этой обширной окружности. Центральнымъ пунктомъ, по сторонамъ котораго воздвигалось это строеніе, являлась триумфальная колонна, въ 50 футовъ вышины, украшенная сверху статуей богини Славы, окруженной знаменами и значками, отнятыми у турокъ. Богиня, при звукѣ трубы, давала сигналъ къ началу упражненій, предписанныхъ актерамъ и статистамъ. Къ амфитеатру вели четыре аллеи, обнесенныя перегородками изъ зелени, въ промежуткахъ которой, на извѣстномъ разстояніи, были поставлены статуи и вазы, наполненныя апельсинами и другими фруктами. Аллеи эти освѣщались гирляндами разноцвѣтныхъ огней. Амфитеатръ, видимо, подавлялъ своимъ величіемъ повергнутыя около него аллегорическія фигуры «Живой политики», «Мора», «Пожара» и «Возмущенія», изображенныя въ страдальческихъ положеніяхъ.

«Зрѣлище (или, вѣрнѣе, четыре отдѣленія зрѣлища), устроенное два раза втеченіе іюня мѣсяца, начиналось въ полночь, подъ сводомъ неба, бывшаго въ то время, по счастью, чистѣйшаго лазореваго цвѣта и покрытаго звѣздами. Взоръ зрителя не отвлекался по сторонамъ, благодаря устройству амфитеатра, позволявшаго видѣть только то, что было передъ глазами.

¹⁾ «Остроумный изобрѣтатель этого праздника, руководившій и его исполненіемъ, г. Пошэ, бывший директоръ общественныхъ удовольствій въ с.-петербургскомъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, въ настоящее время состоитъ на службѣ его свѣтлости владѣтельнаго герцога цвейбрюккенскаго, въ качествѣ директора французской школы малолѣтнихъ чужеземныхъ комедіантовъ, о которой намъ уже приходилось говорить въ № 1-мъ нашего журнала; отъ него-то мы и получили планъ празднества». Примѣч. «Journal de litterature etc.»

1-е аллегорическое зрѣлище¹⁾).

«При звукахъ трубы, возвѣщенныхъ богинею славы, представлялась среди выполненныхъ артистически украшеній, обширная арена, изображавшая остатки развалинъ храма; вокругъ ихъ—поверженные колонны, вазы и подножія занимали сцену. Одна только статуя находилась на своемъ пьедесталѣ,—это «эмблема любви къ Отечеству». Въ глубинѣ театра возвышались горы, покрытыя деревьями, колеблемыми вѣтромъ.

«Аполлонъ, осужденный стеречь стадо Адмета, услаждаетъ скуку своего новаго положенія, оказывая всевозможныя благодѣянія. Сосѣдніе пастухи, наученные его примѣромъ, живутъ счастливо и безобоязненно подъ сѣнью мира. Ихъ невинныя сердца, тронутыя благодѣяніями Аполлона, воздаютъ ему почтеніе, тѣмъ менѣе льстивое, что они не подозрѣваютъ его божественнаго происхожденія. Пастушка Сильвія, украшенная всѣми дарами природы, возбуждаетъ въ Аполлонѣ живѣйшую страсть, отвѣчая ему взаимною нѣжностью. Любовники уже готовы увѣнчать свои стремленія предъ алтаремъ любви къ отечеству, какъ вдругъ, въ самый моментъ торжества, они видятъ себя разлученными живою политикой, которая, завидуя ихъ счастію, вооружила противъ нихъ всѣхъ фурій ада. Вдругъ статуя «любви къ отечеству» оживаетъ и, ставъ во главѣ витязей благодарности, беретъ на себя защиту любовниковъ; она побѣждаетъ чудовищей и приковываетъ ихъ къ колоннамъ храма. Эту минуту богиня судьбы находитъ удобною, чтобы возвратить Аполлону его божественное начало: счастье бога искусствъ оказывается совершеннымъ,—тѣмъ болѣе, что въ Сильвіи онъ узнаетъ богиню благополучія, которая укрылась подъ видомъ пастушки, чтобы раздѣлить участь любимаго ею бога, съ которымъ она и соединяется навсегда. Между тѣмъ, театръ украшается иллюминированными транспарантами; колонны, вазы, пьедесталы и другіе остатки храма благополучія внезапно поднимаются, занимаютъ старыя мѣста и образуютъ триумфальную колоннообразную галерею, украшенную трофеями. Горы исчезаютъ и замѣняются триумфальной аркой, образующейся при звукахъ марша, впродолженіе котораго группы рыцарей, въ торжественныхъ колесницахъ, увлекаютъ за собой въ своемъ шествіи живую политику и закованныхъ въ цѣпи фурій. Съ одной стороны видѣнъ корабль, ведомый тритонами; это—новый памятникъ славы, воздвигнутый въ честь богини благополучія. Богиня вмѣстѣ съ Аполло-

¹⁾ Въ этомъ аллегорическомъ зрѣлищѣ, равно какъ и въ трехъ слѣдующихъ, г. Поше, для довершенія очарованія, введены, во время важнѣйшихъ моментовъ дѣйствія, лучшіе отрывки изъ оперъ гг. Глюка, Филлора, Пиччини, Монсиньи, Флока и Родольфа; отрывки эти исполнялись оркестромъ изъ ста музыкантовъ.

Примѣч. «Jour. de litter.».

номъ замыкають шествіе. Она садится на колесницу, сдѣланную въ видѣ плуга и запряженную четырьмя бѣлыми быками, руководимыми «любовью къ отечеству». Этотъ блестящій кортежъ окруженъ 400 рыцарей, сидящихъ на поддѣльныхъ лошадяхъ, удивлявшихъ зрителей правдивостью и точностью ихъ движеній.

«Эпизодъ этотъ оканчивался соединеніемъ обоихъ любовниковъ у алтаря «любви къ отечеству», помѣщенному подъ триумфальной аркой. Празднуя счастливое событіе, большинство рыцарей исполнило воинственные танцы при многократныхъ возгласахъ витезей благодарности; въ разгаръ этихъ игръ, въ виду всѣхъ появился двухглавый орелъ, спускавшійся надъ аркой съ августѣйшимъ вензелемъ Екатерины II, окруженнымъ лавровыми листьями и гирляндами, которые и образовывали вокругъ триумфальной арки нѣкоторый родъ балдахина ¹⁾).

2-е аллегорическое зрѣлище.

«При звукахъ трубы «Славы», амфитеатръ съ 1,200 зрителей, поворачивался вокругъ своего центра и направлялъ взоры зрителей на новую арену, на которой изображался балетъ-пантомима слѣдующаго содержанія, сходнаго въ аллегорическомъ смыслѣ съ воспитаніемъ его императорскаго высочества великаго князя, его женитьбой и учрежденіемъ новыхъ губерній, созданныхъ мудрыми предначертаніями Екатерины II.

«Театръ представлялъ храмъ бога искусствъ, въ которомъ находилось нѣсколько геніевъ, приведенныхъ въ уныніе и обезсиленно склонившихся передъ своими начатыми созданіями, представлявшими рядъ аллегорическихъ фигуръ, извлеченныхъ геніями изъ глыбъ мрамора.

«Богиня благополучія, которую несчастія разлучили съ ея дѣтьми, питомцами Аполлона, находитъ, по своемъ возвращеніи, генія заслуги (аллегорическій намекъ на его сіятельство князя Панина, воспитателя великаго князя), который, какъ новый Пигмалионъ, оказывается влюбленнымъ въ свое произведеніе. При видѣ богини вдохновеніе артиста въ немъ пробуждается; онъ показываетъ богинѣ свою работу: изображеніе геніевъ правды и добродѣтели, находящихся въ объятіяхъ другъ друга и изваянныхъ слав-

¹⁾ Благодаренія императрицы Екатерины II, оказываемыя подвластнымъ ей народамъ, со дня ея вступленія на тронъ, и составляютъ главное основаніе сюжета этой аллегоріи. Война, миръ, пожары и наводненія, раззорившія ея имперію, прекратили на время благодаренія, которыми она всегда надѣлала иностранцевъ, равно такъ и покровительство, оказываемое ею изящнымъ искусствамъ; авторъ дѣлаетъ здѣсь намекъ на всѣ эти случаи и прославляетъ возвращеніе благоденствія для изящныхъ искусствъ и общественнаго благосостоянія.

Примѣч. «*Jour. de litter.*».

нымъ скульпторомъ изъ лучшаго паросскаго мрамора. Геній заслуги высказываетъ богинѣ желаніе видѣть ожившимъ свое произведеніе. Богиня благополучія, взявъ лиру у Аполлона и вдохновенная тремя граціями, даетъ жизнь произведенію генія заслуги. Слѣдя примѣру богини, Аполлонъ оживляетъ всѣ статуи, наполняющія театръ. Эти новые питомцы богини благополучія окружаютъ ее; Аполлонъ и граціи образуютъ картину благодарности; они держатъ въ рукахъ знамена съ изображеніемъ на каждомъ герба какой нибудь губерніи. Тогда храмъ Аполлона превращается въ великолѣпный транспарантный садъ, украшенный каскадами и фонтанами; показывается богиня изобилія, дочь богини благополучія, сопровождаемая 24 геніями, которые обогащаютъ своими дарами алтарь богини».

3-е зрѣлище.

«Упоительное забвеніе зрителей прервалось опять сигналомъ, даннымъ богинею славы, вслѣдствіе котораго амфитеатръ вновь обернулся около своего центра къ третьей сценѣ. Тамъ было изображено Марсово поле въ видѣ цирка; арена, длиною въ 700 футовъ, оканчивалась трономъ въ китайскомъ вкусѣ, на которомъ помѣщалась богиня благополучія съ двумя питомцами заслуги по бокамъ и окруженная толпой мандариновъ, бонзъ и т. п.

«Игры, служившія основаніемъ этому новому зрѣлищу, представляли повтореніе тѣхъ упражненій, которыя входили въ программу воспитанія кадетовъ корпуса и которыя были введены въ это заведеніе г. Пошэ.

«Сцена освѣщалась 200 кристалльными люстрами, съ 25 свѣчами въ каждой. Циркъ былъ украшенъ, съ правой и лѣвой сторонъ, арками, между которыми на скамьяхъ помѣщались витязи благодарности, принимавшіе участіе въ первомъ зрѣлищѣ. Посреди цирка питомцы благополучія занимались всевозможными упражненіями, сгруппированными такимъ образомъ, что всѣ зрители въ одно и то же время наслаждались ихъ лицезрѣніемъ.

«Одни изъ нихъ старались перескочить черезъ ровъ, въ 15 и 20 футовъ ширины; другіе молодые люди вступали въ единоборство или составлялись въ фехтованія; нѣкоторые бросались одѣтые въ прудъ, стремясь взобраться первыми на скользкія мачты, воздвигнутыя среди пруда; и они возвращались оттуда, неся въ рукахъ стрѣлы, пущенныя ихъ товарищами въ чучела птицъ, прикрѣпленныхъ къ мачтамъ, высотой въ 60 футовъ.

«Это гимнастическое состязаніе сопровождалось каруселью, во время которой воспитанники гарцовали на настоящихъ лошадяхъ, стараясь вызвать благосклонный взглядъ или рукоплесканія ихъ благодѣтельницы.

«Празднество заканчивалось раздачею наградъ, которыя были розданы получившимъ ихъ самой богиней, выступавшей впередъ съ своимъ кортежемъ при звукахъ цимбалловъ. Любовь къ отечеству и богъ искусствъ сопровождали это блестящее шествіе, имѣя въ главѣ генія заслуги и воспитанниковъ, удостоенныхъ награды».

4-е аллегорическое зрѣлище.

«Радостные возгласы были прерваны звукомъ трубы богини славы, по знаку которой амфитеатръ въ послѣдній разъ обернулся къ новой сторонѣ зрѣлища, долженствовавшего достойнымъ образомъ увѣнчать этотъ волшебный праздникъ».

«Театръ представлялъ храмъ Януса, смежный съ храмомъ Моды. Въ немъ была представлена небольшая лирическая комедія, сочиненія г. Пошэ, подъ названіемъ: «Мода, личина коей сорвана геніемъ любви къ отечеству». 24-хъ-лѣтнее пребываніе автора въ Россіи, дало ему возможность изучить эту страну и передать ея дворянству нѣсколько полезныхъ идей, могущихъ принести добрыя послѣдствія».

«По смерти императрицы Елисаветы, финансовое положеніе государство было въ большомъ безпорядкѣ. Любовь къ роскоши и страсть къ игрѣ вошли въ обычай у знатнѣйшихъ фамилій имперіи, всегда готовыхъ слѣдовать примѣру двора. Императрица Екатерина II, по восшествіи своемъ на престоль, рѣшилась заняться искорененіемъ этихъ злоупотребленій; но чтобы вѣрнѣе отъ нихъ избавиться, надо было найти способъ искусно на нихъ подѣйствовать. Тогда и родилась идея устроить знаменитый аллегорическій и сатирический маскарадъ, подъ названіемъ «Извращенный міръ», составленіе программы котораго было поручено г. Пошэ. Тамъ можно было видѣть колесницы, запряженные ослами, волами, свиньями, сопровождаемыя обезьянами, и болѣе 1000 лицъ, представленныхъ въ смѣшномъ видѣ: судей, переодѣтыхъ лисицами, офицеровъ — сурками, купцовъ — щеголями и, наконецъ, воронъ и коршуновъ, разрядившихся въ павлиновыя перья и т. п.»

«Аллегорія эта являлась въ слишкомъ мягкомъ видѣ, чтобы раскрыть глаза русскому дворянству относительно его смѣшной страсти къ модѣ и другихъ пороковъ; безпорядочность оставалась попрежнему, не смотря на постоянныя усилія императрицы вырвать съ корнемъ обычай, могшіе послужить къ разложенію націи. Славная повелительница поставила, наконецъ, себѣ за правило—удостоявать своей благосклонностью только лицъ, заслужившихъ это, и устранять отъ дѣлъ и занятія почетныхъ постовъ тѣхъ лицъ благороднаго сословія, которыя были заражены пороками прежней при-

дворной жизни¹⁾). Правило это послужило основаніемъ комедіи «Мода, личина коей сорвана любовью къ отечеству». Вотъ ея фабула:

«Меркурій, завидуя могуществу благополучія и не имѣя возможности помѣшать счастью Аполлона, у котораго онъ успѣлъ только съ помощью бога Момуса похитить лиру, рѣшается, изъ жажды мести, развратить нравы подданныхъ благополучія. Мода, будучи предметомъ ихъ поклоненія, является въ самомъ прихотливомъ видѣ. Ее несутъ на богатомъ паланкинѣ, взятомъ ею въ долгъ и никогда не оплаченномъ; голова ея украшена самыми пахучими цвѣтами; она шествуетъ въ сопровожденіи Момуса, превратившагося въ ея управляющаго, жаждущаго еѣ же раззорить, наемнаго адвоката, картежника — офицера, лживаго храбреца, лихоимца и взяточника — таможенника; этотъ кортежъ замыкають эмпирики и аптекаря, представляющіе всѣ вмѣстѣ поклонниковъ моды, приобретенныхъ ею во владѣніяхъ благополучія.

«Является богъ любви къ отечеству, держа въ рукахъ зеркало истины. Онъ подходитъ къ питомцамъ благополучія, ослѣпленнымъ модою. Возвративъ имъ зрѣніе, онъ разбиваетъ аптекарскіе сосуды, и извлекаетъ изъ нихъ огни оливковаго цвѣта, отражающіеся на лицахъ поклонниковъ моды. Онъ пользуется этимъ моментомъ и представляетъ имъ зеркало истины. Устыдясь видѣть себя въ непривлекательномъ и смѣшномъ видѣ, они отрекаются отъ своего заблужденія и при радостныхъ восклицаніяхъ надсмѣваются надъ модой и ея единомышленниками, которые со стыдомъ удаляются, видя себя уличенными въ глупости въ то время, когда надѣялись быть повелителями. «Любовь къ отечеству» освобождаетъ изъ цѣпей лицъ, возвращенныхъ имъ къ истинѣ, и предлагаетъ одной изъ особъ собранія основной конецъ гирлянды, служившей имъ цѣлью. Вдругъ внезапно, по искусному знаку, непостижимому даже для особы, взявшей за гирлянду, глубина театра воспламеняется и образуетъ фейерверкъ изъ китайскихъ огней, изображающій «Разрушенный храмъ моды». — Этотъ фейерверкъ оставляетъ мѣсто для статуи Петра I-го, изображеннаго въ видѣ Конфуція, какъ законодателя имперіи. Это — новый памятникъ, воздвигнутый «любовью къ отечеству» въ честь «благополучія».

¹⁾ Нѣкоторые изъ нихъ доходили до такого самозабвенія, что натирали оконечности пальцевъ пенной для приобрѣтенія болѣе нѣжнаго опущенія во время игры въ карты; другіе же изъ боязни кары, предназначенной противъ всѣхъ игроковъ, не осмѣяясь прибѣгать къ игрѣ въ карты, придумали способъ держать пари на быстрый бѣгъ тѣхъ отвратительныхъ насѣкомыхъ, даже названія которыхъ извѣщаютъ въ нашихъ странахъ. Столъ замѣняетъ песчаную равнину для вѣтхъ бѣгуновъ въ новомъ родѣ; игла, вбитая въ середину стола, является достойнымъ барьеромъ въ ихъ соревнованіи. Одинъ молодой русскій умѣлъ такъ искусно готовить подобныя иглы, уснащенные помадой, что изъ множества банковъ, которые закладывались по этому поводу, двѣ трети выигрыша выпадали на его долю.

Примѣч. «*Jour. de litter.*».

«Въ то время, какъ болѣе четверти часа продолжался фейерверкъ, «любовь къ отечеству» и ея новые сподвижники пригласили собраніе сойдти съ амфитеатра и повели зрителей, какъ бы желая дать имъ возможность опомниться, подъ своды, иллюминированные разноцвѣтными огнями. Когда зрители были приведены къ концу этой темной аллеи, богъ вручилъ ключъ фельдмаршалу князю Голицину. Тотъ отперъ дверь, и собраніе вошло въ ротонду, раздѣленную на 12 залъ, представлявшихъ 12 знаковъ зодіака. Тамъ находились столы, покрытые рѣдкими яствами, фонтаны и каскады, бывшіе прохладительными напитками. Но что представляло въ данномъ случаѣ верхъ иллюзіи, такъ это—новая триумфальная арка, воздвигнутая надъ ротондой въ формѣ галлерей, гдѣ можно было видѣть всѣхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ исполненіи праздника.

«Въ это время музыка пригласила желающихъ къ танцамъ; и втеченіе двухъ дней, какъ продолжалось вышеописанное зрѣлище, собраніе не расходилось раньше зори.

«Въ программѣ находятя нѣкоторыя подробности, упущенныя нами; и съ небольшой помощью соображенія, читатель можетъ себѣ представить все волшебство картинъ, только что описанныхъ нами».

Послѣдній изъ каруселей на открытомъ воздухѣ былъ данъ при Александрѣ I въ Москвѣ, на обширной равнинѣ, противъ Александринскаго дворца и сада Нескучнаго ¹⁾: здѣсь былъ выстроенъ огромный амфитеатръ съ галлерейми и ложами для пяти тысячъ человѣкъ, въ окружности до 350 сажень. Въ назначенные дни, зрители, почти изъ однихъ дворянъ, по билетамъ, наполняли амфитеатръ; а кругомъ его стеченіе народа бывало до 30,000 человѣкъ. По первому сигналу, главные ворота въ циркъ отворялись, и рыцарскія кадрили, каждая съ особенною своею музыкою, выѣзжали изъ ближайшаго дворца, и въ виду народа, восхищавшагося такимъ необычайнымъ зрѣлищемъ, приближались къ воротамъ. Всѣ рыцари, составлявшіе кадрили, были верхами на лошадяхъ рѣдкой красоты, съ богатыми чепраками. Одежда ихъ поражала зрителей своимъ вкусомъ и великолѣпіемъ. Почти на всѣхъ блистали драгоценные камни. Проѣхавши нѣсколько разъ кругомъ ложъ и галлерей, рыцари производили свои турниры съ копьемъ, на всемъ быстрѣйшемъ скаку копыями попадали въ цѣль и повѣщенные небольшія кольца. Много было и другихъ эволюцій, совершаемыхъ съ необыкновеннымъ искусствомъ. Въ этомъ особенно отличались: Всеволодъ Андреевичъ Всеволожскій и Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ. При кадрили Всеволожскаго былъ хоръ музыкантовъ, едва ли не первый тогда въ Россіи. Его сравнивали даже съ оркестромъ князя Эстергази, въ Вѣнѣ, гдѣ былъ Гайднъ

¹⁾ Описаніе бережъ изъ «Московскихъ Вѣдомостей» 1811 года.

капельмейстеромъ. Хоромъ Всеволожскаго управлялъ извѣстный въ то время Мауреръ. Правила карусели были заимствованы изъ историческихъ свѣдѣній времени Людовика XIV. При немъ, какъ извѣстно, карусели были любимымъ занятіемъ высшаго дворянства. Въ нихъ участвовалъ и самъ король, поражая всѣхъ своимъ искусствомъ и богатствомъ наряда.

Устройство московской карусели произведено съ высочайшаго соизволенія генераломъ отъ кавалеріи Ст. Ст. Апраксинымъ, объ устройствѣ которой и правилахъ первый подалъ мысль онъ самъ; жена его Екатерина Владиміровна была избрана для раздачи отличившимся рыцарямъ приличныхъ призовъ, при звукѣ трубъ и литавръ.

Рыцари подѣзжали къ ложѣ г-жи Апраксиной, салютовали своими копьями и получали изъ рукъ ея назначенные призы.

При императрицѣ Екатеринѣ II-й каждую пятницу при дворѣ бывали маскарады, на которые допускались всѣ, кто имѣлъ право носить шпагу; впрочемъ, купечеству отводилась «особая зала», но она имѣла сообщеніе съ дворянской, и не запрещалось купцамъ ходить по другимъ комнатамъ.

Отъ двора къ каждому маскараду раздавалось до четырехъ тысячъ билетовъ; въ 6-ть часовъ пополудни, публика начинала съѣзжаться; сама императрица имѣла обыкновеніе туда приходить въ седьмомъ часу и, поговоривъ съ нѣкоторыми вельможами, садилась за карты; въ девятомъ часу, она обыкновенно удалялась во внутренніе покои. Во второмъ часу ночи, маскарадъ кончался. Во время маскарадовъ публикѣ разносились разныя напитки, закуски, конфекты и пр.

Особенно большою непринужденностью пользовались маскарады въ Царскомъ Селѣ. Это случалось болѣе зимой; здѣсь давался особенный родъ маскарадовъ, въ которыхъ мужчины наряжались въ женское платье, а дамы въ мужское. Узкій мужской костюмъ отлично обрисовывалъ красивыя женскія формы, дѣвственная скромность исчезала подъ свободными приѣмами мужчины, и наоборотъ, прямой мужской станъ отлично приходился къ молдавану и роброну. На такихъ маскарадахъ необыкновенно красивъ былъ въ женскомъ нарядѣ извѣстный фаворитъ Екатерины Гр. Гр. Орловъ¹⁾.

Весьма оживленные и веселые также маскарады давались въ Эрмитажѣ, которые носили названіе «Сюрпризы»: соберутся придвор-

¹⁾ Въ 1742 году, вышелъ указъ, какъ ѣздить въ маскарады: «въ хорошемъ, а не въ гнусномъ платьѣ—тѣлогрѣяхъ, полушубкахъ и кокошникахъ»; нечиннымъ запрещено было носить шелковую подкладку; только первые 5 классовъ могли носить кружева. Знать приглашалась имѣть побольше лакеевъ; 1-й и 2-й классы должны были имѣть отъ 8-ми до 12-ти лакеевъ, по 2—4 скорохода, по пажу и по два егера. Лица 4-го класса должны были имѣть по четыре лакея у кареты и т. д.

ные, подойдуть къ театру, видятъ двери запертыми, съ надписью на нихъ: поворотить женщинамъ вправо, мужчинамъ влѣво. Тамъ гости находили платье двухъ цвѣтовъ—пунцоваго и бѣлаго цвѣта, и вмѣсто ожидаемаго спектакля шли въ маскарадъ. Иногда придворные получали весьма странные костюмы; ихъ наряжали: кого вѣтряною мельницею, кого башнею, хижиною, кого купцомъ, евреемъ, молочницею; гости, встрѣчаясь, другъ друга не узнавали. Однажды, всѣ явились на ужинъ и заняли мѣста, слуги суетились, но раскрытыя блюда оказались пустыми. Императрица встала съ неудовольствіемъ, гофмаршалъ былъ вѣмъ отъ испуга и оплошности кухни. Императрица обратилась къ великому князю Александру Павловичу и сказала:

— Такъ мы пойдемъ къ тебѣ, я ѣсть хочу.

— У насъ, — отвѣчалъ великій князь: — приготовлены кушанья только для нашего малаго двора, мы врядъ ли можемъ угостить все общество!

— Нѣтъ нужды, — проговорила императрица: — мы раздѣлимъ по куску.

Все общество отправилось и нашло роскошный ужинъ, съ великолѣпными парадными блюдами.

Во время шведской войны, въ день придворнаго маскарада было получено непріятное извѣстіе, и, чтобы не прервать вечера и скрыть несчастіе отъ публики, императрица посылаетъ за графомъ Строгановымъ.

— Я увѣрена, — говоритъ она: — что ты исполнишь, что я тебѣ прикажу.

— Съ усердіемъ, государыня. — Что прикажете?

— Садись же, подавайте поскорѣе.

Приносятъ женское платье, убираютъ ему голову; графъ не понимаетъ, чтò бы это значило.

— Иди теперь въ маскарадъ, — говоритъ императрица: — дай руку моему кавалеру, сохрани мою походку и представь мою особу.

Графъ повиновался и рассказывалъ по маскараду величавою дамою, и всѣ принимали его за царицу!

Но особенною прелестью въ то время были для нашихъ вельможъ такъ называемые вольные дома съ маскарадами; ихъ посѣщали какъ всѣ знатные обоюго пола, такъ и вся простая публика, маскированная и безъ масокъ. По словамъ Энгельгардта, императрица очень часто, инкогнито замаскировавшись, въ сопровожденіи А. Д. Ланскаго, статсъ-дамы графини Враницкой и камеръ-фрейлины Протасовой посѣщала вольные маскарады. На послѣдніе пріѣзжала она въ чужой каретѣ и всячески старалась скрыть себя; но полиція всегда узнавала государыню и ея свиту. Многіе не догадывались, или съ намѣреніемъ шутили, прыгали передъ нею. Государыню это очень забавляло и смѣшило; иногда ей очень до-

ставалось отъ тѣсноты. Павелъ Сумароковъ разсказывалъ: однажды императрица усѣлась подлѣ знакомой г-жи Д—ской, которую очень жаловала и допускала къ себѣ въ кабинетъ; государыня, перемѣнивъ голосъ, вступила съ ней въ разговоры и долго ее интриговала. Последняя, сгорая отъ любопытства, желала узнать, кто ее интригуетъ, и кого ни назоветъ, все получала отрицательный знакъ головою. Наконецъ, потерявъ терпѣніе, срываетъ маску съ императрицы и, пораженная открытіемъ, сильно смутилась и оробѣла. Императрица тоже не менѣе была удивлена дерзкимъ поступкомъ.

— Что вы сдѣлали? Маска неприкосновенна! Вы нарушили права благопристойности!—проговорила государыня; затѣмъ встала и тотчасъ же уѣхала изъ маскарада. Смѣлая дама навѣкъ потеряла благоволеніе императрицы.

Не касаемся описанія тѣхъ торжествъ, чтó давалъ въ своемъ Таврическомъ дворцѣ князь Потемкинъ. Одинъ послѣдній праздникъ, устроенный имъ, походилъ на воссозданіе сказокъ тысячи одной ночи: одного воска, въ свѣчахъ и шкаликахъ, сожжено было на 70,000 руб., такъ что воска, бывшаго въ Петербургѣ, не достало, и за нимъ по почтѣ посылали въ Москву. На этомъ праздникѣ, по описанію, танцовало двадцать четыре пары изъ знатнѣйшихъ фамилій, въ костюмахъ, украшенныхъ брилліантами, которые въ итогѣ стоили десять милліоновъ рублей. Самъ Потемкинъ имѣлъ на головѣ шляпу, которую по тяжести отъ брилліантовъ не могъ надѣть, и ее носилъ за нимъ въ рукахъ одинъ изъ его адъютантовъ.

Не смотря на такія роскошныя частыя празднества, тогдашнее высшее общество очень любило «вольные дома»; здѣсь оно освобождалось отъ оковъ этикета и вполне предавалось веселости и шалости, конечно, не выходя изъ предѣловъ приличія.

Грибовскій въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ про канцлера графа Безбородко, что онъ былъ большой охотникъ тамъ проводить свое время и почти ежедневно, по выѣздѣ изъ дворца послѣ доклада императрицѣ, надѣвалъ простой сюртукъ и такую же шляпу, пускался въ такіе дома, въ общество прелестницъ, которыхъ покидалъ только тогда, когда видѣлъ подобнаго себѣ гостя. Грибовскій говоритъ, что онъ былъ одинъ изъ первыхъ дѣловыхъ людей, которые въ то время подавали другимъ примѣръ къ вольной жизни.

Лучшіе маскарады и вечера такого сорта въ то время бывали на Мойкѣ, въ увеселительномъ саду Нарышкина.

Основателемъ ихъ былъ извѣстный поддиректоръ императорскихъ театровъ, баронъ Ванжура. Здѣсь каждую среду и въ воскресенье давались праздники и маскарады съ танцами, съ платою по рублю съ персоны. Вечера начинались съ восьми часовъ вечера. Посѣтители могли приходиться въ маскахъ и безъ маски. Въ залѣ для танцевъ играло два оркестра музыки: роговой и бальной. На

открытомъ театрѣ давали пантомимы и сожигали фейерверки. Иногда здѣсь шли и большія представленія, какъ, напримѣръ: «Капитана Кука сошествіе на островъ, съ сраженіемъ, поставленнымъ фехтмейстеромъ Мире», или «Новый годъ индѣйцевъ», народныя пляски и т. д. При этихъ представленіяхъ публика платила два рубля. Здѣсь показывали свое искусство «путешествующіе актеры и мастера разныхъ физическихъ, механическихъ и другихъ искусствъ, музыканты на органахъ и лютиѣ, искусники разныхъ тѣлодвиженій, прыгуны, сильные люди, великаны, мастера верховой ѣзды, люди съ львами и другими рѣдкими звѣрьми, искусными лошадьми, художники потѣшныхъ огней» и т. д.

Затѣмъ еще публичныя маскарады устраивали въ большомъ каменномъ театрѣ машинистъ Домпери и танцовщикъ Ганцолесъ. Послѣдніе о дняхъ маскарадовъ извѣщали публику афишами; приводимъ одну изъ такихъ афишъ: «Машинистъ Домпери и танцовщикъ Ганцолесъ, увѣдомляя почтенную публику, что первый ихъ маскарадъ будетъ октября 14-го дня, просятъ покорнѣйше удостоить оный своимъ благосклоннымъ посѣщеніемъ. Начало будетъ въ 6 часовъ, за билеты платятъ по 1 рублю; паркетъ поднимется наравнѣ съ театромъ, такъ что будетъ одна пространная китайская зала, убранная и освѣщенная великолѣпнѣйшимъ образомъ, по сторонамъ которой будутъ разные покои, какъ-то: залы для контратанцевъ, горница для игранія въ карты, иные для напитковъ, другіе — со столами, для ужина, иные — съ лавками для продажи маскарадныхъ платьевъ, масокъ, перчатокъ и прочихъ галантерейныхъ вещей. Если кто пожелаетъ имѣть особенный ужинъ, то можетъ оный заказать у Надервиля, содержателя французскаго трактира «Парижъ», заблаговременно».

Танцы въ этихъ публичныхъ маскарадахъ начинались «польскимъ открытымъ» (какъ говаривали); за польскимъ слѣдовали: «очаковская» кадрили, штейнъ-бассъ, чудный веселостью контратанецъ, съ превычурными балансеями. Для выучки этихъ танцевъ требовались тогдашніе профессора хореграфическихъ выправокъ и балансеевъ разные гг. Сабіоли, Коссели, Парадизъ, Морели. Далѣе въ нашихъ танцахъ слѣдовали кадрили французскія, точные балеты, минуэты à la Reine, по правиламъ танцовальнаго искусства, которыхъ ранѣе не начинали, какъ послѣ трехъ церемональныхъ поклоновъ дамѣ; во время же танцевъ едва касались пальцами ея пальцевъ, а когда оканчивали, то извѣяли свою благодарность, цѣлуя ей руку. Затѣмъ слѣдовали простые польскіе, горлицы, аллеманы и круглый польскій, съ эластическимъ распаркиваніемъ, съ премудрыми выгибами ногъ, присѣданіями, поклонами и проч. Въ концѣ концовъ танцы, по обыкновенію, заключались «Метелицею» или «Татьяною»; здѣсь уже пары выступали особенныя, выраженные русскими молодками и молодцами. Это, впрочемъ, не были

простые смертные, а часто титулованные особы, ученики и ученицы известнаго въ свое время русскаго Вестриса, танцора Бублива.

Въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтїя, въ Петербургѣ маскарады славились у Фельета. Здѣсь, на мѣстѣ нынѣшняго зданїя главнаго штаба, стоялъ построенный полукругомъ великолѣпный домъ графа Куселева; въ этомъ домѣ былъ театръ съ роскошными комнатами. Это былъ пале-рояль въ миниатюрѣ; лучшее петербургское общество здѣсь танцевало и проводило время; рестораторомъ здѣсь былъ французъ Тардина, цѣны у него на вино и кушанья были весьма дешевы. Такъ за бутылку краснаго вина платили тридцать копѣекъ и за жаренаго рябчика двадцать копѣекъ. Въ этомъ же домѣ были лучшіе иностранные магазины въ столицѣ.

Не менѣе превосходные маскарады въ Екатерининское время давались въ роскошномъ домѣ, на углу Невскаго и Екатерининскаго канала, въ домѣ, теперь принадлежащемъ Волжско-Камскому банку.

Въ началѣ двадцатыхъ годовъ, придворные маскарады въ Зимнемъ дворцѣ составляли тоже эпоху. Болѣе тридцати тысячъ билетовъ раздавалось желающимъ быть въ этомъ маскарадѣ. По разнообразїю костюмовъ и многочисленности посѣтителей маскарада подобнаго не бывало. Съ восьми часовъ вечера, безконечный рядъ великолѣпныхъ комнатъ дворца открывался и въ какой нибудь часъ времени наполнялся пестрою толпою. Черкесы, грузины, армяне, татары въ національныхъ костюмахъ, толпа купцевъ съ окладистыми бородами, въ длиннополыхъ сибирякахъ и въ круглыхъ шляпахъ, съ женами и дочерьми въ парчевыхъ и шелковыхъ платьяхъ, въ жемчугахъ и брилліантахъ, офицеры, иностранныя посольства, въ парадныхъ мундирахъ, и присутствїе монарха съ августѣйшей фамиліею и дворомъ—все это дѣлало такой маскарадъ вполне торжественнымъ. Государь являлся всегда привѣтливымъ хозяиномъ и удостоивалъ нѣкоторыхъ посѣтителей разговоромъ и вниманїемъ.

Во время маскарада раздавался желающимъ чай, медъ и разныя лакомства. Въ маскарадахъ этихъ царствовалъ необыкновенный порядокъ, сохранялся онъ безъ содѣйствїя полицїи, которая сюда не допускалась.

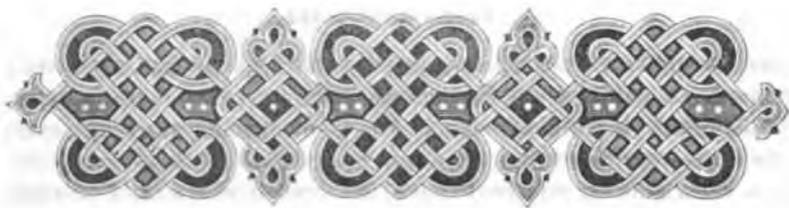
Въ тридцатыхъ годахъ, имѣла большой успѣхъ въ интеллигентномъ обществѣ маскарадная затѣя слѣдующаго содержанїя. Нѣсколько молодыхъ людей разучивали одно изъ дѣйствїй комедїи «Горе отъ ума», преимущественно третїй актъ, и въ костюмахъ и маскахъ разъѣзжали по городу въ каретахъ, съ шестью или семью музыкантами, и, останавливаясь передъ освѣщенными окнами своихъ хорошихъ знакомыхъ, посылали хозяевамъ визитныя карточки съ надписью: 3-е дѣйствїе «Горе отъ ума». Молодыхъ людей приглашали войдти; замаскированные являлись съ своимъ оркестромъ, разыгрывали актъ и оканчивали вечеръ веселыми танцами.

Въ сороковыхъ годахъ, блестящія маскарады давались въ дворянскомъ собраніи и въ Большомъ театрѣ; такіе бывали ежегодно на масленицѣ и раннею весною. Сюда относится такъ называемый маскарадъ — томболо.

Въ послѣднемъ, въ часъ ночи, на особой эстрадѣ, при звукахъ трубъ разыгрывали разныя галантерейныя вещи. Этимъ маскарадомъ окончивались до осени бальныя и маскарадныя собранія петербургской публики. Къ вышесказанному мы находимъ небезполезнымъ присовокупить, что первые маскарады въ Россіи введены императоромъ Петромъ Великимъ по случаю мира со шведами, въ 1721 году; они продолжались тогда при дворѣ семь дней сряду. Въ смыслѣ святочныхъ игръ и переодѣваній, маскарады были еще извѣстны при царѣ Иоаннѣ Грозномъ. Маскарады въ Европѣ вошли въ обыкновеніе въ 1540 году; ученикъ Микель-Анджело, Граници, устроилъ первый такой торжественный маскарадъ въ честь Павла Эмилиа. Слово «маскарадъ» заимствовано съ арабскаго «мушкаръ», что въ переводѣ значитъ «шутка».

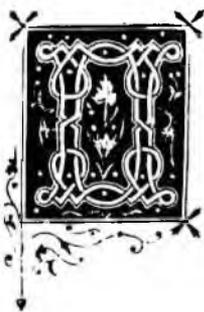
М. И. Пыляевъ.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКЪ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

I.

ТЕЦЬ мой, Александръ Петровичъ Бороздинъ, оставшись сиротой четырнадцати лѣтъ, послѣ дѣда моего Петра Савича, въ 1808 году, помѣщенъ былъ мачихою, Анною Васильевной, урожденной Львовой, сначала экстерномъ въ славившійся тогда іезуитскій коллегій, а спустя два года въ пажескій корпусъ, изъ котораго въ 1812 году, передъ началомъ войны, выпущенъ былъ корнетомъ въ конногвардію. Тутъ онъ оставался недолго и перешелъ въ Орденскій кирасирскій полкъ поручикомъ, въ корпусъ своего двоюроднаго брата Николая Михайловича Бороздина, впоследствии извѣстнаго генерала и бородинскаго героя. Въ этомъ полку отецъ мой дѣлалъ всю кампанію какъ въ предѣлахъ нашего отечества, такъ и за его предѣлами и по окончаніи ея, женившись и выйдя въ отставку, поселился въ родовомъ своемъ имѣніи, находившемся въ Опочецкомъ и Новоржевскомъ уѣздахъ Псковской губерніи. Вскорѣ выбрали его въ уѣздные предводители дворянства, и, безсмѣнно выбираемый затѣмъ до конца тридцатыхъ годовъ, онъ оставилъ эту должность лишь въ то время, когда продалъ свое имѣніе.

Въ 1834 году, старшій его сынъ, а мой старшій братъ, Петръ Александровичъ, былъ уже семнадцатилѣтнимъ юношей, кондукторомъ (какъ тогда называли воспитанниковъ) института инженеровъ путей сообщенія и третьимъ ученикомъ выпускнаго класса;

въ мартѣ мѣсяцѣ, оставалось ему нѣсколько недѣль до перевода въ офицерскіе классы. Моментъ этотъ какъ юношею, такъ и его родителями ожидался съ радостнымъ нетерпѣніемъ.

Въ ту пору институтъ причислялся къ военному вѣдомству; питомцы его носили военную форму и учились всѣмъ воинскимъ экзерциціямъ, на которыя обращено было строгое вниманіе,—тѣмъ болѣе еще, что великій князь Михаилъ Павловичъ какъ-то особенно придирался къ выправкѣ путейцевъ, считая ихъ почему-то за вольнодумцевъ.

Въ началѣ марта, рано утромъ, выведена была парадировка путейцевъ на площадку въ стѣнахъ самаго института, и началось ученье. Погода была отвратительная, ночью схватилъ морозъ оттаявшія наканунѣ лужи, и дулъ страшный вѣтеръ; но изъ инженеровъ хотѣли готовить людей суворовскаго закала, и потому на все это не обращали ни малѣйшаго вниманія. Кончились ружейныя приемы, перешли къ маршировкѣ, въ которой обыкновенно выступалъ прежде всего классическій тихій шагъ въ три приема, затѣмъ шель въ два и, наконецъ, въ одинъ приемъ; тихій шагъ смѣнялся скорымъ и ученье подошло, наконецъ къ бѣглому. Этотъ послѣдній шагъ былъ излюбленный молодежью, во-первыхъ, потому, что живое движеніе его нравилось ей вообще, а во-вторыхъ, и потому, что онъ былъ всегда финаломъ ученья.

Офицеръ производившій ученье, скомандовалъ: «Смирно! Ружья на перевѣсь! Дирекція направо, бѣглымъ шагомъ маршъ!»

Братъ мой былъ въ первой шеренгѣ, четвертымъ съ флангу; парадировка пробѣжала уже половину площадки, какъ онъ подскользнулся отъ гололедицы и упалъ, а на него рядомъ повалилось нѣсколько человекъ изъ заднихъ шеренгъ. Подобные случаи не рѣдкость на ученьяхъ и обыкновенно вызываютъ лишь общую веселость и смѣхъ, которыя тотчасъ же сдерживаются громкими выговорами строгаго военнаго начальства. Но тутъ было не до смѣху.

Всѣ поднялись съ земли, одинъ братъ мой не поднялся и страшно стоналъ отъ боли въ кисти лѣвой руки. Его подняли. Оказалось, что кисть подвернулась, при паденіи его, подъ замокъ ружья, и вся тяжесть какъ его тѣла, такъ и тѣла товарищей, разомъ навалившись на ружье, причинила ему тяжкій ушибъ. Юношѣ сдѣлалось дурно, и товарищи внесли его на рукахъ въ камеру. Институтскій лекарь, г. Штюмеръ, тотчасъ же призванный, осмотрѣвъ кисть и не находя въ ней никакого особеннаго поврежденія, приказалъ дѣлать примочки изъ гулярдовой воды и даже не считалъ нужнымъ помѣщать кондуктора въ лазаретъ. «Завтра же все пройдетъ, а теперь, если и есть опухоль, то это пустяки».

Но ни завтра, ни послѣзавтра опухоль не спадала отъ гулярдовой воды, которую не смѣнялъ г. Штюмеръ, и не смотря на завѣренія

кондуктора, что онъ постоянно чувствуетъ боль въ кисти и во всей рукѣ, не дающую ему сна, — не принималъ его въ лазаретъ. Къ концу недѣли дошло до какого-то озлобленія между лекаремъ и пациентомъ; первый съ упорствомъ утверждалъ, что это все пустяки, а второй съ страдальческою злобою его оспаривалъ. Директоромъ института былъ тогда инженеръ-генералъ Базень, присланный когда-то Наполеономъ къ Александру I; братъ мой ему пожаловался, и тотъ приказалъ, наконецъ, г. лекарю принять больного.

Въ Петербургѣ въ это время жило одно близкое намъ семейство Валуевыхъ. Глава его, Александръ Алексѣевичъ Валуевъ, короткій пріятель и сосѣдъ по деревни моего отца, женатый на французенкѣ, имѣлъ двоихъ дѣтей — сына и дочь — одного возраста съ моимъ братомъ и близкихъ его друзей. Вся семья любила брата Петра, какъ своего роднаго, и понятно, что тамъ уже все было извѣстно о его ушибѣ, и больного навѣщали ежедневно, когда же, наконецъ, брата положили въ лазаретъ и ему, всетаки, не стало лучше, Александръ Алексѣевичъ Валуевъ рѣшился послать къ моему отцу письмо съ эстафетой. Разстоянія было триста пятьдесятъ верстъ, въ то время нужно было, по крайней мѣрѣ, двое сутокъ для доставленія эстафеты, отцу моему тоже требовалось не менѣе двухъ сутокъ для прибытія въ Петербургъ, — время тянулось, больной страшно мучился изнурительной лихорадкой и только черезъ двѣ недѣли со дня ушиба увидалъ у постели своей отца, — который пораженъ былъ измѣнившимся, страдальческимъ видомъ сына.

Первымъ дѣломъ моего отца было перевести къ себѣ больного въ отель Куллона (теперешняя Европейская гостинница) и затѣмъ тотчасъ же пригласить лейбъ-медика и хирурга Николая Ѳедоровича Арндта, славившагося тогда по всему Петербургу. Арндтъ осматривалъ больного, старался сколько возможно его ободрить; но, выйдя въ другую комнату, объяснилъ моему отцу, что положеніе очень тяжело. Кости лѣвой кисти раздроблены, происходитъ нагноеніе, и больной крайне изнуренъ лихорадкою. За исходъ болѣзни онъ не можетъ ручаться; но совѣтовалъ бы немедленно помѣстить его въ Сухопутный госпиталь, въ клинику оператора и профессора Соломона. Тамъ ему будетъ несравненно удобнѣе, и, наконецъ, Соломонъ такъ знаетъ свое дѣло, что онъ, Арндтъ, можетъ быть его ученикомъ; но онъ, всетаки, и туда не перестанетъ ѣздить ежедневно и посѣщать пациента.

Николай Ѳедоровичъ Арндтъ былъ превосходный врачъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и превосходнѣйшій человекъ, и все это соединялось въ немъ съ самой симпатичной и красивой наружностію. Онъ внушалъ къ себѣ неограниченное довѣріе.

По его приказанію, братъ мой водворенъ былъ въ Сухопутномъ госпиталѣ; профессоръ Соломонъ, по его же приглашенію, обратилъ

особенное на него вниманіе; но отцу моему и отъ него пришлось услышать неотрадный отзывъ о положеніи сына.

«Нагноеніе переходило уже въ антоновъ огонь, и оставалось спасенія ожидать единственно отъ ампутаціи. Но... больной такъ изнуренъ лихорадкой, что, быть можетъ, не вынесетъ операциі. Ему самому еще не сказано, что его ожидаетъ ампутаціа, для того, чтобы еще болѣе не разстроить, не напугать, а сказано, что придется, по всей вѣроятности, вынуть изъ кисти руки нѣсколько косточекъ. И даже это предупрежденіе подѣйствовало на него угнетательно. Последнюю ночь онъ провелъ въ бреду и еще болѣе ослабѣлъ».

Когда все это передавалъ моему отцу, въ своемъ отдѣльномъ кабинетѣ, профессоръ Соломонъ, — вошелъ туда и Николай Федоровичъ Арндтъ. Ему повторилъ свой отчетъ профессоръ, и тогда они оба обратились къ моему отцу съ вопросомъ: «что дѣлать»? т. е. приступить къ ампутаціи, или нѣтъ? Въ первомъ случаѣ ее нельзя было откладывать.

Положеніе моего отца пойметъ всякій нѣжно любящій отецъ. Оно было ужасно. Первенецъ сынъ, способный, умный, во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный юноша, исполненный самыхъ блестящихъ надеждъ... и видѣть такую безвременную его гибель...

Какъ ни сильна была натура моего отца, но онъ не выдержалъ, упалъ въ кресло и разрыдался. Съ минутной этой слабостью надо было, однако же, справиться... онъ справился и просилъ только, если возможно, отложить операцию до завтрашняго дня.. Сейчасъ онъ не чувствуетъ себя въ силахъ... при ней присутствовать, а его присутствіе необходимо, онъ знаетъ, что оно ободритъ несчастнаго юношу. Онъ не будетъ отходить отъ него въ эту минуту.

Доктора поговорили между собою полатыни и сказали отцу, что сутки не составятъ никакой разницы и что хорошо было бы, если бы онъ подготовилъ въ это время пациента. Отцовское слово имѣетъ великое, успокоительное значеніе.

Затѣмъ Николай Федоровичъ Арндтъ уѣхалъ, и отецъ вернулся къ постели брата. Это было около 11 часовъ утра.

II.

Черезъ какихъ нибудь полчаса послѣ того, лейбъ-медикъ Арндтъ, безъ особаго доклада, входилъ въ кабинетъ того величаваго вѣнценосца, передъ которымъ трепетала тогда вся Европа. Государь дня три къ ряду былъ боленъ гриппомъ и не выходилъ на воздухъ. Въ своемъ скромномъ кабинетѣ Зимняго дворца, окнами выходящемъ на Неву и извѣстномъ всякому видѣвшему

дворецъ, онъ занять былъ работою. Въ кабинетѣ, кромѣ него, никого не было.

Увидавъ Арндта, къ которому былъ особенно милостивъ, онъ привѣтливо улынулся и, протянувъ ему руку, сказалъ:

— Возьми, шунай... кажется, теперь я совсѣмъ здоровъ?

Арндтъ ощупалъ пульсъ, сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ государю и доложилъ ему, что онъ находитъ его теперь вполне оправившимся отъ гриппа.

— А погода сегодня хороша? Могу я выйти?

— Погода прекрасная и выѣхать вашему величеству необходимо.

Государь, довольный разрѣшеніемъ Арндта, всталъ съ кресла, подошелъ къ окну и, взглянувъ на термометръ, прибавилъ:

— Всего градусъ... солнышко... очень радъ, что могу выйти.

Подходя къ Арндту, онъ вдругъ остановился передъ нимъ и, взглянувъ на него въ лицо, спросилъ:

— Что ты сегодня какой-то кислый? Мнѣ твоя физіономія не нравится... Здоровъ ли ты самъ!.. или, можетъ быть, чѣмъ нибудь разстроены?

Арндтъ низко поклонился и отвѣтилъ:

— Я совершенно здоровъ, ваше величество, но, къ несчастію, у меня такая глупая натура, что ее даже и двадцатилѣтняя докторская практика не въ состояніи закалить. Нервы никакъ не могутъ задеревенѣть, и я поддаюсь впечатлѣнію больше, чѣмъ то слѣдуетъ медику.

— Что ты этимъ хочешь сказать?

— Да вотъ я сейчасъ былъ у постели больного и былъ свидѣтелемъ сцены, отъ которой и до сихъ поръ не могу прійти въ совершенное спокойствіе... Видѣлъ прелестнаго юношу, погибающаго отъ несчастной случайности, и у постели его убитаго горемъ отца.

Тутъ Арндтъ рассказалъ государю всѣ подробности случая. Его величество слушалъ съ живѣйшимъ участіемъ и, когда тотъ кончилъ, сдѣлалъ ему вопросъ:

— А ты думаешь, что операцию онъ не вынесетъ?

— Боюсь, государь, за печальный ея исходъ. Онъ упалъ духомъ, и если бы не это психическое настроеніе, было бы больше надежды.

Государь задумался, прошелся нѣсколько разъ по кабинету и, позвонивъ, приказалъ подавать экипажъ.

Арндта, по обыкновенію, онъ милостиво отпустилъ, пожавъ ему руку.

III.

Въ первомъ часу, на Выборгской сторонѣ, на набережной Невы, у Сухопутнаго госпиталя, помѣщавшагося въ аданіи теперешней военно-медицинской академіи, остановились сани государя, и его величество изволилъ войти въ госпиталь.

Одни лишь современники той эпохи могутъ вполне понимать всю силу того обаянія, которое производилъ государь своею особою и какой перецолохъ совершался всегда въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыя онъ внезапно посѣщалъ. Все учрежденіе какъ-то моментально проникалось такимъ радостнымъ чувствомъ, котораго не передашь никакими словами. Такъ было и тутъ. Вѣсть мгновенно пронеслась по всему госпиталю и дошла до той комнаты, гдѣ былъ положенъ мой бѣдный братъ а у наголовья его сидѣлъ отецъ.

Услышавъ о пріѣздѣ государя, почти умирающій больной вдругъ оживился и приподнялся на постелѣ. Прошла минута... вбѣжалъ запыхавшійся дежурный по госпиталю, съ словами:

— Государь спросилъ о васъ и изволилъ идти сюда.

Вторую недѣлю братъ мой не могъ самъ вставать съ постели безъ помощи другихъ, а тутъ вдругъ какая-то неестественная сила подняла его, и когда государь вошелъ, онъ былъ на ногахъ.

— Здравствуй!

— Здравія желаю вашему императорскому величеству!

— Ну, что же ты приготовился къ ампутаціи руки?—спросилъ государь.

Братъ мой въ первый разъ слышалъ о необходимости ампутаціи; но онъ смѣло отвѣчалъ:

— Готовъ хоть сейчасъ, ваше императорское величество!

— Вотъ и молодецъ, спасибо за то. У инженера мнѣ нужна прежде всего голова. Мнѣ сказали, что ты хорошо учишься, мнѣ такіе люди нужны!

— Радъ стараться, ваше императорское величество!

— Такъ съ Богомъ, кончай операцію и поскорѣе выздоравливай. Тутъ государь обратился къ начальнику Сухопутнаго госпиталя:

— Довосите мнѣ ежедневно о состояніи его здоровья... Итакъ до скорого свиданія... поправляйся... Я тебя не забуду...

— Счастливо оставаться, ваше императорское величество!

Въ корридорѣ, когда вышелъ изъ него императоръ, отецъ мой со слезами припалъ къ его рукѣмъ...

— Ну, успокойтесь... успокойтесь... я понимаю ваше чувство... но Богъ милостивъ... мнѣ сдается, что теперь онъ прекрасно перенесетъ операцію... ступайте къ нему... Вы теперь ему нужны.

Государь милостиво пожалъ руку моему отцу и пошелъ дальше.

Черезъ какихъ нибудь 10 минутъ послѣ отъѣзда государя изъ госпиталя, можно было видѣть въ комнатахъ, гдѣ лежалъ мой братъ, слѣдующую сцену: больной сидѣлъ верхомъ на скамейкѣ, его окружала толпа студентовъ медицинской академіи, онъ весело съ ними болталъ и въ это время лѣвую руку ампутировалъ Соломонъ.

Тогда ни эфира, ни хлороформа еще не употребляли при операціяхъ; но восторженное состояніе, въ которомъ находился юноша, послѣ посѣщенія его государемъ и послѣ слышанныхъ имъ отъ него словъ, буквально дѣлало всякую боль нечувствительною. Соломонъ былъ мастеръ своего дѣла, и рука ниже локтя живо была отрѣзана. Операция удалась прекрасно, и жизнь юноши была спасена.

IV.

На другой, на третій, четвертый и такъ далѣе дни, Сухопутный госпиталь видѣлъ у себя цѣлый рядъ высокихъ посѣтителей. Были цесаревичъ, великій князь Михаилъ Павловичъ, принцъ Ольденбургскій и множество сановниковъ и генералитета. Братъ мой сидѣлся предметомъ разговоровъ; Соломонъ никого къ нему не допускалъ, всѣмъ давалъ успокоительныя о немъ свѣдѣнія и государю ежедневно представлялъ бюллетени.

Черезъ нѣсколько дней, когда уже братъ вышелъ изъ горячешнаго состоянія и къ нему возвратилось сознание, вошелъ къ нему въ комнату графъ А. Хр. Бенкендорфъ, усѣлся около больного и объяснилъ ему, что прислалъ государемъ императоромъ прежде всего привѣтствовать съ благополучнымъ исходомъ операціи, затѣмъ передать ему, что его величество не перестаетъ интересоваться его судьбою и поручилъ ему, графу Бенкендорфу, ближайшее о ней попеченіе.

— Все то, что вамъ понадобится, сообщайте мнѣ, — прибавилъ графъ. — Пишите ко мнѣ безъ всякихъ формальностей, какъ къ своему близкому человѣку.

Братъ выразилъ ему прискорбіе о перерывѣ его курса... Товарищи надняхъ будутъ офицерами... онъ отъ нихъ отсталъ.

— Объ этомъ теперь даже и не думайте; къ занятіямъ вамъ нескоро встрѣтится возможность вернуться: не раньше, какъ когда ихъ разрѣшатъ вамъ медики. Теперь же нужно заботиться лишь о полномъ восстановленіи вашихъ силъ.

Недѣли черезъ двѣ, рана на рукѣ закрылась, и братъ мой выпущенъ былъ изъ госпиталя прямо въ объятія своей матери, пріѣхавшей тогда изъ деревни.

Но, къ прискорбію всѣхъ, общее положеніе здоровья моего брата очень медленно поправлялось, и даже самая весна не имѣла осо-

бенно благотворнаго на него вліянія. Матушка моя созвала консилиумъ изъ всѣхъ тогдашнихъ знаменитостей: Арндта, Буяльскаго, Соломона и др., и просила наставленія у нихъ: «что ей дѣлать?» Консилиумъ рѣшилъ, что юношу необходимо везти на воды, въ чужіе края, и лучше всего въ Эмсъ.

Объ этомъ братъ мой написалъ письмо къ графу Бенкендорфу и просилъ его ходатайства передъ государемъ о разрѣшеніи ему ѣхать за границу вмѣстѣ съ отцомъ.

На это не послѣдовало соизволенія. Законъ, воспрещавшій тогда молодымъ людямъ выѣздъ за границу, раньше двадцати пяти лѣтъ, нельзя было обходить, и графъ Бенкендорфъ не нашелъ возможнымъ ходатайствовать въ этомъ смыслѣ предъ его величествомъ; но при первомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ обѣщала повергнуть высочайшему благовозрѣнію просьбу моего брата.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, получилось отъ него новое письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ брата, что государь императоръ, въ виду закона, воспрещающаго въ его возрастѣ выѣхать за границу, желая помочь ему сколько возможно, изволилъ повелѣть производить выдачу ему по тысячѣ рублей въ годъ для пользованія водами внутри имперіи до полного восстановленія силъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ государь изволилъ разрѣшить и расходъ на изготовленіе искусственной руки моему брату.

Рука эта изъ пробки и замши была вскорѣ сдѣлана извѣстнымъ тогда бандажистомъ Аренсомъ и обошлась 600 рублей. Пальцы были всѣ на пружинахъ и могли быть сгибаемы правою рукою. Въ лѣвой рукѣ можно было держать всевозможные предметы, и они изъ нея не выпадали. Братъ мой вскорѣ привыкся къ этой рукѣ и началъ при помощи ея свободно разрѣзывать пищу.

Но, къ прискорбію моихъ родителей, здоровье его и при пользованіи водами мало поправлялось. Богъ, какъ говорится, «не далъ ему жизни». Онъ хилѣлъ, тянулъ слишкомъ три года и скончался отъ сухотки, на 21 году своей жизни.

Но съ этою рано пресѣкшеюся жизнію не пресѣклась, конечно, въ семьѣ нашей признательная память къ всемилостивѣйшему монарху, императору Николаю Павловичу, и, передавая настоящій эпизодъ, авторъ считаетъ себя вполне счастливымъ, что могъ исполнить свой нравственный долгъ и повѣдать его современному поколѣнію. Эпизодъ этотъ можетъ служить однимъ изъ матеріаловъ къ характеристикѣ императора Николая.

К. Ворондичъ.

МУЗЕЙ ОССОЛИНСКИХЪ И ЛЮБОМИРСКИХЪ ВЪ ЛЬВОВѢ.

АЖДЫЙ народъ дорожитъ своимъ прошлымъ, и такъ какъ сохраненіе памятниковъ древности приноситъ несомнѣнную пользу наукѣ, то не порицанія, а одобренія заслуживаютъ тѣ народы, среди которыхъ появляются особы ревнители по собиранію и сохраненію памятниковъ своего прошлаго. Но на ряду съ развитіемъ и совершенствованіемъ духовной жизни народа, которыми обусловливаются заботы и труды на этомъ поприщѣ, стимуломъ въ этихъ трудахъ являются иногда побужденія, вызываемыя политическимъ положеніемъ народа и ничего общаго съ наукой не имѣющія.

Такою особенностію отличаются поляки въ своихъ трудахъ по собиранію и сохраненію памятниковъ польской старины.

Какъ бы то ни было, впрочемъ, польскій народъ не можетъ нести упрека въ незначительности и незаботливости о своемъ прошломъ. Среди польской интеллигенціи не рѣдкость встрѣтить археолога-любителя, посвящающаго свой досугъ на экскурсіи по ближайшимъ окрестностямъ съ ученою цѣлью, кропотливо разбирающаго находки, приводящаго ихъ въ систему и т. д. Постепенно образуется маленькій археологическій музей, мѣстящійся гдѣ нибудь на антресоляхъ дѣдовскаго дома, въ скромно и вовсе не на показъ устроенныхъ шкапикахъ и ящикахъ. Намъ лично извѣстенъ одинъ помѣщикъ, человѣкъ молодой, занявшій почтенное мѣсто въ польской литературѣ, г. Г., который личнымъ свдѣмъ трудомъ, съ замѣчательною энергіею и настойчивостію, втеченіе многихъ лѣтъ, образовалъ въ имѣніи своего отца, въ Д—ской губерніи, цѣлое собраніе предметовъ археологіи, исторіи и этнографіи. Другой примѣръ въ этомъ родѣ представляетъ графъ Кастанъ

Кяцкій, помѣщикъ трехъ польскихъ губерній (умершій въ 1878 г.), который духовнымъ завѣщаніемъ обязалъ своихъ душеприказчиковъ устроить въ одномъ изъ имѣній его, Орловъ-Мурованый, Люблинской губерніи, музей лучшихъ произведеній живописи, скульптуры и другихъ интересныхъ-поучительныхъ рѣдкостей и для помѣщенія этого музея пожертвовалъ свой «палацъ».

Но надъ всѣми этими частными собраніями стоятъ два большихъ музея: Польскій музей въ Краковѣ и музей имени Оссолинскихъ и Любомірскихъ, находящійся въ столицѣ Галиціи, Львовѣ.

Въ нашихъ рукахъ находится каталогъ этого послѣдняго музея¹⁾, которымъ мы и воспользуемся, чтобы сдѣлать хотя бы бѣглое обзорѣніе хранящихся въ музеѣ предметовъ.

Въ объясненіи къ каталогу читаемъ, что князь Генрихъ Любомірскій, состоя, по соглашенію съ графомъ Юзефомъ Оссолинскимъ, попечителемъ музея его имени, предназначилъ свою бібліотеку, картины, собраніе медалей и другихъ археологическихъ предметовъ для пользованія публики. Слѣдуя этому направленію, сынъ его, князь Юрій Любомірскій, присоединилъ къ музею большую коллекцію оружія. «Такимъ-то способомъ, — добавляетъ объясненіе къ каталогу, — благодаря лишь благородному пожертвованію двухъ лицъ, которыя въ давнее время, среди общей юдоли и сомнѣній, рѣшились указать землякамъ своимъ путь къ ихъ обязанностямъ, а за нимъ и дорогу къ лучшей будущности: два учрежденія (institute) Оссолинскихъ и Любомірскихъ, вмѣстѣ соединенныя, стали богатымъ источникомъ науки и искусства, образовавъ одно изъ народныхъ приобрѣтеній, совмѣщающее въ себѣ мысль вѣковъ и чувствъ народа въ книгахъ, картинахъ, военныхъ снарядахъ и памятникахъ минувшей славы и бѣдствій».

Это предисловіе показываетъ, что рачители древней славы польской вовсе не скрываютъ своихъ побужденій, которыя главнымъ образомъ руководили ими въ дѣлѣ собиранія и сохраненія памятниковъ польской старины.

Ниже мы увидимъ, на сколько отвѣчаетъ этой особенности львовскій музей имени Оссолинскихъ и Любомірскихъ.

Музей этотъ состоитъ изъ отдѣловъ:

1) Предметы археологическо-историческіе, къ числу которыхъ относятся: раскопки изъ эпохи каменной, бронзовой, керамика; раскопки исторической эпохи, предметы древности, нумизматика, дипломы, автографы, печати, сфрагистика, древности искусствъ.

2) Историческіе предметы: домашняя утварь, геральдика, оружіе.

3) Предметы искусства: скульптура, живопись, гравюры.

4) Кабинетъ оружія.

¹⁾ Zakład narodowy imienia Ossolińskich. Katalog muzeum imienia Lubomirskich. Lwów, 1877 r. Katalog broni w muzeum imienia Lubomirskich. Lwów, 1876 r.

5) Разные предметы.

Среди всѣхъ этихъ предметовъ находимъ каменные топоры, ножи, долота, собранные въ различныхъ мѣстностяхъ, но преимущественно въ мѣстностяхъ, принадлежавшихъ Польшѣ; глиняныя урны, горшки, миски, выкопанныя на кладбищахъ и на поляхъ; черепицы, римскіе каганцы и лампочки; древніе серпы, серебряныя кольца, серги и браслеты; головные уборы, пуговицы, дѣпочки, золотыя кольца, браслеты, серги; бронзовые идолы римскіе, индійскіе и египетскіе; голова египетской муміи, мумія kota и т. п. Затѣмъ слѣдуютъ древніе иконы, кресты, ковчезцы, дарохранильницы, хоругви, гербы, кубки, древнія шкатулки, трости, трубки, копыя, шпоры, ордена различныхъ государствъ, цѣлое собраніе табакерокъ, оружія и т. д. Нѣкоторые изъ этихъ предметовъ составили цѣлые отдѣлы, какъ, на примѣръ, собраніе памятниковъ фамиліи Собѣскихъ, или памятниковъ заключенія и ссылки въ Сибирь польскихъ повстанцевъ въ 1864—1866 годахъ. Въ числѣ предметовъ искусства находятся бюсты замѣчательныхъ людей, разныя группы, статуетки, медальоны, картины историко-религіознаго содержанія, пейзажи, портреты. Среди медальоновъ замѣчаемъ медальоны: Екатерины II, Анны Ивановны, Александра I (три медальона), Потемкина, атамана Платова, а въ ряду живописныхъ портретовъ находимъ грудной портретъ Екатерины II въ натуральную величину, въ головномъ уборѣ изъ жемчуга.

Изъ картинъ обращаетъ на себя вниманіе древняя историческая картина «Гонта»; въ каталогѣ не сказано, что она собственно изображаетъ, но насъ интересуетъ слѣдующая надпись, сдѣланная на оборотной сторонѣ картины и приведенная въ каталогѣ: «Поставленный предъ гетманомъ Ксаверіемъ Браницкимъ (Гонта?) былъ спрошенъ:—какъ осмѣлился, бестія, дѣлать такія вещи? Гонта досталъ письмо и сказалъ:—вотъ что насъ къ тому побудило: на, читай, бестія. Браницкій взялъ письмо (и сказалъ): ну, готовься къ смерти, завтра будешь казненъ. Четвертованъ въ Сербяхъ, въ имѣніи князя Генриха Любомірскаго, въ Подоліи, 1769 года». («Stawiony przed hetmana Ksawerego Branickiego, zapytany: jak śmiałeś bestyo taką rzecz czynić? Gonta dobył pismo i powiedział: to nas do tego skłoniło: na, czytaj bestyo; Branicki odebrał pismo: no! gotuj się na śmierć, jutro będziesz tracony. Cwiertowany w Sierbach wsi dziedzicznej X. Henr. Lubomirskiego na Podolu»).

Всѣ указанные отдѣлы музея, за исключеніемъ весьма небольшого количества предметовъ, имѣютъ обще-историческое научное значеніе; подробное ихъ разсмотрѣніе не входитъ въ нашу задачу.

Другая сторона дѣла останавливаетъ наше вниманіе.

Выше было упомянуто о собраніи памятниковъ заключенія и ссылки въ Сибирь польскихъ повстанцевъ въ 1864—1866 годахъ.

Собраніе памятниковъ польскаго возстанія и сохраненіе ихъ въ большомъ польскомъ музеѣ, конечно, понятно; такое собраніе могло бы даже интересовать не однихъ поляковъ, но и русскую науку, которая, коснувшись изслѣдованія русско-польскихъ отношеній, не можетъ оставить безъ вниманія историческіе памятники, характеризующіе польское возстаніе, и обойтись безъ изученія этого времени, между прочимъ, и по предметамъ этого рода.

Что же поляки собрали изъ этой эпохи въ своемъ большомъ народномъ музеѣ?

Въ каталогѣ мы находимъ: шерстяной коврикъ, вязанный Александромъ Новицкимъ въ Тобольскѣ, въ 1865 году; татарская крышка, служившая Максу Шафнаглу изъ Бердичева въ киевской крѣпости и въ Тобольскѣ; перчатки ссыльнаго изъ с. Березовки, Подольской губерніи, Вервейскаго, сшитыя изъ шкурокъ, купленныхъ въ Обдорскѣ и выдѣланныхъ капитаномъ Домбровскимъ; стаканъ, сдѣланный кремнемъ изъ кирпича, вынутаго изъ пола тюрьмы; коробка для спичекъ, сдѣланная въ Тобольскѣ ссыльнымъ полякомъ изъ бумаги; кусокъ казенной рубашки польскаго ссыльнаго съ оттисками печати; черный поясъ съ бѣлыми пряжками изъ демонстрацій подольскихъ 1863 года; деревянный подсвѣчникъ, сдѣланный въ тюрьмѣ; чайникъ и блюдечко, служившіе Ис. Собанскому отъ момента высылки его изъ Могилева, въ 1863 году, во все время заключенія въ тюрьмѣ и въ Сибири; медальонъ, выдѣланный изъ хлѣба Шиманскимъ во время ареста въ варшавской цитадели; 12 визитныхъ билетовъ тобольскихъ поляковъ. Такихъ предметовъ можно насчитать въ каталогѣ еще нѣсколько экземпляровъ.

Какое—спрашиваемъ—имѣютъ значеніе всѣ эти предметы въ научномъ отношеніи? При самомъ широкомъ напыльѣ патріотическихъ чувствъ и при всемъ желаніи воспользоваться шире сохранившимися памятниками польскаго возстанія, польскій историкъ не извлечетъ ни малѣйшей пользы изъ указанныхъ нами предметовъ, не найдетъ въ нихъ живаго отраженія того взрыва страстей, которыя руководили возстаніемъ 1863 года, или того положенія участниковъ этого возстанія, въ которое они были поставлены волею судьбы и закона въ возмездіе за свои дѣянія и поступки. Никакой новой мысли, ни одного лишняго намека не возникнетъ въ умѣ историка при взглядѣ на эти чайники, блюдечки, подсвѣчники. Чѣмъ они отличаются отъ посуды, бывшей въ рукахъ лицъ, непрічастныхъ къ возстанію? что прочтетъ изслѣдователь на такомъ невинномъ и молчаливомъ предметѣ, какъ перчатка ссыльнаго, хотя бы сдѣланная изъ шкурокъ, выдѣланныхъ товарищемъ его по несчастью? Всѣ эти коробочки, медальоны, визитные билеты ссыльныхъ не что иное, какъ «рашіаѣткіе» (сувенирчики), пригодные только для того, чтобы остановить на себѣ вниманіе какой

либо сентиментальной посѣтительницы музея, выдыхающей о томъ славномъ времени, когда подъ покровомъ террора свобода дѣйствій давала возможность, пока безнаказанно, отводить душу поэтическими ритмами польско-революціонныхъ гимновъ, посѣщать съ этою цѣлью двадцать разъ на день костель, носить ненавѣстно по комъ глубокой трауръ... Другаго, болѣе серьезнаго и мѣтѣ тенденціознаго значенія, такіе памятники имѣть не могутъ.

Не болѣшимъ значеніемъ отличаются слѣдующіе предметы, собранные также не безъ тенденціозной мысли выставить на показъ время «*minionej chwaly i klęsk*» (минувшей славы и бѣдствій): овалный жетонъ, сдѣланный изъ серебряныхъ гвоздей и украшений отъ гробовъ Якова и Константина Собѣскихъ, въ память перенесенія останковъ ихъ въ новыя гробницы, съ изображеніемъ козлюпопреклоненнаго князя подъ образомъ Божіей Матери и съ надписью: «Прибѣжище несчастныхъ, молись за насъ!» («*Uciezko utrapionych módl się za nami!*»); желѣзный перстень, вызолоченный внутри, съ надписью: «Богъ мнѣ ввѣрилъ честь поляковъ, Ему только ее отдамъ» («*Bóg mi powierzył honor polaków, Jemu go tylko oddam*»); подобные перстни—объясняетъ каталогъ—выдѣлывались изъ подковъ лошади князя Юзефа Понятовскаго; золотой перстень съ польскимъ орломъ и надписью внутри: «Свобода! (*Wolność!*), 29-го февраля 1830 года».

Совершенно другое значеніе для польской исторіи имѣютъ такіе предметы, какъ древняя костельная хоругвь съ гербомъ Короны и Литвы; гербъ города Львова, данный папой Сикстомъ V; цѣлый рядъ старо-польскихъ мечей, сабель, мундировъ польскихъ войскъ и т. п.

Но ревниво охраняя въ дѣйствительныхъ и мнимыхъ историческихъ памятниковъ свое прошлое, польскій народъ, судя по музею Оссолинскихъ и Любомірскихъ, не обходитъ и такихъ предметовъ, къ которымъ въ общежитіи поляки относятся съ чувствами отрицательнаго свойства. Мы говоримъ о предметахъ, касающихся судьбы русскаго народа и русской церкви.

Мало кто изъ русскихъ людей заглядываетъ во Львовъ, а захавъ туда, не всѣ найдутъ досугъ и надобность посѣтить музей Оссолинскихъ и Любомірскихъ; къ тому же русскій посѣтитель музея не сразу нападетъ на предметы, представляющіе для него наибольшій интересъ, такъ какъ предметы эти въ каталогъ, составленномъ на польскомъ, языкѣ разбросаны по разнымъ отдѣламъ. Нелишнимъ будетъ, поэтому, подробно обозрѣть, что именно изъ предметовъ, такъ или иначе относящихся къ русской народности и религіи, находится въ польскихъ рукахъ.

Предметы эти слѣдующіе:

1) Глиняный голосникъ, вынутый изъ стѣны древней церкви въ Гроднѣ на Коложѣ, выстроенной, по преданію, въ XI вѣкѣ и

стѣны которой были выложены замурованными голосниками или звуковыми сосудами съ отверстіями во внутрь церкви¹⁾).

2) Обломокъ кирпича и зеленый изразецъ, вынутый изъ крестовъ, украшающихъ наружныя стѣны той же церкви.

3) Бѣлый кирпичъ изъ Кіево-Печерской лавры.

4) Камень и кирпичъ, вынутые изъ кіевскихъ Золотыхъ воротъ.

5) Древняя черепица съ славянскою надписью.

6) Восемь глиняныхъ черепичекъ съ изображеніями орла и литеръ І Н І, выкопанныхъ въ дер. Долина, Коломыйскаго округа, при расчисткѣ рва около русской церкви.

7) Цинковая чаша изъ церкви въ околицѣ Красичина.

8) Мѣдный крестъ греческій съ гравировкой по обѣимъ сторонамъ, изъ путешествія въ Іерусалимъ.

9) Желѣзный крестикъ въ память 1000-лѣтняго юбилея апостольства Кирилла и Моеодія.

10) Мѣдный крестикъ съ церковною надписью.

11) Мѣдный образъ Божіей Матери, съ русскими надписями, выкопанный при расчисткѣ рва въ поселкѣ Лопанювка, при дер. Зимноводкѣ.

12) Остатки древняго иконостаса изъ Волосской церкви, состоящіе изъ иконъ и рѣзьбы, XVII вѣка.

13) Куски мозаики изъ бывшей церкви св. Софїи въ Константинополь.

14) Русская сабля съ надписью: «*Omnia si perdas famam sero in pemento*»; выше ея рука, выходящая изъ небесъ съ оружіемъ; ниже рыцарь на конѣ съ щитомъ и мечемъ, а подъ нимъ надпись: «*Si Deus pro nobis, quis contra nos*»; при самой рукояткѣ птица (голубь) съ открытыми крыльями. Съ другой стороны также рука съ оружіемъ и русская надпись, выбитая золотомъ: «*Божею милостію. Мы, Елисавета первая, императрица и самодержица все-россійская пожаловали сею саблею войска Еицкаго Старшину Андрея Бородина за верную его службу при войсковомъ Атаманѣ Ильѣ Меркулевѣ. въ Москвѣ Февраля 9 дня 1749 года*»²⁾). Эфесъ деревянный, съ желѣзною вращающеюся рукояткой. Ножны кожаныя съ желѣзною оковкой.

¹⁾ Коложская Борисоглѣбская церковь близъ города Гродно, по преданію, построена сыновьями городненскаго князя Всеволода Даниловича, Борисомъ и Глѣбомъ Всеволодовичами; существуя такимъ образомъ болѣе 7 вѣковъ, церковь эта представляетъ собою древнѣйшій памятникъ церковнаго водчества. Кромѣ устройства голосниковъ, по примѣру древнихъ греческихъ храмовъ, Коложская церковь замѣчательна своими разноцвѣтными изразцами въ видѣ большихъ крестовъ, украшающихъ всѣ наружныя стѣны ея, и иконой Божіей Матери, чтимой мѣстнымъ населеніемъ.
М. Г.

²⁾ Русскія надписи цитированы изъ каталога съ точнымъ сохраненіемъ ореографіи каталога.
М. Г.

15) Русская сабля съ клинкомъ, набитымъ серебряными украшениями и груднымъ изображеніемъ Елизаветы Петровны. На главной сторонѣ выбита золотомъ слѣдующая надпись: «Божею милостію, мы, Елизавета перв. Императрица и самодержица Всероссийская и прочая, пожаловали сею саблею волжскаго войска зимовой станицы Атамана Осипа Иванова сына Щербачова за его вѣрную и показаную службу. въ Санктпетербургъ гѣта 1756 года Іюля дня»¹⁾.

16) Русская сабля съ изображеніемъ русскаго орла на рукояткѣ и литеръ А d, съ надписью: «Божею милостію», а ниже ея: «За веру и Царя»²⁾.

17) Искривленный клинокъ, съ русскою надписью: «Златоустъ 1836 года». На стѣблѣ рукоятки выбито: «D. Wolfertz III»; тульской фабрики.

Если что либо изъ этихъ предметовъ можетъ принести какую либо пользу русской исторіи или русскому искусству, то мы должны быть благодарны польскимъ собирателямъ древностей за сохраненіе этихъ памятниковъ русской старины.

Взаключеніе считаемъ нужнымъ указать на общее число предметовъ, хранящихся въ львовскомъ музеѣ Оссолинскихъ и Любомірскихъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, почерпнутымъ нами изъ газетныхъ извѣстій, въ музеѣ этомъ находится: 3060 рукописей, 2706 автографовъ, 906 разныхъ дипломовъ, 80,620 книгъ, 24,460 гравюръ, рисунковъ и иллюстрацій, 754 картины, 1889 польскихъ монетъ и 580 жетоновъ и медалей.

М. Городецкій.

¹⁾ Русскія надписи цитированы изъ каталога съ точнымъ сохраненіемъ орфографіи каталога. М. Г.

²⁾ Тоже.

КОРОНОВАННЫЕ БРАТЯ НАПОЛЕОНА I.

ЛИТЕРАТУРА эпохи Наполеона I обогатилась замѣчательнымъ трудомъ. Баронъ дю-Кассъ издалъ книгу «*Les Rois-Frères de Napoléon I, documents inédits relatifs au premier Empire*». Хотя литература этой эпохи необыкновенно обширна и богата содержаниемъ, но, всетаки, она не исчерпана. Такъ, до послѣдняго времени переписка Наполеона I и его братьевъ была извѣстна лишь по отрывочнымъ публикаціямъ и не вполне. Вторая имперія наложила на нее запрещеніе. Когда послѣдняя пала, архивами стали пользоваться безгранично, и получались все болѣе и болѣе цѣнные пополненія къ историческимъ характеристикамъ изъ нежданнаго документовъ. Къ такимъ же принадлежитъ и вышеозначенная книга дю-Касса. Коронованные братья Наполеона I, конечно, сами по себѣ незначительныя личности, но за то они интересны какъ креатуры знаменитаго императора Франціи. Ихъ личная исторія тѣсно связана съ Наполеономъ I и съ исторіей тѣхъ странъ, которыхъ короны роздалъ императоръ своимъ братьямъ, чтобъ черезъ нихъ вѣрнѣе править этими государствами.

I

Самой значительной личностью и самымъ преданнымъ изъ братьевъ Наполеона былъ Юсіфъ (Жозефъ), король неаполитанскій и испанскій. По уму и характеру, онъ очень походилъ на Лукіана (Lucien) Бонапарта, единственнаго изъ братьевъ, упорно отказывавшагося отъ короны.

Въ 1796 году, генералъ Наполеонъ Бонапартъ завоевалъ Верхнюю Италию. Съ военной точки зрѣнія походъ этотъ былъ весьма замѣчательнымъ. Завоевателю было тогда 26 лѣтъ, а Иосифу—27^{1/2}. Послѣдній, съ 1793 года, т. е. со времени изгнанія изъ Корсики всего семейства Бонапартовъ, проживалъ въ Марсели. Иосифъ одно время состоялъ членомъ корсиканскаго магистрата и, при періодическихъ свиданіяхъ съ Бонапартомъ, агитировалъ противъ французскаго господства. Въ 1792 году, онъ компрометировалъ себя относительно корсиканскихъ націоналовъ и вслѣдствіе этого вмѣстѣ съ матерью и младшими сестрами вынужденъ былъ бѣжать въ Марсель.

Въ 1796 году, Иосифъ былъ пока единственнымъ изъ братьевъ, услугами котораго Наполеонъ могъ воспользоваться для своихъ честолюбивыхъ цѣлей. Въ глазахъ Бонапарта братья его были рождены для него. Такъ, при самомъ началѣ похода 1796 года генералъ Бонапартъ удержалъ Иосифа при собственной особѣ. Онъ назначилъ его военнымъ комиссаромъ, потомъ повысилъ до управляющаго администраціей въ итальянской арміи, вскорѣ затѣмъ назначилъ Иосифа посломъ во Флоренцію и, въ заключеніе, посломъ при папѣ (1797 г.). Изъ Рима Иосифъ немало сносился съ Наполеономъ, который въ Верхней Италиі именовался генералиссимусомъ. По внушенію Наполеона, Иосифу удалось добиться, при папской куріи, смѣщенія австрійскаго генерала съ должности командовавшаго римскими войсками.

Уже въ 1797 году, Иосифъ былъ отозванъ изъ Рима, ему предложили постъ посла въ Берлинѣ, онъ отказался отъ него и вступилъ въ совѣтъ пятисотъ. Къ этому времени относится весьма интересное посланіе Наполеона изъ Египта (1798 г.). Изъ парижскихъ писемъ Наполеонъ узналъ о какихъ-то слухахъ, ходившихъ на счетъ его супруги Жозефины. Генералъ Бонапартъ писалъ изъ Каира Иосифу: «Поручаю тебѣ мои интересы. У меня много домашнихъ непріятностей. Ты одинъ остался у меня на свѣтѣ. Дружба твоя мнѣ очень дорога. Да, чтобъ сдѣлаться мизантропомъ, мнѣ недостаетъ только того, чтобъ и ее я потерялъ, и чтобъ ты мнѣ измѣнилъ!.. Сдѣлай, пожалуйста, чтобъ послѣ моего возвращенія нашлось для меня помѣстье вблизи Парижа. Я думаю тамъ провести зиму. Je suis ennuyé de la nature humaine. Я нуждаюсь въ спокойствіи и одиночествѣ, всякія величія мнѣ надоедаютъ, чувства засыхаютъ, слава тяготитъ! 29 лѣтъ я уже все въ себѣ испробовалъ, мнѣ ничего не остается, какъ сдѣлаться основательнымъ злонимомъ. Будь здоровъ, мой единственный другъ».

Въ октябрѣ 1802 года, когда политическое положеніе Наполеона упрочилось и онъ уже помышлялъ о роли новаго Цезаря, намѣреваясь воспользоваться своими братьями, какъ слѣпыми орудіями, Иосифъ получилъ посланіе, въ которомъ значилось: «Я призналъ

полезнымъ для себя назначить тебя канцлеромъ. Я воспользуюсь случаемъ, чтобъ заняться твоей карьерой сообразно твоей преданности и твоему поведенію». Уже въ 1800 году, Наполеонъ поручилъ своему брату переговоры съ Америкой относительно торговаго трактата; въ 1801 году, Іосифъ руководилъ переговорами о Люневильскомъ мирѣ; въ 1802 году, велъ переговоры съ Англійей въ Амьенѣ, а также и съ папой относительно конкордата. По вступленіи на престолъ Наполеона, Іосифъ былъ назначенъ императорскимъ принцемъ и сенаторомъ.

Относительно смерти герцога Ангьенскаго Іосифъ рассказываетъ, какъ мать его возмущалась, услышавъ объ этомъ злодѣяніи Наполеона: «Мать моя заливалась слезами и дѣлала упреки первому консулу, слушавшему ее, молча. Она сказала ему, что его образъ дѣйствій—позоръ, отъ котораго ему никогда не очиститься. Онъ де поддался вліяніямъ вѣроломнѣйшихъ враговъ своихъ, которые теперь радовались, что исторія его запачкана столь отвратительно ужасной страницей... Впослѣдствіи многіе старались оправдаться отъ подозрѣнія въ томъ, что они принимали участіе въ этомъ злодѣяніи, и тѣ самые люди, которые нѣкогда хвастались имъ, какъ весьма достойнымъ подвигомъ»...

Въ 1805 году, Наполеонъ велъ войну съ Австріей и Россіей. Іосифъ оставался въ Парижѣ и поддерживалъ дѣятельныя сношенія съ своимъ отсутствовавшимъ братомъ. Отношенія между ними оставались добрыми, хотя Наполеонъ позволялъ себѣ немало рѣзкихъ выходокъ съ старшимъ братомъ. Охлажденіе наступило лишь съ того времени, когда Наполеонъ, вступивъ на престолъ, пожелалъ также короновать и Іосифа, сдѣлавъ его вполне зависимымъ орудіемъ. Іосифъ, которому неоднократно предлагалась корона королевства Ломбардіи, упорно отказывался принять эту сомнительную честь, ссылаясь на то, что, при бездѣтности Наполеона, ему, Іосифу, какъ старшему изъ принцевъ династіи Бонапарта, не подобаетъ рисковать престолонаслѣдіемъ во Франціи. Наполеонъ, однако же, вскорѣ заставилъ Іосифа принять неаполитанскую корону. Не предупредивъ его о такомъ намѣреніи, онъ назначилъ Іосифа, въ 1806 году, своимъ намѣстникомъ въ Южной Италіи и поручилъ ему командованіе французскими войсками, предназначенными для завоеванія королевства Обѣихъ Сицилій. Какъ только Іосифъ устроился въ Неаполѣ, императоръ отправилъ къ нему двухъ лицъ, долженствовавшихъ быть министрами въ Неаполѣ, и при отбѣдѣ ихъ сказалъ имъ, между прочимъ, слѣдующее: «Вы теперь идете къ моему брату. Извѣстите его, что я его сдѣлаю королемъ Неаполя и что я ничего не измѣню въ его отношеніяхъ къ Франціи. Но скажите ему также, что я не желаю никакихъ колебаній и мѣшканья. Я уже намѣтилъ замѣстителя ему, если онъ откажется отъ короны. Я назову его Наполеономъ, и онъ

будеть моимъ сыномъ. Всѣ родственныя чувства должны уступить теперь мѣсто государственнымъ соображеніямъ. Я не знаю родственниковъ иныхъ, помимо тѣхъ, которые мнѣ служатъ. Моя фамилія должна держаться не на имени Бонапарта, а на имени Наполеона. Чтобъ имѣть наследника, мнѣ не требуется жены. Я дѣлаю себѣ дѣтей почеркомъ пера (*C'est avec ma plume que je fais mes enfants*)... Вы слышали мою волю. Тѣхъ, кто не идетъ со мной впередъ, я не считаю членами моей фамиліи. Я положу начало фамиліи королей, которая будетъ соответствовать моей федеративной системѣ».

Въ качествѣ неаполитанскаго короля (съ 1806 года), Іосифъ поддерживалъ добрыя отношенія съ своимъ братомъ. Любопытны его письма къ женѣ, оставшейся во Франціи. Іосифъ тяготится своимъ положеніемъ короля, высказываетъ готовность вернуться въ Парижъ, чтобъ охранять жизнь Наполеона отъ заговоровъ и на случай какого нибудь похода «быть органомъ его воли въ Парижѣ, какъ уже это случилось однажды». «Какія бы недоразумѣнія ни случились между императоромъ и мною, всетаки, будетъ несомнѣнно, что онъ—единственный въ мірѣ человѣкъ, котораго я люблю больше всѣхъ». Эти же письма бросаютъ благопріятный свѣтъ на отношенія Іосифа къ его женѣ и дѣтямъ. Съ ними судьба разлучала его на много лѣтъ. «Если ты,—пишетъ Іосифъ женѣ,—не можешь сама пріѣхать сюда, то пришли мнѣ Зинаиду; я отдаю бы всѣ царства міра за нѣжность моей большой Зинаиды или моей маленькой Лолотты».

Намѣреваясь основать обширное европейское федеративное государство съ назначеніемъ своихъ братьевъ королями, Наполеонъ въ это время раздалъ уже престолы: братьямъ — неаполитанскій, голландскій и вестфальскій и пасынку Евгенію — итальянскій. Теперь онъ со всей энергіей своей устремился на Лукіана, убѣждая его принять корону. Лукіанъ, какъ энергическій человѣкъ и недюжинный ораторъ, оказалъ восходившей звѣздѣ Наполеона большія услуги. Между прочимъ, онъ былъ президентомъ совѣта пятисотъ, потомъ членомъ трибунала и, наконецъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ. Лукіанъ, твердо держась республиканскихъ взглядовъ, не разъ имѣлъ серьезныя столкновенія съ своимъ братомъ. Оба были упрямы, и каждый изъ нихъ былъ убѣжденъ въ превосходствѣ своихъ мнѣній, каждый отстаивалъ ихъ съ одинаковой непреклонностью. Въ концѣ-концовъ послѣдовалъ полный разрывъ. Такъ какъ Наполеонъ не одобрялъ брака брата, то Лукіанъ, въ 1804 году, покинулъ Францію и поселился въ Римѣ.

11-го декабря 1807 года, Іосифъ извѣщалъ Наполеона о своемъ свиданіи съ Лукіаномъ въ Моденѣ и о своемъ предложеніи ему принять корону. Лукіанъ ставилъ условіемъ своего согласія то, чтобы его не разлучали съ женой и дѣтьми. По полученіи этого

письма, Наполеонъ пригласилъ непокорнаго брата въ Модену, куда и самъ пріѣхалъ изъ Милана. Братья снова свидѣлись послѣ четырехъ лѣтъ разлуки. Лукіанъ поцѣловалъ протянутую ему императоромъ руку. Наполеонъ убѣждалъ его принять корону Италіи. Лукіанъ отвѣтилъ: если бы онъ согласился на это, то первымъ дѣломъ онъ удалилъ бы изъ Италіи французскія войска и не признавалъ бы никакой зависимости отъ Франціи. Императоръ предложилъ ему великое герцогство Тосканское. Лукіанъ отказался, опасаясь того, чтобы не испытать участи изгнаннаго великаго герцога Леопольда. Категорическое требованіе развестись съ женой раньше вступленія на престолъ Лукіанъ отвергъ рѣшительно. Тогда Наполеонъ пришелъ въ такое бѣшенство, что изломалъ часы, которые держалъ въ рукѣ, воскликнувъ, что онъ также сломитъ желанія тѣхъ, которые не хотятъ подчиняться его волѣ. Онъ угрожалъ даже брату немедленнымъ арестомъ, на что Лукіанъ замѣтилъ: «je vous défie de commettre un crime», и братья разстались: одинъ вернулся въ Миланъ, другой — въ Римъ.

Въ концѣ 1807 года, испанскія дѣла начали привлекать къ себѣ вниманіе Наполеона. Наслѣдникъ престола, принцъ Фердинандъ Испанскій, имѣлъ въ виду получить руку дамы изъ фамиліи Бонапарта. Императоръ вознамѣрился предложить кронпринцу Фердинанду дочь Лукіана, поэтому вытребовалъ ее въ Парижъ на воспитаніе въ домѣ «Madame mère».

Когда изъ-за отказа папы признать континентальную систему французы осадили Римъ, Лукіанъ просилъ у императора черезъ Іосифа разрѣшенія переѣхать въ Неаполь. Онъ не считалъ себя безопаснымъ въ Римѣ. Римляне опасались, что ему только поручено, при помощи французскихъ войскъ, завладѣть римскими областями. Впрочемъ, Лукіанъ открыто не одобрялъ занятія папской области, такъ что Наполеонъ видѣлъ себя вынужденнымъ писать Іосифу, отъ 11-го марта 1802 года: «Братъ Лукіанъ ведетъ себя дурно въ Римѣ, онъ оскорбляетъ даже римскихъ офицеровъ, держащихъ мою сторону, и выказываетъ себя болѣе римляниномъ, чѣмъ самъ папа. Напишите ему, чтобы онъ немедленно выѣхалъ изъ Рима. Если же онъ промедлитъ, то я подожду только вашего отвѣта, чтобы его арестовать и увести. Его поведеніе скандализировано, онъ объявилъ себя врагомъ моимъ и Франціи. Если онъ намѣренъ упорствовать въ такихъ мнѣніяхъ, то для него существуетъ одна страна — Америка. Я его считалъ человѣкомъ съ умомъ, а теперь вижу, что онъ просто глупъ». Только въ 1810 году, Лукіанъ избралъ своимъ мѣстопребываніемъ Америку. Но корабль, на которомъ онъ отправился, былъ захваченъ англичанами, и Лукіанъ Бонапартъ вмѣстѣ съ семьей былъ задержанъ въ Англіи.

12-го ноября 1807 года, Наполеонъ изъ Фонтенбло пишетъ Іосифу въ Неаполь длинное посланіе, исполненное упрековъ за то,

что онъ, имѣя въ своемъ распоряженіи 74 тысячи человекъ, все еще не могъ завладѣть своимъ королевствомъ. «Впрочемъ, у васъ въ королевствѣ одни разбойники, потому что вы управляете мягко. Имѣйте въ виду, что репутація правителя состоитъ въ томъ, чтобы быть строгимъ, въ особенности же съ народами Италіи». Іосифъ долго не могъ справиться съ покореніемъ Сициліи и не умѣлъ дѣйствовать энергически противъ поповъ, поэтому Наполеонъ, въ февралѣ 1808 года, писалъ: «я удивленъ, что попы въ Неаполѣ осмѣливаются шевелиться».

Три мѣсяца спустя, Іосифъ долженъ былъ промѣнить неаполитанскую корону, переданную Мюрату, на корону испанскую, вопреки собственному желанію (въ іюнѣ 1808 года). Уже проѣздомъ черезъ сѣверную Испанію въ Мадридъ онъ писалъ императору: «на моемъ пути есть злоумышленники», и «нельзя было найти свѣдущаго проводника ни за какія деньги». Далѣе за день до вѣзда въ Мадридъ читаемъ: «Я вчера не могъ найти ни одного почтальона. Мѣстные жители сжигаютъ колеса ихъ повозокъ, чтобы лишить ихъ возможности быть къ моимъ услугамъ». И, наконецъ, по пріѣздѣ въ Мадридъ значится: «Настроеніе націи единодушно возбуждено противъ всего того, что было сдѣлано въ Байоннѣ». Въ Байоннѣ Наполеонъ созывалъ собраніе нотаблей, которое предложило Іосифу корону Испаніи.

Тогда какъ въ Неаполѣ Іосифъ снискалъ себѣ немало симпатій, въ Испаніи имъ не были довольны ни одного часа (съ 1808 по 1813 годъ). Изъ привязанности и почтенія къ брату онъ согласился разыгрывать роль короля въ странѣ, гдѣ его ненавидѣли, какъ иноземца, которая была доведена до бѣдственнаго состоянія войной и континентальной блокадой. Кромѣ того, въ ея политику внутреннюю и внѣшнюю императоръ Франціи своевольно и непрерывно вмѣшивался, а генералы французскихъ войскъ, выставленныхъ противъ англичанъ, не обращали ни малѣйшаго вниманія на королевскую власть въ Мадридѣ. При этомъ государственное казначейство опустѣло, а Наполеонъ предъявлялъ все новыя требованія на испанскую контрибуцію для французской арміи. При такихъ условіяхъ нельзя было и думать о проведеніи полезныхъ реформъ въ политической жизни Испаніи.

Едва Іосифъ успѣлъ пріѣхать въ Испанію, какъ уже вслѣдствіе пораженія генерала Дюпона вынужденъ былъ бѣжать изъ своей столицы. Наполеонъ самолично явился въ Испанію, чтобы смирить непокорныхъ испанцевъ и разбить англичанъ. Іосифъ съ императорской гвардіей долженъ былъ при этомъ прикрывать тылъ. Въ свитѣ императора король снова вернулся въ Мадридъ, 22-го января 1809 года. 12-го августа 1812 года, онъ опять былъ прогнанъ изъ столицы своего королевства и только, 2-го января, послѣ побѣды французовъ вернулся въ Мадридъ, который былъ оставленъ

имъ навсегда, 21-го іюня 1813 года, послѣ пораженія французовъ при Виторіи.

Письма Іосифа, относящіяся къ этому періоду, всё дышатъ неудовольствіемъ. Наполеонъ, между прочимъ, намѣревался соединить съ Франціей сѣверныя провинціи Іспаніи и предложилъ Іосифу промѣнять испанскій престолъ на итальянскій. На этотъ разъ противодѣйствіе Іосифа оказалось сильнѣе воли императора. Едва только успѣлъ Наполеонъ вернуться изъ Мадрида въ Парижъ, какъ опять сталъ заваливать брата письмами, переполненными упрековъ. Тутъ Іосифъ нашелъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы сказать властелину Европы слѣдующее: «вы слушаете о мадридскихъ событіяхъ тѣхъ, которымъ интересно васъ обманывать... Я буду королемъ, на сколько я обязанъ имъ быть, какъ братъ и другъ вашего величества, или же я долженъ рѣшиться вернуться въ Морфонтэнъ (мѣстопробываніе его жены и дѣтей), гдѣ ничего не желаю, какъ только жить безъ униженій и умереть съ спокойной совѣстью». Неоднократно Іосифъ жалуется на своевольныя инструкціи, какія налагались тогда на испанскія провинціи нѣкоторыми французскими генералами отчасти лишь въ видахъ личнаго обогащенія. «Келлерманъ, Ней, Тибо — люди, только разворяющіе столицу, которая поручена ихъ управленію», — жалуется онъ однажды. Съ другой стороны, онъ выражаетъ свою благодарность генераламъ Наполеона, помогавшимъ ему возстановить общественный порядокъ и довѣріе къ правительству.

Въ началѣ 1810 года, общее положеніе дѣлъ въ Іспаніи было сравнительно удовлетворительно. Іосифъ умиротворилъ Андалузію. Тогда императоръ пожелалъ декретомъ 8-го февраля раздѣлять Іспанію на губерніи, во главѣ которыхъ должны быть поставлены французскіе генералы. Одновременно онъ лишилъ короля командованія арміей и отнялъ у него послѣдній остатокъ власти и вліянія на финансы. Іосифъ имѣлъ право распорядиться только мадридскими войсками (19 тысячъ), въ другихъ провинціяхъ онъ не долженъ былъ вмѣшиваться.

Въ письмахъ къ женѣ Іосифъ постоянно жаловался на свое подневольное положеніе. «Если бы мнѣ, — писалъ онъ, — предоставили свободу дѣйствій, эта страна скоро бы стала счастливой и умиротворенной». 16-го іюля 1810 года, король пишетъ королевѣ Юліи, которая никогда не видала своего королевства: «Я твердо рѣшился не измѣнять своему долгу. Если хотять, чтобы я управлялъ Іспаніей лишь для блага Франціи, то не слѣдуетъ ожидать этого отъ меня. У меня есть сердечныя обязанности и чувство признательности относительно родной Франціи. Но никогда, даже въ дни бѣдствій, я не унижался для блага моихъ родныхъ. У меня есть долгъ совѣсти относительно Іспаніи, и ему я никогда не измѣню... Поэтому я постараюсь остаться добрымъ и честнымъ человѣкомъ, пока во

мнѣ бьется сердце. Ты вѣдь меня знаешь. Повѣрь, что королевское достоинство не измѣнило меня.. Я принужденъ оказывать помощь столькимъ провинціямъ, гдѣ бѣдствіе велико, потому что въ Авилѣ и Севильѣ французскіе генералы управляютъ моими провинціями, устраниая моихъ чиновниковъ. Мадридъ есть сборный пунктъ для всѣхъ несчастныхъ и всѣхъ нуждающихся. Все это могло бы улучшиться по одному слову императора, если бы онъ устранилъ ерниковъ и опять предоставилъ бы мнѣ управление провинціями. Ахъ, если бы онъ полагался болѣе на мою честность, нежели на честность Келлерманна и Нея». Относительно своего брата Лукіана, захваченнаго англичанами на пути въ Сѣверную Америку, Іосифъ весьма знаменательно выражается: «Какъ бы ни была жалка его участь, я завидую ему и я бы тысячу разъ предпочелъ ее той унижительной фигурѣ, какую я разыгрываю здѣсь». 29-го августа 1810 года, онъ пишетъ Юліи изъ Мадрида: «Я не могу здѣсь оставаться съ титуломъ короля и терпѣть униженіе отъ всѣхъ этихъ господъ, терроризирующихъ провинціи моего королевства. Мнѣ надо узнать черезъ тебя волю императора. Если онъ желаетъ, чтобъ я оставилъ престолъ Испаніи, я готовъ повиноваться». Подъ 1-мъ сентября того же года читаемъ: «Что касается моего теперешняго положенія, то я на все готовъ, лишь бы выйти изъ него. Душа моя унижена, и я предпочитаю смерть такому положенію».

Эти жалобы и желанія покинуть Испанію слышатся непрерывно. 24-го марта 1811 года, онъ извѣстилъ Наполеона, что разстроенное здоровье заставляеть его оставить Испанію. Іосифъ находился безъ свиты, безъ гвардіи, безъ войскъ, безъ суда и безъ денегъ. Только черезъ мѣсяць императоръ, наконецъ, назначилъ ему ежемѣсячно 500 тысячъ франковъ. Іосифъ, увѣдомляя Наполеона о томъ, что, наконецъ-то, поняли всю трудность его положенія, прибавляетъ: «Я вернусь въ Испанію, если вы считаете полезнымъ это возвращеніе, но это сдѣлаю не раньше того, какъ увижу васъ и выясню вамъ положеніе вещей, которое сдѣлало мое существованіе сперва затруднительнымъ, потомъ унижительнымъ и, наконецъ, невозможнымъ». Іосифъ просилъ отъ брата полнаго довѣрія и содѣйствія. Если же ни то ни другое не могло быть обѣщано ему, въ такомъ случаѣ онъ желалъ сдѣлаться частнымъ человѣкомъ.

При свиданіи съ Іосифомъ, Наполеонъ обласкалъ, очаровалъ его и наобѣщаль цѣлую гору, такъ что ободренный король снова вернулся въ Испанію. Но очарованіе продолжалось недолго. Въ письмѣ къ Юліи, отъ 16-го сентября, изъ Мадрида опять слышится отчаяніе: «...Ты знаешь, что мнѣ слѣдуетъ получать ежемѣсячно отъ императора пособіе въ милліонъ франковъ, а я получилъ едва-едва половину и не могу долѣе оставаться, если такое положеніе не измѣнится. Попробуй попросить у императора то, что онъ мнѣ долженъ съ іюля». Неуплата пособія и неурожай въ странѣ сдѣ-

дали положеніе короля невыносимымъ. 7-го марта 1812 года, онъ жалуется женѣ: «мнѣ остается спасать свою честь, о прочемъ я мало жалѣю».

Между тѣмъ Іосифу императоръ поручилъ предводительствовать войсками противъ англичанъ. Король выказалъ много энергіи, но встрѣтилъ немало, противодѣйствія со стороны французскихъ генераловъ, въ особенности со стороны маршала Сульта и маршала Мармона. Послѣдній, 21-го іюля 1812 года, проигралъ битву при Саламанкѣ потому только, что не пожелалъ дожидаться подкрѣпленія, съ какимъ шелъ къ нему самъ король. Послѣдній рѣшился, наконецъ, въ началѣ 1813 года уволить Сульта. Мармонъ также не хотѣлъ повиноваться; это тѣмъ болѣе огорчало короля, что, послѣ битвы при Виторіи (22-го іюня), вынудившей французскую армию удалиться за Пиринеи, императоръ приказалъ своему брату передать главное командованіе этому маршалу.

Огорченный король остался, однако же, при войскѣ, хотя безъ пушекъ и безъ страны. О бѣдственномъ положеніи его даетъ понятіе слѣдующая выдержка изъ письма къ женѣ, отъ 1-го іюля 1813 года: «Я здѣсь съ своимъ придворнымъ штатомъ, стоящимъ мнѣ ежемѣсячно 300 тысячъ франковъ, и у меня нѣтъ ни су, чтобъ заплатить ему. Съ ужаснаго дня 21-го іюня придворный штатъ кое-какъ перебивается на гроши, какіе сохранились въ карманахъ моихъ офицеровъ и камердинеровъ. У самого у меня въ карманѣ одинъ наполеондоръ». Послѣ этого Іосифъ отправился въ свое помѣстье Морфонтанъ и вскорѣ узналъ, къ своему удивленію, что Наполеонъ рѣшилъ возстановить Бурбоновъ въ Испаніи. И Фердинандъ VII дѣйствительно вступилъ въ Мадридъ.

Въ 1814 году, Наполеонъ назначилъ эксъ-короля генераль-лейтенантомъ имперіи и передалъ ему управленіе Парижемъ, тогда какъ самъ отправился въ походъ противъ непріятели, вторгнувшася въ предѣлы Франціи. Императоръ зналъ безусловную преданность этого брата его особѣ и никогда не разрывалъ съ нимъ связи, какъ это дѣлалъ съ тремя остальными братьями. Съ послѣдними онъ сносился черезъ посредство Іосифа. 7-го февраля 1814 года, эксъ-король Испаніи получилъ отъ Наполеона посланіе съ слѣдующими характерными распоряженіями: «Прекратите же эти моленія по 40 часовъ и эти «misérables». Если передъ нами будутъ дѣлать столько обезьянствъ, то мы всѣ будемъ бояться смерти. Давно сказано справедливо, что попы и врачи дѣлаютъ мучительной смерть». Письмо заканчивается насмѣшливымъ замѣчаніемъ: «Помолитесь армейской мадоннѣ, чтобъ она была за насъ. Луи (братъ Наполеона, эксъ-король Голландіи), который принадлежитъ къ лику святыхъ, можетъ поставить ей зажженную свѣчу!» Этотъ Луи, послѣ своего отреченія отъ престола совершенно разсорившійся съ Наполеономъ, также посѣщилъ тогда изъ Швейцаріи въ Парижъ.

Въ письмѣ императора къ Іосифу, отъ 8-го февраля, значится о Луи: «Письмо Луи не что иное, какъ расподія. Этотъ человекъ имѣетъ совершенно извращенныя сужденія и всякій разъ попадаетъ мимо цѣли».

Оба брата, Іосифъ и Луи совѣтовали императору заключить миръ, такъ какъ арміи Влюхера и Шварценберга были недалеко отъ столицы. «Давать такіе совѣты совсѣмъ не подъ стать!»—отвѣчалъ Наполеонъ, 8-го февраля, въ инструкціи эксъ-королю Испаніи. Въ этой инструкціи говорилось, между прочимъ: «Въ двухъ словахъ повторяю, что Парижъ, пока я живу, не будетъ осажденъ непріателемъ. Если Талейранъ увѣряетъ, что непріатель долженъ быть недалеко отъ Парижа, то это онъ дѣлаетъ по измѣнѣ. Не вѣрьте этому господину. Я съ шестнадцати лѣтъ его знаю, я даже благоговѣлъ передъ нимъ, но онъ заклятый врагъ нашего дома, именно теперь, когда счастье покинуло насъ. Если вы получите извѣстіе о потерѣ сраженія и о моей смерти, то отвезите императрицу и римскаго короля въ Рамбулье, а сенатъ, государственный совѣтъ и всѣ войска должны находиться на Луарѣ. Но ни въ какомъ случаѣ не отдавайте въ руки непріателя императрицу и римскаго короля. Что касается моего мнѣнія, то я предпочелъ бы скорѣе, чтобъ зарѣзали моего сына, чѣмъ видѣть его возвышеніе въ Вѣнѣ австрійскимъ принцемъ, и я достаточно хорошаго мнѣнія объ императрицѣ, чтобъ быть увѣреннымъ, что и она раздѣляетъ этотъ взглядъ».

Съ паденіемъ имперіи, послѣ парижской капитуляціи, прекратилась политическая карьера Іосифа. Онъ удалился въ Швейцарію на Женевское озеро, хотя, по возвращеніи Наполеона съ Эльбы, во время ста дней, опять былъ около него, чтобъ дѣйствовать въ столицѣ вмѣсто него, во время его похода въ Ватерло. Іосифъ сопровождалъ также императора и въ портъ Ропфоръ, гдѣ Наполеонъ предался англичанамъ, тогда какъ братъ его немедленно отправился въ Америку. Тамъ жилъ онъ подъ именемъ графа Сюрвиллье, пока въ 1827 году не переселился въ Англію, откуда онъ въ 1841 году переѣхалъ въ Флоренцію, гдѣ и умеръ черезъ два года, 76 лѣтъ, не оставивъ мужскаго потомства.

II.

Луи Бонапартъ, второй братъ Наполеона, родившійся въ 1778 году, вступилъ въ практическую жизнь въ 1793 году. Наполеонъ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ держалъ его ребенкомъ при себѣ и братски дѣлился съ нимъ какъ жалованьемъ поручика, такъ и скудной своей обстановкой. Онъ самъ обучалъ его. Поэтому-то онъ имѣлъ притязанія на особенную преданность со стороны брата Луи. Наполеонъ хотѣлъ изъ него сдѣлать то, чѣмъ онъ самъ былъ: ар-

тиллерійскаго офицера. Заслуживъ первыя шпоры 24 лѣтъ, во время командованія осадной артиллеріей, Наполеонъ послалъ своего 15-лѣтняго брата Луи изъ Марселя, гдѣ находилась изгнанная корсиканцами семья Бонапартовъ, въ Шалонъ, въ артиллерійскую школу. Послѣдняя между тѣмъ вскорѣ закрылась. Когда же затѣмъ Наполеонъ былъ назначенъ бригаднымъ генераломъ и начальникомъ артиллеріи альпійской арміи, онъ добился того, чтобъ Луи находился при его штабѣ подпоручикомъ. 16-лѣтній юноша тутъ совершилъ первый походъ. Въ 1795 году, Наполеонъ, переведенный въ Парижъ главнокомандующимъ «внутренней арміи», перевелъ и Луи въ свой штабъ. Здѣсь въ Парижѣ онъ познакомился съ г-жею Богарне и съ ея дочерью Гортеніей. Въ 1796 году, онъ сопровождалъ своего брата въ томъ блистательно исполненномъ походѣ, который изумленному міру впервые открылъ военный геній молодого революціоннаго генерала.

Луи во время этого похода оставался адъютантомъ брата. На этомъ посту онъ зарекомендовалъ себя хладнокровнымъ и предприимчивымъ. Отправленный съ тайнымъ порученіемъ къ Директоріи въ Парижъ, онъ вернулся въ Италію повышеннымъ въ служебномъ рангѣ. Вѣрный своему долгу, онъ не обнаруживалъ военной страсти и не зналъ честолюбія. Вернувшись съ Наполеономъ съ театра войны въ Парижъ, Луи такъ страстно влюбился въ одну изъ подругъ своей сестры Каролины въ Сень-Жерменѣ, въ дочь эмигранта, что немедленно искалъ ея руки. Плодомъ меланхоліи отъ этой любви явился напечатанный въ 1800 году трехтомный романъ: «*Marie ou les reines de l'amour*», который имъ былъ изданъ вторично, послѣ отреченія отъ королевства въ Голландіи. Наполеонъ находилъ, что братъ его только скомпрометировалъ бы себя бракомъ съ дочерью эмигранта, и отправилъ его въ Тулонъ, гдѣ онъ долженъ былъ дожидаться отплытія Наполеона въ Египетъ. И во время этого похода Луи исполнялъ обязанности адъютанта при братѣ. Но когда Наполеонъ самъ намѣревался изъ Каира проѣхать въ Сирію, онъ опять отправилъ Луи съ тайными сообщеніями къ парижскому правительству.

Послѣ государственнаго переворота 18-го брюмера, когда Наполеонъ сдѣлался первымъ консуломъ, онъ назначилъ брата командиромъ 5-го драгунскаго полка и послалъ его немедленно подавлять возстаніе въ Нормандіи. Молодой полковникъ оказался, однако, негоднымъ на кровопролитіе и потому вскорѣ былъ отозванъ въ Парижъ.

Около этого времени Наполеонъ убѣждалъ Луи жениться на Гортеніи Богарне. По возвращеніи изъ своего блестящаго похода въ Маренго, онъ повторилъ свои настоянія. Луи отклонилъ ихъ и счумѣлъ получить отъ брата отпускъ и денежное пособіе на путешествіе въ Берлинъ и Польшу. По возвращеніи, къ нему снова

приступили съ предложеніемъ руки Гортензін. Чтобъ избавиться отъ такихъ настояній, Луи внезапно покинулъ Парижъ и отправился къ своему полку, бывшему на пути въ Португалію (1801 г.). Наконецъ, вернувшись въ Парижъ по заключеніи мира, онъ покорился своей участи быть женатымъ на Гортензін (1802 г.). Физически болѣзненный, онъ вслѣдствіе принудительнаго брака впалъ въ угнетенное настроеніе. Съ 1802 по 1804 годъ молодой супругъ провелъ отчасти при своемъ полку, частью же на водахъ. Въ 1804 году, братъ его, объявленный императоромъ, назначилъ его дивизионнымъ генераломъ. Во время своего отсутствія въ австрійскомъ походѣ, Наполеонъ поручилъ ему постъ коменданта Парижа и заботу объ охраненіи Голландіи противъ англичанъ. Оба порученія доставили ему полную признательность отъ его повелителя.

Въ 1806 году, Наполеонъ призналъ за благо вручить корону брату Луи въ преобразованномъ Голландскомъ королевствѣ. Луи уклонился отъ такой сомнительной чести, и если ужъ императору непремѣнно угодно было назначить его за границу, просилъ поручить ему управленіе Генуей или Пьемонтомъ. Наполеонъ настоялъ, однако, на принятіи голландской короны, и 5-го іюня была разыграна комедія объявленія королевской четы передъ голландской депутаціей.

— Вы, мой принцъ, теперь можете управлять вашими народами,—сказалъ при этомъ Наполеонъ.— Но не переставайте быть французомъ! Званіе коннетабля имперіи да сохранится за вами и вашимъ потомствомъ. Оно вамъ укажетъ обязанности, какія вы должны исполнять по отношенію ко мнѣ.

— Жизнь и воля моя принадлежать вашему величеству,—отвѣчалъ Луи.— Я буду царствовать въ Голландіи, потому что желаютъ эти народы и это повелѣваетъ ваше величество.

Разумѣется, Наполеонъ хотѣлъ сдѣлать изъ своего брата лишь «roi-préfet». Малѣйшія пополюзованія этого короля показавъ себя «roi-souverain» вели его къ столкновеніямъ съ грубымъ деспотизмомъ брата. Сперва было онъ окружилъ себя національно-голландскими войсками, отославъ во Францію французскія войска. Свой штатъ и высшіе чины онъ избиралъ также изъ среды голландцевъ. Континентальная блокада тяжелымъ гнетомъ лежала на Голландіи. Луи, едва только вступилъ на престолъ, угрожалъ своимъ отреченіемъ, требуя отъ императора отозванія французскихъ войскъ изъ Голландіи и разоруженія голландскаго флота. Угроза не имѣла никакого дѣйствія. Императоръ вытребовалъ голландскія войска для похода на Везель и въ Сѣверную Германію. Тщетно король старался обезпечить самостоятельность своихъ войскъ. Наполеонъ приказалъ смѣшаться имъ съ французскими. Въ войнѣ съ Пруссіей король Луи, совершенно вопреки своему желанію, долженъ былъ дѣйствовать противъ дружественнаго ему курфюрста Гессенскаго.

Затѣмъ, однакожь, онъ своевольно отовалъ голландскія войска на ихъ родину.

Новый гражданскій и уголовный кодексъ, разумныя улучшенія въ системѣ налоговъ и другія нововведенія, принадлежавшія Луи, свидѣтельствовали о стремленіи его заботиться о благѣ своего новаго отечества. Чрезвычайно обременяли Голландію приказы Наполеона 1806 года, относительно континентальной блокады. Не безъ основанія французы жаловались, что голландскіе купцы не во всей строгости соблюдали эту блокаду. Наполеонъ самъ былъ крайне раздраженъ этимъ и рѣшилъ наказать своего брата.

Послѣ тильзитскаго мира, вернувшись въ Парижъ, Наполеонъ принималъ королевскую чету Голландіи и удивилъ Луи сообщеніемъ, что онъ позволитъ себѣ арестовать нѣсколькихъ купцовъ въ Голландіи. «Впрочемъ»,—прибавилъ онъ насмѣшливо:—«это совершится какъ разъ въ этотъ часъ». Когда король возвратился въ свое государство, онъ узналъ полное подтвержденіе угрозы брата. Французскіе жандармы, переодѣтые, ворвались къ нѣсколькимъ купцамъ столицы и арестованныхъ плѣнными повезли во Францію. На освобожденіе ихъ императоръ не согласился. Гнетъ французской политики понуждалъ къ увеличенію налоговъ. Французскій посланникъ въ Гагъ съ 1807 года занялся серьезно вопросомъ о присоединеніи страны къ Франціи.

Настроеніе Луи было тѣмъ угнетеннѣе, что, въ маѣ 1807 года, умеръ его въ то время единственный сынъ. Съ предположеніемъ присоединить Голландію къ Франціи согласовалось то обстоятельство, что Наполеонъ, въ мартѣ 1808 года, предложилъ своему брату Луи испанскій престолъ. «Братъ!» — писалъ онъ 27-го марта, — «король Испаніи только что отрекся отъ престола... Отвѣйте мнѣ категорически: если я васъ назначу королемъ Испаніи, согласитесь ли вы? Могу ли я рассчитывать на васъ?.. Отвѣйте мнѣ только въ слѣдующихъ двухъ словахъ: я получилъ ваше письмо такого-то числа, отвѣчаю—да, и тогда я буду рассчитывать, что вы сдѣлаете то, что я пожелаю; или—нѣтъ, что будетъ значить, что вы не согласны на мое предложеніе.... Не сообщайте объ этомъ никому, кто бы это ни былъ».

Луи отвергъ испанскую корону: «Я,—сказалъ онъ,—не гоюсь въ губернаторы провинціи; для королей не существуетъ другаго назначенія, кромѣ какъ по волѣ Всевышняго, они всѣ равны. Въ силу какого права я принялъ бы отъ другаго народа присягу въ вѣрности, когда я самъ не остался вѣрнымъ той присягѣ, которую я давалъ при вступленіи на голландскій престолъ». Выше цитированное (до сихъ поръ бывшее неизданнымъ) посланіе императора очень заманчиво для Луи гласило: «Вы будете монархомъ мужественной націи въ 11 милліоновъ и владѣтелемъ значительныхъ колоній». Или еще слѣдующая приманка: «При всей бережливости

и дѣятельности Испанія можетъ выставить 60 тысячъ человекъ и выдвинуть въ своихъ портахъ 50 судовъ».

Императоръ, недовольный Луи, передалъ Испанію Іосифу. О голландцахъ же онъ отзывался все болѣе и болѣе рѣзко. «Вся Голландія переполнена англоманіей»,—выражался онъ,—«а король ея—первый контрабандистъ (smogleur)». Луи при первомъ удобномъ случаѣ постарался доказать неосновательность такихъ подозрѣній. Англичане укрѣпились на островѣ Вальхертъ и пытались оттуда овладѣть французской эскадрой, которая заперлась въ устьѣ Шельды. Луи не замедлилъ собрать войска близъ Антверпена, причемъ самъ принялъ командованіе. Возмущенный тѣмъ, что Наполеонъ на голландской почвѣ вмѣсто его собственнаго командованія передалъ послѣднее французскому генералу, король отправился въ Амстердамъ, свою временную резиденцію.

Въ 1809 году, король Луи, у котораго родился сынъ, впоследствии императоръ Наполеонъ III, былъ удивленъ «декретомъ» своего брата, предоставлявшимъ принцу крови Наполеону-Луи великое герцогство Бергъ. Этотъ декретъ оканчивался словами: «мы удерживаемъ за собой великое герцогство Клеве-Бергъ до совершеннолѣтія принца. Отнынѣ мы сами озаботимся воспитаніемъ малолѣтняго принца». Но Луи имѣлъ основаніе возмущаться этимъ благоволеніемъ. Король былъ оскорбленъ въ своихъ правахъ на собственнаго сына.

Въ 1809 году, когда голландскія войска составляли часть вестфальской арміи, дѣйствовавшей въ сѣверной Германіи противъ Шилла и герцога Брауншвейгскаго, Луи получилъ отъ Наполеона изъ Шёнбрунна, близъ Вѣны, слѣдующее письмо, отъ 17-го іюля: «Мой братъ! вы жалуетесь на выходы французской газеты (относительно Голландіи)... Скорѣе нужно Франціи жаловаться на дурной духъ, господствующій у васъ. Если бы вы пожелали, чтобъ я вамъ пересчиталъ всѣ голландскіе дома, служащіе трубами Англіи, то подобное желаніе мнѣ легко было бы исполнить. Ваши распоряженія относительно пограничныхъ сношеній выполняются такъ дурно, что вся корреспонденція Англіи съ континентомъ идетъ черезъ Голландію.. Голландія есть англійская провинція».

Эти замѣчанія были умѣстны до известной степени. Голландская торговля, гдѣ могла, нарушала преграды, предназначенныя для поддержанія континентальной блокады. Но король Луи былъ тутъ безсиленъ. Заключивъ миръ съ Австріей, 15-го октября 1809 г., Наполеонъ пригласилъ въ Парижъ всѣхъ союзныхъ государей. Луи рѣшился было не ѣздить. Онъ опасался, что ему не придется вернуться изъ Франціи. Министры, однако, убѣдили его отправиться. На время своего отсутствія онъ далъ инструкцію коменданту крѣпости дѣйствовать лишь на основаніи собственноручнаго королевскаго повелѣнія и не впускать никакихъ иностранныхъ войскъ.

Также поручилъ онъ палатамъ, въ случаѣ нападенія французовъ, дѣйствовать его именемъ. 1-го декабря 1810 года, Луи отправился въ Парижъ; напередъ уговорившись съ министрами, что ни одинъ документъ его, не заканчивающійся голландскими словами или извѣстнымъ девизомъ, не можетъ считаться дѣйствительнымъ.

Первая встрѣча его съ Наполеономъ въ Парижѣ была чрезвычайно бурная, потому его просто игнорировали, тогда какъ прочіе изъ приглашенныхъ королей (Баваріи, Саксоніи, Виртемберга, Вестфаліи и Неаполя) пользовались всевозможнымъ вниманіемъ. При открытіи палаты онъ былъ единственный изъ государей не приглашенный присутствовать. Но за то императоръ въ своей тронной рѣчи весьма ясно выразился на счетъ присоединенія Голландіи. Министръ внутреннихъ дѣлъ также прямо назвалъ Голландію частью Франціи. Луи теперь былъ вполне увѣренъ, что его заманили въ Парижъ, чтобъ удержать тамъ. Наполеонъ при этомъ не разъ заговаривалъ о французскомъ помѣствѣ Луи и ни разу не упомянулъ о возвращеніи въ Голландію.

Наполеонъ далъ приказъ занять голландско-французскія пограничныя крѣпости французскими войсками. Изъ отвѣта голландскаго коменданта онъ узналъ, какія инструкціи оставлены Луи на всякій случай. Узналъ Наполеонъ также, что король въ тайномъ приказѣ, посланномъ въ Голландію своему шталмейстеру, сдѣлалъ распоряженіе о защитѣ Амстердама противъ нападенія. Наполеонъ сдѣлалъ брату страшную сцену. Послѣдній, однакожъ, остался твердъ въ своихъ рѣшеніяхъ. Въ концѣ концовъ императоръ сказалъ ему холодно: «Итакъ выбирайте: или пошлите контръ-приказъ о защитѣ Амстердама, увольте военнаго министра и министра иностранныхъ дѣлъ, или же вотъ декретъ о присоединеніи, который я пошлю немедленно, и вы не вернетесь уже въ Голландію. Вы въ моихъ рукахъ! Мнѣ все равно, считаютъ ли меня несправедливымъ, или жестокимъ, лишь бы моя система преуспѣвала». Съ этого момента Луи видѣлъ, какъ жандармы слѣдили за каждымъ его шагомъ, чтобъ онъ не могъ бѣжать. 18-го января, французскій военный министръ представилъ королю декретъ императора, на основаніи котораго Голландская область между Шельдой и Маасомъ должна быть занята французами. Вскорѣ затѣмъ узналъ онъ о присоединеніи къ Франціи Зеландіи и Брабанта. 24-го января, французы заняли и другія крѣпости. Всюду голландцы протестовали противъ присяги императору Франціи. 1-го февраля 1810 года, Луи вынужденъ былъ отпривать изъ Парижа извѣстіе въ голландскія палаты, въ которомъ онъ взывалъ къ ихъ вѣрности и выражалъ надежду на то, что Наполеонъ, при своей справедливости, ненадолго лишитъ Голландію ея самостоятельности.

Въ довершеніе всего Луи пришлось продѣлать дипломатическую комедію, затѣянную императоромъ съ Англіей. Наполеонъ поже-

далъ заключить миръ на морѣ и въ этомъ смыслѣ старался по-дѣйствовать на Англію. Чтобы побудить послѣднюю къ миру, Луи долженъ былъ послать въ Лондонъ довѣренное лицо изъ голландскаго политическаго міра съ письмомъ, въ которомъ англійскій кабинетъ убѣждался къ заключенію мира въ его собственныхъ интересахъ и въ интересахъ голландцевъ, могущихъ набѣжать такимъ образомъ присоединенія къ Франціи. Занятіе Голландіи французскими войсками оказалось бы, стало быть, безцѣльнымъ, такъ какъ вслѣдствіе заключенія мира не существовало бы предлога къ такому занятію—охраненіе континентальной блокады. Луи было предписано убѣдить министровъ въ Амстердамѣ въ важности такой мѣры. Письмо сочинено было самимъ Наполеономъ и французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ отправлено въ посольство французское въ Амстердамѣ въ смыслѣ записки о политическомъ положеніи дѣлъ, и въ копіи сообщено голландскому совѣту министровъ. Тамъ съ прискорбіемъ говорится, что нежеланіе Англіи заключить миръ вынудило императора овладѣть Голландіей. Только готовность британскаго кабинета къ безотлагательнымъ переговорамъ о мирѣ могла спасти самостоятельность Голландіи.

Голландскій министръ-президентъ поспѣшилъ отправить въ Англію весьма уважавшагося представителя амстердамской торговой палаты, чтобы «подъ рукою» познакомить тамошнее министерство съ этимъ посланіемъ и повліять на Сень-Джемскій кабинетъ въ желательномъ смыслѣ. Эта миссія не повела къ желательнымъ результатамъ. Наполеонъ, однако, не отказался отъ своей мысли. 20-го марта, онъ письменно потребовалъ отъ Луи еще разъ отправить въ Лондонъ того же парламентаря и на этотъ разъ не съ письмомъ голландскаго министра-президента, но отъ имени короля и съ письмомъ, которое было бы написано неизвѣстной рукой и не имѣло бы никакой подписи. Луи не согласился на эту вторичную комедію. Нервная лихорадка нѣсколько недѣль выдержала его въ постели. Во время его болѣзни отряды французскихъ войскъ подходили все ближе къ Амстердаму. Въ видахъ выздоровленія ему разрѣшено было переселиться въ его французскій замокъ Сень-Лѣ, но не прежде, чѣмъ онъ далъ бы свое согласіе на трактатъ между Голландіей и Франціей, которымъ первая ставилась въ полную зависимость отъ Наполеона и обрѣзывались границы ея, а равно и ея политическая и военная самостоятельность.

Въ срединѣ апрѣля, императоръ позволилъ своему голландскому брату вернуться въ его владѣнія. Но прежде онъ долженъ былъ принять участіе въ празднествахъ, устроенныхъ Наполеономъ въ Компьенѣ въ честь своей второй супруги, австрійской принцессы. На эти празднества была приглашена и Гортензія, королева Голландіи, хотя она и была дочерью Жозефины Богарне, съ которой Наполеонъ развелся для новаго политическаго брака. При проща-

ни съ братомъ императоръ объявилъ ему, что Гортензія и принцъ крови послѣдуютъ за нимъ въ Голландію. Король и королева, однакожь, отправились врозь и, по прибытіи въ Амстердамъ, король велѣлъ совершенно отдѣлить свои апартаменты отъ покоевъ Гортензіи, чтобъ рѣзче выставить свое *séparation de corps*. Королева потомъ тайно ушла изъ дворца, и Луи весьма равнодушно отнесся къ бѣгству своей супруги.

5-го мая, Луи сдѣлалъ визитъ въ Антверпенѣ императору и императрицѣ, обозрѣвавшимъ бельгійскія провинціи, но черезъ нѣсколько дней получилъ рѣзкое письмо отъ своего повелителя. Предлогомъ послужило «оскорбленіе Франціи», нанесенное въ лицѣ кучера французскаго посольства нѣсколькими жителями Амстердама. Вскорѣ затѣмъ въ Амстердамѣ усилился французскій гарнизонъ. И Луи рѣшился отречься отъ престола въ пользу своего сына и регентшей назначить королеву. Въ актѣ объ отреченіи онъ заявилъ, что чувствуетъ себя единственнымъ препятствіемъ для благосостоянія страны. Въ оповѣщеніи палатъ онъ упомянулъ, что ему невозможно больше защищаться отъ французскихъ нападковъ. Въ своей же прокламаціи къ народу возвѣстилъ онъ о вступленіи французовъ въ Амстердамъ и просилъ обращаться съ ними, какъ съ друзьями. Эти акты, помѣченные Гарлемомъ, 1-го іюля, были обнародованы, какъ только эксъ-король покинулъ свою страну. Ночью онъ оставилъ свой дворецъ, пѣшкомъ прошелъ черезъ паркъ, гдѣ его ожидала карета. Въ началѣ іюля (1810 г.), французы заняли Амстердамъ, а 11-го іюля Голландія была присоединена къ Франціи.

Луи былъ королемъ четыре года. Подъ именемъ графа де Сень-Лё онъ поселился затѣмъ въ Грацѣ (въ Австріи). Его старшаго сына взялъ къ себѣ немедленно императоръ. Адъютантъ Наполеона увезъ молодого человѣка въ Парижъ, гдѣ и передалъ подъ надзоръ матери императора. «Подойдите сынъ мой, — сказалъ императоръ принцу крови:— я буду вашимъ отцомъ, и вы ничего не проиграете. Поведеніе вашего отца огорчаетъ мое сердце. Только болѣзнь его можетъ извинять это. Когда вы вырастите, вы заплатите его и вашу долгу».

Напрасно Наполеонъ старался вызвать своего брата во Францію. Луи отвѣчалъ, что онъ голландецъ и не французскій принцъ и не желаетъ признавать за собой обязанностей на французской почвѣ. Онъ продолжалъ носить голландскій мундиръ. 10-го декабря, французскій сенатъ рѣшилъ предоставить извѣстный удѣлъ въ собственность эксъ-королю и его сыновьямъ, какъ французскимъ принцамъ. Луи отказался отъ этого рѣшительно, считая такой подарокъ оскорбленіемъ. Въ письмѣ въ сенатъ онъ заявилъ, что онъ и дѣти его навсегда связаны съ судьбою Голландіи и что на всю жизнь онъ желаетъ оставаться голландцемъ. Гортензія Луи по-

слалъ строгое требованіе: «Приказываю вамъ отказатья отъ этого дара позорнаго и мнѣ непріятнаго».

За нѣсколько недѣль до своего отреченія, Луи получилъ отъ Наполеона письмо, заканчивавшееся слѣдующими словами: «Это— мое вамъ послѣднее письмо». Луи также ничего не писалъ императору съ мая 1810 года. Только въ январѣ 1813 года, онъ считалъ своимъ долгомъ въ письмѣ къ брату выразить свое соболѣзнованіе о катастрофѣ, связанной съ возвращеніемъ Наполеона изъ Россіи, и предложить свои услуги. Наполеонъ отвѣчалъ изъ Парижа въ общемъ благодушно, хотя и не упустилъ случая снова оскорбить брата, такъ что послѣдній не принялъ приглашенія прійхать во Францію.

Когда, въ августѣ 1813 года, Австрія рѣшилась воевать съ Наполеономъ, Луи не считалъ для себя удобнымъ долге оставаться въ Грацѣ. Онъ отправился въ Швейцарію. По дорогѣ туда эскъ-король отправилъ изъ Ишля, отъ 10-го августа, письмо брату, гдѣ говорится, между прочимъ, слѣдующее: «Я не большой человекъ, но то, чѣмъ я сталъ, я обязанъ Голландіи и потомъ Франціи и вамъ. Я отправляюсь въ Швейцарію, чтобъ быть къ вашимъ услугамъ, если вы полагаете, что это сдѣлать возможно, не лишая меня надежды вернуться въ Голландію послѣ всеобщаго мира... На сколько мнѣ кажется невозможнымъ, что ваше величество хотите сдѣлать изъ меня и моихъ дѣтей лишь провизуарныя существа, на столько же невозможно, чтобъ вы не пожелали восстановленія Голландіи». Письмо осталось безъ отвѣта. Послѣ дейпцигской битвы Мюратъ, покинувшій французскую армію, проѣзжалъ черезъ Швейцарію въ свое Неаполитанское королевство. При свиданіи съ Луи онъ совѣтовалъ ему вернуться въ Голландію. Эскъ-король сперва отклонилъ эту мысль, но затѣмъ послалъ одного изъ своихъ старыхъ офицеровъ въ Майнцъ къ Наполеону съ письмомъ, въ которомъ просилъ императора разрѣшить ему вернуться въ Голландію и черезъ Францію. Въ той увѣренности, что императоръ, находясь въ стѣсненномъ положеніи, не преминетъ согласиться на это, онъ отправился въ Парижъ. Но съ половины дороги долженъ былъ вернуться въ Швейцарію. Императоръ не пожелалъ принять своего брата и сказалъ: «Я соглашусь скорѣе на то, чтобъ Голландія перешла во власть Оранскаго дома, нежели въ управленіе моего брата».

Въ октябрѣ 1813 года, голландцы возстали противъ Франціи. Нѣкоторые уговаривали эскъ-короля вернуться теперь въ Амстердамъ, чтобъ расположить народъ въ его пользу. «Я возвращусь въ Голландію, — отвѣчалъ король, — если сама нація призоветъ меня. Ни съ моимъ характеромъ, ни съ благомъ Голландіи не согласно, чтобъ я возвращался при помощи войны и волненій. Я долженъ ограничиться лишь оповѣщеніемъ голландцевъ, что моя предан-

ность странъ осталась неизмѣнной, а прочее — ихъ дѣло («le reste les regarde»). Съ возвращеніемъ Оранскаго дома всѣ виды Луи на корону должны были рухнуть.

Рѣшившись теперь окончательно поселиться частнымъ человекомъ въ своемъ французскомъ помѣстьѣ Сень-Лѣ, онъ отправился въ Парижъ, куда вѣхалъ какъ разъ въ тотъ самый день, когда Блюхеръ перешелъ Рейнъ (1-го января 1814 г.). Наполеонъ написалъ Луи: «Я узналъ съ прискорбіемъ, что вы прибыли въ Парижъ безъ моего позволенія... Желаете ли вы явиться передъ трономъ, какъ французскій принцъ, какъ коннетабль имперіи? Въ такомъ случаѣ я приму васъ, вы будете моимъ подданнымъ... Если, напротивъ, вы упорствуете въ своихъ идеяхъ королевскихъ и голландскихъ, извольте удалиться на сорокъ миль отъ Парижа... Я не желаю смѣшнаго положенія, роли третьяго лица. Если вы согласны на это, напишите мнѣ письмо, которое я могъ бы напечатать».

Луи подчинился и 10-го января былъ принятъ своимъ братомъ. Встрѣча была холодной и формальной. Впрочемъ, здоровье эскорола такъ разстроилось, что онъ не могъ сидѣть на лошади. Тѣмъ не менѣе, онъ дѣйствовалъ въ Парижѣ въ интересахъ Наполеона и въ письмахъ къ императору, находившемуся вдали отъ столицы, совѣтовалъ поспѣшать заключеніемъ мира, иначе, по мнѣнію эскорола, наполеоновскому правительству нельзя было продержаться и трехъ недѣль. Наполеонъ критиковалъ это предостереженіе словами: «Louis a l'esprit faux».

Послѣ реставраціи Бурбоновъ, Луи отправился въ Римъ и по возвращеніи Наполеона съ Эльбы во время «ста дней» оставался вдали отъ Франціи. Людовикъ XVIII расширилъ Сень-Лѣ до герцогства и позволилъ ему оставаться на родинѣ. Луи не воспользовался этимъ разрѣшеніемъ и протестовалъ противъ всякаго расширенія его владѣнія Сень-Лѣ. Лишь послѣ вторичнаго отреченія Наполеона, Луи получилъ своего старшаго сына отъ Гортенай, да и то по рѣшенію суда. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ постоянно съ сыномъ, большею частью, во Флоренціи, но имѣлъ несчастье въ 1831 году потерять этого сына, принца Наполеона-Луи, при возстаніи Романьи въ рядахъ инсургентовъ. Домогательствъ на французскую корону принца Луи-Наполеона, его втораго сына, впоследствии Наполеона III, онъ не одобрялъ, называя ихъ бессмысленнымъ и труднымъ дѣломъ. Луи умеръ 25-го іюля 1846 года, 68 лѣтъ, разлученный съ женой, которая жила въ Швейцаріи и съ принцемъ Луи-Наполеономъ, который тогда бѣжалъ въ Англію изъ порта Гамъ и не могъ добыть англійскаго паспорта для поѣздки въ Италію къ умиравшему отцу.

Въ 1848 году, Луи-Наполеонъ, сдѣлавшись президентомъ французской республики, перевезъ прахъ отца, согласно его завѣща-

нию, въ Сень-Лё. Король Луи оставилъ нѣсколько сочиненій. Кромѣ упомянутаго уже романа, онъ напечаталъ въ 1813 году въ Вѣнѣ свои «Odes», потомъ въ 1825 году въ Римѣ «Essai sur la versification», далѣе «Documents historiques sur le gouvernement de la Hollande» и въ 1834 году «L'Histoire du Parlement anglais» и, наконецъ, двѣ брошюры по исторіи Наполеона I.

III.

Младшій братъ Наполеона, Жеромъ (Геронимъ), не только былъ свидѣтелемъ и соучастникомъ великой драмы 1800—1815 годовъ, но онъ игралъ роль и при второй имперіи. Немногимъ доставалась въ удѣлъ такая измѣнчивая судьба.

Безъ отца, девяти лѣтъ, онъ съ матерью и сестрами, въ стѣсненномъ матеріальномъ положеніи, изгоняется изъ родной Корсики въ Марсель. Одинъ изъ его братьевъ выступаетъ во главѣ Франціи, доставляетъ ему блестящее военное воспитаніе, въ юношескомъ возрастѣ дѣлаетъ его адмираломъ, очень скоро затѣмъ генераломъ, принцемъ и королемъ. 23-хъ лѣтъ, онъ получаетъ королевскую корону. Черезъ шесть лѣтъ, когда зданіе, воздвигнутое его братомъ, начинаетъ разрушаться, Жеромъ долженъ покинуть свой престолъ и вскорѣ потомъ попасть въ изгнаніе изъ Франціи и сдѣлаться снова ничтожествомъ. Но вотъ звѣзда Наполеона опять стала всходить, и Жеромъ спѣшитъ къ нему на помощь, чтобъ снова оставаться безъ отечества, безъ назначенія въ мірѣ, когда закатится эта звѣзда. Съ 1815 по 1847 годъ, Жеромъ находился именно въ такомъ положеніи. Вторая имперія возвращаетъ его; какъ старшій въ семьѣ, онъ опять возводится въ достоинство императорскаго принца, дѣлается маршаломъ Франціи и умираетъ окруженный блескомъ своего знатнаго положенія.

Иосифъ, Лукіанъ, Луи, прочіе братья Наполеона, какъ и самъ онъ, знали нужду, пережили тяжелыя матеріальныя условія семьи Бонапартовъ. Вслѣдствіе этого они вступили въ жизнь закаленными. Жеромъ (родился 25-го ноября 1784 г.), напротивъ, уже ребенкомъ привыкъ къ блеску, исходившему отъ брата его Наполеона, и ко всякимъ привилегіямъ и лести. Послѣдними онъ пользовался въ коллежѣ де Жалльи, гдѣ Жеромъ пробылъ шесть лѣтъ. Еще большія привилегіи онъ узналъ, живя 15-тилѣтнимъ юношей въ Тюльерійскомъ дворцѣ, въ Парижѣ, гдѣ первый консулъ просвѣщалъ его въ военныхъ наукахъ и по возвращеніи изъ похода Маренго зачислилъ въ свою консульскую гвардію.

Около этого времени Наполеонъ былъ очень озабоченъ слабостью Франціи на морѣ. Чтобъ имѣть въ своей семьѣ опору своимъ планамъ въ этомъ отношеніи, онъ намѣтилъ Жерома для морской

карьеру. 29-го ноября 1800 года, Жеромъ получилъ назначеніе въ египетскую экспедицію и 16-ти лѣтъ участвовалъ въ морской битвѣ. Въ 1801 году, онъ отправился на Антильскіе острова съ большою эскадрой, а въ 1802 году, командовалъ уже фрегатомъ. Вынужденный англичанами къ бѣгству, Жеромъ попалъ въ Сѣверо-Американскіе штаты. Здѣсь въ Балтиморѣ онъ 18-ти лѣтъ женился на Елизаветѣ Паттерсонъ, дочери богатаго купца, и только въ 1805 году вернулся во Францію.

Братъ его, сдѣлавшійся императоромъ, объявилъ бракъ Жерома несуществующимъ. Фамиліи Паттерсоновъ императорскимъ распоряженіемъ было запрещено появляться въ какихъ бы то ни было портахъ Франціи. Жена Жерома получила отъ императора ежегодную ренту въ 60 тысячъ франковъ для себя и двухъ дѣтей. Совершенно не такъ, какъ Лукіанъ, не пожелавшій промѣнять жену на тронъ, легкомысленный и сластолюбивый Жеромъ согласился на этотъ разводъ и даже розыгрывалъ кающагося передъ братомъ за этотъ бракъ. Наполеонъ послалъ его вскорѣ начальникомъ эскадры, долженствовавшей освободить генуезскихъ плѣнныхъ на алжирскомъ берегу.

Въ 1805 году, Жерома назначили командиромъ линейнаго судна во флотъ адмирала Виллонэ, который имѣлъ тайное порученіе напасть на англичанъ въ американскихъ водахъ. Виллонэ назначилъ его своимъ замѣстителемъ. Жеромъ не очень беспокоился о своихъ обязанностяхъ. Любя развлеченія, онъ не чувствовалъ охоты проводить жизнь на борту судна, хотя и былъ вполне способнымъ морякомъ. Экспедиція была ведена дурно, и Жеромъ порѣшилъ уйти съ судна. За такое своеволие 22-лѣтній капитанъ подлежалъ военному суду. Но императоръ, вопреки ожиданію, принялъ его очень благосклонно, назначилъ контръ-адмираломъ, потомъ императорскимъ принцемъ и кавалеромъ большой звѣзды Почетнаго Легіона.

Намѣреніе Наполеона сдѣлать и этого брата королемъ заставило императора перевести Жерома въ сухопутное войско. Въ 1806 году, Жеромъ, командуя корпусомъ въ войнѣ съ Пруссіей, принималъ участіе лишь въ второстепенныхъ операціяхъ въ Швеціи. Чтобы и въ Германіи создать королевство для одного изъ членовъ своей семьи, Наполеонъ, послѣ Тильзитскаго мира, въ 1807 году, создалъ королевство Вестфалію и назначилъ королемъ туда Жерома.

Это былъ настоящій «*roi-préfet*». Новые налоги и система конституціи, введенные императоромъ въ королевствѣ брата, раззорили Вестфалію. Бѣдствія населенія въ семилѣтнее управленіе Жерома становились тѣмъ тягостнѣе, что содержаніе веселаго короля обходилось дорого. Объ организаціи государства, о чиновникахъ, о назначеніи министровъ и дипломатическихъ агентовъ заботился самъ Наполеонъ. Молодой же король растратилъ всю государственную кассу, сдѣлалъ заемъ во Франціи въ 1.800,000 франковъ и

требовалъ себѣ ежегоднаго содержанія не менѣе пяти миллионѣвъ франковъ.

Императоръ счумѣлъ устроить бракъ Жерома съ Екатериной, принцессой Виртембергской. Король въ первыя же недѣли послѣ брака отличился въ нѣсколькихъ авантюрахъ. Уже въ концѣ декабря 1807 года, графъ Жолливе, приставленный къ Жерому въ качествѣ финансоваго совѣтника, писалъ императору: «Къ королю выказываютъ мало уваженія. Рѣдко ему кланяются на улицѣ. Нѣкоторыя галантныя дѣла навредили ему. Въ публикѣ извѣстно, что одна изъ дамъ королевы изъ-за него уволена. Актриса изъ Бреславля и пр., и пр. Рассказываютъ нѣсколько исторій въ томъ же родѣ. Матери Касселя, у которыхъ красивыя дочери, боятся пускать ихъ на придворныя празднества». Такого рода свѣдѣнія отправлялись очень часто въ Парижъ. А вмѣстѣ съ ними Наполеонъ получалъ вѣрноподданнческія посланія отъ короля съ запросами, кѣмъ замѣстить такую-то должность, какъ ему, королю, держать себя съ такимъ-то посланникомъ.

Въ письмѣ къ Наполеону, отъ 11-го іюля 1808 года, Жеромъ говоритъ, что онъ хочетъ учредить орденъ, подобный Почетному Легиону, и непременно съ денежною наградою. Наполеонъ, получивъ модель и статутъ ордена, нашелся сказать только: «il y a bien des bêtes dans cet ordre-là!» Такъ какъ Жеромъ занятыхъ во Франціи 1.800,000 франковъ не возвращалъ, то императоръ написалъ ему: «То, что вы дѣлаете, недостойно честнаго человѣка!» Не смотря на все безденежье, король устроилъ себѣ придворный штатъ: одинъ grand maréchal du palais, два дворцовыхъ префекта, три дворцовыхъ маршала, 15 камергеровъ, одинъ гротсперемонійстеръ, 8 церемоніймейстеровъ и другіе чины. Кромѣ того, придворный штатъ королевы состоялъ: изъ обергофмейстерины, семи придворныхъ дамъ, четырехъ камергеровъ, четырехъ почетныхъ штальмейстеровъ и т. д.

Въ февралѣ 1809 года, Жеромъ отправилъ въ Парижъ генерала Моро изъ Касселя съ словеснымъ отчетомъ о разныхъ финансовыхъ и правительственныхыхъ дѣлахъ. Король вслѣдъ затѣмъ получилъ отъ императора слѣдующее посланіе: «Я удивленъ, что вы прислали ко мнѣ генерала Моро, который есть образецъ дурака... Что касается состоянія вашихъ финансовъ и вашего управленія, мнѣ до него нѣтъ дѣла. Я знаю, что и то и другое идетъ плохо. Это, къ сожалѣнію, результатъ вашихъ дурныхъ мѣропріятій и роскоши, господствующей у васъ. Всѣ ваши дѣйствія носятъ отпечатокъ легкомыслія. Для чего раздавать баронства людямъ, не сдѣлавшимъ ничего? Къ чему рисоваться роскошью, столь мало гармонирующей со странною и могущею составлять бѣдствіе для Вестфалии по тому недовѣрію, которое она внушаетъ къ администраціи?»

Очень рѣдко Жеромъ позволяетъ себѣ выразить неудовольствіе императору, въ родѣ слѣдующаго: «Надѣюсь, что ваше величество положите предѣлъ распоряженіямъ вашихъ агентовъ въ Вестфалии, которые съ каждымъ днемъ становятся заносчивѣе. Низшіе чины нѣкоторыхъ изъ нихъ нисколько не умѣряютъ унижительныхъ дѣйствій противъ меня. Если такъ будетъ продолжаться, то мнѣ невозможно долѣе управлять этой страной». На такія смѣлыя заявленія «roi-frère»'а императоръ не имѣлъ обыкновенія отвѣчать. То же было и въ данномъ случаѣ.

Когда Наполеонъ, въ 1809 году, готовился къ войнѣ съ Австріей, Жеромъ старался снабжать его свѣдѣніями о военномъ положеніи непріятели. Къ тому же времени относится назначеніе при Жеромѣ французскимъ посломъ Рейнгардта. Любопытно узнать, о чемъ онъ долженъ былъ сообщать Наполеону. «Его императорское величество»,—пишетъ ему министръ иностранныхъ дѣлъ,—«желаетъ также, чтобъ вы къ своимъ депешамъ прилагали и бюллетени, въ которыхъ сообщались бы новости общественной жизни, городскіе слухи, истинные или ложные анекдоты, — словомъ, въ своемъ родѣ хроника города и страны».

Кромѣ французскаго посла, при Жеромѣ находился еще Жолливе, обязанный, помимо даванія королю финансовыхъ свѣтовъ, рапортовать въ Парижъ о крупныхъ и мелкихъ позорныхъ дѣяніяхъ своего короля.

Жеромъ имѣлъ своихъ доносчиковъ, которые въ точности оповѣщали его о подробностяхъ такого надъ нимъ контроля. Рейнгардтъ въ одномъ изъ донесеній говоритъ: «Король сказалъ мнѣ, что въ его распоряженіи имѣется нѣсколько доносовъ, посланныхъ Жолливе въ Парижъ министру иностранныхъ дѣлъ.—Я бы могъ, прибавилъ король, послать эти сплетни императору... Я знаю, что этотъ Жолливе—шпіонъ. Къ чему немедленно писать въ Парижъ о томъ, что я подарилъ бриллиантъ или que j'ai couché avec une belle! Министру не подобаетъ заниматься этими пустяками. Что выходитъ изъ этого шпіонства? Это можетъ на минуту подѣйствовать на расположеніе духа, братья могутъ поссориться на время и, быть можетъ, это уже случалось со мной, но они примирятся. Я люблю и уважаю императора, какъ отца. Въ минуту раздраженія императоръ можетъ мнѣ сдѣлать нѣсколько упрековъ, но затѣмъ дѣло объяснится и того не поблагодарятъ вовсе, кто былъ причиной размолвки... Если бы вы (французскій посолъ) состояли при королѣ баварскомъ или виртембергскомъ, то было бы умѣстно все наблюдать и о всемъ доносить. Но все, что пожелаетъ знать братъ мой, я ему сообщу самъ»...

Официальные шпіоны Наполеона въ Касселѣ, Рейнгардтъ и графъ Жолливе, имѣли при себѣ еще агентовъ. Жеромъ извѣщаетъ императора, отъ 20-го октября 1809 года, что онъ уволилъ че-

тырехъ слугъ, состоявшихъ субшпіонами при особѣ Жолливе. «Наконецъ, государь, скандалъ доведенъ до такой степени, что достоинство вашего брата не позволяетъ его терпѣть дольше». Онъ самъ накрылъ одного изъ лакеевъ, когда тотъ копаясь въ его бумагахъ. Испуганный человекъ бросился къ ногамъ короля и признался, что онъ это сдѣлалъ, по приказанію графа Жолливе. Жеромъ просилъ отозвать Жолливе, «ибо невозможно, чтобъ ваше величество желало позорить меня до такой степени». Императоръ опять не отвѣчалъ и Жеромъ рискнулъ объясниться (30-го октября 1809 года): «Государь, не смотря на забвеніе, въ какомъ вы меня оставляете и какого я ничѣмъ не заслужилъ, прошу васъ рѣшить насчетъ моего положенія, которое совершенно фальшивое. Удостойте меня, государь, рѣшенія, долженъ ли я поступать, какъ подданный или какъ король. По сердечному влеченію я остаюсь и останусь всегда вашего величества вѣрноподданнымъ. Я не люблю ни нѣмцевъ, ни Германіи и всегда останусь французомъ».

Рейнгардтъ, отъ 30-го января 1810 года, извѣстилъ французское министерство иностранныхъ дѣлъ: «Третьяго дня состоялось открытіе ландтага. Церемонія была красивая и внушительная. Тронную рѣчь король прочелъ медленно, отчетливо и съ достоинствомъ. Собраніе не проронило ни одного слова... Манера, съ какой король говорилъ о своихъ отношеніяхъ къ августѣйшему брату, возвеличивала самого короля». Жеромъ былъ приглашенъ въ Парижъ и послѣ свиданія съ императоромъ вернулся въ свое королевство сіяющимъ отъ удовольствія. Свое время попрежнему проводилъ онъ между трудомъ и удовольствіями. Въ особенности маскарады, въ которыхъ охотно принимали участіе и король, и королева, наполняли вечера ихъ величествъ.

Объ этихъ маскарадахъ Рейнгардту пришлось послать немало донесеній въ Парижъ. Король участвовалъ въ маскарадныхъ кадриляхъ. «Король, въ костюмѣ Фигаро,—говорится въ одномъ изъ донесеній.—танцевалъ при звукѣ кастаньетъ испанскій танецъ съ весьма красивой госпожей де-Бушпорнъ и распредѣлялъ цвѣты. Госпожа Делонэ получила отъ короля прекрасное брилліантовое кольцо». О другомъ маскарадѣ въ русскомъ посольствѣ читаемъ: «Королева одѣлась старой жидовкой, дикой американкой и обитательницей Шварцвальда. Король мѣнялъ домино и маски, какъ настоящій хамелеонъ».

Эта веселая жизнь велась въ то время, когда Вестфалія имѣла 93 милліона долга, да присоединенный къ королевству Ганноверъ не много менѣе. «Moniteur Westphalien» не замедлилъ обнародовать о новой продажѣ государственныхъ имуществъ на 2.200,000 франковъ.

Въ октябрѣ 1810 года, провинція Ганноверъ была снова отбрана отъ короля Жерома, французскія войска усилены въ Вест-

фалии на 18^{1/2} тысячъ человѣкъ, вестфальскія уменьшены; предположеніе укрѣпить Кассель подозрительный и недовѣрчивый императоръ не разрѣшилъ осуществить своему брату. 17-го февраля 1811 года, Жеромъ жалуется Наполеону, что онъ узналъ случайно черезъ «*Moniteur*», что отобраніемъ Ганновера его лишили четверти государства и трети государственныхъ доходовъ. «Войдите въ мое положеніе, ваше величество, что бы вы сдѣлали, если бы съ вами случилось то же? Прошу васъ, государь, во имя вашей прежней дружбы ко мнѣ, руководить мною, не оставлять меня, ибо (и здѣсь слѣдуетъ угроза объ отреченіи) вы въ одинъ прекрасный день можете потерять существо, которое любить васъ болѣе, чѣмъ самого себя».

Въ концѣ 1811 года, начались приготовленія къ войнѣ съ Россіей. Жеромъ получилъ порученіе приготовить свою крѣпость Магдебургъ. Это стоило 3 милліона франковъ, которыхъ у него не было. Онъ писалъ императору какъ объ этомъ, такъ и о другихъ финансовыхъ затрудненіяхъ. При этомъ онъ предвѣщалъ политическія неудачи при походѣ въ Россію. «Если бы вы мнѣ сообщали факты»,—отвѣчалъ Наполеонъ,—«я бы съ удовольствіемъ воспользовался ими. Когда же, напротивъ, вы набрасываете картины (*faite des tableaux*), то вамъ бы лучше воздержаться отъ нихъ. Извѣщая меня, что ваша администрація плохая, вы не сообщаете мнѣ ничего новаго». Не смотря на всѣ финансовыя затрудненія, король не переставалъ жить въ большой роскоши и дѣлать большіе подарки, въ особенности денежныя ренты, въ нѣсколько сотъ тысячъ франковъ каждая.

Въ концѣ марта 1812 года, Жеромъ былъ приглашенъ въ Парижъ инкогнито. Тамъ онъ получилъ командованіе правымъ флангомъ «великой арміи», предназначенной къ нашествію на Россію. Вскорѣ затѣмъ императоръ лишилъ его самостоятельной роли, потому что онъ не помѣшалъ соединенію корпусовъ Багратиона и Барклай-де-Толли; Жеромъ вернулся въ Кассель, потому что не желалъ быть въ подчиненіи.

«Великая армія» Наполеона погибла въ Россіи. Императоръ еще разъ собралъ сильную армію въ Германіи, въ 1813 году. И королевству Вестфальскому пришлось принести немало новыхъ жертвъ, хотя оно въ финансовомъ отношеніи было вполне разорено. Жеромъ упрашивалъ своего посла въ Парижѣ выхлопотать денегъ у императора для своихъ и для французскихъ войскъ. «Если императоръ не дастъ намъ четыре милліона, то ходъ правительства сразу остановится. Мой народъ добръ, пока есть у него чтонибудь. Но если каждый изъ подданныхъ не видитъ ничего передъ собой и каждый долженъ выбирать только между голодной смертью или пулей, то несомнѣнно, что онъ не предпочтетъ послѣдней». Жеромъ горѣлъ страстью получить снова командованіе

арміей. При всемъ своемъ тщеславіи, онъ имѣлъ большое довѣріе къ своимъ военнымъ талантамъ. Императоръ цѣнилъ его мужество и нѣкоторыя военныя способности, но считалъ его неспособнымъ для значительнаго военного поста. Сверхъ того, онъ все еще не могъ забыть скандала, произведеннаго его братомъ, когда тотъ самовольно бросилъ армію. И Наполеонъ рѣшительно отказалъ ему въ командованіи.

До гѣта 1813 года, Жеромъ жилъ въ своей резиденціи, принимая гостей, причеиъ, — какъ сообщаетъ Рейнгардтъ, — «рѣдко жены и мужа приглашались вмѣстѣ». 24-го сентября, генералъ Чернышевъ заставилъ бѣжать въ Кобленцъ вестфальскаго короля. 17-го октября, ему опять удалось вернуться въ Кассель, но черезъ десять дней, когда сила его брата была сломлена при Лейпцигѣ, Жеромъ отправился въ Ахенъ. Наполеонъ написалъ ему изъ Майнца, что онъ не можетъ его видѣть, и выразилъ свое неблаговоленіе ему и супругѣ его тѣмъ, что не принялъ ихъ, когда они пріѣхали въ Парижъ. Черезъ брата Іосифа императоръ далъ знать, чтобъ Жеромъ снялъ вестфальскую форму, сократилъ свою свиту и выбиралъ адъютантовъ себѣ не изъ всякаго сброду, а людей съ военнымъ опытомъ.

Послѣ паденія имперіи вестфальская королевская чета прожила въ Триестѣ, гдѣ у нея родился принцъ († въ во Флоренціи въ 1847 году). Во время «ста дней» Жеромъ не безъ опасности пріѣхалъ во Францію изъ Триеста, находился около брата и храбро командовалъ дивизіей при Ватерло. Затѣмъ онъ жилъ нѣкоторое время въ Виртембергѣ у тестя, потомъ опять въ Триестѣ, въ Лозаннѣ и, наконецъ, въ Бельгіи.

Вторая имперія снова вернула Жерома во Францію, какъ и двухъ дѣтей его, нынѣ здравствующихъ еще, принцессу Матильду и принца Жерома Наполеона (Pionpion). Королева Екатерина умерла въ Лозаннѣ, въ 1835 году.

Эксъ-король Вестфалии при второй имперіи былъ окруженъ блескомъ и почетомъ какъ императорскій принцъ, губернаторъ инвалидовъ, маршалъ Франціи, президентъ государственнаго совѣта. Онъ пережилъ Крымскую компанію, итальянскую войну 1859 года, видѣлъ бракъ своего сына съ дочерью итальянскаго короля Виктора-Эммануила и рожденіе наследника престола Наполеона III. Жеромъ умеръ въ 1860 году и рядомъ съ склепомъ Наполеона I похороненъ въ домѣ Инвалидовъ.

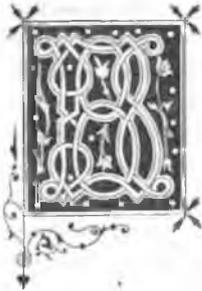
О. Вулгаковъ.

БЕАТРИЧЕ ЧЕНЧИ.

(Статья Шарля Дигье).

I.

В Римѣ, въ галлерей Барберини, любителямъ рѣдкостей показываютъ портретъ молодой дѣвушки, писанный Гвидо Рено. При странномъ для нашего времени головномъ уборѣ, эта головка съ перваго взгляда привлекаетъ васъ именно тѣмъ, что можно было бы назвать причудливостью ея наряда. Это—бѣлое тяжело наброшенное покрывало, изъ-подъ котораго рассыпаются бѣлокурыя прядиволось, обильно покрывающія эту восхитительную головку. Полные, сочные тоны этого портрета невыразимо прелестны. Пылкій, свѣжій ротикъ оживляетъ задумчивое личико, кроткое какъ у Мадонны, озаренное взглядомъ, полнымъ дѣвственнаго цѣломудрія. Бюстъ прикрытъ точно также бѣлою драпировкою, совершеннымъ подобіемъ одежды христіанскихъ мученицъ. Этотъ прекрасный портретъ, копіи съ котораго въ изобиліи распространены по всему Риму, изображаетъ Беатриче Ченчи, романическую жертву страшной трагедіи.

Фамилія Ченчи, наслѣдниками которой были Барберини и Боргези,—одна изъ древнѣйшихъ на Аппенинскомъ полуостровѣ. По ихъ семейнымъ архивамъ, Ченчи ведутъ свой родъ отъ римскаго консула Кресцентія ¹⁾).

¹⁾ Иабранъ въ 972 году, отравленъ женою своею Стефанією въ 1002 году.

Сильные и могущественные, они какъ самостоятельные государи владѣли частію Италіи, именно Болоньею и Равенною, и дали нѣсколько папъ церкви католической, и между ними Іоанна X ¹⁾), покровительницею котораго была знаменитая Теодора ²⁾). Въ лѣтописяхъ того времени повѣствуютъ, что Мароція, сестра Теодоры, имѣвшая связи съ семействомъ Ченчи, пользовалась въ Римѣ еще болѣе соблазнительною властію, нежели ея сестра. Распутная до невозможности, она внезапно заставила папу пожаловать ей въ удѣлъ замокъ св. Ангела, овладѣла съ шайкою соумышленниковъ дворцомъ святаго Іоанна Латранскаго и велѣла умертвить Петра, брата папы. По ея приказанію, и самъ первосвященникъ римскій былъ заточенъ въ темницу, гдѣ и умеръ отравленный. Это произошло въ IX вѣкѣ. Впослѣдствіи одинъ изъ предковъ, Франческо Ченчи, возбудилъ мятежъ противъ Григорія VII ³⁾): въ то время, какъ этотъ папа въ ночь на Рождество служилъ раннюю обѣдню, его за волосы выволокли изъ сѣнотопки и бросили въ казематъ, гдѣ и держали узникомъ. Обладатели громаднато, для того времени, состоянія, — какъ говорятъ, до ста тысячъ скуди, — Ченчи, часто бунтовавшіеся противъ папской власти, совершали безнаказанно гнуснѣйшія преступленія. Дерзости ихъ не вѣдала границъ. Когда ихъ призывали въ судъ, они цѣною золота подкупали судей.

Франческо Ченчи, отецъ Беатриче, былъ самый знаменитый и въ то же время послѣдній изъ этого рода. Въ эту разбойничью эпоху, — ищетеъ одинъ историкъ, — изъ самыхъ свирѣпыхъ графовъ римскихъ онъ былъ свирѣпѣйшій! Убийство, грабежъ, поджогъ — были его обычными средствами. Онъ содержалъ на жаловань въ своемъ дворцѣ шайку бравы (наемныхъ убійцъ), помощниковъ въ его распутствахъ и злодѣяствахъ. Слѣдствіи V ⁴⁾), желая положить предѣлы этимъ скандальнымъ неистовствамъ, пригласилъ однажды въ Ватиканъ членовъ фамилій Орсини, Колонна, Савелли и Ченчи.

— Синьоры, — сказалъ папа, ведя ихъ на дворцовую террасу: — посмотрите, что это такое качается тамъ на воздухѣ?

Феодальные бароны, слѣдя взорами за рукою его святѣйшества, увидали нѣсколько висѣлицъ, а на нихъ тѣла бандитовъ, бывшихъ у нихъ на жаловань. Это былъ урокъ на будущее время! Тогда Франческо Ченчи заблагоразсудилъ удалиться въ свое помѣстье Рокка Рибальда. Однако же, при избраніи папы Климента VIII ⁵⁾,

¹⁾ Избранъ въ 914 году, удушенъ въ 928 году.

²⁾ Дочь патриціанки того-же имени (890—920); она была женою консула Граціана и любовницею папы Іоанна X.

³⁾ Гильдебрандтъ (род. въ 1018, ум. въ 1085 году) одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ первосвященниковъ римскихъ.

⁴⁾ Изъ фамиліи Пьеретти, род. въ 1521, ум. въ 1590 году; въ дѣтствѣ былъ свинопасомъ.

⁵⁾ Изъ фамиліи Альдебрандини, избранъ въ 1592 году, ум. въ 1605 году.

этотъ Франческо, хотя уже и въ преклонныхъ лѣтахъ, возвратился въ Римъ. Краснорѣчивая угроза покойнаго папы была теперь лишь отдаленнымъ эхомъ минувшаго. Ченчи казался угрюмѣе, чѣмъ когда либо, и затворился въ своемъ дворцѣ.

II.

Съ этого времени начинается исторія несчастной Беатриче, такъ печально прославившая эту фамилію.

Франческо Ченчи былъ олицетвореніемъ стариннаго римскаго разврата. Въ одной современной рукописи сказано, что если бы онъ родился во времена Юлія Брута, то не только приговорилъ бы къ смерти своихъ сыновей, но и самъ казнилъ бы ихъ. У Мильтона, сатана говоритъ: «у меня зло будетъ добромъ»; эти слова были девизомъ Ченчи.

У него было шесть человѣкъ дѣтей—четыре сына и двѣ дочери: Олимпія и Беатриче.

Особенно поражаетъ и смущаетъ юристовъ, изучающихъ уголовныя дѣла, то, что подобное чудовище было отцомъ этого очаровательнаго созданія, воспоминаніе о которомъ, спустя три вѣка, еще живо и такъ симпатично въ Италіи!

Ченчи сочетался вторымъ бракомъ съ донною Лукреціею Петрони. Причины этого втораго супружества слишкомъ странны, чтобы умолчать о нихъ. Какъ-то разъ, въ присутствіи Лукреціи, говорили о распутствахъ и жестокостяхъ Франческо. «Я скорѣе пошла бы замужъ за моего злѣйшаго врага,—замѣтила она,—нежели за этого человѣка». Эти слова дошли до ушей чудовища, давашаго въ душѣ клятву, что Лукреція будетъ ему принадлежать. Онъ такъ искусно сѣмѣлъ нѣкоторое время сдерживать себя, такъ ловко и трогательно разыгрывалъ роль человѣка, раскаившагося въ своихъ грѣхахъ и заблужденіяхъ, посѣщая церкви и раздавая милостыню, что Лукреція сочла слышанные ею рассказы о немъ за клевету и совналась, что ошиблась относительно Ченчи; по этому на предложеніе графа быть его женою она отвѣчала согласіемъ. Но едва они были обвѣнчаны, какъ Ченчи сказалъ ей: «вы объявили когда-то, что скорѣе вышли бы за сатану, нежели за графа Ченчи; я постараюсь вамъ доказать, что вы были правы». И съ этой минуты начались мученія бѣдной жены, а вмѣстѣ тѣмъ и его дѣтей отъ перваго брака.

Сыновей своихъ онъ уже подвергъ тягчайшему поруганію, отъ чего двое изъ нихъ умерли. Папа выдалъ замужъ его старшую дочь Олимпію, заставивъ дать ей приданое. Тогда онъ обратилъ всю свою ярость на Лукрецію и на обоихъ младшихъ дѣтей, Бернардино и Джакомо. Оскорбленные подобнымъ обхожденіемъ, Лу-

креція и Беатриче подали прошеніе Клементу VIII, умоляя его ваять ихъ подъ свое покровительство. Это прошеніе, вѣроятно, было перехвачено, такъ какъ осталось безъ послѣдствій.

Младшій изъ сыновей графа, Бернардино, мальчикъ хворый, былъ любимцемъ сестры, которая неоднократно старалась умѣрять его справедливый гнѣвъ на отца.

Гнуснѣйшія притѣсненія продолжались, и Беатриче постоянно молила Бога о томъ, чтобы Онъ прекратилъ ея мученія, призывавъ ее къ себѣ.

Среди ночи ея отецъ посылалъ за нею и за ея младшимъ братомъ, чтобы удостовѣриться, тутъ ли они, подъ рукою.

У этой благородной дѣвушки, одаренной чудною красотою, былъ другъ сѣдла, молодой синьоръ, по имени Гвидо Гверра. Она часто повѣряла ему, страстно влюбленному въ ея тѣлесную красоту и чистоту душевную, всѣ муки, отравлявшія ея существованіе. Сколько разъ, по вечерамъ, видясь съ нимъ въ садахъ дворца, она изливала ему всю горечь юной души своей! Онъ предлагалъ ей бѣжать изъ этого гнуснаго вертепа, но она постоянно отказывалась, ожидая отъ неба конца своихъ страданій.

Ее удерживала забота о младшемъ братѣ, Бернардино, у котораго никого, кромѣ нея, не было и котораго она берегла, какъ свое родное дитя.

III.

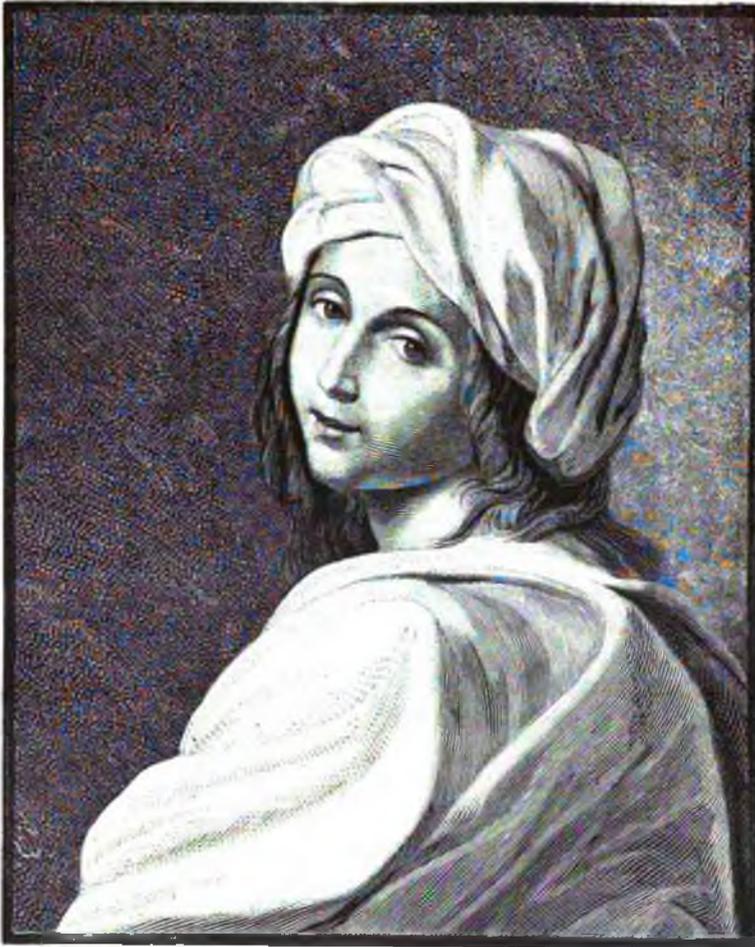
Вскорѣ Беатриче пришлось испить до дна всю чашу униженія. Два сына графа умерли отъ тяжкихъ испытанныхъ ими оскорбленій. Беатриче, его родная дочь, этотъ цвѣтъ красоты, должна была принадлежать ему: пресыщенные чувства старика алкали кровосмѣшенія.

Среди пышнаго пиршества, на которое была приглашена высшая римская знать, графъ Ченчи имѣлъ безстыдство рассказывать, какъ умерли его сыновья. Онъ простеръ дерзость свою до того, что провозгласилъ тостъ въ память этой позорной кончины. Этого мало, онъ имѣлъ подлость оскорбить цѣломудріе своей дочери, восхваляя ея красоту съ тѣми циническими выраженіями, которыя могъ себѣ позволить, говоря о своей любовницѣ, развѣ пьяный любовникъ. Присутствовавшіе въ негодованіи встали изъ-за стола. Беатриче просила ихъ всѣхъ не оставлять еѣ. Одинъ изъ кардиналовъ отвѣчалъ ей: «Мы можемъ только молиться за васъ, дочь моя!» Затѣмъ они разѣхались.

Когда зала пиршества опустѣла, Ченчи призывалъ къ себѣ дочь.

— Милое дитя, — сказала онъ ей: — ты видѣла, что сила есть право, и обратно — въ правѣ есть сила. Пойми же, что у тебя нѣтъ инаго убѣжища, кромѣ моихъ объятій.

Беатриче упала къ его ногамъ, умоляя отца убить ее. Но онъ, вмѣсто всякаго отвѣта, сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ. Гордая дѣвушка съ негодованіемъ встала, вырвалась изъ его рукъ и, выхвативъ изъ-за пояса графа кинжалъ, объявила, что если онъ сдѣлаетъ одинъ шагъ впередъ, то она его убьетъ.

Беатриче Ченчи.

— Милая дочка, — отвѣчалъ Франческо: — мы оба пойдемъ въ рай, потому что съ сегодняшняго дня я каждую ночь буду приходить къ тебѣ въ комнату, гдѣ мы вмѣстѣ будемъ молиться!

Въ отчаяніи, Беатриче бросила кинжалъ и убѣжала.

«истор. вѣстн.», августъ, 1886 г., т. хх.

IV.

Вечеромъ, послѣ пиршества, о которомъ мы говорили, Гверра пришелъ подъ окно [своей возлюбленной. Въ нишѣ, въ которой стояла статуя Мадонны, онъ нашель записку слѣдующаго содержания: «Во имя неба, милый Гвидо, будьте въ садахъ въ одиннадцать часовъ, дѣло идетъ о моей жизни!» Гверра возвратился къ себѣ домой, взявъ шпагу и снова прокрался въ дворцовые сады. Здѣсь, спрятавшись въ кустахъ олеандровъ, онъ сталъ ждать.

Прошелъ часъ.

Наконецъ, онъ слышитъ, что его зовутъ по имени.

— Гвидо!

— Беатриче!

Мертвенно блѣдная, забывая дѣвическій стыдъ, Беатриче бросилась въ объятія своего возлюбленнаго:

— Гвидо, любовь моя, спаси меня! Не будемъ терять времени, здѣсь самый воздухъ зараженъ, здѣсь земля обжигаетъ мнѣ ноги!

— Что же тутъ творится, возлюбленная моя?

— Я умерла бы отъ стыда, если бы о томъ сказала; знай только, что я согласна скорѣе вести самую позорную жизнь, нежели оставаться здѣсь долѣе. Идемъ! Богъ поможетъ намъ!

Вдругъ позади ихъ раздался голосъ:

— Нехорошо уходить изъ дому, не откланявшись хозяину.

Это былъ графъ Ченчи.

Гвидо выхватилъ шпагу, но въ ту же минуту былъ схваченъ другимъ человѣкомъ и опрокинутъ на землю. Беатриче упала безъ чувствъ. Франческо Ченчи взялъ свою дочь на руки, въ то время какъ другой сбирръ бился съ Гвидо, который, успѣвъ вскочить на ноги, защищался шпагою. Молодому человѣку удалось избавиться отъ своего противника, но, не видя болѣе Беатриче, онъ ушелъ изъ садовъ.

На другой день наслѣдница Ченчи была заточена въ замокъ Рокка Петрелла..

Черезъ недѣлю, Франческо Ченчи былъ найденъ въ своей постели пронзенный кинжаломъ, а въ глаза его были вбиты два гвоздя. Исслѣдованіе трупа графа Ченчи привело къ убѣжденію, что убійца было двое. Розыски, произведенные по горячимъ слѣдамъ, открыли, что въ утро убійства два брата, Олимпіо и Марціо, находились на половинѣ донны Лукреціи. Первый изъ нихъ былъ въ этотъ же день убитъ, по приказанію Гверра, который неизвестно куда скрылся, а другаго брата удалось арестовать.

Онъ объявилъ, что былъ подкупленъ Лукреціею, Беатриче и ея двумя братьями при содѣйствіи Гверра. Беатриче съ мачихой усыпили графа снотворнымъ снадобьемъ, а онъ съ Олимпіо его убили, и получили за это 1000 золотыхъ скуди.

Вслѣдствіе такого показанія, Лукреція, Беатриче и оба ея брата были арестованы.

Такъ окончилъ свою жизнь одинъ изъ гнуснѣйшихъ потомковъ фамиліи Ченчи. Смерть его послѣдовала 15-го сентября 1598 года. Марціо былъ посаженъ въ папскую тюрьму: на очной ставкѣ съ Беатриче онъ отрекся отъ своего показанія относительно соучастія этой благородной дѣвушки и ея семейства въ убійствѣ и продолжалъ свои отрицанія подъ пытками, въ которыхъ и погибъ.

V.

Тогда началось уголовное дѣло, возбуждившее страстное вниманіе Рима и всей Италіи и кажущееся намъ, на разстояніи трехъ вѣковъ, — романомъ. Весь Римъ оправдывалъ Лукрецію и Беатриче. Чудная красота молодой дѣвушки сдѣлала ее вскорѣ кумиромъ этого народа. Даже тѣ, которые считали ее отцеубійцею, одобряли ея поступокъ. Развѣ она не защищала своей чести? Къ несчастію, во время слѣдствія былъ арестованъ за какой-то неважный проступокъ тотъ самый брави, который убилъ Олимпіо. Этотъ негодяй снова оговорилъ обѣихъ женщинъ, и онѣ были подвергнуты тѣсному заключенію въ замкѣ св. Ангела. Процессъ продолжался крайне медленно. Сами судьи были увлечены красотой Беатриче и ея покорностью своей судьбѣ. Однако, по обычаю того времени, Беатриче была нѣсколько разъ подвергнута пыткамъ; она выдержала жестокія истязанія съ спокойствіемъ, достойнымъ первыхъ христіанскихъ мучениковъ; она постоянно отрицала свое соучастіе въ отцеубійствѣ. Не то было съ ея маціхою и братьями, которыхъ терзали ежедневно: они сознались во всемъ томъ, чего хотѣли судьи. Напрасно указывали Беатриче на признаніе ея семейства, она упорно продолжала свои отрицанія. Наконецъ, ей объявили однажды, что она будетъ подвергнута новой пыткѣ, для которой надлежало обрить ей голову. При этомъ извѣстіи Беатриче поблѣднѣла.

— Не прикасайтесь къ головѣ моей! — воскликнула она: — я хочу умереть не обезображенной!

И она погубила себя, чтобы спасти свои волосы!

Она созналась...

Какую достовѣрность могло имѣть это поистинѣ странное сознаніе, если принять во вниманіе причину, его вызвавшую? Могло ли оно имѣть значеніе въ глазахъ какихъ бы то ни было судей? Тѣмъ не менѣе, этого признанія, исторгнутаго, такъ сказать, у кокетства, было достаточно. Съ этой минуты процессъ пошелъ быстро, и всѣ четверо подсудимыхъ были приговорены къ смертной казни.

Такой приговоръ возбудилъ общее негодованіе. Какъ! этому прелестному созданію, едва достигшему шестнадцатилѣтняго воз-

роста и въ глазахъ многихъ совершенно невинному, отрубятъ голову топоромъ палача! Весь Римъ возмутился. Беатриче сдѣлалась предметомъ общаго обожанія. Ее сравнивали съ римлянками героическихъ временъ, которыхъ она затмевала своею красотою. Кардиналы, монашескія общины, римскіе вельможи, должностныя лица, патриціанки и др. осаждали Ватиканъ, умоляя о ея помилованіи; прошенія о переислѣдованіи ея процесса, сыпавшіяся со всѣхъ сторонъ, дошли до Климента VIII. Папа помиловалъ молодого Бернардино; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, повелѣлъ, чтобы казнь остальныхъ осужденныхъ была совершена какъ можно скорѣе и чтобы помилованный Бернардино присутствовалъ при казни своихъ родныхъ.

Климентъ VIII былъ доступенъ жалости и не прочь былъ помиловать несчастныхъ, но роковая судьба тяготѣла надъ бѣдной мученицей! Въ это самое время молодой маркизъ Санта-Кроче убилъ свою племянницу; дворянство продолжало свои злодѣянія. Необходимъ былъ примѣръ: папа принялъ строжайшія репрессивныя мѣры, и несчастной Беатриче было суждено пасть очистительною жертвою.

Казнь была назначена на 8-е сентября 1599 года, но такъ какъ въ этотъ день приходится праздникъ Рождества Богородицы, то набожная жертва вымолила отсрочку, чтобы, — какъ выразилась она, — «не было пролито крови въ день празднованія Пресвятой Дѣвы»; поэтому казнь была отложена на 9-е число. Эти сутки стоили года агоніи для Беатриче.

Наканунѣ, вечеромъ, въ келью ея вошелъ монахъ. Беатриче молилась; оглянувшись, она увидѣла, что монахъ стоитъ на колѣняхъ и плачетъ. Было темно. Монахъ съ трепетомъ приблизился къ ней и поцѣловалъ кандалы, надѣтые у нея на рукахъ и на ногахъ. Видя эти слезы, падавшія на цѣпи, Беатриче подняла глаза и узнала Гвидо Гверра. Возлюбленный ея съ нею! И такъ послѣдніе часы ея жизни озарить лучъ солнца.

Она залилась слезами и выговорила лишь одно слово: «Гвидо!» Гверра снова поцѣловалъ ея цѣпи и зарыдалъ; но, опасаясь, безъ сомнѣнія, своей слабости, убѣждалъ, не осмѣливаясь взглянуть на нее. Когда онъ ушелъ, Беатриче, выплакавъ послѣднія свои слезы, всецѣло предалась Богу. Она исповѣдалась, и спокойствіе воцарилось въ ея душѣ. Ее спросили, не желаетъ ли она увидѣться съ донной Лукреціей.

— О да, — отвѣчала она: — я постараюсь ее утѣшить!

Стража, присутствовавшая при свиданіи этихъ двухъ женщинъ, плакала.

Явился палачъ и приступилъ къ предсмертному туалету Беатриче. Когда онъ прикоснулся до ея волосъ, она мертвенно поблѣднѣла.

— Зачѣмъ вы хотите остричь ихъ? — спросила она.

Палачъ колебался.

— Таковъ обычай... для того, чтобы...

— Чтобы палачъ вѣрнѣе нанесъ ударъ. Понимаю! стригите скорѣе!

И ея густые, бѣлокурые волосы шелковистыми волнами упали къ ея ногамъ. Она ихъ подняла и поцѣловала. Это было послѣднимъ проблескомъ чувствъ женщины,—чувствъ, впрочемъ, весьма извинительныхъ: она насчитывала лишь шестнадцатую весну своего бытія!

Эти бѣлокурые волосы были ея славою; чтобы ихъ спасти, она погибла, а въ эту минуту они же спасали ее отъ жизни.

— Бѣдные, милые мои спутники! — произнесла она: — я надѣялась, что вы до конца не покинете меня!

И она бросила ихъ въ пылавшую жаровню.

VI.

Наступилъ часъ казни! Весь Римъ былъ на ногахъ; тысячи народа тѣснились по улицамъ, примыкавшимъ къ мосту св. Ангела.

Эти толпы, до глубины души тронутыя красотою женщины, приговоръ надъ которою признавали дѣломъ безчестнымъ, трепетали какъ одинъ человѣкъ, волнуясь вокругъ эшафота.

Кареты, биткомъ набитыя зрителями, опрокидывали пѣшеходовъ, которыхъ не могли сдерживать конные стражники. Жгучее солнце обливало своими лучами эту трепетную толпу. Осужденные вышли изъ башни Антониновъ. Передъ статуями святыхъ Петра и Павла воздвигнуть былъ смертный снарядъ—плаха съ топоромъ.

Беатриче и Лукреція пали ницъ предъ распятіемъ, завѣшеннымъ чернымъ крепомъ.

Твердымъ голосомъ Ченчи произнесла трогательныя слова:

— Ты грядешь во срѣтеніе намъ, Господи; прими же насъ съ тою любовью, съ которою мы идемъ къ Тебѣ!

Потомъ, желая ободрить своего брата, она указала ему на небо.

Лишь только Бернардино увидѣлъ, что палачи взяли его брата, какъ тотчасъ же упалъ въ жестокихъ конвульсіяхъ, и его унесли.

Джіакомо вытерпѣлъ невыносимыя истязанія: у него рвали мясо изъ груди щипцами; потомъ палачъ разможилъ ему голову, а тѣло его было разрублено на четыре части, въ глазахъ народа.

Затѣмъ, наступила очередь донны Лукреціи. Палачъ опрокинулъ ее навзничъ, и ей въ нѣсколько приемовъ перерѣзали горло. Ея раздирающіе крики и дѣлаемая ею усилія, чтобы прикрыть обнаженную грудь, вызвали невыразимое ожесточеніе въ народѣ. Въ одинъ мигъ смятеніе достигло крайней степени. Увидѣли Гверра

верхомъ, который во главѣ нѣсколькихъ брави, пытался добраться до эшафота. Взоры всѣхъ обращены были на Беатриче, послѣднюю жертву.

— Она спасена!—кричала толпа въ восторгѣ.

Отрядъ всадниковъ, приближавшійся изъ-за Тибра, увеличилъ давку. Беатриче была бы спасена, если бы по новой роковой случайности на избавителей, предводимыхъ Гверра, не рухнулъ балконъ, наполненный зрителями: брави разбѣжались... Смерть не хотѣла уступить своей жертвы.

Палачъ показалъ голову Лукреціи Петрони, а затѣмъ, завладевъ несчастной дѣвушкой, заставлявшей въ эту минуту биться всѣ сердца. Черезъ нѣсколько секундъ народъ могъ любоваться головою Беатриче Ченчи!

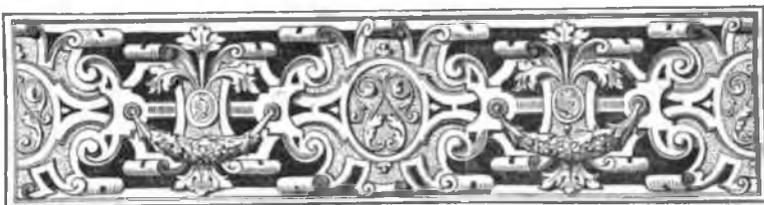
Тѣла обоихъ женщинъ до ночи были выставлены на мосту св. Ангела. Тѣло Беатриче было истребовано братьями милосердія и погребено подъ алтаремъ церкви святаго Петра въ Монторіо.

Завѣщаніе, составленное несчастной передъ казню, увеличило еще болѣе общее въ ней состраданіе: она распредѣлила часть своего имущества на приданое пятидесяти бѣднымъ дѣвицамъ и на служеніе обѣденъ за упокой ея души. Остальное имущество было конфисковано и впоследствии отдано фамиліи Барберини.

Завѣщаніе, помѣченное 27 числомъ августа 1599 года, начинается словами: «Я, Беатриче... думая, что должна умереть»... Она приписала къ нему нѣсколько строкъ до того дрожащей рукой, что иныхъ словъ почти невозможно разобрать. Этотъ историческій документъ былъ недавно найденъ у нотаріуса фамиліи Ченчи-Боргези.

Мы писали не романъ; мы только заимствовали у исторіи нѣсколько документовъ, касающихся этой мрачной трагедіи, искаженной въ преданіяхъ и на театрѣ. Великая страдальца нашла состраданіе. До сихъ поръ, три вѣка спустя, имя Беатриче Ченчи окружено ореоломъ благоговѣйнаго сочувствія у римскаго народа, выражающагося о ней съ энтузіазмомъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІА.

Учебникъ Исторіи. Профессора Александра Трачевскаго, съ указателемъ и хронологическою таблицю. Русская Исторія. Спб. 1885.

В ПЕРВОЙ строкѣ своего предисловія г. Трачевскій говорить: «составленіе учебника гораздо труднѣе сочиненія ученыхъ диссертаций». Съ такой непреложной истиной остается только согласиться, тѣмъ болѣе мнѣ, автору настоящей замѣтки, много лѣтъ преподававшему русскую исторію и вообще послужившему педагогическому дѣлу. Само собой понятно, что нельзя содать такого хорошаго руководства по тому или другому предмету, котораго не представилось бы необходимости болѣе или менѣе дополнять, ибо не напишешь всего, что можетъ передать живое слово, но для учителя имѣеть огромное значеніе вѣрный взглядъ автора учебника на науку, на ея значеніе въ развитіи юношескаго ума и его способность, такъ сказать, угадать, согласно степени умственнаго развитія учениковъ или ученицъ, способности передачи научныхъ истинъ. Всѣ эти условія, вмѣстѣ взятая, составляютъ неотъемлемые признаки хорошаго учебника и умѣнья учить дѣтей и юношей, умѣнья бесѣдовать съ ними. По нашему убѣжденію, талантливый дѣтскій рассказчикъ можетъ написать хорошій учебникъ исторіи, если только онъ знакомъ съ педагогическимъ дѣломъ, да и вообще умѣнье бесѣдовать съ дѣтьми необходимо для автора всякаго учебника. Мы уже не разъ имѣли случай высказывать на страницахъ «Историческаго Вѣстника», при разборахъ руководствъ и пособій по политической исторіи, что преподаваніе исторіи мы допускаемъ лишь въ двухъ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній и, разумѣется, съ значительнымъ количествомъ уроковъ, какъ предмета первой важности въ курсѣ русской школы. Въ этомъ во-

проще мы не сдѣлаемъ ни одного шага назадъ, будучи твердо увѣрены, что изученіе родной земли во всѣхъ отношеніяхъ имѣетъ огромное воспитательное значеніе. Съ упомянутой точки зрѣнія, т. е. признавая курсъ русской исторіи возможнымъ лишь для юношей, мы и будемъ смотрѣть на названный въ заголовкѣ нашей статьи трудъ г. Трачевскаго.

Мы какъ нельзя болѣе сочувственно относимся къ мысли почтеннаго профессора, освяательно проведенной въ его учебникѣ, связать нашу историческую жизнь съ жизнью всего человѣчества, а не ставить ее какимъ-то особеннымъ явленіемъ, оторваннымъ отъ исторіи другихъ обществъ, какъ обыкновенно составлялись до сей поры учебники по исторіи родной страны. Были какіе-то славяне, отъ нихъ пошли русскіе, и затѣмъ слѣдуетъ исторія Россіи. Г. Трачевскій не подгоняетъ историческихъ событій къ именамъ и лицамъ, отвергая такимъ образомъ пріемъ, столь обычный во всѣхъ прежнихъ учебникахъ. Если мы прослѣдимъ только рубрики, замѣченные авторомъ, то увидимъ, что взятая имъ на себя задача разрѣшается иначе, чѣмъ она разрѣшалась въ учебникахъ до настоящаго времени. У него встрѣчаемъ такіа рубрики: 1) первобытные европейцы; 2) аріицы; начало славянства; 3) южные и западные славяне; 4) восточные славяне; 5) сосѣди восточныхъ славянъ; а) монголы; б) литовцы и варяги; 7) византійская эпоха; 8) римско-католическій западъ и т. д. Изъ этого перечня можно легко понять, до какой степени авторъ даетъ значеніе той связи, которая должна неизбежно существовать между различными національностями, когда онѣ выступаютъ на историческое поприще. При такомъ изложеніи, ученику объясняются многія явленія нѣвъ отечественной исторіи, которыя иначе остаются нетронутыми и не приносящими знаний.

Вполнѣ раздѣляя существенные взгляды автора учебника на ходъ историческихъ событій въ русской землѣ, мы, по необходимости, должны ограничиться въ своихъ замѣчаніяхъ мелочными фактами.

«Въ мѣстахъ болѣе удобныхъ для общегитія,—говоритъ, между прочимъ, г. Трачевскій,—городища превратились въ города: вокругъ первоначальной крѣпости «кремля», «съ вѣжей» (башней), образовались «слободы», или постоянныя «мѣста», на которыхъ сидѣли мѣщане — люди, выдѣлившіеся изъ рода и соединенные не родствомъ, а ваятіями».

Сколько намъ извѣстно, то едва ли слово «городище» предшествовало слову «городъ», ибо названіе «городъ» всегда, въ самое первое время, относилось ко всякому укрѣпленному мѣсту, что вполнѣ согласно съ корнемъ слова «городъ» и со всѣми другими словами отъ этого корня происходящими: городить, городьба, огородъ. Затѣмъ слово «городище» до сей поры употребляется народомъ въ смыслѣ мѣста, гдѣ былъ городъ, какъ и другія слова въ подобномъ же смыслѣ: пепелище, пожарище, побоище и т. п. Въ настоящее время народъ иначе не называетъ кремля въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ только сохранился древній кремль, какъ городомъ. Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что городъ не составлялъ перехода отъ городища, и что городъ не есть отдѣльное понятіе отъ кремля, а означалъ самъ кремль; слободы же являются отдѣльнымъ поселеніемъ, образовавшимся около городова, что подтверждается настоящимъ значеніемъ слободъ, составляющихъ необходимую принадлежность всѣхъ нашихъ древнихъ городовъ.

Встрѣчаемъ, между прочимъ, и нѣкоторыя противорѣчія въ трудѣ почтеннаго автора, хотя не особенно рѣвкія, скорѣе недомолвки, чѣмъ проти-

ворѣчія, но, во всякомъ случаѣ, нежелательныя въ учебникѣ. «Добродушіе славянина, — читаемъ на стран. 14-й, — выравилось также въ попеченіи о родителяхъ и дѣтяхъ; оно же смягчало положеніе женщины, хотя она считалась существомъ безправнымъ, малолѣтнимъ». Черезъ нѣсколько строкъ читаемъ слѣдующее: «женщина пользовалась уваженіемъ, принимала участіе въ дѣлахъ и не сидѣла взаперти, а матерая вдова играла роль старшины». Надобно согласиться, что такое противорѣчіе можетъ остановить на себѣ вниманіе ученика, и вопросъ о положеніи женщины у древнихъ славянъ останется для него не яснымъ, не разрѣшеннымъ, тѣмъ болѣе, что далѣе онъ встрѣтитъ еще такую фразу: «славянки ходили въ походы вмѣстѣ съ ратниками и управляли государствомъ, какъ «вѣщія». Какимъ же образомъ славянка, при всѣхъ этихъ условіяхъ, столь рѣзко выдвигавшихъ личность женщины, могла считаться существомъ безправнымъ, малолѣтнимъ? Не можемъ согласиться и съ тѣмъ положеніемъ автора, что «Рюрикъ былъ не родовой старшина, а государь, великій князь. Намъ кажется, что такая рѣшительная постановка фразы можетъ ввести въ заблужденіе молодые умы и представить имъ дѣло не въ надлежащемъ свѣтѣ. Какъ понимать слово «государь?» Если въ смыслѣ державнаго объединителя земли, каковымъ наука историческая признаетъ Ивана III, то, конечно, таковымъ не былъ и никакъ не могъ быть Рюрикъ, являющійся не болѣе какъ только начальникомъ, княземъ воинственной дружины. Раздача имъ земель своимъ дружинникамъ, или мужамъ, никакъ не доказываетъ его державныхъ правъ на землю и жившихъ на ней славянъ. Раздача земель дружинникамъ составляла обычное явленіе въ исторической жизни варяговъ.

То или другое историческое явленіе только при томъ условіи продуктивно закрѣпится въ головѣ ученика, если ему сообщается значеніе, которое имѣло это историческое явленіе на судьбу общества или страны. Фактъ самъ по себѣ можетъ пройти совершенно безслѣдно для духовнаго развитія ученика; благотворнымъ для этого развитія онъ дѣлается лишь при условіи объясненія его значенія и указанія всѣхъ послѣдствій, изъ него истекшихъ для общества. На этомъ основаніи, по нашему крайнему разумѣнію, слѣдовало бы высказать, при описаніи факта убійства, при Владимирѣ, первыхъ нашихъ мучениковъ христіанскихъ, Феодора и Іоанна, что подобное стойкое убѣжденіе въ святости христіанской религіи, запечатлѣнное смертью, не могло пройти безслѣдно для духовнаго развитія язычникомъ, ибо ничто такъ сильно не вліяетъ на массу, какъ смерть за дорогія челоуѣку убѣжденія. Такія объясненія много подвигаютъ юные умы по пути развитія. Въ сожалѣнію, г. Трачевскій не только въ данномъ случаѣ, но и во всемъ учебникѣ не проводитъ упомянутыхъ объясненій; между тѣмъ учительскій опытъ доказываетъ, что изъ числа учениковъ только очень немногіе, можетъ быть, двое въ цѣломъ классѣ, надѣленные особенно богатыми способностями и задатками, сами придуть къ выводамъ, освѣщающимъ или цѣлую эпоху, или рядъ многозначительныхъ фактовъ; большинство же непремѣнно требуетъ помощи какъ со стороны учителя, такъ и со стороны учебника. Дайте толчокъ умственной слѣзѣ, до вашего толчка остававшейся въ покоѣ, и голова ученика начнетъ работать. Мы твердо увѣрены, что многіе юноши оставляли бы школьную скамью съ несравненно большимъ пониманіемъ историческихъ событій, если бы имъ давали подобныя объясненія. Былъ бы данъ толчокъ, а дальнѣйшій умственный ростъ ученика пойдетъ самъ собой.

Въ главѣ «Письменность и народная поэзія» авторъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что «пословицы наиболѣе развиты и важны, какъ первобытная народная мудрость. Древнѣйшія изъ нихъ языческія, частью со всѣмъ непонятныя: въ нихъ отражаются звѣроловство, пастушество и родовая бытъ». Думаемъ, что въ учебникѣ никакъ не должны быть допускаемы голословныя фразы. Подчеркнутыя нами слова такъ и просятъ объясненія, дополненія, примѣра. Иначе фраза не оставитъ по себѣ слѣда, исчезнувъ изъ памяти учениковъ. Не знаю, какія языческія пословицы г. Трачевскій относитъ къ непонятнымъ, но, напримѣръ, ясна ли для пониманія такая пословица и содалась ли она въ языческое время: «въ лѣсу родились, прѣямъ молились?»—употребляется она и въ другой формѣ: «не въ лѣсу родились, не прѣямъ молились». Понятна она совершенно: въ ней вспоминается дикое время язычества, но содалась она, конечно, не во время язычества, а вскорѣ послѣ него, какъ равнымъ образомъ содалась поговорка: «взялъ боженьку за ноженьки, да о пользѣ». Но какія же чисто языческія? Въ пѣсняхъ дѣйствительно встрѣчаются прямыя указанія на языческія обряды и гаданія, какъ, напримѣръ, въ извѣстной пѣснѣ о закланіи возла на горѣ для принесенія его въ жертву и въ подблюдной пѣснѣ, въ которой воспѣвается благополучіе царю и царству, съ припѣвомъ «слава!».

Образованіе, или историческій ходъ развитія, сословій въ древней Руси объяснено въ учебникѣ г. Трачевскаго совершенно ясно и согласно съ исторической правдой. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что дружина должна была окончательно потерять возможность образовать изъ себя особое аристократическое сословіе. «Это зависѣло отъ двухъ причинъ: 1) дружина стала какъ бы коленая, вслѣдствіе частыхъ переходовъ князей со стола на столъ; да еще она получила право отъѣзжать, переходить отъ одного князя къ другому. Князья наперерывъ другъ передъ другомъ старались переманивать ее къ себѣ, нуждаясь въ ней при непрерывныхъ усобицахъ. Переходя съ мѣста на мѣсто, дружина нигдѣ не могла утвердиться и обзавестись большими земельными владѣніями».

Все это вполне согласно съ исторической правдой, какъ нельзя болѣе вѣрно и ясно все дальнѣйшее изложеніе автора по упомянутому вопросу, въ которомъ мы приходимъ къ очень неотраднымъ результатамъ. Постепенно дружина, переродившись въ боярство, сливалась до холопства.

Мы совершенно понимаемъ, что почтенный авторъ разсматриваемаго нами учебника не долженъ былъ выходить изъ извѣстныхъ предѣловъ по отношенію его объема, но, всетаки, не можемъ не замѣтить, что многія главы, хотя очень немногія, представляютъ, такъ сказать, выводы изъ науки, безъ изложенія самыхъ фактовъ. Къ такимъ главамъ относимъ помѣщенную подлѣ § 68 — «Просвѣщеніе Запада». Подобное изложеніе мы допускаемъ лишь при томъ условіи, если одновременно съ русской исторіею проходитъ всеобщая и проходитъ вполне толково. Замѣчаніе наше съ педагогической точки зрѣнія очень важно: безъ опоры на фактическія основательныя знанія ученикъ можетъ лишь заучивать упомянутые выводы, безъ малѣйшаго пониманія ихъ.

Ясныхъ, живыхъ, вѣрныхъ исторій главъ немало въ книгѣ г. Трачевскаго. Съ особеннымъ удовольствіемъ мы остановились на главѣ: «Нравы, понятія, просвѣщеніе». Если учебникъ г. Трачевскаго попадетъ въ руки дѣльнаго учителя, то онъ послужитъ для него прекраснымъ конспектомъ,

по которому такъ легко вести преподаваніе, т. е. дополнять данныя учебника болѣе подробными свѣдѣніями, ибо не можетъ быть такого учебника, который сказалъ бы послѣднее слово. По нашему мнѣнію, тѣмъ лучше всякое руководство, чѣмъ лучшимъ конспектомъ оно является, какъ для учителя, такъ и для учениковъ.

Въ отдѣльныхъ главахъ авторъ говоритъ о значеніи пройденнаго періода, такъ сказать, дѣлаетъ выводы изъ всего пройденнаго. Въ одной изъ такихъ главъ, говоря о стремленіи Руси къ политической сплоченности, авторъ, между прочимъ, выражается: «къ концу періода самодержавіе уже установилось въ Москвѣ; самодержавію оставалось подавить самыхъ ничтожныхъ противниковъ и выработать лишь нѣкоторыя мелочныя формы. Тогда же земельное и народное сплоченіе приобрѣло особенную силу: явился терминъ — собраніе Русской земли. Слѣдовательно это была уже народная потребность, а не темный инстинктъ, въ видѣ каприза или алчности князей». Выраженіе «народная потребность» какъ нельзя болѣе ясно, отчетливо рисуетъ характеръ эпохи, что необыкновенно важно по отношенію отчетливаго и яснаго усвоенія учениками представленія о ходѣ развитія самодержавной власти въ русской исторіи. Вообще замѣтимъ, что сосредоточеніе державной власти въ однихъ рукахъ, необходимое, изъ самой исторической жизни вытекавшее стремленіе народа къ объединенію государства—проведены г. Трачевскимъ совершенно ясно и для учениковъ совершенно понятно, что тѣмъ болѣе отрадно, что упомянутый вопросъ объ объединеніи государства и сосредоточеніи власти въ однихъ рукахъ составляетъ существеннѣйшій, важнѣйшій вопросъ, такъ сказать, задачу нашей древней исторіи.

Вѣрнее взглядъ автора учебника на значеніе ересей въ нашей исторической жизни въ томъ отношеніи, что ереси были первыми проблесками работы ума русскихъ людей, что мною, авторомъ настоящей замѣтки, было уже высказано на страницахъ «Историческаго Вѣстника». Г. Трачевскій говоритъ, что, напримѣръ, «жидовство, бывшее отчасти развитіемъ строгольничьяго ученія, затронуло всѣ лучшіе умы, вызвало горячую борьбу и приобрѣло даже политическое значеніе, когда перешло въ Москву; оно привело къ сознанію потребности въ умственныхъ и нравственныхъ преобразованіяхъ».

Церковный соборъ 1551 года, извѣстный подъ именемъ Стоглаваго, по смыслу наложенія г. Трачевскаго, получилъ оффиціальное значеніе, т. е. постановленія его сдѣлались обязательными. Но, сколько извѣстно, протоколы этого собора не сохранились и обязательной силы его постановленія не получили.

Трудно, принимая въ соображеніе границы, опредѣляющія объемъ нашей статьи, разсматривать книгу г. Трачевскаго на столько подробно, на сколько она заслуживаетъ, но, всетаки, мы не можемъ не упомянуть объ одномъ взглядѣ автора, имѣющемъ, по своей правдѣ, немалое педагогическое значеніе, именно педагогическое, ибо такіе взгляды влияют не только на умственную, но и нравственную природу юношества. «Что ни дѣлалъ Борисъ, чтобы снискать любовь и довѣріе народа, — говоритъ авторъ, — народъ считалъ его злодѣемъ и чародѣемъ. Правда, невѣжественная тогда не могла понимать этого нарушителя ея вѣковыхъ предразсудковъ, какъ позже она не понимала Петра Великаго. Но у народа есть нравственное чутье: онъ благоговѣлъ передъ Петромъ за величіе его души и чуялъ, что въ лицѣ

Годунова исторія поставила предъ нимъ мелкаго и лживаго честолюбца, способнаго на ехидныя злодѣянія, къ которымъ подталкивало его Смутное время, когда на московскомъ престолѣ угасалъ родъ Рюрика. Народъ видѣлъ, что у этого выскочки не было великодушнаго генія, чтобы основать царственное значеніе своей семьи на правдѣ, на самоотверженной преданности общественному дѣлу. Годуновъ былъ интриганомъ и эгоистомъ, когда пресмыкался у престола; онъ остался такимъ, когда овладѣлъ имъ. Въ этомъ смыслѣ онъ былъ потомокъ смѣтливаго татарина, а не предшественникъ Петра Великаго. Такой вѣрный взглядъ на личность Годунова даетъ богатѣйшій матеріалъ всякому учителю для классныхъ бесѣдъ. По поводу вышеприведенныхъ строкъ дѣльный преподаватель имѣетъ возможность высказать своимъ ученикамъ много полезнаго о народѣ, о вѣчной правдѣ, подпирать которую безнаказанно невозможно.

Трудъ г. Трачевскаго слишкомъ великъ, для того, чтобы мы могли прослѣдить его до конца. Намъ остается только спросить, въ какой степени онъ удовлетворяетъ выше поставленнымъ нами требованіямъ хорошаго учебника, т. е. чтобы авторъ учебника имѣлъ вѣрный взглядъ на науку, на ея значеніе въ развитіи юношескаго ума и обладалъ бы способностью, такъ сказать, угадывать, согласно степени умственнаго развитія учениковъ или ученицъ, способы передачи научныхъ истинъ?

Авторъ разсматриваемаго нами учебника ближе, чѣмъ всѣ другіе составители учебниковъ по отечественной исторіи, подошелъ къ упомянутымъ требованіямъ. Лучшаго учебника мы не можемъ указать въ нашей учебной литературѣ, какъ трудъ г. Трачевскаго, внесшаго живую струю въ школьный курсъ. Важное дѣло эта живая струя въ такой наукѣ, которая говоритъ о жизни и самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Много интереснаго книга г. Трачевскаго представляетъ и въ новой русской исторіи, т. е. со времени Петра, но, къ сожалѣнію, мы должны оставить этотъ отдѣлъ безъ разсмотрѣнія.

И. В.— въ.

Мееодіевскій юбилейный сборникъ, изданный Варшавскимъ университетомъ, подъ редакцію А. Вудиловича. Варшава. 1885.

Чествованіе тысячелѣтней годовщины со дня кончины св. Мееодія породило цѣлую литературу, относящуюся къ этому событію. Появилось много брошюръ, большею частью, жизнеописаній солунскихъ братьевъ съ оцѣнкою ихъ значенія для славянства и, въ особенности, для Россіи. Это было повтореніе подобнаго же явленія, какое было въ 1863 году, когда чествовалась память другаго брата святителя и, какъ всякое повтореніе, было, конечно, слабѣе. Двадцать лѣтъ тому назадъ Погодинъ издалъ, по порученію московскаго Общества любителей русской словесности, «Кирилло-Мееодійскій сборникъ въ память о совершившемся тысячелѣтніи славянскаго письменности и христіанства въ Россіи». Положимъ, праздновать тысячелѣтіе христіанства въ Россіи въ то время было еще преждевременно, но сборникъ вышелъ все-таки объемистый, замѣчательный. Въ немъ были статьи Гильфердинга, И. С. Аксакова, Буслаева, Погодина, Горскаго, Невоструева, В. И. Григоровича, Викторова, Филарета, архіепископа черниговскаго, Бессонова, Соболевскаго,

Арсеньева,—древніе и новѣйшіе матеріалы. Кромѣ сборника, вышло еще до 60-ти брошюръ и статей. Теперь ихъ появилось до 20-ти и ни Москва, ни Петербургъ не подумали издать никакого сборника. Эту обязанность приняла на себя Варшава. Въ Петербургѣ, правда, славянское Общество увѣнчало по конкурсу три «житія» первоучителей, но въ этихъ тощихъ брошюркахъ больше легендарныхъ чудесъ, чѣмъ исторической правды, и лучшими живеописаніями святителей являются, всетаки, ничѣмъ не увѣнчанныя частныя наданія: г. Горожянскаго въ Москвѣ, архіепископа Филарета, Родника, Копьева и др. въ Петербургѣ, написанныя просто, понятно, безъ примѣси невѣроятныхъ и чудесныхъ событій, не подтвержденныхъ исторіею. Но Варшавскому университету мы должны быть благодарны за то, что въ память первоучителей онъ издалъ серьезный сборникъ серьезныхъ ученыхъ, не подвизавшихся въ восточномъ краснорѣчій, самоиждѣній, пустой полемикѣ или въ восхваленіи властныхъ лицъ. Целью сказать, чтобы въ статьяхъ шести варшавскихъ ученыхъ, вошедшихъ въ составъ «Мееодіевскаго сборника», не встрѣчалось разногласія и даже противорѣчія во взглядахъ, въ этомъ сознается и редакторъ сборника, объясняя эти разногласія недостаткомъ времени для объясненія между авторами, такъ какъ сборникъ начался печатаніемъ за два мѣсяца до юбилейнаго срока. Но самыя противорѣчія ихъ основаны на научныхъ данныхъ, а не на какихъ нибудь личныхъ видахъ. Ни одинъ варшавскій ученый не подумалъ приравнивать подвигъ созданія славянской письменности солунскими братьями со введеніемъ обученія славянскому языку въ церковно-приходскія школы, какъ это сдѣлалъ одинъ петербургскій мнимоученый, восторгающійся тѣмъ, что теперь языкъ Кирилла и Мееодія будетъ языкомъ русскаго народа. Мнимоученый забылъ только одно обстоятельство, что языкъ, на который солунцы переводили священное писаніе, былъ въ то время общенароднымъ языкомъ всѣхъ славянъ, а теперь для русскаго человѣка будетъ, всетаки, языкомъ малопонятнымъ, мертвымъ, которому еще надо учиться отдѣльно отъ языка русскаго, когда и этого-то дается съ такимъ трудомъ...

Главная и лучшая статья сборника принадлежитъ профессору Будиловичу. Она носитъ заглавіе «Нѣсколько мыслей о греко-славянскомъ характерѣ дѣятельности Кирилла и Мееодія». Подъ скромнымъ названіемъ статья представляетъ полную картину подвига солунскихъ братьевъ; она говоритъ сначала о мѣстѣ ихъ рожденія, потомъ о Цареградѣ и Ольмуцѣ, гдѣ протекли первые годы ихъ духовной дѣятельности. Подробно изложены отношенія ихъ къ патриарху Фотію, потомъ три миссіи: сарацинская, казарская и моравская, наконецъ, поѣздка въ Римъ и паннонско-моравская архіепископія. Между этими стадіями жизни первоучителей особенное и самое важное мѣсто занимаютъ составленіе славянской азбуки и переводъ священныхъ книгъ, разсказанные въ особой главѣ. Г. Будиловичъ признаетъ довольно высокой уровень умственного, нравственнаго и общественнаго развитія славянъ доисторическаго періода, т. е. до IX вѣка, изобразившихъ звуки своего языка греческими или даже латинскими буквами до составленія кириллицы. Глаголица изобрѣтена гораздо позже и основана на латинскомъ курсивѣ, а не на греческомъ, какъ это утверждалъ г. Ягичъ. Вообще всѣ положенія автора подтверждаются такими всѣми аргументами, что спорить противъ нихъ невозможно, не смотря на то, что при изслѣдованіи темныхъ документовъ отдаленной эпохи надо соблюдать чрезвычайную осторожность, а иначе можно

принять Аeonъ за Олимпъ или дойти до отрицанія заключенія Меоодія въ швабскую темницу, какъ сдѣлалъ это г. Бильбасовъ въ своемъ изслѣдованіи. — Вторая еще болѣе обширная статья сборника принадлежитъ г. Первольфу и называется «Словѣнскій языкъ и его судьбы у народовъ славянскихъ». Г. Первольфъ несомнѣнно знатокъ своего предмета, что не мѣшаетъ ему, однакоже, какъ и многимъ изъ его ученыхъ собратьевъ — оригинальничать, или, какъ у насъ говорится, мудрить безъ всякой нужды. Для чего ему понадобилось у народовъ славянскихъ отыскивать языкъ словѣнскій, съ ятемъ?—это понять мудрено. «Знаемъ,—говоритъ онъ самъ,—что словѣнскій и славянскій собственно одно и то же, но предпочитаемъ называть языкъ подунайскихъ словѣнъ — словѣнскимъ, по примѣру древнѣйшихъ писателей». Но это-то предпочтеніе и дѣлаетъ то, что чтеніе статей г. Первольфа затруднительно. Вѣдь онъ писатель не древнѣйшій и не словѣнскій, а русскій, да и читатели его тоже. Вѣдь древніе писали съ ятемъ и врѣмя, и дрѣво, и млѣко, и срѣда, и брѣгъ — почему же г. Первольфъ не держится этого правописанія? Такое оригинальничанье не мѣшаетъ, впрочемъ, интересу его статьи, заключающей въ себѣ много любопытныхъ свѣдѣній о славянскихъ нарѣчіяхъ, или, какъ ихъ называетъ авторъ, «наводахъ»: чешскомъ, хорватскомъ, сербскомъ, болгарскомъ и др. Г. Лавровскій помѣстилъ въ сборникъ статью «Кириллъ и Меоодій и начало христіанства въ Россіи». Авторъ допускаетъ также значительное умственное развитіе славянъ до эпохи крещенія ихъ, иначе нельзя объяснить себѣ появленіе, черезъ какую нибудь полсотню лѣтъ послѣ введенія христіанства, такихъ замѣчательно выдержанныхъ литературныхъ произведеній, какъ слово Иларіона, проповѣди Кирилла Туровскаго, Слово о полку Игоревѣ. Г. Кулаковскій помѣстилъ любопытный «Очеркъ исторіи попытокъ рѣшенія вопроса о единомъ литературномъ языкѣ у славянъ». Попытки эти, начиная съ хорватскаго ксендза Крижанича, сосланнаго Тишайшимъ царемъ въ Тобольскъ, гдѣ онъ томился 15 лѣтъ, и оканчивая опытомъ смѣшенія нарѣчій, предложеннымъ словакомъ Герзелемъ и словенцемъ Маяромъ, какъ извѣстно, окончились неудачно. Е. Я. Гротъ напечаталъ «Взглядъ на подвигъ славянскихъ первоучителей съ точки зрѣнія ихъ греческаго происхожденія». Наконецъ, г. Зигель опредѣлилъ въ своей статьѣ «общественное значеніе дѣятельности Кирилла и Меоодія». Всѣ эти изслѣдованія вносятъ вполне серьезный и цѣнный вкладъ въ разработку вопросовъ, относящихся къ исторіи нашихъ великихъ первоучителей.

В. З.

Титъ Ливій. Критическое изслѣдованіе Тена. Переводъ съ французскаго А. Иванова и Е. Щепкина. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва, 1885.

Нѣмцы по классической филологіи, какъ и по всякой другой филологіи, безспорно, — первый народъ, хотя по уставу сѣверно-нѣмецкихъ университетовъ будущій ориенталистъ, романистъ, ассириологъ или германистъ вовсе не обязанъ слушать курсы или сдавать экзаменъ изъ классиковъ: свѣдѣнія, выказанныя имъ на испытаніи зрѣлости, служатъ достаточною гарантіей его подготовки по древнимъ языкамъ. Не такъ поставлено дѣло во Франціи.

Французскій университетъ отличается замѣчательнымъ (въ особенности, въ такомъ подвижномъ и живомъ народѣ) консерватизмомъ, и до сихъ поръ тамъ нельзя получить высшей ученой степени по какой бы то ни было отрасли филологій или исторіи (*doctor ès lettres*), не представивъ, одновременно съ французской диссертациею по выбранной специальности, диссертацию латинской, преимущественно по филологіи или исторіи классической. Нѣтъ сомнѣнія, что эти обязательныя диссертации приносятъ нѣкоторую пользу наукѣ, но въ общемъ этотъ устарѣлый порядокъ приноситъ больше вреда, нежели пользы: съ одной стороны, много людей, недостойныхъ даже учительской, не говоря уже про университетскую, кафедры, кое-какъ, формально исполнивши всѣ требованія, получаютъ мѣста въ провинціальныхъ факультетахъ, а съ другой—случается, что много выдающихся ученыхъ по разнымъ специальностямъ, которые, не желая посвящать свой трудъ дѣлу, имъ не симпатичному, остаются безъ высшей ученой степени и преподаютъ только въ новыхъ, либеральныхъ учрежденіяхъ, въ родѣ *École des hautes études* и различныхъ институтахъ, тогда какъ студенты факультетовъ обязаны слушать, напримѣръ, хоть исторію отечественной литературы у полуневѣждъ, признающихъ только «блестящій вѣкъ Людовика XIV».

Но предлагаемая русскимъ читателямъ книга Тэна вовсе не нѣтъ тѣхъ *scriptorum, quibus... causa officium erant*, вовсе не одна изъ выпущенныхъ уставомъ диссертациій; это—свободный трудъ одного изъ даровитѣйшихъ (если не самого даровитаго) изъ современныхъ критиковъ и историковъ Франціи, результатъ не скажу долголѣтняго, но во всякомъ случаѣ основательнаго изученія популярнѣйшимъ изъ нынѣ живущихъ историковъ Франціи популярнѣйшаго историка Рима и вмѣстѣ съ тѣмъ показателъ того, какъ Тэнъ подготавливается на этомъ изученіи къ своимъ знаменитымъ трудамъ по новѣйшей исторіи и исторіи литературы. Эта книга интересна не только для того, кто хочетъ лучше познакомиться съ Ливіемъ, но и для того, кто, вовсе не интересуясь Ливіемъ, интересуется самимъ Тэномъ: особенностями его критическаго метода и его, такъ сказать, историческими убѣжденіями.

Книга Тэна состоитъ изъ введенія, десяти главъ и заключенія. Введеніе включаетъ въ себѣ біографію и блестяще-написанную характеристику Ливія, прирожденнаго оратора, который сдѣлался историкомъ, чтобы остаться ораторомъ, и краткій очеркъ литературныхъ идей и приемовъ въ эпоху Августа. Въ 1-ой главѣ авторъ опредѣляетъ, что такое историческая критика; 2-ая глава говоритъ о Титѣ Ливіи, какъ объ историческомъ критикѣ; въ Ливіи, какъ критикѣ, авторъ находитъ всѣ достоинства и всѣ недостатки талантливаго и честнаго оратора лучшихъ временъ Рима: онъ добросовѣстно указываетъ на свои источники, старается согласить ихъ и отличить ложь отъ истины; онъ остороженъ и искрененъ въ своихъ выводахъ; онъ стоитъ за правду и человѣколюбіе. Но онъ не ученый: проявляетъ только склонность, а не страсть къ абсолютной истинѣ, лишень антиварнаго вкуса и потому предпочитаетъ пособія источникамъ, не умѣетъ всматриваться въ послѣдніе и не въ состояніи цѣнить ихъ многосодержательность и правдивость. Онъ на все смотритъ съ точки зрѣнія римскаго патриція, а истинныя оратора въ немъ до того слабы, что онъ не въ состояніи отрѣшиться отъ современныхъ ему взглядовъ, вносить ихъ въ древнѣйшія времена Рима, и Тулліа Гостилліа заставляетъ говорить такимъ образомъ, будто онъ учился въ риторской школѣ; напротивъ того, истинныя ученаго въ немъ такъ

слабы, что онъ пропускаетъ безъ вниманія интереснѣйшіе документы, свидѣтельствующіе о важномъ шагѣ въ исторіи развитія его народа, несравненно больше интересуется исторіей Виргиніи, нежели характеромъ новаго законодательства, не выказываетъ желанія познакомиться съ географіей тѣхъ странъ, исторію которыхъ принужденъ внести въ исторію Рима и т. д. 3-я глава посвящена разбору двухъ критиковъ Ливія: француза Вофора (1738), который разрушаетъ, не строя, и знаменитаго Нибура, который разрушаетъ, чтобы строить; здѣсь, на стр. 119, находится превосходная характеристика хорошихъ и дурныхъ сторонъ нѣмецкой науки и способа изложенія нѣмецкихъ научныхъ сочиненій. 4-я глава, носящая заглавіе «философія исторіи», вмѣстѣ съ 7-ой главой (или 1-ой главой 2-ой части) «объ искусствѣхъ въ исторіи» важнѣе всѣхъ другихъ для характеристики самого Тэна, такъ какъ въ нихъ знаменитый авторъ книги «Les origines de la France contemporaine» высказываетъ свои собственные взгляды на то, какъ надо относиться къ собранному матеріалу и какъ излагать добытые результаты; выписокъ дѣлать изъ нихъ невозможно, — ихъ пришлось бы выписать цѣликомъ. Въ гл. 5-й Тэнъ извлекаетъ изъ рѣчей Ливія его философію исторіи; въ 6-й говоритъ о томъ, какъ понимали эту сторону своей задачи два историка новаго времени: Макиавелли и Монтескье. 8-я гл. (или 2-я гл. 2-ой части) «характеры у Ливія» обширнѣе всѣхъ и богаче фактическимъ содержаніемъ; она больше всего даетъ для пониманія интереснѣйшихъ эпизодовъ Ливія. 9-я гл. говоритъ о повѣствованіи у Ливія и его рѣчахъ, 10-я — о стилѣ его. Въ «Заключеніи» Тэнъ сводитъ во едино все, что было имъ говорено о достоинствахъ и недостаткахъ Ливія, какъ историка, и сравниваетъ его съ лучшими историками древности и новаго времени. Русскій читатель послѣдняго отдѣла непременно вспомнитъ извѣстную статью Грановскаго «Понятіе объ исторіи въ древнемъ и новомъ мірѣ» и, вспомнивши, еще яснѣе уразумѣетъ, отчего имя Грановскаго, оставившаго послѣ себя только два небольшіе тома сочиненій, такъ ярко сіяетъ въ исторіи русскаго просвѣщенія: умъ Тэна, безспорно; его понятіе объ исторіи, благодаря новѣйшимъ трудамъ, полнѣе и научнѣе, нежели понятіе незабвеннаго Тимоея Николаевича; но ходъ мыслей Грановскаго сильнѣе, энергичнѣе; онъ, какъ говорится, забираетъ глубже и выражается проще, яснѣе, красивѣе, иначе сказать, классичнѣе. Не даромъ его рѣчь помѣщается въ хрестоматіяхъ, какъ образецъ для разсужденія: трудно во всей литературѣ нынѣшняго столѣтія найти статью, гдѣ такъ много и хорошо сказано на небольшомъ пространствѣ.

Переведена книга Тэна прекрасно; добросовѣстные переводчики снабдили ее довольно многочисленными примѣчаніями, въ которыхъ они дополняютъ автора, а иногда (напр., на стр. 29 и др.) и исправляютъ его недосмотры. Нельзя не поблагодарить г. Солдатенкова, что онъ далъ средства на изданіе такой полезной и умной книги.

А. К.

Графъ Е. А. Салиасъ. Атаманъ Устя. Поволжская быль. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1885.

Даровитый авторъ трехъ лучшихъ русскихъ историческихъ романовъ: «Пугачевцы», «Петербургское дѣйство» и «На Москвѣ», началъ свое литературное поприще менѣе значительными произведеніями, не лишеными, однако,

интереса. Одно изъ этихъ произведеній, появившись первоначально въ периодическомъ изданіи, вышло теперь отдѣльною книгою и прочтется, конечно, съ любопытствомъ. Основаніе этой поволжской были также историческое, и если авторъ придалъ ему романтическую окраску, то остался вѣренъ преданію въ главныхъ чертахъ своего разсказа. А преданіе это чрезвычайно своеобразно и полно драматизма. При впаденіи въ Волгу рѣчки Еруслана, котловина между двухъ холмовъ, на краю каменистаго обрыва, носитъ названіе Устина Яра. Тамъ, въ половинѣ прошлаго столѣтія, при Елисаветѣ Петровнѣ, разбойничала шайка атамана Усти, дочери кабардинца и попали въ донской станицы. Она убила важнаго московскаго посланца въ станицу, за то, что онъ покушался на ея честь. Запертая въ острогъ, она сошлась тамъ съ разбойниками и, чтобы не подвергнуться позорной казни, бѣжала на Волгу въ платѣ казака. Вступивъ въ шайку разбойниковъ атамана Тараса, она сама сдѣлалась атаманомъ послѣ того, какъ Тараса четвертовали. О томъ, что она дѣвушка, въ шайкѣ зналъ только одинъ старикъ есаулъ Орликъ, влюбленный въ нее, да сынъ Тараса, Петрукъ, предавшій ее за то, что она не полюбила его. Но Устя влюбляется въ капрала роты солдатъ, посланной изъ Саратова, чтобы накрыть разбойниковъ въ ихъ притонѣ, и рѣшилась бѣжать съ нимъ изъ шайки. Одинъ изъ старыхъ разбойниковъ, подслушивавшій разговоръ любовниковъ, увѣряетъ, что капралъ оказался негодяемъ, что онъ задумалъ предать Устю, сказать въ городѣ, что нарочно отдался ей въ плѣнъ, чтобы она дала отвѣтъ на площади за убитыхъ солдатъ его роты. Тогда есаулъ, сначала соглашавшійся, чтобы Устя ушла со своимъ волюбленнымъ, убиваетъ его, какъ предателя. Тогда Устя приказываетъ вырыть могилу для застрѣленнаго капрала, но поглубже, сама опускаетъ тѣло въ могилу и убиваетъ себя на трупѣ. Ихъ зарываютъ вмѣстѣ, а есаулъ отдается самъ въ руки солдатъ, говорить, что онъ атаманъ Усти и его колесуютъ.

Такова канва этого романа, слишкомъ мелодраматическая, не совсѣмъ правдоподобная. Такіе шиллеровскіе типы разбойниковъ, какъ Тарасъ, есаулъ Орликъ, сама Устя, едва ли могли сложиться среди русскихъ людей, въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Авторъ выводитъ ихъ, правда, не изъ простой, а изъ болѣе образованной среды, — Орликъ у него даже дворянинъ, но кто же не знаетъ, какъ далеки были отъ всякаго рода геройскихъ поступковъ и возвышенныхъ чувствъ дворяне елисаветинскаго и даже повдѣйшаго времени. Такія лица могутъ быть допущены только какъ исключенія. Но остальные дѣйствующія лица романа нисколько не идеализированы. Это настоящая волжская голытьба, составленная изъ бѣглецовъ со всѣхъ краевъ широкой Россіи, потомки старинныхъ ушкуйниковъ и понизовой вольницы. И авторъ мастерски описываетъ эти чисто народныя сцены, какъ, напримѣръ, нападеніе на бѣлянгу купца Душкина, внизъ къ Астрахани. Явныя, какимъ говорятъ эти лица, хотя и не вездѣ выдержанъ, но доказываетъ близкое знакомство автора съ описываемою имъ эпохою, а занимательность фабулы поддерживается до послѣднихъ страницъ романа.

В. З.

А. Кочубинскій. 6-го апрѣля 885—1885 года. Добрый пастырь и добрая нива. Рѣчь, произнесенная въ юбилей св. Меѳодія въ торжественномъ собраніи императорскаго Новороссійскаго университета. Одесса. 1885.

Одесса не отстала отъ другихъ университетскихъ городовъ въ празднованіи памяти первоучителей, и для украшенія этого празднованія рѣчью выступилъ, какъ и слѣдовало ожидать, профессоръ славянскихъ нарѣчій, г. Кочубинскій. Онъ начинаетъ ее такими словами:

«Не только родной земли обыскивая старицу, но и перелистывая книгу жизни всей христіанской Европы, мы не найдемъ лицъ, болѣе величественныхъ, характеровъ, болѣе вовышенныхъ, чѣмъ какъ эти были, по самоотверженной любви къ человѣку, по глубинѣ мысли и въ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ, и въ общей программѣ жизни, скромныя дѣти ослабѣвшагося византійскаго города Солуня, бѣлецъ Кириллъ и чернецъ Меѳодій».

Изобразивъ въ немногихъ чертахъ преданность нашихъ первоучителей дѣлу просвѣщенія славянства, авторъ ставитъ вопросъ — отвѣтомъ на него служить вся рѣчь его:—жили ли мы, русскіе, благотворными завѣтами святаго юбиляра?

Указавъ на результатъ дѣятельности Меѳодія въ землѣ Моравской, онъ намѣчаетъ послѣдующія бѣдствія моравской церкви, упоминаетъ о результатахъ переселенія Меѳодіевыхъ учениковъ на отдаленный югъ и останавливается на вопросѣ о движеніи другой толпы учениковъ того же первоучителя, по глухому выраженію сказанія, «инымъ путемъ».

Онъ предполагаетъ, что этотъ «иной путь» велъ на востокъ, къ русскимъ, издавна поселившимся въ предѣлахъ нынѣшней Венгріи, и въ Спшскомъ округѣ, на границѣ съ землей словаковъ указываетъ слѣды Меѳодіевой церкви.

Здѣсь не мѣсто останавливаться на трудномъ, но чрезвычайно важномъ вопросѣ о времени поселенія русскихъ въ Венгрію и неудобно разбирать обстоятельно доводы г. Кочубинскаго въ пользу того, что запросъ препоита церкви св. Мартина и отвѣтъ Сикста IV имѣютъ въ виду особенности церковнаго устройства, именно унаслѣдованныя отъ учениковъ Меѳодія. Мы ограничимся только заявленіемъ, что мысль почтеннаго слависта намъ представляется очень важною, но далеко не доказанною; что всякій непредубѣжденный читатель въ особенныхъ правахъ препоита Спшской церкви увидитъ только воспоминаніе о бывшей здѣсь епископской каедрѣ, которая могла основаться здѣсь много, много позднѣе учениковъ Меѳодія, и что на выраженіи *mitra auriphrygiata* нельзя строить ровно ничего: у меня нѣтъ въ настоящую минуту подъ руками Дюканжа, но и изъ словаря классической латыни явствуетъ, что *phrygiatus* употребляется Плиніемъ въ значеніи: вышитый. Такимъ образомъ г. Кочубинскій, повидимому, совершенно произвольно перевелъ *auriphrygiata*—золотая и восточнаго типа; надо перевести просто: золотомъ вышитая.

Затѣмъ авторъ приводитъ косвенное доказательство той же мысли, состоящее въ томъ, что въ тѣхъ же мѣстностяхъ, куда, какъ предполагаетъ онъ, завезли христіанство впервые ученики первоучителей, впоследствии съ готовностью было принято ученіе Гуса. Но и оно не особенно убѣдительно: гуситство было принято и во многихъ мѣстахъ, исконно обращенныхъ миссіонерами римскими.

Развивая свою мысль далѣе, г. Кочубинскій предполагаетъ, что и въ Кіевскую Русь христіанство могло проникнуть задолго до Владиміра отъ тѣхъ же учениковъ Меодія, пошедшихъ «инымъ путемъ». Въ сожалѣнію, видѣсь онъ долженъ довольствоваться одними внутренними основаціями: раннимъ упроченіемъ христіанскаго міровоззрѣнія и нашимъ самостоятельнымъ отношеніемъ къ Византіи, самое рѣзкое проявленіе котораго состояло въ избраніи Иллариона митрополитомъ, въ 1051 году. Авторъ очень искусно подбираетъ и группируетъ факты, осязательно доказывающіе, что въ XI—XII вѣкахъ между молодой русской церковью и церковью греческой было не вѣстнаго рода соперничество, что церковь русская отличалась гуманностью, вѣротерпимостью (не безъ исключеній) и глубоко-отраднымъ патриотизмомъ, уваженіемъ къ родной старинѣ. Онъ разбираетъ Илларионово Слово и Похвалу кагана Владиміру, Якова Мнѣха, Нестора, Предсловіе Покаянно и указываетъ слѣды того же духа кротости даже до борьбы съ жиждовствующими.

Въ частностяхъ не вездѣ можно согласиться съ авторомъ (такъ, напр., въ выраженіи Иллариона: прослуша странахъ многихъ и проч., нельзя безъ большой натяжки видѣть отавуку «богатырской былины»; тѣмъ болѣе—самъ же г. Кочубинскій говоритъ, что страна значитъ иновемный народъ), но въ цѣломъ получается очень отрадный выводъ. Въ сожалѣнію, все это мало свидѣтельствуетъ въ пользу непосредственнаго вліанія Меодіевыхъ учениковъ на нашихъ кіевскихъ предковъ и можетъ быть объяснено совершенно иначе. Но мысль г. Кочубинскаго не терпитъ отъ этого ни своего интереса, ни цѣны: въ послѣдствіи могутъ быть найдены прямыя доказательства и легко увеличить силу косвенныхъ доводовъ.

Свой трудъ не обширный, но довольно цѣнный, г. Кочубинскій заключаетъ патристическимъ выводомъ: мы, нелукавыя ученики основателей церкви національнаго типа, мы и въ новый періодъ нашей исторіи продолжаемъ ихъ дѣятельность, освобождая славявъ отъ иновемнаго ига, мы—добрая нива, не оноворявшая добраго пастыря.

Въ сожалѣнію, брошюра г. Кочубинскаго, не бѣдная содержаніемъ, проникнутая свѣтлымъ чувствомъ, вполне подходящимъ къ вызвавшему ее случаю, написана чересчуръ оригинальнымъ, шероховатымъ, неискусно сбивающимся на старорусскую рѣчь языкомъ, о чемъ читатели могутъ судить и по вышеприведенному началу ея. На каждой страницѣ попадаются необычныя выраженія въ родѣ: металлическіе расчеты (23), задушевные интенсіи (38), руководительные взгляды со стороны, препоручавшіе иные приемы (29), мощь длани, упоющій эгоизмъ (46), будемъ глашатаи (45) и т. п. Къ чему столь нарочито высокой штиль, иногда до того трудный, что авторъ самъ находитъ нужнымъ комментировать свои слова (напр., на стр. 3)?

А. К.

Историческій комментарий къ сочиненіямъ Ф. М. Достоевскаго (сборникъ критики). Составилъ В. Зелинскій, съ портретомъ Достоевскаго. Часть первая. Москва. 1885.

Въ прошломъ году г. Зелинскій издалъ два тома «Собранія критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева». Книга имѣла успѣхъ; о ней отозвались съ похвалою всѣ органы періодической печати («Историч.

Вѣстн.», т. XVIII, стр. 796). Авторъ увидѣлъ изъ этого, что подобныя сборники далеко не лишніе для людей, изучающихъ литературу, и составилъ сводъ критическихъ отзывовъ о сочиненіяхъ Достоевскаго. Въ первой части своего труда г. Зелинскій помѣстилъ біографію писателя, оцѣнку его идей, таланта, направленія и вообще характеристику его литературной дѣятельности, затѣмъ разборъ романа «Вѣдныя люди» и 17-ти повѣстей. О четырехъ повѣстяхъ: «Маленькій герой», «Романъ въ девяти письмахъ», «Кроводилъ» и «Елка и свадьба» не сдѣлано вовсе никакого отзыва, хотя многіе изъ разобранныхъ рассказовъ заслуживали гораздо меньше оцѣнки, чѣмъ эти пропущенныя критикою пьесы. Вѣдь о такихъ повѣстяхъ, какъ «Ревнивый мужъ», «Чужая жена», «Честный воръ», «Вѣчный мужъ» и другіе не стояло и вовсе упоминать. Оцѣнкѣ каждой изъ нихъ посвящено, правда, не больше страницы, но и это лишнее. Достоевскому часто приходилось писать что нибудь и какъ нибудь, лишь бы заработать деньги, въ которыхъ онъ постоянно нуждался. Всему этому литературному баласту можно, пожалуй, дать мѣсто въ «Полномъ собраніи сочиненій», но критикѣ до нихъ нѣтъ никакого дѣла. А между тѣмъ разборъ ихъ занимаетъ 36 страницъ изъ 170, тогда какъ «Вѣднымъ людямъ» отведено 20 стр. Объ этомъ романѣ приведены отзывы Вѣлинскаго, Добролюбова, Анненкова, Булича, О. Миллера. Общую характеристику писателя представили тѣ же авторы, съ прибавкою гг. Михайловскаго, Л. Оболенскаго и критикъ «Вѣстника Европы», «Русскаго Богатства», «Московскихъ Вѣдомостей», «Русскаго Вѣстника», Вл. Соловьева, Страхова, доктора Чижа, разсматривавшаго Достоевскаго, какъ душевно-больнаго, и, наконецъ, К. Леонтьева, упрекавшаго писателя, что тотъ плохой христіанинъ. Въ критическихъ отзывахъ встрѣчаются, какъ, напр., у казанскаго профессора Булича, замѣчательныя страницы, рисующія общее положеніе страны, когда началъ работать Достоевскій, эти ужасныя сороковые года, когда наука и литературѣ «не было мѣста въ обществѣ, и китайская стѣна, поднимавшаяся на западной нашей границѣ, была высока и крѣпка», но, всетаки, кое-что высказывалось массѣ, которую «можно изуродовать, пустить по кривымъ путямъ, но она, всетаки, не заглухнетъ, не уснетъ во вѣки». Это было время въ Петербургѣ, — говоритъ другой профессоръ И. Т. Тарасовъ, — когда «подъ вліяніемъ сильнѣйшаго гнета, которому подвергалось всякое стремленіе къ самонаибольшей свободѣ, и подѣ вліяніемъ острой книгобоязни, которую одержимо было тогдашнее правительство, въ культурномъ классѣ общества образовались кружки, занимавшіеся рѣзкимъ осужденіемъ существующихъ порядковъ и борьбою со зломъ». За участіе въ кружкѣ Пугачевича, «на который донесъ агентъ III отдѣленія Антономли», Достоевскій былъ присужденъ къ смертной казни. вмѣстѣ съ нимъ подверглись драконовскому осужденію молодыя, начинающія силы той эпохи: поэты Дуровъ, Плещеевъ, романистъ Пальмъ и др. Смерть была замѣнена четырехлѣтней каторгой, которую писатель отбылъ безъ всякаго снисхожденія». Это было страданіе невыразимое, безконечное, какъ говорилъ онъ самъ. Да немногимъ лучше было ему потомъ и въ солдатахъ, когда ему запрещали читать и писать, а фельдфебели обращались съ нимъ жестоко. Всѣ обстоятельства его жизни довольно подробно рассказаны въ біографіи, составленной по статьямъ К. Арсеньева «Многострадальный писатель», Тарасова и др. Вообще сборникъ г. Зелинскаго представляетъ возможно-полную характеристику даровитаго романиста.

В. З.

Иллюстрированный спутникъ по Волгѣ, съ картою Волги (историко-статистическій очеркъ и справочный указатель), въ трехъ частяхъ, составилъ С. Монастырскій. Казань. 1884.

Трудъ г. Монастырскаго раздѣляется на три части, составляющія томъ въ 450 страницъ съ многими рисунками. Въ первой части представленъ краткій историческій очеркъ Поволжья, наложенный на основаніи данныхъ, заимствованныхъ у Каравина, Соловьева, Бостомарова, Перятятковича, Гадискаго, Клауса и друг. Авторъ рассматриваетъ нижегородскій періодъ на Волгѣ, борьбу Москвы съ Казанью, завоеваніе всего Поволжья, Смутное время на Руси, бунтъ Разина, Пугачевщину, колонизацію Поволжья послѣ разинскаго бунта, колонизацію его яковья. Въ этомъ отдѣлѣ новыхъ историческихъ данныхъ, сверхъ уже извѣстныхъ, не оказывается. Въ первой части помѣщено изображеніе Самары въ 1633 году, взятое съ рисунка Олеарія.

Во второй части «Иллюстрированнаго спутника» помѣщены свѣдѣнія о Волгѣ отъ Нижняго Новгорода до Астрахани. Въ этой части описаны Нижній Новгородъ, Казань, Симбирскъ, Самара, Саратовъ, Царицынъ, Сарепта, Астрахань, равно и города и замѣчательныя селенія, расположенныя между этими центрами Приволжья. Нѣсколько страницъ посвящено также калмыкамъ, киргизамъ Внутренней орды, астраханскимъ татарамъ, астраханскимъ казакамъ, Васкунчакскому соленому озеру и солевой желѣзной дорогѣ. Эту часть своего труда г. Монастырскій составилъ какъ по свѣдѣніямъ, уже напечатаннымъ въ другихъ издачіяхъ, такъ и на основаніи своихъ наблюденій и продолженіе нѣсколькихъ поѣздокъ по Волгѣ.

Въ третьей части книги г. Монастырскаго содержатся разныя справочныя свѣдѣнія, а именно о кумьсныхъ заведеніяхъ Ананова, Постникова, о минеральныхъ водахъ Столыпинскихъ, Сергіевскихъ, Тинакскихъ соленыхъ грязяхъ, о знахарѣ Кузьмичѣ (съ его портретомъ) и о его леченіи; подробности объ удобствахъ и неудобствахъ волжскихъ пароходовъ и, наконецъ, разныя справочныя подробности о Нижнемъ Новгородѣ, Казани, Симбирскѣ, Самарѣ, Саратовѣ, Царицынѣ, Астрахани.

«Иллюстрированный спутникъ» г. Монастырскаго составленъ по другой программѣ, чѣмъ подобныя предшествовавшіе ему труды, изъ которыхъ книга г. Боголюбова «Волга отъ Твери до Астрахани», изданная въ 1862 году, все еще остается лучшимъ руководителемъ для путешественниковъ по Волгѣ, хотя съ ея появленіемъ въ свѣтъ и прошло болѣе двадцати лѣтъ. Книга г. Рагозина «Волга», вышедшая въ 1890 году въ трехъ томахъ, представляетъ описаніе этой рѣки отъ ея верховьевъ только до Камы. Сверхъ того, въ трудѣ г. Рагозина слишкомъ много мѣста отведено геогностическимъ, палеонтологическимъ и естественно-научнымъ подробностямъ о берегахъ Волги, которыя для большинства публики оказываются малоинтересными и даже вовсе ненужными.

Въ трудѣ г. Монастырскаго также много лишннихъ подробностей, вовсе ненужныхъ для большинства желающихъ ознакомиться съ Волгою. Такъ, напримѣръ, казанскіе вопросы, именно сибирская желѣзная дорога, волжско-двинскій рельсовый путь, вопросъ о гавани или бухтѣ въ Казани о ея водопроводѣ. Для кореннаго, постояннаго жителя Казани эти вопросы

могутъ еще имѣть насущный интересъ, но для туристовъ они до того непонимательны, что въ состояннн отбить охоту продолжать чтеніе книги. Во второй части «Иллюстрированнаго спутника» мы встрѣтили нѣсколько неточностей. Такъ, нижегородская ярмарка оффициально открывается 15-го іюля, а не 25-го іюля. Ова судоходна до Рязани не два или три мѣсяца въ году, какъ утверждаетъ г. Монастырскій, а гораздо долѣе. Въ 1884 году, пароходы съ полнымъ грузомъ влады и пассажировъ свободно плавали до осени и въ половинѣ августа до Рязани суда съ тысячами пудами груза свободно шли вверхъ по рѣкѣ, какъ буксирруемые пароходами, такъ и ведомые лошадыми. Сверхъ того, компанія «Самолетъ» прекратила уже нѣсколько лѣтъ рейсы своихъ пароходовъ по Окѣ. Отъ Рязани къ Нижнему Новгороду и обратно ежедневно отправляется по пароходу съ пассажирами и владыю. Эти пароходы принадлежать частнымъ лицамъ. Наилучшими считаются пароходы «Императоръ Александръ III», «Густавъ» и «Струве», принадлежащія гг. Кленову и Штейерту, и «Удачный» г. Куракина, построенные исключительно для плаванія по Окѣ, примѣняясь къ ея мѣстнымъ условіямъ. При описаннн города Хвалынска ни слова не сказано о его обширныхъ яблочныхъ садахъ, составляющихъ главный промыселъ жителей и замѣчательныхъ своимъ орошеніемъ, устроеннымъ изъ горныхъ источниковъ. Въмсто дѣльнаго описанія Валоково, села больше инаго города, послѣ Самары главной шпешичной пристани на Волгѣ, авторъ распространяется о «мартышкахъ», или приказчикахъ крупныхъ хлѣбныхъ торговцевъ. Точно также городъ Вольскъ, по своему нынѣшнему развитію (до 36,000 жителей), по богатству, заводамъ и фабрикамъ, заслуживалъ лучшаго описанія. Полевиѣ было бы менѣе страницъ въ книгѣ назначить подъ описаніе знахара Кузьмича и его пресловутаго леченія.

Издавъ «Иллюстрированный спутникъ» опратно. Гравюры видовъ, особенно нѣкоторыя изъ нихъ, исполнены тщательно и дѣлають честь провинціальному изданію. При немнѣнн лучшихъ руководителей для путешественниковъ по Волгѣ (книги Боголюбова вѣтъ въ продажѣ, сочиненіе Раговина дорого и не окончено) отъ Нижняго до Астрахани, трудъ г. Монастырскаго можетъ быть употребляемъ съ пользою до навѣстной степени.

II.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Баварская принцесса, путешествующая по Россіи. — Новое изданіе «Русскихъ временщиковъ». — Крѣпостное состояніе въ Россіи по отзывамъ нѣмца. — Историческій и легендарный король Дагобертъ. — Два сочиненія о Гогенштауфенахъ и Вельфахъ. — Средневѣковыя мистеріи. — Воспоминанія префекта полиціи. — Три женскихъ портрета XVI вѣка. — Вюсси д'Амбуазъ. — Императрица Теодора. — Коннетабль Монморанси. — Френсисъ Векопъ. — Прежніе и нынѣшніе махди. — Исслѣдователь Тибета. — Сочиненія о Шекспирѣ.

РОССІИ пишутъ не только нѣмецкіе историки, ученые, военные люди, артисты, — ее изучаютъ и наследуютъ лица, принадлежащія къ царствующимъ домамъ Германіи. Недавно подъ прозрачнымъ псевдонимомъ принцесса баварская напечатала «Путевыя впечатлѣнія и очерки изъ Россіи» (*Reiseindrücke und Skizzen aus Russland von Th. von Bayer*). Эта книга дѣйствительно плодъ близкаго и серьезнаго знакомства автора съ нашимъ отечествомъ. Онъ говоритъ, что, прежде чѣмъ отправиться путешествовать по Россіи, имъ было посвящено десять лѣтъ изученію русскаго языка и русской литературы, а что это было основательное, а не поверхностное изученіе, видно на каждой страницѣ обширнаго сочиненія, въ 600 страницъ компактной печати. Въ августѣ 1882 года, принцесса, въ сопровожденіи пяти лицъ, отправилась по варшавско-вѣнской дорогѣ въ Россію, гдѣ провела около года, сохраняя строгое инкогнито. Она успѣла осмотрѣть важнѣйшіе русскіе города, ознакомилась съ особенностями общественной и народной жизни, подиѣтила много любопытнаго, отозвалась обо всемъ безпристрастно, описала все, что ее интересовало, если не всегда вѣрно, то съ полною добросовѣстностью. Особенно для западнаго европейца, книга принцессы представляетъ довольно подробную картину умственнаго и матеріальнаго положенія нашего отечества, его нравовъ и обы-

чаевъ. Свои впечатлѣнія авторъ провѣряетъ послѣдованіями иностранныхъ и русскихъ писателей. Многочисленныя цитаты изъ русскихъ книгъ доказываютъ, какъ хорошо знакома съ нашею литературою вообще и съ наукою въ особенности эта баварская принцесса. Дѣлая ссылки на сочиненія Кошелева, Забѣлина, Максимова, она въ то же время переводитъ Некрасова — и весьма удачно. Яркими красками набрасываетъ она картины различныхъ мѣстностей Европейской Россіи, описываетъ важнѣйшіе историческіе и художественные памятники, излагаетъ исторію нашихъ реформъ, государственныхъ и общественныхъ учреждений. Особенное вниманіе обращаетъ она на развитіе нашей промышленности, описываетъ московскую мануфактурную выставку, нижегородскую ярмарку, центръ торговли, Волгу съ ея кипучею дѣятельностью. Принцесса находитъ, что наша промышленность въ послѣднее время перестала подражать иностранцамъ и выработываетъ свои собственные образцы въ древнемъ русскомъ стилѣ. Послѣ мануфактурной промышленности болѣе всего успѣховъ сдѣлало народное образованіе, особенно въ средѣ женщинъ, стоящихъ вообще въ Россіи гораздо выше, чѣмъ за границею, кромѣ Англій, однако. Даже Германія, по сознанію нѣмецкой писательницы, стоитъ ниже въ этомъ отношеніи, не говоря уже о другихъ государствахъ Западной Европы. Простой народъ отличается прирожденною даровитостію; но общему образованію болѣе всего способствуютъ высшіе женскіе курсы, медицинскіе, педагогическіе, женскія гимназіи и другія женскія учебныя заведенія, даже институты. Особенное сочувствіе выражаетъ авторъ женщинамъ-врачамъ. Но находя, что въ Россіи для высшаго и среднего образованія сдѣлано много, авторъ выражаетъ мнѣніе, что для низшихъ классовъ дѣлается очень немного, и масса народа остается въ полномъ невѣжествѣ. Духовенство не въ состояніи вести дѣло народнаго образованія и приносить ему какую нибудь пользу. Сельскихъ учителей мало, а положеніе ихъ не обезпечено. Вращаясь въ большесвѣтскихъ сферахъ, не смотря на свое нѣкогда, принцесса не ослѣплена, однако, высшимъ кругомъ, видитъ его недостатки и упрекаетъ нашихъ дамъ въ нелюбови къ семейной жизни, въ пристрастіи къ свѣтскимъ удовольствіямъ и оставленіи дѣтей на попеченіи нянекъ и гувернантокъ. Изъ русскихъ городовъ ей болѣе всего понравилась Москва своею оригинальностью и оживленіемъ. Послѣдняя черта, нѣсколько несвойственная сонной столицѣ, объясняется тѣмъ, что въ Москву принцесса пріѣхала въ эпоху мануфактурной выставки. Петербургъ отличается монотонностью и скукой; всѣ въ немъ постоянно чѣмъ-то озабочены и заняты. Къ книгѣ приложены шесть хорошихъ иллюстрацій и обстоятельный указатель.

— Вышло новое изданіе извѣстной книги Гельбига «Русскіе временники» (*Russische Günstlinge*), появившейся первоначально въ 1809 году и сдѣлавшейся библиографическою рѣдкостью. Важное значеніе этой книги для русской исторіи давно признано всѣми. Авторъ ея, не выставившій на первомъ тюбингенскомъ изданіи своего имени, саксонскій посольскій совѣтникъ (*Legationsrat*), во время продолжительнаго пребыванія въ Петербургѣ, имѣлъ возможность собрать много интересныхъ свѣдѣній о людяхъ, принимавшихъ участіе въ правленіи и придворныхъ интригахъ отъ Петра I до смерти Павла I, и въ 110-ти біографіяхъ представилъ довольно ясную и вѣрную картину русской исторіи втеченіе столѣтія. Частная жизнь Петра, Елисаветы и Екатерины II изображена имъ также подробно. Гельбигъ вовсе не принадле-

жить къ числу собирателей анекдотовъ, сплетенъ и разнаго рода пикантныхъ событій, и хотя не можетъ быть названъ историкомъ въ строгомъ смыслѣ слова, но серьезно относится къ своему дѣлу и старается во всемъ добиться истины. Сужденія его о многихъ лицахъ безпристрастны; онъ относится критически къ источникамъ своихъ свѣдѣній. Нынѣшнее штутгартское изданіе книги безукоризненно въ типографскомъ отношеніи; къ ней приложенъ портретъ Екатерины II съ оригинала Ходовецкаго. Жаль только, что издатель не исправилъ въ примѣчаніяхъ нѣкоторыхъ ошибокъ автора или не дополнилъ его показаній новѣйшими свѣдѣніями, которыхъ накопилось немало со времени перваго появленія книги Гельбига.

— Д-ръ Энгельманъ издалъ въ Лейпцигѣ важный историко-юридическій трудъ: «Крѣпостное состояніе въ Россіи» (Die Leibeigenschaft in Russland). Возникновеніе, развитіе и уничтоженіе этого поворнаго учрежденія изложены авторомъ вполне основательно и правдиво, преимущественно по русскимъ источникамъ, и книга Энгельмана возбуждала большой интересъ въ Германіи. Авторъ начинаетъ съ обзора положенія крестьянъ до конца XVI столѣтія, говоритъ о первоначальномъ общинномъ устройствѣ родовъ по образцу сербской «вадруги»; при князьяхъ каждому, кто владѣлъ землею, принадлежало право юрисдикціи. Какъ по понятіямъ монголовъ, все земное принадлежитъ хану, такъ и Москва, избавившись отъ татаръ, постановила, что всѣ живущіе на царской землѣ—рабы царя. Раздѣленіе между «бѣлыми» не платящими податей сословіемъ и «черными» народомъ установилось еще въ XIII столѣтіи. При Иванѣ IV положеніе крестьянъ значительно ухудшилось, да немногимъ лучше было и положеніе землевладѣльцевъ, и указъ 1597 года изданъ былъ потому, что они не въ состояніи были уплачивать податей государству, такъ какъ крестьяне переходили съ мѣста на мѣсто. Но и этимъ указомъ не запрещалось прямо свободное переселеніе, такъ что нѣкоторые историки, какъ Бѣляевъ, утверждаютъ, что былъ еще указъ, подтверждавшій это запрещеніе, но онъ не дошелъ до насъ. Энгельманъ же согласенъ съ этимъ и говоритъ, что правительство не хотѣло только употреблять выраженій «прикрѣпленіе къ землѣ, крѣпостничество», не встрѣчавшихся и въ указахъ Екатерины II 1783 года и Павла I 1796 года о закрѣпощеніи Малороссіи и Новороссіи, тѣмъ не менѣе, вводящихъ это постыдное учрежденіе. Твердо и окончательно введено оно Уложеніемъ 1649 года, в здѣсь также авторъ расходится съ славянофилами, видящими въ Уложеніи «чудо премудрости» и увѣряющими, какъ Аксаковъ и др., что крѣпостничество ввелъ Петръ I. Петръ, не стѣснявшійся введеніемъ крутыхъ реформъ во всемъ государственномъ строѣ, дѣйствовалъ только открыто и прямо шелъ къ цѣли, не составляя комиссій, проектовъ, изслѣдованій, какими богато царствованіе Екатерины II, когда продажа крестьянъ въ рекруты и раздача ихъ разнымъ фаворитамъ доходила до крайнихъ предѣловъ. Даже Павелъ I сдѣлалъ, всетаки, больше для крестьянъ, чѣмъ его родительница. Закрѣпощивъ обширныя новороссійскія провинціи, онъ въ слѣдующемъ же году издалъ указъ, которымъ барщина опредѣлялась только тремя днями въ недѣлю, а въ воскресенье и вовсе запрещалось работать. Александръ I многимъ облегчилъ невыносимое крѣпостное состояніе, но не успѣлъ сдѣлать ничего существеннаго въ этомъ отношеніи, занятый то спасеніемъ Европы, то мистическими планами. Николай I тоже не успѣлъ ни въ чемъ, овабоченный революціями 1830 и 1848 гг., хотя онѣ не имѣли ничего общаго

съ освобожденіемъ крестьянъ. Это великое дѣло совершили съ изумительною твердостью и настойчивостью Александръ II. Энгельманъ опровергаетъ мнѣніе, что освобожденіе составляло секретный параграфъ Парижскаго мира, и всю заслугу реформы приписываетъ личному почину императора, встрѣченному дворянствомъ съ пассивнымъ сопротивленіемъ. Исторію уничтоженія крѣпостничества отъ рескрипта 8-го ноября 1857 года до 19-го февраля 1861 года авторъ рассказываетъ подробно и съ особеннымъ одушевленіемъ, на основаніи подлинныхъ документовъ. Последняя глава этого замѣчательнаго сочиненія посвящена вопросу общиннаго владѣнія, искони присущаго славянскимъ племенамъ, но введеніе котораго Чичеринъ относитъ къ XVI вѣку. Авторъ говоритъ объ изслѣдованіяхъ Ефименко по этому вопросу относительно сѣверной Россіи и приписываетъ уничтоженіе общины во многихъ мѣстностяхъ— монгольскому игу.

— Преданія о добромъ королѣ Дагобертѣ до сихъ поръ популярны во Франціи и по Рейну. Вышло второе изданіе книги Альберса «Король Дагобертъ въ исторіи, легендахъ и сагахъ особенно Альваса и Пфальца» (*König Dagobert in Geschichte, Legende und Sage besonders des Elsass und der Pfalz*). Дѣло въ томъ, что имя Дагоберта носили три короля меровингской династіи, и народныя преданія перепутали ихъ, приписавъ одному качества и подвиги другаго. Надо было разобраться въ этихъ легендахъ. По исторіи, Дагобертъ I былъ замѣчательнѣе своихъ сомнѣнниковъ. Современники называли его Соломономъ, и онъ сначала хорошо правилъ королевствомъ съ помощью Пепина Ландона и Арнульфа, но потомъ, не смотря на свою набожность и угрожденіе церкви, сдѣлался грабителемъ и распутнымъ. Это былъ, всетаки, лучший представитель меровинговъ. Дагобертъ II провелъ молодость въ изгнаніи, въ Британіи, и, вернувшись на царство, сталъ извѣстенъ только тѣмъ, что раздавалъ своимъ друзьямъ епископства въ Альвасѣ. Дагобертъ III— ровно ничѣмъ неизвѣстенъ. Но послѣ нихъ народу жилось такъ скверно, что онъ создавалъ себѣ идеалъ изъ царствованія Дагоберта I. Развитію дагобертовской легенды много содѣйствовало духовенство, которому король дѣлалъ богатые дары. Оно прозвало его время—золотымъ вѣкомъ. Ему приписываютъ, хотя и неосновательно, основаніе 17-ти монастырей и соборовъ, и въ томъ числѣ страсбургскаго,—также четырехъ городовъ. Отъ него осталось завѣщаніе и нѣсколько преданій, относящихся въ его вхождѣ, особенно ко времени раздѣленія Австраліи отъ Нейстрии (602 года). Въ извѣстной французской народной пѣснѣ: «*Le bon roi Dagobert mettait sa culotte à l'envers*» и пр., авторъ видитъ насмѣшку надъ тогдашней бѣдностью народа и порчею духовенства.

— Составитель біографій императоровъ Оттона II и III и четырехъ франкскихъ императоровъ, д-ръ Мюке, надалъ еще біографіи императора Генрика VI, короля Филиппа и Оттона VI Брауншвейгскаго, подъ названіемъ: «Изъ времени Гогенштауфеновъ и Вельфовъ» (*Aus der Hohenstaufen und Welfenzeit*). Это не сухая исторія, хотя авторъ приводитъ отрывки лѣтописей, но въ то же время касается и культурнаго состоянія эпохи, цитируетъ любовныя стихотворенія Генрика VI, преданія, сложившіяся объ немъ въ народѣ, пѣсни Вальтера фон-дер-Фогельвейде, дѣлаетъ извлеченія изъ сочиненій алхимика Альберта Великаго и пр. Вообще XII вѣкъ въ Германіи ясно рисуется въ сочиненіи Мюке, полнымъ любопытными фактами.

— Эпоху Гогенштауфеновъ и вообще нѣмецкой жизни и состоянія Германіи до реформациіи еще лучше изобразилъ Карлъ Фишеръ въ сочиненіи

«Deutsches Leben und deutsche Zustände von der Hohenstaufenzeit bis ins Reformationszeitalter». Авторъ доказываетъ, что реформація не была вовсе неожиданнымъ и исключительно религіознымъ явленіемъ германской жизни. Въ эту эпоху, реформы коснулись всего склада государства: соціальнаго, правоваго, военнаго, экономическаго устройства, также какъ развитія наукъ, искусствъ и литературы. Это было освобожденіе человѣчества отъ церковно-феодалныхъ принциповъ среднихъ вѣковъ. Уже при Гогенштауфенахъ, индивидуальныя и національныя стремленія выказывались достаточно ярко. Германская самостоятельность, съ ея самобытными возрѣніями, задышалась въ тяжелыхъ оковахъ римско-католической іерархіи и воспользовалась счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ, чтобы сбросить съ себя иго папизма. Эта часть книги лучше всего обработана авторомъ.

— Рихардъ Фронингъ издалъ интересное наслѣдованіе «Объ исторіи и оцѣнкѣ духовныхъ представленій въ средніе вѣка, особенно пьесъ о Страстяхъ Христовыхъ» (Zur Geschichte und Beurtheilung der geistlichen Spiele des Mittelalters insonderheit der Passionsspiele). Исходя изъ положенія, что главная цѣль драмы — изображеніе дѣйствія, жизни, движенія авторъ не признаетъ литературнаго значенія средне-вѣковыхъ мистерій, изображавшихъ такое же священнодѣйствіе, какъ всякая месса, сопровождаемая церковными обрядами. Особенно первоначальныя мистеріи были буквально воспроизведеніемъ въ лицахъ того, что рассказывалось въ библіи. Только удаляясь отъ подлиннаго текста священныхъ книгъ или обставляя переданныя въ нихъ событія вымышленными лицами и подробностями, мистеріи получали значеніе, какъ получила его живопись, отъказавшись отъ сухихъ безжизненныхъ изображеній до-рафаэлевской эпохи. Но и въ измѣненномъ видѣ, мистеріи, даже съ введеніемъ въ нихъ фантастическаго элемента въ лицѣ дьявола и комическаго въ изображеніи жидовъ, не могли имѣть никакого вліянія на развитіе народнаго театра и нѣмецкой драмы. Авторъ положительно держится этого убѣжденія, хотя многіе историки нѣмецкой литературы начинаютъ исторію этой драмы съ мистерій гандерсгеймской монахини Гросвяти, оставившей намъ нѣсколько любопытныхъ пьесъ въ этомъ родѣ.

— Второй томъ «Воспоминаній префекта полиціи Андриэ» (Souvenirs d'un préfet de police par L. Andrieux) возбуждалъ еще болѣе разочарованій, чѣмъ первый. Всѣ ждали, да и самъ авторъ обѣщаль — много интересныхъ разоблаченій и, вмѣсто того, книга разоблачаетъ только въ самомъ авторѣ большую раввяность и нецеремонность въ отношеніи къ читателю. Авторъ старается быть остроумнымъ въ своихъ разсказахъ, но является въ нихъ только острякомъ, что далеко не одно и то же. Говорили, что его подвергнуть преслѣдованію за нарушеніе государственныхъ тайнъ, но его можно скорѣе обвинить въ обманѣ при поставкѣ или продажѣ товара не того качества, какое было обѣщано. И что за жалкія тайны обнаруживаетъ бывший полицейскій префектъ! Гамбетта посылаетъ суммы изъ секретнаго фонда Жюль Фавру, чтобы содѣйствовать его избранію; онъ же назначаетъ Рихтбергера секретаремъ; чтобы задобрить муниципальный совѣтъ, вице-президента его дѣлаютъ шефомъ городской полиціи. Кого могутъ интересовать подобныя обличенія?—я какъ они ничтожны, въ сравненіи съ колоссальными проявленіями системы кумовства въ самыхъ высшихъ сферахъ, практикуемой во всѣ времена и у всѣхъ народовъ! Вѣдь еще Церберу всовывали въ пасть

лепешки съ медомъ, чтобы въ немъ завязали зубы адскаго пса и онъ не могъ кусаться. Встрѣчаются, конечно, и у этого префекта полиціи, при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей, любопытные случаи, но въ двухъ объемистыхъ томахъ «Воспоминаній» ихъ такъ немного, что весь шумъ, поднятый французскою прессою по поводу этой книги, кажется не болѣе какъ ловкою рекламою.

— Невѣстный авторъ издалъ характеристики трехъ влюбленныхъ XVI вѣка (*Trois amououreux au XVI siecle*): Франциски Роганъ, Изабеллы Лимейль и королевы Марго. Всѣ онѣ жили при дворѣ Валуа, но играли въ немъ разные роли: герцогиня де-Роганъ знаменита борьбою, которую она вела втеченіе двадцати лѣтъ противъ своего обольстителя, герцога Немурскаго. Этотъ знаменитый процессъ XVI вѣка полонъ неожиданными разоблаченіями и такими показаніями свидѣтелей, которыя въ наше время допускаются только при закрытыхъ дверяхъ. Извѣстно, что герцогиня выиграла, наконецъ, свой процессъ, и грамота Генриха III, востановлявшая ея репутацію, позволила ей вступить въ бракъ. Изабелла Лимейль была политическимъ орудіемъ въ рукахъ Екатерины Медичи и оказала ей большія услуги. Ея покровителемъ былъ принцъ Конде, другомъ сердца—Флоримонъ Роберте. Брантомъ восхваляетъ умъ и красоту Изабеллы. Конде, сбравшійся жениться на герцогинѣ Лонгвилль, по ея наущенію, потребовалъ отъ Изабеллы всѣ подарки, какіе дѣлалъ ей прежде. Тогда, собравъ въ одинъ пакетъ всѣ цѣнныя вещи, поднесенныя ей принцемъ, она отправила ихъ къ Лонгвилль, вмѣстѣ съ портретомъ Конде, къ которому она собственноручно пририсовала маленькіе рожки, и послала сказать герцогинѣ: «если бы у ея матери потребовали также возвращенія подаренныхъ ей вещей, то она осталась бы нищею». Третья женщина — королева Марго была предметомъ столькихъ романовъ, повѣстей и разсказовъ, что казалось бы давно извѣстны всѣ подробности ея жизни, между тѣмъ и объ ней авторъ сообщаетъ много новаго, особенно о ея молодости, когда маркизъ Канильяхъ захватилъ ее въ Оверни и держалъ плѣнницею въ своемъ замкѣ д'Юссонъ, влюбившись въ нее до безумія. Вообще романтическій элементъ всей книги не отнимаетъ отъ нея и историческаго значенія.

— Андре Жуберъ, навѣстный своими историческими и археологическими изысканіями, воскресилъ романтическую фигуру героя XVI вѣка «Луи Клермонтскаго, Бюсси д'Амбуаза» (*Louis de Clermont sieur Bussy d'Amboise*). Этотъ мильонъ Генриха III, лучший другъ герцога Анжуйскаго, прославился своими похождениями и отчаянною храбростію. Дюма, въ своемъ романѣ «Графиня Монсоро», обрисовалъ его очень вѣрно, но Жуберъ отыскалъ въ архивахъ Анжу, которыми пользовался и Дюма, много новыхъ подробностей о его жизни. Въ описаніи его послѣдней борьбы противъ двадцати убійцъ, нанятыхъ графомъ Монсоро, мстившимъ за свою поруганную честь, романтикъ остался совершенно вѣренъ исторіи и вполне вѣрно описалъ смерть храбреца, павшаго на трупахъ 15-ти убитыхъ имъ враговъ. Авторъ рельефно рисуетъ эту кровавую эпоху, полную драматическихъ событій.

— Успѣхъ драмы Сарду «Феодора» далъ поводъ профессору Дебидуру издать изслѣдованіе объ этой императрицѣ (*L'impératrice Theodora*). Авторъ этого историческаго этюда не ставитъ въ вину драматургу мелкія неточности его произведенія, какъ употребленіе вилокъ, стеколъ съ цвѣтными изображеніями и т. п., но упрекаетъ его въ томъ, что, рисуя Юсти-

ніана, онъ слишкомъ слѣпо вѣрилъ Проконію, автору «Секретной исторіи», тогда какъ ее считаютъ подложною такіе авторитеты, какъ Эйхель и Рейнкенсъ. Но даже и допустивъ подлинность этой «исторіи», профессоръ спрашиваетъ: можно ли безусловно вѣрить историкѣ, въ другомъ сочиненіи льстившему женѣ Юстиніана, прославлявшему ее, а здѣсь представившему ее какой-то кровожадной Мессалиной. И Дебидуръ доказываетъ, что Теодора какъ женщина сочувствовала страданіямъ бѣдняковъ и заботилась объ улучшеніи ихъ участи, была также добра, какъ и умна. Вліяніе ея какъ императрицы было благотворно, она давала полезные совѣты по внѣшней политикѣ, содѣйствовала развитію общественныхъ работъ. Какъ христіанка, она слѣдовала ученію Севера, но не требовала, чтобы папу Вигиліа подвергли преслѣдованіямъ. Увлекалась ли она страстями и пороками, профессоръ не знаетъ этого, но защищаетъ ее отъ несправедливыхъ обвиненій, какъ лицо историческое, а не въ ея частной жизни.

— Другой историкъ, Декрю, перерылъ всѣ архивы Парижа и Брюсселя, чтобы составить характеристику Анна де Монморанси, великаго конетабля Франціи при дворѣ, въ арміи и въ совѣтѣ короля Франциска I (*Anne de Montmorency, grandmaitre et connétable de France à la cour, aux armées et au conseil du roi François I*). Вместе съ исторіей администраціи конетабля, съ 1526 г., втеченіе пятнадцати лѣтъ, авторъ представляетъ полную картину общественной, политической, военной и дипломатической жизни, въ эпоху возрожденія и реформаціи. Чтобы объяснить громадное вліяніе, какимъ онъ пользовался въ королевствѣ, Декрю рассказываетъ молодость Монморанси. Этотъ томъ оканчивается опалою конетабля и описаніемъ его жизни въ уединеніи, отъ 1541 по 1547 годъ. Извѣстно, что послѣ этого шестилѣтняго отдыха онъ опять сдѣлался настоящимъ правителемъ Франціи и двадцать лѣтъ стоялъ во главѣ ея до самой смерти своей въ 1567 году. Эту вторую и не менѣе интересную половину управленія конетабля авторъ обѣщаетъ описать впоследствии.

— У англичанъ встрѣчаются писатели, посвящающіе всю свою дѣятельность изученію какого нибудь одного лица, имѣющаго не только всемірное, но и исключительно національное значеніе. Къ такимъ писателямъ принадлежитъ Абботъ, прилежно и подробно изучающій жизнь и творенія Бэкона. Девять лѣтъ тому назадъ онъ издалъ его «Опыты» (*Essays*) съ историческими и критическими комментаріями, года четыре назадъ — изслѣдованіе сношеній Бэкона съ графомъ Эссексомъ, наконецъ, теперь полную біографію подъ названіемъ *Francis Bacon*, въ которой стремится согласить, — на сколько возможно это согласеніе при безусловно правдивой передачѣ фактовъ, — всѣ противорѣчія частной и общественной жизни Бэкона, его огромный таланта и мелкаго характера. Заключительныя главы представляютъ подробную и добросовѣстную оцѣнку твореній Бэкона. Авторъ не старается выставить въ привлекательномъ свѣтѣ поворную жизнь Бэкона, какъ государственнаго человѣка, его нивкую измѣну графу Эссексу, его постыдныя ввязки въ званіи лорда-канцлера, но, всетаки, если и не извиняетъ, то и не клеймитъ, какъ бы слѣдовало, эти поступки. Мѣстами онъ даже пытается объяснить ихъ дурныя стороны разными вліяніями и обстоятельствами, что, конечно, ему не удастся, но вообще книга Аббота лучшая монографія о знаменитомъ философѣ и писателѣ.

— Слухи, разнесшіеся о смерти суданскаго махди, бывшаго причиною поги-

бели Гордона и отчасти паденія министерства Гладстона, придаетъ особый интересъ очерку Джемса Дарместетера, изданному подъ названіемъ «Прежніе и настоящіе махди» (The mahdi past and present). Нельзя сказать, чтобы книга эта имѣла серьезное значеніе: лица, знакомыя съ исторіей Востока, не найдутъ въ ней ничего новаго, но многіе ли знаютъ эту исторію? Такъ для подобныхъ лицъ будетъ любопытно узнать, что въ мусульманскомъ мірѣ махди являются очень часто, что самое это слово значить не пророкъ, а только «ведомый Богомъ». Мусульмане ждутъ также мессію, который придетъ въ послѣдніе дни міра, для того, чтобы обратить его на путь истинный, и за такого мессію, руководимаго Аллахомъ и говорящаго именемъ Бога, выдавали себя не разъ уже многіе фанатики или обманщики. Персидскаго мессію Керезаспу охраняють 99,000 ангеловъ, но когда придетъ время, онъ явится, чтобы побѣдить змѣя Зогака, иранскаго антихриста. Дарместетеръ рассказываетъ исторію прежнихъ махди, появившихся въ Сиріи, Аравіи, Марокко, Тунисѣ, Турціи. Суданскій махди разговариваетъ съ ангелами, сидящими на дѣлѣ глубокаго колодца, и ихъ голоса слышали многіе изъ его приверженцевъ. Рассказывая о подобномъ нехитромъ фокусѣ, авторъ придаетъ ему слишкомъ много значенія, но вообще свѣдѣнія, собранныя имъ объ этомъ послѣднемъ махди, довольно интересны.

— Знакомства съ малоизвѣстными дѣятелями, игравшими хотя бы и не первостепенную, но полезную роль въ исторіи, часто мѣрятъ насъ съ мелочными явленіями современнаго міра. Такъ книга Теодора Дуки «Жизнь и дѣла Александра Чома де Кёрешъ» (Life and works of Alexander Csoma de Kőrös) рисуетъ интересную личность неутомимаго, самоотверженнаго исследователя Тибета. Этотъ венгерскій путешественникъ, съ самыми ничтожными средствами, провѣлъ много лѣтъ въ тибетскихъ монастыряхъ и первый познакомилъ Европу съ священными тибетскими книгами. Съ громаднымъ знаніемъ въ научной области, мало доступной европейскимъ ученымъ, Чома соединяетъ изумительную доброту и отреченіе отъ всѣхъ мірскихъ благъ и удобствъ. Немудрено, что его забыли: онъ никогда и ничѣмъ не напоминалъ о себѣ. Чома родился, въ 1784 году, въ бѣдномъ трансильванскомъ городкѣ Кёрешѣ, въ бѣдной семьѣ секлеровъ. Онъ слушалъ ориенталиста Эйхгорна въ Гёттингенѣ, учился славянскому языку въ Загребѣ, и въ 1820 году отправился въ Среднюю Азію, побывалъ въ Тегеранѣ, Багдадѣ, Бухарѣ, Кабулѣ и Лагорѣ и черезъ Кашмиръ прибылъ въ Тибетъ. Тутъ онъ выучился тибетскому языку и заинтересовался жителями страны, потому что видѣлъ въ нихъ предковъ мадьяръ, хотя предположеніе это не подтвердилось ни лингвистическими, ни этнографическими данными. Англійское правительство назначило ему 600 рупій въ годъ на переводъ тибетскихъ книгъ. Въ 1825 году, онъ вернулся въ Европу, но въ слѣдующемъ году былъ снова въ Тибетѣ, гдѣ остался еще три года. Въ 1834 году, онъ напечаталъ въ Калькуттѣ словарь и грамматику тибетскаго языка и опять отправился въ свой надлюбленный край, но, не достигнувъ его, умеръ отъ лихорадки, на 50-мъ году. Авторъ подробно описываетъ тяжелую жизнь этого дѣятеля науки, полную лишений всякаго рода.

— Волѣ тридцати лѣтъ назадъ миссъ Елена Фоуситъ издала книгу «Женщины Шекспира», въ которой представляла критическую и эстетическую оцѣнку главнѣйшихъ типовъ, созданныхъ великимъ поэтомъ. Съ тѣхъ поръ писательница не переставала изучать своего любимаго автора и теперь

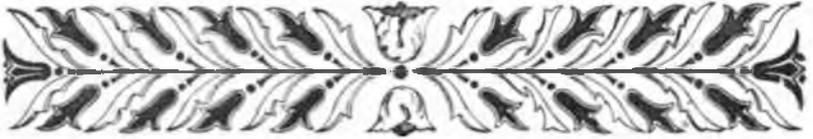
уже, сдѣлавшись леди Мартинъ, издала новый томъ «О нѣкоторыхъ женскихъ характерахъ Шекспира» (On some of Schakespeare's female characters). Нельзя согласиться со многими критическими взглядами почтенной леди, но въ то же время нельзя отказать ей въ тщательномъ изученіи Шекспира. Такъ, доказывая силу характера Офеліи, она подкрѣпляетъ свой парадоксъ не только цитатами автора, но и мнѣніемъ другихъ лицъ. Ту же силу и даже героизмъ видитъ леди въ характерѣ Дездемоны, а Джульету представляетъ далеко не такою, какъ ее понимаютъ не только драматическіе критики, но и писавшіе объ этой драмѣ актеры, какъ Клявъ, Кемблѣ, Метьюсъ, Макреди. Но, во всякомъ случаѣ, съ книгою леди Мартинъ очень интересно познакомиться ближе.

— Шекспиромъ занимаются сильно и нѣмцы. Карлъ Гензе издалъ сборникъ своихъ «Исслѣдованій и этюдовъ Шекспира» (Schakespeare. Untersuchungen und Studien). Въ этой книгѣ особенно любопытны историческія и литературныя замѣчанія о драмѣ «Сонъ въ лѣтнюю ночь»; отношеніе нѣмецкихъ поэтовъ къ Шекспиру; представленіе о душевныхъ болѣзняхъ въ шекспировскихъ драмахъ; объ античномъ элементѣ въ драмѣ «Вуря», «Совѣсть и фатализмъ»; Шекспиръ какъ философъ. Этотъ добросовѣстный трудъ глубокаго изученія автора является кстаті одновременно съ книгой американца Марвина о «Шекспировскомъ мнѣі», въ которой доказывается, что всѣ великія произведенія англійскаго драматурга написаны Френсисомъ Векономъ, а что малообразованный сынъ торговца мясомъ и нечестный кутила въ молодости, плохой актеръ въ зрѣлыхъ лѣтахъ, не могъ имѣть и той доли тѣхъ всестороннихъ свѣдѣній, какія обнаруживаютъ шекспировскія пьесы, не говоря уже о могучемъ дарѣ творчества, которымъ могъ обладать только такой высокообразованный человѣкъ, какъ философъ и писатель, лордъ-канцлеръ Англіи.

— Въ іюньской книгѣ «Славянскаго Сборника» (Slovanskij Sbornik) Эдуарда Елинка помѣщенъ обширный некрологъ нашего историка Н. И. Костомарова, составленный А. Н. Киркоромъ.

— Литература южныхъ славянъ ощущала существенный недостатокъ вслѣдствіе отсутствія энциклопедическихъ словарей. Пробѣлъ этотъ въ настоящее время пополняется: профессора въ Осѣѣ, въ Славоніи, Осипъ Мендинъ и Иванъ Злохъ приступили къ издавію «Подручной Энциклопедіи».

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

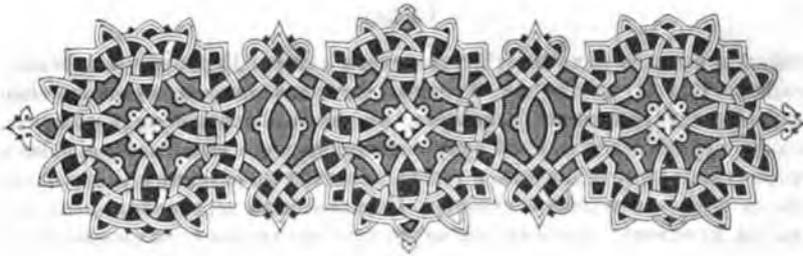
Приказъ о порядкѣ занятія мѣстъ въ дворцовомъ театрѣ при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, 1754 года.

В ПЕТЕРБУРГѢ при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, съ юности любившей театральныя зрѣлища, существовали кадетскій театр и частный нѣмецкій, который содержался сначала вѣкимъ Сигмундомъ, а потомъ Гильфердингомъ. Кроме того, при дворѣ была опера, въ которой пѣли «дѣвки-итальянки и кастратъ». Помѣщалась эта опера въ зданіи Зимняго дворца. Въ 1754 году, театръ дворцовый былъ заново переделанъ къ 18-му декабря, дню рожденія императрицы, и въ немъ, для открытія представленій, какъ сказано въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ за 1754 годъ, «въ присутствіи ея императорскаго величества и его высочества представлены были: во вторникъ, 20-го (декабря)—французская комедія, а въ среду, 21-го—итальянская интермедія». Въ бумагахъ Ивана Иродіоновича Чиркина, бывшаго въ то время, вмѣстѣ съ извѣстнымъ Саввою Яковлевичемъ, директоромъ московскихъ и с.-петербургскихъ питейныхъ и другихъ сборовъ, сохранился, между прочимъ, нижепомѣщаемый приказъ с.-петербургской полицеймейстерской канцеляріи, отъ 20-го декабря 1754 года, опредѣляющій порядокъ занятія мѣстъ въ упомянутомъ вновь переделанномъ дворцовомъ театрѣ. Вотъ содержаніе этого интереснаго приказа:

«Въ присланномъ отъ двора ея императорскаго величества въ с.-петербургскую полицію сообщеніи написано: какъ уже чрезъ посланныхъ повѣстки извѣстно, что сего декабря съ двадсятаго числа въ оперномъ ея императорскаго величества домѣ имѣютъ быть театральныя дѣйствія противъ прежняго въ обыкновенные дни, а понеже во ономъ оперномъ домѣ учинена переделка, и для того госпожи штацъ-дамы будутъ сидѣть въ первомъ ярусѣ, начавъ отъ новой средней ложи ихъ императорскихъ высочествъ, причемъ дамскимъ персонамъ быть въ одной оперной домѣ въ платѣ въ такомъ же, какъ и прежде пріѣздъ имѣли, а генералитетъ будетъ же помѣщаться въ томъ же первомъ ярусѣ на лѣвой сторонѣ, то есть начавъ отъ новой посольской ложи, а въ партерѣ гдѣ были банкы, тутъ кому надлежитъ помѣщаться мужчинамъ въ томъ числѣ (какъ въ прежней повѣсткѣ написано) и знатному российскому и чужестранному купечеству, а фамиліямъ ихъ помѣщаться въ галлерей онаго партера. И чтобъ кому о томъ надлежитъ объявить, того ради по полученіи сего повелѣте (офицеры Васильевской части) пристойнымъ образомъ сами объ ономъ кому надлежитъ объявить сего жъ числа немедленно и санктъ-петербургскую полицію репортовать. Подлинный за скрѣпою секретаря Захара Фокина».

Сообщено **Ф. А. Вычловымъ.**

СМѢСЬ.

ЛЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ церкви св. Троицы. 26-го мая, исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня освященія церкви св. Троицы въ Измайловскомъ полку. Если вѣрить преданіямъ, мѣсто, выбранное подъ Троицкій соборъ, замѣчательно однимъ изъ важныхъ событій изъ жизни Петра I. При основаніи Петербурга здѣсь находилась часовня во имя св. Троицы, въ которой совершилось бракосочетаніе Петра, пріѣхавшаго сюда съ Екатериною и Врюсомъ, въ одинъ изъ ноябрскихъ вечеровъ 1707 года. По другимъ сказаніямъ, бракосочетаніе Петра происходило въ церкви,

бывшей на мѣстѣ нынѣшняго храма, великомученицы Екатерины, за Калиткинымъ мостомъ. Но послѣднее предположеніе опровергается тѣмъ, что церковь Екатерины воздвигнута только въ 1721 г. и помѣщалась въ каменномъ зданіи, принадлежащемъ казенной шпалерной фабрикѣ. Лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ, сформированный въ 1730 г. въ Москвѣ императрицею Анною Ивановною, переведенъ былъ въ Петербургъ въ 1731 г. и расположенъ постоемъ по обывательскимъ домамъ на Адмиралтейскомъ и Петербургскомъ островахъ. Въ 1734 г. полкъ помѣщался во вновь выстроенной полковой слободѣ, въ деревянныхъ свѣтлицахъ, гдѣ теперь улицы, называемыя ротами. Первоначальная полковая церковь была подвижная или походная, поставленная въ лагерѣ, на лугу, близъ Фонтанки, противъ сада императрицы. Но въ 1746 г. Анна Ивановна выбрала въ полковой слободѣ мѣсто для построенія полковой церкви, которую и приказала строить: «по таковой пропорціи, какая была у Литейнаго двора, именуемая Сергія чудотворца». За скорой кончиной императрицы мысль ея оставалась неисполненною до 1754 г. Въ этомъ году, по повелѣнію Елисаветы Петровны, былъ снятъ планъ съ церкви, въ селѣ Крестовѣ, Ямбургскаго уѣзда, и по нему начата по-

«истор. вѣстн.», августъ, 1885 г., т. хх.

стройка церкви на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь алтарь. Церковь была освящена 1-го іюля 1756 г. во имя св. Троицы, съ придѣломъ св. мученика Іоанна Воина. Ко дню освященія Елисавета, въ числѣ церковной утвари, прислала въ даръ церкви воздуха и къ нему собственноручно вышитые два покровца, которые, какъ драгоценность, и теперь хранятся въ ризницѣ и употребляются разъ въ годъ—въ великую субботу. Церковь была деревянная, о пяти главахъ, съ куполомъ, обитымъ бѣлою жестию; постройка обошлась въ 12,764 р. 22 к. Церковь простояла до 1828 г. Въ этомъ году она пришла въ такую ветхость, что отправлять въ ней богослуженіе оказалось невозможнымъ. Николай I повелѣлъ начать въ этомъ году постройку новой каменной церкви, по плану архитектора Стасова. Церковь была заложена въ день полкового праздника и окончена въ 1835 году. Первый камень при закладкѣ положила императрица Марія Ѳедоровна; Николай I въ то время былъ въ дѣйствующей арміи, въ Турціи. Освящена новая церковь 26-го мая, въ день св. Троицы, митрополитомъ московскимъ Филаретомъ. Въ день освященія церкви были сдѣланъ первый церковный парадъ, въ присутствіи императора. На постройку церкви издержано изъ суммъ кабинета его величества 2.487,457 р. 74¹/₄ к. ассигнаціями. Вскорѣ послѣ отстройки церкви, сильною бурей былъ снесенъ крестъ съ главнаго купола. Мѣсто подъ Троицкимъ соборомъ выше, чѣмъ подъ Исаакіевскимъ; оно возвышено слишкомъ на два аршина противъ прежняго уровня; наводненіе, бывшее въ 1824 г., едва достигало церковной паперти. Наружность собора величественна. Онъ поднимается на 38 сажень и имѣетъ четыре громадные портика съ массивными коринтскими колоннами, которыя видны издали. Соборъ этимъ выигрываетъ передъ Исаакіевскимъ: послѣдній на дальнемъ разстояніи открываетъ только свой главный куполъ. Въ числѣ драгоценностей въ храмѣ имѣется золотой потиръ, вѣсомъ около трехъ фунтовъ, и два образа, Спасителя и Богоматери, работы императрицы Елисаветы Петровны, также образа, тканые на шпалерной фабрикѣ, и затѣмъ два историческихъ живописныхъ образа—однѣ присланный отъ 4-й роты Измайловскаго полка еще въ царствованіе Елисаветы и другой образъ св. отецъ, въ Сивѣ и Раифѣ избѣянныхъ, присланный отъ Измайловскаго полка, въ память происшествія 14-го января 1819 г., когда обрушился старый деревянный манежъ, но уже по выходѣ изъ него солдатъ, спасшихся вслѣдствіе этого. Кромѣ этихъ вещей, въ храмѣ сохраняется иконостасъ походной церкви, современный основательницѣ Измайловскаго полка, Аннѣ Ивановнѣ.

Пятидесятіиіе Смоленскаго собора. 20-го іюня, исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня освященія Смоленскаго собора. Въ мѣстности, гдѣ стоитъ соборъ, во времена еще шведскаго владычества, было селеніе Спасское. въ которомъ жили православныя жорцы и стояла часовня. По завоеваніи этого мѣста Петромъ I, здѣсь былъ устроенъ большой Смоленской дворъ, и одновременно съ дворомъ построенъ небольшой загородный домъ, который служилъ для Петра натуральнымъ кабинетомъ до перенесенія въ Кіевныя палаты. Затѣмъ здѣсь былъ выстроенъ для Елисаветы загородный дворецъ, прозванный «Смоленнымъ». Существуетъ преданіе, что на четвертомъ году царствованія Елисавета хотѣла намѣреніе передать правленіе своему племяннику, Петру III, и окончить дни въ монастырѣ. Поэтому она приказала на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ ея дворецъ, строить инокескую женскую обитель и назвать ее Воскресенскимъ Новодевичьимъ монастыремъ. Планъ, какъ и постройка, были

поручены Растрелли. Закладка монастыря произведена 30-го октября 1748 г. послѣ пожара, истребившаго главный корпусъ дворца императрицы. Сооруженіе было задумано въ грандіозныхъ размѣрахъ. Императрица въ 1749 г. заказала для будущаго храма колоколъ въ 12,000 пуд. Колоссальнаго начата постройка шла медленно, и только въ 1756 г. была отстроена вчертъ, зданія покрыты и оштукатурены снаружн, внутри же всюду стояли дѣса и были голыя стѣны. Спустя восемь лѣтъ послѣ отстройки, императрица Екатерина II здѣсь открыла «Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ». По открытіи заведенія, сюда были переведены изъ Воскресенскаго монастыря, на Васильевскомъ островѣ, находившіяся тамъ 14 монахинь, которыя и должны были составлять церковный клиръ, въ двухъ церквяхъ, находившихся на двухъ углахъ большаго четырехъ-угольнаго зданія; затѣмъ обучать малолѣтнихъ дѣвочекъ грамотѣ и ходить за больными; игуменьей къ нимъ императрица назначила монахиню Елпидифору, изъ рода Кротоновыхъ; со дня основанія обители, монахинь сюда вновь уже болѣе не поступало, и со смертію послѣдней изъ нихъ обитель перестала существовать. 7-го августа 1764 г. происходилъ первый пріемъ воспитанницъ. Въ первые мѣсяцы управляла Обществомъ княжна Ан. Сер. Долгорукая, но вскорѣ была назначена начальницей воспитанница Сен-Сира, французженка, вдова Софія де-Лафонъ. Въ 1767 г., былъ произведенъ первый экзаменъ въ присутствіи императрицы; самой старшей воспитанницѣ было 9, а младшей 6 лѣтъ. Изъ камеръ-фурьерскаго журнала видно, что въ 1770 г., во время пребыванія прусскаго принца Генриха, малолѣтнія воспитанницы этого заведенія танцовали балетъ, который былъ раздѣленъ на четыре времени года: весну, лѣто, осень и зиму. Императрица особенно осталась довольна праздникомъ и описала его въ письмѣ къ Вольтеру. Съ 1771 г. воспитанницы Смольнаго нерѣдко разыгрывали театральныя пьесы въ присутствіи царицы. Затрудняясь выборомъ пьесъ, соответствующихъ ихъ возрасту и воспитанію, Екатерина обращалась за совѣтомъ къ Вольтеру. Восемьдесятъ семь лѣтъ отъ заложенія, зданіе собора стояло необдѣлано и только по желанію матери Николая I, освящено 20-го іюня 1835 г. Соборъ наименованъ соборомъ всѣхъ учебныхъ заведеній; въ окружающихъ его постройкахъ учрежденъ вдовій домъ.

Собраніе славянскаго Общества. Последнее торжественное собраніе петербургскаго славянскаго благотворительнаго Общества открылось пѣніемъ тропаря св. Кириллу и Меодію. Исполненъ былъ тропарь по древнему знаменному распѣву извѣстнымъ хоромъ Архангельскаго. Затѣмъ секретарь Общества заявилъ объ установленіи Обществомъ кирилло-меодіевскихъ премій, въ память праздновавшагося тысячелѣтія памяти св. Меодія, за лучшее сочиненіе по исторіи образованія европейскихъ языковъ, причемъ должны быть положены судьбы церковно-славянскаго языка; автору затѣмъ предоставляется самому уже сдѣлать выводъ изъ его обзорній о томъ, возможно ли и необходимо ли единство славянскаго языка. Сочиненія должны быть представлены не позже 11-го мая 1888 г., а премія выдаются 14-го февраля 1889 г. Первая премія въ 1,500 руб., а вторая—въ 500 руб. Затѣмъ послѣдовала рѣчь профессора О. Миллера. Ораторъ указалъ на проявленіе истинной христіанской идеи въ трудахъ славянскихъ первоучителей,—идею, заключающуюся въ томъ, что въ христіанствѣ нѣтъ привилегированныхъ расъ, и сословій, и языковъ, но всѣ народы прививаются къ единенію и братству во Христѣ. Послѣ рѣчи г. Петровъ, отъ имени надательской комиссіи сла-

вянскаго Общества, довелъ до свѣдѣнія слушателей о тѣхъ усилѣхъ, которые дѣлаетъ русскій языкъ и русская литература въ славянскихъ земляхъ; прочиталъ выдержки изъ писемъ, полученныхъ въ Обществѣ (болѣе 30), изъ которыхъ видно, какъ дорожатъ тамъ русскими книгами, которыхъ едва ли гдѣ можно достать, и то чуть не на вѣсъ золота; теперь коммиссія поэтому проситъ русскихъ людей поддержать стремленіе въ славянахъ, просящихъ прямо даже присылки старыхъ, ненужныхъ здѣсь уже газетъ, книгъ и журналовъ. Русская книга, содѣйствуя сближенію по пути мирнаго просвѣщенія, сослужить великую службу славянскому дѣлу; тамъ, гдѣ работаетъ книга, меньше достанется мечу. Коммиссія полагаетъ составить особый фондъ для разсылки книгъ и приглашаетъ содѣйствовать какъ въ этомъ дѣлѣ, такъ и въ пожертвованіяхъ книгами всѣхъ членовъ Общества и всѣхъ добрыхъ людей.

Задачи русской этнографіи. Въ послѣднемъ засѣданіи этнографическаго Отдѣленія русскаго географическаго Общества, А. Н. Пыпина сдѣлалъ сообщеніе о задачахъ современной русской этнографіи. Настоящій докладъ составляетъ часть обширной статьи г. Пыпина объ этнографіи. Сущность доклада, въ общихъ чертахъ, заключается въ слѣдующемъ. Россія населена множествомъ народностей, стоящихъ на весьма различныхъ ступеняхъ развитія. Болѣе низко стоящія народности, подъ культурнымъ вліяніемъ болѣе развитыхъ народностей, съ теченіемъ времени измѣняютъ свой характеръ, причемъ въ значительной степени происходитъ утрата старинны. Кромѣ того, недостатку этнографическаго дѣла немало способствуетъ разбросанность существующаго этнографическаго матеріала. Для достиженія болѣе действительныхъ результатовъ въ изученіи нашихъ многочисленныхъ народностей, по мнѣнію г. Пыпина, необходимо принять слѣдующія мѣры: учредить преподаваніе этого предмета на университетскихъ курсахъ; далѣе было бы желательно, чтобы содѣйствіе этому дѣлу оказали существующія при университетахъ филологическія Общества посредствомъ спеціальнаго наданія для объединенія дѣла по вопросу о собираніи народной повѣи. Докладчикъ рекомендуетъ мѣстные этнографическіе музеи, въ устройствѣ и содержаніи которыхъ могли бы принять участіе мѣстныя земства, а также статистическіе комитеты и частныя лица. Систематическому собиранію и группировкѣ мѣстнаго этнографическаго матеріала, по мнѣнію г. Пыпина, также немало способствовали бы этнографическіе съѣзды, станціи и экспедиціи. При этомъ, само собой разумѣется, должна быть выработана обстоятельная программа, которою могли бы руководствоваться не только ученые специалисты, но и любители—собиратели этнографическаго матеріала.

Общество любителей древней письменности. Членъ-корреспондентъ Общества И. П. Хрущовъ прочелъ сообщеніе намѣстника Свято-Троицкой Сергіевской лавры, архимандрита Леоніда, посвященное новооткрытому имъ памятнику, представляющему собою «Поученіе на Богоявленіе Господне», современное паннонскимъ житіямъ славянскихъ первоучителей Кирилла и Меодія и приписываемое ихъ ученику, св. Клименту. Въ томъ же засѣданіи князь П. П. Вяземскій представилъ на разсмотрѣніе присутствовавшихъ наданное въ Ахенѣ описаніе коллекціи эмалей А. В. Звенигородскаго, въ составъ которой входятъ около 25 византійскихъ эмалевыхъ изображеній VII—XI вѣковъ. На разсмотрѣніе присутствовавшихъ Е. Н. Опочнинъ представилъ серебряный сосудъ русскаго дѣла, начала XVIII в., плоской формы, укра-

шенный по краямъ сдѣланными чернью изображеніями, которыя представляютъ двѣ аллегорическія женскія фигуры и два государственныхъ русскіихъ герба петровскаго времени, посреди звѣрей и птицъ аллегорическаго характера.

Общество архитекторовъ. Последнее засѣданіе петербургскаго Общества архитекторовъ было посвящено технической бесѣдѣ по поводу выставленнаго въ помѣщеніи Общества проекта храма для города Софіи, въ память освобожденія Болгаріи императоромъ Александромъ II, исполненнаго И. С. Вогомолowymъ. Проектированный храмъ разсчитанъ на 1,000 человекъ, будетъ имѣть 25 сажень высоты (съ крестомъ) и обойдется до 2¹/₂ милл. франковъ. Постройкою завѣдываетъ особый комитетъ, состоящій при министерствѣ общественныхъ работъ. Непосредственное руководство работами принимаетъ на себя г. Вогомоловъ. Стиль храма—византійскій, матеріаломъ послужать мѣстныя породы камней (три сорта) разныхъ цвѣтовъ. На карнизахъ имѣются славянскія надписи изъ св. писанія и одна надпись на стѣнѣ: «Храмъ сей воздвигнутъ Болгарскимъ княжествомъ въ память освобожденія Болгаріи императоромъ Александромъ II въ 1878 году». Рядомъ съ храмомъ проектируются памятники Царю-Освободителю.

Памятникъ Валиханову. Извѣстному путешественнику въ Кашгаръ киргизскому тюрк Чекану Валиханову поставленъ на могилѣ его, близь ст. Куякусовой (между Копаломъ и Вѣрнымъ), памятникъ въ видѣ мраморной плиты. Надписи сдѣланы порусски и покиргизски: 1) «Здѣсь покоится прахъ штабсъ-ротмистра Чекана Чингисовича Валиханова, скончавшагося въ 1866 году»; и 2) «По желанію туркестанскаго генераль-губернатора, генераль-адъютанта Кауфмана, во вниманіе ученыхъ заслугъ Валиханова положенъ сей памятникъ генераль-лейтенантомъ Колпаковскимъ въ 1880 году». Памятникъ этотъ доставленъ на мѣсто погребенія Валиханова. Покойный былъ выдающагося личностью по талантамъ и образованію среди киргизовъ.

Орловская архивная комиссія. Въ дѣлахъ Волховскаго нижняго земскаго суда найденъ документъ, относящійся къ екатерининской жалованной дворянству грамотѣ и изданный орловскою архивною комиссіею ко дню столѣтняго юбилея этой грамоты. Когда была обнародована эта грамота, орловскій губернский предводитель Владиміръ Денисовичъ Давыдовъ, согласясь съ мнѣніемъ правителя намѣстничества Семіона Александровича Неплюева, разослалъ въ дворянскія опеки свои соображенія относительно выполненія нѣкоторыхъ статей грамоты, требуя, чтобъ проживающіе въ уѣздахъ дворяне были вызваны въ городъ и отъ нихъ отобраны были подписки на согласіе съ Давыдовымъ, или «противоположительныя» ихъ мнѣнія. Получивъ такое предложеніе, болховская опека вызывала чрезъ нижній земскій судъ «всѣхъ до единого» своей округи дворянъ въ городъ къ 10-му іюля 1786 г. При указѣ ея приложены были и предположенія Давыдова.

Этотъ любопытный документъ имѣетъ очень длинное заглавіе: «Мнѣніе на выполненіе главнѣйшихъ статей жалованной дворянству грамоты о сборѣ и составленіи собственной дворянской казны и о употребленіи ея, Орловской губерніи губернскаго предводителя полковника Давыдова, основанное на мнѣніи господина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, орловскаго намѣстничества правителя и кавалера Семіона Александровича Неплюева, поданномъ орловскому губернскому предводителю, яко дворяниномъ того намѣстничества, предложенное собранію дворянства того намѣстничества». Написанъ

онъ наипаче официальнымъ языкомъ. Вотъ его начало: «Милостивые государи мои. Всемилостивѣйше пожалованная грамота въ 21-й день апрѣля 1785 года российскому дворянству на достоинство его и преимущества есть столь счастливая для насъ эпоха вѣка нашего, что нѣтъ сомнѣнія, чтобы кто изъ насъ не восчувствовалъ сей рѣдкія щедроты въ полной ея мѣрѣ. Милости ея императорскаго величества пребудутъ вѣчно извѣсны на благодарныхъ нашихъ и потомства нашего сердцахъ. Поставимъ во оныхъ алтари благоговѣнія благотворительности ея воли, и не трофеей ей соорудимъ, не громады пирамидъ воздвигнемъ славы ея: истинно мудрый не требуетъ сихъ тлѣнныхъ монументовъ и не въ сихъ суетныхъ предметахъ славу и удовольствіе свое находитъ, а въ чувствахъ и блаженствѣ тѣхъ, коихъ онъ ущедритъ мудрыми законопроданіями. Потщимся же нынѣ оправдать ея милости, мы, коихъ предки запечатлѣли кровію и служеніемъ наше аваніе, утвержденное нынѣ намъ съ такими преимуществами. Потщимся, говорю, выполнить всѣ статьи грамоты съ самою точностію и усугубимъ вѣрностію и служеніемъ ей и высокімъ ея потомкамъ; да благодарствуемъ подъ спасительною ея десницею на безконечныя времена».

Далѣе слѣдуетъ, на основаніи грамоты, разрѣшеніе слѣдующихъ вопросовъ: какъ и когда собратся дворянству; о назначеніи кандидата въ дворянскіе секретари; объ открытіи перваго засѣданія избраніемъ секретаря и «прокуратора»; объ установленіи правилъ по составленію казны дворянской и о дачѣ съ оныхъ копій уѣзднымъ предводителямъ; о домѣ для собранія; объ архивѣ дворянской и гдѣ ей быть и подъ чьимъ наблюденіемъ; о печати дворянской и ея содержаніи. Извѣстно, что въ 1789 году было повелѣно изображать на печатахъ только гербъ губерній, но до этого указа дворянскія фантазіи орловцевъ разыгрались слѣдующимъ образомъ:

«Печать сія должна имѣть эмблематическія въ себѣ заключенія, извлеченныя изъ существа вещей, относящихся къ сему предмету; а потому, примѣрно, я полагаю, быть слѣдующаго изображенія: твердый внизу камень, означающій неизблещность и твердость нашего состоянія; на ономъ извѣстнъ счастливый 21-го апрѣля 1785 года день, въ который удостоено дворянство пожалованною грамотою. На камнѣ воздвигнуть зеленый щитъ, — коего цвѣты означаютъ постоянство и скромность, — увѣнчанный дворянскою короною, на цвѣтахъ покоящаяся. Съ правой стороны щита орудія военныя, въ знакъ того, что сими орудіями, пролитіемъ крови своей и вѣрностію къ престолу и государю предковъ нашихъ приобрѣтено достоинство дворянства. Съ лѣвой стороны признаки наукъ, коими также соотчичи наши достигали достоинства; внизу на самомъ щитѣ Орловской губерній гербъ, надъ которымъ двѣ схватящіяся руки означаютъ согласіе, союзъ и единодушіе дворянства; а чтобы означить, что сей союзъ есть на пользу служенія государю, то щитъ сверху имѣетъ парящаго орла, несущаго въ сіяніи вензельное имя ея императорскаго величества, даровавшей милости сія намъ, изъ-за котораго рогъ изобилія сыплетъ на схваченныя руки цвѣты и плоды, на подобіе тѣхъ щедротъ, каковыя ея десница наливаетъ на насъ, съ подписью подъ схваченными руками таковою: «на пользу государю и себѣ»; вокругъ оной подписано будетъ: «печать орловскаго благороднаго дворянства».

Далѣе слѣдуютъ постановленія о рассмотрѣніи доказательствъ дворянства; о томъ какъ сноситься дворянскому собранію и какъ именоваться; изъ чего оно составлено и какой порядокъ въ засѣданіи наблюдать. Любопытны

въ особенности постановленія о поощреніи отличившихся свидѣтельствомъ торжественнаго признанія предъ обществомъ и дачѣ похвальнаго листа. Такъ какъ «собранія дворянства свою статью уполномочены быть обсуждывать пороки своихъ собратій, тому-жъ средствомъ признается исправлять ихъ прошеніемъ — честолюбіе, яко душа своего званія — я поощреніемъ добрыхъ дѣлъ ограждать пороки. Для сего сдѣлавшихъ нѣкоторыя отличности, какъ-то: услуга примѣчательная обществу, полезный совѣтъ, новое какое изысканіе въ пользу домоводства, благодареніе (благодѣяніе?) примѣчательное собрату своему, оконченная тяжба между двумя тяжущимися миролюбиво и проч.—всѣ таковыя дѣянія должны уѣданными предводителями, о коихъ имѣють представлять каждую третью съ прописаніемъ именно отличившихся губернскому предводителю». Вместе съ тѣмъ предложено и «о исправленіи стыдомъ впадшихъ въ пороки, и буде не исправятся, то предлагать обществу объ исключеніи такового».

Памятникъ Дарвину. Сооруженный на собраніи лондонскимъ комитетомъ средотвѣ, памятникъ Дарвину торжественно открытъ въ музей естественныхъ наукъ, въ Соут-Бенсингтонѣ, въ присутствіи принца Уэльскаго и многочисленной публики. Профессоръ Гексли произнесъ блестящую рѣчь о заслугахъ и значеніи знаменитаго естествоиспытателя и вслѣдъ затѣмъ состоялась церемонія передачи памятника въ собственность націи, обязанность представителя которой исполнялъ наследникъ престола. Статуя изваяна изъ мрамора извѣстнымъ скульпторомъ Бемомъ. Дарвинъ изображенъ сидящимъ въ креслѣ. Для сооруженія памятника собрано было по подпискѣ во всѣхъ частяхъ свѣта 4,500 ф. стерлинговъ. Памятникъ обошелся въ 2,000 ф.; оставшаяся сумма предполагается употребить для назначенія стипендій наследователямъ въ области биологій. Комитетъ намѣревался поставить также бюстъ Дарвина въ Вестминстерскомъ аббатствѣ.

† 20-го іюня въ Москвѣ Владимиръ Ивановичъ Родиславскій, основатель Общества русскихъ драматическихъ писателей. Покойный служилъ по министерству внутреннихъ дѣлъ, и занималъ должность правителя канцеляріи, при московскомъ генераль-губернаторѣ. Онъ былъ страстнымъ любителемъ театра, которому и посвящалъ свои досуги въ молодости, въ качествѣ актера на любительскихъ спектакляхъ, а затѣмъ какъ драматическій писатель и переводчикъ. Нѣкоторыя изъ его пьесъ, какъ водевилъ «На хлѣбъ и на воду», до сихъ поръ не сходятъ съ репертуара. Въ сотрудничествѣ съ г. Новичкомъ имъ переведена драма В. Гюго «Марія Тюдоръ», подъ названіемъ «Когда-то было въ старину». Главная заслуга Родиславскаго, благодаря которой имя его не забудется въ исторіи русской литературы, — это основаніе въ 1874 году Общества русскихъ драматическихъ писателей, достигшаго за десятилѣтній періодъ существованія замѣчательнаго развитія. Онъ вложилъ всю свою душу въ осуществленіе этого дѣла и не покидалъ его до смерти, имѣя возможность давать ходъ полевымъ мѣропріятіямъ, касающимся развитія Общества. Оно обязано Родиславскому созданіемъ своего устава. Десять лѣтъ покойный состоялъ секретаремъ Общества и только вслѣдствіе разстройнаго здоровья перешелъ въ члены наблюдательнаго комитета. Общество навзначило ему пожизненную пенсію въ 1,500 р. въ годъ.

† 15-го іюня въ Ораніенбаумѣ Марія Абрамовна Португаль. Помимо медицинской спеціальности, покойный большую часть своей дѣятельности посвятила литературѣ, преимущественно занимаясь разработкой обществен-

ныхъ вопросовъ, касающихся народной нравственности, гигіены и т. п. Онъ долго жилъ въ Самарѣ, откуда корреспондировалъ въ повременныя изданія, писалъ въ журналахъ «Дѣло», «Недѣля» и др. Имъ издано также нѣсколько популярныхъ брошюръ для народнаго чтенія.

† Въ Прагѣ Францъ Шмигачъ, чешскій литераторъ, депутатъ на сеймѣ, членъ разныхъ ученыхъ и благотворительныхъ обществъ, книгопродавецъ, редакторъ и издатель нѣсколькихъ періодическихъ изданій и основатель чешской газеты «Narodní Listy». Не достигнувъ еще 50 лѣтъ, покойный чешскій дѣятель, вскорѣ послѣ утраты своей жены, получилъ воспаленіе въ легкихъ и умеръ, оплакиваемый родными и своими земляками, которые проводили его въ мѣсто вѣчнаго упокоенія съ большою торжественностію. Издательская фирма его перешла къ его сыновьямъ, Ярославу и Богуславу.

† Въ Львовѣ польскій поэтъ Николай Белозъ-Антоновичъ, авторъ драматической поэмы «Анна Освенцимовна», переводчикъ «Уриэля Акосты», воевода тридцатыхъ годовъ, служившій въ 4-мъ уланскомъ полку поручикомъ. Не смотря на преклонныя лѣта — 84 года, покойный до послѣднихъ лѣтъ не оставлялъ новелл, пользуясь при этомъ здоровьемъ и отличаясь замѣчательною памятью, которая давала ему возможность рассказывать свои воспоминанія о пережитомъ имъ времени.

ПОПРАВКИ И ЗАМѢТКИ.

По поводу статей г. Лѣскова.

Надѣюсь, что редація «Историческаго Вѣстника» найдетъ возможнымъ уделить небольшое мѣсто для нѣсколькихъ дополненій и замѣчаній по поводу напечатанныхъ въ этомъ журналѣ интересныхъ статей г. Лѣскова «Универсальный торгъ» (майская книжка) и «Благословенный бракъ» (июньская книжка).

Записка Пеликана, на основаніи которой написана статья: «Универсальный торгъ», можетъ дѣйствительно относиться къ 1854 году, или къ началу 1855 года, потому что инспекторъ врачебной управы, докторъ Леви (а не Ливе), умеръ только въ 1855 году. Но между тѣми временами и настоящимъ временемъ существуетъ большая разница, и именно вслѣдствіе устройства желѣзныхъ дорогъ между Петербургомъ, Москвою и пр., и Германіею.

До устройства С.-Петербургско-Вержболовской дороги, не только путешественники и товары, но и почтовое движеніе направлялось на Ригу. Въ то время, при отсутствіи телеграфовъ, всѣ заграничныя извѣстія получались въ Ригѣ двумя и тремя днями ранѣе, нежели въ Петербургѣ; въ Митавѣ на нѣсколько часовъ прежде, нежели въ Ригѣ, и т. д. При этомъ положеніи дѣла «живой товаръ», предназначавшійся въ С.-Петербургъ или Москву, по необходимости проходя черезъ Ригу, нерѣдко оставался здѣсь на время частью для отдыха, частью для «эксплоатаціи» на мѣстѣ. Съ устройствомъ прямаго сообщенія по желѣзнымъ дорогамъ положеніе дѣла измѣнилось. Рига осталась въ сторонѣ, и туда вообще попадаетъ только та часть «живаго товара»,

которая требуется на мѣстѣ. Петербургъ слабѣеетъ имъ, почти исключительно непосредственно надъ контрою сортировки: Берлина, Лейпцига, Дрездена, Мюнхена, Пашта и т. п.; Рига же перестала быть такимъ сортировочнымъ пунктомъ.

Что касается условий быта живаго товара, то въ Ригѣ они были тѣ же, что и въ другихъ городахъ, но отношенію въ административному взгляду на дѣло; въ томъ легко убѣдиться, смѣнивъ свѣдѣнія о Ригѣ съ сочиненіями о проституціи въ другихъ мѣстахъ ¹⁾. По отношенію къ матеріальному житію живаго товара, ему было относительно лучше въ Ригѣ, нежели во многихъ другихъ мѣстахъ. Воздухъ, пища, обожденіе и т. п. были лучше.

Въ то время, къ которому относится записка, положеніе особой живаго товара всюду было почти безвыходно. Онѣ становились товаромъ своихъ хозяевъ, за которыхъ полиція стояла горой. Нигдѣ въ Ригѣ, подобно какъ и въ другихъ мѣстахъ, рабство устранилось; есть и «убѣжище Магдалины», хотя, признаемся, эти убѣжища, при настоящемъ уровнѣ нравственности у мужскаго населенія городовъ, намъ кажутся безцѣльными. На мѣсто кооправленной особи необходимо должна поступать коная, часто болѣе свѣжая сила.

Теперь переходжу къ статьѣ «Благословенный бракъ». Мѣры преслѣдованія противъ раскола, непризнаваніе брака за раскольниками безпозовицкаго толка, а также выраженія въ родѣ «собачья свадьба» — созданы не княземъ А. А. Суворовымъ. Направленныя въ уничтоженію раскола или воссоединенію раскольниковъ мѣры предписывались свыше, и гораздо ранѣе прибытія князя Суворова въ Ригу. Поселившись въ семь городѣ за три года до назначенія туда генераль-губернаторомъ князя Суворова, т. е. почти одновременно съ назначеніемъ на эту должность генерала отъ инфантеріи Е. А. Головина, мы хорошо помнимъ дѣятельность секретнаго отдѣленія канцеляріи генераль-губернатора. Остзейская магистратура тутъ была не причемъ. Дѣлами вѣдали православно-духовныя власти, управление генераль-губернатора, коронная полиція и т. п. Мы помнимъ, какъ, въ 1846 году, т. е. за два года до назначенія князя Суворова, сданный въ рекруты рижскій раскольникъ, пришедшій съ женою къ тамошнему полицеймейстеру, гвардейскому полковнику, кореннаго русскаго происхожденія, сталъ просить дозволенія взять жену съ собою. Ставшій на колѣни проситель былъ высланъ прочь, съ указаніемъ на то, что пришедшая съ нимъ женщина не жена его, а блудница, и что если онъ желаетъ, чтобы эта блудница была его законною женою, то имъ надлежитъ обвѣнчаться въ православной церкви. Ставши рижскимъ военнымъ губернаторомъ, князь Суворовъ засталъ тамъ и составъ секретнаго отдѣленія, и мѣры, направленныя противъ раскольниковъ, и предписанія свыше. Но рядомъ съ графомъ Д. Н. Т., который завѣдовалъ секретными дѣлами (начальникомъ отдѣленія былъ Г. Васильевъ) и былъ чистосердечно усердный православный, находился при генераль-губернаторѣ другой чиновникъ, П. А. В. (впоследствии графъ), который писалъ, что церкви надлежитъ бороться съ расколомъ не черезъ полицію, а убѣжденіемъ, дѣйствовать не буквою, а духомъ...

Что русскіе нѣмцы столько же, сколько и нѣмецкая администрація не чуждались раскольниковъ, доказывается самымъ скопленіемъ сихъ послѣд-

¹⁾ De la prostitution dans la ville de Paris и т. д. Это сочиненіе написано лѣтъ 40 тому назадъ, но и значеніе Риги, какъ сортировочнаго пункта, относится къ тому же времени.

нихъ въ Ригѣ. Въ описываемое мною время ихъ тамъ было болѣе нежели православныхъ. Раскольники почитались самыми грамотными, трудолюбивыми, нравственными и честными между обитателями Московскаго форштадта, населеннаго почти исключительно русскими.

«Wilde Ehe» точно переведено словами «дикий бракъ»; «wilde Ehe» значитъ безбрачное сожительство; самое слово «wild» не есть безусловная передача слова «дикий»; такъ wilder Knabe, wildes Mädchen значитъ: рѣвые мальчикъ, дѣвочка, или шалуны, шалуныя; wilde Leidenschaften—буѣныя страсти и пр.

Неточнымъ кажется намъ также сопоставленіе раскольничьихъ наставниковъ съ лютеранскими пасторами и приравненіе раскольничьяго благословеннаго брака къ обряду бракосочетанія по чину протестантской церкви. Правда, ни священство, ни бракъ не суть таинства по вѣроученію лютеранъ, но у нихъ торжественно рукополагаютъ пасторовъ, призывая на нихъ Дары Духа Святаго. Точно также бракосочетаніе совершается у нихъ не «посредствомъ произнесенія «Отче нашъ», коротенькаго разсужденія и похвалленія», какъ то молагаетъ авторъ.

Часто отсутствуя при бракосочетаніяхъ, мы видѣли, что обряду всадъ предшествуетъ поученіе (а не разсужденіе), послѣ чего совершается брачный обрядъ, въ главномъ какъ и у насъ, только безъ троекратнаго возженія около аналоя, безъ нѣкоторыхъ пѣснопѣній и безъ вѣнцовъ. Въ справедливости нами сказаннаго легко убѣдиться, взглянувъ въ Уставъ протестантской церкви въ Россіи, въ Полномъ Собраніи Законовъ.

Одинъ изъ подписчиковъ.

Отвѣтъ г. Линовскому.

Г. редакторъ! Я надѣюсь, что вы не откажетесь помѣстить на страницахъ вашего уважаемаго журнала нижеслѣдующую замѣтку мою на статью г. Н. Линовскаго, напечатанную въ июньской книгѣ «Историческаго Вѣстника», подъ заглавіемъ: «Маленькая историческая невѣрность». Авторъ этой статьи, выступая на защиту исторической вѣрности противъ г. Мордовцова и исправляя (?) его, самъ дѣлаетъ такія ошибки и неточности, что невольно возбуждается удивленіе безцеремонности, съ которой онъ является для поученія другихъ въ вопросахъ, повидимому, совершенно для него самого неясныхъ. Позвольте здѣсь указать на эти неточности г. Линовскаго и возстановить хотя нѣсколько «историческую вѣрность», столь неудачно имъ преслѣдуемую. Предсмертное восклицаніе Иисуса Христа «Елон, Елон, ламма савахавани», составляющее тему цѣлой серии возраженій г. Линовскаго г. Мордовцову, приведено въ подлинникѣ двумя евангелистами, Матвеемъ (XXVII, 46) и Маркомъ (XV, 34). Оба они передаютъ его различно. У перваго стоитъ: 'Ηλι, 'Ηλι, λαμα σαβαυθανι, у втораго: 'Ελωϊ, 'Ελωϊ, λαμμᾶ σαβαυθανι; слѣдовательно, г. Мордовцовъ не дѣлаетъ никакой ошибки, какъ это утверждаетъ г. Линовскій, употребляя слово Елон вмѣсто Ели. Но зато г. Линовскій, исправляя невѣрно переданное г. Мордовцовымъ самахвани въ семахтони, вмѣсто правильнаго савахавани, впадаетъ въ положительную ошибку. Затѣмъ слова «Елон, Елон ламма савахавани» совсѣмъ не оказываются словами чистѣйшаго библейскаго языка, а словами сиро-халдей-

скаго языка, на которомъ во времена Іисуса говорила вся Палестина и самъ Іисусъ. Что фраза эта произнесена не на еврейскомъ языкѣ, а на вышеупомянутомъ арамейскомъ нарѣчии, то это доказывается употребленіемъ халдейскаго слова «Елон» (Елогн) вмѣсто еврейскаго «Ели», а также халдейскаго глагола «шевакъ», не существующаго въ еврейскомъ языкѣ. Слово «лама», или (съ дагешемъ) «ламма», еврейскій языкъ имѣетъ общее съ арамейскими діалектами (напр., съ сврійскимъ и самарянскимъ), чѣмъ и объясняется употребленіе его въ восклицаніи Христа.

Далѣе, фраза Іисуса—вовсе не «буквальная фраза царя Давида», которая будто бы «и поднесъ находится въ псалтырѣ». Ея въ псалтырѣ не находится и находится не можетъ, такъ какъ онъ написана на чистомъ еврейскомъ языкѣ, а потому ни видима въ этой книгѣ (Пс. XX, 2) выраженіе: Ели, Ели, лама ааватанн. Такъ какъ евреи, по сознанію самого г. Липовскаго, молчалили всегда на еврейскомъ языкѣ, то Іисусъ, слѣдовательно, не произнесъ «воля молчавшаго» на крестѣ, а воскликнулъ на своемъ природномъ языкѣ своими словами, какъ это совершенно вѣрно замѣтилъ г. Мордоуцевъ, и если не былъ понятъ окружающими его людьми (τις), то только по нежеланію его понять. Впрочемъ, восклицаніе «Боже мой» въ арамейской формѣ «Елогн» весьма похоже на имя Ильи — Елигу, такъ что могло быть принято за послѣднее и безъ алаго умысла со стороны евреевъ.

Алексій Марковъ.

Къ исторіи солдатства.

Смѣю думать, что настоящая заѣтка найдетъ мѣсто на страницахъ «Историческаго Вѣстника», какъ журнала, имѣющаго цѣлью сохранять отъ забвенія все, что относится къ исторіи Русской земли, въ различныхъ ея проявленіяхъ. Подобныя заѣтки, какъ та, о которой поведемъ сейчасъ рѣчь, освѣтятъ извѣстный періодъ исторіи солдатства будущему изслѣдователю русской жизни, если только онъ будетъ говорить о ходѣ цивилизаціи въ равныхъ слояхъ нашего общества.

Педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній, состоящій подъ вѣдѣніемъ г. Коховскаго, сослужилъ немалую службу дѣлу народнаго образованія, хотя его прямая цѣль дѣйствовать въ кругѣ военнаго вѣдомства. Кто не пользовался его пособиями, кто не знаетъ объ его народныхъ чтеніяхъ!

Я самъ, авторъ настоящей заѣтки, неоднократно знакомилъ въ стѣнахъ этого музея своихъ учениковъ, будущихъ народныхъ учителей, съ различными способами нагляднаго обученія и пользовался его прекрасными пособиями, напимѣръ, туманными картинами. Настоящее хорошее русское спасибо военному вѣдомству, за то, что оно такъ широко понимаетъ свою задачу, а не держится въ узкихъ рамкахъ буквальнаго пониманія своего призванія и назначенія.

Въ вышедшемъ въ нынѣшнемъ году «Краткомъ обзорѣ дѣятельности педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній за время отъ 1-го января 1883 г. по 1-е мая 1884 года» мы, между прочимъ, встрѣтили слѣдующую заѣтку, имѣющую, какъ мы сказали выше, непосредственное отношеніе къ исторіи солдатства: «О записанныхъ солдатами народныхъ чтеніяхъ».

«Втеченіе двухъ послѣднихъ зимъ,—говорится въ обзорѣ,—въ народной аудиторіи музея отводилось до 150 бесплатныхъ мѣстъ слушателямъ изъ нижнихъ чиновъ и, кромѣ того, устраивались чтенія специально для полковыхъ гвардіи. Удовлетворяя, такимъ образомъ, желаніе солдатъ слушать чтенія, коммиссія нашла умѣстнымъ провѣрить, какое впечатлѣніе производятъ эти чтенія на слушателей изъ народа, и для этого предложила (при просвѣщенномъ посредствѣ воинскаго начальства) солдатамъ записывать прослушанными ими чтенія и записи эти доставлять въ музей. Въ портфель коммиссіи собралось уже много десятковъ записанныхъ чтеній; часть ихъ она и предложила рассмотреть гг. Вл. И. Куницкому и Вл. В. Михайлову. Пересмотръ записанныхъ чтеній производитъ самое отрадное впечатлѣніе. Прежде всего поражаетъ толковая, воспримчивость слушателя, какой, казалось бы, трудно ожидать отъ людей, въ большинствѣ не закончившихъ обученія въ сельской школѣ и даже усвоившихъ грамоту самоучкой. «О степени подготовки каждаго солдата, представившаго записанныя чтенія, коммиссія получила свѣдѣнія отъ гг. офицеровъ, нѣкоторые же солдаты представили свои автобіографіи, изъ которыхъ въ одной подробно разсказанъ процессъ изученія грамоты самоучкою по молитвѣ Господней, которую авторъ зналъ со слуха наизусть. Чтеніе «Бой за Зеленныя горы» Д. И. Иванова большинствомъ слушателей усвоено вполне и, видно, прослушано съ особымъ вниманіемъ. Въ записяхъ — ничего дѣланнаго, безжизненнаго, формальнаго. Слушатель чтеніемъ былъ захваченъ цѣлкомъ. Есть немало записей, въ которыхъ усматривается авторское стремленіе—отдѣлать нѣкоторыя моменты разсказа. Личность Скобелева особенно выдѣляется: всѣ хорошія рѣчи приписываются ему, даже присочиняются; ему же подлежатъ и всѣ энергическія движенія, и поступки: «онъ командовалъ, онъ бросился впередъ». Слѣдующія слова Скобелева повторяются у всѣхъ, за весьма немногими исключеніями, и почти у всѣхъ въ однообразной редакціи: «Помните, братцы, что мы не Плевну брать идемъ, а турокъ изъ траншей выбивать. Не зарываться, а главное — послушаніе». У иныхъ замѣчается широкій размахъ: сначала подробности, послѣдовательность и потомъ вдругъ обрывъ, за недостаткомъ заряда или времени. Есть и такіе, у которыхъ прямо сказывается утомленіе вниманія. Возбужденное дѣйствительнымъ желаніемъ усвоить, оно крѣпко держится въ началѣ и очень скоро утрачивается, но это уже индивидуальная особенность. Къ такой же особенности г. Михайловъ отнесъ и тѣхъ немногихъ, которые какъ бы исключительно облюбовали однѣ вызывающія улыбку или поражающія мелочи, вброшенныя въ разсказъ для его оживленія. Мелочи всѣхъ заняли, всѣмъ пришлось по вкусу, и рѣдкій обошелъ ихъ въ своемъ изложеніи, хотя были и серьезныя толковыя лица, передавшія только главные основы разсказа. Своеобразность выразилась въ самомъ ходѣ повѣствованія. Такъ набожный распространился о моментахъ молитвъ, въ которыхъ выражается горячая вѣра; исполненный геройскаго духа и, очень можетъ быть, не нюхавшій еще пороха останавливается на описаніи страшныхъ минутъ; веселаго человѣка занимаютъ мелочи; вполне толковый ищетъ значенія событія, малоспособный или недовольно прилежный просто какъ нибудь отдѣлывается отъ занимающаго вопроса, и все это уснащается словечками и цѣлыми фразами личнаго склада. Являются вмѣсто попытки—попытъ, вмѣсто приготовленія — подготовка, или такое, напрямѣръ, выраженіе: видятъ — не нашъ соловей — турка... или такое: Скобелеву

приказано атаковать Зеленя горы, а Гурко—Дубнякъ и Телишъ чтобы. И точка!»

Иль 51 записи о Зеленыхъ горахъ въ 35,—говорить г. Михайловъ,—я нашелъ все, что нужно. Ясно сознаю, что, повидимому, неважное занятіе Зеленыхъ горъ имѣетъ выдающееся значеніе для общаго дѣла и необычайную трудность. Ясно усвоено, что весь успѣхъ заключается въ спокойствіи и выдержкѣ, въ безавѣтной стойкости и сознаніи долга каждой личностью. У тѣхъ, кто могъ совершенно основательно изложить чтеніе, это даже просто резюмировано отдѣльнымъ выводомъ, при концѣ. Я считаю,—прибавляетъ г. Михайловъ,—дѣлъ чтенія достигнутою. Въ итогѣ: 35 записей удовлетворительныхъ, до 10 хорошихъ и 6 слабыхъ, и то сравнительно съ другими».

Записи чтенія о воздухоплаваніи тоже весьма интересны. Но и здѣсь самобытность каждой личности выражается рельефно: иной ставитъ включеніе: шары служатъ не для забавы, а для науки человѣка; иной умствуетъ: на то Богъ человѣку и разумъ дѣлъ, чтобы онъ могъ дѣлать разныя устройства, которыя могли бы замѣнять силу человѣка; третій пишетъ: для науки шары много помогли: они дали возможность изучить оный воздухъ и устройство облаковъ и проч.

Исторія Икара, къ сожалѣнію, должна была быть упомянута въ чтеніи въ началѣ, когда вниманіе чутко, и потому о ней говорить всѣ, но, повидимому, лекторъ ненастойчиво отгѣнилъ легендарное значеніе сказанія, и многіе относятся къ нему какъ къ факту, хотя и недоумѣваютъ, какъ Икаръ могъ высоко подняться и какъ растаялъ воскъ, которымъ были скрѣплены крылья? Двое прикрѣпили крылья воскомъ къ самому греку (приклеилъ ихъ къ себѣ воскомъ), а одинъ сомнѣвается въ учености грека, но отыскивается о немъ снисходительно, говоря: одинъ довольно ученый грекъ, а другой добавляетъ о грекѣ: но это было, или нѣтъ—никто настояще не знаетъ, потому что отъ него не осталось слѣдовъ. Случается и внѣшняя редакция (надобно прибавить, заѣтимъ мы, съ своей стороны, любимая народомъ), какъ, напримѣръ: и наполнили шаръ газомъ, впускали его въ кадетскомъ корпусѣ, и привязали къ нему корзинку, и садился въ нее Малиновскій, и поднималась она высоко, и видѣли, разумѣется, и то, и другое, и третье (написано безъ знаковъ препинанія).

Заключимъ нашу заѣтку вторичною благодарностью комиссіи педагогическаго музея за сообщенныя выше свѣдѣнія, столь важныя для исторіи цивилизаціи нашего войска.

И. Вѣловъ.

Дополненіе къ „Вибліографической заѣткѣ“, помѣщенной въ іюньской книгѣ „Историческаго Вѣстника“.

Не достававшую въ числѣ приведенныхъ при моей іюньской заѣткѣ стихотвореній И. С. Тургенева, пятую его пѣсню «Похищеніе» я теперь имѣю возможность сообщить здѣсь въ точной передачѣ съ отысканнаго мною печатнаго текста «Отечественныхъ Записокъ» 1842 года, № 3, отд. Словесн., стр. 66—68. Неизлишне будетъ напомнить читателямъ, что это стихотвореніе

Тургенева, какъ и всѣ прочія его произведенія сороковыхъ годовъ, подписаны буквами «Т. Л.» (Тургеневъ-Лутовиновъ).

Д. Д. Р.

Похищеніе.

Конь мой ржеть и бьетъ копытомъ...
 Мнѣ напомнилъ онъ о ней —
 О блаженствѣ повабытомъ
 Быстрыхъ, пламенныхъ очей.
 Ахъ, пора, пора былая!..
 Мнѣ не спится... ночь глухая...
 Душно мнѣ—и вскрикнулъ я:
 —«Эй! сѣдлайте мнѣ коня!
 Спите сами, если спится,
 А мнѣ дома не сидится».

Стали тучи надъ луною,
 Дремлютъ блѣдныя поля;
 Скачеть, скачеть предо мною
 Тѣнь огромная моя.
 Лѣсъ какъ будто сномъ забылся —
 Хоть бы листъ зашевелился...
 Я на гриву легъ лицомъ,
 Осѣнилъ себя крестомъ,
 Тихомолкомъ попѣваю,
 Да бывое вспоминаю.

Вотъ и домикъ—стукъ въ окошко...
 — «Ты ли, милый?» — «Встань, душа;
 Поболтай со мной немножко
 Какъ въ бывалые года.
 Если жъ хочешь, молви слово:
 Дома комната готова;
 Ночь туманна и темна —
 Лошадь добрая сильна;
 Посмѣемся и поплачемъ —
 Хоть поплачемъ, да ускачемъ!»

Дверь скринула...—«Милый, милый!
 Наконецъ, вернулся ты!
 Иль узналъ, что разлучили
 Насъ съ тобою клеветы?
 Я невинна»...—Ахъ, не внаю!
 За тобой я приѣзжаю;
 Ты виновна или нѣтъ—
 Безъ тебя мнѣ тошень свѣтъ...
 И вабыть тебя старался,
 Думалъ, думалъ—да примчался».

Какъ она была прекрасна!...
 Мы пустились въ дальній путь...

Какъ она склонялась страстно
 Головой ко мнѣ на грудь!
 Я берегъ ее такъ нѣжно—
 Сердце билось такъ мятенно...
 Все такъ тихо, чудно спать—
 Лошадь весело бѣжитъ;
 И, какъ вѣтра слабый ропотъ.
 Милыхъ словъ я слышу шопотъ:

—«Безъ тебя меня родные
 Выдать замужъ собрались.
 Я рыдала... Братья злые
 Погубить меня клялись.
 Какъ тебя я дожидалась!
 Жениха какъ я боялась!
 Вдругъ привстанеть, да вѣнчать,
 Вѣлымъ усомъ поведеть,
 Щеки толстыя надуеть,
 Подойдетъ, да поцѣлуеть»...

Я дыханьемъ грѣлъ ей руки,
 Цѣловаль ее въ глаза:
 —«Позабудь былыя муки
 И былого жениха!
 Разочтутся съ нимъ родные...
 А усы его сѣдые
 Срѣжу шашкою кривой
 Виѣсть съ глупой головой!
 Сторожъ, сторожъ, отвори-ка!
 Екъ вамъ прѣехала хозяйка».

1842...

Дополненіе къ словарю псевдонимовъ.

Въ дополненіе къ списку псевдонимовъ русскихъ писателей, печатавшее-
 муся въ равное время въ «Историческомъ Вѣстникѣ», г. В. Г. Фонтъ-Бооль
 сообщилъ еще нѣсколько не вошедшихъ въ списокъ псевдонимовъ.

А.

- А. («Педагогич. Сборн.») — В. В. Авилонъ.
 А. Вевета («Учитель») — І. И. Паульсонъ.
 А. Г. («Учитель») — А. К. Гердъ.

В.

- В. А. («Народн. Шк.») — А. И. Ассонъ.
 В. Ф. В. («Учит.», «Нар. Шк.», «Педагог. Сборн.», «Дѣтск. Чт.», «Моск.
 Вѣдом.») — В. Г. Фонтъ-Бооль.
 Волковскій («Современникъ») — Л. О. Де-Роберти.

Г.

Г. Л. («Нар. Шк.») — Г. В. Левицкій.

Е.

Е. В—ъ («Учитель») — Е. С. Волковъ.
Е. Г—въ («Нар. Шк.») — Е. И. Гасабовъ.

Л.

Л. В. («Нар. Шк.») — Л. П. Веснянъ.

Р.

Р. («Учитель», «Нар. шк.») — Р. Р. Ревенеръ.
Роковъ (отдѣльные изданія) — П. К. Любимовъ.

С.

Сто одинъ («Русск. Вѣсти.») — А. Д. Галаховъ.
С. («Русская Старина») — Струковъ.

Ю.

Юрьевъ («Живоп. Обзор.») — В. Дрентельнъ.
Ю. («Моск. Вѣдом.») — П. Н. Юшеновъ.
— ѡй — ій («Учитель») — А. Н. Острогорскій.

Ф.

Ф. Р. и Ф. Р. («Учитель») — Ф. Ф. Ревенеръ.

З.

З. («Русск. Вѣсти.») — П. Н. Юшеновъ.

«Лейтенантъ Джоржъ У. Делонгъ, флота Соединенныхъ Штатовъ.

«Помощникъ врача Джемсъ М. Амблеръ, флота Соединенныхъ Штатовъ.

«Джеромъ I. Коллинсъ.

«Нильсъ Иверсонъ.

«Карль Августъ Гёрцъ, матросъ.

«Адольфъ Дресслеръ, матросъ.

«Джоржъ Вашингтонъ Бойдъ, машинистъ 2-го класса.

«Ахъ-Самъ, поваръ.

«Мельвилль».

Прочтя эти письма, я перешелъ къ другимъ документамъ, и прежде всего къ дневнику, который велся Делонгомъ съ 1 по 30 октября и который изображалъ ужаснѣйшую картину мучительной, медленной голодной смерти. Я прочелъ слѣдующее:

«Суббота, 1 октября, 111-й день и начало новаго мѣсяца. Всѣхъ призвали, когда поваръ подалъ чай; въ 6 час. 45 м. позавтракали полфунтомъ оленины и чаемъ. Послалъ Ниндерманна и Алексѣя впередъ изслѣдовать главный рукавъ рѣки, пока остальные люди пошли собирать дрова. Докторъ опять былъ принужденъ отнять несчастному Эриксену нѣсколько суставовъ; если смерть не застигнетъ скоро или если мы не доберемся въ скоромъ времени до какого нибудь селенія, то придется поневолѣ продолжать ампутаціи, пока не отнимутъ ногъ. У него остался всего лишь одинъ палецъ на ногахъ. Погода ясная; легкіе сѣверо-восточные вѣтры. Барометръ въ 6 час. 5 м. на 30.15, температура въ 7 час. 30 м. мороза 6° R. Видѣлъ, что Алексѣй и Ниндерманнъ счастливо переправились черезъ рѣку; поэтому послалъ тотчасъ же людей перенести наши вещи. Оставилъ здѣсь слѣдующее донесеніе:

«Суббота, 1 октября, 1881 года. Четырнадцать человѣкъ изъ офицеровъ и экипажа съ полярнаго пароваго судна Соединенныхъ Штатовъ «Жаннетты» прибыли въ среду, 28 сентября, къ этой хижинѣ; должны были до сегодняшняго утра ждать замерзанія рѣки, а теперь перейдемъ къ западному берегу ея съ тѣмъ, чтобы продолжать нашъ путь до перваго поселенія человѣческаго на берегу Лены. Провіанта у насъ на два дня, а такъ какъ до сихъ поръ мы были достаточно счастливы и добывали при нуждѣ достаточно дичины, то и не заботимся о будущемъ.

«За исключеніемъ одного человѣка, Эриксена, у котораго вслѣдствіе отмороженія отняты почти всѣ суставы пальцевъ ногъ, всѣ остальные члены экспедиціи здоровы. Во многихъ избахъ на восточномъ берегу рѣки, въ которыхъ мы останавливались на пути нашѣмъ съ сѣвера, я оставилъ другія донесенія.

«Джоржъ У. Делонгъ,

«Лейтенантъ флота Соединенныхъ Штатовъ,

«начальникъ экспедиціи.

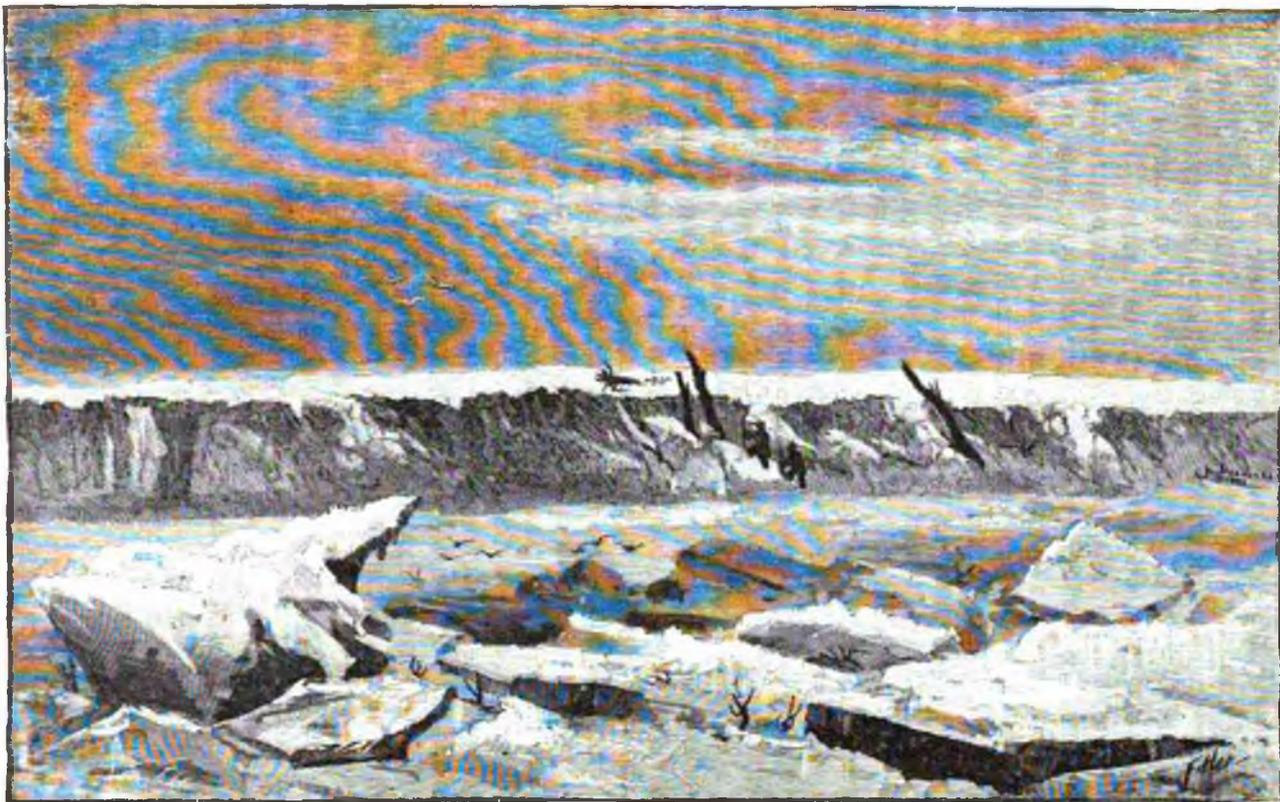
«Къ этому донесенію я приложилъ списокъ членовъ нашей экспедиціи.

«Въ 8 час. 30 м. перешли мы въ послѣдній разъ рѣку и счастливо перенесли нашего больнаго на противоположную сторону. Съ тѣхъ поръ мы шли до 11 час. 20 м., везя за собою на саняхъ нашего больнаго. Для обѣда остановились мы на привалѣ и съѣли по полфунту мяса и выпили чаю. Снова тронулись въ путь въ 1 час. и шли до 5 час. 5 м., но дѣйствительно шли только 4 часа 55 м. во весь день. Въ 8 час. подлѣзали мы подъ свои одѣяла.

«Воскресенье, 2 октября. Кажется, до полуночи мы всѣ спали хорошо, но въ полночь стало такъ холодно, что о снѣ не могло быть болѣе и рѣчи. Въ 4 ч. 30 м. всѣ мы были уже на ногахъ и сидѣли у костра; только что начинало свѣтать. Эриксенъ всю ночь пробредилъ и бредомъ своимъ будилъ тѣхъ, кто не былъ разбуженъ невыносимымъ холодомъ. Завтракъ въ 5 ч. утра—полфунта мяса и чай. Ясное, безоблачное утро. Барометръ въ 5 ч. 32 м.—30,30; температура въ 6 ч.—1° тепла. Въ 7 часовъ, тронулись снова въ путь и шли по берегу замерзшей воды, гдѣ только могли по ней ориентироваться. Въ 9 ч. 20 м., я убѣдился, что часть перехода мы сдѣлали по главному рукаву. Полагаю, что мы дѣлали, по меньшей мѣрѣ, 3 версты въ часъ и находились въ пути 2 ч. 40 м. Всего въ этотъ день шли 5 ч. 15 м., такъ что, считая по 3 версты въ часъ, мы должны были сдѣлать отъ 15 до 18 верстъ; но гдѣ мы? Я думаю, однако, что это, наконецъ, начало рѣки Лены. Сагастыръ такъ и остался для насъ миеомъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи мы видѣли, правда, двѣ хижины, но вотъ я все; рѣшиться на точнѣйшее изслѣдованіе мѣстности мы не могли, такъ какъ эти хижины находились довольно далеко въ сторонѣ отъ нашего пути, а привалъ дѣлать было еще слишкомъ рано.

«Всю дорогу оставались на льду и потому думаемъ, что подъ льдомъ должна быть вода; рѣка была, однако, такъ узка и извилиста, что судоходнымъ рукавомъ этотъ рукавъ принять невозможно. Карта моя рѣшительно нигуда не годится. Я долженъ на авось продолжать путь на югъ и предоставить Богу довести насъ до какого нибудь поселенія человѣческаго, такъ какъ я давно уже убѣдился, что сами себѣ мы помочь не въ состояніи.

«Ясный, тихій, чудный день повеселилъ насъ солнечнымъ свѣтомъ. Дорога идетъ по льду; раціоновъ хватаетъ всего лишь на одинъ день. Нигдѣ нѣтъ и слѣдовъ жилища; поэтому мы останавливаемся на высокомъ, крутомъ берегу, чтобы провести вдѣсь холодную, тяжелую ночь. На ужинъ $\frac{1}{2}$ ф. мяса и чай. Разложили огромный костеръ и выстроили себѣ ложе изъ плавучаго лѣса. Поставили часоваго со смѣною черезъ каждые два часа, съ цѣлю постоянно поддерживать огонь, а потомъ поужинали. Приготовились провести вторую холодную и печальную ночь. Вѣтеръ былъ такъ силенъ,

Находка покойниковъ.

что мы принуждены были устроить себѣ кое-какую защиту изъ палаточныхъ половинокъ и просидѣть, такимъ образомъ, всю ночь, дрожа отъ холода, не смотря на наши одѣяла.

«Понедѣльникъ, 3 октября, 1881 года, 113-й день. Было такъ холодно, что я всѣмъ людямъ далъ чаю; затѣмъ съ трудомъ прошли мы нѣсколько впередъ до 5 ч. утра; тутъ мы съѣли послѣдній рационъ мяса и пили чай; теперь у насъ остается по $\frac{1}{14}$ ф. пеммикана на человѣка и полуголодная собака. Да поможетъ намъ Богъ! Сколько придется намъ еще идти до тѣхъ поръ, пока мы не достигнемъ жилья или какого либо убѣжища — про то знаетъ лишь Онъ одинъ. Кажется, Эриксену приходитъ конецъ. Онъ слабъ и истощенъ и, едва закроетъ глаза, какъ тотчасъ же начинаетъ бредить вслухъ, большею частію, податски, понѣмецки и поанглійски. Бредъ этотъ не даетъ покоя и тѣмъ, кто, не смотря на нашу грустную, ужасную обстановку, могъ бы уснуть. Часы мои почему-то остановились вчера вечеромъ на 10 ч. 45 м., когда они были надѣты на часовомъ. Я поставилъ ихъ по возможности точно, и теперь придется довольствоваться приблизительнымъ опредѣленіемъ времени до той поры, когда возможно будетъ ихъ вывѣрить. Всего шли 2 ч. 35 м. и сдѣлали слѣдовательно около 7 верстъ. Должны были возвратиться назадъ. Потомъ обѣдъ. Потеряли нѣсколько времени, переходя на другой берегъ рѣки, гдѣ видѣли много лисьихъ капкановъ. Здѣсь же на снѣгу замѣтили и слѣды человѣка; они вели на югъ, и мы шли по нимъ, пока они не привели насъ снова къ берегу и не направились на другой берегъ. Снова пришлось намъ вернуться, такъ какъ рѣка была мѣстами свободна отъ льда, такъ что идти далѣе по слѣду не представлялось болѣе возможности. Одна изъ большихъ песчаныхъ отмелей, которыми рѣка вообще богата, скоро заставила насъ сдѣлать новый обходъ по направленію къ востоку; мы спѣшили снова перебраться на западный берегъ и въ 11 ч. 50 м., наконецъ, достигли его; тутъ пообѣдали и съѣли остатки пеммикана. Въ 1 ч. 40 м., тронулись снова въ путь и храбро двинулись впередъ до 2 ч. 20 м. Еще на томъ берегу рѣки Алексѣю показалось, что онъ видитъ хижину; теперь за обѣдомъ онъ утверждалъ, что видитъ и другую. Теперь я только того и хотѣлъ, чтобы скорѣе добраться до хижины. По указаніямъ Алексѣя, хижины лежали на лѣвомъ берегу рѣки, тогда какъ мы находились на правомъ ея берегу, если стать спиною къ сѣверу; намъ оставалось, однако, версты три пути по песчаной отмели до того мѣста, гдѣ мы могли, свернувъ налѣво, прямо перейти рѣку. Въ 2 ч. 20 м., мы сдѣлали здѣсь приваль, и Алексѣй взобрался на высокій берегъ, чтобы осмотрѣться еще разъ. Онъ явился съ извѣстіемъ, что теперь онъ видѣлъ еще и другую хижину, стоящую всего версты на двѣ отъ берега внутрь страны; другая, видѣнная имъ раѣе, возвышалась почти въ такомъ же разстояніи на югъ на крутомъ

берегу рѣки. Принимая во вниманіе трудность перевозки на санихъ по неровной дорогѣ нашего больнаго, я избралъ хижину на берегу, которой мы могли достигъ въ три раза скорѣе. Ниндерманнъ, поднявшійся тоже на вершину холма, призналъ въ предметѣ, находившемся внутри страны, съ полною увѣренностью хижину, тогда какъ не былъ увѣренъ въ томъ, что предметъ на берегу тоже хижина; Алексѣй же твердо стоялъ на своемъ, а такъ какъ самъ я не могъ хорошо видѣть, то я, къ сожалѣнію, и призналъ его глаза лучшими и приказалъ идти по берегу рѣки на югъ. Такъ

Открытіе трупа Делонга.

двинулись мы въ путь подъ руководствомъ Ниндерманна и Алексѣя и прошли уже версты полторы, когда внезапно ледъ подъ мною подломился, и я успѣлъ окунуться по самыя плечи, пока мой ранецъ не поднялъ меня снова на поверхность воды. Пока я барахтался, провалился саженьхъ въ 25 отъ меня Гёрцъ, а за нимъ и докторъ Коллинсъ ушелъ въ воду по поясъ. Скверное предзнаменованіе! Въ ту минуту, какъ мы вылѣзли изъ воды, мы были уже покрыты ледяною корою, и опасность замерзнуть висѣла надъ нашими головами. Всетаки, мы пошли впередъ и въ 3 ч. 45 м. достигли того мѣста, гдѣ должна была стоять хижина. Ниндерманнъ взобрался на высокій берегъ, докторъ послѣдовалъ за нимъ. Сначала крикнули они: «вѣрно, всходите!»—но едва лишь достигли мы

вершины, какъ Ниндерманнъ закричалъ: «никакой хижины тутъ нѣтъ!» Къ моему величайшему ужасу, я увидѣлъ только лишь большой земляной курганъ, который, судя по чрезвычайно правильнымъ очертаніямъ своимъ, а также и по своему положенію на яру, былъ, вѣроятно, насыпанъ искусственно и служилъ указателемъ пути. Ниндерманнъ до такой степени былъ убѣжденъ, что видитъ передъ собою хижину, что, ища двери, ходилъ вокругъ кургана и, наконецъ, думая найти дымовую дыру, взомель на его вершину. Ни того ни другаго онъ не нашель—то былъ простой курганъ. Съ тяжестью на сердцѣ я отдалъ приказъ устроить bivouacъ въ пещерѣ, въ береговой стѣнѣ, и скоро мы сидѣли уже вокругъ пылающаго костра и сушили наши платья въ то время, какъ рѣжущій вѣтеръ дулъ намъ въ спину.

«На ужинъ ничего другаго не оставалось, кромѣ собаки. Я приказалъ Иверсону убить ее и приготовить; затѣмъ тѣ части, которыя неудобно было захватить съ собою, были сварены, и всѣ ѣли это блюдо съ жадностью, кромѣ меня и доктора; для насъ обоихъ это блюдо было слишкомъ отвратительно и... но затѣмъ останавливаться долѣе на такомъ непріятномъ предметѣ? Я приказалъ свѣсить остальное и удостовѣрился, что у насъ было 27 фунтовъ мяса. Животное было жирно, и такъ какъ его кормили все время пеммиканомъ, то, вѣроятно, и чисто. Тотчасъ послѣ того, какъ мы сдѣлали привалъ, Алексѣй былъ посланъ съ ружьемъ внутрь страны для того, чтобы, наконецъ, убѣдиться, существуетъ ли въ дѣйствительности другая хижина, или же и она составляетъ такой же плодъ фантазіи, какъ та, въ которой мы теперь находились. Онъ возвратился въ сумерки совершенно увѣренный, что то была большая хижина, такъ какъ онъ самъ входилъ въ нее и нашель въ ней нѣсколько кусочковъ оленины и кости. Съ минуту я думалъ было тотчасъ же отправиться туда со всѣми людьми, но Алексѣй не былъ увѣренъ въ томъ, что разыщеть хижину въ темнотѣ, а если бы мы заблудились, то намъ пришлось бы еще хуже, чѣмъ теперь. Поэтому-то мы и устроились здѣсь на ночь, какъ только представлялось возможнымъ. Мы трое, промокшіе до костей, пеклись передъ огнемъ, такъ что платье наше дымилось. Коллинсъ и Гёрцъ выпили немного спирта, я же не выносилъ его. При холодной погодѣ и рѣзкомъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ, отъ котораго намъ не было защиты, будущность наша показалась мнѣ мрачною и печальною, какъ темная ночь. Эриксенъ скоро началъ фантазировать, и его сумасшедшія рѣчи служили ужаснымъ аккомпанементомъ къ страданіямъ и ужасамъ, которые грозили намъ. Мы не согрѣлись, да и высушиться хорошенько не представлялось никакой возможности. Мнѣ представилось, что всѣ мы обезумѣли отъ отчаянія, и поневолѣ приходилось бояться, что нѣкоторые изъ насъ умрутъ еще въ ту же ночь. На сколько силенъ былъ холодъ—я не знаю, такъ

какъ послѣдній мой термометръ сломался при частыхъ паденіяхъ моихъ на ходу; но я думаю, что, во всякомъ случаѣ, было болѣе 10° мороза. Снова поставили мы часоваго, чтобы поддерживать огонь, а сами сбились въ кругъ подлѣ самаго костра; такъ и провели мы ночь безъ сна. Если бы Алексѣй не завернулъ меня въ свою тюленью одежду и не подсѣлъ поближе ко мнѣ, чтобы согрѣвать меня теплотою своего тѣла, то полагаю, что я несомнѣнно замерзъ бы ночью. Теперь же отъ моей одежды валилъ паръ, а самъ я дрожалъ, словно меня трясла лихорадка. Стоны и безумная рѣчь Эриксена неустанно звучали въ ужасной тишинѣ — дай Богъ, чтобы мнѣ никогда болѣе не привелось проводить еще разъ такую ужасную и горькую ночь!

«Вторникъ, 4-го октября, 114 день. Едва лишь начало свѣтать, какъ всѣ мы поднялись на ноги, чтобы согрѣться въ движеніи, а поваръ тотчасъ же принялся за приготовленіе чая. Теперь только докторъ замѣтилъ, что ночью Эриксенъ сорвалъ съ рукъ перчатки и отморозилъ себѣ руки. Немедленно нѣсколько человекъ были приставлены къ нему, чтобы тереть его посмѣнно, и къ 6 часамъ кровообращеніе у больнаго на столько возстановилось, что мы осмѣлились его везти. Наскоро всѣ проглотили по кружкѣ чая и подвязали затѣмъ свою ношу. Эриксенъ находился въ совершенно безсознательномъ состояніи, такъ что мы принуждены были привязать его къ санямъ ремнями. Дулъ рѣзкій юго-западный вѣтеръ; холодъ былъ при этомъ очень силенъ. Мы тронулись въ путь въ 6 ч., сдѣлали усиленный переходъ и горячо благодарили Бога, когда уже въ 8 ч. мы очутились съ нашимъ больнымъ подъ гостеприимною кровлею хижины, которая была достаточно велика для того, чтобы пріютить насъ всѣхъ. Тотчасъ же разведенъ былъ огонь, у котораго мы впервые и согрѣлись.

«Докторъ изслѣдовалъ Эриксена и нашелъ, что силы его значительно ослабли. Пульсъ его былъ очень слабъ; онъ былъ въ совершенномъ безпамятствѣ и шель, благодаря вчерашней простудѣ, безповоротно къ концу. Врачъ боялся, что Эриксену осталось прожить лишь немного часовъ, а потому я и потребовалъ, чтобы до отдохновенія всѣ люди помолились со мною вмѣстѣ объ изцѣленіи страждущаго; требованіе мое было исполнено спокойно и благоговѣйно, хотя и небольшое могли понять изъ моихъ отрывочныхъ словъ. Къ костру мы поставили часоваго, и тогда всѣ, за исключеніемъ Алексѣя, улеглись на покой. Въ 10 ч., Алексѣй отправился на охоту, но около полудня возвратился весь мокрый назадъ безъ всякой добычи; онъ провалился и упалъ въ воду. Въ 6 ч. вечера, мы поднялись снова, и мнѣ приходилось подумать о томъ, чтобы покормить людей; каждый получилъ по полфунту собачьяго мяса и чашку чая: такова была дневная порція; но мы были до такой степени благодарны, что вмѣемъ наконецъ убѣжище отъ немилосердья.

сердной юго-западной бури, воюющей за стѣною, что мало заботились о незначительности порціи.

«Среда, 5-го октября, 115 день. Въ 7 ч. 30 м., поварь начинаетъ день приготовленіемъ чая изъ употребленныхъ уже разъ чайныхъ листьевъ; этимъ мы должны довольствоваться вплоть до вечера. До той минуты, когда къ намъ явится откуда нибудь помощь, у насъ приходится въ день по полфунту собачьяго мяса на человѣка. Въ 9 ч., Алексій снова отправляется на охоту, а остальныхъ людей я посылаю набрать тонкаго лѣса, которымъ бы можно было покрыть полъ нашей избы, такъ какъ замерзшія земляной полъ оттаиваетъ подъ нами, едва мы на него ложимся, промачиваетъ насъ и простужаетъ, а слѣдовательно, и не даетъ окончательно спать. Юго-западная буря все еще продолжается. Барометръ въ 2 ч. 40 м. показываетъ 30,12. На ногѣ Эриксона показывается антоновъ огонь; ему приходитъ конецъ; рѣзать ногу теперь было бы совершенно излишне, такъ какъ онъ, вѣроятно, умретъ во время операціи. По временамъ онъ приходитъ въ себя. Въ 12 ч., Алексій возвратился, не выдавъ ровно ничего; на этотъ разъ онъ ходилъ за рѣку, но принужденъ былъ вернуться, такъ какъ былъ не въ состояніи дольше бороться съ ледянымъ вѣтромъ. Но моему мнѣнію, мы находимся на восточной сторонѣ острова Титары, верстахъ въ 35-ти отъ Кумака-Сурка, которая, по всѣмъ вѣроятіямъ, представляетъ собою поселеніе человѣческое; такова наша послѣдняя надежда, съ той поры, какъ намъ не приходится болѣе надѣяться на Сагастырѣ. Хижина, гдѣ мы находимся, совершенно новая и, повидимому, не есть обозначенная на моей картѣ астрономическая станція; она даже и не совсѣмъ еще готова, такъ какъ не имѣетъ дверей. Быть можетъ, она предназначена для лѣта, хотя многочисленные лисы капканы, находимые повсюду кругомъ, и заставляютъ предполагать, что иногда ее посѣщаютъ и въ другое время года. Только отъ этой возможности да отъ чуда можемъ мы ждать спасенія — болѣе никакого исхода я не вижу. Едва утихнетъ буря, я пошлю Нидерманна съ кѣмъ нибудь другимъ въ Кумака-Сурка для того, чтобы, если возможно, доставить намъ скорѣе помощь. Въ 6 ч. вечера, каждый получилъ полфунта собачины и порцію чая втораго настоя, а затѣмъ всѣ улеглись спать.

«Четвергъ, 6-го октября, 116 день. Въ 7 часовъ 30 минутъ, всѣ встали. Получили по кружкѣ чая третьяго настоя, смѣшаннаго съ 10 грам. спирта. Всѣ очень слабы. Буря немного утихаетъ. Около полудня должны Нидерманнъ и Норосъ двинуться въ путь въ Кумака-Сурка. Въ 8 часовъ 45 минутъ, нашъ товарищъ Эриксенъ приказалъ долго жить. Я обратился съ нѣсколькими утѣшительными и воодушевляющими словами къ людямъ. Алексій вернулся съ пустыми руками — метель слишкомъ сильна. Боже мой! что съ нами будетъ? У насъ еще 14 фунтовъ собачьяго мяса, мы въ 35 вер-

стахъ отъ перваго возможнаго поселенія человѣческаго! Что касается до погребенія Эриксена, то гроба сдѣлать мы ему не можемъ; почва сильно замерзла, и у насъ нѣтъ рѣшительно ничего такого, чѣмъ бы можно было выкопать могилу. Намъ ничего другаго не остается, какъ погребсти его въ рѣкѣ. Мы зашили его въ полости палатки и покрыли моимъ флагомъ. Я приказалъ людямъ приготовиться; каждый получаетъ по 10 грам. спирта; затѣмъ мы попробуемъ выйдти и погребсти его; но всѣ мы такъ слабы, что я рѣшительно не знаю, какъ мы справимся. Въ 12 часовъ 40 минутъ, я прочелъ погребальныя молитвы, а затѣмъ мы снесли своего усопшаго товарища къ рѣкѣ и, прорубивъ дыру во льду, спустили въ нее тѣло при троекратномъ салютѣ изъ ремингтоновской винтовки. На берегу рѣки, надъ его могилою мы поставимъ доску, вырѣзавъ на ней слѣдующую надпись: «Въ память Г. Г. Эриксена, 6-го октября, 1881 года. Пароходъ Соединенныхъ Штатовъ «Жаннетта»». Платье его я раздѣлилъ между его товарищами. Иверсонъ взялъ его библию и прядь его волосъ. Ужинъ въ 5 часовъ вечера; полфунта мяса и чай.

«Пятница, 7-го октября, 117 день. Завтракъ, состоящій изъ послѣдняго полфунта мяса и чая. Послѣдняя горсточка чая опущена сегодня въ котель, и теперь намъ предстоитъ переходъ въ 35 верстѣ, на который мы имѣемъ немного уже спитаго чая и 2 полштофа спирта. Я надѣюсь, однако, на Бога и думаю, что Онъ, соблюдшій насъ до сихъ поръ, не дастъ намъ умереть съ голода. Начали готовиться къ походу въ 7 ч. 10 м. Одна изъ винчестерскихъ винтовокъ сломалась, а потому мы оставляемъ ее съ 161 патрономъ и беремъ съ собою только оба ремингтоновскія ружья съ 243 патронами. Въ хижинѣ я оставилъ слѣдующій отчетъ:

«Пятница, 7-го октября, 1881 года. Нижепоименованные офицеры и матросы погибшаго парохода Соединенныхъ Штатовъ «Жаннетта» оставляютъ сегодня утромъ эту хижину, чтобы предпринять походъ въ Кумакъ-Сурка или иное какое либо поселеніе на Ленѣ. Мы пришли во вторникъ, 4-го октября, съ большимъ товарищемъ, матросомъ Эриксономъ; послѣдній умеръ вчера утромъ и въ полдень погребенъ въ рѣкѣ.

«Онъ умеръ отъ зловреднаго отмораживанія и полнаго истощенія силъ вслѣдствіе перевозки при вѣтрѣ и непогодѣ.

«Всѣ остальные участники нашего отряда здоровы, но не имѣютъ болѣе провіанта, такъ какъ сегодня утромъ мы съѣли послѣднюю провизію».

«Въ 8 ч. 30 м., мы тронулись въ путь, шли до 11 ч. 20 м. и сдѣлали въ этотъ промежутокъ времени верстѣ пять. Тогда силы наши окончателно истощились, и мы шли, покачиваясь, сами не давая себѣ отчета, куда идемъ. Мѣсто возлѣ массы льса, нанесеннаго сюда потокомъ, показалось мнѣ удобнымъ для кипяче-

нія нашей воды, а потому я и приказалъ остановиться здѣсь для обѣда — 20 граммъ спирта въ горшкѣ чая. Затѣмъ мы пошли дальше и скоро подошли къ замерзшей рѣкѣ, которую мы снова приняли за главное русло. Здѣсь четверо изъ насъ провалились подъ ледъ, пробуя перейти на другую сторону; опасаясь новыхъ отмораживаній, я приказалъ развести на западномъ берегу огонь, у котораго мы и обсушились. Между тѣмъ, я послалъ Алексѣя раздобыть намъ, по возможности, чтонибудь съѣдобнаго; я посоветовалъ ему не уходить далеко и недолго ходить, но въ 1 ч. 30 м. онъ все еще не вернулся и его не было видно. Легкій юго-западный вѣтеръ, туманъ. На кожномъ горизонтѣ виднѣются горы. Въ 5 ч. 30 м., Алексѣй вернулся съ куропаткою; мы сварили изъ нея супъ, который и составилъ нашъ ужинъ вмѣстѣ съ 10 грам. спирта. Подлѣзли спать подъ одѣяла. Легкій западный вѣтеръ, полволуніе, звѣздное небо, не очень холодно. Алексѣй видѣлъ, что рѣка версты на полторы совершенно свободна отъ льда.

«Суббота, 8-го октября, 118 день. Въ 5 ч. 30 м., всѣ на ногахъ. Завтракъ: 20 граммъ спирта въ полупинтѣ горячей воды.

«Примѣчаніе доктора. Спиртъ представляется чрезвычайно полезнымъ. Онъ умѣряетъ ощущение голода и предупреждаетъ желудочныя боли; въ томъ количествѣ, которое мы раздаемъ людямъ (по приближительному измѣренію доктора Амблера, около 60 грам. въ день на человѣка), онъ поддерживаетъ силы.

«Шли до 10 ч. 30 м.—20 гр. спирта. Сдѣлали 7 верстъ. Пришли въ 11 ч. 30 м. къ большой рѣкѣ. Опять шли впередъ. Большіе сугробы снѣга. Приходимъ къ рѣчкѣ; принуждены опять вернуться. Въ 5 ч., дѣлаемъ привалъ; подвинулись впередъ всего лишь версты на полторы. Неудача. Снѣгъ. Вѣтеръ съ юго-востока. Холодъ. Вивуакъ. Мало дровъ. 10 гр. спирта.

«Воскресенье, 9-го октября, 119 день. Всѣ поднялись въ 4 ч. 30 м.—20 гр. спирта. Отслужили церковную службу. Посылаю Ниндерманна и Нороса впередъ за помощью. Они берутъ свои одѣяла, винтовку, 40 патроновъ и 40 гр. спирта. Должны оставаться на западномъ берегу рѣки, пока не придутъ къ какому-нибудь поселенію. Тронулись въ путь въ 7 ч., сопровождаемые нашими «ура». Сами двинулись въ 8 ч. Перешли черезъ рѣку. Провалились подъ ледъ. По коѣна всѣ мокры. Остановились и развели огонь. Высушили свое платье. Въ 10 ч. 30 м. снова въ путь. Ли проваливается. Въ часъ на берегу рѣки. Обѣдъ. 20 гр. спирта. Алексѣй убиваетъ трехъ куропатокъ. Варимъ супъ. Идемъ по слѣдамъ Ниндерманна; его давно уже не видно. Въ 3 ч. 30 м., снова въ путь. Высокій, крутой берегъ. Ледъ быстро несется по рѣкѣ на сѣверъ. Приходимъ въ 4 ч. 40 м. къ массамъ плавающего лѣса; тутъ и останавливаемся. Находимъ плоскодонную лодку; кладемъ въ нее головы и такъ спимъ. 10 гр. спирта и ужинъ.

«Понедѣльникъ, 10-го октября, 120 день. Послѣдніе 10 гр. спирта, въ 5 ч. 30 м. Посылаю въ 6 ч. 30 м. Алексѣя поискать куропатокъ. Съѣдаемъ куски оленьей кожи. Вчера мы съѣли мон высокіе сапоги изъ оленьей кожи. Легкій юго-восточный вѣтеръ. Воздухъ не очень холодный. Въ путь въ 8 ч. При переходѣ черезъ какой-то ручей трое изъ насъ проваливаются. Развели огонь и обсушились. Идемъ впередъ до 11 ч.; истощены окончательно. Варимъ напитокъ изъ чайныхъ листьевъ, находящихся въ бутылкѣ изъ-подъ спирта. Въ полдень снова впередъ. Свѣжій вѣтеръ съ юго-запада. Метель. Очень трудный переходъ. Ли проситъ, чтобы мы его покинули. Небольшой клочекъ плоскаго берега, а затѣмъ длинный переходъ по крутому берегу. Многочисленные слѣды куропатокъ. Идемъ по слѣдамъ Ниндерманна. Въ 3 ч., остановились, совершенно истощенные. Залѣзаемъ въ береговую пещеру. Собираемъ дрова и разводимъ огонь. Алексѣй отправляется на поиски за дичью. На ужинъ только ложечка глицерина. Всѣ слабы, истощены, но веселы. Помогите намъ, Воже!

«Вторникъ, 11-го октября, 121 день. Буря съ снѣгомъ съ юго-запада. Къ дальнѣйшему движенію неспособны. Дичи нѣтъ. вмѣсто пищи ложка глицерина и горячая вода. Болѣе нѣтъ вблизи льса.

«Среда, 12-го октября, 122 день. Завтракъ: послѣдняя ложечка глицерина и горячая вода. На обѣдъ сварили двѣ пригоршни полярныхъ растеній въ горшкѣ воды; наваръ выпили. Всѣ мы дѣлаемся слабѣе и слабѣе. Силъ хватаетъ только на то, чтобы принести дровъ. Юго-западная буря съ снѣгомъ.

«Четвергъ, 13-го октября, 123 день. Чай изъ травы. Сильные юго-западные вѣтры. Нѣтъ вѣстей отъ Ниндерманна. Всѣ мы въ рудѣ Божіей; если Онъ не смиляется надъ нами—мы пропали. Идти противъ вѣтра мы не можемъ, а оставаться здѣсь значитъ умереть съ голода. Послѣ обѣда прошли съ полторы версты впередъ и перешли черезъ новую рѣку, или черезъ рукавъ главной рѣки. Когда мы перешли на другой берегъ, то потеряли Ли. Вошли въ пещеру въ берегу и тамъ расположились бивуакомъ. Поставляемъ искать Ли. Онъ легъ на землю и ожидалъ смерти. Всѣ вмѣстѣ прочитали «Отче нашъ» и символъ вѣры. Послѣ ужина сильная буря. Ужасная ночь.

«Пятница, 14-го октября, 124 день. Завтракъ: чай изъ травы. За обѣдомъ поль-ложки глицерина и чай изъ травы. Алексѣй убилъ куропатку. Сварили супъ. Юго-западный вѣтеръ стихаетъ.

«Суббота, 15-го октября, 125 день. Завтракъ: травяной настой и два старые сапога. Рѣшили съ восходомъ солнца идти впередъ. Алексѣй обезсидѣлъ, Ли тоже. Пришли къ пустой лодкѣ. Остановка и бивуакъ. При разсвѣтѣ на южномъ горизонтѣ видѣли дымъ.

«Воскресенье, 16-го октября, 126 день. Алексѣй совершенно обезсилѣлъ. Служба.

«Понедѣльникъ, 17-го октября, 127 день. Алексѣй умираетъ. Докторъ окрестилъ его. Прочли молитву о страждущемъ. День рожденія г. Коллинса, 40 лѣтъ. При закатѣ Алексѣй скончался. Обезсиленіе отъ года. Покрыли флагомъ, положили его въ чепецъ.

«Вторникъ, 18-го октября, 128 день. Тихій, теплый воздухъ. Снѣгъ. Послѣ полудня погребли Алексѣя. Положили его на ледъ и прикрыли ледяными торосами.

«Среда, 19-го октября, 129 день. Разрѣзали палатку, сдѣлали изъ нея обувь. Докторъ вышелъ впередъ отыскать новое мѣсто для привала. Перешли въ сумерки туда.

«Четвергъ, 20-го октября, 130 день. Ясно и солнце, но холодно очень. Ли и Каачъ совершенно истощены.

«Пятница, 21-го октября, 131 день. Около полночи мы нашли съ докторомъ Каача мертвымъ; онъ лежалъ между нами. Ли умеръ въ полдень. Пока онъ лежалъ въ агоніи, мы читали молитву о страждущихъ.

«Суббота, 22-го октября, 132 день. Слишкомъ слабы для того, чтобы снести на ледъ тѣла Ли и Каача. Докторъ, Коллинсъ и я отнесли ихъ только на край холма, чтобы не видѣть ихъ. Затѣмъ глаза мои сомкнулись.

«Воскресенье, 23-го октября, 133 день. Всѣ достаточно слабы. Сегодня хоть спали и отходили, принесли передъ сумерками необходимый для костра лѣсъ. Прочиталъ отрывокъ изъ воскресныхъ молитвъ. Всѣ страдаютъ ногами. Нѣтъ обуви.

«Понедѣльникъ, 24-го октября, 134 день. Страшная ночь.

«Вторникъ, 25-го октября, 135 день.

«Среда, 26-го октября, 136 день.

«Четвертъ, 27-го октября, 137 день. Иверсонъ совершенно обезсилѣлъ.

«Пятница, 28-го октября, 138 день. Рано утромъ Иверсонъ умеръ.

«Суббота, 29-го октября, 139 день. Сегодня ночью умеръ Дресслеръ.

«Воскресенье, 30-го октября, 140 день. Бойдъ и Гёрцъ умерли ночью. Коллинсъ умираетъ»...

Этимъ оканчивается дневникъ. Когда я прочиталъ его, то мнѣ захотѣлось сообщить казаку его содержаніе—я не могъ говорить. Въ первый разъ въ моей жизни я былъ не въ состояніи побороть свои чувства при чужомъ человѣкѣ—я закрылъ свое лицо руками и плакалъ.

XVIII.

Отысканіе труповъ.

Быково, устье Лены, 24-го апрѣля, 1882 года.

ТЕЧЕНИЕ слѣдующихъ двухъ недѣль я всячески старался получить дальнѣйшія подробности объ ужасной трагедіи. Послѣ того, какъ главный инженеръ Мельвилль сдѣлалъ во время зимы всѣ необходимыя приготовленія, 16-го марта онъ покинулъ съ своими людьми временную станцію Кастъ-Харта для того, чтобы предпринять въ широкихъ размѣрахъ самыя обстоятельныя поиски за капитаномъ Делонгомъ и его несчастными товарищами.

Членами этой новой, руководимой Мельвиллемъ, экспедиціи были: Джемсъ Х. Бартлеттъ, младшій инженеръ «Жаннетты», Вильгельмъ Ниндерманнъ, одинъ изъ двухъ матросовъ, высланныхъ Делонгомъ впередъ за помощью и тѣмъ самымъ спасенныхъ отъ ужасной участи оставшихся, оба переводчика Гринбекъ и Бобуковъ, казакъ Колѣвкинъ и одинъ русскій ссыльный Ефимъ Капелловъ, употребившійся на всевозможныя должности, и въ особенности въ качествѣ надсмотрщика за якутскими рабочими и возницами. Эти послѣдніе были: Томать Константинъ, Георгій Николай, «капитанъ» Иннокентій Шимуловъ, Сторы Николай, Василій Кулгаркъ, Симеонъ Иллакъ и, наконецъ, поваръ Иванъ Портягинъ, сопровождаемый своею женою для помощи.

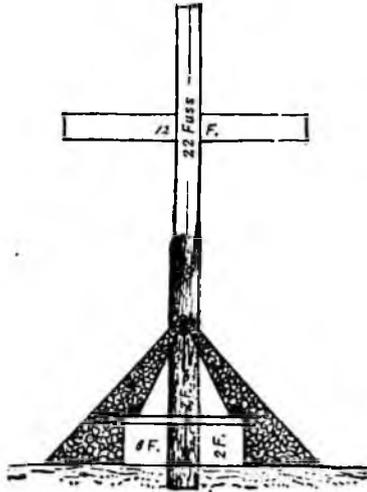
Первыя изслѣдованія были начаты отъ Устерды; прослѣдовали по слѣдамъ Делонга до Матвѣя, но на всемъ этомъ пути не нашли

никакихъ признаковъ, изъ которыхъ можно было бы заключить о пребываніи здѣсь погибшихъ. Тогда г. Мельвилль рѣшился снова отправиться на путь Ниндерманна; 23-го марта, двинулись они изъ Матвѣя и скоро нашли остатки плоскодонной лодки, признанной всѣми за самое вѣрное указаніе правильности избраннаго ими направления, такъ какъ именно здѣсь проходилъ Ниндерманнъ въ первый же день своего путешествія съ Норосомъ на югъ; Ниндерманнъ зналъ слишкомъ хорошо, въ какомъ печальномъ положеніи находились оставленные товарищи, понималъ, что для дальнѣйшаго путешествія у нихъ не хватило бы силъ, и потому былъ совершенно увѣренъ, что они не могли далеко отойти отъ этого мѣста. Предположенія его совершенно оправдались. Идя по берегу, ищущіе успѣли отойти отъ лодки всего лишь на 250—300 сажень, когда глазамъ ихъ предсталъ огромный снѣжный сугробъ, изъ котораго торчали четыре связанные кола и стволъ ружья, ремень котораго былъ привязанъ къ кольямъ. Здѣсь долженъ былъ находиться бивуакъ погибшихъ; на кольяхъ лежалъ еще конецъ срединнаго шеста палатки, тогда какъ другой его конецъ лежалъ на выступѣ берега.

Тотчасъ же были приставлены двое якутскихъ рабочихъ къ раскопкѣ снѣга, нанесеннаго къ кольямъ футовъ на 8 въ вышину; прошло немного времени, когда отрыли два трупа, лежавшіе одинъ возлѣ другаго. То были Бойдъ и Гѣрцъ.

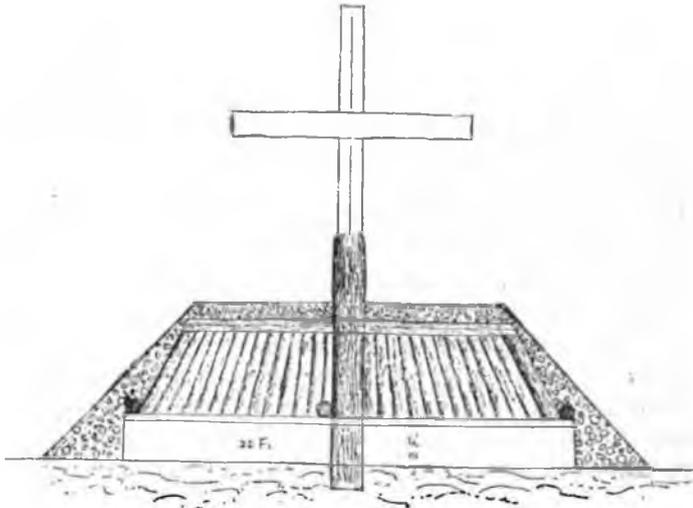
Мельвилль приказалъ людямъ продолжать раскопку всего сугроба для того, чтобы открыть все мѣсто, занятое бивуакомъ, а самъ вошелъ на береговую возвышенность, думая достичь высокаго мѣста, находившагося футовъ на 20 надъ льдомъ, и принятъ тамъ за компасныя наблюденія. Тихо двигался онъ въ западномъ направленіи впередъ, когда вниманіе его было внезапно привлечено какимъ-то темнымъ предметомъ, рѣзко выдѣлявшимся на однообразной бѣлой площади. Около версты отъ бивуака торчалъ изъ-подъ снѣга походный котелокъ, да и не одинъ оный! Быстро подошелъ сюда Мельвилль и наткнулся ногою на что-то твердое; онъ наклонился и увидалъ, что это голая, окованная рука, выходящая изъ-подъ бѣлой пелены снѣга. Наскоро разгребли здѣсь снѣгъ, имѣвшій всего одинъ футъ глубины, и Мельвилль увидалъ передъ собою несчастнаго начальника экспедиціи, капитана Делонга; фута на три отъ него лежалъ д-ръ Амблеръ, а въ ногахъ ихъ вытянулся Ахъ-Самъ, китайскій поварь. Полъ палатки, которую они принесли сюда съ собою съ бивуака, гдѣ она не была болѣе нужна ихъ товарищамъ, покрывала ихъ ноги; лоскутья большаго шерстянаго одѣяла тоже служили имъ, повидимому, для согрѣванія. Недалекъ отъ того мѣста, гдѣ они лежали, найдены были остатки костра, а въ походномъ котелкѣ оставалось еще нѣсколько былинной полярной травы, служившей имъ вмѣсто чая.

Волѣ самаго трупа Делонга лежала его записная книжка, выдержки изъ которой я уже сообщилъ выше. Безъ всякаго сомнѣнiя,

Крестъ на общей могилѣ.

докторъ, Делонгъ и «Самъ» умерли въ тотъ самый день, которымъ заканчивается дневникъ, и, по всѣмъ вѣроятiямъ, записавъ послѣднюю

Разрѣзъ могилы.

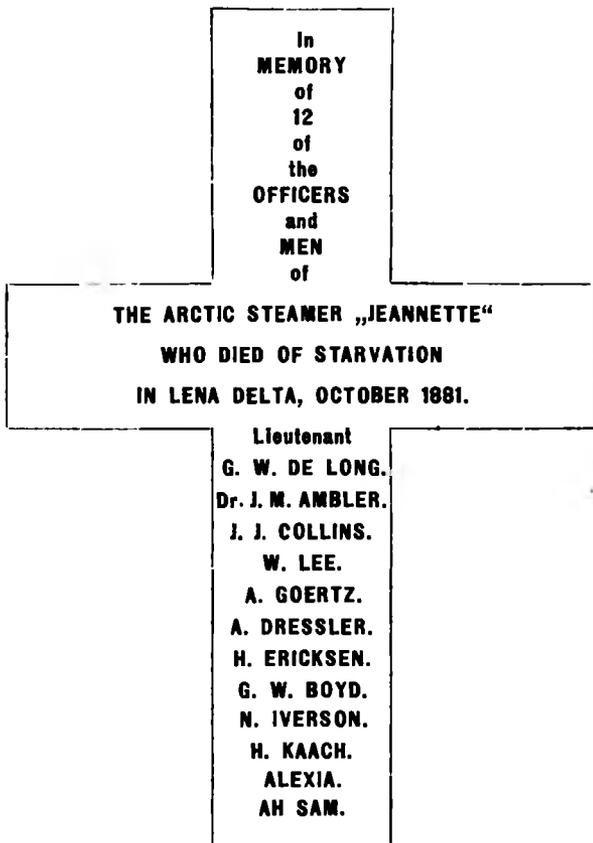
замѣтку, Делонгъ былъ уже не въ состоянiи спрятать книжку снова въ карманъ, такъ какъ подлѣ книжки лежалъ на землѣ и карандашъ. Во время своего обратнаго похода онъ велъ свой днев-

никъ, какъ прежде, съ величайшею, педантичною точностью и, если не было ничего серьёзнаго для внесенія въ записную книжку, то онъ отмѣчалъ хоть число и счетъ дней со времени гибели судна. Прежде чѣмъ онъ и послѣдніе его два товарища оставили палатку, чтобы на усталыхъ и почти босыхъ ногахъ дотащиться до мѣста своего послѣдняго успокоенія, они прикрыли благоговѣйно лицо своего умершаго товарища Коллинса платкомъ.

Палатка была раскинута на выступѣ берега; въ переднемъ его углу найдены были два ящика съ корабельными книгами, а немного дальше на востокъ—ящикъ съ медикаментами и корабельный флагъ, прикрѣпленный еще къ своему штангу.

Тѣла Иверсона и Дресслера лежали вгѣ пространства, защищеннаго палаткою, а Коллинсъ, напротивъ того, подъ палаткою и ближе къ краю холма. Долго искали Ли и Каача, пока взглядъ, брошенный въ дневникъ Делонга, не навелъ на вѣрный слѣдъ. Подъ 22-мъ октября, въ дневникѣ было отмѣчено, что трое офицеровъ, остававшіеся тогда вмѣстѣ съ поваромъ въ живыхъ, отнесли тѣла «только на край холма, чтобы не видѣть ихъ», такъ какъ всѣ были слишкомъ слабы для того, чтобы снести ихъ на рѣку. Подробное изслѣдованіе снѣга, предпринятое по приказанію Мельвилля въ западномъ направленіи, привело къ отысканію обоихъ труповъ, которые лежали глубоко въ снѣгу, въ трещинѣ береговаго уступа. Ноги всѣхъ найденныхъ до сей минуты труповъ были увязаны и укутаны въ тряпье, представлявшее слишкомъ малую защиту отъ сырости и холода. Никто изъ нихъ не имѣлъ сапоговъ, а въ карманахъ ихъ платья найдены были куски полусожженной кожи, обрывки мѣховыхъ сапоговъ, доказывавшіе, какъ далеко зашелъ голодъ, мучившій несчастныхъ. Руки, а также и одежда ихъ, были отчасти обожжены, а отчасти обгорѣли; казалось, что въ послѣднемъ, отчаянномъ усилии для того, чтобы согрѣться, они залѣзали въ самый огонь. Бойдъ, дѣйствительно, лежалъ посреди остатковъ костра; платье его совершенно обгорѣло, но тѣло не было обожжено. Сначала Мельвилль предполагалъ погребсти трупы тутъ же на берегу, гдѣ они были найдены, но планъ этотъ пришлось скоро оставить, когда туземцы сообщили ему, что въ половодье весною заливаютъ всю дельту, по крайней мѣрѣ, на четыре фута водою и что разливомъ неизмѣнно снесетъ устроенную здѣсь могилу. Тогда онъ приказалъ перевезти всѣ трупы на утесъ, находившійся верстахъ въ 40 на юго-западъ отъ мѣста ихъ смерти и возвышающійся футовъ на 300 надъ поверхностью рѣки; памятникъ былъ построенъ изъ лѣса плоскодонной лодки, близъ которой были найдены погибшіе. Большой крестъ, срубленный изъ огромнаго ствола плавучаго лѣса, поставленъ былъ на вершинѣ утеса, а вокругъ креста помѣщенъ былъ прочный ящикъ въ 22 ф. длины, 6 ф. ширины и 2 ф. вышины; ящикъ въ длину приходился, какъ разъ, по направленію

магнитнаго меридіана. Уложивъ всѣ тѣла въ этотъ общій гробъ, послѣдній закрыли крышкою изъ крѣпкихъ досокъ, надъ которою устроили кровлеобразную постройку изъ поставленныхъ наискось бревень; связующее, верхнее бревно въ 16 ф. длины было прикрѣплено къ кресту большими цапфами и положено на вбитыхъ въ землю съ двухъ сторонъ столбахъ. Наконецъ, вся постройка была засыпана толстымъ слоемъ песку и обложена каменьями, такъ что

Крестъ съ надписью.

представляла изъ себя очень приличную могилу, вполне соответствующую исполнскому, въ 22 ф. вышиною, кресту. Надпись на крестѣ, вырѣзанная въ часы вечерняго отдыха Мельвиллемъ и его людьми въ хижинѣ, гласитъ слѣдующее: «Въ память 12 офицеровъ и матросовъ полярнаго пароваго судна «Жаннетты», умершихъ отъ голода, въ устьѣ Лены, въ октябрѣ 1881 года. Лейтенантъ Д. У. Делонгъ. Д-ръ Д. М. Амблеръ. Д. Д. Коллинсъ. У. Ли. А. Герцъ. А. Дресслеръ. Я. Эриксенъ. Д. У. Бойдъ. Н. Иверсонъ. Х. Каачъ. Алексій. Ахъ-Самъ».

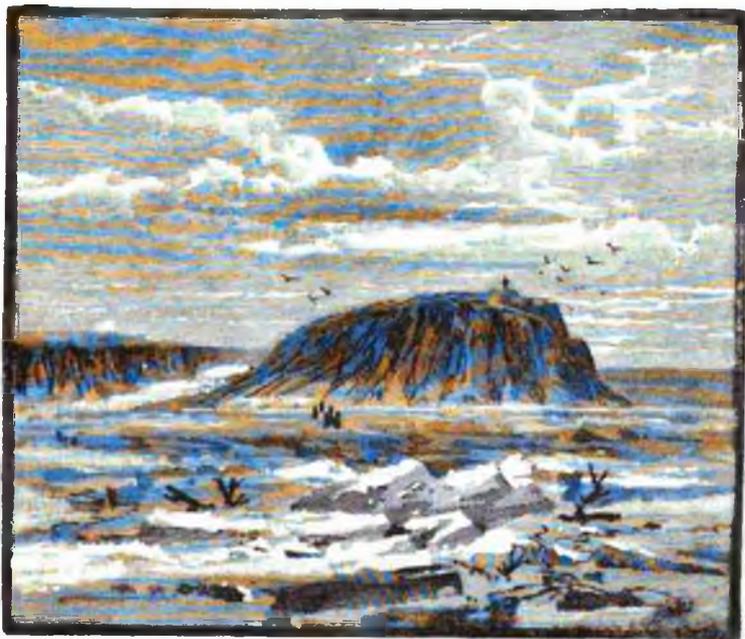
Будущею весною могила будетъ обложена дерномъ; на случай, если бы самъ Мельвилль успѣлъ окончить свои изслѣдованія еще до наступленія половодья и былъ принужденъ покинуть дельту, онъ поручилъ старшинѣ Булуноскому выполнить эту работу подѣ своимъ личнымъ наблюденіемъ. Какъ бы то ни было, но принимая во вниманіе разныя обстоятельства, а также и матеріаль, изъ котораго сдѣланъ памятникъ, видимый за 20 верстъ съ рѣки, онъ долженъ быть признанъ вполне соотвѣтствующимъ своему назначенію.

Корабельныя бумаги и книги тотчасъ же послѣ находки ихъ были спрятаны, и никому не дозволялось взглянуть на нихъ; Мельвилль сдѣлалъ исключеніе только для записной книжки Делонга, да и то лишь для того ея отдѣла, который касался октября мѣсяца, т. е. послѣднихъ дней, такъ какъ здѣсь находились драгоценныя подробности для розысканія труповъ. Что касается до разныхъ предметовъ, которые могли имѣть значеніе для друзей умершихъ, то всѣ они были уложены въ ящики и посланы съ переводчикомъ Бобуковымъ и казакомъ вмѣстѣ съ корабельными книгами и флагомъ въ Якутскъ, гдѣ все должно было оставаться на сохраненіи у тамошняго губернатора, пока послѣдуетъ какое либо распоряженіе на этотъ счетъ морскаго департамента, или самъ Мельвилль возьметъ вещи на родину. Втеченіе всего времени, пока ставили памятникъ, продолжались поиски тѣла Алексѣя; по дневнику капитана, гдѣ подѣ 18-мъ октября есть замѣтка, что тѣло Алексѣя было отнесено за плоскодонную лодку и тамъ покрыто ледяными торосами, нельзя было сомнѣваться въ томъ мѣстѣ, гдѣ его слѣдуетъ искать, но до сихъ поръ, однако, оно еще не найдено.

10 апрѣля, тотчасъ послѣ окончанія работы надѣ памятникомъ, Мельвилль отправился съ своими людьми снова въ путь, чтобы въ самой дельтѣ или по ближайшему берегу поискать слѣдовъ высадки лейтенанта Чиппа. Такъ какъ вся дельта представляетъ собою огромную песчаную отмель и перерѣзывается во всѣхъ направленіяхъ тысячами большихъ и малыхъ рукавовъ, отчасти судоходныхъ, отчасти же мѣняющихся ежегодно направленіе, дѣйствительно серьезная рекогносцировка была теперь дѣломъ рѣшительно невозможнымъ. Такой незначительный отрядъ, какой былъ у Мельвилля, долженъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что ему удалось въ короткое и притомъ въ такое время, когда здѣсь и не помышляютъ о санной ѣздѣ, обследовать, по крайней мѣрѣ, берегъ; приближеніе весеннихъ оттепелей, которыя сдѣлаютъ невозможною ѣзду на саняхъ, должно повлечь за собою половодье, а тогда будутъ смыты и уничтожены всякіе слѣды безвозвратно. Для того, чтобы воспользоваться ограниченнымъ временемъ, бывшимъ въ его распоряженіи, Мельвилль рѣшился раздѣлить свой отрядъ для этого послѣд-

няго похода. Самъ онъ хотѣлъ идти на западъ до рѣки Оленека и возвратиться къ сѣверо-восточному берегу, въ Каскарта, тогда какъ Бартлеттъ и Ниндерманнъ должны были отправиться изъ Касъ-Харта и идти въ сѣверо-восточномъ направленіи до мыса Баркина и тутъ только избрать два пути; Бартлеттъ долженъ былъ изслѣдовать восточный берегъ и отправиться затѣмъ въ Ермолаево, а Ниндерманну поручено было идти по сѣверному берегу и возвратиться потомъ въ Касъ-Харта.

Ни Бартлеттъ, ни Ниндерманнъ не нашли на своемъ пути никакихъ слѣдовъ погибшихъ, а Мельвилль, въ ту минуту, какъ я пишу

Могильный утесъ.

эти строки, еще не возвратился изъ своего путешествія. Отъѣздъ его былъ задержанъ разными препятствіями и случайностями, которыхъ онъ никакъ не могъ предвидѣть, на нѣсколько дней, и онъ потерялъ много драгоценнаго времени. Тотчасъ же по возвращеніи своемъ въ Касъ-Харта онъ хочетъ отправиться съ остальными людьми въ Ермолаево, гдѣ въ настоящую минуту находится Бартлеттъ, для того, чтобы продолжать свои изслѣдованія по берегу Борщовой бухты до мыса того же имени. Если и эти послѣднія попытки не приведутъ ни къ какому результату, то нельзя уже будетъ сомнѣваться въ грустномъ фактѣ, что лодка лейтенанта Чипша уже во время бури 12 сентября пошла ко дну со всѣми находившимися на ней людьми.

XIX.

Плаваніе „Жаннетты“.

ВЪ ВСѢХЪ, отчасти одно другому противорѣчащихъ, свѣдѣній объ участи «Жаннетты» я воспользовался для послѣдующаго разсказа дневникомъ Делонга, который имѣлъ случай основательно изучить во время моего путешествія вверхъ по Ленѣ, а также и указаніями, сдѣланными мнѣ Ниндерманномъ и Норосомъ, обоими людьми изъ капитанской лодки, оставшимися въ живыхъ. При выходѣ въ Ледовитый океанъ на «Жаннеттѣ» было всего 33 человѣка экипажа. 8 іюля 1879 года, она оставила Санъ-Франциско, а 13 іюля 1881 она погибла. Уже черезъ два мѣсяца послѣ своего отъѣзда, она попала въ сплошной ледъ; еще ранѣе конца ноября она окончательно замерзла и болѣе не выбиралась на свободу. Окруженная со всѣхъ сторонъ льдомъ, шла она вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ то скорѣе, то тише къ сѣверо-западу, безпомощная, и не разъ подвергалась опасности быть раздавленною сильными нажимомъ лопающихся, громоздящихся и снова замерзающихъ сплошныхъ ледяныхъ полей. Санитарное состояніе экипажа было во все время пути очень хорошо; случаевъ скорбута не было. Употребляема была дистиллированная вода, а два раза въ недѣлю выдавалось медвѣжье и тюленья мясо; рома не выдавалось вовсе. Всѣ ходили по возможности часто на охоту, хотя добыча и попадалась лишь очень рѣдко. Большую часть времени, вслѣдствіе сильнаго напора льда, судно оставалось на боку, такъ что постоянныя опасенія за его судьбу производили удручающее впечатлѣніе на

расположеніе духа экипажа. Тѣмъ не менѣе, ежедневно производимы были всевозможныя научныя наблюденія.

Отчетъ объ этомъ долгомъ плѣненіи во льду естественно очень однообразенъ. Только весною 1881 года, незадолго до гибели «Жаннетты» разсказъ дѣлается интереснымъ и увлекательнымъ.

17 мая 1881 года, увидѣли землю, первую по оставленіи Врангелевой земли. То былъ небольшой утесистый островокъ, названный открывшими его островомъ «Жаннетты». Положеніе его опредѣляется $76^{\circ} 47'$ сѣвер. шир. и $158^{\circ} 56'$ восточной долготы отъ Гринвича. Попытки высадиться на него сдѣлано не было.

Судно быстро гнало на сѣверо-западъ, и 24 мая они увидели другой островъ, куда отрядъ изъ 5 человекъ высадился 3 іюня послѣ многодневнаго и труднаго перехода по сплошному льду. Поднятъ былъ американскій флагъ, и островъ былъ занятъ именовъ Соединенныхъ Штатовъ, причемъ ему дали имя острова Генриетты. Островъ этотъ находится на $77^{\circ} 8'$ сѣвер. широты и $157^{\circ} 43'$ вост. долг. отъ Гринвича; онъ имѣетъ продолговатую форму, высокъ, гористъ, вѣроятно, вулканическаго происхожденія и вѣчно покрытъ пеленою снѣга и льда. Животной жизни нѣтъ и слѣда. 6 іюня отрядъ возвратился на судно, которое какъ разъ въ этотъ день очутилось въ особенной опасности. Ледяное поле находилось въ быстромъ движеніи и ледяныя глыбы громоздились вокругъ въ самыхъ хаотическихъ массахъ и формахъ. Втеченіе нѣсколькихъ дней, однако, гнало и судно и ледъ попрежнему на западъ и сѣверо-западъ, тогда какъ вокругъ ледъ лопался и трескался по всѣмъ направленіямъ. Ночью 10 іюня, «Жаннетта» получила нѣсколько сильныхъ ударовъ, отъ которыхъ она поднялась на нѣсколько дюймовъ изъ своего бывшаго ложа. Признаки скорого взлома ледянаго поля умножились, и судно должно было лишиться своей защиты; въ 10 м. до полуночи 11 іюня, ледъ вдругъ треснулъ около судна, такъ что оно снова совершенно освободилось и стало въ первый разъ послѣ столькихъ мѣсяцевъ совершенно прямо. Ледъ оставался въ движеніи, но не приносилъ еще судну никакого существеннаго вреда. Только утромъ 12 іюня суждено было случиться катастрофѣ. Вотъ что говорить объ этомъ дневникъ капитана Делонга:

«Суббота, 11 іюня (число выставлено по корабельному счету, 12 іюня, воскресенье, по обычному счету). Въ $7\frac{1}{2}$ час. утра, ледъ началъ подвигаться со стороны бакборта, но, придвинувшись фута на два, снова пришелъ въ спокойное состояніе. Втеченіе цѣлой вахты мы старались забросать кусками льда небольшой каналъ, образовавшійся вправо, для того, чтобы этотъ ледъ могъ хотя отчасти смягчить напоръ всей ледяной массы. Въ 10 час. утра, ледъ на столько придвинулся къ бакборту, что только что набросанный ледъ встрѣтилъ первый толчекъ; затѣмъ снова все за-

тихло. Изъ помѣщаемого здѣсь наброска положеніе судна среди ледяныхъ полей и небольшого воднаго пространства, наполненнаго льдинами, совершенно ясно. Въ 4 часа по полудни, ледъ вдругъ приподнялъ бакбортъ съ такою силою, что судно накренило прямо штирбортомъ на ледъ подъ угломъ въ 16 градусовъ; при этомъ оно трещало и скрипѣло въ скрѣпленіяхъ, палуба на штирбортѣ дала трещину и повсюду на палубѣ открылись щели дюйма въ полтора шириною; стало слишкомъ вѣроятнымъ, что судно потерпѣло значительную аварію, а потому я и отдалъ тотчасъ же приказаніе отвести шлюпки лѣваго борта подальше отъ «Жаннетты» въ безопасное мѣсто на ледъ. Все это было исполнено спокойно и безъ всякой путаницы. Надвигающійся съ праваго борта ледъ напиралъ также съ особенною силою и на заднюю часть судна, а потому не только бугшпритъ поднялся высоко вверхъ, но и задняя часть опустилась при этомъ очень глубоко, причемъ все судно было такъ плотно охвачено льдомъ, что оставалось безъ всякаго движенія и даже страшнымъ напоромъ льда не могло быть приподнято изъ захватившихъ его со всѣхъ сторонъ тисковъ. Г. Мельвилль, находившійся въ это время въ машинномъ отдѣленіи, видѣлъ, какъ вдругъ за котлами и механизмомъ образовалась въ суднѣ трещина, задняя часть была такъ плотно стиснута льдомъ, что напоръ его на носовую часть не могъ высвободить судна, которое вслѣдствіе этого и сломалось. Лѣвое отдѣленіе тоже, вѣроятно, очень значительно пострадало, такъ какъ вода стремительно ринулась въ находившіяся здѣсь угольные ямы. Тогда-то было отдано приказаніе перевезти на берегъ, т. е. вѣрнѣе на ледъ, половину всего запаса пеммикана и весь хлѣбъ, находившійся на палубѣ, а также и доставить въ безопасное мѣсто собакъ и сани. Въ 4 часа 30 м., напоръ льда вдругъ ослабѣлъ, и мы стали уже было льстить себя надеждою, что ледъ слегся подъ судномъ и не будетъ намъ болѣе вредить; «Жаннетта» лежала теперь на боку подъ угломъ 22° и съ носу приподнята была на 4 ф. 6 д. надъ горизонтомъ.

«Въ 5 ч. по полудни, натискъ льда возобновился, и теперь уже съ такою силою, что судно трещало во всѣхъ своихъ частяхъ. Верхняя палуба начала замѣтно изгибаться сводомъ, и казалось, что штирбортъ тотчасъ весь разсядется. Вслѣдствіе этого я отдалъ приказаніе вынуть провіантъ, одежду, постели, корабельныя книги и бумаги и перевезти все это вмѣстѣ съ большими въ безопасное мѣсто куда нибудь на ледъ. Пока люди были заняты этимъ, судно получило новый ужасный ударъ, и въ 6 час. вечера мы замѣтили, что внутренность его быстро наполняется водою. Съ этой минуты мы направили всѣ наши усилія къ тому, что перевезти припасы и т. п. на ледъ и оставили эту работу лишь тогда, когда вода достигла уже верхней палубы и судно накренилось штирбортомъ на сторону подъ угломъ 30°. Вся лѣвая сторона палубы была уже

подъ водою, которая достигала люковъ. Ледъ, видимо, пробилъ штирбортъ; судно быстро шло ко дну. Нашъ флагъ былъ уже поднять на бизань-мачтѣ, и были вообще приняты всѣ мѣры къ спасенію, такъ что, когда, наконецъ, въ 8 час. вечера отданъ былъ приказъ покинуть судно, то исполненіе послѣдовало безъ всякаго замедленія. Мы собрались на льду, продвинули наши лодки и припасы подальше отъ опасныхъ трещинъ и раскинули лагерь. Припасовъ было достаточно, и мы составили всему подробный инвентарь.

«Воскресенье, 12-го іюня (понедѣльникъ, 13-го іюня). Въ 1-мъ часу по полудни, мы были неожиданно изгнаны съ мѣста нашего расположенія, такъ какъ ледъ какъ разъ подъ нашимъ бивуакомъ сталъ разсѣдаться. Быстро перенесли мы наши припасы и все наше достояніе въ безопасное мѣсто и тамъ въ два часа утра расположились на ночлегъ, выставивъ на всякій случай часового. Въ часъ

Положеніе «Жаннетты» во время катастрофы.

утра свалилась бизань и судно такъ накренилось на бокъ, что нижняя часть реи лежала совершенно на льду. Въ 3 часа утра, судно погрузилось въ воду до такой степени, что труба лежала совсѣмъ на водѣ. Въ 4 часа утра, «Жаннетта» пошла ко дну; снова ставъ на нѣкоторое время совершенно прямо, она тихо потонула. Большая брамстенга перевалилась черезъ бортъ, за нею послѣдовала фокстенга, а наконецъ, и главная мачта; при окончательной гибели судна на немъ оставалась лишь фокмачта. Въ 9 часовъ утра, сдѣлана переключка и завтракъ; затѣмъ мы собрали весь свой запасъ одежды и привели въ порядокъ для того, чтобы потомъ раздѣлить между собою вещи. Раздѣливъ все, сообразно съ потребностями людей, оказалось, что у насъ было всего больше, нежели было нужно... Всѣ мужественны и весело настроены; у насъ и пищи и одежды избытокъ. Даже музыка не забыта. Лаутербахъ сыгралъ намъ сегодня вечеромъ серенаду на губной гармоникѣ. Я приказалъ себѣ разбить рабочую палатку, на верху которой развѣвается нашъ шелковый флагъ. Температура втеченіе всего

дня держится на 4° мороза. Нѣкоторые изъ людей ходили на мѣсто крушенія; они нашли еще на льду стулъ, нѣсколько весель и балокъ. Чиппу лучше, Данненхауэръ весель. Въ 9 часовъ 45 минутъ, я справилъ церковную службу.

«Понедѣльникъ, 13-го іюня. Въ 7 часовъ утра—общая переключка; въ 8 часовъ—завтракъ. Въ 9 часовъ, пошли на работу и поставили первый и второй куттеръ и китоловныя лодки на полозья. Я рѣшился оставаться здѣсь спокойно до тѣхъ поръ, пока мы не успѣемъ сдѣлать всѣхъ необходимыхъ приготовленій, и тогда уже начать обратный путь. У насъ много провіанта, которымъ мы можемъ жить нѣкоторое время, не касаясь запаса, отложеннаго нами на обратный путь, рассчитанный мною въ 60 дней. Больные наши поправляются, такъ что и имъ этотъ роздыхъ принесетъ пользу. Суитманъ былъ сегодня на томъ мѣстѣ, гдѣ судно пошло до дну, но не увидалъ болѣе ничего, кромѣ ящика съ сигналами, плававшего вверхъ дномъ на водѣ. По всѣмъ сторонамъ виднѣются въ изобиліи полыньи; воздухъ очень сырой и холодный. Прошлою ночью всѣ мы спали отлично, такъ какъ было тепло и уютно въ палаткахъ. Послѣ полудня лодки были поставлены на полозья и изготовлены къ тягѣ. Между тѣмъ мы перенесли лагерь далѣе на западъ, такъ какъ до сихъ поръ находились слишкомъ близко отъ края, въ случаѣ какой либо перемѣны въ состояніи ледяныхъ массъ. Палатка Чиппа была теперь продвинута назадъ и поставлена за вѣтромъ, чтобы храпящіе опять, какъ и прошлою ночью, не мѣшали ему спать. Затѣмъ мы поставили наши лодки передъ палатками, передъ этими послѣдними сложили весь провіантъ, а затѣмъ поужинали уже въ новомъ лагерѣ. Мы взяли съ корабля всю прѣсную воду, которая еще оставалась, и она тянулась до вечера воскресенья, а теперь намъ приходится уже довольствоваться льдомъ; мы выбираемъ самыя старыя и высокія льдины и отцарапываемъ съ нихъ поломанныя кристаллы тамъ, гдѣ можно ихъ найти; само собою разумѣется, что солнце не обладаетъ еще достаточною силою для того, чтобы растаивать для насъ значительное количество льда. Снѣговая, или, вѣрнѣе, ледяная вода на вкусъ сладка, но докторъ, изслѣдовавшій ее, заявилъ, что она содержитъ очень много свинца. Но въ виду того, что другой у насъ не имѣется и мы ничего не можемъ сдѣлать иного, намъ приходится отвращать угрожающую опасность приемами лимоннаго сока. Въ настоящее время живемъ мы покняжески, питаемся только хорошими припасами, не принуждены производить слишкомъ тяжкія работы и находимся всѣ въ вождельвномъ здравіи, едва вспоминая о легкой отравѣ свинцомъ. Температура въ 8 часовъ вечера 6° мороза; очень сыро.

«Вторникъ, 14-го іюня. Въ 7 часовъ—общая переключка, завтракъ, а въ 9 пошли на работу. Изъ каждой палатки выбрано по два человѣка, которые, подъ руководствомъ Мельвилля, занялись

сборомъ провіанта, рассчитаннаго на 60 дней пути. Докторъ, съ своей стороны, при помощи одного матроса, перелилъ весь лимонный сокъ въ три бочки и повозможности концентрировалъ его. Дѣнбаръ ввѣлся съ тремя людьми за подробный осмотръ мак-клинтоковскихъ саней, чтобы привести ихъ въ полную готовность къ нагрузкѣ и походу. Остальные люди занимались болѣе питьемъ мѣховыхъ сапоговъ, уменьшеніемъ размѣровъ спальныхъ мѣшковъ и другими подобными подѣлками, клонившимися къ большему нашему удобству во время пути. Къ сожалѣнію, списокъ нашихъ больныхъ со дня на день увеличивается. Алексѣй всю ночь про-

Чиппъ.

Делонгъ.

Дѣнбаръ.

Мельвилль.

Главн. квартира.

Докт. Амблеръ.

1 куттеръ. Кит. лодка. 2 куттеръ.

С а н и.

мучился отъ болей въ желудкѣ; онъ стоналъ безпрерывно и вынесъ нѣсколько припадковъ сильной рвоты. Кюне тоже боленъ; онъ и Алексѣй лежатъ плотно завернутые въ свои спальные мѣшки. Чиппъ, кажется, нѣсколько повеселѣлъ. Погода ясная, свѣтлая и пріятная. Температура въ 10 ч. утра 10° мороза въ тѣни; минимумъ ночью — 9°. Небольшія массы тумана, нанесенныя вѣтромъ, даютъ намъ возможность увидеть на югѣ большія полыньи. Состояніе барометра — 30,37, но мнѣ приходится бояться, что мой карманный барометръ не находится въ полномъ порядкѣ. Въ 2 часа, начали мы нагружать нашъ провіантъ на санки; 3960 фунтовъ пеммикана и 200 галлоновъ спирта грузятся на каждыя сани, причемъ провизія раскладывается въ мѣшки, соотвѣтствующіе недѣльной

порціи. Дневная порція чая достигаетъ 15 гр., кофе — 30 гр., сахара — 30 гр. на человѣка. На основаніи точнаго наблюденія, сдѣланнаго мною въ 6 ч. вечера, оказалось, что мы находимся на $153^{\circ}58'45''$ вост. долготы; до сихъ поръ все идетъ хорошо и сообразно съ нашими желаніями. Люди всѣ веселы и одушевлены мужествомъ, и лагерь нашъ производитъ впечатлѣніе большого оживленія.

«Послѣ ужина болѣе не работали; подыскивали только для каждой палатки по ящику, т. е. всего 10 штукъ, которые мы должны были захватить въ лодки.

«Среда, 15 іюня. Погода сначала неблагоприятная, пасмурная и туманная, но вскорѣ послѣ 10 ч. небо прояснилось, и день сдѣлался свѣтлымъ и солнечнымъ. Ночь была холодная (-10 Р.). Я спалъ плохо, такъ какъ не могъ дотащить свой спальный мѣшокъ до плечъ; остальные же, повидимому, чувствуютъ себя очень хорошо и спали прекрасно. Чиппу лучше; по его словамъ, онъ проспалъ ночь хорошо и чувствуетъ себя теперь свѣжимъ и бодрымъ; Данненхауэръ ходитъ съ завязаннымъ глазомъ, но все же работаетъ наравнѣ съ другими. Алексѣй провелъ дурную ночь и утромъ былъ совершенно боленъ и слабъ. Кюне не можетъ еще покинуть палатку. До полудня мы тщательно занялись упаковкою чая, кофе и сахара въ мѣшки и распредѣленіемъ груза по лодкамъ; къ 11 ч. все было готово, и мы могли приняться за накладку и увязку саней. На льду лежатъ еще 30 ф. жаренаго кофе, 30 ф. молотаго и мѣшокъ хлѣба, которые надо еще уложить въ лодки. Изъ провіанта на 60 путевыхъ дней еще не уложены: 315 ф. пеммикана, 43 ф. чая, 55 ф. сахара и 37 ф. кофе. Само собою разумѣется, что намъ придется оставить здѣсь многое изъ нашихъ припасовъ, а также и оба челнока и сани, захваченныя нами изъ форта св. Михаила; но, такъ какъ мы можемъ подвигаться впередъ лишь чрезвычайно медленно, то я полагаю, что въ первый день нашего хода мы все время будемъ достаточно близко отъ нашей теперешней стоянки, чтобы послать туда санки за провізіею на слѣдующіе 24 часа; такимъ образомъ, быть можетъ, въ первые дни нашего путешествія намъ вовсе не придется распаковывать нашихъ саней съ провіантомъ. Пообѣдали въ часъ по полудни, а въ 2 ч. снова принялись за работу. Всѣ сани увязаны; оказывается, что сани № 2 (Чиппъ) уже выкинули флагъ, съ надписью «Лиази»; я замѣчаю Ниндерманну, что у насъ нѣтъ еще такового, а онъ сообщаетъ мнѣ, что нашъ тоже уже въ работѣ и что онъ охотно надписалъ бы на немъ «Сильвія»; конечно, я ничего противъ этого не имѣю. Сегодняшнія мои астрономическія наблюденія дали $77^{\circ}17'$ сѣв. шир. и $153^{\circ}42'30''$ вост. долготы; со вчерашняго дня отклоненіе на $3\frac{3}{4}$ мили; температура въ 6 ч. вечера — 6° мороза; вѣтеръ съ сѣверо-востока, сила вѣтра 2.

«Вечеромъ отдалъ я слѣдующій приказъ:

«Куттеръ Соед. Шт. «Жаннетта». Во льдахъ, 77°17' с. ш. и 153°42' в. д. Ледовитый океанъ, 15-го іюня, 1881 года.

«(Приказъ).

«При выступленіи въ походъ на югъ офицеры и матросы не имѣютъ права брать съ собою изъ платья болѣе того, что въ данную минуту надѣто на нихъ и что находится въ ихъ ранцахъ. Всякому предоставляется на выборъ взять мѣховое или суконное платье, но, разъ выбравъ, мѣнять избранное запрещается. Излишнее верхнее платье (за исключеніемъ моккасиновъ) брать съ собою воспрещается. Въ каждый ранецъ должны быть уложены: 2 пары штановъ, 2 п. чулокъ, 1 п. моккасиновъ, 1 шапка, 2 пары рукавицъ, 1 нижняя рубаха, 1 п. нижнихъ штановъ, 1 башлыкъ, 1 пледъ, 1 п. снѣговыхъ очковъ, пачка табаку, трубка, 2 пакета патроновъ, и 24 восковыя спички; мыло, платковъ, нитокъ и шолку, лишнюю пару моккасиновъ съ лишнею парю штановъ можно еще захватить въ спальный мѣшокъ; ничего иного укладывать туда нельзя. Каждый офицеръ обязывается наблюдать, чтобы число забираемыхъ съ собою вещей отнюдь не превышало дозволеннаго количества. Всѣ люди распредѣляются по разнымъ санямъ и лодкамъ. Дальнѣйшія приказанія и разъясненія будутъ отданы въ случаѣ необходимости впослѣдствіи.

«Дж. Делонгъ,

«Лейтенантъ флота Соед. Штатовъ,

«Начальникъ Арктической Экспедиціи.

«Почти совершенно безоблачное небо, а вслѣдствіе этого и почти жгучее солнце, глядящіяся въ ледяное поле, дѣлаютъ жизнь нашу въ данный моментъ особенно невыносимою; всѣ мы обожжены солнцемъ, и наши носы, губы и щеки начинаютъ трескаться и болѣть. До сихъ поръ, однако, глаза наши еще совершенно здоровы».

Въ четвергъ, 16-го іюня Делонгъ свидѣтельствуетъ о большихъ полыньяхъ, видимыхъ на югъ и юго-западѣ. Онъ даетъ людямъ разрѣшеніе прибавить къ общему грузу по полуодѣялу на человѣка на случай холода. Въ 4¹/₂ ч., онъ высылаетъ Дѣнбара впередъ въ южномъ направленіи для отысканія хорошей дороги и, наконецъ, издаетъ окончательный приказъ, касающійся распредѣленія людей и ихъ работъ во время похода; тутъ же было обозначено подробное распредѣленіе дня и количество пищи во время завтрака, обѣда и ужина, а также и нѣкоторыя незначительныя частности.

Затѣмъ приказъ этотъ былъ прочитанъ людямъ. «Я полагаю,— пишетъ Делонгъ далѣе,— что теперь мы совершенно готовы и завтра въ 6 ч. вечера можемъ выступить въ путь. Все утро слѣдующаго дня было употреблено на составленіе донесенія, заключавшаго

въ себѣ точныя свѣдѣнія о плаваніи «Жаннетты», объ открытіи ею обоихъ острововъ (Жаннетты и Генріетты), о ея гибели и т. д. Документъ этотъ былъ тщательно зашитъ въ кусокъ каучуковой матеріи и положенъ въ пустой боченокъ, который и былъ «положенъ на ледъ, въ расчетъ на то, что онъ куда нибудь да попадетъ».

XX.

Обратный путь.

ВЫСТУПЛЕНИИ на слѣдующій день дневникъ Делонга сообщаетъ:

«Въ 5 ч. вечера, всѣмъ сдѣлана перекличка, а затѣмъ ужинъ, или, какъ мы можемъ его теперь съ большимъ основаніемъ назвать, завтракъ былъ поданъ и съѣденъ, по возможности, наскоро. Въ 5 ч. 50 м., мы начали сниматься съ лагеря и, хотя мы намѣревались начать походъ ровно въ 6 ч., все же мы могли выступить только въ 6 ч. 20 м.

Всѣ люди впряглись въ первый куттеръ, тогда какъ собаки, управляемыя Анеквиномъ, старались сдвинуть съ мѣста сани № 1; куттеръ пошелъ довольно легко, но сани рѣшительно не удавалось сдвинуть съ мѣста нашимъ собакамъ; сначала мы постоянно останавливались, чтобы вытаскивать сани то изъ какого нибудь ухаба, то изъ трещины; въ концѣ концовъ оказалось, однако, что тяговая сила нашихъ собакъ вполнѣ недостаточна. Вслѣдствіе этого я отрядилъ 6 человѣкъ отъ куттера и возвратился вмѣстѣ съ ними назадъ для того, чтобы помочь какъ нибудь значительно отставшимъ отъ насъ санямъ. Это-то неожиданное разъединеніе и было причиною всѣхъ послѣдующихъ неудачъ сегодняшняго дня. Я вчера еще послалъ впередъ Дѣнбара съ цѣлю изслѣдовать предстоящую намъ на сегодня дорогу и обозначить ее вѣхами. Когда онъ возвратился, я могъ видѣть лишь три изъ поставленныхъ имъ вѣхъ и потому, вслѣдствіе недоразумѣнія, подумалъ, что ему только и удалось поставить три вѣхи. Мельвилль ошибался точно такимъ

же образомъ и потому приказалъ выгрузить захваченный на сегодня провiантъ какъ разъ у третьяго флага, какъ у конечной цѣли нашего дневнаго хода; только уже когда куттеръ прибылъ къ третьему флагу и Мельвилль хотѣлъ отдать приказъ остановиться, узнавъ онъ отъ Дѣнбара, что здѣсь еще дневной переходъ не оканчивается и что дальше онъ поставилъ еще четвертую вѣху. Само собою разумѣется, что я не могъ быть повсюду на протяженіи 1½ мили, а такъ какъ Мельвилль не зналъ моихъ желаній, то онъ и далъ себя уговорить Дѣнбару идти съ куттеромъ дальше, вмѣсто того, чтобы оставить его тамъ, гдѣ сложенъ былъ провiантъ на слѣдующія сутки. Между тѣмъ, я достигъ первыхъ саней со своими 6 матросами и протащилъ ихъ послѣ почти нечеловѣческихъ усилій съ ¼ мили впередъ; затѣмъ мы снова вернулись назадъ и протащили къ мѣсту стоянки первыхъ саней второй куттеръ и китоловную лодку. Мы находились еще здѣсь и никакъ не могли понять, что могло задержать такъ долго Мельвилля и остальныхъ людей, когда я замѣтилъ, что Чиппъ, бывшій немного впереди насъ, вдругъ остановился со своимъ транспортомъ и, повидимому, не могъ идти далѣе. Быстро побѣжалъ я за нимъ и, къ ужасу моему увидалъ, что здѣсь образовалась во льду широкая трещина и что намъ ничего иного не оставалось, какъ сгрузить все находившееся у насъ добро и отправиться къ нему на помощь на лодкѣ. Задержка была крайне печальная. Я тотчасъ же послалъ людей къ нашему первому бивуаку за легкою лодкою Динги и, когда они прибыли счастливо, перевезъ Чиппа и сани съ больными на другую сторону. Тогда я снова послалъ Чиппа впередъ для того, чтобы вернуть къ намъ какъ можно скорѣе весь отрядъ куттера. Изъ-за этого мы потеряли много драгоцѣннаго времени, такъ какъ все, что втеченіе этого времени я могъ сдѣлать съ моими шестью людьми, это — дотащить второй куттеръ, китоловную лодку и двое саней до мѣста переправы. Около 10 ч. вечера, прибылъ къ намъ снова отрядъ перваго куттера, мы тотчасъ спустили на воду обѣ лодки, перетаскивали ихъ черезъ трещину и снова вытащили на ледъ. Чтобы избѣжать разгрузки саней, мы тщательно привялись разыскивать другую дорогу и, къ счастью, скоро нашли такое мѣсто, гдѣ постоянно расширяющаяся трещина была еще достаточно узка; мы тотчасъ же накидали въ нее нѣсколько большихъ льдинъ и установили такимъ образомъ, хотя и не совѣтъ безопасное, но все довольно сносное сообщеніе. Во время переправы полозья однихъ саней попали между двумя льдинами, такъ что намъ пришлось опять останавливаться и осторожно высвобождаютъ сани, которыя, однако, все же потерпѣли нѣкоторую аварію; то же случилось и съ двумя другими санями, гдѣ полозья тоже сломались. Такимъ образомъ, переправившись, наконецъ, счастливо на другую сторону трещины (а это случилось въ 12 ч. 10 м. дня, въ субботу, 18-го іюня),

мы оказались далеко не въ завидномъ положеніи: у насъ было трое сломанныхъ саней, всѣ мы были страшно голодны, такъ какъ, по предположенію, мы должны были обѣдать въ 11 ч., но не обѣдали, и къ довершенію всѣхъ бѣдъ всѣ припасы находились отъ насъ еще въ полумилѣ, тогда какъ кухонная и иная посуда, палатка и спальные мѣшки находились еще на полчаса хода впереди. Дѣлать было, однако, нечего, и пришлось поневолѣ покориться судьбѣ; мы впряглись въ остальные двѣ лодки и отправились въ дальнѣйшій путь. Въ 1 ч. 30 м., мы достигли, наконецъ, черного флага и нашего провіанта, гдѣ узнали, что на походѣ у Лаутербаха случились желудочныя судороги и что Ли тоже не разъ падалъ на ледъ, страдавая симптомами той же болѣзни; докторъ заявилъ, что иной причины, какъ отравы свинцомъ, онъ придумать не можетъ. Въ 7 ч. утра, мы поужинали, а въ 8 выставили часового и легли спать, измученные и обезсиленные до крайности».

На слѣдующій день Делонгъ пишетъ:

«Всѣ бодры и веселы; странно, что никто не пострадалъ отъ усиленныхъ трудовъ вчерашняго дня. Что касается нашихъ больныхъ, то у Чиппа оказывается значительная слабость въ ногахъ, тогда какъ Алексѣй, Стюардъ и Кюне чувствуютъ себя рѣшительно лучше. Все, что мы до сихъ поръ сдѣлали, не возбуждаетъ мужества: дорога такъ отвратительна, снѣгъ такъ мягокъ и глубокъ и трещины во льду такъ многочисленны, что затрудненія, къ которымъ мы были приготовлены, оказались ничѣмъ въ сравненіи съ тѣмъ, что мы испытали въ дѣйствительности. Принужденные обстоятельствами, мы должны были слишкомъ нагрузить наши сани; по гладкому льду онѣ могли бы, всетаки, двигаться безпрепятственно, но въ мягкомъ и глубокомъ снѣгу онѣ постоянно застреваютъ. 28 людей и 23 собаки, таща изо всѣхъ силъ, могли всякій разъ продвинуть сани съ грузомъ въ 40 пудовъ только на нѣсколько шаговъ впередъ; когда они спускались съ горки, то сани врѣзывались въ сугробъ, и стоило большихъ и долгихъ трудовъ снова вытащить ихъ оттуда. Хотя все время было отъ 3 до 5° мороза, все же мы работали въ однѣхъ рубахахъ и потѣли, какъ въ теплый лѣтній день. Теперь я вижу ясно, что далѣе такъ идти не можемъ; мы должны подвигаться впередъ съ меньшимъ грузомъ, перевозить его общими усилиями и снова возвращаться назадъ для доставленія слѣдующаго транспорта; до сихъ поръ я думалъ, что будетъ возможно перевозить наши лодки и провіантъ тремя транспортами, теперь же я былъ бы совершенно доволенъ, если бы это удалось намъ и въ шесть транспортовъ».

На слѣдующій день, въ воскресенье, 19-го іюня, привезена была большая часть провіанта, оставшагося еще на бивуакѣ, и все распредѣлено по отдѣльнымъ санямъ; понедѣльникъ прошелъ въ доставкѣ остальныхъ припасовъ, а во вторникъ Делонгъ отмѣ-

часть въ своей записной книжкѣ, что въ двое сутокъ они успѣли отойти отъ своего бивуака всего лишь на 2 версты; во вторникъ, ночью шелъ такой сильный дождь, что нечего было и думать о дальнѣйшемъ слѣдованіи. Делонгъ пишетъ:

«Ни въ какое иное время года путешествіе здѣсь не представляетъ такихъ затрудненій, какъ теперь. Зимой и весной, конечно, холодно и въ высшей степени неудобно, но все же, по крайней мѣрѣ, сухо; въ особенности удобны осень и позднее лѣто, такъ какъ тогда снѣгъ сходитъ со льда и идти приходится по совершенно почти гладкой поверхности. Теперь же снѣгъ до такой степени мягокъ, что въ немъ тонешь, какъ въ водѣ, а если къ этой бѣдѣ прибавить еще и дождь, то мученія наши переходятъ всякія границы. Даже собаки жмутся другъ къ другу, словно куры, спрятавшись подъ защиту лодокъ или же съ визгомъ просятся въ двери палатокъ; на сушѣ, конечно, быть можетъ, и пріятно слушать изъ уютнаго домика, какъ дождь барабанитъ по крышѣ, но здѣсь на льду и притомъ подъ нашими палатками это вовсе не такъ пріятно; нигдѣ нѣтъ огня, кромѣ того, что разводится для варки пищи; нигдѣ нѣтъ мѣстечка, гдѣ бы можно было обсушиться, и, напротивъ того, повсюду маленькіе ручейки, протекающіе сверху черезъ вентиляціонныя отдушины и дѣлающіе уже и безъ того промокшихъ путниковъ еще болѣе мокрыми. При частыхъ и продолжительныхъ сегодняшнихъ остановкахъ я наблюдалъ, что многіе изъ нашей партіи захватили съ собою гораздо болѣе вещей, чѣмъ я могъ дозволить; право удивительно, сколько «мелочей, которыя и вѣса-то никакого не имѣютъ», попало незамѣтнымъ образомъ въ багажъ, но не менѣе удивительно, какъ всѣ эти мелочи, вмѣстѣ взятыя, тяжелы; прежде, чѣмъ мы покинемъ это мѣсто, я сдѣлаю подробный осмотръ и долженъ буду предпринять значительную выборку и очистку багажа.

«Вторникъ, 21-го іюня. Въ половинѣ третьяго, дождь пересталъ, и я послалъ впередъ г. Дѣнбара, чтобы проложить, гдѣ окажется необходимымъ, дорогу и развѣшать ее флагами. Въ половинѣ четвертаго, я приказалъ запрячь 9 собакъ въ сани и отправился съ Каачемъ въ путь, имѣя въ виду доставить на слѣдующій привалъ 450 ф. пеммикана и 50 ф. мяснаго экстракта. Оказалось, что г. Дѣнбаръ проложилъ двѣ дороги — одну между нагроможденными другъ на друга льдинами, а другую черезъ гряду ледяныхъ холмовъ; при этомъ по дорогѣ приходится переѣзжать отвратительное мѣсто, гдѣ ледъ уже треснулъ и разошелся на цѣлый футъ, причемъ трещина продолжаетъ увеличиваться, такъ что придется или устраивать черезъ нее переходъ, или переѣзжать ее, т. е. снова у насъ будутъ полны руки дѣла. Въ 6 ч. вечера общая переключка; въ 7 ч. 30 м. выступленіе. Я послалъ Мельвилля съ двумя санями, такими людьми, и съ двумя же на собакахъ; Эриксенъ и Личъ

ПЕДАГОГИ ПРОШЛАГО ВѢКА.

ЕДАКЦІЯ «Историческаго Вѣстника» предоставила въ наше распоряженіе нѣсколько документовъ, интересныхъ для исторіи воспитательнаго дѣла въ Россіи въ XVIII-мъ столѣтіи. Два изъ нихъ въ рельефныхъ чертахъ рисуютъ положеніе иностранныхъ гувернеровъ въ аристократическихъ домахъ, а одинъ представляетъ очень любопытный проектъ о способахъ под-
нять образованіе въ Россіи, предложенный на высочайшее благоусмотрѣніе въ началѣ царствованія Екатерины II.

Извѣстно, въ какомъ привилегированномъ положеніи были въ XVIII-мъ вѣкѣ гувернеры изъ иностранцевъ, сравнительно съ учителями русскаго происхожденія и образованія. Извѣстно, какъ сатирическіе журналы въ царствованіе Екатерины издѣвались надъ не-патріотическою страстью дворянъ приглашать воспитателей иностранцевъ, главнымъ образомъ, французовъ, и въ какихъ рѣзкихъ краскахъ изображали они невѣжество послѣднихъ. Но принято думать, что французское вліяніе начинается у насъ въ царствованіе Елисаветы, являясь на смѣну вліянію нѣмецкому, которое въ мѣстахъ, болѣе удаленныхъ отъ центра, и въ небогатыхъ помѣщичьихъ семьяхъ, въ родѣ семьи Простаковыхъ, сказывается даже и въ серединѣ царствованія Екатерины II. Приводимый ниже документъ показываетъ, что русское дворянство выснаго пошиба обращалось за наукой отыскивать французовъ, за долго до вступленія на престолъ Елисаветы Петровны. Вотъ дословный переводъ контракта, заключеннаго графомъ Александромъ Головинымъ въ Петербургѣ, 18-го іюля 1726 года.

«Я, нижеподписавшійся, заключилъ это условіе съ французомъ Генрихомъ Жакомъ Пираромъ (Pigard), котораго нанялъ въ гувернеры къ моимъ дѣтямъ на два года; въ продолженіе этого времени вышеозначенный Пираръ будетъ обучать моихъ двухъ сыновей не только французскому языку, но и хорошимъ манерамъ; онъ будетъ исполнять свои обязанности со всевозможнымъ усердіемъ и будетъ вести себя, какъ честный человѣкъ. Я, съ своей стороны, обещаюсь заплатить ему, Пирару, 60 руб. и сшить новую пару платья... Сказанный Пираръ будетъ жить въ особой комнатѣ съ моими дѣтьми, а обѣдать и ужинать будетъ за моимъ столомъ. Но когда намъ не случится быть дома, ему будутъ посылать кушанья въ его комнату. Ежедневно онъ будетъ получать двѣ кружки пива и еженедѣльно бутылку водки (une bouteille de Brandevin). Въ его распоряженіе будетъ предоставлена одна верховая лошадь; когда мы поѣдемъ въ Москву и въ деревню, онъ обязанъ ѣхать вмѣстѣ съ нами. Оба мы обещаемся хранить это условіе ненарушимо.

«Графъ Александръ Головинъ».

А вотъ три документа, обрисовывающіе положеніе одного итальянскаго педагога — поневолѣ, въ царствованіе Елисаветы Петровны.

Современный переводъ съ письма поручика де-Сerratи къ барону Ивану Антоновичу Черкасому:

«Съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь вамъ представить, что нужда привела меня войти въ домъ въ 1741 г., для обученія иностранныхъ языковъ, къ Матѳею Васильевичу Ржевскому, гдѣ я жилъ цѣлый годъ. Оттуда прямо я пошелъ въ домъ Михаила Михайловича Салтыкова, гдѣ я жилъ только два года, для того, что не хотѣлъ я съ нимъ ѣздить по его деревнямъ.

«Вышедъ отъ него, пошелъ я къ покойному князю Михаилу Васильевичу Голицину и у него жилъ три года и девять мѣсяцевъ, а оттуда я вышелъ только для того, что не хотѣли мнѣ еще заплатить 225 руб., которые мнѣ должны, какъ о томъ можно видѣть изъ приложенія при семъ, которое есть тожь, каковое я послалъ къ меньшому брату покойнаго, князю Александру Михайловичу (?).

«Потомъ жилъ я цѣлый годъ у нѣмецкаго парикмахера Шредера, на собственномъ моемъ коштѣ, ради вырваннаго у меня зуба, отъ котораго принужденъ я былъ изъ камеры не выходить больше осьми мѣсяцевъ.

«Оттуда пошелъ я жить къ князю Александру Александровичу Черкасскому, гдѣ я былъ три года и семь мѣсяцевъ, и не вышелъ оттуда какъ по всемилостивѣйшимъ и всецѣдымъ обѣщаніямъ ея императорскаго величества нашей несравненной никому самодержицы.

«У выше упомянутого князя написалъ я кратчайшій способъ къ обученію французскаго, итальянскаго и нѣмецкаго языковъ. Написано то вдвоемъ (т. е. въ двухъ экземплярахъ) и находится въ Петербургѣ у того же князя, которому я писалъ, чтобы онъ одну часть (вѣроятно одинъ экземпляръ) ко мнѣ прислалъ, а другую у себя оставилъ, но никакого на то отвѣта не имѣю.

«Я имѣю честь быть и проч.

«Шарль Бартоломи де-Серрати».

Вотъ заключенныя имъ два условія:

«1745 года, марта, сей контрактъ заключенъ промежь его сіятельствомъ, господиномъ камергеромъ и кавалеромъ князь Михаиломъ Васильевичемъ Голицынымъ, и поручикомъ де-Серрати на годъ. Его сіятельство общаетъ поручику де-Серрати, который будетъ какъ гофмейстеръ у его сіятельства дѣтей, давать 320 рублей въ годъ, и за показанную сумму вмѣстѣ съ дѣтьми его сіятельства долженъ поручикъ де-Серрати обучать двоихъ дѣтей отъ флота господина капитана Матѳея Васильевича Ржевскаго, а платить деньги по третямъ напередъ: первую треть, вшедши въ домъ, 120 рублей, а другія трети по 100 рублей. Сверхъ того, давать ему 15 ведеръ вина простаго ¹⁾, постелю со всѣмъ приборомъ, мыть въ домѣ такъ, какъ самому князю; свѣчи и топливо, сколько онъ желаетъ; для стола во время поста давать ему въ его горницу по три блюда въ обѣдъ и ужинъ; да и во время мясоѣда, когда онъ пожелаетъ въ свою горницу, будетъ же ему дано всякій разъ три блюда; лѣтомъ коляску парою, зимою сани парою и съ хомутами наборными, да еще малаго, да кучера въ ливреѣ; лошади и люди всегда будутъ въ его диспозиціи, и дабы никто не смѣлъ ихъ тронуть безъ его позволенія; еще ему будетъ позволено взять двухъ учениковъ, покамѣстъ будетъ въ Москвѣ. Поручикъ же де-Серрати съ своей стороны общаетъ обучать дѣтей его сіятельства и господина Ржевскаго поитальянски, пофранцузски, понѣмецки, полатыни, исторію и географію; вышеписанное время годъ, общаетъ поручикъ де-Серрати учить со всякимъ прилежаніемъ и имѣть къ дѣтямъ всякое смотрѣніе надлежащее и въ деревню съ ихъ сіятельствами ѣхать обязуется.

«У подлиннаго подписано: князь Михайлъ Голицынъ.

«J'atteste par ceci d'avoir été contenté pour la première année et d'avoir relu le ci-dessus mentioné

«de Serratti».

Судя по малограмотной подписи поручика, сзумѣвшаго себя обставить такъ удобно, онъ хорошо зналъ только свой родной языкъ,

¹⁾ Неизвѣстно, почему итальянецъ оказался въ этомъ отношеніи на столько требовательнѣе Пирара, который довольствовался одною бутылкой въ недѣлю.

который честно и выставилъ на первый планъ. Но любопытно знать, почему дѣти его сіятельства и господина Ржевскаго должны были особенно интересоваться языкомъ Данте и Петрарки?

Второй контрактъ:

«1749 года, декабря, сей контрактъ заключенъ промежъ его сіятельствомъ князь Александромъ Александровичемъ Черкасскимъ и поручикомъ де-Серратиёмъ, который будетъ какъ гофмейстеръ у его сіятельства дѣтей, давать въ годъ 250 рублей и сыскать ему трехъ учениковъ, а когда не сыщется трехъ учениковъ, то дать триста рублей; изъ вышеозначенныхъ денегъ дать напередъ 200 рублей, а достальные по прошествіи года, а сверхъ того, давать ему 15 ведеръ вина, къ постелѣ матрацъ. (Далѣе слово въ слово какъ въ контрактѣ съ Голицынымъ). Дѣтей его сіятельства обучать пофранцузски, поитальянски, понѣмецки, читать, писать и чисто говорить и исторію, и вышеписанное время двухлѣтнее обѣщаетъ поручикъ обучать со всякимъ прилежаніемъ и всюду съ его сіятельствомъ ѣздить въ деревни и въ походъ, однимъ словомъ, вездѣ, куда его сіятельство поѣдетъ, а ежели сыщется ему мѣсто въ службѣ военной или статской, то позволить ему и прежде двухъ лѣтъ.

«Подлинное подписалъ: князь Александръ Черкасскій».

Намъ неизвѣстно, въ чемъ состояли всецѣдрія обѣщанія императрицы Елисаветы, и мы не нашли въ печати «Кратчайшаго способа»; вообще ни Пираръ, ни Серрати въ литературѣ невѣдомы. Въ иномъ положеніи авторъ третьяго документа, докторъ и профессоръ, Филиппъ Генрихъ Дильтей (Dilthey), представившій въ ноябрѣ 1746 года императрицѣ Екатеринѣ «Планъ о учрежденіи разныхъ училищъ для распространенія наукъ и исправленія нравовъ»; его имя встрѣчается много разъ въ каталогахъ старыхъ книгъ, и его довольно обстоятельная біографія напечатана въ «Словарѣ» преподавателей Московскаго университета, изданномъ по поводу столѣтняго юбилея послѣдняго.

Дильтей — личность далеко не заурядная, человекъ замѣчательно способный; онъ родился въ Тиролѣ, слушалъ лекціи въ университетахъ Инспрукскомъ, Страсбургскомъ и Вѣнскомъ и въ послѣднемъ, въ 1753 году, получилъ степень доктора обоихъ правъ (еще прежде того онъ уже состоялъ членомъ Майнцкой академіи наукъ). Черезъ Миллера и Бюшинга (двоюроднаго брата Дильтея) онъ при самомъ основаніи Московскаго университета былъ приглашенъ занять въ немъ кафедру исторіи и правовѣдѣнія, съ жалованіемъ по пяти сотъ рублей въ годъ (по тогдашней цѣнности денегъ, это равняется 7 или 8 тысячамъ нынѣшнихъ рублей). 28-го сентября 1756 года, онъ пріѣхалъ въ Москву, а 31-го октября, прочелъ вступительную лекцію, о которой въ объявленіи куратора сказано: «Профессоръ заблагоразсудилъ, что онъ небезполезно учинить,

естли о нуждѣ и пользѣ права, перстомъ Божескимъ во всѣхъ сердцахъ написаннаго и черезъ справедливое разсужденіе всему человѣческому роду объявленнаго, рѣчь свою предлагать будетъ». Проще говоря, Дильтей во вступительной лекціи далъ опредѣленіе естественнаго права, бывшаго въ то время въ большой модѣ въ Германіи. 1-го ноября, Дильтей открылъ свой курсъ юридическихъ наукъ, а 11-го ноября, уже объявилъ о публичномъ курсѣ (за особую плату) по предмету естественнаго права, который онъ читалъ по-французски. Эти довольно сложные занятія не помѣняли ему, не медля, приступить къ изученію русскаго языка и, не смотря на отсутствіе пособій, онъ успѣлъ овладѣть имъ въ короткое время настолько, что скоро могъ предлагать своимъ слушателямъ на выборъ, на какомъ изъ четырехъ языковъ (полатыни, пофранцузски, понѣмецки и порусски) они желаютъ слушать его лекціи. Впрочемъ нѣсколькихъ лѣтъ, одинъ Дильтей представлялъ собою цѣлый юридическій факультетъ и читалъ по 8 часовъ въ недѣлю пять наукъ: натуральное право, римское право, феодальное право, уголовное право и государственное право. Его біографъ говоритъ, что отзывамъ Бюшинга о высокіхъ достоинствахъ его лекцій вѣрить нельзя. Это совершенно справедливо, но не подлежитъ сомнѣнію, что на первое, по крайней мѣрѣ, время Дильтей принялся за дѣло чрезвычайно горячо и пустилъ въ ходъ очень полезный приемъ академическаго преподаванія, къ сожалѣнію, мало распространенный у насъ даже до настоящаго времени, а именно онъ старался возбудить самостоятельность студентовъ. Уже 17-го декабря 1756 года стало быть, черезъ полтора мѣсяца послѣ начала курса, онъ устроилъ въ своей аудиторіи диспутъ: два студента должны были защищать предложенные профессоромъ 16 тезисовъ, а четыре — оппонировать. Диспутъ былъ обставленъ довольно торжественно, судя по тому, что о днѣ его и объ именахъ защитниковъ и оппонентовъ было объявлено заранее во всеобщее свѣдѣніе; производился онъ, безъ всякаго сомнѣнія, на латинскомъ языкѣ.

Къ сожалѣнію, самая энергія Дильтея и излишняя юркость его натуры, часто соединяющаяся съ разносторонними способностями, вредно повліяла на его академическую дѣятельность; онъ брался слишкомъ за многое: въ 1758 году, онъ былъ назначенъ инспекторомъ гимназіи, съ прибавкою по 100 руб. въ годъ жалованья; началъ переводить грамматику Ломоносова, или, лучше сказать, передѣлывать ее для иностранцевъ и, какъ его справедливо упрекаетъ біографъ, съ излишнимъ рвеніемъ занялся поправкою своихъ денежныхъ дѣлъ; за публичныя лекціи онъ назначилъ очень высокую потогдашнему плату, 12 руб. за курсъ, и половину ея выскивалъ впередъ. Кончилось дѣло тѣмъ, что онъ, съ одной стороны, скоро успѣлъ накопить денегъ на покупку дома, но за то съ другой — за нехождение на лекціи (въ 16 мѣсяцевъ онъ былъ въ универси-

тетѣ всего пять разъ) подвергался неоднократно выговорамъ и, наконецъ, въ 1765 году былъ представленъ конференціею къ исключенію, такъ какъ отъ его преподаванія «никакого плода нѣтъ»; на его кафедрѣ былъ назначенъ другой преподаватель. Но Дильтей не покорился: онъ пожаловался на конференцію въ сенатъ и обвинялъ ее въ неправильномъ задержаніи его жалованья. Началась по этому поводу переписка, и раздраженная конференція нашла за Дильтеемъ массу другихъ проступковъ по должности. Вдругъ въ это дѣло, тянувшееся уже больше года, вмѣшалась императрица: указомъ, отъ 8-го марта 1766 года, было предписано вновь принять Дильтея на службу. Маленькій гордіевъ узелъ былъ, такимъ образомъ, разрубленъ; отношенія конференціи къ Дильтею моментально измѣнились; правда, соблюдая свое достоинство, она подвергла его экзамену, но, какъ и слѣдовало ожидать, онъ по экзамену оказался вполне способнымъ къ исправленію профессорской должности, и въ началѣ новаго учебнаго года вступилъ побѣдителемъ на кафедру. Уже въ 1766 году, онъ читалъ права: всеобщее, военное и морское, а въ 1772 году, оказался въ состояніи читать исторію русскаго права: онъ еще прежде высказывалъ убѣжденіе, совершенно, конечно, справедливое, что въ русскомъ университетѣ этотъ предметъ долженъ стоять на видномъ мѣстѣ, и старался подобрать себѣ сотрудниковъ для созданія новой науки между своими слушателями.

Въ 1768 году, Дильтей издалъ учебникъ вексельнаго права, имѣвшій огромный успѣхъ: эта книжка выдержала пять изданій, причемъ каждое изъ нихъ пополнялось, сравнительно съ прежнимъ, новыми данными изъ русскихъ законовъ.

Вообще Дильтей и въ этотъ второй періодъ своей профессорской дѣятельности выказывалъ замѣчательную энергію; только она проявлялась теперь въ лучшей формѣ, болѣе соответствующей его обязанностямъ: на актахъ онъ почти каждый годъ говорилъ рѣчи научнаго содержанія и, между прочимъ, въ своей рѣчи, сказанной въ 1780 году, проводилъ чрезвычайно либеральную, по тому времени, мысль о необходимости публиковать во всеобщее свѣдѣніе судебныя рѣшенія съ ихъ мотивами и ходомъ всего судопроизводства. Кромѣ юриспуденціи, онъ занимался географіею Россіи: издалъ отъ 1768 до 1777 года атласъ въ шести частяхъ, русская часть котораго за границу пользовалась въ свое время большою извѣстностью, а въ 1781 году издалъ топографію Тульской губерніи. Въ томъ же году, онъ умеръ въ Петербургѣ, куда былъ уволенъ по своей надобности.

Предоставленный въ наше распоряженіе документъ ¹⁾ разъясняетъ темный пунктъ въ біографіи Дильтея, почему императрица

¹⁾ Копія изъ Государственнаго Архива.

сочла нужнымъ такъ энергично вмѣшаться въ пререканія конференціи съ бывшимъ ея членомъ и такъ рѣзко стала на сторону послѣдняго, хотя его виновность—неудовлетворительное исполненіе обязанностей—не подлежала сомнѣнію. Екатерина знала Дильтея, и его проектъ «о распространеніи наукъ и исправленіи нравовъ», проектъ несомнѣнно оригинальный и, какъ говорится, наводящій на размысленія, поданный ей именно въ то время, когда она, разочаровавшись въ подготовленности къ великимъ реформамъ современнаго ей русскаго общества, сосредоточила всю свою энергію на работахъ о подготовленіи молодаго поколѣнія,—обратилъ на себя ея вниманіе.

Проектъ Дильтея въ томъ видѣ, какъ онъ дошелъ до насъ, является не вполнѣ законченнымъ: за общимъ заглавіемъ, приведеннымъ выше, слѣдуетъ подъ рубрикою: «Раздѣленіе I»; второе заглавіе, точнѣе исчерпывающее его содержаніе: «О николахъ рабскихъ, какъ о первомъ основаніи добраго воспитанія». Но первый параграфъ относится къ проекту въ цѣломъ, а не къ первому раздѣленію; выписываемъ его дословно.

«Дворянство російское справедливо по сіе время о несовершенномъ воспитаніи и наукъ успѣхъ жалобу имѣло, что, съ одной стороны, не щадя никакихъ своихъ расходовъ для наученія и воспитанія юношества, въ чемъ Россія передъ прочими государствами великое имѣетъ преимущество, а съ другой стороны, что желаемаго по большей части успѣха великіе сіи расходы какъ публичныя, такъ и приватныя не имѣютъ, которому неудобствію, чтобы могло быть поправленіе, то должно, во-первыхъ, найдти причину, для чего, по учиненіи столь безчисленныхъ расходовъ на воспитаніе и ученіе, ни ожидаемое нравовъ пристойнство, ни желаемая твердость наукъ не соотвѣтствуетъ, по изысканіи чего явно будетъ, что многія недостатка сего причины находятся, которыя всякому, разсуждающему и дѣло правильно себѣ представляющему, тотчасъ видны, изъ которыхъ:

«1) Худой примѣръ дядекъ, къ которому дѣти съ малолѣтства привыкаютъ, какъ корень испорченнаго воспитанія, принять въ разсужденіе должно.

«2) Недостатокъ хорошихъ учителей или худо сдѣланное ихъ избраніе.

«3) Правленіе училищъ, неученому человѣку порученное, наипаче такимъ учрежденіямъ наносить вредъ, ибо какъ тотъ, который все свое время въ чтеніи книгъ употребилъ, не служа нигдѣ, въ должность главнаго полководца вступить не можетъ, такъ и искуснѣйшій въ воинскомъ дѣлѣ полководецъ при ученомъ обществѣ съ пользою правленіе имѣть не въ состояніи.

«4) Канцеляріи, на послѣдокъ, весьма великое причиняютъ учрежденіямъ ученымъ препятствіе, ибо науки лю-

бять свободу и особый свой имѣютъ порядокъ, который отъ канцелярскихъ постановленій совсѣмъ отличенъ»¹⁾).

Слѣдующіе 11 §§ представляютъ проектъ устава рабскихъ школъ, т. е. школъ для педагоговъ изъ крѣпостныхъ людей. Дильтей исходитъ изъ справедливой мысли, что юный дворянинъ, испорченный дома дворней, впоследствии для наукъ становится непригоденъ, и предлагаетъ учредить въ Москвѣ и Петербургѣ учительскія семинаріи, гдѣ воспитывалось бы по 100 мальчиковъ, подъ руководствомъ двухъ учителей и третьяго ректора; одинъ изъ учителей долженъ обучать «латинскому и нѣмецкому съ россійскимъ», другой «латинскому и французскому, купно съ ариметикою, а ректоръ сего училища долженъ бы обучать исторіи и географіи, а особливо: въ чемъ состоятъ хорошее воспитаніе, какъ дѣти себя вести при одѣваніи, при столѣ и въ обхожденіи съ людьми должны, что и какъ надобно говорить, что Богу, что отечеству, что ближнему отдавать должны, что правила нравовъ или повелѣваютъ, или запрещаютъ».

Курсъ ученія авторъ предполагаетъ пятилѣтній, довольно обстоятельно указываетъ программу и даже иногда учебники. Въ § 6-мъ онъ доказываетъ, что ученые дядьки могли бы быть полезны своимъ помѣщикамъ не только въ воспитаніи дѣтей, но и во многихъ другихъ случаяхъ, и убѣждаетъ будущихъ учителей проектируемыхъ имъ школъ не гнушаться воспитаніемъ крѣпостныхъ, «такъ какъ слуги токмо однимъ счастіемъ рожденія отъ нихъ отличены, но безсмертною же душою равно одарены».

Въ слѣдующихъ §§ онъ съ точностію опредѣляетъ, какъ надобно устроить внутренній бытъ такой школы: чѣмъ кормить учениковъ, сколько платить лѣкарю и прочее.

Чуть ли составитель проекта не прочитъ себя въ ректоры такой школы: слишкомъ усердно доказываетъ онъ, что должность ректора должна быть пожизненна, и предлагаетъ, для выщаго поощренія, уступить ректору въ собственность домъ.

Въ послѣдующихъ «раздѣленіяхъ» своего проекта, которыя мы имѣемъ въ сокращенномъ видѣ, Дильтей говорить о среднемъ и высшемъ образованіи самихъ дворянъ.

Подготовившись къ школьному обученію при помощи крѣпостнаго педагога, дворянинъ долженъ поступать въ тривіальную школу, гдѣ могутъ вмѣстѣ съ тѣмъ обучаться и дѣти «купческаго и другаго неподлога состоянія», но благородные отъ прочихъ «должны быть отличены столами для разности ученія и благородства учащагося юношества, дабы смѣшеніе благородныхъ съ разночинцами зависти и препятствія не производило».

¹⁾ «Имѣя уши слышати да слышать».

По выдержаніи публичнаго экзамена, дѣти изъ этихъ школъ поступаютъ въ гимназіи, съ четырехъ-годичнымъ курсомъ, гдѣ точно также благородные и разночинцы должны сидѣть за разными столами. Сдавъ отсюда выпускной экзаменъ (также публичный), «ученики назначаются студентами» и поступаютъ въ университетъ. Дильтей находить недостаточнымъ имѣть одинъ Московскій университетъ для столь обширнаго государства и предлагаетъ учредить еще два: одинъ въ Батуринѣ для Малороссіи и одинъ въ Дерптѣ для Ливоніи. Въ университетахъ онъ предполагаетъ четыре факультета: философскій, медицинскій, юридическій и богословскій (sic).

Если проектъ Дильтея во 2-мъ и т. д. «раздѣленіяхъ» есть простой сколокъ съ того, что существовало въ Западной Европѣ, съ небольшими и неособенно удачными приспособленіями, то его проектъ устройства рабскихъ школъ представляетъ изъ себя нѣчто очень оригинальное. На основаніи этого проекта нельзя считать Дильтея заваятымъ крѣпостникомъ, такъ какъ онъ исходитъ изъ законоположенія, запрещающаго принимать въ общественныя училища дѣтей крѣпостныхъ, и изъ практическаго неудобства, документально засвидѣтельствованнаго, — обучать крѣпостныхъ «черезъ вольно-наемныхъ учителей»: эти учителя безъ различія происхожденія относились къ такому занятію, какъ къ чему-то для нихъ крайне унижительному, и если для поощренія барченка и сажали съ нимъ за одинъ столъ крѣпостнаго Ваньку или Петьку, то употребляли его только какъ орудіе и производили на немъ эксперименты «in corpore vili».

Признавая крѣпостное право неизбѣжнымъ зломъ, многіе современники Дильтея и ихъ потомки могли бы стать на сторону его проекта; припомнимъ первыя главы «Капитанской дочки» Пушкина; кто не согласится, что, если бы Савельичъ получилъ хотя какое нибудь образованіе, онъ былъ бы несравненно лучшимъ воспитателемъ для молодаго Гринева, нежели распутный и невѣжественный французъ Бопре. Иной вопросъ, какъ бы чувствовали себя эти крѣпостные педагоги въ помѣщичьихъ домахъ генераловъ Измайловыхъ и подобныхъ имъ изверговъ человѣческаго рода. Нѣтъ сомнѣнія, что судьба этихъ несчастныхъ значительно удлиннила бы русскій крѣпостной мартирологъ, и безъ того не бѣдный талантливыми людьми, музыкантами, живописцами и актерами, забытыми на смерть на конюшняхъ.

Какъ бы то ни было, проектъ Дильтея не былъ принятъ императрицею Екатериною, можетъ быть, потому, что самыя идея и названіе рабскихъ школъ были отвратительны для воспитанницы энциклопедистовъ. Екатерина и ея ближайшіе сотрудники по этому вопросу смотрѣли на дѣло шире и либеральнѣе, нежели вѣнскій докторъ обоихъ правъ, какъ это видно, между прочимъ, изъ утвержденаго ею въ 1766 году «Устава императорскаго шляхетскаго су-

хопутнаго кадетскаго корпуса, учрежденнаго въ С.-Петербургѣ, для воспитанія и обученія благороднаго російскаго юношества».

Какъ хорошо задуманъ этотъ уставъ и какъ многому можетъ изъ него научиться даже современная школьная практика! Мы не будемъ разбирать его въ подробности, а только укажемъ на нѣкоторые его пункты, особенно ярко выдающіеся, или интересные по отношенію къ проекту Дильтея.

Екатерина, очевидно, убѣждена, что въ грубой помѣщичьей средѣ никакой идеальной нравственный дядька, никакой образованнѣйшій гувернеръ изъ французовъ не въ состояніи защитить ребенка даже въ самые первые годы ученія отъ вреднаго вліянія этой среды: ребенка надо изъять изъ нея какъ можно ранѣе («отнюдь не старѣе, какъ по шестому году», стр. 29), изъять на очень продолжительный срокъ (на 15 лѣтъ), чтобы онъ воспитался въ обстановкѣ, не имѣющей ничего общаго съ крѣпостнымъ правомъ¹⁾.

За то школа и беретъ на себя довести дѣло до благаго конца; возвращать дѣтей родителямъ за неуспѣшность или порочность можно только въ первомъ году ихъ ученія; если малоспособность или болѣзненность не выразилась рѣзко сейчасъ же, школа обязана справиться съ нею, также какъ обязана справиться со всякими недостатками характера; иначе какая же она и школа? Исключать учащихся толпами — значить признаваться въ своей полной несостоятельности и умножать самый вредный классъ въ государствѣ — классъ недоучекъ. Средства, которыя находятся въ распоряженіи начальства корпуса, должны быть исключительно гуманныя: во многихъ §§ настоятельно рекомендуется всѣмъ начальствующимъ лицамъ даже и выговоры употреблять съ возможною осмотрительностію и умѣренностію, «поступать съ питомцами съ учтивствомъ и любовью», а въ «Разсужденіи», приложенномъ къ «Уставу», обстоятельно доказывается, что жестокія наказанія производятъ обыкновенно крайне вредное дѣйствіе на дѣтскую натуру. Даже и въ старшемъ военномъ отдѣленіи, гдѣ необходимо приучать воспитанниковъ къ дисциплинѣ, рекомендуется употреблять только видъ строгости.

«Уставъ» не только даетъ самоуправленіе совѣту, предоставляя ему опредѣлять всѣхъ служащихъ по корпусу и составлять болѣе подробныя правила и инструкціи, но и самимъ кадетамъ «двухъ послѣднихъ возрастовъ» даетъ право выбирать баллотированіемъ капраловъ и унтеръ-офицеровъ изъ своей среды (стр. 50).

Очевидно, великая законодательница, «даровавшая души росіянамъ», полагала, что общій уставъ, данный извнѣ, представ-

¹⁾ Начальникамъ воспрещается подвергать тѣлеснымъ наказаніямъ не только учениковъ, но и низшихъ служителей корпуса; воспитанникамъ старшихъ возрастовъ рекомендуется обходиться безъ прислуги.

ляетъ собою только широкія рамки, въ которыхъ самобытность заведенія должна развиваться, какъ можно свободнѣе; она думала, что только свободные и самостоятельные люди могутъ, какъ слѣдуетъ, воспитывать будущихъ дѣятелей государственныхъ, и «самыхъ питомцевъ» она желала съ юныхъ лѣтъ приучить къ извѣстной формѣ самоуправленія, исходя изъ убѣжденія, что въ извѣстномъ возрастѣ только пользование правами обуславливаетъ строгое исполненіе обязанностей, что уважается тотъ законъ, который уважаетъ человѣка.

Какъ далеко отсталъ отъ нея докторъ обоихъ правъ и профессоръ Дильтей съ своими рабскими школами!

А. Кирпичниковъ.

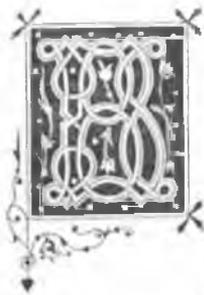

ПУТЕШЕСТВІЕ ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ КРЫМЪ ¹⁾.

III.

«Шествіе до Кіева» ²⁾.

ТОРАГО января 1787 года, въ 11 часовъ утра, при громѣ пушекъ, Екатерина выѣхала въ Царское Село. 6-го января, изъ Царскаго Села, куда наканунѣ отправления въ путь были приглашены иностранные посланники, выѣздъ послѣдовалъ 6-го (17-го) января. Экипажей насчитывалось до 200. Морозъ былъ значительный и доходилъ до 17°. Иностранцы удивлялись прекрасной дорогѣ, быстротѣ движенія и великолѣпному освѣщенію пути. Императрица, находясь въ дорогѣ до Кіева, обыкновенно вставала въ 6 часовъ утра, работала вмѣстѣ съ графомъ Безбородко, секретаремъ Храповицкимъ и другими лицами, а затѣмъ принимала иностранныхъ посланниковъ. Въ 9 часовъ отправлялись въ дорогу и ѣхали до 2 часовъ, послѣ обѣда опять ѣхали до 7 часовъ вечера. Вечеромъ, Екатерина снова бесѣдовала съ иностранными послами или играла съ ними въ карты. Въ 9 часовъ вечера, она опять начинала работать и занималась до 11 часовъ. Въ городахъ, черезъ которые проѣзжали, для Екатерины были приготовлены удобныя помѣщенія у зажиточныхъ домовладѣльцевъ, въ деревняхъ каждый искалъ и находилъ себѣ уѣжище въ избахъ.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXI, стр. 242.

²⁾ Всѣ гравюры, иллюстрирующія настоящую главу, заимствованы нами изъ издаваемой А. С. Суворинымъ «Иллюстрированной исторіи Екатерины II».

Маршрутъ императрицы шель чрезъ Смоленскъ и Новгородъ-Сѣверскъ въ Кіевъ, гдѣ положено было дожидаться вскрытія рѣкъ, и потомъ уже продолжать путь въ Херсонъ и Крымъ.

Секюръ писалъ: «Мы ѣхали по огненному пути, котораго свѣтъ былъ ярче солнечныхъ лучей». Въ донесеніи Фицгерберта Кармартену, отъ 12-го февраля, изъ Кіева, сказано: «Вамъ, милордъ, безъ сомнѣнія, будетъ весьма пріятно узнать, что императрица благополучно прибыла сюда со всей своей свитой и что ея величество находится въ отличномъ состояніи здоровья и нимало не пострадала отъ усталости какъ во время путешествія, такъ и по окончаніи его. Впрочемъ, сказать правду, ея проѣздъ, не смотря на дальнее разстояніе ¹⁾ и неблагоприятное время года, скорѣе походилъ на прогулку, чѣмъ на дѣйствительное путешествіе, такъ какъ мы ѣхали въ возкахъ, движеніе которыхъ по снѣгу было также плавно и покойно, какъ движеніе гондолъ. Вездѣ ея величество имѣла чрезвычайно удобное помѣщеніе въ домахъ, построенныхъ для ея пріѣзда, и вся сервировка ея стола происходила въ тѣ же часы и точно такимъ образомъ, какъ въ Петербургѣ. Я бы никогда не кончилъ, если бы сталъ описывать вамъ, милордъ, различныя заявленія радости и преданности, съ которыми встрѣчали ея величество на пути; подобныя доказательства любви народной были ей особенно пріятны, потому что она въ то же время лично убѣждалась въ дѣйствительныхъ и возрастающихъ выгодахъ, извлекаемыхъ ея подданными изъ различныхъ полезныхъ нововведеній, учрежденныхъ ею втеченіе ея царствованія, и особенно со времени заключенія послѣдняго мира съ Турціею. Считаю долгомъ прибавить, что ничто не могло превзойти вѣжливость, любезность и деликатную внимательность, съ которою ея величество относилась ко всѣмъ ее окружающимъ, и въ особенности къ намъ, иностранцамъ; во время путешествія она постоянно брала насъ въ свой собственный экипажъ, наблюдая очередь, такъ что одинъ день ѣхалъ съ нею императорскій посоль, а на слѣдующій день графъ Секюръ и я; теперь мы проводимъ большую часть времени въ ея гостиныхъ комнатахъ самымъ пріятнымъ образомъ и безъ всякихъ стѣсненій этикета» ²⁾.

Переѣздъ въ Кіевъ черезъ Лугу, Порховъ, Великія Луки, Порѣчье, Смоленскъ, Мстиславль, Пропойскъ, Чечерскъ, Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Вишенки, Сосницу, Черниговъ, Нѣжинъ, Козары, Ковелець совершился отъ 6-го до 29-го января.

Впродолженіе этого времени императрица переписывалась съ разными лицами. Мы считаемъ вѣроятнымъ, что она послѣ недоразумѣній съ цесаревичемъ и его супругою не видѣлась съ ними.

¹⁾ Въ сочиненіи Григоровича о Безбородкѣ, гдѣ помѣщено это донесеніе, сказано «120 англійскихъ миль» вмѣсто 1200. Англійская миля немного болѣе версты.

²⁾ Изъ бумагъ, хранящихся въ Историческомъ Обществѣ, въ XXVI т., 177—178.

Въ день своего отъѣзда изъ Царскаго Села она имъ написала: «Любезнѣйшія дѣти! графъ Пушкинъ вручилъ мнѣ ваши письма; благодарю васъ за желаніе мнѣ счастливаго пути» и пр. ¹⁾ Получивъ въ Смоленскѣ письмо отъ Маріи Ѳеодоровны, Екатерина писала, между прочимъ: «Холодъ весьма силенъ въ этомъ возвышенномъ и открытомъ мѣстѣ; отъ вѣтра пострадали глаза многихъ служителей; нѣсколько дней отдыха, по словамъ учениковъ эскулапа, дадутъ имъ оправиться». Изъ Мстиславля: «Дороги очень хороши». Изъ Нѣжина: «Завтра приѣду я въ Кіевъ, гдѣ у насъ будетъ время отдохнуть, хотя никто не жалуется на усталость; напротивъ, мое путешествіе такъ устроено, что оно скорѣе похоже на прогулку... мнѣ только что принесли два куска черкесской матеріи, которые показались мнѣ очень красивыми; голубую съ серебромъ я посылаю вамъ и внучкамъ, надѣюсь, что его будетъ довольно; фіолетовую съ серебромъ великому князю и внукамъ моимъ, и тогда всѣ семеро получаютъ къ Пасхѣ обновку, купленную въ Нѣжинѣ; игрушекъ же найти нельзя» и пр. Главнымъ предметомъ письменной бесѣды между Екатериною и великою княгинею служили внуки и внучки императрицы; говорится особенно подробно о состояніи ихъ здоровья ²⁾.

Въ двухъ краткихъ письмахъ Екатерины къ великому князю Константину Павловичу, которому въ то время было семь лѣтъ, упомянуто о пребываніи путешественниковъ въ Нѣжинѣ. Такъ, наприимѣръ, сказано: «Въ Нѣжинѣ я слушала греческую рѣчь; я не поняла ни одного слова, потому что васъ не было со мною». Въ письмахъ изъ Нѣжина: «Если бы вы были здѣсь, то могли говорить погречески сколько угодно; здѣсь очень много грековъ» и пр. ³⁾. Извѣстно, что великій князь Константинъ Павловичъ съ раннихъ лѣтъ учился греческому языку; въ Нѣжинѣ же были представлены императрицѣ, въ числѣ другихъ, выборные греческаго общества, изъ числа которыхъ Павлозіатъ произнесъ ей поздравительную рѣчь на греческомъ языкѣ.

Къ великому князю Павлу Петровичу Екатерина писала изъ Смоленска, 17-го января: «Я здѣсь остановилась дни четыре болѣе, нежели я думала, по причинѣ той, что Александръ Матвѣевичъ ⁴⁾ былъ боленъ, да всѣ устали, а многіе глазами жаловались. У васъ начинается показываться зелень (?—sic), а у насъ весьма холодно,—здѣсь снѣга велики; я не сомнѣваюсь, что Таврида мнѣ и всѣмъ поправится, завтра поутру ѣду отсель... сегодня у меня здѣсь превеликой балъ» и пр. ⁵⁾.

¹⁾ «Сб. Ист. Общ.», XV, 41.

²⁾ Тамъ же, XV, 37—51.

³⁾ Письма и бумаги, изд. Бычковымъ, 36—41.

⁴⁾ Мамоновъ.

⁵⁾ «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 403. Тамъ же другое краткое письмо къ Павлу, отъ 14-го января.

Къ барону Гримму императрица писала изъ Кричева, помѣстья князя Потемкина, въ 130 верстахъ отъ Смоленска, въ Могилевской губерніи: «По мѣсту, откуда я пишу къ вамъ, вы видите, что, вопреки Амстердамской газетѣ, я ѣду и все обстоитъ какъ нельзя лучше; но правда, что въ Смоленскѣ, Красный Кафтанъ ¹⁾ извоили слечь въ постель, захвативъ не на шутку сильнѣйшую лихорадку съ страшной горловой болью; но мистеръ Рожерсонъ атаковалъ его джемсовскимъ поронкомъ и шпанской мушкой, которые живо поставили его на ноги. Во время моего четырехдневнаго пребыванія въ этомъ городѣ, замѣчательно вотъ какое обстоя-

Дорожный возокъ Екатерины II.

Съ гравюры прошлаго столѣтія Гоппе.

тельство: такъ какъ нашей прислугѣ подрядъ трое сутокъ дулъ въ глаза вѣтеръ, то, когда мы пріѣхали въ Смоленскъ, почти у всѣхъ разболѣлись глаза; но пока я оставалась въ этомъ городѣ, всѣ выздоровѣли. Всѣ мои спутники очень веселы и здоровы. Мы въ 800 верстахъ отъ Петербурга и въ 700 отъ Кіева, подъ 54 градусомъ долготы. Однако, еще холодно. Вчера я получила письмо отъ князя Потемкина, который 7-го января былъ въ Тавридѣ и увѣряетъ, что тамъ уже зелень». Изъ Новгорода-Сѣверска: «Сегодня у меня здѣсь былъ балъ, какъ въ Смоленскѣ; вотъ какъ мы

¹⁾ Мамоновъ.

путешествуемъ. Завтра я буду обѣдать въ одномъ изъ имѣній маршала Румянцова... Послѣ завтра я прибуду въ Черниговъ, гдѣ на другой день я устрою балъ... небо здѣсь весеннее...». Изъ Чернигова, между прочимъ: «Пріѣхавъ сюда, я сегодня устраиваю балъ; завтра я уѣзжаю. Въ пятницу мы пріѣдемъ въ Кіевъ... мои карманные министры ¹⁾ веселы и здоровы». ...Изъ Кіева: «Я пріѣхала сюда 29-го января, въ добромъ здоровьѣ, въ двадцатиградусный морозъ; не взирая на то, ни носовъ, ни ушей отмороженныхъ не оказалось. Всѣ эти дни мы провели въ балахъ, праздникахъ, маскарадахъ, а сегодня (8-го февраля), слава Богу, наступилъ постъ и положилъ конецъ всей этой суматохѣ» и пр.²⁾

Дѣйствительно вездѣ происходили торжественныя встрѣчи, рѣчи высокихъ сановниковъ и духовныхъ лицъ, аудіенціи, балы и иллюминаціи. Замѣчательный балъ былъ данъ въ Новгородѣ-Сѣверскѣ; великолѣпнѣе также былъ обѣдъ у графа Румянцова, въ его имѣніи Вишенкахъ. Въ Смоленскѣ постоянно громадная толпа народа окружала домъ, въ которомъ остановилась Екатерина и гдѣ при этомъ случаѣ она замѣтила: «И медвѣдя смотрѣть кучами собираются» ³⁾.

О пребываніи Екатерины въ уѣздномъ городѣ Мстиславлѣ рассказываетъ въ своихъ запискахъ Добрынинъ слѣдующее: «Туда собралась вся губернская знать: генераль-губернаторъ, губернаторъ, три архіепископа трехъ христіанскихъ религій и пр. Тогда-то греко-россійской религій архіепископъ Георгій Конисскій, будучи въ глубокой старости, сказалъ предъ императрицею молодецкую рѣчь и получилъ тысячу рублей. Я немногимъ ошибусь, если напишу ее здѣсь не въ самой точности: «Оставимъ астрономамъ судить, солнце ли около насъ ходитъ, или мы съ землею около его обращаемся. Наше солнце около насъ ходитъ. Исходиши премудрая монархиня, яко женихъ исходяй изъ чертога своего, отъ края моря Балтійскаго до края моря Евксинскаго шествіе твое, да тако ни единъ укрывается благодѣльными теплоты твоя. Тецы убо, о солнце наше, спѣшно! Тецы исполинскими стопами; къ западу только жизни твоя не спѣши, а въ противномъ случаѣ мы уцѣпимся за тебя и потребуемъ, какъ Іисусъ Навинъ: стой солнце и не движися, дондеже вся противная намѣреньямъ твоимъ побѣдиши».

«Отъ Мстиславля шествіе государыни императрицы», — рассказываетъ Добрынинъ далѣе, — «было на Чечерскѣ, знатное мѣстечко, принадлежащее вдовствующей графинѣ Чернышевой, пожалованное отъ императрицы за услуги мужу ея, графу З. Гр. Черны-

¹⁾ Нѣсколько разъ употребляемое выраженіе «les ministres de poche», очевидно, относится къ дипломатамъ: Кобенцелю, Сегюру и Фицгерберту.

²⁾ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 392—393.

³⁾ Храповицкій, 17-го января 1787 года.

шеву. Графиня втеченіе сутокъ угостила свою государыню и благодѣтельницу, соотвѣтственно знаменитости и вкусу дома графовъ Чернышевыхъ¹⁾.

Высокопарную рѣчь произнесъ въ Черниговѣ во время пребыванія тамъ императрицы предводитель губернскаго дворянства Андрей Полетика; онъ сказалъ, между прочимъ: «Есть ли кому изъ государей, въ нынѣшнемъ столѣтіи престолы свои добродѣте-

Александръ Васильевичъ Храповицкій.

Съ портрета, писаннаго Левицкимъ.

лями и высокими дарованіями украшающихъ, попеченіе о благѣ общемъ приписуется, то наименованіе матери, о чадѣхъ своихъ пекшейся, по справедливости прилично быть вашему императорскому величеству долженствуетъ; ни время, ни мѣсто, ни благопристойность подробно сея истины многими и почти безчисленными доказательствами утвердить мнѣ не дозволяетъ; одно только въ примѣръ привестъ мнѣ позволите, всемилостивѣйшая государыня,

¹⁾ «Русская Старина», IV, 191—192.

«Истор. вѣстн.», сентябрь, 1886 г., т. XXI.

что, не щадя драгоценнѣйшаго своего здоровья, презирая зной солнечный, мразъ и бурную непогоду, толь трудныя путешествія въ мѣста, отъ престольнаго града отдаленныя, единственно для пользы своихъ подданныхъ» и пр. ¹⁾.

Въ Черниговѣ Екатеринѣ пришло на мысль увѣковѣчить свое путешествіе, и она повелѣла выбить въ память его медаль: ясный знакъ, что путешествіе очень ей понравилось. Безбородко 15-го марта сообщилъ генераль-прокурору, князю А. А. Вяземскому, порученіе императрицы приказать «сдѣлать рисунокъ медали на нынѣшнее ея путешествіе: на одной сторонѣ портретъ императрицы, на другой карта путешествія, представляющая знатнѣйшія въ ономъ мѣста, съ надписью внизу: «Въ память путешествія въ двадцать пятое лѣто царствованія, 1787 года»; а для верхней надписи приличный настоящему случаю сдѣлать проектъ». Екатерина выразила желаніе, чтобы медали были готовы къ ея возвращенію въ столицу.

Переписка о медали продолжалась и во время пребыванія Екатерины въ Кіевѣ. Проектъ рисунка ей понравился, однако, она желала исключить изъ карты Азовское море, Азовъ и Донъ, какъ мѣста, которыя не намѣрена была посѣтить, между тѣмъ какъ оказалось нужнымъ внести на карту городъ Полтаву; было заказано 100 золотыхъ и 500 серебряныхъ медалей ²⁾.

Впослѣдствіи была найдена бумага, на которой писаны рукою императрицы проекты надписи на медали. Изъ значительнаго числа ихъ можно видѣть, какъ мысль о медали занимала Екатерину. Эти проекты надписи слѣдующіе:

Весель духъ живетъ.
 Путь свершился твой.
 Сквозь всѣ препятства.
 Надежда странъ грядешь.
 Повсюду свѣтитъ лучъ.
 Добрь успѣхъ скоритъ.
 Препятства превосходишь.
 Воавысишь твой народъ.
 Народы обозрѣла.
 Твоя земля пространна.
 Царскій вѣкъ живетъ.
 Водрый путь прямой.
 Добро чинить.
 Добро тѣма явила.
 Славою своихъ обогащаетъ.
 Тѣло духъ живитъ.
 Твой дѣла громки.

¹⁾ «Чтенія моск. Общ. ист. и др.», 1865, II, 191.

²⁾ «Сб. Ист. Общ.», XXVI, 178—179.

Повсюду новые лучи.
 Трудъ трудомъ преодоливается.
 Бодрость трудъ преодоливаетъ.
 Бодрости трудъ ничто.
 Печется, ограждаетъ, обзираетъ.
 Предупреждая, отвращу.
 Прольются новые потоки.
 Путь, украшенной дѣлами.
 Путь живить края.
 Путь источникъ добра.
 Путь плоды произведетъ.
 Плоды пространнѣ путей.
 Путь плодами изобилень.
 Путь царскій изобилень.
 Путь царскій плодовиць.
 Путь утвердить начатое.
 Путь на пользу ¹⁾.
 Пространны путь и польза.
 Полезное въ пути.
 Путь звѣниць соответственной.
 Путь добродѣйствующій ²⁾.

Въ Нѣжинѣ Екатерина жила въ домѣ Безбородки, и когда восхищалась красою Украйны, то Безбородко, горячо любившій свою родину, воспользовался случаемъ и указалъ на ближайшіе пути къ благоустройству области, богато надѣленной природою. Здѣсь же Безбородко имѣлъ случай представить императрицѣ своихъ родственниковъ, между прочимъ, Милорадовича и Миклашевскаго ³⁾. Этотъ эпизодъ подалъ поводъ къ разнымъ толкамъ. Гарновскій писалъ къ В. С. Попову: «Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) почитался оставленнымъ за болѣзнію въ Нѣжинѣ и отъ двора навсегда удаленнымъ. Нѣкоторые признавали къ престолу приближеннымъ Милорадовича, а другіе Миклашевича. Оглашенные въ газетахъ царскія милости, въ бытность въ домѣ Миклашевскихъ явленные, почитались достовѣрнымъ знакомъ монаршаго въ сей фамиліи благоволенія» ⁴⁾.

Слухъ этотъ оказался ложнымъ. Мамоновъ пока не лишился своего мѣста и, только два года спустя, былъ замѣненъ Зубовымъ.

¹⁾ «Путь на пользу» находится на медали, вырѣзанной, въ 1787 году, Иваномъ Тимошеевымъ и изображенной въ III т. мемуаровъ Сегюра.

²⁾ «Сбор. Ист. Общ.», XXVII, 417—418.

³⁾ Тамъ же, XXVI, 179.

⁴⁾ «Русская Старина», XV, 20—21.

Кіевъ.

Въ Кіевѣ путешественники пробыли безъ малаго три мѣсаца, отъ 29-го января до 22-го апрѣля.

Екатерина писала Еропкину: «Симъ прїѣдомъ въ Кіевъ пятая часть моего путешествія совершилась, и, конечно, труднѣйшая. Дастъ Богъ здоровья, отдохнемъ здѣсь и будемъ ожидать вскрытія водъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нерѣдко въ мартѣ пашутъ» ¹⁾.

Императрица была недовольна Кіевомъ. Ее поразили невзрачный видъ зданій въ губерніяхъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи фельдмаршала графа Румянцова. Въ Кіевѣ она находила, что улицы грязны и дурно мощены, а постройки вообще въ илохомъ состояніи и лишены всякаго изящества. Ей досадно было видѣть, что въ Кіевѣ не заботились объ украшеніяхъ, которыя она встрѣчала проѣздомъ въ городахъ гораздо менѣе значительныхъ. Она поручила графу Мамонову дать Румянцову почувствовать ея неудовольствіе. Мамоновъ исполнилъ это щекотливое порученіе съ возможною осторожностью и намекнулъ фельдмаршалу, что государыня ожидала найдти Кіевъ въ лучшемъ состояніи. Румянцовъ, какъ рассказываетъ въ своихъ запискахъ сынъ Мамонова, почтительно и терпѣливо выслушалъ замѣчанія и отвѣчалъ: «Скажите ея величеству, что я фельдмаршалъ ея войска, что мое дѣло брать города, а не строить ихъ, а еще менѣе ихъ украшать» ²⁾. Императрица, узнавъ объ этомъ отвѣтѣ, сказала: «Онъ правъ; пусть же Румянцовъ продолжаетъ брать города, а мое дѣло будетъ ихъ строить» ³⁾.

Сегюръ также упоминаетъ о бросавшейся въ глаза разницѣ между вѣшнимъ видомъ губерній, которыми управлялъ Румянцовъ, и прочими. Онъ, однако, замѣчаетъ, что причиной этого обстоятельства была интрига Потемкина, желавшаго выставить свои заслуги въ выгодномъ свѣтѣ, тратившаго на управленіе вѣренныхъ имъ губерній громадныя суммы и прилагавшаго стараніе къ тому, чтобы Румянцовъ былъ лишень средствъ, необходимыхъ для приведенія Кіева и прочихъ мѣстъ въ надлежащее состояніе ⁴⁾.

Екатерина обратилась къ каждому изъ посланниковъ съ вопросомъ, какъ имъ нравится Кіевъ. Кобенцель отвѣчалъ: «Государыня, я не видѣлъ города прекраснѣе, величавѣе, великолѣпнѣе Кіева». Фицгербертъ отвѣчалъ: «Откровенно говоря, это—печальное мѣсто, гдѣ встрѣчаются однѣ развалины и мазанки». Сегюръ сказалъ остроумнѣе: «Государыня, Кіевъ представляетъ собою прошедшее и будущее великаго города». Во время своего пребыванія

¹⁾ Соч. Екат., изд. Смирдина, III, 335—341.

²⁾ «Русскій Архивъ», 1868, стр. 90, 91.

³⁾ Ségur, tabl. 87.

⁴⁾ Ségur, Mém., III, 54.

Видъ Смоленска въ концѣ прошлаго вѣка.
Съ гравюры того времени Химмеля.

въ Кіевѣ Екатерина старалась помочь этимъ недостаткамъ; она ассигновала суммы для починки церквей и для постройки въ Кіевѣ разныхъ публичныхъ зданій ¹⁾.

2-го апрѣля 1787 года, императрица писала Циммерману: «Кіевъ по своему положенію есть мѣсто совершенно живописное. Отъ прежняго его великолѣпія остались однѣ богатыя церкви. Четыре части города, находящіяся на горѣ и на долинѣ, весьма обширны, но очень худо застроены. Однако же, давно уже сей городъ не имѣлъ столь большой нужды въ хорошихъ квартирахъ, какъ во время моего въ немъ пребыванія. Число разныхъ прѣзжихъ народовъ было весьма велико» ²⁾.

Дѣйствительно толпа была громадная. Принцъ де-Линь, пересчитывая знатныхъ польскихъ вельможъ, кавказскихъ князей, высокопоставленныхъ духовныхъ лицъ, бывшихъ тогда въ Кіевѣ, замѣчаетъ, что даже Людовикъ XIV позавидовалъ бы Екатеринѣ, если бы увидѣлъ пышность и знатность общества, окружавшаго ее въ Кіевѣ ³⁾. Польскіе паны особенно щеголяли великолѣпіемъ, гостепріимствомъ и многочисленностью своей свиты и прислуги. У одного Щенснаго-Потоцкаго было въ Кіевѣ болѣе двухъ сотъ чело-вѣкъ челяди шляхетскаго происхожденія ⁴⁾. Пріѣхали еще Потоцкіе, Любомірскіе, Салтъга и другіе. Екатерина особенно обласкала Щенснаго-Потоцкаго. Потемкинъ былъ въ дружескихъ сношеніяхъ съ Браницкимъ. Эти главные представители оппозиціи противъ короля Станислава-Августа заискивали въ Кіевѣ расположеніе Екатерины и Потемкина ⁵⁾. Два племянника короля также были представлены императрицѣ ⁶⁾. Представители казаковъ, татаръ, киргизовъ, калмыковъ толпились при дворѣ императрицы вмѣстѣ съ представителями западно-европейскихъ державъ.

Екатерина писала Салтыкову, отъ 8-го марта 1787 года: «Ежегодно здѣсь гостей прибываетъ, не токмо отъ окрестныхъ, но и отъ всѣхъ подсолнечныхъ народовъ. Лишь назовите народъ, а мы предъявимъ здѣсь въ лицахъ; съ роду я столько не видывала, хотя привыкла видѣть націй разныхъ». 15-го марта: «У насъ здѣсь четыре грандъ д'Еспань, князья имперскіе безъ счета, поляковъ тьма, англичане, американцы, французы, нѣмцы, швейцарцы; на многихъ страницахъ имена ихъ не перечесть; съ роду столько иноязычныхъ я не видала,—даже и киргизцы, и тѣ здѣсь очутились, и все сіе по кіевскимъ хижинамъ живетъ, и непонятно, какъ

¹⁾ П. С. Зак., № 16,529.

²⁾ Колотовъ, III, 105.

³⁾ Ligne, Oeuvres, III, 8.

⁴⁾ Костомаровъ, «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой», въ «Вѣстн. Евр.», 1869, апр., 620.

⁵⁾ Herrmann, Gesch. d. russ. Staats, VI, изъ депешъ Эссена. Castéra, II, 124.

⁶⁾ Храповицкія, 7-го и 11-го марта 1787 года.

умѣщается»¹⁾). Циммерману Екатерина писала: «Число разныхъ пріѣзжихъ было весьма велико. Трудно отгадать, что ихъ привлекло въ Кіевъ, ибо нельзя полагать, чтобы всѣ они обмануты были нѣкоторыми газетами, которыя изъ всей силы повѣщали будущее мое коронованіе въ Тавридѣ или здѣсь, о чемъ я никогда не думала».

Барону Гриму Екатерина писала: «Поль-Польши съѣхалось сюда. Пріѣхалъ испанскій грандъ, принцъ Нассаускій, и еще одинъ испанецъ, по фамиліи Миранда. Всѣ они, когда разъѣдутся, скажутъ, что не стоило пріѣзжать. Страненъ здѣшній городъ: онъ весь состоитъ изъ уквѣщеній, да изъ предмѣстій, и самаго города я до сихъ поръ не могу доискаться; между тѣмъ, по всей вѣроятности, въ старину онъ былъ, по крайней мѣрѣ, съ Москвою». Затѣмъ Екатерина описываетъ подробно, какъ веселятся Мамоновъ и иностранные дипломаты²⁾). Въ письмѣ отъ 4-го апрѣля сказано: «Шевалье Ламетъ сегодня прощался. Я думаю, что ему и всѣмъ пріѣхавшимъ сюда иностранцамъ приходилось не разъ раскаяваться въ томъ, что они предприняли это путешествіе, потому что, прежде всего, городъ отвратителенъ: они съ трудомъ могутъ продолжатьствоваться въ мерзвѣйшихъ клѣтушкахъ. Кромѣ того, бѣлая ихъ часть пріѣхала, повидимому, чтобы послужить мнѣ компаніею, тогда какъ меня увѣряли, что цѣлью ихъ было увидѣть меня. Обманувшись въ своемъ намѣреніи, они разъѣхались. Но, тѣмъ не менѣе, какая толпа! Я никогда не видала ничего подобнаго» и пр.³⁾).

Въ письмахъ къ великой княгинѣ Маріи Феодоровнѣ говорится, бѣльшею частью, о погодѣ, о первыхъ признакахъ начала весны, о предстоящемъ вскрытіи Днѣпра. Екатерина не была довольна климатомъ Кіева. Такъ, на примѣръ, въ ея письмѣ отъ 26-го марта сказано: «Увѣряю васъ, что рѣзвость петербургскаго климата, по моему, лучше глупостей здѣшняго. Не одна я такъ думаю». За то она писала 30-го марта: «Погода была такъ тепла, что я могла нѣсколько разъ пройтись по саду, мѣстоположеніе котораго удивительно хорошо; я бы хотѣла перенести его въ Царское Село». Неоднократно императрица жаловалась на медленность сообщенія: «Дороги»,—сказано въ письмѣ отъ 9-го апрѣля,—«сдѣлались почти непроѣзжаемыми и приходится запрягать быковъ, чтобы вытаскивать телеги изъ глинистой почвы; съ каретами же еще гораздо бѣльшая возня; есть путешественники, закладывавшіе до десяти воловъ». Въ письмѣ отъ 14-го апрѣля императрица жалуется на

¹⁾ «Die Leute sind ganz ausgelassen; sie rasen und sprechen und lachen einige Male zugleich, und ich höre zu und sehe zu» и пр.

²⁾ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 400. О стихахъ, boutrimés и пр. де-Линя, Сегиора и др., стр. 406—407.

³⁾ «Русскій Архивъ», 1864, 957, 958.

«крайне суровый воздухъ въ Кіевѣ», а 18-го апрѣля: «Съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, я почти постоянно страдаю отъ холода и не отъ такого, къ какому я привыкла. Не смотря на это, воздухъ здѣсь теплѣе, а трава растетъ не такъ быстро, ночи же длиннѣе и холоднѣе. Есть въ этомъ разныя противорѣчія... можетъ быть, климатъ кіевскій есть климатъ противорѣчій». 19-го апрѣля: «я была лучшаго мнѣнія о кіевскомъ климатѣ, чѣмъ теперь», и пр. ¹⁾).

Постоянно императрица и въ Кіевѣ была занята дѣлами. Тамъ былъ заключенъ торговый договоръ съ Франціею; различные рескрипты и распоряженія относятся къ этому времени. Между бумагами императрицы встрѣчается и слѣдующая собственноручная записка къ Безбородкѣ: «Здѣсь по улицамъ небезопасно; грабятъ и бьютъ людей. Сказать должно фельдмаршалу (Румянцову), чтобъ приказалъ городничему умножить о семь бдѣніе» ²⁾. Еропкину императрица писала, что наняла многихъ пріѣзжихъ изъ-за границы ³⁾.

Главнымъ же занятіемъ, всетаки, были развлеченія разнаго рода. Въ приготовленномъ для нея дворцѣ Екатерина часто принимала у себя всѣхъ знатныхъ особъ, явившихся въ Кіевъ. Иностранные посланники два раза въ недѣлю обѣдали у императрицы. О балахъ, о посѣщеніи пещеръ и монастырей она писала довольно подробно Еропкину ⁴⁾. «Дворъ былъ чрезвычайно великолѣпенъ»,— пишетъ очевидецъ, графъ Комаровскій:—«это великолѣпіе поразило всѣхъ, преимущественно у заутрени, въ Святое Христово Воскресенье, въ Печерской лаврѣ» ⁵⁾.

Въ Петербургѣ ходили разныя слухи о событіяхъ во время пребыванія императрицы въ Кіевѣ. Такъ, напримѣръ, И. В. Страховъ писалъ къ А. Р. Воронцову, 19-го февраля: «Слухъ, что будто, по сдѣланнымъ отъ князя Гр. А. Потемкина донесеніямъ, путешествіе ея императорскаго величества сокращено будетъ, и что будто всемилостивѣйшая государыня изволить сюда возвратиться въ маѣ мѣсяцѣ» ⁶⁾. Также и Гарновскій писалъ къ В. С. Попову: «Здѣсь носились слухи, что ея императорское величество далѣе Кіева путешествовать не изволить; возвращеніе ея императорскаго величества сюда пророчествовали къ празднику Свѣтлаго Воскресенія. Отвращеніе отъ путешествія въ Крымъ приписывали негодованію на свѣтлѣйшаго князя и новымъ при дворѣ происшедшимъ переменамъ» ⁷⁾.

¹⁾ «Сб. Ист. Общ.», XV, 48—84.

²⁾ Тамъ же, XXVII, 407.

³⁾ «А кто такіе, затѣмъ не изволить писать»,—сказано въ письмѣ М. С. Потемкина къ его брату. См. «Архивъ кн. Воронцова», 1879, II, 186.

⁴⁾ Соч. Ек., изд. Смирд., III, 356.

⁵⁾ «Осьмнадцатый Вѣкъ», I, 317.

⁶⁾ «Арх. кн. Воронцова», XIV, 475.

⁷⁾ «Русская Старина», XV, 20. Эти переменныя заключались яко бы въ удаленіи Мамонова и пр.

Еще о другихъ слухахъ мы узнаемъ изъ записокъ Гарновскаго; такъ, напримѣръ, рассказывали, что Потемкинъ былъ боленъ, сначала въ Кременчугѣ, затѣмъ въ Нѣжинѣ¹⁾. Далѣе и въ апрѣлѣ возобновились разговоры объ удаленіи отъ двора Мамонова «для излеченія болѣзней въ чужіе края». Рассказывали также о разныхъ непріятностяхъ, происходившихъ въ Кіевѣ съ Потемкинымъ. Гарновскій пишетъ: «Говорятъ въ городѣ и при дворѣ еще слѣдующее: графы Задунайскій и Ангальтъ приносили ея императорскому величеству жалобу на худое состояніе россійскихъ войскъ, отъ небреженія его свѣтлости въ упадокъ пришедшихъ. Его свѣтлость, огорчась на графа Ангальта за то, что онъ таковыя вѣсти допускаетъ до ушей ея императорскаго величества, выговаривалъ ему словами, чести его весьма предосудительными. Послѣ чего

Медаль, выбитая въ память путешествія Екатерины II 1787 года.
Съ гравюры Крөгера.

графъ Ангальтъ требовалъ отъ его свѣтлости сатисфакціи. Къ сему присовокупляютъ, что ея императорское величество не благоволило къ его свѣтлости... Многіе не въ пользу его свѣтлости толкуютъ и то, что его свѣтлость въ монастырѣ, а не во дворцѣ жить въ Кіевѣ изволилъ²⁾).

Нельзя не считать вѣроятнымъ, что между Потемкинымъ и другими сановниками въ Кіевѣ происходили кое-какія недоразумѣнія. Однако, едва ли можно думать, что Екатерина къ нему относилась неблагоклонно. Къ тому же она продолжала путь въ Крымъ. Гарновскій писалъ въ маѣ: «Со времени отъѣзда ея императорскаго величества изъ Кіева, не только всѣ непріятныя о его свѣтлости слухи вдругъ умолкли, но и всѣ говорятъ теперь о

¹⁾ «Русская Старина», XV, 21, 23.

²⁾ Тамъ же, XV, 23. Дѣйствительно Потемкинъ жилъ въ Печерскомъ монастырѣ.

его свѣтлости весьма громко. Говорятъ, что графъ Петръ Александровичъ (Румянцовъ) просится усиленно въ отставку»¹⁾.

Румянцовъ не вышелъ въ отставку. При отъѣздѣ Екатерины изъ Кіева, онъ получилъ драгоценный подарокъ, перстень въ 16,000 р.²⁾.

Во всякомъ случаѣ, замедленіе продолженія пути было слѣдствіемъ не одной неблагоприятной погоды, какъ видно, между прочимъ, изъ замѣчаній въ письмѣ императрицы къ Павлу Петровичу, отъ 14-го апрѣля: «Примѣта, что за вскрытіемъ Двины слѣдуетъ непременно вскрытіе Невы, до сего года оправдывалась. Петербургская академія должна бы ежегодно печатать вѣдомости вскрытія и замерзанія Невы; это было бы полезно для торговли. Я сообщи эту мысль г-жѣ директрисѣ (Дашковой). Здѣсь весеннія воды запоздали и въ нынѣшнемъ году разливаются очень медленно. Я хотѣла выѣхать 16-го апрѣля, но буду принуждена отложить мой отъѣздъ до 22-го, по множеству причинъ, о которыхъ пришлось бы слишкомъ долго рассказывать, изъ нихъ же всѣхъ первая та, что еще слишкомъ холодно; не смотря на это, валь и возвышенности зеленѣютъ» и пр.³⁾.

Во время пребыванія Потемкина въ Кіевѣ продолжались приготовления къ дальнѣйшему «шествію» Екатерины. Такъ какъ теперь императрица должна была явиться въ намѣстничествѣ Потемкина, то онъ старался окончить все необходимое для достойнаго приѣма императрицы на Днѣпрѣ, въ Херсонѣ и въ Севастополѣ. Онъ хотѣлъ, кажется, выиграть время и желалъ отсрочить выѣздъ государыни изъ Кіева⁴⁾.

Впрочемъ, дѣйствительно и погода останавливала продолженіе путешествія. Когда Екатерина пріѣхала въ Кіевъ, было 20 градусовъ мороза. «Однако»,—писала она Еропкину,—«воздухъ имѣетъ здѣсь менѣе суровости, понеже, при величайшемъ людствѣ и встрѣчѣ, непримѣтно, чтобы кто отморозилъ уши или носъ». 16-го февраля, она писала Салтыкову: «Какъ подыдемся изъ Кіева, сіе одному Богу извѣстно; вскрытіе Днѣпра, по здѣшнимъ запискамъ, бываетъ втеченіе марта, рѣдко въ февралѣ, а еще рѣже въ апрѣлѣ, а надѣюсь, что будемъ на водѣ въ половинѣ апрѣля. Въ Тавриду пріѣду и выѣду въ маѣ. Мои расчеты по сей поѣздкѣ почти безошибочны»⁵⁾.

Зима, однако, въ этомъ году на югѣ вообще была особенна холодна и продолжительна. Среднее число вскрытія Днѣпра — 14-го

¹⁾ «Русская Старина», XV, 23 и 25.

²⁾ Прочихъ подарковъ разнымъ намѣстническимъ чинамъ роздано до 60,000 р. Письмо Моркова къ Воронцову въ «Арх. кн. Вор.», XX, 7.

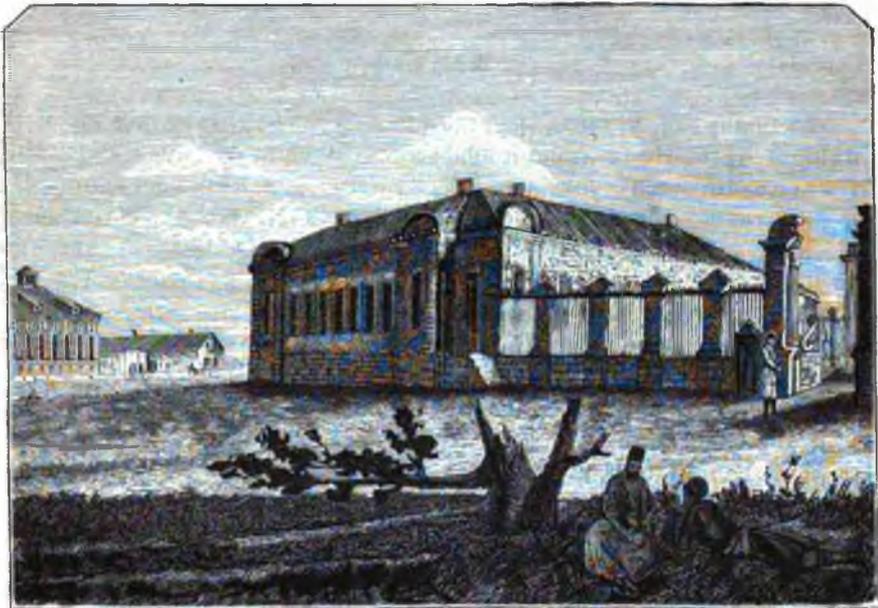
³⁾ «Русская Старина», VIII, 854.

⁴⁾ Храповицкій, 4-го апр. 1787 года.

⁵⁾ «Русскій Архивъ», 1864, 953.

марта. Въ 1787 году, Днѣпръ вскрылся 23-го марта. Татары утверждали, что, со времени занятія Крыма русскими, зима у нихъ бывала болѣе суровою. Палласъ считалъ вѣроятнымъ, что въ продолженіе этихъ лѣтъ зима въ Южной Россіи дѣйствительно отличалась сильными морозами. Въ Крыму зимою 1786—1787 годовъ было до 18° морозу. Многія бухты, Босфоръ и все Азовское море покрылись льдомъ ¹⁾.

Императрица, въ письмѣ отъ 20-го февраля Салтыкову, удивлялась теплотѣ воздуха, дѣйствіямъ солнечныхъ лучей и отсут-

Дворецъ въ Кіевѣ въ концѣ прошлаго вѣка.

Съ рисунка того времени Сергѣева.

ствію льда по случаю оттепели, но уже 26-го февраля, она писала, что вскорѣ послѣ того, какъ у нея всѣ окна были отворены, начался морозъ, доходившій до 10 градусо́въ. Еще въ мартѣ, она жалуется на вьюги и стужу, замѣчая: «Лишь бы можно было, не замѣшкала бы выѣздомъ; но чаю, до Пасхи нельзя». 15-го марта она писала: «Здѣшніе жители говорятъ, будто зима нынѣшняя здѣсь такъ крѣпка, какъ подобной не помнать, а намъ кажется, будто здѣсь давно зимы нѣтъ», но и въ концѣ марта и въ началѣ апрѣля, императрица писала о холодной погодѣ, о сѣверныхъ вѣт-

¹⁾ Pallas, II, 382.

рахъ. «Способа нѣтъ быть на водѣ въ такой стужѣ.. итакъ мы вѣдьсь какъ раки на мели»¹⁾).

4-го апрѣля 1787 года, Храповицкій пишетъ: «Намѣреніе скоро ѣхать, не взирая на неготовность князя Потемкина, тотъ походъ удерживающаго». Въ письмѣ Екатерины къ Салтыкову отъ 14-го апрѣля сказано: «Я принуждена мѣшкать до 22-го апрѣля тысячи ради причинъ, главная же стужа, непрестанныя бури... Сухимъ же путемъ за совершенной распутицей способа нѣтъ. Князь Голицынъ изъ Нѣжина сюда пріѣхалъ на десяти быкахъ»²⁾).

Каневъ.

22-го апрѣля, путешественники на галерахъ отправились въ дальнѣйшій путь. Не щадившій издержекъ, изобрѣтательный князь Потемкинъ старался «усладить взглядъ высокой путешественницы». Великолѣпная флотилія была снаряжена подъ его руководствомъ.

Еще въ ноябрѣ 1786 года, польскій король Станиславъ-Августъ добивался свиданія съ императрицею во время путешествія и немало полагалъ на него хлопотъ. Ему желалось выбрать для свиданія и мѣсто поудобнѣе, и время возможно продолжительнѣе, чтобы обстоятельно и лично объясниться съ императрицею о натянутыхъ отношеніяхъ Россіи съ Польшею. Но Екатерина не раздѣляла намѣреній и желаній Станислава-Августа. Безбородко писалъ, 22-го ноября, Потемкину: «Король польскій прислалъ генерала Камержевскаго для условія о свиданіи его съ государынею. Ея величество назначить изволила противъ Трехтемирова, на галерѣ, такъ располагая, чтобы тамъ не болѣе нѣсколькихъ часовъ для обѣда или ночлега останавливаться»³⁾).

О пріѣздѣ короля въ Кіевъ не могло быть рѣчи уже потому, что польское государственное право не дозволяло ему удаленія за предѣлы Польши безъ особеннаго разрѣшенія сейма⁴⁾).

При тогдашнемъ положеніи Польши проѣздъ императрицы мимо польскихъ границъ легко могъ считаться довольно важнымъ событіемъ. Король и его партія желали союза съ Россіею, ожидая отъ нея выгодъ для Польши, въ особенности на случай разрыва между Турціею и Россіею. Но въ то же время и многіе члены враждебной королю партіи искали сближенія съ Екатериною и Потемкинымъ, даже съ Сегюромъ, которому Игнатій Потоцкій рассказывалъ, будто

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1864, 955—962.

²⁾ Тамъ же, 1864, 964.

³⁾ «Сб. Истор. Общ.», XXVI, 176.

⁴⁾ См. статью Лиске: «Beiträge zur Geschichte der Kaniower Zusammenkunft 1787», въ журналѣ «Russische Revue», IV, 481—508.

король желаетъ видѣться съ императрицею нарочно для того, чтобы возбудить ее противъ Турціи.

Король выѣхалъ изъ Варшавы уже 23-го февраля съ многочисленною свитою. 20-го марта, онъ имѣлъ свиданіе въ мѣстечкѣ Хвостовѣ съ нѣкоторыми русскими вельможами, т. е. Штакельбергомъ, Потемкинымъ и принцемъ Нассау. Король бесѣдовалъ съ ними о дѣлахъ, причѣмъ онъ жаловался Потемкину на Браницкаго. Черезъ Штакельберга король заранѣе сообщилъ императрицѣ свои желанія въ запискѣ подъ заглавіемъ: «*Souhaits du roi*», и ждалъ отвѣта ¹⁾). Нѣкоторые изъ окружавшихъ короля пановъ ѣздили изъ Канева въ Кіевъ представляться императрицѣ и опять возвращались къ королю. Въ Каневъ къ Станиславу пріѣзжали русскіе сановники—сынъ фельдмаршала Румянцова, оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ, генералы Левашевъ, Шуваловъ и Безбородко. Станиславъ-Августъ спросилъ послѣдняго, скоро ли будетъ у Россіи война съ Турціею. Безбородко отвѣчалъ: «Не такъ еще близко къ разрыву, какъ думаютъ».

Переговоры о дѣлахъ, а именно о неприкосновенности православнаго русскаго народа въ Польшѣ и о торговыхъ отношеніяхъ Польши къ Новороссійскому краю, начатыя еще княземъ Потемкинымъ въ Хвостовѣ, окончены были 17-го марта въ Каневѣ Безбородкою и Штакельбергомъ. Послѣдній, представляя королю графа Безбородку, сказалъ: «Рѣдкое событіе: подчиненный представляетъ королю своего начальника» ²⁾).

Флотилія Екатерины, 25-го апрѣля, подплывала въ мѣстечку Каневу. Раннимъ утромъ съ Каневскихъ горъ она стала видна. Она состояла изъ 22 мачтовыхъ галеръ, за которыми тянулось множество провожатыхъ шлюпокъ, лодокъ и челновъ. На осьмой галерѣ, Снопъ, помѣщался графъ Безбородко и другіе сановники; на девятой, называвшейся Двѣпръ, подъ краснымъ павильономъ, находилась императрица, а десятую, Бугъ, занималъ князь Потемкинъ со своими племянницами. Эти три судна были лучшими изъ галеръ. По пушечному сигналу съ высоты Каневской горы раздались выстрѣлы. Каневскія горы покрыты были народомъ, который любовался невиданною флотиліею.

Король польскій хотѣлъ явиться къ императрицѣ въ качествѣ князя Понятовскаго, но Екатерина предупредила его, что онъ будетъ принять «какъ король и другъ ея» и что «день этотъ будетъ посвященъ единственно веселью» ³⁾).

Безбородко и князь Барятинскій отправились къ королю съ приглашеніемъ, затѣмъ король въ великолѣпной шлюпкѣ подѣ-

¹⁾ Подробности этого свиданія въ Хвостовѣ см. въ статьѣ Лиске, 484 и слѣд.

²⁾ «Сб. Ист. Общ.», XXVI, 180. Подробности переговоровъ въ статьѣ Лиске, стр. 488—494.

³⁾ Тамъ же, XXVI, 180.

вхалъ въ галерѣ Екатерины. Прошло двадцать девять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Екатерина и Станиславъ-Августъ видѣлись въ послѣдній разъ. Екатерина, съ достоинствомъ встрѣтивъ короля, съ нѣкоторою холодною поведя его въ свою каюту, гдѣ они оставались около получаса. Когда августѣйшіе собесѣдники вышли изъ каюты, Екатерина казалась отчасти смущенною, а король нѣсколько печальнымъ, но спокойнымъ ¹⁾. Потемкинъ былъ доволенъ королемъ. Одинъ изъ современниковъ даже замѣчаетъ, что, быть можетъ, этому выгодному впечатлѣнію, произведенному Станиславомъ-Августомъ на князя, должно приписывать то обстоятельство, что король еще нѣсколько лѣтъ оставался на престолѣ ²⁾. Рассказываютъ, что Станиславъ-Августъ предлагалъ Потемкину обратить его помѣстья, находившіяся въ Польшѣ, въ особое владѣтельное княжество, зависимое отъ польской короны, подобно Курляндіи, но что князь, пренебрегшій уже Курляндіей, отклонилъ отъ себя это предложеніе ³⁾. Ходили разные слухи объ обширныхъ интригахъ Потемкина въ отношеніи къ Польшѣ около этого времени ⁴⁾.

Во время бесѣды съ императрицею, король передалъ ей еще одну собственноручную записку о польскихъ дѣлахъ, на которую она отвѣчала позже ⁵⁾. Въ Польшѣ затѣмъ упрекали короля за его образъ дѣйствій во время этого свиданія съ императрицею и были увѣрены въ томъ, что въ Каневѣ былъ составленъ какъ бы заговоръ противъ Польши самимъ королемъ, Потемкинымъ и нѣкоторыми поляками. Рассказы о заключеніи въ Каневѣ договора между королемъ и императрицею лишены всякаго основанія ⁶⁾.

Во время свиданія, имѣвшаго характеръ учтиваго визита, о дѣлахъ говорили немного. Старались провести время, по возможности, веселѣе и заглушить смущеніе, о которомъ говорятъ свидѣтели, пиршествами. За обѣдомъ на галерѣ «Деснѣ» было шумно и весело; говорили мало, ѣли мало,—замѣчаетъ Сегюръ,—за то много смотрѣли другъ на друга. Пили за здоровье короля. Затѣмъ Станиславъ-Августъ, вмѣстѣ съ Потемкинымъ, дѣлалъ визиты русскимъ сановникамъ и генераламъ подъ именемъ графа Понятовскаго ⁷⁾, а вечеромъ воротился къ государынѣ, вмѣстѣ съ нею крестилъ ребенка у графа Тарновскаго и вмѣстѣ съ нею смотрѣлъ,

¹⁾ Ségur, III, 120. Castera, II, 125.

²⁾ Castera, II, 125.

³⁾ Надеждинъ въ «Одесскомъ Альманахѣ» на 1839 г., стр. 63. Храповицкій, 16-го марта 1787 года.

⁴⁾ «Арх. кн. Вор.», XII, 38, письмо Завадовскаго.

⁵⁾ См. подробности содержанія этого документа въ статьѣ Лиске и въ сочиненіи Григоровича о Вебородѣ.

⁶⁾ См. разные предположенія на этотъ счетъ въ соч. Германна, VI, 150, 163, 522, 537.

⁷⁾ О крупномъ разговорѣ короля съ Браницемъ въ присутствіи Потемкина см. Лиске, 496—498.

ГЕНЕРАЛЪ ФЕЛДМАРШАЛЪ
 ГРАФЪ ПЕТРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
 РУМЯНЦОВЪ ЗАДУНАЙСКІЙ.
 Родился 1767 Готаря 3го дня. скончался 1796 Декабря 6го

Сынъ Со Сова Божьей милости
 Величайшимъ помощникомъ
 Его Императорскаго Величества
 Министра Финансовъ

GENERAL FIELD MARSHALL
 COUNT PETER ALEXANDROVITSH
 ROMANOFF ZADOUNAISKI.

Born January 3rd 1767. Died December 6th 1796

To His Seren. Highness the Grand Master of the Court
 This Medal is humbly presented
 by His Imperial Majesty
 Alexander the Great

Графъ П. А. Румянцовъ-Задунайскій.
 Съ гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета, писаннаго Левницкимъ.

какъ другіе—Кобенцель, Штакельбергъ, Мамоновъ и Потемкинъ—играли въ карты.

Король надѣялся, что пребываніе императрицы будетъ болѣе продолжительнымъ; онъ, по совѣту Потемкина, просилъ ее остаться отобѣдать у него, въ Каневѣ¹⁾.

Екатерина была недовольна этимъ предложеніемъ, какъ видно изъ двухъ записокъ ея къ Потемкину: «Предложеніе о завтрашнемъ обѣдѣ сдѣлано безъ вычетовъ возможностей. Сегодня его величество возвратиться долженъ водою въ Каневъ—7 верстъ, завтра къ обѣду послать—7 верстъ, пріѣдетъ—7 верстъ, отобѣдавши—паки 7 верстъ, шлюпкамъ возвратиться—7 верстъ къ намъ, тамъ ѣхать въ путь; въ которомъ же часу это будетъ? Отъѣхавши три версты ради усталыхъ шлюпокъ, кои 28 верстъ уже сдѣлали, придетъ лечь паки на якори. Когда я что опредѣляю, тогда обыкновенно бываетъ то не на вѣтру, какъ въ Польшѣ часто случалось; итакъ, ѣду завтра, какъ назначала, а ему желаю всякаго благополучія и вычеты сдѣлать по возможностямъ. Право, батинька, скучно». Другая записка: «Сказывалъ мнѣ Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) желаніе гостя, чтобъ я осталась здѣсь еще на одинъ или два дня, но ты самъ знаешь, что, по причинѣ свиданія съ императоромъ, сіе сдѣлать нельзя; итакъ, пожалуй, дай ему учтивымъ образомъ чувствовать, что перемѣну дѣлать въ моемъ путешествіи возможности нѣту. Да, сверхъ того, всякая перемѣна намѣренія, ты самъ знаешь, что мнѣ непріятна»²⁾.

Такимъ образомъ, вечеромъ, 25-го апрѣля, послѣ бесѣды въ какютѣ императрицы, она дала почувствовать королю, что время разставаться. Станиславъ-Августъ шопотомъ сказалъ Потемкину: «Есть ли надежда, что можно остаться долѣе?» Потемкинъ отвѣчалъ: «Нѣтъ». Вслѣдъ затѣмъ, Потемкинъ ввелъ короля въ особый кабинетъ, и тамъ императрица ему сказала: «Уже поздно; я знаю, что вы приглашали гостей на ужинъ; плаваніе продолжительно; это заставляетъ меня, къ моему сожалѣнію, проститься съ вашимъ величествомъ». Король выразилъ сожалѣніе, что ему дозволили такъ мало бесѣдовать съ Екатериною. «Не допускайте къ себѣ черныхъ мыслей, — сказала она, — рассчитывайте на мою дружбу и мои намѣренія, дружелюбныя къ вамъ и къ вашему государству»³⁾.

Король не могъ быть доволенъ этимъ кратковременнымъ свиданіемъ: на него онъ истратилъ 3 милліона золотыхъ, ожидалъ его шесть недѣль и не получилъ въ немъ разъясненій даже на свои записки. Объ нихъ передъ отъѣздомъ Безбородко сказалъ ему лишь

¹⁾ Потемкинъ сказалъ королю: «Je vous conseille de prier Mamonow de faire en sorte que l'impératrice reste encore deux jours, et j'appuierai». Лиске, 497.

²⁾ «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 407—408.

³⁾ Лиске, 498.

нѣсколько словъ: «Будьте увѣрены, что все уладится; мы въ принципахъ сходимся» и проч.

Въ 8 часовъ вечера, король былъ отвезенъ прежнимъ порядкомъ въ сопровожденіи Безбородки и князя Барятинскаго¹⁾.

Де-Линь рассказывалъ королю, что Потемкинъ говорилъ императрицѣ: «Вы меня компрометировали предъ королемъ и всею Польшею, столько сокращая это свиданіе»²⁾.

31-го мая 1788 года, Екатерина писала барону Гриму: «Каневское свиданіе продолжалось двѣнадцать часовъ (sic) и долѣе не могло продолжаться потому, что графъ Фалькенштейнъ скакалъ во весь карьеръ къ Херсону, гдѣ было назначено свиданіе... Я весьма сожалѣла, что не могла простоять на якорѣ трое сутокъ, какъ того желалось его польскому величеству; но это оказалось совершенно невозможнымъ»³⁾.

Рассказываютъ, что, когда король передъ уходомъ сталъ искать шляпу и Екатерина подала ему одну, онъ замѣтилъ, что уже однажды получилъ изъ рукъ Екатерины шляпу лучше той, т. е. корону.

Великолѣпный ужинъ и балъ въ Каневѣ, на которыхъ присутствовала свита государыни, прекрасный фейерверкъ, изображавшій изверженіе Везувія, заключили собою пребываніе русской флотилии около Канева.

На другое утро, отѣхавъ на нѣсколько верстъ, императрица выразила свое удовольствіе, что «избавилась отъ вчерашняго безпокойства». «Князь Потемкинъ, — сказала она, — ни слова не говорилъ; принуждена была говорить безпрестанно; языкъ засохъ; почти осердили, прося остаться; король торговался на три, на два дня или хотя для обѣда на другой день»⁴⁾.

Кременчугъ.

О плаваніи по Днѣпру императрица писала барону Гриму, 24-го апрѣля: «Я выѣхала изъ Кіева 22-го этого мѣсяца, и вотъ уже три дня мы плаваемъ по Борисѣну на веслахъ; всѣ здоровѣхоньки. Новостей для васъ никакихъ не имѣю, кромѣ того только, что изъ всѣхъ моихъ плаваній это едва ли не самое затруднительное, потому что эта рѣка представляетъ столько изгибовъ, такое множество острововъ и островковъ, что до сихъ поръ намъ не приходилось пускаться въ дѣло паруса; Днѣпръ гораздо быстрѣ Невы. Те-

¹⁾ «Сб. Ист. Общ.», XXVI, 181.

²⁾ Лиске, 498.

³⁾ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 449.

⁴⁾ Храповицкій, 26-го апрѣля 1787 года.

«истор. вѣстн.», сентябрь, 1885 г., т. XXI.

перь мы находимся между двухъ береговъ, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ Польшѣ; польскій берегъ гористъ, а русскій очень низменный. Богъ вѣсть, откуда пойдетъ это письмо».

Упомянувъ затѣмъ, 26-го апрѣля, о встрѣчѣ съ королемъ польскимъ, императрица замѣтила: «Почти тридцать лѣтъ, какъ я его не видала; можете судить, нашли ли мы одинъ въ другомъ переѣзѣ. Сегодня утромъ, съ разсвѣтомъ, я отплыла изъ-подъ Канева, и мы проѣхали верстъ тридцать; послѣ полудня на насъ налетѣлъ здоровый шквалъ, и вотъ мы стоимъ на якорѣ, и пока моя галера покачивается на своемъ якорѣ и руль бездѣйствуетъ, какъ инвалидъ, я развлекаюсь тѣмъ, что пишу къ вамъ» и проч.¹⁾

Въ письмѣ къ великой княгинѣ императрица умалчиваетъ объ этихъ затрудненіяхъ и только замѣчаетъ въ письмѣ отъ 28-го апрѣля: «Нашему путешествію немного препятствуютъ порывы противнаго вѣтра. Завтра или послѣзавтра надѣюсь быть въ Кременчугѣ», а затѣмъ послѣ пріѣзда въ Кременчугъ Екатерина замѣчаетъ въ письмѣ къ Маріи Теодоровнѣ, отъ 1 мая: «Я прибыла сюда вчера утромъ... Днѣпръ, правда, положилъ всевозможныя старанія, чтобы замедлить мое путешествіе, но самыя большія трудности, кажется, побѣждены»²⁾.

Дѣло въ томъ, что плаваніе по Днѣпру было не вполне удачно и происходило нѣсколько медленно, чѣмъ ожидали. «Вмѣсто девяти дней, мы находились на Днѣпрѣ двѣ недѣли»,— писала Екатерина къ Салтыкову³⁾. Принцъ де-Линъ пишетъ о бурѣ, бросившей двѣ или три галеры на мель⁴⁾. Сегюръ говоритъ, что иногда по случаю непогоды нужно было останавливаться по цѣлымъ суткамъ⁵⁾. Въ письмѣ къ Іосифу, императрица также жаловалась на неудачное плаваніе, на сильные вѣтры, на замедленіе⁶⁾. Даже самая галера «Днѣпръ», на которой обыкновенно находилась Екатерина, нѣсколько пострадала. Храповицкій пишетъ 29 апрѣля: «Вычернено изъ журнала, что вчера поутру прижало къ берегу «Днѣпръ», для того, дабы не вышло пустыхъ разглашеній и толковъ». Иностранные дипломаты, оставшіеся въ Петербургѣ, узнавали кое-что объ этихъ случаяхъ, и въ ихъ донесеніяхъ говорится даже о страшной опасности, въ которой будто бы находились путешественники вслѣдствіе бури, поврежденія судовъ, неспособности матросовъ и неопытности командировъ. Саксонскій резидентъ Сакенъ пишетъ 17/28 мая: «Всѣ суда разсѣялись: галера императрицы едва не потерпѣла крушенія; графъ Ангальтъ и графъ Безбородко

¹⁾ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 408.

²⁾ Тамъ же, XXV, 92 и 94.

³⁾ 20 мая 1787 года; «Русскій Архивъ», 1864, 970.

⁴⁾ Oeuvres, II, 15.

⁵⁾ Mémoires, III, 135.

⁶⁾ Arneht, Joseph II und Katharina von Russland, 290.

Изображение покойнаго
 Фед. чинами Князя
 Потемкина Таврическаго
 съю Императорскою
 и при влѣтъ Огюкова

Господина Генераль —
 Григорья Александровича
 начальствовавшего Всей
 арміею на приступъ
 Декабря 6 дня 1788 года.

Князь Г. А. Потемкинъ-Таврическій.
 Съ гравированнаго портрета Харитоновъ.

едва не утонули; галера, на которой находилась часть кухни, сгорѣла; другая едва не была потоплена судномъ, нагруженнымъ съѣстными припасами. До чего доходило смятеніе, видно изъ того обстоятельства, что императрица однажды обѣдала не ранѣе 9 часовъ вечера и ужинала не ранѣе 5 часовъ утра (?). Наканунѣ встрѣчи съ императоромъ Іосифомъ, ея галера сѣла на мель, и это обстоятельство принудило ее встрѣтить Іосифа на сухомъ пути въ каретѣ ¹⁾). Принцъ де-Линь рассказываетъ, что сообщеніе между галерами совершалось посредствомъ лодокъ, и что возвращеніе съ галеры императрицы вечеромъ послѣ ужина представляло нѣкоторую опасность ²⁾).

Судно, на которомъ ѣхала императрица, оказалось дѣйствительно поврежденнымъ, и когда, 28 апрѣля, настала буря и гребцы выбились изъ силъ, чтобы избѣгнуть пороговъ, то графъ Ангальтъ и Безбородко стали усердно пособлять гребцамъ, и только этимъ могли избавиться отъ угрожавшей опасности ³⁾).

Въ нѣкоторыхъ особенно живописныхъ мѣстахъ путешественники осматривали берега, на которыхъ почти вездѣ толпился народъ. Стрѣляли изъ пушекъ. Происходили маневры казаковъ. Екатерина наслаждалась прекрасною весенною погодою, хвалила благо-растворенный воздухъ, теплый климатъ, сожалѣла, что не на берегахъ Днѣпра построены Петербургъ, вспомнила о временахъ Владимира, когда эти страны были театромъ особенно важныхъ историческихъ событій ⁴⁾).

Послѣ нѣсколькихъ дней плаванія путешественники пріѣхали въ Кременчугъ. Тутъ началось торжество Потемкина, съ давнихъ поръ готовившагося привѣтствовать Екатерину въ ввѣренномъ ему намѣстничествѣ съ особеннымъ великолѣпіемъ. Мы помнимъ, что въ Петербургѣ ходили слухи о намѣреніи императрицы возвратиться изъ Кіева домой, не ѣздить въ намѣстничество свѣтлѣйшаго князя, о недовѣрїи ея къ Потемкину и пр. У князя было много недоброжелателей. О Ермоловѣ рассказываютъ, что онъ, желая повредить Потемкину въ мнѣніи Екатерины, уговаривалъ ее поѣхать на югъ и убѣдиться самолично въ неисправности администраціи князя ⁵⁾). Другіе противники Потемкина при дворѣ твердили, что всѣ траты князя, управлявшаго югомъ, не приносятъ никакой пользы, что даже прїобрѣтеніе Крыма не стоитъ огромныхъ жертвованій, требуемыхъ Потемкинымъ. Немудрено поэтому, что императрица рѣшилась сама обзрѣть новыя области. Въ разговорѣ

¹⁾ Arneth, 353 и 356.

²⁾ Ligne, II, 14.

³⁾ «Сб. Ист. Общ.», XXVI, 182.

⁴⁾ Храповицкій, 4 мая 1787 года.

⁵⁾ Гельбигъ, въ біографіи Потемкина, въ журналѣ «Minerva», изд. Архенгольцомъ.

съ Сегуромъ она замѣтила, что своимъ путешествіемъ надѣется поправить многія неудобства, злоупотребленія, упущенія и несправедливости; самый слухъ о предполагаемомъ путешествіи,—прибавила императрица,—уже можетъ быть полезнымъ ¹⁾.

Потемкинъ, въ свою очередь, долженъ былъ желать путешествія, чтобы доказать неосновательность слуховъ о недостаткахъ его администраціи. Онъ могъ теперь восторжествовать надъ своими противниками, могъ представить Екатеринѣ полуденный край въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Богатство степнаго края, быстрое развитіе городовъ, изобиліе военныхъ запасовъ и снарядовъ, отличное устройство войска, значеніе военныхъ портовъ, прелесть южной природы въ Крыму, заботливость князя при управленіи всѣмъ краемъ,—все это должно было поразить Екатерину, обезоружить недоброжелателей князя и въ то же время привести въ удивленіе Европу. На западѣ должны были узнать, какими источниками богатства и могущества располагаетъ Россія. Путешествіе это изъ контроля надъ дѣйствіями Потемкина должно было превратиться въ торжество его, Екатерины и вообще Россіи въ глазахъ Европы, въ демонстрацію предъ Оттоманскою Портою и ея союзниками; оно должно было внушить страхъ недоброжелателямъ Россіи, намѣревавшимся лишить ее вновь приобрѣтенныхъ земель и остановить дальнѣйшее распространеніе могущества ея на югъ ²⁾.

Уже зимою 1786 года, онъ старался подготовить находившихся въ Кременчугѣ русскихъ, сербовъ, молдаванъ, грековъ къ пріѣзду Екатерины, давалъ имъ балы, концерты, пиршества. Для императрицы было приготовлено весьма удобное помѣщеніе съ прекраснымъ садомъ. Она была очень довольна ³⁾, и въ письмахъ къ разнымъ лицамъ хвалила Потемкина, особенно за приведеніе въ надлежащее состояніе войска. Въ 1786 году, была укомплектована армія. Нѣкоторые изъ лучшихъ полковъ находились въ Кременчугѣ ⁴⁾, и очень понравились Екатеринѣ. 30 апрѣля, уже она писала Еропкину: «Здѣсь нашла я треть конницы той, про которую нѣкоторые не знающіе люди твердили доннынѣ, будто она лишъ счисляется на бумагѣ, а въ самомъ дѣлѣ ея нѣтъ, однакожъ, она, дѣйствительно, на лицо и такова, какъ, можетъ быть, еще никогда подобной не бывало, въ чемъ прошу, рассказавъ любопытнымъ, ссылаться на мое письмо, дабы перестали говорить неправду, а отдавали бы справедливость усердію мнѣ и имперіи въ семъ дѣлѣ служащимъ» ⁵⁾. И Салтыкову она писала, 1 мая: «Здѣсь я нашла

¹⁾ Ségur, Mémoires, anecdotes et souvenirs, III, 56.

²⁾ Ségur, I, 85.

³⁾ См. письмо къ Польману у Влюма.

⁴⁾ См. біографію Потемкина, сост. Самойловымъ. въ «Русскомъ Архивѣ», 1867, стр. 1229.

⁵⁾ Соч. Екат., изд. Смирд., III, 342.

три легко-конные полка... про которыхъ покойный Панинъ и многія иныя старушенки говорили, что они только на бумагѣ, но вчера съ я видѣла своими глазами, что тѣ полки не карточные, но въ самомъ дѣлѣ прекрасные» ¹⁾).

Различіе между Кіевомъ и Кременчугомъ, т. е. между мѣстностями графа Румянцова и князя Потемкина, было очевидно. Екатерина говорила объ этомъ съ Сегюромъ, хваля Потемкина ²⁾). Послѣ трехдневнаго пребыванія въ Кременчугѣ, она писала Салтыкову: «Въ Кременчугѣ намъ всѣмъ весьма понравилось, наипаче послѣ Кіева, который между нами не получилъ партизана, и если бы я знала, что Кременчугъ таковъ, какъ я его нашла, я бы давно переѣхала... Чтобы видѣть, что я не попусту имѣю довѣренность къ способностямъ фельдмаршала князя Потемкина, надлежитъ пріѣхать въ его губерніи, гдѣ всѣ части устроены какъ возможно лучше и порядочнѣе: войска, которыя здѣсь, таковы, что даже чужестранные оныя хвалятъ неложно; города строятся, недоимокъ нѣтъ. Въ трехъ же малороссійскихъ губерніяхъ оттого, что ничему не дано движенія, недоимки простираются до милліона; города мерзкіе, и ничто не дѣлается» ³⁾).

И самый климатъ, и славная весенняя погода содѣйствовала тому, что губерніи Потемкина произвели на императрицу самое благопріятное впечатлѣніе. «Здѣшній климатъ прекрасный»,— писала она,— «всѣ деревья въ цвѣтахъ. Я отъ роду не видала такіа грушевыя деревья, охвата въ два, какъ въ моемъ саду, въ Кременчугѣ» ⁴⁾). «Я нашла здѣсь»,— сказано въ письмѣ къ Маріи Теодоровнѣ,— «вполнѣ установившейся не только весну, но и лѣто; вчерашній день былъ похожъ на іюльскій день въ Петербургѣ» и пр. ⁵⁾).

Впрочемъ, императрица пробыла въ Кременчугѣ лишь нѣсколько дней. Она писала барону Гримму: «Сего 3-го мая на моей галерѣ, въ 4 верстахъ отъ Кременчуга, гдѣ я провела три дня въ большомъ, красивомъ и прелестномъ домѣ, выстроенномъ фельдмаршаломъ княземъ Потемкинымъ близъ прекрасной дубовой рощи и сада, въ которомъ есть грушевыя деревья такой вышины и толщины, какихъ я не видывала отродясь и всѣ въ цвѣту. Я думаю, что безспорно здѣсь прекраснѣйшій климатъ въ цѣлой Россійской имперіи; между тѣмъ, здѣшніе жалуются на весну, что она въ этомъ году опоздала на три недѣли. Кременчугъ прелестнѣйшая мѣстность, какую мнѣ случилось видѣть; здѣсь все пріятно. Мы нашли здѣсь расположенныхъ въ лагерѣ 15,000 человекъ превосходнѣйшаго войска, какое только можно встрѣтить; я здѣсь дала балъ, на которомъ

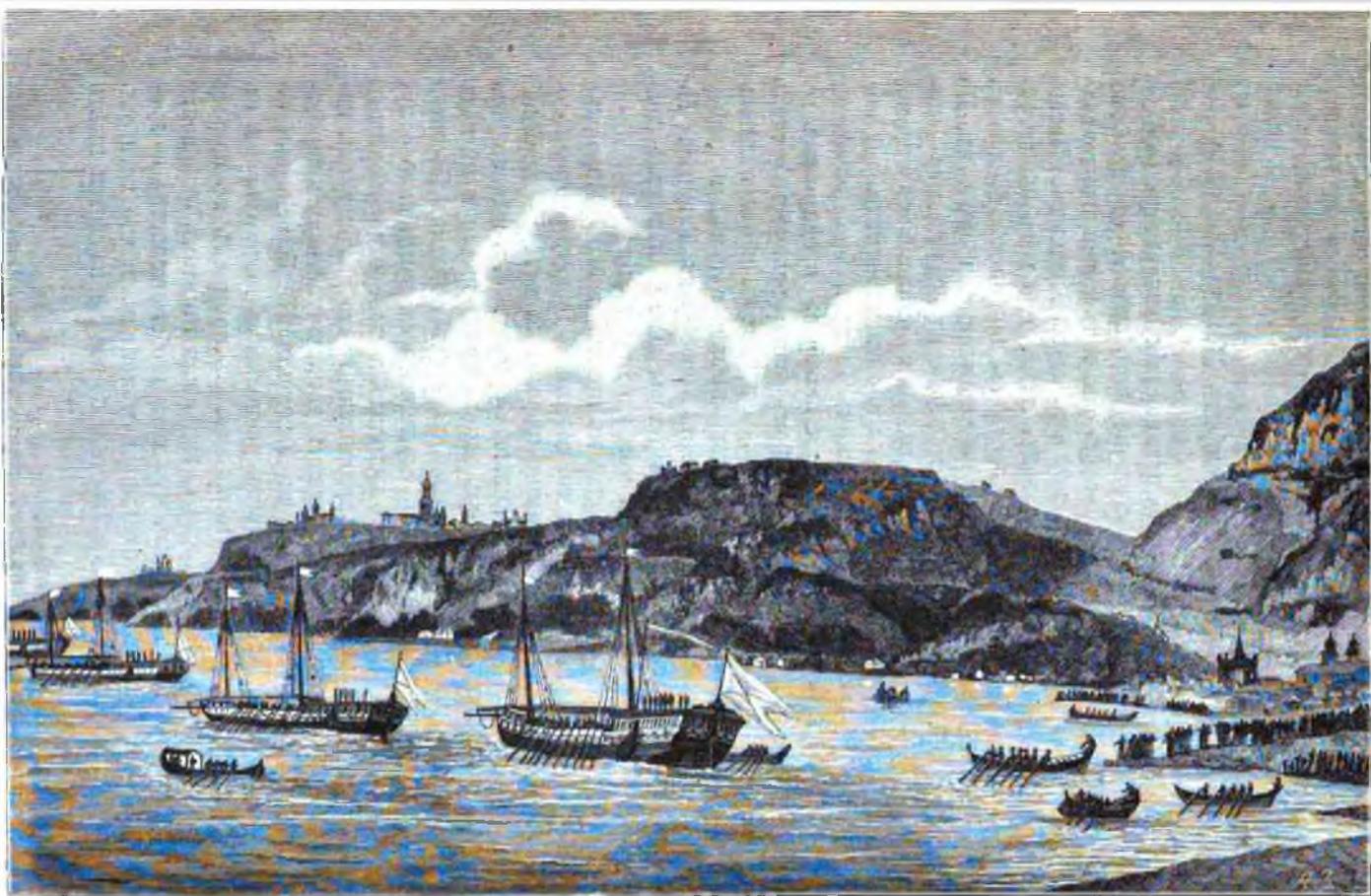
¹⁾ «Русскій Архивъ», 1864, стр. 966.

²⁾ Ségur, III, 133.

³⁾ Самойловъ, въ «Русск. Архивѣ», 1867 г., стр. 1235.

⁴⁾ «Русскій Архивъ», 1867, стр. 1235.

⁵⁾ «Сб. Ист. Общ.», XV, 95.

Императорскія галеры, отплывающія изъ Кіева, по Днѣпру.
Съ рисунка художника Хатфильда, сопровождавшаго императрицу въ путешествіи.

было, по меньшей мѣрѣ, 800 человекъ. Сегодня мы отсюда уѣхали и обѣдали на судахъ, но вѣтры досаждаютъ намъ» и пр. ¹⁾.

Встрѣча съ Іосифомъ II.

Уже въ 1781 году, по случаю путешествія императора во Флоренцію, Екатерина выразила желаніе встрѣтиться съ графомъ Фалькенштейномъ въ Херсонѣ. Іосифъ отвѣчалъ тогда, что гораздо охотнѣе, чѣмъ въ Италію, онъ поѣхалъ бы въ Могилевъ, Петербургъ или Херсонъ, — однимъ словомъ, туда, гдѣ могъ бы встрѣтиться съ Екатериною. Съ тѣхъ поръ, въ перепискѣ Іосифа съ Екатериною турецкія дѣла были преобладающимъ предметомъ. По временамъ, Екатерина повторяла, что надѣется видѣться съ Іосифомъ на югѣ ²⁾. 10-го августа 1786 года, въ припискѣ къ письму, въ которомъ Екатерина жаловалась на набѣги турецкихъ подданныхъ или союзниковъ въ область царя Ираклія, она замѣтила: «Позвольте мнѣ сообщить вамъ, что я намѣрена предпринять въ будущемъ году путешествіе, о которомъ вамъ величество столь дружески изъяснились въ Смоленскѣ. Въ январѣ, я отправляюсь въ Кіевъ, гдѣ останусь до половины апрѣля; затѣмъ, я поѣду Днѣпромъ до пороговъ, а оттуда чрезъ Херсонъ въ Тавриду. Не осмѣливаясь распространять свои надежды далѣе, я считаю долгомъ довести до вашего свѣдѣнія мои предположенія» ³⁾.

Это еще не могло считаться прямымъ приглашеніемъ. Вѣроятно, графъ Кобенцель еще прежде того сообщилъ Іосифу о предположеніи Екатерины видѣться съ императоромъ на югѣ. По крайней мѣрѣ, Іосифъ, въ запискѣ къ князю Кауницу, отъ 9-го августа 1786 года, замѣтилъ, что ожидаетъ такого приглашенія и ни подъ какимъ предлогомъ не желаетъ отказаться отъ поѣздки. Посылая Кауницу вышеупомянутое письмо Екатерины съ припискою о путешествіи, Іосифъ замѣчаетъ, что находитъ весьма безцеремоннымъ такой способъ приглашенія въ припискѣ, и что поэтому онъ намѣренъ въ краткомъ, но ясномъ отвѣтѣ дать почувствовать цербстской принцессѣ, превращенной въ Екатерину (*à la princesse de Zerbst-Catharinisée*), что не слѣдуетъ располагать императоромъ съ такимъ пренебреженіемъ и невниманіемъ. Въ припискѣ къ письму отъ 10-го сентября 1787 г., Іосифъ, подражая въ этомъ отношеніи императрицѣ, замѣчаетъ также, что хотя и обстоятельства со времени свиданія 1780 г. значительно измѣнились, и что хотя онъ сдѣлался рабомъ многихъ обязанностей, но все же надѣется имѣть

¹⁾ «Сб. Ист. Общ.», XIII, 408—409.

²⁾ Такъ, напр., въ письмѣ отъ 30-го августа 1785 года, Arneth, 256.

³⁾ Arneth, 277.

счастье видѣть императрицу, если только не помѣшаютъ другія дѣла ¹⁾).

Очевидно, Іосифъ хотѣлъ отдѣлаться отъ путешествія. Въ письмѣ къ Кауницу отъ 20-го ноября, онъ изъявляетъ желаніе, по возможности, сократить поѣздку и предпринять ее не ранѣе, какъ весною. Къ тому же онъ какъ бы жалуется на то, что въ Петербургѣ нисколько не сомнѣваются въ его намѣреніи пріѣхать въ Херсонъ. Кауницъ совѣтовалъ Іосифу обращаться съ Екатериною осторожнѣе и не оскорблять ее отказомъ.

Іосифъ рѣшился ѣхать. Въ письмѣ отъ 22-го декабря къ императрицѣ, онъ выражаетъ свое восхищеніе видѣться съ нею и обѣщаетъ доказать ей, что графъ Фалькенштейнъ со времени свиданія, въ 1780 году, не измѣнился. Екатерина отвѣтила въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ. Въ февралѣ 1787 года, Іосифъ писалъ, что едва можетъ дожидаться минуты свиданія графа Фалькенштейна съ императрицею. Еще нѣсколько такихъ писемъ было написано императрицей и императоромъ до ихъ свиданія. Они считаютъ дни и часы до встрѣчи, радуются во время поѣздки убавляющемуся разстоянію, отдѣляющему ихъ другъ отъ друга. Іосифъ замѣчаетъ, что произнесеніе имени Херсона каждый разъ производитъ въ немъ сердцебіеніе. Она поздравляетъ себя, что, наконецъ, графъ Фалькенштейнъ, извѣстный какъ самый безпристрастный судья и опытѣйшій знатокъ, увидитъ Россію. Онъ увѣряетъ ее, что оставитъ въ Бродахъ весь блескъ и всю пышность императорскаго достоинства и пріѣдетъ въ качествѣ простаго дворянина лишь съ тою цѣлью, чтобы тысячу разъ повторить Екатеринѣ, какъ онъ ее уважаетъ.

На пути изъ Бродъ въ Херсонъ императоръ встрѣтился съ королемъ польскимъ. Свиданіе происходило на почтовомъ дворѣ въ Корсунѣ. Бесѣдуя чрезвычайно ласково съ королемъ, котораго въ первый разъ видѣлъ, но съ которымъ онъ обращался какъ съ давнишнимъ знакомымъ, Іосифъ II сказалъ ему: «Даю вамъ честное слово, и вы можете повторить его цѣлому свѣту: я не хочу ничего отъ Польши, понимаеете — ничего, ни одного деревца. Впрочемъ, императрица должна была васъ увѣрить въ томъ же» ²⁾). Мы знаемъ, что Екатерина ничего подобнаго не сказала королю.

Уже 3-го мая, Іосифъ пріѣхалъ въ Херсонъ и былъ принятъ сыномъ фельдмаршала Румянцова и графомъ Шуваловымъ. Императрица, между тѣмъ, сильно беспокоилась, что заставляеть его ждать себя. 5-го мая, она писала ему о затрудненіяхъ на пути; къ этому она прибавляетъ, что невиновата въ такомъ замедленіи ³⁾). Къ Еропкину она писала, 6-го мая: «Элементы преодолѣ-

¹⁾ Arneth, 278—280.

²⁾ Костомаровъ, 71, I, с. 632.

³⁾ Arneth, 290. Письма и бумаги, изд. Вычковымъ, стр. 42 и 43.

вать не въ силѣ человѣческой. Посоль цесарскій со мною, и онъ самъ видитъ и нѣсколько курьеровъ отправилъ къ помянутому графу Фалькенштейну, увѣдомляя его о затрудненіяхъ нашего пути; ежечасно почти вѣроподобіе есть, что, гдѣ ни на есть на дорогѣ, встрѣтимся, когда менѣе ожидать будемъ. Я сіе заключаю потому, что вѣдаю, съ кѣмъ дѣло имѣю, и знаю, что ничто насъ не разстроитъ» ¹⁾. 6-го мая, Екатерина писала къ Маріи Теодоровнѣ: «Полагаю, что графъ Фалькенштейнъ прибылъ въ Херсонъ, но не получила отъ него извѣстій послѣ того, какъ онъ проѣхалъ Миргородъ» ²⁾.

Во время своего пребывания въ Херсонѣ въ продолженіе 36 часовъ, Иосифъ II, въ сопровожденіи фельдмаршала-лейтенанта Кинскаго, тщательно осмотрѣлъ новую крѣпость, верфи, магазины и т. д., а затѣмъ поѣхалъ навстрѣчу Екатеринѣ.

На царскую галеру, 8-го мая, прибылъ графъ М. П. Румянцовъ, съ извѣстіемъ о проѣздѣ императора чрезъ Миргородъ. Императрица тотчасъ же приказала кинуть якорь и отправилась на берегъ, гдѣ рядомъ съ галерами ѣхали придворные экипажи. Тутъ она сѣла въ карету и поспѣшила навстрѣчу графу Фалькенштейну, который приближался къ Кайдакамъ въ сопровожденіи князя Потемкина ³⁾. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Днѣпра происходило свиданіе ⁴⁾. Екатерина писала Гримму: «Седьмого этого мѣсяца, находясь на своей галерѣ за Кайдаками, я узнала, что графъ Фалькенштейнъ скачетъ ко мнѣ навстрѣчу во весь карьеръ. Я тотчасъ вышла на берегъ и тоже поскакала ему навстрѣчу, и оба мы такъ поусердствовали, что съѣхались въ чистомъ полѣ носъ съ носомъ. Первое слово его было, что вотъ де въ какой просакъ попали государственные люди: никто не увидитъ нашей встрѣчи. При немъ находился его посланникъ, при мнѣ принцъ де-Линь, Красный Кафтанъ и графиня Браницкая. Ихъ величества, помѣстившись въ одномъ экипажѣ, однимъ духомъ, безъ остановки, проскакали 30 верстъ до Кайдаковъ; но, проскакавъ такимъ образомъ одни-одиношеньки по полю (причемъ онъ рассчитывалъ обѣдать у меня, я же рассчитывала найти обѣдъ у фельдмаршала князя Потемкина, а сей послѣдній вздумалъ поститься, чтобы выиграть время и приготовить закладку новаго города), мы напли князя Потемкина, только что возвратившагося изъ своей поѣздки, и обѣда не оказалось. Но такъ какъ нужда дѣлаетъ людей изобрѣтательными, то князь Потемкинъ затѣялъ самъ пойдти въ повара, принцъ Нассаускій въ поваренки, генералъ Браницкій въ пирожники, и вотъ ихъ величествамъ никогда еще, съ самаго дня ихъ коронаціи, не

¹⁾ Соч. Екат., изд. Смирдина, III, 343.

²⁾ «Сб. Ист. Общ.», XV, 100.

³⁾ Тамъ же, XXVI, 182.

⁴⁾ См. письмо къ Еропкину. Соч. Ев., III, 344.

Станиславъ-Августъ Понятовскій, король польскій.

Съ гравюры Клаубера, сдѣланной съ портрета, писаннаго въ 1797 г. г-жей Виже-Лебрень.

случалось имѣть такой блистательной прислуги и такого плохаго обѣда. Не взирая на то, кушали исправно, много смѣялись и удовольствовались обѣдомъ, приготовленнымъ съ грѣхомъ пополамъ. На другой день обѣдали получше и ѣздили въ Екатеринославъ и проч. ¹⁾.

Екатерина съ особенною любезностью пріѣтствовала своего гостя. Послѣ встрѣчи и обѣда поѣхали къ галерамъ. Тутъ оказалась страшная суматоха. Іосифъ пишетъ довольно подробно о безпорядкѣ, въ которомъ происходило путешествіе. При неуклюжести галеръ, было весьма трудно приставать къ берегу. Нужно было много народу и багажу отправить сухимъ путемъ. При громаднхъ массахъ поклажи это оказалось весьма затруднительнымъ. Нѣкоторыя кареты и повозки сломались, и багажъ ихъ лежалъ въ степи. Съѣстныхъ припасовъ было очень много, но кушанье обыкновенно было холодное и не вкусное. «Только присутствіе Екатерины и нѣкоторыхъ господъ»,—пишетъ Іосифъ,—«дѣлаетъ это путешествіе сноснымъ. Безъ нихъ оно было бы чисто адскимъ мученіемъ» ²⁾.

Между тѣмъ и погода перемѣнилась: стало холодно. Въ Кайдакахъ, гдѣ построенъ былъ великолѣпный временный дворецъ ³⁾, вечеръ провели передъ затопленнымъ каминомъ. Надѣли чуть ли не зимнюю одежду ⁴⁾. Затѣмъ сухимъ путемъ поѣхали въ Хортицу и на дорогѣ останавливались для закладки Екатеринослава.

Уже начиная съ 1784 года, шли приготовленія къ закладкѣ новаго города, Екатеринослава. Здѣсь все должно было имѣть громадныя размѣры. Новый городъ долженъ былъ сдѣлаться средоточіемъ и умственного, и матеріальнаго благосостоянія всего края. Потемкинъ имѣлъ въ виду учрежденіе въ этомъ мѣстѣ университета, музыкальной консерваторіи, храма, похожаго на знаменитый храмъ св. Петра въ Римѣ, «судилища, на подобіе древнихъ базиликъ, лавокъ полукружіемъ, на подобіе пропілей аѳинскихъ», съ биржей и театромъ по срединѣ, двѣнадцати фабрикъ; для всѣхъ этихъ построекъ отчасти уже было приготовлено множество строительныхъ матеріаловъ. Ко времени прибытія Екатерины въ это мѣсто, Потемкинымъ въ Берлинѣ даже была заказана статуя императрицы, которая, однако, не была готова въ маѣ 1787 года ⁵⁾. Го-

¹⁾ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 410. Ségur, III, 137. Arneth, 353.

²⁾ Arneth, 356. Тамъ же замѣтки о Потемкинѣ, Румянцовѣ, Мамоновѣ, Денинѣ и Ангальтѣ.

³⁾ «Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др.», V, 430.

⁴⁾ Письмо къ Еропкину. Соч. Ек., III, 344, и также письмо къ Маріи Теодоровнѣ въ «Сб. Ист. Общ.», XV, 102. Къ Павлу: «Холодъ сухой съ сильнымъ вѣтромъ».

⁵⁾ О мѣрахъ для постройки новаго города см. нѣсколько указовъ въ Полномъ Собраніи Законовъ; «Русскій Архивъ», 1865 г., 66, 394, 389; «Зап. Од. Общ.», II, 774. О статуѣ см. «Сб. Ист. Общ.», XIII, стр. XIX. Далѣе «Зап. Од. Общ.», V, 426 и слѣд., и проч.

родъ долженъ былъ имѣть пространство въ 300 квадратныхъ верстѣ. Выгонной земли для пастбища городского скота предназначалось до 80,000 десятинъ. Улицы должны были имѣть ширину 30 сажень.

Впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ работали сотни каменщиковъ, плотниковъ, кузнецовъ. Истрачено множество денегъ.

Когда Екатерина, сопровождаемая Иосифомъ II, 8-го мая, приѣхала къ тому мѣсту, гдѣ строился городъ Екатеринославъ, послѣднее уже «имѣло видъ пріятнаго обиталища»,—какъ пишетъ Самойловъ въ составленной имъ біографіи Потемкина¹⁾. Въ походной церкви, устроенной въ шатрѣ, раскинутомъ на берегу Днѣпра, отслужили молебень, а затѣмъ происходила закладка собора²⁾, причемъ Потемкинъ приказалъ архитектору «пустить на аршинчикъ длиннѣе, чѣмъ соборъ св. Петра въ Римѣ»³⁾. Рассказываютъ, будто Иосифъ II съ саркастическою улыбкой сказалъ при этомъ случаѣ своимъ приближеннымъ, что въ одинъ день совершилъ вмѣстѣ съ императрицею великое дѣло: «она положила первый камень новаго города, онъ же — второй и послѣдній»⁴⁾.

Надежды въ отношеніи къ Екатеринославу не сбылись. Предсказаніе Сегюра, что въ соборѣ никогда не будетъ службы⁵⁾, сбылось. Война 1787—1791 годовъ помѣшала приведенію въ исполненіе разныхъ построекъ. Строеніе храма было приостановлено. Денегъ не доставало. Въ 1795 году, кромѣ нѣкоторыхъ казенныхъ зданій и весьма немногихъ частныхъ домовъ, существовалъ только домъ и садъ Потемкина⁶⁾. Фабрики, устроенныя имъ, вскорѣ прекратили свои дѣйствія⁷⁾. Великолѣпныя оранжереи при домѣ Потемкина съ ананасами, лавровыми, померанцовыми, апельсинными, лимонными, гранатными, финиковыми деревьями оказались бесполезными. Фундаментъ проектированнаго собора, стоившій болѣе 70,000 руб., составляетъ ограду церкви, построенной на этомъ мѣстѣ въ гораздо болѣе скромныхъ размѣрахъ.

Однако, Екатерина, въ 1787 году, была чрезвычайно довольна впечатлѣніемъ, произведеннымъ приготовленіями Потемкина. Онъ умѣлъ придавать своимъ проектамъ особенную прелесть. Увлеченіе замѣтно не только въ императрицѣ, но и въ другихъ лицахъ.

Гарновскій писалъ В. С. Попову, въ іюлѣ 1787 года: «Я сомнѣваюсь, чтобы кто болѣе превозносилъ хвалами походъ ея императорскаго величества въ Тавриду, какъ Евграфъ Александровичъ

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1867, 19.

²⁾ «Зап. Од. Общ.», V, 430.

³⁾ «Русскій Архивъ», 1865, 870.

⁴⁾ Masson, «Mémoires secrets sur la Russie», I, 105.

⁵⁾ Masson, «Mémoires secrets», III, 212.

⁶⁾ Georgi, Beschreibung d. russ. Reichs. Königsberg. 1799, II, 850.

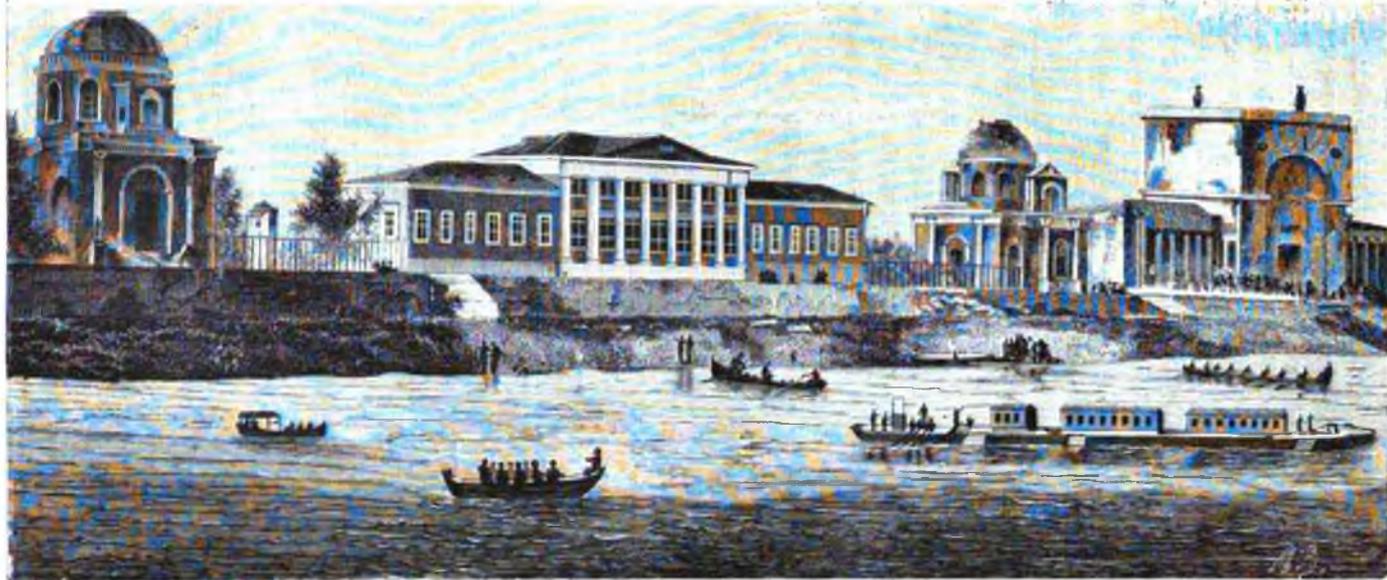
⁷⁾ «Зап. Од. Общ.», V, 444.

Чертковъ. Сіе преимущество отдаю я потому, что онъ льститъ не умѣетъ. Онъ, между прочимъ, рассказывалъ почти тако: «Я былъ съ его свѣтлостію въ Тавридѣ, въ Херсонѣ и въ Кременчугѣ мѣсяца за два до пріѣзда туда ея величества. Я удивлялся его свѣтлости и не понималъ, что то было такое, что онъ тамъ хотѣлъ показать ея императорскому величеству. Нигдѣ тамъ ничего не видно было отгѣннаго; словомъ, я сожалѣлъ, что его свѣтлость позвалъ туда ея императорское величество попустому. Пріѣхавъ съ государынею, Богъ знаетъ, что тамъ за чудеса явились. Чортъ знаетъ, откуда взялись строенія, войски, людство, татарва, одѣтая прекрасно, казаки, корабли.. Ну, ну, Богъ знаетъ что... Какое изобиліе въ яствахъ, въ напиткахъ, словомъ, во всемъ — ну, знаешь, такъ, что придумать нельзя, чтобъ пересказать порядочно. Я тогда ходилъ какъ во снѣ, право, какъ сонный. Самъ себѣ ни въ чемъ не вѣрилъ, шупалъ себя: я ли? гдѣ я? не мечту ли, или не привидѣніе ли вижу? Н-у! надобно правду сказать, ему-ему только одному можно такія дѣла дѣлать, и когда онъ успѣлъ все это сдѣлать! Кажется, не видно было, чтобъ онъ и въ Кіевѣ занимался слишкомъ дѣлами, ну, знаешь, все какъ здѣсь. Только и слышно было «Василія Степановича» да «Попова»; «Попова» да «Василія Степановича»; но да все вѣдь одно. Удивилъ! ну, подлинно удивилъ! Не духи ли какіе нибудь ему прислуживаютъ»¹⁾).

Херсонъ.

Побывавъ на томъ мѣстѣ, гдѣ было положено начало Екатеринославу, Екатерина поѣхала далѣе. На пути въ Херсонъ она обѣдала у генераль-маіора Синельникова, правителя Екатеринославскаго намѣстничества, затѣмъ смотрѣла, какъ галеры были пущены чрезъ пороги весьма искусными лопманами. Императрица была очень довольна своею поѣздкою. 12-го мая, она писала Еропкину изъ Бериславля: «Хорошо видѣть сіи мѣста своими глазами; намъ сказали, что наѣдемъ на жары, несносные человѣчеству, а мы наѣхали на воздухъ теплый и вѣтръ свѣжій, весьма пріятный и самый весенній; степь, правда, что безлѣсная, но слой земли самый лучшій и такой, что безъ многоаго труда все на свѣтѣ произведетъ; почиталась она безводною, а мы видѣли повсюду ручьи и рѣчки, при которыхъ поселеній уже не въ маломъ числѣ. Сравнивая здѣшнюю губернію, которая при мирѣ Кайнарджійскомъ не существовала, исключая уѣзды Елизаветградскій, Кременчугскій и Полтавскій, съ тѣмъ, что С.-Петербургская была по десяти или шестилѣтнемъ заведеніи или заложеніи оной, думаю, что здѣсь

¹⁾ «Русская Старина», XV, 33

Прябытiе імператорскихъ галеръ въ Кременчугъ.
Съ рисунка художника Хатфильда, сопровождавшаго імператрицу въ путешествiіи.

все дѣлается и успѣваетъ съ меньшей хотя силой, издержками и отягощеніемъ противу той; польза окажется современемъ, какъ во всѣхъ великихъ предпріятіяхъ, которыя пользы не всегда въ началѣ паче открыты понятію множества. С.-Петербургская губернія составляетъ осьмую часть доходовъ имперіи; она существуетъ 84 года и дворъ тамо имѣетъ свое пребываніе. Посмотримъ, каковы доходны будутъ здѣшніе порты чрезъ короткое время; еще скажу, что здѣшніе жители всѣ безъ изыятія имѣютъ видъ свѣжій и здоровѣе, нежели кіевскіе, и кажутся работящѣе и живѣе. Всѣ эти примѣчанія и разсужденія пишу къ вамъ нарочно, дабы вы, зная оныя, могли кстати и ко времени употребить сущую истину ко опроверженію предубѣжденій, сильно дѣйствующихъ иногда въ ухахъ людскихъ. Все вышеписанное оспаривать можетъ лишь слабость, либо страсть, или невѣдѣніе¹⁾.

Недалеко отъ Херсона императрица была встрѣчена игуменомъ Софроніевской пустыни, Θεодосіемъ²⁾. Въ Херсонѣ Екатерина пріѣхала въ великолѣпной колесницѣ, въ которой сидѣла съ Іосифомъ II и Потемкинымъ. Народъ отпрягъ лошадей и ввезъ государыню въ городъ. На пути было расположено 30,000 человекъ войска.

Херсонъ удивилъ даже иностранцевъ, бывшихъ въ свитѣ Екатерины. Крѣпость почти совершенно оконченная; казармы, въ которыхъ можно было помѣстить 24,000 человекъ, и которыя были построены самими солдатами³⁾; адмиралтейство съ богатыми магазинами; арсеналь, въ которомъ было 600 пушекъ; два линейные корабля и одинъ фрегатъ, совершенно готовые на верфяхъ; нѣсколькихъ казенныхъ зданій, нѣсколько церквей, и въ числѣ ихъ крѣпостной Екатерининскій соборъ, въ которомъ впоследствии былъ погребенъ Потемкинъ, около двухъ тысячъ частныхъ домовъ, лавки съ многими заграничными товарами; около двухсотъ купеческихъ кораблей въ портѣ⁴⁾,—все это свидѣтельствовало о неутомимой дѣятельности свѣтлѣйшаго князя и о быстромъ развитіи города и южнаго края вообще.

Тогда думали, что Херсонъ сдѣлается вторымъ Амстердамомъ⁵⁾. Даже Іосифъ II, весьма недовѣрчиво относившійся къ реформамъ и проектамъ Потемкина и Екатерины, замѣтилъ о Херсонѣ: «Cela a l'air de quelque chose»⁶⁾.

Екатерина писала Салтыкову, отъ 14-го мая 1787 года: «Мы съ удивленіемъ и съ немалымъ удовольствіемъ увидѣли, что здѣсь

¹⁾ «Соч. Екат.», III, 344—345.

²⁾ «Зап. Од. Общ.», II, 304.

³⁾ «Р. Арх.», 1867 года, 1216.

⁴⁾ Ségur, III, 142.

⁵⁾ Отзывъ императорскаго консула въ Крыму, въ 1786 году. См. у Колотова, III, 131; Castéra, 126.

⁶⁾ Arneth, 359.

Императоръ австрійскій Іосифъ II.
Съ гравированнаго портрета Каллашикова 1780 года.

сотворено. Мы ѣхали сюда степями, по землѣ; степи общають вездѣ изобиліе и онѣ отнюдь не безводны... гдѣ сажаютъ, тутъ принимается и растетъ... Прошу вспомнить, что шесть лѣтъ назадъ не было ничего... Крѣпость нынѣшнимъ лѣтомъ кончается; она не въ примѣръ лучше кievской. Я живу противъ адмиралтейства, изъ оконъ вижу три корабля военные, кои завтра спустимъ на воду; пять церквей каменныхъ я уже видѣла... дома мѣщанскіе таковы, что и въ Петербургѣ не испортиать ни которую улицу; казармы гораздо лучше гвардейскихъ»¹⁾.

Къ Еропкину императрица писала: «Мы пріѣхали въ Херсонъ. Дитя сіе не существовало восемь лѣтъ назадъ. Сначала проѣхали каменные казармы шести полковъ, потомъ повернули направо, вѣхали въ крѣпость, которая за себя постоитъ... внутри крѣпости военныя строенія многія окончены; нѣкоторыя приходятъ въ отдѣлку; церковь каменная, прекрасная. Выѣхавъ изъ крѣпости, повернули мы въ адмиралитетъ, въ которомъ всѣ магазины и строенія каменные, покрыты желѣзомъ. На стапелѣ нашли мы готовый 80-типушечный корабль, который въ субботу, дастъ Богъ здоровье, на воду спустимъ; возлѣ сего 66-типушечный, почти готовый; возлѣ сего фрегатъ 50-типушечный. Сіи корабли изъ моего дома, изъ той комнаты, въ которой къ вамъ пишу, видны, и садъ сего дома возлѣ адмиралтейства и стапеля. Купческаго города, который съ другой стороны составляетъ предмѣстье, я еще не видала; но называютъ—не хуже; народу здѣсь, окромѣ военныхъ, великое множество, и разноязычныя изъ ббльшей части Европы. Я могу сказать, что мои намѣренія въ семъ краю приведены до такой степени, что нельзя оныхъ оставить безъ достодожной хвалы: усердное попеченіе вездѣ видно и люди къ тому избраны способные»²⁾.

И въ письмахъ къ внукамъ, Константину и Александру, Екатерина говорила о крѣпости, объ адмиралтействѣ, о корабляхъ³⁾. Въ письмѣ къ Александру сказано: «здѣсь деревяннаго строенія нѣту, всѣ дома каменные, земля изобильная»⁴⁾. Къ Маріи Θεодоровнѣ императрица писала: «Путешествіе мое, не считая слабыхъ препятствій на Днѣпрѣ отъ вѣтра, было очень счастливо... Здѣсь сѣверные вѣтры освѣжаютъ воздухъ, и я вовсе не могу сказать, чтобы мнѣ здѣсь было жарко. Городъ Херсонъ очень красивъ для города, существующаго всего шесть лѣтъ. Почва удивительная, такъ какъ все здѣсь растетъ по желанію; можно также, не преувеличивая, сказать, что все въ немъ построено и обработано, какъ

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1864, стр. 969.

²⁾ Соч. Екатерины, изд. Смирд., III, 346—447.

³⁾ См. письмо къ Константину, отъ 13-го мая, въ изд. «Письма и бумаги» (Спб., 1873), стр. 44.

⁴⁾ «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 408.

нельзя лучше. Въ понедѣльникъ я уѣзжаю въ Тавриду» и пр. ¹⁾. Въ письмѣ отъ 16-го мая: «Вчера мы спустили на волю два военныхъ корабля и одинъ фрегатъ. Херсонъ очень красивый городъ и объ немъ напрасно говорили столько дурнаго; вся мѣстность плодородна и пріятна, все тамъ растетъ безъ особеннаго труда; черезъ нѣсколько лѣтъ тамъ будутъ лѣса, которыхъ лишена эта равнина; рѣки дополняютъ этотъ недостатокъ и приносятъ сюда все необходимое» и пр. ²⁾. Къ барону Гриму Екатерина писала: «Сегодня спустили на воду три военныхъ корабля: это — седьмой, восьмой и девятый, построенные здѣсь. Но какъ пересказать вамъ все, что мы здѣсь видимъ и дѣлаемъ. Херсону нѣтъ еще и осьми годовъ отъ роду, между тѣмъ онъ уже одинъ изъ лучшихъ военныхъ и торговыхъ городовъ имперіи; всѣ дома выстроены изъ тесаныхъ камней; городъ имѣетъ шесть верстъ въ длину; его положеніе, почва, климатъ безподобны; въ немъ, по меньшей мѣрѣ, отъ десяти до двѣнадцати тысячъ жителей всякихъ націй; въ немъ можно достать все, что угодно, не хуже Петербурга. Словомъ, благодаря попеченіямъ князя Потемкина, этотъ городъ и этотъ край, гдѣ при заключеніи мира не было ни одной хижины, сдѣлались цвѣтущимъ городомъ и краемъ и ихъ процвѣтаніе будетъ возрастать изъ года въ годъ» ³⁾.

Изъ Бахчисарая Екатерина писала, 20-го мая: «Весьма мало знаютъ цѣну вещамъ тѣ, кои съ униженіемъ безславили пріобрѣтеніе сего края: и Херсонъ, и Таврида современемъ не только окупятся, но надѣяться можно, что, если Петербургъ приноситъ осьмую часть доходовъ имперіи, то вышеупомянутыя мѣста превзойдутъ плодами бесплодныя мѣста. Кричали и противъ климата, пугали и отсовѣтовали. Обзорѣвъ самолично, сюда пріѣхавши, ишу причину такого предубѣжденія безразсуднаго. Слышала я, что Петръ Великій въ разсужденіи Петербурга долговременно находилъ подобныя, и я помню теперь, что тотъ край никому не нравился; воистину сей не въ примѣръ лучше, тѣмъ паче, что съ пріобрѣтеніемъ исчезнетъ страхъ отъ татаръ, которыхъ Бахмутъ, Украина и Елизаветградъ понынѣ сіе помнятъ; съ сими мыслями я съ немалымъ утѣшеніемъ, написавъ сіе къ вамъ, ложусь спать сегодня, видя своими глазами, что я не причинила вреда, но величайшую пользу своей имперіи» ⁴⁾.

Уже до пріѣзда императрицы, былъ спущенъ первый корабль, построенный въ Херсонѣ, «Слава Екатерины» ⁵⁾. Во время же пребыванія ея въ этомъ городѣ спущены еще два корабля «Іосифъ»

¹⁾ «Сб. Ист. Общ.», XV, 108.

²⁾ Тамъ же, XV, 110.

³⁾ Тамъ же, XXIII, 410—411.

⁴⁾ Къ Еропкину, «Соч. Ек.», III, 348.

⁵⁾ «Зап. Од. Общ.», V, 436.

и «Владиміръ» и одинъ фрегатъ «Александръ». «Cela est galant», — замѣтила Екатерина, — «что 80-типушечный корабль названъ Иосифъ II»¹⁾. Пышный церемоніаль при этомъ случаѣ удивилъ иностранцевъ, тѣмъ болѣе, что предметы роскоши, окружавшіе императрицу и Иосифа были, большею частью, произведеніемъ работы солдатъ.

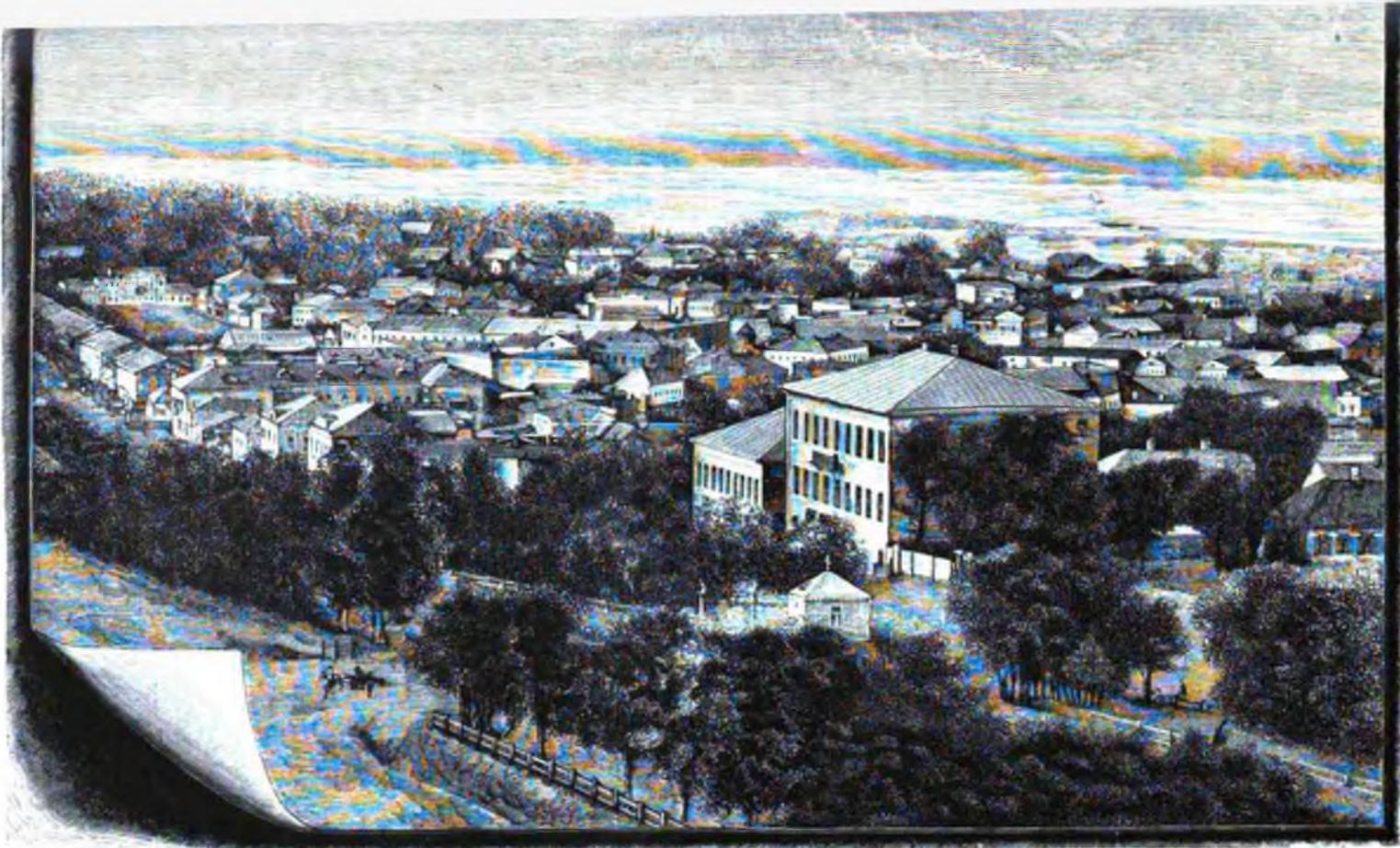
Случайно сохранился подробный рассказъ этого эпизода, въ запискахъ очевидца, нѣмецкаго врача, Дримпельмана. Онъ пишетъ, между прочимъ: «Черезъ Днѣпръ заранѣе были построены три плувучіе моста съ перилами для защиты отъ солнца и дождя, снабженные крышею, которая была покрыта зеленою клеенкой. Между обоими крайними мѣстами, на которыхъ помѣщались зрители, находились подмости, съ которыхъ должны были сойдти корабли. Средній помостъ, назначенный для императрицы, графа Фалькенштейна и высшихъ знатныхъ особъ, отличался великолѣпіемъ и съ большимъ вкусомъ прибранными украшеніями... Отъ императорскаго дворца до верфи, находившейся почти въ полуверстѣ, путь былъ урваненъ и покрытъ зеленымъ сукномъ на двѣ сажени въ ширину... Государыня явилась запросто, въ сѣромъ суконномъ капотѣ, съ черною атласною шапочкою на головѣ. Графъ Фалькенштейнъ также одѣтъ былъ въ простомъ фракѣ. Князь Потемкинъ, напротивъ, блисталъ въ богато вышитомъ золотомъ мундирѣ, со всѣми орденами», и пр.²⁾.

Екатерина показала своимъ гостямъ и окрестности Херсона. Въ пятнадцать верстахъ отъ города былъ великолѣпный обѣдъ, данный всѣмъ путешественникамъ графомъ Безбородко въ его имѣніи³⁾. На другой день во дворцѣ, построенномъ для пребыванія императрицы въ Херсонѣ, былъ балъ. Императрица была чрезвычайно довольна, какъ видно и изъ слѣдующаго письма англійскаго дипломата Фицгерберта изъ Херсона: «Наше путешествіе по Днѣпру было нѣсколько утомительно, по причинѣ почти постояннаго противнаго вѣтра, впрочемъ, это не имѣло никакихъ опасныхъ послѣдствій, и императрица была во все время здорова и весела... Вслѣдствіе неожиданнаго приѣзда императора, а также затрудненій, сопряженныхъ съ переходомъ черезъ днѣпровскіе пороги, мы высадились на берегъ въ Екатеринославѣ и оттуда продолжали путь сухимъ путемъ. Повидимому, императрица чрезвычайно довольна положеніемъ этихъ губерній, благосостояніе которыхъ дѣйствительно удивительно, ибо не далѣе какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ здѣсь была совершенная пустыня. Князь Потемкинъ, ко-

¹⁾ Храповицкій, 17-го мая 1787 года. Де-Линъ рассказываетъ: Je me suis amusé à me faire lancer aussi. Vous sentez bien que le bâtiment que je montais, était un vaisseau de ligne», II, 19, Ségur, III, 145.

²⁾ См. «Записки нѣмецкаго врача», въ «Русскомъ Архивѣ», 1881, I, 40—43.

³⁾ «Сб. Ист. Общ.», XXVI, 132; Колотовъ, III, 132; Ségur, III, 145.

Видъ Екатеринославля съ нагорной стороны.
Съ гравюры нынѣшняго столѣтія.

вечно, позаботился о томъ, чтобы представить все съ наилучшей стороны, и между различными увеселеніями, приготовленными имъ для приѣма ея величества, вчера мы любовались тремя большими военными кораблями... Суда эти немедленно отправляются для присоединенія къ флоту въ Севастополѣ. Здѣсь мы нашли много знатныхъ иностранцевъ, въ томъ числѣ австрійскаго, прусскаго и неаполитанскаго министровъ при константинопольскомъ дворѣ и маркиза де-Галло, министра неаполитанскаго двора въ Вѣнѣ... Завтра рано утромъ мы ѣдемъ въ Крымъ» и пр. ¹⁾.

Іосифу и другимъ спутникамъ Екатерины Херсонъ далеко не понравился въ такой мѣрѣ, какъ самой Екатеринѣ. Іосифъ, бывавъ въ Херсонѣ уже до встрѣчи съ императрицей и тщательно осмотрѣвъ фортификаціонныя работы и пр., находилъ, что многого здѣсь не доставало, и что военная администрація была далеко не совершенна. И другимъ лицамъ избраніе мѣста для постройки Херсона казалось весьма неудачнымъ ²⁾. Іосифъ находилъ, что торговля Херсона пока еще не имѣетъ никакого значенія, что слѣдовало бы построить городъ тридцатью верстами ближе къ морю и что при настоящемъ положеніи дѣла турки каждую минуту могутъ помѣшать сообщенію Херсона съ моремъ. Онъ полагалъ, что торговля никогда не будетъ процвѣтать въ Херсонѣ ³⁾.

Во время путешествія императрицы отношенія Россіи къ Турціи были уже весьма натянутыми. Споры по разнымъ вопросамъ торговли и мореплаванія почти не прекращались. Постройка флота на югѣ, приведеніе въ надлежащее состояніе войска должны были возбудить въ Оттоманской Портѣ серьезныя опасенія. Путешествіе императрицы не могло не имѣть важнаго политическаго значенія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Россіи тогда уже думали о разрывѣ съ Турціею, но нельзя утверждать ⁴⁾, чтобы Потемкинъ чрезъ это путешествіе намѣренъ былъ внушить императрицѣ желаніе тотчасъ же начать войну. Инициатива путешествія не принадлежала исключительно князю. Правда, во время самаго путешествія Потемкинъ, чрезъ Булгакова, сталъ дѣйствительно вызывать Порту на войну. Екатерина же, отправляясь въ путь, не желала этимъ подать поводъ къ разрыву съ Оттоманскою Портою.

Въ первое время пребыванія Іосифа вмѣстѣ съ Екатериною на югѣ почти вовсе не говорили о политикѣ. Только развѣ шутя и какъ бы мимоходомъ, императоръ, Екатерина, Сегюръ, де-Линь и др. въ разговорахъ своихъ затрогивали вопросы внѣшней политики. Особеннаго результата въ видѣ новаго договора или опредѣленной сдѣлки для начатія войны не было.

¹⁾ «Сб. Ист. Общ.», XXVI, 183—184.

²⁾ Ségur, III, 143. Pallas, Reise, II, 506.

³⁾ Arneht, 355, 356, 359.

⁴⁾ Ségur, III, 113.

Не желая разрыва съ Турціею въ ближайшемъ будущемъ, императрица въ кругу приближенныхъ иногда дѣлала намеки на серьёзность отношеній Россіи къ Портѣ ¹⁾. Въ публикѣ ходили слухи о предстоящей въ ближайшемъ будущемъ войнѣ ²⁾.

При такомъ положеніи дѣлъ нельзя удивляться тому, что во время пребыванія императрицы въ Херсонѣ между иностранными дипломатами и русскими сановниками происходили переговоры о

Бывшій дворець Потемкина въ Екатеринославѣ.

Съ гравюры нынѣшняго столѣтія.

турецкихъ дѣлахъ, причѣмъ весьма важную роль игралъ русскій уполномоченный при Оттоманской Портѣ, Булгаковъ. Въ то же самое время около устья Днѣпра показалась турецкая эскадра, такъ что Екатерина, желавшая посѣтить Кинбурнъ, къ крайнему своему неудовольствію, должна была отказаться отъ этой поѣздки; она усмѣхнулась, когда принцъ Нассау-Зигенъ изъявилъ готовность атаковать турецкую эскадру.

¹⁾ См., напр., ея замѣчанія въ дневникѣ Храповицкаго, 7-го апрѣля 1787 года.

²⁾ См., напр., письмо Сиверса къ брату, отъ 9-го апрѣля 1787 года, въ соч. Влюма, II, 483.

Бахчисарай.

Послѣ пятидневнаго пребыванія въ Херсонѣ путешественники отправились черезъ Кизикермень и Перекопъ въ Крымъ ¹⁾.

Дорогой Іосифъ II и Сегюръ бесѣдовали о путешествіи. Сегюръ называлъ императора Гарунъ-аль-Рашидомъ, а себя Джіяфаромъ. Іосифъ замѣтилъ, что поѣздка въ Татарию такихъ путешественниковъ составляетъ собою совершенно новую страницу въ исторіи. Любовались видомъ степи, верблюдовъ, татаръ, татарскихъ шатровъ ²⁾. Расположенные на дорогѣ казаки своими искусными маневрами обратили на себя особенное вниманіе императрицы ³⁾. У Перекопа Іосифъ тщательно осматрѣлъ слѣды древняго вала, защищавшаго Крымскій полуостровъ, и вмѣстѣ съ графомъ Кинскимъ совершилъ поѣздку верхомъ на казацкихъ лошадяхъ къ берегамъ Сиваша, вспоминая при этомъ о военныхъ событіяхъ, случившихся въ этихъ мѣстахъ нѣсколько десятилѣтій тому назадъ ⁴⁾. Другіе путешественники удивлялись такой неутомимости Іосифа. Храповицкій замѣтилъ 20-го мая: «Не дають покою графъ Фалькенштейнъ и графъ Ангальтъ; рано очень встають я въ 6 часовъ утра они уже прохаживаютъ. «Все вижу и слышу»,—сказала Екатерина,—«хотя не бѣгаю, какъ императоръ».

Въ Перекопѣ былъ завтракъ при соляныхъ озерахъ, и поднесены 11 родовъ самосадочной соли ⁵⁾. Въ Айдарѣ всѣ путешественники помѣстились въ красивыхъ палаткахъ, для ятой цѣли приготовленныхъ ⁶⁾. Екатеринѣ казалось весьма забавнымъ, что Фицгербертъ и Сегюръ находились въ одной палаткѣ, гдѣ оба писали донесенія къ своимъ правительствамъ, какъ императрица полагала, въ противоположномъ духѣ ⁷⁾. Дѣйствительно, Англія и Франція почти всегда расходились въ своихъ политическихъ интересахъ, но въ то время обѣ державы были расположены защищать турокъ противъ Іосифа и Екатерины.

На дорогѣ изъ Айдара въ Бахчисарай вдругъ появилось около тысячи татарскихъ всадниковъ, великолѣпно вооруженныхъ и на богато убранныхъ коняхъ. Эта почетная стража сопровождала Екатерину на пути къ бывшей столицѣ хановъ. Принцъ де-Линъ ска-

¹⁾ Гарновскій пишетъ: «Вейкардтъ писалъ къ Либерику: Послѣ отъѣзда государыни въ Тавриду, остались мы здѣсь (въ Херсонѣ), какъ овцы безъ пастыря, или какъ сироты безъ отца и матери. Ъсть и пить нечего, купить нечего, да и кого объ ономъ просить—не знаемъ», и пр. «Рус. Старина», XV, 27.

²⁾ Ségur, III, 159.

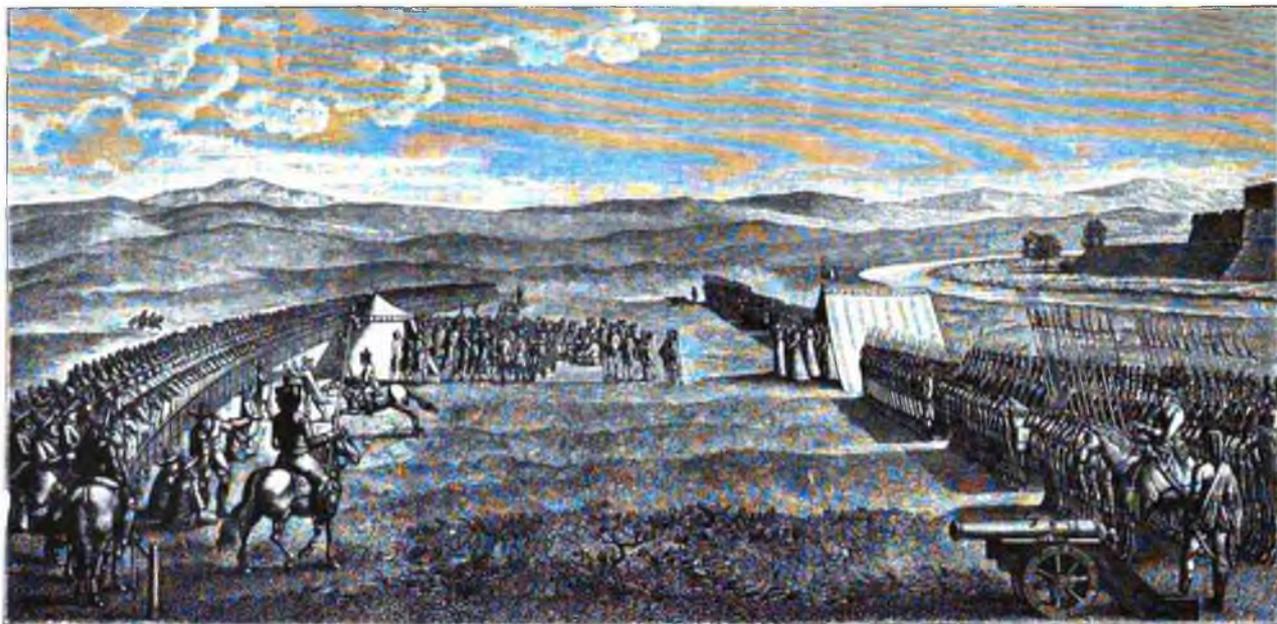
³⁾ Arneht, 359.

⁴⁾ Arneht, 360.

⁵⁾ Колотовъ, III, 136.

⁶⁾ Arneht, 358.

⁷⁾ Ségur, III, 171.

**Встрѣча Екатерины II ногайскими татарами въ Ольвiополѣ.
Съ рѣдкой современной гравюры.**

заль Сегюру: «Согласитесь, что было бы весьма страннымъ включеніемъ, которое надѣлало бы очень много шума въ Европѣ, если бы вдругъ эти татары, насъ окружающіе, повели бы всѣхъ насъ къ любому порту, посадили бы августѣйшую Екатерину и августѣйшаго императора римскаго Іосифа II на корабль и повезли бы всѣхъ въ Константинополь, чтобы доставить нѣкоторое удовольствіе султану Абдуль-Гамету». «И даже»,—прибавилъ де-Линь,— «нельзя бы было такой подвигъ назвать преступленіемъ; эти татары безъ всякаго угрызенія совѣсти могли бы увести двухъ государей, которые, вопреки международному праву и нарушивъ положительные договоры, похитили ихъ страну и свергнули съ престола ихъ государя»¹⁾. Іосифъ нѣсколько безпокоился, или, по крайней мѣрѣ, удивлялся смѣлости императрицы, не видѣвшей никакой опасности въ такомъ конвоѣ²⁾. Съ другой стороны, утверждаютъ, что Потемкинъ нарочно устроилъ этотъ эпизодъ, который долженъ былъ убѣдить Екатерину въ расположеніи татаръ къ Россіи. Іосифъ, напротивъ того, считалъ татаръ весьма склонными освободиться отъ новаго правительства³⁾.

Близъ Бахчисарая императрица дѣйствительно подверглась нѣкоторой опасности. На скатѣ горъ, въ ущельѣ, чрезъ которое вела дорога къ столицѣ татарскихъ хановъ, лошади не могли удержать тяжелый экипажъ Екатерины; только усилями и стараніями татаръ, окружавшихъ карету, можно было останоить ее и этимъ предотвратить несчастье. Іосифъ II и принцъ де-Линь, сидѣвшіе въ каретѣ вмѣстѣ съ Екатериною, удивлялись чрезвычайному хладнокровію ея въ эту минуту⁴⁾.

Въ своемъ письмѣ къ Маріи Ѳеодоровнѣ, отъ 20-го мая, императрица говоритъ о путешествіи въ Тавриду слѣдующее: «Въ день отъѣзда изъ Херсона я ночевала въ Бериславѣ; на другой день, переправившись чрезъ Днѣпръ, мы вступили въ Тавриду и спали въ редутѣ у Каменнаго моста; вчера мы проѣхали извѣстныя линіи Перекопа и провели ночь въ палаткахъ въ Айдарѣ; сегодня послѣ обѣда прибыли сюда въ Бахчисарай, и я пишу вамъ изъ дома хановъ, гдѣ остановилась. Эта часть Тавриды не похожа ни на что изъ того, что я видѣла; здѣсь есть очень красивые ломбардскіе тополи, видѣнные мною только на картинахъ, а городъ похожъ на тѣ китайскіе рисунки, которые изображаютъ жилища тамошнихъ странъ; онъ расположенъ въ ущельѣ, между двумя высокими горами. Противные днѣпровскіе вѣтры замедлили мое путешествіе на нѣсколько дней, но, выбравшись отсюда, я постараюсь ускорить свое возвращеніе, если будетъ возможно. Въ жизни своей

¹⁾ Ségur, III, 170.

²⁾ «Русск. Архивъ», 1867, 1015. Castéra, II, 129.

³⁾ Arneth, 362.

⁴⁾ Ségur, III, 133. Ligne, III, 19.

я не видала такихъ высокихъ горъ; графъ Фалькенштейнъ сравниваетъ ихъ съ Альпами; вся эта часть Тавриды весьма живописна; погода ни жаркая, ни холодная, и всѣ мы здоровы» ¹⁾.

Къ барону Гримму Екатерина писала изъ Бахчисарая: «Третьяго дня мы перебрались черезъ Перекопскій валъ и вчера, около шести часовъ по полудни, прибыли сюда всѣ въ добромъ здоровьѣ и веселые. Всю дорогу насъ конвоировали татары, а въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда мы нашли все, что только есть лучшаго въ Крыму, на конѣ. Картина была великолѣпная: предшествуемые, окруженные и сопровождаемые такимъ образомъ, въ открытой коляскѣ, въ которой сидѣло восемь персонъ, мы въѣхали въ Бахчисарай и остановились прямо во дворцѣ хановъ. Здѣсь мы помѣщаемся среди минаретовъ и мечетей, гдѣ голоса, молятся, распѣваютъ и вертятся на одной ногѣ пять разъ въ сутки. Все это слышно намъ изъ нашихъ оконъ, и такъ какъ сегодня день Константина и Елены, то мы слушаемъ обѣдню на одномъ изъ внутреннихъ дворовъ, гдѣ на сей конецъ раскинуты палатки. О, что за необычайное зрѣлище представляетъ пребываніе въ этомъ мѣстѣ! Кто? Гдѣ? Принцъ де-Линь говоритъ, что это не путешествіе, а рядъ празднествъ, не прерывающихся и разнообразныхъ, нигдѣ не виданныхъ, и какихъ никогда болѣе не увидишь. Скажутъ: какой льстецъ этотъ принцъ де-Линь! Но, быть можетъ, онъ и не совѣмъ неправъ. Завтра мы выѣзжаемъ отсюда въ Севастополь» и пр. ²⁾.

Восточный характеръ Бахчисарая, татарская архитектура дворца, украшенія домовъ, фонтаны, сады, пестрота и пышность мебели и домашней утвари, краснорѣчіе надписей въ риторическомъ стилѣ востока, оригинальность церемоній богослуженія, крики муллы, пляска дервишей,—все это сильно подѣйствовало на путешественниковъ. Съ наслажденіемъ рассказываетъ принцъ де-Линь, что ему случилось занимать одну изъ комнатъ ханскаго гарема, и насмѣшливо прибавляетъ, что, напротивъ того, Сегюру отведена была одна изъ комнатъ, назначенныхъ для безобразныхъ сторожей прекрасныхъ женъ владѣльцевъ Тавриды. Объ архитектурѣ дворца де-Линь замѣчаетъ, что она соединяетъ въ себѣ стили мавританскій, арабскій, китайскій и турецкій ³⁾. Впрочемъ, нѣкоторыя комнаты, назначенныя для императрицы, были убраны въ европейскомъ вкусѣ. Все остальное было оставлено совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ было при ханахъ, не болѣе четырехъ лѣтъ предъ тѣмъ сошедшихъ съ престола ⁴⁾. Иосифъ II находилъ, что мѣстоположеніе Бахчисарая нѣсколько похоже на Геную. Живописный

¹⁾ «Сб. Ист. Общ.», XV, 113.

²⁾ Тамъ же, XXIII, 411.

³⁾ Oeuvres, II, 40 и слѣд.

⁴⁾ Pallas, II, 30.

видъ мечетей и минаретовъ, многочисленная толпа, наполнявшая тѣсныя улицы, смѣсь разныхъ восточныхъ костюмовъ чрезвычайно понравились императору. Онъ находилъ нѣкоторое сходство между дворцомъ въ Бахчисараѣ и монастырями кармелитовъ на западѣ, также отдѣленными отъ прочаго міра высокими стѣнами¹⁾. Вечеромъ въ день прибытія императрицы великолѣпный фейерверкъ удивилъ всѣхъ своею роскошью.

Екатерина была очень довольна. Сегюръ утверждалъ, что она, съ гордостью видя свое торжество надъ татарами, вспоминала о нашествіяхъ ихъ на Россію въ прежнее время²⁾. Она, впрочемъ, въ духѣ вѣротерпимости и желая привлечь въ себѣ татаръ, раздавала деньги на постройку мечетей, ласкала мурзъ³⁾, и въ доказательство ихъ преданности рассказала окружавшимъ ее, что татары въ Бахчисараѣ молились цѣлую ночь о благополучномъ совершеніи ея путешествія⁴⁾. Торжественныя аудіенціи, приглашеніе знатныхъ татаръ въ обѣду, осторожное обращеніе съ ними и стараніе не нарушать ихъ нравовъ и обычаевъ, ласковая бесѣда съ племянницею хана, тщательное собраніе данныхъ о положеніи татаръ,—вотъ чтò было предметомъ заботъ императрицы во время ея пребыванія въ Бахчисараѣ. Принцъ де-Линь и графъ Сегюръ получили выговоръ отъ императрицы за то, что они нѣсколько неосторожно вели себя въ отношеніи къ женамъ татаръ⁵⁾. Въ концѣ 1786 года, по приказанію Екатерины, было напечатано новое изданіе алькорана. Это было сдѣлано, какъ выражалась сама императрица, «не для введенія магометанства, но для приманки на уду»⁶⁾.

Съ жаромъ Екатерина говорила о Тавридѣ: «Пріобрѣтеніе сіе важно; предки дорого бы заплатили за то, но есть люди мнѣнія противнаго, которые жалѣютъ еще о бородахъ, при Петрѣ I выбритыхъ. А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ молодъ и не знаетъ тѣхъ выгодъ, кои чрезъ нѣсколько лѣтъ явны будутъ. Графъ Фалькенштейнъ видитъ другими глазами. Фицгербертъ слѣдуетъ англійскимъ правиламъ, которыя довели Великобританію до нынѣшняго ея худаго состоянія. Графъ Сегюръ понимаетъ, сколь сильна Россія; но министерство, обманутое своими эмиссарами, тому не вѣритъ и воображаетъ мнимую силу Порты»⁷⁾. Изъ этихъ замѣчаній видно, что спутники Екатерины не раздѣляли ея мнѣнія о выгодѣ новыхъ пріобрѣтеній, что ея оптимизмъ, по всей вѣроятности, внушаемый ей особенно княземъ Потемкинымъ, расходился съ скептицизмомъ

¹⁾ Arneht, 361 и 392.

²⁾ Ségur, III, 179.

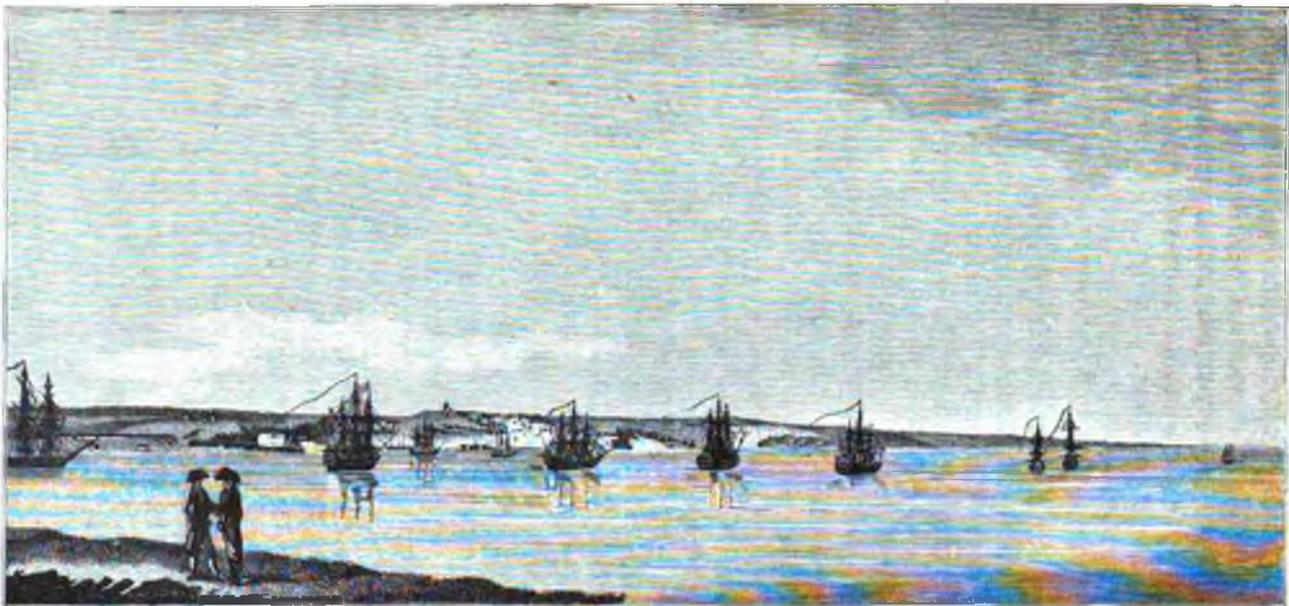
³⁾ Castéra, II, 129.

⁴⁾ Храповицкій, 28-го мая 1787 года.

⁵⁾ Ségur, III, 192.

⁶⁾ Храповицкій, 17-го декабря 1786 года.

⁷⁾ Зап. Храповицкаго, 21-го мая 1787 года.

**Видъ Севастопольской бухты во время присоединенія къ Россіи Крыма.
Съ гравюры Куше, сдѣланной съ рисунка того времени Гейслера.**

Иосифа и любимца императрицы и съ возврѣніями посланниковъ Англии и Франціи.

Пробывъ въ Бахчисараѣ, Екатерина со всею свитой отправилась въ Инкерманъ. Дорога туда, чрезъ горы и вдоль по рѣкѣ Качѣ, была сдѣлана нарочно для путешествія императрицы ¹⁾.

Севастополь.

Въ Инкерманѣ, гдѣ также былъ построенъ дворецъ, во время обѣда вдругъ отдернули занавѣсъ, закрывавшій видъ съ балкона, и такимъ образомъ внезапно и неожиданно открылся видъ прекрасной Севастопольской гавани. На рейдѣ стояло 3 корабля, 12 фрегатовъ, 20 мелкихъ судовъ, 3 бомбардирскія лодки и 2 брандера, всего 40 военныхъ судовъ. Открылась пальба изъ всѣхъ пушекъ. Смотри на флотъ, Екатерина пила за здоровье лучшаго своего друга, императора Иосифа, которому, какъ она утверждала, она была обязана приобрѣтеніемъ Крыма ²⁾.

Послѣ обѣда, доѣхавъ до берега, императрица съ Иосифомъ II съѣла въ шлюпку, заказанную заранѣе въ Константинополь и совершенно сходную съ султанскою ³⁾, и поѣхала въ Севастополь. По приближеніи путешественниковъ къ флоту, всѣ корабли салютовали. Иосифъ былъ въ восхищеніи отъ Севастополя, называя этотъ портъ лучшимъ въ мірѣ и утверждая, что въ немъ можно помѣстить до 150 кораблей ⁴⁾. Тогда уже въ Севастополь было построено много домовъ, магазиновъ, арсеналъ, адмиралтейство, ретраншементы, лазареты. Путешественники удивлялись, что князю Потемкину удалось все это сдѣлать въ столь короткое время ⁵⁾. Даже Иосифъ II не сомнѣвался въ томъ, что Севастополю предстоитъ великая будущность; особенно на него, а также и на Сегюра, сильно подѣйствовала мысль, что изъ Севастополя въ 36—48 часовъ можно проникнуть въ Константинополь. Императоръ замѣчаетъ въ письмѣ къ фельдмаршалу Ласи, что Сегюръ очень нахмурился, видя такое быстрое развитіе новой военной гавани Россіи. «Вообразите себѣ», — продолжаетъ Иосифъ, — «что за мысли должны явиться въ головѣ моего товарища султана; онъ постоянно въ ожиданіи того, что эти молодцы безпрепятственно прійдутъ и разобьютъ громомъ своихъ пушекъ окна султанскаго дворца. Императрица въ восхищеніи отъ такого приращенія силъ Россіи. Князь Потемкинъ въ настоящее

¹⁾ Pallas, II, 41.

²⁾ Зап. Храповицкаго, 22 мая 1787 года. Arneth, 363.

³⁾ См. порученіе Потемкина Булгакову заказать шлюпку, отъ 7 января 1787 года, изъ Севастополя, въ «Русскомъ Архивѣ», 1865, 413.

⁴⁾ Въ письмѣ къ Кауницу. Arneth, 232.

⁵⁾ Ségur, III, 181.

время всемогущъ, и нельзя вообразить себѣ, какъ всѣ за нимъ ухаживаютъ»¹⁾.

И въ Севастополѣ былъ построенъ для Екатерины дворецъ²⁾. Здѣсь она приняла бывшаго русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ на Мальтѣ, капитана Таро, который поднесъ императрицѣ присланную отъ грессмейстера пальмовую вѣтвь съ кустомъ цвѣтовъ, украшенныхъ трофеями, въ знакъ побѣдоноснаго приобрѣтенія Крыма³⁾. Императрица отдала вѣтвь Потемкину, какъ основателю Севастопольскаго порта; Потемкинъ же послалъ ее на корабль «Слава Екатерины»⁴⁾. Иосифъ пожелалъ видѣть окрестности Севастополя и посѣтилъ Балаклавскій портъ. Оттуда онъ поѣхалъ горами навстрѣчу Екатеринѣ, отправившейся изъ Севастополя чрезъ Байдарскую долину обратно въ Бахчисарай. Принцъ Нассау-Зигенъ и Сегюръ отправились также для осмотра Георгіевскаго монастыря и Балаклавы, но вернулись оттуда въ Севастополь⁵⁾. Принцъ де-Линь, еще изъ Бахчисарая предпринявшій поѣзду на Чатыръ-Дагъ, теперь отправился на южный берегъ и чрезъ Партелить и Никиту проѣхалъ до Карасубазара, гдѣ опять присоединился къ императрицѣ и ея свитѣ⁶⁾.

Екатерина писала великому князю Александру Павловичу, 28 мая: «Здѣшнія мѣста прекраснѣйшія, которыя я видѣла отъ роду. По сию пору здѣсь ни тепло, ни холодно, но погода самая пріятная. Вездѣ сады въ лощинахъ; окружены они горами. Севастопольской гавани подобной трудно сыскать, въ оной разныхъ заливовъ множество, глубина вездѣ одинаковая, такъ что не только купеческіе, но и самыя большіе военные корабли могутъ вездѣ пристать къ самому берегу. Земля здѣсь изобильна, деревья вышины и толщины необыкновенной. Татары вездѣ весьма ласково насъ принимаютъ и всячески ищутъ, какъ лучше угостить; въ Бахчисараѣ ночь пѣлую, не выходя изъ мечети, молились весьма громкогласно о благополучномъ продолженіи пути моего; дорога сія мнѣ тѣмъ паче пріятна, что вездѣ нахожу усердіе и радѣніе, и, кажется, весь сей край въ короткое время ни которой російской губерніи устройствомъ и порядкомъ ни въ чемъ не уступить»⁷⁾. Въ письмѣ къ Константину Павловичу также упоминается о Севастополѣ и находившемся тамъ флотѣ, а затѣмъ сказано: «Тутъ

¹⁾ Arneth, 363.

²⁾ Pallas, II, 45. Зап. Энгельгардта, 65.

³⁾ Массонъ, III, 261, утверждаетъ, что мальтійскіе рыцари еще прежде того предлагали отдать свой островъ Россіи, но Екатерина не соглашалась на это (?).

⁴⁾ «Зап. Од. Общ.», IV, 265.

⁵⁾ Ségur, III, 187.

⁶⁾ Ему императрица подарила два имѣнія на южномъ берегу, Партелить и Никиту. См. прекрасное описаніе этихъ мѣстъ въ его «Lettres de Crimées», Oeuvres, II, 27—41.

⁷⁾ «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 411.

вспомнили мы, что до Питербурха было верстъ тысячи полторы, а до Царяграда сутки двое моремъ. Мы поѣхали отсюда чрезъ высокія горы; на одну шесть верстъ должно было подниматься, и опять пріѣхали въ Бахчисарай почивать» и пр. ¹⁾ Упомянувъ и въ письмахъ къ Маріи Ѳеодоровнѣ о Севастопольской гавани и о флотѣ императрица замѣтила: «Когда у васъ шелъ снѣгъ, у насъ были холодныя вѣтры и градъ; зелень, впрочемъ, великолѣпна; въ жизни своей я не видала болѣе высокыхъ и толстыхъ деревьевъ» ²⁾. Къ барону Гриму императрица писала: «Здѣсь, гдѣ тому назадъ три года не было ничего, я нашла довольно красивый городъ и маленькую флотилію, довольно живую и бойкую на видъ; гавань, якорная стоянка и пристань хороши отъ природы, и надо отдать справедливость князю Потемкину, что онъ во всемъ этомъ обнаружилъ величайшую дѣятельность и прозорливость. Турецкій флотъ, который стоитъ приблизительно въ шести стахъ верстахъ отсюда, еще не показывался; увидимъ, явится ли онъ сюда, сдѣлать высадку и выгнать насъ отсюда, какъ предсказываютъ въ газетахъ. Графъ Фалькенштейнъ, повидимому, очень доволенъ всѣмъ видѣннымъ, а принцъ де-Линъ говоритъ, что это одинъ непрерывный праздникъ» ³⁾.

Не такъ выгодно отзывался о южномъ краѣ Іосифъ II; онъ писалъ, между прочимъ, Кауницу изъ Севастополя: «Таврида, еще могущая быть предметомъ кровопролитной войны между Россіею и Портою, не имѣетъ ничего особеннаго. Но выгоды, проистекающія отъ пріобрѣтенія сей области для Россіи, весьма важны для этого государства. Чрезъ нее можно послѣ разбитія турокъ довести ихъ до крайности и заставить трепетать Стамбуль» ⁴⁾. Къ фельд-маршалу Ласи онъ писалъ объ упадкѣ городовъ въ Крыму, въ особенности о печальномъ состояніи Кафы, о неудовольствіи татаръ, готовыхъ вновь отложиться отъ Россіи, о многихъ случаяхъ выселенія изъ Крыма въ другія мѣста, объ отчаянномъ положеніи иностранцевъ, поселившихся въ послѣднее время въ южной Россіи, о разныхъ крупныхъ промахахъ администраціи, князя Потемкина. Іосифъ находилъ, что для извлеченія большей пользы изъ Крыма слѣдовало бы строить дороги и заселить южный берегъ. Затѣмъ, Іосифу казалось важнымъ, чтобы Россія позаботилась о заведеніи торговаго флота на югъ, который могъ бы служить школою для моряковъ и на военныхъ судахъ: «Иначе»,—замѣтилъ Іосифъ,—«русскіе не достигнутъ главной цѣли—изгнанія турокъ изъ Европы» ⁵⁾.

¹⁾ Письма и бумаги, стр. 46—48.

²⁾ «Сб. Ист. Общ.», XV, 116.

³⁾ Тамъ же, XIII, 412.

⁴⁾ Колотовъ, III, 148.

⁵⁾ Arneht, 370—371.

Совсѣмъ иначе на все это смотрѣли партизаны Потемкина. В. С. Поповъ писалъ П. С. Потемкину изъ Черкаска, 1 января 1787 года: «Въ губерніяхъ свѣтлѣйшаго князя все теперь въ превеличайшемъ движеніи. Строеніе дворцовъ, нарядъ лошадей, многія другія приготовленія и собраніе всѣхъ отовсюду вмѣсто отягощенія новыхъ нашихъ поселенцевъ, кажется, умножаютъ ихъ бодрость и охоту къ трудамъ. Сами татары крайне озабочены, чтобы наилучшимъ и достойнѣйшимъ образомъ встрѣтить свою монархиню»¹⁾).

Нельзя было не удивляться тому, что успѣлъ сдѣлать на югѣ князь Потемкинъ. Принцъ де-Линь, отчасти даже и Сегюръ, восхищались его твореніями²⁾. Однако, особенно изъ бесѣдъ Іосифа II

Павильонъ въ Старомъ Крыму, гдѣ останавливалась Екатерина II.
Съ гравюры вышшняго столѣтія.

съ Сегюромъ, видно, что они не ожидали замѣчательныхъ, прочныхъ результатовъ отъ администраціи Потемкина. Іосифъ сказалъ: «Я вижу во всемъ этомъ гораздо болѣе эффекта, нежели внутренней цѣны. Князь Потемкинъ дѣятеленъ, но онъ гораздо лучше умѣетъ начинать, нежели довершать. Впрочемъ, такъ какъ здѣсь никакимъ образомъ не щадятъ ни денегъ, ни людей, то все можетъ казаться нетруднымъ. Мы въ Германіи и во Франціи не смѣли бы предпринимать того, что здѣсь дѣлается. Владѣлецъ рабовъ приказываетъ; рабы работаютъ: или вовсе не платятъ, или платятъ мало; ихъ кормятъ плохо; они не жалуются, и я знаю, что впродол-

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1879, II, 485.

²⁾ Ligne, II, 43.

«истор. вѣстн.», сентябрь, 1886 г., т. XXI.

женіе трехъ лѣтъ въ этихъ вновь прибрѣтенныхъ губерніяхъ, вслѣдствіе утомленія и вреднаго климата болотистыхъ мѣстъ, умерло около 50.000 человѣкъ; никто не жаловался; никто даже и не говорилъ объ этомъ»¹⁾. При другомъ случаѣ Іосифъ замѣтилъ: «Вы видите, что здѣсь ни во что не ставятъ жизнь и труды человѣческіе; здѣсь строятся дороги, гавани, крѣпости, дворцы въ болотахъ; разводятся лѣса въ пустыняхъ безъ платы рабочимъ, которые, не жалуясь, лишены всего, не имѣютъ постели, часто страдаютъ отъ голода». Сегюръ отвѣчалъ: «Все здѣсь начинается, ничто не оканчивается. Князь Потемкинъ часто оставляетъ то, что только что было начато; ни одинъ проектъ не составляется солидно, ни одинъ не исполняется до конца. Въ Екатеринославѣ мы видѣли начало города, который не будетъ обитаемъ, начало церкви, въ которой никогда не будетъ службы; мѣсто, избранное для Екатеринослава, безводное; Херсонъ окруженъ опасно болотистою атмосферой. Въ послѣдніе годы степи опустѣли хуже прежняго. Крымъ лишился двухъ третей своего прежняго населенія. Городъ Кафа разоренъ и никогда не поднимется болѣе. Одинъ Севастополь, дѣйствительно, великолѣпное мѣсто, но еще пройдетъ много времени, пока тамъ будетъ порядочный городъ. Старались украсить все временно для императрицы. Послѣ отъѣзда ея всѣ эти чудеса исчезнутъ. Я знаю князя Потемкина; его пьеса сыграна, занавѣсъ упалъ; князь займется теперь другими задачами или въ Польшѣ, или въ Турціи. Настоящая администрація, требующая постоянства, не согласуется съ его характеромъ». Іосифъ кончилъ бесѣду назвавъ все путешествіе галлюцинаціей²⁾.

Какъ видно, самымъ эффектнымъ эпизодомъ путешествія было пребываніе въ Крыму вообще, въ Севастополѣ въ особенности.

Оставляя Севастополь, Екатерина, такъ сказать, находилась на обратномъ пути въ Петербургъ.

Для поѣздки Екатерины по Байдарской долинкѣ, тогда почти цѣликомъ принадлежавшей князю Потемкину³⁾, была также сдѣлана новая дорога⁴⁾. Она писала Салтыкову: «Нагорная часть Тавриды и долины между оныхъ суть наипрїятнѣйшія мѣста... помню я, что Валдайскія горы казались высоки, но послѣ Таврической той, на которую мы подымались шесть верстъ и спускались столько же, чаю, покажутся аки бородавки».

Іосифъ, встрѣтивъ Екатерину близъ Скели, осмотрѣлъ съ нею виды долины и рѣки Біюкъ-Узели, въ крутомъ паденіи ея на

¹⁾ Ségur, III, 149.

²⁾ Ségur, III, 213—214.

³⁾ Самойловъ, въ «Русск. Арх.», 1867, стр. 1571, гдѣ, впрочемъ, встрѣчается довольно запутанное по отношенію къ географіи объясненіе.

⁴⁾ Pallas, II, 95.

камни ¹⁾). Изъ Скели путешественники спустились въ Ласпи и отсюда взглянули на южный берегъ, куда невозможно имъ было проникнуть по отсутствію дороги ²⁾). Иосифъ былъ очень недоволенъ тѣмъ, что Потемкинъ, желавшій показать путешественникамъ пару ангорскихъ ковъ въ одномъ изъ своихъ имѣній, заставилъ императрицу и его проѣхать туда горами по тяжелымъ дорогамъ. Придворные экипажи приведены были въ страшный безпорядокъ. Не ранѣе какъ въ часъ по полуночи пріѣхали въ Бахчисарай, гдѣ путешественники остались слѣдующій день для отдыха ³⁾).

Изъ Бахчисарая поѣхали черезъ Акмечеть, нынѣшній Симферополь, гдѣ Потемкинъ успѣлъ устроить садъ въ англійскомъ вкусѣ и нѣсколько домовъ ⁴⁾), и затѣмъ въ Карасубазаръ. Въ этомъ городѣ князь имѣлъ прекрасный дворецъ, окруженный садомъ также въ англійскомъ вкусѣ, съ фонтанами и искусственнымъ водопадомъ. Немного повыше былъ построенъ дворецъ для Екатерины. Садъ, вечеромъ освѣщенный великолѣпнѣйшимъ образомъ, удивилъ всѣхъ своею красотой ⁵⁾). Фейерверкъ состоялъ изъ 300.000 ракетъ ⁶⁾). Особенно замѣчательными были, кромѣ дворцовъ Потемкина и Екатерины ⁷⁾), большія казармы, построенныя, впрочемъ, какъ оказалось, на мѣстѣ весьма невыгодномъ въ гигиеническомъ отношеніи ⁸⁾).

На другой день путешественники черезъ Старый Крымъ поѣхали въ Феодосію. Только нѣсколько часовъ Екатерина и Иосифъ провели въ знаменитомъ городѣ, процвѣтавшемъ въ XIV вѣкѣ при генуезцахъ. На монетномъ дворѣ въ Феодосіи въ тотъ день выбили медали съ надписью о посѣщеніи этого города Екатериною и Иосифомъ ⁹⁾). Городъ находился въ упадкѣ и пострадалъ отъ соперничества съ Таганрогомъ. Развалины его произвели на импе-

¹⁾ «Зап. Од. Общ.», IV, 267.

²⁾ Кандараки: Байдарская долина, въ «Зап. Од. Общ.», VII, 296. Показаніе автора, что путешественники цѣлый день провели въ Скели, не согласуется съ данными официального журнала, гдѣ сказано, что 24-го мая, утромъ, императрица выѣхала изъ Севастополя и вечеромъ того же дня пріѣхала въ Бахчисарай.

³⁾ Arneth, 365. О малевкахъ грековъ и далматинцевъ на дорогѣ см. тамъ же. Принцъ де-Линь говоритъ о женщинахъ — амазонкахъ, составлявшихъ небольшой отрядъ. II, 47. Но его не было вовсе здѣсь. У Храповицкаго сказано, что, пріѣхавъ въ Бахчисарай, Екатерина на другой день хвалила отрядъ албанцевъ, составленный Потемкинымъ. «Ихъ до 600 выводятъ съ ружьемъ».

⁴⁾ Arneth, 366.

⁵⁾ Ségur, III, 195.

⁶⁾ Arneth, 367.

⁷⁾ О дальнѣйшей судьбѣ дворца Екатерины см. «Зап. Од. Общ. И. и Др.», II, 766. Палласъ, II, 747, говоритъ, что его купилъ Безбородко, и пр.

⁸⁾ Pallas, II, 206. Arneth, 766.

⁹⁾ Колотовъ, III, 145.

ратрицу глубокое впечатлѣніе. Сегюръ рассказываетъ, что въ ея глазахъ видны были слезы ¹⁾.

Сегюръ съ нѣкоторыми товарищами объѣхалъ еще Керченскій полуостровъ. Затѣмъ всѣ путешественники оставили Крымъ. Уже 31-го мая, всѣ находились опять въ Перекопѣ. Пребываніе въ Крыму вообще продолжалось не болѣе десяти дней. Изъ Карасубазара императрица писала, 29-го мая, Маріи Ѳеодоровнѣ: «Вчера я обѣдала въ Ѳеодосіи, а ночевала въ Старомъ Крыму; сегодня же проведу ночь здѣсь. Мѣстность великолѣпна; погода ни холодная, ни теплая; воздухъ луговъ наполненъ благоуханіемъ. Черезъ три дня переправляюсь назадъ черезъ Днѣпръ и, не останавливаясь, пройду отсюда въ Кременчугъ. Это путешествіе по Тавридѣ прекраснѣйшая прогулка; я вовсе не устала. Въ Бериславѣ графъ Фалькенштейнъ насъ оставитъ» и пр. ²⁾.

Императрица предполагала было отправиться черезъ Арабатскую стрѣлку въ Маріуполь, Таганрогъ, Черкасы и Азовъ; однако, планъ такого расширенія путешествія скоро былъ оставленъ, и путешественники поѣхали въ Бериславль, гдѣ Екатерина разсталась съ императоромъ. Получивъ еще до того извѣстіе о безпорядкахъ въ Нидерландахъ, Іосифъ спѣшилъ въ Вѣну для принятія мѣръ противъ этого востанія. Онъ объщалъ Екатеринѣ посѣтить ее еще разъ въ Петербургѣ. Обѣщаніе это ³⁾ не было исполнено. Не прошло и трехъ лѣтъ послѣ путешествія, какъ Іосифа не стало.

IV.

Возвращеніе въ Петербургъ.

Путешествіе изъ Перекопа до Москвы продолжалось около мѣсяца. Въ Кременчугѣ, гдѣ императрица оставалась два дня, принцъ Нассау разстался съ прочими путешественниками и поѣхалъ во Францію. Въ Полтавѣ Потемкинымъ были устроены манѣвры, представлявшіе битву 1709 года ⁴⁾. Сегюръ рассказываетъ, что это зрѣлище очень понравилось Екатеринѣ ⁵⁾. Въ бесѣдѣ съ принцемъ

¹⁾ Ségur, III, 201. О Кафѣ см. Arneth, 369. Іосифъ пишетъ, что во время занятія Крыма русскими въ Кафѣ считали до 80.000 человѣкъ жителей. Во время посѣщенія этого города императрицею ихъ было не болѣе 400. Сегюръ говоритъ о 2.000 человѣкъ.

²⁾ «Сб. Ист. Общ.», XV, 118.

³⁾ Зап. Храповицкаго, 17-го мая 1787-го года.

⁴⁾ «Русскій Архивъ», 1864, 978.

⁵⁾ Ségur, III, 223.

Видъ Балаклавы въ концѣ XVIII столѣтія.
Съ англійской гравюры того времени.

де-Линь она замѣтила, что судьба большихъ государствъ рѣшается иногда чрезвычайно быстро и что ошибки, сдѣланныя шведами въ этой войнѣ, перемѣнили все положеніе Швеціи и Россіи ¹⁾).

Черезъ Харьковъ, Курскъ, Орель и Тулу императрица отправилась въ Москву. На пути она написала нѣсколько писемъ великимъ князьямъ Александру и Константину, поѣхавшимъ къ ней навстрѣчу въ Москву. Такъ, напр., изъ Харькова: «Я никакъ не могу ѣхать скорѣе, какъ ѣду, понеже обозъ великій со мною» и пр. ²⁾). Въ письмахъ къ великой княгинѣ Маріи Феодоровнѣ сказано, между прочимъ,—изъ Бериславля: «Я нахожу, что адѣсь теплѣе, чѣмъ въ Тавридѣ, гдѣ при жарѣ всегда господствуетъ маленькій освѣжающій вѣтерокъ»;—изъ Кременчуга: «Если бы вѣтры не останавливали меня на Днѣпрѣ, я была бы теперь гораздо дальше, но что дѣлать,—препятствіямъ теперь я должна противопоставить терпѣніе, потому что у меня нѣтъ аэростатической машины, и я даже пренебрегала купить ту, которую предлагали мнѣ въ Херсонѣ»;—изъ Харькова: «Путешествіе мое продолжается совершенно счастливо; всѣ здоровы, и мнѣ остается проѣхать всего 1400 верстъ»;—изъ села Ольховата: «Я вполне здорова, не взирая на свое долгое путешествіе. Сегодня вечеромъ, если Богъ дастъ, я приѣду въ Орель. Поѣздки по 80 верстъ въ день удобны для всѣхъ; превышающія же эту мѣру не только утомляютъ, но отъ нихъ происходятъ и то, что все отстаетъ. Странно видѣть, что отъ Крымскихъ горъ и досюда мѣстоположенія совершенно одинаковы; а равно вездѣ замѣтны слѣды, показывающіе, что условія долгое время также были одни и тѣ же»;—изъ Москвы: «Я здорова, но дни отдыха утомительнѣе, чѣмъ дни путешествія», и пр. ³⁾).

Изъ Харькова Потемкинъ, удостоенный названія «Таврическаго» ⁴⁾), поѣхалъ обратно въ свое намѣстничество.

Въ «Воспоминаніяхъ» Федора Петровича Лубяновскаго мы встрѣчаемъ слѣдующій разговоръ о пребываніи Екатерины въ Харьковѣ: «За недѣлю передъ тѣмъ въ городѣ уже не было угла свободнаго; жили въ палаткахъ, шалашахъ, сараяхъ, гдѣ кто могъ и успѣлъ пріютиться; все народонаселеніе губерніи, казалось, стеклось въ одно мѣсто; къ счастью было это лѣтомъ, при ясной, тихой и теплой погодѣ. Показался на Холодной горѣ царскій поѣздъ; настала праздничная прелесть; тысячи голосовъ громогласно воскликнули: шествуешь!—и все умолкло. Неподвижно, какъ вкопанные, въ тишинѣ благоговѣйной всѣ смотрѣли и ожидали; божество являлось. У городскихъ воротъ встрѣтили императрицу намѣстникъ Черт-

¹⁾ Ligne, III, 10.

²⁾ Письма и бумаги, 49, 50, 51, 52.

³⁾ «Сб. Ист. Общ.», XV, 121—125.

⁴⁾ Колотовъ, III, 152.

ковъ и правитель губерніи Норовъ верхомъ, оба военные, генераль-поручики, но оба въ губернскомъ мундирѣ. Отъ воротъ до дворца (нынѣ университетъ), версты полторы, императрица ѣхала шагомъ и изъ кареты по обѣ стороны кланялась; слышанъ былъ только звонъ съ колоколенъ. Не случалось мнѣ быть въ другой разъ свидѣтелемъ такой глубокой тишины и благоговѣнія при многочисленномъ стеченіи народа. Императрица показалась на балконѣ дворца; тутъ только обычное ура загремѣло по всему городу. Затѣмъ смерклося; зажгли фейерверкъ, на бѣду не удался; къ тому же ракета угодила въ нею секретарю верхняго земскаго суда. Придворный врачъ прибѣжалъ осмотрѣть раненаго; фейерверкъ отмѣненъ; затѣмъ кто-то изъ свиты вручилъ счастливому секретарю золотыя часы, въ изъявленіе соболѣзнованія отъ всемилостивѣйшей монархини. Звучить до сихъ поръ въ ушахъ у меня возгласъ: мати, ты, наша милосердая!—который раздался между тысячами украинцевъ, когда равнеслась вѣсть о часахъ. На другой день императрица уѣхала. Отъ дворца по площади къ соборному Успенію Божіей Матери храму послано было алое сукно, по которому ея величество изволила пѣшкомъ идти въ соборъ, гдѣ слушала молебень. Въ этомъ шествіи и я имѣлъ счастье видѣть императрицу: опираясь на трость, безъ зонтика, въ полуденный зной, она шла очень тихо, съ лицомъ довольнымъ, исполненнымъ благоволенія, величественно и милостиво кланялась на обѣ стороны. Изъ собора отправилась въ дальнѣйшій путь»¹⁾.

Дальнѣйшее путешествіе происходило нѣсколько медленно. Она писала Салтыкову, отъ 11-го іюля 1787 года: «Я никакъ не могу ѣхать скорѣе, какъ распоряжено, ибо нужно, чтобы всѣ были сыты, имѣли покой, а съ такою свитой, какъ я ѣду, когда въ день болѣе четырехъ станцій сдѣлаемъ, то всегда отстаемъ, а у насъ въ томъ щегольство, что все здорово и въ цѣлости, не смотря на дальность пути и людское вранье, которое обратилось въ плевелы». Во всѣхъ городахъ были торжественныя приемы, рѣчи, увеселенія. Сегюръ утверждаетъ, что въ этихъ богатыхъ губерніяхъ населеніе особенно радушно встрѣчало императрицу²⁾.

Дворяне, мѣщане и казенные поселяне Курской губерніи изъявили желаніе поставить монументъ въ память высочайшаго шествія чрезъ Курскую губернію. Екатерина просила обратить назначенную для монумента сумму на заведеніе запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ³⁾.

Въ Орлѣ дилетанты устроили для императрицы театральное представленіе⁴⁾.

¹⁾ Автору было тогда десять лѣтъ. «Русскій Архивъ», 1872, 101 и 102.

²⁾ Ségur, III, 226.

³⁾ «Сб. Ист. Общ.», XXVI, 185 и 186.

⁴⁾ Колотовъ, III, 160. Ségur, III, 226.

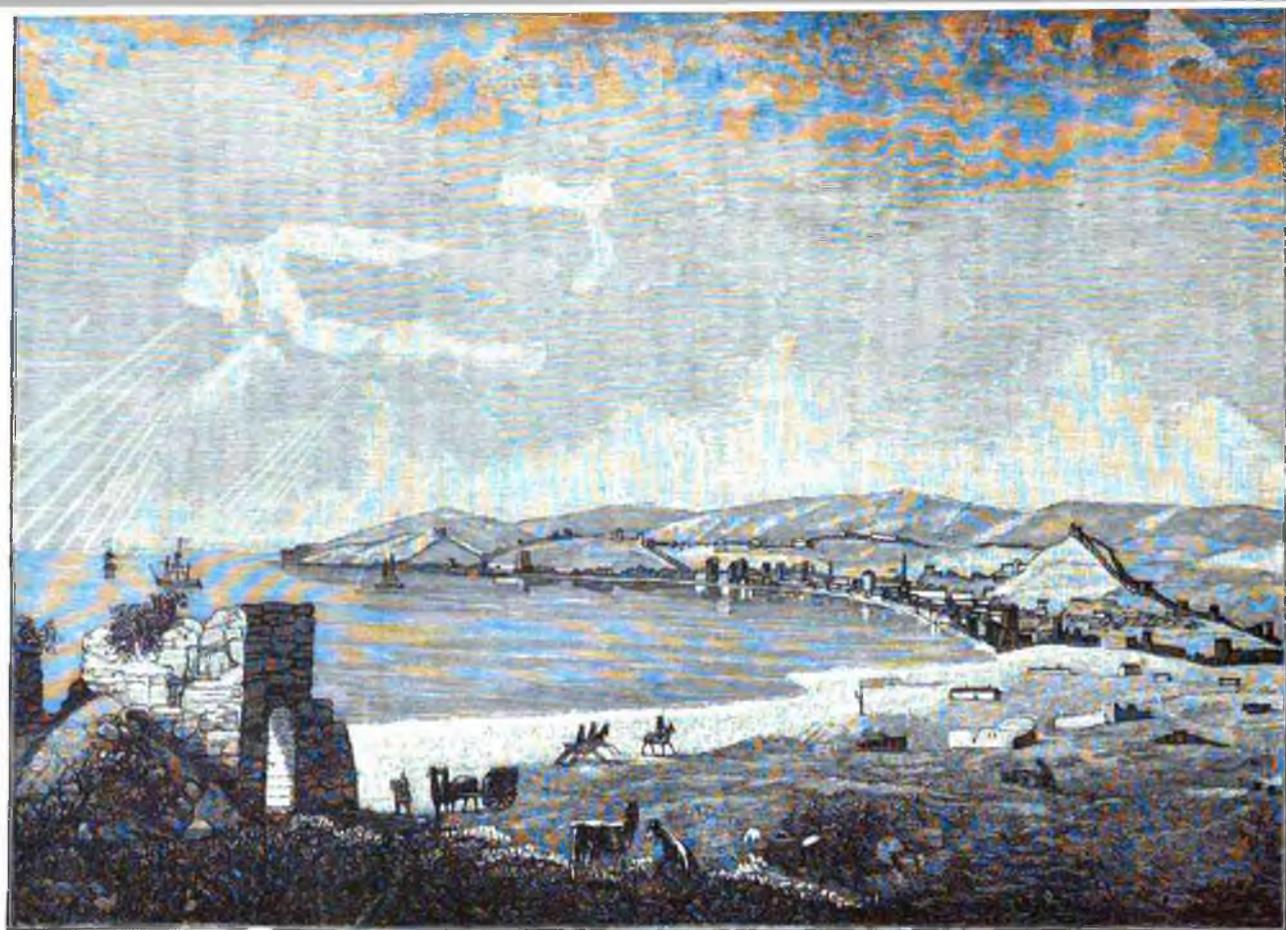
Англійскій посланникъ, Фицгербертъ, доносилъ: «Тотчасъ по отъѣздѣ изъ Крыма императрица впала въ замѣтно грустное настроеніе, переходившее иногда въ припадки раздражительности и, за исключеніемъ небольшихъ перерывовъ, она оставалась въ такомъ положеніи до возвращенія». По мнѣнію посланника, причина такой быстрой переменѣ мыслей и настроенія духа государыни скрывалась въ извѣстіяхъ, полученныхъ ею «отовсюду относительно нищеты и бѣдственнаго положенія ея подданныхъ вслѣдствіе неурожая, а потому и дороговизны хлѣба»¹⁾.

Разсказываютъ слѣдующій случай, относившійся къ пребыванію Екатерины въ Тулѣ. Тульскій намѣстникъ, генераль Кречетниковъ, донесъ государынѣ, что въ Тульскомъ краѣ все обстоитъ благополучно, желая показать видъ благосостоянія края въ то время, когда уже началъ свирѣпствовать голодъ. Мы видѣли выше, какія имѣ были приняты мѣры для встрѣчи императрицы. Такимъ образомъ Кречетниковъ рапортовалъ, что народъ ни въ чемъ не нуждается, что жизненные припасы баснословно дешевы, урожай хорошъ. Тогда, однако, какъ разсказываютъ, Левъ Нарышкинъ, купивъ на рынкѣ хлѣбъ дорогою цѣною, принесъ его императрицѣ и объяснилъ ей разницу между фактами и официальнымъ донесеніемъ Кречетникова. Вслѣдствіе этого императрица не посѣтила бала, даннаго ей тульскимъ дворянствомъ, давая знать, что она утомлена и не совсѣмъ здорова. Послѣ узнали, что Екатерина отвѣчала фрейлинамъ, напоминавшимъ ей о балѣ: «Могу ли я принять въ немъ участіе, когда, можетъ быть, многіе здѣшніе жители терпятъ недостатокъ въ хлѣбѣ?» Старикъ-очевидецъ, тульскій дворянинъ, разсказываетъ: «Мы не смѣли роптать, не смѣли и сѣтовать, но, признаться, это насъ глубоко опечалило... Безумные! если бы каждый изъ насъ могъ знать то, что извѣстно сдѣлалось послѣ, мы должны бы были всѣ упасть на колѣни предъ мраморнымъ бюстомъ, благоговѣнно произнести ея великое имя и безмолвно удалиться изъ залы. Государыня поняла бы насъ вполне, а потомство сказало бы объ насъ доброе слово... Но мы предались печали, тоскѣ, скукѣ»²⁾.

Болотовъ, бывшій въ это время въ Тулѣ, также говоритъ о нѣкоторомъ разочарованіи публики. Во-первыхъ, карета императрицы и по случаю пріѣзда, и при отъѣздѣ такъ скоро промчалась мимо толпы, что никто не могъ видѣть Екатерины; во-вторыхъ, она у собора не выходила изъ кареты; въ-третьихъ, она не явилась на балу. И во время великолѣпной сценаріи съ иллюминаціей она

¹⁾ «Сб. Ист. Общ.», XXVI, 185.

²⁾ Иустная хроника. Пребываніе императрицы Екатерины въ Тулѣ. П. Андросова. «Москвитянинъ», 1842, кн. 2, 488—489, въ статьѣ Мордовцева о Нарышкинѣ въ «Др. и Нов. Россія», 1878, I, 110—111.

Видъ Теодосіи въ концѣ XVIII столѣтія.
Съ гравюры того времени Хинцеля.

находилась «во внутреннихъ своихъ покояхъ». За то она была въ театрѣ. Болотовъ замѣтилъ въ своемъ журналѣ: «Можно прямо съ Эвоповою баснею сказать: что трясущаяся великая гора родила только мышъ, и вся громада нашихъ надеждъ и трудовъ разрушилась и пропала попустому и исчезла» ¹⁾.

Въ Тулѣ путешественники разсматривали оружейный заводъ. Екатерина отправила къ своимъ «дѣтямъ» и внукамъ разные подарки оттуда ²⁾. И принцъ де-Линъ получилъ въ подарокъ нѣсколько предметовъ тульской работы ³⁾.

28-го іюня, Екатерина пріѣхала въ Москву, которую она не особенно жаловала, считая ее нерасположенною къ ней. Здѣсь начался было цѣлый рядъ великолѣпныхъ праздниковъ, между которыми особенно отличался пышностью балъ и ужинъ у графа Шереметева ⁴⁾, однако Екатерина, получивъ между тѣмъ болѣе подробныя свѣдѣнія о дороговизнѣ, о голодѣ, до того времени тщательно скрывааемыхъ отъ нея, отиѣнила всѣ дальнѣйшія пиршества и поспѣшила въ С.-Петербургъ. Фицгербертъ пишетъ: «Во время нашего пребыванія въ Москвѣ, по этому поводу собиралось нѣсколько засѣданій совѣта, составленнаго изъ членовъ администраціи и комитета министровъ» и пр. ⁵⁾. Онъ же немного спустя сообщилъ лорду Кармартену подробныя свѣдѣнія объ ужасныхъ злоупотребленіяхъ представителей высшей администраціи, усилившихъ зло своимъ хищничествомъ ⁶⁾.

Такимъ образомъ, замѣтно нѣкоторое противорѣчіе между письмами самой Екатерины, которая постоянно говорила о благополучіи и веселіи, и донесеніями Фицгерберта, который прямо говоритъ: «Послѣдняя часть нашего путешествія была чрезвычайно утомительна и уныла» и пр. ⁷⁾.

Къ барону Гримму Екатерина писала изъ села Коломенскаго: «Я возвратилась совершенно здоровая изъ своего путешествія, которымъ имѣю полное основаніе быть совершенно довольною», и пр. ⁸⁾.

Въ средѣ дипломатовъ сомнѣвались въ успѣхѣ путешествія, потому что сомнѣвались въ успѣхѣ администраціи Потемкина въ южной Россіи. Интернунцій въ Константинополь, писавшій, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ отзывовъ императора Іосифа II, говорилъ прямо и громко: путешественники видѣли «partie honteuse» Россіи, всюду обнаружилась бѣдность, всюду былъ замѣтенъ гнетъ,

¹⁾ Болотовъ, Записки, IV, 150—173. Прилож. къ VII т. «Рус. Стар.».

²⁾ «Сб. Ист. Общ.», XV, 125.

³⁾ Ligne, II, 51.

⁴⁾ Записки Комаровскаго въ «Осьмнадцатомъ Вѣкѣ», I, 332.

⁵⁾ «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 447.

⁶⁾ Hergmann, Gesch. d. russ. Staats, Ergänzungsband, 647.

⁷⁾ «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 447.

⁸⁾ Тамъ же, XXIII, 413.

Видъ Керчи въ концѣ XVIII столѣтія.
Съ гравюры того времени Саблина.

подъ которымъ страдаетъ народъ; Потемкинъ долженъ считаться бичемъ народа, причиною многихъ несчастій и пр. ¹⁾ И другіе современники указывали на весьма важное обстоятельство, доказывавшее неуспѣхъ администраціи князя, именно на уменьшеніе населенія въ Крыму ²⁾. Не только за границею сомнѣвались въ успѣхѣ дѣятельности Потемкина, и въ Россіи разсуждали не въ пользу его. Весьма рѣзко выразился на этотъ счетъ князь Щербатовъ, замѣтившій слѣдующее: «Монархія (во время путешествія) видѣла и не видала, и засвидѣтельствованіе и похвала ея суть тщетны, самымъ дѣйствіемъ научающія монарховъ не хвалить того, чего совершенно сами не узнаютъ» ³⁾.

11-го іюля, императрица возвратилась въ Петербургъ. Она была очень довольна своимъ путешествіемъ. Къ Циммерману она писала: «Я видѣла прекраснѣйшія земли и прекраснѣйшіе климаты въ свѣтѣ; видѣла вездѣ множество стариковъ, а сіе, по моему мнѣнію, доказываетъ, что сіи климаты, и именно въ Тавридѣ, не столь опасны, какъ полагаютъ», и пр. ⁴⁾.

Цѣлый рядъ рескриптовъ императрицы свидѣтельствовалъ о ея признательности за труды Потемкина ⁵⁾. Ему было пожаловано 100,000 рублей въ награду «за доставленіе продовольствія войскамъ съ выгодною и береженіемъ казны» ⁶⁾. Изъ села Коломенскаго императрица писала Потемкину: «Мы здѣсь чванимся ѣздою и Тавридою и тамошними генераль-губернаторскими распоряженіями, кои добры безъ конца и во всѣхъ частяхъ». Въ другомъ письмѣ «изъ подъѣзднаго дворца»: «Папа... Слава Богу, что ты здоровъ, пожалуй, поберегись. Я изъ Москвы уже выѣхала, мнѣ, кажется, весьма рады были. Прощай. Богъ съ тобою. Папа. Я здорова. Котенокъ твой доѣхалъ со мною здорово же». Изъ Твери: «Твои собственныя чувства и мысли тѣмъ наипаче милы мнѣ, что я тебя и службу твою, исходящую изъ чистаго усердія, весьма, весьма люблю, и самъ ты безцѣнной. Сіе я говорю и думаю ежедневно... мы безъ тебя во всей дорогѣ, а наипаче на Москвѣ, какъ безъ рукъ... (Въ припискѣ): За четыре эскадрона регулярныхъ казаковъ благодарствую. Ей Богу, ты молодецъ рѣдкой, всѣмъ проповѣдую». Изъ Царскаго Села: «Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Третьяго дня окончили мы свое 6,000-верстное путешествіе... а съ того часа упражняемся въ разсказахъ о предестномъ положеніи мѣсть вамъ ввѣренныхъ губерній и областей, о трудахъ, успѣхахъ, радѣніи, усердіи, попеченіи и порядкѣ, вами

¹⁾ Zinkeisen, Gesch. d. osman. Reiches, VI, 625.

²⁾ Arneth, 373. Masson, I, 130, III, 161. Georgi, II, 867. Pallas, 345, 349 и 389.

³⁾ «Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др.», 1860, I, 80.

⁴⁾ «Соч. Ек.», изд. Смирд., III, 450.

⁵⁾ «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 412 и слѣд.

⁶⁾ Тамъ же, XXVII, 413.

устроенномъ повсюду. Итакъ, другъ мой, разговоры наши почти непрестанные замыкають въ себя либо прямо, либо съ боку твое имя, либо твою работу. Пожалуй, пожалуй, пожалуй, будь здоровъ и прїѣзжай къ намъ безвреденъ, а я, какъ всегда, къ тебѣ и дружна, и доброжелательна»... 27-го іюля: «Между тобою и мною, мой другъ, дѣло въ краткихъ словахъ: ты мнѣ служишь, а я признательна, вотъ и все тутъ; врагамъ своимъ ты ударилъ по пальцамъ усердіемъ ко мнѣ и ревностью къ дѣламъ имперіи» и пр.¹⁾ Потомъ писалъ Екатеринѣ: «Здѣшній край не забудетъ своего счастья. Онъ тебя зреть присно у себя, ибо почитаетъ себя твоею отчиною и крѣпко надѣется на твою милость»²⁾.

Нельзя удивляться тому, что южный край вообще произвелъ глубокое и благопріятное впечатлѣніе на путешественниковъ. Гарновскій писалъ Попову: «Крымъ многіе до небесъ превозносили похвалами, и особенно графъ Александръ Андреевичъ (Безбородко); онъ говорилъ, что никогда бы съ тѣми мѣстами не разстался»³⁾. И Екатерина хвалила полуденный край и часто вспоминала о прелестяхъ юга. Такъ, напримѣръ, читая рапортъ адмирала Грейга объ углубленіи Кронштадтской гавани, она шутила, что «надобно углубить еще Севастопольскую». Осенью, когда наступило ненастье, она замѣтила, что «за Кременчугомъ совсѣмъ иное». Въ другой разъ она также принялась хвалить климатъ полуденнаго края, прибавляя: «Здѣсь вѣкъ живемъ въ ожиданіи хорошей погоды; хорошъ будетъ по мѣстоположенію Екатеринославъ»; упоминая о югѣ, она замѣтила однажды: «*Ma seconde pensée y est toujours*»⁴⁾.

А. Врикнеръ.

¹⁾ «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 414—419.

²⁾ «Русская Старина», XII, 700.

³⁾ Тамъ же, XVI, 5.

⁴⁾ Храповицкій, 5-го августа, 13-го ноября 1787 года, 4-го января 1788 года.

ДЖІАКОМО КАЗАНОВА И ЕКАТЕРИНА II¹⁾.

(По неизданнымъ документамъ).

СТАТЬЯ ШАРЛЯ ГЕНРИ.

III.

ИРЕХОЖУ къ похождениямъ Казанова въ Росіи и останавливаюсь на его свиданіи съ Екатериной II, какъ оно рассказано въ «Запискахъ». «Наставникъ цесаревича, великаго князя Павла Петровича, графъ Панинъ, спросилъ меня однажды, — пишетъ Казанова, — неужели я намѣренъ покинуть Петербургъ, не выдавъ императрицы? Я отвѣчалъ ему, что для меня крайне прискорбно не имѣть этого счастья, такъ какъ нѣтъ человѣка, который согласился бы представить меня. Графъ тотчасъ же указалъ мнѣ на Лѣтній садъ, какъ на обычное мѣсто утреннихъ прогулокъ ея величества.

- «Но какимъ образомъ и по какому праву я подойду къ ней?
- «Ни въ какомъ правѣ нѣтъ надобности.
- «Я для императрицы неизвѣстное лицо.
- «Вы ошибаетесь: она васъ видѣла и даже замѣтила.
- «Во всякомъ случаѣ, я не осмѣлюсь подойти къ ея величеству безъ чьего либо содѣйствія.
- «Я самъ тамъ буду.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXI, стр. 298.

«Мы условились съ графомъ о днѣ и часѣ встрѣчи. Я прогуливался одинъ, разсматривая украшенія сада. Аллеи были уставлены по краямъ множествомъ статуй жалкой работы. Тутъ были и горбатые Аполлоны, и сухопарыя, чахлыя Венеры, и похожіе на гвардейскихъ солдатъ Амуры. Нельзя представить себѣ ничего забавнѣе смѣшенія миеологическихъ и историческихъ именъ. Мнѣ вспоминаются одна маленькая и безобразная фигурка съ смѣющимся лицомъ, названная Гераклитомъ, и другая фигурка, плачущая, которой дано имя Демокрита. Какой-то старикъ съ длинной бородой получилъ имя Сафо; двое ласкающихся другъ къ другу молодыхъ людей представляли собою Филемона и Бавкиду. Я постарался сдержать порывы веселаго расположенія духа и пошелъ навстрѣчу къ императрицѣ. Впереди ея шелъ Орловъ, а за нею слѣдовало много дамъ. Графъ Панинъ шелъ съ нею. Послѣ обмѣна первыхъ привѣтствій, она спросила, что я думаю объ украшеніяхъ сада. Я повторилъ ей только то, что говорилъ прежде королю прусскому, сдѣлавшему мнѣ тотъ же самый вопросъ. Что касается надписей, прибавилъ я, то онѣ сдѣланы для того, чтобы ввести въ заблужденіе невѣждъ и потѣшить людей, имѣющихъ хотя какое нибудь понятіе объ исторіи.

— «Да, и надписи, и фигуры нигуда не годятся. Надъ моей бѣдной тетушкой посмѣялись. Надѣюсь, однако, что вы имѣли случай видѣть въ Россіи вещи менѣе смѣшныя, чѣмъ эти статуи.

— «Ваше величество, то, что въ вашихъ владѣніяхъ можетъ вызвать у другихъ смѣхъ, далеко не въ состояніи сравниться съ тѣмъ, что возбуждаетъ въ нихъ удивленіе иностранцевъ.

«Впродолженіе разговора мнѣ случилось упомянуть о королѣ прусскомъ и отозваться о немъ съ похвалою. Императрица пригласила меня передать ей мои бесѣды съ нимъ, и я передалъ ей все. Въ то время шла рѣчь о праздникѣ, который императрица собиралась дать и который былъ отложенъ по случаю неблагопріятной погоды. Дѣло въ томъ, что предполагалось устроить турниръ, гдѣ явились бы знаменитѣйшіе воины ея имперіи. Екатерина спросила меня, даются ли подобные праздники на моей родинѣ.

— «Конечно, и тѣмъ болѣе, что подобнымъ увеселеніямъ благопріятствуетъ климатъ Венеціи; тамъ хорошая погода—вещь такая же обыкновенная, какъ здѣсь дурная, хотя вашъ годъ и моложе нашего.

— «Это правда, вашъ одиннадцатую днями старше.

— «Введеніе въ вашихъ обширныхъ владѣніяхъ грегорианскаго календаря,—поспѣшилъ я прибавить:—было бы вполне достойно вашего величества. Вамъ, конечно, извѣстно, что онъ принятъ уже во всѣхъ странахъ. Даже Англія, и та вотъ уже четырнадцать лѣтъ, какъ исключила послѣдніе одиннадцать дней февраля мѣсяца, и эта мѣра успѣла доставить британскому правительству

нѣсколько милліоновъ прибыли. Другія европейскія государства съ удивленіемъ видятъ, что старый стиль еще сохранился въ имперіи, глава которой считается и главою церкви, и въ которой есть академія наукъ. Полагаютъ, что Петръ Великій, установившій начало года въ день 1 января, отмѣнилъ бы и старый стиль, если-бъ не былъ вынужденъ слѣдовать примѣру Англіи, которая одна поглощала всю торговлю его имперіи.

— «Притомъ, — прервала императрица: — Петръ не былъ ученымъ.

— «Онъ былъ гораздо больше чѣмъ ученый, ваше величество: это былъ человекъ великаго ума, необычайный гений. Сколько такта во всѣхъ дѣлахъ и какая ловкость въ веденіи ихъ! Какая рѣшительность, какая смѣлость! Ему удавались всѣ предпріятія, потому что онъ обладалъ умомъ, который помогаетъ избѣгать ошибокъ, и необходимой энергіей для искорененія злоупотребленій.

«Я еще не успѣлъ докончить своего панегирика, какъ Екатерина уже отвернулась отъ меня. Я подумалъ, что она не безъ тайной досады слушаетъ похвалы, расточаемыя ей предшественнику.

«Встревоженный оборотомъ, положившимъ конецъ этому разговору, я обратился съ разспросами къ графу Панину, который увѣрилъ меня, что я очень понравился ея величеству и что она спрашивала обо мнѣ каждый день. Онъ совѣтовалъ мнѣ пользоваться всѣми случаями для встрѣчи съ нею. Впрочемъ, — прибавилъ онъ, — такъ какъ вы ей понравились, то она навѣрно пригласитъ васъ къ себѣ, и если только вы заявите ей о своемъ желаніи получить здѣсь какую нибудь должность, вы ее получите.

«Не зная хорошенько, какую должность могъ бы я занять въ странѣ, пребываніе въ которой мнѣ не слишкомъ нравилось, я, однако, съ удовольствіемъ узналъ, что императрица составила благопріятное мнѣніе о моей личности, не говоря уже о томъ, что меня восхищала мысль имѣть свободный доступъ ко двору. Поэтому я широко пользовался привилегіей представляться ея величеству и каждое утро отправлялся на прогулку въ ея садахъ. Въ одинъ прекрасный день мы встрѣтились тамъ лицомъ къ лицу.

«Она начала разговоръ чрезвычайно лестнымъ для меня образомъ.

— «То, чего вы пожелали для чести Россіи, — сказала она: — уже сдѣлано; съ нынѣшняго дня всѣ письма, которыя мы будемъ посылать за границу, равно какъ всѣ публичные документы, могущіе представить интересъ для исторіи, будутъ помѣчаться двумя числами, поставленными одно надъ другимъ.

— «Позвольте замѣтить, ваше величество, что старый стиль теперь только на одиннадцать дней опережаетъ новый, но что въ концѣ нынѣшняго столѣтія явится болѣе значительная разница. Что вы сдѣлаете съ этимъ излишкомъ?

— «Я все предвидѣла. Послѣдній годъ нынѣшняго столѣтія, который, благодаря грегорианской реформѣ, не будетъ високоснымъ въ другихъ странахъ, не будетъ имъ и у насъ. Кромѣ того, ошибка состоитъ въ одиннадцать дней, а это въ точности соответствуетъ тому числу, которымъ ежегодно увеличиваются епакты, такъ что мы въ правѣ сказать, что у васъ епакты тѣ же, какъ и у насъ, съ разницею лишь въ одномъ годѣ. Что касается празднованія Пасхи, то мы объ этомъ не заботимся. Вы назначили равноденствіе на 2-е марта, а мы на 10-е, но въ этомъ отношеніи астрономы говорятъ въ вашу пользу не больше, чѣмъ въ нашу... То вы правы, то ошибаетесь, потому что равноденствіе не всегда бываетъ въ одно и то же число: оно наступаетъ однимъ, двумя, даже тремя днями раньше или позже. Вы видите, что у васъ нѣтъ постоянного согласія даже съ евреями, которые сохранили високось.

«Я былъ пораженъ и говорилъ самъ себѣ: вотъ полный курсъ астрономіи! Я искалъ, однако, возраженій и сказалъ:

— «Слова вашего величества могутъ только приводить меня въ изумленіе; но какъ же съ праздникомъ Рождества?»

— «Я ожидала, что вы это скажете. Римъ правъ, и вы возрадите мнѣ, что этотъ праздникъ справляется у насъ не во время солнцестоянія, какъ бы слѣдовало его справлять. По моему мнѣнію, возраженіе это не слишкомъ вѣско; притомъ справедливость и политика побуждаютъ меня сохранить эту маленькую неправильность. Я не могу, вычеркнувъ одиннадцать дней изъ календаря, отнять у трехъ милліоновъ человѣкъ и прежде всего у самой себя день празднованія ихъ рожденія и день ихъ ангела. Можетъ статься, скажутъ еще, что я сократила на одиннадцать дней человѣческую жизнь. Наконецъ, меня сочтутъ, во всякомъ случаѣ, за атеистку и стануть говорить, что я уничтожаю постановленія Никейскаго собора.

«Противъ этого я ничего не могъ возразить. Понятно, что нѣтъ возможности оспаривать непогрѣшимость Никейскаго собора. По мѣрѣ того, какъ императрица продолжала говорить, мое удивленіе сначала все увеличивалось; но вскорѣ я замѣтилъ, что все это было произнесено ею, какъ затверженный урокъ, и что если чему слѣдовало удивляться, то единственно ея памяти. И въ самомъ дѣлѣ, на другой день я узналъ, что Великая Екатерина носила съ собою въ карманѣ небольшой трактатъ астрономіи, съ помощію котораго ей нетрудно было блистать своею ученостію. Впрочемъ, она выражала свои мнѣнія, которыя во всемъ были ей подсказываемы, съ замѣчательною умѣренностію; она искала эффекта для самой себя, а не для своихъ словъ. Будучи отъ рожденія непокорна и прихотлива, она поставила себѣ за правило всегда сохранять полное спокойствіе духа, къ чему нелегко привыкнутьъ. Въ то время, когда я ее видѣлъ, Екатерина была еще молода, высока

ростомъ, полна почти черезъ мѣру, съ бѣлымъ цвѣтомъ кожи, открытой и благородной физиономіей; её считали положительно красавицей, но, впрочемъ, только тѣ, которые не обращаютъ вниманія на правильныя черты лица и на гармонію всѣхъ его частей. Я былъ очень тронутъ ея добротой, привлекавшею къ ней всеобщую довѣрчивость, которая такъ необходима для государей и которую отталкивали наружность и строгость ея сосѣда, короля прусскаго. Вникая въ жизнь Фридриха, сначала удивляешься въ этомъ монархѣ необыкновенному мужеству, которое онъ обнаружилъ во всѣхъ своихъ войнахъ; но скоро приходишь къ убѣжденію, что онъ былъ бы побѣжденъ, если-бъ ему не помогло счастье, которое играетъ большую роль въ его успѣхахъ. Фридрихъ многое предоставлялъ случаю; это былъ игрокъ, по меньшей мѣрѣ, столь же смѣлый, какъ и искусный. Загляните, напротивъ, въ исторію Екатерины, и вы увидите, что она не слишкомъ полагалась на одержанные успѣхи, что она приводила въ исполненіе такія предпріятія, которыя до нея Европа считала невозможными, и что, повидимому, она гордилась тогда только, когда могла увѣрить всѣхъ, что это было легко.

«Императрица безпрестанно заводила со мною рѣчь о календарѣ, но отъ этого нисколько не подвигались впередъ мои дѣла. Я рѣшилъ представиться ей еще разъ, въ надеждѣ завязать разговоръ о чемъ нибудь другомъ. Вотъ я въ Царскомъ Селѣ. Увидѣвъ меня, она тотчасъ же сдѣлала мнѣ знакъ подойти къ ней.

— «Кстати, — сказала она: — я забыла васъ спросить, нѣтъ ли у васъ еще какого нибудь возраженія противъ моей реформы?»

— «Вы все о календарѣ?»

— «Да, все о немъ.»

— «Я отвѣчу вашему величеству, что самъ преобразователь призналъ существованіе небольшой погрѣшности, но она до того незначительна, что пройдетъ восемь или девять тысячъ лѣтъ прежде, чѣмъ явится потребность въ ея исправленіи.

— «Мои вычисленія сходятся съ вашими; если же они вѣрны, то папа Григорій VII (sic) былъ неправъ, признавая эту погрѣшность, потому что законодатель не долженъ обнаруживать ни слабости, ни безсилія. Не смѣшно ли подумать, что если-бъ преобразователь не выкинулъ високоснаго года въ концѣ столѣтія, то, по прошествіи пятидесяти тысячъ лѣтъ, прибавился бы одинъ лишній годъ, тогда какъ въ продолженіе этого періода равноденствіе повторялось бы около ста тридцати разъ въ году, а праздникъ Рождества пришелся бы десять или двѣнадцать тысячъ разъ въ самой срединѣ лѣта! Преемникъ святаго Петра, какъ его называютъ, нашелъ въ средѣ вѣрующихъ своей церкви такое послушаніе, на которое онъ не могъ бы рассчитывать здѣсь, гдѣ слишкомъ строго придерживаются старыхъ обычаевъ.

— «Я не сомнѣваюсь, что воля вашего величества восторжествовала бы надъ всѣми преградами.

— «Я желаю этому вѣрить, но представьте себѣ огорченіе моего духовенства, если-бъ я принудила его выпустить изъ календаря сотню святыхъ, имена которыхъ значатся въ послѣдніе одиннадцать дней! У васъ, римскихъ католиковъ, приходится только по одному святому на каждый день года, а у насъ — по десяти и по двѣнадцати! Замѣтите, кромѣ того, что государства, возникшія ранѣе другихъ, настойчиво придерживаются своихъ первоначальныхъ учрежденій, и народъ имѣетъ основаніе считать ихъ хорошими, такъ какъ они никогда не подвергаются переменамъ. Въ этомъ отношеніи я вовсе не порицаю обычая вашего отечества, гдѣ годъ начинается 1-го марта: это праздникъ его стариннаго существованія. Но не происходитъ ли отъ этого какой нибудь путаницы?

— «Никакой. Двѣ буквы, прибавляемыя нами къ числу мѣсяца въ продолженіе января и февраля, устраняютъ возможность всякаго недоразумѣнія.

— «Говорятъ также, что вы не дѣлите двадцати-четырехъ сутокныхъ часовъ на два счета, по двѣнадцати въ каждомъ.

— «Дѣйствительно, у насъ дни считаются отъ начала ночи.

— «Это странно! Если вы находите такой способъ удобнымъ, то я никакого удобства въ немъ не вижу.

— «Позвольте, ваше величество, считать нашъ обычай заслуживающимъ предпочтенія передъ вашимъ. Намъ нѣтъ надобности предупреждать пушечнымъ выстрѣломъ о закатѣ солнца.

— «Прекрасно, но, ввѣнъ этого неудобства, мы можемъ похвалиться большою выгодною, именно тою, что мы знаемъ навѣрно, что, когда часовая стрѣлка стоитъ на двѣнадцати, то она означаетъ полдень или полночь.

«Послѣ этой ученой бесѣды она заговорила о другихъ венеціанскихъ обычаяхъ, между прочимъ, объ азартныхъ играхъ и объ лотереѣ.

— «Меня просили, — сказала она: — разрѣшить лотерею въ моей имперіи; я на это согласилась, но подъ условіемъ, чтобъ ставка была не меньше рубля, желая пощадить кошелекъ бѣднаго чело-вѣка, который, не зная тонкости игры и ея обманчивой прелести, всегда воображалъ бы себѣ, что выиграть терну легко.

«Такое былъ мой послѣдній разговоръ съ великою Екатериною, несравненной государыней, которой я никогда не забуду»¹⁾.

Необходимо было привести вполнѣ эти страницы, чтобы бросить на нихъ критическій взглядъ. Весь этотъ разговоръ переданъ очень живо, но нельзя не отмѣтить въ немъ нѣкоторыхъ неправдо-

¹⁾ Mémoires, VI, стр. 117 (изд. Rose).

подобностей. Какъ не подивиться тому, что похвалы Петру Великому заставили отвернуться прямую преемницу его великихъ предначертаній и его славы? И не отзывается ли вымысломъ приписанное императрицѣ заявленіе: начиная съ нынѣшняго дня, будутъ выставляемы оба числа—по юліанскому и по грегорианскому календарю,—съ нынѣшняго дня, т. е. съ того самаго, въ который венеціанецъ Казанова прочиталъ лекцію ея величеству! Подобные обычаи не узаконяются, а входятъ въ употребленіе и неизбежно распространяются, соответственно потребностямъ международной торговли. Вѣроятно, читатели задавались также вопросомъ, откуда Казанова могъ узнать, что императрица носила въ карманѣ курсъ астрономіи. Эти фіоритуры, очевидно, прибавлены, чтобъ придать разсказу больше пикантности и занимательности.

Одна не напечатанная до сихъ поръ рукопись самого Джіакомо Казановы, о которой я уже упоминалъ¹⁾ и въ которой авторъ передаетъ свои разговоры съ Екатериной, заключаетъ въ себѣ, кромѣ того, много подробностей, еще не являвшихся въ печати. Я постараюсь представить краткое, но точное изложеніе ея содержанія. По отношенію къ музыкальнымъ вкусамъ императрицы, къ вопросамъ, касающимся Венеціи, къ портретамъ Нарышкина, Олсуфьева, Платона и проч. слѣдуетъ замѣтить, что редакция этой рукописи на пять лѣтъ опережаетъ редакцію приведенныхъ выше страницъ, а потому, сравнительно съ ними, внушаетъ болѣе довѣрія. Мы не встрѣчаемъ въ ней похвалъ Петру Великому, заставляющихъ императрицу отворочиваться отъ автора, ни разсужденій о старомъ и новомъ стилѣ, ни увѣренія, будто бы ея величество носила въ карманѣ трактатъ астрономіи. Такимъ образомъ раскрывается само собою участіе вымысла въ редакціи Записокъ.

Авторъ начинаетъ съ разсужденій о всеобщемъ принятіи грегорианскаго календаря.

«Императрица всероссійская,—говоритъ онъ,—можетъ считаться ученою, хотя ей и нельзя дать этого названія въ строгомъ смыслѣ слова. Ученость замѣняется у нея тонкимъ тактомъ, который даетъ ей возможность, даже въ области науки, здраво судить обо всемъ, что она видитъ, или о чемъ ей говорятъ. Вотъ почему она никогда не дается въ обманъ, и если что дѣлаетъ, то дѣлаетъ по возможности хорошо».

¹⁾ Réveries sur la mesure moyenne de notre année selon la réformation Grégorienne (56 стр. in folio). Эта рукопись раздѣляется на двадцать параграфовъ и обнаруживаетъ большое знакомство съ астрономическими сочиненіями. Авторъ излагаетъ исторію раздѣленій года, разсматриваетъ календари: Ромула, Нумы, Юлія Цезаря, трудъ Никейскаго собора, представленія, сдѣланныя вѣрующими Констанцскому собору, возраженія Штѣфлера, Жана Мари Толована и великое предпріятіе Григорія XIII. Есть также нѣсколько интересныхъ поправокъ къ статьѣ AN въ энциклопедіи д'Адамбера. Подъ конецъ, авторъ проситъ у публики извиненія въ томъ, что онъ сдѣлалъ ошибку въ удвоеніи куба.

Въ прямыхъ отношеніяхъ съ Екатериной Казанова находился не болѣе четырехъ или пяти разъ, но за то онъ употребилъ цѣлый годъ на изученіе ея ума и характера, всматриваясь въ то, что она дѣлала и чему всякій могъ быть судьей.

«Вся Европа, видя, что эта государыня не исправила календаря, думаетъ, что она или пренебрегаетъ этой реформой, или боится осуществить ее, и всѣ ошибаются, за исключеніемъ тѣхъ, которые, зная истину изъ прямого источника, не имѣютъ надобности прибѣгать къ догадкамъ. Вотъ что онъ слышалъ отъ самой императрицы за двадцать восемь лѣтъ передъ тѣмъ (т. е. въ 1765 г.) и что можетъ смѣло обнародовать въ интересахъ истины. Когда эта великая государыня спросила его самымъ привѣтливымъ образомъ, что замѣчательнаго находитъ онъ въ Петербургѣ (вопросъ, который предписывается этикетомъ и съ которымъ всякій государь считаетъ долгомъ обращаться къ иностранцамъ, какъ изъ вѣжливости, такъ и для того, чтобъ видѣть ихъ умъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, узнать что либо также, о чемъ еще не доходило до его свѣдѣнія), то, избѣгая лести, онъ далъ такой отзывъ, какой она могла слышать и отъ многихъ другихъ. Повидимому, цѣня скромность своего собесѣдника, она просила его сказать, что, по его мнѣнію, было бы еще желательно для ея столицы, только что начинающей выходить изъ дѣтскаго возраста. Высказавъ осторожно и не вдаваясь въ многословіе все, что онъ считалъ возможнымъ сказать ей безъ всякаго риска, онъ замѣтилъ, что дѣломъ достойнымъ ея величества, хотя и не труднымъ, было бы исправленіе календаря согласно съ грегорианскою реформой.

— «Это уже сдѣлано,—отвѣчала императрица со свойственною ей благосклонною улыбкой.—Во всей моей имперіи выставляются теперь оба числа, одно надъ другимъ, и всякому извѣстно, что излишекъ одиннадцати дней означаетъ новое исчисленіе.

— «Но въ концѣ столѣтія лишнихъ дней будетъ уже двѣнадцать.

— «Вовсе нѣтъ,—возразила она:—потому что это также улажено. Послѣдній годъ нынѣшняго столѣтія будетъ не високосный, а потому въ дѣйствительности между нами и вами не останется никакой разницы. У насъ даже одинаковая съ вашей епакта, за исключеніемъ одиннадцати чиселъ, потому что вы были вынуждены прибавить къ епактѣ тѣ одиннадцать дней, которые вы убавили въ году. Это такъ вѣрно, что у насъ епакта всегда заключаетъ въ себѣ одиннадцать послѣднихъ дней тропическаго года. Что касается празднованія Пасхи,—прибавила она, улыбаясь:—то намъ приходится не обращать на это вниманія. Вы назначили равноденствіе на 21-е число марта, а мы на 10-е число, и если астрономы дѣлаютъ вамъ упреки, то точно такіе же упреки дѣлаются ими и по нашему адресу; правда оказывается то на вашей, то на нашей сторонѣ, потому что равноденствіе нерѣдко наступаетъ од-

нимъ, двумя и тремя днями раньше или позже. Это ничему не мѣшаетъ: ни общественному порядку, ни полицейскому надзору, ни дѣйствию законовъ, о которомъ заботится правительство. Что касается правдванія Рождества, которое должно происходить во время зимняго солнцестоянія, то правыми оказываетесь вы, но это дѣло весьма неважное. Я согласна оставить лучше эту маленькую ошибку, чѣмъ причинить моимъ подданнымъ чрезвычайно сильное огорченіе, выкинувъ изъ календаря одиннадцать дней, такъ какъ это отняло бы, но крайней мѣрѣ, у двухъ милліоновъ моихъ подданныхъ день ихъ рожденія или день ихъ ангела и огорчило бы даже всѣхъ, потому что тогда стали бы говорить, что я, по неслышанному деспотизму, сократила ихъ жизнь на одиннадцать дней. Конечно, никто не жаловался бы вслухъ, потому что у насъ это не водится, но говорили бы другъ другу на ушко, что я атеистка, что я не признаю непогрѣшимости Никейскаго собора. Но какъ ни наивны и ни забавны были бы эти порицанія, мнѣ отъ нихъ было бы не до смѣху. Для развлеченія у меня есть вещи болѣе пріятныя».

Вотъ въ какомъ духѣ и съ какою любезностію русская императрица бесѣдовала съ тѣми иностранцами, которыхъ она удостоивала своимъ вниманіемъ.

Казанова ничего не можетъ сказать о совершенномъ спокойствіи ея духа во всякое время дня, потому что ни разу не видалъ ея ни въ то время, когда она предсѣдательствуетъ въ совѣщаніяхъ по государственнымъ дѣламъ, ни тогда, когда она работаетъ одна или съ кѣмъ либо изъ своихъ государственныхъ или частныхъ секретарей; но разъ сто онъ ее видѣлъ на публичныхъ выѣздахъ, въ театрѣ, на придворныхъ приемахъ, въ церкви, на прогулкахъ и всегда замѣчалъ на ея прекрасномъ и благородномъ лицѣ одинаковый отпечатокъ спокойствія духа и внутренняго довольства. Конечно, это могло быть послѣдствіемъ воспитанія, но, чтобы русская императрица всегда въ состояніи была держаться этого великаго принципа, она должна была обладать чрезвычайно рѣдкимъ умомъ и энергіей, превышающей обыкновенныя силы человѣческой природы,—энергіей, какой онъ не встрѣчалъ еще ни у одного государя и которую лишь очень рѣдко случалось ему замѣчать въ чертахъ лица того или другаго министра.

Далѣе идетъ сравненіе между Фридрихомъ II, котораго Казанова незадолго передъ тѣмъ видѣлъ въ Берлинѣ, и Екатериной. Онъ находитъ, что доступъ къ императрицѣ Екатеринѣ и доступъ къ королю прусскому діаметрально противоположны между собою. Казалось, этотъ государь находилъ удовольствіе въ томъ, чтобы неожиданными вопросами приводить въ смущеніе иностранца, добившагося чести вступить съ нимъ въ разговоръ. Этимъ онъ отнималъ у своего собесѣдника смѣлость или задвѣвалъ его самолюбіе, такъ что нерѣдко и самъ могъ быть введенъ въ заблужденіе. Екате-

рина же, всегда посправившая собесѣдника всѣми вѣдными знаками величайшей благосклонности, могла только выиграть отъ этого. Если хорошенько все взвѣсить, то окажется, что Екатерина была проникательнѣе Фридриха; въ ея системѣ больше политическаго такта и съ нею легче извлекать выгоды изъ непроницаемой скрытности, столь необходимой государямъ. Если-бъ потомство, руководствуясь указаціями исторіи, вздумало оцѣнить по достоинству заслуги Екатерины и Фридриха, то ему пришлось бы сознаться, что Фридриха очень часто баловало счастье, тогда какъ этого вовсе нельзя сказать объ Екатеринѣ, для которой счастье, повидимому, никогда ничего не дѣлало. Слѣпая богиня не можетъ имѣть вліянія на тѣхъ, которые принимаютъ мѣры противъ ея непостоянства, и изъ исторіи не видно, чтобъ Екатерина когда либо воздвигала ей алтари. Она ничего не дѣлала иначе, какъ по такому политическому расчету, въ которомъ наибольшая часть вѣроятностей была благоприятна для нея. До ея восшествія на престолъ вся Европа считала великими такія дѣла, которыми Екатерина пренебрегала или осуществить которыя, какъ это доказано, она могла бы безъ труда. Съ другой стороны, она доказала, что другія предпріятія, которыя та же Европа считала невозможными, въ дѣйствительности были очень возможны, потому что она бралась за нихъ и осуществляла ихъ съ успѣхомъ. Она первая сумѣла подчинить политику требованіямъ государственной необходимости, а это настоящій философскій камень политической нравственности. По мнѣнію Казановы, главное желаніе ея преемника состоитъ въ томъ, чтобъ она пережила его, хотя ему и не хотѣлось бы умереть раньше ея. Эти противоположныя чувства объясняются въ человѣческомъ сердцѣ такими отвлеченными соображеніями, которыя неизвѣстны обыкновенной метафизикѣ, но которыя должны быть очень знакомы возвышеннымъ душамъ, рожденнымъ для управленія великими имперіями.

Казанова часто хаживалъ въ Лѣтній садъ, но Екатерина могла видѣть его только издали и притомъ всегда одиночкимъ. Спустя дней восемь или девять послѣ описаннаго здѣсь перваго свиданія, императрица послала ему сказать, чтобъ онъ подошелъ къ ней.

— «Я забыла,— сказала ему государыня съ видомъ достоинства и вмѣстѣ съ тѣмъ самой благородной снисходительности: — спросить васъ, считаете ли вы исправленіе календаря безошибочнымъ?»

Казанова отвѣчалъ, что никто не можетъ поручиться за его безусловную точность, но всякому извѣстно, что, если въ немъ и осталась какая нибудь погрѣшность, то она должна быть такъ ничтожна, что произвести чувствительную перемену въ счисленіи года она могла бы только по прошествіи девяти или десяти тысячъ лѣтъ. Императрица сказала на это, смѣясь, что она пришла

къ тому же выводу, а если это такъ, то ничто не мѣшаетъ считать исправленіе вполне точнымъ.

— «Полная увѣренность,—продолжала ея величество:—правится умамъ, привыкшимъ въ важныхъ дѣлахъ все подвергать сомнѣнію, а потому, если представляется случай имѣть такую увѣренность въ мелочахъ, то необходимо этимъ пользоваться. Мнѣ кажется, что Григорію XIII не было надобности давать отчетъ въ этой ошибкѣ, хотя бы даже онъ былъ увѣренъ, что она дѣйствительно существуетъ. Законодатель никогда не долженъ являться ни слабымъ, ни мелочнымъ. Нѣсколько дней назадъ, я едва не расхохоталась при мысли, что если-бъ, во вниманіе къ религиознымъ принципамъ, онъ не рѣшился позволить себѣ исправленіе календаря, принятаго вселенскимъ соборомъ, то благодаря этой коренной ошибкѣ, по прошествіи 50,000 лѣтъ, явился бы цѣлый лишній годъ, весеннее равноденствіе впродолженіе того же періода переходило бы сто тридцать разъ съ одного дня на другой, все болѣе и болѣе отодвигаясь назадъ, и праздникъ Рождества десять или двѣнадцать тысячъ разъ пришелся бы среди лѣта, о чемъ смѣшно и подумать, такъ какъ этотъ годовой праздникъ долженъ справляться во время зимняго солнцестоянія. Такимъ образомъ папа Бонкомпаньи установилъ очень мудрое правило по отношенію къ вашей церкви, которая должна существовать, въ чемъ нѣтъ сомнѣнія, до окончанія вѣковъ. Но если бы это было сдѣлано имъ не во вниманіе къ религіи, то во всякомъ случаѣ онъ совершилъ дѣло, достойное великаго государя, ибо наши труды должны имѣть тотъ же характеръ, какъ и труды астрономовъ, которые въ своихъ вычисленіяхъ никогда не предполагаютъ конца изслѣдованія свѣта. Римскій первосвященникъ могъ совершить эту реформу съ такою легкостію, какая была бы невозможна въ греческой церкви, которая строго держится старинныхъ обычаевъ. Конечно, моя церковь не оказала бы мнѣ неповиновенія, если-бъ я повелѣла исключить одиннадцать дней, но какъ огорчилась бы она, видя себя вынужденною отмѣнить для сотни святыхъ празднованіе присвоеннаго имъ дня, потому что онъ вошелъ въ число исключенныхъ дней! Въ вашемъ календарѣ для каждаго дня значится, по большей части, лишь одинъ святой, а въ нашемъ ихъ приходится по десяти и по двѣнадцати. Вы сами можете видѣть, что такая операція была бы жестока. Кромѣ того, я могу вамъ замѣтить, что всѣ старинныя государства любятъ сохранять свои старые обычаи. Обыкновенно говорятъ, что, если эти обычаи уцѣлѣли впродолженіе такого долгаго времени, то они не могутъ быть дурны. Напримѣръ, ваша Венеціанская республика не видитъ нарушенія порядка въ томъ, что началомъ года считается у васъ первое число марта. Этотъ обычай не только не является варварскимъ, а, напротивъ, составляетъ почтенное свидѣтельство ея древ-

няго существованія, и, кромѣ того, гораздо основательнѣе начинать годъ съ 1-го марта, чѣмъ съ 1-го января. Буквы М, V, которыя вы прибавляете къ числу мѣсяца, когда пишете изъ Венеціи, вполне достаточны для объясненія читателю, что число это относится не къ минувшему, а къ текущему году. Венеція отдичается, кромѣ того, своими гербами, въ которыхъ никакія правила геральдики не соблюдаются; даже рисунокъ, собственно говоря, не можетъ назваться щитомъ герба. Нельзя также не обратить вниманія на то, какъ странно она изображаетъ своего патрона евангелиста Марка, и на пять обращенныхъ къ нему латинскихъ словъ, заключающихъ въ себѣ, какъ меня увѣряли, солецизмъ, который она никогда и не подумаетъ исправить. Это ошибка, но ошибка древняя и не ведущая ни къ какой путаницѣ; слѣдовательно, все въ порядкѣ и касаться ея не слѣдуетъ. Мнѣ говорили также, что вы считаете часы дня, начиная съ одного до двадцати четырехъ, а не такъ какъ мы, раздѣляющіе ихъ на двѣ половины, по двѣнадцать часовъ въ каждой, причемъ одна начинается въ полночь, а другая въ полдень, и если сказать правду, то вы въ этомъ отношеніи не правы. Это странное счисленіе даетъ вамъ понятіе лишь о томъ, сколько времени остается до наступленія ночи, въ чемъ я не вижу ни такой пользы, ни такой надобности, какъ въ точномъ указаніи полудня, которое даютъ вамъ солнечные часы. Скажите мнѣ, отчего не подумаютъ объ отмѣнѣ этого дурнаго обычая?

— «Оттого, ваше величество, что это старинный обычай;—что изъ-за него никогда не бываетъ никакого безпорядка, который принудилъ бы правительство подумать объ его отмѣнѣ;—что большая часть сенаторовъ даже не знаетъ, что за границей часы дня распределяются иначе;—оттого, наконецъ, что свойственный всѣмъ республикамъ духъ суевѣрія является отъявленнымъ врагомъ всякихъ нововведеній. Во всѣхъ республикахъ старики пользуются преобладающею силой, которою и сдерживаются смѣлые порывы молодыхъ сенаторовъ, склонныхъ къ переменамъ. Старый республиканецъ вѣритъ, что благосостояніе государства находится въ зависимости отъ какихъ-то сокровенныхъ причинъ, которыя простой народъ можетъ считать совершенно пустыми, но на счетъ которыхъ онъ можетъ ошибаться, хотя умъ человѣческій и не въ состояніи проникнуть въ тѣ глубины, въ которыхъ открылось бы ихъ роковое дѣйствіе, если-бъ только достало смѣлости взглянуть на него. Древніе римскіе сенаторы сказали всѣ въ одинъ голосъ: *actum est de pulcherrimo imperio*, какъ только увидѣли, что поклоненіе доброй богинѣ было нарушено Клодіемъ. Старикъ поклоняется только тому, что *Libitina* *zasgravit*. Поэтому все старое становится для него святыней. Неодолимое эгоистическое чувство побуждаетъ стариковъ презирать все новое, подсказываемое молодежью:

•*Nolunt parere minoribus et quae*

•*Imberbes didicere senes perdenda futuri.*

— «Я полагаю также,— сказала императрица:— что старинная республика должна быть суевѣрною, по той же причинѣ, которая дѣлаетъ ее боязливою. Она ничѣмъ такъ не озабочена, какъ мыслию о своемъ сохраненіи, и вотъ почему она питаетъ такую привязанность къ всему старому. Совершенно противоположная причина дѣлаетъ монархіи отважными: онѣ умираютъ и возрождаются три или четыре раза въ продолженіе столѣтія. Я называю здѣсь смертью то, что въ дѣйствительности является лишь переменѣю главы государства. Но эта переменѣя всегда влечетъ за собою большой кризисъ. Вѣроятно, венеціанское правительство никогда не сдѣлаетъ переменны въ своихъ часахъ, изъ опасенія, чтобъ она не повліяла на нравы, которые, между тѣмъ, должны же измѣниться».

Во время другаго разговора, Казанова предложилъ императрицѣ разрѣшить генуезскую лотерею. Императрица отвѣчала, что она имѣетъ понятіе объ этихъ вещахъ и готова согласиться на предложеніе, но что она никогда не дозволитъ, чтобъ ставка была ниже одного рубля или выше ста рублей, такъ какъ желаетъ быть спокойною на счетъ того, что въ игрѣ будутъ участвовать только люди, имѣющіе достатокъ. Казанова слишкомъ хорошо понялъ всю основательность этого отвѣта, противъ котораго нельзя было сдѣлать никакого возраженія. Поэтому, вмѣсто того, чтобы настаивать, онъ только засвидѣтельствовалъ свое одобреніе низкимъ поклономъ, и императрица, повидимому, осталась этимъ очень довольна. Ему, впрочемъ, было извѣстно, что Екатерина не любитъ игры. Она спросила его также, не знакомъ ли онъ съ капельмейстеромъ Галуппи, по прованію Буранелло, который долженъ былъ черезъ нѣсколько дней пріѣхать изъ Венеціи. При этомъ она призналась ему съ видомъ огорченія, что у нея нѣтъ никакого сочувствія къ музыкѣ. «Я не могу сказать,— прибавила она:— чтобъ музыка наскучала мнѣ, потому что меня интересуетъ тотъ восторгъ, въ который она приводитъ своихъ любителей; но я бываю очень довольна, когда спектакль кончается».

Кабинетъ-секретарь Олсуфьевъ увѣрялъ Казанову, что самыми счастливыми для него минутами были тѣ, когда онъ работалъ вмѣстѣ съ Екатериной и она, для развлеченія, заводила рѣчь о тѣхъ ошибкахъ, въ которыя впадаютъ всѣ науки, причемъ въ высшей степени остроумно пересмѣливала все, что казалось ей достойнымъ смѣха. Этотъ Олсуфьевъ былъ человекъ умный, неутомимо трудившійся по вѣренной ему части, усердный поклонникъ Венеры и Бахуса и единственный литераторъ между русскими барами, который, чтобы сдѣлаться писателемъ, не имѣлъ надобности читать Вольтера. Онъ учился въ Упсальскомъ университетѣ и безъ малѣйшихъ притязаній испытывалъ свои силы во всѣхъ родахъ литературы. Высокій ростомъ, тучный и вѣчно веселый, онъ былъ для Казановы приятнымъ собесѣдникомъ,—тѣмъ болѣе, что извинялъ ему нежеланіе на-

силовать свою натуру, когда приходилось помѣряться съ нимъ за стаканомъ вина.

Бывая часто на обѣдахъ у оберъ-штаб-мейстера Нарышкина, Казанова встрѣчалъ тамъ почтеннаго монаха, скромной и благородной наружности. Его звали Платономъ. Онъ держалъ себя всегда такъ, какъ будто не имѣлъ никакого притязанія на тонкій умъ, но это самое и заставляло другихъ догадываться, что умомъ онъ не былъ обдѣленъ. Казанова говорилъ съ нимъ полатыни, а это, по его замѣчанію, бываетъ рѣдко въ Россіи, гдѣ французскій языкъ считается общепринятымъ. На лицѣ отца Платона выражалось довольство, и въ самомъ дѣлѣ, онъ быстро составилъ себѣ карьеру, потому что уже занималъ въ то время мѣсто духовника императрицы.

Достаточно прочитать нѣсколько писемъ Екатерины, чтобы правдивость этого разсказа (совершенно непохожаго на тотъ, который мы встрѣчаемъ въ «Запискахъ») сама собою бросилась въ глаза; Екатерина является здѣсь передъ вами со всею тонкостію своей ироніи, со всею деликатностію своей благосклонности, со всею проницательностію своей политики. Но игралъ ли Казанова какую нибудь личную роль во всемъ, что выше описано?

Можно давать волю своему воображенію въ книгахъ, назначаемыхъ для потомства, каковы, напримѣръ, «Записки», или въ такихъ, которыя пишутся отъ скуки, каковы «Мысли о среднемъ измѣреніи нашего года». Но нельзя лгать въ такой книгѣ, которая была напечатана при жизни, хотя и въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, не рискуя вызвать жестокія улики. Между тѣмъ, если въ «Confutazione della storia del governo Veneto» и не упоминается о разговорѣ, — предметъ котораго былъ слишкомъ спеціаленъ для этой книги, — то она во всякомъ случаѣ доказываетъ, что Казанова дѣйствительно видѣлъ Екатерину и бесѣдовалъ съ нею. Заимствую изъ содержащихся въ ней замѣтокъ, — неисчерпаемаго источника анекдотовъ о XVIII-мъ вѣкѣ, — нѣсколько отрывковъ:

«У императрицы, какъ я самъ видѣлъ, стоя очень близко къ ней, цвѣтъ волосъ темнорусый; она не русская, а нѣмка. Одинъ немолодой уже человекъ, заслуживающій довѣрія, увѣрялъ меня, что она только выглядитъ темнорусою, но что она бѣлокура. Другое лицо, словамъ котораго всѣ довѣряютъ, говорило мнѣ, что до одиннадцатилѣтняго возраста она была бѣлокура, но, вслѣдствіе какой-то болѣзни, вдругъ сдѣлалась темнорусою. Какъ бы то ни было, но мнѣ показалось, что у нея темный цвѣтъ волосъ»¹⁾. Далѣе, говоря о самомъ себѣ, Казанова продолжаетъ: «Я желалъ поступить къ ней на службу по такимъ дѣламъ, въ которыхъ можно

¹⁾ Confutazione della storia del governo Veneto—d'Ancelet de la Housaie divisa in tre parti. Amsterdam, 1769, I, стр. 38 (примѣч.).

быть полезнымъ своимъ перомъ, но это мнѣ не удалось, и я узналъ, почему именно. Поселившійся въ Петербургѣ купецъ Дмитрій Панапелопуло ¹⁾ говорилъ мнѣ, что въ Россіи не опредѣляютъ на службу тѣхъ, которые прѣзжаютъ туда на свой счетъ. Только тотъ можетъ составить себѣ карьеру въ этой странѣ, кто туда ѣдетъ на счетъ государыни, а для этого необходимо получить сперва приглашеніе. Я нашелъ, что все это совершенно справедливо, и печатно заявилъ о своемъ отъѣздѣ черезъ 15 дней, получилъ пропускъ и отправился въ Польшу».

Въ другомъ мѣстѣ говорится ²⁾:

«Утверждаютъ, что все, что она сдѣлала, было ею сдѣлано изъ любви къ своему сыну, котораго ея покойный супругъ намѣревался лишить правъ престолонаслѣдія и не хотѣлъ признать своимъ сыномъ. Грубая, варварская несправедливость не могла нанести болѣе жестокаго оскорбленія принцессѣ, поведение которой всегда было безукоризненно. По этому поводу я написалъ въ честь императрицы слѣдующую анаграмму, стоившую мнѣ невѣроятнаго труда, но я былъ вознагражденъ за него мыслію, что она можетъ доставить ей удовольствіе:

«Catherine Aleksieiewna, impératrice de toutes les Russies,

«Tu as exaucé le cri des sujets conservant l'héritier à l'empire.

«Никто не обратилъ на мою анаграмму того вниманія, котораго она заслуживала. Ее оцѣнили только Иванъ Ивановичъ Мелиссино, знавшій значеніе слова: анаграмма».

Приведу еще одинъ анекдотъ: «Въ 1769 году, Вольтеръ издалъ свою «Философію исторіи» и смѣло посвятилъ ее императрицѣ, послалъ ей эту книгу при письмѣ въ три строчки. Екатерина только посмѣялась этой выходкѣ, потому что въ философіи исторіи она смыслить больше, чѣмъ Вольтеръ, и подобныя шутки ей не нравятся. Я былъ въ Петербургѣ, когда эта книга, неожиданно присланная государынѣ по почтѣ, была передана ей ученымъ кабинетъ-секретаремъ Олсуфьевымъ» ³⁾.

IV.

Въ Варшавѣ Казанова былъ представленъ королю Станиславу княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ, къ которому имѣлъ рекомендацію. Станиславъ помогъ ему въ его денежныхъ обстоятельствахъ; но улыбнувшееся Казановѣ такимъ образомъ счастье улетучилось

¹⁾ Ibidem, стр. 43 (прим.). О немъ упоминается и въ «Запискахъ».

²⁾ Confutazione, parte prima, стр. 17 (примѣч.).

³⁾ Confutazione, т. II, стр. 259 (примѣч.).

въ одномъ неожиданномъ приключеніи, которое, впрочемъ, дѣлаетъ ему честь и которое подтверждается письмомъ аббата Таруффи къ Альбергати, отъ 19-го марта 1766 года ¹⁾.

На варшавскомъ театрѣ были двѣ соперничавшія между собою танцовщицы: венеціанка Бинетти и другая, которой въ современныхъ запискахъ дается имя Катаи; а въ письмѣ Таруффи къ Альбергати — имя Казацци. Казанова называетъ ее то пиемонтскою, то миланскою уроженкою; но это обстоятельство неважно. Пріѣхавъ въ Варшаву въ самый разгаръ войны между двумя соперницами, нашъ авантюристъ пожелалъ остаться нейтральнымъ; притомъ Бинетти была его старая знакомая, а ея соперница пользовалась покровительствомъ его друзей, князей Чарторыйскихъ и Любомірскихъ. Вечеромъ, 4-го марта, былъ спектакль. Казанова былъ въ ложѣ Бинетти, когда пришелъ графъ Браницкій, служившій полковникомъ въ уланскомъ полку и камергеромъ при дворѣ. Казанова вышелъ изъ ложи, раскланявшись съ полковникомъ, или, какъ рассказываетъ Таруффи, по приглашенію послѣдняго, и перешелъ въ ложу Казацци, но графъ пошелъ за нимъ слѣдомъ и между ними началась ссора, подробности которой передаются различно въ двухъ сохранившихся рассказахъ о ней. Во всякомъ случаѣ, удовлетвореніе съ оружіемъ въ рукахъ было признано необходимымъ. Между «Записками» и рассказомъ аббата объ обстоятельствахъ вызова на дуэль нѣтъ большого противорѣчія. На слѣдующій день графъ Браницкій пріѣхалъ къ своему противнику, чтобы взять его въ свою карету и отправиться вмѣстѣ съ нимъ на мѣсто поединка. Въ каретѣ сидѣлъ уже какой-то генералъ, которому ничего не было извѣстно о томъ, что готовилось, и который, какъ говорится въ обоихъ рассказахъ, былъ немало изумленъ, очутившись въ роли свидѣтеля. Дуэль происходила на пистолетахъ. У венеціанца былъ раздробленъ большой палецъ лѣвой руки, а его противникъ былъ раненъ въ животъ. По словамъ «Записокъ», раненый подозвалъ къ себѣ Казанову и предложилъ ему свой кошелекъ, чтобы онъ могъ поскорѣе обезпечить себя противъ преслѣдованія, а по увѣренію Таруффи, это великодушное предложеніе было сдѣлано еще до поединка, но рассказъ «Записокъ» гораздо вѣроятнѣе. «Поднявъ его туго набитый кошелекъ,—говоритъ Казанова,—я снова положилъ его въ карманъ графа и поблагодарилъ». Таруффи подтверждаетъ этотъ фактъ, равно какъ и то, что Казанова нашелъ убѣжище въ одномъ монастырѣ кордельеровъ. Въ «Запискахъ» рассказывается, что одинъ изъ друзей раненаго, по имени Вининскій, желая отомстить за него и полагая, что Казанова нашелъ убѣжище у итальянца Томатиса, директора спектак-

¹⁾ Masi. La vita e i tempi di Franchesu Albergati Commediografo nel secolo XVIII, Вологъа, 1878, стр. 202.

лей, отправился къ послѣднему и сдѣлалъ въ него выстрѣлъ изъ пистолета, но, давъ промахъ, обнажилъ шпагу. Находившійся въ это время у Томатиса графъ Мосцинскій, желая удержать этого бѣшенаго, поплатился за свою попытку тремя выбитыми зубами. Таруффи рассказываетъ эту маленькую драку почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ:

«Одинъ королевскій шталмейстеръ, ни съ того, ни съ другаго вздумавшій представить доказательства своей горячей любви къ польской націи вообще и къ гр. Браницкому въ частности, въ тотъ же день насильно ворвался къ директору спектаклей, итальянцу Томатису, и, заставъ его одного въ кабинетѣ, пытался развозжить ему выстрѣломъ черепъ, но, въ своемъ бѣшенствѣ, сдѣлалъ промахъ; увидѣвъ свою неудачу, онъ бросилъ пистолетъ и тотчасъ же выхватилъ шпагу, но королевскій стольникъ, графъ Мосцинскій, изъ всѣхъ силъ обхватилъ бѣшенаго руками и такимъ образомъ спасъ г. Томатиса, за то самъ вышелъ изъ этой схватки съ обезображеннымъ лицомъ и тремя выбитыми зубами».

25-го іюня, Таруффи писалъ къ Чезаротти: «Жаль, что знаменитый Казанова, нѣкогда прикидывавшійся героемъ и знатнымъ бариномъ, да къ тому же еще человѣкомъ очень остроумнымъ, не сумѣлъ явиться достойнымъ своей великолѣпной роли, такъ что пришлось пожалѣть о нанесеніи столь благороднымъ образомъ увѣчья простому авантюристу. Вскорѣ послѣ его блестящей экспедиціи, нѣсколько крайне неприятныхъ, но достовѣрныхъ анекдотовъ помрачили всю его славу; удивленіе сгѣнилось презрѣніемъ, и палка потребовала своихъ правъ. Какъ бы то ни было, но у этого рыцаря безъ упрека потребовали сперва отчета, а потомъ сдѣлали ему увѣщаніе, чтобъ побудить его къ продолженію своего путешествія».

Замѣчательное совпаденіе! Самъ Казанова упоминаетъ о происшедшей въ отношеніи къ нему переменѣ: супругу палатина нельзя было узнать; никто не хотѣлъ съ нимъ разговаривать на обѣдахъ, къ которымъ его приглашали; король, нѣкогда столь любезный съ нимъ, сдѣлался холоденъ, какъ ледъ. «Всѣ,—говоритъ Казанова,—измѣнили свое мнѣніе обо мнѣ». Въ одномъ безымянномъ, но благосклонномъ письмѣ его извѣщали, что король не очень радъ его посѣщеніямъ, «такъ какъ его увѣрили, будто бы въ Парижѣ я былъ заочно повѣшенъ за то, что тайнымъ образомъ скрылся отсюда, похитивъ значительную сумму, принадлежавшую кассѣ лотереи военной школы, и что, кромѣ того, въ Италіи я занимался презрѣннымъ ремесломъ странствующаго комедіанта. Вотъ клеветы, которыя очень легко распространяются и на которыя очень трудно возражать въ отдаленной странѣ»¹⁾.

¹⁾ Mémoires, VII, 263 (изд. Гарнье).

Таковы комментарии «Записокъ» къ неблагоклоннымъ отзывамъ Таруффи. Вскорѣ послѣ того король послалъ Казановѣ приказъ о выѣздѣ, желая, какъ велѣно было передать ему, успокоиться на счетъ его участи. Казанова получилъ чрезъ графа Мосцинскаго тысячу червонцевъ на уплату своихъ долговъ.

V.

Если Казанова, въ своихъ «Запискахъ», говоритъ правду, то спрашивается, высказалъ ли онъ ее вполне? Не подлежитъ сомнѣнію, что много страницъ не вошло въ нынѣшнія рамки его «Записокъ». Извѣстно, что въ концѣ ихъ недостаетъ двухъ главъ, которыя должны были обнимать собою время между карнаваломъ и концомъ 1771 года, т. е. описаніе его пріѣзда въ Болонью и визита, сдѣланнаго имъ кардиналу-легату Бранчифорте, 1-го января 1772 года. Издатели признаютъ существованіе этого пробѣла, восполнить который авторъ, конечно, не могъ за недостаткомъ времени ¹⁾. Но есть еще другіе пробѣлы, допущенные съ умысломъ. По возвращеніи изъ Англіи въ началѣ 1764 года, еще до путешествія, предпринятаго имъ въ Берлинъ и Петербургъ, онъ провелъ нѣкоторое время въ Парижѣ, а между тѣмъ, ничего не рассказываетъ о своемъ тогдашнемъ пребываніи въ этомъ городѣ. Свидѣтельство этого пребыванія найдено мною въ слѣдующемъ документѣ парижскихъ національныхъ архивовъ:

«1764 года, въ субботу, 16-го іюня, въ шесть часовъ вечера, явился къ намъ, Жану Франсуа Гюгу, въ наше управленіе, Бернаръ Крассе, парижскій портной, проживающій въ улицѣ Bout du Monde, въ приходѣ Сентъ-Эташъ, и принесъ намъ жалобу на г. Казанова, живущаго въ меблированной комнатѣ въ гостинницѣ Арминьяка, въ Пѣвческой улицѣ, говоря, что сегодня, въ четыре часа по полудни, онъ былъ у упомянутаго Казановы, для представленія ему счета, всего на сумму 44 ливра 5 су. Казанова предложилъ ему, просителю, отправиться вмѣстѣ съ нимъ для снятія мѣрки по одному новому заказу, и когда онъ, проситель, отвѣчалъ, что у него нѣтъ времени, то Казанова пришелъ въ ярость противъ него, разорвалъ счетъ и велѣлъ ему убираться вонъ, сопровождая эти слова самыми грубыми ругательствами; когда же онъ сдѣлалъ ему замѣчаніе на счетъ этихъ грубостей, Казанова схватилъ свою шпагу, а проситель, для защиты отъ его насилій, вооружился палкой метлы, но не былъ на столько ловокъ, чтобъ отразить ударъ, который Казанова нанесъ ему шпагой по близости праваго глаза и отъ котораго, какъ намъ показалось, остался слѣдъ. Чтобы из-

¹⁾ Mémoires, VIII, 301 (изд. Гарнье).

бѣжать послѣдствій еще большей ярости, проситель принужденъ былъ удалиться. А такъ какъ ему необходимо получить не только ту сумму, которую долженъ ему Казанова, но и удовлетвореніе за упомянутыя его дѣйствія, то онъ и приноситъ настоящую жалобу».

«Подписано: Крассе, Гюгъ».

Конечно, жалоба портнаго на неплатежъ денегъ и на нанесеніе ему побой не представляетъ большой важности, но у Казановы были еще другія дѣла. Чтò же значить его молчаніе?

Вотъ два новыя дѣла, которыя должны были бы найтти мѣсто въ «Запискахъ» и которыя открыты въ національныхъ архивахъ.

«1758 года, въ пятницу, 17-го сентября, въ десять часовъ утра, въ нашемъ управленіи, явился къ намъ, Франсуа Симону Леблану, г. Жакъ Казанова, венеціанскій подданный, содержащій контору лотереи королевской военной школы и проживающій въ улицѣ Petit Lion, въ приходѣ Сентъ-Эсташъ, и принесъ намъ жалобу на римскаго уроженца Дженероа Марини, бывшаго лекаря, а теперь торгующаго въ Парижѣ галантерейными товарами, проживавшаго прежде въ улицѣ Des fossés Saint-Germain de Bôz, нынѣ же поселившагося въ округѣ Тампля, причемъ объяснилъ, что упомянутый Марини познакомился съ нимъ чрезъ посредство одной танцовщицы французскаго театра, носившей также фамилію Марини и слывшей за его дочь; однажды, въ апрѣлѣ или въ маѣ мѣсяцѣ, этотъ Марини пришелъ къ нему, просителю, въ девять часовъ утра и предложилъ сыграть съ нимъ въ кости au passe dix (игра въ три кости), для чего принесъ съ собою десять или двѣнадцать костей. Сначала онъ выигралъ у просителя болѣе двадцати луидоровъ наличными, а затѣмъ еще ножики съ золотомъ рукояткою, цѣною въ десять луидоровъ, два вѣера, стоящіе каждый четыре луидора, и еще нѣсколько вещей, которыхъ онъ не запомнить; не довольствуясь этимъ, онъ еще выигралъ у него на слово пятьдесятъ три луидора, а чтобы обезпечить ихъ уплату, предложилъ просителю выдать на эту сумму вексель, который самъ Марини тотчасъ же написалъ и далъ ему подписать. Выйдя отъ него, онъ вернулся часа черезъ два и принесъ съ собою другой вексель на ту же самую сумму въ пятьдесятъ три луидора, сказавъ ему, что первый вексель былъ написанъ неправильно и что слѣдуетъ подписать этотъ другой, чтò проситель и сдѣлалъ, не замѣтивъ, что онъ трасированъ. Упомянутый Марини, обыгравъ такимъ образомъ просителя, бросилъ всѣ принесенныя имъ кости въ огонь, вполсѣдствіи же онъ, Казанова, узналъ, что это были фальшивыя кости, такъ что сказанный Марини обыгралъ его только съ помощью мошенничества и плутовства. А такъ какъ ему, просителю, необходимо знать происхожденіе означеннаго векселя, полученнаго, безъ сомнѣнія, въ уплату суммы, которую упомянутый Марини выигралъ плутовскимъ образомъ, и остановить взысканіе по этому векселю,

который, какъ онъ полагаетъ, выданъ на имя негоціанта Леополя и срокъ которому истекаетъ черезъ полгода, то онъ и счелъ долгомъ явиться къ намъ, чтобы сдѣлать настоящее заявленіе.

«Подписано: Казанова. Лебланъ».

Въ нижеслѣдующемъ документѣ обвиняемымъ лицомъ является уже Казанова: дѣло идетъ о фальшивомъ векселѣ. Гдѣ истина — трудно добраться.

«Пятница, 3-го августа 1759 года, пять часовъ по полудни. Къ намъ, Жану Франсуа Гюгу, въ наше управленіе явился адвокатъ Генри Оберти, живущій въ Парижѣ, въ улицѣ des Egouts St. Martin, въ приходѣ Сентъ-Лоренъ, и показалъ, что ему принадлежитъ вексель на сумму 2,400 ливровъ, трасированный Казановой младшимъ на Жака Казанову старшаго, его брата, въ пользу г. Карло Дженована, который переписалъ его на имя просителя; эти лица, всѣ трое иностранцы, были присуждены къ уплатѣ сообща по сказанному векселю консульскимъ рѣшеніемъ отъ 20-го и 21-го минувшаго мая, исполненіе котораго было постановлено, въ присутствіи тяжущихся сторонъ, по докладу парламентскаго совѣтника Пакье отъ 28-го минувшаго іюня, причемъ, изъ снисхожденія, имъ предоставлена была льгота, освободившая ихъ отъ всякаго преслѣдованія втеченіе одного мѣсяца со дня объявленія означеннаго постановленія. Такъ какъ рѣшеніе было объявлено перваго іюля, то мѣсячный срокъ окончился перваго числа нынѣшняго августа. Сегодня, 3-го августа, когда проситель намѣревался потребовать исполненія означенныхъ рѣшеній, онъ былъ очень изумленъ, съ одной стороны, жалобой, поданной на него сегодня же, 3-го августа, Жакомъ Казановой старшимъ, а съ другой—повѣсткою о присужденіи его къ уплатѣ упомянутому Жаку Казановѣ старшему по векселю въ 3,000 ливровъ, отъ 23-го минувшаго мая, срокъ которому истекъ 23-го іюля и который былъ трасированъ въ его пользу г. Морелемъ Шательро старшимъ, каковой вексель будто бы былъ акцептованъ просителемъ. Но никогда проситель не акцептовалъ векселя въ 3,000 ливровъ; онъ не знаетъ и никогда не зналъ ни лично, ни чрезъ чье либо посредство сказаннаго Мореля Шательро старшаго, съ которымъ никогда не имѣлъ никакого дѣла. Если же такой вексель существуетъ и былъ акцептованъ и подписанъ именемъ его, просителя, то это можетъ быть только подложный вексель, подъ которымъ сдѣлана подпись подъ его руку, такъ какъ онъ твердо знаетъ, что никогда не акцептовалъ и не подписывалъ его. Это заставляетъ думать, что сказанный вексель былъ поддѣланъ или упомянутымъ г. Казановой, или кѣмъ либо другимъ, чтобы противопоставить его иску просителя и остановить этотъ искъ, который онъ вправѣ начать въ силу приведенныхъ выше рѣшенія и постановленія. Такое предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно,

что о мнимомъ векселѣ въ 3,000 ливровъ Казанова никогда не говорилъ во все продолженіе объясненій, происходившихъ между нимъ, просителемъ, и имъ, Казановой, и другими лицами, какъ у консуловъ, такъ и въ парламентѣ относительно уплаты по векселю въ 2,400 ливровъ, который принадлежитъ ему, просителю, и по которому Казанова состоитъ должникомъ. А такъ какъ онъ намѣренъ жаловаться на поддѣлку означеннаго векселя и на подлогъ въ акцептаціи и въ подписи подъ него, какъ только ему покажутъ то и другое, для чего онъ будетъ просить позволенія явиться въ засѣданіе консуловъ, то и рѣшился подать намъ настоящую жалобу.

«Подписано: Генри Оберти. Гюгъ».

Илишне было бы прибавлять, что числа, значущіяся въ этихъ документахъ, совпадаютъ со временемъ втораго пребыванія Казановы въ Парижѣ.

Притомъ не слѣдуетъ забывать, что многія интересныя вещи могли быть оставлены Казановой безъ упоминанія по той причинѣ, что онъ говорилъ о нихъ въ другихъ сочиненіяхъ. Много интересныхъ воспоминаній содержитъ въ себѣ одно печатное его произведеніе, которое по своему достоинству не уступитъ неизданной рукописи, именно его письмо къ Леонарду Снетлаге. Этотъ Леонардъ Снетлаге, умершій въ 1812 году, издалъ въ 1795 году Словарь новыхъ словъ, введенныхъ въ языкъ французскою революціей. Казанова, будучи убѣжденнымъ сторонникомъ стараго порядка вещей, подвергаетъ критикѣ слова и учрежденія, введенныя новымъ режимомъ, и по этому поводу припоминаетъ много подробностей, наприимѣръ, о Карленѣ и Коралинѣ, личностяхъ хорошо извѣстныхъ читателямъ Записокъ, о счастливыхъ временахъ итальянской комедіи и прекрасныхъ сценахъ въ казино Мурано.

Записки прерываются немного ранѣе возвращенія Казановы въ Венецію; но ихъ можно дополнить слѣдующими интересными страницами, которыми оканчивается Исторія моего бѣгства:

«Консулъ Венеціанской республики въ Триестѣ, г. Монти, далъ мнѣ записку государственныхъ инквизиторовъ, въ которой они приказывали мнѣ явиться, втеченіе одного мѣсяца, къ ихъ секретарю осмотрительному (sicconspect), Марку Антонію Бузинелло, отъ котораго я узнаю ихъ волю. Я не послушался тѣхъ, которые совѣтовали мнѣ не довѣряться вызову; я былъ вполне увѣренъ, что подобная измѣна своему слову не можетъ имѣть мѣста. Величіе и важное значеніе трибунала еще могутъ допустить измѣну въ тѣхъ случаяхъ, когда нижніе его служители пользуются ею, чтобы захватить преступника, но ни разу еще не случалось, чтобъ онъ нарушилъ святость своего слова, употребивъ его прямо отъ своего имени. Полученная мною въ Триестѣ записка была настоящею охранительною грамотой, подписанною тогдашнимъ государственнымъ

инквизиторомъ, высокопочтеннымъ и высокоблагороднымъ Францискомъ Гримани...

«Вмѣсто того, чтобы ждать цѣлый мѣсяць, я отправился въ Венецію еще до истечения сутокъ и явился къ секретарю Бузинелло, брату того, который занималъ эту должность за восемнадцать лѣтъ передъ тѣмъ. Какъ только я назвалъ ему свое имя, онъ обнялъ меня, посадилъ рядомъ съ собою и сказалъ, что я свободенъ и что мое помилованіе было наградой за мое опроверженіе «Исторіи венеціанскаго правительства» Ансело де-ла-Гуссы, которую я напечаталъ въ трехъ томахъ, in 8°, за четыре года передъ тѣмъ. Кромѣ того, онъ сказалъ мнѣ, что я напрасно спасся бѣгствомъ изъ тюрьмы, ибо, если-бъ у меня достало еще немного терпѣнія, то мнѣ возвращена была бы свобода. Я возразилъ ему, что считалъ себя осужденнымъ на всю остальную мою жизнь, но онъ отвѣчалъ, что я не могъ этого думать, такъ какъ за небольшую вину полагается и небольшое наказаніе. Тогда, прервавъ его, въ волненіи, я просилъ, какъ милости, сообщить мнѣ, въ чемъ состояла моя вина, такъ какъ самъ я никогда не могъ этого угадать. Въ отвѣтъ на это, мудрый *signor pretto* только посмотрѣлъ на меня серьезно, положивъ на губы указательный палецъ правой руки, какъ это мы видимъ на статуѣ египтянина Гарпократа или на статуѣ Брюнони, основателя Картезіанскаго ордена. Для меня этого было достаточно. Я засвидѣтельствовалъ г. секретарю чувства признательности, которыми дѣйствительно былъ проникнутъ, и удостоивъ его, что на будущее время трибуналу не придется раскатыться въ дарованномъ мнѣ полномъ прощеніи.

«Послѣ этого свиданія я принарядился и сталъ съ удовольствіемъ показываться во всемъ городѣ, гдѣ мое появленіе сдѣлалось главною новостію дня. Я посѣтилъ на дому, одного за другимъ, трехъ государственныхъ инквизиторовъ, для выраженія моей признательности. Они приняли меня милостиво и поочередно приглашали меня обѣдать, чтобы слышать отъ меня самого занимательный разговоръ о моемъ бѣгствѣ, которое я и описывалъ имъ, ничего не скрывая и со всѣми подробностями, извѣстными читателю изъ моихъ Записокъ.

«Я сдѣлалъ продолжительные визиты тремъ патриціямъ, которыхъ сумѣлъ расположить въ свою пользу, такъ что они не только принимали участіе во мнѣ, но и употребили много стараній, чтобы выхлопотать мнѣ помилованіе. Это были, во-первыхъ, г. Данд...¹⁾, самый старинный изъ моихъ покровителей, до такой степени постоянный въ своей привязанности, что оставилъ меня, только умирая. Онъ то и расположилъ въ мою пользу Ф. де-Гр...²⁾. Другимъ

¹⁾ Дандоло.

²⁾ Гримани.

покровителемъ, котораго я видѣлъ съ сердечною радостью, былъ г. П. де-Заг...¹⁾), трудившійся цѣлыхъ два года надъ устраненіемъ всѣхъ преградъ къ моему возвращенію на родину. Третій патрицій, которому я представился, былъ г. Мор...²⁾), который занималъ въ Венеціи весьма важное положеніе и который убѣдилъ г. Сагр..., при первомъ же разговорѣ съ нимъ, подписать мое помилованіе. Любовь ли къ родинѣ, самолюбіе ли говорили во мнѣ, но я знаю, что этому возвращенію я обязанъ лучшими минутами моей жизни: отъ меня не потребовали никакого искупленія моей вины, и это было извѣстно всѣмъ и каждому. Дарованное мнѣ полное помилованіе, составлявшее чрезвычайно рѣдкое событіе въ виду строгости трибунала, уже само по себѣ было похвалою для меня. Этотъ великій верховный судъ не могъ сдѣлать болѣе этого, чтобы объявить о моей невинности и убѣдить всю Европу, что я заслужилъ его снисходительность. Всѣ ожидали, что мнѣ дадутъ какую либо должность, соответствующую моимъ способностямъ и необходимую для моего существованія, и всѣ ошиблись, за исключеніемъ меня. Если-бъ я получилъ мѣсто, благодаря суду, вліянію котораго нѣтъ границъ, то это было бы похоже на награду, чего было бы уже слишкомъ много. Во мнѣ предполагали всѣ таланты, необходимыя человѣку, который хочетъ самъ проложить себѣ дорогу, и такое мнѣніе было лестно для меня; но всѣ старанія, употребленныя мною въ продолженіе девяти лѣтъ, были тщетны. Или я,—разсуждалъ я самъ съ собою,—не гожусь для Венеціи, или Венеція не годится для меня, или то и другое вмѣстѣ. Я рѣшился покинуть мою родину, какъ покидаютъ домъ, который хотя и нравится, но въ которомъ приходится терпѣть безпокойнаго сосѣда, дѣлающаго вамъ непріятности, между тѣмъ какъ выжить его вы не можете!»

При этомъ Казанова умалчиваетъ, что, по возвращеніи своемъ въ Венецію, онъ исполнялъ обязанности тайнаго агента инквизиторовъ по дѣламъ внутренней службы, сначала изъ усердія, а начиная съ 3-го октября 1780 года уже официально. Свои доносы онъ сопровождаетъ иногда характеристическими разсужденіями. На театрѣ св. Бенедикта, въ продолженіе карнавала 1776—1777 годовъ, давали балетъ Канціани, подъ заглавіемъ: Коріоланъ. Содержаніе его состоитъ въ томъ, что римскій сенатъ воспретилъ женщинамъ носить роскошную одежду, а Коріоланъ, въ угоду любимой имъ женщиной, зарылъ въ землю камень, на которомъ былъ начертанъ декретъ сената. Въ этомъ заключался прозрачный намекъ на законы противъ роскоши, которые въ эти годы упадка республики возобновлялись безпрестанно и всегда оставались безъ дѣйствія; такимъ образомъ объясняется успѣхъ пьесы.

¹⁾ Загрето.

²⁾ Морозини.

Послушаемъ теперь Казанову: «Балетъ Коріоланъ посѣялъ въ умахъ людей впечатлительныхъ нѣкоторый духъ недовольства, которымъ порождены неправильныя сужденія и вызвано много непочтительныхъ отзывовъ. Если-бъ программа дающагося теперь балета, напечатанная на глазахъ всѣхъ, предварительно была просмотрѣна благоразумнымъ цензоромъ, то ея печатаніе не было бы дозволено; не будь программы, побликѣ менѣе бросались бы въ глаза фанатическая дерзость Коріолана, его неповиновеніе декрету сената, поданный этимъ человѣкомъ вредный примѣръ нарушенія его приказаній, могущество знатныхъ римскихъ женщинъ и возможность неповиновенія; безъ этого не былъ бы поколебленъ тотъ духъ послушанія, который ваши превосходительства, въ своей мудрости, считаете долгомъ постоянно поддерживать въ границахъ подчиненности, дабы священныя и мудрыя ваши приказанія не только исполнялись, но исполнялись безропотно» ¹⁾. По случаю своего оффиціального опредѣленія, онъ послалъ инквизиторамъ, 28-го октября, программу своего будущаго образа дѣйствій: «Удостоенный, къ моему великому благополучію, чести служить тайной инквизиціи этого верховнаго трибунала, я, венеціанскій подданный Джакомо Казанова, установилъ мои воззрѣнія: 1) на религію, 2) на нравы, 3) на общественную безопасность, 4) на торговлю и мануфактуры. По отношенію къ религіи, я буду наблюдать надъ тѣми, которые станутъ нарушать подобающее ей всенародное почтеніе; по отношенію къ нравамъ, я буду имѣть надзоръ за проявленіемъ распутства у частныхъ лицъ, въ театрахъ и игорныхъ домахъ. Что касается общественной безопасности, то положительно необходимо удалить бродягъ и тѣхъ никому неизвѣстныхъ иностранцевъ, у которыхъ нѣтъ никакого другаго умѣнья, кромѣ необходимаго для обмановъ. Я буду доносить о всѣхъ возмутительныхъ, скандальныхъ и оскорбительныхъ для чести сочиненіяхъ, какія только будутъ мною открыты, и о всѣхъ опасныхъ книгахъ этой категоріи... Все, что будетъ являться новаго, обратить на себя мою подозрительность, и я представлю отчетъ о немъ, не упуская и не измѣняя ни одного обстоятельства, даже кажущагося по наружности невиннымъ» ²⁾. И дѣйствительно, въ письмѣ къ инквизиторамъ, отъ 22-го декабря 1781 года, онъ перечисляетъ съ замѣчательною эрудиціею книги нечестиваго и непристойнаго содержанія, въ то время тайно ходившія по рукамъ въ Венеціи, и доносить въ особенности о тѣхъ, которыя, «повидимому, нарочно написаны съ тою цѣлію, чтобы пробуждать посредствомъ сладострастныхъ, неприлично написанныхъ разсказовъ

¹⁾ Rinaldo Tulesi, Giacomo Casanova e gl'Inquisitori di Stato. Венеція, 1877, стр. 26.

²⁾ Ibid., стр. 28.

неприятныя страсти, которыя стали уже засыпать и сдѣлались безсильны». Онъ называетъ пути, которыми эти книги получаютъ, — книгопродавецъ, занимающихся ихъ продажею, и патриціевъ, у которыхъ онѣ имѣются, напримѣръ: Анжело Кверини, Анжело Цорци, кавалера Эмо, кавалера Джустиниани и своего великодушнаго покровителя Карло Гримани.

Рѣшеніе, постановленное этимъ Гримани, и сдѣлалось, по винѣ самого Казановы, причиною той большой неприятности, о которой онъ такъ осторожно упоминаетъ въ вышеприведенномъ отрывкѣ и еще въ другихъ мѣстахъ ¹⁾. Въ домѣ этого патриція у него вышелъ споръ съ нѣкіемъ Карлетти. Дѣло было предоставлено рѣшенію ховяина, который призналъ Казанову неправымъ. Онъ обидѣлся этимъ и принялся писать длинную и скучную рапподию: *Ne amori, ne donne ovunque la talla* (Авгія) *ripulita* (ни амуры, ни женщины не видали вычищенной авгіевой конюшни). Это — аллегорическій романъ, всѣ дѣйствующія лица котораго какъ бы перенесены въ Венецію. Геркулесъ, напримѣръ, изображаетъ собою Гримани, Эконеоне — Казанову, лающая собака (*il cane latrante*) — Карлетти и проч. Сначала книга прошла не замѣченною, но когда дѣйствующія лица были узнаны, то все изданіе было конфисковано въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Гримани подвергся въ этой книгѣ самому гнусному оскорбленію, и авторъ не пощадилъ не только его самого, но даже чести его матери ²⁾. Понятно, что послѣ этого Казанова принужденъ былъ снова съестись бѣгствомъ.

Ему уже не суждено было вернуться въ республику св. Марка. Онъ отправился въ Триестъ и тайнымъ образомъ подкладываетъ, — безъ сомнѣнія, для того, чтобы сдѣлать свое возвращеніе невозможнымъ, — къ отправляемымъ въ Венецію дипломатическимъ бумагамъ объявленіе о землетрясеніи. Въ слѣдующемъ (1783) году мы находимъ его уже въ Антверпенѣ и потомъ въ Парижѣ, гдѣ онъ посѣщаетъ засѣданія академіи наукъ ³⁾. Въ это время онъ знакомится съ племянникомъ принца де-Линь, графомъ Вальдштейномъ, который даетъ ему у себя мѣсто секретаря и увозитъ его въ свой замокъ Дуксъ, въ Богеміи. Здѣсь Казанова и написалъ свои Записки, равно какъ нѣкоторыя другія произведенія.

Но дошли ли онѣ до насъ въполнѣ? Когда началъ онъ писать свои «Записки»? Замѣчательно одно его письмо изъ Дукса, отъ 8-го апрѣля 1791 года, къ тому же самому Гримани, котораго онъ такъ жестоко оскорбилъ въ своемъ: *Ne amore, ne donne*. Я пе-

¹⁾ *Histoire de ma fuite*, стр. 53, 269, 270.

²⁾ *Spiegazione del libro intitolato: Ne amori, ne donne*, рукопись съ приложеннымъ экземпляромъ этой книги, составляющая собственность *Fundazione Quirini-Stampolio*.

³⁾ *A Leonard Snetlage*, стр. 35.

перевожу его съ оригинала, обнародованнаго аббатомъ Фюленомъ ¹⁾).

«Ваше превосходительство!

«Теперь, когда мои лѣта заставляютъ меня думать, что мое жизненное поприще кончено, я написалъ исторію моей жизни. Разумѣется, любопытный господинъ (*le curieux seigneur*), которому я принадлежу и въ распоряженіи котораго останутся мои сочиненія, велитъ ее напечатать, лишь только я присоединюсь къ сонму покойниковъ. Въ этой исторіи, которая составитъ до 6-ти томовъ *in 8°* и будетъ, можетъ статься, переведена на всѣ языки, ваше превосходительство являетесь, въ 6-мъ томѣ, довольно интересною личностію. Когда вы прочтете книгу, то пожалѣете, что авторъ ея умеръ раньше, чѣмъ вы узнали мой образъ мыслей; тогда вы возвратите мнѣ, но слишкомъ поздно, вашу благосклонность. Ваше превосходительство, будучи, какъ я неоднократно замѣчалъ, глубокимъ наблюдателемъ человѣческаго сердца, увидите, какая бездна отдѣляетъ перо, пишущее подъ жгучимъ вліяніемъ недавней страсти, отъ того же пера, пишущаго спустя девять лѣтъ, при свѣтѣ чистой философіи. Моя исторія сдѣлается школой нравственности, тѣмъ болѣе замѣчательною, что въ ней читатель найдетъ только сатиру, которую я написалъ на самого себя и которая докажетъ ему, что, если-бъ человѣкъ, ее писавшій, могъ родиться снова, то сдѣлался бы превосходнымъ человѣкомъ. Если такъ, то ваше превосходительство согласитесь, что познакомиться съ моею жизнію будетъ очень полезно для тѣхъ читателей, которые еще не вышли изъ прекрасной поры молодости.

«Но, чтобы вашему превосходительству не пришлось употребить слишкомъ много времени на забвеніе безразсудной ошибки, сдѣланной мною девять лѣтъ назадъ, я этимъ письмомъ дѣлаю шагъ, отъ котораго ожидаю полнаго отпущенія моей вины, и надѣюсь, что это отпущеніе будетъ получено еще на столько благовременно, что я могу помѣстить его въ числѣ приложений, которыя войдутъ въ седьмой дополнительный томъ исторіи моей жизни. Этотъ томъ будетъ довольно великъ, такъ какъ при добромъ здоровьѣ, которымъ я пользуюсь, легко можетъ быть, что проживу еще лѣтъ десять, онъ можетъ изобиловать разными исторіями, которыя случатся со мною впослѣдствіи. Итакъ, вотъ въ сущности содержаніе того почтительнѣйшаго письма, которое будетъ напечатано въ дополненіи къ моей исторіи, вмѣстѣ съ благосклоннымъ отвѣтомъ, которымъ, какъ я надѣюсь, ваше превосходительство благоволите почтить меня.

«Понявъ яснымъ и спокойнымъ умомъ ту ошибку, которую я сдѣлалъ въ 1782 году, вооружившись непристойнымъ образомъ

¹⁾ Giacomo Casanova e gl'Inquisitori di Stato, стр. 31.

противъ вашего превосходительства, г. Карло Гримани, я горячо желаю представиться вамъ, чтобы, простершись у вашихъ ногъ, просить у васъ великодушнаго прощенія. Смѣю льстить себя надеждою, что получу его во вниманіе къ моей искренней исповѣди. Я поддался соблазну двухъ злыхъ демоновъ: демона гордыни и демона скупости.

«Первый впустилъ мнѣ, что съ моимъ умомъ я могу поставить себя на равную ногу съ вашимъ превосходительствомъ. Я ошибся. Убѣжденный въ томъ почтеніи, къ которому я былъ обязанъ по отношенію къ вамъ, и вполне сознавая раздѣлявшую насъ разницу происхожденія, я долженъ былъ бы преклонить голову, замолчать и удовольствоваться презрѣніемъ къ извѣстному Карлетти. Подобное чувство могло бы вполне успокоить мой духъ, справедливо возмущенный хитростію этого труса. Но я поступилъ не такъ и сдѣлалъ ошибку, задумавъ неблагородное мщеніе противъ вашего превосходительства, моего защитника, и жестоко провинился, употребивъ хитрость, чтобы осуществить эту месть, сдѣлавшуюся причиною того, что я, къ моему счастью, добровольно осудилъ себя на жизнь вдали отъ родины, гдѣ я только проявлялъ. То относительно счастливое положеніе, въ которомъ я теперь нахожусь, не можетъ вознаградить меня за горечь мысли о нанесенномъ мною вашему превосходительству оскорбленіи. Я ошибся! я ошибся! я ошибся! и прошу у васъ въ этомъ прощенія. Осмѣливаюсь напомнить вамъ, что презрѣніе было бы немилостиво. Отвѣтомъ на презрѣніе служить ненависть, а я не умѣю васъ ненавидѣть, котораго знаю съ пеленокъ и котораго всегда нѣжно любилъ.

«Другой демонъ, овладѣвшій мною въ этотъ влосчастный день, былъ подлый демонъ скупости. Мнѣ показалось, что этотъ мошенникъ ограбилъ меня на 12 жалкихъ секиновъ и что я не долженъ снести этой обиды. Я не понималъ, что вѣсы, находившіяся въ рукахъ вашего превосходительства, должны были склониться на его сторону, и въ пылу гнѣва я уже не помнилъ, что тѣ же щедрыя руки не разъ были открыты для меня въ нуждѣ, которую мнѣ часто приходилось терпѣть. Заслуживаю ли я прощенія, или нѣтъ, это вопросъ, который я охотно предоставляю усмотрѣнію вашего превосходительства.

«Мнѣ ничего не надо, кромѣ того, чтобы вы благосклонно вспоминали обо мнѣ втеченіе остальной долгой жизни, которой я вамъ желаю, и чтобы современемъ достойные сыновья, которые у васъ рождаются, научились примѣромъ своего отца не превратить того, кто сознаетъ свою вину и раскаивается въ ней, а прощать его вполне.

«Съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть» и проч.

Послѣ этого письма, писаннаго въ 1791 году, слѣдовало бы ожидать, что Записки будутъ доведены до 1782 года. Между тѣмъ въ томъ видѣ, въ какомъ это сочиненіе дошло до насъ, оно со-

вершено неожиданно останавливается на 1774 годѣ, оканчиваясь слѣдующимъ образомъ: «Она уѣхала изъ Триеста со всею своею труппой, около половины поста. Читатель снова встрѣтитъ ее, спустя пять лѣтъ, въ Падуѣ, во время моихъ интимныхъ отношеній къ ея дочери,—*matre pulchra, filia pulchrior!*» Существуетъ ли это продолженіе? Рѣшительное, повидимому, доказательство этому представляетъ оригинальная рукопись, принадлежащая торговому дому Брокгауза. Это одинъ томъ, съ слѣдующимъ написаннымъ рукою самого автора заглавіемъ: «Исторія моей жизни до 1797 года». Г. Арманъ Баше полагаетъ, что конецъ ея, заключавшій въ себѣ много разоблаченій, болѣе или менѣе неприятныхъ для графа Вальдштейна, былъ уничтоженъ или самимъ графомъ, или подъ его вліяніемъ. Анконскій профессоръ, напротивъ, думаетъ, что остальное разбросано по разнымъ документамъ и никогда не было въ порядкѣ изложено. Таково и мое мнѣніе, которое я постараюсь подкрѣпить новыми соображеніями.

Судя по письму къ Гримани, Казанова еще въ 1791 году окончилъ всю исторію своей жизни, не исключая и послѣднихъ лѣтъ, проведенныхъ въ Венеціи; но это увѣреніе не заслуживаетъ серебрянаго довѣрія. Дѣйствительно, въ 1788 году, Казанова писалъ въ «Исторіи» своего бѣгства изъ Свинцовыхъ тюремъ: «Когда мнѣ придетъ охота написать исторію всего, что случилось со мною въ продолженіе 18-ти лѣтъ, проведенныхъ въ путешествіяхъ по всей Европѣ, до той поры, когда государственнымъ инквизиторамъ угодно было позволить мнѣ, весьма почетнымъ для меня образомъ, возвратиться свободнымъ въ мое отечество, то я начну ее съ этого времени».

Этотъ отрывокъ ясно доказываетъ, что Записки были начаты послѣ 1788 года и что у Казановы не было тогда намѣренія вести ихъ далѣе 1774 года. Необходимо допустить, что онъ употребилъ нѣкоторое время на подготовку. Въ 1789 и 1790 годахъ, Казанова очень усердно трудился надъ задачей объ удвоеніи куба; слѣдовательно, для начала Записокъ приходится ваять еще болѣе позднее время, именно 1791 годъ. Можно допустить, что планъ Записокъ былъ тогда уже оконченъ, и съ этого времени должна была начаться ихъ редакция. Съ другой стороны, подъ конецъ своего труда, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ, авторъ говоритъ, что уже семь лѣтъ онъ пишетъ только свои Записки; слѣдовательно, редакцію этой части слѣдуетъ отнести къ 1798 году. Ни на одной части нѣтъ отиѣтки о томъ, что она редактирована позже 1798 года. Между тѣмъ, предисловіе, написанное, безъ сомнѣнія, уже въ то время, когда сочиненіе подходило къ концу или даже было совсѣмъ окончено, помѣчено 1797 годомъ. Г. Арманъ Баше напечаталъ письмо Казановы, отъ 27-го апрѣля 1797 года, къ одному неизвѣстному лицу, съ приложеніемъ предисловія, исправ-

леннаго по его совѣтамъ. Когда же была написана исторія годовъ, слѣдовавшихъ за 1774-мъ? Нельзя предположить, чтобъ она была написана послѣ предисловія, а раньше на это не было времени.

Какъ бы то ни было, Казанова неоднократно колебался относительно того, какіе размѣры дать своему труду, и, безъ сомнѣнія, въ тѣ минуты, когда онъ находилъ себя правымъ и давалъ себѣ отпущеніе въ грѣхахъ, у него явилось намѣреніе продолжать свою исторію до 1797 года; этимъ объясняются его письмо къ Гримани, заглавіе его рукописи и разныя мѣста въ Запискахъ. Онъ возвратился, однако, къ своему первоначальному проекту: описать свою жизнь только до 1774 года. Почему? До 1774 года онъ является отчаяннымъ развратникомъ, который многихъ обманываетъ, подобно г. Сенъ-Жермену; если онъ самъ не плутуетъ въ игрѣ, то соединяется съ плутами; однако, у него есть гордость,—что доказано дѣломъ съ Браницкимъ,— есть порывы великодушія, въ доказательство чего достаточно указать на его привязанность къ развратному пьяницѣ Вальби, котораго онъ два раза избавляетъ отъ заключенія въ Свинцовыхъ тюрьмахъ. «Среди страшныхъ безобразій своей бурной молодости, въ водоворотѣ довольно сомнительныхъ приключеній,—говоритъ принцъ де-Линь¹⁾,—онъ, всетаки, доказалъ, что у него есть честь, чувство деликатности и мужество». Но, начиная съ 1774 года,—o! che la bella cosa!—этотъ покоритель сердецъ, этотъ человѣкъ, имѣвшій честь представляться шести монархамъ, этотъ гордый упрямецъ доходитъ до того, что превращается въ шпиона, состоящаго на службѣ инквизиціи, и не можетъ ничѣмъ извинить этого паденія, кромѣ голода! Его нравственное чувство возмутилось при мысли явиться въ такомъ жалкомъ видѣ, ибо подъ конецъ Записокъ онъ становится уже человѣкомъ нравственнымъ; онъ говоритъ, что добродѣтель всегда имѣла для него больше привлекательности, чѣмъ, порокъ, и что для того, чтобы сдѣлаться истиннымъ мудрецомъ, ему не доставало лишь стеченія весьма немногихъ обстоятельствъ²⁾. Картины, которыя онъ рисуетъ, представляютъ, съ начала до конца книги, циническій характеръ; но это не преднамѣренное распутство, а только похотливые порывы безсильной и безотрадной старости.

«Великій Боже и всѣ вы, свидѣтели моей смерти, я жилъ философомъ и умираю христіаниномъ»,—говорилъ онъ при своей смерти. Но когда онъ умеръ? По словамъ принца де-Линь, это случилось послѣ четырнадцатилѣтняго пребыванія его въ Дуксѣ, слѣдовательно, въ 1798 году. Г. Э. Брокгаузъ увѣряетъ, что это было именно 4-го іюня 1798 г., но при этомъ не указываетъ, на какомъ документѣ онъ основывается³⁾. Гг. Арманъ Баше и анконскій про-

¹⁾ Aventures.

²⁾ Mémoires, VIII, 89 (изд. Гарнье).

³⁾ Friedrich Arnold Brockhaus, sein Leben und Walten, т. II, стр. 340.

фессоръ Александръ приводятъ то же самое число. Другіе, Гамба ¹⁾ и Башанъ ²⁾ утверждаютъ, что онъ умеръ въ 1803 году. Г. Де-нуартерръ говоритъ, что неизвѣстно, въ которомъ году онъ умеръ, въ 1799 или 1803 ³⁾. Я нашелъ въ каталогахъ знаменитой коллекціи г. Моррисона указаніе на одно письмо Джакомо Казановы, отъ 18-го февраля 1803 года, такъ что этимъ, очевидно, исключаются всѣ указанія 1798 и 1799 годовъ. Но больше этого и я ничего не знаю.

Все, что сказано выше, по моему мнѣнію, служить достаточнымъ доказательствомъ, что на Казанову нельзя смотрѣть, какъ на обыкновеннаго авантюриста. Между тѣмъ, далеко не всѣ его произведенія послужили матеріаломъ для моихъ цитатъ. Извѣстно, что, затронутый въ своемъ личномъ тщеславіи, онъ постарался отдѣлать Вольтера, потому что фернейскому патриарху не слишкомъ понравился его итальянскій переводъ Шотландки. Въ своихъ Запискахъ ⁴⁾ Казанова честно оговаривается въ тѣхъ увлеченіяхъ, которымъ онъ поддался въ качествѣ критика, но, тѣмъ не менѣе, весьма справедливо указываетъ на чрезмѣрное пренебреженіе Вольтера къ античному міру, на его смѣшныя притязанія въ качествѣ владѣльца Фернейскаго замка, на его неспособность къ эпосу, на плохо скрытыя заимствованія въ его трагедіяхъ, на скудость его комическаго таланта и недостатки его исторической системы. Казанова издалъ, кромѣ того, три большихъ тома in 4° перевода въ стихахъ Иліады съ подробными примѣчаніями о предшествовавшихъ ему переводахъ, съ разсужденіями о Гомерѣ и его поэмахъ, о древности поэзіи, о происхожденіи грековъ и троянъ у Гомера и съ множествомъ примѣчаній къ каждой книгѣ. Далѣе идутъ пять томовъ романа Изакамеронъ, исторія двухъ любовниковъ, которые провели двадцать лѣтъ въ центрѣ земли, въ странѣ чудесъ, это—всякая всячина разныхъ научныхъ фантазій, возобновленная въ наше время Жюлемъ Верномъ, съ тою только разницей, что у послѣдняго мы не встрѣчаемъ такого обилія идей. Я не скажу ни слова о плохомъ историческомъ романѣ Казановы подъ заглавіемъ: *Aneddoti vineggiani militari ed amorosi del secolo decimo quarto sotto i dogadi di Giovanni Gradepigo el di Giovanni Dolfin* (Венеціанскіе военные и любовные анекдоты XIV вѣка, въ управленіе дожей Джіованни Градениго и Джіованни Дольфина), который онъ пустилъ въ продажу, безъ сомнѣнія, нуждаясь въ средствахъ къ существованію. Но есть другія литературныя его произведенія, какъ, напр., письмо къ Снетлаге, содержащее въ себѣ

¹⁾ Biographia degl' Italiani illustri.

²⁾ Biographie universelle.

³⁾ Biographie générale.

⁴⁾ Mémoires, IV, 472; V, 135 (изд. Гарнье).

остроумную порою критику неологизмовъ, введенныхъ во французскій языкъ революціей и съ тѣхъ поръ вошедшихъ въ употребленіе. Его возраженіе на Исторію венеціанскаго правительства, соч. Ансело де-ла-Гусса, есть произведеніе патриотическое, не отличающееся достоинствами изложеніями, но интересное и не лишенное даже эрудиціи, со многими историческими примѣчаніями и безконечными философскими разсужденіями.

Казанова издалъ три сочиненія по вопросу объ удвоеніи куба, которыя, разумѣется, не могли рѣшить этой неразрѣшимой задачи; но по этому поводу онъ говоритъ, подобно Канту, котораго онъ не зналъ: «Пространство и время суть предметы отвлеченные, существующіе только въ воображеніи». Всѣ эти сочиненія принадлежатъ къ числу самыхъ рѣдкихъ, которыхъ почти невозможно найти. Есть еще одно произведеніе, котораго, сколько мнѣ извѣстно, никто не видалъ: исторія безпорядковъ, происходившихъ въ Польшѣ со времени кончины Елисаветы Петровны до заключенія мира между Россіей и Портою Оттоманскою; эта исторія, заключающая въ себѣ описаніе всѣхъ событій, вызвавшихъ переворотъ въ этомъ королевствѣ, вышла въ трехъ частяхъ, въ Горицѣ, въ 1774 году. Въ числѣ неизданныхъ сочиненій Казановы находится Опытъ критики нравовъ, наукъ и искусствъ, нѣчто въ родѣ каталога противорѣчій между практическою жизнію и предразсудками каждой науки. Это сочиненіе, по обыкновенію, богатое оригинальными размышленіями, естественно не могло имѣть успѣха, но его идея напоминаетъ идеи Канта и Густава Флобера (Bauvard et Roussichet). Наконецъ, заслуживаетъ вниманія его записка о ростовщичествѣ. Императоръ Іосифъ II назначилъ премію въ шесть фунтовъ золотомъ за сочиненіе, которое указало бы средства къ уничтоженію ростовщичества безъ изданія карательныхъ противъ него законовъ. Казанова предлагаетъ уничтоженіе всѣхъ такъ называемыхъ векселей, освобожденіе всѣхъ содержащихся въ тюрьмахъ за неплатежъ по векселямъ, учрежденіе конторы страхованія жизни и учрежденіе общаго императорскаго и королевскаго банка—мѣры превосходныя, но, къ сожалѣнію, остающіяся нѣдѣйствительными.

Удивительно ли послѣ этого, что остроумный графъ Рамбергъ называлъ Казанову «человѣкомъ, извѣстнымъ въ литературѣ, человѣкомъ, обладающимъ глубокими познаніями», и что принцъ де-Линь сказалъ: «Казанова необыкновенно умный человѣкъ, каждое слово котораго составляетъ черту и каждая мысль книгу?» Любовь къ литературѣ является у него характеристическою чертою среди длиннаго ряда авантюристовъ минувшаго вѣка; пусть же литераторы снисходительно отнесутся къ его памяти.

Шарль Генри.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЯ БРОЖЕНІЯ ВЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ ВЪ 1846 И 1847 ГОДАХЪ.

ВЪ КОНЦѢ 1883 года, умеръ въ Кіевѣ протоіерей А. М. В—скій, занимавшій видное мѣсто въ епархіальной администраціи. Бумаги его проданы были букинистамъ, или же евреямъ, на вѣсь и только нѣкоторыя изъ нихъ приобрѣтены были пишущимъ эти строки уже изъ третьихъ рукъ. Между этими бумагами оказалось нѣсколько секретныхъ дѣлъ изъ канцеляріи покойнаго митрополита кіевского Филарета, скончавшагося въ 1857 году. Вѣроятно, они взяты были кѣмъ либо изъ духовныхъ лицъ, участвовавшихъ при описи имущества покойнаго митрополита Филарета или его преемниковъ Арсенія и Филоея. Въ настоящее время мы намѣрены познакомить читателей съ содержаніемъ трехъ такихъ секретныхъ дѣлъ, впрочемъ, уже потерявшихъ въ настоящее время свой секретный характеръ, вслѣдствіе отдаленности изображаемыхъ въ нихъ событій отъ настоящаго времени и измѣненія условій социально-общественныхъ отношеній. Эти дѣла слѣдующія:

1) «Дѣло о тайныхъ будто бы замыслахъ поляковъ-помѣщиковъ къ мятежу», 1846 года (№ 15); 2) «Дѣло по отношенію кіевского военнаго генераль-губернатора о томъ, что польскіе выходцы собираются на Дунаѣ, въ окрестностяхъ Тульчи, и имѣютъ тайныя сношенія съ однимъ монахомъ въ Кіевѣ и другимъ монахомъ Методіусомъ съ Аэона, собирающимъ въ Россіи подаянія», 1847 года (№ 16), и 3) «Дѣло по отношеніямъ кіевского военнаго генераль-губернатора о разныхъ предосудительныхъ и вредныхъ общественному спокойствію поступкахъ разныхъ священниковъ Кіевской епар-

хія», 1847 года (№ 18). Заглавіе послѣдняго дѣла, впрочемъ, не совсѣмъ точно: оно главнымъ образомъ касается распространившихся въ 1847 году въ Кіевской губерніи слуховъ о возобновленіи коліивщины, или рѣзни ляховъ и жидовъ, и вообще взаимныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками польскаго происхожденія. Такимъ образомъ, всѣ эти три дѣла имѣютъ общественно-политическій интересъ и служатъ къ характеристикѣ взаимныхъ отношеній между разноплеменнымъ населеніемъ Кіевской губерніи. Разсмотримъ каждое изъ этихъ дѣлъ въ отдѣльности.

I.

Въ концѣ 1845-го или въ самомъ началѣ 1846 года, послѣдовало секретное предписаніе, по резолюціи кіевскаго митрополта Филарета, духовенству епархіи относительно наблюденія за дѣйствіями поляковъ и духовъ, въ народѣ распространяемымъ. Вѣроятно, это предписаніе послѣдовало вслѣдствіе отношенія кіевскаго генералъ-губернатора Вибикова, къ которому отсылались всѣ рапорты, поступавшіе вслѣдствіе вышеозначеннаго предписанія.

Такихъ рапортовъ мы имѣемъ три, которые, сообщая нѣкоторыя свѣдѣнія о польскомъ движеніи, не выдавали ихъ за достовѣрныя, а одинъ изъ нихъ даже положительно признанъ былъ ложнымъ и выдуманымъ.

Липовецкій протоіерей Іоаннъ Шаббатовичъ въ рапортѣ своемъ, отъ 16 марта 1846 года, за № 24, доводитъ до свѣдѣнія кіевскаго митрополита Филарета о нижеслѣдующихъ обстоятельствахъ:

«1) 14 марта, я узналъ отъ нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, что въ осеннее время минувшаго 1845 года во многихъ мѣстахъ Липовецкаго уѣзда, подъ предлогомъ травли звѣрей, собиралось необыкновенное количество поляковъ изъ разныхъ, даже отдаленныхъ уѣздовъ, и при семъ случаѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ всѣхъ крестьянъ, бывшихъ на охотѣ, подчивали водкою и награждали деньгами, такъ что сами крестьяне, недоумѣвая, за что имъ оказываема была такая милость, съ подозрѣніемъ рассказывали о томъ другимъ.

«2) Въ то же время, т. е. осеннее, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, особенно Боршовкѣ и Красненькомъ, пронесена была молва, якобы послѣдовалъ указъ, что крестьяне должны платить дань, сверхъ подушнаго оклада, отъ всякой иконы, сколько таковыхъ будетъ въ домѣ: за иконы Спасителя и Божіей Матери по 30 копѣекъ, св. Николая 15, а за другихъ угодниковъ 10 коп. серебромъ.

«О сихъ двухъ обстоятельствахъ, какъ, уповательно, уже бывшихъ подъ розысканіемъ полицейскимъ, я не сообщалъ никому. Слѣдующіе же пункты, за полученіемъ извѣстія, я, не медля, передалъ г. земскому исправнику.

«3) Священникъ села Боршовки, Еразмъ Волошкевичъ, 11 или 12 марта, занимаясь полевыми работами, видѣлъ, что четыре чело-вѣка поляковъ на верховыхъ лошадяхъ показались изъ чащи лѣса, куда не была проложена никакая дорога, и, какъ бы разсматривая окрестности, опять спрятались въ лѣсъ.

«4) По дорогѣ, идущей отъ мѣстечка Вилинецъ къ Жорнищамъ, совершаются необыкновенные разѣзды поляковъ въ экипажахъ.

«5) Помѣщикъ села Якубовки непрерывно обучаетъ въ ма-нежѣ большое количество лошадей.

«6) На свадьбѣ у одного однодворца села Боршовки, въ февралѣ мѣсяцѣ сего года, какою-то мелкою шляхтою было произнесено: «Мы не подаримъ царю, что онъ лишилъ насъ дворянства и по-жаловалъ всѣхъ въ однодворцы». Слова сіи, по увѣренію дьячка Духовскаго, слышали вдовствующая старуха Духовская и дочь ея.

«Всѣхъ таковыхъ свѣдѣній, дошедшихъ до меня, не выдавая за достовѣрныя, но по соображенію замѣчая, что и въ душахъ нѣ-которыхъ жителей Липовецкаго уѣзда кроется что-то злое и для спокойствія общественнаго небезопасное, я, по долгу вѣрноподдан-нической присяги, слѣшу донести о томъ смиреннѣйше вашему высокопреосвященству».

Другой рапортъ принадлежитъ благочинному 5-й части Радо-мысльскаго уѣзда, священнику Евстаѳію Ясинскому, и помѣченъ 17 сентября 1847 года. «Вѣдомства моего, — писалъ благочинный Ясинскій, — села Карпиловки, Троицкой церкви діаконъ Феодоръ Хотинскій, 14 числа сего сентября мѣсяца, донесъ мнѣ рапортомъ, что, 1 числа августа мѣсяца сего года, неизвѣстный ему по имени и фамиліи отставной солдатъ (служившій прежде въ польскомъ войскѣ) пріѣхалъ въ село Карпиловку съ дворяниномъ Антоніемъ Добровольскимъ, находящимся нынѣ на жительствѣ въ городѣ Жи-томірѣ, и, пришедъ въ домъ діакона Хотинскаго, сказалъ ему, что господинъ его Антоній Добровольскій прислалъ просить его, діакона, приглашать чернь на сторону мятежниковъ. Хотя за вѣр-ность сего доноса я не ручаюсь и при разслѣдованіи по сему дѣлу доказать ничего не могу; но, дабы отвѣтственность на меня не пала въ случаѣ какого нибудь возмущенія, долгомъ поставляю до-нести о семъ вашему высокопреосвященству, съ приложеніемъ при семъ въ подлинникѣ рапорта діакона Хотинскаго¹⁾».

¹⁾ Вотъ самый рапортъ діакона Хотинскаго: «Сего года 1 августа, неизвѣст-ный мнѣ отставной солдатъ, неизвѣстный мнѣ по имени и фамиліи, пришедши въ мой домъ, говорилъ мнѣ, что его прислалъ ко мнѣ господинъ его Антоній Добровольскій, чтобы я приглашалъ мужиковъ на сторону шайки мятежниковъ, и говорилъ такъ: что если сбунтуемъ чернь, то возьмемъ по самый Глуховъ, и для васъ будетъ очень хорошо. Я же ему отвѣтилъ такъ: что у нашего царя солдатъ много. А еще спрашивалъ его: кого пригласили? но онъ отвѣтилъ, что еще только ѣдимъ и приглашаемъ.—А помѣщикъ Вержбицкій, какъ онъ вамъ помогаетъ?—Онъ же отвѣтилъ, что дасть денежное пособіе».

Наконецъ, священникъ мѣстечка Вѣлиловки, Бердичевскаго уѣзда, А-ръ Мацкевичъ, со словъ крестьянъ, сдѣлалъ доносъ, будто бы помѣщикъ села Немиринецъ, Аполлиарій Абрамовичъ, имѣеть у себя мятежнческія оружія, хранившіяся прежде у тамошняго священника Лаврентія Волошкевича, и даже самъ рѣшился ѣздить съ исправникомъ въ имѣніе помѣщика Абрамовича села Немиринецъ «для бытности при обыскахъ объ оружіи, спрятанномъ будто бы въ клунѣ». Доносъ оказался ложнымъ и выдуманымъ. Кіевскій военный генераль-губернаторъ Бибииковъ нашелъ, что «священнику не слѣдуетъ вмѣшиваться въ подобныя дѣла и ѣздить для обысковъ», и потому предложилъ митрополиту Филарету вызвать священника Мацкевича въ Кіевъ и «сдѣлать съ него приличное выисканіе»¹⁾. Съ своей стороны, и немиринецкій священникъ, примѣшанный къ этому дѣлу, какъ укrywатель оружія, жаловался митрополиту Филарету на священника Мацкевича и просилъ его заставить Мацкевича доказывать свой доносъ формальнымъ порядкомъ и за клевету предать его суду²⁾. Вытребованный въ Кіевъ къ митрополиту Филарету, священникъ Мацкевичъ подалъ слѣдующее письменное объясненіе: «Пономарь приходской моей церкви, Семень Паславскій, объявилъ мнѣ, что онъ въ вѣренномъ мнѣ Вѣлиловскомъ приходскомъ училищѣ слышалъ отъ ученика Емеліана Дзюбы, имѣющаго 20 лѣтъ, рассказывавшаго, что къ бѣлиловскому одиодворцу Ивану Дубравскому приходили крестьяне села Немиринецъ, чтобъ онъ написалъ имъ донесеніе о томъ, что помѣщикъ ихъ Аполлиарій Абрамовичъ имѣеть у себя мятежнческія оружія, хранившіяся прежде у тамошняго священника и послѣ перевезенныя въ клуню Абрамовича, и когда ученикъ Дзюба рассказывалъ это въ училищѣ, то при этомъ находился еще другой ученикъ Николай Романюкъ и сторожъ церковный Иванъ Мисковъ. Политическая важность такового дѣла и то, что рассказ сей происходилъ между учениками вѣреннаго мнѣ училища, побудили меня обратить на это ближайшее, особенное вниманіе. Поэтому я, предварительно объявивши на словахъ, секретнымъ отношеніемъ увѣдомилъ живущаго въ мѣстечкѣ Вѣлиловкѣ отдѣльнаго помощника сквирскаго окружнаго начальника государственныхъ имуществъ Еремѣева и также секретно рапортовалъ махновскому духовному правленію, не ручаясь, впрочемъ, за справедливость такового дѣла, а доносилъ то, о чемъ слышалъ и чего не могъ не донести. Получивши объ этомъ отношеніе отъ помощника окружнаго начальника Еремѣева, бердичевскій земскій исправникъ Прокоповичъ, 28 марта, будучи въ мѣстечкѣ Вѣлиловкѣ, пригласилъ въ свою квартиру Еремѣева и меня и при насъ взялъ письменное показаніе съ

¹⁾ Отношеніе генераль-губернатора, отъ 2 апрѣля 1846 г., за № 521-мъ.

²⁾ Прощеніе Волошкевича писано 30 апрѣля 1846 года.

однодворца Дубравскаго, который показалъ то же самое, что объявилъ мнѣ пономарь Паславскій, и такое показаніе, по требованію исправника, подписанное имъ самимъ, подписано было Еремѣевымъ и мною въ томъ, что мы находились при взятіи онаго съ Дубравскаго. Изъ этого одного уже слѣдуетъ, что я не былъ ложнымъ доносчикомъ, потому что мой доносъ, основанный на объявленіи мнѣ пономаря Паславскаго, подтвердился письменнымъ показаніемъ Дубравскаго, которое должно быть приобщено къ дѣлу. А между тѣмъ, тогда же земскій исправникъ пригласилъ Еремѣева и меня, чтобы на другой день, въ 6 часовъ утра, вмѣстѣ съ нимъ мы отправились въ село Немиринцы, и того же утра присылалъ ко мнѣ человекъ, чтобы я прибылъ къ нему для этого. Съ одной стороны, не могли отказаться изъ одной вѣжливости на приглашеніе земскаго исправника, съ другой, имѣя въ виду то, что въ село Немиринцы для допросовъ потребованы исправникомъ церкви моей пономарь, сторожъ церковный и ученики ввѣреннаго мнѣ училища, Дзюба и Романюкъ, кои особенно находятся подъ ближайшимъ моимъ непосредственнымъ руководительствомъ и попеченіемъ и, слѣдовательно, должны быть спрашиваемы не иначе, какъ въ присутствіи моемъ, я вмѣстѣ съ исправникомъ и помощникомъ окружнаго начальника Еремѣевымъ, по приглашенію перваго, отправился въ оное село, но ничуть не участвовалъ въ обыскѣ мятежническихъ оружій, потому даже, что при мнѣ такого обыска и не было; ибо, хотя нѣкоторые изъ крестьянъ тамошнихъ при мнѣ и объявили исправнику, что въ приселкѣ, принадлежащемъ къ Немиринцамъ, деревнѣ Княжикахъ, имѣніи того же помѣщика Абрамовича, въ клунѣ сохраняются мятежническія оружія, — земскій исправникъ въ тотъ же день, когда я находился въ Немиринцахъ, не ѣздилъ туда для обыска. При бытности же моей снимаемы были частныя безприсяжныя показанія и разспросы, при коихъ я находился, единственно исполняя волю исправника, духовными увѣщаніями дѣйствовалъ на совѣсть допрашиваемыхъ, склоняя ихъ говорить истину, такъ какъ они были спрашиваемы безъ предварительной присяги.

«15-го апрѣля, крестьянинъ села Немиринецъ, Иванъ Андреевъ, во время нахождения моего въ церкви предъ начатіемъ божественной литургіи, чрезъ моего причетника просилъ отслужить акаѳистъ, во время чтенія каковаго замѣтилъ я, что крестьянинъ сей предъ иконою со слезами на глазахъ, съ особеннымъ благоговѣніемъ и скорбію молился. Замѣтивъ это, я, призвавъ его въ алтарь, спросилъ о причинѣ его скорби, такъ какъ долгъ мой требуетъ утѣшать скорбящихъ, и онъ объявилъ мнѣ, между прочимъ, что онъ ушелъ отъ преслѣдованія тамошней помѣщицкѣй экономіи за то, что нѣкоторые изъ крестьянъ хотѣли обнаружить на своего помѣщика о скрываемыхъ будто бы имъ мятежническихъ оружіяхъ. При этомъ случаѣ я, указавъ ему на св. престолъ и жертвенникъ,

именемъ Божиимъ требоваль отъ него сказать истину,—и онъ объявилъ, что мятежническія оружія были у помѣщика Аполлинарія Абрамовича, но когда тамошняя экономія владѣльческая узнала, что объ этомъ уже сдѣлалось извѣстно, то ихъ затопили въ рѣкѣ, и въ этомъ онъ ссылался на другаго крестьянина, поименованнаго мною въ отзывѣ по сему дѣлу къ исправнику. По окончаніи литургіи, когда объявили мнѣ, что исправникъ находится въ Немиринцахъ, куда потребоваль для допросовъ при слѣдствіи моихъ пономаря, церковнаго сторожа и вышеозначенныхъ двухъ учениковъ, я отправился туда же для того, чтобы передать исправнику то, о чемъ говорилъ мнѣ крестьянинъ Андреевъ. Прибывши въ ту квартиру, гдѣ производилось слѣдствіе, я не засталъ въ ней земскаго исправника, находившагося въ то время у помѣщика Аполлинарія Абрамовича, а потому долженъ былъ подождать, пока онъ пришелъ отъ него, и передалъ ему на словахъ говоренное мнѣ крестьяниномъ Андреевымъ. А между тѣмъ, при этомъ же, изъ показаній пономаря, церковнаго сторожа и означенныхъ двухъ учениковъ, взятыхъ съ нихъ уже за присягою, узналъ я, что они совершенно подтвердили то, о чемъ писалъ я въ отношеніи своемъ къ помощнику окружнаго начальника государственныхъ имуществъ Еремѣеву и рапортъ въ махновское духовное правленіе; да и самъ однопорецъ Дубравскій, къ которому приходили немиринскіе крестьяне, и бывшіе при этомъ случаѣ сторонніе свидѣтели подтвердили то же, что писалъ я въ таковомъ отношеніи и рапортъ,—новое доказательство, что доношеніе мое ни въ какомъ случаѣ не можетъ назваться ложнымъ. Послѣ таковыхъ разспросовъ, когда уже мои пономарь, сторожъ церковный и два ученика отпущены были къ своимъ мѣстамъ, исправникъ возвратился на прежнее свое мѣсто къ помѣщику Аполлинарію Абрамовичу, а я отправился на свое мѣсто, въ Бѣлиловку.

«Наконецъ, долженъ сказать, что, если земскій бердичевскій исправникъ находилъ, что мнѣ не должно было находиться съ нимъ въ вышеозначенныхъ случаяхъ въ Немиринцахъ, то онъ тогда же могъ объявить мнѣ объ этомъ, и я сейчасъ же бы удалился; но поелику онъ не только не удалялъ меня, а напротивъ—просилъ, чтобы я ѣхалъ съ нимъ и находился въ таковыхъ случаяхъ, потому я исполнилъ его желаніе и не поступилъ самоправно и неосновательно.

«Взаключеніе же я долженъ сказать, что я въ семъ случаѣ исполнялъ требованіе начальства, донесши о той молвѣ, которая, по своему содержанію, противна государственному спокойствію, и побужденіемъ въ этомъ была вѣрность Царю и Отечеству. И потому припадаю къ святительскимъ стопамъ вашего высокопреосвященства и смиреннѣйше прошу принять меня подъ свое отеческое архипастырское покровительство и защитить тамъ, гдѣ я дѣйствовалъ какъ вѣрный сынъ отечества. 1846 года, мая 8-го».

II.

Въ 1847 году, возникло новое дѣло о сношеніяхъ польскихъ выходцевъ на Дунаѣ съ однимъ киевскимъ и другимъ аеонскимъ монахами. Генераль-адъютантъ графъ Орловъ, отъ 28-го февраля 1847 года, сообщилъ киевскому генераль-губернатору Бибикову о дошедшемъ до него свѣдѣніи, что польскіе выходцы, собирающіеся на правомъ берегу Дуная, особенно въ окрестностяхъ Тульчи, имѣютъ тайное сношеніе съ какимъ-то монахомъ въ Кіевѣ и другимъ еще монахомъ Методіусомъ, который будто бы высланъ изъ монастыря Каракаллы, что на Аеонской горѣ, въ Россію для сбора подаяній. Въ свою очередь, сообщая о семъ киевскому митрополиту Филарету, отъ 3-го марта того же года, за № 684, генераль-губернаторъ Бибиковъ писалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Не изволите ли сдѣлать какое совершенно секретное распоряженіе къ наблюденію за монахами, не имѣетъ ли кто изъ нихъ дѣйствительно какихъ сношеній съ польскими выходцами, и если бы что либо по сему предмету могло обнаружиться, или падать на кого какія основательныя подозрѣнія, то не оставьте почтить меня о томъ увѣдомленіемъ».

Митрополитъ Филаретъ потребовалъ отъ консисторіи и Киево-Михайловскаго монастыря свѣдѣній о наименѣе благонадежныхъ монахахъ, каковыя и доставлены были ему, 17-го числа того же марта. Изъ этихъ свѣдѣній оказывается, что въ киевскихъ монастыряхъ проживали слѣдующіе неблагонадежные и подозрительные монахи: 1) Антонинъ Соколь и 2) Иосафатъ Цѣхоцкій. Монахи сіи, по высочайшему повелѣнію, препровождены изъ Курской обители бывшаго унатскаго обряда, по открытіи оной, въ Кіевъ и помѣщены, 24-го сентября 1844 года, первый — въ Михайловскій монастырь, а второй — въ Киево-Братскій, съ тѣмъ, чтобы настоятели имѣли за ними строгій присмотръ и доносили митрополиту Филарету пополугодно о поведеніи и успѣхахъ обращенія ихъ къ православію, для равномѣрнаго донесенія о томъ святѣйшему правительствующему синоду, о чемъ и исполняемо было своевременно. Послѣдній изъ сихъ монаховъ, Цѣхоцкій, 24-го октября 1846 года умеръ. 3) Иеромонахъ Густъ. Свѣдѣніи о немъ: Иеромонахъ 46 лѣтъ; по окончаніи курса богословскихъ наукъ въ кременецкихъ училищахъ, опредѣленъ въ Любарскій базилианскій монастырь ризничимъ и былъ учителемъ низшаго уѣзднаго училища любарскаго 1827 года 8-го іюля; въ монашество постриженъ, 28-го февраля 1823 года, въ Почаевской лаврѣ; 1826 года 29-го декабря, рукоположенъ въ іеродиакона, а 30-го того же декабря въ іеромонаха. Первоначально исправлялъ въ лаврѣ едирское послушаніе, а потомъ опредѣленъ

помощникомъ въ счетный столъ, 1835 года марта 22-го; 1836 года 10-го апрѣля, за увольненіемъ отъ сей должности, опредѣленъ келаремъ; 1838 года 11-го ноября, по прошенію, перемѣщенъ въ первоклассный Острожскій Дерманскій монастырь; 1841 года 4-го октября, по прошенію, перемѣщенъ въ Кіево-Златоверхо-Михайловскій монастырь; 1843 года 20-го октября, опредѣленъ въ семь монастырѣ письмоводителемъ; отъ сей должности, по прошенію, уволенъ, 13-го мая 1844 года. По послужнымъ спискамъ за 1845 годъ отмѣченъ: «качества хорошихъ и способенъ». Сей іеромонахъ Іустъ просилъ о перемѣщеніи его изъ Кіево-Михайловскаго въ Братскій первоклассный монастырь, но вслѣдствіе отъѣзда преосвященнаго викарія кіевского Аполлинарія о нетрезвой жизни его, Іуста, по революціи митрополита Филарета, перемѣщенъ въ заштатный Корсунскій Онуфріевскій монастырь, по поводу чего онъ жаловался святѣйшему синоду на распоряженіе кіевского епархіальнаго начальства, по каковой жалобѣ указомъ св. синода требуются надлежащія свѣдѣнія и изготовляются канцелярією консисторіи. О послѣднихъ двухъ лицахъ, т. е. іеромонахахъ Антонинѣ Соколѣ и Іустинѣ, представилъ свѣдѣнія и намѣстникъ Кіево-Михайловскаго монастыря, игумень Григорій, который доносилъ, что до 1846 года правленіе монастырское постоянно доставляло консисторіи полугодичныя свѣдѣнія о поведеніи уніатскаго іеромонаха Антонина Соколя, который, по этимъ свѣдѣніямъ, ведетъ себя честно и трезво, въ церковь ходитъ только въ высокаторжественные дни, а въ прочіе ходитъ въ костель и на присоединеніе къ православію не подаетъ никакой надежды. Но въ 1846 году, временно исправлявшій должность благочиннаго, изъ воссоединенныхъ, іеромонахъ Іустъ, никакихъ урядовыхъ отъѣздовъ какъ о поведеніи, такъ и хожденіи іеромонаха Антонина Соколя въ костель или другія мѣста не дѣлалъ. «По прибытіи моемъ въ Михайловскій монастырь, въ 1846 году мая 14-го дня,—писалъ далѣе въ донесеніи игумень Григорій,—въ послѣдующихъ затѣмъ мѣсяцахъ, при встрѣчѣ съ іеромонахомъ Іустомъ, въ разговорахъ случалось неразъ напоминать ему, что онъ обязанъ имѣть строгій надзоръ за іеромонахомъ Антониномъ и что онъ, какъ благочинный, въ правѣ воспретить Соколю самовольныя отлучки, особенно если нѣтъ на то разрѣшенія отъ высшаго начальства; но онъ оставлялъ это безъ должнаго вниманія. Самый костель отъ монастыря не далѣе 60 сажень. По вступленіи моемъ въ исполненіе должности намѣстника, въ половинѣ декабря 1846 года, я старался при всякомъ удобномъ случаѣ бывать въ кельѣ іеромонаха Антонина, и между разговорами, какіе имѣлъ съ нимъ, могъ замѣтить только, что онъ дѣйствительно не имѣетъ никакой расположенности къ православію, остается доселѣ безъ исповѣди и въ православную церковь ходитъ изъ приличія. Пособіе въ содержаніи однажды во время болѣзни имѣлъ отъ одного портнаго,

по имени Кароля (Карль), но прозванія его онъ не знаетъ, а только этотъ портной живетъ около монастыря Никольскаго. Помогаютъ ему иногда присылкою разныхъ свѣдей католички, которыя и посѣщаютъ его, какъ, напримѣръ, сего мѣсяца въ 14-й день, приходили къ нему три женщины съ однимъ мужчиною; но кто они, — мнѣ неизвѣстно. 4) Послушникъ Кіево-Братскаго монастыря Михаи́ль Билинскій. Сей послушникъ—уроженецъ деревни Высовецъ, Ровенскаго обвода, Мазовецкой губерніи, сынъ сельскаго хозяина. Первоначально поступилъ въ Лаговицкій францисканскій монастырь; потомъ прибылъ въ Варшаву и въ францисканскомъ монастырѣ, 3-го сентября 1840 года, далъ обѣтъ поступить въ монашество, въ которое постриженъ во францисканскій орденъ. По прибытіи въ Кіевъ, онъ, согласно прошенію, присоединенъ къ православію 29-го апрѣля 1841 года; по указу святѣйшаго синода, отъ 31-го декабря 1844 года, за № 16,811, опредѣленъ число послушниковъ Кіево-Братскаго монастыря и порученъ особенному надзору настоятеля, 1845 года 30-го мая. По послужнымъ спискамъ рекомендуется за 1845 годъ: поведенія честнаго, къ послушанію способнѣ; отъ роду ему 28 лѣтъ. Сей послушникъ проситъ паспорта въ Іерусалимъ, каковое дѣло находится еще въ разсмотрѣніи консисторіи. 5) Находившійся въ Почаевской лаврѣ монахъ Заблоцкій, изъ уніатовъ. За произнесенныя имъ въ лаврѣ монашествующей братіи сомнительныя слова, онъ доставленъ въ Кіевъ и, какъ старый и слабый человекъ, въ прошломъ году (1846) помѣщенъ былъ въ Кирилловскихъ богоугодныхъ заведеніяхъ, а по выздоровленіи помѣщенъ въ Кіево-Михайловскій монастырь, гдѣ 28-го ноября 1846 года умеръ.

Получивъ эти свѣдѣнія, митрополитъ Филаретъ дѣлалъ секретныя наблюденія за подозрительными монахами и даже пересматривалъ бумаги двухъ изъ нихъ, именно іеромонаха Антонина Соколя и послушника Михаила Билинскаго, и отношеніемъ, отъ 21-го марта 1847 года, за № 743-мъ, сообщилъ генераль-губернатору Бибикову слѣдующее:

«По отзыву вашего высокопревосходительства ко мнѣ, отъ 3-го сего марта, за № 684, дѣлалъ я совершенно секретное наблюденіе и дознаніе во всѣхъ монастыряхъ кіевскихъ на счетъ сношенія здѣшнихъ монаховъ съ выходцами польскими и даже пересмотрѣлъ секретно бумаги у одного не присоединившагося уніатскаго іеромонаха Соколя и принявшаго православіе изъ латинскаго исповѣданія послушника Билинскаго, но ничего по сему предмету не открылось, и вообще нельзя ожидать ничего подобнаго отъ монаховъ кіевскихъ древле-православныхъ. Что же касается нѣкоторыхъ, какъ, напримѣръ, присоединеннаго изъ уніи іеромонаха Іуста, одного закоснѣлаго уніата іеромонаха Антонина Соколя и послушника Билинскаго, то за поведеніе ихъ и за тайное, зло-

вредное сношеніе съ поляками и ручаться не могу потому, что іеромонахъ Іустъ, находясь въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ, оказалъ себя неблагонадежнымъ въ поведеніи и непріязненнымъ въ отношеніи къ начальству; уніатскій іеромонахъ Антонинъ Соколь, доселѣ не принимающій православія и будучи помѣщенъ, по указу святѣйшаго синода, въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ подъ строгій надзоръ начальства, часто отлучаясь изъ онаго, ходитъ въ костель и тамъ имѣетъ сношеніе съ поляками; а послушникъ Билинскій, присоединившійся изъ польскихъ монаховъ къ православію, состоящій нынѣ въ Кіево-Братскомъ монастырѣ, вообще замѣчается непостояннымъ въ образѣ мыслей и въ поведеніи и теперь усиленно домогается объ отпускѣ его за границу, якобы для поклоненія св. мѣстамъ. И дабы отъ сихъ трехъ монаховъ чрезъ удобное здѣсь сношеніе ихъ съ поляками не произошло какихъ либо непріятныхъ послѣдствій, то не благоугодно ли вашему высокопревосходительству войти въ сношеніе съ г. оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода объ удаленіи ихъ изъ Кіева и о переводѣ во внутреннія губерніи».

III.

Въ то самое время, когда священно-служители Кіевской епархіи получили и стали исполнять начальственное предписаніе относительно наблюденія за дѣйствіями поляковъ и духомъ, въ народѣ распространяемымъ, — въ это же самое время гражданскіе чиновники въ цѣломъ рядѣ доносовъ кіевскому генераль-губернатору Бибикову старались очернить въ его глазахъ мѣстное духовенство и обвинить многихъ священно-служителей въ разныхъ предосудительныхъ и вредныхъ для общественнаго спокойствія поступкахъ: обвиненія противъ духовенства, при некомпетентности обвинителей, часто носятъ такой детальный, бытовой оттѣнокъ, что иногда указываютъ этимъ самымъ на болѣе близкій къ духовенству источникъ этихъ доносовъ, именно на польско-шляхетскую среду, имѣвшую возможность слѣдить за священно-служителями на каждомъ шагу ихъ жизни. Поэтому можно думать, что доносы на священно-служителей были отместкою имъ со стороны польскаго дворянства и шляхты за наблюденія за ихъ дѣйствіями, сопровождавшееся иногда доносами политическаго характера. Въ числѣ аттестуемыхъ гражданскими чиновниками съ худой стороны, мы встрѣчаемъ и діакона села Карпиловки, Радомысльскаго уѣзда, Хотинскаго, который сдѣлалъ извѣстный уже намъ доносъ объ опытѣ вербованія мятежнической пайки въ селѣ Карпиловкѣ.

Сначала дѣлались на духовенство доносы съ обвиненіемъ его въ неисполненіи пастырскихъ его обязанностей и въ нравственныхъ недостаткахъ. «Мною получено донесеніе, — писалъ генераль-

губернаторъ Бибииковъ митрополиту Филарету, 13-го мая 1847 года, за № 2,607, — что нѣкоторые приходскіе священники Звенигородскаго уѣзда часто опускають исполнять обязанность свою читать прихожанамъ послѣ литургіи въ воскресные и праздничные дни назидательныя поученія; нѣкоторые въ жинувшую четыредесятницу исповѣдовали по нѣсколько крестьянскихъ дѣтей вдругъ, могущихъ уже хорошо понимать важность исповѣди, и такимъ образомъ не испытывали ихъ въ грѣхахъ, но ограничивали исповѣдь одною предварительною молитвою, не возбуждая въ дѣтяхъ благоговѣнія къ святости таинства; нѣкоторые же замѣчены въ нетрезвомъ поведеніи, чѣмъ подають соблазнъ своимъ прихожанамъ». При этомъ генераль-адъютантъ Бибииковъ препроводилъ къ митрополиту Филарету списокъ 13-ти священниковъ Звенигородскаго уѣзда, не исполняющихъ въ точности своихъ обязанностей по разнымъ предосудительнымъ причинамъ, преимущественно по причинѣ пьянства. Но митрополитъ Филаретъ, провѣривъ этотъ списокъ, не во всемъ согласился съ нимъ и противъ нѣкоторыхъ именъ опоченныхъ священниковъ сдѣлалъ слѣдующія отмѣтки: «хорошій», «молодой! — исправный», «незаворный», «старикъ дряхлый». Въ другомъ отношеніи, отъ 15-го іюля того же года, за № 5,912, генераль-губернаторъ Бибииковъ сообщалъ митрополиту Филарету о шести священникахъ и одномъ діаконѣ (Хотинскомъ), Радомысльскаго уѣзда, которые, по полученному генераль-губернаторомъ донесенію, ведутъ себя несоотвѣтственно своему сану, будучи пристрастны къ горячимъ напиткамъ. Изъ этихъ священно-служителей одинъ, кромѣ того, имѣетъ за собою поступки, служащія соблазномъ для прихожанъ, а другой очень часто безъ надобности оствяляетъ свой приходъ и разѣзжаетъ по ярмаркамъ.

Но болѣе важнымъ и опаснымъ для духовенства обвиненіемъ было обвиненіе его въ томъ, что «нѣкоторыя духовныя лица Кіевской губерніи дозволили себѣ распространять между простымъ народомъ возмутительныя толки и мысли». «По полученнымъ мною донесеніямъ, — писалъ генераль-губернаторъ Бибииковъ къ митрополиту Филарету, отъ 9-го августа 1847 года, за № 6,621, — рассказы объ этомъ распространились уже во многихъ мѣстахъ смежныхъ уѣздовъ и породили безпокойства и опасенія. Какъ подобныя случаи могутъ, при возбужденіи безпокойства между крестьянами, вовлечь духовенство въ тяжкую отвѣтственность, то я поставляю долгомъ, совершенно конфиденціально, обратить ваше архипастырское вниманіе на эти безпорядки, съ тѣмъ, не благоугодно ли будетъ вашему высокопреосвященству въ уѣзды Таращанскій, Сѣвирскій, Звенигородскій, Бердичевскій, Уманскій и Липовецкій послать изъ Кіева благонадежныхъ духовныхъ лицъ, которыя бы, не открывая никому цѣли своей поѣздки, совершенно секретно и подъ благовиднымъ предлогомъ, внушили мѣстному духовенству, какъ

оно должно вести себя, отвергать всякіе слухи, которые могутъ беспокоить крестьянъ,—подавать собою примѣръ послушанія, кротости и доброй нравственности и успокаивать помѣщиковъ и крестьянъ тамъ, гдѣ рассказы о возникновеніи беспорядковъ могутъ ихъ беспокоить. Увѣренъ будучи, что ваше высокопреосвященство не изволите оставить гражданское начальство безъ вашей помощи въ столь важномъ дѣлѣ, поручаю себя вашимъ архипастырскимъ молитвамъ», и проч.

Генераль-губернаторъ имѣлъ въ виду распространившіеся тогда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ невыгодные слухи о возобновеніи якобы древней коліивщины, или о рѣзаніи якобы ляховъ и жидовъ, весьма опасные для существовавшихъ тогда крѣпостническихъ отношеній между помѣщиками польскаго происхожденія и крестьянами.

Митрополитъ Филаретъ, вызвавъ къ себѣ уѣздныхъ протоіереевъ, лично далъ имъ порученіе собрать секретно свѣдѣнія о состояніи умовъ въ народѣ и наставленія, какъ дѣйствовать имъ въ данномъ случаѣ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ дошедшіе до насъ два рапорта уѣздныхъ протоіереевъ: махновскаго — Михаила Дашкевича и черкаскаго — Никиты Дубницкаго, послѣдовавшіе во исполненіе распоряженій митрополита Филарета.

Махновскій протоіерей, Михаилъ Дашкевичъ, отрицалъ существованіе слуховъ о существованіи коліивщины. Въ рапортѣ, отъ 19-го сентября 1847 года, за № 1,143, онъ писалъ къ митрополиту Филарету слѣдующее: «Принявши отъ вашего высокопреосвященства, прошлаго августа 24-го дня, личныя наставленія въ дѣлахъ службы, спѣшу донести, какія сдѣлалъ я по сему предмету распоряженія. На 15-е сентября, совалъ я Вердичевскаго уѣзда благочинныхъ въ домъ свой, спрашивалъ ихъ наединѣ, не замѣчаютъ ли они какого волненія и неурядицы въ народѣ, особенно въ крестьянахъ противъ помѣщиковъ? На что всѣ порознь и единодушно отвѣчали, что они совершенно ничего подобнаго не замѣтили: крестьяне какъ повиновались своимъ владѣльцамъ, такъ и теперь повинуются. Вмѣняется свѣтскою властію въ возмущеніе крестьянамъ то, ежели нѣкоторые жалуются оной и просятъ защиты въ притѣсненіяхъ и чрезмѣрныхъ налогахъ отъ помѣщиковъ. При семъ слѣдовало бы свѣтскому начальству прежде испытать способы благоумія и не доносить вышнему о томъ, чего совершенно не было. На будущее время также даны мною благочиннымъ наставленія, какія преподаны мнѣ вашимъ высокопреосвященствомъ по сему дѣлу».

Черкасскій протоіерей, Никита Дубницкій, въ докладной запискѣ своей, отъ 20-го сентября 1847 года, подтвердилъ существованіе въ народѣ слуховъ о возобновеніи коліивщины и пытался опредѣлить ихъ происхожденіе. «Невыгодные слухи о возобновеніи якобы древней коліивщины, или о рѣзаніи якобы ляховъ и жидовъ,—писалъ онъ,—произошли изъ слѣдующихъ источниковъ:

«1) Изъ «Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», разосланныхъ по церквамъ во извѣстіе всѣмъ причтамъ церковнымъ. Ибо въ сихъ «Вѣдомостяхъ», въ описаніяхъ мѣстечекъ и городовъ уѣздныхъ, помѣщены статьи о рѣзнѣ ляховъ и жидовъ, произведенной нѣкогда малороссійскими казаками. А простоумные дьячки и пономари, чрезъ нихъ же грамотѣйные крестьяне, да и нѣкоторые священники изъ дьячковъ и пономарей, читая неразумно и толкуя превратно таковыя любимыя для края статьи, начали выдавать прошедшее то за настоящее, то за будущее.

«2) Отъ неосторожнаго составленія нѣкоторыми гражданскими чиновниками по помѣщичьимъ имѣніямъ инвентарей, кои хотя поручено имъ составить секретно, однако, составленіе ихъ между разговорами о новостяхъ передается другимъ постороннимъ и духовнымъ лицамъ; но таковая передача сдѣлала инвентари для владѣльцевъ неприятными, а для крестьянъ возжелѣнными, отчего владѣльцы стараются поплотнѣе удержать свою власть надъ крестьянами попрежнему, а крестьяне начинаютъ желать скорѣйшаго исполненія инвентарей.

«3) Отъ собранія священниками инвентарныхъ, подъ именемъ статистическихъ, свѣдѣній о владѣльцахъ разнаго исповѣданія, о крестьянахъ и жидахъ, производимаго ими по предписанію епархіальнаго начальства, сдѣланному вслѣдствіе требованій губернскаго начальства. Ибо собраніе таковыхъ свѣдѣній производится нѣкоторыми священниками слишкомъ просто и неосторожно; а владѣльцамъ и жидамъ представляется оно страннымъ, необыкновеннымъ и возбуждаетъ въ тѣхъ и другихъ подозрѣніе и негодованіе къ священникамъ, отчего всякій слухъ на нихъ, неблагоприятный для владѣльцевъ и жидовъ, преувеличивается, перетолковывается въ опасную для тѣхъ и другихъ сторону, а наконецъ изъ мнимой предосторожности выводится на самое дѣло (?).

«4) Отъ сосѣдняго соревнованія помѣщичьихъ крестьянъ казеннымъ крестьянамъ. Ибо казенные крестьяне освобождены уже отъ всѣхъ повинностей городскихъ, кромѣ оброчныхъ статей въ пользу казны; а помѣщичьи крестьяне, соревнуя имъ, по мѣстному съ ними сосѣдству, и завидуя, но не видя у себя подобной имъ вольности, обращаются къ духовнымъ лицамъ съ вопросами любознательными, — будетъ ли и имъ когда либо такая вольность, какою пользуются казенные крестьяне, подобные имъ люди. А духовныя лица болтаютъ имъ: «Да на то уже и похоже, что будетъ; да уже и была бы, если бы не ляхи и жида».

«5) Отъ всегдашняго почти выѣзда духовныхъ лицъ на ярмарки, собирающіяся въ мѣстечкахъ обыкновенно въ воскресные и праздничные дни. Ибо духовныя лица, встрѣчаясь съ своими прихожанами-крестьянами на таковыхъ ярмаркахъ и въ питейныхъ домахъ за частыми рюмками горячихъ напитковъ вступая съ ними

въ разговоры о разныхъ новостяхъ, болтаютъ имъ о томъ, чего сами начитались дома или наслышались отъ другихъ; а крестьянамъ, особенно пьянымъ, то только и желательно слышать и принимать къ сердцу, что относится къ ихъ выгодамъ и льститъ ихъ волежности».

Кромѣ письменныхъ донесеній, митрополитъ Филаретъ собиралъ и записывалъ и устные свѣдѣнія о происхожденіи означенныхъ слуховъ. Въ дѣлѣ есть его собственноручная записка, писанная карандашемъ, съ изложеніемъ краткихъ, отрывочныхъ свѣдѣній по данному предмету. «Бердичевского уѣзда, въ мѣстечкѣ Джунковѣ, — писалъ митрополитъ Филаретъ, — статья изъ «Губернскихъ Вѣдомостей», въ которой написана исторія гайдамаковъ, попала въ руки женѣ эконома, которая, завернувъ въ бумагу пищу, послала на поле. Экономъ бросилъ сію бумагу, которая попала въ руки крестьянина. Сей принесъ бумагу къ священнику Шинкаржевскому для прочтенія, въ мартѣ мѣсяцѣ 1847 года. — Много было изъ Галиціи нищихъ, которые могли разсѣять слухи неблагопріятные. — Въ селѣ Тхоровкѣ земскій судъ на сходкѣ объявилъ, что есть указъ, чтобъ крестьяне на помѣщиковъ работали только три дня въ недѣлю. Тутъ помѣщикъ безмѣрно угнетаетъ крестьянъ».

Изъ приведенныхъ донесеній и свѣдѣній видно, что слухи о возобновеніи коліивщины первоначальнымъ своимъ происхожденіемъ не были обязаны духовенству, которое развѣ только неумышленно могло иногда содѣйствовать распространенію этихъ слуховъ. Но оно стояло близко къ народу и потому болѣе всего возбуждало подозрѣніе къ себѣ со стороны польскихъ помѣщиковъ и гражданскихъ чиновниковъ, которые, поэтому, слѣдили за каждымъ неосторожнымъ шагомъ и словомъ священниковъ и старались обвинить ихъ въ возбужденіи недоразумѣній между помѣщиками и крестьянами. Мы имѣемъ два обвиненія такого рода, направленные противъ священниковъ — села Строкова, Сквирскаго уѣзда, Мотылевича, и села Кочарова, Радомысльскаго уѣзда, Соколовскаго.

Въ отношеніи, отъ 20-го сентября 1847 года, за № 7,935, генералъ-губернаторъ Вибиковъ писалъ митрополиту Филарету слѣдующее: «Священникъ села Строкова, Сквирскаго уѣзда, Мотылевичъ, имѣя неужиточный и крутой нравъ, возбуждаетъ распри между помѣщикомъ и крестьянами и рѣшается на весьма неблаговидные поступки, напимѣръ: крестьянину Павленку во время исповѣди говорилъ, чтобы онъ укралъ для него одинъ улей господскихъ пчелъ; когда же тотъ отвѣчалъ, что воровать грѣшно, то Мотылевичъ грозилъ не допустить его къ исповѣди и причастію, о чемъ Павленко напоминалъ ему при многихъ крестьянахъ. 1-го августа, когда ему не дано столько работниковъ, сколько онъ требовалъ для своихъ работъ, то Мотылевичъ, выйдя къ крестьянамъ на дорогу, когда они шли на барщину, запрещалъ имъ идти на господскую работу,

угрожая разбить голову тому, кто пойдет на работу. Около 10-го августа, проходя мимо работниковъ, снимавшихъ хлѣбъ, когда одинъ крестьянинъ, занятый работою, не снялъ передъ нимъ шляпы, то Мотылевичъ сорвалъ съ него соломенную шляпу, бранилъ самыми неприличными словами и тутъ же разорвалъ ее въ куски и бросилъ». Взаключеніе генераль-губернаторъ просилъ митрополита Филарета удалить священника Мотылевича изъ села Строкова. Митрополитъ Филаретъ вызвалъ къ себѣ священника Мотылевича, который далъ слѣдующее объясненіе: «1) Крестьянина Павленка я не только во время исповѣди, но и никогда не научалъ украсть для меня господскихъ пчель,—тѣмъ болѣе, что, какъ пастыръ, самъ выскую каждого изъ моихъ прихожанъ, замѣченнаго въ воровствѣ. 2) 1-го августа, я не возмущалъ крестьянъ не идти на господскія работы, исключая праздниковъ и высокаторжественныхъ дней, назначенныхъ праздновать, объявлялъ прихожанамъ не на дорогѣ, а въ церкви, экономію же извѣщалъ урядовою бумагою праздновать таковые дни, тогда какъ въ сосѣднемъ съ моимъ приходомъ селѣ, имѣніи того же помѣщика, въ таковые дни производилась работа. 3) Проходя въ жнивное время около работниковъ, снимавшихъ господскій хлѣбъ, сказалъ: «Богъ въ помощь!» на что всѣ отвѣчали мнѣ благодарностію, снявши свои шляпы; одинъ же изъ нихъ, по имени Василій Клицикъ, человекъ безнравственный и безрелигіозный, не снялъ съ прочими своей шляпы, на что я не ругательствами, а словами пастырскими наставлялъ и даже обличалъ его передъ прочими за его явное неуваженіе къ пастырю, велѣвши стоявшему около него въ то время другому человеку снять съ него шляпу».

Въ другомъ отношеніи, отъ 11-го декабря 1847 года, за № 10,338, генераль-губернаторъ Бибииковъ писалъ митрополиту Филарету слѣдующее: «Имѣю честь препроводить при семъ на усмотрѣніе вашего высокопреосвященства въ копиіи полученную мною проповѣдь, говоренную священникомъ Радомысльскаго уѣзда, села Кочарова, Соколовскимъ, въ храмовой день тамошней церкви Покрова Пресвятой Богородицы, а также записку, при которой она представлена,—не изволите ли сдѣлать какое распоряженіе, чтобы подобнаго рода проповѣди, какъ непонятныя для крестьянъ и могущія возбудить различныя между ними толки, не были говорены». Упоминаемой въ отношеніи записки не сохранилось, но сохранилась копія проповѣди. Въ ней священникъ Соколовскій, сдѣлавъ историческій очеркъ покровительства Божіей Матери русскому народу, между прочимъ, остановился на смутной эпохѣ самозванцевъ и на освобожденіи Россіи отъ поляковъ. «Недолго сидѣлъ онъ (Борисъ Годуновъ) на престолѣ, запятанный подозрѣніемъ въ истребленіи послѣдней отрасли царственнаго дома,—говорилось въ проповѣди. Могъ ли онъ загладить недостатокъ права наслѣдственнаго? Не-

долго правилъ государствомъ и низложилъ его Шуйскій: скоро съ высоты престола онъ низринуть въ плѣнъ, въ могилу. Россія осталась безъ Царя.—бѣдствіе самое ужасное и гибельное! Смуты сиротствующей Россіи отозвались и за предѣлами ея, и сосѣди наши недруги рады были злополучію отечества нашего. Коварные и вѣроломные поляки наперерывъ старались восхитить скипетръ самодержавія. Терзаемая несогласіями внутри и тѣсняемая нападеніями извнѣ враговъ хищныхъ, Россія готова уже была преклониться подъ иго иноземное, признать надъ собою владычество царя нерусской крови, возвестъ на престолъ св. Владиміра наслѣдника гордаго и враждебнаго намъ царства», и проч. Полагаемъ, что означенныя нами курсивомъ слова проповѣди священника Соколовскаго и показались для кого-то соблазнительными и опасными для общественнаго спокойствія. Если же вѣрно наше предположеніе, то нельзя не сдѣлать заключенія, что проповѣдь священника Соколовскаго не понравилась кому либо изъ польскихъ помѣщиковъ, или ихъ управляющихъ, экономовъ и поссессоровъ, видѣвшему въ историческомъ взглядѣ проповѣдника на участіе поляковъ въ смутахъ междуцарствія намекъ на современныя отношенія польскаго землевладѣльческаго класса къ русскому крѣпостному населенію. Во всякомъ случаѣ, доносъ на священника Соколовскаго былъ принятъ генераль-губернаторомъ Бибиковымъ и сообщенъ митрополиту Филарету, который вызвалъ священника Соколовскаго къ себѣ въ Кіевъ для наставленія.

Н. Петровъ.

РАЗСКАЗЫ ОБЪ АРХИМАНДРИТЪ ФОТІИ.

ПРЕДЛАГАЕМЫЕ рассказы объ известномъ архимандритѣ Фотіи записаны со словъ священника Іоанна Георгіевича Мизерецкаго. Отецъ Мизерецкій приходился Фотію двоюроднымъ братомъ и былъ болѣе другихъ близокъ къ нему. Еще учась въ новгородской семинаріи, онъ ходилъ къ Фотію, а по окончаніи курса до полученія мѣста жилъ у него два года, причемъ разъ Фотій бралъ его съ собой въ Петербургъ. Отецъ Мизерецкій отличался независимымъ характеромъ, наблюдательнымъ и нѣсколько скептическимъ умомъ.

Будничная жизнь Фотія со всѣми мелочами проходила передъ его глазами, и онъ лучше другихъ понялъ личность этого человѣка, а потому и относился къ нему просто, естественно, не какъ прочіе, безъ всякаго суевѣрія или напускнаго благоговѣнія. Съ своей стороны, Фотій не могъ не отличить Мизерецкаго среди толпы своихъ поклонниковъ и даже дорожилъ имъ; но такъ какъ эти двѣ природы не сходились, то въ ихъ отношеніяхъ проглядываетъ желчность Фотія отъ того, что послѣднему не удавалось завербовать Мизерецкаго въ число «своихъ людей».

Обрисовка Фотія въ рассказахъ отца Мизерецкаго не лишена нѣкотораго психологическаго интереса и разъясняетъ многое въ жизни этого столь вліятельнаго въ свое время человѣка.

Считаемъ нелишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о самомъ отцѣ Мизерецкомъ.

Оставшись сиротой въ младенчествѣ, Іоаннъ Георгіевичъ Мизерецкій первые годы росъ въ дождѣ своего старшаго брата, сельскаго дьячка въ погостѣ «Минюши», верстахъ въ 60 отъ Новгорода.

Девятилѣтняго «Ванюшу» братъ повезъ въ городъ учиться и представилъ смотрителю духовнаго училища съ поклономъ. Тотъ оглянулъ съезжившагося отъ страха мальчугана въ обдерганномъ халатѣ изъ братнихъ обносковъ, указалъ на него перстомъ съ словами: «місег, сирѣчь несчастный», и тутъ же велѣлъ записать его Мизерецкіимъ.

Мизерецкій прошелъ двѣнадцатилѣтній курсъ духовнаго воспитанія двадцатыхъ годовъ съ тогдашними «лозами», «потасовками», «казеннымъ коштомъ» и проч. Особенно памятно было ему, какъ однажды учитель, пьяный монахъ, чуть не размовжилъ ему голову псалтыремъ.

Къ Фотію Мизерецкій сталъ ходить лишь съ богословскаго класса.

Карьера Мизерецкаго началась неудачей. Просился онъ на священническое мѣсто въ городѣ и уже былъ обнадеженъ, записанъ первымъ кандидатомъ. Однако, назначили не его, а другаго. Бросился онъ на квартиру къ священнику Zubовскому, своему бывшему учителю, который тогда состоялъ членомъ консисторіи и завѣдывалъ ставленническимъ столомъ. Zubовскій съ обычною любезностію принялъ его и коротко разъяснилъ недоумѣніе молодого человѣка: «Вы, Иванъ Егорычъ, приходили съ пустыми руками, а вотъ вашъ соперникъ оставилъ у меня двѣсти рублей». Съ этими словами, онъ отворяетъ столъ и показываетъ пачку ассигнацій.

Потерявъ надежду выйдти самостоятельно на мѣсто, Мизерецкій рѣшилъ выйдти въ домъ, т. е. со взятіемъ готовой невѣсты, слѣдовательно, гдѣ все зависѣло отъ будущаго тестя. Такое священническое мѣсто вскорѣ открылось въ селѣ Полянахъ, куда онъ и поступилъ.

Невѣста была 16 лѣтъ и, по его словамъ, еще совсѣмъ не сформированная. Это придавало ему увѣренность перевоспитать ее въ случаѣ какихъ либо недостатковъ характера. Но, увы! вскорѣ оказалось, что молодая была приучена своею матерью къ спиртнымъ напиткамъ, которые всегда прятались еще отъ старика отца въ подпольѣ...

Въ Полянахъ отецъ Мизерецкій выстроилъ новую церковь. Затѣмъ перешелъ въ Новгородъ, въ кладбищенскую церковь на Красномъ полѣ. Эту церковь онъ тоже отстроилъ заново, обнесъ ее каменной оградой, построилъ каменный домъ для причта, развелъ садъ и провелъ новую дорогу отъ городского шоссе на разстояніи двухъ верстъ, а по сторонамъ обсадилъ ее деревьями.

Всѣ эти постройки велись безъ всякаго участія Фотія, а единственно на пожертвованія прихожанъ, у которыхъ отецъ Мизерецкій пользовался беззавѣтною любовью и уваженіемъ.

Отправляя свои обязанности, отецъ Мизерецкій, не въ примѣръ прочимъ, не давалъ ни гроша такъ называемой «благодарности» благочинному священнику Голинскому. Это привело къ тому, что Мизерецкаго отдали подъ судъ, «такъ какъ онъ, не спросясь консисторіи, обнесъ церковь каменной оградой», а, по доносу дьячка, «расходовалъ на постройки суммы безъ вѣдома дьячка». Отвѣтными бумагами онъ только подливалъ масла. Дѣло тянулось больше десяти лѣтъ и кончилось выговоромъ. Послѣ этого отецъ Мизерецкій ужь во всю жизнь не могъ получить даже скуфейки.

Среди хлопотъ и служебныхъ дразгъ, отецъ Мизерецкій весь отдался воспитанію дѣтей, причемъ его желѣзная воля и зоркость держали семью въ порядкѣ при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ...

Трехъ сыновей онъ прямо приготовилъ въ семинарію, а трехъ дочерей выдалъ замужъ.

Когда всѣ дѣти были болѣе или менѣе пристроены, отецъ Мизерецкій вышелъ за штатъ и жилъ, большею частью, въ Петербургѣ, отправляя службу по разнымъ церквамъ. Ему довелось пережить всѣхъ дѣтей; въ Петербургѣ же умерла скоропостижно и жена его.

Разъ, измѣряя иконостасъ въ одной церкви, въ Ораніенбаумѣ, онъ упалъ съ подставки и сломалъ себѣ ногу. Оправившись, онъ вывихнулъ ту же ногу, поскользнувшись на мостовой, и съ тѣхъ поръ сталъ хромымъ. Мало того, какими-то путями довѣрился онъ одному деревенскому шарлатану... «Видно, Богъ въ наказаніе отнял у меня тогда умъ»,—говаривалъ потомъ страдалецъ. Шарлатанъ взялся его вылечить отъ ревматизма. Въ результатѣ образовались открытыя раны на ногѣ.

Въ такомъ-то состояніи обратился онъ къ настоятелю Невскаго монастыря съ просьбой дать ему, убогому священнику, келью въ Невской лаврѣ. Настоятель обратилъ вниманіе на то, что сѣдая голова просителя не прикрыта даже скуфейкой, и объявилъ, что вакансій въ лаврѣ нѣтъ.

Проживъ два года у племянника въ Новгородѣ, отецъ Мизерецкій, въ 1880 году поѣхалъ въ Русу лечиться. Но тамъ остался жить навсегда, уступивъ просьбамъ невѣстки и совѣтамъ священниковъ, родственниковъ послѣдней.

Съ переменною обстановкою переменялось и здоровье. Съ января 1881 года, почтенный старецъ уже не вставалъ съ постели, а въ мартъ послѣ ужасныхъ физическихъ страданій скончался 77 лѣтъ тамъ же, въ Русѣ.

Тѣло его было перевезено въ заранѣе устроенный имъ для себя склепъ на Красномъ полѣ.

I.

Фотій началъ свою карьеру законоучительствомъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. Еще тогда онъ любилъ обнаруживать пренебреженіе мірской суетой. Онъ имѣлъ обыкновеніе ходить въ самой бѣдной рясѣ изъ дешеваго сукна. А когда приходилось ѣхать на урокъ, то выбиралъ себѣ самаго что ни на есть убогаго извозчика. Свою скудную провизію онъ бралъ изъ одной мелочной лавки по книжкѣ и, получивъ жалованье, тотчасъ шолъ въ лавку расплачиваться, а весь остатокъ отъ расчета раздавалъ нищимъ.

II.

Первымъ духовникомъ графини Орловой былъ архимандритъ Иннокентій. Передъ смертью онъ завѣщалъ ей избрать своимъ новымъ духовникомъ—Фотія, бывшаго тогда настоятелемъ бѣднѣйшаго Деревяницкаго монастыря въ городѣ Новгородѣ.

Графиня немедленно отправилась къ своему новому духовнику и съ нимъ никогда послѣ не разлучалась. Фотій вскорѣ былъ переведенъ въ первоклассной Юрьевъ монастырь, что на лѣвомъ берегу Волхова, противъ Городища.

Духовная дочь построила себѣ мызу на разстояніи версты отъ Юрьева монастыря и тамъ держала себя съ графскимъ представительствомъ, строго соблюдая великосвѣтскій этикетъ. Къ ея двору являлись съ визитами не однѣ какія нибудь власти новгородскія, а «самъ Аракчеевъ» и разные вельможи изъ Петербурга; а ея щедрость, съ другой стороны, привлекала массу разныхъ просителей всѣхъ сословій.

Графинины повара могли поспорить съ поварами петербургскаго двора; и теперь еще носятъ сказочныя преданія о графининыхъ обѣдахъ въ 40 блюдъ. Всевозможные фрукты, вина, дорогая провизія и другіе заграничные продукты привозились изъ Петербурга особымъ транспортомъ. «Ходилъ дармезъ», или громадный почтовый рыдванъ графини.

Такимъ образомъ, неизвѣстный дотолѣ уголокъ въ новгородскихъ окрестностяхъ обратился въ обѣтованную землю, куда слѣпшилъ каждый, кто въ Бога вѣровалъ.

Одновременно росла слава и духовника графини. Фотій, позабытый было послѣ перехода изъ «масонскаго» Петербурга въ Деревяницкій монастырь, не только сталъ предметомъ народной молвы, но о немъ заговорили и въ высшихъ оффиціальныхъ сферахъ. Наконецъ, онъ удостоился такой награды, какой архимандритская грудь никогда не нашивала: онъ получилъ архіерейскую панатію, отъ архіерейства же и отъ обычныхъ орденовъ отказался наотрѣзъ.

III.

Фотіи на графинины капиталы предпринялъ громадныя постройки. Передѣлалъ заново весь монастырь; насыпью соединилъ съ городомъ островъ, гдѣ расположенъ монастырь; развелъ рощу и фруктовые сады съ оранжереями; устроилъ скитъ на Перынѣ (мѣсто, гдѣ, по преданію, стоялъ Перунъ); подновилъ Софійскій соборъ, нѣсколько монастырей по окрестностямъ и проч., что въ итогъ обошлось въ нѣсколько милліоновъ рублей.

По поводу сухопутнаго сообщенія съ городомъ сначала Аракчеевъ предлагалъ Фотію за 10,000 рублей устроить своими людьми каменную дорогу черезъ заливъ Волхова въ Кремль, — и всѣ вѣрили, что Аракчеевъ положилъ бы, правда, тысячи людей, но исполнилъ бы это несбыточное дѣло. Фотію показалось слишкомъ дорого, и предпріятіе не состоялось, о чемъ онъ послѣ очень жалѣлъ, такъ какъ впослѣдствіи дорога обошлась ему въ десятки разъ дороже, а вышла и длиннѣе, и плоше, чѣмъ предлагалъ Аракчеевъ.

Фотіи любилъ ходить по постройкамъ, взбираться на подмостки, на лѣса. Работали ярославцы, народъ ловкій, расторопный, а главное—догадливый: бывало, какъ завидятъ Фотію, такъ и заходятъ, что муравьи; это его тѣшило, и онъ тутъ же награждалъ ихъ изъ своего денежнаго мѣшка. Дѣло шло шибко: пестрая толпа рабочаго люда копошилась на большомъ пространствѣ. Для носки матеріаловъ—кирпича, песку, извести и проч., было нанято множество женщинъ изъ сосѣднихъ деревень. Рабочіе кормились съ монастырскаго стола и жили тутъ же. На ночлегъ располагались—кто по сараямъ, кто по конюшнямъ, кто на вольномъ воздухѣ; дѣло было лѣтомъ. Что происходило внутри и за монастырской стѣной, при такомъ скучиваніи разнороднаго люда, одинъ Богъ разберетъ; только веселымъ головамъ не было надобности бѣгать въ городъ.

У Фотіи былъ въ монахахъ братъ Анинъ, который былъ имъ же постриженъ. Монашество было какъ-то не по плечу этой веселой головѣ. Никакъ не могъ онъ устоять передъ виномъ и женщиной; сколько тамъ Фотіи ни хлопоталъ, но Анинъ частенько черезъ монастырскую стѣну ускользалъ въ слободу или въ городъ. Разъ утромъ попадается Анинъ въ растрепанномъ видѣ прямо на глаза Фотію. Святой отецъ напустился на него, и пылая гнѣвомъ, принялся отечески вразумлять Анина, такъ что трость разлетѣлась пополамъ.

IV.

Есть въ Новгородской губерніи Моденскій монастырь. Былъ тамъ инокъ, іеродіаконъ, сильно онъ пилъ и бушевалъ. Настоятель, не зная уже, что съ нимъ дѣлать, пишетъ Фотію письмо и при-

казывает провинившемуся иноку самому отнести эту жалобу. Иеродіаконъ съ трепетомъ за свою судьбу вручаетъ письмо Фотію. Тотъ прочиталъ и говоритъ: «пьешь вино»? Дьяконъ упалъ на колѣни, приговаривая: «яко разбойника, помилуй мя, авва отче!»! Тогда Фотій, недолго думая, поднимаетъ письмо обѣими руками надъ головою грѣшника и произноситъ: «Иже въ шестый день же и часъ на крестѣ пригвождей адамовъ грѣхъ, рукописаніе грѣхъ нашихъ раздери»... Съ этими словами разлетается въ прахъ рукописаніе настоятелево, а обжалованный инокъ отпускается съ миромъ.

V.

Фотій захотѣлъ, чтобъ монахи въ досужное время занимались разными рукодѣліями, и вотъ для этого онъ устроилъ мастерскую. Выписалъ знающихъ мастеровъ для обученія монаховъ слесарству, токарству, столярству; рядомъ съ этимъ онъ устроилъ и школу живописи, куда также былъ призванъ одинъ художникъ. Занятія монаховъ по ремеслу и живописи не оставались безъ поощренія. Бывало, какой нибудь монахъ принесетъ Фотію показать дѣло рукъ своихъ, на примѣръ, солонку, чашку и т. п., Фотій, сурово хмурясь, возьметъ вещь, пойдетъ въ кабинетъ, а оттуда выноситъ монашеское рукодѣліе, уже не порожнее, а съ червонцами до верха, и также принимая суровый тонъ, будто сердясь, отдаетъ монаху его издѣліе, приговаривая: «на, вынь оттуда мусоръ-то».

VI.

Разъ является къ Фотію офицеръ квартировавшей въ Новгородѣ команды, во всей формѣ, и заявляетъ ему про себя, что растратилъ казенныя деньги, и проситъ его выручить изъ бѣды, дать на пополненіе растроченной суммы. Фотій отказываетъ. Тогда офицеръ, долго не думая, вынимаетъ пистолетъ и, прикладывая дуломъ къ своему лбу, говоритъ: «сейчасъ же покопчу съ собой, если денегъ не дадите»...

— Что ты! что ты діавола тѣшишь! — вскричалъ Фотій, вскочивъ съ дивана. — На, возьми! — съ этими словами снимаетъ съ себя брилліантовую панагію и отдаетъ офицеру.

Прошло нѣсколько времени. Является тотъ же офицеръ вторично къ Фотію и на этотъ разъ съ благодарностью возвращаетъ панагію, объясняя, что онъ еѣ заложилъ, сдѣлалъ оборотъ и опять выкупилъ. — Не надо! — отмахивается Фотій: — пусть тебѣ; зачѣмъ осквернилъ, отдавалъ въ поганыя руки?!

VII.

Одно время появился въ Юрьевомъ монастырѣ усердный богомолецъ. Это былъ армейскій офицеръ въ потертомъ мундирѣ, съ виду — бѣднякъ большой руки. Ходилъ онъ къ службѣ часто, молился на колѣняхъ, съ большимъ усердіемъ, даже говѣлъ въ монастырѣ. Фотій скоро обратилъ вниманіе на богобоязненнаго офицера, который на рѣдкость передъ прочими «не чистилъ пальцами пуговицы, какъ это дѣлаютъ обыкновенно господа въ церкви», а осѣнялъ себя большимъ крестомъ. Наконецъ, Фотій пригласилъ къ себѣ интереснаго богомольца, который оказался подпоручикомъ Казаковымъ, адъютантомъ при корпусномъ штабѣ. Фотій съ нимъ сошелся, и съ тѣхъ поръ Казаковъ часто бывалъ въ кельѣ у Фотія, наконецъ, обратился въ постоянного собесѣдника его и графини. Фотій скоро сдѣлалъ его ремонтеромъ по монастырю, а графиня давала ему разныя порученія по своему имѣнію, затѣмъ, избрала его и въ управляющіе.

Послѣ смерти Фотія Казаковъ пріѣзжалъ къ графинѣ съ отчетами ужъ женатый и выглядывалъ богачомъ. Графиня очень наградила его, да, кромѣ того, по завѣщанію отказала конскіе заводы и много денегъ.

VIII.

Пріѣхалъ разъ Фотій въ Петербургъ, при немъ былъ его двоюродный братъ, семинаристъ Мизерецкій. Случилось имъ вмѣстѣ быть на квартирѣ у графини. Фотій вдругъ говоритъ: «Анна, на колѣни!» Та повинуется, ея примѣру слѣдуетъ и молодой человекъ. Фотій долго держалъ ихъ въ такомъ положеніи... Вдругъ вбѣгаетъ лакей графини и въ попыткахъ докладываетъ: «графъ Орловъ»; графиня, не дожидаясь разрѣшенія, тотчасъ встала, быстро оправилась и съ обычной любезностью приняла гостя.

IX.

Двоюродный братъ Фотія, Іоаннъ Мизерецкій, кончивъ курсъ въ семинаріи, два года жилъ у него въ монастырѣ и спалъ въ его пріемной. На первыхъ порахъ Фотій настойчиво уговаривалъ молодого человека поступить въ монахи, но тотъ все не поддавался. Разъ, выходя изъ церкви, послѣ заутрени, Фотій попрежнему повторяетъ ему: «иди въ монахи». — Не пойду, ваше высокопреподобіе, я ужъ не разъ вамъ это говорилъ. — Тогда Фотій, оборотившись и уставившись на него сердитымъ взглядомъ, отчеканилъ: «такъ не бывать же тебѣ никогда монахомъ». И съ тѣхъ поръ — полно уговаривать.

X.

I. Мизерецкій, къ которому Фотій особенно благоволилъ, былъ однажды въ гостяхъ въ городѣ. Запла рѣчь о Фотіи. Тутъ братъ его, священникъ Евфимій, человекъ крайне простоватый, принялся его расхваливать, то и дѣло, что повторяя: «Его высокопреподобіе присно бдитъ о насъ». Молодой человекъ не утерпѣлъ, чтобъ не подтрунить заочно надъ Фотіемъ. Родной братъ Фотія бросился съ кулаками на остряка. «Только тронь,—сказалъ молодой человекъ спокойнымъ тономъ:—и у меня стулъ подъ руками». Это осадило Евфимія, и до рукопашной не дошло. Вскорѣ послѣ этого Фотій сталъ сухо обращаться съ Мизерецкимъ, далеко не попрежнему. Легко было догадаться, что Фотію обо всемъ было донесено его братомъ Евфиміемъ.

XI.

Приводимъ дословно рассказъ Мизерецкаго о скюрпризѣ, какой для него сдѣланъ былъ Фотіемъ.

«Учился я,—разсказывалъ Мизерецкій,—въ семинаріи на казенномъ коштѣ. До богословскаго класса ходилъ я въ казенномъ халатѣ и, лишь перейдя въ богословію, получилъ я скюртукъ, да и то старый. Однако, при окончаніи курса отобрали и этотъ скюртукъ. Изложилъ я Фотію свое неказистое положеніе. Тогда онъ мнѣ обѣщалъ на скюртукъ, только приведи, говорить, портнаго изъ города. Какъ велѣно, прихожу я съ портнымъ. И что же? преподабный отецъ выносить кусокъ самаго грубаго сукна, какого я не видалъ даже и на армейскихъ солдатахъ. Мой портной только развелъ руками, приговаривая на ушко: «только къ невѣстамъ вамъ ходить въ такомъ нарядѣ»...

«Скрѣпя сердце, взявъ я сукно подъ мышку, поблагодаривъ его преподабіе, и пошелъ въ городъ. Впрочемъ, впоследствии, когда я вышелъ на мѣсто въ село Поляны, изъ этого сукна у меня вышелъ подрясникъ, да такой носкій, что двадцать лѣтъ служилъ онъ мнѣ при разныхъ требохъ и обѣздахъ по моему большому приходу. При поступленіи моемъ въ священники, Фотій велѣлъ мнѣ составить списокъ всего, что понадобится мнѣ на первыхъ порахъ по хозяйству. Мое мѣсто оказалось далеко незавиднымъ. Домишко, который я взялъ за женой, былъ всего въ квадратную сажень: не повернуться. Кругомъ ни двора, ни кода. Дождавшись заморозковъ, нанялъ я лошаденку и поплелся къ Фотію. У него тогда было много народу въ пріемной. Все больше генералы, да совѣтники. Я терпѣливо просидѣлъ цѣлый день и дождался, пока всѣ посѣтителы не ушли. Наконецъ, я вхожу...— «Не могу, чадо,

усталь, — говоритъ Фотій: — прійди въ другой разъ». Я молча поклонился и вышелъ.

«На другой день я также выждалъ всѣхъ посѣтителей, и опять та же пѣсня: «усталь, чадо». Наконецъ, прихожу въ третій разъ, и опять та же исторія. Не вытерпѣвъ я и говорю ему рѣшительнымъ тономъ: «ваше высокопреподобіе, какъ вамъ угодно, а положите какое ни на есть рѣшеніе. Вотъ уже въ третій разъ къ вамъ прихожу напрасно. Я человѣкъ должностной, у меня оставленъ приходъ, мало-ль какія требы случатся; безъ меня иной умретъ, не покаившись. Да и развѣзжать сюда такую даль у меня нѣтъ средствъ»... Не успѣвъ я еще договорить, какъ Фотій быстро встаетъ съ дивана, на которомъ онъ полулежалъ, круто беретъ меня за плечо и, постепенно поворачивая, крестить: справа, слѣва, сзади и спереди. Кончивъ это священнодѣйствіе, онъ указалъ дверь и сказалъ: «ступай съ Богомъ».

ХІІ.

Фотій выстроилъ на своей родинѣ, въ Тѣсовѣ, каменную церковь и каменный домъ для причта со всею домашнею утварью. Ко дню освященія собрались тысячи народа. Фотій прибылъ съ графиней и со всею своей свитой и встрѣченъ былъ колокольнымъ звономъ. Наканунѣ, послѣ всенощной, онъ всю ночь ходилъ по деревнѣ изъ одного дома въ другой и бесѣдовалъ съ поселянами, своими земляками.

На другой день утромъ, передъ освященіемъ главнаго престола, Фотій присутствовалъ въ качествѣ зрителя при освященіи придѣльнаго престола въ нижнемъ этажѣ церкви. Когда служащіе заливали престолъ мастикой по четыремъ угламъ, братъ Фотія, Евфимій, стараясь скорѣе прочихъ охладить мастику, дулъ на нее, чуть не касаясь ртомъ, и, разумѣется, скорѣе согрѣвалъ, чѣмъ студилъ.

Замѣтивъ это, Фотій тутъ же сказалъ съ сердцемъ: «вотъ дуракъ, такъ дуракъ и есть, учился бы у Ивана». (Такъ онъ называлъ отца Мизерецкаго).

Не смотря на праздникъ, никакихъ обѣдовъ не было, а также и денежныхъ раздачъ. На этотъ разъ у Фотія не случилось денегъ, такъ какъ графиня не успѣла еще получить изъ банка суммъ на текущіе расходы.

Когда Фотій собрался къ отъѣзду, на колокольнѣ звонили, а тысячи народа, съ помѣщикомъ во главѣ, выстроились двумя стѣнами.

Какъ только экипажъ Фотія тронулся, помѣщикъ и за нимъ народъ пали на колѣни... Картина производила потрясающее впечатлѣніе.

XIII.

Къ Фотію въ монастырь былъ присланъ для усовѣщенія одинъ казакъ съ дочерью, заподозрѣнный вмѣстѣ съ послѣднею въ ереси. Фотій поручилъ изслѣдовать ихъ образъ мыслей инспектору новгородской семинаріи, іеромонаху Аполлосу, изъ окончившихъ курсъ въ духовной академіи. Отецъ Аполлосъ преподавалъ въ семинаріи философію и слылъ за ученаго. Ознакомившись съ порученными ему лицами, онъ заявилъ Фотію, что никакой ереси въ нихъ не нашель, а напротивъ, считалъ ихъ мысли совершенно правильными. Тогда Фотій принялся увѣщавать самого монаха. Но, видя свое безсиліе передъ нимъ, донесъ о немъ, кому слѣдуетъ. Конецъ былъ тотъ, что отецъ Аполлосъ былъ лишенъ кафедры, запрещенъ въ священнослуженіи и сосланъ на Валаамъ въ заточеніе. Послѣ смерти Фотія онъ былъ освобожденъ изъ заточенія и водворенъ въ Деревяницкомъ монастырѣ въ качествѣ простаго монаха и тамъ скончался не очень давно.

XIV.

Любимою повою Фотія на досугѣ было: сидѣть, такъ, полудежа, убранный на диванъ съ ногами. При этомъ въ комнатѣ обыкновенно сидѣла графиня и лица, болѣе входяія къ Фотію. Ни графиня, никто изъ прочихъ не смѣлъ первымъ заговорить. Торжественное молчаніе длилось иногда больше часа. Наконецъ, раздавалась обычная въ такихъ случаяхъ фраза Фотія: «найде на мя помысль», а за нею слѣдовалъ нескончаемый рядъ словъ и разныхъ изрѣченій его собственнаго произведенія, въ родѣ, на примѣръ, такихъ: «крестъ на груди, крестъ на просфорѣ, крестъ на церкви, крестъ на могилѣ», и т. п.

XV.

Разъ Фотій держалъ свой обычный монологъ при графинѣ, двоюродномъ братѣ Мизерецкомъ и нѣкоторыхъ другихъ приближенныхъ лицахъ... Вдругъ графиня торопливо перебиваетъ: «батюшка, подите, государь пріѣхалъ». Фотій всталъ, надѣлъ роскошную малиновую рясу, подбитую горностаемъ, отдалъ нужныя приказанія и вышелъ навстрѣчу. Государь, дѣйствительно, шелъ уже по монастырю въ сопровожденіи адъютанта. Они вошли, никѣмъ не замѣченные, въ южныя непарадные ворота.

Фотій благословилъ государя и далъ ему поцѣловать свою руку. Затѣмъ, съ дипломатическимъ тактомъ (на чтѣ онъ былъ мастеръ), бесѣдуя съ государемъ, повелъ его въ Георгіевскій соборъ. Тамъ намѣстникъ съ крестомъ и братіей были уже наготовѣ къ встрѣчѣ.

Фотій указаль все наиболѣ замѣчательное по монастырю, затѣмъ государь отправился обратно. Спустя нѣсколько времени, Фотію было объявлено черезъ графиню: государь порядкомъ доволенъ, но чтобъ настоятель впредь руки цѣловать не соваль.

XVI.

Комнаты Фотія, благодаря графинѣ Орловой, всегда были убраны съ аристократическою изысканностью. Фотій, прохаживаясь иногда по роскошнымъ персидскимъ коврамъ, вдругъ начиналъ доказывать, что все это богатство тля и прахъ, а затѣмъ нарочно усиленно харкалъ по коврамъ и съ замѣтнымъ самодовольствомъ попиралъ это браніе ногами.

XVII.

Одно время у Фотія явилась страсть къ собакамъ. Графиня сейчасъ же выписала для него цѣлую свору крупныхъ, породистыхъ собакъ. Для нихъ нарочно покупалось мясо пудами. Фотій самъ кормилъ собакъ, забавляясь при этомъ ихъ травлей,—какъ онѣ начнутъ другъ у дружки рвать лакомые куски.

При такомъ уходѣ собаки скоро привязались къ своему щедрому хозяину, а къ постороннимъ становились злѣе со дня на день. Приходить разъ къ Фотію его двоюродный братъ, священникъ изъ деревни Кунино. Фотій сидитъ на диванѣ, по обыкovenію, убрavшись съ ногами; возлѣ него, насторожа уши, расположилось нѣсколько крупныхъ собакъ. Захотѣлось Фотію пошутить, и вотъ онъ, ухмыляясь, говоритъ: «ну-ка, потяни меня за полу». — «Ваше высокопреподобіе, неравно собаки съѣдятъ»,—взмолился было тотъ. — «Я тебѣ приказываю, тани»,—настаиваетъ Фотій. Не успѣлъ гость дотронуться, какъ собаки съ лаемъ и воемъ бросились на него; тотъ спасся только благодаря присутствію духа да ловкости, съ которою отбивался отъ собакъ первой попавшеюся въ руки вещью. Самъ Фотій струхнулъ, схватилъ палку и едва унялъ разъяренныхъ собакъ. Священникъ какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ, заплатившись лишь расой, которая оказалась располосанною по всемъ направленіямъ.

Стѣитъ замѣтить, что Фотій не подумалъ вознаграждать своего небогатаго родственника за изъязъ, причиненный съ опасностью жизни. Для постороннихъ же лицъ у Фотія была установлена такса—платить 25 руб. каждому, кого укуситъ его собака.

Но одинъ случай заставилъ Фотія разстаться съ своими любимыми животными. Ъхалъ разъ Фотій изъ монастыря въ городъ на засѣданіе въ консисторію. По бокамъ коляски бѣжала, по обыкovenію, его свора любимыхъ собакъ. Какъ на грѣхъ попался на-

встрѣчу прїѣзжій купецъ, который шелъ гвѣшкомъ на поклоненіе въ Юрьевъ монастырь. Всѣ собаки до одной бросились на прохожаго. Тотъ упалъ навзничъ и не шевелится. Фотій послѣшно унялъ собакъ, но прохожій не подымался: съ испуга онъ умеръ на мѣстѣ.

XVIII.

Графъ Аракчеевъ сильно горевалъ по случаю смерти своей прїятельницы. Императоръ Александръ I, собственноручнымъ письмомъ, предложилъ Фотію утѣшить графа.

Фотій лично отпѣвалъ тѣло, а передъ чтеніемъ отпустительной молитвы произнесъ во всеуслышаніе: «паки преклоньте колѣна». Такая необычайная церемонія надъ ненавистной для народа аракеевской наложницей произвела сильное впечатлѣніе на народъ въ ущербъ Фотію, такъ какъ его до той поры считали за святаго.

XIX.

Авторитетность Фотія ясно обнаружилась въ одномъ обстоятельстве, непримѣрномъ въ церковной іерархіи. Вздумалъ онъ отпраздновать обновленіе своего монастыря и вотъ, никого не спрашиваясь, даже самого архіерея, разослалъ приказы по всему Новгородскому уѣзду о томъ, чтобы въ назначенный день ото всѣхъ церквей и монастырей отправились въ Юрьевъ кресты съ хоругвями. Приказаніе Фотія было свято исполнено: всколыхнулась вся губернія, состоялся не бывалый дотогѣ крестный ходъ при несмѣтныхъ толпахъ народа.

Новгородскій архіерей, который не былъ особо приглашенъ Фотіемъ, донесъ въ синодъ о самовольствѣ юрьевского архимандрита. Оттуда Фотій получилъ строжайшій выговоръ за «самоуправное назначеніе новыхъ крестныхъ ходовъ».

Это былъ первый ударъ духовнику графини Орловой.

XX.

Кончивъ перестройку монастыря, Фотій обратилъ свое вниманіе на внутренній бытъ монаховъ; тутъ онъ написалъ подробный монастырскій уставъ, гдѣ точно опредѣлялось времяпровожденіе монаховъ, была увеличена служба, введены поклоны, были сдѣланы ограниченія и по трапезѣ. Свои реформы онъ началъ съ того, что приказалъ побросать въ Волховъ нѣсколько цибиковъ чая, заготовленнаго графиней на братію. Чай попалъ подъ запрещеніе, какъ «идоложертвенное китайское зелье». Судьба помиловала только кофе.

Кромѣ объемистаго устава, Фотій написалъ множество молитвъ и другихъ религіозныхъ возношеній, но духовная цензура не одобрила ихъ для всеобщаго употребленія. Тѣмъ не менѣе, Фотій приказывалъ читать свои апокрифы на трапезѣ.

Для тщательной переписки своихъ твореній (въ печать ихъ не пропустили), Фотій держалъ особаго переписчика. Это былъ пропившійся офицеръ, но въ то же время неподражаемый каллиграфъ.

Монахамъ пришлось сильно не понутру нововведенія Фотія: они такъ было привыкли къ прежней вольготной жизни. Впрочемъ, въ послѣдствіи они тутъ не остались въ долгу, припомнили Фотію, какъ только представился случай.

XXI.

Фотій не любилъ «нѣмецкаго одѣянія», т. е. бранился, когда духовные, — дьячки, пономари и дѣти духовенства, — ходили въ сюртукахъ. «Надо, говорить, носить халатцы», такъ что и дѣтей приводили къ нему не иначе, какъ въ халатикахъ.

Одинъ изъ родственниковъ ¹⁾ Фотія вышелъ на мѣсто въ дьячки. И вотъ, посвятившись въ этомъ чинѣ, онъ является въ кабинетъ къ Фотію чистякомъ, въ сюртукѣ. Фотій съ гнѣвомъ кричитъ на него: «Какъ ты смѣлъ надѣть бѣсовскую хламиду? Скидывай!» — «Ваше высокопреподобіе, помилуйте!» — взмолился несчастный. Тутъ графиня, видимо конфузясь, стала упрашивать Фотія, но напрасно: сюртукъ былъ снятъ, и молодой дьячекъ очутился въ грязной, штопанной фуфайкѣ на виду всѣхъ гостей. Мало этого, Фотій идетъ на прогулку по монастырю и беретъ въ свою свиту этого полуразоблаченнаго дьячка, и такъ заходитъ изъ кельи въ келью. При обыскѣ въ одномъ мѣстѣ оказалась связка баранковъ, Фотій велѣлъ ее надѣть на шею дьячку; въ другой кельѣ открыли цѣлый складъ нюхательнаго табаку. Тутъ Фотій передъ всѣми беретъ баранки, обмакиваетъ въ табакъ и говоритъ дьячку: «ѣшь!» Тотъ едва отмолился. Тогда Фотій, обращаясь ко всѣмъ, говоритъ: «каковъ для души табакъ, если грѣховное тѣло отъ него отвращается». Затѣмъ у одного монаха нашли ведерную бутылъ съ водкой, которая тоже отдается сказанному дьячку для торжественнаго несенія, такъ что къ концу обхода онъ былъ порядочно навьюченъ. Наконецъ, Фотій велитъ все это немедленно бросить въ рѣку. Дьячекъ пошелъ. Только онъ завернулъ за уголъ, бѣжитъ монахъ, владѣлецъ бутылки... — «Отецъ родной, — говоритъ онъ вполголоса: — отдай мнѣ вино-то, угощу послѣ; скажи, что бросилъ». Благодаря смѣт-

¹⁾ Алексѣй Артамоновичъ Быстряковъ, бывшій слишкомъ 50 лѣтъ дьячкомъ въ селѣ Подберевѣ, Новгородскаго уѣзда, рассказывалъ также про этотъ случай изъ своей жизни.

ливости дьячка, не весь запретный товар былъ утопленъ. Когда дьячекъ вернулся, Фотій отпустилъ его, сунувъ нѣсколько ассигнацій въ придачу къ подряснику, который онъ ему выдалъ взаменъ сюртука. На радостяхъ отъ счастливаго оборота дѣла пошелъ дьячекъ къ знакомому въ монастырскую слободу, тамъ спрыснулъ обновку. На другой день утромъ идутъ они бережкомъ мимо монастыря и пощелкиваютъ орѣхи. Откуда ни возьмись, навстрѣчу—Фотій съ казначеемъ. Дьячекъ замаялся, туда—сюда, хотѣлъ было дать тягу, да некуда.—«Гдѣ былъ, куда ходилъ?»—отрывисто спросилъ Фотій. Тотъ объяснилъ—такъ и такъ, ваше высокопреподобіе.—«Покажи сейчасъ всѣ деньги». Дьячекъ смѣшался, такъ какъ деньги уже были начаты.

- Подай назадъ мои бумажки.
- Оставилъ у знакомаго.
- Сейчасъ принеси на это мѣсто.

Дьячекъ стремглавъ побѣжалъ къ знакомому лавочнику и выпросилъ у него на прокатъ подходящую ассигнацію вмѣсто размѣненной. Фотій беретъ ассигнаціи и передаетъ ихъ казначею со словами!—«тѣ ли это самыя, чтѣ ты вчера выдавалъ?» Казначей, разумѣется, счелъ болѣе удобнымъ ихъ признать. Тогда Фотій возвратилъ деньги дьячку.

XXII.

Фотій ненавидѣлъ табакъ во всѣхъ видахъ, считалъ одинаково смертнымъ грѣхомъ—куренье и нюханье. Особенно онъ вооружался противъ нюханья, такъ какъ оно больше всего и было распространено между монахами, какъ безвредное, незамѣтное для другихъ развлеченіе во время долгихъ ночныхъ стояній. Ратуя языкомъ и жезломъ противъ нюханья, Фотій такъ объяснялъ важность этого грѣха: «Посмотри на безсловесныхъ псовъ, откуда у нихъ блудъ начинается,—не отъ нюханья ли; такъ и человѣкъ уподобляется скоту, коль услаждается нюханьемъ табаку».

XXIII.

Разъ, входитъ въ кабинетъ къ Фотію нѣкто архимандритъ Ефремъ. Въ ту минуту Фотій сидѣлъ, по обыкновенію, на диванѣ, графиня въ креслахъ, около нея стояла на колѣняхъ какая-то дѣвочка, прочіе посѣтители—двоюродный братъ Фотія, дьяконъ съ 11-тилѣтнимъ сыномъ, двоюродная сестра—монахиня Евфимія, просто стояли поодаль. Лишь только приблизился къ Фотію Ефремъ для привѣтствія, Фотій круто произнесъ: «Анна, обыщи его». Должно быть, по запаху отъ рясы Фотій замѣтилъ, что архимандритъ ню-

халь табакъ. Посѣтителъ заметался въ смущеніи. Графиня, повинуясь, стыдливо показывается видъ, будто ищетъ.

— Да ты ищи хорошенько,—кричитъ Фотій.—Въ карманахъ!.. За пазухой!..

— Батюшка, нѣтъ,—отвѣчаетъ она.

— Ищи, ищи!..

Наконецъ, табакъ нашелся въ воскриліи кlobука, куда спрятали было незамѣтно монахъ въ критическую минуту. Тутъ Фотій принялся распекать виноватаго за нюханье табака, такъ что всѣ трепетали. Но, кончивъ внушеніе, посадилъ его и сряду же подоввалъ мальчика. Ему онъ велѣлъ нюхать три сложенныхъ перста своей правой руки. Отъ Фотіевой руки дѣйствительно пахло ладономъ, но мальчику показалось, какъ онъ потомъ разсказалъ отцу, что Фотій держитъ душистый табакъ, а потому, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ строгаго выговора за табакъ, мальчикъ ничего не сказалъ. Фотій подоввалъ затѣмъ сестру Евфимію и ей велѣлъ нюхать. Та сказала: «Никакого запаха не слышу, ваше высокопреподобіе». Тогда Фотій подоввалъ дѣвочку, которая все стояла на колѣняхъ. «Пахнетъ благоуханіемъ», — отвѣтила она, понюхавъ руку Фотія. На это Фотій сказалъ съ сердцемъ: «Вы дураки, а сія отроковица умнѣе васъ».

XXIV.

У Фотія была въ невѣстахъ сестра—выгодная партія для искавшихъ не жены, а протекціи. Являвшихся претендентовъ Фотій обыкновенно подвергалъ предварительному искусу по своей нравственной программѣ и затѣмъ браковалъ, не справляясь со вкусами сестры. Особенно долгому искусу подвергся одинъ красивый молодой человѣкъ, острякъ большой руки, бывшій впоследствии протоіереемъ, а тогда преподавателемъ въ духовномъ училищѣ. Его-то Фотій часто требовалъ къ себѣ, просиживалъ съ нимъ цѣлые вечера до глубокой ночи и выходилъ изъ себя съ досады, что ни въ чемъ не могъ его переспорить. Наконецъ, на сцену выдвигался нѣкій «Папа», такъ звали Фотіева виночерпія. Этого субъекта одинъ помѣщикъ подарилъ Фотію, какъ своего крѣпостнаго, а Фотій постригъ его въ монахи. Это была личность съ плутовскими глазами и съ совершенно голой краснокожей головой, которая вмѣсто словъ мычала или издавала прерывистые звуки, а передъ Фотіемъ корчила самую подбострастную фигуру.

— Знаешь ли ты этого человѣка?

— Знаю, это — Папа, только не римскій. Тотъ гордыня, а у этого — ангельское смиреніе («Папа» мычитъ, ухмыляясь и поводя глазами).

— Да вы бы, ваше высокопреподобіе, спросили: сколько онъ сегодня бутылей осушилъ.

Услыжавъ это, «Папа» бросается Фотію въ ноги, начинаетъ бить лбомъ объ полъ и показываетъ знаками, что врагъ его смущаетъ...

— Да отпустятся тебѣ грѣхи твои. Вотъ ангельское смиреніе-то...—заговорилъ было Фотій, но замѣтивъ, что молодой человѣкъ смѣется, круто перемѣнилъ тонъ и сталъ его гнать восвояси.

— Ваше высокопреподобіе, какъ я пойду пустыремъ въ полночь, эдакъ въ прорубь ввалиюсь (дѣло было зимою), а то и нападетъ кто.

Но Фотій былъ неумолимъ. Впрочемъ, не это повело къ разрыву: Фотій и послѣ того вызывалъ къ себѣ прямодушнаго молодого человѣка, но тотъ самъ отказался отъ сватовства послѣ нѣсколькихъ визитовъ Фотіевой сестрѣ въ городѣ. Разъ сидѣли за картами: онъ, Фотіева сестра, братъ Евфимій и еще кто-то. Вдругъ нарѣченная невѣста тутъ же заспорила съ братомъ и при всѣхъ, сорвавъ съ себя косынку, пустила ею въ брата. Женихъ испугался такой невѣсты и скорѣе на попятный. Фотій, однако, выдалъ сестру за другаго, но она года черезъ два умерла, а мужъ ея священникъ Пименъ остался пить горькую чашу.

XXV.

Время передъ изданіемъ новаго монастырскаго устава было золотымъ вѣкомъ Фотія, тогда онъ и съ виду сталъ здоровѣе, даже нѣсколько пополнѣлъ. Введя новый уставъ, а также послѣ неудачи съ крестнымъ ходомъ, онъ всецѣло предался святошеству. Желая подавать собою примѣръ братіи, онъ сталъ ходить на всѣ ежедневныя службы, сталъ питаться одною овсянкою. Перемѣна въ образѣ жизни отозвалась на его здоровьѣ; онъ скоро замѣтно похудѣлъ.

Для украшенія ли своей обители, или для иныхъ цѣлей, написалъ онъ схимника, котораго отыскалъ въ одномъ изъ монастырскихъ захолустьевъ Новгородской губерніи. Это былъ старикъ чрезвычайной простой, безъ всякихъ претензій на святошество или чудотворство и замѣтно тяготился своимъ новымъ положеніемъ на виду всѣхъ, но былъ послушнымъ орудіемъ Фотія. Въ числѣ іеромонаховъ былъ одинъ изъ бѣглыхъ дворовыхъ людей, уклонившійся отъ рекрутства. Изъ-за него нѣкоторые страшали Фотія, но графиня уладила дѣло. Въ той же свитѣ былъ Кифа, котораго Фотій сдѣлалъ настоятелемъ сосѣдняго Сковоротскаго монастыря. Это былъ искатель приключеній и актеръ по призванію. Кифа задавалъ вакханаліи не по однимъ только монастырямъ, а и по деревнямъ, и бѣда кто съ нимъ не въ ладахъ. Сейчасъ подошлетъ краснаго пѣтуха, и не одинъ крестьянскій дворъ сгорѣлъ такимъ путемъ. Жилъ онъ въ свое удовольствіе, не зная никакихъ постовъ. Но Фотія онъ умѣлъ привлечь на свою сторону. Случалось, доходили до Фо-

тія недобрые слухи про Кифу. Тогда онъ сейчасъ призывалъ его къ себѣ и читалъ нотации, прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ. Кифа принималъ при этомъ самую умильную позу кающагося грѣшника. Но лишь только Фотій поворачивался къ нему спиной, онъ тотчасъ выдѣлывалъ такіе жесты и корчилъ такія гримасы, что могъ мертваго размѣшпить. При новомъ поворотѣ Фотія, моментально восстанавлилась прежняя поза. Фотій, ничего не подозревая, былъ просто обворожень Кифою.

Самъ же Фотій, между тѣмъ, нашелъ себѣ новое занятіе: онъ сталъ отчитывать кликушъ и тому подобныхъ больныхъ извѣстныхъ въ народѣ подъ общимъ именемъ бѣсноватыхъ. Удостоившіеся исцѣленія щедро награждались. Соотвѣтственно успѣху число бѣсноватыхъ разныхъ видовъ прибывало въ монастырь, какъ вода въ половодье. Среди такихъ-то чающихъ движенія воды появляется въ Юрьевъ монастырь одна загадочная личность. Это была довольно красивая женщина, выдавала она себя за бѣсноватую, по занятію же до своего недуга, какъ оказалось, была актрисою. По мнѣнію нѣкоторыхъ, эта особа была подослана къ Фотію Орловымъ и Давыдовымъ съ тонкою цѣлью устроить разрывъ Фотія съ графиней. Разумѣется, графининыхъ наслѣдниковъ занимало не вліяніе Фотія на графиню (онъ называлъ ее просто «Анна», какъ послушницу), а то, что изъ предполагаемаго наслѣдства ускользали милліонъ за милліонами. Фотій сыпалъ деньги не на одинъ Юрьевъ монастырь, а и въ другія мѣста: такъ на иконостаѣ въ кievскій соборъ пошло ровно милліонъ рублей.

Какъ бы то ни было, Фотій принялся отчитывать новую бѣсноватую. Но ничто ее не брало, больная была упорна не въ примѣръ прочимъ. Для болѣе тщательнаго и правильнаго отчитыванія Фотій помѣстилъ бѣсноватую въ своихъ покояхъ. Тутъ она немного притихла, давая понять, что бѣсъ попалъ, точно въ ловушку.

Однако, по временамъ, особенно въ полночь, бѣснованія повторялись. Во время припадка больная раскидывалась по полу и, казалось, ничто не могло ее укротить. Фотій призывалъ и схимника, заставлялъ его отчитывать, тотъ повиновался, видимо, не понимая, чего отъ него хотятъ. Схимникъ тоже потерпѣлъ неудачу... Но вотъ Фотій набрасываетъ на бѣсноватую свой платокъ... И что же, раздается крикъ: «горю! горю! не мучь меня!.. дай мнѣ уйти». Крики переходятъ въ болѣе спокойную мольбу—снять згучій платокъ. Фотій снимаетъ. При этомъ вторичномъ прикосновеніи больная приходитъ въ себя: бѣсъ оказывается изгнаннымъ.

Мало-по-малу дѣло стало подаваться на успѣхъ. Фотій до того занялся отчитываніемъ, что весь погрузился во врачеваніе необыкновенной бѣсноватой. Не находилъ даже времени ходить въ церковь, ни къ кому не выходилъ, къ себѣ никого не допускалъ, даже пересталъ принимать графиню, чего прежде никогда не бы-

вало. Большая межъ тѣмъ исцѣлилась. Вскорѣ Фотій постригъ ее въ монахини и назвалъ Фотиной. Фотина до того просвѣтлѣла, что скоро сдѣлалась чуть не руководительницей Фотія, подчинила его себѣ. По временамъ Фотій замѣчалъ на ней сіяніе въ темнотѣ (не подозрѣвая, что бывшая актриса пускала въ дѣло фосфоръ).

Графиня, какъ зоркая наблюдательница, все понимала, какъ Фотій обмануть и какую онъ играетъ роль, и видимо готова была оставить навсегда Фотія съ его монастыремъ и Фотиною,—только великосвѣтскій тактъ удержалъ разочарованную аристократку.

Однако, Фотій очнулся, когда надъ его головой неожиданно негаданно раздался второй ударъ. Монахи настрочили на него доносъ по поводу Фотины, что настоятель сошелъ съ ума.

За докосомъ послѣдовало строжайшее предписаніе удалить Фотину изъ Юрьева въ далекій женскій монастырь въ 24 часа съ отдачею самого Фотія на замѣчаніе впредь до разъясненія дѣла.

Фотій немедленно снарядилъ Фотину къ отправкѣ, при этомъ отдалъ ей всѣ свои соборы и бархатныя рясы, а также и деньги. На проводахъ во время молебна сама Фотина подводила ко кресту совсѣмъ растеряннаго Фотія. Это обстоятельство произвело сильное впечатлѣніе на присутствовавшихъ. Между тѣмъ, Фотию грозила опасность перевода въ другой монастырь или даже лишиться мѣста. Тутъ графиня Орлова взялась его выручать. Немедленно ѣдетъ въ Петербургъ прямо ко двору и шесть мѣсяцевъ регулярно исполняетъ дежурство въ качествѣ фрейлины на всѣхъ выходахъ и церемоніяхъ. Результатъ былъ такой, что доносъ на Фотія оставленъ безъ послѣдствій.

Съ Фотиной Фотій былъ въ перепискѣ; разъ онъ отдалъ двоюродному брату Мизерецкому всю эту корреспонденцію для уничтоженія, но потомъ спохватился и отобралъ ее навадь отъ своего бережливаго и честнаго родственника.

Конецъ Фотины былъ трагическій: ее зарѣзали монастырскій кучеръ, съ которымъ она была въ связи.

Ходилъ слухъ, что этотъ самый кучеръ разъ или два привозилъ Фотину въ Юрьевъ монастырь потаеннымъ ходомъ.

XXVI

Поплатившись за Фотину, Фотій призываетъ Кифу (который и подговорилъ всю братію воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобъ поквитаться съ нимъ, и самъ сочинялъ доносъ). Въ присутствіи своего родственника іеромонаха Мануила и двоюроднаго брата, Фотій подводитъ Кифу къ распятію и говоритъ: «вѣришь ли ты, что я не сошелъ съ ума?» Тотъ отвѣчаетъ: «вѣрую!» «Перекрестись». Кифа крестится. Этотъ клятвенный допросъ повторяется трижды. Затѣмъ, Фотій снимаетъ съ себя крестъ и надѣваетъ на

Мануила съ словами: «отнынѣ я перестаю быть настоятелемъ, вотъ онъ вмѣсто меня!» Сказаль и поклонился Мануилу въ ноги. Съ тѣхъ поръ, дѣйствительно, всѣ текуція дѣла по монастырю шли уже не черезъ Фотія, а черезъ Мануила, какъ фактическаго настоятеля.

XXVII.

Графиня Орлова оставалась неотлучно у смертнаго одра Фотія, и какъ только онъ умеръ, она вышла въ пріемный залъ и торжественно заявила всѣмъ присутствовавшимъ: «Я могу увѣрить всѣхъ, что онъ (Фотій) былъ дѣвственникъ».

Тогда же графиня взяла къ себѣ Фотіеву шкатулку, но что тамъ было—это неизвѣстно.

МЕЛОЧИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

ВЪ НАСТОЯЩЕЙ статьѣ преобладаетъ анекдотическій характеръ, а потому читатели не должны искать здѣсь какихъ нибудь серьезныхъ историческихъ свѣдѣній и даже строгой послѣдовательности въ размѣщеніи фактовъ. Это не болѣе какъ «мелочи», пришедшія мнѣ на память и которыя, по моему мнѣнію, не лишены нѣкотораго интереса.

I.

Будучи еще юношей, я часто посѣщалъ московскую духовную консисторію, гдѣ служили двое моихъ знакомыхъ, много старше меня, укрывшіеся отъ долговъ на лоно коронной службы, которая въ тѣ времена давала безопасное убѣжище отъ посягательства кредиторовъ на личное задержаніе должниковъ. Одинъ изъ нихъ былъ дворянинъ, запутавшійся въ различныхъ изобрѣтеніяхъ и не осуществимыхъ проектахъ о выдѣлкѣ смазочныхъ маселъ изъ растений, по устройству стеариновыхъ заводовъ особой системы и проч., а другой промотавшійся и проигравшійся купеческій сынъ богатаго поставщика суконъ на войска—личности, совершенно не подходившія подъ строй и колоритъ консисторскаго чиновничества. Исторія заблудшаго купеческаго сына, воспитаннаго въ одномъ изъ модныхъ пансіоновъ и превратившагося по служебнымъ правамъ изъ почетныхъ гражданъ въ канцелярскаго служителя, до нѣкоторой степени не безынтересна, но не относится къ предмету нашей статьи.

Часто въ ожиданіи своего пріятеля — дворянина въ консисторской пріемной, я бывалъ свидѣтелемъ смѣшныхъ и въ то же время возмутительныхъ сценъ собиранія съ просителей взятокъ канцелярской мелкотой, совершавшихся безъ малѣйшаго стѣсненія передъ лицомъ постороннихъ свидѣтелей. Каждый являвшійся по какому нибудь дѣлу былъ непремѣнной жертвой хищныхъ нападеній писарей и сторожей, обступавшихъ его со всѣхъ сторонъ съ протянутыми руками и безцеремоннымъ требованіемъ за хлопоты.

Брали все—двугривенные, гривенники и даже мѣдными, а сторожа доходили до такого нахальства, что оставляли вещи, въ видѣ залога до будущаго раза. Одна изъ подобныхъ сценъ на столько меня возмутила, что я рѣшился вступить за бѣднаго сельскаго священника, который, пріѣхавъ въ Москву съ намѣреніемъ взять на пасуху сына изъ училища, кстати зашелъ въ консисторію—узнать о результатѣ своей просьбы по опредѣленію другаго сына на какую-то открывшуюся вакансію. Достаточно было взглянуть на костюмъ этого бѣдняка, чтобъ судить о его нищетѣ. Вытертая, порывѣвшая шляпа съ широкими полями, походившая скорѣе на лукошко, нанковая, вылинявшая въ заплатахъ ряса, крестьянскіе заскорузлые сапоги и, въ довершеніе, самъ онъ захудалый, малорослый съ жиденькой бородой—все это могло бы вызвать даже сожалѣніе у вора. На бѣду, просьба его была уважена, сыну дали мѣсто. Нужно было видѣть сіявшую на лицѣ бѣдняка радость, съ какою онъ принялъ это извѣстіе, и въ то же время смущеніе. Его, по обыкновенію, писарьки обступили съ поздравленіями.

— Что жъ, батька, раскошеливайся. Кандидатовъ-то на мѣсто было много и получше твоего сына. Благовѣщенскій попъ за племянника хлопоталъ и денегъ не жалѣлъ, а мы для тебя poradъли.

— Милые мои, вѣдь я не думалъ, не гадалъ, ну, и не захватилъ съ собой; да, признаться, и захватить-то нечего, обождите Христа ради, расплачусь помалости, не забуду.

— Ну, ужъ эти расплаты мы знаемъ. Какъ же ты идешь въ консисторію безъ денегъ, какъ будто вчера родился, порядковъ не знаешь. Вѣдь мы тоже ѣсть хотимъ, на два съ полтиной жалованья не разгуляешься.

— Знаю, все знаю, отцы мои, да вѣдь я совсѣмъ случайно пришелъ сюда; а вотъ Богъ и послалъ яичко къ великому дню.

Священникъ держалъ въ рукахъ узелокъ съ чѣмъ-то.

— А что у тебя въ узлѣ-то?

— Да пирожка взялъ изъ дому на дорогу—съ кашей, ситничка. Харчи здѣсь дороги, съ сынишкомъ вдвоемъ кормиться не по карману, вотъ и захватилъ, чтобъ не тратиться.

— Покажи-ко, что за пироги?

Батюшка развернулъ узелокъ, и ржаные пироги съ кашей разсыпались на полъ.

— Ну, ладно, оставь ихъ намъ на завтракъ.

— Кушайте на здоровье, кушайте съ Богомъ; я какъ нибуду промажусь; что дѣлать!

Я не выдержалъ, хотя и понималъ неловкость своего вмѣшательства.

— Господа, вѣдь онъ долженъ же ѣсть что нибуду, да еще съ сыномъ; ему ѣхать нужно, а вы здѣсь останетесь, обойдетесь и безъ его пироговъ.

— Это дѣло не ваше,—рѣзко отвѣтилъ одинъ изъ писарей съ глупой опухшей физиономіей.

— Я и не говорю, что мое; но вы должны пожалѣть старика. Заступничество не имѣло успѣха. Но священникъ радъ былъ моему вмѣшательству и, воспользовавшись случаемъ, поспѣшилъ скорѣй вырваться изъ цѣпкихъ когтей своихъ благодѣтелей, оставивъ вмѣстѣ съ пирогами и платокъ, въ которомъ они были связаны.

Въ одно изъ посѣщеній, рядомъ со мной вели бесѣду два сельскихъ дьячка:

— Ты видалъ когда владыку?

— Нѣтъ.

— Кто же экзаменовалъ тебя?

— Викарный.

— Счастливъ.

— А что, развѣ страшно?

— Жутко, особенно, когда взглянетъ прямо, въ упоръ,—глаза пронзительные, насквозь видать. Когда я экзаменовался—запнулся на единосущной, онъ и взглянулъ; я, братецъ, совсѣмъ замолчалъ, смутился, не могъ слова выговорить, затѣніе нашло. Онъ смекнулъ, опустилъ глаза книзу, и какъ рукой сняло, опять пошло какъ по маслу.

О пронзительности взгляда Филарета не только много говорили, но даже печатали. Я имѣлъ случай не одинъ разъ видѣть его, но ничего подобнаго не замѣчалъ. Дѣйствительно, онъ обладалъ быстрой смѣтливостью, въ чемъ можно убѣдиться, имѣя въ виду слѣдующій примѣръ.

Для строившагося тогда храма во имя Христа Спасителя представленъ былъ отъ профессора Нефа эскизъ запрестольнаго образа, изображающаго Тайную Вечерю, который, по разсмотрѣніи въ особомъ засѣданіи комиссіи, въ присутствіи членовъ, графовъ А. А. Закровскаго, С. Г. Строганова, князя С. М. Голицына, А. А. Казначеева и другихъ, признанъ былъ исполненнымъ прекрасно и затѣмъ переданъ на окончательное одобреніе митрополита Филарета. На другой день эскизъ былъ возвращенъ съ слѣдующими замѣтками: «Исусъ Христосъ благословляетъ лѣвой рукой — исправить; у апостола Петра половина головы какъ бы отрѣзана (апостоль

поставленъ былъ за колонной) — исправить. Хотя этотъ примѣръ и не изъ особенно убѣдительныхъ — митрополитъ лучше другихъ долженъ знать правила церковной живописи, но во всякомъ случаѣ, почему же десять членовъ, въ числѣ которыхъ находился и такой извѣстный собиратель и знатокъ образовъ древней живописи, какъ С. Г. Строгановъ, — не могли замѣтить столь рѣзкой ошибки, какую нашель Филаретъ, вѣроятно, не долго обдумывая.

Бесѣда двухъ дьячковъ продолжалась, я слушалъ ихъ съ большимъ вниманіемъ.

— А вотъ племянникъ у нашего священника наповалъ срѣзался. Да не потому, что не умѣлъ отвѣтить, а такъ, зная ужъ не судьба; и парень хорошій, смиренный, трезвый. Сирота онъ круглый — ни отца, ни матери, ну, и жилъ у дяди, какъ бы изъ милости, а знаешь, какъ сладко жить на чужихъ хлѣбахъ!

— Дѣло бывалое, какъ не знать.

— Попадья поѣдомъ ѣла — за дѣло и не за дѣло. Трутень, дармоѣдъ — другаго и званья не было ему. А басъ какой, я тебѣ скажу — страсть, въ Москвѣ не найдешь. Апостоль бывало возьмется читать — только гулъ слышенъ, а отъ многолѣтія стекла тряслись. Положимъ, церковь у насъ небольшая, а всетаки... Ну, вотъ кончилъ онъ философію и рѣшилъ въ дьячки проситься: хотѣлъ идти дальше — да на какіе достатки?! Вышло мѣсто, онъ приготовился какъ слѣдуетъ къ экзамену. Время было весеннее, одѣжки особенной не было, просить у другихъ не хотѣлъ; онъ и отправился въ Москву — то въ одномъ семинарскомъ затрапезномъ халатѣ. Что дѣлать, и радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Хорошо. Прийдя въ Москву, онъ на другой или на третій день, раннимъ утромъ побѣжалъ на Троицкое подворье, на экзамень къ владыкѣ. Только дорогой смутилъ его лукавый. Слышалъ онъ также о пронзительности глазъ владыки — дай, говорить, для смѣлости выпью немного. Оно бы ничего, почему малость не выпить.

— А онъ, вѣрно, цѣлый полштофъ осушилъ?

— Нѣтъ, слушай, не въ томъ дѣло. Вошелъ онъ въ кабакъ — то, да и раздумался: косушку выпить — будто маловато, полштофъ много. Купилъ, однако, полштофъ: останется — никуда не дѣнется, послѣ экзамена на радостяхъ допью — думалъ. Выпилъ — показалось мало; глотнулъ еще, и въ полштофѣ четверти не осталось. Бѣда бы не велика — парень молодой, здоровый; мы пивали и не по стольку. Пришелъ онъ на подворье — то, да и не знаетъ, куда посудину спрятать: бросить жалко, въ домъ вещь полезная, въ шапку не лезетъ, за голенище тоже, оставить въ сѣняхъ — стащутъ, тамъ вѣдь вездѣ нашъ братъ до водки охочъ, думалъ — думалъ да и засунулъ за пазуху, авось, не доглядитъ, Богъ пронесетъ.

— Сущее затмѣніе; чтобы ему бросить — то!

— И я говорю то же. Такъ ужъ грѣху, зная, быть. Только во-

шелъ онъ въ приемную и объявилъ о себѣ, какъ тутъ же его судуи въ дверь и онъ очутился прямо передъ владыкой.

— Зачѣмъ пришелъ?—спросилъ онъ, не поднимая глазъ.

— Экзаменоваться,—пробасилъ семинаристъ.

— На какое мѣсто?

— Въ дьячки, въ такое-то село.

— Самъ откуда?

— Сынъ умершаго священника изъ такого-то села,—еще смѣльбе и басистѣ отвѣчалъ какъ бы передъ бѣдой повеселѣвшій парень.

Все бы ничего; но въ эту минуту владыко поднялъ глаза и, понятно, не могъ не замѣтить выпятившагося изъ-подъ халата проклятаго полштофа.

— Что у тебя за пазухой?—вдругъ спросилъ онъ.

Только этого не доставало! Семинаристъ сначала замаялся, но, одумавшись, напропалую отвѣтилъ, только ужъ не басомъ.

— Катехизисъ.

— Чей?

Что оставалось дѣлать, какъ отвѣчать?

— Вашего высокопреосвященства — произнесъ едва внятно несчастный.

— Покажи?

— Помоему, ужъ лучше бы сквозь землю провалиться, или просто бѣжать!

Семинаристъ повалился въ ноги и еще хуже надѣлалъ: водка звонко заплескалась въ полштофѣ.

— Встань и покажи? — строго повторилъ владыко.

Семинаристъ повиновался, вытащилъ полштофъ и показалъ.

— Ты ошибся: тебѣ нужно экзаменоваться у того, гдѣ купилъ такой катехизисъ. Ступай! — сердито произнесъ владыко. — Послѣ этого два года шлялся бѣдняга безъ мѣста. Да наша барыня, дай Богъ здоровья, лично доложила владыкѣ и рассказала все дѣло, ну, и получилъ хорошее мѣсто.

Лѣтъ черезъ десять я слышалъ этотъ рассказъ уже въ формѣ анекдота, съ различными наслоеніями, не совсѣмъ удобными для печати.

II.

Изъ числа многихъ ходячихъ анекдотовъ, москвичамъ особенно нравился рассказъ о богатомъ купцѣ, который обратился къ митрополиту съ просьбою о разрѣшеніи употреблять скоромную пищу постомъ, такъ какъ отъ постной онъ хвораетъ.

Филаретъ доказывалъ, что онъ хвораетъ собственно не отъ постной пищи, а отъ количества ея.

— Если вы не въ мѣру наѣдитесь картофелю, рѣдьки, капусты, конечно, васъ раздуетъ, и вы захвораете,—будто бы говорилъ Филаретъ.

Купецъ былъ изъ числа упитанныхъ тѣльцовъ, молодеой, здоровый.

Дѣло было въ началѣ великаго поста; къ митрополиту онъ пріѣхалъ утромъ и былъ приглашенъ остаться на цѣлый день, чтобъ убѣдиться въ справедливости высказанныхъ доводовъ.

Владыко держалъ сугубый постъ; за обѣдомъ подали по тарелкѣ грибноаго супу и нѣсколько жаренаго картофелю. Купецъ ждалъ чего нибудь еще, но обѣдъ кончился. Ни водки, ни вина не было.

До вечера оставалось часа четыре. Голодь давалъ себя чувствовать непривычному къ воздержанію купеческому желудку.

— Довольны ли вы моимъ обѣдомъ? — спросилъ владыко.

— Не могу сказать, ваше высокопреосвященство, потому я какъ будто ничего не ѣлъ, и еще больше чувствую голодь, чѣмъ до обѣда.

— Я этому вѣрю; но за торучаюсь, что вы не будете хворать.

— Да тутъ не отъ чего и захворать-то, ваше выс—ство.

— Вотъ вы сами, наконецъ, сознаетесь, что захворать можно только отъ излишества, а не отъ недостатка пищи, какая бы она ни была—постная, или скоромная. А такъ какъ вы человѣкъ не старый, пользуетесь хорошимъ здоровьемъ, то ѣсть скоромную пищу постомъ для васъ грѣхъ и непростительно. Но если вы будете предаваться неводержанію, тогда безразлично: будете ли вы ѣсть въ постъ скоромное, или постное—въ обоихъ случаяхъ вы будете грѣшнить одинаково.

— Какъ же такъ, ваше выс—ство, стало быть, мнѣ нельзя ѣсть ни постнаго, ни скоромнаго, потому я ѣмъ много?

— А вы ѣшьте такъ, какъ нынче.

— Да вѣдь это все равно, что ничего не ѣсть.

Анекдотъ этотъ я слышалъ именно въ такомъ пересказѣ отъ купца, увѣрявшаго, что онъ, въ свою очередь, слышалъ его отъ самого потерпѣвшаго, будто бы хваставшаго, какъ высокопреосвященный владыко накормилъ его голодомъ.

III.

Слѣдующій рассказъ, почерпнутый изъ ближайшихъ и достоверныхъ источниковъ, показываетъ, что Филаретъ не любилъ фамиллярныхъ отношеній даже отъ людей близко ему знакомыхъ.

Извѣстный историкъ, бывшій профессоръ Московскаго университета и потомъ цензоръ И. М. Снегиревъ, жившій по сосѣдству съ Троицкимъ подворьемъ въ своемъ домѣ, въ послѣднее время

находясь уже въ отставкѣ, почти каждый день посѣщалъ Филарета, пользуясь хорошимъ расположеніемъ его.

И. М. Снегиревъ, какъ извѣстно, былъ большой анекдотистъ и шутникъ, а иногда любилъ повлословить на чужой счетъ, за что собственно и поплатился службой, хотя совершенно невинно, поднявъ слишкомъ высоко завѣсу, скрывавшую темныя дѣла одного высокостоявшаго тогда лица вкупѣ съ своимъ подчиненнымъ.

Въ одно изъ своихъ утреннихъ посѣщеній митрополита, И. М. позволилъ себѣ такую шутку. Ему захотѣлось чаю, когда уже Филаретъ отпихъ. Подойдя къ двери, гдѣ находился человекъ, онъ, подражая голосу Филарета, приказалъ: «подать Ивану Михайловичу чаю».

Чай былъ поданъ; Филаретъ, вѣроятно, понявъ выходку И. М., а можетъ быть, и услышавъ приказаніе, спросилъ человека:

— Кто приказалъ подать чай?

Ничего не подоврѣвая, человекъ прямо отвѣтилъ:

— Вы приказали.

Этимъ сцена кончилась. Но И. М. съ тѣхъ поръ рѣдко заставалъ Филарета свободнымъ и всегда получалъ въ отвѣтъ:

— Заняты, принять не могутъ.

IV.

Но сколько ни былъ проникателенъ Филаретъ, однако, допустилъ обмануть себя какому-то безвѣстному выходцу Зыкову, прославившемуся убійствомъ княгини Голицыной, урожденной Чертовой.

Этого авантюриста я зналъ съ малыхъ лѣтъ, живя съ нимъ въ одномъ домѣ, а впоследствии случай насъ сблизилъ въ знакомство. Онъ былъ, какъ говорили, сыномъ какого-то разбогатѣвшаго чиновника, составившаго женитьбой аристократическую карьеру. Пользуясь такимъ положеніемъ, сынъ его, помянутый Николай Семеновъ Зыковъ, воспитывавшійся въ какомъ-то институтѣ и исключенный за неспособность, не смотря на полнѣйшее идиотство, на отталкивающую, непріятную фивіономію, сумѣлъ пробиться въ аристократическій кружокъ важныхъ барынь, подвизавшихся на поприщѣ официальной благотворительности. Онъ служилъ чиновникомъ у гражданскаго губернатора и въ то же время былъ членомъ, сотрудникомъ, секретаремъ различныхъ дамскихъ комитетовъ, только что входившихъ тогда въ моду.

При каждомъ свиданіи съ Зыковымъ, я только и слышалъ— такая-то княгиня или графиня была у него надняхъ, у такихъ-то важныхъ особъ онъ обѣдалъ. Сначала я относилъ это къ хвастовству, но потомъ убѣдился, заставая иногда у него дамъ высшаго

круга, въ сопровожденіи ливрейныхъ лакеевъ и въ богатыхъ экипажахъ. Между тѣмъ, я всегда подмѣчалъ въ немъ наклонность ко лжи и мелкимъ обманамъ; вообще онъ мнѣ казался мизернымъ, гаденькимъ, почему я не особенно учащалъ къ нему визиты. Онъ также бывалъ у меня, и одинъ разъ по весьма курьезному случаю. Въ кухнѣ, при квартирѣ моей хозяйки, жилъ старикъ, отставной бригадиръ, по фамиліи также Зыковъ—грязный, неопрятный и нелюдимый. За свой уголъ онъ платилъ рубля два. Хозяйка часто затѣвала ссоры съ его лакеемъ, который таскалъ кушанье, поѣдалъ самъ и кормилъ барина.

— Что-жъ я буду дѣлать, не съ голоду же умирать; онъ самъ заставляетъ меня воровать и посылаетъ просить милостыню, для этого онъ и квартиры всегда при кухняхъ нанимаетъ,—со слезами оправдывался бѣдный лакей, тоже старикъ и къ довершенію кривой.

Между тѣмъ, онъ рассказывалъ, что баринъ имѣетъ 400 душъ крестьянъ, съ которыхъ акуратно получаетъ оброкъ, и тысячь триста денегъ, гдѣ-то зашитыхъ. Мѣсяца черезъ два, онъ опасно захворалъ, тогда-то и явился подъ именемъ племянника Николай Зыковъ, зайдя прежде ко мнѣ, чтобъ узнать подробности о жизни старика, которыхъ, впрочемъ, я и самъ не зналъ. Долго бесѣдовалъ онъ съ дядей, но о чемъ—никто не слышалъ. Я ушелъ, не дождавшись его. На другой день старикъ умеръ. Лакей въ ужасѣ объявилъ хозяйкѣ, что вещи барина, золотыя и серебряныя изъ сундука пропали, а съ ними и мѣшокъ съ бумагами; сундукъ онъ нашелъ открытымъ. Зыковъ заходилъ въ отсутствіе лакея.

Послѣ этого я долго не встрѣчался съ Зыковымъ, но, когда узналъ, что у него умеръ отецъ, зашелъ навѣстить его. Къ удивленію, на мой вопросъ: дома баринъ? человекъ отвѣчалъ:

— Вскорѣ послѣ смерти своего батюшки, они поступили въ Донской монастырь, въ монахи.

Странное превращеніе, подумалъ я, а, впрочемъ, чего же другаго можно было ждать отъ идіота, но, всетаки, я ни на минуту не усомнился, что здѣсь кроется какая нибудь грязная продѣлка. Въ атой мелкой душонкѣ я никогда не замѣчалъ ни нравственнаго, ни религіознаго чувства.

На пасхѣ я ѣздилъ навѣстить больного товарища въ больницѣ и оттуда прошелъ въ Донской монастырь съ цѣлью посмотрѣть, что дѣлаетъ Зыковъ. Въ это время я засталъ у него книжнику N. и, не желая быть лишнимъ, отправился на кладбище осматривать памятники. Черезъ полчаса за мной явился человекъ, Модестъ, хорошо знавшій меня, съ приглашеніемъ къ барину.

Зыковъ встрѣтилъ меня очень радушно, похристосовался огромнымъ гусинымъ яйцемъ и большой монашеской просвирой. Затѣмъ послѣдовало угощенье: сыръ, масло, чай—но на пасхѣ кто-жъ бываетъ голоденъ.

— Что съ вами сдѣлалось?—наконецъ, спросилъ я.

— Сколько разъ приходится мнѣ повторять одинъ и тотъ же отвѣтъ. Что-жъ тутъ удивительнаго: смерть отца на столько повлияла на меня, что я рѣшился удалиться отъ свѣта.

Врешь,—подумалъ я.

Во время чая онъ показывалъ мнѣ свою келью, состоявшую изъ трехъ комнатъ—первая пріемная, очень небольшая, безъ передней; вторая спальня; третья безъ назначенія—очень просторная, но въ то время еще не обмѣблированная.

Въ пріемной стоялъ простой столъ, покрытый темнозеленымъ сукномъ, за которымъ мы пили чай, у стѣны, между оконъ—скамья, тоже покрытая сукномъ; у стола помѣщалось большое, покрытое сафьяномъ, мягкое кресло, на которомъ сидѣлъ я.

— Меня удостоилъ своимъ посѣщеніемъ самъ владыко,—съ видимымъ хвастовствомъ объявилъ мнѣ Зыковъ,—и сидѣлъ на этомъ креслѣ.

Въ спальнѣ, она же и моленная, во всемъ сквозила ложь, лицемеріе, притворство: простая, деревянная кровать, или что-то въ родѣ подмостокъ, съ двумя полбѣнями вмѣсто подушекъ въ изголовьѣ, два простыхъ рыночныхъ стула, въ углу образница съ множествомъ образовъ и лампадъ. Въ образницы, на столикѣ лежало небольшое евангеліе въ серебряномъ окладѣ и такой же образъ въ ризѣ.

— Это благословеніе владыки,—поспѣшилъ замѣтить Зыковъ, раскрывая книгу и указывая на надпись въ нѣсколько строкъ, сдѣланную рукою Филарета. На оборотѣ образа было то же.

Послѣ чаю мы отправились гулять на кладбище. Дорогой, изъ рассказовъ я понялъ, что мои подозрѣнія до нѣкоторой степени были не безосновательны.

— Какъ же вы живете?—разспрашивалъ я.—Скучаете, голодаете?

— Нисколько. Я почти постоянно съ отцомъ архимандритомъ; обѣдаемъ вмѣстѣ, столъ держимъ пополамъ: одинъ день его обѣдъ, на другой отъ меня; поваръ у насъ общій. Я даже ночую у него, пока не устроился. Впрочемъ, я намѣренъ перемѣнить келью и сдѣлать новую въ башнѣ. Пойдемте—покажу.

Мы прошли все кладбище и почти на концѣ его, въ оградѣ, къ восточной сторонѣ, онъ указалъ высокую башню, довольно ветхую.

— Здѣсь страшно жить!—замѣтилъ я.

— Чего-жъ бояться, я съ Модестомъ.

Цѣль его была понятна. Изъ башни можно было уходить, не будучи замѣченнымъ, и также принимать кого угодно...

Вскорѣ мы разстались.

Послѣ я случайно посѣщалъ его раза два, но на короткое время.

Прошелъ почти годъ, когда совершенно неожиданно я узналъ, что Зыкова изъ монастыря прогнали; но за что, никто не зналъ: разсказывали о какомъ-то неправдоподобномъ скандалѣ, изъ котораго ничего нельзя было понять. Во всемъ проглядывала какая-то загадочность и таинственность.

Княгиня Голицына также принимала участіе въ дамскихъ комитетахъ и потому имѣла съ Зыковымъ дѣловыя отношенія еще до поступленія его въ монастырь; но они не прекращались и за монастырской оградой. Княгиня была женщина богомольная, посѣщала многіе монастыри, жертвовала и молилась о выздоровленіи мужа, страдавшаго параличемъ и не владѣвшаго ногами; кромѣ того, домъ Голицына находился по сосѣдству съ Донскимъ монастыремъ, слѣдовательно все это содѣйствовало поддержанію и укрѣпленію связи.

Наконецъ, князь умеръ... Зыковъ въ своемъ новомъ санѣ приглашенъ былъ читать псалтырь по усопшемъ въ продолженіе сорока дней... Лучшаго выбора сдѣлать было нельзя!

Княгиня была еще молода, красива.

Сорокоусть кончился.

Зыковъ, не смотря на монастырское уединеніе, не утратилъ своего престижа и попрежнему посѣщалъ аристократическіе дома и даже проникъ къ извѣстному въ то время сильному и вліятельному князю Сергѣю Михайловичу Голицыну, къ которому нерѣдко былъ приглашаемъ на обѣдъ.

Карьера блестящая, хотя бы и не для такого недоросля, какимъ былъ Зыковъ; но незримая туча собиралась надъ его слабой головой.

Однажды, возвращаясь въ монастырь, вечеромъ, послѣ сытнаго и роскошнаго обѣда у князя С. М. Голицына и проходя по каменному мосту, Зыковъ, по роковой неосторожности, опрокинулъ у фонарщика жестянку съ керосиномъ, какъ будто она намѣренно была подставлена. Случай самъ по себѣ пустой и очень обыкновенный, — стоило заплатить вдвое, и кончилось бы ничѣмъ. Но вышло не такъ: на крикъ фонарщика какъ изъ земли выросла цѣлая дюжина городовыхъ, — рѣдая случайность, — въ другое время трудно найти и одного. Монашка схватили за воротъ и поволокли на расправу. Черезъ полчаса несчастный находился уже въ арестантской комнатѣ въ сообществѣ съ ворами и мошенниками. Всѣ протесты оставались бесполезными. Такъ просидѣлъ онъ нѣсколько дней, при суровомъ обхожденіи стражи и уже дѣйствительно на пицѣ св. Антонія.

Затѣмъ послѣдовало исключеніе изъ монастыря; Зыковъ поневолѣ долженъ былъ отречься отъ иночества и возвратиться въ родительскій домъ коллежскимъ регистраторомъ, какимъ былъ и прежде.

Странность эта требовала бы разгадки, но пускай читатели потрутся сами найти къ ней ключъ изъ дальнѣйшаго хода дѣла, а мы, по нѣкоторымъ причинамъ, отказываемся.

Приключенія съ Зыковымъ начали меня интересовать. Я предвидѣлъ, что участь его кончится недобрымъ.

Спустя нѣсколько времени послѣ изгнанія изъ монастыря, мнѣ хотѣлось повидаться съ нимъ. Онъ жилъ не тамъ, гдѣ прежде, и потому я отправился отыскивать домъ. Разсматривая досочки на воротахъ, я столкнулся съ господиномъ въ шубѣ и въ монашеской шапочкѣ.

— Это вы, Ник: Сем.?—вскричалъ я, узнавъ Зыкова.

— Здравствуйте, давно не видались. Я ужъ теперь не въ монастырѣ,—отвѣчалъ онъ, нисколько не смущаясь. Но лицо его постарѣло, осунулось и походило на лошадиную морду—сравненіе рѣзкое, но и такіа фізіономіи бывають.

— Слышалъ я, да не вѣрилъ, а потому и шелъ къ вамъ развѣдать.

— Я теперь ѣду на Кузнецкій мостъ купить кое-что. Поѣдете, подвезу?

Я отказался, обѣщаясь непременно зайти наднхъ.

На другой день, часа въ три пріѣхалъ ко мнѣ знакомый, рѣдко посѣщавшій меня и потому удивившій неожиданностью.

— Я нарочно къ тебѣ, съ новостью. Представь, что сдѣлалъ твой мерзавецъ Зыковъ?

— Что такое?

— Княгиню Голицыну кинжаломъ закололъ въ своей квартирѣ!

— Можетъ ли быть?!

— Поѣдемъ вмѣстѣ, если не вѣришь; я сейчасъ отсюда. Вся власть съѣхались, никого не пускають.

Всего можно было ждать отъ Зыкова; только не этого. Онъ могъ провороваться, совершить мелкую пакость, но на такой омерзительный и въ то же время смѣлый поступокъ я никогда не считалъ его способнымъ.

Начался процессъ; въ газетахъ прорывались кой-какія извѣстія, но съ крайней осторожностью. Зыковъ въ своихъ показаніяхъ привлекъ многихъ почтенныхъ и уважаемыхъ лицъ, для которыхъ было бы позоромъ фигурировать въ грязныхъ предѣлахъ какого-то безымяннаго выходца. Въ народѣ рассказывалось много странныхъ вещей и, между прочимъ, о кражѣ какихъ-то брилліантовъ, которые сильно скомпрометировали одно совершенно безучастное лицо, потому только, что они хранились у него.

Донской архимандритъ былъ удаленъ.

Убийство совершилось такъ.

Княгиня, можетъ быть, подъ вліяніемъ горя о потерѣ мужа, можетъ быть, и въ силу установившагося религіознаго обычая—

мѣревалась отправиться въ Троицкую лавру, чтобы тамъ говѣть, и слѣдовательно, пребыть нѣсколько дней, а можетъ быть, и недѣль. Этотъ святой обрядъ, какъ извѣстно, обявываетъ каждаго православнаго проститься со всѣми обиженными и обидѣвшими. Съ этой цѣлью, дѣлая прощальные визиты, она заѣхала и къ Зыкову.

Что происходило между княгиней и Зыковымъ въ промежутокъ времени отъ изгнанія изъ монастыря и до настоящаго роковаго дня,—осталось неизвѣстнымъ.

Княгиня, какъ чистая аристократка, имѣла обширный кругъ знакомыхъ и особенно родныхъ, которые, вѣроятно, старались отклонить ее отъ знакомства съ такой ничтожностью, какъ Зыковъ.

Послѣдній скандалъ съ фонарщикомъ не могъ имѣть другой цѣли.

Говорили, что Зыковъ старался завлечь княгиню и запутать такъ, чтобы бракъ между ними былъ единственнымъ исходомъ. Но не любовь руководила имъ, и корысть и честолюбіе—княгиня была богата.

Первый ли это былъ визитъ княгини къ Зыкову послѣ удаленія его изъ монастыря и было ли для него новостью желаніе ея говѣть у Троицы—неизвѣстно. Но онъ зналъ, что княгиня любила посѣщать лавру, и почему-то, при заявленіи ею своего намѣренія, не совѣтовалъ ѣхать и даже настаивалъ. Совѣты, однако, приняты не были.

Не видѣлъ ли онъ въ этомъ, что жертва его козней ускользаетъ изъ рукъ?

Княгиня, прощаясь, высказала нѣсколько фразъ, выражавшихъ обычную въ подобныхъ случаяхъ просьбу—о прощеніи обидъ.

Это была страшная минута, но воспроизвести ее въ рассказѣ, не зная дѣйствительности, значило бы отступить отъ исторической точности, а я пишу то, что самъ знаю, а чего не знаю—сочинять не берусь.

Зыковъ и по выходѣ изъ монастыря не снималъ монашеской ряски и кожанаго пояса. Въ эту минуту въ одномъ изъ ея рукавовъ спрятанъ былъ кинжалъ, только вчера купленный на Кузнецкомъ мосту, куда онъ приглашалъ меня.

По обряду православному и особенно монашескому, прощаніе должно сопровождаться лобызаніемъ, и Зыковъ обнялъ княгиню.

Сверкнулъ кинжалъ и вонзился по рукоятку въ бѣлую, полную шею княгини...

Несчастная пошатнулась, что-то пролепетала и медленно, поддерживаемая рукой убійцы, опустилась на полъ...

Что же Зыковъ?

Онъ дѣйствовалъ рассчитанно, онъ зналъ роковой исходъ. Лицемеріе не покидало его и въ страшныя минуты преступленія. Тамъ,

гдѣ хранилось оружіе смерти, онъ хранилъ и символъ всепрощенія—молитвенникъ.

Преклонивъ колѣна, онъ всталъ около своей жертвы и невозмутимо, спокойно, вынувъ изъ кармана небольшую, изящную книжку, началъ читать отходную молитву.

Плакалъ ли онъ—не знаю.

Кровь ручьемъ бѣжала изъ глубокой раны умиравшей, но еще не умершей. Она могла еще слышать страшныя слова предсмертной молитвы, произносимой ея злодѣемъ.

Такъ угасла молодая жизнь, полная земныхъ надеждъ и счастья. Явились родные.

— Злодѣй, что ты сдѣлалъ?

— Я прибавилъ къ сонму небесныхъ ангеловъ еще одного,— отвѣчалъ онъ спокойно, взглянувъ на вопрошавшаго.

Митрополитъ Филаретъ, когда ему было донесено о случившемся,—выразился:

— Это былъ волкъ въ овчей шкурѣ.

Зыковъ былъ осужденъ на 20 лѣтъ въ каторжныя работы. Его везли на позорной колесницѣ по той улицѣ, гдѣ я жилъ. Густыя массы народа стояли шпалерами на всемъ протяженіи мрачнаго кортежа. Такъ мнѣ говорили; самъ я не смотрѣлъ.

Обсуждая хладнокровно и безпристрастно поступокъ Зыкова, можно бы найти хотя слабое оправданіе въ глубокой его ревности и безграничной любви къ умной, красивой и богатой женщинѣ, но, чтобы не увлекаться подобными малооправдывающими нѣжностями, послѣдуемъ за этимъ героемъ на каторгу.

По прибытіи въ Сибирь, Зыкова помѣстили въ общей арестантской камерѣ, гдѣ онъ съумѣлъ вскорѣ, съ дозволенія товарищей по заключенію, отгородить ширмами небольшой уголокъ, изъ котораго образовалась отдѣльная комната. Развѣшавъ образа, затепливъ свѣчи и лампы, онъ принялся молиться отъ нечего дѣлать. Молился онъ долго и прилежно, такъ что въ короткое время привлекъ вниманіе многихъ мѣстныхъ жителей, которые являлись въ тюрьму только ради того, чтобъ посмотрѣть на благочестиваго молодого арестанта. Богомольные старухи, купчихи постоянно толпились у его дверей. Наконецъ, ему дозволено было принимать у себя посѣтителей женскаго пола. Одна купчиха не довольствовалась собственнымъ лицеарѣніемъ святыни, но привела двухъ дочекъ невѣсть. Волчья шерсть выглянула изъ-подъ овчей шкуры. Бесѣды арестанта съ купчихой и ея дочками начали учащаться, а затѣмъ дочки стали являться въ тюрьму безъ надзора маменьки...

Результатомъ назидательныхъ поученій—былъ позоръ семьи. Обѣ дѣвочки сдѣлались жертвою лицемѣрнаго фанатика. Даже преступники возстали противъ бездушнаго, грязнаго изувѣра, и

если бы тюремное начальство не успѣло во время удалить его, судъ Божій не миновалъ бы совершиться надъ нимъ.

Но и это сошло съ рукъ. Зыковъ выстроилъ себѣ домикъ, завелъ повара и жилья, а, можетъ быть, живетъ и теперъ, занимаясь подборомъ минераловъ.

Эти дополнительные свѣдѣнія отчасти получены мною отъ лицъ, посѣщавшихъ Зыкова въ Сибири, и частію заимствованы изъ печатныхъ источниковъ.

V.

Я имѣлъ случай чрезъ того же пріятеля, о которомъ упомянулъ раньше, пользоваться консисторскими дѣлами, которыя я бралъ для чтенія ради простаго любопытства. Сколько разнообразныхъ и курьезныхъ нарушеній благопристойности, служебныхъ отступленій, сколько такихъ проступковъ, о которыхъ не можетъ даже прійти въ голову мірянину; и всѣ эти мелочи проходятъ чрезъ руки митрополита, который налагаетъ на каждой бумагѣ собственноручныя резолюціи, не говоря уже о серьезныхъ дѣлахъ, которыя остаются у него.

Пересматривая цѣлую пачку мелкихъ дѣлъ, я обратилъ вниманіе на обертку съ слѣдующею надписью: «О попѣ свистунѣ, дьяконѣ топтунѣ и дьячкѣ драчунѣ». Что такое, — подумалъ я: — не фантазія ли подгулявшаго писца? Но, развернувъ дѣло, убѣдился, что это собственныя слова митрополита Филарета.

Здѣсь необходимо маленькое отступленіе.

Въ прежнія времена, въ сельскихъ приходскихъ церквахъ существовалъ особенный видъ сборовъ съ прихожанъ, именно за освященіе куличей и пасохъ, приносимыхъ въ церковь послѣ заутрени въ Свѣтлое Воскресенье. Дѣлалось это такимъ образомъ. Каждый приносившій пасху долженъ былъ класть вмѣстѣ съ ней два яйца и скольконибудь денегъ; если послѣднихъ не оказывалось, тогда дьячекъ отрѣзалъ отъ кулича и пасхи въ пользу причта небольшія доли и бралъ яйцо. Все это вмѣстѣ, не исключая денегъ, складывалось въ корзину и въ тотъ же день, послѣ вечерни, дѣлилось между причтомъ.

Къ сожалѣнію, говорятъ, порядокъ этотъ и до сихъ поръ практикуется въ нѣкоторыхъ селахъ и даже въ городахъ.

При совершеніи такого раздѣла, исполняемаго обыкновенно дьячками, въ одной изъ церквей произошло недоразумѣніе. Дьяконъ находилъ, что части не равны, и настаивалъ на болѣе правильномъ распредѣленіи ихъ. Дьячекъ не повиновался. Тогда дьяконъ, выйдя изъ терпѣнія, всталъ на разложенныя на полу кучки, началъ топтать ихъ ногами, не щадя ни куличей, ни яицъ и даже денегъ. Видя угрожавшую опасность своей долѣ, дьячекъ съ ожесточеніемъ

напалъ на дьякона, желая оттолкнуть его, затѣмъ произошло сѣпленіе.

Священникъ, услышавъ изъ алтаря шумъ, остановился въ царскихъ дверяхъ; сначала онъ не могъ понять, въ чемъ дѣло; но когда увидаль разбросанныя куски, растоптанныя яйца, засвисталъ, какъ бы выражая: «вотъ тебѣ куличи съ яйцами!»

На этомъ донесеніи рукою митрополита была положена такая резолюція: священника свистуна, дьякона топтуна и дьячка драчуна отдать подъ началь и проч.

VI.

Въ Москвѣ совершенно случайно я познакомился съ молодымъ, богатымъ помѣщикомъ (назовемъ его, ради присвоенія какойнибудь клички, хотя Двугубымъ), жившимъ въ товариществѣ съ какимъ-то гусаромъ, пройдохой, способнымъ на всѣ пакости, и такимъ же голышемъ, какъ тотъ нищій, съ которымъ св. Мартынъ Турскій раздѣлилъ свое вретиче.

Имѣя дѣло (купить лошадь), я зашелъ къ Двугубому утромъ. Проходя переднюю, я замѣтилъ стоявшаго, прижавшись въ уголь, какого-то человѣка, загорѣлаго, запыленного. Войдя въ комнаты, я засталъ двухъ друзей за чаемъ въ полномъ дезабилье; пригласили и меня.

— Васъ кто-то ждетъ въ передней, — сообщилъ я Двугубому.

Въ то же время явился человѣкъ и доложилъ:

— Сельскій дьяконъ изъ новгородскаго имѣнія.

— Позови.

Дьяконъ вошелъ и, отдавая низкій поклонъ Двугубому помолился на образъ, стоявшій на окнѣ.

— Что тебѣ нужно? — грубо спросилъ Двугубый.

— Къ вашей милости, не оставьте, помогите ради Христа, — и дьяконъ опустился на колѣни. — Дочку выдаю замужъ за хорошаго человѣка, а свадьбу справить нечѣмъ; ссудите, окажите Божескую милость, хоть рубликовъ сотню, заплачу всѣ до копѣечки, не положу грѣха на душу, хоть понемногу, да заплачу.

— Ты бы дочь прислалъ вмѣсто себя, дѣло скорѣй бы уладилося, — вставилъ гусарь.

— Охота же тебѣ была тащиться такую даль.

— Что же дѣлать, пословица говоритъ — нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ.

— Ну, и докажи свою нужду, спой чтонибудь, — опять подхватилъ гусарь.

— Э, баринъ, по моимъ ли лѣтамъ пѣть; мнѣ ужъ шестой де-

сятокъ идетъ; ноги подкашиваются; усталъ съ дороги, да и поѣсть-то не удалось, спѣшилъ къ вашей милости.

— А выпить хочешь?—спросилъ Двугубый...—Вѣрно, не откажешься— по лицу видно.

— Съ голоду не пьютъ, батюшка Яковъ Николаевичъ (имя Двугубаго).

Гусарь распорядился достать полштофъ и какую-то дешевую закуску.

— Вотъ пей и ѣшь, — предлагалъ онъ дьякону.

Но чтобъ скорѣе кончить эту возмутительную сцену, скажу коротко, что тупоумный помѣщикъ, подзадориваемый своимъ паразитомъ-гусаромъ, довелъ старика до того, что онъ, почти со слезами на глазахъ, вынужденъ былъ пѣть и плясать.

Какой урокъ для дѣтей! Какой дорогой цѣной иногда достается родителямъ ихъ счастье!

Сто рублей были выданы, но не въ подарокъ, а подъ росписку, съ правомъ взысканія въ случаѣ неуплаты.

М. П. Смирновъ.

РАЗРУШЕННАЯ ДРЕВНЯЯ ЦЕРКОВЬ.

ЩЕ ВЪ 1881 году, проѣзжавшіе въ Нижнемъ Новгородѣ по одной изъ лучшихъ его улицъ, Ильинской, засматривались съ любопытствомъ на древній храмъ замѣчательной архитектуры, возвышавшійся со своею колокольнею напротивъ Вознесенскаго переулка. Лѣтомъ 1884 года, неумолимая рука, безслѣдно уничтожающая по Россіи уже многіе годы памятники древняго нашего зодчества, коснулась и этого стариннаго храма, и превратила его въ клѣтки кирпича, который, вѣроятно, пойдетъ на какую нибудь современную постройку. вмѣсто древняго храма Вознесенія Господня, выстроена церковь того же наименованія, но обыкновеннаго, зауряднаго типа, какимъ наполнены наши города новѣйшей формаціи. Ревнителіи нашей старины, желая сохранить хотя бы изображеніе нынѣ уничтоженнаго древняго храма, распорядились снять два фотографическія изображенія Вознесенской церкви, въ томъ видѣ, въ какомъ она еще представлялась, въ іюлѣ 1884 года, когда уже было приступлено къ сломкѣ. На одномъ рисункѣ представлена церковная колокольня, вершина которой уже уничтожена, какъ она представлялась глазамъ съ своего фасада, выходившаго на Ильинскую улицу, а на другомъ рисункѣ самая церковь, находившаяся свяди колокольни, съ которою она соединена была переходомъ. Рисунки вѣрно передаютъ архитектурныя типичныя особенности нынѣ сломаннаго въ Нижнемъ Новгородѣ древняго Вознесенскаго храма.

Церковь Вознесенія Господня ¹⁾ упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1621 годомъ и была приходскою Ямскою слободы. Нынѣшняя Ильинская улица, выходящая на Малую Покровку, имѣетъ своимъ продолженіемъ Ямскую улицу, оканчивающуюся у Крестовоздвиженскаго женскаго монастыря. Разрушенная нынѣ каменная цер-

Вознесенская церковь въ Нижнемъ Новгородѣ.

ковь была построена въ 1715 году монахомъ Тихономъ, ризничимъ патріарха Адріана. Хотя нѣкоторые мѣстные изслѣдователи и полагали, что строителемъ Вознесенскаго храма въ Нижнемъ былъ Тихонъ, митрополитъ Казанскій, но въ надписи на воздвизальномъ крестѣ, находившемся не въ главномъ алтарѣ храма, сказано, что

¹⁾ См. «Краткій очеркъ исторіи и описаніе Нижняго Новгорода», П. Храмовскаго, Нижній Новгородъ, 1859 года.

«истор. вѣстн.», сентябрь, 1885 г., т. хл.

строитель, монах Тихонъ, до поступления въ монастырь, былъ прихожаниномъ этой церкви, и что онъ скончался въ Макарьевскомъ Желтоводскомъ монастырѣ.

Вознесенская церковь, въ первый же годъ своего сооруженія, обгорѣла во время пожара 1715 года, но вскорѣ послѣ этого ее обновили на свой счетъ прихожане-ямщики Безпаловы, Григорій и

Колокольня Вознесенской церкви въ Нижнемъ Новгородѣ.

Николай. Исправивъ храмъ, они снабдили его ризницею, утварью и книгами. Могилы этихъ строителей, находившіяся въ самой церкви, сохранились и до 1884 года. Надъ ними былъ устроенъ саркофагъ изъ кирпича, на которомъ была положена чугунная доска съ надписью. Что будетъ теперь съ этими могилами—неизвѣстно.

Холодный, или главный, храмъ, въ честь Вознесенія Господня, былъ нѣсколько тѣсенъ и темень, но эта темнота еще болѣе воз-

вышла красота его шести-яруснаго иконостаса, доходившаго до самых сводовъ, которымъ также были покрыты южная и сѣверная стѣна. Образа въ этомъ иконостасѣ были всѣ живописныя, за исключеніемъ образа Николая Чудотворца, который былъ рѣзной. Царскія врата были также рѣзныя, волоченныя. Въ трапезѣ, которая была очень обширна, были устроены придѣлы: съ южной стороны—Неопалимой Купины, а съ сѣверной—Николая Чудотворца. Въ нихъ иконостасы были бѣлыя, шатрами, съ рѣзбою рококо. Образа въ иконостасахъ и на столпахъ въ церкви и въ придѣлахъ отличались богатствомъ украшеній, а ризница въ свое время была также весьма цѣнная; на престольный крестъ, обложенный серебромъ, былъ сооруженъ въ 1646 году.

Хотя стѣнная живопись въ Вознесенскомъ храмѣ и была испорчена, но, на сколько можно предполагать, подъ слоемъ поновленій, были слѣды альфресковой живописи, которую, вѣроятно, былъ украшенъ храмъ его первоначальнымъ строителемъ.

Поводомъ къ разрушенію, въ 1884 году, древняго Вознесенскаго храма выставляется то обстоятельство, что рядомъ съ нимъ воздвигнута новая церковь, про которую можно только сказать, что она неприглядной архитектуры, въ современномъ вкусѣ. Говорятъ также, что распоряженіе о сломѣ стариннаго храма состоялось около тридцати лѣтъ тому назадъ, при нижегородскомъ епископѣ Гереміи ¹⁾, и что оно только нынѣ приведено было въ исполненіе. Если это справедливо, то тѣмъ непростительнѣе, что не нашли возможности въ тридцать лѣтъ отмѣнить подобное распоряженіе и изыскать средства къ сохраненію и поддержанію памятника древняго зодчества.

Н. Н.

¹⁾ Этотъ маститый старецъ (ему, кажется, около девяноста лѣтъ) проживаетъ нынѣ на покой въ Благовѣщенскомъ монастырѣ, въ Нижнемъ Новгородѣ.

ЮГАННЪ-ГОТФРИДЪ ГРЕГОРИ, ПАСТОРЪ МОСКОВСКОЙ НѢМЕЦКОЙ СЛОБОДЫ.

(1658—1680).

В НОЯБРСКОЙ книжкѣ «Русскаго Вѣстника» 1884 года, была напечатана статья Д. В. Цвѣтаева: «Генераль Николай Бауманъ и его дѣло», въ которой весьма часто упоминается о личности доктора Ивана Готфрида Грегори, человека замѣчательнаго, какъ по своимъ дарованіямъ, такъ равно и по участию въ дѣлахъ діаметрально противоположныхъ, именно—въ многолѣтней тяжбѣ прихожанъ трехъ лютеранскихъ церквей въ московской Ново-Нѣмецкой слободѣ и въ устройствѣ перваго театральнаго представленія въ селѣ Преображенскомъ, которымъ бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ вздумалъ потѣшить «тишайшаго» царя Алексѣя Михайловича. Недавно, нашъ извѣстный собиратель гравюръ, П. Я. Дашковъ, приобрѣлъ довольно рѣдкій гравированный портретъ Грегори, точную копію съ котораго мы прилагаемъ здѣсь. При этомъ считаемъ нелишнимъ напомнить читателямъ объ исторической личности нѣмецкаго пастора и режиссера перваго театральнаго зрѣлища въ Россіи, за восемьдесятъ четыре года до основанія нашего отечественнаго театра.

Юганны Готфридъ Грегори, сынъ марбургскаго врача, Виктора Грегори, вдова котораго вышла впоследствии замужъ за извѣстнаго лейбъ-медика Петра Великаго, Лаврентія Блуменроста, прибылъ изъ Германіи въ Москву, въ октябрѣ 1658 года, и занялъ скромное мѣсто приходскаго учителя при старой лютеранской киркѣ,

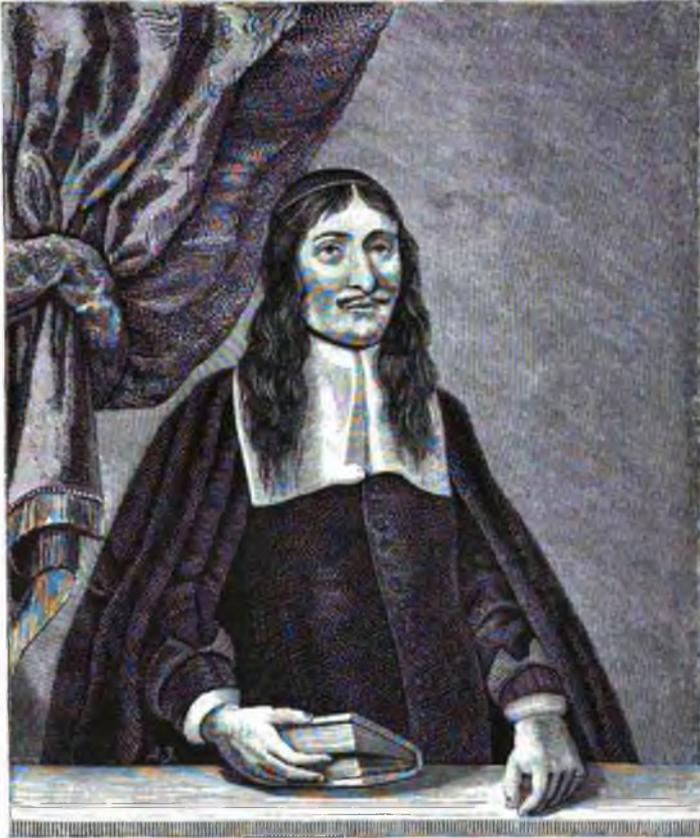
въ Ново-Нѣмецкой слободѣ, подъ главнымъ начальствомъ тамошняго пастора Фадемрехта. Слобода, основанная въ силу царскаго указа 1652 года, была заселена всѣми служилыми иноземцами и иновѣрцами, проживавшими тогда въ Москвѣ, и составляла особую колонію, подвѣдомственную приказамъ: земскому, пушкарскому и иноземному. Съ царскаго соизволенія, въ слободѣ построены были двѣ лютеранскія кирки: старая (пасторъ Іоакимъ Якоби) и новая (пасторъ Валтасаръ Фадемрехтъ) и одна реформатская (пасторъ Кравинкель), не имѣвшая съ вышеупомянутыми ничего общаго. Послѣ смерти Якоби, вдова его вышла за подполковника Ивана Юкмана, взявшаго за нею въ приданое, помимо дома покойнаго пастора, и кирку, пристроенную къ дому. Это было незаконно; тѣмъ не менѣе, земскій приказъ «данною» своею, отъ 29-го марта 1660 года, утвердилъ Юкмана въ правахъ владѣнія, а онъ не замедлилъ разобрать пристройку, въ которой помѣщалась кирка, яко бы за ветхостію. Такимъ образомъ, вмѣсто двухъ лютеранскихъ кирокъ въ слободѣ оказалась лишь одна—Фадемрехта, которую и стали посѣщать всѣ прихожане бывшей Якобіевской. Тогда-то и возникло дѣло генерала Николая Баумана, которое втеченіе десяти лѣтъ велось судебнымъ порядкомъ съ необыкновеннымъ упорствомъ тяжущихся сторонъ и перемѣннымъ для нихъ успѣхомъ, безъ окончательнаго результата для той или для другой, кромѣ временнаго ватишья.

Николай Бауманъ, датскій уроженецъ, опытный инженеръ и артиллеристъ («гранатный мастеръ», какъ его тогда у насъ называли), былъ приглашенъ на срокъ въ царскую службу княземъ Данииломъ Мышецкимъ и въ чинѣ полковника, въ 1657 году, прибылъ въ Россію въ сопровожденіи подполковника Альбрехта Шневича, одного маіора и восьми капитановъ. Узнавъ о смерти пастора Якоби, Бауманъ предложилъ пастору Ивану Дитриху Фокероту ѣхать въ Москву и занять его мѣсто, куда тотъ и прибылъ, въ февралѣ 1658 года, и засталъ вышеупомянутую неурядицу. Самъ же Бауманъ, съ товарищами, милостиво принятый царемъ, поступилъ подъ начальство боярина, князя Алексѣя Никитича Трубецкаго, и, участвуя въ походѣ въ Малороссію противъ Выговскаго и крымскаго хана, особенно отличился подъ Конотопомъ (съ 19-го апрѣля по 27-е іюня 1659 года), за что былъ произведенъ въ чинѣ генераль-поручика. Приглашеннаго имъ Фокерота онъ содержалъ на своемъ собственномъ иждивеніи. Возвратясь въ Москву, въ началѣ 1660 года, Бауманъ, возмущенный своеволіемъ Юкмана и вдовы Якоби, дозволившихъ себѣ упразднить и разобрать лютеранскую кирку, поддерживаемый старшинами, принесъ жалобу въ земскій приказъ, и 12-го ноября 1660 года, послѣдовало рѣшеніе, чтобы Юкманъ, жена его и пасынокъ были выселены на другой земельный участокъ, а кирка возобновлена на своемъ прежнемъ

мѣстѣ. Бауманъ, не жалѣя собственныхъ денегъ и приглашая къ пожертвованіямъ прежнихъ прихожанъ, приступилъ къ постройкѣ, что было крайне досадно Фадемрехту, угрожая ему въ будущемъ уменьшеніемъ прихожанъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и убылью церковныхъ доходовъ. Недовольный Фокеротомъ, Бауманъ задумалъ замѣнить его другимъ пасторомъ, и выборъ его палъ на приходскаго учителя Грегори, котораго генераль уговорилъ взять ординацію на пастора за границею. Грегори повиновался и, получивъ степень магистра богословія въ Іенѣ, удостоился пастырскаго сана въ Дрезденѣ. Будучи представленъ курфюрсту саксонскому Іоанну-Георгу II и правителю Христіану, Грегори съ похвалою отзывался о благосклонности царя къ иноземцамъ вообще, и къ лютеранамъ въ особенности. Іоаннъ-Георгъ и Христіанъ написали тогда (16-го апрѣля 1662 года) государственныя грамоты царю Алексію Михайловичу, въ которыхъ, между прочимъ, ходатайствовали, чтобы и впредь онъ не оставлялъ лютеранъ своими милостями, не возбраняя имъ свободнаго отправленія обрядовъ богослуженія. Грегори привезъ эти посланія въ Москву, гдѣ они были переведены на русскій языкъ, представлены на «Верхъ» и читаны государю.

Въ ожиданія отстройки новой кирки, пасторъ Грегори читалъ проповѣди въ домѣ Баумана, куда, благодаря увлекательному краснорѣчию проповѣдника, стекались многочисленные слушатели, къ крайнему озлобленію Фадемрехта и Фокерота. Послѣдній дозволялъ себѣ даже дѣлать дерзости и обиды Грегори и добился, наконецъ, того, что старѣйшины взяли съ него письменное обязательство (8-го января 1663 года), чтобы онъ оставилъ въ покоѣ новаго пастора. Этою мѣрою его укротили, но никакими способами нельзя было утишить интригъ и происковъ партіи Фадемрехта противъ Баумана и его приверженцевъ. Въ 1665 году, новая кирка была отстроена; но, такъ какъ пожертвованія на внутреннее устройство были незначительны и шли довольно туго, то прихожане съ Бауманомъ во главѣ поручили Грегори ѣхать въ Германію за сборомъ съ просительнымъ письмомъ къ владѣтельнымъ особамъ, за общими подписями именитыхъ слобожанъ. Пользуясь этимъ случаемъ, пастору, отъ имени царскаго, поручили пріискать хорошаго доктора для двора и добыть хорошихъ рудоискателей, кузнецовъ и литейщиковъ, которыми вообще славилась Саксонія. Грегори писалъ о докторѣ боярину, князю Юрію Ивановичу Ромодановскому, рекомендуя вотчина своего Лаврентія Блументроста; на счетъ искусниковъ по горнозаводской части обѣщаль приложить стараніе. Сборъ пожертвованій былъ громадный; курфюрстъ саксонскій, отъ 9-го января 1668 года, писалъ царю и Бауману: первому рекомендовалъ Блументроста, прося не оставлять лютеранъ своимъ покровительствомъ, а втораго благодарилъ за его радѣніе объ единовѣрцахъ.

Пользуясь отсутствіемъ Грегори, враги его и Баумана (произведеннаго въ полные генералы) успѣли ихъ обоихъ оклеветать передъ правительствомъ, распустивъ о пасторѣ молву, что онъ бѣглець изъ Польши, гдѣ имя его за безчестные поступки было прибито къ висѣлицѣ. Фокеротъ, измыслившій эту клевету, не подумалъ даже о томъ, какимъ же образомъ Грегори, какъ учитель

Пасторъ Іоганнъ-Готфридъ Грегори.

Съ гравированнаго портрета XVIII вѣка Грюна.

приходскаго училища, былъ терпимъ пасторомъ Фадемрехтомъ. Тѣмъ не менѣе, клевета достигла своей цѣли: рекомендаціи Грегори не было придано никакой силы, и бѣдный Блуменростъ, пріѣхавшій, въ маѣ 1668 года, съ сыномъ, двумя дочерьми и прислугою, не только не былъ принятъ ко двору, но на нѣсколько лѣтъ лишенъ права заниматься практикою. Мѣсто его было отдано шведу Ивану Костеру фонъ-Розенбургу.

Грегори, по возвращеніи въ Москву, попережнему отправлялъ должность пастора въ новой киркѣ, построенной на мѣстѣ бывшей Якобьевской. При богослуженіи 31-го мая 1668 года, онъ возгласилъ благодарственную молитву сперва за курфюрста саксонскаго, а потомъ за царя всея Россіи. Этимъ воспользовался Фокеротъ для новаго доноса, въ которомъ оговорилъ Грегори, какъ человекъ злонашённаго правительству; ввернулъ при этомъ, что поѣздка Грегори въ Германію, будто бы за сборомъ пожертвованій на построение кирки, имѣла какую-то тайную политическую цѣль. Въ то же время онъ распустилъ злой пасквиль на Баумана, который, будучи окончательно выведенъ изъ терпѣнія, самъ подалъ жалобу на Фокерота (10-го сентября). Процессъ тянулся до 22-го декабря и рѣшенъ былъ, наконецъ, тѣмъ, что Грегори отъ должности пастора при новой киркѣ былъ уволенъ, а на его мѣсто назначенъ Фокеротъ. Требуя деньги, затраченныя на постройку, Бауманъ, 6-го января 1669 года, во время іорданскаго водосвятія, подалъ челобитную государю, и царь повелѣлъ: деньги жертвователямъ уплатить, а кирку снести, куда хочетъ Бауманъ. Прикупивъ земельные участки у своихъ сосѣдей, Бауманъ перенесъ кирку на новое мѣсто, и 2-го февраля 1669 года, она была освящена и перешла въ вѣдѣніе пастора Грегори; на мѣстѣ, принадлежавшемъ Якоби, прихожане отстроили третью кирку—для Фокерота. Въ слѣдующемъ 1670 году, Бауманъ, которому эти распри давно прискучили, уѣхалъ на родину, въ Данію, а Грегори остался.

Тогда-то, посвятивъ себя служенію алтарю и пользамъ прихожанъ, Грегори при своей киркѣ открылъ училище, безразлично, какъ для дѣтей лютеранскаго, такъ и православнаго вѣроисповѣданій. Умный, опытный педагогъ, опередившій свой вѣкъ, Грегори, въ видѣ подспорья къ образованію дѣтей, устроилъ при училищѣ домашній театръ, на которомъ они разыгрывали піесы духовно-нравственнаго содержанія. Ближній бояринъ и другъ царя, бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, задумывавшій тогда устройство придворнаго театра, узналъ о представленіи «мистерій» въ Нѣмецкой слободѣ и поручилъ другу Баумана и Грегори, полковнику Николаю фонъ-Штадену, ѣхать за границу для присканія актеровъ и музыкантовъ. Фонъ-Штаденъ отправился, 15-го мая 1672 года; но Матвѣевъ, не дожидаясь его возвращенія, обратился къ Грегори съ просьбой, чтобы тотъ для представленія въ дворцовыхъ хорахъ села Преображенскаго сочинилъ піесу. Грегори написалъ траги-комедію «Юдиель и Олофернъ», съ діалогами и монологами на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Ее разыгрывали ученики Грегори, дѣти офицеровъ и купцовъ, въ числѣ 64 человекъ; въ постановкѣ піесы и въ репетиціяхъ принимали участіе учителя приходскаго училища: Юрій Михайловъ и Лаврентій Рангуберъ;

декораціи писалъ живописецъ, голландецъ Петръ Инглисъ. Спектакль происходилъ въ Преображенскомъ, 17-го октября 1672 года и продолжался десять часовъ непрерывно. Царь былъ весьма доволенъ новымъ, еще не виданнымъ зрѣлищемъ, и Грегори, вѣроятно, не остался безъ вознагражденія. Дальнѣйшая дѣятельность его неизвѣстна; онъ умеръ въ началѣ 1680-хъ годовъ.

ФРИДРИХЪ ВЕЛИКІЙ ПО МЕМУАРАМЪ КАТТА.

ДМИНИСТРАЦІЕЙ прусскаго государственнаго архива изданы недавно мемуары и дневникъ Генриха де-Катта, подъ заглавіемъ «Бесѣды съ Фридрихомъ Великимъ» ¹⁾. Каттъ двадцать четыре года состоялъ при особѣ короля-философа. Эти мемуары не были неизвѣстны. Біографы Фридриха II могли пользоваться ими въ государственномъ архивѣ, въ Берлинѣ. Сень-Бёвъ, напримѣръ, зналъ объ этихъ мемуарахъ, и весьма вѣроятно, что они повліяли

на тонъ, съ какимъ французскій критикъ набросалъ портретъ Фридриха Великаго, инымъ казавшійся нѣсколько льстивымъ. Все, что онъ говоритъ о гуманности этого великаго человѣка, о добротѣ къ роднымъ, о чувствѣ долга, о силѣ души, о мужествѣ, о любви къ умственной дѣятельности, о постоянномъ стремленіи быть справедливымъ, о преклоненіи предъ мудростью, основано въ мемуарахъ Катта на такомъ количествѣ доказательствъ, почерпнутыхъ изъ обыденной жизни короля, что, прочитывая ихъ, убѣждаешься въ точности этого «нѣсколько льстиваго» портрета.

Каттъ былъ швейцарець. Знакомство его съ королемъ произошло такъ: онъ отправился въ Утрехтъ оканчивать курсъ подъ руководствомъ тогда знаменитаго профессора Весселинга. Однажды, возвращаясь съ какой-то экскурсіи, онъ сѣлъ на корабль. Каюта въ немъ была занята какимъ-то господиномъ, выдававшимъ себя за перваго музыканта польскаго короля. Неизвѣстный замѣтилъ Катта:

¹⁾ Unterhaltungen mit Friedrich dem Grossen. Memoiren und Tagebücher von Heinrich de Catt, hrsgbn v. Reinhold Koser.

— Какъ васъ зовуть, — послушайте? — крикнулъ онъ Катту. — Войдите сюда. Здѣсь вамъ будетъ удобнѣе.

Каттъ послушался, и неизвѣстный вступилъ съ нимъ въ бесѣду о политикѣ, о философіи, о религіи. Такъ доѣхали они до Утрехта, гдѣ неизвѣстный распрощался съ швейцарцемъ.

— Прощайте, — сказалъ онъ: — надѣюсь увидѣться съ вами. Въ городѣ я наведу о васъ справки. Впрочемъ, если вамъ не противно отужинать со мной въ гостинницѣ, вы очень бы одолжили меня, проведя со мной еще нѣкоторое время. Я васъ долго не задержу, такъ какъ я намѣренъ уѣхать ночью.

Каттъ отказался отъ приглашенія. На слѣдующій день онъ узналъ, что этотъ мнимый первый музыкантъ польскаго короля, «столь просвѣщенный, столь рѣшительный, столь живой и упрямый», былъ не кто иной, какъ прусскій король, который, прикрываясь любимымъ имъ инкогнито, путешествовалъ по Голландіи.

Шесть недѣль спустя, онъ получилъ письмо изъ Потсдама. Каттъ понравился Фридриху, и Фридрихъ предлагалъ ему служить при немъ. Каттъ, по болѣзни, не могъ отправиться. Но, среди трудовъ и тревогъ войны, король не забылъ о молодомъ человѣкѣ, встрѣченномъ въ Голландіи. Онъ повторилъ свое предложеніе, и спустя два года Каттъ пріѣхалъ въ Бреславль.

Весной 1758 года, Каттъ былъ назначенъ «лекторомъ» и личнымъ секретаремъ короля, и съ тѣхъ поръ состоялъ при немъ безотлучно въ самые тяжкіе годы Семилѣтней войны даже въ лагерѣ. Этому-то «лектору» король весьма часто повѣрялъ свое сердце и свои чувства, открывалъ свои военные и политическіе планы. Съ нимъ король обсуждалъ свои литературныя и художественныя начинанія. Онъ же наичисто переписывалъ корреспонденцію короля съ Вольтеромъ. Словомъ, это былъ личный повѣренный короля въ такое время, которое обыкновенно считается замѣчательнѣйшимъ въ его богатой событіями жизни.

Особенная привлекательность мемуаровъ де-Катта заключается не въ какихъ либо новыхъ разъясненіяхъ тогдашнихъ политическихъ и военныхъ событій, а въ свѣжести, непосредственности впечатлѣнія, производимаго набросанной Каттомъ картиной умственной и сердечной жизни великаго короля. Послѣдній является оригинальнѣйшимъ и своеобразнѣйшимъ умомъ, когда либо занимавшимъ тронъ. Ежедневныя бесѣды чтеца съ королемъ касаются самыхъ разнообразныхъ научныхъ и литературныхъ сферъ. Изъ мемуаровъ узнаемъ мысли короля объ основныхъ вопросахъ метафизики, о Богѣ и вселенной, безсмертіи души, его воззрѣнія на французскую литературу, его поэтическіе вкусы. Нерѣдко о всемъ этомъ повѣствуется подлинными словами короля, записанными сейчасъ же послѣ бывшихъ бесѣдъ. Король-философъ предстаетъ живымъ передъ читателями, со всѣми своими тревогами лагерной жизни, со

всѣми своими военными и политическими стремленіями, со всѣми интересами къ глубочайшимъ вопросамъ человѣческаго знанія, со всѣми мыслями и впечатлѣніями, вынесенными имъ изъ обширнаго, почти непрерывавшагося чтенія. Умственная личность короля во всей ея оригинальности выступаетъ здѣсь гораздо живѣе, нежели въ его извѣстной перепискѣ съ Вольтеромъ и другими литературными друзьями. Изъ дневника послѣдовательно выясняются религиозныя и философскія воззрѣнія короля, не только подтверждающія еще разъ действительски-раціоналистическое направленіе Фридриха II, но и свидѣтельствующія о томъ, что самого короля-философа его мысли не всегда удовлетворяли, такъ что онъ въ концѣ концовъ искалъ мира въ душѣ своей въ строгомъ соблюденіи долга. И этимъ понятіемъ долга онъ руководствовался въ своей практической дѣятельности неизмѣнно.

Каттъ считался только номинально «чтецомъ короля». Не онъ читалъ королю, а король ему. Какъ извѣстно, Фридрихъ Великій любилъ читать вслухъ и декламировать. Кромѣ того, онъ прочитывалъ Катту собственные литературные опыты и обсуждалъ съ нимъ прочитанныя вмѣстѣ книги. При этомъ нерѣдко бывали оживленные споры, въ особенности по религиознымъ вопросамъ, такъ какъ Каттъ былъ убѣжденный кальвинистъ и никакъ не могъ соглашаться съ скептическими мнѣніями короля. Почти каждый день, около 5 часовъ по полудни, онъ находился у короля; даже передъ крупными военными рѣшеніями не прерывались эти литературныя занятія. Пробывъ до 10 часовъ вечера при королѣ, Каттъ затѣмъ до полночи записывалъ свои бесѣды. Эти оригинально изъ дня въ день веденныя записки, по самому характеру своему, афористичны и кратки. Поэтому-то онѣ и безъ всякой риторической красоты, что, разумѣется, только придаетъ имъ больше вѣскости въ историческомъ отношеніи, какъ подлиннымъ документамъ. Съ помощью такихъ записей Каттъ спустя нѣсколько лѣтъ и составилъ свои мемуары, причемъ, однакожь, пользовался еще разными другими источниками, указанными въ ученомъ предисловіи Козера.

Съ перваго же дня свиданія Каттъ былъ посвященъ въ интимную жизнь короля. Послѣдній, аная, какъ придворные и приближенные его будутъ стараться сблизиться съ «чтецомъ», снабдилъ его совѣтами на счетъ скромности и скрытности, а также обрисовалъ всѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось вступать въ близкія сношенія. О собственномъ образѣ жизни король сказалъ: «Во время кампаніи, я встаю въ 3 часа утра, иногда и раньше. Признаюсь, мнѣ тяжело вставать такъ рано, я бы охотно полежалъ еще на постели—до того я утомляюсь; но дѣла не терпятъ. Моему камердинеру приказано будить меня и не давать засыпать. Вставши, я самъ прибираю свои волосы, одѣваюсь, выпиваю чашку кофе, и прочитываю депеши. Прочитавъ ихъ, я играю на флейтѣ часть,

иногда и больше, обдумывая свои письма и отвѣты, какіе слѣдуетъ написать; являются затѣмъ мои секретари. Я говорю имъ, что надо написать. Сдѣлавъ это, я занимаюсь чтеніемъ моихъ любимыхъ книгъ, рѣдко новыхъ, до парада. Еще нѣкоторое время я читаю до обѣда, назначеннаго ровно въ полдень. Со мной обѣдаютъ нѣсколько генераловъ и въ настоящее время прелатъ здѣшняго монастыря (Грюссау). Этотъ господинъ забавляетъ меня своей глупостью. Весь обѣдъ я потѣшаюсь надъ нимъ. Послѣ обѣда я играю на флейтѣ для пищеvarенія, подписываю свои письма и опять читаю до 4 часовъ». Въ это-то время Каттъ долженъ былъ являться къ королю и бесѣдовать съ нимъ до шести часовъ, когда «начинался его концертъ, длившійся до 7¹/₂ часовъ. Послѣ концерта я (король) безжалостно мараю бумагу прозой и стихами до 9 часовъ, когда отправляюсь въ объятія Морфея».

Въ мирное время этотъ образъ жизни короля-философа мѣнялся нѣсколько. «Въ 7 часовъ я встаю; пока одѣваюсь, прочитываю письма, — рассказывалъ Фридрихъ: — это длится до 9 часа. Потомъ я или верхомъ, или пѣшкомъ гуляю до 11 часовъ. Этой прогулкой я пользуюсь, чтобы обдумывать свои мысли, не желая слѣдовать первымъ впечатлѣніямъ. Съ 11 до 12 часовъ я диктую. Потомъ выслушиваю доклады и дважды въ недѣлю отчетъ по финансовымъ дѣламъ. Въ часъ обѣдаю. Это продолжается до двухъ съ половиною часовъ. Потомъ гуляю, причемъ весьма нерѣдко занимаюсь государственными дѣлами. Въ 5 часовъ я читаю, въ 7 — занимаюсь музыкою, въ 9 ужинаю съ пріятелями, и тутъ мы проводимъ время весело».

Читалъ Фридрихъ Бэкона, Цезаря, Тацита, Плутарха, но въ особенности любимымъ писателемъ его былъ Расинъ. «Однажды, — рассказываетъ Каттъ, — онъ возвысилъ голосъ и сталъ наизусть декламировать отрывки изъ Расина — ихъ онъ зналъ немало. Новый камердинеръ, знавшій хорошо пофранцузски, полагая, что его зовутъ, нѣсколько разъ прерывалъ короля, который, не измѣнивъ декламаторскаго тона, посылаетъ его ко всѣмъ чертямъ. «Да-съ, сударь, — сказалъ камердинеръ Катту, когда тотъ вышелъ отъ короля: — я очень испугался, я такъ думалъ, что государь рехнулся. Если такъ продлится, немудрено, что онъ кончитъ плохо. Вѣдь какъ онъ прохаживался, какъ кричалъ».

За исключеніемъ Расина, все, что читалъ король, изъ чего дѣлалъ извлеченія, по простствію нѣсколькихъ лѣтъ, казалось ему необычайно скучнымъ. «Что касается сочиненій по философіи и метафизикѣ, то чѣмъ болѣе я ихъ перечитываю, тѣмъ болѣе я замѣчаю противорѣчій и неясностей. Эти господа метафизики въ своихъ сочиненіяхъ подобны китайцамъ, когда тѣ ѣдятъ вмѣстѣ. Послѣ нѣкотораго молчанія, одинъ изъ обѣдающихъ произноситъ: on, hi. Другой вдали отвѣчаетъ: ah, ô. «Что это значитъ?» — спра-

пиваютъ ихъ. «О, мы понимаемъ другъ друга, и только немногіе могутъ это понимать». Такъ-то и въ метафизикѣ есть *оп, hi, ah, ô*, столь же непонятныя, какъ *ah, ô, оп, hi* китайцевъ».

Тѣмъ не менѣе, въ часы грусти король зачастую находилъ утѣшеніе въ «*De rerum natura*» Лукреція, въ сочиненіяхъ Марка Аврелія или Сенеки. Въ такіе часы онъ заводилъ рѣчь о самоубійствѣ, для чего на всякій случай имѣлъ всегда при себѣ коробочку съ англійскими пилюлями; онъ тяготился своимъ жребіемъ. «Я увѣренъ, — сказалъ онъ однажды Катту, — что никто бы не пожелалъ быть прусскимъ королемъ, котораго такъ мучаютъ». Каттъ позволилъ себѣ усомниться въ этомъ, такъ какъ многіе изъ-за славы готовы и на пуцціи горести. «Нечего сказать, слава! — воскликнулъ король. — Слава — сожженные селенія, города, превращенные въ пепель, тысячи людей несчастныхъ, столько злодѣяній, ужасовъ со всѣхъ сторонъ; волосы становятся дыбомъ отъ такой славы».

Въ другомъ мѣстѣ мемуаровъ Катта читаемъ слова Фридриха: «Великихъ людей считаютъ обыкновенно счастливейшими изъ смертныхъ. А на самомъ дѣлѣ ихъ надо бы зачастую жалѣть. Вообще ихъ плохо слушаютъ, или дурно исполняютъ то, что они приказываютъ, или негодуютъ на нихъ, если они требуютъ чего нибудь труднаго. Куча невѣждъ критикуютъ каждый ихъ шагъ, ихъ распоряженія, даже самыя умныя, съ любопытствомъ узнаютъ о частномъ ихъ поведеніи, приписываютъ имъ взгляды, какихъ не имѣютъ они, и неистово возстаютъ на нихъ за малѣйшее предпочтеніе, какое выказываютъ они къ тѣмъ, кто этого заслуживаетъ. Такова судьба королей, и вотъ что противно бываетъ тѣмъ, кто, подобно мнѣ, не умѣетъ возвышаться надъ этими неприятностями».

Этимъ мрачнымъ настроеніемъ Фридрихъ Великій въ значительной степени былъ обязанъ своему дѣтству. Отецъ его, по собственному признанію короля, «страшный человекъ. Разговаривать съ нимъ нельзя было. Удары палкой и ногой сзади сыпались на тѣхъ, кто имѣлъ несчастіе показаться на глаза ему, въ минуты дурнаго расположенія духа». Самъ Фридрихъ былъ не разъ жертвой этого гнѣва. «Ребенкомъ учась латыни, я склонялъ съ учителемъ *mensa, ae; dominus, i; arbor, ris*, какъ вдругъ отецъ вошелъ въ комнату. «Что вы тутъ дѣлаете?».— Я склоняю *mensa, ae, папа*, — сказалъ я дѣтскимъ тономъ, который долженъ бы его тронуть. «А! прохвость, моего сына учить латыни! скройся съ глазъ моихъ». И онъ ударилъ учителя палкой и ногой сзади, выпроваживая его такимъ манеромъ до слѣдующей комнаты. Испуганный этими ударами и яростнымъ видомъ отца, трепеща отъ страха, я забрался подъ столъ, полагая, что тамъ буду въ безопасности. И вдругъ вижу, что отецъ мой, совершивъ свою экзекуцію, подходитъ ко мнѣ. Я дрожу еще пуще. Онъ беретъ меня за волосы, вытаскиваетъ изъ-подъ стола, тащитъ на середину комнаты и отвѣшиваетъ мнѣ нѣсколько по-

щечинъ: «Теперь ступай съ своимъ pensa, я тебя прочу». Онъ всегда и впослѣдствіи съ неудовольствіемъ смотрѣлъ, причинъ чего я никогда не могъ понять, на то, что я занимался развитіемъ своего ума и способностей. Книги, флейта и тетради, когда они попадались ему подъ руку, бросались въ каминъ. И всегда нѣсколько ударовъ или весьма внушительныхъ распеканій слѣдовали за сожженіемъ моихъ книгъ. Единственнымъ чтеніемъ, имъ терпимымъ, было Евангеліе. Можно было подумать, что изъ меня хотѣли сдѣлать богослова, ибо непрерывно онъ заставлялъ меня читать библію и книги, имѣвшія къ ней отношеніе».

Строгости отца Фридриха къ нему, его сестрамъ и братьямъ, дурное обращеніе, часто доходившее до крайностей, постоянное стѣсненіе свободы и преслѣдованія за самыя невинныя желанія, вѣчный страхъ,—все это вмѣстѣ побудило Фридриха уйти изъ отцовскаго дома. «Я занялъ нѣсколько сотъ дукатовъ, ибо, при расчетливости отца, у меня зачастую въ карманѣ не было ни гроша; я сообщилъ свой планъ Кейту и Катте. Мы условились на счетъ дня бѣгства, и когда уже мы были совсѣмъ готовы пуститься въ путь, отецъ мой все узналъ изъ анонимнаго письма, меня арестовали, избили, надавали пощечинъ. Не явись на выручку мнѣ моя добрая и чудная мать съ сестрой (маркграфиней Байрейтской), которой досталось порядкомъ, я думаю, что я такъ бы и не поднялся отъ полученныхъ ударовъ. Меня отправили въ Кюстрингъ».

Кейтъ спасся. Катте посадили въ крѣпость. Въ Кюстрингѣ Фридриху подавали арестантской пици какъ разъ на столько, чтобъ не умереть съ голоду, потомъ стали присылать одно изъ обѣденныхъ блюдъ королевскаго стола. Казалось, все приходило къ концу, какъ вдругъ въ одно утро входитъ въ камеру Фридриха офицеръ съ нѣсколькими гренадерами. Всѣ были въ слезахъ.

— Ахъ мой принцъ, мой милый, мой бѣдный принцъ, — сказалъ офицеръ тогда.

Фридрихъ думалъ, что ему рѣшено снять голову.

— Да говорите же, я долженъ умереть? Я готовъ на все, что бы ни задумали варвары. Только бы поскорѣе.

— Нѣтъ, мой дорогой принцъ, нѣтъ, вы не умрете, но позвольте, чтобъ эти гренадеры подвели васъ къ окну и продержали васъ тамъ.

И дѣйствительно, гренадеры подвели Фридриха къ окну, держали его голову, чтобъ онъ могъ видѣть, что происходило за окномъ, а тамъ вѣшали Катте. «Ахъ, Катте! кричалъ Фридрихъ, я умираю». Этимъ Фридрихъ обманулъ тѣхъ, которые заставляли его силой смотрѣть на это жестокое и варварское зрѣлище.

Въ военномъ совѣтѣ обсуждался вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли казнить самого Фридриха. Нѣсколько генераловъ, раздѣлявшіе строгости отца его, подали голоса за казнь. «Я, — говоритъ Фридрихъ, —

зналъ ихъ и, вступивъ на престолъ, обращался съ этими подлыми льстецами, какъ будто мнѣ и не были извѣстны ихъ подлости. Никогда они не были предметомъ моей мести».

Другой случай, рекомендующій личность короля-философа, былъ слѣдующій. Онъ взялъ въ свой полкъ солдата, дезертировавшаго изъ подъ команды Сидова. Послѣдній, узнавъ это, потребовалъ обратно солдата. Фридрихъ написалъ ему письмо, прося оставить ему этого человѣка, за котораго онъ отдавалъ ему двоихъ. Въмѣсто отвѣта Сидовъ сказалъ отцу Фридриха. Тотъ велѣлъ немедленно возвратить этого солдата. Фридрихъ отправилъ его Сидову, умоляя командира не наказывать бѣглеца. Но Сидовъ тридцать разъ провелъ его подъ розгами, извѣстивъ Фридриха объ этомъ. И когда Фридрихъ вступилъ на престолъ, Сидовъ не былъ смѣщенъ.

Выпущенный изъ Кюстрина, Фридрихъ узналъ, что мать его однажды уговорила братьевъ и сестеръ арестованнаго пасть къ ногамъ короля, чтобъ вымолить ему прощеніе. Принцесса Байрейтская, какъ самая старшая, бросилась къ ногамъ отца, и получила нѣсколько пощечинъ. Остальные просители устрашились и бросились подъ столъ. Отецъ съ палкой въ рукѣ приготовился бить этихъ малютокъ, но тутъ подошла графиня Камеке, гувернантка, и стала просить прощенія за дѣтей. «Убирайтесь вы»,—сказалъ, король. Та не спустила, завязался споръ. Графиня разсерженная сказала королю: «Чортъ васъ возьметъ, если вы не оставите въ покоѣ моихъ бѣдныхъ дѣтокъ», и съ рѣшительностью вытащила ихъ изъ-подъ стола, провела въ другую комнату. На другой день король увидѣлъ графиню и благодарилъ ее за то, что она помѣшала ему сдѣлать глупость. «Я всегда буду вашимъ другомъ»,—сказалъ онъ, и сдержалъ слово.

Безъ сомнѣнія, подобныя сцены оставляли глубокій слѣдъ въ душѣ Фридриха, какъ и все воспитаніе должно было отразиться на развитіи личности короля-философа. Отсюда нетрудно объяснить и скрытность Фридриха II, любовь къ насмѣшкамъ, страсть его унижать людей, его невѣріе, и нѣкоторый, такъ сказать, дурной тонъ въ его обстановкѣ.

Съ первыхъ же бѣсѣдъ съ Каттомъ король не пожалѣлъ красокъ, чтобъ выставить въ смѣшномъ видѣ своихъ литературныхъ пріятелей. Вотъ, напримѣръ, какъ изобразилъ онъ Ла-Метри: «Онъ веселый, любезный, вѣтренный. У него есть умъ, нѣкоторыя познанія и извращенное воображеніе. Онъ былъ такъ легковѣренъ, что допускалъ все, въ чемъ только хотѣли увѣрить его, и такой вѣбальмошный, что писалъ ужасы на людей, которыхъ совсѣмъ не зналъ. Если тѣ, на кого нападалъ онъ, сѣтовали, онъ обвинялся передъ ними и обѣщалъ исправить свою ошибку. Затѣмъ онъ вознаграждалъ ихъ похвалами, какихъ они заслуживали столько же, сколько и ужасовъ. Онъ былъ очень безкорыстенъ и считалъ

себя счастливейшимъ человекомъ при безденежѣ. Тогда онъ раздвѣвался и голый расхаживалъ по комнатѣ, билъ себя по ляжкамъ, приговаривая: «у меня нѣтъ денегъ, браво; у меня нѣтъ денегъ». Впрочемъ, это былъ негодный человекъ».

Къ числу недостатковъ Фридриха относится и его нечистоплотность. На этотъ счетъ самъ король говорилъ слѣдующее: «на что мнѣ такія длинныя маншеты? Мнѣ не нужно ни длинныхъ, ни красивыхъ, ибо у меня дурная привычка обтирать перо о маншеты. Если бы онѣ были красивы, мнѣ неудобно было бы обтирать перо. Я поступаю нехорошо, но объ этомъ мало забочусь. Посмотрите на мои сапоги, они не очень изящны и не изъ лучшей кожи; но они удобны и этого достаточно; посмотрите на платье. Я немножко порвалъ его и мнѣ зачинили его отлично бѣлыми нитками. Шапка моя подъ пару платью. Все кажется поношеннымъ и стариннымъ. И все въ сто разъ лучше для меня, нежели новое. Я живу ни для чванства, ни для франтовства, ни для пустаго тщеславія. Каковъ ни на есть я, пусть знаютъ такимъ. Одно бы слѣдовало устранить. Мое лицо вѣчно запачкано испанскимъ табакомъ. Это, дѣйствительно, дурная привычка. И согласитесь, что у меня нѣсколько свинскій видъ»...

— Признаюсь, государь,—замѣтилъ Каттъ:—ваше лицо и мушкетиръ порядкомъ засыпаны табакомъ.

— Это-то я и называю нѣсколько свинскимъ видомъ. Пока была жива моя добрая мать, я былъ чище, или, говоря точнѣе, менѣе нечистоплотенъ. Эта нѣжная мать каждый годъ заказывала мнѣ дюжину рубашекъ съ красивыми маншетами, и присылала ихъ мнѣ. Со смертью ея некому заботиться обо мнѣ».

Принужденіемъ съ дѣтства быть религіознымъ надо объяснять отчасти и безвѣріе короля-философа. Онъ рѣшительно отрицалъ безсмертіе души. Катту приходилось слышать не разъ насмѣшливыя замѣчанія по этому поводу. «Какъ это вы вѣрите, другъ мой? Неужели вы не видите, что душа — только видоизмѣненіе тѣла, что нелѣпо, слѣдовательно, утверждать, будто она можетъ существовать, когда наше тѣло разрушится? Оба такъ внутренно зависятъ одно отъ другаго, что одно безъ другаго существовать не можетъ. И скажите мнѣ чистосердечно, можете ли вы какимъ нибудь образомъ составить себѣ понятіе о безтѣлесномъ существѣ, можете ли вы его представить себѣ, какъ я представляю себѣ свое Sansçouci? Если это бываетъ, дайте мнѣ, пожалуйста, представленіе объ этомъ нематеріальномъ существѣ». Каттъ замѣтилъ однажды во время бесѣды о религіозныхъ вопросахъ, что христіанство есть благодѣяніе для общества, что «око за око» есть недостатокъ въ религіи. Фридрихъ отрицалъ все это. Христіанство, по его, было «une fable lourdement ourdie».

Въ мемуарахъ нѣтъ такой страницы, которая не служила бы лишнимъ выясненіемъ характеристики Фридриха Великаго. Поэтому нечего и думать извлечь оттуда все важное и интересное. Поневогѣ приходится удовольствоваться самымъ выдающимся и наиболѣе общелюбопытнымъ. Къ такимъ даннымъ принадлежать свѣдѣнія объ отношеніяхъ Фридриха къ Вольтеру.

Слѣдуетъ замѣтить прежде всего, что для Фридриха не имѣлъ никакой цѣны геній безъ добродѣтели, безъ характера. «Знаніе даже самое обширное безъ этихъ свойствъ подобно мѣди звенящей и кимвалу бражающему. Міръ не создалъ лучшаго генія, нежели Вольтеръ, но я презираю его глубоко, потому что онъ лишенъ чести. Если бы онъ обладалъ ею, на сколько бы онъ превосходилъ все, что существуетъ! Кажется, что природа, отказывая этимъ геніямъ въ добродѣтели, которая ихъ бы украшала, желала утѣшить этимъ лишеніемъ тѣхъ, у кого нѣтъ талантовъ или у кого они поврежденные. Такъ Ньютонъ, комментируя Апокалипсисъ, утѣшаетъ людей, которые ниже его геніемъ».

Никогда не было челоуѣка непослѣдовательнѣе Вольтера, когда приходилось считаться съ мыслью о смерти. «Трудно себѣ представить что нибудь комичнѣе Вольтера при этой мысли. Онъ становился игрушкой паническаго ужаса, воображалъ себѣ тогда тысячи дѣваловъ, которые готовы схватить его. Вотъ увидите, когда ему придется умирать, онъ назоветъ всякихъ проповѣдниковъ, всякихъ поповъ». При этомъ Фридрихъ говорилъ и о себѣ: «я остаюсь и останусь твердымъ въ своихъ принципахъ, я не боюсь смерти, мнѣ страшна боль:

La douleur est un siècle et la mort un moment.

«Я страшусь только, когда, углубляясь въ себя, вижу, что измѣнялъ законамъ той вѣчной морали, которой мы должны слѣдовать для нея самой, я страшусь тогда, что я былъ неправъ и къ себѣ, и къ другимъ, и стараюсь исправить зло, мною сдѣланное. Для этого я не нуждаюсь въ вашихъ религиозныхъ принципахъ. Если бы я ими обладалъ, я бы оставилъ свою корону и жилъ отшельникомъ».

«La crainte fit les Dieux, la force fit les rois,—

«Будьте въ этомъ увѣрены».

Характеренъ отзывъ Фридриха Великаго о фернейскомъ философѣ, высказанный по поводу прочитанной имъ исторіи «Карла XII». «Вольтеръ возвышаетъ Карла XII до небесъ и низвергаетъ Петра I въ глубь пропасти. Онъ не правъ въ такомъ сужденіи. Будьте увѣрены, что если бы русскій дворъ далъ этому мошеннику нѣсколько тысячъ рублей, чтобы возвысить Петра надъ его соперникомъ, онъ бы написалъ, что Петръ—генераль, а Карль XII—дерзкій капраль. И затѣмъ Вольтеру ли оцѣнивать военные таланты, ему ли, кото-

рый не имѣеть ни малѣйшаго понятія о нашей профессіи. Онъ умѣеть только насмѣхаться. Изучивъ точно всѣ операціи Карла XII, обдумавъ ихъ зрѣло, я считаю его болѣе дѣятельнымъ, нежели разсудительнымъ, болѣе энергичнымъ, чѣмъ ловкимъ, смѣлымъ, блестящимъ. Его первыя три компаніи удивительны. Онъ нападаетъ на Копенгагенъ, освобождаетъ Гольштейнъ, сражается съ 80 тысячею русскихъ близъ Нарвы, нападаетъ на саксонцевъ. Вотъ это удивительно. Но съ этого момента въ его операціяхъ нѣтъ послѣдовательности»...

Въ Вольтерѣ Фридриха въ особенности возмущала его трусость. Любопытно прочесть, напримѣръ, слѣдующее замѣчаніе объ этомъ: «Вольтеръ умретъ, какъ трусишка, на рукахъ нѣсколькихъ жалкихъ францисканцевъ... я знаю его. Онъ ни во что не вѣритъ и всего боится».

Вообще мемуары Катта—неисчерпаемый источникъ для характеристики Фридриха. По нимъ, онъ нисколько не обольщался величіемъ своей воли, философски углублялся въ себя при всякомъ случаѣ, крупномъ и незначительномъ. При этомъ король-философъ обнаруживалъ черты по истинѣ высокія. Слѣдующій случай рассказываетъ Каттъ, со словъ короля:

«Я составилъ себѣ небольшой словарь вопросовъ, какіе я могъ бы сдѣлать при случаѣ въ Богеміи. Гордый своимъ знаніемъ и своимъ словаремъ, я смѣло подзываю перваго встрѣчнаго крестьянина и смѣло задаю ему вопросъ о мѣстной почвѣ. Крестьянинъ слушаетъ меня и, будучи болѣе философомъ, нежели я, отвѣчаетъ мнѣ съ видомъ боязни и скромности. Тогда я, простофиля, вытаращиваю глаза, и замѣчаю, что недостаточно было задать вопросъ, что надо еще уразумѣть отвѣтъ, а чтобъ уразумѣть это, надо знать хорошо языкъ. Согласитесь, что такое простофильство непростительно взрослому школьнику, а мы нерѣдко кичимся своимъ большимъ умомъ. Это маленькое приключеніе и еще нѣсколько другихъ убѣдили меня, что приниженность — добродѣтель, а самонадѣянность — глупая вещь».

Приведенные факты переданы такъ безыскусственно, что позрѣніе въ какихъ либо прикрасахъ, обыкновенно разбавляющихъ документальность мемуаровъ, здѣсь не можетъ имѣть мѣста. Не о всѣхъ случаяхъ, рассказываемыхъ Каттомъ, это, однако, слѣдуетъ сказать. Въ ученomъ введеніи Козера указано, гдѣ Каттъ уклоняется отъ исторической точности въ передачѣ своихъ бесѣдъ съ королемъ. Самое содержаніе бесѣдъ, правда, не извращается въ интересахъ тенденціи или чего нибудь подобнаго. Произволь автор мемуаровъ сказывается лишь въ невѣрности хронологической, вслѣдствіе чего получается иногда чисто оперный эффектъ, по выраженію Козера. Любопытенъ въ особенности слѣдующій примѣръ неточности.

Каттъ рассказываетъ, какъ наканунѣ Цорндорфской битвы, когда рѣшено было сраженіе на слѣдующій день, король повзвалъ «чтеца» въ 9 часовъ. «Чтець» засталъ короля въ небольшомъ помѣщеніи мельницы за исправленіемъ стиховъ оды Руссо. Когда Каттъ выразилъ удивленіе королю въ томъ, что онъ наканунѣ столь важнаго событія находитъ досугъ сочинять стихи, король возразилъ: «Что же особеннаго теперь можетъ случиться? Почему я не могу сегодня развлекаться какъ всегда? Цѣлый день я измучился за дѣломъ, взвѣсилъ его со всѣхъ сторонъ. Рѣшеніе мое остается неизмѣннымъ. Планъ составленъ. Полагаю, что мнѣ, какъ и другимъ, позволительно кропать риемы». Бесѣда затѣмъ была прервана явившимися генералами для обсужденія диспозицій къ предстоящему наступленію. Черезъ полчаса король опять возобновилъ свою бесѣду съ Каттомъ съ того пункта, на которомъ былъ прерванъ. По-прежнему король исправлялъ стихи Руссо по «Аталіи» Расина».

Сцена эта, безъ сомнѣнія, эффектна и вызываетъ въ читателѣ удивленіе, но въ дѣйствительности она происходила не наканунѣ Цорндорфской битвы и вообще перекладываніе стиховъ Руссо и Расина имѣло мѣсто не въ одинъ и тотъ же день. Такая произвольная перетасовка фактовъ, однакожь, не лишаетъ мемуаровъ ихъ высокаго интереса. Для оцѣнки умственной жизни короля—это богатый и изобильный источникъ данныхъ, а живое изложеніе мемуаровъ доставляетъ истинное наслажденіе читателю.

О. Вулгаковъ.

КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ.

**Геродотъ. Исторія въ девяти книгахъ. Переводъ съ греческаго
Ө. Г. Мищенко, съ его предисловіемъ и указателемъ. Томъ I.
Изданіе А. Г. Кузнецова. Москва. 1885.**

ОГДА У НАСЪ вводилась классическая система образованія, мы имѣли полное основаніе предполагать, что, каково бы ни было ея вліяніе на сердце и душу учащихся, литературному развитію общества она должна принести пользу хоть тѣмъ, что дастъ ему хорошіе переводы греческихъ и латинскихъ писателей. Не было въ Европѣ другой страны, обставленной въ этомъ отношеніи такъ плохо. Правда, въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка, какъ легко видѣть изъ всякаго стараго каталога, всѣ первостепенные и значительное количество второстепенныхъ классиковъ были переведены на русскій языкъ: иные очень добросовѣстно и съ оригиналовъ, другіе небрежно и съ французскихъ переводовъ; правда, и въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія явилось нѣсколько образцовыхъ переводовъ: Иліада—Гнѣдича, Эдипъ царь—Шестакова и кое-что другое. Но переводы XVIII вѣка, не говоря уже про устарѣлость ихъ языка, давнымъ давно библиографическая рѣдкость, а превосходный трудъ Гнѣдича—капля въ морѣ. Когда нынѣ дѣйствующее на общественныхъ поприщахъ поколѣніе получало свое образованіе, оно, кромѣ этой Иліады, уже успѣвшей устарѣть по языку, имѣло къ своимъ услугамъ только переводъ Анналовъ Тацита (Кроненберга) да позорные переводы Саллюстія и Тита Ливія, причиненные г. Клевановымъ, а переводы Шестакова, Ордынскаго, Шершеневича приходилось рывскывать по журналамъ, что далеко не всѣмъ удобно. Понятно, что великій классическій міръ представлялся этому поколѣнію только со стороны:

*Masculini generis
Panis, piscis, crinis, finis* и пр.

Принявъ во вниманіе, какъ слабы непосредственныя связи нашего прошлаго съ классическимъ міромъ и каковыя сухожденіемъ представляется этотъ *raus, risus, cinis, fides*,—легко понять, почему большинство этого поколѣнія съ такой неприязнью отнеслось въ введенію классической системы и почему оно до сихъ поръ не перестаетъ коситься на нее.

Но мы, немногіе, кому удалось хоть въ университетѣ узнать кусочекъ настоящаго классицизма, готовы были мириться со всѣми темными сторонами реформы, въ надеждѣ на будущія блага, между прочимъ, на хорошіе переводы классиковъ, которые дадутъ возможность студенту завершить свое изученіе древняго міра,—вѣдь вельзя же надѣяться, чтобы онъ въ оригиналѣ прочиталъ всего Софокла,—а человѣку изъ общества ознакомиться съ тѣми классиками, изъ которыхъ его дѣти черпаютъ все свое развитіе. Прошло 15 лѣтъ со времени реформы, а благіе плоды только теперь начинаютъ показываться: видно, почва слишкомъ камениста.

Бывшій профессоръ Кіевскаго университета г. Мищенко—однѣ изъ очень и очень немногихъ нашихъ классиковъ, пишущихъ для публики. Огромное большинство его собратьевъ по специальности отличаются въ этомъ отношеніи поразительной скромностью: написавъ тощую диссертацию «къ вопросу о мѣстномъ нападѣ въ греческомъ языкѣ», или о такомъ-то «кодекѣ фрагментовъ Менандра», російскій Бѣкъ или Отфридъ Мюллеръ, большею частью, на многіе годы прекращаетъ свои дѣла съ типографіями. Мы твердо убѣждены, что преподаватель старшихъ классовъ гимназій или профессоръ университета, съ такимъ стараніемъ готовящійся къ лекціямъ и такъ тщательно отдѣлывающій ихъ, что у него не остается времени дать послѣдній ударъ рѣзца своимъ работамъ, стоитъ выше всякихъ упрековъ и много полезнѣе того преподавателя или профессора, который кое-какъ читаетъ лекціи и при этомъ кое-что пописываетъ, но намъ плохо вѣрится, чтобы всѣ эти молчаливые классики такъ всецѣло отдавали себя дѣлу преподаванія; мучениковъ кафедръ, сдается намъ, едва ли наберется въ десятка одинъ. Не можемъ же мы думать, что всѣ классики Германіи, наполняющіе книжные магазины своими изданіями и монографіями, а специальные журналы своими статьями, небрежно относятся къ своимъ преподавательскимъ обязанностямъ. Не можемъ же мы думать, чтобы литературные труды Брюковыхъ, Шестаковыхъ, издателя «Прошлей» Леонтьева и его талантливыхъ сотрудниковъ мѣшали имъ хорошо читать лекціи! А вѣдь какъ мало было у насъ тогда классиковъ и какъ плохо поощряло ихъ начальство! Но оставимъ Несторовы жалобы на измелчаніе людей и возвратимся къ счастливому исключенію г. Мищенкѣ.

Г. Мищенко писалъ о еванской трилогіи Софокла, объ «Облакахъ» Аристофана, объ Эсхиловомъ Прометѣѣ, о царскихъ свѣтахъ, если не ошибаемся, написалъ большую книгу о Фукидидѣ; онъ переводилъ Буше Леклерка, перевелъ Страбона (изд. Сиддатенкова, М., 1879 г.); теперь взялся за Геродота, первая половина котораго лежитъ передъ нами, съ обстоятельнымъ предисловіемъ автора.

Въ этомъ предисловіи г. Мищенко доказываетъ, во-первыхъ, что Геродотъ можетъ быть названъ отцомъ исторіи только развѣ для своихъ послѣдователей, но что въ свое время онъ вовсе не былъ единственнымъ в рѣзко выдающимся писателемъ, такъ какъ одновременно съ нимъ культивировали прозу много другихъ писателей, особенно въ Милетѣ. Кромѣ того, у грековъ всегда была исторія, только въ другихъ формахъ: во-первыхъ, въ видѣ эпи-

ческих писемъ, на которыя и впоследствии ссылались какъ на историческіе документы; во-вторыхъ, въ формѣ повѣй такъ называемыхъ цикликовъ и, наконецъ, въ прозаическихъ писаніяхъ логографовъ (начиная съ 50 олимпиады), къ которымъ долженъ быть причисленъ и самъ Геродотъ: вѣдь и у нихъ встрѣчаются попытки критики и стремленіе внести хронологическій порядокъ. Относительно начала прозы г. Мищенко держится того убѣжденія, что она произошла не изъ распустившейся, если можно такъ выразиться, повѣи, а существовала издавна въ видѣ короткихъ записей. Аналогія съ литературнымъ прогрессомъ у другихъ народовъ заставляеть насъ не согласиться съ столь рѣшительнымъ мнѣніемъ почтеннаго автора, или, по крайней мѣрѣ, принять его съ оговоркою: проза дѣловыхъ записей, конечно, предшествуетъ писанной повѣи, но проза литературная всегда предполагаетъ развитіе повѣи, и языкъ ея есть разложившійся и освободившійся отъ стѣсненій стиха языкъ повѣи; такъ разсказъ о мнѣніи Ольги заставляеть предполагать писанію о томъ же предметѣ; слогъ Вильгардуэна—въ генетической связи съ слогами шапюва de gestes и слогъ Фруассара—съ рыцарскими романами.

Мы совершенно согласны съ тѣмъ дѣленіемъ, которое принимаетъ г. Мищенко для логографовъ, писанія которыхъ имѣютъ или историко-генеалогическій, или географико-этнографическій характеръ, но именно на основаніи такого дѣленія внимательный читатель Геродота не согласится считать его однимъ изъ массы логографовъ. Исторія Геродота соединяеть оба метода изслѣдованія и изложенія. Съ стр. XXXVII-й г. Мищенко переходитъ къ внутренней характеристикѣ своего автора—біографическія данныя онъ совершенно напрасно считаетъ общезнавшими, онъ очень удачно опредѣляетъ его отношеніе къ современной ему стадіи развитія греческаго искусства, искусно подобранными примѣрами характеризуетъ наивные приемы его субъективной критики, совершенно справедливо видитъ въ немъ поучительный образецъ переходной эпохи отъ «вѣка вѣры» къ «вѣку разума» и вѣрно указываетъ на односторонность какъ огульнаго подозрѣнія къ извѣстіямъ Геродота, такъ и незаслуженнаго превознесенія его достовѣрности. Рядомъ цитатъ доказываетъ онъ, что Геродотъ имѣлъ чрезвычайно смутныя и противорѣчивыя представленія о судьбѣ, о власти боговъ, и вѣрно говоритъ, что приводить эти противорѣчія къ единству значило бы навязывать наши понятія иному времени, иной порѣ развитія, въ которой такія противорѣчія неизбежны и законны. Указавъ на симпатіи и антипатіи Геродота, г. Мищенко заключаетъ свое предисловіе краткимъ и яснымъ сводомъ всего вышесказаннаго.

Не имѣя подъ руками текста, мы не могли сравнить съ нимъ перевода г. Мищенки, но другіе труды того же автора дѣлають такое сличеніе совершенно излишнимъ: Геродотъ не представляетъ особыхъ трудностей, а авторитетъ г. Мищенки стоитъ прочно. Языкъ перевода—безукоризненъ: онъ чистъ и правиленъ (не даромъ г. Мищенко туземный классикъ, а не привозной), и при этомъ простъ и почти наивенъ, какъ языкъ оригинала. По нашему личному мнѣнію, было бы удобнѣе оставаться при общепринятомъ правописаніи и выговорѣ греческихъ терминовъ и именъ и писать цикликъ, цикль, Египеть, а не киклики, кикль, Эгипеть и т. д., но упрекать г. Мищенко за болѣе правильную орфографію, разумѣется, никто не имѣеть права.

Заканчивая нашу замѣтку искреннимъ пожеланіемъ видѣть скорѣе въ печати окончаніе труда г. Мищенко, мы просимъ читателей вѣрить, что это пожеланіе не есть въ этомъ случаѣ общее мѣсто, которымъ заканчивается библиографическая статья о всякой полевой книгѣ. Хорошій переводъ Геродота, съ хорошими указателями, для насъ не просто полевная, а необходимая книга, не говоря уже про то, что болѣе близкій отецъ исторіи — чрезвычайно полезное и вполнѣ доступное чтеніе «для юношества» и для всѣхъ, кто любитъ легкія историческія книги; къ счастью, въ послѣднее время такихъ любителей оказалось очень много, а намъ, русскимъ, «Музы» Геродота, служація главнѣйшимъ источникомъ для изученія доисторическаго состоянія нашей страны и для уясненія роковаго вопроса о славянахъ, важнѣе всѣхъ остальныхъ классическихъ историковъ, вѣстѣ ввѣтыхъ. Споры о началѣ Руси, розысканія г. Илловайскаго, книга г. Забѣлина только съ Геродотомъ для справокъ могутъ быть прочтены съ смысломъ и пользою. А сколько въ немъ драгоценнаго, незамѣнимаго матеріала для познанія древнѣйшихъ семейныхъ, юридическихъ и государственныхъ отношеній какъ славянскихъ, такъ и иныхъ народовъ, не перелетаемъ его, и представимъ себѣ невозможно.

А. К.

Иосифъ Антоновичъ фонъ-Вейсггопфенъ, издатель первой астраханской газеты, Астрахань. 1885.

Не смотря на свое недавнее существованіе, — сотня лѣтъ съ небольшимъ, — русская журналистика еще не имѣетъ своей исторіи. Нелегко, правда, при множествѣ періодическихъ органовъ, возникающихъ у насъ въ вѣдѣстныя эпохи, прослѣдить судьбу ихъ, часто эфемерную; трудно даже перечислить всѣ эти летучіе листки и тощія книжки, появляющіяся въ благоприятныя минуты и исчезающія въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики и независимыми обстоятельствами. Но для исторіи литературы, вѣстакъ, необходимо опредѣлѣть если не направленіе ихъ, котораго они, большею частью, не имѣютъ, то, по крайней мѣрѣ, причины ихъ появленія, ихъ *raison d'être*. Если же мы не можемъ сдѣлать этого для столичныхъ изданій, то тѣмъ болѣе не можемъ требовать близкаго знакомства публики съ изданіями провинціальными, хотя и между ними были такія, которыя могутъ готовиться къ празднованію своего столѣтняго юбилея, какъ ярославскій «Уединенный Пошехонецъ» и «Ежемесячныя Сочиненія». Недавно астраханская газета «Волга», заявляя о своемъ появленіи, назвала себя «первою по времени газетою по всему Приволжскому краю». Между тѣмъ въ этомъ же краѣ, кромѣ названныхъ выше изданій, выходили уже «Казанскія Ивѣстія» (1811—1820 г.) и «Восточныя Ивѣстія» (1813—1816 г.), о существованіи которыхъ первоначально являлась въ 1866 году газета «Востокъ» (въ слѣдующемъ же году прекратившаяся). Теперь Н. Леонтьевъ издалъ брошюру, первоначально появившуюся въ «Астраханскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», въ которой собралъ всѣ свѣдѣнія объ этой газетѣ и ея издатель, — собственно редакторъ Вейсггопфенъ. Правда, и объ немъ самомъ и его газетѣ появлялись уже статьи: С. Рыженко въ «Востокѣ», В. Сахарова въ «Астраханскомъ Листкѣ», А. Дмитріева въ «Запискахъ для Чтенія» (1867 г.) и въ 1875 году «Историческій очеркъ астраханской гимназіи», составленный учителемъ Лопатинымъ, сообщилъ свѣдѣнія о

Вейсгюпфенъ, вошедшій въ «Словарь русских писателей» Геннади, но, какъ доказываютъ г. Леонтьевъ, официальный сочинитель, имѣя подъ рукою всѣ документы, сообщилъ о редакторѣ совершенно невѣрные свѣдѣнія, не потрудившись даже справиться съ бывшими у него матеріалами. Поэтому автору брошюры взялъ на себя трудъ восстановить біографію этого нѣмца, сдѣлавшагося русскимъ журналистомъ. Жизнь его не богата событиями, но это былъ, безъ сомнѣнія, человекъ умный, честный, энергичный, образованный, настойчиво стремившійся къ цѣли, которую себѣ намѣтилъ. Сытъ тирольскаго дворянина, онъ кончилъ курсъ юридическихъ наукъ въ Вѣнскомъ университетѣ, зналъ хорошо языки: нѣмецкій, французскій, латинскій и отчасти русскій. Прибывъ въ Россію въ 1806 году, онъ былъ въ астраханской гимназіи учителемъ нѣмецкаго и французскаго языка и составилъ на русскомъ языкѣ грамматику подъ названіемъ «Руководительная тетрадь для преподаванія нѣмецкаго языка» и такую же для французскаго. Кромѣ того, онъ написалъ на латинскомъ языкѣ метафизическое сочиненіе «*Probabilia de origine mali*» и на нѣмецкомъ пьесу «*Der gute Sohn*». Но ему мало было ученыхъ и педагогическихъ трудовъ, и въ 1811 году онъ получилъ разрѣшеніе открыть типографію и издавать при ней газету «Восточныя Извѣстія» подъ надзоромъ директора и старшихъ учителей гимназіи. Разрѣшеніе было дано, но газета не могла выйдти въ свѣтъ, вѣроятно, по недостатку средствъ и появилась только въ 1813 году, когда въ Астрахань была доставлена приобретенная въ Петербургѣ типографія, въ сообществѣ съ Литке. Вейсгюпфенъ вложилъ въ это дѣло 2,830 рублей и выхлопоталъ открытіе конторы съ бібліотекою для чтенія и книжнымъ магазиномъ, гдѣ продавались также вставки и канцелярскія принадлежности. Программа «Восточныхъ Извѣстій», выходившихъ по средамъ, была обширная: въ нихъ помѣщались извѣстія о важнѣйшихъ азіатскихъ происшествіяхъ и выписки изъ европейскихъ вѣдомостей, то есть статьи по политикѣ, торговлѣ, статистикѣ, этнографіи, естественнымъ наукамъ, смѣсь, анекдоты, денежные курсы, объявленія. Редакторъ пригласилъ участвовать въ газетѣ своихъ сослуживцевъ по гимназіи. Первый номеръ не могъ, однако, выйдти раньше 29-го января 1813 года, такъ какъ, кромѣ разрѣшенія попечителя казанскаго округа, также требовалось еще и позволеніе министра полиціи. Газета составлялась такъ разнообразно и пошла такъ успѣшно, что въ апрѣлѣ же 1813 года, министръ народнаго просвѣщенія графъ А. Б. Разумовскій запретилъ помѣщать въ газетѣ какія либо извѣстія, не относящіяся къ восточнымъ краямъ Россіи, «дабы сей журналъ не могъ сдѣлать подрыва издаваемымъ отъ равныхъ казенныхъ мѣстъ газетамъ». За откровеннымъ признаніемъ слѣдовало предписаніе—представить новую программу изданія, и Казанскій университетъ составилъ «примѣрный планъ», которому долженъ былъ слѣдовать редакторъ. Трудно было Вейсгюпфену вести дѣло при такихъ просвѣдательныхъ мѣрахъ, но онъ продолжалъ изданіе въ 1814 1815 и до половины 1816 года. Авторъ не приводитъ причинъ, по которымъ редактору приказано было съ 1815 года издавать свою газету съ переводомъ всѣхъ статей на армянскій языкъ. Почему жители Астрахани и Поволжья не должны были почерпнуть изъ мѣстной газеты никакихъ другихъ извѣстій, кромѣ относящихся къ ихъ краю, и вачѣмъ армяне, составляющие ничтожный процентъ тамошняго населенія, должны были читать эти извѣстія на своемъ языкѣ,—все это составляетъ тайну русскаго просвѣщенія. Не говоритъ также Леонтьевъ, отъ болѣзни ли, или отъ редакторства Вейсгюпфенъ

захворалъ и умеръ на 37 году, въ июлѣ 1816 года. Во всякомъ случаѣ, судьба его и «Восточныхъ Извѣстій» любопытна и поучительна. Жаль только, что авторъ не говоритъ подробнѣе о ея содержаніи.

В. З.

Письма Добровскаго и Копитара въ повременномъ порядкѣ. Трудъ орд. акад. И. В. Ягича; съ портретомъ и двумя снимками автографовъ. Спб. 1885. (I томъ изданія «Источниковъ для исторіи славянской филологіи»).

Многіе совершенно несправедливо считаютъ исторію науки слишкомъ большою ученою роскошью, интересною только для ограниченнаго числа крайнихъ специалистовъ. Въ нашъ историческій вѣкъ такой взглядъ — доказательство научной неравитости и отсталости. Въ вѣкъ господства метафизики спрашивали, что такое извѣстная вещь по существу своему, и добывались хитроумныхъ и тонкихъ опредѣленій, или взаимно исключаютыхъ другъ друга, и стало быть невѣрныхъ, или сводящихся къ безусловно вѣрной, но бесплодной формулѣ: «—а. Въ наше время спрашиваютъ, какъ извѣстная вещь сдѣлалась, и, добившись отвѣта, получаютъ объ ней болѣе ясное и глубокое, хотя и не укладывающееся въ узкую логическую рамку, понятіе. Исторія науки — не роскошь, а насущная потребность; она лучшая пропедевтика для начинающихъ, полезнѣйшій курсъ (разумеется, если она не переходитъ въ библиографію и каталогъ) для студентовъ первыхъ семестровъ, и въ то же время хорошее сочиненіе по ней — настольная книга для профессора-работника.

Уже больше 20 лѣтъ назадъ въ Мюнхенѣ предпринято изданіе большой серіи исторіи наукъ, надъ которой работаютъ лучшіе специалисты Германіи. На сколько полезно такое изданіе, можно судить, напр., по тому, что въ берлинской Hofbibliothek, гдѣ въ шкафахъ, предоставленныхъ для безконтрольнаго пользованія публики, расположены лучшія сочиненія, изъ всѣхъ книгъ по германской филологіи самая затасканная книга Вагнеръ: «Geschichte der deutschen Philologie»; что всякій хорошій студентъ-ориенталистъ также мечтаетъ о приобрѣтеніи Бётлингова словаря, какъ и Остерлеевой исторіи ориентальной филологіи; или что въ той же берлинской библіотекѣ исторія зоологіи Каруса также часто видна на столѣикѣ естественспытателей, какъ и между книгами историка или историка литературы.

Если интересна и поучительна исторія наукъ положительныхъ, столь юныхъ и столь мало, повидимому, связанныхъ съ политической жизнью общества, на сколько же важнѣе исторія такъ называемыхъ гуманитарныхъ наукъ, жизнь которыхъ и направляется общими идеями и направляетъ ихъ? Можно ли оцѣнить труды братьевъ Гриммовъ, — труды, до сихъ поръ настольные у всѣхъ работниковъ той же области, не выкинувъ въ условія, при которыхъ они жили и дѣйствовали, или съ другой стороны можно ли неодносторонне понять эпоху Священнаго Союза, не принявъ во вниманіе современнаго ей уваженія въ наукѣ?

Еще важнѣй и интереснѣй исторія славяновѣдѣнія: славянство, такъ энергично стремящееся къ объединенію, до сихъ поръ объединено только, по карамзинскому выраженію, «въ мечтахъ добрыхъ душъ» да въ наукѣ; всякій

крупный дѣтель по славяновѣдѣнью, гдѣ бы онъ ни жилъ, отъ Савы и Дравы до Фонтанки, до сихъ поръ волей-неволей политикъ, и исторія славянской филологіи — лучшая и интереснѣйшая часть внутренней жизни славянскаго міра въ нашѣмъ столѣтіи; а съ другой стороны, самый, повидимому, специальный вопросъ, въ родѣ подлинности глоссъ Вацерада, не можетъ быть разрѣшенъ, если не принимать во вниманіе личныхъ особенностей, руководящихъ идей и политическихъ увлеченій знаменитыхъ славистовъ «германской эпохи» славяновѣдѣнія.

Профессоръ и академикъ Ягичъ предпринялъ огромный и, какъ нѣмцы говорятъ, «дѣлающій эпоху» трудъ собрать и издать рядъ источниковъ для исторіи славянской филологіи, снабженныхъ, судя по этому тому, его обширными введеніями и прекрасно составленными указателями. Нужно ли говорить, на сколько всё, интересующее славянскую науку, должны быть благодарны профессору Ягичу и 2-му отдѣленію академіи, давшему ему средства напечатать первый томъ его источниковъ?

Вотъ что говоритъ почтенный издатель о происхожденіи этой существенно важной части источниковъ.

«Въ началѣ нашего столѣтія Добровскій былъ уже по всей Европѣ извѣстенъ своими критическими изслѣдованіями по славянской исторіи и древностямъ, своими глубокомысленными разборами памятниковъ письменности и основательнымъ филологическимъ изученіемъ славянскихъ языковъ. Далекъ за предѣлы родины, королевства Чешскаго, проникли слухи о знаменитомъ ученомъ, поставившемъ себѣ задачею изученіе славянства. Путешествія въ Германію, Швецію и Россію и обширная переписка съ учеными современниками различныхъ національностей придавали еще болѣе блеску его славному имени. Добровскому было тогда пятьдесятъ лѣтъ, жилъ же онъ въ Прагѣ и (лѣтомъ) въ окрестностяхъ, вращаясь въ средѣ высшаго аристократическаго общества, съ которымъ его сблизила воспитательская дѣятельность въ домѣ графовъ Ностицъ, и въ средѣ ученыхъ и литераторовъ, — всѣми равно уважаемый, всёхъ плѣняющій обаяніемъ своей выдающейся личности.

«Въ апрѣлѣ 1806 года, Добровскій получилъ обширное, на нѣмецкомъ языкѣ написанное, письмо изъ Люблины; къ письму была приложена записка критико-литературнаго и грамматическаго содержанія. Письмо прислано отъ неізви́стнаго молодого человѣка, фамиліи котораго Добровскій, вѣроятно, никогда еще не слышалъ, подписавшагося такъ: «великаго учителя маленькій ученикъ В. Кошитаръ, секретарь у барона Цойса». Скромное общественное положеніе писавшаго молодого человѣка могло Добровскому напомнить собственные годы молодости, содержаніе же письма заинтересовало его множествомъ умно сдѣланныхъ замѣчаній, вопросовъ и ссылокъ на только что изданный извѣстный сборникъ Добровскаго «Slavin». Письмо Кошитаръ, дѣйствительно, написано живо и талантливо, съ юношескимъ пыломъ любовательности, съ искреннею почтительностью къ знаменитому слависту и въ то же время съ рѣзкими обвиненіями противъ одного изъ соотчичей, съ которыми Добровскій велъ переписку, противъ Водника. Въ письмѣ сразу вѣрно обрисовался характеръ молодого человѣка: его начитанность и остроуміе, замѣчательныя критическія способности, но вмѣстѣ и страстная, порывистая натура, доходящая легко до нетерпимости.

«Довольно долго, безъ малаго годъ, пришлось Кошитару ждать отвѣта, который, наконецъ, былъ полученъ въ январѣ слѣдующаго 1809 года. Изъ отъ-

вѣта видно, что письмо и записка Копитара очень понравились Добровскому. Онъ сразу угадалъ въ молодомъ словенцѣ выдающійся филологическій талантъ, и вышелъ ему ласково навстрѣчу, чтобы поддержать въ немъ любовь и расположеніе къ столь дорогой ему славянской наукѣ. Отвѣтъ отличался задушевною теплотою слова и лестными отзывами о сужденіяхъ, наложенныхъ въ письмѣ Копитара.

«Такъ завязалась между Добровскимъ и Копитаромъ усердная переписка филологическаго содержанія, продолжавшаяся съ 1808—1809 года до конца жизни Добровскаго, ровно 20 лѣтъ».

Эта-то переписка въ количествѣ 245 писемъ и лежитъ передъ нами; въ ней заключается громадный матеріалъ для ознакомленія съ обстоятельствами жизни и характеромъ не только множества выдававшихся дѣятелей славянскаго возрожденія отъ маститаго «учителя», отъ Вука, Линде и пр. до молодыхъ учениковъ Добровскаго: Ганки, Юнгмана и др., но и многихъ литературныхъ знаменитостей германо-романскаго міра. Она вводитъ насъ въ лабораторію науки этого интереснаго періода, показываетъ первое возрожденіе идей, вполнѣдствіи столь плодотворныхъ, тяжелую предварительную работу мысли; онъ комментируетъ какъ нельзя полнѣе всѣ главные труды не только корреспондентовъ, но и всѣхъ ихъ собратій. Даже несприятны для нашего національнаго самолюбія строки ея, напр., враждебные отзывы Копитара о русскихъ и презрительныя мнѣнія Добровскаго о нашихъ непризнанныхъ филологахъ того времени. Въ журнальной рецензіи на мѣсто подробно разбирать тотъ научный матеріалъ, который могутъ навлечь спецѣлисты изъ многосодержательныхъ писемъ Копитара и Добровскаго, но не можемъ не указать на тѣ мѣста переписки (стр. 506, 507, 526, 611 и пр. и пр.), гдѣ говорится о поддѣльныхъ древне-чешскихъ памятникахъ, такъ недавно возбуждавшихъ ожесточенные споры, не можемъ также не сказать объ общемъ значеніи лингвистическихъ, этнографическихъ, историческихъ и всякихъ другихъ замѣтокъ и запросовъ, раскиданныхъ въ письмахъ веспанскихъ корреспондентовъ, жившихъ въ то время, когда въ ученыхъ журналахъ не было статей *Zur Frage über...* и когда литературныя приличія и старая реторика требовали законченныхъ и ясныхъ рассужденій на научныя темы. Допустимъ, что три четверти этихъ недооформленныхъ замысловъ не годятся при современномъ состояніи науки, но невѣстный запросъ, не научно разрѣшенный при тогдашнихъ средствахъ, можетъ привести новаго слависта на плодотворную и богатую мысль, если только онъ, думая надъ вопросомъ, догадается заглянуть въ обстоятельный указатель профессора Ягича.

Въ томъ же томѣ источниковъ, кромѣ этой переписки, напечатано 30 писемъ Добровскаго и Копитара къ другимъ лицамъ, пополняющихъ біографію и характеристику знаменитыхъ славистовъ. Въ слѣдующемъ томѣ профессоръ Ягичъ общается, между прочимъ, сообщитъ нѣсколько новыхъ данныхъ по дѣлу о приглашеніи славянскихъ ученыхъ россійской академіи, затронутому въ нѣсколькихъ мѣстахъ этой книги.

А. К.

Всеобщая исторія литературы. Выпуски XVII и XVIII. Сбп. 1885.

Изданіе это, начатое под редакціей В. Ф. Корша, успѣшно продолжается профессоромъ А. И. Кирпичниковымъ. Въ послѣднихъ выпускахъ помѣщены: четыре статьи самого редактора, которыми заканчивается исторія средневѣковой литературы, вся новая литература славянскихъ народовъ П. Морозова, исторія новогреческой литературы д-ра Первавомоса и начало возрожденія въ Испаніи А. И. Кирпичникова. Изъ этихъ статей болѣе всего интересна, конечно, исторія славянскихъ литературъ: иллирійской или дубровницкой, чешской, болгарской, сербско-хорватской, словацкой. Здѣсь можно вполне согласиться съ общими выводами и положеніями автора, за исключеніемъ нѣкоторыхъ безапелляционныхъ приговоровъ, какъ, напримѣръ, о подложности краледворской и веленгорской рукописи. Впрочемъ, отъ автора, отрицающаго подлинность «Слова о полку Игоря», и нельзя было ожидать признанія рукописей, найденныхъ Ганкою. Что же касается до русской литературы или до «болѣе чѣмъ бѣлаго обзора главныхъ фазисовъ ея развитія», какъ называетъ свою статью самъ авторъ, мы дѣйствительно желали бы гораздо болѣе подробнаго обзора. Исторію литературы всего славянства отведено 200 страницъ, тогда какъ одна эпоха карловинговъ и нибелунговъ и легенды круглаго стола занимаетъ гораздо больше мѣста. Конечно, во всемирной исторіи русская литература не занимаетъ выдающагося мѣста, но нельзя же утверждать, какъ г. Морозовъ, что она «не въ состояніи не только стать на ряду съ европейскими литературами, но даже и занять авторитетное положеніе среди литературъ славянскихъ». Неужели же она ниже словацкой или болгарской литературы? «Для Западной Европы она не можетъ представлять серьезнаго интереса, потому что не внесла въ общую сокровищницу ума ни одного сколько нибудь замѣтнаго вклада; ее изучаютъ только для ознакомленія съ русскимъ обществомъ». Не слишкомъ ли рѣзокъ такой приговоръ? Соглашаемся съ тѣмъ, что у насъ «отсутствуютъ условія, способствующія правильному росту общества», что мы страдаемъ «мыслелобзанью»; но развѣ на Западѣ свободомысліе было общою отличительною чертою писателей? Развѣ при Петрѣ I у насъ не было Посошкова, о которомъ г. Морозовъ и не упоминаетъ, при Екатеринѣ—Новикова и Радищева; во вторую четверть нынѣшняго столѣтія, этотъ «жестокій вѣдъ для мыслящихъ людей», по выраженію Пушкина, писали, кромѣ него, Грибоѣдовъ, Бѣлинскій, Тургеневъ, Герцекъ, потомъ Добролюбовъ, Чернышевскій, Некрасовъ, Салтыковъ. Всѣхъ ихъ называетъ г. Морозовъ и навѣрное не обвинить въ мыслелобзаніи. А еще сколько второстепенныхъ талантовъ, публицистовъ, историковъ онъ не называетъ вовсе. Серьезная литература ихъ почти не затронута, не названъ ни Пироговъ, ни Костомаровъ, ни одинъ писатель, занимавшійся разработкою социальныхъ вопросовъ. И неужели только съ этнографическою цѣлью Западная Европа переводить, звучаетъ Пушкина, Льва Толстаго, Достоевскаго? Вѣдъ даже въ эпоху Иосифа Волоколамскаго, поддерживавшаго абсолютнымъ московскихъ князей, Максимъ Грекъ, другъ Саванароллы, вставалъ противъ рабски-пассивнаго повиновенія, Курбскій опровергалъ ученіе Грознаго, что царь не долженъ слушать никакихъ совѣтниковъ и закономъ должна быть его воля. «Отверженныхъ» книгъ у нихъ было чуть ли не больше чѣмъ ортодоксальныхъ. Вѣдъ русская исторія не ограничивается ка-

рамзинскою «Исторію государства Россійскаго», и самъ же г. Морозовъ говоритъ, что наука въ послѣднее время обнаружила односторонность этого труда и замѣтила въ немъ отсутствіе главнаго дѣйствующаго лица исторіи — народа. Отчего же авторъ не хочетъ признавать и въ литературѣ существованія этого лица, конечно, въ смыслѣ интеллигентной, а не инертной массы, высказывающейся во всѣ эпохи, болѣе или менѣе ясно, противъ устарѣлыхъ учений, тормозящихъ всякое развитіе.

Статья профессора Кириичникова о драмѣ и французской исторіографіи въ средніе вѣка, о началѣ гуманизма въ Италіи — живы и занимательны. Въ обзорѣ новогреческой литературы говорится и объ археологіи и филологіи. Изданіе, очевидно, близится къ концу и остается только желать, чтобы, начатое въ слишкомъ широкихъ размѣрахъ, оно не сжало черезчуръ своей программы при изложеніи современной литературы.

В. З.

Ростовскій уѣздъ, Ярославской губерніи. Историко-археологическое и статистическое описаніе съ рисунками и картою уѣзда.

А. А. Титова. Москва. 1885.

Авторъ задался мыслію представить подробное описаніе всѣхъ селеній Ростовскаго уѣзда, помѣстивъ въ него относящіеся къ нимъ географическія, статистическія, историческія, археологическія и легендарныя данныя, которыя онъ почерпалъ изъ печатныхъ источниковъ, рукописей своей собственной богатой бібліотеки, свидѣній, сообщенныхъ ему учителями народныхъ школъ и настоятелями церквей уѣзда, и также собранныхъ лично во время многолѣтнихъ развѣдовъ по этой мѣстности. По своей полнотѣ и отчетливости, трудъ этотъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Книга г. Титова богата легендами, сохранившимися о разныхъ владѣтеляхъ селъ и деревень, входящихъ въ составъ нынѣшняго Ростовскаго уѣзда. Матеріалъ для того использованъ г. Титовымъ изъ «Ростовскаго лѣтописца», принадлежавшаго Петру Васильевичу Хлѣбникову, и изъ рукописей крестьянина Александра Яковлевича Артынова; А. Я. Артыновъ, дѣйствительный членъ ярославскаго статистическаго комитета, — замѣчательная личность въ своемъ сословіи. Семидесятилѣтній нынѣ старикъ, онъ съ давнихъ поръ сталъ списывать всѣ преданія и легенды о своей родинѣ, Ростовскомъ уѣздѣ, на сколько оставалось свободнаго времени отъ его кореннаго промысла, огородничества, въ подростовскомъ селѣ Угодичахъ. А. Я. Артыновъ нашелъ для такихъ занятій богатый матеріалъ въ рукописныхъ собраніяхъ любителей старины, въ Ростовѣ и Ярославѣ, И. И. Храилова, Е. В. Трехлѣтова, М. И. Маракуева, Ѳ. С. Шестакова и въ особенности П. В. Хлѣбникова, которому принадлежалъ «Ростовскій лѣтописецъ», неизвѣстно куда пропавшій послѣ его кончины. Полагаютъ, что эта замѣчательная рукопись сгорѣла во время пожара дома г. Хлѣбникова. «Ростовскій лѣтописецъ», форматомъ въ листъ, былъ писанъ мелкимъ полууставомъ и останавливался на царствованіи Ивана Грознаго. Вѣроятно, составитель этой лѣтописи былъ ростовецъ, человекъ, близкій къ княжескому дому, мѣстнымъ административнымъ учрежденіямъ, потому что въ подробности занимается бытомъ и исторіею преимущественно Ростова, ростовскаго княжескаго дома и подростовскихъ селеній. Редакторъ

«Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», О. Я. Никольскій, нынѣ умершій, имѣвшій возможность ознакомиться съ лѣтописью Хлѣбникова, говорить, что въ исторической части своей она заслуживаетъ полнаго довѣрія; но что относительно времени отдаленной, доисторической древности «Ростовскій лѣтописецъ» преисполненъ мѣрами и бредомъ, волшебниками, богатырями, красавицами и почти ничего не говоритъ о первобытныхъ обитателяхъ Ростовскаго края, мерянцахъ, и въ этомъ отношеніи не заслуживаетъ довѣрія.

Такъ какъ «Ростовскій лѣтописецъ» нынѣ исчезъ, повидимому, безъ слѣда, то нельзя не отнести къ особой заслугѣ А. Я. Артынова, что онъ своими выписками изъ этой рукописи сохранилъ для потомства многія историческія данныя, въ ней переданныя.

Въ числу легендъ или преданій, записанныхъ въ рукописи г. Артынова, г. Титовъ, напримѣръ, приводитъ рассказъ о селѣ Угодичахъ, первомъ по своей промышленности въ Ростовскомъ уѣздѣ, родинѣ г. Артынова: «Въ старину Угодичи носили названіе Угожи, въ честь какой-то баснословной княгини Вудиславы-Лой-Угоды, о которой сохранилась слѣдующая легенда. Вудислава была дочь ростовскаго князя Печегда, и за свою доброту, щедрость и услуги была прозвана Угодою. Въ то же время на Жегулевскихъ горахъ, близъ берега волшебника Жегуля, жилъ аттельскій царевичъ Крѣпкосила, который и былъ избавленъ отъ голодной смерти княземъ Печегдомъ, и за этого-то Крѣпкосила волшебникъ Жегуль и посовѣтовалъ Печегду выдать свою дочь Вудиславу. Мать послѣдней, княгиня Шула (дочь новгородскаго царя Мирграда), дала ей въ приданое свой новый теремъ, построенный на восточномъ берегу Ростовскаго озера и при рѣкѣ Воробиевкѣ, близъ Велесова камня ¹⁾, а Вудислава, сдѣлавшись его владѣлицею, около него построила множество домовъ, куда и помѣщала сиротъ, престарѣлыхъ людей и малолѣтнихъ дѣтей, отпуская имъ все продовольствіе изъ своего поставца. Смотря на это, настроили здѣсь лѣтнихъ жилищъ князя и бояре ростовскіе, которыхъ привлекали сюда рыбныя ловли, звѣриные и бобровые гоны, а также и тучныя приоверныя пастбища, гдѣ паслись ихъ многочисленныя стада. И вотъ, настроивъ жилищъ въ честь владѣлицы славнаго берега, Вудиславы-Лой-Угоды, и провали этотъ поселекъ Угожь. Съ этого времени селеніе Угожь постепенно возростало и, наконецъ, усмилось до того, что незадолго до призванія Рюрика имѣло своего князя—старѣйшину Русинь-Михея, нѣсколько независимаго отъ Ростова».

Сообщивъ баснословный рассказъ объ основаніи села Угодичъ со словъ сохранившагося преданія, г. Титовъ вслѣдъ за тѣмъ повѣствуетъ о его судьбахъ по историческимъ даннымъ, по сохранившимся о немъ документамъ. Такъ постукаетъ авторъ и относительно всѣхъ деревень и селъ Ростовскаго уѣзда, отводя и легендамъ, и несомнѣннымъ историческимъ фактамъ, связаннымъ съ ихъ существованіемъ, мѣсто въ своемъ почтенномъ трудѣ. Въ этомъ отношеніи онъ можетъ служить образцомъ для составленія подобныхъ же подробныхъ описаній другихъ уѣздовъ Россіи.

Немало интересныхъ свѣдѣній передано г. Титовымъ въ своей книгѣ о болѣе близкихъ къ нашей эпохѣ времени существованія поселеній Ростов-

¹⁾ По преданію, на этомъ камнѣ стоялъ идолъ Велесъ до перенесенія его въ Чудской конецъ Ростова. Въ настоящее время этотъ камень находится невдалекѣ отъ деревни Тряслово и имѣетъ въ длину 4 аршина, въ ширину два, а въ вышину отъ поверхности земли 2 $\frac{1}{2}$ аршина.

скаго уѣзда. Такъ въ 29 верстахъ отъ Ростова расположено село Капцево-Вогородское, донинѣ принадлежащее фамилии Воронцовыхъ-Дашковыхъ. Въ прошломъ столѣтїи въ немъ проживала сама владѣлица, знаменитая княгиня Е. Р. Дашкова, которую посѣтила въ ея помѣстьѣ императрица Екатерина, прїѣзжавшая въ Ростовъ на открытіе мощей святителя Дмитрія. За сто лѣтъ предъ симъ Капцево представляло изъ себя видъ города. Здѣсь, сверхъ господскаго огромнаго дворца, находящагося нынѣ въ развалинахъ, были звѣринецъ, парк, оранжерея, конскій и винный заводы, манежъ, а по дорогѣ къ Ростову до села Якимовскаго пролегалъ проспектъ, обсаженный на нѣсколько верстъ липами. Нынѣ отъ всего этого остались жалкіе слѣды, напоминающіе о прежнемъ величїи. Въ одной изъ полуразрушенныхъ залъ капцевскаго дворца, г. Титовъ открылъ слѣдующую надпись, сдѣланную, по всѣмъ даннымъ, въ послѣдніе годы, но весьма подходящую къ настоящему положенію вданїа:

«Въ молчанїи передо мною
Огромный замокъ надъ рѣкою
Стоитъ, какъ гровный исполинъ,
Среди испуганныхъ долинъ,
Бросая вдаль отъ башенъ тѣни.
Мимолудшіе вѣва
Не пощадили старика:
Его гранитныя ступени
Пустынный мохъ повеленилъ,
Увиты стѣны павилжкой,
Глѣздо на башнѣ филинъ свилъ
И стонетъ въ немъ такъ странно дико...

А можетъ быть, лѣтъ сто назадъ,
Онъ былъ одѣтъ въ другой нарядъ,
И флагъ цвѣтной съ гербомъ красиво
На башнѣ съ вѣтрами игралъ,
И свѣтъ веселья прихотливо
Отъ замка на рѣкѣ сверкалъ:
Тамъ все шумѣло, пировало,
Кипѣла жизнь въ чертогахъ сихъ
И пѣсня громкая звучала...
Но вѣкъ летитъ, какъ краткій мигъ!...

Вслѣдствіе такого рода подробностей, сообщаемыхъ авторомъ въ своей книгѣ, она читается съ интересомъ и не представляетъ сухаго перечня географическихъ, статистическихъ и историческихъ свидѣній ¹⁾.

II.

¹⁾ Къ труду г. Титова приложены: родословная князей ростовскихъ, составленная Ѳ. А. Бычковымъ-Ростовскимъ, однимъ изъ потомковъ князей ростовскихъ; административное дѣленіе Ростовскаго уѣзда; алфавитный указатель; рисунки, представляющіе села Угодичи, Порѣчье, Шестаково, Суздость, видъ Богоявленской церкви въ Угодичахъ, село Вевсицы, съ видомъ на городъ Ростовъ и его окрестности, погостъ Онуфріевскій, деревянную церковь Іоанна Богослова, чтѣ на Ишнѣ; подробная карта Ростовскаго уѣзда; планъ городца на рѣкѣ Сарѣ и планъ пустоши св. Марїи.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Книга о Средней Азии.—Англійскій миссіонеръ.—Афганскій вопросъ.—Хивинская экспедиція.—Замыслы о захватѣ и окатоличеніи Россіи.—Записки Гордона изъ Хартума.—Дневникъ Гордона въ Китаѣ.—Воспоминанія военнаго корреспондента.—Исторія шотландской реформаціи.—Суакимъ въ 1883 году.—Богатство Тонкина.—Ирландскій кризисъ.—Исторія древней философіи.—Письма госпожи Бонапарте.—Мемуары о вѣкѣ Людовика XIV.—Крестьянская война.—Биографія Штейна.—Двѣ книги о Фридрихѣ-Вильгельмѣ IV.

МЫ ГОВОРИЛИ недавно о книгѣ Генри Лансделя «Черезъ Сибирь». Познакомивъ своихъ соотечественниковъ съ этою частью Россіи, онъ предпринялъ путешествіе въ ея болѣе отдаленныя владѣнія и надіялъ издавать новые тома любопытныхъ очерковъ подъ названіемъ «Русская Центральная Азія, включая Кульджу, Бухару, Хиву и Мервъ» (Russian Central Asia, including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv). Появленіемъ этой книги въ настоящее время заинтересована не одна Англія, но и вся Европа, получающая теперь правильное понятіе о странахъ, о которыхъ такъ много говорятъ и которыя такъ мало знаютъ. Лансдель отправился въ далекое странствованіе изъ Петербурга, въ первыхъ числахъ іюня 1882 года, снабженный всевозможными рекомендаціями министра. На первыхъ же шагахъ въ Перми, онъ былъ арестованъ черезчуръ усердною полиціею, за раздачу по желѣзной дорогѣ подозрительныхъ брошюръ. Дѣло, впрочемъ, тотчасъ же объяснилось: полиція не знала, что Лансдель, какъ англійскій миссіонеръ, возитъ съ собою и раздаетъ евангелія и нравственные трактаты, и думала видѣть въ нихъ нигилистическія проповѣданія, появляющіяся подъ обложкою «Проповѣдей архіепископа воронежскаго»; а такъ какъ съ путешественникомъ было 30 ящиковъ книгъ, то

его нетрудно было заподозрѣть. Часть ихъ онъ роздалъ въ Кульджѣ; это было евангеліе на китайскомъ языкѣ; брошюры духовнаго содержанія на русскомъ языкѣ онъ раздавалъ въ Ташкентѣ и тюрьмахъ Туркестана. Въ Бухарѣ имѣлъ свиданіе съ ханомъ и просилъ его улучшить участь бухарскихъ евреевъ. Не смотря на то, что главная миссія его—спасеніе душъ языческихъ, Лансдель занимается и земными вопросами и, между прочимъ, описываетъ гаремъ хана; въ то же время онъ восхищается солдатами туркестанскаго отряда. Въ Хивѣ онъ купилъ такую цѣпь съ бирюзовою *cloisonné*, что лондонскіе ювелиры отказались сдѣлать даже ей подобную. До Мерва онъ не добѣгалъ, но сдѣлалъ, вестакм, 12,000 миль въ 179 дней и половину ночей спалъ, не раздѣваясь. О русскомъ управленіи онъ отзывался съ похвалою, не исключая тюремнаго, представляемаго многими туристами въ печальномъ видѣ. Въ Омскѣ тюрьма отличается необыкновенной чистотою снаружи и внутри; въ Семипалатинскѣ на религиозныя потребности заключенныхъ обращено особенное вниманіе; въ библиотекѣ крѣпости Вѣрной — богатый выборъ духовныхъ книгъ; въ Ташкентѣ тюрьма расположена въ прохладномъ паркѣ и арестантовъ кормятъ превосходно, въ самаркандской тюрьмѣ прекрасная вентиляція и нечистоты сжигаются. Все это Лансдель видѣлъ своими глазами и подтверждаетъ, что въ русскихъ тюрьмахъ съ заключенными обходится вполне гуманно. Этнографическіе, естественно-историческіе и географическіе свѣдѣнія немного въ книгѣ Лансделя, такъ какъ главная цѣль его путешествія—осмотръ тюремъ и госпиталей и раздача язычникамъ 13,000 брошюръ религіознаго содержанія на монгольскомъ, арабскомъ, турецкомъ, персидскомъ, китайскомъ, еврейскомъ, славянскомъ, польскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Встрѣчаются у автора и живописныя картины мѣстностей, какъ, напримѣръ, озера Иссык-Куль, крѣпости Вѣрной и др. Послѣ книги Шюйлера, Лансдель представилъ лучшее описаніе этихъ магометанскихъ странъ.

— Въ виду совершающихся событій въ Средней Азій, Деметрій Боульджеръ собралъ въ одинъ томъ статьи свои по этому предмету, разбѣяныя въ періодическихъ изданіяхъ, издавъ его подъ заглавіемъ «Центрально-азіатскіе вопросы» (*Central-Asian questions*). Двадцать четыре статьи объ Афганистанѣ, Китаѣ, Средней Азій, вошедшія въ составъ книги, написаны въ равное время, начиная съ 1878 года, но всѣ проникнуты страхомъ передъ «захватами сѣвернаго колосса» и недовѣріемъ къ его миролюбивымъ, уснокоятельнымъ обѣщаніямъ. Авторъ настаиваетъ на сохраненіи территориальныхъ владѣній Афганистана въ ихъ нынѣшнемъ объемѣ, хотя бы силою оружія. По его мнѣнію, границы Индіи защищаютъ не только Кандагаръ, но и Герать. Боульджеръ утѣшаетъ только то, что пріобрѣтенія Россіи въ Азій не стоятъ сдѣланныхъ для нихъ пожертвованій и что присоединеніе Мерва раззорительно для Россіи. Авторъ возстаетъ также противъ субсидій афганскому эмиру, противъ договоровъ съ нимъ столько же бесполезныхъ, какъ и проведеніе афганской границы. Есть у него статья, носящая заглавіе «Что же послѣ Мерва?» Китаю, по его мнѣнію, предстоитъ играть важную роль въ политическихъ переворотахъ Средней Азій и столкновеніе его съ Россіей неизбежно. «Захватъ Франціей Индо-Китаю непроченъ и афемеренъ. Еще Тамерланъ говорилъ: «Китай и Туркестанъ не могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга: чтобы владѣть послѣднимъ, я долженъ захватить первый». То, что дефицитъ Туркестанскаго края простирается до значительной суммы, дока-

зываетъ, что Россія не удовольствуется захватомъ трехъ ханствъ, а будетъ стараться вознаграждать свои издержки въ Индіи. Всѣ эти сужденія не новы, но мнѣнія Боульджера раздѣляются очень многими въ Англіи, и потому книга его производитъ сильное впечатлѣніе.

— Интересъ ко всему, что происходитъ въ Средней Азіи, побудилъ перевести на англійскій языкъ книгу поручика Гуго Штумма «Der Feldzug nach Chiva», появившуюся уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Теперь она вышла подъ названіемъ «Россія въ Центральной Азіи: Хивинская экспедиція» (Russia in Central Asia: the expedition to Chiva). Штумму было разрѣшено принять участіе въ экспедиціи, которую онъ описалъ какъ очевидецъ, предпославъ своему очерку исторію русскихъ завоеваній въ этой части свѣта, со времени Петра Великаго. Авторъ начинаетъ свой очеркъ съ приготовленій къ походу и даетъ много мѣста географическимъ и этнологическимъ свѣдѣніямъ, перечисляя всѣ пріобрѣтенія Россіи въ Азіи до 1876 года. Устарѣли только свѣдѣнія, относящіеся къ описанію военныхъ округовъ кавказскаго, оренбургскаго и туркестанскаго 1873 года. Въ книгѣ приложена отчетливая карта постепеннаго распространенія русскихъ владѣній въ Центральной Азіи.

— Въ историческомъ сочиненіи о Россіи относится книга іезуита Пирлинга «Папскій престолъ, Польша и Москва въ 1562 — 1587 году» (Le Saint Siège, la Pologne et Moscou). Авторъ напалъ въ ватиканскомъ архивѣ любопытную переписку между паномъ, Стефаномъ Ваторіемъ, іезуитомъ Посевинномъ и Замойскимъ, относящуюся къ планамъ польскаго короля воспользоваться жалкимъ положеніемъ Россіи въ концѣ царствованія Ивана Грознаго и въ первые три года правленія Федора. Ваторій намѣревался присоединить Московское государство къ Польскому королевству, а Григорій XIII и его преемники—вести въ Россію католицизмъ. Эти замыслы прикрывались переговорами о союзѣ европейскихъ христіанскихъ народовъ для покоренія и изгнанія турокъ изъ Европы. Переписка Ваторія явно обнаруживаетъ его настроенія, прикрытыя благонамѣреннымъ предлогомъ, и кто знаетъ, какой исходъ имѣли бы они, если бы преждевременная смерть не поразила этого энергичнаго короля.

— Сильное впечатлѣніе произвело въ Англіи появленіе «Записокъ генералъ-майора Гордона изъ Хартума» (The journals of major-general Gordon at Kartoum). Вся англійская печать признаетъ важное значеніе этой книги, «положительно единственной въ своемъ родѣ», по словамъ Morning Post и которую «прочтутъ поколѣнія всего земнаго шара, говоряща поанглійски», какъ выражается Times. «Эта оригинальная и глубоко интересная книга (Daily Telegraph) будетъ занимать вѣчное мѣсто въ литературѣ (Standard)». Daily News видитъ въ ней «поразительный памятникъ неистощимой энергіи и благочестія знаменитаго автора», Pall Mall—«характеристическое произведеніе, полное болѣзненнаго интереса». Athenaeum говоритъ: «нельзя не быть благодарнымъ за обнародованіе этихъ драгоценныхъ записокъ: на англійскомъ языкѣ нѣтъ другой исторіи такой героической защиты». «Теперь только,—прибавляетъ Observer,—мы можемъ вполне оцѣнить настоящее величіе характера Гордона». Наконецъ St. James Gazette утверждаетъ: «никто не прочтетъ этой книги безъ чувства гордости, что нашъ вѣкъ и наша нація произвели человѣка такого закала (mould)». Всѣ эти отзывы совершенно понятны съ англійской точки зрѣнія, и появленіе записокъ во всякомъ случаѣ

дѣляетъ большую честь либеральному министерству Гладстона, безъ малѣйшаго затрудненія разрѣшившему печатаніе книги, служившей жестокииъ укоромъ этому министерству, допустившему погнѣнуть челоуѣку, признаваемому героемъ всею націею. Смерть генерала, павшаго подъ ножами убійцы и выводъ войскъ изъ Судана, вмѣсто отмщенія за эту смерть, были скорѣе причиною паденія Гладстона, нежели его нерѣшительная полетика въ афганскомъ вопросѣ. Издатель записокъ, двоюродный братъ генерала, говоритъ, что изъ нихъ исключены только семь страницъ, «не имѣющихъ общественнаго интереса», да замѣнены точками нѣсколько собственныхъ имей, и безъ того извѣстныхъ всякому, кто слѣдитъ за современными событіями. Athenaeum признаетъ, что Гладстонъ имѣлъ право вовсе не разрѣшить печатанія сочиненія, основаннаго на перепискѣ съ правительствомъ и на официальныхъ документахъ по текущимъ событіямъ, которыя не могутъ еще служить предметомъ публичнаго обсужденія. Но, уважая свободу печати, министръ свободной страны и не подумалъ останавливать книги, оуждавшей и его самого, и все правительство. Athenaeum сравниваетъ защиту Хартума Гордономъ отъ вѣнскихъ и внутреннихъ враговъ съ защитою Силистріи Вотлеромъ и Насмитомъ въ 1854 году, Карса—генераломъ Вильямсомъ и говоритъ, что въ положеніи этихъ англійскихъ защитниковъ чужихъ крѣпостей не было ничего похожего на подвигъ Гордона, который говоритъ самъ, что въ самомъ Хартумѣ онъ не могъ положиться ни на одного челоуѣка, тогда какъ крѣпость была окружена огромными полчищами непріятели. Четыре послѣдніе мѣсяца, не имѣя подлѣ себя ни одного англійскаго офицера, Гордонъ долженъ былъ бороться съ трусами, измѣнниками, фанатическими невѣждами или негодяями и грабителями. Можно себѣ представить, что онъ долженъ былъ вынести въ самое послѣднее время передъ паденіемъ Хартума! Записки оканчиваются 14 декабря прошлаго года. Продолженіе ихъ было послано въ Лондонъ съ адъютантомъ Гордона Стюартомъ, убитымъ на дорогѣ суданцами, причемъ были похищены и всѣ бумаги, находившіяся потомъ у Махди, также какъ и захваченныя въ Хартумѣ, послѣ смерти Гордона. Поэтому есть еще надежда отыскать продолженіе записокъ. Но и то, что издаю теперь, полно живѣйшаго интереса. Бѣдный генералъ, оставленный правительствомъ, предвидѣлъ свою участь,—и удивляясь сначала медленности, съ какою Англія готовила экспедицію для его освобожденія, жаловался потомъ на непостижимые маневры Уольслея, нисколько не спѣшившаго идти къ Хартуму. Гордонъ подъ конецъ пересталъ уже убѣждать министерство въ возможности защищать городъ съ сорокатысячнымъ населеніемъ, враждебнымъ европейцамъ и симпатизирующимъ Махди, и говоритъ прямо, что вся «суданская война будетъ бесплодна и не поддержитъ престижа Англіи».

— Въ виду популярности, окружающей Гордона, Массманъ выпустилъ въ свѣтъ второе «умноженное» изданіе «Частнаго дневника Гордона о его подвигахъ въ Китаѣ» (General Gordon's private diary of his exploits in China). Дневникъ этотъ составленъ по нѣсколькимъ письмамъ Гордона изъ Китая и по книгѣ Вильсона о томъ же предметѣ. Это не болѣе какъ книгопродавческая спекуляція, не дѣлающая чести издателю, который въ то же время и редакторъ газеты «North China Herald». Ничего новаго въ исторію усмиренія тайпинговъ Гордономъ не вноситъ эта компіляція, отъ которой слѣдуетъ предостеречь всякаго, кто поинтересуется заглавіемъ книги.

— Свои воспоминанія издалъ также извѣстный публицистъ и военный

корреспондентъ Арчибальдъ Форбесъ, подъ названіемъ «Souvenirs of some continents». Первый очеркъ этого интереснаго сборника посвященъ Скобелеву, о которомъ авторъ не сообщаетъ, однако, ничего, что не было бы уже извѣстно прежде. Любопытенъ рассказъ о томъ, какъ Форбесъ сдѣлался военнымъ корреспондентомъ въ 1870 году, когда былъ посланъ безъ денегъ издателемъ газеты Morning Advertiser сообщать свѣдѣнія о франко-прусской войнѣ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ сдѣлался корреспондентомъ Daily News, и съ тѣхъ поръ началась его извѣстность. Письма его отличались правдивостью, прекраснымъ языкомъ, но далеко не со всѣми его мнѣніями можно было согласиться. Такъ онъ представляеть маршала Базена простодушнымъ, честнымъ героемъ, основываясь на его собственныя записки, а не на показанія исторіи. Базена также очень хвалилъ Форбесу сынъ Наполеона I, въ то время, когда они оба участвовали въ походѣ противъ зулусовъ, но мнѣніе молодого принца далеко не авторитетъ. Форбесъ относится черезчуръ пристрастно и къ Уэльслею, военныя дарованія котораго также очень сомнительны. Но въ общемъ—воспоминанія его читаются съ большимъ интересомъ.

— При появленіи историческихъ сочиненій часто достаточно ознакомиться съ ихъ источниками и съ именемъ автора, чтобы судить о томъ, въ какомъ духѣ они составлены. Такъ «Рассказы о шотландскихъ католикахъ при Маріи Стюартъ и Яковѣ VI» (Narratives of scottish catholics under Mary Stuart and James VI), извлеченные изъ документовъ тайнаго архива въ Ватиканѣ и обнаруженные іезуитомъ Форбесъ-Лейтомъ, хотя и содержатъ въ себѣ исторію шотландской реформаціи, но съ іезуитской точки зрѣнія. Хотя авторъ и сознается въ томъ, что католическіе прелаты въ Шотландіи не отличались евангелическими добродѣтелями, но представляютъ ихъ гонителей, пресвитеріанцевъ, еще въ худшемъ свѣтѣ, обвиняя ихъ въ томъ, что они едва позволили королевѣ Маріи, по прибытіи ея изъ Франціи, слушать обѣданіе въ церкви своего дворца; папскаго легата она должна была принимать тайкомъ и не смѣла дать ему охранной грамоты. Но все это объяснялось скорѣе политическими, чѣмъ религіозными обстоятельствами того времени. Не смотря на односторонность автора, въ книгѣ много новыхъ фактовъ, не лишеныя значенія.

— «Суакимъ въ 1885 году, очеркъ кампаніи этого года, составленный бывшимъ тамъ офицеромъ» (Suakim, 1885: being a sketch of the campaign of this year; by an officer, who was there)—такъ назвать неизвѣстный авторъ любопытныя замѣтки о недавнихъ событіяхъ, въ которыхъ такъ много страннаго и неожиданнаго. Напримѣръ, авторъ утверждаетъ, что очень многіе солдаты, отправленные на войну въ Суданъ, не умѣли вовсе стрѣлять. Османъ-Дигма — французъ, по имени Жоржъ Вине, и воспитывался сначала въ Руанѣ, потомъ въ Парижѣ. Отецъ его, пріѣхавшій въ Александрію искать счастья, вскорѣ умеръ, а мать вышла за арабскаго купца, по имени Османъ-Дигма. Вотчимъ полюбилъ ребенка, сдѣлалъ его мусульманиномъ и отдалъ въ каирскую школу, гдѣ мальчикъ былъ товарищемъ Араби-паши. Османъ торговалъ въ Суакимѣ невольниками и оставилъ это занятіе въ наслѣдство своему пасынку, вмѣстѣ съ своимъ иженемъ. Въ 1882 году, молодой Османъ-Дигма сдѣлался главнымъ помощникомъ Махди и заклятымъ врагомъ англичанъ. Въ одноиъ сраженіи онъ потерялъ лѣвую руку, что не мѣшаетъ ему храбро сражаться, но всегда пѣшкомъ, такъ какъ сильныя раны не позволяютъ ему сѣсть на лошадь. Съ мая 1884 по февраль 1885 года, въ суа-

кимскомъ гарнизонѣ вышло изъ строя, не въ сраженіяхъ, а по причинѣ болѣзни или смерти 1,400 человекъ; отъ августа до октября заболѣвало въ войскѣ 20 процентовъ. Подобныхъ замѣтокъ немало въ книгѣ, отыскающейся очень невыгодно о планахъ и дѣйствіяхъ англійскихъ начальниковъ, но отдающей справедливость терпѣнію и храбрости солдатъ.

— О новомъ колониальномъ приобритеніи Франціи — Тонкинѣ, выходитъ немало книгъ, но едва ли не лучшая составлена Вишофомъ и Савиньѣ подъ названіемъ «Богатства Тонкина» (*Les richesses de Tong-kin*). Показавъ значеніе Франціи съ колониальной точки зрѣнія, авторы доказываютъ, что Красная рѣка—единственная коммерческая артерія южныхъ провинцій Китая. Поэтому, объяснивъ географическое и этнографическое положеніе Тонкина и рассказавъ исторію его завоеванія, книга говоритъ подробно о промывденіяхъ страны, состояніи путей сообщенія, центрахъ торговли, предметахъ ввоза и вывоза, стоимости равнаго рода продуктовъ, о добываніи риса, хлопка, шелка, опиума, чая, сахара и т. п. Это настоящій руководитель по Тонкину—коммерческій, промышленный, земледѣльческій, административный, полная, подробная картина страны, способная привлечь многочисленныхъ переселенцевъ. Книга не говоритъ только о климатѣ, убійственномъ для европейцевъ, и о томъ, что, прибывъ въ страну съ торговой или промышленной цѣлью, они встрѣтятъ такихъ страшныхъ конкурентовъ въ китайской расѣ, привыкшей довольствоваться малымъ, питающейся горстью риса и получающей самое ничтожное вознагражденіе за каторжный трудъ. Эти условія дѣлаютъ весьма сомнительнымъ процвѣтаніе европейской колонизаціи въ Индо-Китаѣ, гдѣ туземцы вбиваютъ безъ состраданія даже своихъ соотечественниковъ, обращающихся въ христіанство, какъ недавно въ Аннамѣ, гдѣ въ одно восстаніе вырѣзали десять тысячъ новообращенныхъ неофитовъ.

— Эдуардъ Герве надалъ исторію «Ирландскаго кризиса съ конца XVIII вѣка до нашихъ дней» (*La crise irlandaise depuis la fin du XVIII siècle jusqu'à nos jours*). Три важныхъ вопроса, втеченіе цѣлаго вѣка, одинъ за другимъ или одновременно волновали Ирландію: вопросъ о законодательной автономіи, о религіозной свободѣ и, наконецъ, вопросъ аграрный. О послѣднемъ явилось недавно обстоятельное сочиненіе Поля Фуриье, но болѣе съ юридической, нежели съ исторической точки зрѣнія, тогда какъ Герве рассматриваетъ, какъ историкъ, причины политическихъ и религіозныхъ волненій несчастнаго острова. Онъ излагаетъ подробно дѣйствія вождей агитаціи: Фитцджеральда, Гриттона, О'Коннеля, О'Бриена, О'Магомея и Паррелла, даже динамитчика О'Россы; явную оппозицію парламентскихъ ораторовъ и тайную пропаганду партіи «необходимыхъ», шаткую политику правительства, намѣнявшуюся, смотря по тому, либералы или консерваторы стояли во главѣ правленія. Ирландія не приобрѣла автономіи ни восстаніями 1798 и 1848 года, ни убійствами въ Фениксъ-паркѣ, ни взрывами Тоуэра и Вестминстера; но не смотря на страшныя бѣдствія, постигшія страну, на нищету и едва выносимое положеніе ея обитателей, она стремится не только имѣть свой парламентъ, но вовсе отдѣлиться отъ Англіи, угнетающей ее самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Выводъ изъ книги тотъ, что политическіе интересы Англіи никогда не позволятъ ей дать полную независимость Ирландіи, а силою она ее никогда не добьется. Все, чего она можетъ ожидать, при самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ,— это такого же соединенія съ Англіей, какое существуетъ между Австріей и Венгріей.

— Профессоръ Шарль Венаръ издалъ «Всеобщую исторію древней философіи и ея системъ» (*La philosophie ancienne. Histoire générale de ses systèmes*). Авторъ не только излагаетъ подробно ученіе іонійской школы, пифагорейцевъ, элеатовъ, атомистовъ, Сократа, софистовъ, Эвклида Мегарскаго Антисеена, Аристиппа, — онъ обсуждаетъ оцѣнку этихъ системъ, сдѣланную его предшественниками, писавшими объ исторіи философіи; онъ не соглашается часто даже съ такими авторитетами по этому предмету, какъ Целлеръ, Юбервегъ, Теннеманъ. Волѣ трети сочиненія посвящено опроверженію защитниковъ системы софистовъ. Сравнивая ученіе древнихъ съ идеями современныхъ философовъ, авторъ недостаточно развиваетъ это сходство и различіе и уже слишкомъ опредѣлительно причисляетъ къ противникамъ философіи, не признающимъ ее за науку, такихъ писателей, какъ Ренанъ, Ренувье, Шальмель-Лакуръ, Секретанъ. Называть ихъ только дилетантами, виртуозами — значитъ не выкапывать въ смыслъ ихъ сочиненій, не различать литераторовъ отъ мыслителей. Скантицизмъ, хотя бы одного Ренана, долженъ быть истолкованъ не иначе какъ съ философской точки зрѣнія.

— Не лишены интереса «Жизнь и письма госпожи Бонапарте» (*La vie et les lettres de M-me Bonaparte*). Письма эти были первоначально изданы на англійскомъ языкѣ и теперь являются на французскомъ, вмѣстѣ съ подробностями о жизни этой первой жены Жерома Бонапарте, которому его всевластный братецъ приказалъ развестись, не желая имѣть въ своей августѣйшей фамиліи простую гражданку Сѣверо-Американскихъ штатовъ. О г-жѣ Патерсонъ сожалѣли, какъ и о разведенной женѣ самого Наполеона, Жозефинѣ, какъ о его изгнанномъ братѣ Лудвигѣ, какъ обо всѣхъ родственникахъ императора, которыхъ онъ приносилъ безъ жалости въ жертву своему тщеславію. Правда, всѣ эти преслѣдуемыя особы не отличались ни дарованіемъ, ни характеромъ, ни интеллигенціею, но онѣ были гонимы, — и этого достаточно для того, чтобы исторія приняла ихъ подъ свое покровительство. Императоръ называлъ г-жу Патерсонъ авантюристкой, но это также несправедливо, хотя ея письма доказываютъ, что особеннаго участія она не заслуживала: въ нихъ видна довольно ограниченная жѣлчанка, желавшая пробиться въ высшее общество, завидующая всѣмъ, у кого есть титулы и въ особенности богатства. Если она старалась дать хорошее воспитаніе своему сыну, то для того только, чтобы онъ сдѣлалъ въ больномъ свѣтѣ карьеру и выгодно женился. Она только и толкуетъ о хорошихъ партіяхъ, доходныхъ предпріятіяхъ, полезныхъ связяхъ. Эгоизмъ, холодное отношеніе ко всему, что не касается ея интересовъ, безсердечіе, тщеславіе проглядываютъ въ каждомъ ея письмѣ, и надо удивляться, почему императоръ, совершенно похожій на нее по своимъ чувствамъ и взглядамъ на вещи, считалъ ее недостойною принадлежать къ своему семейству.

— Вышелъ четвертый томъ «Мемуаровъ маркиза де Суршъ въ царствованіе Людовика XIV» (*Mémoires du marquis de Sourches sous le règne de Louis XIV*), съ которыми необходимо справляться всѣмъ, кто занимается французскою исторіею XVII вѣка. Нынѣ вышедшій томъ, какъ и прежніе, изобилуетъ любопытными анекдотами о дворѣ и городѣ, извѣстными изъ Париза и провинціи, даже изъ чужихъ краевъ за время отъ начала 1692 года до половины 1696 года. Мемуары во многомъ дополняютъ извѣстныя записки Дажо, и маркизъ де Суршъ во многомъ гораздо правдивѣе льстиваго придворнаго, представлявшаго свой дневникъ королю, тогда какъ маркизъ даже не собрался печатать своихъ мемуаровъ, а писалъ для собственнаго удоволь-

ствія, рисуя вѣрные портреты хорошо знакомыхъ ему вельможъ. Мѣткія характеристики и правильно оцѣенныя происшествія придаютъ большое значеніе мемуарамъ, составляющимъ важное пособие для исторіи того времени.

— Полной, строго критической исторіи крестьянской войны нѣтъ и на нѣмецкомъ языкѣ, но очеркъ ея въ юго-западной Германіи, изданный Гартфельдеромъ подъ названіемъ: *Zur Geschichte des Bauernkrieges in Südwest Deutschland*, — заслуживаетъ вниманія во многихъ отношеніяхъ. Авторъ этого труда ограничивается наложеніемъ событій только въ долину верхняго Рейна и окрестныхъ мѣстностяхъ. Событія эти во многомъ противорѣчатъ прежнимъ извѣстіямъ: Такъ, авторъ нашелъ, что весь 1525-й годъ прошелъ не въ военныхъ дѣйствіяхъ, а въ переговорахъ. Онъ представляетъ также критическую оцѣнку первыхъ историковъ крестьянской войны, патера Гарера и Георга Шварцберга, брата Меланхтона. Особенно подробно разработаны имъ событія въ южномъ и среднемъ Эльзасѣ, — роль, какую играли въ немъ герцогъ Антонъ Лотарингскій, — происшествія въ Пфальцскомъ курфюршествѣ, Шпейерскомъ епископствѣ и на югѣ Баденскаго маркграфства; въ Ортенау, гдѣ движеніе началось еще съ 1514 года, графы Лихтенбергскій и Цвейбрюкенскій, заключивъ договоръ съ крестьянами, спокойно заявили потомъ, что не желаютъ исполнять его. Не смотря на всѣ жестокости дворянъ, доводившія крестьянъ до отчаянія, движеніе удалось потушить и дѣло кончилось, по словамъ летописца, тѣмъ, что «не хотѣвшихъ восить тачки, запрягли въ воны».

— Не смотря на то, что о знаменитомъ патріотѣ Штейнѣ на нѣмецкомъ языкѣ написано много сочиненій, между которыми выдается капитальный трудъ Пертца и популярный Ваура, нѣмцы перевели сочиненіе кембриджскаго профессора новой исторіи Силея и издали подъ названіемъ «Штейнъ, его жизнь и его время» (*Stein, sein Leben und seine Zeit*). Англійскій историкъ воспользовался всѣми источниками, относящимися до его предмета и появившимися въ послѣднія тридцать лѣтъ послѣ книги Пертца. Такимъ образомъ Силей имѣлъ возможность обрисовать симпатичный образъ великаго государственнаго дѣятеля еще яснѣе и подробнѣе. Книжка вышедшій томъ оканчивается 1808 годомъ, въ концѣ котораго Штейнъ оставилъ министерство, далеко не довершивъ всего, что готовилъ для благосостоянія отечества.

— О Фридрихѣ-Вильгельмѣ IV въ послѣднее время вышло также нѣсколько замѣчательныхъ сочиненій, какъ, напримѣръ, Альфреда Реймонта: «Изъ здоровыхъ и больныхъ дней короля Фридриха-Вильгельма IV», гдѣ король разсматривается съ исторической и эстетической точки зрѣнія, а не съ политической. Этой стороны касается Вагенеръ въ своей «Политикѣ Фридриха-Вильгельма IV» (*Die Politik Friedrich Wilhelm IV*) и въ его же запискахъ изъ временъ отъ 1848 до 1866 года и отъ 1873 года до настоящаго времени, изданныхъ подъ названіемъ «Пережитое» (*Erlebtes*). Съ 1844 года Вагенеръ былъ довѣреннымъ лицомъ министра графа Штальберга — Вернигероде и оберъ-президента Зенфта, и потому могъ сообщить о королѣ вѣрные и подробныя свѣдѣнія. Авторъ оправдываетъ, между прочимъ, двусмысленное положеніе короля во время крымской войны. Отъ 1866 до 1873 года, авторъ былъ членомъ государственнаго министерства и, какъ истинный чиновникъ, не говоритъ ничего объ этомъ времени въ своихъ запискахъ; какъ редакторъ «*Kreuzzeitung*» онъ твердо стоялъ за прерогативы королевской власти. Въ запискахъ его можно найти любопытныя черты его времени.

СМѢСЬ.

ТЫРЫТИЕ Радищевскаго музея. 29-го іюня, въ Саратовѣ происходило торжественное освященіе и открытіе вновь отстроеннаго Радищевскаго музея, учрежденнаго профессоромъ А. П. Боголюбовымъ. Во время акта открытія много было произнесено рѣчей. Начальникъ губерніи объяснилъ высоко художественную цѣль основанія музея; попечитель прочиталъ историческую записку объ устройствѣ зданія для музея, причѣмъ наложилъ подробно всѣ преграды и столкновенія, какія имѣло это дѣло на своемъ пути. Н. П. Боголюбовъ разсказалъ присутствовавшимъ біографію своего знаменитаго дѣда, А. П. Радищева, въ честь котораго наименованъ музей; затѣмъ А. П. Боголюбовъ объяснилъ, что настоящій музей, какъ по полнотѣ коллекцій, такъ и цѣнности ихъ — первый въ Россіи, кромѣ Москвы и Петербурга, и выразилъ желаніе, чтобы при музеѣ скорѣе была открыта школа живописи и рисованія, которая имѣетъ быть филиальнымъ отдѣленіемъ петербургской школы барона Штиглица. Во время обѣда посланы были телеграммы президенту академіи художествъ и многимъ высокопоставленнымъ лицамъ. Въ музей, кромѣ коллекцій Боголюбова и вещей, пожертвованныхъ разными лицами, вошли еще подарки государя изъ Эрмитажа и съ императорскихъ гранильнаго и стекляннаго заводовъ, такъ что, дѣйствительно, музей представляется довольно полнымъ и разнообразнымъ. Здѣсь много фотографій, въ числѣ которыхъ портреты членовъ императорской фамиліи, съ собственноручными ихъ надписями; это подарки А. П. Боголюбову въ память путешествія по Волгѣ покойнаго цесаревича Николая и нинѣ царствующаго государя. Затѣмъ слѣдуютъ богатые коллекціи бронзы, старой и новой, европейской, китайской и японской; отдѣлъ старинной и новой мебели также разнообразенъ и заслуживаетъ вниманія. Далѣе слѣдуютъ коллекціи фарфора и фаянса; немало сарвскаго стараго фарфора, живописи на фаянсѣ — Пахитонова, Боголюбова, Рилье, Шиндлера, Рѣпина и др. Далѣе идутъ гобелены и ковры различныхъ работъ — нѣмецкой, персидской, бухарской, смирнской, туркменской и проч. Взаключеніе, въ особой внитринѣ обращаетъ вниманіе богатѣйшая коллекція древнихъ и но-

выхъ монеть. Г. Боголюбовъ остался весьма доволенъ самымъ зданіемъ музея и высказалъ, что отдѣлка зданія превзошла его ожиданія; особенно роскошна лѣстница, ведущая прямо изъ подъѣзда въ главныя залы музея. Музей открытъ для публики пять разъ въ недѣлю, включая понедѣльникъ и субботу; по воскресеньямъ и четвергамъ входъ бесплатный, а въ остальные три дня съ платою по 15 коп. Въ день открытія музея, его посѣтила масса публики.

Памятникъ погибшимъ на пароходѣ «Веста». Въ Севастополѣ, 11-го іюля, открытъ памятникъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ, убитымъ и умершимъ отъ ранъ, полученныхъ въ бою парохода «Веста» съ турецкимъ броненосцемъ «Фехт-Булендъ», 11-го іюля 1877 года. Съ утра у Графской пристани плавали катеры и частныя лодки, подвозившія массу народа и военныхъ къ Михайловскому кладбищу, гдѣ были сдѣланы всѣ приготовления къ освященію и открытію памятника. На мѣсто торжества собрались: севастопольскій градоначальникъ, командиръ военного корвета «Память Меркурія», офицеры «Весты» и стоящихъ въ портѣ военныхъ судовъ, баталіонъ отъ мѣстныхъ войскъ, матросы всѣхъ стоящихъ въ портѣ военныхъ судовъ и много публики. Херсонскій архимандритъ совершилъ панихиду по усопшимъ. Ружейнымъ залпамъ вторили пушечные выстрѣлы. Памятникъ павшимъ героямъ «Весты» представляеть подобіе георгіевскаго креста, украшеннаго небольшими крестами, по одному на каждой сторонѣ; на двухъ крестахъ начертаны фамиліи и имена убитыхъ и умершихъ отъ тяжелыхъ ранъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Выступы крестовъ поддерживаются въ основаніи пушечными дулами. На небольшой высотѣ отъ фундамента памятника въ послѣдній вдѣланъ рядъ пушечныхъ ядеръ, охватывающій памятникъ, который окруженъ цѣпями, опирающимися на большіе якоря.

Раскопки въ Крыму. Въ мѣстности древняго Херсона, въ 1884 году, произведены раскопки, оказавшіяся по отношенію къ находкамъ монеть и другихъ предметовъ гораздо удовлетворительнѣе, чѣмъ въ прошлые годы. Раскопки производились во второмъ кварталѣ, на лѣвой сторонѣ отъ Большой улицы, отъ памятника Аристова къ сѣверо-западу до церкви съ бывшимъ мозаичнымъ поломъ, на берегу моря и затѣмъ въ третьемъ кварталѣ. При этомъ окончательно разработаны: первое полотно и на второмъ полотнѣ квартала одна комната съ погребомъ, по длинѣ 4 сажень, ширинѣ 2 сажень и глубинѣ 1 сажень и подвальный ярусъ, выбитый изъ самороднаго камня до 4 аршинъ глубины; на томъ же полотнѣ галлерей и отдѣльный залъ по улицѣ, ведущей къ берегу моря; тамъ же четыре комнаты, большая цистерна, шесть дверныхъ отверстій и три небольшія цистерны. Въ третьемъ кварталѣ очищенъ весьма глубокой и просторный погребъ, высѣченный въ скалѣ, служившій, какъ оказалось, гробницей. Сверхъ того, очищена могильная пещера, открытая случайно около древнихъ стѣнъ внутри города. Во время производства работъ во второмъ кварталѣ найдено одновременно болѣе 20 монеть и слѣдующіе предметы: металлическій погремокъ отъ кадила, часть мѣднаго зубо-вынимательнаго ключа изъ красной мѣди, мѣдная гиря въ одинъ золотникъ вѣсу, черепаший наперстокъ, черепашая фигура въ видѣ курляндцы, мраморный пьедесталъ, черепаший кувшинъ, стеклянная крышечка съ ручкой, поддонъ отъ слезника, перстень оловянный мужской, стеклянное блюдо, кусокъ окаменѣлаго дерева, черепашая лампочка, небольшая бронзовая литая статуетка, бронзовая пряжка и бронзовая дутая пуговица, вылитый или выбитый на серебрѣ образокъ, бронзовая литая статуетка, бронзовое ручное кольцо, мраморная статуйка Венеры безъ головы и шеи, невазальной работы, съ цѣпнымъ при ней купидономъ, два небольшіе конца шерстяной тесьмы съ серебряными крайними полосками и кувшинъ. Въ упомянутомъ выше погребѣ съ 12 ведущими внизъ ступенями найдены шесть человѣческихъ череповъ и кости, мраморная колонка въ 1 аршинъ вышины и два пьедестала,

нѣсколько небольшихъ кусковъ мрамора и ломаныхъ стеклянныхъ браслетъ, два мѣдные перстни, двѣ черепашия лампочки, небольшая пластинка золота и болѣе 100 монетъ. Судя по находенію погребѣ внутри строенія и въ центрѣ города и по открытымъ въ немъ монетамъ древнѣйшаго и позднѣйшаго періода, слѣдуетъ предположить, что онъ принадлежитъ древнѣйшему Херсонесу и былъ засыпанъ мало-по-малу, окончательно же въ XI столѣтіи нашей эры. Между 87 монетами изъ этой находки, одна оказалась съ бычьею головкой и одна съ именемъ Мойрія, кромѣ 34 византійскихъ, и, сверхъ того, свинцовая печать, принадлежавшая Георгію Касидику, по всей вѣроятности, XI столѣтія. Въ пещерѣ, что близъ городской стѣны, найдены совсѣмъ изгнѣвшія кости, два стеклянные слезника, два простые мѣдные женскіе браслета и мадоннѣй бронзовый медальончикъ, въ которомъ за стекломъ находится какая-то масса. Монетъ найдено втеченіе лѣта лучшей и худшей сохранности 370, между которыми 10 херсонисскихъ автономныхъ, 1 фанаторійская, 1 ольвійская, 1 воспорская, 108 херсонисскихъ византійскаго періода и 18 эпохи римскихъ императоровъ.

Египетскія древности въ Черниговѣ. Черезъ Ватурина проѣхавшій смотритель одного изъ духовныхъ училищъ, г. Терешкевичъ, и при этомъ ему удалось случайно приобрести отъ мѣстныхъ обывателей шесть глиняныхъ статуэтокъ, длиною около четырехъ вершковъ. При разспросахъ, оказалось, что эти статуэтки найдены крестьянами въ такъ называемыхъ «Мавзевинныхъ» валахъ, гдѣ, нѣсколько лѣтъ назадъ, былъ открытъ подземный ходъ. По приѣздѣ г. Терешкевичъ передалъ одну изъ статуэтокъ въ церковно-археологическій музей, гдѣ она была признана настоящею египетскою вещью, изображающею мужику, и отправлена въ Петербургъ, къ нѣвѣстному египтологу Лемме, для разбора иероглифической надписи, которая шла въ длину статуэтки, отъ груди до ногъ, киноварью. Въ настоящее время, Лемме сообщилъ правленію музея, что надпись: «Usar Sutinep maâ xerû», означаетъ: «Осирисъ Сутимъ блаженный». Какимъ образомъ въ Черниговскую губернію попали египетскія вещи,—остается вопросомъ, рѣшеніе котораго имѣетъ значеніе для исторіи края.

Русскій образъ въ Римѣ. Въ «Кіевской Старинѣ» помѣщено интересное извѣстіе о русской святыньѣ на западѣ Европы. Это нерукотворенный образъ Спасителя, по весьма вѣроятному предположенію, вывезенный во Францію въ XI вѣкѣ княжной Анной Ярославной, вышедшей замужъ за французскаго короля Генриха I. Копія съ этого образа въ XIII вѣкѣ оставлена въ монастырѣ Монтреаль, а подлинникъ увезенъ въ Римъ французскимъ прелатомъ, занявшимъ папскій престолъ подъ именемъ Урбана IV. Теперь русская святыня находится въ храмѣ св. Петра и окружена большою таинственностью. Никому она не доступна, никто ее не видитъ и только три дня въ году—въ среду, четвергъ и пятницу Страстной недѣли образъ этотъ выставляютъ для поклоненія молящимся, но... съ высоты подкупольнаго балкона. «Вблизи, говорить одинъ изъ путешественниковъ по Риму (Вл. Мордвиновъ), никто, кромѣ членовъ соборнаго причта, не можетъ видѣть этого образа. Даже вѣнценосцы западные не иначе были допускаемы до глѣзованія этой иконы, какъ по предварительномъ ввведеніи ихъ въ санъ канониковъ св. Петра. Видѣвшіе же этотъ образъ въ тѣ дни, въ которые его показывають, единогласно утверждаютъ, что сколько они ни напрягали свое зрѣніе, не могли даже при помощи увеличительныхъ стеколъ разглядѣть что либо, кромѣ какого-то чернаго пятна. А члены соборнаго причта, когда обращаются къ нимъ за разъясненіями относительно лика Спасителя на этомъ образѣ, обыкновенно отвѣчаютъ, что они не разсматривали его вблизи. Славянское или русское происхожденіе этого образа доказывается существующею на подлинникѣ и копіи съ него надписью нашей кириллицей: «Образъ Господень на убрूसѣ» (т. е. на платѣ). Впрочемъ, сами католическіе ученые

лишь въ началѣ XVIII вѣка стали догадываться, что надпись на образѣ славянская. Окончательно удостовѣрились въ томъ во время посѣщенія Парижа Петромъ. Сперва князь Куракинъ, а потомъ одинъ русскій монахъ прочли славянскую надпись, какъ сказано выше. Не смотря на то, служители Ватикана и доселѣ окружаютъ таинственностью этотъ образъ, выдавая его за святыню 1-го христіанскаго вѣка, ежегодно десятками тысячъ распродаютъ снимки съ него и печатныя удостовѣренія въ сходствѣ его съ подлинникомъ, а самый подлинникъ прячутъ отъ всѣхъ, не давая взглянуть на него никому и лишь однажды въ годъ показывая его съ высоты, можно сказать, птичьяго полета.. Не потому ли они такъ тщательно и скрываютъ этотъ образъ, что опасаются, какъ бы кто не примѣтилъ на немъ славянской надписи?

Древности за Кавказомъ. Въ Закавказскомъ округѣ, на Кавказѣ, сохранились замѣчательныя древности. Такъ, вдоль по округу, у подошвы Кавказскихъ горъ, тянутся развалины стѣны, постройку которой преданіе относитъ ко временамъ царицы Тамары. То же преданіе гласитъ, что, начинаясь отъ города Нухи, эта стѣна тянулась до Чернаго моря. Нынѣ въ Нухинскомъ уѣздѣ отъ этой стѣны остался лишь фундаментъ, а въ Закавказскомъ округѣ она мѣстами сохранилась въ цѣлости и имѣетъ въ вышину до 5 арш., въ ширину 1½ арш. Она была построена, по всей вѣроятности, съ цѣлью лишить возможности хищныхъ горцевъ постоянно грабить и угонять скотъ мирныхъ обитателей равнины. Въ восьми верстахъ къ западу отъ села Алябады среди лѣса стоитъ одинокая церковь. Она у мѣстныхъ жителей известна подъ названіемъ «Пери-Кала», то есть крѣпость Тамары, но такое названіе не точно: это не крѣпость, а церковь; она имѣетъ въ длину около 20 арш., въ ширину 16 арш. Съ южной и западной сторонъ есть входы (двери) въ церковь. Небольшой алтарь, стѣны въ живописи, изображенія Христа Спасителя, апостола Петра и нѣкоторыхъ другихъ святыхъ еще ясно замѣтны. Зданіе церкви замѣчательно красивой архитектуры; окна высокія, но узкія, отстоятъ отъ поверхности земли на 1¼ сажени. Храмъ окруженъ лѣсомъ, въ которомъ видны горы, образовавшіяся отъ разваливъ прежнихъ построекъ. Этотъ лѣсъ теперь вырубается крестьянами и превращается въ пахатныя поля. При обработкѣ полей, крестьяне находятъ въ землѣ винныя кувшины. Въ народѣ сохранилось смутное преданіе, что на этомъ мѣстѣ былъ когда-то городъ Аски-Базаръ, уничтоженный персидскимъ шахомъ Аббасомъ. Въ селѣ Кахи, въ домѣ одного ингилойца, сохранились старое евангеліе временъ царя Вахтанга и нѣкоторая церковная утварь. Эти вещи имѣютъ свою исторію, сохранившуюся въ народѣ, вслѣдствіе чего они приобрѣли особую известность и почитаніе среди ингилойцевъ, не исключая и магометанъ. По преданію, евангеліе нѣсколько разъ попадало въ руки разныхъ притѣснителей православія; но всякій разъ, послѣ различныхъ несчастій съ притѣснителями, было возвращаемо обратно. До покоренія Закавказскаго округа, Елисуйскій султанъ Даніель-бекъ повѣсилъ хоянна этихъ древностей и приказалъ ограбить домъ повѣшеннаго. Ограбивъ домъ, взяли евангеліе и утварь и передали Алябегъ-хану, но чрезъ нѣсколько дней сынъ послѣдняго утонулъ въ рѣкѣ Курмухъ. Алябегъ-ханъ приписалъ это смѣхъ евангелія и немедленно возвратилъ его.

Рязанская архивная коммиссія. Въ послѣднее засѣданіе этой коммиссіи правитель дѣлъ сообщилъ, что описаніе дѣлъ провинціальной и воеводской канцелярій быстро подвигается впередъ. Въ настоящее время уже подробно описано 326 дѣлъ. Составляется опись указовъ и бумагъ рязанской воеводской канцелярій, начиная съ 1736 года. Эти документы интересны для исторіи областного управленія XVIII вѣка, но пользоваться ими безъ тщательно составленныхъ описей невозможно, почему составленіе такихъ описей является дѣломъ крайне необходимымъ, хотя указовъ сохранилось до 50,000. Вслѣдствіе выраженнаго дворянствомъ Рязанской губерніи желанія при-

ступить къ изданію матеріаловъ для исторіи яванскаго дворянства, начата раборка архива яванскаго депутатскаго собранія, съ цѣлію извлечь матеріалы, относящіеся къ исторіи какъ вообще дворянства, такъ и отдѣльныхъ дворянскихъ родовъ. Къ сожалѣнію, всѣ дѣла, касающіяся дворянскихъ собраний, выборовъ и т. п., начиная съ 1785 года и по 1834 годъ, утрачены безслѣдно. Что же касается до исторіи и генеалогіи дворянскихъ родовъ, то сохранившіяся въ архивѣ дѣла о правахъ на дворянство отдѣльныхъ родовъ заключаютъ въ себѣ интересный матеріалъ: жалованныя царскія грамоты на владѣніе помѣстьями и вотчинами, выписи съ отъѣзженныхъ и писцовыхъ книгъ, ввожены или послушныя грамоты, рядныя раздѣльныя и купчія записи, справки изъ разряднаго архива и т. п.

Въ приложеніи къ журналу комиссіи напечатанъ любопытный «Наказъ царши Прасковьи Феодоровны дворовому челоѣку Ивану Дружинину объ управленіи дворцовыми ея волостями, отъ 1716 года ноября въ 30 день». Въ наказѣ исчислены разнаго вида поборы, какіе слѣдуетъ брать съ крестьянъ, деньгами, хлѣбомъ, равными припасами. Между крестьянскими повинностями были и слѣдующія:

«А которыя крестьянскія дѣвки и вдовы похотятъ идти въ постороннія вотчины замужъ—ихъ выпускать, а выводу имать по пяти рублей».

«Да собирать бы тебѣ приказнику со крестьянъ по вся году: съ пятидесять дворовъ рысь, съ тридцати дворовъ медвѣдь, съ двадцати дворовъ волкъ, съ пятнадцати дворовъ лисаца, съ десяти дворовъ—куница и присылать въ Санктъ Петербургъ».

Въ журналѣ комиссіи помѣщены также любопытныя цитаты изъ писемъ Н. И. Надеждина. Почти всѣ они адресованы къ Е. К.—ой, страстно имъ любимой дѣвушкѣ, и большинство ихъ имѣетъ видъ дневника. Они относятся къ 1834 и 1835 годамъ. Въ нихъ авторъ описываетъ почти исключительно свои внутреннія чувства—страсть, кипящую ключомъ, надежды, опасеніе, отчаяніе, приступы ревности и т. п. Видно, что въ эти годы почти весь интересъ его былъ сосредоточенъ на его отношеніяхъ къ любимой особѣ. Не говоря о содержаніи, въ самомъ языкѣ этихъ писемъ отражается та жизненная буря, какую испытывалъ авторъ въ себѣ. Самъ онъ выступаетъ, какъ пылкая, нервная, болѣзненная, но вмѣстѣ благородная и симпатичная натура.

Въ письмахъ встрѣчаются также характеристики писателей и извѣстныхъ лицъ. Приводимъ воспоминаніе о Н. Павловѣ и его повѣстяхъ: «...Теща Павлова М. и ея дочери знали Н. Павлова съ маленьку. Жизнь этого челоѣка довольно странна. Онъ сынъ крѣпостнаго и маленькій съ сестрою отданъ былъ въ театральную школу. Тамъ дарованія его обратили на себя вниманіе Кожошнина, бывшаго директора театра, который дозволилъ ему ходить въ университетъ и потомъ какъ ему, такъ и сестрѣ его выхлопоталъ увольненіе отъ театральной службы, къ которой объявляюцца всѣ учащіеся и воспитывающіеся въ школѣ. Впрочемъ, до этого увольненія Н. Павловъ, ходя въ университетъ, игралъ на театрѣ; и теперь враги его сохраняютъ афишу спектакля, даннаго въ пользу его и покойнаго актера Сабурова. Еще до окончанія университетскаго курса, но уже по увольненіи отъ театра, лѣтъ 18 отъ роду, Павловъ влюбился въ одну молоденькую дѣвочку, воспитанницу одной богатой старухи Квашниной-Самариной, обольстилъ эту дѣвучку въ буквальномъ смыслѣ, и такимъ образомъ заставилъ ее за себя выдать... Но бракъ ихъ былъ несчастливъ. Что-то черное проскользнуло между ними, и Павловъ разлюбилъ свою жену, которая черезъ годъ умерла съ печалю... Эта исторія бросаетъ весьма мрачную тѣнь на жизнь Павлова, но я имѣю причины вѣрить, что здѣсь было больше несчастья, чѣмъ гнустости... Павловъ выбралъ себѣ дурную дорогу; онъ хотѣлъ утвердиться на паркетѣ, заставить забыть свое холопское происхожденіе, что разумѣется,

не возможно... Вѣроятно, старуха, выдавшая за него свою воспитанницу, была изъ первыхъ разочаровательницъ его глупыхъ мечтаній и тѣмъ оностылила ему жену, которая, конечно, была невинна.. По крайней мѣрѣ, такъ заключаютъ я изъ обстоятельствъ катастрофы... Жена Павлова сдѣлалась больна, а онъ не былъ съ нею; она настоятельно требовала его видѣть; Павловъ отказывался, наконецъ, пріѣхалъ и всталъ ее уже мертвою... Ивѣ всегда казалось, что его повѣсть «Именины» есть исторія собственной его жизни; и объ немъ я говорилъ, что онъ дѣлаетъ изъ своей жизни романъ... Нынѣшній образъ жизни Павлова нечистъ; онъ живетъ на чужой счетъ; говорятъ, что онъ обыгрываетъ простаковъ въ карты; но я скорѣе думаю, что его содержатъ старые барыни, въ него влюбленныя... Все это, конечно, гнусно... Но я не столько по убѣжденію, сколько, увлекшись споромъ, защищалъ его и въ этомъ, говоря, что онъ теперешнею своею жизнію мститъ свѣту, который жестоко оскорбилъ его.. Изъ этой же мести я извѣснѣлъ желчь, разлитую въ его повѣстяхъ... Я говорилъ, что онъ понималъ гнусность жизни и, какъ философъ, платилъ ей тою же монетою... Самъ по себѣ Павловъ не имѣетъ сердца, но у него есть умъ, и онъ слишкомъ дорожитъ, по крайней мѣрѣ, репутаціей честнаго человѣка, чтобы дозволить себѣ гнусную выдумку, которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ принести ему никакой выгоды. Н. Павловъ въ этомъ отношеніи благороднѣе и скромнѣе всѣхъ Сабуровыхъ на свѣтѣ...».

Национальный праздникъ въ Парижѣ. — Открытіе памятниковъ Вольтеру и Беранже. Наканунѣ французскаго національнаго праздника, 14 іюля, Парижъ и его окрестности представляли оживленную картину. По улицамъ проходили многочисленныя процессіи съ музыкою и факелами. Въ самый день праздника. Парижъ украсился флагами. Въ 9 часовъ, въ различныхъ мѣстахъ проведены были смотры войскамъ, а на площади Согласія прошли церемональнымъ маршемъ школьныя батальоны. Мальчики дефилировали превосходно, и публика восторженно аплодировала будущимъ защитникамъ отечества. Въ 11 часовъ, состоялась обычная анти-германская демонстрація передъ статуей города Страсбурга. За часъ передъ тѣмъ на площади собралась громадная толпа, среди которой было особенно много офицеровъ дѣйствующей арміи и территориальной милиціи, множество солдатъ и особенно моряковъ, всѣ въ полной парадной формѣ. Лига патриотовъ, съ поэтомъ Дерулядомъ во главѣ, различныя эльзасъ-лотарингскія общества и депутаціи отъ политехнической школы и другихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній собрались на Страсбургскомъ вокзалѣ и двинулись оттуда по большимъ бульварамъ на площадь Согласія. Въ рукахъ у всѣхъ были трехцвѣтные флаги, окутанные чернымъ и зеленымъ флеромъ. По прибытіи процессіи на площадь, началась церемонія. Прежде всего депутація женщинъ, въ эльзасскихъ костюмахъ, вооложила на статую перевязанные черными лентами вѣнки и букеты, затѣмъ двухъ четырехлѣтнихъ дѣвочекъ, одѣтыхъ въ національные костюмы и державшихъ въ рукахъ по маленькому траурному знамени, поставили на pedestalъ у самыхъ ногъ статуи, что вызвало бурю рукоплесканій и восторженныхъ виватовъ въ честь Эльзаса и Лотарингіи. Дерульдъ воскликнулъ: «Французы и французенки! Здѣсь никакихъ рѣчей не требуется, изображеніе это говоритъ за себя. Да здравствуетъ Франція! да здравствуетъ Эльзасъ-Лотарингія! да здравствуетъ отечество!» Слова эти были встрѣчены восторженно, и президентъ эльзасскаго Общества взаимнаго вспоможенія благодарилъ присутствующихъ за доказательство участія къ его родинѣ. Затѣмъ процессія двинулась обратно по улицѣ Риволи; когда она поравнялась съ статуей Жанны Даркъ, стоящей на возвышенности неподалеку отъ Тюльери, Дерульдъ воскликнулъ: «да здравствуетъ орлеанская дѣва! да здравствуетъ Эльзасъ-Лотарингія! да здравствуетъ Франція». Вечеромъ была иллюминація и въ трехъ мѣстахъ сожжены фейерверки. На Марсовомъ полѣ картины

фейерверка изображали апогеевъ Виктора Гюго, а въ Монсури — апогеевъ адмирала Курба.

Въ тотъ же день, на набережной Малакэ, бливъ французской академіи, состоялось открытіе памятника Вольтеру. Церемонія не отличалась особенною торжественностью и имѣла скорѣе частный характеръ. Произносили рѣчи: Гайо—отъ имени комитета по сооруженію памятника Вольтеру, Сарду—отъ имени французской академіи, Арсенъ Гуссе—отъ имени Общества писателей и Мишелевъ, президентъ парижскаго муниципальнаго совѣта. Въ концѣ рѣчи Мишелевъ предложилъ, чтобы гробъ Вольтера, хранящійся въ національной библиотекѣ, былъ перенесенъ въ Пантеонъ. Не безъ политическаго отбѣнка прошло послѣдовавшее на слѣдующее утро открытіе памятника Беранже, воздвигнутаго въ скверѣ улицы du Temple. Предсѣдательствовавшій на празднествѣ депутатъ Споллеръ произнесъ рѣчь, въ которой преимущественно говорилъ о Беранже, какъ о патріотѣ и пѣвцѣ утраченной послѣ паденія первой имперіи границы Рейна. Въ томъ же смыслѣ высказался о Беранже и Одебронъ. На бывшемъ послѣ церемоніи открытія памятника банкетѣ Споллеръ провозгласилъ тостъ за пѣвца реванша Деруледа, потомъ продекларировали извѣстную пьесу: «Le Rhin seul peut retremper nos armes», что привело отсутствующихъ въ патриотическое настроеніе, и на этотъ разъ не было недостатка въ Парижѣ въ анти-германскихъ демонстраціяхъ.

† 15-го мая профессоръ Петербургской духовной академіи Ивѣтъ Степановичъ Якимовъ, продолженіе 14 лѣтъ занимавшій въ академіи катедру священнаго писанія ветхаго завіта. Въ его лицѣ духовная наука понесла большую потерю. Уроженецъ Вятской губерніи, покойный учился сначала въ мѣстной семинаріи, затѣмъ въ Петербургской академіи, гдѣ кончилъ курсъ въ 1871 году и занялъ катедру св. писанія. Магистерская его диссертация «Отношеніе греческаго перевода 70 толковниковъ къ еврейскому и мазоретскому текстамъ въ книгѣ пророка Іереміи», вышедшая въ 1874 году, привела переворотъ въ нашей экзегетической ветхозавѣтной наукѣ и вовлекла автора въ продолжительный литературный споръ съ епископомъ Порфиріемъ Успенскимъ, на страницахъ журналовъ «Церковный Вѣстникъ» и «Христіанское Чтеніе». 1876—1877 годъ онъ провелъ за границей, знакомясь съ преподаваніемъ св. писанія въ германскихъ университетахъ у лучшихъ германскихъ профессоровъ: Делича, Лепсіуса и др. Результатомъ его ученыхъ занятій за границей былъ принятый имъ по возвращеніи въ Россію особый методъ изъясненія библейскаго текста, состоящій въ изученіи и сличеніи греческаго, еврейскаго и сиро-халдейскаго переводовъ библии. Кромѣ профессорскихъ занятій, онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ журналовъ «Церковный Вѣстникъ» и «Христіанское Чтеніе», гдѣ непрерывно печаталъ съ 1878 года свое «Толкованіе на ветхій завітъ». Кромѣ названной магистерской диссертации, изъ большихъ ученыхъ трудовъ покойнаго извѣстны: «Критическія изслѣдованія текста славянскаго перевода ветхаго завіта въ его зависимости отъ текста перевода 70 толковниковъ» и «Неповрежденность книги пророка Іереміи».

† Въ Женевѣ Маркъ Моннье, поэтъ и профессоръ сравнительной исторіи литературы. Онъ неутомимо работалъ для литературы, какъ лирикъ, романистъ, драматическій писатель, фельетонистъ, политическій корреспондентъ и переводчикъ. Родившись во Флоренціи въ 1829 году, онъ жилъ въ Неаполѣ, учился въ Сорбоннѣ и въ Женевской академіи, и въ качествѣ журналиста принималъ участіе въ политическомъ движеніи 1859 и 1860 годовъ. До франко-прусской войны Моннье спеціально занимался итальянскими событіями, но съ этой войны не пропускалъ случая, чтобы не нападать на Германію. Его политическія корреспонденціи весьма многочисленны и помѣщались въ «Indépendance Belge», «J. des Débats», «Revue des deux mondes», «Nouvelle Revue». Для «Bibliothèque Universelle» онъ писалъ ежемѣсячно хро-

нику. Изъ переводовъ его извѣстенъ лучший французскій стихотворный переводъ «Фауста» Гете. Комедии его «La ligne droite», «Mademoiselle Lili» и пр. исполнялись съ успѣхомъ въ «Théâtre Français». Изъ литературно-историческихъ трудовъ его извѣстны: «Pompeii», «Genève et ses poètes», «Garibaldi», «La Vie Antiqua», «La Samotta» и въ весьма недавнее время издана имъ «Histoire générale de la littérature moderne»,

† 6-го июня въ Гиссенѣ, профессоръ географіи въ тамошнемъ университетѣ Робертъ Шлагинтвейтъ, младшій изъ трехъ братьевъ, пріобрѣвшихъ почетное имя своими изслѣдованіями Средней Азии и особенно Гималаевъ. Робертъ Шлагинтвейтъ родился въ 1833 году въ Мюнхенѣ, и уже двадцатилѣтнимъ юношею сопровождалъ братьевъ въ предпринятомъ ими, по порученію прусскаго правительства, путешествіи по Египту, Индіи и Тибету. Въ 1856 году, братья Шлагинтвейтъ совершили второе путешествіе въ Индію и Кашемиръ. Отсюда Германъ и Робертъ изслѣдовали Каракорумскіе и Бюльонскій горные хребты и проникли въ китайскій Туркестанъ. Адольфъ же отправился въ Кашгаръ, гдѣ погибъ мученическою смертью. Разсказъ о совершенныхъ тремя братьями путешествіяхъ былъ написанъ Германомъ и Робертомъ Шлагинтвейтъ и изданъ весьма роскошно. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ Робертъ предпринялъ большое путешествіе въ Соединенные Штаты, результатомъ котораго было нѣсколько интересныхъ сочиненій. Германъ Шлагинтвейтъ скончался годомъ раньше своего младшаго брата.

съ другими нартами (санями) отправлены были на прежнюю стоянку за остальными припасами. На случай, если бы мы были принуждены вернуться сюда для обѣда, мы не сняли лагера и оставили тамъ же всѣ спальныя и кухонныя принадлежности; само обою разумѣется, что и докторъ съ больными остался при палаткахъ. Въ 8 ч. 30 м. вечера прибыли въ лагерь Мельвилль и его отрядъ вмѣстѣ съ обоими посланными впередъ санями на собакахъ; они оставили свой первый грузъ у трещины во льду, которую видѣлъ сегодня Дѣнбаръ и которая, какъ я и опасался, дѣйствительно успѣла значительно расшириться. Въ 9 ч. былъ отосланъ второй транспортъ, а въ 9 ч. 30 м. снялись съ лагера и двинулись съ лодкою и двумя собачьими санями въ путь. Дѣнбаръ съ двумя людьми остался у трещины, чтобы попробовать, нельзя ли будетъ перейти черезъ нее, заваливъ ее большою льдиною. На случай, если бы это удалось имъ, я уже далъ Мельвиллю приказаніе тотчасъ же перевезти всѣ наши вещи, а такъ какъ онъ теперь болѣе не возвращался, то я и заключилъ, что въ настоящее время онъ именно этимъ и занятъ. Въ нетерпѣніи самому увидѣть, въ какомъ положеніи находятся дѣла, я отправилъ навадъ Эриксона и Лича съ тремя собаками за лодкою Динги, забралъ на свои сани всѣ кухонныя принадлежности съ большихъ саней и поѣхалъ на трехъ собакахъ впередъ. А между тѣмъ наступила —

«Среда, 22-го іюня. Не успѣлъ я проѣхать и 200 сажень, какъ наткнулся на трещину во льду и, какъ ни старался, но удержатъ собакъ не могъ; въ одинъ прыжокъ очутились онѣ на нѣсколькихъ льдинахъ, перевернули при этомъ сани, стащили и меня туда же и разбросали по сторонамъ всю кухонную утварь; продѣлавъ все это, онѣ выбрались на другой берегъ, усѣлись на краю и взвыли съ радости. Осторожно и съ большимъ трудомъ пробираясь по льдинамъ, я собралъ свои разбросанныя вещи, достигъ противоположнаго берега, высвободилъ застрявшія между двумя льдинами сани и тогда уже вытащилъ ихъ на ледъ. Едва только почувствовали собаки, что ихъ ничто болѣе не удерживаетъ, какъ снова помчались весело впередъ. Когда нѣсколько времени спустя мнѣ удалось прибыть, наконецъ, къ большой трещинѣ, я нашелъ здѣсь Мельвилля со всѣми лодками и санями, плавающего на большомъ ледяномъ островѣ; такимъ образомъ, оказалось, что до сихъ поръ ничего еще не перевезено. Я крикнулъ ему, чтобы онъ занялся теперь приготовленіемъ обѣда и что я послѣдую за нимъ, какъ только придутъ люди съ челнокомъ, но онъ пригналъ ко мнѣ плававшую возлѣ его острова льдину, и я тотчасъ же переѣхалъ къ нему на ней съ моею упряжкою и съ кухонными принадлежностями. Тогда мы принялись общими силами строить изъ льдинъ мостъ и раньше еще, чѣмъ мы сѣли за обѣдъ, мы успѣли уже переправить двое саней и нѣсколько собачьихъ саней разнаго груза.

Въ 1 ч. 30 м. мы пообедали, а въ 2 ч. прѣхали съ челнокомъ Эриксенъ и Личъ. Въ 2 ч. 20 м. утра мы принялись за работу и перетащили черезъ трещину китоловную лодку и второй куттеръ; затѣмъ я послалъ Мельвилля съ его людьми за первымъ куттеромъ, а самъ съ Эриксономъ и Личемъ перевезъ къ слѣдующему флагу двое собачьихъ саней, нагруженныхъ пеммиканомъ и хлѣбомъ; возвратившись снова къ трещинѣ, мы застали уже здѣсь доктора, перевозащаго на большой льдинѣ больныхъ, а между тѣмъ, во время нашего отсутствія ледъ успѣлъ разойтись еще болѣе, и переправа наша совершенно разстроилась. Пришлось снова втаскивать въ трещину льдины и устроить, какъ можно скорѣе, переправу, по которой больные могли бы перебраться на другую сторону пѣшкомъ; затѣмъ мы перенесли лекарства и, провозившись до 6 ч. утра, успѣли переправить все свое имущество вмѣстѣ съ первымъ куттеромъ. Мельвиллю пришлось спустить куттеръ на воду и вести его нѣкоторое разстояніе на веслахъ. Въ 7 ч. 20 м. мы поужинали и, казалось, рѣдко столь голодное и измученное общество садилось за ѣду; съ неутѣшительнымъ сознаниемъ, что послѣ нашихъ десятичасовыхъ тяжелыхъ трудовъ мы прошли всего лишь сажень 300 или 400, мы приготовили все къ отходу ко сну, а въ 9 ч. утра дали свистокъ ложиться спать. Спали до 6 ч. вечера. Съ больными дѣло идетъ не особенно ладно; Чиппъ провелъ скверную ночь и очень ослабъ вслѣдствіе трудностей послѣдняго перехода; съ Алексѣемъ постоянно дѣлаются припадки желудочныхъ болей, доводяще его до изнеможенія, такъ что онъ ни за что взяться не можетъ; Лаутербахъ расхаживаетъ съ физиономіей покойника; само собой разумѣется, что Данненхауеръ все еще страдаетъ слѣпотой. Дѣнбаръ тоже начинаетъ снова расхварываться, и я далъ ему уже совѣтъ побережись втеченіе нѣсколькихъ дней и не истощать окончательно своихъ силъ. За пять минутъ до полуночи сани прибыли къ мѣсту назначенія, такъ что въ первый еще разъ мы прошли въ подлѣя именно столько, сколько было задумано, пообедали во время и послѣ обѣда могли продолжать путь; все это произошло вслѣдствіе того, что теперь мы шли, наконецъ, по сплошному льду, и трещинъ на нашемъ пути болѣе не попадалось.

«Четвергъ, 23-го іюня. Въ 12 ч. 15 м. утра мы поужинали, а въ 1 ч. 15 м. утра уже выступили въ путь. Въ 2 ч. 30 м. небо совершенно прояснилось, солнце встало въ полномъ блескѣ и туманъ пропалъ какъ бы отъ прикосновенія волшебнаго жезла. Въ 7 ч. разбили лагерь. Наконецъ-то мы прошли цѣлый день безпрепятственно и все же, я полагаю, не смотря на непомѣрные усилія, прошли не болѣе двухъ верстъ; къ югу ледъ лежитъ въ беспорядочно нагроможденныхъ массахъ, такъ что кажется, что по этому направленію идти нѣтъ никакой возможности. Конечно, здѣсь никогда не знаешь, какая пережѣна въ положеніи льда можетъ прои-

войдти въ какіе нибудь шесть часовъ времени, а потому, быть можетъ, при пробужденіи мы и увидимъ какой нибудь проходъ. Мы находимся въ настоящую минуту почти на 152° вост. долготы. Въ 8 ч. 30 м. свистокъ ко сну, въ 6 ч. общая переключка и завтракъ; въ 7 ч. я послалъ г. Дёнбара впередъ для отысканія дороги среди ледяныхъ глыбъ. Въ 8 ч. принялись за обычную работу, о которой я разъ навсегда, во избѣжаніе дальнѣйшихъ повтореній, и скажу здѣсь нѣсколько словъ. Отъ предписаннаго мною 16-го іюня распредѣленія дня и походнаго порядка пришлось поневолѣ сдѣлать нѣсколько отступленій и притомъ, главнѣйшимъ образомъ, потому, что ежеминутныя перемены въ положеніи льда дѣлали совершенно невыполнимымъ выполненіе впередъ задуманныхъ плановъ, а также и въ силу того обстоятельства, что ни одинъ человекъ не могъ бы выдержать десятичасовыхъ чрезвычайныхъ трудовъ и нечеловѣческихъ усилій. Со временемъ, когда тащимый нами съ собою грузъ поубавится, мы будемъ, быть можетъ, въ состояніи выполнять предположенное мною, но теперь это является совершенно невыполнимымъ.

«Послѣ привала и передъ выступленіемъ въ путь г. Дёнбаръ обозначаетъ дорогу нѣсколькими черными флагами; въ 8 ч. онъ снова ѣдетъ впередъ, чтобы убѣдиться въ цѣлости льда и въ случаѣ необходимости принять мѣры къ устройству переправы. За нимъ слѣдуетъ Мельвилль съ тяжелыми санями, въ которыя впрягаются почти всѣ наши люди; сани № 1 (которыя успѣли уже получить кличку «Моржъ») тащить отрядъ Мельвилля, причѣмъ тутъ же вмѣстѣ тащатъ и другія двое саней. Эриксенъ и Ли цѣлый день разѣзжаютъ взадъ и впередъ на двухъ собачьихъ саняхъ; я нагружаю эти послѣднія на мѣстѣ послѣдней стоянки и зачастую самъ предпринимаю поѣздки для того, чтобы ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ разныхъ пунктахъ перехода и кстати указать дальнѣйшій путь. Доставивъ тяжелыя сани на первую станцію, отрядъ Мельвилля возвращается назадъ за лодками; тогда я отправляю въ дорогу доктора съ больными, которые и доходятъ до того мѣста, гдѣ остановились сани. Затѣмъ, я беру сани съ лекарствами и доставляю ихъ туда же. Между тѣмъ, прибываютъ и лодки, повара принимаются за приготовленіе обѣда, а пока они заняты этимъ дѣломъ, Мельвилль съ остальными людьми дотаскиваетъ тяжелонагруженныя сани до слѣдующаго привала. Въ полночь они снова возвращаются и всѣ обѣдаютъ. Въ часъ мы снова принимаемся за работу и перетаскиваемъ лодки до того пункта, гдѣ стоятъ уже сани; за лодками вслѣдъ является докторъ со своими больными; затѣмъ, сани снова продвигаются впередъ, а тамъ лодки, собачьи сани и, наконецъ, около 5 ч. 30 м. или въ 6 ч. утра прибываю на мѣсто и я съ остальными вещами; варится ужинъ, разбиваются палатки, а между тѣмъ, прибываютъ и собачьи сани.

Въ 7 ч. утра мы ужинаемъ, въ 8 ч. раздается свистокъ ко сну, а въ 6 ч. вечера всѣ встаютъ и снова за работу. Такимъ образомъ, мы работаемъ 9 ч. въ сутки, спимъ 10 ч. и на ѣду уходитъ 3 часа; 2 часа уходятъ на разбивку палатокъ, приготовленіе и раздачу пищи, съемку съ лагера и развѣшеніе пути. Трудно представить себѣ работу болѣе тяжелую, нежели наше путешествіе, а такъ какъ оба мои помощника не сходятъ со скорбнаго листа, то тяжесть, лежащая на моихъ плечахъ, по истинѣ далеко немала. Къ счастью, въ Мельвиллѣ я имѣю не только сильную поддержку, но онъ прекрасно замѣняетъ мнѣ обоихъ больныхъ; пока онъ здоровъ и силенъ, какъ теперь, все будетъ идти хорошо. И докторъ очень покладливъ и всегда готовъ помочь людямъ въ работѣ, но я думаю, что онъ гораздо нужнѣе для больныхъ, и потому распорядился, чтобы онъ оставался съ ними и сопровождалъ ихъ.

«Сегодняшними результатами мы можемъ быть довольны; по приблизительному расчету, мы прошли добрыхъ двѣ версты, хотя ледъ и разошелся на нашемъ пути въ двухъ мѣстахъ, такъ какъ и намъ, и собакамъ было трудовъ немало. Къ счастью, грузныя сани уже прошли впередъ, когда открылись трещины. Однѣ собачьи сани таки провалились; мы принуждены были перерѣзать упряжь, чтобы спасти собакъ отъ гибели, а сани были вытасканы двоими изъ насъ на край льда. Видны на слѣдующій переходъ хороши; мы находимся теперь на ледяной равнинѣ, которая, повидимому, тянется еще на нѣсколько верстъ дальше. Сегодня переходъ былъ особенно непріятенъ вслѣдствіе воды, стоявшей на льду; люди часто проваливались и попадали тогда въ воду по колѣна; само собою разумѣется, какою трудною казалась намъ наша работа при подобныхъ обстоятельствахъ. Вода, собравшаяся здѣсь во многихъ мѣстахъ на льду, ночью всегда замерзаетъ; отъ лучей солнечныхъ ледокъ снова, однако, таетъ, и не успѣешь остеречься, какъ попадаешь въ воду, по которой и приходится брести поневолѣ. Мы все еще не знаемъ ничего опредѣленнаго о своемъ положеніи. Числѣ очень слабъ и въ состояніи двигаться лишь очень медленно и притомъ съ частыми передышками и остановками. Я дѣйствительно очень озабоченъ состояніемъ его здоровья. Лаутербахъ вчера снова могъ вступить въ отправленіе своихъ обязанностей; Алексѣй все еще боленъ и не въ состояніи работать.

«Утро субботы, 25 іюня, застало насъ въ приготовленіяхъ къ обѣду, который мы съѣли въ часъ. Въ полночь я взялъ высоту меридіана, которая, къ великому моему изумленію, оказалась 77° 46' сѣв. шир. Я зналъ, что при наблюденіяхъ моихъ я не ошибся; снова и снова провѣрялъ я свои выкладки, усиливаясь открыть ошибку, но всякій разъ я получалъ одинъ и тотъ же результатъ. Я сталъ осматривать мой секстантъ, но нашелъ его въ совершенномъ порядкѣ... удивленіе мое росло съ минуты на минуту. От-

правиться въ путь съ $77^{\circ}18'$ сѣв. шир., цѣлую недѣлю идти на югъ и въ концѣ недѣли, всетаки, очутиться 35 верстами сѣвернѣе точки отправленія — достаточно для того, чтобы всякаго заставить задуматься и обезпокоиться. Долго еще сомнѣвался я и готовъ уже былъ приписать этотъ изумительный результатъ какойнибудь необыкновенной рефракціи, но когда я посмотрѣлъ на свое наблюдение по методу Сёмнера, отъ 23 іюня, отвергнутое мною сначала, то, къ великому моему безпокойству, я и тутъ получилъ среднюю величину въ $77^{\circ}46'$ сѣв. шир.

«Въ $4\frac{1}{2}$ и въ $7\frac{1}{2}$ часовъ утра я снова получилъ точное наблюдение по методу Сёмнера, давшее широту $77^{\circ}43'$; все это были лишь очень неточныя цифры для нанесенія на карту.

«Въ сильномъ волненіи и безпокойствѣ я рѣшился дожидаться полудня и не составлять никакихъ плановъ будущаго и дальнѣйшаго нашего пути, пока мнѣ не удастся получить высоту солнца въ высшей кульминаціи. Въ полдень я снова получилъ точное наблюдение, результатъ котораго $77^{\circ}42'$ не могъ уже подлежать ни малѣйшему сомнѣнію; теперь невозможно уже было болѣе сомнѣваться, и сегодняшнее мое сёмнеровское наблюдение оказалось вполне вѣрнымъ, тогда какъ ошибка въ полуночномъ наблюденіи произошла, по всѣмъ вѣроятіямъ, вслѣдствіе значительной рефракціи, объясняемой малою высотой. Такимъ образомъ, и принужденъ признать наше положеніе вполне вѣрнымъ и сообразно съ этимъ измѣнить нашъ маршрутъ; вмѣсто того, чтобы идти, какъ это было до сихъ поръ, на югъ, я направлю людей на юго-западъ; такъ какъ отклоненіе наше направляется на сѣверо-западъ, то курсъ на юго-западъ скорѣе можетъ побороть это отклоненіе, нежели курсъ на югъ, и мы скорѣе попадемъ на край ледяныхъ полей.

«Такая неровная и трудная дорога, какая лежитъ теперь передъ нами, требуетъ, само собою разумѣется, тщательнѣйшей рекогносцировки, нежели обыкновенная дорога; быстро идти впередъ и производить по пути наблюдения уже не приходится, а потому я только что послалъ впередъ г. Дёнбара отыскать намъ дорогу пока онъ вернется, я оставляю лагерь не снятымъ и даю людямъ покой. Послѣ вчерашнихъ трудовъ этотъ болѣе продолжительный отдыхъ является для всѣхъ одинаково желательнымъ и благодѣтельнымъ, а если Дёнбаръ найдетъ хорошую дорогу, то сегодня послѣ обѣда мы будемъ въ состояніи сдѣлать болѣе длинный переходъ.

«Воскресенье, 26 іюня, 1 ч. 15 м. утра. Когда Дёнбаръ вернулся со своими рабочими и двумя собачьими санями, мы отправились въ путь. Тотчасъ же приключилось маленькое несчастіе съ Мельвиллемъ: онъ упалъ въ воду и промокъ до пояса; утромъ провалился и «Моржъ», но счастливо былъ вытащенъ, хотя и врѣзался глубоко своимъ носомъ подъ ледъ. Вообще же дорога

была нѣсколько лучше вчерашней, хотя намъ и пришлось строить не менѣе пяти переправъ; благодаря этимъ частымъ и продолжительнымъ задержкамъ, остановившимся на привалѣ въ 6¹/₂ утра и разбивши палатки, мы отошли въ юго-юго-западномъ направленіи всего лишь сажень 400. Съ полуночи было страшно жарко, хотя термометръ и показывалъ на солнцѣ всего лишь 4° мороза; небо было безоблачно, и хотя съ юго-юго-запада тянулъ легенькій вѣтерокъ, все же мы сильно страдали отъ жары. У всѣхъ у насъ лица и руки распухли и покрылись пузырями; въ особенности мои руки находятся въ очень скверномъ положеніи и болятъ ужасно. Въ 7¹/₂ ч. утра мы поужинали, въ 8¹/₂ ч. я справилъ божественную службу, а въ 9 часовъ дали свистокъ ко сну.

«Понедѣльникъ, 27 іюня, 1 ч. утра. Въ 2 ч. 5 м. утра мы тронулись въ дальнѣйшій путь и до 7 ч. мучились за такую тяжелую работу, какой до сихъ поръ еще не видывали. Мы прошли всего лишь сажень 400 на юго-юго-западъ, а въ 11 часовъ самаго труднаго хода прошли около 900 сажень. Едва только мы покинули нашу стоянку, какъ подошли къ трещинѣ въ 20 фут. шириною; съ большимъ трудомъ втянули мы туда еще три громадныя льдины и изъ нихъ соорудили нѣчто въ родѣ моста, послѣ чего мы употребили всѣ наши силы на то, чтобы какимъ нибудь образомъ переправить на ту сторону наши лодки и сани; оба куттера пришлось спустить на воду и такимъ образомъ перевести черезъ трещину. Не успѣли мы отойти и 300 сажень отъ этой трудной переправы, какъ передъ нами очутилась новая трещина, на этотъ разъ футовъ въ 60 ширины; здѣсь мы уже принуждены были употребить въ дѣло цѣлый ледяной островъ футовъ въ 30 толщины, но едва мы подтащили его и укрѣпили, какъ и здѣсь ледъ разошелся, и намъ снова пришлось отыскивать и подтаскивать льдины, чтобы ими заполнить промежутки. Кажется, теперь наступило полное таяніе льда, и онъ начинаетъ расходиться; замѣтно становится и теченіе. До сихъ поръ мы не встрѣчали еще полыней значительной длины; видно, не настало еще подходящее для этого время года, но, къ сожалѣнію, нѣтъ недостатка въ трещинахъ и дырахъ, которыя доставляютъ намъ немало трудовъ и задержекъ. 10—11 часовъ работаемъ какъ лошадь и въ концѣ концовъ продвинулись впередъ на 1¹/₂ версты—есть отъ чего прійти въ отчаяніе; а если принять еще въ соображеніе, что на каждую милю, сдѣланную нами на юго-востокъ, насъ относить, быть можетъ, мили на три на сѣверо-западъ, то и вовсе придется задуматься. Мельвилъ и докторъ—единственные люди изъ нашего отряда, которымъ я рассказывалъ о нашемъ географическомъ положеніи, и они одни будутъ знать это; если эта неприятная вѣсть узнается нашими людьми, то, если они и не лишатся совершенно энергіи, то во всякомъ случаѣ лишатся въ значительной степени мужества. Поэтому-то я, чтобы избѣжать

неудобныхъ разспросовъ, постоянно стараюсь избѣгать встрѣчи съ Чиппомъ, Даянненхаузромъ и Дѣнбаромъ. До сихъ поръ люди полны мужества и вѣры въ свои силы; рѣдко прекращается веселая гѣсня. Надо надѣяться, что мы будемъ долго еще пользоваться здоровьемъ и хорошимъ расположеніемъ духа. Чиппъ поправляется.

«Среда, 29-го іюня. Когда я отправился на собачьихъ саняхъ впередъ вмѣстѣ съ Дѣнбаромъ, мы вдругъ наткнулись на воду, которая, благодаря окружавшему насъ туману, казалась большою тянущеюся на юго-западъ трещиною; тотчасъ же я отправился назадъ, чтобы изготовить челнокъ къ рекогносцировкѣ, но, къ сожалѣнію, все это оказалось обманомъ зрѣнія. Удобный водный путь, который мы нашли, какъ намъ казалось, былъ опять-таки простою полыньею въ 75 ф. ширины, и снова пришлось устраивать переправу. Къ счастью нашему, мы нашли, по крайней мѣрѣ, тутъ же подъ рукою большую льдину, которую Дѣнбаръ, Шаруэль и я соединенными усилиями могли втащить въ трещину; не менѣе удачно вышло и то, что какъ разъ въ это время трещина сдузилась на нѣсколько футовъ и стиснула нашу льдину, образовавъ неподвижный мостъ, удобный для переправы. Къ сожалѣнію, однако, въ то же время образовались новыя полыньи и трещины, такъ что устраивать переправы пришлось въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Неудачи и несчастья рѣшительно насъ преслѣдовали. Едва успѣли мы переправить счастливо свой передовой отрядъ черезъ одну трещину, какъ позади его образуется новая трещина, куда мы должны возвращаться для устройства переправы и черезъ нее; мы возимся за эту новую работу, а между тѣмъ приходится вѣсть объ образованіи цѣлаго ряда новыхъ' щелей, трещинъ и полыней, только что появившихся во льду; все это мѣшаетъ нашему движенію впередъ и рѣшительно лишаетъ насъ столь драгоценныхъ для насъ силъ. Эти трещины тянутся всегда съ востока на западъ; такихъ же, которыя тянулись бы съ юга на сѣверъ и которыми мы могли бы воспользоваться для дальнѣйшаго слѣдованія, кажется, совсѣмъ не имѣется. И всѣ эти тянущіяся съ востока на западъ трещины теряются въ видѣ узкихъ, извилистыхъ полосокъ воды среди нагроможденныхъ ледяныхъ глыбъ, гдѣ нельзя ни проложить ходовую дорогу, ни пробраться на лодкѣ. Нерѣдко случается намъ на какихъ нибудь 300 саженьяхъ устраивать четыре переправы и, когда припомнишь, что Мельвилль со своими людьми принужденъ бываетъ пройти взадъ и впередъ разъ по шести, а часто и по семи, то поневолѣ придется признать такое напряженіе силъ страшнымъ и жестокимъ. Если прибавить еще къ этому безчисленныя поѣздки на собакахъ для перевозки грузовъ, нагрузку и разгрузку этихъ послѣднихъ и медленную перевозку больныхъ, вслѣдствіе поджиданія удобнаго для этого момента, то ничего не окажется удивительнаго въ страхѣ,

который мы ощущаемъ при видѣ каждой новой трещины, усиливающей наши труды и работу. Старый и крѣпкій ледъ, встрѣчающійся намъ здѣсь, несомнѣнно давняго происхожденія. Одна льдина, которую я измѣрилъ, имѣла 32 фута 9 дюйм. въ толщину; ледъ имѣетъ форму круглыхъ холмовъ, которые, если только не покрыты иломъ, кажутся сдѣланными изъ алебастра. Перетаскиваніе грузовъ и лодокъ шло тутъ сравнительно легко и хорошо, хотя мы и «шли по скаламъ въ Дублинъ», какъ говорили матросы. Одинъ кусокъ льда, футовъ въ 16 толщины, встрѣченный мною здѣсь, между прочимъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, образовался сразу; онъ состоялъ изъ совершенно сплошной и однородной массы, причемъ нигдѣ рѣшительно не замѣтно было ни слоевъ, ни спаекъ, которые указывали бы на постепенное наростаніе.

«Данненхауэръ пришелъ сегодня ко мнѣ съ убѣдительнѣйшею просьбою дать ему какуюнибудь работу; онъ полагалъ, что въ состояніи помогать въ работахъ своимъ людямъ, но, такъ какъ я лично считаю его еще неспособнымъ къ какойлибо тяжелой работѣ и вполне убѣжденъ, что единственный глазъ его будетъ ему только помѣхою во всемъ, что онъ ни предприметъ, то я наотрѣвъ отказалъ ему въ его просьбѣ—проставить его къ какомунибудь дѣлу, до тѣхъ поръ, пока докторъ не объявитъ его совершенно здоровымъ. Силы Чиппа замѣтно растутъ. Температура сегодня весь день держалась на 1° мороза, но намъ она, всетаки, кажется значительно болѣе холодною. У насъ съ ранняго уже утра ноги мокрыя, и это доставляетъ намъ неприятное чувство, продолжающееся до той минуты, пока мы не придемъ на стоянку и не разобьемъ лагерь. Густой туманъ, втеченіе цѣлаго дня лежащій вокругъ насъ, помогаетъ намъ къ тому же промокать до костей.

«Четвергъ, 30-го іюня. За нѣсколько времени передъ полночью мы замѣчаемъ низко на западномъ горизонтѣ темноватую ленту облаковъ, тянущуюся съ юго-запада и предвѣщающую намъ снова туманный день. Когда мы остановились на привалѣ, облака разошлись, по обыкновенію, на сѣверъ и югъ, и къ 1 ч. 30 м. все небо было покрыто облаками, а густой, мокрый туманъ, производящій впечатлѣніе частаго, мелкаго дождя, скрылъ все вокругъ насъ. Ежедневное повтореніе этого явленія заставляеть меня предполагать, что мы приближаемся къ открытому морю, такъ какъ я рѣшительно не могу повѣрить, чтобы подобный туманъ могъ подниматься единственно изъ ледяныхъ трещинъ. Совершенно правильно въ полночь сила солнечныхъ лучей умалется и поднимающійся отъ воды паръ, гонимый вѣтромъ надъ холоднымъ льдомъ, сгущается или падаетъ въ видѣ дождя, или опускается внизъ въ видѣ тумана; вѣтеръ гонитъ этотъ туманъ все дальше и дальше. Вообще, какъ при отправленіи въ путь въ 6 час. вечера,

такъ и при отходѣ ко сну въ 9 час. утра, у насъ всегда блеститъ солнце; съ полуночи же и до разбивки лагеря, по большей части, бываетъ туманно. Послѣ обѣда, въ 1 часъ 50 мин. утра, тронулись мы далѣе. Идя впередъ съ г. Дѣнбаромъ, я нашелъ на разстояніи двухъ верстъ хорошую дорогу, оканчивающуюся на твердомъ и ровномъ ледяномъ полѣ. Конечно, и здѣсь было необходимо переправляться черезъ нѣсколько трещинъ, сшивать въ нѣсколькихъ мѣстахъ дороги большія ледяныя глыбы и сдѣлать объѣздъ; все же мы прибыли на бивуакъ безъ значительныхъ неудачъ, кромѣ развѣ той, что сани изъ форта св. Михаила сломались, да выскочила одна связъ у полозьевъ другихъ саней. На самыхъ высокихъ мѣстахъ, на старомъ льду намъ попадалось много углубленій съ водою, по всѣмъ вѣроятіямъ, такого же происхожденія, какъ и описанныя капитаномъ Нересомъ, изъ которыхъ экипажъ «Алертъ» бралъ прѣсную воду. Сегодня нѣкоторые изъ этихъ лужъ замерзли при 0°; мнѣ пришлось въ голову, не заключаютъ ли и онѣ прѣсную воду; докторъ, изслѣдовавъ, нашелъ, однако, эту воду изобилующею солью.

«Пятница, 1-го іюля. Хорошая дорога по льду, но, къ сожалѣнію, въ 6 ч. 30 м. пошелъ дождь. Все время, пока мы спали, дождь лилъ ливнемъ, а когда мы встали, то капли все еще барабанили по крышамъ палатокъ. Само собой разумѣется, что наши спальные мѣшки сдѣлались снова сырые, а нѣкоторые, напримѣръ, мѣшокъ Эриксона и мой, словно лежали въ водѣ. Эриксенъ, Бойдъ и Каачъ легли спать съ сухими сапогами и чулками, а вытащили свои ноги изъ мѣшковъ промокшими по колѣна. Я такъ изогнулся, что ноги мои приплюсь въ сухомъ мѣстечкѣ, и проспалъ довольно удобно нѣсколько часовъ сряду, пока у меня не разболѣлись сильно кости, вслѣдствіе долгаго лежанія на страшно твердомъ льду. Само собою разумѣется, что ложе изъ снѣга было бы мягче, но стало бы очень скоро таять вслѣдствіе теплоты нашихъ тѣлъ и скоро мы очутились бы лежащими въ водѣ. Вездѣ на льду такъ много воды, что очень трудно бываетъ розыскать сухое мѣсто, гдѣ бы наши непромокаемыя одежды могли бы намъ доставить достаточную защиту отъ мокроты. Время обѣда для насъ есть самая неприятная часть дня. Чулки наши и сапоги промокаютъ совершенно уже въ первые полчаса нашего хода; пока мы идемъ, мы неособенно еще объ этомъ заботимся, но когда дѣлаемъ остановку для обѣда, то ноги наши дѣлаются холодными какъ ледъ, и остаются въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока мы не разобьемъ лагерь и не переобуемся.

«Воскресенье, 3-го іюля. Къ 12 час. 30 мин. мы перетаскивали счастливо всѣ наши сани и лодки вплоть до гладкаго льда, т. е. такого, который покрытъ футами на два талымъ снѣгомъ и водою, и, кромѣ того, изобилуетъ ухабами, въ которые путникъ неожиданно

проваливается по колѣна; здѣсь мы расположились на обѣдъ. Нѣкоторое время казалось, что сокрытое до той поры солнце хочет пробиться лучами чрезъ облака и туманъ, и всѣмъ намъ показалось вмѣстѣ съ тѣмъ, что вдругъ стало гораздо холоднѣе. Для того, чтобы хотя нѣкоторымъ образомъ защититься отъ сильнаго вѣтра, я приказалъ перевернуть палатки, куда мы и забились и нѣскольکو пообѣдали. Въ 9 ч. утра я прочелъ военный уставъ, а затѣмъ справилъ божественную службу; въ 9 час. 30 м. просвистали ко сну. Всѣ наши люди веселы и мужественны и всѣ, за исключеніемъ Чиппа и Данненхауэра, смотрять совершенно здоровыми. Пища у насъ роскошная, аппетитъ превосходный, сонъ отличный—и понятно, что Коля былъ совершенно правъ, говоря сегодня про себя, что «онъ чувствуетъ, какъ со дня на день становится все эластичнѣе и сильнѣе». По моимъ астрономическимъ наблюденіямъ, мы находимся подъ $77^{\circ} 31'$ сѣв. шир. и $151^{\circ} 41'$ вост. долг., такъ что измѣнили свое положеніе сравнительно съ 25 іюня на 13 миль на югъ подъ угломъ $30^{\circ} 3'$; такъ какъ, по нашему расчету, мы подвинулись съ той поры впередъ на 12 миль, то могло бы показаться, что мы не имѣли противъ себя теченія. Я не могу принять этого съ увѣренностью, такъ какъ весьма возможно, что только благодаря сѣвернымъ вѣтрамъ трехъ послѣднихъ дней, мы были отнесены такъ далеко; основываясь на этомъ, я беру результатъ моихъ наблюденій просто лишь какъ указаніе нашего настоящаго положенія и продолжаю нашъ походъ по направленію къ краю ледяныхъ полей.

«Понедѣльникъ, 4-го іюля. Въ 1 ч. 45 м. остановились для обѣда, а въ 3 ч. со свѣжими силами тронулись снова въ путь. Не смотря на маленькій безпорядокъ, происшедшій вслѣдствіе того, что «Моржъ» пошелъ не по настоящему пути, мы, всетаки, счастливо избѣжали долгихъ задержекъ и къ 6 ч. 20 м. перетаскали всѣ наши грузы на добрыя полторы версты впередъ. Ничего подобнаго до сихъ поръ еще намъ не удавалось: въ 8 ч. 20 м. мы прошли $3\frac{1}{2}$ версты. Подъ конецъ мы шли вдоль узкой трещины по прекрасному крѣпкому льду, такъ что могли тащить сразу сначала двое саней, а затѣмъ второй куттеръ и китоловную лодку; первый куттеръ тащили, всетаки, всѣ, но за то количество переходовъ взадъ и впередъ сведено было съ семи до четырехъ; такимъ образомъ мы получили значительное сбереженіе во времени, которое возможно, однако, лишь на небольшихъ переходахъ, такъ какъ сильное напряженіе можетъ гибельно отозваться на людяхъ. Втеченіе 16 дней нашего путешествія, количество нагруженныхъ на собачьи сани припасовъ замѣтно уменьшилось, а вслѣдствіе этого эти сани прибываютъ теперь нѣсколько раньше лодокъ и остальныхъ саней. Я сдѣлалъ на этомъ основаніи новое распредѣленіе грузовъ... Положеніе наше не плохо. До сихъ поръ мы никогда еще не съѣдали

цѣликомъ нашей дневной порціи пеммикана (по фунту на человѣка), и даже собаки зачастую не пожираютъ до конца своей порціи. Такъ какъ мы теперь ѣдимъ пеммиканъ безъ приготовленія и холоднымъ, онъ всѣмъ очень нравится, но, повидимому, намъ было бы совершенно достаточно и меньшаго количества. Величайшимъ, однако, наслажденіемъ является для насъ утромъ и вечеромъ пить бульонъ изъ либиховскаго экстракта; такъ какъ ежедневно полагается на человѣка 60 граммовъ мяснаго экстракта, то мы можемъ готовить себѣ 2 литра горячаго напитка, по моему мнѣнію, самаго освѣжающаго и благодѣтельнаго изъ всѣхъ, которые можно имѣть. Въ нѣкоторыхъ палаткахъ берутъ всѣ 60 граммовъ на обѣдъ, мы же предпочитаемъ выпивать эту порцію въ два приѣма — при вставаніи и на сонъ грядущій. Въ честь торжества республики развѣваются сегодня всѣ наши флаги; меня день этотъ наводитъ на грустныя мысли. За три года передъ этимъ крещена была «Жаннетта»; сколько было сказано при этомъ хорошихъ и прекрасныхъ словъ, сколько было надеждъ и плановъ, которые всѣ канули вмѣстѣ съ судномъ на дно моря! Тогда я не думалъ еще, что ровно черезъ три года, не сдѣлавъ ровно ничего, мы будемъ блуждать по льдамъ и что намъ придется посылать нашимъ любезнымъ покровителямъ на родину, вмѣсто донесенія о счастливо оконченномъ предпріятіи, лишь исторію гибели корабля. Я считаю своимъ прямымъ долгомъ по отношенію къ тѣмъ, которые до сихъ поръ слѣдовали за мною, доставить ихъ назадъ на родину и направить къ достиженію этой цѣли всѣ мои помыслы и всѣ мои силы; долгъ мой по отношенію къ оставленнымъ на родинѣ милымъ, судьба которыхъ вполнѣ зависитъ отъ меня, приказываетъ мнѣ желать тоже скорѣйшаго возвращенія домой. Если бы не было передо мною этихъ двухъ обязательствъ, то не было бы большой бѣды, какъ мнѣ кажется, погибнуть вмѣстѣ съ «Жаннеттой»; но такъ какъ все, что случается, случается къ лучшему, то я и долженъ стараться смотрѣть моему несчастью мужественно въ глаза и ждать, каково будетъ то добро, которое окажется въ результатѣ всего, что случилось. Конечно, тяжело будетъ прослѣть человѣкомъ, который предпринялъ полярную экспедицію и утопилъ свое судно подъ 77° сѣв. широты.

«Въ 9 ч. утра данъ свистокъ ложиться спать, а въ 6 ч. вечера всѣ были снова на ногахъ. Завракъ—въ 7 ч. Выступленіе—въ 8 ч. Въ полтора саженяхъ отъ нашей стоянки мы подошли къ трещинѣ въ 150 фут. ширины, которая преградила намъ дорогу. Такъ какъ мы работаемъ теперь съ двойною скоростью, т. е. тащимъ сразу двое саней, то трещина такихъ размѣровъ представляла для насъ значительную помѣху; небольшой, крѣпкій ледяной островокъ плавалъ въ ней, и я рѣшился употребить его, не теряя времени, въ качествѣ перевозочнаго средства. Я приказалъ привезти сюда

скорѣе челнокъ, переправился на веслахъ на льдину и былъ достаточно счастливъ, чтобы изготовить ее къ переправѣ, не окунувшись ни разу, и притомъ какъ разъ къ тому времени, когда прибыли остальные лодки. Тогда переправили сначала въ полномъ порядкѣ оба куттера и двое саней, а затѣмъ и все остальное. Скоро намъ пришлось устраивать другую переправу, а тамъ и еще нѣсколько мостовъ, пока мы не достигли твердаго льда, посѣщеннаго мною и Дёнбаромъ еще раньше нашей послѣдней остановки. Ледъ, видѣнный нами крѣпкимъ и цѣльнымъ, теперь во многихъ мѣстахъ разсѣлся и пришелъ въ движеніе, и было уже 1 ч. утра вторника, 6-го іюля, когда мы успѣли перетащить всѣ наши вещи въ настолько безопасное мѣсто, что могли усѣсться спокойно за обѣдъ. Снѣгъ падалъ большими хлопьями, и мы устроили себѣ импровизированныя убѣжища изъ нашихъ непромокаемыхъ плащей, растянутыхъ между лодками; нѣкоторые изъ нашихъ людей увѣряли, что, благодаря этому, нашъ обѣденный столъ смотрѣлъ чѣмъ-то въ родѣ деревенской ярмарки, и тутъ-то мнѣ вспомнились всѣ счастливые люди тамъ, дома, которые сегодня сидятъ подъ палатками, чтобы отпраздновать этотъ день пикниками и другими чисто сельскими удовольствіями, и которые отчасти рады были бы тому холоду, который мы испытывали; но такъ какъ я замѣтилъ, что это воспоминаніе возбуждаетъ въ нѣкоторыхъ изъ команды тоску по родинѣ, то я и прекратилъ разговоръ объ этомъ.

XXI.

Островъ Беннеттъ.

АПИТАНЪ Делонгъ затѣмъ продолжаетъ: «Въ 2 часа утра, мы снова тронулись въ путь. Снова попадались намъ на дорогѣ трещины, которыя приходилось задѣлывать; пока мы занимались этимъ, казалось, все ледяное поле вокругъ насъ оживилось: начались толчки и надвиги, утихавшіе всего минутъ на пятнадцать, а намъ смотрѣть на это было далеко не утѣшительно. Огромныя глыбы, лежавшія до сихъ поръ совершенно спокойно, вдругъ высвободились изъ-подъ другихъ, выплыли наверхъ и носились здѣсь и кружились, подобно огромнымъ китамъ. Когда льдины сталкивались другъ съ другомъ, огромныя куски ихъ отламывались и вставали вертикально, вадываясь футовъ на 25 — 30 вверхъ; цѣлыя массы ледяныхъ осколковъ, скопившіяся и бурляція съ необычайною силою подъ большими глыбами, поднимали эти послѣднія вверхъ до тѣхъ поръ, пока онѣ дѣлались похожими на какіе-то величественныя памятники въ 30 футовъ высоты. И снова потомъ толпились длинныя, острые ледяныя куски, подобно щетинѣ какихъ-то морскихъ чудовищъ, среди повсемѣстной сумятицы, напирали какъ громадныя ледяныя плуги на плоскія льдины, врѣзались въ нихъ и производили повсюду шуршащій и трещащій звукъ, сопровождавшій постоянно грохотъ и гулъ сталкивающихся другъ съ другомъ массъ. Когда длинныя и узкія льдины, поднимавшіяся зачастую въ высоту на 20 — 30 футовъ, вслѣдствіе новаго толчка опрокидывались, то онѣ распадались съ грохотомъ на большіе куски, разлетавшіеся во всѣ стороны. И все же таки, ка-

жется, вѣсь мы уже болѣе не на стародавнемъ льду; уже вчера, да и сегодня путь нашъ шелъ по льду, который похожъ на тотъ, что мы встрѣтили у острова Гаральда; онъ наслоился, по всей вѣроятности, и за немногими лишь исключеніями, въ одну зиму и имѣеть среднюю толщину въ 7—10 футовъ. Если только это предположеніе вѣрно, то мы, быть можетъ, находимся уже внѣ границъ вѣчныхъ ледяныхъ полей и притомъ, въ сплошномъ льду, окружающемъ Ляховскіе острова, а въ такомъ случаѣ мы имѣемъ право надѣяться достигъ въ скоромъ времени полярныя, гдѣ мы будемъ въ состояніи спустить на воду наши лодки. Чишпъ вовсе не такъ еще окрѣпъ, какъ бы ему хотѣлось увѣрить насъ; докторъ запретилъ ему вчера виски, получавшюся имъ до сихъ поръ ежедневно, для того, чтобы посмотрѣть, какія будутъ оттого послѣдствія. Вечеромъ онъ уже лишился аппетита, а ночью (т. е. въ то время, когда мы спали) онъ не могъ уснуть и бросался туда и сюда, стояя безпрестанно. Мы узнали все это только отъ Дѣнбара, такъ какъ самъ Чишпъ увѣраетъ, что чувствуетъ себя превосходно, «какъ встрепанный»; онъ даже просилъ Дѣнбара сказать это доктору, когда тотъ послѣдній будетъ о немъ спрашивать. Глупо, что онъ желаетъ снова приняться за службу, и потому самъ себя обманываетъ, что можетъ что нибудь сдѣлать.

«Пятница, 8-го іюля. Только сегодня утромъ прошли мы остатокъ той версты, которую начали вчера при самыхъ тяжелыхъ и доводящихъ до отчаянія обстоятельствахъ, какія когда нибудь сопровождали наше путешествіе. Свѣжій сѣверо-западный вѣтеръ понадѣлалъ во льду трещины по всѣмъ направленіямъ, кромѣ одного, которое и было собственно для насъ желательно, такъ что мы то и дѣло были принуждены строить мосты и устраивать переправы. Продуваемые насквозь рѣзкимъ вѣтромъ, дождались мы, наконецъ, и нашего обычнаго тумана и мглы, которые промочили насъ насквозь и застудили. Такъ какъ на проходъ послѣднихъ 350 саженъ мы должны были употребить шесть часовъ, то мы могли сѣсть за обѣдъ только въ 2 часа утра. Въ 3 часа мы снова двинулись въ путь, а въ 7 часовъ разбили лагерь. Ужинъ—въ 7¹/₂ часовъ. Барометръ—29.58 при 36°. Температура—¹/₂° тепла. Въ 9 часовъ утра дали свистокъ ко сну. Въ 6 часовъ вечера всѣ на ногахъ. Свѣжій вѣтеръ съ сѣверо-запада. Между 3 и 5 часами немного голубаго неба и солнце. Въ 7¹/₄ мятель. Въ 8 часовъ вечера снова въ путь.

«Суббота, 9-го іюля. Въ полночь мы протащили всѣ наши вещи на цѣлыхъ 2 версты и остановились пообѣдать. Сегодняшній переходъ нашъ долженъ вознаграждать насъ за вчерашнія неудачи и дать намъ возможность нагнать потерянное время. Когда ледъ держится, мы идемъ совершенно благополучно и скоро впередъ, и только ужасныя трещины нарушаютъ обычный порядокъ. Каждая

пройденная нами миля равняется по трудности пути обыкновеннымъ семи милямъ; переходы то туда, то сюда, рекогносцировка пути и обратный путь по ея окончаніи, для того, чтобы присутствовать лично при выступленіи,—дѣлаютъ то, что я самъ прохожу всякую милю пути три раза и могу, слѣдовательно, по личному опыту, судить, съ какимъ наслажденіемъ Мельвилль и его люди привѣтствуютъ моментъ остановки на ночлегъ. Пока мы обѣдали, сѣверо-западный вѣтеръ дулъ все съ тою же силою и, хотя мы прятались за лодки, все же намъ было и холодно, и плохо. Къ этому еще присоединился нашъ обычный туманъ, который сдѣлалъ положеніе наше еще болѣе печальнымъ, такъ что, я полагаю, всѣ были очень рады, когда въ 1 часъ 10 минутъ утра я отдалъ приказъ тронуться въ путь.

«Воскресенье, 10-го іюля. Сегодня встрѣчали мы нѣсколько разъ «ледяныя иглы», какъ называетъ ихъ Пэрри, причемъ предполагаютъ, что онѣ образуются вслѣдствіе паденія дождевыхъ капель на ледъ; по нашему мнѣнію, это странное явленіе происходитъ вслѣдствіе того, что соль въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стекаетъ скорѣе и образуетъ такимъ образомъ цѣлыя ряды и снопы ледяныхъ иглъ. Если разрѣзать медовые соты вкось, то глазамъ представится нѣчто подобное по формѣ и образованію. Сегодня утромъ я получилъ хорошее наблюденіе, на основаніи котораго вычислилъ наше положеніе въ $77^{\circ} 8' 30''$ сѣверной широты и $151^{\circ} 38''$ восточной долготы, такъ что оказалось, что съ 30-го іюня мы перемѣстились почти на 40 версты при восточномъ отклоненіи въ 30° ; сосчитавъ наши переходы, я вывелъ, что мы прошли на юго-западъ всего 24 версты, а это послѣднее обстоятельство еще разъ доказываетъ, какъ мало можно отвѣчать здѣсь за точное выполненіе разъ предначертаннаго плана. Единственное, что мы можемъ сдѣлать,—это идти и идти все впередъ, и если только долгота наша вѣрна, то походъ на юго-западъ скорѣе всего выведетъ насъ, по моему убѣжденію, на окраину ледяныхъ полей. Ужинъ—въ $7\frac{1}{2}$ часовъ; въ 8 ч. 15 м.—божественная служба, а въ 9 часовъ—свистокъ на сонъ грядущій.

«Послѣ ужина неожиданный возгласъ: «земля въ виду!» повергъ всѣхъ въ смущеніе; на юго-западномъ горизонтѣ дѣйствительно показалось что-то похожее на землю, но туманъ принимаетъ здѣсь такія обманчивыя очертанія, что рѣшительно нельзя было съ увѣренностью сказать, что именно мы видимъ. Ближайшій изъ сибирскихъ острововъ находится еще въ 180 верстахъ отсюда, и если только намъ не суждено открыть какіе нибудь новые острова, я не могу повѣрить, чтобы мы видѣли сегодня землю. По моему расчету, сегодня въ $9\frac{1}{2}$ часовъ времени мы прошли верстъ 5; въ $8\frac{1}{4}$ часовъ отправились передовые, а въ 9 двинулся и я съ аррьергардомъ; тутъ по пути я встрѣтилъ Анеквина, который послѣшно

бѣжалъ назадъ за ружьемъ, такъ какъ Дѣнбаръ, по его словамъ, видѣлъ медвѣдя. Ускоривъ шагъ, я скоро нагналъ Дѣнбара, имѣвшаго дѣйствительно встрѣчу съ мишенькою; но, такъ какъ у него не было никакого инаго оружія, кромѣ палки съ желѣзнымъ наконечникомъ, то онъ и поспѣшилъ дать тягу. Выйдя изъ-за угла одной ледяной горы, онъ увидалъ саженьяхъ въ 15 отъ себя медвѣдя, который попробовалъ немного его преслѣдовать, когда онъ обратился въ поспѣшное бѣгство; скоро, однако, преслѣдованіе это прекратилось, медвѣдь сѣлъ и сталъ смотрѣть на Дѣнбара, тоже остановившагося въ ожиданіи ружья; такъ просидѣлъ онъ нѣкоторое время въ очень удобномъ для выстрѣла положеніи, но, когда Анекинъ появился съ оружіемъ, медвѣдь такъ быстро ретировался, что намъ осталось лишь пріятное воспоминаніе о неожиданной встрѣчѣ. По дорогѣ я наблюдалъ на юго-западѣ такія облака, которыя указывали на существованіе въ этомъ направленіи открытаго моря; когда я обратилъ вниманіе Дѣнбара на это обстоятельство, то и онъ объявилъ, что, на сколько ему извѣстно, «такихъ облаковъ надъ льдомъ ему видѣть никогда не приходилось». Я взобрался на вершину одного изъ ледяныхъ холмовъ, поднимавшагося футомъ на 20 надъ поверхностью, посмотрѣлъ въ подзорную трубу съ особенною тщательностью и замѣтилъ неоспоримо и землю, и воду, вѣроятно, ту самую землю, которую мы видѣли вчера. Во всякомъ случаѣ, передъ нами находится навѣрно земля, и не только земля, но и вода. Что это за земля, однако, никто до сихъ поръ еще не знаетъ. Ужъ не ошибочны ли наши вычисленія долготы и не часть ли это, быть можетъ, Сибири, или же дѣйствительно это вновь открытый островъ? Врядъ ли это одинъ изъ Ляховскихъ острововъ. Какъ бы то ни было, но, къ счастью нашему, нашъ путь лежитъ какъ разъ на эту землю; какъ полезно было для насъ, что я преждее южное направленіе измѣнилъ на юго-западное; быть можетъ, это обстоятельство поведетъ къ нашему скорѣйшему освобожденію. Повидимому, до земли остается еще 15—20 верстъ, а такъ какъ я видѣлъ также большія пространства открытой воды съ плавучимъ льдомъ на нихъ, то легко можетъ быть, что, дойдя счастливо до окраины ледяныхъ полей, мы будемъ имѣть передъ собою вплоть до сибирскаго берега открытое море; тогда, пожалуй, подтвердятся и нѣкоторыя мнѣнія русскихъ изслѣдователей. Но мы успѣли уже опровергнуть столько теорій прежнихъ путешественниковъ, что трудно намъ будетъ убѣдиться въ переходѣ за границу вѣчныхъ льдовъ раньше полярнаго круга. Мѣсяцъ тому назадъ, погибла «Жаннетта»; до сихъ поръ, какъ я вижу, тяжелая работа изо дня въ день еще никому изъ насъ не повредила. Что работа эта дѣйствительно неизмовѣрно тяжела, всѣ мы въ этомъ согласны; даже и самыя привычныя изъ нашихъ людей соглашаются, что никогда еще не приводилось имъ напрягать до такой степени свои силы. Тяжкое,

постоянное напряженіе при тагѣ, вытаскиваніе и отгребаніе изъ сугробовъ, необходимость таскать грузы и сдвигать съ мѣста, чтобы снова тащить ихъ изъ всѣхъ силъ, а въ особенности вредное и болѣзненное дѣйствіе ляжки на грудь—все это страшно дѣйствуетъ на силы людей, а если прибавить сюда еще многочасную часто работу багромъ среди плавучаго льда, то въ концѣ концовъ чувствуешь невыносимую боль во всѣхъ костяхъ...

«Вторникъ, 12-го іюля.. Земли и воды, видѣнныхъ нами вчера, сегодня нѣтъ и слѣда, такъ какъ весь юго-западъ покрытъ густымъ туманомъ; показалось, однако, много лысухъ, нѣсколько чаекъ и, странное дѣло, живая бабочка, пойманная тотчасъ же докторомъ и сохраненная мною. Вѣроятно, сильный юго-западный вѣтеръ, дувшій вчера утромъ и потомъ сегодня ночью, принесъ ее съ берега...».

Слѣдующія затѣмъ замѣтки рассказываютъ о дальнѣйшемъ трудномъ походѣ по льду, о трудностяхъ при устройствѣ переправъ и мостовъ. Между тѣмъ, на юго-западномъ горизонтѣ снова показалось нѣчто темное, похожее на землю, и нѣкоторые изъ экипажа объявили, что они совершенно явственно различаютъ очертанія земли.

«Четвергъ, 14-го іюля. При переходахъ по острому льду обувь людей чрезвычайно быстро снашивается, такъ что нашъ запасъ матеріала для починки уже весь истощился. Вчера далъ я поэтому разрѣшеніе снять кожаную обшивку съ челночныхъ веселъ, а сегодня сняли ее и съ рулеваго весла одного куттера; все это пошло на пригонку подметокъ и на заплаты; весь этотъ новый матеріалъ продержится дольше шкуръ, которыя мы до сихъ поръ употребляли для этой цѣли, но, къ счастью, я предвижу, что недалеко уже то время, когда я освобожусь хотя отъ этой заботы и отъ этого страха...

«Пятница, 15-го іюля. Слѣдуя все по тому же направленію, сегодня мы снова увидали землю; когда я принимаю въ соображеніе наблюденія, сдѣланныя за послѣдніе дни, а также и всѣ окружающія насъ обстоятельства, то я самъ считаю возможнымъ думать, что мы находимся вблизи открытой воды и земли. Во время обѣда (отъ 1 ч. 40 м. до 2 ч. 20 м. утра) на небѣ показалась луна, въ первый разъ втеченіе 2-хъ мѣсяцевъ. Еще болѣе порадовало насъ то, что въ ближайшей полынѣ мы замѣтили тюленя; Коллинсу посчастливилось уложить его, а намъ съ помощью челнока удалось овладѣть рѣдкою добычею раньше, нежели она опустилась на дно. Курсъ—западъ къ югу. Тюлень пришелся какъ нельзя болѣе кстати. Въ 7 ч. 15 м. утра усѣлись мы въ палаткѣ за роскошный пиръ; послѣ вѣчнаго однообразія пеммикана уже перемена составляла для насъ высокое наслажденіе. По существовавшимъ у насъ на кораблѣ гастрономическимъ правиламъ, всякое убитое животное должно полежать денька два или, по крайней мѣрѣ, повисѣть на вольномъ воздухѣ столько, сколько нужно для полнаго охлажденія его мяса; теперь мы смотрѣли на эти правила

какъ на нѣчто излишнее; въ 1 ч. 30 м. тюлень былъ убитъ, въ 4 ч. его освѣживали, а въ 7 ч. мы его съѣли и при этомъ такъ наслаждались, какъ будто поѣли въ лучшемъ ресторанѣ Нью-Йорка. $\frac{7}{16}$ частей изъ 20 ф. тюленьяго мяса, пришедшихся на напу палатку, были разрѣзаны на маленькіе кусочки, сварены въ водѣ и смѣшаны съ 100 гр. либиховскаго экстракта и съ литромъ измельченныхъ сухарей; приготовленное такимъ образомъ, мясо это дало чудесное блюдо, о которомъ я буду вспоминать еще долго; матросы одной палатки изжарили свои $\frac{6}{16}$ частей въ печуркѣ, и такъ удачно, что Мельвилль, поѣвши этого блюда, утверждаетъ, что оно вкусомъ совершенно сходно съ жареными устрицами.

«Суббота, 16-го іюля. Ясная, пріятная погода. Островъ видѣнъ еще яснѣе, чѣмъ вчера; открытой воды, однако, не видно. Коллинсъ опять уложилъ тюленя, котораго мы вытащили на ледъ при помощи челнока; такимъ образомъ намъ предстоитъ снова лукулловскій пиръ. Сегодня утромъ, раньше, чѣмъ я окончилъ мои астрономическія наблюденія, со мною случилась слѣдующая небольшая, но все же непріятная бѣда. Для того, чтобы бросить взглядъ на землю, я отправился съ Дѣнбаромъ на высокій ледяной холмъ, котораго мы, наконецъ, достигли послѣ долгаго, труднаго и изобиловаващаго трещинами пути; туда мы прибыли совершенно благополучно, но при возвращеніи, при прыжкѣ черезъ трещину фута въ 4 шириною, я провалился и по горло окунулся въ воду. Къ счастью, платье мое удержало меня на минуту на поверхности воды, такъ что Дѣнбаръ могъ захватить меня, какъ онъ полагалъ, за воротъ, а на самомъ дѣлѣ за бакенбарду, и вытащить изъ воды, причѣмъ мнѣ казалось, что мнѣ отрываютъ голову; ранецъ мой остался гдѣ-то далеко въ пути, на рукахъ у задняго отряда, и мнѣ пришлось, добравшись до челнока, посылать за своими вещами Джонсона, который вскорѣ доставилъ мнѣ сухое платье, а мокрое скоро высохло, благодаря теплымъ солнечнымъ лучамъ. Вслѣдствіе того, что у насъ опрокинулись сани, мы лишились, къ сожалѣнію, 7 пудовъ пеммикана. Главнымъ, однако, происшествіемъ дня была добыча тюленя, который былъ особенно хорошо, великъ и жиренъ, и далъ намъ, кромѣ превосходнаго мяса, еще и добрый запасъ мази для обуви. Врядъ ли маловажнѣе было появленіе моржа, перваго, увидѣннаго нами послѣ долгаго времени; хотя Коллинсъ и Ниндерманнъ и выстрѣлили въ него тотчасъ же и притомъ не дали промаха, все же животное пошло ко дну или ушло подъ водою. Землю сегодня видно еще яснѣе, но и намека нѣтъ на открытое море. Наблюденія мои показали сегодня положеніе $76^{\circ}44'$ с. ш. и $153^{\circ}25'$ в. д., что дало въ результатѣ 51 версту юго-западнаго перемѣщенія съ 10-го іюля. Такъ какъ земля, видимая нами, тянется на западъ и юго-западъ, то едва ли это одинъ изъ Ляховскихъ острововъ, даже если наши астрономическія наблюденія со-

вершенно невѣрны. Въ 10 ч. 15 м. мы поужинали. Тюленье мясо было превосходно...

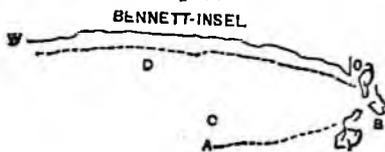
«Чиппа, наконецъ, сняли со скорбнаго листа, и онъ вступилъ въ отравленіе своихъ обязанностей, такъ что теперь Мельвилль освободился и можетъ заступитъ мѣсто доктора въ качествѣ наблюдающаго за устройствомъ дороги и переправъ, тогда какъ докторъ переходитъ въ резервъ. Въ 9 ч. вечера островъ вырѣзался на горизонтѣ яснѣе, нежели прежде. Я опять предаюсь надеждѣ, что мы откроемъ новую землю, и хочу повторить свои вычисленія, чтобы провѣрить наше положеніе. Я вижу, что мы находимся на 76°41' с. ш. и 153°30' в. д., т. е. сдѣлали съ 10-го іюля 64 в. на югъ. Лотъ указываетъ на 23 сажени глубины.

«Воскресенье, 17-го іюля... Дѣнбаръ полагаетъ, что черезъ два дня мы достигнемъ открытаго моря; земля, однако, все также далека, какъ и прежде...

«Я провалился сегодня на тонкомъ льду и такимъ образомъ открылъ тюлений ходъ, доказывавшій особенную хитрость этого животнаго. Двѣ дыры во льду были связаны между собою и съ моремъ ходомъ, покрытымъ тонкимъ ледянымъ слоемъ; если бы медвѣдь отрѣзалъ животному путь черезъ одну дыру, то оно могло воспользоваться этимъ ходомъ и, всетаки, спастись отъ бѣды; у одной изъ дыръ мы нашли углубленіе, гдѣ, видимо, отлеживался тюлень и гдѣ онъ выскребъ о ледъ свою старую шерсть»...

Съ воскресенья 17-го до вторника 26-го іюля, замѣтки Делонга описываютъ подробности дальнѣйшаго слѣдованія по льдамъ, которое мало-по-малу приближаетъ ихъ къ землѣ, а также и все болѣе и болѣе шаткое и непроходимое состояніе льда, по которому имъ приходилось пробираться. Въ качествѣ особенно счастливыхъ случайностей въ эти дни онъ упоминаетъ о добычѣ тюленя, медвѣдя и моржа; затѣмъ говоритъ о какой-то темной возвышенности, похожей на землю и замѣченной Чиппомъ и Коллинсомъ на сѣверномъ горизонтѣ; но при этомъ они такъ мало были увѣрены въ дѣйствительномъ существованіи видѣннаго, что рѣшено было не мѣнять принятаго курса.

«... Ночью на 26-е іюля, Коллинсъ пришелъ сообщить мнѣ, что мы находимся теперь передъ самою низменною частью острова, и что онъ видѣлъ открытое море, простирающееся между тѣмъ мѣстомъ, гдѣ мы находились, и прибрежнымъ тонкимъ льдомъ. Такимъ образомъ наше положеніе представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Островъ Беннетта.

А—лапа стовника. О—восточная оконечность южнаго берега острова. W—западная оконечность. В—ледъ, сильно гонимый на юго-западъ вѣтромъ. С—вода и большія плавушія льдины. D—береговой ледокъ.

«Я надѣюсь, что мы находимся достаточно далеко отъ пункта О и отъ льда, несущагося мимо острова, и именно въ пунктѣ О; ледъ этотъ захватить насъ не можетъ, но легко можетъ случиться что мы попали въ образовавшееся здѣсь противное теченіе, которое и гонить насъ къ землѣ. Такъ какъ до сихъ поръ ничего еще нельзя ясно видѣть, было бы глупостью рисковать идти впередъ, и потому мы рѣшились выждать спокойно, пока можно будетъ составить какой нибудь опредѣленный планъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

«Всю жизнь свою не забуду я вчерашняго дня! Такое безконечное сдѣленіе бѣдъ и трудностей можно испытать только здѣсь. Безпрестанный напоръ льдинъ и постоянное образованіе новыхъ трещинъ не дали намъ втеченіе цѣлаго дня ни одной минуты покоя. Едва только начали мы перевозить наши вещи по дорогѣ, казавшейся сначала хорошею, какъ эта дорога въ нѣсколькихъ мѣстахъ уже разверзлась подъ нашими ногами, и не было между нами ни одного человѣка, который бы не промокъ по колѣна; ноги наши околѣбли, а судорожныя подергиванія въ нихъ мучили насъ къ тому же даже и тогда, когда мы лежали въ своихъ спальняхъ мѣшкахъ усталые до такой степени, что не было никакой возможности уснуть, хотя всѣмъ намъ сонъ и былъ нуженъ до крайности. Тѣмъ не менѣе, сегодня утромъ мы всѣ были совершенно свѣжи; вчерашній ужасный день не принесъ, повидимому, никому вреда. Нѣтъ возможности сомнѣваться въ томъ, что онъ принесъ намъ пользу: если бы мы не употребили всѣхъ 24 часовъ на работу, такъ вчера вечеромъ мы были бы еще на высокомъ плавающимъ льду и ночью разыгравшаяся буря унесла бы насъ далеко отъ земли. Около полудня туманъ поднялся, и земля снова появилась предъ нами на нѣсколько мгновеній. Положеніе наше было именно таково, какимъ я его представлялъ себѣ. Напоръ льда, который несетъ мимо восточной оконечности острова, вдвинулъ насъ въ бухту, и между ледянымъ полемъ, гдѣ мы теперь находимся, и землею открылось теперь совершенно свободное отъ льда пространство воды, шириною почти въ 3 версты. Множество большихъ глыбъ и цѣлыхъ ледяныхъ холмовъ, которые, какъ я полагаю, соприкасаются съ нашимъ ледянымъ полемъ, представляютъ значительныя препятствія къ тому, чтобы спустить лодки на воду. Море съ необычайною силою разбиваетъ свои волны о края этихъ глыбъ. Въ настоящую минуту и вѣтеръ реветъ и бушуетъ надъ льдами, такъ что одну изъ нашихъ палатокъ срывало уже два раза. Намъ приходится спокойно ожидать полудня и тогда уже сообразоваться съ состояніемъ льда и погоды. Въ 12 ч. 30 м. пополудни мы роскошно пообѣдали медвѣжьимъ мясомъ; въ 1 ч. 30 м. землю снова сокрылъ отъ нашихъ глазъ густой туманъ, а остальное находилось все въ томъ же положеніи. Я ничего не желалъ такъ сильно, какъ дви-

нуться тотчасъ же впередъ, но слушался велѣній разума, который совѣтовалъ мнѣ подождать еще нѣсколько времени, пока не улучшится погода. А между тѣмъ, барометръ все падаетъ, дождь по временамъ льетъ ливнемъ и густой туманъ мѣшаетъ увидеть хоть что нибудь. Едва только погода исправится, я попробую отправиться на куттерѣ и свезти на землю кое-что изъ провіанта. Лотъ показываетъ глубину 13 сажень; на приливъ нѣтъ никакихъ намековъ. По всему замѣтно, что наше ледяное поле срослось хорошо и держится крѣпко, тогда какъ ледяные холмы, напирające въ настоящую минуту на насъ, вѣроятно, распадутся при первой возможности, и тогда врядъ ли намъ останется мѣсто, куда бы можно было спустить наши лодки, — развѣ только всю нашу огромную льдину прибьетъ къ землѣ! Начиная съ полудня внѣшній видъ льда измѣнялся безпрестанно. Была минута, когда казалось, что онъ тянется въ видѣ моста до самой земли, но тотчасъ же снова появились на немъ широкія трещины, а разъ наша глыба вдругъ очутилась среди открытой воды, подобно острову, такъ что, пожалуй, представлялась даже возможность достигъ берега въ лодкѣ. Долженъ признаться, что мнѣ ужасно хотѣлось попробовать это, но, такъ какъ мы не могли теперь сильно нагружить нашу китоловную лодку, требовавшую значительной починки, то пришлось отказаться отъ этой мысли; обѣимъ остальнымъ лодкамъ пришлось бы разъ шесть или семь пробѣжать взадъ и впередъ, чтобы перевезти на берегъ всѣ наши вещи. Мнѣ не пришлось, впрочемъ, долго горевать объ отмѣнѣ приказанія, такъ какъ еще прежде, чѣмъ мы были въ состоянїи спустить лодку на воду, ледъ продвинулся въ пространство, лежавшее между нами и берегомъ, и отдѣлялъ насъ отъ него все также безнадежно, какъ и прежде. Казалось даже, что само Провидѣнїе оберегало насъ: льдина, на которой вчера мы разбили свой лагерь, сегодня осталась одна не раздробленною на мелкіе куски; повсюду кругомъ, на сколько хватаетъ зрѣнїе, видна только какая-то двигающаяся въ безпорядкѣ и громадящаяся масса льда. Кто знаетъ, гдѣ бы мы находились сегодня, если бы вчера вечеромъ пошли бы дальше или стали лагеремъ раньше! Теперь мы тихо двигаемся въ 1½ — 2 верстахъ отъ берега все впередъ на западъ; въ настоящую минуту (7 час. веч.) мы находимся какъ разъ напротивъ глетчера, кручи котораго высокою футовъ въ 20 прекрасно видны намъ въ подзорную трубу. Я сегодня цѣлый день высматривалъ удобное мѣсто для высадки, но всѣ старанія мои остались тщетными; берегъ представляетъ собою или вертикальные утесы, или глетчеры, такъ что ни тутъ, ни тамъ удобствъ для высадки не представляется. Барометръ стоитъ на 29, 63 при 38°, и хотя все еще по временамъ идетъ дождь и небо, гдѣ только его можно увидеть сквозь туманъ, является мрачнымъ и грознымъ, все же я надѣюсь, что

ночью погода ивмѣнится къ лучшему. Ужинъ — въ 6 час. вечера. Въ 9 час.—свистокъ ко сну.

«Среда, 27-го іюля. Въ 6 часовъ общая переключка. Въ 7 ч. завтракъ. Вѣтеръ повернулъ на востокъ и значительно ослабѣлъ. Терпѣливо и исполненный надежды, прождалъ я все утро окончательнаго проясненія погоды, но и теперь еще (1 часъ по полудни) непроницаемый туманъ окутываетъ все кругомъ насъ. Барометръ стоитъ на 29,72 при 38°; температура 1° тепла. Лотъ даетъ глубину въ 16 сажень, и я начинаю опасаться, что теченіе, направляющееся на западъ, вынесло насъ изъ бухты, гдѣ мы вчера, къ великой радости своей, нашли глубину въ 13 сажень, и что теперь мы находимся уже противъ западной оконечности острова; въ такомъ случаѣ мы достигаемъ теперь западнаго берега и ни подь какимъ видомъ не найдемъ здѣсь открытаго моря. А все же мы имѣемъ полное основаніе благодарить судьбу за то, что, не смотря на нечеловѣческое напряженіе силъ, всѣ мы здоровы и бодрь. Аппетитъ, которымъ насъ снабдила природа, по истинѣ изумителенъ и нашъ крѣпкій и невозмутимый сонъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Сорокооднедневный походъ по замерзшему морю никому изъ насъ еще не повредилъ. Медвѣдя нашего мы на столько успѣли съѣсть, что сегодня за ужиномъ пришлось выдать всего лишь половину обычной порціи (въ пять присѣстовъ мы съѣли около 250 фунт. медвѣжатины, а въ животномъ было до 450 фунт.). Единственнымъ непріятнымъ послѣдствіемъ похода является образование небольшихъ ранъ на ногахъ, которыя, надо думать, скорѣе дѣлаются вслѣдствіе постоянной сырости, нежели вслѣдствіе трудности ходьбы. Если бы даже мы могли мѣнять нашу обувь ежечасно, все же ноги наши тотчасъ же промокали бы, такъ какъ то и дѣло намъ приходится идти по водѣ. Въ 6 час. вечера мы поужинали, а въ 6³/₄ часовъ туманъ немного разяснился и далъ намъ возможность увидеть землю, отстоявшую отъ насъ въ какихъ нибудь 350—400 саженьяхъ. Съ вчерашняго вечера насъ несетъ все время вдоль берега; глетчеръ, противъ котораго мы находились, давно остался вправо отъ насъ, но прямо противъ насъ, отдѣленная нѣсколькими лишь незначительными трещинами, вырѣзалась теперь огромная, голубая ледяная глыба, тянущаяся, повидимому, вплоть до берега. Такого удобнаго случая пропускать не слѣдовало. Всѣ тотчасъ же должны были приняться за работу, и уже въ 7¹/₄ часовъ всѣ мы тронулись съ нашими четырьмя санями сразу впередъ (офицеры, всѣ безъ исключенія, помогали при тагѣ); затѣмъ мы продвинули наши лодки и черезъ часъ уже обрѣтались вполне счастливые на крѣпкой глыбѣ. Теперь оказалось, что глыба эта имѣла версты 2 въ ширину и отдѣлялась еще отъ берега пространствомъ въ 300 сажень, переполненнымъ поломаннымъ льдомъ и узкими каналами

воды. Какъ ни мало утѣшительно было наше новое мѣстопробываніе, все же я рѣшился отложить переходъ до слѣдующаго дня, чтобы имѣть для него въ распоряженіи цѣлый день, если будетъ необходимость. Вѣтеръ, повернувшій между тѣмъ на востоко-юго-востокъ, дулъ довольно сильно, и начиналъ накрапывать дождь, такъ что, когда въ 10¹/₄ часовъ вечера я отдалъ приказаніе разбить лагерь на краю голубой глыбы, я сознавалъ, что поступилъ очень разумно и осторожно.

«Четвергъ, 28 іюля. Въ 7 ч.—общая перекличка, а въ 8 ч.—завтракъ. Погода вѣтряна (востоко-юго-востокъ), туманна и сыра. Отъ времени до времени видѣлась земля. Мы продвинулись на нашей глыбѣ нѣсколько дальше на западъ. Барометръ 29,78 при 36°; температура — 1¹/₂° тепла. Въ 8 ч. 10 м. мы тронулись въ путь; я послалъ впередъ Дѣнбара, и въ скоромъ времени намъ удалось перебраться черезъ мелкій ледъ, мѣшавшій еще вчера нашему поступательному движенію; теперь мы находились на небольшомъ ледяномъ полѣ, по которому быстро подвигались впередъ до тѣхъ поръ, пока туманъ вдругъ снова не спустился и не лишилъ насъ возможности видѣть хотя что либо вокругъ. Я уже начиналъ опасаться, что мы опять попадемъ въ непріятное положеніе, когда Дѣнбаръ вернулся съ вѣстью, что по ту сторону этого небольшого ледянаго поля мы встрѣтимъ снова большія глыбы, тянущіяся вплоть до самаго береговаго льда и отдѣленные другъ отъ друга трещинами, шириною, самое большое, въ 2 фута; онъ самъ перебирался на береговой ледъ и прошелъ по немъ сажень 50 по направленію къ землѣ. Само собою разумѣется, что намъ не приходилось пропускать такого случая, а потому мы и двинулись храбро впередъ; какъ мы, однако, ни спѣшили и какъ ни быстро очутились на краю ледянаго поля, все же мы нашли здѣсь все развороченнымъ, а передъ нами проносилось такое количество воды и быстро гонимаго льда, что отваживаться на переправу было бы слишкомъ рискованно. Многія проплывавшія здѣсь мимо насъ льдины имѣли видъ глыбъ, оторвавшихся отъ какого нибудь ледника, а ихъ закругленная верхняя поверхность и острые, прямые бока и въ самомъ дѣлѣ давали возможность предполагать, что это дѣйствительно ледяныя горы. Въ половинѣ перваго по полудни намъ удалось перевести все счастливо на край и заняться обѣдомъ; съ минуту казалось, что солнце хочетъ прорѣзывать лучами своими туманъ, и я сталъ уже надѣяться, что погода совершенно прояснится, но въ половинѣ втораго, когда мы снова принялись за работу, туманъ сдѣлался снова еще гуще прежняго. Положеніе наше между тѣмъ нѣсколько улучшилось; теченіемъ принесло другую огромную льдину, которая была теперь недалеко отъ насъ, и устроить переходъ на нее при помощи нѣсколькихъ льдинъ не представляло большой трудности. Быстро шла работа, но, къ сожалѣнію, глыба

оказалась слишкомъ мала, и мы скоро достигли ея края; новая остановка, пока, наконецъ, мы не увидали передъ собою бѣльшей глыбы, пльвшей отъ насъ хотя и въ нѣкоторомъ отдаленіи, но все же достижимой. Постѣпно перетаскивали мы всѣ тяжести на льдину, которая должна была служить намъ въ качествѣ плота, затѣмъ завезли на большую льдину канатъ, хорошенъко укрѣпили его тамъ и около 4 ч. по полудни стали съ большимъ трудомъ переправляться. Все шло прекрасно, когда вдругъ раздакъ всеобщій радостный крикъ: «смотрите!» Какъ разъ возлѣ насъ, почти надъ нашими головами возвышался тысячи на двѣ футовъ надъ поверхностью моря высокій берегъ, мимо котораго мы теперь быстро проносились. Тотчасъ же бросили лотъ, давшій глубину въ 18½ сажень. Скоро добрались мы до нашей бѣльшой глыбы и перетаскивали наши сани и лодки на такое мѣсто, гдѣ двѣ близко другъ отъ друга находившіяся льдины давали, по крайней мѣрѣ, въ данную минуту, возможность перехода на берегъ. Съ особенною поспѣшностью толкали и тащили мы впередъ наши вещи, пока не достигли со всѣмъ своимъ скарбомъ нижняго края береговаго льда; только съ большимъ трудомъ избѣжали мы снова гибели, такъ какъ люди, несшіе палатки и прочій провіантъ, едва успѣли добѣжать въ время на послѣднюю льдину, какъ разъ въ ту минуту, когда только что покинутыя ими льдины были унесены въ море. И теперь даже, когда всѣ мы стояли уже на послѣдней льдинѣ, положеніе наше было поистинѣ критическое. Трещина въ 10 фут. шириною, вся наполненная цѣлою массою маленькихъ льдинъ, отдѣляла еще насъ отъ береговаго льда, мимо котораго насъ несло со скоростью пяти верствъ въ часъ; наша льдина вовсе не была особенно крѣпкою и надежною, и потому у насъ передъ глазами постоянно стояла опасность быть раздавленными среди крутящихся и громоздящихся другъ на друга массъ льда. Признаюсь, эти минуты были страшны! Мы находились всего лишь саженьяхъ въ 300 отъ юго-западнаго конца острова, гдѣ намъ представлялась теперь единственная возможность высадиться, но на самомъ дѣлѣ рѣшительно казалось, что всѣ наши старанія достигъ острова ничѣмъ не кончатся и всѣ 16 дней труднаго пути и непосильныхъ трудовъ окажутся потеряннымъ временемъ. Тогда-то я вдругъ замѣтилъ, что наша льдина начинаетъ кружиться и попала въ теченіе, которое уноситъ ее въ небольшую бухточку, образовавшуюся въ береговомъ льду; если бы только она остановилась тутъ на нѣкоторое время, то намъ, быть можетъ, и удалось бы высадиться. «Не зѣвай!»—и съ лямками въ рукахъ мы стояли и ждали рѣшительной минуты. Насъ подхватило теченіемъ, льдину принесло въ бухточку и—она остановилась! «Впередъ, Чиппъ!»—воскликнулъ я, и пошла работа. Первые сани счастливо перебрались на неровную поверхность береговаго льда; вторыя чуть-чуть не опрокинулись, а третья и дѣйстви-

тельно упали въ воду, таща съ собою Коля; для четвертыхъ намъ пришлось съ большимъ трудомъ устраивать мостъ изъ льдинъ; теперь пришла очередь челнока изъ св. Михаила, подвигавшагося очень медленно впередъ. Я поглядѣлъ со вниманіемъ на нашу льдину и замѣтилъ, что она успѣла нѣсколько отойдти отъ береговаго льда и чрезъ нѣсколько времени совсѣмъ выйдетъ изъ бухты. «Впередъ съ лодками!»—крикнулъ я; но Ниндерманнъ возразилъ, что онъ можетъ теперь отлично спустить лодки на воду и перетащить на ту сторону. Сказано—сдѣлано. Быстро спустили ихъ на воду, люди съ саней прыгнули въ нихъ, и въ тотъ моментъ, когда нашъ первый куттеръ тронулся въ путь, я увидѣлъ, что наша глыба, на которой находились я, Мельвилль, Иверсонъ, Аневинъ и 6 штукъ собакъ, вдругъ оторвалась и отплыла далеко въ сторону. Вильсонъ успѣлъ уже перевезти часть собакъ въ челнокъ на твердую землю, но не возвратился еще за другими. Я зналъ, что лодки достигли цѣли и что Чипшъ, уже находившійся на береговомъ льду, углядитъ за всѣмъ, а кромѣ того, я былъ уже спокоенъ тѣмъ, что все наше добро находилось въ безопасности; что касается до насъ, находившихся теперь на плавучей льдинѣ, то наше положеніе нѣсколько озабочивало меня, но, къ счастью, одинъ конецъ нашей льдины попалъ скоро къ другой толстой и крѣпкой льдинѣ, съ которой мы и совершили вполне счастливо порядочный прыжокъ на твердую почву.

«Наконецъ-то! Но и тутъ еще мы, всетаки, были не на землѣ; береговой ледъ, окружавшій берегъ, былъ шириною въ нѣсколько сажень и состоялъ изъ беспорядочно нагроможденныхъ другъ на друга массъ, протаявшихъ, растрескавшихся и разсѣвшихся ледяныхъ холмовъ, гдѣ и думать нельзя было найти удобную для саней дорогу. Все же я былъ радъ ступить, наконецъ, на твердую почву, а потому и отдалъ приказъ, перевезя всѣ свои вещи какъ можно ближе къ землѣ, разбить палатки въ половинѣ седьмаго вечера.

«Въ 5 часовъ прибыли на береговой ледъ наши первые сани; съ высоты отвѣсной скалы прямо противъ насъ отъ времени до времени скатывались внизъ большіе камни, которые и падали затѣмъ въ трещину, образовавшуюся у подошвы утеса вслѣдствіе стока талой воды. Вся передняя часть утеса была усѣяна гнѣздящимися здѣсь во множествѣ морскими птицами. Въ 7 ч. 30 м. мы поужинали, въ 8 ч. 30 м. я устроилъ всѣмъ нашимъ людямъ ученъе; я принялъ начальство, и началось лазанье, прыганье и примѣрные переправы черезъ ледяныя массы, пока мы не очутились на обвалѣ утеса, гдѣ я, собравъ вокругъ себя всѣхъ нашихъ людей и развернувъ наше знамя, произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Симъ заявляю вамъ, что этотъ островъ, наконецъ, достигнутый нами послѣ двухнедѣльныхъ усиленныхъ трудовъ, предста-

вляеть собою вновь открытую землю. Именемъ президента Соединенныхъ Штатовъ я вступаю, поэтому, во владѣніе этимъ островомъ и называю его именемъ Беннетта. Теперь же требую, чтобы вы заключили этотъ торжественный актъ вашимъ мощнымъ троекратнымъ «ура»!

«Рѣдко раздавались такіе радостные и одушевленные крики, какіе раздавались теперь здѣсь на этомъ пустынномъ островѣ, среди полярныхъ льдовъ. Три здравицы за меня, такъ пріятно звучащія для моего слуха, присоединились къ этимъ кликамъ. Теперь, переправивъ число по общепринятому счету, я замѣчаю, что присоединилъ островъ Беннеттъ къ американской территоріи въ пятницу, 29 іюля, въ 8½ часовъ вечера. Мысокъ, гдѣ мы высадились, я назвалъ мысомъ Эммы. Въ 9 часовъ раздался свистокъ ко сну. Свѣжій, восточный вѣтеръ, густой туманъ; ледъ быстро проносится на западъ. Громкіе крики и щебетаніе птицъ на утесѣ не прекращались цѣлую ночь, но, не смотря на это, мы всѣ проспали эту ночь покойнымъ и крѣпкимъ сномъ».

XXII.

Ниндерманнъ и Норось.

ИРЯКЛЮЧЕНІЯ потерпѣвшихъ кораблекрушеніе при дальнѣйшемъ слѣдованіи ихъ съ острова Беннетта до Семеновскаго острова представляли собою лишь повтореніе всего того, что они пережили со времени гибели «Жаннетты»; поэтому я и пропускаю здѣсь описаніе ихъ трудовъ, усилій, препятствій и разочарованій, которыми изобилвала и эта часть ихъ пути, и перехожу прямо къ 12-му сентября, къ тому вѣлосчастному дню, когда три лодки покинули Семеновскій островъ, чтобы направиться къ устьямъ Лены; въ разсказѣ своемъ я буду пользоваться свѣдѣніями, сообщенными Ниндерманномъ и Норосомъ, единственными людьми, спасшимися изъ отряда Делонга.

«12-го сентября,—говоритъ Ниндерманнъ,—мы отправились на югъ, прогоняемые свѣжимъ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ; скоро, однако, вѣтеръ усилился и поднялось большое волненіе. Около полудня мы замѣтили, что на китоловной лодкѣ что-то не совсѣмъ ладно, и дѣйствительно скоро г. Мельвилль закричалъ капитану, что въ его лодкѣ открылась сильная течь. Всѣ три лодки были тотчасъ же вытасканы на ледъ, гдѣ мы сварили обѣдъ и починили китоловную лодку, а поѣвши, снова спустили лодки на воду и взяли тогда курсъ на юго-западъ. Вѣтеръ все крѣпчалъ и море становилось все бурливѣе; подъ вечеръ разыгралась уже настоящая буря, такъ что мы были принуждены убрать одинъ парусъ на первомъ куттерѣ; море постоянно хлестало черезъ лодку, и мы съ большимъ трудомъ успѣвали откачивать воду. Обѣ другія лодки нахо-

дились въ нѣкоторомъ отъ насъ разстояніи: китоловная лодка—съ навѣтряной, а второй куттеръ съ подвѣтряной стороны. Капитанъ Делонгъ подавъ имъ сигналъ подойти поближе и оставаться по возможности вблизи; но море такъ бушевало, что китоловная лодка не могла справиться съ волнами и сойдтись съ нами борть съ бортомъ. Мы убрали второй парусъ, но вскорѣ принуждены были снова поднять его. Начинало темнѣть и китоловная лодка, нашъ лучший ходокъ, уже скрылась изъ виду; нѣкоторое время мы еще видѣли второй куттеръ позади насъ, но скоро потеряли и его изъ виду. Вѣтеръ и волненіе все усиливались и волны врывались въ нашу лодку и съ боковъ, и съ носа. Эриксенъ былъ у руля, но вѣтеръ былъ такъ силенъ и непостояненъ, что паруса раза два или три бессильно влепали по мачтѣ, такъ что лодка едва не погибла.

«Наконецъ, снова зашлепалъ парусъ и былъ унесенъ за борть вмѣстѣ съ мачтою; масса воды ринулась въ лодку, и только съ большимъ трудомъ удалось намъ вычерпать воду, успѣвшую уже подняться до скамеекъ. Не дай Богъ—вторая волна... и мы бы погибли. Въ ту же самую минуту, какъ упала мачта, лодку повернуло и понесло по волѣ вѣтра и волнъ; капитанъ отдалъ приказаніе сдѣлать волоковой якорь, воспользовавшись парусомъ и багромъ, и спустить его съ кормы въ воду; съ минуту лодка держалась прямо, но затѣмъ и этотъ импровизированный якорь былъ сорванъ, и мы принуждены были дѣлать новый. Теперь мы уже взяли мачту и весло, связали ихъ крестъ на крестъ другъ съ другомъ, а вверху прикрѣпили ломъ. Около полуночи намъ показалось, что мы боремся съ волненіемъ, направляющимся съ двухъ различныхъ сторонъ; было очень не спокойно, волны безостановочно били въ борты лодки и люди ни на минуту не могли прекратить откачиванье воды. На слѣдующій день вплоть до самаго вечера продолжался сильный вѣтеръ и не менѣе сильное волненіе, а затѣмъ мало-по-малу море стало успокаиваться, и на ночь мы должны были стать на якорь. На слѣдующее утро капитанъ спросилъ у меня, нѣтъ ли у насъ на лодкѣ чего нибудь, изъ чего можно сдѣлать парусъ, на что я отвѣчалъ, что у насъ есть еще висячая койка и старая крышка отъ саней, изъ которыхъ можно кое-какъ смастерить по нуждѣ парусъ; тотчасъ же усадили Каача и Герца за работу, и они стали шивать койку и крышку; когда все было сдѣлано, мы поставили мачту, подняли парусъ и направились на юго-западъ. Около полудня волненіе значительно стихло и вѣтеръ повернулъ на западъ; мы держались все того же курса. Вечеромъ не только ноги, но и руки капитана начали такъ сильно пухнуть, что скоро онъ былъ уже не въ состояніи писать замѣтки въ своей записной книжкѣ. Онъ запряталъ ноги въ спальный мѣшокъ и просидѣлъ, такимъ образомъ, въ лодкѣ всю ночь. Когда

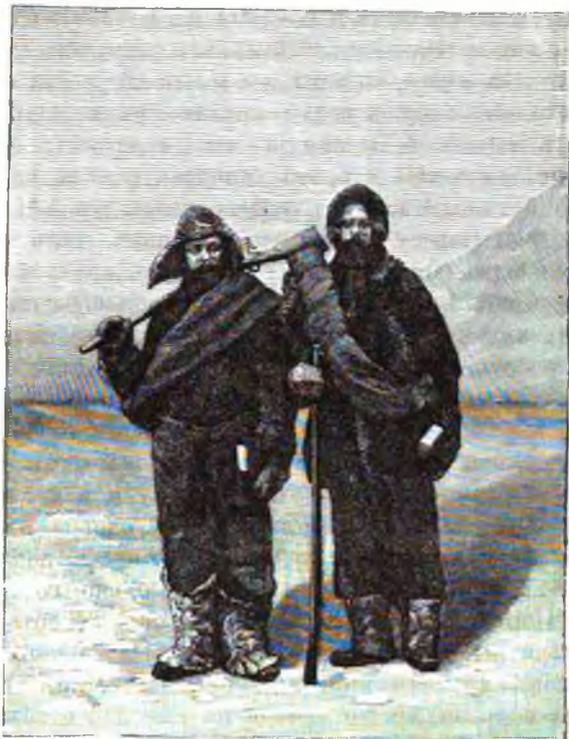
стемнѣло, вѣтеръ снова уже повернулъ болѣе на югъ, такъ что мы не могли держаться прямо своего курса и принуждены были лавировать. Капитанъ приказалъ мнѣ постоянно оставаться по 4 часа въ одномъ направленіи и тогда уже дѣлать поворотъ, причемъ я долженъ былъ будить его, едва намъ что нибудь встрѣтится на пути. Всю ночь мы продолжали лавировать. На слѣдующее утро вѣтеръ повернулъ на сѣверо-востокъ, такъ что мы снова могли безпрепятственно держаться своего направленія. Я попробовалъ лотомъ глубину и нашелъ 8 сажень; около 10 ч. я взобрался на скамейку и примѣтилъ отсюда нѣсколько темноватыхъ пятенъ на горизонтѣ, которыя имѣли подобіе земли; это было утромъ 15-го сентября. Я сообщилъ объ этомъ капитану, но, такъ какъ этотъ послѣдній сидѣлъ въ лодкѣ, то онъ и не могъ ничего видѣть и потому сначала подумалъ, что, вѣроятно, я ошибся. Между тѣмъ, не успѣли мы пробѣхать еще нѣсколько времени, какъ всѣ мы, уже сидя, могли различить землю; на востокъ и западъ простирался новый ледъ, который отдѣлялъ насъ, между прочимъ, и отъ видимой нами земли. Никакихъ слѣдовъ проливчика, который могъ бы довести насъ до берега, не было замѣтно, такъ что мы шли впередъ полнымъ ходомъ до тѣхъ поръ, пока не врѣзались въ ледъ и не остановились; тогда взялись мы за весла, которыми мы разбивали впереди себя ледъ и проталкивали мало-по-малу лодку. Такимъ образомъ, пробивали мы себѣ дорогу до тѣхъ поръ, пока до устья рѣки не осталось 4—5 верстъ; тутъ уже было всего лишь два фута глубины, а затѣмъ скоро лодка наша и вовсе сѣла на мель.

Цѣлый день провели мы въ стараніяхъ отыскать болѣе глубокое мѣсто; нѣсколько разъ всѣ отправлялись въ воду, усиливаясь стащить нашу лодку съ мели; все это время мы сильно страдали отъ холода, сырости и непомѣрныхъ трудовъ. Когда, наконецъ, къ вечеру рѣшительно всѣ выбились изъ силъ, капитанъ рѣшился провести ночь на льду; послѣ ужина принесли мы наши спальные мѣшки, но всѣ они были на столько промочены, что пользоваться ими не было никакой возможности; такъ мы и провели ночь какъ попало, причемъ всѣ очень страдали отъ сильнаго холода. На слѣдующее утро удалось таки сдвинуть лодку съ мѣста; до 10 ч. мы всячески старались продвинуться впередъ въ западномъ направленіи и, когда это рѣшительно не удалось, капитанъ приказалъ направиться на сѣверо-востокъ; всетаки, было очень мелко, и мы постоянно останавливались въ тинѣ. Когда люди забирали веслами впередъ, то и лодка продвигалась впередъ на одинъ или на два фута, но едва лишь они снова поднимали весла изъ воды, какъ лодка снова приходила почти въ то же положеніе, какъ и прежде. Вскорѣ послѣ полудня вѣтеръ посвѣжѣлъ и вода пришла въ сильное волненіе; часто заливала она въ лодку и промачивала насъ то

и дѣло до костей. Мы успѣли уже отбѣхать теперь версты на двѣ отъ новаго льда, но, такъ какъ капитанъ видѣлъ совершенно ясно, что идти дальше въ этомъ направленіи невозможно, то онъ и отдалъ приказаніе держать снова на ледъ. Такимъ образомъ, мы потеряли цѣлыхъ два дня въ тщетныхъ усиліяхъ достигъ берега и все это время не имѣли никакой другой воды, кромѣ той, которую мы получали, растаивая снѣгъ. Послѣ обѣда капитанъ сказалъ, что онъ больше ничего не можетъ сдѣлать и что теперь намъ остается лишь тащить лодку на берегъ; вслѣдствіе этого я сдѣлалъ изъ саней плотъ, на который мы и сложили часть груза ради облегченія лодки. Около 3 ч. по полудни, капитанъ отдалъ приказаніе тащить лодку, но мы не протащили ея и 10 сажень, какъ она снова сѣла на мель; тогда капитанъ, не видя инаго исхода, приказалъ всѣмъ снять платье и войти въ воду, — только онъ, д-ръ Амблеръ, Эриксенъ и Бойдъ остались сидѣть въ лодкѣ; выпустили парусъ, люди вошли въ воду и взялись за лямки, чтобы тащить лодку. Не прошли мы и 25 сажень, какъ лодка снова сѣла на мель, и на этотъ разъ капитанъ приказалъ каждому взять часть груза и стараться добраться въ бродъ до берега. Всякій захватилъ сколько ему впору было снести и всѣ тронулись въ путь; во многихъ мѣстахъ вода доходила намъ только до колѣнъ, а коегдѣ достигала поясницы; зачастую то тотъ, то другой падалъ въ какую нибудь яму и съ трудомъ былъ оттуда вытаскиваемъ. Версты за полторы до берега дошли мы до новаго льда, черезъ который намъ пришлось пробивать себѣ дорогу. Наконецъ, намъ удалось разгрузить лодку на столько, что она сошла съ мели; еще разъ захватили мы съ собою часть груза на берегъ, а затѣмъ вернулись къ лодкѣ, чтобы тащить и ее туда же; черезъ нѣсколько времени она снова уже сидѣла на мели и снова пришлось намъ облегчать ее и относить часть груза на берегъ. Такимъ-то образомъ, то понемногу облегчая лодку, то таща ее на себѣ, мы достигли, наконецъ, новаго льда, но тутъ уже оказалось, что доставить нашу лодку еще ближе къ берегу представляется совершенно невыполнимымъ. Пришлось и больнымъ сойти въ воду и идти въ бродъ, подобно прочимъ, такъ какъ, хотя бы мы и хотѣли попробовать нести ихъ черезъ ледъ, но о подобной попыткѣ не могло быть и вопроса при опасности провалиться ежеминутно на этомъ опасномъ пути. Наконецъ, я сходилъ еще одинъ разъ въ сопровожденіи матроса на лодку посмотрѣть, не осталось ли тамъ чего нибудь, а когда мы пустились съ нимъ въ обратный путь, то успѣло уже на столько стемнѣть, что намъ было уже не видно берега и пришлось пробираться черезъ ледъ чуть не ощупью. Достигнувъ берега, мы нашли здѣсь большой костеръ, вокругъ котораго всѣ сидѣли кругомъ и старались высушить свое платье».

Опуская затѣмъ подробности, сообщаемыя выше въ дневникѣ Делонга, Ниндерманнъ продолжаетъ:

«6-го октября положеніе Эриксона до такой степени ухудшилось, что не осталось рѣшительно никакой надежды на улучшеніе; казалось невозможнымъ переносить больнаго дальше. Я находился съ нимъ одинъ въ избушкѣ, когда капитанъ вошелъ туда и спросилъ меня, чувствую ли я себя достаточно сильнымъ, чтобы дойти до Кумахъ-Сурка, отстоящаго отсюда, по его словамъ, всего лишь

Ниндерманнъ и Норосъ.

на 35 верстъ. Онъ полагалъ, что я, въ сопровожденіи кого нибудь изъ товарищей, могу сдѣлать это путешествіе и возвратиться къ нимъ черезъ 4 дня; онъ сказалъ также, что, если мы не застанемъ людей въ Кумахъ-Сурка, то должны идти дальше въ мѣсто, называемое Аякытъ и отстоящее отъ Кумахъ-Сурка на 70 верстъ на югъ. «Но едва лишь вы найдете людей», — продолжалъ онъ: — «возвращайтесь какъ можно скорѣе и принесите намъ столько мяса, чтобы мы могли не голодать болѣе». Капитанъ спросилъ меня также, кого бы я желалъ взять съ собою, на что я отвѣчалъ: Нороса. Онъ съ своей стороны полагалъ, что мнѣ лучше взять съ

собою Иверсона, но я рѣшительно не могъ согласиться на это, такъ какъ зналъ очень хорошо, что Иверсонъ уже нѣсколько дней жалуется на боль въ ногахъ. Наконецъ, капитанъ согласился съ моимъ выборомъ и сказалъ мнѣ только: «Вы знаете, Ниндерманнъ, что намъ нечего ѣсть и что я не могу ничего дать вамъ на дорогу; само собою разумѣется, что вы получите вашу порцію собачьяго мяса». Пока мы разговаривали такимъ образомъ, вошелъ докторъ, посмотрѣлъ на Эриксена и воскликнулъ: «онъ умеръ!». Всѣ мы испугались. Черезъ минуту капитанъ сказалъ: «Теперь, Ниндерманнъ, мы всѣ вмѣстѣ пойдемъ на югъ». Было около 9 часовъ, когда умеръ Эриксенъ. Капитанъ спросилъ меня еще, не знаю ли я такого мѣста, гдѣ бы мы могли погребсти его, на что я отвѣчалъ, что земля здѣсь вездѣ кругомъ такъ сильно замерзла, что выкопать могилу безъ орудій мы не можемъ; единственное, что мы могли бы еще сдѣлать, это—прорубить во льду дыру и опустить туда его тѣло. Капитанъ согласился со мною и отдалъ приказаніе Каачу и Норосу завернуть и зашить тѣло въ парусину. Къ обѣду все было покончено; мы прикрыли его флагомъ и тогда получили свой обѣдъ, состоявшій изъ горячей воды съ небольшимъ количествомъ алкоголя. Когда мы выпили это, капитанъ сказалъ: «Теперь погребемъ нашего товарища!» Всѣ мы были очень молчаливы, а капитанъ сказалъ намъ еще нѣсколько словъ, и когда онъ окончилъ свою рѣчь, мы подняли съ земли своего товарища, снесли его на рѣку, гдѣ и начали прорубать топоромъ дыру во льду. Капитанъ прочелъ заупокойную молитву, а затѣмъ мы спустили въ рѣку тѣло Эриксена, которое тотчасъ же скрылось у насъ изъ глазъ, унесенное быстрымъ теченіемъ. Въ честь покойнаго были сдѣланы три выстрѣла, а затѣмъ мы безмолвно возвратились въ нашу язбу. Погода была очень плоха: сильный вѣтеръ и страшная мятель. Говорить намъ другъ съ другомъ было нечего. Черезъ нѣсколько часовъ времени капитанъ приказалъ мнѣ выйдти и посмотреть, не исправилась ли погода на столько, чтобы мы могли продолжать путь. Я вышелъ, но погода была такъ плоха и мятель такъ сильна, что я едва могъ осмотрѣться вокругъ; я вернулся, совѣтуя лучше обождать прекращенія бури, такъ какъ все равно мы теперь ничего передъ собою не увидимъ и не будемъ знать, куда мы идемъ. Я постоянно помнилъ, что день былъ точъ въ точъ такой, какъ тотъ, когда мы погребли капитана Холля. Тогда капитанъ сказалъ: «Ну, такъ подождемъ до завтра». Вечеромъ мы съѣли свою порцію собачины, и капитанъ сказалъ при этомъ: «Это послѣдній кусокъ мяса; но я надѣюсь, что скоро мы снова получимъ его». Затѣмъ всѣ легли спать.

«Когда мы проснулись 7-го октября, вѣтеръ все еще былъ достаточно силенъ, да и мятель все еще продолжалась. Мы собрались, однако, въ путь. Въ язбѣ, кромѣ записки капитана, оставлено было

магазинное ружье и немного зарядовъ, такъ что мы взяли съ собою только корабельныя бумаги и журналы, записную книжку капитана, два ружья и то платье, которое было на насъ. Я предложилъ оставить всѣ бумаги и книги въ избѣ и общалъ, едва только мы встрѣтимъ людей, вернуться сюда и захватить все съ собою, но капитанъ возразилъ: «Ниндерманнъ! пока я живъ, бумаги будутъ со мною». Затѣмъ мы оставили избушку и направились на югъ, пока не дошли до большой рѣки, которую тогда всѣ мы приняли за настоящую Лену, но которая, какъ я узналъ теперь, составляетъ лишь рукавъ ея, называемый Дуропьяною. Я и забылъ сказать, что, оставивъ избу, мы шли сначала почти въ юго-восточномъ направленіи черезъ песчаную низменность до какой-то рѣки, по берегу которой мы прошли нѣкоторое время на югъ, пока она не сдѣлала изгиба, заставившаго насъ снова повернуть болѣе на востокъ. Мы подошли тутъ еще къ меньшей рѣчкѣ, на ту пору почти лишенной воды, и снова продвинулись нѣсколько на югъ, а тамъ опять на востокъ и такимъ образомъ уже достигли большой рѣки, принятой капитаномъ за Лену. Это и былъ тотъ именно рукавъ, на берегу котораго мы нашли его мертвымъ. Капитанъ спросилъ меня: «Какъ вы думаете, Ниндерманнъ? достаточно ли крѣпокъ ледъ, чтобы сдержать насъ?» Я отвѣчалъ: «Я попробую». Тотчасъ же я спустился на ледъ и прошелъ по нему немного, пока не провалился, но, къ счастью, не промокъ особенно сильно. Оглянувшись, я увидалъ какъ разъ за собою капитана, который тоже провалился и упалъ въ воду по самыя плеча; я помогъ ему выбраться, а затѣмъ мы вернулись на берегъ, развели огонь и высушили свои вещи. Наступило какъ разъ время обѣда, а потому мы и приготовили тутъ же свой напитокъ, состоящій изъ горячей воды и нѣсколькихъ капель алкоголя».

Въ воскресенье, 9-го октября, послѣ богослуженія капитанъ Делонгъ отправилъ Ниндерманна и Нороса впередъ на югъ, давши первому тѣ же приказанія, которыя онъ сообщалъ ему въ день смерти Эриксона. Ниндерманнъ рассказываетъ: «Капитанъ далъ мнѣ копію со своей маленькой карты устья Лены и сказалъ: «Вотъ и все, что я могу дать вамъ на дорогу; дать какое бы то ни было указаніе о странѣ или о рѣкѣ я не въ состояніи, такъ какъ вы сами знаете столько же, сколько и я; но ступайте съ Норосомъ, котораго я ставлю подъ ваше начальство, все прямо на югъ, вплоть до Кумакъ-Сурка, а если и тутъ вы никого не найдете, то отправляйтесь дальше, въ Аякытъ, лежащій въ 70 верстахъ еще южнѣе; если же и тутъ вы не найдете души человѣческой, то продолжайте свой путь вплоть до Булуна, лежащаго въ 35 верстахъ отъ Аякыта; во всякомъ случаѣ идите на югъ до тѣхъ поръ, пока не найдете гдѣ нибудь людей. Я увѣренъ, что вамъ удастся это уже въ Кумакъ-Сурка. Если вамъ посчастливится уже на

первый или на второй день убить оленя, то возвращайтесь скорѣе сообщить намъ объ этомъ». Затѣмъ онъ мнѣ сказалъ еще, чтобы мы ни въ какомъ случаѣ не покидали западнаго берега рѣки, такъ какъ на восточномъ берегу мы не встрѣтимъ ни жителей, ни плавающего лѣса; онъ сказалъ также, что не дастъ мнѣ писанной инструкціи и рекомендацій, такъ какъ мѣстные жители здѣсь, все равно, не будутъ въ состояніи прочесть ихъ; мнѣ предоставлялось дѣлать, что я могу, и поступать, какъ мнѣ заблагоразсудится. Посоветовавъ намъ еще разъ не переходить рѣки вбродъ, онъ простился съ нами и обѣщалъ слѣдовать за нами такъ скоро, какъ только будетъ возможно. Мы отправились въ путь, сопровождаемые троекратными заздравными возгласами остающихся; всѣ они неуклонно надѣялись, что мы скоро вернемся и поможемъ имъ. Я съ своей стороны не могъ раздѣлять этой надежды; я слишкомъ хорошо зналъ, что въ такое позднее время года едва ли мы встрѣтимъ людей въ селеніяхъ; по всѣмъ вѣроятіямъ, они давно уже успѣли отправиться на югъ.

Когда Ниндерманнъ достигъ этого момента своего разсказа, Норосъ принялся разсказывать и сообщилъ слѣдующее: «Мы не стали слѣдовать за всѣми изгибами рѣки, а пошли напрямикъ. Горы были передъ нами, и мы знали, что рѣка протекаетъ въ небольшомъ разстояніи вдоль ихъ. Мы находились теперь на островѣ, съ одной стороны котораго протекала Дуропьяна. Мы пришли къ рѣкѣ и прошли 7—9 верстъ по берегу ея; передъ самымъ полуднемъ мы сдѣлали привалъ и выпили немного алкоголя, а затѣмъ снова пошли впередъ, пока не пришли къ высокому берегу, гдѣ лежала небольшая лодка; на лодкѣ сидѣла, видная изъ дали еще, куропатка; Ниндерманнъ приложился, выстрѣлилъ, выбилъ у птицы нѣсколько перьевъ изъ хвоста, но такъ слабо ранилъ ее, что она послѣшно улетѣла. Снова спустились мы къ самому краю, гдѣ легче было идти, нежели по высокому берегу. Не успѣли мы пройти и двухъ верстъ, какъ пришлось снова взбираться наверхъ для того, чтобы оглядѣться и поискать гдѣ нибудь дичи. Ниндерманнъ, ввообразившійся наверхъ раньше меня, закричалъ: «Тамъ оленя! подай-ка ружье!» Мы ихъ очень ясно видѣли всего саженьхъ въ 300 отъ насъ, но вся бѣда въ томъ, что не съ подвѣтряной стороны. Ниндерманнъ снялъ тогда свое тяжелое платье, чтобы двигаться съ большей свободой, и поползъ къ животнымъ по снѣгу. Я отдалъ ему патроны и сказалъ: «Смотри, не упусти добычу; этимъ ты можешь еще спасти всѣхъ насъ». А онъ отвѣчалъ: «Сдѣлаю, что могу». У меня тогда глаза были очень воспалены, и видѣлъ я плохо; все же я слѣдилъ за всѣми его движеніями съ напряженнымъ вниманіемъ. Я видѣлъ, какъ онъ двигался мало-по-малу впередъ и тихо ползъ по снѣгу. Передъ нами было небольшое стадо оленей, головъ въ 12, быть можетъ; одни

отрывали траву, другіе стояли на часахъ, а многіе отдыхали, лежа на землѣ. Ниндерманнъ приблизился уже къ нимъ на 100 или 150 сажень, когда вдругъ одно изъ животныхъ замѣтило его, закричало и тѣмъ смутило всѣхъ остальныхъ; я видѣлъ, какъ Ниндерманнъ вскочилъ на ноги и послалъ вслѣдъ убѣгающимъ животнымъ три пули, въ надеждѣ, что шальная пуля, быть можетъ, и повалитъ одного изъ нихъ. Но это не удалось ему. Всѣ олени убѣжали. Смущенный и опечаленный, вернулся онъ ко мнѣ. «Видно, не судьба», — сказалъ онъ: — «я все сдѣлалъ, чтò могъ»; такъ намъ и пришлось потерпѣть неудачу. Тогда снова пустились мы въ путь и прошли много, пока, совершенно истощенные, не стали искать убѣжища на ночь. Лучшее мѣсто, которое можно было найти, находилось подъ высокимъ берегомъ, гдѣ земля обвалилась, и образовалось нѣчто въ родѣ крыши; здѣсь сложили мы небольшой костеръ, зажгли его, выпили алкоголя и тогда уже легли спать. Немного, однако, удалось намъ поспать, такъ какъ было слишкомъ холодно и намъ пришлось всю ночь почти поддерживать огонь, чтобы не замерзнуть». (Этотъ бивуакъ отстоялъ очень недалеко отъ того мѣста, гдѣ впоследствии капитанъ Делонгъ зажгетъ свой послѣдній сигнальный огонь — всего въ 700—800 саженьяхъ отъ остатковъ плоскодонной лодки).

«Намъ приходилось идти, куда вѣтеръ подуетъ, и такимъ-то образомъ, сами не зная какъ, пришли мы куда-то на сѣверо-западъ. Во всякомъ случаѣ этотъ переходъ отклонилъ насъ отъ нашего прямого пути на столько, что намъ понадобилось цѣлыхъ два дня для того, чтобы добраться до мысочка, находившагося напротивъ того мѣста, гдѣ мы находились въ началѣ бури. Мы продолжали идти впередъ, не смотря на бурю и на сильную мятель съ пескомъ; на слѣдующую ночь мы не нашли на берегу никакого защищеннаго мѣста, такъ что намъ пришлось выкопать себѣ логовище въ снѣжномъ сугробѣ. Работать пришлось надъ этимъ три или четыре часа, такъ какъ копали только руками и корманными ножами; въ концѣ концовъ, однако, намъ удалось выкопать яму, куда мы оба могли свободно залѣзть. Едва только успѣли мы туда спрятаться, какъ вѣтеръ погналъ снѣгъ и скоро такъ занесъ наше логовище, что намъ пришлось долго проработать, чтобы какъ нибудь вылѣзть изъ своей опочивальни. Тотчасъ же мы отправились въ путь, успѣли только проглотить нѣсколько капель алкоголя; приходилось беречь его елико возможно».

Послѣ чрезвычайно труднаго перехода втеченіе цѣлаго дня по сильной мятели путники были порадованы, вечеромъ 11-го октября, вѣдущимъ избушкой, находившейся въ юго-восточномъ отъ нихъ направленіи (Матвѣй). Они рѣшились провести здѣсь ночь. То былъ обыкновенный срубъ съ очагомъ по срединѣ, гдѣ они и раз-

вели тотчасъ же огонь, который поддерживали кольями и досками отъ скамеекъ, устроенныхъ вокругъ всей избы.

«Трудно было намъ оставлять на слѣдующее утро это первое пристанище, встрѣченное нами на нашемъ пути», — продолжалъ Норсъ. «Мы снова спустились къ рѣкѣ и принуждены были бороться съ сильнымъ противнымъ вѣтромъ, такъ что едва могли подвигаться впередъ; не успѣемъ мы сдѣлать и двухъ шаговъ, какъ останавливаемся, запыхавшись и не будучи въ состояніи пошевелинуть ни однимъ членомъ. Мы готовы уже были предаться полному отчаянію и, вернувшись въ хижину, ожидать, пока смерть не избавитъ насъ отъ всѣхъ нашихъ страданій».

Не смотря ни на что, они мужественно шли впередъ, съ трудомъ передвигая ноги, мучимые голодомъ и отчаявающимся въ скоромъ утоленіи его. Послѣ полудня они увидали передъ собою какія-то горы и думали, что видятъ у подошвы ихъ какую-то избу, но быть можетъ, то была лишь игра разстроеннаго воображенія; довольно широкій протокъ отдѣлялъ ихъ отъ горъ, но они перешли его въ бродъ, довольные тѣмъ, что вода доходила имъ только до колѣнъ. Счастливо перебравшись на другую сторону, они дѣйствительно нашли тамъ убѣжище, нѣчто въ родѣ «шалатки», или круглой, шатрообразной избушки, выстроенной изъ жердей и смазанной снаружи глиной, во избѣжаніе вѣтра и непогоды. Они вошли внутрь, но скоро увидали, что здѣсь будетъ имъ недостаточно защиты, такъ какъ маленькое жилье находилось въ самомъ плачевномъ состояніи. И снова они мужественно пошли дальше и пришли, наконецъ, версты черезъ 2, ко второй небольшой избушкѣ, возлѣ которой торчали изъ снѣга два деревянные креста, повидимому, обозначавшіе мѣста послѣдняго успокоенія туземцевъ.

Здѣсь они пробыли полтора дня, пока не истребили то небольшое изъ снѣжнаго, которое они нашли здѣсь; снѣдено было все до рыбихъ головы и внутренностей; пища эта была ужасна, а все же несчастные подкрѣпились немного. Они оба были увѣрены, что находятся уже въ Кумахъ-Сурка, а вмѣстѣ съ тѣмъ воображали, что они очень мало уклонились отъ пути, указаннаго имъ на маленькой картѣ капитаномъ Делонгомъ; но такъ какъ они не нашли здѣсь живой души человѣческой, то и пришлось рѣшиться продолжать путь до Аякыта и Будуна. 14-го октября, они снова продолжали свое утомительное путешествіе; вѣтеръ сильно дулъ съ юго-востока и несъ имъ прямо въ лицо и снѣгъ, и песокъ съ такою силою, что глаза едва могли выдерживать. Вслѣдствіе этого имъ удалось въ этотъ день пройти очень мало, и они были очень рады и благодарны судьбѣ, когда къ вечеру они нашли, наконецъ, убѣжище, въ которомъ могли пріютиться на ночь отъ вѣтра и снѣга. То была престранная трещина въ скалистомъ берегу, въ 2¹/₂ ф. въ ширину, 6 ф. высоты и 16 ф. глубины: нѣчто въ родѣ

пещеры, имѣвшей второй выходъ на самой вершинѣ берегового угла. На слѣдующій день, 16-го октября, на завтракъ они имѣли только настой какой-то травы и нѣсколько кусочковъ тюленьей шкуры, отрѣзанныхъ ими отъ своихъ штановъ; не смотря на страшно холодный, рѣжущій лицо юго-восточный вѣтеръ, они, всетаки, снова пустились въ дорогу. Они переходили множество песчаныхъ отмелей и небольшихъ замерзшихъ протоковъ и только вечеромъ достигли настоящей Лены, невдалекѣ отъ высокихъ горъ, поднимающихся на западномъ берегу рѣки; на одной изъ этихъ горъ находится теперь могила всего отряда Делонга. Въ надеждѣ, что на холмистомъ западномъ берегу они скорѣе встрѣтятъ дичь, они перешли черезъ рѣку; но тотчасъ же имъ пришлось разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ, такъ что на слѣдующее же утро, проведя самую ужасную, полную страданій ночь въ какой-то щели, они перебрались снова на другую сторону Лены. Для нихъ было истиннымъ счастьемъ, что теперь, по крайней мѣрѣ, всѣ протоки и рѣки были замерзшіе, такъ что они могли переходить ихъ, не замочивши ногъ. Подъ защитою высокаго берега провели они слѣдующую ночь, которая была не менѣе мучительна, нежели предъидущія, такъ какъ у нихъ не было дровъ для костра. Послѣ завтрака, состоявшаго опять изъ травянаго настоя и нѣсколькихъ кусочковъ тюленьей кожи, 19-го октября, они снова пустились въ путь; но тутъ они были уже до такой степени слабы, что прошли впередъ въ этотъ день очень немного. «Каждыя пять минутъ»,—говоритъ Ниндерманнъ, — «намъ приходилось ложиться на снѣгъ, чтобы отдохнуть немного, такъ что мы едва подвигались впередъ». Ноги ихъ совершенно отказывались служить имъ, но они все еще не сдавались; что бы ни случилось, они хотѣли сдерживать свое обѣщаніе, — «когда они не будутъ болѣе въ состояніи идти, ползти ползкомъ, пока не достигнутъ ихъ смерть». Къ счастью, помощь была близка, а они этого и не ожидали. Пора было ей явиться, такъ какъ тотъ фактъ, что при такомъ невыносимомъ холодѣ они могли совершенно голодные пройти такое большое разстояніе, — можетъ быть признанъ сверхъестественнымъ. Разстояніе отъ того мѣста, гдѣ они оставили Делонга, до остатковъ плоскодонной лодки составляетъ 22 версты; оттуда до Матвѣя по прямому пути отъ 25 до 27 верстъ, но здѣсь они сдѣлали кружъ почти въ 50 верстъ; разстояніе отъ Матвѣя до Булкура опредѣляется официально въ 110 верстъ, тамъ что всего они сдѣлали около 200 верстъ! Да какъ еще сдѣлали! Никакое описаніе не въ состояніи передать тѣ трудности и страданія, которыя сопровождали каждый ихъ шагъ на этомъ пути! Отъ Булкура до Кумака-Сурка, известнаго всѣмъ поселенія, куда они должны были отправиться въ силу приказа капитана, оставалось имъ сдѣлать еще цѣлыхъ 50 верстъ.

Когда они вечеромъ, 19-го октября, тихо подвигались по берегу рѣки, Норось отошелъ немного впередъ отъ своего спутника и вдругъ замѣтилъ на мысочкѣ, образуемомъ однимъ изъ изгибовъ рѣки, квадратную избушку, которая помѣщалась въ промежуткѣ между двумя высокими горами на западномъ берегу рѣки; подойдя поближе, онъ увидалъ еще двѣ постройки на подобіе палатокъ, обмазанныхъ снаружи глиною. Это-то и было поселеніе Булкуръ.

Собравши послѣднія силы, поспѣшили оба путника къ хижинамъ, радостные и благодарные за то, что нашли, наконецъ, хоть и не Богъ знаетъ что, а все же убѣжище на ночь. Но въ томъ-то и дѣло, что тутъ было нѣчто большее, такъ какъ въ одной изъ хижинъ, служившей чѣмъ-то въ родѣ кладовой, они нашли отъ 10 до 15 ф. сушеной рыбы. Что за бѣда, что вся эта рыба была покрыта плѣсенью? Они могли, по крайней мѣрѣ, утолить свой голодъ. Цѣлыхъ три дня пробыли путники въ этомъ мѣстѣ, принятомъ ими за Аякытъ. Утромъ, 22-го октября, они собрались было снова въ путь, чтобы направиться въ Булунъ; но, когда они начали приготовляться къ дальнѣйшему походу, вдругъ почувствовали себя до такой степени слабыми, что поневолѣ пришлось отложить всякое попеченіе о дальнѣйшемъ путешествіи. Сидя и лежа, они не ощущали этой слабости и замѣтили, что не могутъ передвигать ноги, только тогда, когда подыались на ноги и прошли нѣсколько шаговъ. Вслѣдствіе этого рѣшено было пробить здѣсь еще одинъ день; это-то и было для нихъ счастьемъ. Когда около полудня они занимались варкою себѣ обѣда, вдругъ до ушей ихъ донесся какой-то шумъ извнѣ, который, по ихъ словамъ, «походилъ на шумъ, производимый крыльями цѣлаго стада гусей». Ниндерманнъ, сидѣвшій такъ, что могъ видѣть въ дверную щель, сказалъ: «Это олени». Съ этими словами онъ схватилъ ружье и осторожно подкрался къ двери, какъ вдругъ эта послѣдняя распахнулась настезь и на порогѣ ея появился тунгусъ; при видѣ ружья, находившагося въ рукахъ у Ниндерманна, онъ въ испугѣ упалъ на колѣна, поднявъ вверхъ руки и, видимо, молилъ пощадить его жизнь. Оба они старались жестами успокоить его, а Ниндерманнъ, для того, чтобы доказать, что онъ не желаетъ нанести ему вреда, бросилъ ружье въ уголъ; долго, однако, бѣдняга не могъ отдѣлаться отъ обуявшаго его страха. Наконецъ, онъ рѣшился, впрочемъ, привязать своихъ оленей у хижины и войти въ нее; Норось рассказывалъ далѣе: «Онъ началъ говорить намъ что-то, но мы не понимали ровно ничего изъ того, что онъ говорилъ, и старались лишь дать ему какъ нибудь понять, что мы желаемъ попасть въ Булунъ; мы до такой степени были рады, увидавъ его, что охотно бы прижали его къ сердцу и разцѣловали, такъ какъ мы понимали и знали, что самая ужасная часть пути оставлена нами позади. Мы старались выяснитъ ему, что у насъ было еще нѣсколько

товарищей, оставшихся тамъ, далеко на сѣверѣ, но онъ не понималъ ни слова. Онъ осматривалъ и ощупывалъ одежду Ниндерманна, а затѣмъ вышелъ вонъ, но тотчасъ же вернулся и подаль ему оленью шкуру и пару сапоговъ изъ оленьей же шкуры; при этомъ онъ дѣлалъ всевозможные знаки, которые должны были выражать, что теперь онъ сейчасъ насъ оставитъ, но скоро возвратится снова къ намъ. Онъ держалъ все три пальца надъ головою, и мы полагали, что онъ желаетъ выразить этимъ три дня.

Ниндерманнъ не хотѣлъ отпускать этого человѣка, тогда какъ Норосъ совѣтовалъ дать ему полный просторъ дѣйствовать, какъ онъ хочетъ,—тѣмъ болѣе, что онъ успѣлъ уже высказать имъ несомнѣнные доказательства своего благорасположенія и что, если онъ ихъ обманетъ, то стоитъ лишь идти по его слѣду и затѣмъ развѣясать его. Такимъ образомъ проводили они его и смотрѣли, какъ онъ запрягалъ своихъ четырехъ оленей; только потомъ они узнали, что двухъ оленей онъ пригналъ сюда, чтобы захватить отсюда сани, оставленные имъ здѣсь нѣсколько дней тому назадъ и употребленные пришельцами въ качествѣ топлива по невѣдѣнью.

Стоя въ дверяхъ избы, смотрѣли они нѣкоторое время вслѣдъ тунгусу, мчавшемуся, сломя голову, по снѣжнымъ сугробамъ, а затѣмъ снова вошли въ избу ожидать, что пошлетъ имъ судьба; такъ терпѣливо ожидали они до наступленія темноты, но затѣмъ стали безпокоиться и сомнѣваться въ возвращеніи тунгуса. «Какъ глупо было отпускать его»,—повторялъ Ниндерманнъ.

«Наступила ночь, и мы начали уже ѣсть нашу рыбную похлебку»,—рассказывалъ Норосъ,—«когда мы услышали, что нѣсколько саней поднимаются къ намъ наверхъ, и мы выскочивъ изъ избы, увидали нашего тунгуса, остановившагося вмѣстѣ съ двумя другими туземцами и пятью оленьими упряжками у избы. Нагруженный одеждою и сапогами изъ оленьихъ шкуръ, а главное значительнымъ количествомъ мерзлой рыбы, явился къ намъ нашъ новый другъ; мы поздоровались съ нимъ съ радостью и тотчасъ же принялись уничтожать принесенную имъ рыбу, а онъ, между тѣмъ, бралъ всѣ наши вещи и укладывалъ ихъ на свои сани; наконецъ, мы надѣли дахи и сапоги и отправились въ путь, когда было около полуночи. Проѣхавъ верстѣ 20, мы подѣхали къ двумъ юртамъ, вонъ которыхъ стояло очень много саней, но нигдѣ не было видно оленей. Туземцы тотчасъ же занялись нами, вымыли намъ лица и руки, и благодаря этому, мы снова стали походить на людей. Большой котелъ съ олеиной стоялъ на огнѣ и скоро намъ было предложено при помощи самыхъ дружественныхъ жестовъ и знаковъ принять участіе въ общей трапезѣ. Утоливъ свой голодъ, мы должны были попробовать и чаю; затѣмъ на полъ разостлали нѣсколько оленьихъ шкуръ и всѣ улеглись спать. То

была первая покойная ночь, проведенная нами со времени оставленія нами капитана».

Туземецъ привезъ ихъ въ ставку путешествующихъ тунгусовъ, направлявшихся въ Кумакъ-Сурка изъ лѣтняго мѣстопробыванія своего, расположеннаго нѣсколько далѣе на сѣверъ; караванъ состоялъ изъ семи мужчинъ и трехъ женщинъ, ѣхавшихъ на 30 саняхъ и 75 оленяхъ. Около двухъ дней ѣхали Ниндерманнъ и Норусъ съ этими людьми, и только 24-го октября, около 4 ч. по полудни, прибыли они въ Кумакъ-Сурка, гдѣ ихъ приняли чрезвычайно радушно и заботливо. Дорогою, скоро послѣ оставленія ставки, одинъ изъ туземцевъ, котораго остальные называли Алексѣемъ, свелъ Ниндерманна на холмъ и, указывая на горы острова Столбоваго, спросилъ, не тамъ ли остались его товарищи; Ниндерманнъ отвѣчалъ «да» и старался, какъ только могъ, убѣдительно втолковать этому человѣку, чтобы всѣ они ѣхали тотчасъ же туда и свезли голодающимъ съѣстныхъ припасовъ. Не смотря на его усилія, тунгусъ ничего, однако, не понялъ; онъ спокойно продолжалъ путь вмѣстѣ съ остальными. Вечеромъ, въ день прибытія въ Кумакъ-Сурка, приготовленіе пищи для такого значительнаго числа людей, а также устройство наръ заняло столько времени, что Ниндерманну рѣшительно не представилось ни одной удобной минуты для того, чтобы навести снова ихъ мысли на заботившій его самого вопросъ, лежавшій у него тяжелымъ камнемъ на сердцѣ. Когда на утро слѣдующаго дня всѣ отдохнули и затѣмъ плотно позавтракали, онъ счелъ эту минуту совершенно подходящею для разговора. Одинъ изъ туземцевъ принесъ ему небольшую модель якутской лодки, которую они называли испорченнымъ русскимъ словомъ «парахуть», и все спрашивалъ, похожъ ли ихъ «парахуть» на тототъ; при помощи нѣсколькихъ палочекъ, изображавшихъ на тототъ разъ мачты, Ниндерманнъ пояснилъ внимательно слушавшимъ его туземцамъ, что его судно было бригомъ и обладало паровымъ винтомъ; повидимому, они прекрасно все это поняли и затѣмъ стали справляться, какъ и гдѣ погибло судно.

Показывая на сѣверъ, Ниндерманнъ сначала пояснилъ имъ, что это случилось далеко, далеко въ этомъ направленіи, затѣмъ взялъ два куска льду, поставилъ маленькую лодку между ними и показалъ имъ, какъ корабль былъ затертъ, раздавленъ и пошелъ ко дну; ободренный участіемъ и сочувствіемъ своихъ слушателей, а также и тѣмъ вниманіемъ и интересомъ, съ которыми они слѣдили за каждымъ его движеніемъ, онъ вырѣзалъ для того, чтобы яснѣе представить злополучную судьбу потергѣвшихъ кораблекрушеніе, еще три маленькія лодки и насажалъ въ нихъ въ качествѣ экипажа щепочекъ; при помощи всего этого онъ началъ, какъ умѣлъ, представлять своимъ слушателямъ, какъ они прошли огромныя пространства то по льду, то по водѣ съ санями, собаками и

лодками и какъ, наконецъ, они достигли материка; дойдя до этого момента своего разсказа, онъ нарисовалъ на лоскуткѣ бумаги очертанія берега и свою лодку и объяснилъ, какимъ образомъ они совершили свою высадку; нарисовавъ затѣмъ теченіе рѣки со всѣми ея безчисленными рукавами, онъ показалъ имъ путь отряда по восточному ея берегу на югъ и обозначилъ при этомъ всѣ пункты, гдѣ имъ попадались хижины и гдѣ они останавливались лагеремъ; количество ночлеговъ онъ показывалъ на пальцахъ, а число дневныхъ переходовъ тѣмъ, что приклонялъ головѣ и закрывалъ глаза,

Тувгусы.

дѣлая видъ, что спитъ. Съ невѣроятными усиліями тщился онъ разяснить имъ, что капитанъ послалъ его за пищею, платьемъ и оленями и затѣмъ, чтобы какъ нибудь перевезти его и весь отрядъ въ какое нибудь ближайшее селеніе, такъ какъ всѣ они въ настоящую минуту умираютъ съ голода и слишкомъ слабы для того, чтобы идти пѣшкомъ; онъ сообщилъ имъ, что съ той поры, какъ онъ оставилъ своихъ товарищей, прошло уже 16 дней и что еще за два дня до его ухода у нихъ нечего было ѣсть.

Къ сожалѣнію, всѣ его старанія объясниться съ добродушными дикарями и такимъ путемъ добыть откуда нибудь помощь капи-

тану и его отряду остались совершенно тщетными, такъ какъ, хотя иногда ему и казалось, что они его, наконецъ, вполнѣ поняли, въ слѣдующую же минуту ему становилось яснымъ, что они не поняли ни одного слова изъ всего, что онъ имъ рассказывалъ. Тѣмъ не менѣе, онъ не терялъ надежды и цѣлый день только и дѣлалъ, что знаками и жестами, а то и при помощи рисунковъ старался объяснить имъ печальное положеніе потерпѣвшихъ кораблекрушеніе товарищей, но и это не повело ни къ чему. На слѣдующій день принялся онъ опять за то же и придумывалъ все новыя средства для того, чтобы дать имъ хотя какое нибудь понятіе о томъ, что было до такой степени необходимо и чего онъ не могъ предпринять безъ посторонней помощи. Ему какъ-то не пришло въ голову послать ихъ однихъ навстрѣчу капитану, такъ какъ ему все хотѣлось, чтобы они привезли съ собою спасеніе для несчастныхъ, причемъ онъ хотѣлъ самъ подумать обо всемъ и пуститься вмѣстѣ съ ними въ путь, хотя въ настоящемъ своемъ положеніи, изнуренный долгимъ голодомъ, непосильными трудами и неотвязною диссентеріею, и не былъ особенно способенъ идти на новыя лишенія, труды и опасности. И на слѣдующій день достигъ онъ все того же результата, что и раньше: снова разъ ему показалось, что его, наконецъ, поняли, но черезъ минуту уже пришлось ему снова прійти къ заключенію, что слушатели ровно ничего не поняли изъ его рассказовъ; они вздыхали и глядѣли на него съ сожалѣніемъ и полнымъ сочувствіемъ къ его горю, когда онъ передавалъ имъ о страданіяхъ и о печальномъ положеніи оставшихся въ устьяхъ Лены людей, но лишь только онъ переходилъ къ тому, что надо тотчасъ же слѣшнить на помощь къ этимъ несчастнымъ, они снова глядѣли на него съ полнымъ равнодушіемъ. Представленіе о товарищахъ, которые, быть можетъ, уже умерли и во всякомъ случаѣ уже близки къ голодной смерти, не давало ему ни минуты покоя и щемило ему сердце; онъ постоянно думалъ о томъ, какъ нетерпѣливо ждутъ его возвращенія, какъ единственной возможности спастись, и эта мысль и сознаніе своего полного безсилія, при всей кажущейся возможности столько сдѣлать, такъ сильно вліяли на него, что его изнуренное и изможденное тѣло въ концѣ концовъ было сломлено и здоровье распалось. Сильный, мужественный человѣкъ, всегда безъ содроганія глядѣвшій смерти въ глаза и перенесшій столь многое, упалъ гдѣ-то въ углу хижины и зарыдалъ, какъ дитя; его рыданія возбуждали сожалѣніе въ старой тунгускѣ, женѣ хозяина; она оживленно говорила что-то своему мужу, и скоро между присутствовавшими въ избѣ туземцами завязался очень живой разговоръ, по окончаніи котораго одинъ изъ туземцевъ подошелъ къ Ниндерманну, дружественно положилъ ему руку на плечо и общалъ отвезти его на утро въ Булунъ. Въ надеждѣ найдти кого нибудь въ

Будунѣ, съ которымъ онъ будетъ въ состояніи объясниться, Ниндерманнъ выразилъ желаніе отправиться туда еще днемъ раньше, и вотъ теперь они вообразили, что онъ плачетъ и горюетъ именно изъ-за желанія скорѣе попасть въ это поселеніе.

Когда на другое утро онъ снова сталъ просить ихъ свезти его къ «начальнику» въ Будунѣ, они заявили ему, что послали уже къ «начальнику» и теперь ожидаютъ его прибытія. Прошелъ день; вечеромъ вошелъ въ ябу русскій ссыльный, по имени Кузьма, который, какъ показалось Ниндерманну, на вопросъ, не онъ ли на-

Кузьма.

чальникъ, отвѣчалъ »да». Кузьма спросилъ: «пароходъ «Жаннетта»? и Ниндерманнъ съ своей стороны отвѣтилъ ему утвердительно. Изъ этого вопроса предполагаемаго начальника онъ заключилъ ни больше, ни меньше, какъ что правительство русское предупредило послѣдняго о возможности прибытія «Жаннетты» къ сибирскому берегу и поручило ему вмѣстѣ съ тѣмъ позаботиться объ ея экипажѣ. Вслѣдствіе этого, онъ еще разъ старательно повторилъ свой рассказъ о погибели корабля, о странствованіи по льдамъ и по морю экипажа, поясняя свои слова указаніями на маленькой картѣ и всевозможными знаками, но въ концѣ концовъ снова долженъ былъ разочароваться, такъ какъ Кузьма видимо не понялъ ни слова изъ его разсказа и ни одного знака на его картѣ. Сначала, когда онъ, ему рассказывалъ о смерти одного

изъ товарищей и о томъ, что теперь ихъ осталось всего лишь одиннадцать, Кузьма кивалъ утвердительно головою и, казалось, понимаетъ все прекрасно, но впоследствии оказалось, что Кузьма все время думалъ о прибывшемъ въ Булунъ отрядѣ Мельвилля, состоявшемъ тоже изъ одиннадцати человѣкъ. Вотъ почему онъ и повторялъ теперь часто: «Капитанъ, да. Два капитанъ, первый капитанъ, второй капитанъ», намекая на инженера Мельвилля и на лейтенанта Данненкауэра, тогда какъ Ниндерманнъ воображалъ, что онъ заявляетъ о томъ, что не можетъ ничего сдѣлать, пока одинъ изъ офицеровъ или изъ матросовъ «Жаннетты» не телеграфируетъ въ Петербургъ и ему не пришлютъ дальнѣйшихъ приказаній, что ему дѣлать. Вслѣдствіе этого Ниндерманнъ написалъ на имя посланника Сѣверо-Американскихъ Штатовъ въ Петербургъ телеграмму, гдѣ онъ представилъ положеніе дѣлъ и присоветовалъ, что отрядъ капитана нуждается въ немедленной помощи съѣстными припасами и одеждою. Не успѣлъ онъ еще окончить своего писанья, какъ Кузьма схватилъ его и спряталъ за пазуху, собираясь тотчасъ же отправиться въ путь. Ниндерманнъ не ожидалъ отъ всего этого ничего путнаго; онъ воображалъ, что говорилъ съ начальникомъ Булуна, а этотъ, по его мнѣнію, долженъ знать, что надо дѣлать съ телеграммой, но ровно черезъ два дня Кузьма явился въ Ермолаевъ къ Мельвиллю и передалъ ему депешу Ниндерманна. Изъ Кумака-Сурка путниковъ препроводили, согласно обѣщанію, въ Булунъ, лежащій верстахъ въ 100 южнѣе; сюда они прибыли 29-го октября. Едва только начальникъ поселенія узналъ о ихъ прибытіи, какъ пригласилъ ихъ къ себѣ и оставилъ ихъ ночевать у себя. На слѣдующій день ихъ перевели, однако, въ домъ дьячка, такого человѣка, который, повидимому, никогда и не слыхивалъ объ обязанности приходить на помощь пострадавшимъ; черезъ два дня онъ отправилъ обоихъ спасшихся въ хижину одного туземца, у котораго они одинаково были приняты не особенно радушно. Такимъ-то образомъ они узнали жителей Булуна съ самой непривлекательной стороны, и пребываніе ихъ въ этомъ поселеніи сдѣлалось болѣе сноснымъ лишь со 2-го ноября, когда туда прибылъ Мельвилль и заставилъ этихъ людей лучше относиться къ спасшимся и главное — давать имъ лучшую пищу. Черезъ нѣсколько дней прибылъ и лейтенантъ Данненкауэръ съ остальными людьми изъ отряда Мельвилля, а этотъ послѣдній, едва только узналъ о прибытіи Нороса и Ниндерманна, тотчасъ же отправился въ путь; къ сожалѣнію, было уже поздно придти на помощь Делонгу и его людямъ.

Такова-то, по словамъ Ниндерманна и Нороса, послѣдняя глава печальной исторіи «Жаннетты».

XXIII.

Среди якутовъ.

Иркутскъ, 29-го іюля 1882.

ВШЕРЬ я снова могу возвратиться къ моему собственному путешествію. Вслѣдствіе общераспространеннаго убѣжденія, что лѣто наступитъ здѣсь особенно рано, я долженъ былъ сократить свое пребываніе въ устьяхъ Лены, хотя мнѣ и хотѣлось остаться тамъ нѣсколько подольше; раздумывать было некогда, такъ какъ мнѣ, во что бы то ни стало, надо было скорѣе пробраться въ Якутскъ, пока безчисленные рѣки и рѣченки, впадающія въ Лену и слѣдовательно встрѣчающіяся на моемъ пути, не успѣли еще тронуться и сдѣлать всякое сообщеніе невозможнымъ. Такимъ образомъ немалымъ успокоеніемъ для меня было, когда верхоянскій исправникъ, встрѣченный мною на дорогѣ въ Булунъ, удостовѣрилъ, что, если я покину Верхоянскъ 6-го мая, то весь путь успѣю сдѣлать на саяхъ въ 7—9 дней.

Уже во время перваго моего пребыванія въ Верхоянскѣ, я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ г. Л., политическимъ ссыльнымъ, который, владѣя въ совершенствѣ англійскимъ языкомъ, служилъ переводчикомъ при сношеніяхъ старшаго инженера Мельвилля съ русскими чиновниками и оказалъ въ качествѣ переводчика обѣимъ сторонамъ неоцѣненные услуги. Онъ зналъ мельчайшія подробности о плаваніи «Жаннетты», объ обратномъ пути экипажа и

о печальной судьбѣ тѣхъ, которые, высадившись совершенно счастливо въ устьяхъ Лены, не имѣли силъ добраться до человѣческихъ поселеній; отъ него именно узналъ я подробности о стараніяхъ Мельвилля отыскать погибшихъ, отъ него же получилъ я и карту устьевъ Лены, которая оказалась для меня чрезвычайно полезною и которая, хотя и обладаетъ нѣкоторыми недостатками, все же представляетъ достаточную для того времени вѣрность. Когда я теперь снова возвратился въ Верхоянскъ, онъ посовѣтовалъ мнѣ, хотя и противъ моего желанія, но на благо мнѣ, двинуться въ путь, не теряя ни минуты времени, такъ какъ тогдашнее состояніе дорогъ уже заставляло его опасаться, что я только съ большими препятствіями и трудностями достигну цѣли моего путешествія. Нельзя, однако, было обойтись безъ нѣкотораго промедленія; когда сообразишь, что большинство станцій въ Сибири представляютъ собою необитаемыя избы, то ясно поймешь, что всякому путнику, покидающему такой городъ, каковъ Верхоянскъ, приходится позаботиться о сѣстныхъ припасахъ на всю дорогу.

Хотя и вообще въ такихъ маленькихъ городахъ склады разныхъ товаровъ и ограничены до чрезвычайности, но въ моментъ моего пріѣзда въ Верхоянскъ сѣстныхъ припасовъ было особенно какъ-то мало, да и это малое продавалось по страшно высокимъ цѣнамъ, какъ вслѣдствіе поздняго времени года, такъ и вслѣдствіе того, что Мельвилль успѣлъ уже значительно опустошить всѣ городскія лавки, снаряжая свою экспедицію. Припасы, которыми все-непремѣнно долженъ запастись каждый путешественникъ, состоятъ прежде всего изъ сѣстнаго, чая, сахара, свѣжаго и сушенаго хлѣба, свѣжаго мяса и рыбы; затѣмъ слѣдуетъ разная кухонная посуда, а именно: мѣдный котелъ, чайникъ изъ фарфора или изъ металла, жаровня и мѣдный горшокъ для варки мяса; очень пригодно также возить съ собою чашки и блюдечки, а также столовые и чайныя ложки, желѣзныя, эмальированныя тарелки, ножи и вилки. Конечно, многія изъ этихъ вещей составляютъ, собственно говоря, предметы роскоши и могутъ быть сокращены, если перевозка ихъ представляетъ затрудненія; такъ, напримѣръ, можно обойтись безъ ножей и вилокъ, такъ какъ путникъ, при нуждѣ, можетъ удовольствоваться своими собственными пальцами; что касается до чашекъ и тарелокъ, то вѣдь и деревянная подставка прекрасно можетъ выполнить ихъ службу; ложки и вовсе уже составляютъ излишнюю роскошь, такъ какъ чаще всего у путника нѣтъ сахара, а потому ему и мѣшать въ чашкѣ не приходится, похлебку же онъ можетъ хлебать изъ ковша или же прямо изъ котелка, какъ это дѣлаютъ туземцы. Какъ бы то ни было, но благо тому, кто запасется всѣми этими предметами даже подъ опасеніемъ выбросить ихъ въ дорогѣ при невозможности тащить ихъ съ собою, такъ какъ врядъ ли можетъ случиться, чтобы въ этой странѣ пу-

Якутскъ.

тешественникъ оказался черезъ мѣру обремененнымъ предметами роскоши, и потому онъ смѣло можетъ запасть всѣми выше поименованными «неизбѣжными спутниками цивилизованной жизни». При закупкѣ провіанта пусть онъ не забываетъ, что ящики всегда ожидаютъ полученія нѣкотораго вознагражденія въ видѣ цивилизованныхъ кушаньевъ и хотя въ условіи, заключаемомъ съ ними, ни слова не говорится о подобномъ вознагражденіи, все же приходится путнику выказать страшное жестокосердіе, если онъ и смягчится при видѣ тѣхъ внимательныхъ и жадныхъ взглядовъ, которыми ящики сопровождаютъ каждый кусокъ, отправляемый путникомъ себѣ въ ротъ. Тотъ, кто, запасаясь провизіей, упуститъ изъ виду это обстоятельство, гораздо раньше прибытія своего къ мѣсту назначенія окажется на пищѣ св. Антонія.

Слѣдующая желанная и драгоцѣнная вещь—хорошія сани. Если это сани подъ собачью упряжку, то онѣ должны быть легки и гораздо поворотливѣе оленьихъ, тогда какъ сани подъ конскую упряжку должны быть тяжелѣе и крѣпче обонихъ первыя. Кто путешествуетъ и день, и ночь непрерывно, тотъ для пушаго удобства долженъ позаботиться объ устройствѣ надъ санями какой нибудь защиты отъ вѣтра и снѣга, дающей ему вмѣстѣ съ тѣмъ хотя нѣкоторую возможность уснуть. Само собою разумѣется, что при ѣздѣ на собакахъ только изрѣдка является возможность ѣхать день и ночь, такъ какъ на станціяхъ собакъ обыкновенно не держать, а ѣхать всю дорогу, не давая собакамъ передышки, невозможно, и притомъ не потому, чтобы собаки были недостаточно сильны, такъ какъ обыкновенная собачья упряжка тащитъ столько же груза, сколько могутъ свезти 6 упряжекъ оленей, т. е. собака по силѣ равняется почти одному оленю. Тяжело нагруженные собаки бѣгутъ, однако, очень тихо, тогда какъ олени постоянно сѣгутъ равномерною рысью. Якутскія лошади, развѣ только за исключеніемъ воловъ, являются самыми неповоротливыми на бѣгу упряжными животными, тогда какъ лошади, получаемыя путешественникомъ на дорогахъ, лежащихъ на западъ отъ Якутска, рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ почтовыхъ лошадей иныхъ странъ. Я отправился въ дальнѣйшій путь изъ Верхоянска въ тѣхъ же самыхъ саняхъ, въ которыхъ я ѣздилъ изъ Среднеколымска на Лену, и рѣшился ѣхать въ нихъ до тѣхъ поръ, пока можно ѣхать на собакахъ; сани эти были очень легки на ходу и имѣли кибитку изъ оленьихъ шкуръ, которая должна была защищать меня отъ вѣтра. Этотъ маленькій экипажъ приходилось постоянно чинить, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я останавливался на болѣе продолжительное время, подвергать самому подробному и тщательному осмотру, такъ что, пожалуй, я даже очень сильно ошибаюсь, говоря, что я изъ Верхоянска выѣхалъ на тѣхъ саняхъ, на которыхъ предпринималъ уже поѣздку изъ Среднеколымска; по

A FINE IS INCURRED IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

AUG 25 1972

STALL STUDY

CHARGE

4193959

STALL STUDY CHARGE

STUDY CHARGE

